

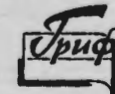
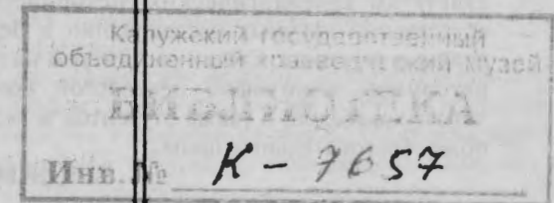
**ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ,
ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И
ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО
ПООЧЬЯ**

Администрация Калужской области
Департамент культуры и искусства Калужской области
Калужский государственный объединенный
краеведческий музей
Российский гуманитарный научный фонд
Автономная некоммерческая организация
"Калужский научный центр"

**ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ,
ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И
ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО
ПООЧЬЯ**

Материалы X Региональной научной конференции

Калуга — 2003

Составитель: *С.Л. Манаенкова*, зав. отделом издательства и рекламы Калужского государственного объединенного краеведческого музея

Редакционная коллегия: *В.А. Бессонов*, к.и.н., зав. отделом истории Калужского государственного объединенного краеведческого музея; *В.А. Иванов*, к.и.н., доцент Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского; *В.А. Марголин*, к.б.н., доцент Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского; *Н.В. Марченко*, зам. ген. директора по научной работе Калужского государственного объединенного краеведческого музея; *О.Л. Проткин*, к.и.н., зав. отделом археологии Калужского государственного объединенного краеведческого музея; *Е.А. Телеганова*, зав. отделом природы Калужского государственного объединенного краеведческого музея; *А.П. Черников*, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой русской литературы Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского; *И.В. Шмытова*, к.б.н., ученый секретарь Калужского государственного объединенного краеведческого музея

Организация, проведение конференции и выпуск настоящего сборника осуществлены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Калужской области (грант № 03-01-00612 г/Ц)

Художник *Александр Гусляков*

В74

Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы X Региональной научной конференции. — Калуга: Издательство «Гриф», 2003. — 796 с.

Сборник включает материалы X Региональной научной конференции, проходившей 25 — 27 марта 2003 г. в Калужском государственном объединенном краеведческом музее; посвящен результатам археологических, исторических, этнографических, естественно-научных исследований в Верхнем Поочье и сопредельных регионах. Статьи рассчитаны на широкий круг читателей: историков, этнографов, археологов, ботаников, зоологов, экологов, краеведов, а также студентов и учащихся старших классов общеобразовательных школ.

ББК 26.89 (2 Рос — 4 Калуж)

© Калужский государственный объединенный краеведческий музей, 2003

© Издательство «Гриф», оформление, 2003

ISBN 5-89668-074-0

X Региональная научная конференция «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья» и ее жизненный потенциал в течение 18 лет позволяют нам сегодня говорить об эффективности деятельности Калужского государственного объединенного краеведческого музея как социального института, имеющего тесные контакты с представителями научных, образовательных, культурологических и музейных организаций. Потребность в общении с коллегами из соседних областей, которую испытывали музейщики, проводя на определенном этапе внутримузейные отчетные конференции, была разрешена в 1986 г. Этот год был годом проведения I конференции с названием «Проблемы древнейшей истории Верхнего Поочья». Сотрудники музея, поддержанные Институтом археологии Российской Академии наук, стали на путь обобщения научных археологических исследований в пределах Верхнего Поочья. Результаты двадцатилетней деятельности Т.Н.Никольской на Калужской земле прозвучали в докладе «Древнерусский город Серенск».

Александр Сергеевич Смирнов, Андрей Сергеевич Фролов, Олег Леонидович Прошкин, Галина Александровна Массалитина, Виктор Иванович Осипов и другие научные работники и краеведы возвели проведение конференции в провинциальной Калуге в необходимость научной и культурной коммуникации, без которой сейчас уже не видится дальнейшее развитие музея. Проведение научной конференции стало рассматриваться как форма реализации нескольких главных функций музея: научной, просветительской и культурно-коммуникационной. Основообразующими на первых конференциях были доклады по археологии и истории. Исследования по музееведению и культуре стали составляющими с IV конференции, самая молодая секция — природы — активно работает с VII конференции.

Конференция «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья» стала новым этапом в развитии научной и культурной жизни Калуги и области; ее участники не только обогатили археологию, историю, естествознание и культуру новыми данными, но и обобщили деятельность многих ученых и краеведов предыдущих поколений. Так, Т.М. Хохлова продолжила археологические исследования к.и.н. Т.Н. Никольской по Серенску. Опубликованный труд «Археология Калужской области» (изд-во «Гриф», г. Калуга) стал обобщающим научно-популярным изданием по истории археологических исследований в Калужской области. По мнению руководителя секции археологии О.Л. Прошкина, темы докладов и сообщений на секции являются ярким сви-

детельством того, что археология бассейна верхней Оки уже давно вышла за рамки классической. Новым направлением в современных исследованиях стало изучение древней окружающей среды, от которой в первую очередь и зависел образ жизни людей на протяжении тысячелетий, а также применение при этом данных и методик таких дисциплин, как геоморфология, геология, геофизика.

Большой процент исторических исследований посвящен истории Калужского края значительного хронологического периода — от средних веков до конца XX века. Наметились тенденции в методологическом обновлении региональных исследований. Если ранее, как отмечал д.и.н., профессор В.Я. Филимонов, “догматическое применение классового подхода в историческом краеведении приводило к тому, что за пределами внимания историков-краеведов оказывались целые пласты духовного наследия, история многих социальных групп, сословий, исторических личностей”, то сегодня на основании изучения документов Российского государственного исторического архива, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного архива древних актов, Центрального исторического архива Москвы и Государственного архива Калужской области проводятся исследования по истории дворянского и купеческого сословий, истории экономического развития региона в XIX веке, жизни и деятельности русских промышленников (С.И. Мальцова и М.С. Кузнецова) и исторических личностей, таких, как П.Л. Чебышев, Д.И. Калинин, Л. Леонов, М.В. Фехнер. Их жизни и деятельности был посвящен ряд конференций.

Большой пласт изучения сегодня — музейные собрания. Доклады по атрибуции музейных предметов стали занимать значительное место среди докладов секций истории и культуры. Фонды музеев и по сей день составляют огромный пласт исследовательского материала. Анализ тезисов докладов прошедших конференций показывает постоянное расширение тематики докладов.

Одна из характерных особенностей работы секции природы — долговременные исследования. Например, орнитологические исследования В.А. Марголина и Ю.Д. Галчёнкова, изучение фауны чешуекрылых И.В. Шмытовой, исследования флоры Н.В. Воронкиной и А.А. Шмытовым, изучение воздействия радиационного загрязнения на человека, диких и домашних животных С.С. Писаренко. Результаты ряда исследований стали частью кандидатских и докторских диссертаций. Примечательно, что на секции выступают студенты вузов региона, которые далее продолжают свою научную работу.

Высокое научное представительство конференции — институт Российской истории РАН, институт археологии РАН, институт географии РАН, Московский университет, Московский и Калужский педагогические университеты, университеты и институты других российских городов, национальный парк “Угра”, Центр охраны дикой природы — позволяет

говорить сегодня о достаточно высоком уровне, который имеет данная конференция в научном мире.

С каждым годом расширяется география участников конференции: это ученые и молодые специалисты из Москвы, С-Петербурга, Рязани, Брянска, Тулы, Орла, Смоленска и других городов России. Радует, что почти половина участников конференции — представители Калуги и Калужской области: городов Боровска, Козельска, Кирова, Малоярославца, Обнинска, заинтересованные в развитии отечественной науки и краеведения и применении исследований для сохранения и развития историко-культурного и природного наследия.

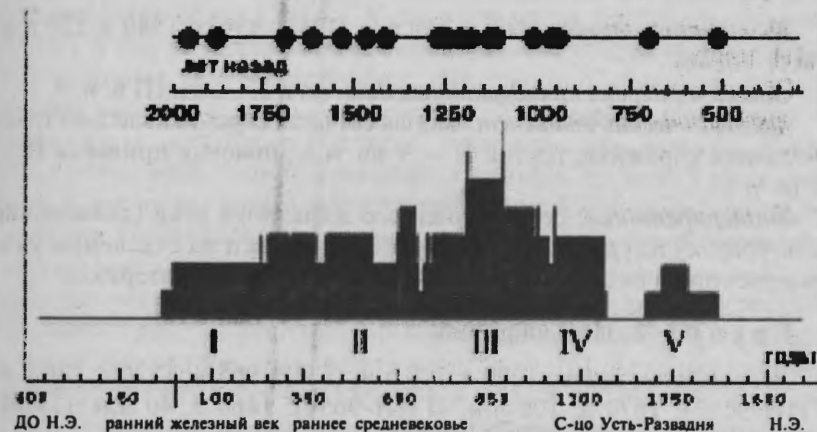
Особую благодарность Калужский государственный объединенный краеведческий музей и участники конференции выражают Российскому гуманитарному научному фонду и администрации Калужской области, Калужскому научному центру, департаменту культуры и искусства, Департаменту образования и науки, Полотняно-заводской бумажной фабрике за материальную поддержку в организации и проведении конференции.

Г.И.Роянова,
заслуженный работник культуры РФ,
генеральный директор Калужского
государственного объединенного краеведческого музея

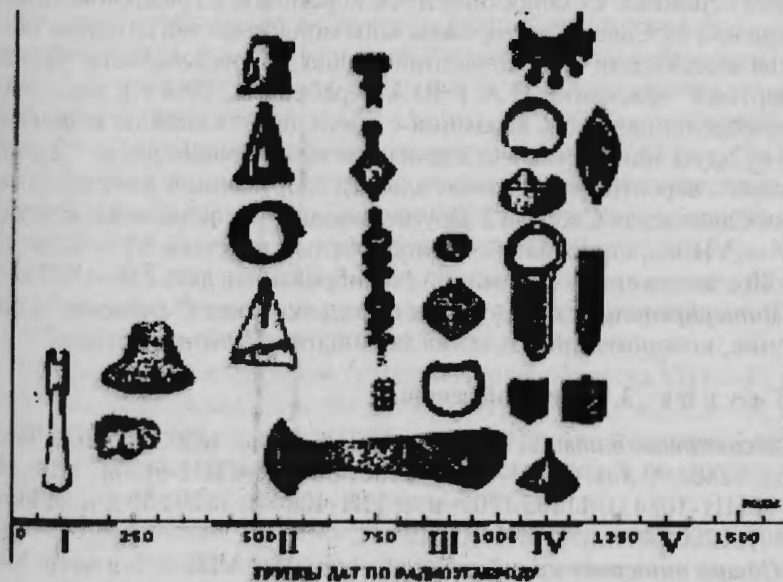
**К ПРОБЛЕМЕ АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ВЕРХНЕГО МОСКВОРЕЧЬЯ**
Поселение Саввинская Слобода 2 близ Звенигорода

*А.К. Станюкович, д.и.н.,
Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей;
Л.Д. Сулержицкий, к.ф.-м.н.,
Геологический институт РАН*

Поселение Саввинская Слобода 2 площадью свыше 2 га расположено близ Звенигорода на возвышенном участке первой надпойменной террасы левого берега р.Москвы при впадении р. Разводни близ Саввино-Сторожевского монастыря. Древнейшие артефакты относятся к мезолиту-неолиту, а культурные напластования — к раннему железному веку. Основной материал датируется ранним средневековьем. В XIV в. неподалеку располагалось сельцо на Усть-Розвадне, упоминаемое в духовных грамотах московских князей. На планах XVII в. в этом месте показаны постройки Старой Стрелецкой слободы — сателлита Саввино-Сторожевского монастыря. Поселение, открытое в 1996 г., изучалось экспедицией Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея на протяжении 1996 — 2000 гг. Вскрытая площадь составила 176 кв. м. В ходе исследований из культурного слоя и отдельных комплексов было отобрано 26 образцов древесного угля для радиоуглеродного датирования, которое выполнялось в Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН. Исходные даты калибровались с помощью компьютерной программы CALIB (версия 3.0.3), разработанной в Университете Вашингтона, Сиэтл, штат Вашингтон, США и основанной на учете эталонных дендрохронологических шкал. К настоящему времени получены первые 20 калиброванных дат, которые подразделяются на пять хронологических групп, что хорошо видно на итоговой гистограмме распределения их интервалов (рис.1). Каждой из групп точно соответствуют найденные на поселении артефакты, имеющие узкие археологические датировки (рис. 2).

Р и с. 1. Абсолютные даты и гистограмма распределения калиброванных дат для поселения Саввинская Слобода 2

Р и с. 2. Хронология поселения Саввинская Слобода 2

Группа 1. Два образца

Абсолютные даты: 1860 ± 160 л.н. (ГИН-9393); 1940 ± 120 л.н. (ГИН-10846).

Общий интервал калиброванных дат: нач. I — нач. III в. н.э.

Археологический контекст: лепная сетчатая керамика, лепная гладкостенная керамика, грузик II — V вв. н.э., поясная привеска II — III вв. н.э.

Интерпретация: селище раннего железного века (дьяковская культура), культурный слой которого прослежен на отдельных участках раскопа в виде тонкой темной прослойки над материком.

Группа 2. Пять образцов

Абсолютные даты: 1600 ± 210 л.н. (ГИН-9652); 1520 ± 140 л.н. (ГИН-9653); 1670 ± 100 л.н. (ГИН-9654); 1460 ± 40 л.н. (ГИН-10845); 1400 ± 80 л.н. (ГИН-10851).

Общий интервал калиброванных дат: нач. V — 1-я пол. VII вв.

Археологический контекст: для этого периода жизни поселения наиболее характерна лепная, в том числе “финская” лощеная и заглаженная керамика. Ее сопоставление с керамикой из расположенного неподалеку от Саввино-Сторожевского монастыря могильника VI — VIII вв. с остатками трупосожжений в урнах, так называемого “Домика мертвых” (раскопки Н.А. и Ю.А. Красновых, 1966 г.), показало, что определенная часть керамики с обоих памятников не отличима друг от друга или составляет единые типологические ряды. “Домик мертвых”, вероятно, являлся могильным сооружением жителей поселения Саввинская Слобода 2. Другие находки: колокольчатые привески V — VII вв., спиральный пятиоборотный перстень VI — X вв. из ямы 10 с заглаженной керамикой (калиброванная дата 234 — 657 гг.).

Интерпретация: поздне- или постдьяковское (“финское”) поселение, которому принадлежал могильник “Домик мертвых”.

Группа 3. Восемь образцов

Абсолютные даты: 1170 ± 60 л.н. (ГИН-9391); 1250 ± 70 л.н. (ГИН-9655); 1240 ± 90 л.н. (ГИН-9656); 1100 ± 80 л.н. (ГИН-9657); 1200 ± 40 л.н. (ГИН-10843); 1110 ± 120 л.н. (ГИН-10844); 1120 ± 50 л.н. (ГИН-10849); 1260 ± 40 л.н. (ГИН-10850).

Общий интервал калиброванных дат: кон. VIII — 3-я четв. X в. Семь из восьми образцов с вероятностью 68,3% имеют общую дату 883 г. н.э., пять из их числа (ГИН-9655; 9656; 9657; 10843; 10844) происходят из постройки 3 с печью-каменкой.

Археологический контекст: наиболее характерны лепная керамика роменского облика VIII — X вв., в том числе фрагменты “сковородок”, и гончарная керамика типа Луки-Райковецкой IX — X вв. Материковые ямы и постройки, как правило, содержат только лепную керамику, реже — с небольшой примесью гончарной, а также кости животных (медведь, волк, лисица, куница, бобр, тушканчик, лось, корова, лошадь, свинья и др.), рыб и мелких птиц. К этому периоду относится постройка 3 — Г-образная полуземлянка с развалом печи-каменки. Из находок в заполнении жилища характерны салтовский перстень 2-й пол. VIII — 1-й пол. X вв., весовая гирька 2-й пол. IX — X вв., калачевидное кресало, половинка железного пластинчатого браслета, амулет из клыка медведя, шиферное пряслице (в развале очага). Археологическая дата постройки — 2-я пол. IX — 1-я пол. X вв. Калиброванные даты образцов из постройки с вероятностью 95,4% датируют ее последней четв. VIII в. — 3-й четв. X в., а с вероятностью 68,3% — около 883 г. В это же время существовала прямоугольная в плане постройка 5 с кольцевой выкладкой из редко поставленных камней и “жертвенником” — массивной плоской, сильно обожженной сверху известняковой плитой. Заполнение постройки — однородная смесь культурного слоя с материковым суглинком, содержащая переотложенные керамику и уголь раннего железного века (калиброванная дата 45 г. до н.э. — 230 г. н.э.) и лепную “финскую” керамику (калиброванная дата 594 — 648 гг.). Сооружение, вероятно, имело ритуальное назначение, использовалось недолго и было засыпано. По керамике роменского облика и сильней кубической со срезанными углами бусине верхний горизонт постройки 5 датируется IX — X вв. К этому же этапу существования поселения относится постройка 6 с двумя каменными очагами (калиброванная дата 885 — 990 гг.).

Прочие находки: финские трапециевидная привеска VIII — IX вв., шумящие украшения IX — нач. XI в., VIII — X вв. и IX — XI вв., поясная ложнозерненная бляшка IX — X вв. и длиннолезвийный топор VIII — XI вв.; поясная бляшка гнездовского типа X — нач. XI вв., стеклянные глазчатые бусы (не позднее X в.) и др.

Интерпретация: славяно-финское поселение периода “первой славянской колонизации” Верхнего Москворечья носителями роменской культуры. Согласно ПВЛ, в 883 — 884 гг. князь Олег обложил данью древлян, северян и радимичей, что могло послужить причиной миграции населения в Верхнее Москворечье.

Группа 4. Три образца

Абсолютные даты: 940 ± 50 л.н. (ГИН-9392); 950 ± 40 л.н. (ГИН-9395); 1000 ± 100 л.н. (ГИН-10848).

Общий интервал калиброванных дат: 2-я четв. XI — 3-я четв. XII вв.

Археологический контекст: гончарная керамика из красно- и беложгущихся глин, в том числе раннекруговая и курганная; лопастные височные кольца деснинского типа 2-й пол. XI в.; крестопрорезные бубенчики XI в.; кованые завязанные и несомкнутые пластинчатые перстни XI — нач. XII в.; поясная гарнитура, подковообразные фибулы и др. К этому периоду жизни на поселении относятся яма 12, заполненная костями и развалами не менее чем шести гончарных сосудов, в том числе с линейным орнаментом и клеймами на донцах в виде двойного креста в круге (калиброванные даты 1025 — 1168 гг. и 1025 — 1162 гг.), и слой, **перекрывающий постройку 6** (калиброванная дата 973 — 1165 гг.), с гончарной керамикой и предметами кон. X — нач. XII вв. (стеклянные бусы, шиферное пряслице, оловянная монетовидная привеска с солярной символикой, две другие привески, одна из которых изготовлена из обломка пластинчатого завязанного перстня XI в., а другая — из обломка “финской” трапециевидной привески, причем отверстия в них пробиты острием одного и того же железного ножа).

Интерпретация: комплексы периода “второй славянской колонизации” Верхнего Москворечья выходцами из земли северных радимичей. Поселение Саввинская Слобода предшествует городу Звенигороду, который в начале третьей четверти XII в. строит Юрий Долгорукий, и с возникновением города прекращает существование.

Группа 5. Два образца

Абсолютные даты: 690 ± 90 л.н. (ГИН-9658); 500 ± 100 л.н. (ГИН-9659).

Общий интервал калиброванных дат: 2-я четв. — кон. XIV в.

Археологический контекст: красноглиняная грубая керамика и кирпич из скопления 4 с остатками деревянного столба (калиброванные даты 1274 — 1396 гг. и 1327 — 1473 гг.).

Интерпретация: следы сельца на Усть-Розвадне, упоминаемого в духовных грамотах XIV в.

Обработка оставшихся шести образцов в совокупности с материалами из синхронных раннесредневековых памятников округа Звенигорода позволит в дальнейшем внести некоторые коррективы

в полученную хронологическую шкалу. Поскольку археологические материалы, судя по всему, свидетельствуют о непрерывности существования поселения с V по середину XII вв., не исключено, что заполнятся хронологические разрывы между второй, третьей и четвертой группами дат.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТАРИННЫХ СХЕМ, ПЛАНОВ И КАРТ XVI — XVII вв. В ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПОЗИЦИИ КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В.В. Гараничев,

Смоленский государственный музей-заповедник

Территории течения Верхнего и Среднего Днепра, Оки, Десны, а также Западной Двины для Русского и Российского государства в XVI — XVII вв. являлись порубежными. И в наше время западные области России граничат с зарубежными странами. Но в XVI — XVII вв. территории современных западных областей: Брянской, Калужской, Смоленской, Тверской, Псковской — находились на линии жёсткого военного противостояния Московского государства с его западными соседями: Ливонией, Швецией, Польшей и Литвой (Речью Посполитой), а порой входили в состав соседних государств. Это получило отражение как в отечественной, так и в зарубежной картографии. Старинные картографические произведения — уникальный памятник культуры. Их изучение, казалось бы, выходит за рамки картографии, а на самом деле история картографии — комплексная наука, где необходимы знания по искусству, философии, политике, теологии, науке, одновременно совмещённые с принципом историзма. Старинные планы и карты — яркий экспозиционный материал, отражающий представление людей о мироздании, раскрывающий уровень научных знаний, являются первоисточниками по изучению истории родного края. Для историков-краеведов, музейных сотрудников такой иллюстративный материал становится более доступным благодаря публикациям, развитию копировальной техники, что позволяет размещать старинные планы и карты в краеведческих экспозициях. Ещё одно возможное применение знаний из области исторической картографии — историко-топографические и археологические реконструкции (1). Появились новые возможности при стилизованном изображении природных и общественных (культурных) объектов в реконструкции исторического ландшафта для музейной экспозиции, особенно после перевода планов и карт в цифровой формат.

Новые возможности применения знаний исторической картографии делают ещё более ценными такие первоисточники, как старинные планы и карты XVI — XVII вв. Ещё второй съезд Географического общества СССР в 1948 г. указал на необходимость составления и выпуска в свет научных описей карт и географических описаний ряда центральных фондов страны. С тех пор опубликованы перечни отдельных картографических коллекций библиотеки Академии наук СССР (БАН) и Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), научной библиотеки Вильнюсского университета, а также фондов ряда музеев. В научных описях сложно передать все особенности уникальных картографических памятников, но они максимально полно характеризуют первоисточники. По данным Владимира Святославовича Кусова, опубликованы учётные сведения о 1173 картографических памятниках (2). Причём из этого количества самые яркие, как правило, выполненные в технике офорта старинные географические карты, выпускались зарубежными авторами достаточно большими для своего времени тиражами. Хотя использование русского географического материала: описаний, планов, чертежей — в самых ранних, но уже не птолемеевских картах западноевропейских авторов, доказано отечественными исследователями (3; 4).

Одна из ранних карт и географическое описание Московского государства появилась в результате путешествий австрийского посла Сигизмунда Герберштейна в 1517 и 1526 гг. Впервые изданные в 1546 г., они долгие годы считались наиболее полными, но не всегда точными, географическими материалами по России, хотя переиздавались несколько раз. В фондах Смоленского государственного музея-заповедника есть старинное издание карты Герберштейна (5). Более точная карта земель Московского государства издаётся на западе только в 1613 г. (Голландская карта Гесселя Герритса, составленная “по автографу царевича Фёдора Борисовича”), её появление стало возможно после захвата Москвы войсками Сигизмунда III (6). Становится понятна суть легендарного героического поступка Ивана Сусанина. Московское государство на протяжении XVI — XVII вв. противостояло военной экспансии своих западных соседей, в этом причина культурной и политической самоизоляции Московского царства на западном направлении. Географические данные являлись важнейшей государственной тайной, и в этом одна из причин утраты значительного числа старинных отечественных картографических памятников. А потому любые данные географического характера: описания, схемы, планы, карты, чертежи — вызывают большой интерес у историков.

Помимо планов и карт, уникальным памятником являются схемы и рисунки. Для изучения исторической топографии Смоленска есть уникальный малоизвестный источник, который хранится в библиотеке министерства иностранных дел Швеции в Стокгольме. Это рукописный фолиант XVI в.: “Описание путешествия купца Альберта Колгера с сыном по Московскому государству”. Сын Альберта Колгера овладел техникой рисования с использованием камеры абскура, предшественницы современных фотоаппаратов. Камеры абскура в XVI в. уже оснащались оптикой, позволяющей приближать изображаемый объект. Уникально изображение Успенского собора, заложенного Владимиром Мономахом в 1101 г. Зарисовка кафедрального собора и всего соборного холма производилась с северо-востока, возможно со стороны Ильинского конца, что на правом берегу Днепра. Помимо культовых объектов, чётко прорисована “опорная стена” соборного холма — каменное фортификационное сооружение, существовавшее в XVI в., объект мало изученный археологами. Описание путешествия Альберта Колгера требует больших работ по изучению как текста, так и изображений, полученных с использованием камеры абскура. Что позволяет применять такие же методы для корреляции изображения, какие применяются для выявления погрешностей и соотношений в современной фотографии. К сожалению, смоленские краеведы и историки не имеют полных данных об этом уникальном первоисточнике. Обладание им позволит предотвратить разрушение уникальных объектов истории и археологии: остатков Успенского собора Владимира Мономаха начала XI века и “опорной стены” — каменного укрепления детинца древнего Смоленска.

К схемам стоит отнести и офорт Георга Келлера 1610 г. “Вид Смоленска” (7), считающийся самым ранним сохранившимся изображением всего Смоленска, который предназначался для “Messerelationen” (“Ведомостей”), своего рода первой газеты, выходившей во время франкфуртских ярмарок. На рисунке дано схематичное изображение Смоленска и его крепости, вид с юга. Показаны боевые действия, во время затянувшейся осады города Сигизмундом III. Насколько точное изображение даёт Г. Келлер? Заметно, что художник обладал лишь описанием, которое интерпретировал согласно своему пониманию значения Смоленска и тех событий, которые происходили у стен города. Изображены 38 башен города, но 34 — в составе крепостной стены, 3 — в составе предмостового укрепления (кронверка) и один мощный донжон — в средней части города. Из других источников не известно о существовании донжона в городе и башен на кронверке. Не подтверждает-

ся это и археологами. Но многие смоленские краеведы и некоторые историки существование донжона в центральной части древнего города считают фактом бесспорным, делаются и публикуются реконструкции, виды исторического ландшафта Смоленска начала XVII в., где главное место занимает огромная круглая башня с конусовидной крышей. Донжон — атрибут скорее средневекового замка, чем средневекового города. Изображая донжон, Келлер подчёркивал мощь Смоленска как неприступной крепости. Многие европейцы в то время не понимали, как русские за короткое время выстроили такую крепость, которую не могла с ходу захватить одна из мощных и оснащенных армий. В Западной Европе в XV — XVI вв. развивались и богатели города, которые немалую часть своего дохода тратили на оборону (8). Когда каменные стены перестали спасать от артиллерии и пороховых мин, вместо башен строились мощные земляные и каменно-земляные бастионы, соединенные куртинами. С развитием военного дела и такие укрепления не гарантировали полной безопасности. А русские построили что-то новое, но в старом облики. Смоленская крепостная стена обладает рядом уникальных особенностей, в том числе она могла противостоять воздействию пороховых мин и огнестрельного оружия. Хотя внешне её стены и похожи на стены средневековых замков, но выполнены они по особой технологии и стоят на особых, “сейсмостойких” комбинированных фундаментах (9). Не подтверждается археологами постройка к началу XVII в. кронверка, тем более с тремя башнями. Возможно, Г. Келлер имел точные данные лишь об общем количестве башен новой Смоленской крепости, которых действительно было 38.

Нет изображения кронверка и донжона на офорте В. Гондиуса 1636 г. “План обороны и освобождения Смоленска” (10). Он создавался лучшими специалистами своего времени, один из авторов топографических съёмок на местности, главный военный архитектор короля Владислава IV — Плейшнер — изображён на плане с буссолью в руке. При создании “Плана” Гондиуса использовался триангуляционный метод голландца Снеллиуса, опубликованный в 1615 г., вызвавший целую революцию в направлении картографических работ. Данные “Плана” использовали сотрудниками архитектурно-археологического сектора Государственного Эрмитажа на начальном этапе изучения города (11). Но остались невыявленными сооружения, расположенные у Заалтарной башни, на территории Аврамиенского монастыря, где на “Плане” Гондиуса изображены два культовых сооружения, стоящих рядом: церковь крестово-купольной конструкции и церковь с шатровым куполом, возможно, что

последняя была деревянной. Согласно документу “Пожалование руги” конца XVI в., на территории Аврамиенского монастыря обитала многочисленная монастырская братия (12). Возможно решить ряд вопросов исторической топографии древнего Смоленска археологическими методами, опирающимися на данные, полученные в результате анализа и корреляции “Плана” Гондиуса. Для получения более широкой базы данных проводились археологические разведки, направленные на выявление объектов, изображенных на “Плане”, начиная с 1993 г. (13). Удалось выявить остатки земляных фортификационных сооружений, построенных в период смоленской войны 1632 — 1634 гг. как “войском московитов” под командованием боярина Шеина (14), так и польским войском под командованием короля Владислава IV (15). Все эти работы проводились в интересах предполагаемого строительства стационарной историко-археологической экспозиции в Смоленском государственном музее-заповеднике, где планировалось использование старинных планов и карт. Одновременно археологические исследования позволили шире использовать памятники истории и археологии для развития рекреационного туризма. Открытие новых археологических объектов, привязка сохранившихся памятников истории и археологии к плану Смоленска и его окружи, оконченному В. Гондиусом в 1636 г., позволяет более точно производить корреляционные расчёты. Увеличивается база данных для дальнейшего изучения и применения “Плана” Гондиуса. Что еще раз подтверждает важность использования данных исторической картографии как для изучения исторической топографии городов, так и для археологического исследования порубежных территорий (16).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **Гараничев В.В.** План осады и обороны города Смоленска 1632 — 1634 гг. В. Гондиуса как исторический источник // Сборник тезисов докладов научных чтений памяти Ф. И. Заверняева. Брянск, 1995. С. 148 — 150.
2. **Кусов В.С.** Картографическое искусство Русского государства. М.: Недра, 1989.
3. **Лебедев Д.М.** География в России XVII века (Допетровской эпохи). М; Л: Изд-во АН СССР, 1949.
4. **Рыбаков Б.А.** Русские карты Московии XV — начала XVI веков. М.: Наука, 1974.
5. **Герберштейн Сигизмунд.** Карта Московского государства. Учётный № СОМ12802.
6. **Рыбаков Б.А.** Русские карты. С. 57 — 69.
7. **Келлер Георг.** Вид Смоленска. 1610 // Борисовская Н. А. Старинные карты и планы XV — XVIII веков. С. 142.
8. **Бродель Фернан.** Структуры повседневности: возможное и невоз-

можно. Материальная цивилизация: экономика и капитализм XV — XVIII вв. Т. I. М.: Прогресс, 1986. С. 509 — 590.

9. Гараничев В.В. Особенности фундаментов Смоленской крепостной стены // Математическая морфология. Смоленск: СГМА, 2000. Т. 3. Вып. 3. С. 214 — 216; -http://www.smolensk.ru/user/sgma/MMORPH/TITL.HTM.

10. План обороны и освобождения города Смоленска в 1632 — 1634 году. Офорт. Виллем Гондиус, 1636 год // Из собрания фонда художественной графики Смоленского государственного музея-заповедника, учётные №№ СОМ 9602; СОМ 16015.

11. Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII — XIII вв. Л.: Наука, 1979.

12. Роспись выдаваемой от царицы Александры Феодоровны руги Смоленским церквам и монастырям из Рославльских житниц // Смоленская старина. Вып. 1. Ч. II // Издание Смоленской учёной архивной комиссии. Смоленск. Губернская типография, 1911. С. 33.

13. Гараничев В.В. Отчёт об археологических разведках на территории города Смоленска за 1993 год // Архив Смоленского государственного музея-заповедника. Учётный № 7328.

14. Гараничев В.В. Отчет об археологических разведках на территории города Смоленска и Смоленского района за 1997 год // Архив Смоленского государственного музея-заповедника.

15. Гараничев В.В. Отчет об археологических разведках на территории города Смоленска и его округа за 1998 год // Архив Смоленского государственного музея-заповедника.

16. Гараничев В.В. Влияние изменений военной стратегии и тактики на особенности оборонительного зодчества городов западной России XVI — начала XVIII веков (По историко-археологическим данным) // Калуга в шести веках: Материалы 3-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2000. С. 39 — 41.

ЖИЛЫЕ ПОСТРОЙКИ ЛЕТОПИСНОГО ЛЮБУТСКА

По материалам археологических раскопок

И.В. Болдин,

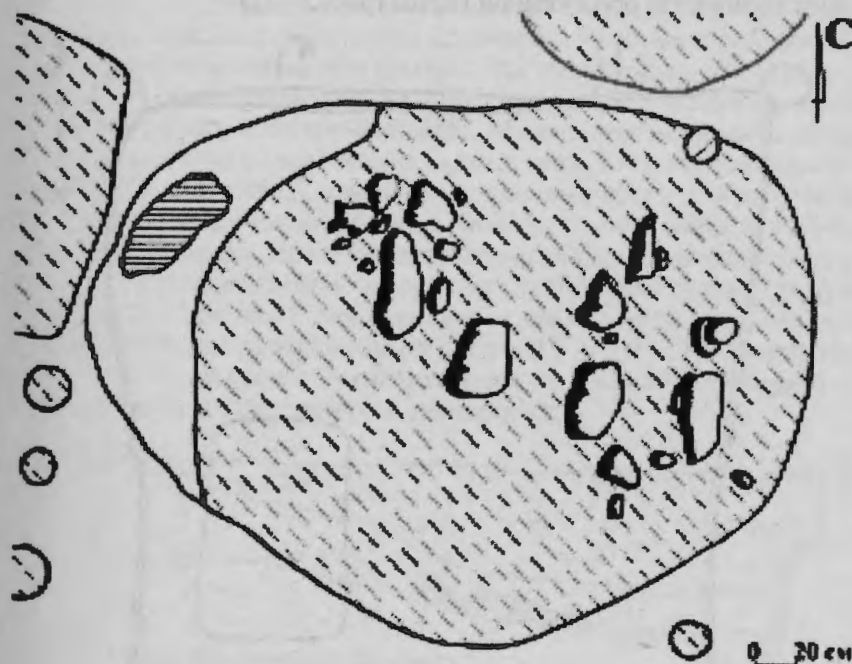
Калужский государственный объединенный краеведческий музей

Любутское городище (остатки летописного Любутска XIV — XV вв.) находится на правом берегу р. Оки при впадении в нее р. Любутки в Ферзиковском районе Калужской области. С 1995 г. на городище ежегодно проводит археологические раскопки Калужский краеведческий музей. Мощность культурного слоя составляет около полуметра (в ямах она достигает 2 м). Вскрытая площадь (за восемь лет работ исследовано 524 кв. м) и полученные материалы позволяют сделать первые выводы о жилых постройках летописного Любутска.

В силу особенностей культурного слоя древесные остатки сохранились только в истлевшем или обугленном состоянии, поэтому реконструкция характера построек и их интерпретация в качестве жилых проведена по следующим параметрам:

- наличие отопительного устройства;
- наличие подпольных ям;
- наличие следов фундамента.

На исследованной площади выявлено два типа жилых построек: заглубленные в грунт и наземные.

Р и с. 1. Любутское городище. Раскоп 1995 г. Полуземлянка

Постройка первого типа (полуземлянка) исследована в ходе работ 1995 г. (рис. 1). Ее котлован округлой формы (около 2,7 x 3,7 м) был заглублен в материк на 0,6 — 0,9 м. В западной части котлована в материковой глине вырублена ступенька, на которой находился пласт пещины с включением значительного количества мелких камней. Материковая глина под пещиной была прокалена на 0,03 — 0,06 м. Этот пласт пещины с мелкими камнями является, вероятно, остат-

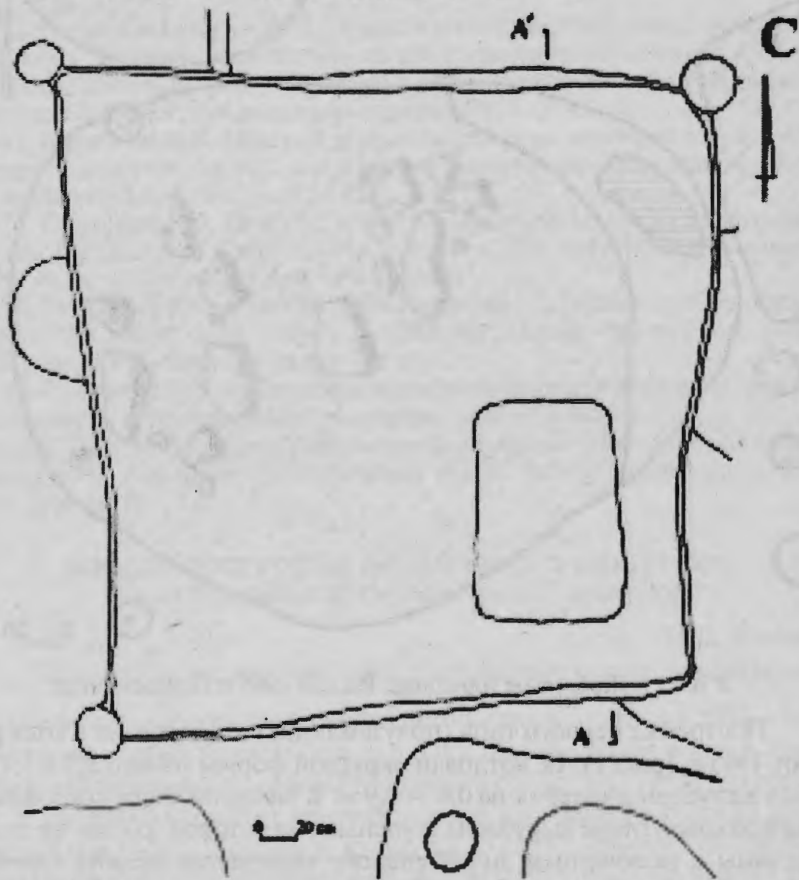
БИБЛИОТЕКА
Инв. № К-7657

ками отопительного устройства. По всему дну ямы прослежен рыхлый коричневый суглинок, мощностью 0,04 — 0,1 м, залегающий непосредственно на материке и являющийся, судя по всему, остатками древесного пола. В слое коричневого суглинка найдено две бусины из синей стеклянной пасты.

Другую группу составляют наземные постройки.

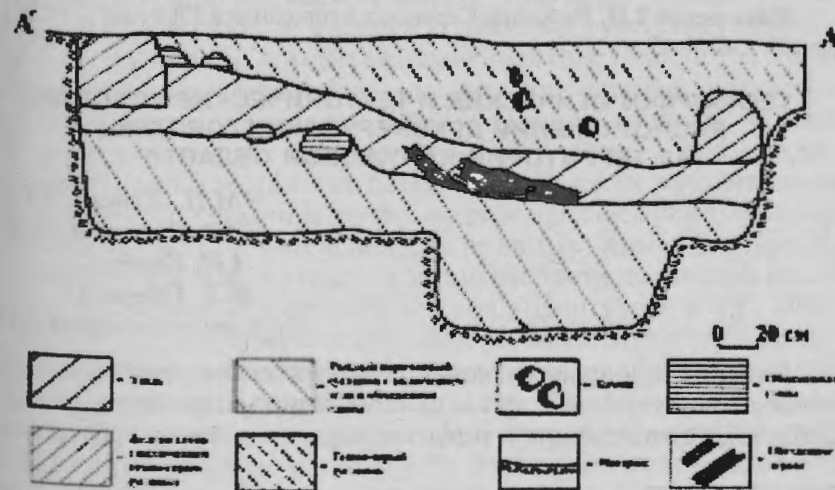
В раскопе 1998 г. было исследовано подполье наземной постройки.

В заполнении котлована подполья выявлено два строительных периода, разделенных мощным слоем пожара, с включением большого количества обожженной глины (рис. 2 — 3).

Р и с. 2. Любутское городище. Раскоп 1998 г. Котлован подполья наземной постройки. Уровень материка

Изначально (первый строительный период) был выкопан котлован прямоугольной формы (около 3,8 x 3,6 м), заглубленный в материк на 0,9 — 1,1 м. Следует отметить, что он прорезал заполнения нескольких более ранних ям разного назначения, с постройкой не связанных. Вертикальные стенки котлована были обшиты деревянными плахами, обугленные фрагменты которых прослежены в отдельных его частях. На плоском дне прослежена яма правильной прямоугольной формы (1,2 x 0,8 м), глубиной 0,6 м от уровня дна котлована. Яма, очевидно, была дренажной. Котлован и дренажная яма заполнены рыхлой желто-коричневой супесью. По трем углам котлована прослежены неглубокие (около 0,3 — 0,4 м от уровня материка) ямы от столбов перекрытия. Над котлованом, который, по видимому, служил погребом, располагалось жилое помещение, уничтоженное пожаром. Во время пожара, оставившего мощный слой горелых плах и угля по всей площади котлована, печь, находившаяся в наземном помещении, провалилась в подполье: среди угля встречены крупные куски обожженной глины. Особенно много их было в северной части подполья. После пожара, непосредственно на горелом слое, вдоль стен котлована были сооружены глинобитные стенки (второй строительный период). Эти стенки с незначительным включением культурного слоя прослежены на высоту 0,5 — 0,6 м. По всей видимости, котлован продолжал использоваться в качестве подполья. В заполнении были найдены развалы горшков.

Р и с. 3. Любутское городище. Раскоп 1998 г. Профиль котлована подполья постройки

В ходе работ 1997 г. в культурном слое был расчищен развал камней на площади около 4 x 2 м. Он перекрывал яму прямоугольной формы с плоским дном, заглубленную в материк на 0,4 — 0,5 м. Подобные вымостки Т.Н. Никольская считала развалами каменных фундаментов наземных бревенчатых построек (Никольская, 1969, с. 80 — 85). С южной стороны к котловану подполья примыкали четыре неглубокие канавки, являющиеся, по-видимому, следами ограды, которая неоднократно ремонтировалась. Отсутствие следов отопительного устройства не позволяет однозначно связать этот объект с жилой постройкой.

В 1996 г. было исследовано заполнение подпольной ямы наземной постройки, к сожалению, практически полностью уничтоженной могилами XIX — XX вв. Удалось проследить фрагмент подполья, заглубленного в материк на 0,5 — 0,7 м, и скопление печины на дне котлована.

Судя по отсутствию ям, характерных для столбовых конструкций, жилые постройки были срубной конструкции.

Таким образом, в результате изучения культурного слоя памятника возможно сделать предварительное заключение — постройки в Любутске были двух типов: наземные и полуземлянки. Большая часть исследованных построек относилась к наземным сооружениям.

ЛИТЕРАТУРА

Никольская Т.Н. Раскопки Серенского городища в 1969 году //КСИА, № 135. С 80 — 85.

ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕКТНИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАСПОЛОЖЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДИЩ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ¹

*М.П. Жидков, к.г.н.,
Э.А. Лихачева, д.г.н.,
А.И. Евина,
К.В. Горецкий,*

Институт географии РАН

Влияние природных условий (климатических, тектонических, геоморфологических и др.) и их изменений на ход исторических событий, расположение и развитие городов и других населенных

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 01-05-64165).

пунктов рассматриваются во многих работах (Мечников, 1999; Гумилев, 2001, Ямашкин, 1997; Ямашкин, Моисеенко, 1999; Трифонов, 1999; Город — экосистема, 1997; Рельеф среды ..., 2002 и др.). Исследование этих влияний представляет практический и теоретический интерес.

Целью наших работ является анализ, главным образом, геоморфологических условий расположения городов засечной черты, установление исторической ценности этих условий и изменчивости этих ценностей в течение веков и на разных ступенях развития Московского государства.

Лев Мечников в 1889 г. писал: "... историческое значение очертаний и рельефа страны — это главный факт, на который надлежит обращать внимание при изучении истории... Изучая пространство, необходимо, конечно, отдавать себе отчет и о действии другого равнозначного элемента — времени" (Мечников, 1995. С. 323). Одной из задач экологической геоморфологии является анализ морфологических и динамических характеристик морфосистем, которые использует человек для своего местообитания.

На территории Калужской области известно 51 древнерусское городище (по данным Археол. ..., 1992). Из них 12 расположено непосредственно в долине Оки. Однако большая их часть (20) связана с Мещовским ополем, и почти все они расположены вне лесных массивов. Мещовское ополье занимает лишь небольшую часть территории Калужской области. Оно менее знаменито, чем Владимирское ополье, ставшее колыбелью русской культуры и государственности, и имеет меньшие размеры. Оба ополья имеют сходные климатические почвенные и геоморфологические условия. Осадков выпадает в среднем менее 500 мм/год, тогда как на окружающих территориях выпадает 500 — 600 мм/год, что возможно и обусловило их естественную безлесность. На схеме районирования центра Русской равнины по геоморфологическим режимам (морфологии рельефа и интенсивности развития экзогенных процессов) Владимирское и Мещовское ополья почти полностью совпали с контурами одного типа режима (Бронгулеев и др., 2001). Данный геоморфологический режим характеризуется относительно интенсивными новейшими тектоническими движениями, низким положением базисной поверхности и крайними (высокими) значениями глубины и густоты эрозионного расчленения, ниже среднего значениями залесенности. Этот режим выделяется также еще на некоторых участках правобережья Оки (Бронгулеев и др., 2001). Пока сложно определенно говорить о том, что, помимо от-

носителем высокого плодородия почв и закрытости от степных пространств, притягивало славянских переселенцев в ополья. Возможно, значительное эрозионное расчленение и наличие входов грунтовых вод — родников — благоприятствовали строительству надежных укреплений.

По О.Л. Прошкину (2001), Мещовское ополье, как один из обширных участков распространения относительно плодородных почв, уже в железном веке было освоено более окружающих территорий. В раннем железном веке ополье еще не было плотно заселено, потому что население не было ориентировано на земледелие. Древнерусские поселения носили ярко выраженный земледельческий характер и также плотно располагались в Мещовском ополье, особенно в его северо-восточной части, где сочетались плодородие почв и наличие обширных слаборасчлененных равнин (Прошкин, 2001).

Мещовское ополье меньше Владимирского и менее прикрыто лесами от степей, но располагается на прямой дороге из Владимира и Москвы в Киев, откуда, вероятно, шел основной поток переселенцев во Владимирское ополье, рязанские и др. земли. Защищавшие Мещовское ополье леса в XVII в. были использованы при создании засечной полосы. Часть этих лесов сохранилась и в наши дни. До монгольского нашествия самым крупным городом территории современной Калужской области был Козельск, который в несколько раз превосходил любой другой город этой обширной территории, но был в несколько раз меньше Владимира или Рязани. В наши дни Козельск тоже остается крупным городом Мещовского ополья и Калужской области, и гораздо более крупным, чем другие домонгольские города, многие из которых исчезли или сохранились в виде сельских населенных пунктов.

С крупными элементами тектонического строения земной коры большинство древнерусских городов и городищ территории современной Калужской области явно не связываются. Однако крупные города, Медынь, Боровск и некоторые другие, расположены в зонах активных разломов, известных на Восточно-Европейской платформе (по данным В.Г. Трифонова и др. 1993). Наиболее крупные города, Козельск и Калуга, находятся в пересечениях зон активных разломов. Места пересечений границ блоков земной коры обычно имеют своеобразные геоморфологические и геологические условия и рассматриваются как морфоструктурные узлы (Ранцман, 1979). Они характеризуются определенной двойственностью условий для развития городов, одновременно резко выраженной

благоприятностью и сложностью (неблагоприятностью) (Город — экосистема, 1997). Древнее городище Козельска расположено в очень неординарной геоморфологической ситуации, обусловленной сложностью тектонического строения местности. Река Другуска перед впадением в Жиздру образует полуостров высокой террасы, имеющий очень узкий перешеек. В результате в Козельске почти не нужно было строить укреплений. Для защиты большой площади древнего города было достаточно построить ров и вал длиной не более 100 м, укрепить и обустроить естественные высокие уступы склонов к рекам. Исследование геоморфологической и тектонической позиции небольших городов и древнерусских городищ требует детального изучения территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта России: Калужская область /Сост. Ю.А. Краснов. М.: Авто, 1992.
2. Бронгулеев В.В., Жидков М.П., Макаренко А.Г. Экзогеодинамические режимы Московского региона //Геоморфология. 2001. № 3. С. 34 — 47.
3. Город — экосистема /Лихачева Э.А., Тимофеев Д.А., Жидков М.П. и др. М.: Медиа-ПРЕСС, 1997.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб: КРИСТАЛЛ, 2001.
5. Мечников Л.И. Цивилизации и великие исторические реки: Статьи. М.: Изд. группа "Прогресс", "Пангея", 1995.
6. Прошкин О.Л. Влияние характера рельефа и почв на заселение Мещовского ополья в эпоху железного века //Материалы VIII региональной научной конференции "Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья". Калуга: Изд-во Н. Бочкаревой, 2001. С. 41 — 44.
7. Рельеф среды жизни человека (экологическая геоморфология) /Отв. ред. Э.А. Лихачева, Д.А. Тимофеев. М.: Медиа-ПРЕСС, 2002.
8. Трифонов В.Г. Активная тектоника и геоэкология //Сборник: Проблемы геодинамики литосферы /Труды. ГИН. Вып. 511. М.: Наука, 1999. С.44 — 62.
9. Трифонов В.Г., Кожурин А.И., Лукина Н.В. Изучение и картирование активных разломов //Сейсмичность и сейсмическое районирование Северной Евразии. Т. 1. М.: РАН, 1993. С. 106 — 206.
10. Ямашкин А.А. Ландшафтные закономерности расселения этносов //Экологические, социально-политические и экологические аспекты исследования геосистем (Межвуз. сб. научных трудов). Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1997 С. 94 — 96.
11. Ямашкин А.А., Моисеенко В.А. Пространственно-временные закономерности селитебного освоения ландшафтов //Экологические, социально-политические и экологические аспекты исследования геосистем (Межвуз. сб. научных трудов). Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1997 С. 60 — 66.

ЭТАПЫ ЗАСЕЛЕНИЯ И ХРОНОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО СОРОКИНА ГОРОДИЩА

По результатам работ 1996, 1998-99 гг.

*Ю.Г.Екимов, С.В.Зацаринный,
Тульский областной историко-архитектурный
и литературный музей*

Сорокино городище расположено на правом берегу р.Оки, в исторической части современного г. Алексина (юго-восточная окраина) Тульской области. Время его возникновения точно не установлено. Первые достоверные письменные свидетельства о городе относятся к первой половине XIV в., хотя не исключена и более ранняя дата его основания. С Алексинем связано и одно из исторических событий общероссийского значения: оборона города от войск хана Ахмата, попытавшегося в 1472 г. повторить поход Батыя на Русь.

Одним из возможных мест расположения Алексинской средневековой крепости и является Сорокино городище. Оно занимает узкий мыс коренного берега, ориентированный длинной осью по линии северо-восток — юго-запад. Общая его протяжённость — около 300 м, высота над рекой равна 40 — 65 м. С юго-восточной и северо-западной сторон мыс ограничен глубокими оврагами. Само городище состоит из двух площадок размером 55,5 x 70,0 м (верхняя) и 120,0 — 160,0 x 90,0 — 140,0 м (нижняя), соединённых узким перешейком. На верхней площадке с напольной стороны сохранились остатки рва глубиной до 2,6 м при ширине около 10 м и слабо выраженного вала (высотой около 0,3 м). Сильно оплывший вал и, возможно, ров разделяли между собой и площадки городища. Остатки ещё одного вала высотой до 1,5 м сохранились вдоль юго-восточного края нижней площадки. В стратегическом отношении городище занимает исключительно удобное положение: с него в обе стороны на многие километры просматривается течение р. Оки.

Памятник был открыт алексинским краеведом С. В. Зверевым и впервые обследован Р.В. Кляниным в 1985 г. (см.: Клянин Р.В. Отчёт за 1985 г.). Начиная с 1996 г. стационарные раскопки городища ведёт археологическая экспедиция объединения «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей» под рук. Ю.Г. Екимова (см.: Екимов Ю.Г. Отчёты за 1996, 1998 и 1999 гг.). Общая вскрытая площадь составила около 700 кв.м (168 кв.м — верхняя площадка и 520 кв.м — нижняя площадка). Мощность культурного слоя — 0,20 — 0,60 м. В нём содержались материалы эпохи развитого и позднего средневековья, а также незначительные свидетельства

каменного и раннего железного веков, которые в настоящей работе не анализируются.

Проведённые на Сорокином городище исследования средневекового культурного слоя позволили сделать ряд предварительных выводов, касающихся этапов его заселения и хронологии. В основу выделения этапов положены стратиграфические наблюдения, анализ массового материала и индивидуальных находок, а также сведения письменных источников.

Этап 1 (XI — XIII вв.). Свидетельства этого этапа присутствуют на обеих площадках городища. Древнейшие из них, происходящие из основания слоя, представлены серией фрагментов раннегончарных сосудов XI (возможно — конца X в.) — 1-й пол. XII вв. с обильной примесью дровы и крупного песка в глине. Следы песчаной подсыпки отмечены и на днищах. Судя по неоднородной цветовой гамме поверхностей и излома, обжиг посуды проводился в низкотемпературном режиме. Типологически данная группа включает профилированные горшки, преимущественно с манжетовидным оформлением внешнего края сильно отогнутой шейки. Керамика орнаментирована горизонтальными линиями, реже — однорядной и многорядной волной. Строительных сооружений с подобной керамикой не зафиксировано. К несколько более позднему времени относятся свидетельства стационарного посёлка, представленные остатками заглублённых частей строительных сооружений, главным образом, подпечными и хозяйственными ямами (две — на верхней площадке и семь — на нижней), в связи с чем керамика отсюда включает горшки различных вариантов с обильной примесью мелкого песка в глине и шероховатыми поверхностями светло-серого цвета. Обжиг достаточно равномерный. Преобладают сосуды с отогнутым наружу краем венчика, выделенной почти вертикальной шейкой и крутым плечом. По характеру оформления края шейки доминируют общерусские типы, характерные для домонгольского времени (вторая пол. XII — первая треть XIII вв.). Из числа датируемых находок 1-го этапа достойны внимания три шиферных пряслица, в том числе одно — с круговой пиктограммой. Аналогичные изделия бытуют в основном на памятниках XI — начала XIII вв. Из ямы № XVIII происходит прорезной бубенчик грушевидного типа с крестовидной прорезью. В Новгороде такие изделия присутствуют в слоях 2-й половины X — 1-й половины XII вв. Судя по многочисленным следам пожара в сооружениях этого этапа, население в XIII в. покинуло городище в беспокойной обстановке. Не исключено, что это было обусловлено монгольским нашествием. На

этом фоне свидетельства источников XVII в. о существовании Алексина в начале XIII в. приобретают, кажется, некоторое объективное подтверждение.

Достоверных комплексов конца XIII — XIV вв. на городище пока не выявлено. Строительные горизонты первого этапа в большинстве случаев оказались перекрытыми слоями последующих времен.

Этап 2 (конец XIV — третья четверть XV вв.). На верхней площадке к нему относятся основания постройки № I и ямы № III, на нижней — остатки сгоревшей дотла усадьбы в виде участка серого золистого слоя с двумя глубокими погребями на её площади (ямы №№ XV и XVI). С этим же этапом связана, возможно, и нижняя часть заполнения ямы № XIV. Слой сгоревшей усадьбы сохранился лишь благодаря тому, что оказался перекрытым выбросом материковой глины из котлована какого-то гигантского сооружения следующего этапа, оставшегося за бортом раскопа. На остальных участках он, вероятно, был полностью смыт. Скорее всего (судя по стратиграфии) к началу этого этапа относится и сооружение укреплений на нижней площадке городища.

Керамика из комплексов этого времени изготовлена на песчаной подсыпке из хорошо отмученного теста. Поверхности сосудов шероховатые от присутствия в формовочной массе мелкозернистой отощающей примеси. Обжиг не всегда равномерный: излом порой имеет трёхслойный характер. На днищах ряда сосудов фиксируются клейма. Основная форма посуды — сильно профилированные горшки с отогнутой наружу шейкой. Внутренний край венчика оформлен либо в виде валикообразного уплотнённого утолщения, либо вовсе не имеет дополнительного оформления. Орнамент (однорядная или многорядная волна, иногда — в сочетании с горизонтальными линиями) занимает, преимущественно, верхнюю часть сосуда.

Хронологические рамки 2-го этапа определяются рядом индивидуальных находок. Наиболее ранней среди них является золотоордынский бронзовый служебный знак (?) с надписью в тексте “султан Тохтамыш” (не ранее последней четверти XIV в.). Из золистого слоя сгоревшей усадьбы происходит монета рязанского князя Ивана Фёдоровича (1427 — 1456) и фрагмент бронзовой серьги в виде “знака вопроса”, характерной для XIV — XV вв. В нижней части заполнения ямы XV (закрытый комплекс) обнаружена обгоревшая серебряная монета плохой сохранности, которая, судя по круговой надписи, едва ли выходит за рамки XV в. Отсюда же происходит красноглиняный ангобированный расписной кумган: в Москве подобная керамика распространяется лишь со 2-й половины XV в.

Грандиозный пожар, приведший к гибели сооружения конца этого этапа, вполне может быть связан с разгромом Алексина 29 — 31 июля 1472 г. ханом Ахматом.

Этап 3 (конец XV — первая половина XVI вв.). На верхней площадке к этому этапу относится постройка № 2; на нижней — постройки №№ 3, 4, 7, хозяйственные ямы №№ II, III, часть канавок от оград-часток и упоминавшийся выброс из котлована грандиозного подвального сооружения, оставшегося за пределами раскопа 2. На нижней площадке часть упомянутых объектов стратиграфически перекрывала горизонт пожара второго этапа.

Посуда, в сравнении с предшествующим этапом, отличается большим разнообразием. Наряду с горшками, в керамических комплексах построек присутствуют миски, кувшины, миниатюрные сосудики. Появляются крышки для горшков, украшенные циркульным орнаментом. В небольшом количестве распространяется морёная, серо- и чёрнолощёная посуда. Вся керамика, отличающаяся достаточно хорошим горновым обжигом и примесью мелкозернистого песка в тесте, изготовлена на песчаной подсыпке. На днищах отдельных сосудов продолжается фиксироваться клейма. Основная группа посуды, горшки, отличается вытянутыми пропорциями, относительно высокой прямой или слабо отогнутой наружу шейкой. У большей части горшков её внутренний край имеет валикообразное утолщение. Реже отмечены горшки с козырьком или валиком с внешней стороны шейки и без дополнительного оформления. Орнамент в виде однорядной волны (плавной, косой, острой), редких горизонтально прочерченных линий, либо их сочетания, расположен в верхней части сосудов, главным образом, на плече или в основании шейки.

К узко датирующим находкам этого этапа относится серия предметов из заполнения постройки № 3: пуло тверской чеканки конца XV — начала XVI вв.; лицевая створка бронзового креста-энколпиона — подражание изделиям высокого ювелирного искусства XV в.; два фрагмента ружейного ствола (дульная часть и казённый винт с хвостовиком) калибра 12,5 мм и пулелейка (первая пол. XVI в.); шахматная фигурка арабского типа XV в. (в XVI — XVII вв. этот тип сменяется западноевропейским). В рамках XV — XVI вв. бытует и целый ряд других находок из сооружений этого этапа: фрагменты ключей и замков типов “Д” и “Е”, кресты-тельники, наконечники стрел (в основном килевидные с ромбическим сечением), костяной прямоугольный плоский гребень, короткие и удлиненно-овальные прорезные и пластинчатые кресала, шарнирные ножницы, фрагменты шпор IV-го типа, усечённо-биконические белоглиняные пряслица и др.

Все сооружения данного этапа погибли в огне пожара.

Этап 4 (вторая половина XVI — начало XVII вв.). Его сооружения выявлены только на нижней площадке городища (постройки №№ 5, 6, 8, хозяйственные ямы №№ I, IV, VII, XII, XIV) и отражают финал хозяйственного освоения территории Сорокина городища. Основания построек в виде нижних венцов срубов, остатков полов и развалов печей выявлены в верхней части культурного слоя, сразу под дёрном. Стратиграфически они перекрывают или нарушают сооружения всех предшествующих этапов, включая постройки и ямы 3-го этапа.

Вся посуда изготовлена из хорошо отмученного глиняного теста без видимых отошающих примесей. Черепок плотный, в изломе — однородный. Основная масса горшков характеризуется короткой прямой или загнутой внутрь шейкой, край которой утяжелён внутренним валиком, доминированием орнамента в виде рифления по шейке сосуда, либо в виде ногтевых вдавлений или однорядной волны по его плечу. В керамических коллекциях из комплексов этого этапа возрастает процентное содержание морёной, серо- и чёрнолощёной керамики.

Хронологическая позиция этого этапа определяется нумизматическими находками. Из постройки № 6 происходит денга Ивана IV, отчеканенная в 50-е годы XVI в., а у края постройки № 5 были найдены полушка конца XVI — начала XVII вв. и копейка Бориса Годунова 1603 г.

Постройки 4-го этапа прекратили существование после сильного пожара. Вполне вероятно, что он связан с событиями Смутного времени начала XVII в.

Результаты изучения Сорокина городища свидетельствуют о том, что наиболее интенсивный период жизни на городище приходится на 2-й — 4-й этапы его заселения. В начале 2-го этапа происходит строительство укреплений на его нижней площадке. Население городища, судя по характеру материала (наконечники стрел, свинцовые пули, пулелейка, фрагменты пищального ствола, ружейные кремни, обломок сабли, боевые ножи, кольчужные кольца, колчаные застёжки, многочисленные сапожные и конские подковы, элементы конской сбруи и т.п.), очевидно, относилось к категории служилых людей. С учётом выгодного стратегического положения нельзя исключать, что Сорокино городище представляло собой или собственно летописную Алексинскую крепость, или по крайней мере входило в систему городских укреплений.

КОМПЛЕКС МАТЕРИАЛОВ ДРЕВНЕРУССКОГО ВРЕМЕНИ С ПОСЕЛЕНИЯ ГОРОДОК 1 НА р. РАНОВА

*В.П. Челябинов,
Д.А. Иванов,*

Центр по учету и охране объектов историко-культурного наследия, г. Рязань

Поселение Городок 1 находится на правом берегу р. Ранова (правый приток р. Проня) в 2,3 км к северо-востоку от с. Александровка и в 2,3 км к юго-западу от г. Рязьса. Занимает юго-восточный скат высокого останца, расположенного в правобережной пойме реки. У подножья останца находится сильно заболоченная старица. Поселение возвышается на 3 — 10 м над уровнем воды в старице. Площадь поселения — 145 x 80 м. Памятник примыкает с юго-востока к укреплениям городища раннего железного века Городок II. В 2000 г. поселение раскапывалось экспедицией Центра по учету и охране объектов историко-культурного наследия, а в 2002 г. совместной экспедицией Центра и Самарского государственного педагогического университета (Челяпов В.П., 2000, 2002). Кроме авторов статьи, в раскопках приняли участие А.А. Выборнов, В.В. Ставицкий, А.И. Королев. В результате работ было вскрыто более 200 кв. м площади поселения. Памятник многослойный. В культурном слое обнаружены материалы эпохи неолита, энеолита, эпохи бронзы, раннего железного века и древнерусского времени.

Задачей данного сообщения является введение в оборот материалов древнерусского времени с поселения Городок I. Керамика древнерусского времени встречалась преимущественно в наиболее возвышенной северо-западной части поселения. Следует особо отметить, что в шурфе, заложенном на городище Городок II в 2000 г., также были найдены отдельные фрагменты древнерусской керамики, которые свидетельствуют о том, что городище раннего железного века интенсивно использовалось и в древнерусское время. Это связано с тем, что останец, на котором располагались поселение и городище, занимал господствующее положение над окружающей местностью. Выгодное топографическое положение было подмечено еще племенами городецкой культуры, которые построили здесь значительный укрепленный пункт. На противоположном левом берегу р. Ранова находится еще одно городище раннего железного века (Городок III), в культурном слое которого также обнаружены обломки древнерусских сосудов. Всего в процессе раскопок 2000, 2002 гг. на поселении Городок 1 было найдено 2043 фрагмента керамики древнерусского

времени, из них 335 фрагментов венчиков и 122 фрагмента днищ. При анализе керамики использовалась классификация и датировка керамики, разработанная И.Ю. Стрикаловым для данной территории (Стрикалов И.Ю., 1996. С. 146 — 159; 2002. С. 165 — 184).

Керамический материал на поселении представлен типами 9, 10, 11.

Тип 9. Венчики вертикальные или слабо наклоненные внутрь, край резко отогнут наружу, завернут внутрь и образует массивный уплощенный валик на внешней стороне венчика. Эта форма существовала во второй пол. XIII — XIV вв. (рис. 1: 3, 4; 2: 10, 13, 15, 17, 21, 24, 25, 31, 32).

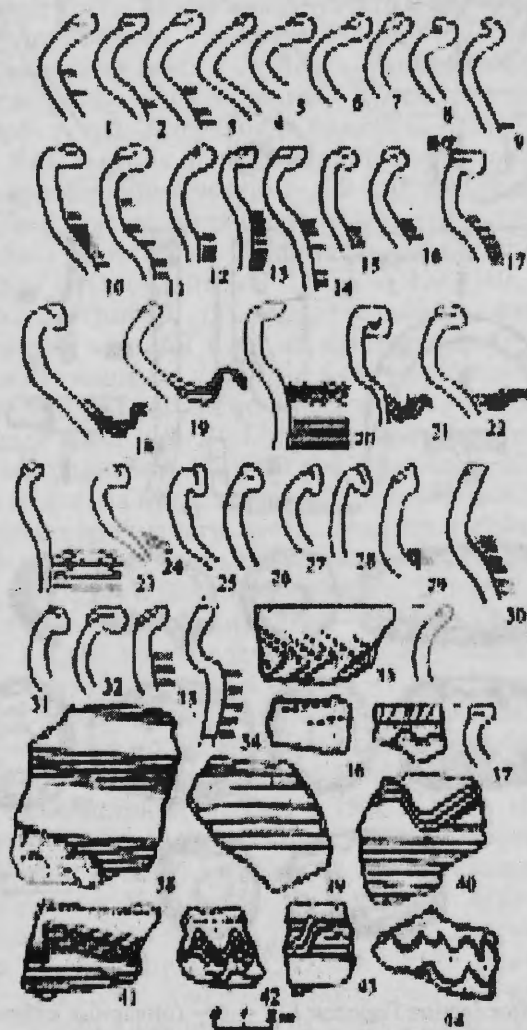
Р и с. 1. Поселение Городок 1
1 — 6 — реконструкции глиняных сосудов

Тип 10. Этот тип сосудов представляет дальнейшее развитие типа 9. Керамика этого типа датируется концом XII — XIV вв. (рис. 2: 11, 18, 20, 22, 26, 29).

Тип 11. Этот тип сосудов представлен слабопрофилированными венчиками с загнутым внутрь в виде массивного уплощенного валика краем. Такого типа керамика относится к XIV — XV вв. (рис. 1: 1, 2, 5, 6; 2: 1-9, 12, 16, 19, 23, 30, 33, 35, 37).

Сосуды типов 9 — 11 украшены линейным сплошным (рис. 2: 1-3, 10-17, 29, 30, 34), линейным зонным (рис. 2: 38), волнистым

(рис. 1: 1, 5, 6; 2: 18, 19, 21, 22, 42, 44), линейно-волнистым (рис. 1: 2-4) орнаментом. Четыре фрагмента украшены отпечатками зубчатого штампа (рис. 2: 35, 36). Найден фрагмент венчика, украшенный по внешнему краю венчика ногтевыми отпечатками (рис. 2: 37).

Р и с. 2. Поселение Городок 1. 1 — 44 — фрагменты глиняных сосудов

Р и с. 3. Поселение Городок 1. 1 — 6 — гончарные клейма; 7 — нож; 8 — панцирная пластина; 9, 10, 14 — гвозди; 11 — пластина; 12 — обломок браслета; 13 — подкова; 15 — 19 — грузила (1 — 6, 15 — 19 — глина; 7 — 11, 13, 14 — железо; 12 — стекло)

В коллекции керамики с поселения Городок 1 содержится 6 фрагментов днищ сосудов с гончарными клеймами. Клейма представлены символами в виде круга (рис. 3: 6), круга в круге (рис. 3: 3), квадрата (рис. 3: 2), квадрата в круге (рис. 3: 4), двух совмещенных кругов со спицами, вписанными в круг (рис. 3: 1). Одно клеймо выполнено в виде круга, нанесенного зубчатым штампом (рис. 3: 5).

На поселении Городок 1 найдены изделия из железа: 1) фрагмент черешкового ножа (рис. 3: 7). Нож — клиновидный в сечении. Длина — 6,7 см, наибольшая ширина — 1,2 см. Лезвие переходит в черешок через уступ; 2) фрагмент пластины чешуйчатого панциря (рис. 3: 8). Пластина прямоугольной формы, ширина — 2,3 см, длина сохранившейся части — 5,7 см, толщина — 0,2 см. Вдоль двух краев пластины пробиты четыре отверстия. Пластина имеет аналогии в Переяславле-Рязанском, где подобные находки датируются XIV в. (Монгайт А.Л., 1961, с. 174, 180, рис. 69); 3) обувная подкова (рис. 3: 13). Имеет подкововидную форму с двумя концевыми шипами и двумя крепежными отверстиями. Расстояние между концами подковки 6 см, наибольшая ширина — 0,8 см. Кроме того, обнаружено 3 фрагмента кованых четырехгранных гвоздей (рис. 3: 9, 10, 14) и фрагмент пластины прямоугольной формы размером 3,5 x 1,1 см, толщиной 0,2 см (рис. 3: 11). Изделия из стекла представлены единственным фрагментом витого браслета коричневого цвета, диаметр стержня — 0,5 см (рис. 3: 12). Найдены глиняные рыболовные грузила цилиндрической (рис. 3: 15, 17) и бочковидной (рис. 3: 16, 18, 19) формы. Длина грузил 3,5 — 7,1 см, диаметр — 3 — 4 см, диаметр отверстий — 0,9 — 1,3 см, изготовлены из беложгущейся и серожгущейся глины с примесью песка в тесте.

Значимость данного поселения определяется тем, что в эпоху Рязанского княжества по р. Ранова проходил водный путь, связывающий Окский бассейн с бассейном р. Дон. Это хорошо иллюстрируют письменные источники. Так, в 1502 г. Иван III наказывал рязанской княгине Агриппине: "Отпустил есмь судном посла Турецкого до Старой Рязани, а от Старой Рязани ехать ему Пронею вверх, а из Прони к Пранову, а из Прановой Хуптою вверх до переволоки до Рясского поля да переволокою Рясским полем до реки до Рясы" (Карамзин Н.М., 1989, т. VI, с. 78, прим. 563).

Материалы раскопок дают возможность говорить, что славянский поселок был основан в домонгольское время и продолжал существовать во 2-й пол. XIII — XIV вв. Анализ почвенных карт показал, что южнее современного г. Рязска располагались незалесенные простран-

ства, довольно хорошо освоенные кочевниками, а Городок I являлся самым южным поселением XIII — XIV вв., известным на данный момент на р. Ранова, защищенным лесными массивами. Сумма полученных данных позволяет говорить, что поселение Городок I было одним из стратегических пунктов, задачей которого было контролировать волок из р. Рановы в р. Дон, в конце которого находилась рязанская крепость Чур-Михайлов (Швадченко О.А., с. 97 — 100).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Челяпов В.П. Отчет о разведках на территории Рязанской области в 2000 году //Архив ИА РАН.

2. Челяпов В.П. Отчет о раскопках поселения Городок I в Рязском районе Рязанской области в 2002 году //Архив ИА РАН.

3. Стрикалов И.Ю. Хронология керамики и культурный слой Южного городища Старой Рязани //Археологические памятники Окского бассейна. Рязань, 1996.

4. Стрикалов И.Ю. Древнерусская керамика поселений XII — XIV вв. междуречья Прони и Рановы //Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 1. Тула, 2002.

5. Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961.

6. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VI. М., 1989.

7. Швадченко О.А. Местонахождение пограничного города-крепости Чур-Михайлова* и памятники Куликовского цикла //Куликово поле: Материалы и исследования. М., 1990.

ТЕКСТИЛЬ ИЗ ДРЕВНЕРУССКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ОКРУГИ ЗВЕНИГОРОДА*

И.И. Елкина,

Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей

Работа посвящена текстилю, найденному в разное время в древнерусских курганах XII — I-й пол. XIII в. в округе Звенигорода. Материал за редким исключением ранее не был исследован и введен в научный оборот. В результате проведенных исследований были созданы реконструкции шести типов клетчатых тканей, реконструированы орнаменты узорных тканей, частично реконструированы орнаменты лент, выявлено предназначение сканых лент с длинными протяжками основы, прослежены два варианта ношения семилопастных колец, выявлено предназначение боковых колечек на семилопастных кольцах и предпринята попытка реконструкции головного убора с височными кольцами.

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 01-06-80080.

Корпус исследованных памятников

В 1940 г. экспедиция Исторического факультета МГУ под руководством А.В. Арциховского исследовала группу из 38 курганов близ дер. Волково. Материал из погребений, в том числе 16 текстильных фрагментов из восьми курганов, поступил в музей кафедры археологии МГУ. Весь текстиль (фрагменты клетчатых и узорных тканей, разнообразных лент и шнуров) происходит из женских погребений за исключением одного фрагмента, найденного во введном мужском погребении. К сожалению, публикация Г.А. Авдусиной (1962) о раскопках почти не содержит сведений о находках текстиля. Из-за их частичной депаспортизации нам удалось лишь предположительно отнести некоторые предметы к конкретным комплексам.

Летом 1951 г. экспедицией Звенигородского музея под руководством А.В. Успенской был раскопан курган № 1 в могильнике у дер. Клопово. В женском захоронении на правой височной кости черепа обнаружены фрагмент узорной шерстяной ленты и фрагменты ткани, по мнению автора раскопок, от головного убора. В том же году фрагменты поступили в Звенигородский музей.

В 1970 — 1980-е гг. самостоятельным раскопкам подверглись несколько древнерусских курганных групп близ населенных пунктов Горки X, Горышкино, Таганьково (Старо-Дарьино) и Успенское. Некоторые находки, в том числе текстильные, в разное время поступили в Звенигородский музей. К счастью, материал из раскопок не полностью потерян для науки, поскольку единцовскому краеведу А.В. Лазукину (в настоящее время — сотрудник музея) удалось собрать сведения о самостоятельных раскопках и создать подробную документацию, которая включает схематические чертежи и описания погребений, а также рисунки найденных предметов. Из документации ясно местоположение на костях различных предметов, в том числе и органических остатков (фрагментов ткани, кожи, дерева). Текстиль поступил в музей из двух курганов близ пос. Горки X, двух (?) курганов близ дер. Горышкино, одного кургана близ дер. Таганьково и одного кургана близ с. Успенское. Нумерация курганных могильников соответствует документации А.В. Лазукина.

В кургане 3 (мог. XXI) близ пос. Горки X найдены фрагменты древесины с остатками текстиля, фрагменты шерстяных нитей, фрагмент кожи с остатками височных колец и шерстяных шнуров, а также несколько фрагментов металлических украшений с прикипевшими остатками ткани, которые сохранились благодаря консервирующему действию медных окислов.

В кургане 26 (мог. XVI) близ пос. Горки X, в отвале грабительского шурфа, найден фрагмент узорной ткани.

В кургане 12 (мог. XI) близ дер. Горышкино в районе груди погребенной найдены остатки войлочного кошелька (?), на которых находились три медных шелепрорезных бубенчика, связанных между собой нитью. Подкладкой кошелька служила клетчатая ткань.

Из неустановленного кургана (или двух неустановленных курганов) близ дер. Горышкино в музей поступили фрагмент орнаментированной ткани с нашитой шелковой лентой, несколько фрагментов ленты из сканых шерстяных нитей с длинными протяжками основы, мельчайший фрагмент шелка, прилипший к кусочку древесины, а также слипшийся бесформенный комок шерстяных нитей.

В двойном захоронении кургана 9 (мог. III) близ дер. Таганьково (Старо-Дарьино) обнаружен фрагмент клетчатой ткани. Он находился у правого предплечья одного из костяков. Во втором захоронении обнаружены две шерстяные ленты, местоположение которых *in situ* неизвестно.

Текстильные остатки из кургана 11 близ с. Успенское найдены в области черепа. Среди них фрагменты сканой ленты с длинными протяжками, крошечные фрагменты шелка, остатки изделия из спирально оплетенных нитей, а также фрагменты семилопастных колец, на которых имеются окислы с сохранившейся структурой ткани.

В 1998 г. при спасательных раскопках 1-го Поречьевского курганного могильника С.З. Чернов обнаружил в разрушенном женском погребении кургана № 73 и передал в музей фрагмент ткани с вытканым узором "городки" и фрагменты лент трех видов.

Реставрация текстиля

При поступлении в музей весь текстиль из самостоятельных раскопок нуждался в реставрации. Большая часть предметов была в полевых условиях обработана участниками раскопок клеем БФ-6 в нерасправленном виде и без предварительной очистки, вместе с древесиной от гробов и земель, и до начала нашего исследования они представляли собой бесформенные слипшиеся комья. Первоначально все эти предметы помещались в кювету с этиловым спиртом, который несколько раз заменялся по мере загрязнения. После окончательного удаления клея текстиль был отделен от комьев земли и фрагментов древесины, а затем пластифицирован глицерином. Спустя несколько дней было проведено дальнейшее удаление общих загрязнений. Для этого применялись перхлорэтилен и (или) смесь спирт-вода-глицерин. Текстиль, ранее не обработанный кле-

ем, был сильно руинирован, загрязнен частицами грунта и глина. Для него проводилась только пластификация глицерином с последующей обработкой перхлорэтиленом. Сильно руинированные текстильные остатки укрепились фторлоном.

Типология текстиля

Всего исследовано 38 предметов, из которых 11 — ткани из шерстяных и смешанных нитей, 14 — ленты из шерстяных и смешанных нитей, четыре — нити одного направления, три — тонкие шнуры, четыре — шелковые изделия, два — прочие изделия.

Ткани. *Ткань саржевого переплетения.* Единственный небольшой фрагмент ткани саржевого переплетения (2x2) происходит из мужского погребения. Известно, что в позднем средневековье шерстяные саржевые ткани чаще всего использовались для пошива верхней одежды. В документах XVI — XIX вв. они имеют название *стамеды*.

Клетчатые ткани. Шесть исследованных образцов относятся к тканям полотняного переплетения, изготовленным из лубяных и окрашенных в разные цвета шерстяных нитей. Нити разных цветов чередовались определенным образом по основе и утку, образуя яркие красивые узоры в клетку. Лубяные нити в тканях обычно полностью истлевают, и на их месте образуются просветы. Исследование показало, что плотность всех тканей примерно одинакова: по основе — 13 - 15 н/см, по утку — 9 - 12 н/см. Все образцы за исключением одного имеют небольшие раппорты. На некоторых образцах зафиксированы медные окислы от семилопастных колец.

Узорные ткани. Исследовано четыре фрагмента с выткаными узорами. Основной фон таких тканей имеет полотняное переплетение. Для выполнения узора использованы дополнительные челноки. Для тканей с непрерывным орнаментом (например, ткань с орнаментом "городки") используется один дополнительный челнок с нитью другого цвета, прокидка которого идет непрерывно по всей ширине ткани. Для ткани с узором "бантик", который как бы разбросан по ее поверхности, для каждого такого элемента использован свой дополнительный челнок. С оборотной стороны тканей видно, что прокидка дополнительных уточных нитей идет лишь в пределах узора.

Ленты. Для лент домонгольского времени характерно разнообразие как техники исполнения и использования различных материалов (шерстяные и лубяные нити), так и орнаментации. Нередко при изготовлении лент использовались не только обычные пряденые одинарные или скрученные вдвое нити, но и нити более сложной струк-

туры, в частности, нити, скрученные из трех-четырех пряденых нитей, а также так называемые сканные. Ленты изготавливались на бердечке или деревянных дощечках. Использование нитей различных цветов, их чередование, применение дополнительного утка позволяло создавать ленты с разнообразными орнаментальными мотивами, а применение нитей с различными направлениями кручения придавало изделиям дополнительные художественные эффекты.

Узорные ленты. Среди исследованных 18 образцов лент встречены четыре шерстяные узорные ленты. Пять лент выполнено из шерстяных и лубяных нитей (лубяные нити истлели, и на их месте образовались просветы). Часть лент выполнена на бердечке, остальные — на дощечках с четырьмя отверстиями. Для получения узора на лентах использовалось простое ремизное устройство.

Ленты из сканных нитей можно отнести к особой группе. Они сотканы полотняным переплетением на бердечке из нитей одного цвета. Сканные нити выполнены из трех нитей крутки 2ZS, которые в свою очередь скручены между собой в Z направлении. В трех случаях встречены ленты с характерными длинными прокидками основы без следов ткачества через определенные промежутки. Для получения длинных незатканых протяжек нитей основы использовались специальные приспособления (возможно, палочки или пластинки), которые вкладывались вместо утка между нитей основы, а затем снова возобновлялось ткачество.

Нити одного направления. В двух погребениях встречены шерстяные нити, расположенные в одном направлении и имеющие следы изгибов. Это остатки тканых изделий, у которых в качестве основы использованы только шерстяные нити, а в качестве утка — только лубяные нити. Лубяные нити истлели, а шерстяные сохранились. В двух случаях нити одного направления имеют крутку, характерную для разного рода оплеток. Возможно, это остатки оплеток кистей из лубяных нитей.

Тонкие шнуры. Шерстяные крученые шнуры из трех курганов имеют примерно одинаковую толщину (1,6 — 2,0 мм). Они скручены из трех пряденых нитей. В двух случаях шнуры продеты в маленькие колечки семилопастных колец.

Шелковые изделия. Встречены фрагменты двух шелковых лент и, в одном случае, крошечные фрагменты шелка. Имеется также фрагмент древесины, на котором благодаря медным окислам сохранилась структура шелка. Два образца имеют полотняную структуру, а два — двухслойную шелковую структуру "самит". Шелковые изделия в Древней Руси являлись исключительно предметом импорта.

Прочие изделия. Среди исследованных образцов имеются толстый жгут, скрученный из 12 шерстяных нитей, и войлок толщиной 1 мм.

Примененные красители

Исследование показало, что крашение текстильных материалов в XII — 1-й пол. XIII в. было разнообразным по технологии и применяемым красителям. Хроматографический анализ отдельных нитей из текстильных фрагментов выполнялся по методу Кононов-Редорович. Подтвердилось, что для окрашивания волокон в различные красные оттенки использовались корни марены (*Rubia tinctorum*). Оттенки желтого и зеленого получали при помощи растений, содержащих флавоноиды. Реакция на диметилформамид показала, что в синий цвет нити окрашивались индиго, выделенным из индийской индигоноски (*Indigofera tinctoria*).

Реконструкции

В связи с небольшой величиной сохранившихся фрагментов, а также не всегда известным их расположением в погребениях говорить о реконструкции древнерусского костюма в целом преждевременно. Некоторые комплексы, в которых известно положение предметов *in situ*, позволяют частично реконструировать головные украшения.

Почти все образцы найдены в женских погребениях. Большую их часть составляют разнообразные ленты. Можно предположить, что основная ткань, из которой шилась женская одежда, выполнялась из льняных или конопляных волокон, не сохраняющихся в грунте. Сохранившиеся ленты являлись декоративными элементами одежды (отделка подола, ворота, рукавов). Некоторые ленты могли служить поясами.

В большинстве захоронений местоположение фрагментов клетчатых и узорных тканей не документировано, но на некоторых имеются окислы металлических предметов. Пятна окислов во многих случаях имеют форму, напоминающую семилопастные височные кольца. Микроскопическое исследование этих тканей показало, что они выполнены из очень качественных, хорошо скрученных шерстяных нитей, окрашенных в яркие цвета. Ткани плотные, но сравнительно тонкие и имеют небольшие раппорты. Скорее всего, они принадлежат простейшим головным уборам типа платка или убруса. Лишь в одном случае отмечена ткань в крупную клетку, найденная у правого предплечья, которую можно интерпретировать как фрагмент рукава или поневы.

Наибольший интерес для обобщенной реконструкции представляют шерстяные ленты из сканных нитей с длинными протяжками основы, найденные в трех захоронениях. Все они однотонные.

На двух отмечены медные окислы. Вместе с лентами найдены семилопастные кольца, фрагменты шелка, кисти и тонкие шнуры. В одном случае найден также фрагмент узорной ткани, выполненной в технике браного ткачества, с нашитой на него шелковой лентой. Данный набор позволяет реконструировать один из вариантов ношения семилопастных колец. Верхняя часть ленты крепилась к головному убору. В протяжки основы вставлялись дужки семилопастных колец. Для их фиксации в одной плоскости служили тонкие шнуры, которые продевались в боковые колечки. Возможно, к нижним концам ленты и тонких шнуров при помо

щи шелковой ленты подвязывалась кисть, которая служила декоративным завершением убора. Благодаря применению сканых нитей лента несла нагрузку, не вытягиваясь и не перекручиваясь при этом (рис. 1). Фрагмент узорной ткани с нашитой шелковой лентой скорее всего являлся частью собственно головного убора (рис. 2). Мы предполагаем, что ношение семилопастных колец, прикрепленных к головному убору, являлось вариантом убранства замужней женщины.

Особое внимание заслуживает комплекс, в котором найдены остатки трех семилопастных височных колец, приклепанных к полосе органического вещества (в документах А.В. Лазукина отмечено, что под черепом были обнаружены три семилопастных кольца, связанных между собой кожаным ремешком). После очистки от клея БФ-6 стало очевидно, что все три височных кольца были продеты дужками через определенные расстояния (1,5 — 2,0 см) сквозь фрагмент кожи, а через их боковые колечки были протянуты тонкие шерстяные шнуры. Фрагмент кожи оказался сложенным пополам, развернуть его не представлялось возможным, так как он был слишком сухим и ломким. После пластификации глицерином фрагмент удалось развернуть. Он принял форму человеческого уха (рис. 3а).

Комплекс позволяет частично реконструировать украшение. В ухо через определенные расстояния были продеты три семилопастных кольца так, что они создают украшение типа рясны. Шиток нижележащего кольца прикрывает дужку нижележащего. Через боковые колечки на дужках протянуты шерстяные шнуры (рис. 3б). Из этого же погребения происходит фрагмент древесины, к которому приклепаны окислы от семилопастного кольца с отпечатками шелковой ткани на них, а также спирально оплетенные шерстяные нити (фрагменты кисти?) сбоку. Возможно, к шнурам шелковой лентой могли быть снизу подвязаны кисти из оплетенных шерстяных нитей. Впрочем, кисти могли быть привязаны и к шелковой ленте, которая вплеталась в волосы. Известны также курганские комплексы, в которых найдены семилопастные кольца, дужки которых были вплетены в волосы. Мы предполагаем, что в обоих случаях имеем дело с девичьим вариантом ношения височных колец.

Для уточнения предлагаемых реконструкций необходима представительная серия хорошо документированных погребальных комплексов.

ЭТАПЫ ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ В IX — XIII вв.

По археологическим данным

О.Л. Прошкин, к.и.н.,

Калужский государственный объединенный краеведческий музей

Процесс освоения территории бассейна верхней Оки в древнерусский период можно разбить на 2 этапа, соответствующих двум хронологическим периодам — IX — 1-я пол. XI вв. (роменская культура) и 2-я пол. XI — XIII вв. (древнерусская культура).

Первый этап

Данный этап отражен на материалах 14 городищ, 51 селища, 13 курганных могильников, содержащих лепную роменскую посуду и набор предметов, встречающихся на памятниках роменской культуры и культуры смоленских длинных курганов. К этому же времени относится 13 монетных и монетно-вещевых кладов.

Большинство поселений сосредоточено по берегам р. Оки (14 поселений) и ее главных притоков — Упы (11 поселений) и Протвы (5 поселений). На других притоках известно всего лишь по 2 — 3 памятника. Основная концентрация памятников наблюдается на участке р. Оки от устья р. Упы до устья р. Калужки (3 городища, 11 селищ, 5 курганных могильников, 1 клад). Можно выделить еще 3 района с концентрацией памятников этого периода — в среднем течении р. Протвы (5 селищ, 2 курганных могильника), бассейн верхнего и среднего течения р. Упы (4 городища, 7 селищ, 1 курганный могильник, 4 клада) и самые верховья р. Оки (1 городище, 4 селища, 2 курганных могильника).

Основные районы концентрации памятников IX — 1-й пол. XI вв. отражают 2 основных направления заселения Верхнего Поочья славянским населением. Первое направление — южное — с территорий бассейна р. Десны и лесостепного Подонья в верховья р. Оки, где находятся поселения и курганные могильники (Лебедка, Супруты и др.), содержащие лепную роменскую посуду, салтовские украшения и украшения в технике псевдозерни. О проникновении славянского населения в верховья Оки с Десны писала Т.Н. Никольская, подтверждая это находками фрагментов лепной посуды типа Луки-Райковецкой в грунтовом могильнике с остатками трупосожжений на городище Слободка на р. Навля [1, с. 17 — 19]. Важным свидетельством проникновения славян с юга и юго-запада является присутствие курганов с остатками коллективных трупосожжений и деревянными конструкциями. Известно 7 таких могильников только лишь

в верхнем течении Оки. Аналогии им известны в курганах среднего Подонья, Подесенья и бассейна р. Припять [2, с. 65 — 82]. Косвенным подтверждением заселения славянским населением верхней Оки с южных территории является и тот факт, что верховья р. Оки входят в ареал раннеславянских гидронимов. Наибольшее их скопление зафиксировано по левобережным притокам Оки до устья р. Угры и по правобережным до устья р. Упы [3, с. 59 — 62].

Другое направление проникновения славянского населения на верхнюю Оку — северное. Прослеживается по рекам Угре и Протве со стороны культуры смоленских длинных курганов. Свидетельством этому являются материалы раскопок длинного кургана у пос. Ермолино: лепные урны и прямоугольная с вогнутыми сторонами пряжка, имеющие аналогии не только в роменских древностях, но и в смоленских длинных курганах VIII — X вв. [4, рис. 30, 9; 14, рис. 16, 26, 30]. Кривичское проникновение на верхнюю Оку отражено и на материалах курганных могильников 2-й пол. XI — XII вв. в бассейне р. Угры [5].

Характерной чертой системы расселения IX — XI вв. является расположение подавляющего большинства поселений на берегах крупных рек и в местах распространения наиболее плодородных пойменных почв. Именно там фиксируются первые гнезда поселений. Основным признаком таких гнезд поселений является сосредоточение на небольшом участке реки или речного бассейна нескольких синхронных по времени поселений и курганных могильников. Наличие курганов с коллективными захоронениями подтверждает их, вероятно родовой характер.

Основным населением этой территории летописи называют вятичей. Первое упоминание о них встречается под 859 г., а далее под 907, 964, 966, 981, 982, 988 гг. [6, стб. 19, 29, 65, 81 — 82, 121].

В XI в. на верхней Оке происходят значительные изменения, которые были связаны в первую очередь с освоением племенных земель государством, а именно с походами Владимира Мономаха “сквозе Вятиче” во 2-й пол. этого столетия. Данное событие, вероятно, повлекло за собой проникновение сюда княжеских наместников и официальной государственной религии — христианства. С XI в. здесь начинается широкое распространение предметов т. н. «общедревнерусских типов». На рубеж XI — XII вв. приходится появление значительного числа (в сравнении с X — XI вв.) укрепленных поселений, среди которых выделяется небольшая группа т. н. “круглых городищ”. Некоторые из них к XIII в. сформировались в “малые города” и укрепленные торгово-ремесленные центры.

Второй этап

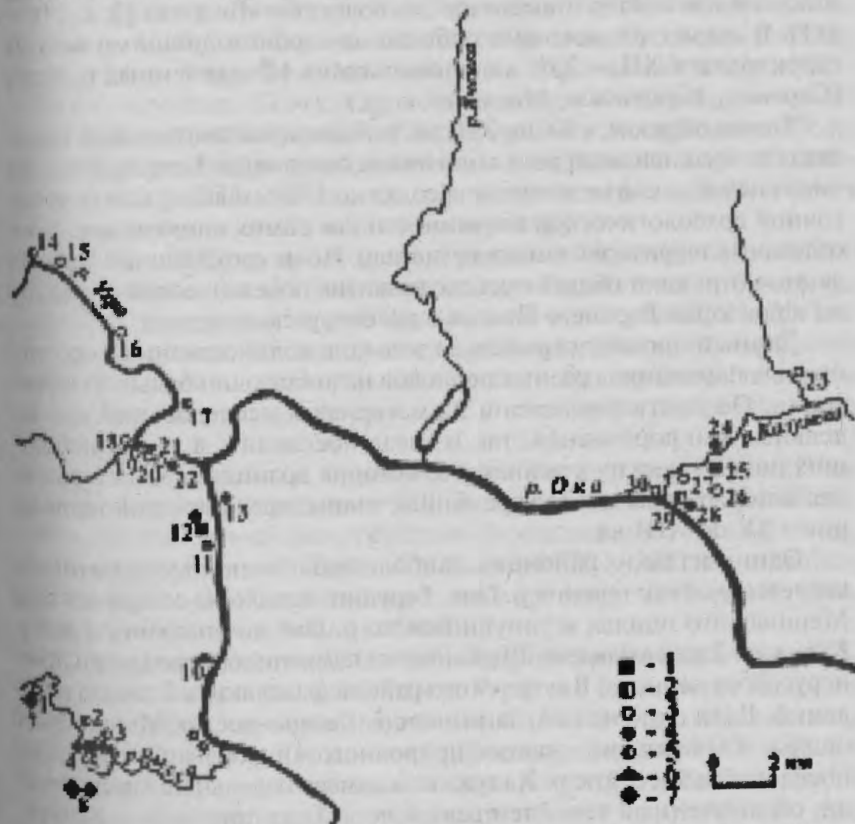
К 2-й пол. XI — XIII вв. относится большинство известных древнерусских поселений — 47 городищ и 156 селищ и связанных с ними не менее 30 курганных могильников. Известно также 7 кладов этого периода.

Большинство поселений этого времени сосредоточено по берегам р. Оки (40 поселений) и ее главных притоков — рр. Упы (23 поселения), Протвы (10 поселений), Угры (11 поселений). На притоках 2-го и 3-го рядов известно также значительное число поселений — от 4 — 5 (р. Цон) до 10 — 15 (р. Тулица).

Выделяется не менее 4 районов наиболее плотной концентрации памятников. Первый район охватывает орловское течение р. Оки и бассейн ее левобережных притоков (9 городищ, 8 селищ, 2 курганных могильника, 2 клада). Второй район — бассейн верхнего и среднего течения р. Упы (7 городищ, 64 селища, 1 курганный могильник). Третий охватывает участок течения Оки с устьями рек Выссы, Угры и Калужки (4 городища, 15 селищ, 1 курганный могильник). Четвертый находится в бассейне среднего течения р. Угры (4 городища, 6 селищ, 11 курганных могильников и 1 клад). Отдельные скопления памятников наблюдаются на территории Мещовского ополья, в бассейне среднего течения р. Протвы и др. района. Главные районы памятников XII — XIII вв. и расположение их основного числа на берегах в первую очередь крупных рек подтверждают основные пути заселения верхней Оки, определившиеся еще в предыдущем периоде. Они же определяют и районы наибольшей концентрации древнерусского населения.

Характерной чертой поселенческой структуры 2-й пол. XI — XIII вв. является расположение значительного числа поселений на берегах не только крупных рек — главных водных артерий региона, но и на их притоках. Немаловажным фактором в формировании поселенческой структуры остается наличие мест, где распространены наиболее плодородные почвы. На территориях с наименее плодородными почвами (суглинками и т.п.) наибольшее число поселений фиксируется там, где имеются широкие речные поймы. Именно здесь прослеживаются гнезда памятников. Формирование большого числа гнезд поселений свидетельствует об интенсивном хозяйственном освоении земель Верхнего Поочья. Косвенным свидетельством этому является появление значительного числа укрепленных поселений, в числе которых были и феодальные замки (Спасское). Происходит формирование городских поселений (Серенск) и поселений, близких им по своему функциональному назначению (Спас-

городок). Увеличение числа поселений в XII — XIII вв. предполагает рост численности населения в этом регионе. Аналогичный процесс имел место и на других территориях [7, с. 92 — 93].

Р и с. Памятники археологии 9 — 13 вв. на участке р. Оки от нижнего течения р. Выссы до р. Калужки.

- 1 — городище 2 периода; 2 — древнерусское городище; 3 — селище 1 периода; 4 — селище 2 периода; 5 — древнерусское селище; 6 — курган 2 периода; 7 — клад. Городища: 5 — Воротынский; 12 — Спас-Городок; 25 — Ждамирово; 29 — Перцево. Селища: 1 — Слободка 2; 2 — Воротынский 2; 3 — Воротынский 4; 4 — Воротынский 1; 6 — Воротынский 6; 8 — Льговка; 9 — Рядово; 11 — Городок; 12 — Спас-Городок; 13 — Желыбино; 14 — Красный Поселок 1; 15 — Красный Поселок 2; 16 — Красный Поселок 3; 17 — Плетневка; 18 — Росва 1; 19 — Росва 2; 20 — Угра 1; 21 — Угра 2; 22 — Угра 3; 23 — Городня 4; 24 — Городня 3; 26 — Ждамирово; 27 — Перцево 1; 28 — Перцево 3; 30 — Турынинские Дворики. Курганный могильник: 10 — Слевидово. Клады: 7 — Слободка 2; 8 — Льговка.

К концу XI в. относится последнее упоминание о вятичах в летописях [6, с. 248]. С 1142 г. появляются летописные данные о том, что значительная часть верхней Оки уже входила в состав Черниговского княжества и именовалась волостью «Вятичи» [8, с. 310 — 311]. В связи с различными событиями, происходившими на этой территории в XII — XIII вв. упоминаются 13 населенных пунктов (Серенск, Вортыньск, Мосальск и др.).

Таким образом, с IX по XIII вв. наблюдается постоянный и достаточно интенсивный рост количества поселений. Естественно, что число памятников не является абсолютно точным ввиду еще недостаточной археологической изученности как самих памятников, так и отдельных территорий (микрорегионов). Но на сегодняшний день эти данные отражают общий процесс развития поселенческой структуры на территории Верхнего Поочья в древнерусский период.

Данный процесс отражен не только в количественных соотношениях памятников разных периодов на достаточно большой территории. Он подтверждается и на материалах исследований как отдельных микрорегионов, так и гнезд поселений, а также небольших поселенческих комплексов, история возникновения и развития которых отражает все временные этапы заселения этой территории с IX по XIII вв.

Одним из таких районов с наибольшей плотностью памятников является участок течения р. Оки, берущий начало на северо-востоке Мещовского ополья и тянущийся по р. Оке до впадения в нее р. Калужки. Здесь выявлено 19 различных памятников археологии древнерусского периода. Внутри этого района выделяются 2 гнезда поселений. Если одно из них, занимающее северо-восток Мещовского ополья, является лишь частью природного микрорегиона, то гнездо поселений в бассейне р. Калужки занимает отдельный микрорегион, ограниченный течением реки и ее мелкими притоками — ручьями.

Гнездо поселений на северо-востоке Мещовского ополья в устье р. Угры состоит из 1 городища и 7 селищ. Наиболее ранними поселениями являются городище Спас-Городок, селища Угра 1 и 2, Росва 1 и 2, возникшие не позднее XI в. Южнее городища Спас-Городок находится курганный могильник Слевидово с погребениями конца XI — начала XII вв. В XII — XIII вв. площадь поселений расширяется. В частности, крупное открытое поселение, культурный слой которого тянется вдоль левого берега р. Угры, захватывая берега ее притока — р. Росвянки (селища Угра 1 и 2, Росва 1 и 2), с общей площадью около 5 га, идет вдоль берега вниз по течению Угры в сторону городища Спас-Городок. Частью этого поселения является селище Угра 3, возникшее не ранее

XIII в. Происходят серьезные изменения на укрепленном поселении Спас-Городок. Вал мысовой части городища, возведенный в XI в., в XII — XIII вв. был досыпан [9, с. 11, рис. 14]. К северу и северо-западу от городища, сразу за его валами, возникает посад — селище Спас-Городок, а в 0,5 км южнее — селище Городок. Их общая площадь близка 2,6 га. Укрепление вала городища и образование посада в XII — XIII вв., вероятно, было связано с изменением его функционального назначения. Археологическим подтверждением этому является большое число разнохарактерных находок, подтверждающих статус данного поселения в XII — XIII вв. как торгово-ремесленного, а возможно и административно-хозяйственного центра округа.

В XIII — XIV вв. происходит укрепление воротынского городища, расположенного в 7 км южнее Спас-Городка, на р. Выссе, где возникает центр удельного Воротынского княжества XIV — XVI вв. Его современная площадь, уцелевшая от разработки карьера равна почти 1 га. С напольной стороны и частично по периметру площадка защищена валами (высота до 3 м). С юго-запада и северо-востока к городищу примыкают два селища — Воротыньск 1 и 6. Судя по объемному материалу, поселения возникли не ранее XIII — XIV вв. в качестве посада Воротыньска [10]. В окрестностях Воротыньска известно еще несколько древнерусских поселений, но только 2 из них можно датировать — селище Слободка 2 IX — XIII вв. и селище Льговка XII — XIII вв. Возможно, что в древнерусский период здесь также существовало гнездо поселений.

Другое, меньшее гнездо поселений, сформировавшееся еще в IX — X вв. выделяется восточнее устья р. Угры — в бассейне р. Калужки. Оно состоит из 5 селищ и 1 городища. Самыми старшими являются селища Ждамирово, Турынинские Дворики, Перцево 1 и Городня 4, где найдены фрагменты лепных сосудов роменского облика и грубой некруглой посуды. Основная часть находок из культурного слоя поселений относится к XII — XIII вв. и более позднему времени. Примерно в 3 — 4 км выше устья р. Калужки не ранее XII в. возникает городище Ждамирово, занимая центральное место среди поселений этого времени. Не ранее XIII — XIV вв. близ устья р. Калужки, на ее левом берегу, возникает селище Перцево 3, ставшее посадом расположенного здесь же укрепленного поселения в устье р. Калужки. Городище является слабо обследованным памятником. Его площадка прямоугольной в плане формы (площадь 1 га) защищена мощным валом со всех сторон, кроме обращенной к реке. С напольной стороны был ров и находился еще один вал, к настоящему времени засыпанный отвалами карьера. В культурном слое обнару-

жена керамика XIV — XV вв., а в числе подъемного материала известно несколько фрагментов древнерусских сосудов. Однако точно датировать городище одним из периодов нельзя.

Данные примеры четко показывают динамику процесса освоения территории Верхнего Поочья с IX по XIII вв.

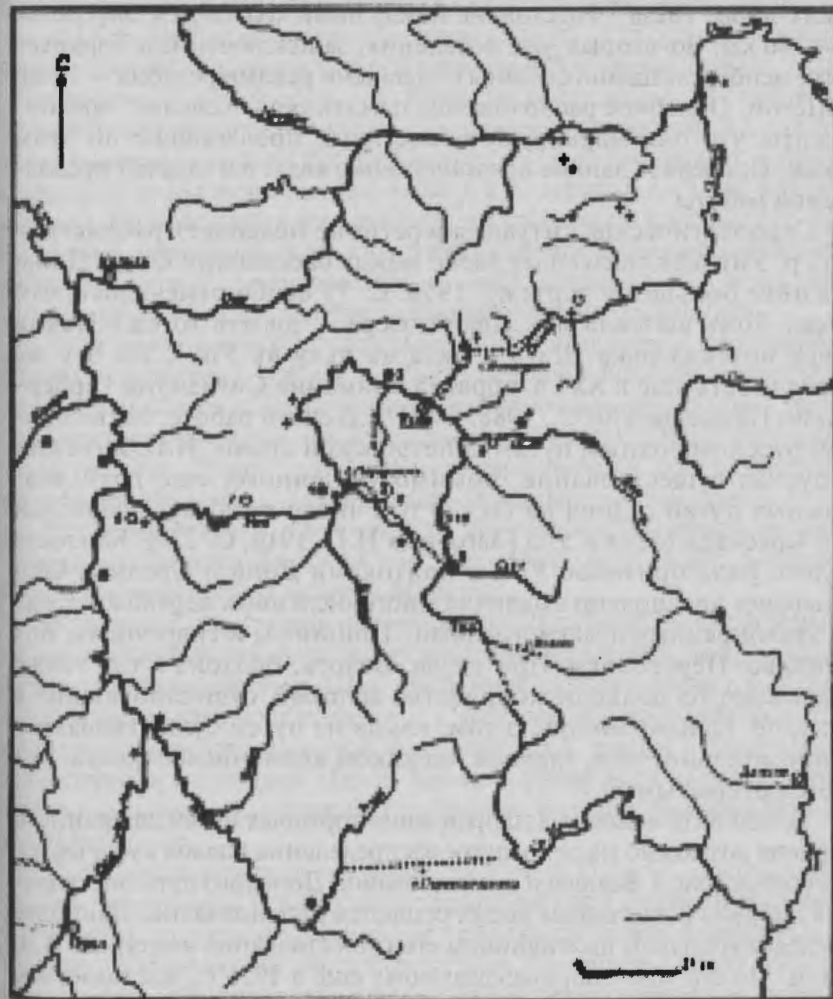
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Никольская Т.Н. Городище Слободка XII — XIII вв. М., 1987.
2. Бессарабова З.Д. Славянские курганы второй половины первого тысячелетия н. э. с трупосожжением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы //АС. Вып. 15. Л., 1973.
3. Смолицкая Г.П. Картографирование гидронимии Поочья //Топонимика Центральной России. М., 1974.
4. Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких криччей. М., 1990.
5. Булычев Н.И. Раскопки по среднему течению р. Угры. М., 1913.
6. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по академическому списку //ПСРЛ. Т.1. М., 1962.
7. Шинаков Е.А. Брянщина в древнерусскую эпоху //Тезисы докладов межвузовской историко-краеведческой конференции. Брянск, 1988.
8. Ипатьевская летопись //ПСРЛ. Т.2. М., 1962.
9. Раппопорт П.А. Отчет о работе Подмосковного отряда Среднерусской экспедиции ИИМК в 1955 г. //Архив ИА, Р-1, № 1077.
10. Прошкин О.Л. Археологические разведки в Калужской области. 1993 г. Отчет //Архив ИА, Р-1, № 17922-17923.

СТРУКТУРА НАЧАЛЬНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ СЛАВЯНАМИ БАСЕЙНА р. УПЫ

*А.В. Григорьев,
государственный военно-исторический
и природный музей-заповедник "Куликово Поле"*

Наиболее ранние славянские поселения, известные на сегодняшний день в бассейне р. Упы, обладают рядом признаков, позволяющих вычленил их из всего массива раннеячичских памятников. К таким признакам относятся преобладание в керамическом комплексе фрагментов грубых лепных сосудов роменского типа, отсутствие раннекруговой славянской керамики и наличие керамики салтовского круга древностей. Вещевой материал этих памятников содержит большое количество предметов степного облика. Подобный набор находок фиксируется не только в материалах памятников, изученных раскопками, но, зачастую, и в коллекциях подъемного материала. Последнее обстоятельство позволяет с большой степенью достоверности определить большинство поселений раннего периода,

Р и с. Ранние славянские поселения бассейна р. Упы

● - поселения, достоверно отнесенные к раннему периоду; ○ - поселения, отнесенные к раннему периоду условно; + - клады IX в.; ♦ - возможные волоки; 1 - Супруты; 2 - Щепилово; 3 - Торхово; 4 - Слободка; 5 - Уткино; 6 - Мишнево; 7 - Снедка; 8 - Майский; 9 - Новое Село; 10 - Бутырки; 11 - Чифировка

Картографирование ранних памятников даёт возможность предположить некоторую закономерность в их расположении (рис.). Впервые, поселения находятся в отрыве друг от друга, не образуя

каких-либо “гнёзд”. Расстояние между ними колеблется в пределах 20 — 40 км. Во-вторых, все поселения, за исключением Торховского, непосредственно связаны с главными реками региона — Упой и Шатом. Подобное расположение памятников позволяет предположить, что они маркируют некие пути, пролежавшие по этим рекам. Проверить данное предположение является задачей предлагаемой работы.

Гидрологическая ситуация в регионе позволяет рассматривать р. Упу, как связующее звено между бассейнами Оки и Дона. В Книге Большому чертежу, 1950. С. 78 особо отмечалось, что “рька Донъ вытекла изъ Ивана озера ... да изъ тогожь Ивана озера потекла рька Шать и пала въ рьку въ Упу”. На эту же особенность ещё в XVI в. обратил внимание Сигизмунд Герберштейн [Герберштейн С., 1988. С. 137]. В своей работе, посвящённой русским водным путям допетровской эпохи, Н.П. Загоскин допускал существование, помимо указанного, ещё пяти возможных путей с Дона на Оку, в том числе путь через верховья рек Красивая Меча и Упа [Загоскин Н.П. 1910. С. 220]. Близость целого ряда притоков Упы с притоками Дона и Средней Оки позволяет предполагать наличие многочисленных переволок между этими речными магистралями. Топонимы и гидронимы Волынцево, Переволоки, Протасово, Волоть, Волхона и т.п. также указывают на большое количество волоков, существовавших в регионе. Однако вопрос о том, какие из путей существовали в действительности и, главное, на каком временном отрезке, остаётся открытым.

Установить основные направления торговых путей для раннего периода возможно на основании распределения кладов куфического серебра (рис.). Вопрос о существовании Донского пути поступления дирхема в настоящее время решается неоднозначно. Наиболее последовательным противником его существования выступает В.Л. Янин. По его мнению, высказанному ещё в 1956 г., всё монетное серебро в период с конца VIII по начало XI в. поступало в Европу исключительно по Волжскому пути [Янин В.Л., 1956. С. 104, 105]. Своё резкое несогласие с этой теорией в отношении кладов IX в. высказывал В.В. Кропоткин [1978. С. 111 — 116]. Решение столь специфической и масштабной проблемы никоим образом не входит в задачу предлагаемой работы. Однако следует отметить некоторые особенности в распространении кладов IX в. в регионе. В настоящее время на участке, расположенном к югу от р. Оки, между реками Осётр и Беспута, а также в бассейне р. Упы известно 15 кладов,

относящихся к первому и второму периодам обращения дирхема, т.е. к IX в. Не будет преувеличением сказать, что это наивысшая концентрация кладов указанного времени в Восточной Европе. Если предположить, что все они поступили по Волге и Оке, то становится непонятным направление их дальнейшего движения. В Среднее Поднепровье монеты в это время ещё почти не поступают, а предположить их движение вниз по Дону, в Хазарский каганат, крайне сложно. Расположение всех этих кладов становится совершенно понятным и логичным, если допустить активное функционирование Донского пути. Его существованием может объясняться и столь значительное количество салтовских материалов на поселениях.

Если сопоставить расположение ранних славянских поселений с местами зарытия кладов и с общей гидрологической ситуацией, появляется возможность определить как основные направления транзитного торгового пути, так и отдельные его участки. В рассматриваемом регионе шедший по Дону путь расходился в двух различных направлениях — на запад и на север. Западный участок проходил по р. Упе в верховья р. Оки, откуда по различным притокам мог переходить на реки Десну и Сейм. Северный, по р. Осётр, выходил на р. Оку недалеко от устья р. Москвы.

Известные славянские поселения так или иначе были связаны с функционированием различных участков этих путей. Так, небольшая по протяжённости р. Шат, связывающая Иван-озеро с р. Упой, контролировалась поселением у д. Слободка. Это крупное открытое селище находится на крутой излучине реки, рядом с деревней с характерным названием Изрог. Ближе к устью реки располагается ещё один памятник, предварительно отнесённый к раннему периоду, Новое Село.

Пути, шедшие через верховья рек Упы и Уперты, контролировались поселением Уткино, расположенным при слиянии этих рек. Возможно, отсюда же начинался небольшой волок в верховья р. Соловы, позволявший сократить путь от Уткино до Супрут почти в четыре раза. Вероятность существования этого отрезка пути подтверждается находкой клада дирхемов у с. Лапотково. Поселения у пос. Майский могут маркировать ещё один небольшой волок, выходящий к р. Упе по р. Непрейке напротив Щепиловского городища. Нижнее течение р. Упы контролировалось расположенными с интервалом в 25 км городищами Снедка и Мишнево. Недалеко от устья р. Упы, на левом берегу р. Оки, находилось известное городище Дуна, замыкавшее указанный участок пути.

С обслуживанием северного направления может быть связано

крупное селище у д. Торхово. Здесь путь шёл по р. Тулице и далее через короткий волок — в верховья р. Осётр. Дорога по этому маршруту сохраняется до наших дней — это известный с XVI в. Венёвский тракт. Поселение располагается в самом начале сухопутного участка волока. Следует отметить, что село, расположенное на этом участке, называется Вольницево.

Характер учтённых в работе поселений различается в зависимости от выполнявшихся ими функций в обеспечении действия путей. Так, поселения Уткино, Слободка и Торхово представляют собой крупные, площадью 3 — 5 га, открытые селища. Материал, полученный при раскопках этих памятников, может быть охарактеризован как рядовой. Предметы вооружения, конской сбруи и изделия из драгоценного металла встречаются здесь крайне редко. Вероятно, основной функцией этих памятников было поддержание в рабочем состоянии сложных участков пути, помощь при переволоках и материальное обеспечение караванов. Расположенные на “беспроблемных” участках пути небольшие поселения, такие как Щепилово и Снедка, могли использоваться в качестве временного пристанища путешественников.

Совершенно иная роль отводилась городищу у с. Супруты. Это небольшое неукреплённое поселение занимало площадку городища мощинской культуры площадью всего 0,6 га. Большое количество находок изделий из драгоценных металлов, серебряных дирхемов и предметов импорта указывают на высокий социальный статус жителей этого посёлка. Находки весов и гирек говорят об участии в транзитной торговле и, возможно, о сборе податей. Многочисленные предметы вооружения и конской сбруи позволяют предполагать, что на поселении находилась небольшая, до 30 — 40 человек, мобильная конная дружина. Расположение поселения в центре рассматриваемой территории позволяло контролировать практически все ответвления торгового пути. Вероятно, здесь же концентрировалась административная власть.

Все изученные раскопки ранние памятники погибли в результате пожаров. Наиболее ярко следы военного разгрома наблюдаются в материалах Супрут. Младшие монеты Супрут и Щепилова относятся к 903/4 и 905/6 гг., что может указывать на первые десятилетия X в. как на наиболее вероятное время гибели поселений. Клады, зарытые после рубежа IX — X вв., в регионе также неизвестны. Поэтому имеются все основания предположить, что в результате некоей военной операции в начале X в. была полностью уничтожена инфраструктура этого участка Донского торгового пути, после чего он прекратил своё существова-

ние. Движение монетного серебра по Дону продолжается, но в своей северной части путь перемещается к востоку, в район Рязани.

Вероятно, первые славянские поселения появляются в бассейне р. Упы одновременно с началом функционирования пути, на рубеже VIII — IX вв., и их дальнейшее существование было тесно связано с его деятельностью. Гибель поселений привела к ликвидации пути. Последующая колонизация территории в X, и особенно в XI вв., шла по совершенно иной схеме. Поселения этого времени располагаются компактными группами не столько по основным рекам, сколько по их мелким притокам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988.
2. Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1910.
3. Книга Большому чертежу М.:Л., 1950.
4. Кропоткин В. В. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
5. Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

О ЗАСЕЛЕНИИ СЛАВЯНАМИ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ И СМЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ПОДВИНЬЯ И ПООЧЬЯ¹

Е. А. Шмидт, д. и. н.,

Смоленский государственный педагогический университет

Проблема времени и особенностей расселения славян в Верхнем Поднепровье и на смежных территориях широко обсуждается в археологической литературе. Преобладает мнение, что заселение славянами северной части Верхнего Поднепровья и смежных пространств представляло собой последовательный и необратимый процесс достаточно быстрый во времени (Поболь Л. Д., 1969; Сыманович Э. А., 1972; Терпиловский Р. В., Абашина Н. С., 1992 и др.), но некоторые исследователи считают, что этот процесс был сложным и сравнительно длительным (Третьяков П. Н., 1966; Седов В. В., 1994, 1995). Нет единого мнения об исходной области и путях переселения славян. Большинство археологов считает, что расселение славян происходило из южной части Верхнего и Среднего Поднепровья (Третьяков П. Н., 1966; Поболь Л. Д., 1969; Терпиловский Р. В., 1991;

¹ Данная работа осуществлялась при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. грант 01-01-78005а/Б.

Левко О.Н., 1994 и др.), но есть мнение о миграции славян с запада из Малопольши, с Повисленья (Седов В. В., 1995). Расходятся взгляды и о времени окончательного заселения славянами северной части Верхнего Поднепровья, Верхнего Подвинья и Верхнего Поочья, которое относится или к первым векам н. э. или к III — IV вв. н. э. Оно осуществлялось непосредственно зарубенецкими племенами и происходило в результате продвижения киевских племён; в VI — VII вв. н.э. — колочинских племён, а в конце I тыс. н. э. — древнерусских племён. Каждое из вышеуказанных мнений основывается на отдельных подобранных артефактах без широкого анализа и сопоставления всего материала из рассматриваемого нами региона с материалами из более южных областей Поднепровья, где в I тыс. н.э. действительно обитали славяне, достаточно хорошо изученные по археологическим данным и известные по письменным источникам.

Материалы, полученные в результате раскопок последних лет, дают основание для обсуждения проблемы расселения славян в лесной зоне Восточной Европы в I тыс. н.э. Общеизвестно, что до начала I тыс. н.э. на обширных пространствах Верхнего Поднепровья, Верхнего Подвинья, Подесенья и Верхнего Поочья обитали племена раннего железного века: днепро-двинские, верхнеокские, юхновские и милоградские. Они имели по многим показателям очень близкую материальную культуру, включая и керамический комплекс. В этническом отношении принято считать их восточными балтами. Это население и было субстратной основой в этногенетических процессах I тыс. н.э.

В конце I тыс. до н.э. значительные территории обитания милоградских племён были заняты зарубенецкими племенами. В первых веках н. э. зарубенецкие племена, если считать их славянами, расселились в Поднепровье на части территории юхновских племён в Подесенье, что привело к образованию почепской культуры, и на всех северных пространствах милоградских племён и южных окраинах территории днепро-двинских племён, где сложилась археологическая культура типа Чечерск-Кистени. Севернее вышеуказанных пространств началось постепенное изменение материальной культуры, отражённое преимущественно в формировании новых типов профилированной керамики, сменявшей слабопрофилированную. Этот процесс охватывал не только Верхнее Подесенье, но и Верхнюю Оку с притоками, и Смоленское Поднепровье, и часть Верхнего Подвинья, т.е. на обширных пространствах восточно-балтийских племён формировалась новая археологическая культура типа

среднего слоя городища Тушемля, но это не привело к смене этнической принадлежности местного населения. Особенности сложения новой культуры I — III вв. н.э. достаточно чётко прослеживается на материалах городищ днепровского варианта днепро-двинской культуры, где эти изменения происходили весьма сложно. После рубежа эр в пределах днепро-двинской культуры распространяется штрихованная керамика. Первоначальной областью её распространения было Правобережное Поднепровье в Средней Белоруссии. Какие причины заставили часть населения продвинуться на северо-восток, пока не совсем ясно. Приём покрытия поверхности глиняных сосудов грубой штриховкой отмечен на многих городищах днепро-двинской культуры I — III вв. н.э. (Самсонцы, Акатово, Ковали, Егорье, Тригубово, Канарщина, Бохот, Рай, Городок, Черкасово, Германы, Жарынь и др. (Шмидт Е. А., 1992). Основные формы сосудов культуры штрихованной керамики не получили распространения, а как правило, штриховкой покрывались сосуды местных форм. В это же время на территории днепро-двинских племён, включая днепро-двинское междуречье, распространяется профилированная керамика, и она сосуществует со штрихованной. На некоторых поселениях профилированные сосуды имеют штрихованную поверхность (Самсонцы, Березинка). Это говорит о сосуществовании на поселениях разных традиций. Можно предполагать, что распространение штрихованной и профилированной керамики могло происходить как в результате переселения некоторых групп населения — носителей этих культур в пределы территории днепро-двинских племён, так и путём заимствования новых форм и технологий производства керамики местными племенами от своих южных соседей. Таким образом, у днепро-двинских племён произошла смена керамического комплекса с закреплением профилированных форм сосудов. Однако в других сферах материальной и духовной жизни значительных изменений не произошло. По-прежнему сохранились и использовались в качестве мест поселений городища с наземными жилищами столбовой конструкции с округлыми очагами на уровне пола. Не изменилась форма основных орудий труда — ножей, серпов, топоров и пр. Как и раньше, основой хозяйства было подсеčno-огневое земледелие с животноводством. Не возникло полей погребений зарубенецкого типа, а сохранился прежний погребальный обряд, и устраивались на городищах круглые в плане святилища. Использовались грузики дьяковского типа и т. д.. Это говорит о том, что зарубенецкие традиции не стали доминирующими, пришельцы зарубинцы ассимилировались в местной среде, хотя привнесённые

ими некоторые элементы культуры были восприняты местным населением.

Значительные изменения в жизни днепро-двинских племён произошли в конце III — начале IV вв. н.э. В силу менявшихся природных условий, когда началась регрессия и значительно понизился уровень грунтовых вод и пересохла мелкие водоёмы и болота, население покинуло городища, располагавшиеся на высоких местах у мелких речек и ручьёв, уже пересохших, и перешло на пологие берега сохранившихся рек и озёр ближе к воде, хотя уровень воды в них также был низким. Освободившиеся от воды берега и бывшие болота стали использоваться как сельскохозяйственные угодья для пашенного земледелия с использованием рала и тягловой силы скота. Этому также способствовал прогресс в развитии домашних ремёсел, особенно в металлургии железа и кузнечном деле. На таких неукреплённых поселениях — селищах, как например Шугайлово, Заозерье, Микулино, Куприно, в самых ранних горизонтах культурного слоя материальная культура была такой же, как и на оставленных городищах. Устраивались наземные дома столбовой конструкции с округлыми очагами на уровне земляного пола, использовалась профилированная керамика, грузики дьякова типа и прочие вещи.

В IV веке н.э. в связи с бурными событиями в степной и лесостепной полосе Восточной Европы, особенно после начала эпохи Великого переселения народов и вторжения гуннов, закончился период сравнительно мирного эволюционного развития. Под давлением с юга пришли в движение племена лесной зоны, и в том числе были вовлечены в этот процесс племена Верхнего Поднепровья и соседних областей. Из районов Среднего и южной части Верхнего Поднепровья так называемые послезарубенецкие племена переселяются на Верхнюю Оку, где с включением субстратных культур формируется мощинская культура IV — VII вв. н.э.

Другая группа позднезарубенецких племён (культуры киевская и типа Абидни) вынуждена была частично покинуть первоначальные места своего обитания и переселиться в более северные лесные области. Какие-то группы этого населения достигли области расселения днепро-двинских племён, привнеся туда свои традиции керамического производства и некоторые другие элементы культуры. Их керамический комплекс изначально включал округлобокие горшки с сужающейся горловиной; усеченноконическую, а также ребристую посуду и лощеные ребристые миски. Селища конца III — начала IV в. н.э. на правобережье Днепра и в междуречье Днепра и Западной Двины содержали керамический комплекс с профилиро-

ванной и некоторых других форм керамикой, но уже в IV в. н.э. появляются сосуды, отражающие южные традиции, а в V в. н.э. он претерпел значительные изменения. Характер этих изменений и образование форм особенно тушемлинской керамики хорошо прослеживается на материалах из селища Микулино, где получен закрытый комплекс из одной постройки столбовой конструкции. Она была в плане прямоугольной при ширине 3,2 м и длине около 10 м. Постройка использовалась сравнительно длительное время. В последний период её существования очаг размещался в середине постройки на выровненном полу выше уровня материка на 0,25 м. Очаг был в плане овальной формы при размерах 2,3 м x 1,1 м. Его заполнение состояло из дресвы гранита. В культурном слое постройки обнаружено большое количество фрагментов лепных глиняных сосудов нескольких типов и отдельные вещи: из железа — серповидный нож, шило, плоский нож, вероятно, использованный для нарезания глиняных лент и заглаживания стенок сосудов во время формования; из глины — усеченнобиконические пряслица и грузик дьякова типа. Керамика представлена следующими типами: 1. Слабопрофилированные лепные сосуды, имеющие ниже края венчика ряд отверстий, распространенные преимущественно в бассейне Западной Двины; 2. Профилированные лепные сосуды с зашипами по краю венчика, характерные для Верхнего Поднепровья. Эта керамика испытывает влияние 1-го типа и иногда несет ниже края венчика ряд округлых дырочек; 3. Слабопрофилированные сосуды, по форме напоминающие керамику типа 1, но без отверстий на шейке и украшенные орнаментом из рядов прочерченных линий, нанесенных гребенчатым штампом (“расчёсы”). Такая керамика известна на значительных пространствах Верхнего Подвинья и Поднепровья и датируется III — IV вв. н.э.; 4. Слабопрофилированная и неорнаментированная керамика, но среди сосудов этого типа есть формы со слегка выпуклыми боками. В целом этот тип включает керамику, характеризующую тушемлинскую культуру V — VII вв.; 5. Лощеные ребристые миски. По своей форме они несколько напоминают миски из поселений мощинской культуры. Рассмотренные материалы из Микулино, с одной стороны, отражают процесс формирования собственно тушемлинских типов керамики, которые станут господствующими в VI — VII вв. н.э. и определяют весь облик культуры; а с другой стороны, определенную интеграцию традиций, происходящих из разных регионов Верхнего Поднепровья и Подвинья.

Все полученное при изучении селища у д. Микулино находит подтверждение в материалах из других поселений этого времени (За-

озерье, Шугайлово, Куприно), где был выявлен аналогичный комплекс керамики: от профилированной, орнаментированной зашипами по краю венчика, до слабопрофилированной, часть которой украшалась “расчёсами”. На этих селищах среди вещевого материала также есть грузики дьякова типа, височные кольца круглопроволочные с утолщенными концами, а также фибулы, браслеты, шейные гривны и другие предметы, датирующие время существования селищ IV — VII вв. н.э.

Рассмотренные нами материалы дают основание считать, что заселение северной части Верхнего Поднепровья и Подвинья было процессом сложным, который происходил в несколько этапов. 1-й этап (I — II вв. н.э.): зарубинецкие племена отдельными группами проникают в бассейн самого Верхнего Днепра, где при их некотором участии на местной основе сложилась новая культура днепровских племен типа среднего слоя городища Тушемля. Вновь образовавшаяся культура распространилась в Верхнее Подвинье. Группы зарубинецкого населения, видимо, были малочисленны и в местной среде утратили свои этнические особенности. 2-й этап (III — IV вв. н.э.): происходит проникновение в Верхнее Поднепровье и Подвинье послезарубинецкого населения (культуры киевская и типа Адаменки). Распространение этого населения и их культуры среди местного населения, судя по набору керамики и всему вещевому комплексу, другим признакам материальной культуры, привели к формированию новой археологической культуры — собственно тушемлинской, но не к смене этнокультурной принадлежности местного населения, хотя в целом тушемлинская культура находилась под заметным влиянием пришлой культуры послезарубинецких племён. Если считать зарубинецкие племена и образовавшиеся с их участием послезарубинецкие племена славянами, то они оказали заметное влияние на образование новых культур, но не смогли утвердиться в местной среде и были ассимилированы, поэтому носители новых культур до VIII в. н.э. оставались восточными балтами. 3-й этап заселения славянами Верхнего Поднепровья и Подвинья начался после прекращения существования тушемлинской культуры в VIII в. н.э., а окончательное освоение славянами этих территорий и полная ассимиляция местного населения закончились только в ранний период древнерусского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левко О.Н. Население днепровско-двинского междуречья в VI — XI вв. // Тезисы доклада і паведамлення Беларускай дэлегацыі на VI Міжнародном кангрэсе славянскай археалогіі. Мінск, 1996. С. 52 — 54.

2. Пობоль Л.Д. Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья // Древности Белоруссии. Минск, 1996. С. 105 — 111.
3. Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994. С. 61 и сл., 303.
4. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 222.
5. Сымонавіч Э.А. Опыт сопоставления керамики Белоруссии и балтских культур I тыс. н. э. // Беларускія Старожытніцы. Мінск, 1972. С. 94 — 96.
6. Терпиловский Р.В. Киевская культура и близкие ей памятники римского времени // Гомельщина: археология, история, памятники. Гомель, 1991. С. 36 — 38.
7. Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры. Киев, 1992.
8. Шмидт Е.А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства // Днепродвинские племена (VIII в. до н. э. — III в. н. э.). М., 1992. С. 205.
9. Шмидт Е.А. Формирование тушемлинской культуры в днепровско-двинском междуречье // Lietuvos archeologia. 2001. T. 21. P. 89 — 100.

К ВОПРОСУ ХРОНОЛОГИИ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ По материалам Дьяковской культуры

М.Г. Гусаков,
Институт археологии РАН

I. С начала XX в. археологи пытались разработать наиболее адекватную археологическому материалу периодизацию дьяковской культуры, или ДК (Спицин, 1903; Городцов, 1933; Третьяков, 1966; Смирнов К.А., 1974, 1994; Розенфельдт И.Г., 1977, 1982; Кренке, 1986, 1987, 1988). Естественно, что представления о хронологии за более чем столетний период изучения по мере поступления в научный оборот археологического материала серьёзно трансформировались. Постепенно шел процесс “удревнения” дьяковских древностей, от VIII в. н.э. до VIII в. до н.э. Кратко резюмируя мнения ведущих археологов по проблеме хронологии ДК, можно констатировать, что в качестве хронологических индикаторов в основе предложенных версий по общей хронологии культуры использовался прежде всего археологический инвентарь, который имеет аналогии в соседних культурах в увязке со стратиграфией культурных напластований. К сожалению, стратиграфия дьяковских городищ и поселений не имеет четко выраженных слоёв археологических культур, предшествующих ДК. Возможно, что существует хронологический хаотус между культурами поздней эпохи бронзы и началом железного века на данной территории либо пока археологам не удастся выде-

лить культурные напластования этого периода. Поэтому не ясен до сих пор вопрос, с какого времени начинать хронологию ДК. Во-вторых, у нас нет твердой уверенности, что культурный слой дьяковских городищ в 1,5 — 2,0 м, сосредоточенный по краям площадок, отложился за почти 1600-летний период. Городищ с мощным культурным слоем (больше 1,5 м) не более 20 единиц. Значительная часть из них не раскапывалась, и вся информация получена по результатам шурфовок. В-третьих, опора на археологический инвентарь (импорт), который имеет свои режимы бытования в соседних культурах, не всегда должен совпадать с хронологическими периодами бытования в ДК. Он может серьёзно запаздывать, попадая в зону действия ДК.

II. Для выделения раннего периода VIII — VI вв. до н.э. авторы используют материалы, происходящие из погребенного дерна, в котором, кроме керамики и изделий из кости (стрелы и гарпуны), ничего достоверно датирующего не было. При этом все исследователи ссылаются на работу В.А. Городцова (1933 г.). В.А. Городцов, по нашему мнению, сделал всего лишь предположение, что костяные стрелы дьяковцев подражают скифским бронзовым образцам. Однако в связи с этим утверждением, довольно широко растиражированным, возникают два вопроса. Во-первых, где и когда дьяковцы могли сталкиваться со скифами? Во-вторых, кость, хотя и податливый для обработки материал, но не настолько, чтобы можно было повторить литую вещь. С таким же успехом можно утверждать, что народы Сибири XIX в. тоже подражали скифским образцам. Надо заметить также, что предложенные версии хронологии ДК во многом совпадают друг с другом, разногласия отражают скорее всего различные точки зрения на происхождение культуры и влияния, которые испытывала ДК со стороны соседей. Здесь можно отметить четыре узловых момента в хронологии культуры, когда с археологической точки зрения в недрах ДК происходили значительные события, приводившие к некоторым изменениям в облике материальной культуры.

Во-первых, относится ли “сетчатая” керамика к носителям ДК? На наш взгляд, этот факт до сих пор точно установить не удаётся. Если считать, что “заглаженная” керамика постепенно вытесняет “сетчатую”, тогда “сетчатая” керамика никакого отношения к ДК не имеет. О чем красноречиво свидетельствуют работы А.А. Бобринского, где на большом материале было доказано, что способ изготовления “сетчатой” керамики резко отличается от способов изготовления “заглаженной”. Во-вторых, IV — III вв. до н.э. — время,

когда появляются грузики ДТ, в этот момент начинает сильно снижаться процент сетчатой керамики и происходит “укрепление” городищ. В-третьих, во II — III вв. н.э. в керамическом ассортименте появляются формы лощеной керамики и фибулы, имеющие западные прототипы. В этот период исчезает сетчатая керамика. И в-четвертых, в V — VI вв. н.э. наблюдается новый импульс проникновения вещей с запада.

Во второй половине 80-х годов Н.А. Кренке (1987) разработал новый вариант хронологии ДК, основываясь на материалах своих раскопок Дьякова городища. Он предложил разделить общую хронологию ДК на пять периодов: 1). VIII — VI вв. до н.э. — раннедьяковский период; 2). V — III вв. до н.э.; 3). II в. до н.э. — I — II в. н.э. — позднедьяковский период; 4). II — V в. н.э.; 5). VI — VII вв. н.э. — финал, запустение.

Основание для такой периодизации автор видит в изменениях стратиграфии культурного слоя Дьякова городища и, в частности, в стерильных прослойках, в которых не было археологического инвентаря (этот разрыв приходится на рубеж 2-го и 3-го периодов, появление лощеной керамики в 3-м периоде и запустение городищ в последний 5-й период). Свои выводы Н.А. Кренке подтверждает радиоуглеродными датами, “новой” классификацией дьяковской керамики и относительной хронологией всего вещевого материала как самого Дьякова городища, так и материалов из других городищ бассейна Москвы-реки.

III. Рассмотрим все аргументы в историческом аспекте. На территории левобережной Украины в VIII в. до н.э. проживали племена Тридарихинской культуры (чернолесский вариант) (Граков, 1977). На рубеже VIII — VII вв. до н.э. появляются скифские племена, что не может не сказаться на существовании автохтонных племен. Не исключено, что часть населения была вынуждена подняться на север и выйти к Сейму, что в свою очередь могло привести к смещению части автохтонного населения ещё выше, на север. Здесь наблюдается принцип “домино”. Следовательно, мы вправе ожидать в предуречье Десны и Оки поселения с южными традициями в материальной культуре.

В конце VI в. (514 — 513 гг.) до н.э. на территорию Скифии торгаются войска Дария (Геродот, 1972). В поисках битвы со скифским войском Дарий вторгается в земли будинов и разоряет город Гелон (Бельское городище), и будины (ворсклинская группа т.н. скифов-земледельцев) вынуждены были покинуть свои земли. Сейчас трудно сказать, были ли гератовы “будины” племенами “милог-

радцев” или “юхновцев”. В конечном счете это не так важно, важно то, что часть населения левобережья Днепра покинула свою территорию и могла уйти только на север, в районы рек Сейма и Оки.

Итак, на рубеже V в. до н.э. можно ожидать “притока” с юга нового населения в пределах ДК. В конце III в. до н.э. на территории Украины, с запада, в районах р. Припять и р. Днестр появляются племена зарубинецкой и лукашовской культур, которые видоизменяют племенной ландшафт. В это же время с востока надвигаются сарматские племена. “Зарубинцы” с запада сдвигают “милоградцев” на северо-восток, а сарматы — население левобережья Днепра на север. Два потока переселенцев должны были сойтись в междуречье Десны и Оки. Следовательно, в конце II в. до н.э. в пределах южных окраин “дьяковцев” можно ожидать притока нового населения. Следующий этап исторических событий приходится на конец II — начало III вв. н.э. Правда, накануне этого времени произошел распад “классической” зарубинецкой культуры и появились новые типы памятников, которые сформировали культуру “киевского типа”. К этому времени относится движение вельбарских племен (готы) с северо-запада на юго-восток, к Северному Причерноморью. По-видимому, к этому времени или чуть позже на памятниках дьяковской культуры появляются формы чернолощеной керамики. Их появление можно объяснить лишь притоком поздnezарубинецкого населения, где подобная посуда была привычна. В бассейне верхней Оки во II — III вв. н.э. формируется мощинская культура (Седов, 1994).

Здесь можно отметить один любопытный факт, начиная с III в. до н.э. на территорию Оки прибывает в основном “балтское” население, это замечание можно отнести к дискуссионным, но, думается, этот вопрос ещё предстоит решать.

На обширном пространстве, от Дуная до Курского Посеймья, от Чёрного моря до Припяти, в начале III века н.э., возникает конгломеративная черняховская культура. В конце IV в. н.э. она прекратила существование под давлением гуннских племён, пришедших с востока. Естественно, часть населения вынуждена была искать убежища на севере. Так возникает новая волна переселенцев. В пределах ареала днепро-двинской культуры появляется новое образование из автохтонов и пришельцев. Это культура тушемля-банцеровщины (Седов, 1994). Аналогичный процесс (приток населения и новых вещей) мы можем ожидать в пределах ДК в период первой половины V в. н.э. В.В. Седов сообщает о том, что к этому времени в междуречье Волги и Оки появляются браслетообразные височные кольца (Седов, 1994). И наконец, в конце VII — начале VIII вв., на

своих территориях прекращают действовать культуры мощинская и тушемля-банцеровщина. По-видимому, этот процесс затрагивает спустя какое-то время и дьяковскую культуру, что можно связывать с проникновением в эти территории славян (?).

Я ничего не сказал о восточных и северных соседях ДК. С востока и юго-востока ДК граничила с городецкой культурой (ГК), на севере с племенами позднекаргопольской культуры. ГК возникла одновременно с ДК, просуществовала от VII в. до н.э. до V в. н.э. и занимала пространство по Оке от впадения Москвы-реки до впадения Камы в Волгу. Мы можем говорить о возможном взаимовлиянии двух культур, но насколько это было существенно, большой вопрос. Однако в ГК не было грузиков дьякова типа. В ГК были погребальные памятники, в ДК их до сих пор не обнаружено. Насколько сильно могли влиять на ДК племена охотников с севера, сказать трудно. По-видимому, это влияние было минимальным.

IV. Нам представляется, что настало время выстраивать хронологию ДК, используя хронологические схемы общеевропейской периодизации. На самом деле, хронологические границы, установленные для европейских древностей достаточно точно отражают исторические процессы, происходившие в недрах ДК. Например, Гальштатский период (IX — V вв. до н.э.) — ранний период ДК; датенский период (от V в. до н.э. по рубеж эр) — период стабилизации ДК; римский период (с I века н.э. — IV век н.э.) — период, когда в пределы ДК активно начинают проникать носители “новых” культурных традиций, носители лощеной керамики (возможно, что это были балты). С начала V в. н.э. археологи отмечают, в частности, уход населения с городищ на селища, и значительное сокращение дьяковских поселений. Не исключено, что это было связано с уходом части дьяковского населения на юг в освободившиеся земли в связи с глобальными миграционными процессами, происходившими в результате гуннского движения на запад. Но это всего лишь предположение. Период с V в. н.э. по VIII в. ещё называют “эпохой создания варварских королевств” в недрах ДК, наблюдается процесс стагнации, или застоя. Однако в этот период с востока начинают поступать артефакты явно восточного происхождения (про-финнского?). Исходя из всего сказанного, можно констатировать, что использование европейской периодизации и синхронизация с ней культур лесной полосы эпохи железа может дать новый импульс не только в понимании внутренних процессов в самих “лесных” культурах, но и встроить их в общеевропейский исторический контекст.

V. В результате анализа археологического, исторического и этнографического материала я прихожу к выводу, что сегодняшние наши представления о хронологии дьяковской культуры нуждаются в корректировке. Общая хронологическая шкала явно “растянута”. На наш взгляд, “классический период” ДК укладывается в хронологические рамки от V — IV вв. до н.э. до IV — V (?) вв. н.э. Таким образом, для нас ДК характеризуется наличием грузиков дьякова типа, наличием гладкостенной, штрихованной и лощенной керамики, при полном отсутствии “сетчатой”, многочисленными изделиями из железа как основного исходного сырья для производства орудий труда, при частичном сохранении изделий из кости и камня. Но главное, это форма ведения хозяйства, многоукладное (многокомпонентное) по сути, где ведущую роль играет подсечно-огневая система земледелия, скотоводство, рыболовство, охота и собирательство. Этот тип хозяйства продержался около тысячи лет и создал базу для дальнейшего перехода к более совершенным экономическим формам в сельском хозяйстве, вначале перелогу, а потом и к стационарным (пашенным) формам земледелия.

БРАСЛЕТЫ МОЩИНСКОГО КЛАДА

*Г.А.Массалитина, к.и.н.,
Национальный парк «Угра»*

Хорошо известный Мощинский клад был обнаружен Н.И. Булычевым в 1885 г. при раскопках городища у д. Мощины (ныне Мосальский район Калужской области). Клад был зарыт под подошвой оборонительного вала. Он содержал большое количество украшений из бронзы, серебра и стекла: подвески, накладки, фибулы, браслеты, бусы. Основу клада составляло несколько десятков изделий с выемчатой эмалью, которые сразу стали предметом пристального интереса, не ослабевающего у исследователей и по сей день. К сожалению, клад из Мощин до сих пор остается не опубликованным, а мнения о его датировке и интерпретации в целом расходятся. Мы считаем его комплексом длительного накопления, в составе которого есть вещи, охватывающие собой весь V в. (Массалитина 1991. С. 29 — 37). А.М. Обломский и Е.Л. Гороховский полагают, что набор представленных в кладах изделий складывается в римское время и датируют его III в., самое позднее — началом IV в. (Обломский, Гороховский. 1986. С.17).

В статье будет рассмотрена лишь одна категория находок клада — браслеты. Их всего 14; это роскошные, высокого качества исполнения изделия. Выделяются браслеты 2 типов:

1. Тонкие, литые, прямоугольные в сечении, с несомкнутыми утолщенными концами (четыре экземпляра). Края и поверхность пластин декорирована бороздками, каннелюрами, накольчатый и пуансонным орнаментом. С лицевой стороны середина браслетов выделена прямоугольным утолщением; этот прямоугольник является центром орнаментальной композиции (рис.1: 4). Единственной, очень близкой аналогией является браслет из Двораков-Пикут (Польша), где он был найден в комплексе погребения; там же были и перекладчатые фибулы с эмалью, аналогичные фибулам мощинского клада. Датировки комплекса различаются. Поляки датируют его в целом второй половиной IV — V вв. (Kaminski. 1956. S. 161 — 164; Okulicz. 1970. S.484), российские и украинские исследователи — не позднее IV в. (Гороховский. 1982а. С. 137 — 139).

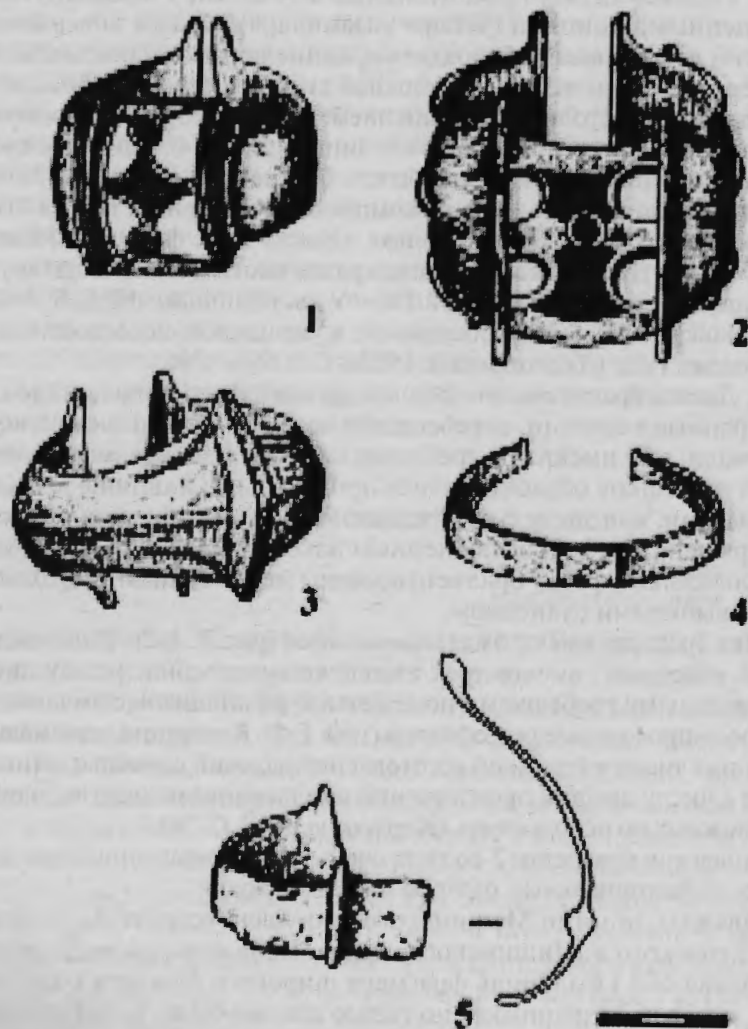
2. Десять браслетов относятся к другому типу: литые, широкие, трехгранные в сечении, с гребешками на ободке. Восемь экземпляров без эмали; они имеют три гребешка: в центре и по краям; торцевые части гребешков обрабатывались продольными или поперечными бороздками, или зигзагами. Средняя часть самого широкого браслета украшена ромбом, выполненным наколом (рис.1: 3). Два других по продольному ребру орнаментированы мельчайшими треугольниками, выбитыми пуансоном.

Два браслета имеют эмалевые вставки (рис.1: 1, 2). Они в целом более массивны, вместо трех имеют четыре гребня, между двумя центральными гребешками помещен ажурный щиток с эмалью. На одном — продольные рельефные жгуты. Г.Ф. Корзухина, занимавшаяся в том числе и техникой изготовления изделий с эмалью, относила их к числу лучших произведений эмальерного искусства, наиболее сложных по исполнению. (Корзухина. 1978. С. 34).

Аналогии браслетам 2-го типа очень немногочисленны, при этом велик территориальный разброс мест их находок.

Дважды, помимо Мощинского, они были встречены в составе Межигорского и Шишинского кладов. В Межигорском (Украина, Киевская обл.) был лишь фрагмент широкого браслета с гребешком, эмаль не сохранилась, но гнездо для нее было. Е.Л. Гороховский в своих последних работах датирует его III — IV вв. (Гороховский. 1982б. С. 135). Шишинский клад, последний по времени находки, обнаружен в 1985 г. на поселении киевской культуры Шишино-5 Валгородской области. Автор находки связывает его с усадьбой ран-

ней фазы киевской культуры, для которой предлагает очень узкий хронологический интервал: рубеж II — III — первая половина III в. (Обломский. 1991. С.18, 47, 180 — 181).

Р и с. 1. Браслеты мощинского клад

Единичные находки браслетов этой же серии также немногочисленны:

- Плютенцы (Полтавская обл.), случайная находка конца XIX в., с эмалью (Корзухина. 1978. С. 70).

- Неаполь Скифский, найден в женском погребении, которое по лучковой подвязной фибуле, по Амброзу, датируется II — III вв. (Сымонович. 1983. С. 60; Амброз. 1966. С. 51);

- Пензенская обл., мордовский могильник у с. Ражки, погребение II — IV вв. (Полесских. 1959. С. 206);

- два великолепных экземпляра в литовских могильниках: браслет из Мигонис датируют IV в. (Михельбертас. 1985. С. 232); из Дембай-Пакачине — III — IV вв. (Гороховский. 1982б. С. 135).

Наконец, две последние находки, на которые хочется обратить особое внимание. Обе сделаны все на том же поселении у д. Мощины. Одна — это фрагмент широкого браслета с гребнем, найденный Н.И. Булычевым в насыпи вала (Булычев. 1899. Табл. XIV:15). Другая находка — это почти целый браслет из раскопок И.К. Фролова на селище за валом (рис.1: 5). Если булычевский экземпляр сомнения в оригинальности не вызывает — это массивная, добротная вещь; то экземпляр с селища необычен: он тонкий, пластинчатый; гребни имитируются неаккуратными утолщениями. Думается, что это местное подражание оригинальным вещам, причем довольно небрежное.

Таким образом, поселение у д. Мощины на сегодняшний день является пунктом максимальной концентрации браслетов рассмотренных типов, здесь они найдены в количестве шестнадцати экземпляров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР //САИ. Вып. Д1-30. М., 1966.
2. Булычев Н.И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.
3. Гороховский Е.Л. О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья //Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1982а.
4. Гороховский Е.Л. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья //Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982б.
5. Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями V — первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье //САИ. Вып. Е1-43. Л., 1978.
6. Массалитина Г.А. Мощинский клад //Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 205. 1991.
7. Обломский А.М., Гороховский Е.Л. О дате Мощинского и Жижгорского кладов //Проблемы древнейшей истории Верхнего Поочья: тез. докл. 1-й историко-археологической конференции. Калуга, 1986.

8. Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I — V вв. М., 1991.

9. Полесских М.Р. Могильники древней мордвы в Пензенской области // СА. № 4. 1959.

10. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского). Киев, 1983.

11. Kaminski A. Z badan nad Pograniczem Polsko-Rusko-Jacwieskim w rejonie rzeki Sliny //WA. 23. Z. 2. 1956.

12. Okulicz J. Studia nad przemianami kulturowymi i osadniczymi w okresie rzymskim na Pomorzu Wschodnim, Mazowszu i Podlasiu //AP. 15. Z. 2. 1970.

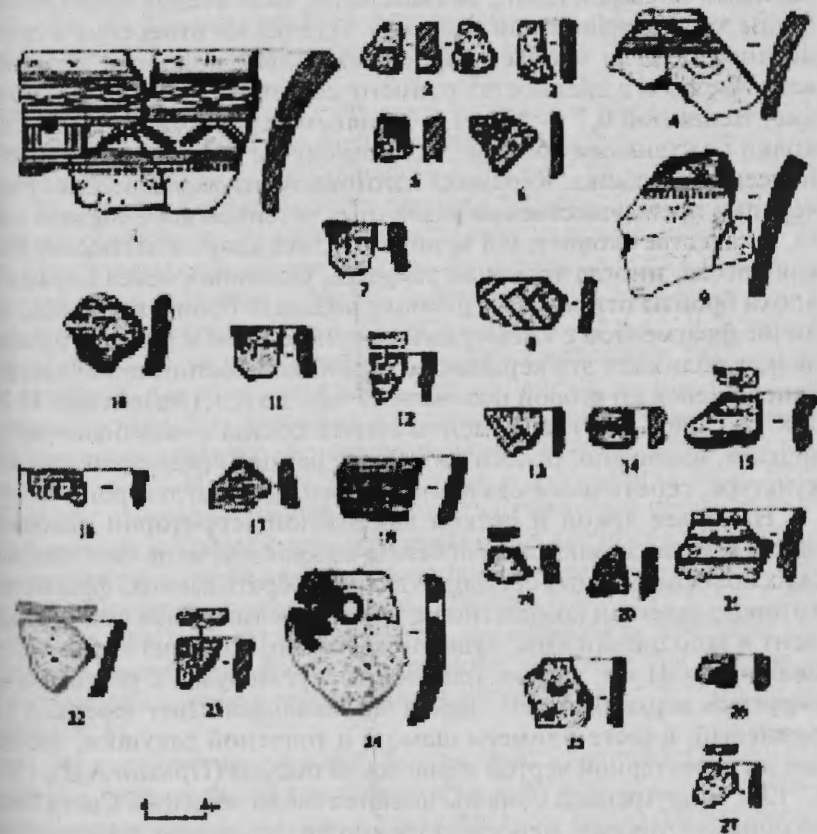
ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА СЕЛИЩА ХИЗОВКА-3

В.Н. Гурьянов,

*Брянская областная дирекция по охране, реставрации
и использованию памятников истории и культуры*

Селище Хизовка-3 расположено в 0,25 км к северо-востоку от восточной окраины д. Хизовка Дятьковского района Брянской области на склоне обширного мыса, образованного отрогом первой надпойменной террасы правого коренного берега р. Болвы и левым берегом безымянного ручья при впадении его в долину Болвы. Памятник обнаружен автором и В.В. Миненко при обследовании трассы магистрального газопровода (Гурьянов В.Н., 1999). В 2001 г. в связи с разрушением части селища в ходе работ по реконструкции газопровода на нем были проведены охранные раскопки, всего вскрыто 132 кв. м. Помимо основного материала древнерусского времени (XII — XV вв.), из раскопа происходит небольшая, но достаточно информативная серия лепной керамики, насчитывающая около 650 фрагментов. Лепная керамика относится к двум культурно-хронологическим группам: эпохе поздней бронзы и раннего железного века.

К эпохе поздней бронзы можно с достаточной степенью уверенности отнести около 50 фрагментов лепной керамики, примерно половину из них составляют фрагменты венчиков. Незначительное количество найденных стенок сосудов эпохи бронзы объясняется, видимо, как низким качеством керамики этого времени, так и сложностями, возникающими при разделении керамики эпохи поздней бронзы и раннего железного века. Среди венчиков сосудов преобладают прямые утолщенные венчики с ровными или закругленными краями, нернаментированные или украшенные по верхнему краю отпечатками зубчатого штампа прочерченными линиями, насечками, сочетающимися с косопрочерченными линиями.

Р и с. 1. Керамика эпохи поздней бронзы.
(1, 4, 9 - фрагменты абашевских сосудов)

Встречен венчик уплощенной формы с наплывом внутрь и наружу, орнаментированный ногтевыми вдавлениями, а также отогнутый наружу кососрезанный венчик, украшенный по всей поверхности фрагмента расчесами, напоминающими линейный орнамент. Интересен фрагмент венчика с приостренным краем, украшенный по шейке тремя глубокими прочерченными линиями (рис. 1: 13, 16, 18, 19, 21, 23). Стенки сосудов эпохи бронзы декорированы отпечатками шнура, «личиным» штампом, «елочным» орнаментом из прочерченных линий, «жемчужным» орнаментом (рис. 1: 10, 8, 2). Встречены фрагменты стенок с отверстиями, сде-

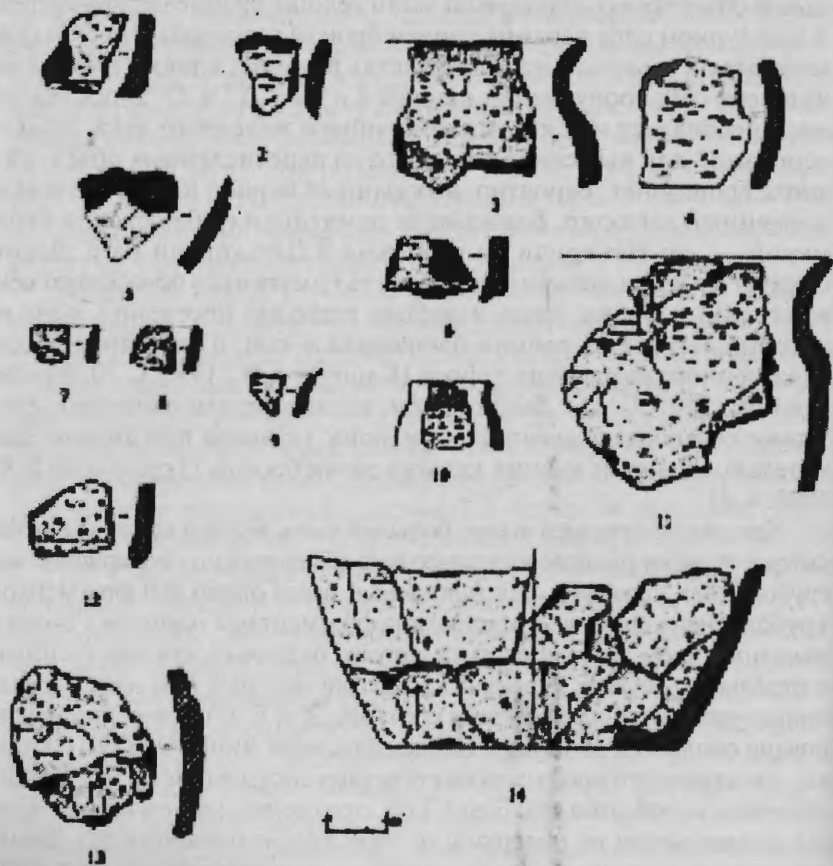
ланными по сырой глине. Значительная часть стенок имеет грубые следы заглаживания или расчесов. Однако их отнесение к эпохе поздней бронзы проблематично, поскольку подобная керамика встречается и в древностях раннего железного века. Донца плоские, толщиной 0,7 — 0,8 см, с плавным переходом в местах стыковки со стенками сосудов, в одном случае зафиксирована органическая подсыпка. Керамика изготовлена из ожелезненных глин, черепки преимущественно различных оттенков коричневого цвета, в качестве отошителей использовались кварциты, песок, мелкая дресва, иногда толченая ракушка. Основная масса керамики эпохи бронзы относится к периоду позднего бронзового века, наличие фрагментов с «жемчужным» орнаментом и ряд других признаков сближает эту керамику с керамикой сосницкой культуры, относящейся ко второй половине II тыс. до н.э. (Артеменко И.И., 1987. С. 106 — 113). Фрагменты стенки сосуда с «елочным» орнаментом, возможно, относятся к более ранней среднеднепровской культуре, генетически связанной с сосницкой культурой.

Наиболее яркой и редкой для данной территории находкой эпохи бронзы являются фрагменты по крайней мере двух абашевских колоколовидных сосудов. Удалось собрать венчик, фрагменты которого залегали компактно на уровне предматерика (один фрагмент в заполнении ямы, куда он, вероятно, попал из слоя). Сосуд диаметром 41 см, венчик плавно отогнут наружу, с утолщенным округлым верхним краем, шейка вертикальная. Цвет черепков коричневый, в тесте примеси шамота и толченой ракушки, что является характерной чертой абашевской посуды (Пряхин А.Д., 1987. С. 128). С внутренней стороны имеются следы лощения. Сосуд богато орнаментирован: непосредственно под венчиком проходит три полосы из трех прочерченных линий каждая, пространство между верхней и средней полосой заполнено ромбами, между средней и нижней — чередованием групп из четырех вертикальных линий и треугольников. Под нижней полосой линий идет пояс круглых ямочных вдавлений, ниже которого фиксируются нанесенные более тонким инструментом ямочки, образующие фигуру в виде полумесяца, направленного рогами вверх (рис. 1: 1). Два других фрагмента несколько отличаются в деталях орнаментации, повторяя в целом композицию нижнего пояса орнамента первого сосуда (рис. 1: 4, 9). Прямых аналогий указанным сосудам выявить не удалось, однако, по мнению ознакомившегося с данной керамикой к.и.н. Ю.Г. Екимова (краеведческий музей г. Тула), она сходна с абашевской керамикой правобережья Средней Волги, в меньшей степени

Южного и Среднего Урала (см. также Пряхин А.Д., 1976. С. 88 — 99, рис. 20). По мнению И.И. Артеменко и Г.Н. Проница, абашевские древности на левобережье Десны в Брянской области появляются около середины II тыс. до н.э. (Артеменко И.И., Пронин Г.М., 1976. С.75). Следует также отметить сходство керамики селища Хизовка-3 с керамикой поздней бронзы из культурного слоя грунтового могильника у с. Салтановка Навлинского района (Вказ. праця. С. 72, рис. 5). Керамика этого периода распределена в культурном слое и объектах исследованной части селища крайне неравномерно. В культурном слое керамика эпохи бронзы встречена в нескольких квадратах в северной и южной частях раскопа, а также в заполнении всех трех сооружений, канавы 2 и ям 3, 13 и 23. В последней она преобладает над керамикой раннего железного века, однако оснований для отнесения какого-то из перечисленных объектов к эпохе бронзы нет. Вероятно, в указанный период поселение имело временный характер. Ближайшие памятники с абашевской керамикой — это Немеричи на р. Ветьме и Дятьковичи на р. Десне. Следует отметить немногочисленность памятников бронзового века в бассейне р. Болвы, здесь известны всего два поселения, одно из которых датируется ранним бронзовым веком, и случайная находка каменного сверленого топора (Кашкин А.В., 1993. С.70; Кропачев Г.В., 2001. С. 15). Вместе с тем, исследователи отмечают культурное своеобразие древностей региона, указывая при этом на значительное влияние южных культур эпохи бронзы (Грудинкин Б.В., 1995. С.8).

Как уже отмечалось выше, большая часть лепной керамики относится к периоду раннего железного века. В коллекции представлена как груболепная керамика, так и лощеная, всего около 600 фрагментов. Груболепная керамика представлена фрагментами горшков с S-овидным профилем, венчик отогнут наружу, округлый или заостренный, в отдельных случаях украшен насечками по краю или накольчатым орнаментом чуть ниже верхнего края (рис. 2: 3, 7, 11). Всего орнаментировано около 40% венчиков. Найден фрагмент миниатюрного сосуда, повторяющего профилировку обычных сосудов (рис. 2: 10). Толщина стенок колеблется от 0,6 до 1,2 см, орнаментация отсутствует. Следы заглаживания на поверхности черепков не фиксируются. Донца массивные, плоские и плоско-выпуклые, диаметр собранного развала донца 15 см (рис. 2: 14). Находка этого донца возможно связана с керамикой из ямы 27, исследованной в том же квадрате, однако полного профиля сосуда собрать не удалось. Цвет черепков в основном оранжевый, оранжево-коричневый, оранжево-серый. Горшки изготов-

ливались из ожелезненной глины, в качестве отощителей в тесте фиксируются примеси крупной дресвы, песка, кварцитов, иногда охры или железняка, реже — органики. Наиболее распространенная примесь — крупные, до 0,8 см в поперечнике, фрагменты дресвы, особенно ярко представленные в керамике из ямы 27. На эту особенность технологических характеристик груболепной посуды селища Хизовка-3 обратила внимание к.и.н. Г.А.Массалитина, проанализировавшая данную серию керамики с памятника.

Р и с. 2. Керамика почепской культуры.
(3, 7, 8, 10, 11, 13, 14 - груболепная керамика.
1, 2, 4, 5, 6, 9, 12 - лощеная керамика)

Помимо груболепной, встречена керамика с тщательно заглаженной поверхностью, которую в дальнейшем мы будем именовать дощенной, хотя чисто лощеной керамики в коллекции практически нет. Это 3 фрагмента венчиков, 33 фрагмента стенок и один фрагмент донца, что составляет около 6% керамики раннего железного века с раскопа. Такой процент вполне укладывается в рамки доли лощеной керамики на памятниках типа Почеп (Обломский А.М., 1993. С. 46). Два венчика прямые, со слегка скругленным краем, и являются, вероятно, венчиками мисок; третий — слегка отогнутый наружу и, возможно, S-овидного профиля (рис. 2: 9). Стенки лощеных сосудов толщиной 0,5 — 0,8 см, встречено несколько стенок как с хорошо выраженным ребром, так и выпуклобоких (рис. 2: 1, 6, 4). Донце со слабо выраженным кольцевидным поддоном, высота поддона 1,5 см. Цвет черепков лощеной посуды — серо-желтый, коричневый, черный, в изломе преимущественно серый. Поверхность сосудов тщательно заглажена как с внешней, так и с внутренней стороны. В тесте примеси просеянного песка и кварцитов, иногда охры или железняка. Таким образом, на селище представлены как груболепная кухонная посуда, так и лощеная столовая, прежде всего миски. Такой набор посуды характерен для позднезарубинецких памятников типа Почеп (Обломский А.М., 1993. С. 46 — 47, 232 — 233. Табл. XIII — XIV) и практически не отличается от керамики других поселений почепской культуры Верхнего Подесенья (Гурьянов В.Н., Миненко В.В., 2001. С. 36 — 40). Керамика почепской культуры распределена достаточно равномерно в культурном слое на всей площади раскопа. Она найдена в заполнении всех трех сооружений и в ямах 1 — 4, 6 — 8, 13 — 15, 24. В заполнении ямы 27 встречена только груболепная почепская керамика. Несомненно, возникновение и функционирование этой ямы относится к I — II вв. н.э. Первоначально яма была принята за погребальную, однако, помимо керамики, каких-либо других находок в ее заполнении не встречено. Возможно, в это же время возникло и сооружение 3, которое использовалось впоследствии в древнерусское время. Лепная керамика преобладала также и в ямах 2, 4 и 8. В I — II вв. н.э. селище Хизовка-3, видимо, представляло собой небольшой поселок почепской культуры, возникновение которого может быть связано с продвижением части почепского населения по реке Болве на Верхнюю Оку, где оно приняло участие в складывании мощинской культуры (Седов В.В., 1970. С. 43 — 44; Массалитина Г.А., 1994. С. 16). Следует отметить, что селище Хизовка-3 не единственный известный памятник типа Почеп на р.Болве в пределах Брянской области. Керамика почепской культуры найдена

также на городище и селище Хизовка-4 и Хизовка-5, расположенных в 2 км ниже по течению Болвы (Миненко В.В., 1999. С. 10, 11), и на городище и селище у д. Шибенец, расположенных в 25 км южнее (Кашкин А.В., 1993. С. 70).

Таким образом, лепная керамика из раскопок селища Хизовка-3, на наш взгляд, представляет собой дополнительный источник для оценки этнокультурной ситуации на Болве в середине II тыс. до н.э. и в начале I тыс. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артеменко И.И. Сосницкая культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Археология СССР. М., 1987.
2. Артеменко И.И., Пронин Г.М. Пам'ятки абашевської культури на Десні // Археологія. Вип. 20. Київ, 1976.
3. Грудинкин Б.В. Культурное своеобразие в бассейне Болвы в эпоху камня и бронзы (по материалам Окско-Деснинской экспедиции) // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 2. Ч. 2. (Археология). Киров, 1995.
4. Гурьянов В.Н. Работы Брянской древнерусской экспедиции // АО 1997 г. М., 1999.
5. Гурьянов В.Н., Миненко В.В. Новые исследования поселений по-чепской культуры в Верхнем Подесенье // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы VIII регион. науч. конф. Калуга, 2001.
6. Кашкин А.В. Археологическая карта России: Брянская область. М., 1993.
7. Кропачев Г.В. Археологическая карта Верхней и Средней Болвы. Калуга, 2001.
8. Массалитина Г.А. Мощинская культура. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1994.
9. Миненко В.В. Отчет об археологических работах в Брянской области в 1998 году // Архив ИА РАН, Р-1.
10. Обломский А.М. Позднестаробульские памятники // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. Археология СССР. М., 1993.
11. Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976.
12. Пряхин А.Д. Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987.
13. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

ФИГУРНЫЕ КРЕМНИ ИЗ ВЕРХНЕГО ПОДЕСЕНЬЯ

А.А. Чубур, к. и. н.,

Московский государственный социальный университет, Брянский филиал

В племенах волосовской позднелитической культуры были

распространены культовые фигурки из кремня, изображающие людей и животных: хищников, птиц, пресмыкающихся, рыб. До недавнего времени южным пределом распространения таких изделий считалось Среднее Поочье. Однако Б.В. Грудинкин на городище Троицкое 1 обнаружил три фигурных кремня, изображающих рыбу, змею и человека, что расширило юго-запад ареала в Верхнее Поочье [2]. Недавно характерные волосовские изделия найдены под г. Обнинском студентом Калужского госпедуниверситета С.Ю. Бурылиным (Бурылин, устное сообщение, 2002).

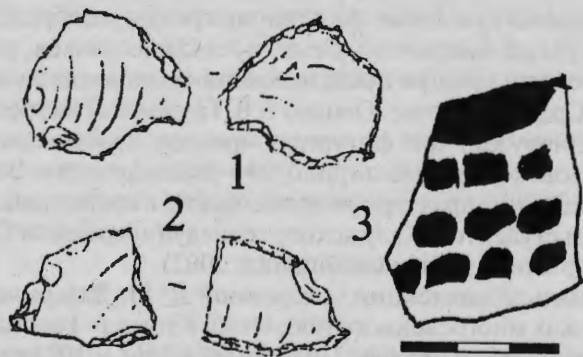
При анализе коллекции, собранной Ф.М. Заверняевым [3, 4] при раскопках многослойного поселения в устье р. Госома у с. Хотылево Брянской обл. (Верхнее Подесенье) в 1968 и 1971 гг. был отмечен комплекс мезолитических изделий, близких к иеневской культуре [5] и очень малочисленный материал рубежа неолита-бронзы, включая две скульптуры из кремня. Это головные изображения, выполненные в профиль. Характерная их особенность — обработка заготовки исключительно краевой ретушью.

1. Голова водного млекопитающего (выдры или бобра) с характерной угловатой мордой. Такая угловатость — один из наиболее заметных их внешних признаков: Геродот, рассказывая об охоте будинов, не случайно характеризовал водных зверей как “зверей с квадратными мордами” [1]. Проработаны небольшие ушки, умело использована в качестве “глаза” выщерблина в спинке заготовки (рис. 1: 1).

2. Голова рыбы (?). “Нос” заострен, что, возможно, говорит о принадлежности рыбы к семейству осетровых (рис. 1: 2), которые в неолите были распространены в реках центра Русской равнины.

Другие материалы рубежа эпох неолита-бронзы представлены 4 фрагментами орнаментированной расплывчатым невыраженным ромбом керамики (рис. 1: 3), наконечниками стрелы (раскопки 1968 г.) и копья (найден краеведом В.В. Бабаевым). Возможно, к этому периоду относятся также отдельные пластины и отщепы. Характер каменных изделий близок как к волосовским, так и к местному финальному неолиту. Орнамент керамики близок к финалу неолита верхнего Подесенья.

Характер материала (кремневые скульптуры, вооружение) позволяет предположить особый тип памятника: небольшой культовый комплекс или погребение, совершенно разрушенные во время неоднократных последующих заселений участка. Косвенно о погребении свидетельствует и находка человеческого зуба, нехарактерная для поселений. О размещении находок сказать трудно, ибо они встречены в слое, многократно перемешанном.

Р и с. 1. Находки с многослойного поселения Устья Госомы (Брянская обл.)

- 1 — “голова зверя” (кремнь);
2 — “голова рыбы” (кремнь);
3 — керамика

Фигурные кремни из Устья Госомы — первая находка такого рода в бассейне Верхней Десны. Основной ареал подобных изделий лежит к северу и северо-востоку (Поочье и Верхнее Поволжье). Этот факт может свидетельствовать об этнокультурных связях местного позднеолитического населения с Поочьем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геродот. История // Приложение в кн.: Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в “Истории” Геродота. М., 1982.
2. Грудинкин Б.В. Фигурный кремль с городища Троицкое 1 (Любутск) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Вып. 8. Калуга, 2001. С. 24 — 27.
3. Заверняев Ф.М. Дневник исследований селища в устье р. Госомы на нижней окраине с. Хотылево Брянского района. Август 1968 г. // Рукопись. Научный архив БГОКМ.
4. Заверняев Ф.М. Отчет об археологических исследованиях Брянского областного краеведческого музея в 1968 г. Архив ИА РАН, Р-1, № 3786.
5. Чубур А.А., Гурьянов В.Н. Новые данные об ареале иеневской культуры // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия центральной России. Т.1 (Археология). Тула, 2002. С. 28 — 37.

ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ НЕОЛИТ В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ*

А.Н. Мазуркевич, Государственный Эрмитаж,
П.М. Долуханов, Университет Ньюкасла, Великобритания,
Д. Гроненборн, Университет им. Иоганна Вольфганга Гёте,

Франкфурт, Германия,
Л.А. Савельева, НИИ географии СПбГУ,
М.А. Кулькова, ИИМК РАН, Д.Ю. Гуж Государственный Эрмитаж,
С.В. Морозов, Государственный Эрмитаж

Гордон Чайлд (1958) рассматривал европейский неолит как результат миграций земледельцев, расселявшихся из зоны первоначальной доместикировки злаков на Ближнем Востоке. Эта теория нашла подтверждение в трудах Аммермана и Кавалли-Сфорца (Ammerman, Cavalli-Sforza, 1973), которые, используя модель диффузии “эволюционно благоприятных генов”, предположили, что земледелие было занесено в Европу волнами мигрантов из Ближнего Востока, уничтоживших первоначальное мезолитическое население. Альтернативная гипотеза (Wittle, 1996) рассматривает неолитизацию как результат восприятия земледелия местными группами мезолитических охотников-собираателей.

Последнее время эти гипотезы активно обсуждаются на материалах культуры линейно-ленточной керамики (ЛЛК), с которой связывается распространение земледелия в Центральной Европе. Альтернативная гипотеза подтверждается находками наконечников мезолитического типа в комплексах культуры ЛЛК (Wittle, 1996). Было высказано предположение о том, что сравнительно небольшие группы мигрантов вступали в контакт с местными охотниками-собираателями (Gronenborn, 1999; Price *et al*, 2001). Существенное значение имеет выделение на ряде памятников ЛЛК керамического комплекса “Ла Огетт” — конических сосудов, украшенных гребенчатым орнаментом (Van Berg, Hauzeur, 2001). В одном случае эта керамика была найдена в мезолитическом контексте. На основании анализа радиоуглеродных дат Гроненборн (Gronenborn, 1999: 156) заключает, что ранняя ЛЛК появилась в Задунавье 5700 — 5660 до н.э., достигнув Франконии ок. 5500 до н.э. (здесь и далее — калиброванные даты до н.э.).

Обработка большого массива радиоуглеродных датировок с ис-

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ - 02-06-80318, INTAS: № 00-016.

пользованием статистического критерия “одновременности” (Dolukhanov *et al*, 2002) позволила получить иные оценки. Впервые, не подтвердилась установленная типологическим методом неодновременность объектов в пределах сложных поселений ЛЛК (Брунн, Розенбург и пр.). Все эти объекты оказались одновозрастными в пределах принятой точности радиоуглеродного метода (около 100 лет).

Исследование всего массива дат для памятников ЛЛК в Европе показало, что 40 из 47 дат удовлетворяют критерию одновременности. Они образуют гауссовую кривую распределения в пределах 5500 — 4700 до н.э. с наиболее вероятным значением возраста: 5154 ± 62 . Наш анализ показывает, что распространение ЛЛК в Европе было однофазовым процессом, который не может быть подразделён на временные интервалы в пределах принятой методики. Другими словами, распространение “культурного пакета” ЛЛК в Европе было, в статистическом смысле, “одномоментным событием”.

На территории большей части Восточно-Европейской равнины появление неолита традиционно связывается с рядом технологических новаций, в первую очередь с керамическим производством, при сохранении хозяйственного уклада присваивающего типа. Анализ массива радиоуглеродных дат с использованием статистических критериев показывает, что процесс неолитизации здесь проходил принципиально иначе, чем на западе.

Исследование серий радиоуглеродных дат, полученных для заведомо одновозрастных образцов из свайных сооружений (1, 2, 3 и 6) на озёрном поселении Сертея II в Смоленской области, позволило реально определить точность оценки возраста с помощью радиоуглерода. Для сооружения 1 было получено значение возраста 2304 ± 113 ; сооружения 2: 2372 ± 83 ВС; сооружения 3: 2295 ± 129 ; сооружения 6: 2219 ± 184 . Среднее значение для всех сооружений: 2298 ± 127 . Стандартное отклонение, равное 127, было принято как минимальная оценка точности. Последовательность сооружений построек подтверждается и данными дендрохронологического анализа.

Исследование массивов дат для культурно-исторических общностей, выделенных для раннего неолита Восточно-Европейской равнины, подтвердило их реальность. Анализ гомогенных совокупностей дат позволил определить наиболее вероятные оценки возраста. Эти культурно-исторические общности образуют последовательную хронологическую последовательность: ельшанская (6910 ± 58) — Буго-Днестровская (6121 ± 101) — Ракушечная (5846 ± 128) —

Верхневолжская и другие раннеолитические общности центра и севера Русской равнины (5317 ± 30).

Изучение всей совокупности датировок для неолита Восточно-Европейской равнины показывает, что они образуют два широких максимума в пределах 5800 — 5600 и 5200 — 4800 до н.э. При этом ранний максимум (образованный преимущественно датировками раннеолитических памятников центра и севера Русской равнины) достаточно близко совпадает с распределением датировок ЛЛК в Центральной Европе.

Полученные данные позволяют считать, что неолитизация в Европе была единым процессом. При этом в различных частях континента реализовывались различные сценарии: практически мгновенная диффузия в ареале ЛЛК и замедленная многофазовая диффузия в пределах Восточно-Европейской равнины. Пространственное распределение радиоуглеродных дат позволяет предположить, что последовательность культур: ельшанская — ракушечная и (частично) буго-днепровская осуществлялась под воздействием культурного импульса, исходившего из востока. Под воздействием этих культур распространяются близкие формы сосудов в Поднепровье (Струмеля-Гастятино), в Белорусском Понеманье. В то же время верхневолжская, сертейская и другие раннеолитические культуры Русской равнины развивались на первом этапе под воздействием культур с накольчатой керамикой. Нельзя исключить возможности того, что в основе этих культурных явлений лежит адаптивная реакция на общие палеоклиматические сигналы. Все раннеолитические культуры Восточно-Европейской равнины развивались на основе местного мезолитического субстрата.

Переход к производящему хозяйству в лесной зоне Восточной Европы (в ее западной части) происходил по иному сценарию, нежели на других территориях. Выявлению условий, благоприятных для распространения навыков производящего хозяйства, способствовала работа по созданию и разработке базы данных по памятникам каменного — железного века Ловатско-Двинского междуречья.

По данным палинологического анализа, первое появление пыльцы группы культурных злаков *Cerealia* относится к началу суббореального периода и соответствует радиоуглеродному возрасту около 3560 ± 290 л.н. На границе суббореального и атлантического периодов происходит деградация широколиственных лесов, сокращение роли лещины, начинают развиваться березово-сосново-еловые леса. Кроме того, на спорово-пыльцевой диаграмме в это же время фик-

сируется высокое содержание травянистой растительности, что говорит о распространении открытых пространств, которые могли быть использованы древним человеком для земледелия. Максимальное содержание пыльцы *Cerealia* датируется возрастом около 1170+/-60 л.н. (середина субатлантического периода). К этому же времени относятся и находки пыльцы сеgetального сорняка *Centaurea cyanus*, который является постоянным спутником зерновых культур. С конца суббореального периода постоянно присутствует пыльца рудеральных сорняков *Artemisia* и *Chenopodiaceae*. На нарушение естественных ландшафтов и образование вырубок указывает также присутствие сорняков пасквальных местообитаний (представители семейств *Brassicaceae*, *Polygonaceae*).

О появлении земледелия могут свидетельствовать и данные определения химического состава сапропелей и прибрежных песчано-глинистых отложений. Для этого были использованы методы рентгено-спектрального флуоресцентного анализа и ICP метод. В отложениях сапропеля начала суббореального периода отмечается повышенное содержание Ti и Al. На поселении Сертея X в почвенных прослоях береговой части водоема, образовавшихся в это же время, также отмечается увеличение концентрации Ti, Zr, Hf, Al. Это может быть связано с эрозией почвы, изменением ее состава и сносом вещества в водоем в результате процессов земледелия, что приводит к накоплению тяжелых элементов в озерных отложениях. В озерных и почвенных отложениях начала суббореального периода отмечаются повышенные концентрации фосфора и марганца, элементов в данном случае, связанных с антропогенной деятельностью. Повышенное содержание $C_{орг.}$ и $P_{орг.}$ в почвенных отложениях по сравнению с более ранними отложениями, представленными в основном суглинками, способствовало улучшению агрокультурных свойств почв. Геохимические данные позволяют реконструировать изменение уровня воды данного озера и его продуктивности на протяжении всего голоцена. Так, на границе атлантического и суббореального периодов установлено резкое понижение воды в озере (регрессия) и уменьшение продуктивности водоема.

Свайные поселения существуют с конца IV тыс. до середины II тыс до н.э. Они возникают как специфическая модель адаптации к палеогеографическим условиям суббореального периода. Фиксируемое появление пыльцы культурных злаков сопровождается первыми находками домашних животных (коза, овца, свинья, корова, лошадь). Вероятнее всего навыки земледелия и скотоводства были заимствованы местным населением у носителей культуры

шаровидных амфор, которые проникают на Восточноевропейскую равнину и Прибалтику во второй четверти III тыс. до н. э. с территории Польши.

Таким образом, совокупность полученных данных указывает на ухудшение климатических условий и деградацию широколиственных лесов в начале суббореального периода, а также понижение уровня водоема, его заболачивание и уменьшение его продуктивности. Это в свою очередь могло привести к сокращению объема естественных пищевых ресурсов на этой территории. Все эти факторы способствовали поиску новых источников пищи, создавая благоприятные условия для распространения навыков земледелия и скотоводства. Наступление березово-еловых и сосново-еловых лесов на озера в этот период и их заболачивание является благоприятным фактором для появления более плодородных почв в прибрежных частях озер.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА НА ВЕРХНЕЙ ОКЕ

А. Е. Кравцов,

Государственный исторический музей

В 1999 — 2000 гг. мезолитической экспедицией ГИМ проводились раскопки и разведка памятников каменного века в окрестностях д. Ладыжино Тарусского района Калужской области на левом берегу р. Оки. Основными объектами исследований являлись стоянки Ладыжино 3 и 3А.

Стоянка Ладыжино 3 открыта в 1971 г. А.С. Фроловым, исследовалась им в 1976, 1977 (при участии М.Г. Жилина), 1979 гг. (Фролов, Жилин, 1978; Жилин, Фролов. 1981; Фролов. 1985). Производились сборы, шурфовка, раскопки. Общая площадь вскрытый составила 35 м². Раскопом 1 (15 м²) в восточной части территории памятника зафиксирована и на площади 7,5 м² вскрыта зона отложений с высокой концентрацией находок, распространявшаяся за пределы раскопа. В этой зоне отобраны образцы для палинологического анализа, результаты которого позволили датировать стоянку началом бореального периода голоцена (Фролов. 1985). В отложениях, вскрытых раскопом 2 (18 м², северная часть территории), находки оказались малочисленными. В начале 1980-х гг. стоянка была отнесена к иеневской культуре, в течение ряда лет представлялась одним из немногих исследовавшихся раскопками и достаточно полно опубликованных мезолитических памятников бас-

сейна Верхней Оки и единственным, обеспеченным естественно-научной датировкой.

В связи с важностью материалов Ладыжино 3 для разработки вопросов хронологии и культурной периодизации волго-окского мезолита, а также с обнаружившимися разночтениями результатов анализа, обосновывавших датировку памятника (сравни: Фролов, 1985. С. 50 и Кольцов, 1989. С. 81), в 1992 г. палинологическое изучение стоянки было проведено повторно. Образцы отбирались автором по врезке в южную стенку раскопа 1 1976 г. (рис. 1Б). Результаты выполненного Е.А. Спиридоновой анализа показали, что находки залегают в отложениях климатического оптимума пребореала; культурный горизонт непосредственно перекрывается и подстилается отложениями той же фазы указанного периода. В соответствии с этим была предложена новая — пребореальная — датировка, отнесенная уже не к памятнику в целом, а к зоне концентрации находок, исследовавшейся раскопом 1 (Кравцов, Спиридонова. 1996. С. 104 — 106).

Во второй половине 1990-х гг. на поле, непосредственно прилегающем с запада к территории памятника, построены коттеджи, земля перешла в собственность частных лиц, а до 75 % территории памятника — в долгосрочную аренду. Препятствий этому не имелось, т. к. стоянка, хотя и была включена в АКР (1992. С. 104), юридически статуса охраняемого государством памятника археологии не получила. Возобновленные в 1999 г. исследования проводились в значительной мере на огороженных участках по бескорыстной договоренности автора с их владельцами, оказавшими содействие работам экспедиции¹. В 2000 г. в 130 м к Ю от стоянки Ладыжино 3 была открыта стоянка Ладыжино 3А.

Памятники находятся в 0,6 и 0,7 км к В и ЮВВ от деревни, расположены на приовражных мысах второй или третьей надпойменных террас Оки на высоте 20 — 24 м над меженью² (рис. 1А). Территория стоянки Ладыжино 3, до 50% которой ранее распахивалось, достигает 3000 — 4000 м². Накопившиеся за годы исследований данные позволяют считать, что в ее границах существовало не менее двух зон концентрации культурных остатков, разделенных и окруженных зонами, слабо насыщенными археологическим материалом. Площадь распространения культурных отложений Ладыжино 3А — 500 — 1000 м².

¹ Пользуясь случаем, выражаю признательность С.А. Бессонову, А.В. Ломбардо, Е.Г. Коробченко, Н.А. Кукушкиной и их семьям.

² Уточненные данные инструментальной съемки 1999 — 2000 гг. На аналогичных высотах расположены и стоянки Ладыжино 1 и 2 (АКР, 1992. С.103, 104).

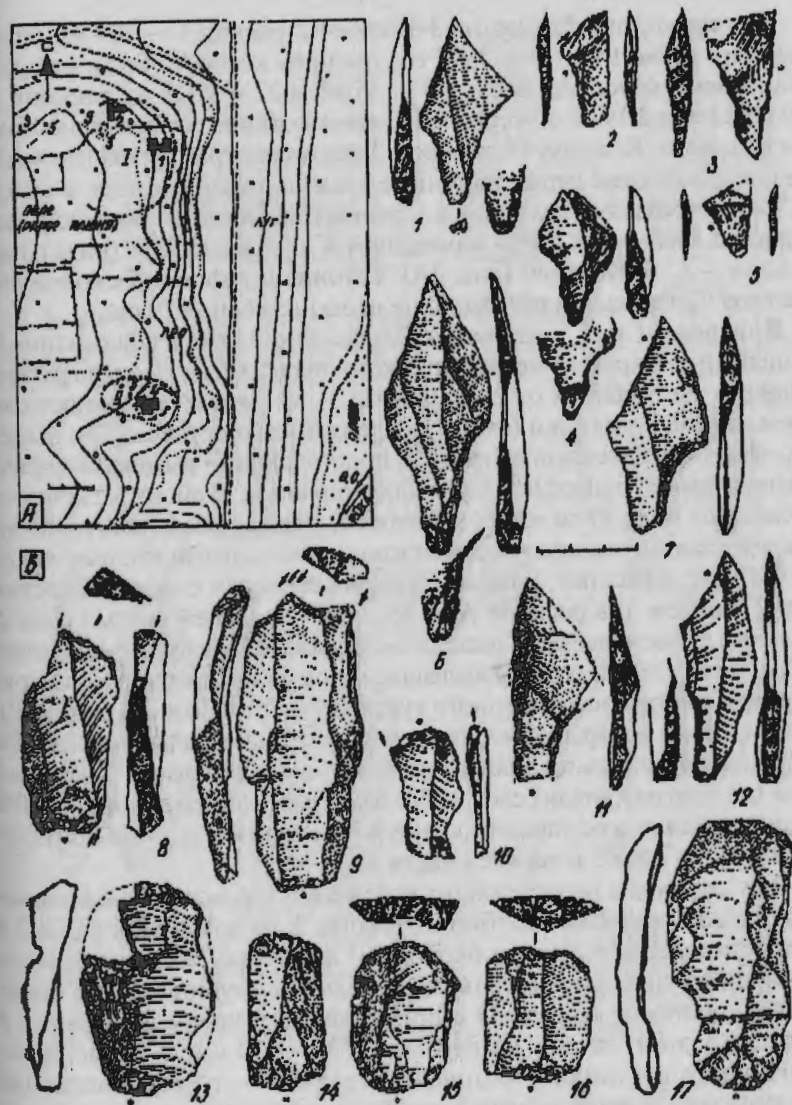
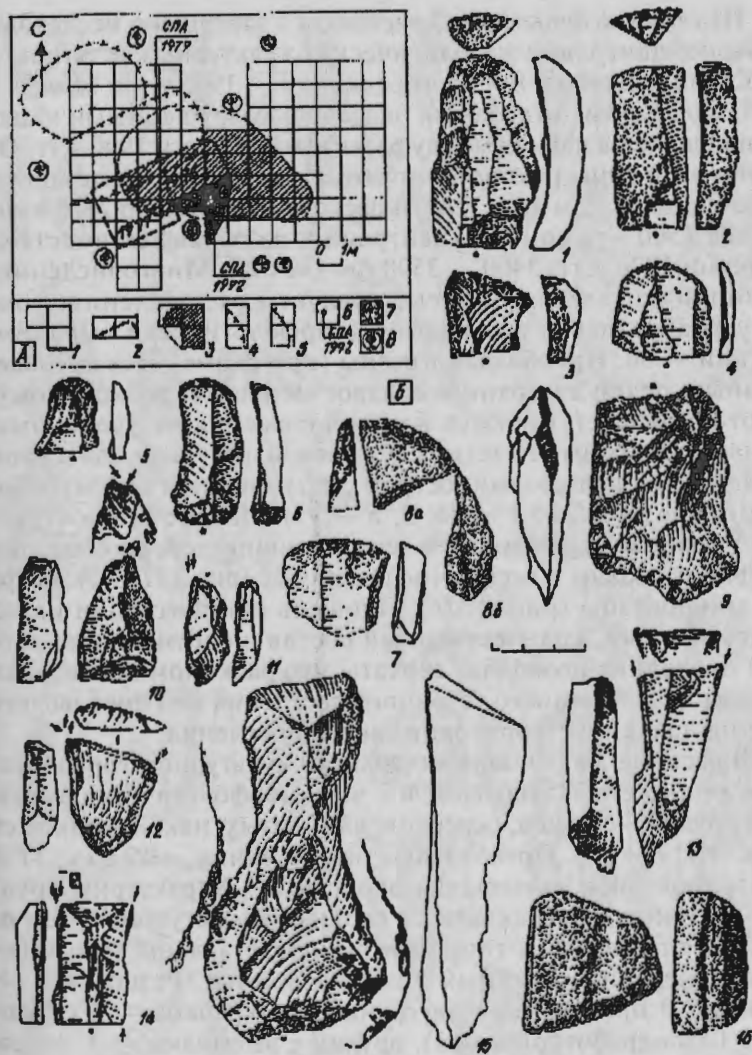

Рис. 1. А — план участка местности со стоянками Ладыжино 3 и 3А; сечение горизонталей через 2 м. Экспликация: 1 — Ладыжино 3; 11 — Ладыжино 3А; 1 — раскоп 1; 2 — раскоп 3; 3 — западина, предположительно на месте раскопа 2 1977 г.; 4 — раскоп А; 5 — шурфы. Б — 1-17 — Ладыжино 3, раскоп 3, кремневые орудия основного культурного горизонта. Рис. автора.

На территории Ладыжино 3 заложены: раскоп 1 — 104 м², пере-
крывший раскоп 1 1976 — 1977 гг., границы которого были не сразу
установлены (рис. 2А); раскоп 3 — 45 м², в 22 м к СЗ от раскопа 1,
близ раскопа 2 1977 г., местоположение которого определено при-
близительно. К западу от раскопа 3 заложены три шурфа (по 4 м²),
давшие единичные переотложенные кремни и находящиеся, очевид-
но, уже за пределами памятника. Стоянка Ладыжино 3А исследовалась
шурфами 1 и 3 — 4 и 2 м² — и раскопом А площадью 86 м² (начальник
раскопа — С.Б. Коннов) (рис. 1А). Глубина шурфов и раскопов вне
участков контрольной прокопки не превышала 60 — 70 см.

В шурфах 1 и 3, раскопах А (Ладыжино 3А) и 1 (Ладыжино 3)
расщепленные кремни мезолитического облика отмечались на разных
квадратах на глубинах от 2 — 10 до 35 — 50 см под поверхностным
слоем лесной подстилки (слой 1) в слоях бежевой супеси (2) и рыже-
вато-бежевой оглеенной супеси (3); подстилающий рыжевато-корич-
невато-бурый суглинок (слой 4) был стерильным. В обоих раскопах на
глубинах от 15 до 35 см микростратиграфически выделялись горизон-
ты интенсивной насыщенности отложений находками мощностью до
10 — 12 см; в раскопе 1 такой горизонт совпадал с нижней частью
слоя 2 и слоем 3; в раскопе А со средней — нижней частью слоя 2,
исключая его основание. В раскопе 3 (Ладыжино 3) слой 3 был белесо-
ватым; между ним и слоем 4 выделялся слой 4а — бурого белесоватого
гумусированного опесчаненного суглинка — погребенной почвы (?);
кремни, среди которых имелись орудия финально-палеолитического
облика, встречались на аналогичных глубинах в слоях 2, 3, верхней
части (до 5 см от кровли) слоя 4а без заметных концентраций; до 70%
орудий залегало в основании культурного горизонта — на контакте
слоев 2 и 3, в слое 3 и верхней части слоя 4а.

При шурфовке нижележащих отложений (производилась совме-
стно с А.В.Трусовым) глубина раскопа 3 на квадратах Г, Д/3,4
была доведена на площади около 3 м² до 305 см. В средней части
вскрытой толщи делювиальных суглинков на глубине 155 см обна-
ружены фрагмент пластины с притупленным краем и отщеп, а в
основании этой толщи, на глубине 270 — 300 см, в линзе буро-
коричневого суглинка с камнями и гравием — грубая массивная
пластина, два отщепа, отщеп с ретушью, кальцинированные фраг-
менты костей, по предположению А.В.Трусова, — пластин зубой
мамонта. Палеолитический возраст этих переотложенных находок не
вызывает сомнения. Ниже делювиальных суглинков залегала слоис-
тая толща лессовидных супесей с камнями и гравием, вскрытая до
глубины 410 см от современной поверхности на площади 1 м.

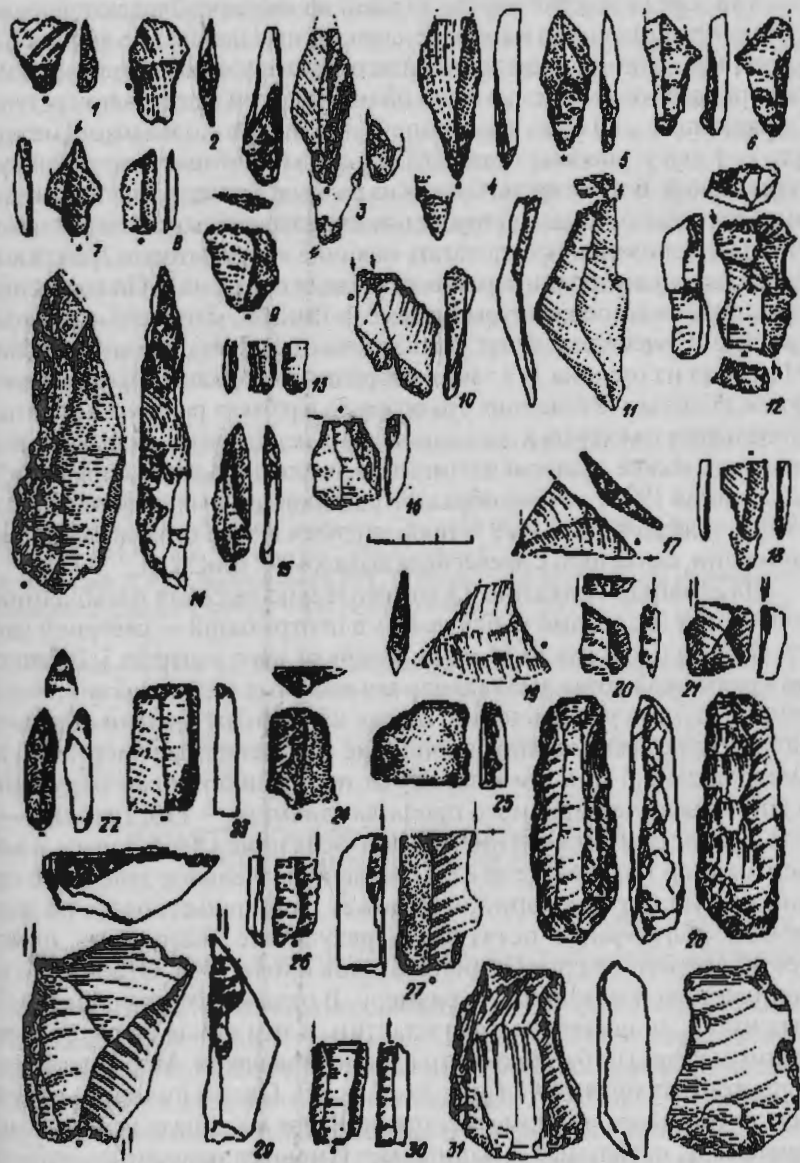

Р и с. 2. А — Ладыжино 3, раскоп 1, схема. Условные обозначения: 1 —
квадратная сетка раскопа 1999—2000 гг.; 2 — границы раскопа 1 1976, 1977 гг. и
врезки 1992 г.; 3 — зона концентрации находок; 4 — позднейшая канава; 5 —
отвал канавы; 6 — места отбора образцов для палинологического анализа с
указанием года отбора; 7 — зона стратиграфической аномалии; 8 — деревья,
пределившие контур раскопа.
Б — Ладыжино 3, раскоп 1; 1-15 — кремневые орудия; 16 — песчанико-
вый абразив. Рис. автора.

На стоянке Ладыжино 3 раскопом 1 завершено исследование зоны концентрации мезолитических культурных остатков, распространявшейся к В и Ю от раскопа 1 — 1976 — на 14 м²; к С от него культурные отложения оказались разрушенными канавой, появившейся в период между раскопами 1970-х и 1990-х гг. Очертания этой зоны реконструируются как подовальные, площадь ее равна 28 — 32 м² (рис. 2А). В раскопе обнаружено 2875 находок (более 1500 — в зоне концентрации, включавшей вместе с находками 1970-х гг. 3400 — 3500 предметов). Многочисленны отбойники из галек, нуклеусы, продукты расщепления, присутствуют абразивы с желобками. Морфологически выраженных орудий — 60. Преобладают резцы (при сломе; чуть меньше ретушных; редки двугранные); вдвое меньше скребков (доминируют концевые); имеются изделия с выемками, усеченные ретушью пластины, пластина с краевой ретушью, пластинка с притупленными краями, острия с затупленным краем, рубящее из отщепа (рис. 2Б: 1 — 16; 3, 8 — 15). Наконечники стрел (11 экз.) простые черешковые и асимметрично-черешковые, трапециевидные косо- и поперечнолезвийные (рис. 3: 1 — 7). Встречены микрорезцы (рис. 3: 16). Площадь концентрации находок, качественный состав и соотношение категорий последних позволяет считать, что раскопом исследовались остатки обособленного сезонного поселения или производственной площадки на территории такого поселения.

В раскопе 3 в основном (верхнем) культурном горизонте обнаружено всего 325 находок, в т. ч. 30 морфологически выраженных орудий — резцов, скребков, выемчатых, наконечников стрел (рис. 1Б: 1 — 17). Преобладают наконечники — 12 экз.; 11 концентрировались на площади около 10 м². Характерны крупные асимметрично-черешковые со скошенным ретушью краем пера, обычно относимые к типу Лингби; представлены трапециевидные, поперечнолезвийный и косолезвийные. Резцов — 8 (4 ретушных, 3 при сломе, 1 двугранный); скребков — 6 (5 концевых, 1 с подработкой краев); орудий с выемками — 3; пластина с косоусеченным концом — 1. Состав находок имеет черты специализации. Возможно, раскопом исследовались остатки так называемого “охотничьего лагеря”.

Материалы из раскопов 1, 3 и собранные в 1970-е гг. на пашне, несомненно, принадлежат к иеневской культуре. Помимо “общеиеневских” признаков, указанные планиграфически обособленные группы находок объединяются некоторыми специфическими.

Р и с. 3 — кремневые орудия (1-15, 17-31) и микрорезец (16). 1-16 — Ладыжино 3, раскоп 1; 17-31 — Ладыжино 3А, раскоп А. 1-19 — рис. автора; 20-31 — рис. С.Б.Коннова

Так, среди наконечников каждой из них преобладают асимметрично-черешковые, а наиболее характерные иеневские формы с боковой выемкой малочисленны или отсутствуют; имеются экземпляры с подработкой черешка плоской или пологой вентральной ретушью (в раскопе 1 — 2 экз., в раскопе 3 — 4 экз., в подъемном материале — 1 экз.), впервые представленные на территории иеневской культуры серией. В то же время орудия из раскопа 3, за редкими исключениями, отличаются большей грубостью заготовок и большими размерами. Это дает основание предполагать наличие на территории Ладыжино 3 остатков однокультурных разновременных поселений. По аналогиям в инвентаре стоянок культуры Бромме — Лингби, материалы, добытые в раскопе 3, очевидно, могут быть отнесены к финальному палеолиту. Материал из раскопа 1, а также собранный на пашне, представляется более молодым. Уточнение его возраста в рамках раннего мезолита — финального палеолита в настоящее время невозможно. Упомянутые палинологические датировки сомнительны, поскольку, как показали исследования 1999 г., отбор образцов для спорово-пыльцевого анализа в 1992 г. и, вероятно, в 1979 г. производился в зоне стратиграфической аномалии, связанной с древесным вывалом — ? (рис. 2А).

На стоянке Ладыжино 3А относительно высокая насыщенность отложений находками наблюдалась в центральной — северной части раскопа на площади до 35 м² и к северу от него в шурфе 3. В раскопе по краям этой зоны выделялись компактные (0,2 — 1,5 м²) скопления продуктов расщепления; ближе к ее центру кремни образывали нечетко выраженное скопление кольцевидных очертаний диаметром до 2,5 м; в 1 м к западу от нее зафиксирован округлый в плане объект чашевидного профиля (диаметр — 110, глубина — 50 см) с углистым заполнением, взаимосвязь между которым и концентрацией находок не ясна. Отмечено раздельное залегание орудий различных категорий, что может свидетельствовать об отложении культурных остатков в результате бытования одного кратковременного поселения. Находок около 1700. Отбойники малочисленны и невелики по размеру. В отличие от комплексов Ладыжино 3, значительно доля пластин, в том числе со слабо выраженным ударным бугорком и точечной площадкой. Морфологически выраженных орудий 42 (рис. 3: 17 — 31). Около половины — резцы; доминируют на сломе заготовки. Втрое меньше скребков; аморфный — 1, остальные — концевые. Имеются пластины с краевой ретушью и усеченным ретушью концом, сверло, ретушированные рубящие из отщепа и из толстой пластины. Геометрические микролиты представлены крупной высокой слабо асимметричной трапе-

цией и фрагментом, вероятно, аналогичного изделия со снятым резцовым сколом краем; найден насад наконечника с боковой выемкой, обработанный вертикальной среднефасеточной и мелкой дорсальной ретушью. С осторожностью стоянка Ладыжино 3А может быть отнесена к иеневской культуре. Возможно, различия между инвентарями Ладыжино 3 и 3А хронологического порядка, однако для подтверждения этого предположения имеющихся данных не достаточно. Ориентировочная датировка Ладыжино 3А — ранний мезолит.

В настоящее время проводится палинологическое изучение Ладыжино 3 и 3А по образцам, отобранным в раскопах 3 и А, как по разрезам, так и по простиранию культурных горизонтов. На 2003 г. запланировано продолжение раскопок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта России. Калужская область. М., 1992.
2. Жилин М.Г., Фролов А.С. Мезолитическая стоянка Ладыжино 3 (по материалам раскопок 1976 и 1977 гг.) //СА. 1981. № 2. С. 255 — 259.
3. Кольцов Л.В. Мезолит Волго-Окского междуречья //Археология СССР. Мезолит СССР. М.: Наука. 1989. С. 68 — 86.
4. Кравцов А.Е., Спиридонова Е.А. О возрасте и природном окружении стоянок иеневской культуры в Тверском Поволжье //ТАС. В. 2. Тверь, 1996. С. 99 — 107.
5. Фролов А.С. Палинологическая датировка стоянки Ладыжино 3 и ее место в окском мезолите //Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985. С. 46 — 51.
6. Фролов А.С., Жилин М.Г. Новый памятник мезолита на Верхней Оке //СА. 1978. № 1. С. 228 — 233.

ПАМЯТНИКИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ ОКИ

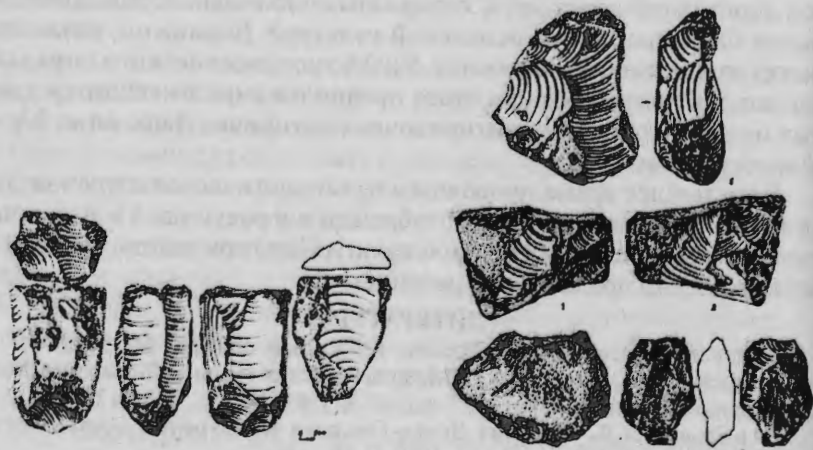
Б.В. Грудинкин,

Калужский государственный объединенный краеведческий музей

Выделить памятники верхнего палеолита в регионе Верхней Оки стало возможным лишь тогда, когда были открыты и изучены памятники мезолита и неолита. Палеолитические материалы выделялись по условиям залегания и типологически. Некоторые отдельные находки палеолитического облика были сделаны при раскопках памятников более поздних эпох. Первые материалы были получены сборами подъемного материала.

В Калуге автором с 1984 г. собирается подъемный материал, среди которого выделены находки верхнего палеолита: призматичес-

кий нуклеус (рис. 1: 1), орудия на пластинах и т.д. (рис. 1: 2) (Грудинкин, 2001а, с. 94 — 95).

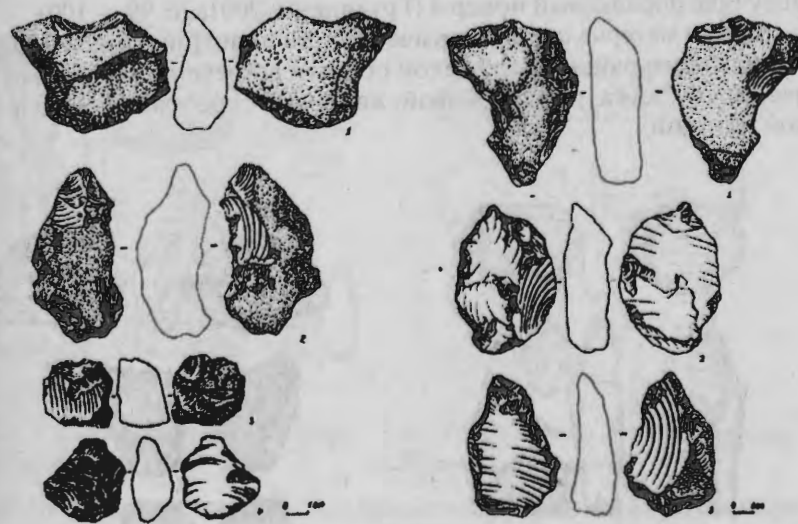

Р и с. 1. Калуга. Изделия из кремня

Р и с. 2. Троицкое. Стоянка 3
Кремневый инвентарь

На склоне третьей террасы правого берега р. Оки, под городищем Любутское-1 в 450 м к западу от д. Троицкое Ферзиковского района Калужской области, был собран подъёмный материал из кремнёвых артефактов в количестве 20. Находки вымывались из бурого суглинка, перемешанного с кремнёвой галькой и известняковой щебёнкой на грунтовой дороге. Основная масса материала изготовлена из коричневого кремня различных оттенков, а 4 изделия — из серого и 2 из светло-серого кремня. Нуклеусы из серого (рис. 2: 1) и коричневого кремня (рис. 2: 2, 3; 3: 3) — одноплощадочные. У одного имеются узкие резцовые сколы (рис. 2: 3). Также у всех частично сохранилась известняковая корка. Орудий с выемками 5. Одно изготовлено из плитки светло-коричневого кремня (рис. 3: 1), остальные — на отщепе коричневого и серого кремня (рис. 4: 3). Выемки выполнены одним крутонаправленным сколом (рис. 3: 1) или ретушированными (рис. 4: 3). Скребел — 2. Одно изготовлено из плитки светло-коричневого кремня с частью корки, поперечное-продольное-одинарное (рис. 4: 1). Рабочие края слегка выпуклые, оформлены крутой и полукрутой ретушью. Другое скребло на отщепе подовальной формы с небольшим выступом тёмно-коричневого кремня (рис. 4: 2). Рабочий край идёт почти по всему периметру и оформлен мелкой крутой

ретушью. Заготовки орудий сделаны из небольших конкреций коричневого кремня. Незавершённость формы и сохранение корки на большей части поверхности позволили отнести их к заготовкам (рис. 3: 2). Обломков неясных орудий — 4. Отщепов — 2. Один отщеп из серого кремня (рис. 3: 4), другой — из коричневого кремня. Все находки имеют лёгкую патину. Условия залегания находок и техника обработки камня позволяют отнести этот памятник к эпохе верхнего палеолита. Эта стоянка получила порядковый номер 3, так как предыдущие были открыты ранее (Грудинкин, 2001а, с. 99).

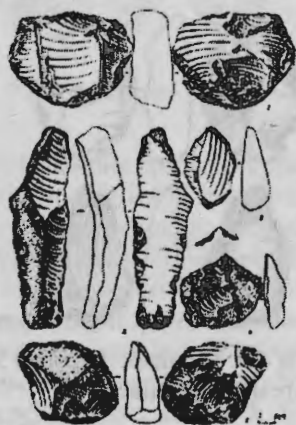
Р и с. 3. Троицкое. Стоянка 3.
Кремневый инвентарь

Р и с. 4. Троицкое. Стоянка 3.
Кремневый инвентарь

Следующий памятник расположен выше по течению р. Оки на склоне третьей террасы правого берега под городищем 2 в 825 м к западу от д. Троицкое. При строительстве тульского водозабора был затронут слой памятника. Находки собраны в размываемом буром суглинке в количестве 22. Среди них 3 поперечных скребла на массивных отщепе коричневого и светло-коричневого кремня с частью известняковой и окремнённой корки (рис. 5: 1, 5; 6: 1). Рабочие края слегка выпуклые, оформлены крутыми сколами. Небольшой скребок на массивном отщепе светло-серого с серыми и коричневыми пятнами кремня (рис. 5: 3). Рабочий край с небольшим выступом, оформлен мелкой крутой ретушью. Массивная реберчатая пластина светло-ко-

ричного кремня с частью известняковой корки (рис. 5: 2). По краям отдельные мелкие сколы неясного назначения. Проколка на отщепе коричневого полупрозрачного кремня с частью известняковой корки (рис. 5: 4). Жало небольшое, оформлено крутой ретушью со спинки. Два ретушёра из овальных галек серого и красного кремня с частью известняковой корки (рис. 6: 2, 3). Следы характерной звёздчатой забитости свидетельствуют об их назначении. 14 находок — различные отщепы из коричневого, серого и фиолетового кремня. На всех находках лёгкая патина. Условия залегания находок и техника обработки камня позволяют отнести памятник к эпохе верхнего палеолита. Эта стоянка получила порядковый номер 4 (Грудинкин, 2001а, с. 99 — 100).

Среди материалов мезолитической стоянки Никольское-3 Перемышльского района Калужской области встречены два призматических нуклеуса, резец боковой, концевые скребки, покрытые белой патиной.

Р и с. 5. Троицкое. Стоянка 4.
Кремневый инвентарь

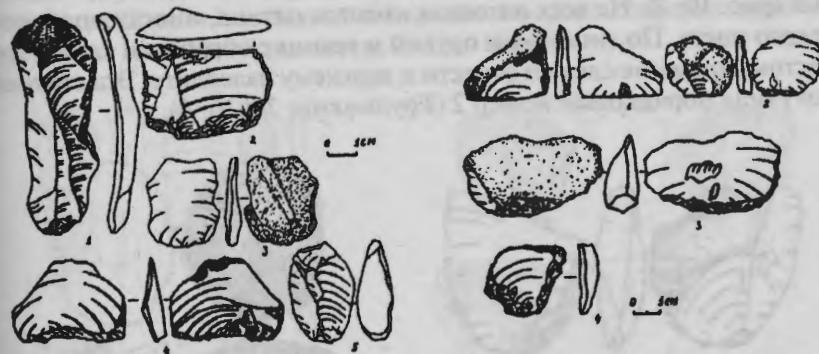

Р и с. 6. Троицкое. Стоянка 4.
Кремневый инвентарь

Близ д. Шопино Пригородной зоны г. Калуги на полё, в 300 м к западу от деревни, был собран подъёмный материал из кремнёвых артефактов. Находки, собранные на пашне, представлены одним концевым скребком на пластине, покрытой белой патиной (рис. 7: 1), патинированным отщепом с ретушью (рис. 7: 2) и тремя патинированными отщепами без следов вторичной обработки (рис. 7: 3 — 5). Концевой скребок и наличие белой патины на всех находках позволя-

ют отнести их к эпохе верхнего палеолита (Грудинкин, 2001а, с. 100).

В 2 км к западу от д. Новоказачье Козельского района Калужской области в карьере на левом берегу р. Ключомы, левого притока р. Жиздры, найдены 9 кремнёвых артефактов. Культурный слой не обнаружен. Находки представлены 8 отщепами белого, серого, чёрного и коричневого кремня, слегка окатаны и патинированы (рис. 8: 1, 2, 3) и одним концевым скребком чёрного кремня (рис. 8: 4). Подобные предметы характерны для верхнего палеолита (Архив ИА РАН, Р-1. Б.В. Грудинкин. Отчёт за 2001 г. Л. 9).

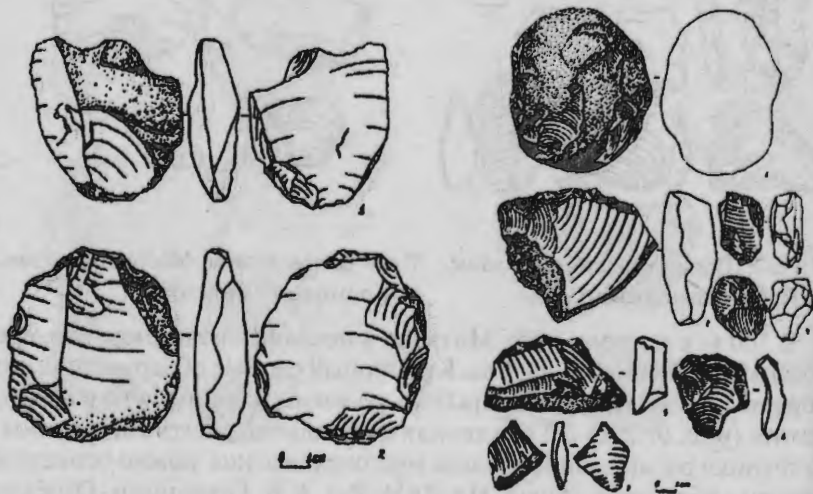

Р и с. 7. Шопино. Местонахождение. Кремневый инвентарь
Р и с. 8. Новоказачье. Местонахождение. Кремневый инвентарь

В 500 м к востоку от п. Мятлево в песчано-гравийном карьере собраны кремнёвые артефакты. Культурный слой не обнаружен. Всего собрано 7 предметов. 4 отщепы бело-розового, коричневого и серого кремня (рис. 9: 1, 2) и 3 нуклеидных предмета с пятнами патины. По технике расщепления кремня местонахождение можно отнести к верхнему палеолиту (Архив ИА РАН, Р-1. Б.В. Грудинкин. Отчёт за 2001 г. Л. 10).

Более богатые местонахождения были найдены в следующих местах. Под руководством автора близ Чёртова городища в 1995 г. была обследована местность по правому берегу речки Песоченки. Здесь был собран кремнёвый инвентарь, представленный различными изделиями из кремня. Отходы производства представлены 28 различными отщепами. Найдены два одноплощадочных нуклеуса с голубоватой патиной; один нуклеидный кусок коричневого кремня с известняковой коркой (рис. 10: 3, 4); отбойник из овальной гальки коричне-

во-серого кремня с частично сохранившейся известняковой коркой со следами оббивки и местами звёздчатой забитости от использования (рис. 10: 1); небольшой ретушёр со следами забитости из серого кремня; поперечно-боковое скребло на отщепе коричнево-серого кремня с частью корки от конкреции (рис. 10: 2); поперечное скребло с вогнутым лезвием на отщепе коричневого кремня с патиной; небольшое поперечное скрёблышко с выпуклым лезвием на отщепе коричневого кремня; девять орудий с выемками на отщепах и массивных сколах коричневого, серого и светло-серого кремня, из них 4 имеют характерную голубоватую патину (рис. 10: 5); проколка на отщепе серого кремня подромбической формы с голубоватой патиной (рис. 10: 7). На всех находках имеется патина, иногда молочно-белого цвета. По типологии орудий и технике обработки камня это местонахождение следует отнести к верхнему палеолиту. Эта стоянка получила порядковый номер 2 (Грудинкин, 2001б, 4).

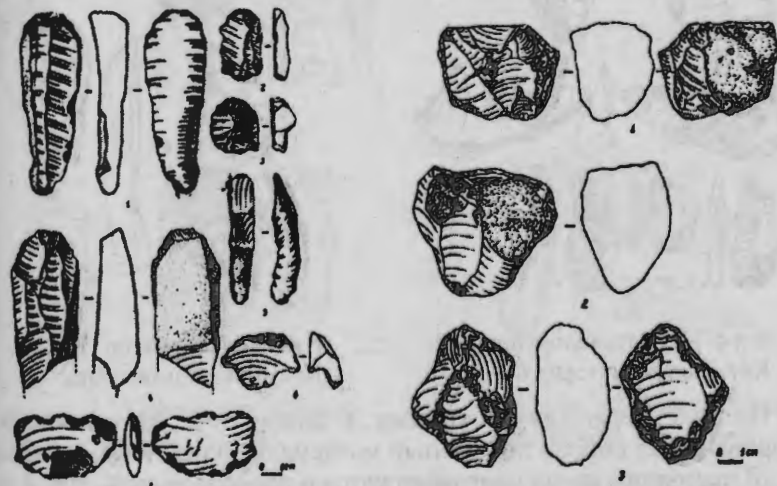
Р и с. 9. Мятлево. Местонахождение.
Кремневый инвентарь

Р и с. 10. Чертово городище.
Стоянка 2. Кремневый инвентарь

Проверяя данные краеведа В.В. Егорова, автор в 2000 г. осмотрел местность вокруг д. Шатрищи Износковского района Калужской области на правом берегу р. Рашёна, где краеведом длительное время собирался подъёмный материал.

На юго-восточной окраине деревни на мысовидном выступе правого берега р. Рашёна на картофельном поле открыты остатки стоян-

ки. Из разрушенного культурного слоя стоянки было собрано 22 кремнёвых артефакта. Из них: часть призматического нуклеуса (рис. 11: 4), 1 скребок-резец (рис. 11: 1), 2 концевых скребка на укороченных пластинах (рис. 11: 2, 3), 1 резец на углу пластины (рис. 11: 5), 1 неясное орудие с ретушью (рис. 11: 6), 1 орудие с выемками (рис. 11: 7), 3 ретушёра из небольших подовальных галек (рис. 12: 1 — 3), 13 отщепов — все из серого, жёлтого, коричневого кремня со следами патины или полностью патинированные. По типологии орудий и сильной патинизации находок стоянку, вероятно, следует отнести к верхнему палеолиту. Находки встречены в перепаханном слое серо-коричневой супеси, перемешанной с кремнёвой галькой, мощностью 28 — 33 см. Подстиляет этот слой коричневая супесь, перемешанная с кремнёвой галькой (Грудинкин, 2001в, 110).

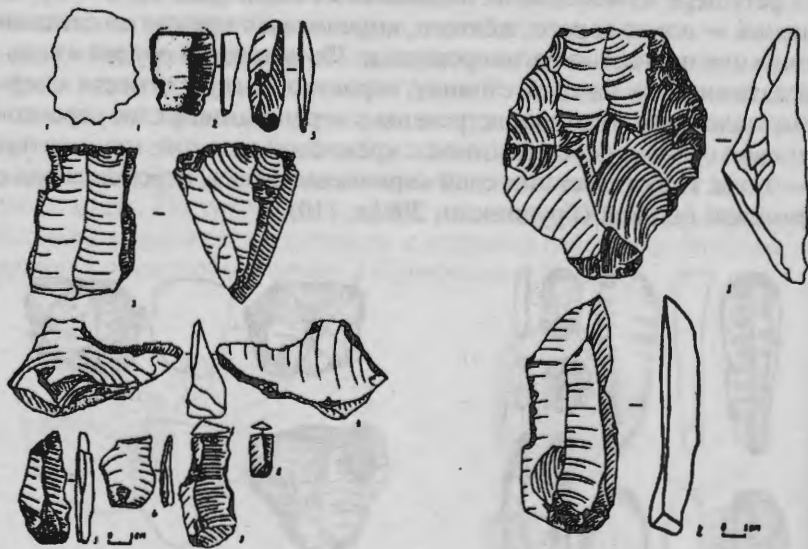

Р и с. 11. Шатрищи. Стоянка 1.
Кремневый инвентарь

Р и с. 12. Шатрищи. Стоянка 1.
Кремневый инвентарь

В 350 м к юго-западу от западной окраины д. Шатрищи на поле находится стоянка 2. В настоящее время поле не пашется и поросло травой. На поле был собран подъёмный материал из кремнёвых артефактов в количестве 39 экз. Все находки изготовлены из серого, серо-красного, серо-жёлтого, коричнево-серого, красно-белого кремня. Материал представлен: 4 нуклеусами и их обломками, один из нуклеусов (подконический) сохранился полностью (рис. 13: 1), 13 отщепов и сколов, 4 концевых скребков на пластинах (рис. 13: 2, 3),

9 орудий с выемками на отщепах (рис. 13: 4), имеются 2 острия на коротких пластинах (рис. 13: 5, 6), 1 резец на углу пластины (рис. 13: 7), 1 пластина (рис. 13: 8). Находки залежали в слое серо-коричневой супеси, перемешанной с кремнёвой галькой, мощностью 26 — 28 см (Грудинкин, 2001в, с. 110).

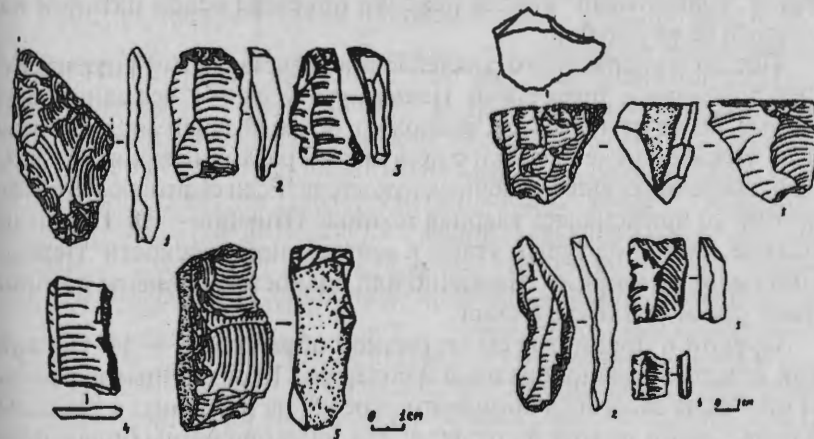
Р и с. 13. Шатрищи. Стоянка 2.
Кремневый материал

Р и с. 14. Шатрищи. Поле.
Кремневый инвентарь

На поле, между двумя камами, к западу от д. Шатрищи, В.В. Егоровым был собран подъёмный материал из кремнёвых артефактов. В настоящее время поле не пашется и поросло травой. К сожалению, им не отмечались точно места находок. Можно лишь отметить, что архаичный инвентарь и с патиной следует отнести к эпохе палеолита. Это 6 одноплощадочных нуклеусов (рис. 14: 1), 5 отщепов, 1 массивная пластина из кварцита (рис. 14: 2) (Грудинкин, 2001в, с. 110 — 111).

На верхней террасе правого берега р. Вашаны, правого притока р. Оки, на пашне, в 1,3 км к западу от д. Соломасово Алексинского района Тульской области, найдено 129 кремнёвых артефактов. Материал залежал в слое серо-коричневого суглинка, перемешанного с кремнёвой и известняковой галькой мощностью 30 — 40 см. Материк — коричневый суглинок. Основная

масса находок — 115 — различные отщепы серого, коричневого, красного кремня. Обнаружены два нуклеидных предмета; обломок листовидного наконечника стрелы серого пятнистого кремня (рис. 15: 1); два концевых скребка на укороченных пластинах светло-серого кремня (рис. 15: 2) и на сколе коричневого кремня (рис. 15: 3); один резец на пластине светло-серого кремня (рис. 15: 4); восемь пластин коричневого, серого, красного кремня (рис. 15: 5). Все находки имеют пятна голубоватой патины. По типологии находок и технике обработки камня памятник следует отнести к верхнему палеолиту (Архив ИА РАН, Р-1. Б.В. Грудинкин. Отчёт за 2001 г. Л. 11 — 12).

Р и с. 15. Соломасово. Стоянка 1.
Кремневый инвентарь

Р и с. 16. Абрютино. Стоянка.
Кремневый инвентарь

В 800 м к северо-востоку от д. Абрютино Алексинского района, на левом берегу р. Вашаны, на пашне собрано 58 кремнёвых артефактов. Находки залежали в слое серо-коричневого суглинка мощностью 23 — 34 см. Материк — коричневый суглинок. Большая часть находок (46) — отщепы серого, коричневого, красного, жёлтого кремня. Кроме того, найдены пять одноплощадочных нуклеусов серого и серо-коричневого кремня (рис. 16: 1), один скобель на пластине коричневого кремня (рис. 16: 2), один концевой скребок с вогнутым рабочим краем на пластине серого кремня (рис. 16: 3), сечение пластины серого кремня (рис. 16: 4). Находки распределены по площади памятника неравномерно и не образуют скопления. На всех находках есть пятна голубоватой патины. По технике

обработки кремня памятник следует отнести к верхнему палеолиту (Архив ИА РАН, Р-1. Б.В. Грудинкин. Отчёт за 2001 г. Л. 12 — 13).

Новые памятники верхнего палеолита открыты на территории г. Калуги на окраине микрорайона Анненки в 2002 г.

Первая из открытых стоянок (ей был дан № 4, поскольку ранее здесь были открыты три стоянки эпохи камня) расположена на краю первой надпойменной террасы в 1,2 км к юго-востоку от микрорайона. Площадь памятника — около 300 x 150 кв. м, определена по распространению подъёмного материала и выходам культурного слоя в виде тёмно-серого суглинка мощностью 12 — 18 см. Материал представлен 86 артефактами из кремня. Кремень чёрный, серый, коричневый, иногда находки покрыты белой патиной или пятнами бело-голубой.

Предметы первичного расщепления представлены 13 нуклеусами и нуклевидными предметами. Целых нуклеусов — 4, все одноплощадочные. Один из нуклеусов, возможно, более поздней эпохи — мезолита. Нуклевидные осколки с негативами различных снятий, вероятно, также от одноплощадочных нуклеусов. Если судить по негативам снятий, то применялась ударная техника. Отщепов — 38. Площадки гладкие, часто под тупым углом к вентральной плоскости. Нередко длина меньше ширины. Частично или полностью покрыты патиной. Один узкий вытянутый скол.

Орудий и предметов со вторичной обработкой — 34. Орудийный комплекс разнообразный и содержит 10 различных скребков, из них: одна заготовка концевой скребка на пластине; 4 концевых скребка, один из них на отщепе, два на укороченных пластинах, один на пластине. Рабочие края выпуклые, оформлены крутой ретушью. У одного скребка скошенное прямое лезвие. Есть также 3 боковых скребка, из них: 2 на отщепе и один на базальной части пластины. Один скребок концевой-боковой на отщепе. Рабочие края оформлены крутой и полукрутой ретушью. Скобелей — 7. Выполнены они на различных сколах. Выемки небольшие, мелкие, часто выполнены одиночными крутонаправленными сколами. Резцов — 6. 3 резца из нуклевидных кусков кремня. Один резец боковой, на отщепе. Один на углу массивного скола. Один на углу пластины. Скрёбел — 3. Первое из плитки кремня. Второе из части нуклеуса. Третье на массивном отщепе. Рабочие края оформлены крутыми широкими сколами. Острий — 2. Одно на пластинчатом сколе, другое — на отщепе. Перфоратор — один, на отщепе. Две ножевидные пластины со следами негативов предыдущих сколов, но без следов использования. Два ретушёра. Один из части нуклеуса, по-

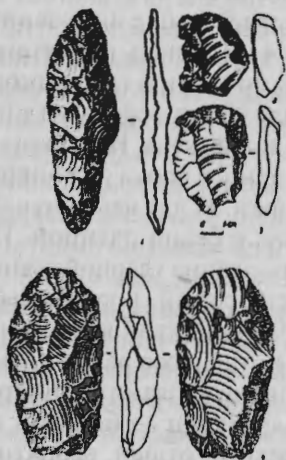
крыт белой патиной. На обоих характерные следы мелкой звёздчатой забитости.

Условия залегания материала, типология артефактов, наличие патины позволяют отнести стоянку к верхнему палеолиту.

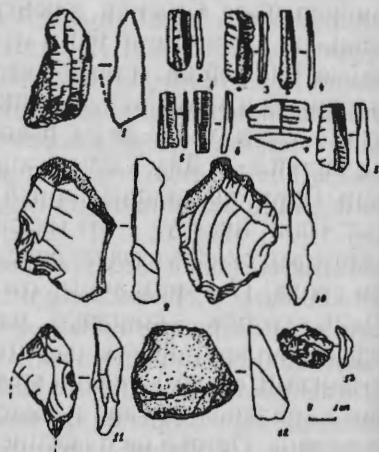
Следующая стоянка № 5 расположена в 550 м к юго-востоку от микрорайона Анненки, в центре первой террасы выше по течению реки, на расстоянии 300 м от стоянки № 4. Площадь памятника около 150 x 50 кв. м определена по распространению подъёмного материала и выходам культурного слоя в виде тёмно-серого суглинка мощностью 15 — 26 см. Всего собрано 30 артефактов. Нуклеусов и их частей — 6. Два — одноплощадочные, у одного корка от конкреции. Один, двухплощадочный, с частью корки. И две части нуклеуса. Один нуклеус — из массивного отщепа с белой патиной. По негативам сколов следует определить использование ударной техники скола. 17 — различные отщепы. Кремень серый, коричневый. Один скребок — концевой, на пластине. Рабочий край выпуклый, оформлен крутой ретушью. Два скобеля на отщепах с различными выемками, оформленными крутонаправленными сколами. Одно грубое скобящее орудие на массивном сколе. Резец — боковой на пластине. Остриё на пластине. Один массивный отщеп, вероятно, заготовка скребла. Условия залегания, типология находок, наличие патины позволяют отнести этот памятник к верхнему палеолиту.

Следующая стоянка — № 6 — расположена выше по течению Оки, в 1,5 км к юго-востоку от устья левого притока Оки речки Грязинка в 325 м к юго-западу от микрорайона Анненки, в 400 м от стоянки № 5. Площадь памятника около 200 x 75 кв. м определена по распространению подъёмного материала и выходам культурного слоя в виде тёмно-серого суглинка мощностью 10 — 14 см. Всего собрано 24 артефакта. Предметы первичного расщепления представлены аморфным нуклеусом, частью нуклеуса и пренуклеусом. Различных отщепов — 10. Все они из серого, чёрного, коричневого кремня. Орудийный комплекс разнообразный. Три скребка (рис. 17: 2, 3). Один концевой. Другой — концевой-боковой с патиной. Третий на аморфном сколе. Рабочие края оформлены крутой ретушью. Три скребла. Два скребла на массивных отщепах с небольшими выступами на рабочих краях. Одно из плитки. У всех рабочие края оформлены широкими крутыми сколами. Два резца. Один на отщепе. Один из части нуклеуса. Заготовка неясного орудия покрыта молочной патиной. Охотничье вооружение представлено крупным асимметричным наконечником стрелы с боковой выемкой из серого кремня с небольшими пятнами белой патины. Перо и черешок имеют двустороннюю обра-

ботку ретушью (рис. 17: 1). Нож-скребок из крупной пластины коричнево-серого кремня, оформлен плоской и полукруглой ретушью. Поверхность имеет блеск и заглаженность (рис. 17: 4).

Р и с. 17. Анненки. Стоянка 6.
Кремневый инвентарь

Р и с. 18. Троицкое. Стоянка 3.
Раскоп. Кремневый инвентарь

Условия залегания, типология орудий, наличие патины позволяют отнести этот памятник к верхнему палеолиту.

Большая часть полученного материала собрана на третьих террасах р. Оки. Это может свидетельствовать о первых этапах заселения этой территории в верхнем палеолите. Лишь с течением времени, когда с отступлением ледников климат стал меняться, появилась возможность заселять более низкие речные террасы. Вероятно, это связано с понижением уровня воды в реках и, возможно, развитием рыболовства.

Для проверки ранее полученных автором данных в 2001 г. был заложен рекогносцировочный раскоп 20 кв. м на стоянке Троицкое-3 на третьей надпойменной террасе, там, где ранее собирался подъёмный материал (Грудинкин, 2001а, с. 99). Полученные материалы залегали в слое коричнево-красного суглинка, перемешанного с мелкой известняковой и кремнёвой галькой, всего 35 находок, не образуют скоплений. По площади раскопа распространены неравномерно. От древней поверхности артефакты залегали на глубине 10 — 15 см. Большую часть находок представляют отщепы — 26. В основном все они мелкие из серого, коричневого, белого и красноватого крем-

ня. Нуклеусов — 3, из коричневого и серого кремня с пятнами белой патины. Два небольших обломка пластин из серого и коричневого кремня. Два концевых скребка на отщепах серого и серо-коричневого кремня. Один из них имеет вогнутую рабочую часть, выполненную на вентральной поверхности. Выемчато-зубчатое орудие из скола серого кремня с частью корки от конкреции и белой патиной по рабочему краю. Резец угловой, двойной, из сечения пластины светло-серого кремня. В 2002 г. к этому раскопу был прирезан раскоп 60 кв. м. Палеолитические находки залегали в слое коричнево-красного суглинка, перемешанного с мелкой кремнёвой, известняковой и диоритовой галькой, залегали под тёмно-серыми напластованиями суглинка Любутского городища. Основная масса артефактов, как и галька, имеет белую молочную патину. Целых предметов найдено немного. Большая часть находок сильно повреждена и представлена фрагментами, вероятно, возникшими в результате сильных температурных перепадов. Предметы первичного раскалывания представлены 7 частями нуклеусов, один из которых призматический (рис. 18: 1), 38 — отщепами, 5 — сколами. Артефактов со вторичной обработкой немного. 7 небольших пластин (рис. 18: 2, 3, 4, 5, 6, 8) и одно сечение пластины (рис. 18: 7). Часть скребла на массивном отщепе. Рабочий край оформлен крутой ретушью. Сломанное остриё. Перо имеет небольшую подправку со спинки (рис. 18: 11). Два концевых скребка: один из них миниатюрный (рис. 18: 9, 13). Перфоратор на отщепе имеет небольшое широкое и короткое жало. Если судить по форме жала, то это проколка-развёртка (рис. 18: 10). Столь небольшое число находок свидетельствует, что эта часть стоянки является периферией поселения. К тому же на этом участке имеется большое количество хозяйственных ям от средневекового городища, значительно повредивших культурный слой палеолита.

Полученные материалы подтверждают предположения, ранее высказанные автором, что в начале верхнего палеолита люди заселяли края и останцы третьих надпойменных террас берегов р. Оки и её притоков. В периоды потеплений появилась возможность заселять и другие террасы, что подтверждается материалами последних открытий. Следует, однако, заметить, что заселение более низких террас могло произойти лишь в конце верхнего палеолита, когда понизился уровень грунтовых вод. Валдайский ледник не дошёл до этого региона, однако он существенно влиял на местный климат. Вероятно, в период Мологошкеснинского межледникового (средний валдай) произошло проникновение людей в бассейн Оки. Регион покрывается таёжными и смешанными лесами, мамонты, по мнению А.А. Чубура, покидают

Верхнее Поочье (Грудинкин, 1999, с. 55). Возвратились гигантские травоядные только ко времени максимума поздневалдайского (осташковского) похолодания (не ранее 20 тысяч лет назад). Как полагает А.А. Чубур, в это же время сюда возвращаются и позднепалеолитические «охотники на мамонта» (Грудинкин, 1999, с. 55). В конце позднего валдая люди уже расселились по всему бассейну Оки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грудинкин Б.В. 1999. Геоморфология и природные условия Калужской области //Археология Калужской области. Калуга.
2. Грудинкин Б.В. 2001а. Проблемы и перспективы в изучении палеолита Верхней Оки //Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы IX конференции 21 — 23 марта 2001 г. Ч. I. Калуга.
3. Грудинкин Б.В. 2001б. Стоянки каменного века Козельского района Калужской области //Проблемы археологии, истории, культуры и природы Козельского края: Козельские краеведческие чтения. Вып. 3 — 4. Калуга.
4. Грудинкин Б.В. 2001в. Памятники палеолита на притоках реки Угры //Природа и история Поугорья: Краеведческие очерки. Выпуск 2. Калуга.

КУЛЬТОВЫЕ КАМНИ БЕЛЁВСКОГО РАЙОНА

*Е.Р. Барбашов,
г. Белёв*

На территории России и в других странах Европы находится немало камней и других природных объектов, почитаемых местными жителями. Со многими из них связан ряд христианских и языческих обрядов, обычаев, суеверий, легенд и преданий. Им приписывают всевозможные магические качества: например, считают, что они могут влиять на судьбу человека, обладают лечебными свойствами и т. д.

Учёные называют такие природные объекты культовыми. Специалисты называют, по крайней мере, две причины отнесения валунов к категории культовых памятников. Во-первых, это сохранение вплоть до настоящего времени комплекса обрядов возле таких камней, где сам валун и изображения на нём прямо связаны с отдельными христианскими или языческими персонажами. Во-вторых, на многих из них имеются знаки и изображения, с которыми связаны соответствующие предания, или они используются как культовые. Так, изображения стоп, известные во многих местах как «следы Богородицы» или Иисуса Христа, могут считаться ритуальными и в тех случаях, когда легенды и предания не сохранились (1).

До недавнего времени в Белёвском районе не было известно ни одного культового камня. За последние 5 лет автором этой работы

на территории района выявлено 8 культовых камней. Сегодня на суд читателей представляем всего три, хотя история каждого из них по-своему интересна и уникальна.

Синий камень

Примерно в одном километре от северной окраины села Никола-Гастунь, в лесу, лежит гранитный валун коричневого цвета, весом около 3 тонн. Среди местных жителей он известен как Синий камень. Такое название он, предположительно, получил не за свой цвет, а за своё культовое предназначение, так как на церковнославянском языке *синец* — бес, что буквально означает бесовский камень (2). Здесь не обошлось без влияния церкви, так как после христианизации всё языческое становилось бесовским. Косвенно это подтверждает легенда, в которой говорится, что под этим камнем разбойник Жаба закопал свои драгоценности и нашедшему их грозят всевозможные беды.

В полутора километрах от камня, на противоположном конце села, была обретена чудотворная икона свт. Николая византийского Яисьма, в честь которой был поставлен вначале деревянный, а затем каменный храм. Здесь необходимо отметить такой факт, что около «синих» камней христианские храмы по каким-то причинам не ставились.

Таким образом, в селе Гастуни удивительным образом встретились два антипода: языческий Синий камень, творящий, по народным преданиям, чудеса, и христианская святыня, также известная своим чудотворением.

Слава о чудотворной иконе из Гастуни распространилась на все соседние с Белёвом города и дошла до Москвы, и была она так велика, что Василий III повелел заложить в Кремле собор, названный по иконе Гастунским. В этот собор икона была торжественно перенесена в 1506 году, а село Гастунь с тех пор стало называться Николо-Гастунь (3).

История прославления чудотворной иконы является темой отдельного исследования и к тому же достаточно полно освещена в работах историков и краеведов (4).

В заключение хочется отметить, что обыкновенный с виду валун, лежащий в лесу и долгие столетия известный лишь жителям одного села и не говоривший им ни о чём, оказался очень интересным памятником не только природы, но и истории верхнеокского региона (5).

Пятницкий камень

В селе Долбино (древнее название Тёмная Пятница) под крутой

кую торцевую сторону, занимает вполне реалистичное изображение какого-то водоплавающего животного (вероятнее всего — бобра). Фигура размером 85 x 30 см выполнена “в профиль”. Хорошо просматривается мощная голова на короткой шее, передние и задние лапы, короткий и узкий хвост (именно такой вид бобер имеет при наблюдении сбоку). Судя по хорошо проработанному сильно раздутому животу, на камне изображена беременная самка. На фигуру бобрехи как бы наложено изображение фаллоса (30 x 5 см), направленного от головы зверя к нижней части живота. Над фигурой животного в вертикальном положении выбито изображение рыбы (30 x 12 см) с сильно раздутым и хорошо проработанным животом, что также показывает, что она с икрой (16).

Камень осмотрели тульские археологи из областного краеведческого музея: заведующий отделом археологии Юрий Георгиевич Екимов и научный сотрудник Сергей Валерьевич Зацаринный. По их мнению, изображения на камне были выбиты каменными орудиями в период неолита и датированы приблизительно III тысячелетием до н.э.

По их мнению, в отмеченных изображениях явно заложена идея воспроизводства этих важных объектов охоты и рыболовства, а в более широком плане — идея плодородия и благополучия членов данного первобытного коллектива. Здесь же, по соседству с камнем, находятся и стоянки каменного века, известные в археологических кругах России (17).

С точностью можно сказать, что и в славянский период этот камень был культовым. Основанием для этого служит то, что он находится за пределами села Сныхово, возникновение которого относится (по заключению археолога Мироновой В. Г. 1979 г.) к началу XII века, хотя вокруг этого села находились и более древние славянские поселения (19). Как известно, культовые места язычников-славян находились за пределами поселений.

С христианизацией вятичей рядом с камнем была поставлена деревянная церковь во имя святых Флора и Лавра с приделом Козьмы и Демьяна. Она упоминается и в период царствования Ивана IV Грозного (Сныхово было его вотчиной), и в более поздний период (1632 г.), согласно “Белёвской вивлиофике” (20).

Освящение церкви во имя этих святых не было простой случайностью. Святые Флор и Лавр на Руси являлись покровителями коней. А, как известно, в жертву водяному ежегодно приносили коня (21).

Маловероятно, что славяне смогли разгадать первоначальный замысел первобытного человека. Им, по всей видимости, показался

на камне ящер, так как изображение очень похоже на него. В Новгороде Великом было святилище ящера у истока реки Волхов. Связь ящера, живущего в реке, и водяного, очевидна (22).

Легенды, связанные с ящером в селе Сныхово, записал писатель М. М. Пришвин, неоднократно гостивший в этом селе у священника Троицкой церкви Н. М. Никольского. Возможно, они были положены в основу рассказа “Крутоярский зверь” (23).

Может быть, это и есть тот самый ящер, живший много лет назад в одном из озер округа — Святом озере, зверь, которого слышал и видел только роковой человек, на чью голову чудовище с телячьими губами кричало: *Час мой роковой*. И пропадал человек. А зверь этот, рассказывают, будто и поныне живёт в омуте озера Крутоярского.

История науки не раз уже доказывала, что легенды отнюдь не сказки, а отголоски реальных событий, причём событий, значимых для жителей той эпохи. О незначительном человеке не слагает легенд. Правда, со временем они принимают иносказательную форму, к ним добавляются поэтические наслоения, и задача исследователя состоит в том, чтобы под этими наслоениями найти основу или следы реальных событий.

Люди всегда боялись чего-либо чуждого им, неизвестного и неизведанного. А поскольку вода являлась чуждой человеку средой, то и населявшие её демонические существа, вроде водяного, наделались такими чертами, как телячьи губы.

Зверь, обитавший в озере Крутоярском, есть водяной. А озеро это, по всей видимости, Святое озеро, расположенное в полутора километрах выше по Оке от села Сныхово, на пойме правого, противоположного берега. Именно оно, единственное из всех пойменных озёр вверх и вниз по Оке на десятки километров, расположено у подножия горы. На берегах этого озера стояла до начала XVIII в. деревянная часовня во имя святых Флора и Лавра, как и в селе Сныхово (24). И там и здесь связь этих святых, покровителей коней, с их водяными антиподами, с отголосками жертвоприношений рекам и озёрам коней и людей.

Как известно, в языческие времена в жертву рекам и озерам приносили людей для предотвращения сильной засухи. А водяному 1 апреля каждого года — коня, для умиловления водяного божества, чтобы не послал на людей катастрофического паводка и нагнал в реку или озеро побольше рыбы. Интересно и то, что обряд этот дожил, местами, до средневековья. В “Пискаревском сборнике” конца XVII века говорится: “источникам и озёрам умножения ради плодов земных жертвы приношаху, а временем и людей в воде топя-

ху, по неким странам Российским сице и доселе древнего того бесчистия обновляется память” (25). А так как Святое озеро находилось в непосредственной близости от села Сныхово, то со временем произошло слияние двух общих по смыслу легенд, которые на века остались в народной памяти связанными с культовым местом на высоком окском берегу.

Вернёмся к приделу Сныховской церкви во имя Козьмы и Демьяна. На Руси эта пара святых известна как покровителей врачевания (26). Сныховский камень также был известен тем, что он назывался зубным камнем. Из опроса старожилов выяснилось, что если его укусят люди, мучающиеся зубной болью, то боль пройдёт. Здесь на лицо явная связь Козьмы и Демьяна с врачеванием. Аналогичный камень есть в деревне Медведево Тверской области.

Сам факт обнаружения в с. Сныхово камня с изображением животных, используемого людьми для культовых целей на протяжении тысячелетий, уже большая удача.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Курбатов А. В. Загадочные знаки на камнях //Отечество. Краеведческий альманах. М., 2000. № 2. С. 165.
2. Полный церковно-славянский словарь: В 2-х т. Т. 2. М., 1998. С. 600.
3. И. Л. (иеромонах Леонид). Село Николо-Гостунское с его древностями. Чтения в Императорском обществе истории древностей Российских.. М., 1861. Кн. 4. С. 189 — 190.
4. Вознесенский А., Гусев Ф. Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского, и слава его в России. СПб., 1889.
- Забелин И.Е. История города Москвы. Ч. 1. Изд. 2-е. М., 1905.
- Некрасов И.И. Древняя святыня нашего края //Белёвская правда. 1997. № 2. 9 янв.
5. В Мценской летописи под 1415 г. записано, что икона Николая Чудотворца приплыла вверх по Оке и Зуше на каменном кресте из-под Белёва и причалила у горы Самород, где находилась многие столетия в часовне, вырубленной в скале.
6. Колесникова В. Праздники Руси православной. М., 1998. С. 217.
7. Курбатов А.В. Загадочные знаки на камнях //Отечество. Краеведческий альманах. 2000. № 2. С. 372.
8. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 2002. С. 372.
9. Курбатов А.В. Указ. соч. С. 176.
10. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1984. С. 372.
11. Колесникова В. Указ. соч. С. 219.
12. Там же. С. 219.
13. Афанасьев А. Н. Народ — художник. М., 1986. С. 170 — 173.
14. Троицкий Н. И. Тульские древности. Тула, 2002. С. 343.
15. Окман С. Женский портрет в тёмных тонах. //Секретные материалы. Международная газета. 2002. № 8 (78). С. 30.

16. Екимов Ю.Г. Предварительное заключение по факту находки камня с рисунками у с. Сныхово Белёвского района Тульской области. (ТОИАЛМ), 2002.

17. Ашурков В.Н. Следы каменного века в пределах Тульского края // Тульский край. Тула, 1928. Вып. 1 — 2. С. 40; Герасимов М.М., Воеводский М.В., Третьяков П.Н. Долина р. Оки //Археологические исследования в РСФСР в 1934 — 1936 гг. М.; Л., 1941. С. 42.

18. Информация по этим поселениям находится у автора данной работы.

19. Миронова В.Г. Отчёт о разведке в Валдайском районе Новгородской области и разведке в Тульской области /1979. Архив института археологии РАН.

20. Малицкий П.И. Приходы и церкви Тульской епархии. Тула, 1895. С. 191 — 192.

21. Афанасьев А.Н. Живая вода и вещее слово. М., 1988. С. 417.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 272.

22. Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 263; 271.

23. По данным дома-музея М. М. Пришвина (с. Дунино Одинцовского района Московской области), дневники писателя опубликованы только начиная с записей, датированных 1914 г.

24. Часовни, стоявшие на местах языческих святилищ, были разобраны при Петре I в ходе так называемой “реформы благочестия” (1722 — 1725 гг.).

25. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. I — II. М.; Харьков, 1914 — 1916. (Репринтное издание. М., 2002. С. 295 — 297.

26. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 2002. С. 521.

27. Курбатов А.В. Указ. соч. С. 175.

ПРЕПОДАВАНИЕ АРХЕОЛОГИИ В КГУ ИМ. К.Э. ЦИОЛКОВСКОГО

*А.Е. Ефимов, к.и.н.,
Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского*

В настоящее время остаются актуальными проблемы взаимодействия академической науки и образования. К сожалению, нередко результаты научных исследований крайне медленно внедряются в образовательный процесс и научные открытия долгое время остаются известными лишь ограниченному кругу специалистов. Такая ситуация недопустима прежде всего в отношении тех наук, в которых особенно быстро идет накопление новых фактов, пересмотр сложившихся представлений и теорий. Эти проблемы не могут быть решены только через увеличение объема

печатной научной продукции и своевременности ее выхода в свет. Необходимы разноплановые связи и контакты между научными учреждениями и вузами, которые могут приблизить содержание и методику преподаваемого в университетах и институтах, особенно провинциальных, учебного материала к современному уровню научных знаний.

В этой связи хочется обратить внимание на проблемы преподавания археологии в провинциальном педагогическом вузе, классическим образцом которого может служить педуниверситет в г. Калуге, и предложить некоторые варианты решения назревших вопросов.

Археология, как ни одна из общественных дисциплин, подвержена изменениям. Ежегодные полевые исследования приводят к значительному возрастанию источниковой базы, что влечет за собой нередко кардинальное переосмысление традиционных концепций. Все перечисленное оправдывает особые требования, предъявляемые как к содержанию курса археологии, так и к методике его преподавания.

Процесс преподавания археологии в педагогическом вузе, в частности провинциальном, наталкивается на ряд специфических трудностей. То обстоятельство, что педагогический вуз, в отличие от классического университета, призван готовить не археолога-исследователя, а учителя истории, на мой взгляд, не должно приводить к понижению уровня преподавания археологии или примитивизации изучаемого материала. В соответствии с Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования подготовки специалистов по специальности 032600 «История» с квалификацией «Учитель истории» от 14 апреля 2000 г. общий курс истории археологии рассчитан в целом на 136 часов аудиторной и самостоятельной работы студентов, что в реальности (например, по учебному плану дневного отделения исторического факультета КГПУ им. К.Э. Циолковского) выливается в отношении археологии в 68 часов на дневном и 22 часа на заочном отделениях. Несмотря на то что по сравнению с предыдущим образовательным стандартом количество часов увеличено практически в два раза, требование к особому отбору изучаемого материала остается актуальным. При этом в связи с увеличением соотношения количества студентов на одного преподавателя (по последним нормативам 10:1) значительно осложняется проведение индивидуальной работы со студентами.

Особо необходимо остановиться на некоторых проблемах, характерных именно для провинциального педагогического вуза, в частности Калужского педуниверситета:

- нехватка квалифицированных специалистов-преподавателей

- отсутствие собственных научных школ;
- слабые традиции в области методики преподавания;
- отсутствие современных учебных пособий, особенно учебников;
- катастрофическая нехватка научной литературы;
- изолированность от центральной научной жизни;
- нищенская материально-техническая база в совокупности с аварийным состоянием учебных корпусов и т.д.

Ряд традиционно предлагаемых вариантов решения перечисленных проблем далеко не всегда дают результаты. Так, в отношении Калужского педуниверситета практически отсутствует поддержка со стороны местных губернских и городских органов власти и управления. Финансовые резервы вуза, пополняемые за счет немногих договорных отделений, не дают возможности приобретения или издания в достаточном объеме методической литературы. Участие в работе по грантам, в частности по археологии, крайне затруднено административными барьерами и обстоятельствами субъективного характера. Крайне слабое техническое освещение ограничивает возможности получения информации через интернет. В этих условиях преподавателю приходится рассчитывать почти полностью на свои силы и надеяться на поддержку со стороны центральных научных и учебных институтов.

В отношении содержания какого-либо исторического курса, например Истории Древнего мира, можно согласиться с мнением Э.Д. Фролова, что «назначение истории заключается в накоплении и сохранении человечеством проделанного социального опыта с целью лучшей ориентации — посредством естественного сопоставления с прошлым ...», а на долю исторической науки должно приходиться именно «изучение уже состоявшегося общественного развития, представленного социально значимыми явлениями, или, лучше сказать, событиями, этими предметными воплощениями социальной человеческой энергии» (1). Содержание же учебного курса «Археология» имеет свою специфику. Данный курс ставит целью ознакомить студентов-историков с основными понятиями археологической науки, важнейшими методами археологического исследования, достижениями отечественной и мировой археологической науки. Он призван сформировать представление о многообразии и значении археологических источников для исторических реконструкций. Также необходимо ознакомить будущего школьного учителя с целями и методикой полевых археологических исследований и дать элементарные практические навыки для руководства группой учащихся на археологических раскопках.

В отличие от классических университетов, в которых общий курс археологии дополняется изучением комплекса специальных дисциплин, в педагогическом вузе не ставится цель подготовить археологов-специалистов. Курс археологии никоим образом не может считаться достаточным для самостоятельных археологических исследований. В этой связи представляется необходимым ознакомить будущего школьного педагога прежде всего с археологией как самостоятельной исторической дисциплиной, при этом делая акцент на теоретических понятиях, методологических проблемах и методической базе археологии, истории отечественной археологии. Кроме того, учитывая некоторые особенности современного общественного развития, предполагается обратить особое внимание студента-историка на проблемы, связанные с охраной культурного, в том числе археологического наследия, ознакомить с действующими на территории Российской Федерации юридическими актами по охране и использованию памятников истории и культуры.

Традиционно курс «Основы археологии» строился на материале территории бывшего СССР. Можно приветствовать включение в курсы археологии, читаемые в классических университетах, помимо материалов территории России и некоторых районов ближнего зарубежья, памятников различных других территорий. Учитывая специфику образовательного процесса в педагогическом вузе, фактологическая сторона курса сознательно должна быть ограничена археологическими культурами и памятниками современной территории Российской Федерации при кратком ознакомлении с наиболее яркими памятниками ближнего и дальнего зарубежья. Данный курс археологии рассматривается как предваряющий и тесно связанный с курсом «История России». Кроме того, предложенный подход во многом позволит избежать размытости представлений у студентов о достижениях отечественной археологической науки. Однако реализация данного подхода в Калуге, например, весьма затруднительна из-за отсутствия, соответствующей учебно-методической литературы, прежде всего учебников по археологии для педагогических университетов.

Имеющиеся в Калужском педуниверситете учебники, к сожалению, не отвечают требованиям ни в отношении отбора изучаемого материала в соответствии с двукратным увеличением курса археологии, ни в плане адекватности современному уровню развития археологической науки. Большинство студентов вынуждены пользоваться учебником Д.А. Авдусина «Основы археологии» (1989 г.) ряд положений которого, относящихся к периодизации палеолита, ха-

рактеристике археологических культур европейской части России периода неолита, проблемам Великой греческой колонизации, этногенеза славян и т.д. (2), устарели. Новый учебник А.И. Мартынова — «Археология» (2000 г.) содержит ряд интересных сведений относительно археологического прошлого Азиатской части России, но многие достижения современной российской археологической науки в этом учебнике не отражены. Частично указанные недостатки учебников объясняются тем, что одному автору бывает сложно изложить различные этапы археологического прошлого в равной степени адекватно современным представлениям. Примером такого несколько гипертрофированного авторского подхода к написанию учебно-справочного пособия может служить «Археологический словарь» Г.Н. Матюшина. В этом первом отечественном археологическом словаре, например, в словарной статье «Волосовская культура» посвящено 10 строк, а статье «Инанна» (богиня плодородия у шумеров) — полторы страницы (105 строк); описание льяловской культуры поместилось на четырех строчках, зато описание экологических кризисов на примере Южного Урала и Каспия с трудом поместилось на двух листах (3). В этом плане гораздо предпочтительнее выглядят коллективные научно-популярные и учебные издания, например «Археология Калужской области» (4), которые, к сожалению, также не лишены недостатков. Таким образом, в настоящее время является весьма актуальным создание учебника по археологии для педагогических университетов, в написании которого необходимо объединить усилия специалистов как академических, так и из регионов. Разработка других методических материалов, например, в форме учебно-методических комплексов, имеет также большое значение. Это уже по силам собственно преподавателям археологии, и в Калужском педуниверситете имеются примеры таких пособий (5).

Методика преподавания археологии во многом должна определяться спецификой данного курса и особенностями его восприятия студентами-первокурсниками. В этой связи не вполне себя оправдывает насыщенность учебного процесса просеминарскими и практическими занятиями. Данные формы занятий предполагают работу студентов с источниками, в то время как в силу специфики археологических источников студенты-первокурсники педагогического университета такой анализ археологического материала провести не могут. Да и такая цель перед студентами не ставится. Основная нагрузка в данной ситуации ложится именно на лекции, к которым, учитывая описанную выше ситуацию с учебниками, предъявляются осо-

бы требования. Адекватными курсу археологии формами самостоятельной работы студентов могут являться написание рефератов и выступление с докладами, тем более, как показывает практика, при достаточно широком распространении данных форм работы в средней школе, навыки написания рефератов, и особенно выступлений с докладами, у студентов-первокурсников оставляют желать лучшего. Тематика рефератов и докладов, на наш взгляд, должна прежде всего отражать многообразие археологического прошлого России, представленного археологическими памятниками и культурами.

Закрепление теоретических знаний студентов по общему курсу «Основы археологии» и развитие у студентов-историков исследовательского подхода к изучению вещественных памятников предусмотрено во время проведения учебной археологической практики. Главная задача археологической практики — углубить знания студентов по археологии, закрепить полученный на лекциях и семинарских занятиях материал, показать все многообразие археологических источников, ознакомить с организацией труда в полевых условиях. Необходимо, чтобы во время практики студент приобретал знания и навыки практического пользования исторических памятников и археологических материалов в средней школе, проведения аналогичной историко-краеведческой, поисковой работы с учащимися средних школ. Конечно, не оценимо значение археологической практики для воспитания студентов: она должна пробуждать интерес к историческому прошлому народа. Практика в условиях полевой экспедиционной работы должна способствовать сплочению студенческого коллектива, формированию личности будущего специалиста-педагога, привитию навыков самообслуживающего труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фролов Э.Д. Какая история нам нужна? (К современной полемике о науке истории): Доклад на научной конференции исторического факультета СпбГУ 29 марта 2001 г. <http://www.centant.ru.ru/centrum/publik/frolov/frol05.htm>
2. Авдусин Д.А. Основы археологии. М., 1989. С. 20 — 27, 62 — 67, 190 — 191, 228 — 234.
3. Матюшин Г.Н. Археологический словарь. М., 1996. С. 30, 75 — 76, 124, 292 — 295.
4. Болдин И.В., Грудинкин Б.В., Ефимов А.Е. и др. Археология Калужской области. Калуга, 1999.
5. Ефимов А.Е. Археология: Учебно-методический комплекс для студентов-историков педагогических университетов. Калуга. В печати.

ОБЗОР ЛИЧНОГО ФОНДА АРХИТЕКТОРА М.В. ФЕХНЕР, ХРАНЯЩЕГОСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

О.М. Петрова,

Государственный архив Калужской области

Имя Маргариты Васильевны Фехнер хорошо знакомо тем, кто занимался исследованием архитектурного облика Калуги. Тем не менее о ней самой, о её профессиональной деятельности известно немного, в то время как в Государственном архиве Калужской области (ГАКО) вот уже более 20 лет хранится личный фонд М.В. Фехнер (Ф.Р-437). На сегодняшний день мы по сути остаёмся у истоков научного изучения её архива. Предлагаемое вашему вниманию сообщение является, с одной стороны, своеобразной данью памяти М.В. Фехнер, с другой стороны, попыткой системного анализа документов о её жизни и деятельности, хранящихся в ГАКО. Настоящий обзор не претендует на исчерпывающее освещение биографии московского архитектора, связанного с нашим городом более 30 лет. Его задача видится в том, чтобы дать информацию об истории формирования личного фонда Фехнер в ГАКО, его объёме, хронологических рамках, составе и содержании основных групп источников. Отдельные наиболее яркие документы планируется осветить особо.

ГАКО не является единственным местом хранения личного архива Фехнер — её документы представлены также в Калужском государственном объединённом краеведческом музее. Но по количеству, содержанию, многообразию видов документов собрание материалов М.В. Фехнер в ГАКО является, пожалуй, самым крупным — оно насчитывает 79 единиц хранения, включенных в опись № 1 за период с 1919 по 1983 гг. Все документы фонда сгруппированы в несколько основных разделов:

- I. Материалы к биографии М.В. Фехнер.
- II. Переписка с разными лицами.
- III. Материалы, характеризующие профессиональную деятельность М. В. Фехнер.

IV. Творческие материалы М.В. Фехнер.

V. Фотодокументы.

Попытаемся детальнее охарактеризовать каждый из названных разделов.

С сожалением констатируем, что в личном фонде архитектора материалы к биографии представлены всего лишь одной учётной единицей — делом № 1 за 1919 — 1977 гг. В нём собраны рукописная автобиография М.В. Фехнер, составленная 23 апреля 1970 г.¹, автобиографическая справка начала 70-х гг. (машинописный экземпляр)², личная карточка члена Союза архитекторов СССР (СА СССР) — подлинник, датируемый не ранее 1973 г.³, служебные характеристики М.В. Фехнер⁴, справка Московской организации СА СССР 1977 г. о составе семьи М.В. Фехнер⁵, список наград⁶, почётные грамоты⁷, подлинные личные документы М.В. Фехнер⁸.

Обратимся к автобиографии Маргариты Васильевны. Вот как она пишет о себе: “Родилась в Москве в 1903 г.⁹ Отец, родившийся в Петербурге, с трёхлетнего возраста жил в Москве, где окончил гимназию и университет. Более сорока лет работал врачом в Солдатенковской (позднее — Боткинской) больнице. В 1914 — 1918 гг. работал военным врачом в госпиталях Москвы. Вышел на пенсию за два года до смерти в 1932 г. Мать, Ирина Николаевна, после выхода замуж в 1897 г. безвыездно жила до смерти в Москве.

После окончания вуза в 1926 г. я работала в проектных организациях Москвы¹⁰. Параллельно много времени посвящала изучению памятников архитектуры. В Союзе архитекторов СССР, куда я была принята в 1935 г., активно работала и продолжаю работать в секции по охране памятников”¹¹. В автобиографической справке М.В. Фехнер указывает, что с 1944 г. она полностью посвятила свою трудовую деятельность архитектурным памятникам, перейдя на работу в отдел по охране памятников архитектуры Управления по делам архитектуры при СМ РСФСР, а с июля 1948 г. в Инспекцию по госохране памятников архитектуры Главного архитектурно-планировочного управления (ГлавАПУ) г. Москвы. В том же документе она дополнительно отмечает: “Свободно владею немецким языком; по-французски могу объясняться без переводчика, но свободно не владею”¹².

Краткие сведения о творческих работах Фехнер в области изучения и охраны памятников истории и культуры г. Москвы, перечни её основных научных трудов, вышедших как отдельными изданиями, так и в виде статей в специальных научных журналах, содержатся в её служебных характеристиках¹³.

Помимо персональных сведений о М.В. Фехнер, документы личного фонда содержат информацию о её родных и близких. Так, в личной карточке члена СА СССР в разделе “Состав семьи” указаны дочь Наталия Андреевна Фехнер, 1925 г.р., и внук Андрей Владимирович Фехнер, 1961 г.р.¹⁴ В справке московской организации СА СССР № 628 от 5 декабря 1977 г., выданной для предоставления в Управление учёта и распределения жилплощади г. Москвы, названы сестры Маргариты Васильевны — Фехнер Елизавета Васильевна, 1898 г. р. (проживала в Москве по ул. Молодёжной в д. 3, кв. 75), Фехнер Мария Васильевна, 1909 г. р. (Москва, Потаповский пер., д. 5, кв. 29-а), брат Фехнер Андрей Васильевич, 1901 г. р., умерший в 1944 г., приёмная дочь Фехнер — Наталья Андреевна, 1925 г. р. (Москва, ул. Стопани, д. 14, кв. 10)¹⁵.

Небольшая группа наградных материалов в личном фонде Фехнер представлена списком её наград (составлен М.В. Фехнер не ранее 1976 г.) и почётными грамотами правления СА СССР 1957 — 1970 гг.

К числу материалов к биографии М.В. Фехнер следует отнести и дело № 7 с пригласительными билетами за 1946 — 1982 гг. на художественные и музейные выставки, торжественные мероприятия, посвященные юбилеям видных советских архитекторов, культурным событиям. Особое место среди них занимают литературные чтения, вечера поэзии, музыкальные вечера, посвященные А.С. Пушкину. Поистине это “солнечное имя” сопровождало всю жизнь М.В. Фехнер.

Завершая характеристику биографических документов М.В. Фехнер, выделим ещё два примечательных источника в составе её личного фонда. Один из них — зачётная книжка слушательницы архитектурного отделения Московского политехнического института, студенткой которого Фехнер была с 1919 по 1926 гг.¹⁶ Второй — читательский билет М.В. Фехнер, выданный Государственной публичной исторической библиотекой РСФСР № 9171/32, действительный до 31.12.1985¹⁷. Оба документа ценны тем, что содержат фотографии М.В. Фехнер, и мы тем самым имеем возможность представить её облик как в студенческие годы, так и в последний период её жизни.

Ко второму крупному разделу личного фонда архитектора относится переписка с разными лицами. Круг корреспондентов М.В. Фехнер довольно широк. Это не удивительно — она умела расположить к себе людей. Серьёзные и шуточные, грустные и ироничные письма, направленные в её адрес, всегда содержательны. И хотя

среди корреспондентов Фехнер почти нет “громких” имён, переписка, хранящаяся в ГАКО, в целом довольно интересна.

За долгую жизнь Маргарите Васильевне довелось встречаться с архитекторами, реставраторами, краеведами, учёными, писателями. Со многими из них её связывали прочные дружеские отношения в течение многих лет. Примером тому служит переписка с калужанами-искусствоведами М.М. Днепровским и Г.Н. Клименко. Она сформирована в дело № 2 и включает 6 писем Михаила Михайловича и 10 писем и поздравительных открыток Галины Никитичны. При описании этих документов сотрудниками ГАКО дело было датировано 1966 — 1975 гг., в то время как при ближайшем изучении видно, что наиболее поздним по времени создания является новогоднее поздравление, отправленное Г.Н. Клименко в декабре 1980 г.¹⁸ Содержание переписки с калужскими искусствоведами касается вопросов изучения историко-архитектурного наследия Калуги в период работы М.В. Фехнер над вторым изданием книги о нашем городе. Письма М.М. Днепровского 1968 — 1972 гг. содержат обстоятельные консультации об архитектурных сооружениях Калуги, произведениях древнерусского искусства в собраниях Калужского областного художественного музея¹⁹. Письма Клименко носят более личный характер. Мы уже упоминали о её последнем письме накануне 1981 г. В общей переписке оно, по нашему мнению, занимает особое место. Это своеобразный штрих к портрету не только М.М. Днепровского, но и М.В. Фехнер в заключительную пору их жизни. Галина Никитична пишет о М.М. Днепровском, что, несмотря на преклонный возраст и нездоровье, он “всё же думает продолжить ходить к художникам и в музей, потому что он таким образом встречается всё же с людьми — сотрудниками музея, [в этом] всё же ощущение какого-то общения”²⁰. Думается, что эти слова о М. М. Днепровском можно с полным правом отнести и к М.В. Фехнер, т.к. оба они были людьми особого склада, не мыслившими своей жизни в отрыве от дела, которому отдали не только многие годы, а всю свою душу.

Среди корреспондентов Фехнер были и другие калужские краеведы — Н.М. Маслов (одно письмо), Г.М. Морозова (одно письмо), писательница Н.Т. Усова (шесть писем), архитекторы П.Т. Перминов (одно письмо), Е.И. Киреев (одно письмо). Их переписка конца 60-х — начала 80-х гг. прошлого века хранятся в деле № 3. Содержание документов также связано с подготовкой Фехнер второго издания книги “Калуга”.

Наиболее крупным комплексом переписки (72 листа) являются письма и поздравительные открытки ленинградских, московских,

аллининских²¹, казанских, вологодских корреспондентов Фехнер, собранные в деле № 4. Фамилии, имена многих авторов писем порой трудно восстановить. Среди них — музейные работники, авторы краеведческих изданий, “лермонтовцы” — педагоги и учащиеся школы № 320 г. Москвы, сотрудники Инспекции по охране памятников архитектуры, родственники, друзья и знакомые Маргариты Васильевны. Хотя дело и датировано 1961 — 1982 гг., в нём нами были обнаружены и более ранние документы — два письма от 25 ноября и 10 декабря 1955 г., полученные от вологодского краеведа А.К. Вёдрова, переписка с которым продолжалась на протяжении нескольких десятков лет²².

Большую часть материалов дела № 4 составляют поздравления личного характера. Общий тон этих документов очень ярко передают строки одного из писем: “Милая, дорогая Маргарита Васильевна. Спасибо за Ваше поздравление. Спасибо за Ваше тепло, которое я ощущаю с первого дня знакомства...”²³

Переписка со специалистами хотя и невелика, интересна тем, что в ней содержится высокая оценка публикаций М.В. Фехнер о застройке российских городов, о реставрации архитектурных и мемориальных памятников. Приведём весьма красноречивое суждение о стиле печатных работ архитектора, высказанное в письме одного из её корреспондентов по поводу выхода в свет её книги “Великие Булгары. Казань. Свяжск”: “Я всегда восхищаюсь тем, как Вы пишете — и чёткой композицией ...книги, и лаконичностью совершенного литературного языка, и умелым подбором иллюстраций...”²⁴

Говоря о достоинствах опубликованных работ М.В. Фехнер, нельзя обойти вниманием оценку её статьи о доме М.Ю. Лермонтова в Москве, сделанную блестящим писателем и литературоведом И.Л. Андрониковым. Прочитав письмо уважаемого мэтра, датированное 10 августа 1961 г., машинописный экземпляр которого с автографом автора хранится в ГАКО: “... статья о домике М.Ю. Лермонтова очень нужная, очень важная, исследован вопрос превосходно, написаны эти странички достойно, живо и убедительно. Может быть, эта работа поможет сохранить самый домик, на который реконструкторы города готовы покуситься безо всякой на то необходимости. Ещё раз примите слова самой высокой похвалы и искренней благодарности. С уважением Иракий Андроников”²⁵.

В составе личного архива М.В. Фехнер в ГАКО поступила переписка 1965 — 1980 гг. с учёными-искусствоведами бывшей ГДР Хубертом Фензенем и Вольфом Шубертом (Берлин), а также про-

фессором Лувенского университета Бельгии Раймоном Лемером (при описании документов в ГАКО ошибочно переведено: как Лионского университета во Франции, дело № 5). Письма зарубежных коллег на немецком и французском языках посвящены исследованию европейских исторических памятников, методам их сохранения. Очень небольшую часть этой переписки составляют новогодние поздравления в адрес М.В. Фехнер²⁶.

Исклчительно ценной частью переписки являются 4 письма младшей сестры архитектора — Марии Васильевны Фехнер.²⁷ Все они адресованы одному корреспонденту — калужскому краеведу и архитектору А.С. Днепровскому. Для нас они интересны тем, что проливают свет на обстоятельства передачи личного архива М.В. Фехнер в ГАКО. Самым ранним по времени создания является письмо от 22 сентября 1982 г., в котором Мария Васильевна сообщила о том, что после кончины сестры «остались некоторые материалы по Калуге — различные выписки, путеводители и др. Я была бы рада, — пишет она, обращаясь к А.С. Днепровскому, — их Вам передать, если, конечно, они представляют для Вас интерес...»²⁸ Мария Васильевна предложила Днепровскому посетить её квартиру в Ясенево для просмотра архива сестры и отбора материалов. Судя по переписке, А.С. Днепровский довольно быстро откликнулся на это предложение, поскольку буквально через две недели — 6 октября 1982 г. — последовало второе письмо Марии Васильевны, в котором она писала: «Уважаемый Александр Сергеевич! Меня очень обрадовало, что Ваш архив готов создать личный фонд моей сестры. Я всё подготовила для отправки материала»²⁹. Вероятно, вскоре после этого архив М.В. Фехнер и оказался в Калуге, поскольку в третьем письме, написанном 23 января 1983 г., Мария Васильевна называет часть документов, переданных Днепровскому для ГАКО.³⁰ Среди них — папка с грамотами, зачётная книжка, поздравительные телеграммы, письмо Андроникова, последняя фотография Фехнер 1979 — 1980 гг., книга Косточкина, подаренная М.В. Фехнер³¹. Завершают письмо строки: «Очень буду Вам признательна, если Вам удастся опубликовать статью, посвящённую памяти сестры»³².

Самое позднее из имеющихся в ГАКО писем Марии Васильевны датируется 15 февраля 1983 г. Обратим на него особое внимание, поскольку оно — источник к биографии Маргариты Васильевны Фехнер. В письме содержатся существенные поправки, сделанные сестрой архитектора к тексту биографии Маргариты Васильевны, составленной А.С. Днепровским. При изучении поправок нельзя не

восхититься пристрастием к точности, бережным и почтительным отношением к деталям — фамильными фехнеровскими чертами, которые так легко узнаваемы в младшей сестре Маргариты Васильевны. Так, ею справедливо было подмечено, что вуз, где училась Фехнер, к 1926 г. сменил название Московского политехнического института на Московское высшее инженерно-строительное училище. Весьма существенным замечанием служит указание на дату смерти М.В. Фехнер. Мария Васильевна пишет: «Скончалась Маргарита Васильевна не в 1982 г., а 5 декабря 1981 г.»³³ Тем не менее, в ряде печатных изданий и учётных документов ГАКО, в т. ч. в «Справочнике по фондам Государственного архива Калужской области» 1985 г., в описи № 1 личного фонда архитектора, в предисловии к этой описи годы жизни М.В. Фехнер указаны как 1903 — 1982³⁴.

Самую обширную по объёму часть личного фонда М.В. Фехнер представляют материалы, характеризующие её профессиональную деятельность.

Особый интерес среди них вызывает дело № 8, в котором собрана проектная документация, разработанная при участии М.В. Фехнер в начальный период её трудовой деятельности, 1934 — 1941 гг. Подобные материалы довольно редко встречаются в составе личных фондов ГАКО, что само по себе определяет их ценность.

Значительный блок профессиональных документов М.В. Фехнер составляют материалы по истории российского градостроительства. Фехнер неоднократно привлекалась Министерством культуры РСФСР и ЦС ВООПИК в качестве консультанта по застройке старинных российских городов, в том числе и Калуги, принимала участие в обсуждении их генпланов, давала предложения по их реконструкции.

Документы о Калуге представлены в этом разделе фонда 8 единицами хранения. В их числе экспертные заключения 60 — 70-х гг. прошлого века о состоянии памятников архитектуры XVIII — XIX вв. (дело № 6), рецензия 1980 г. на «Проект охранных зон и зон регулирования застройки памятников истории и культуры г. Калуги»³⁵ и переписка с главным архитектором Калуги П.Т. Перминовым по этому вопросу (дело № 17); подготовительные материалы к книге «Калуга», в т. ч. 7 блокнотов с выписками из архивных и печатных источников на 168 листах (дело № 18), копии планов Калуги XVIII — XIX вв. на 18 листах (дело № 19), копии планов (кальки) отдельных архитектурных сооружений (дело № 20). К калужской тематике относится также рукопись доклада об архитекторе И.Д. Ясныгине, прозвучавшего на третьей калужской краевед-

ческой конференции в 1972 г. (дело № 21) и одна из последних работ Фехнер — рукопись очерка “Калуга XIV — XVIII вв.”, составленного 26.02.1981 (дело № 22). В отдельном деле хранятся вырезки из газет 60 — 70-х гг. со статьями М.М. Днепровского, К.Б. Бедлинского, В.И. Безьязычного и других о Калуге, собранные Фехнер (дело № 23).

К сожалению, в рамках отведённого времени не представляется возможным осветить подробнее весь комплекс документов о российских городах в личном фонде М.В. Фехнер. Отметим только, что в нём имеются материалы о Вологде — 4 ед. хр. (дела № 24 — 27), Москве — 8 ед. хр. (дела № 29 - 36), Казани — 6 ед. хр. (дела № 37, 38 — 42), Коломне — 1 ед. хр. (дело № 28). Кроме них в ГАКО хранятся и другие работы Фехнер — рукопись статьи “Деревянная архитектура XIX века” (машинописный экземпляр, не ранее 1961 г., дело № 10); рецензия на рукопись В. Иванова и Х. Фензена “Древнерусское зодчество” (дело № 14); а также несколько статей, опубликованных М.В. Фехнер в 1952 — 1981 гг. в “Строительной газете”, “Московском строителе”, “Литературной газете” (часть из них написана в соавторстве с другими исследователями). Кроме них, ГАКО располагает каталогом выставки 1964 г. «Охрана и реставрация памятников архитектуры в СССР», одним из составителей которого была М.В. Фехнер (дело № 13).

Весьма любопытными являются рукописные заметки о достопримечательностях и архитектурных памятниках Австрии, сделанные М.В. Фехнер во время её заграничной командировки 1965 г. (дело № 12). На содержании этих материалов хочется остановиться несколько подробнее.

Поездка в Австрию проходила осенью 1965 г. Её программа была довольно насыщенной — за две недели Маргарита Васильевна объездила почти всю страну: посетила Вену, загородные резиденции австрийских правителей, побывала в Зальцбурге, посетила старинную крепость и город-сад Грац, осмотрела достопримечательности Инсбрука. Документы об австрийской поездке М.В. Фехнер сочетают в себе краткие дневниковые записки путешественника с заметками архитектора-профессионала. В них, наряду с впечатлениями от реклам и витрин столичных магазинов, вечерних экскурсий по городу, органного концерта, ужина в одном из венских кабачков, содержатся профессиональные описания Шёнбруннского дворца, Венской картинной галереи и исторического музея, Тирольского музея изящных искусств, старинных мостов, великолепных средневековых соборов, церквей и часовен. Записи,

сделанные Фехнер на русском языке, чередуются с немецкими. Они примечательны обилием деталей о времени построек, их авторах, архитектурном стиле, последующих перестройках. В них хватает места и историческим памятникам, и современным архитектурным сооружениям; и фактам, и эмоциональной оценке виденного.

Продолжая характеристику отдельных комплексов документов в составе личного фонда Р-437, отметим, что ГАКО имеет и творческие материалы М.В. Фехнер. Правда, представлены они довольно скромно, всего одной единицей хранения (дело № 8). Это рисунки достопримечательностей и архитектурных памятников Дагестана — Дербента, Гуниба, аула Чох. Все они сделаны с натуры Маргаритой Васильевной в сентябре — октябре 1957 г. и проаннотированы ею. Напомним, что Дербент — старинная крепость на юге Дагестана, основанная в V в. н.э., Гуниб — высокогорный аул, историческое место пленения Шамиля.

Общий объём рисунков невелик — их всего девять. 3 из них посвящены Дербенту — (Л. 1, 4, 6), 3 — Гунибу (Л. 2, 5, 9), 3 — аулу Чох (Л. 3, 7, 8). По технике исполнения работы Фехнер представлены пятью акварелями (Л. 1, 3, 4, 5, 6), двумя карандашными рисунками в коричневом цвете (Л. 7, 8), двумя графическими зарисовками, выполненными чёрной тушью (Л. 2, 9). Все они великолепно передают колорит архитектуры Кавказа, поражают своей мягкостью, лиричностью, несмотря на то, что объектами рисунков стали места жестоких и кровопролитных сражений. При изображении полуразрушенных крепостных стен, жилых построек высокогорных селений художнику удалось избежать ощущения мрачности и холода, которые обычно ассоциируются с камнем. На рисунках Фехнер даже каменные стены излучают тепло пронизывающего южного солнца.

Существенную часть личного фонда М.В. Фехнер составляют фотодокументы. Всего в фонде учтено 33 единицы хранения за 1947 — 1979 гг. с общим числом снимков 1097. Представлены они черно-белыми негативами и позитивами.

Личные фотографии М. Фехнер сгруппированы в дело № 47, их немного — всего 12. Датируются они 1947 — 1979 гг. Большая их часть представлена групповыми любительскими снимками. Из наиболее удачных назовём 2 фотографии М.В. Фехнер в калужском городском парке (1947 г.), групповой снимок на скамейке (без даты), фото М.В. Фехнер, осматривающей художественную экспозицию (1960 г.), фотопортрет М.В. Фехнер (1979 г.)³⁶.

Остальные фотографии отражают этапы работы Фехнер над книгами и статьями по градостроительству, реставрации памятников архитектуры. Тематически их можно характеризовать по нескольким комплексам: фотографии о Калуге, Москве (дела № 54 — 59), Коломне и её окрестностях (дела № 60 — 62), о памятниках архитектуры Вологды и Вологодской обл. (дела № 69, 70), о Казани и Свияжске (дела № 71 — 75), об архитектурных достопримечательностях Кавказа (дела № 52, 53), Украины (дела № 76 — 79), о европейских памятниках архитектуры и др.

Главный интерес для нас представляют фотоматериалы о Калуге — 6 единиц хранения с общим объёмом около 300 позитивов и негативов (281). Это фото планов и проектов памятников архитектуры XVIII — I пол. XIX в., скопированных в бывш. ЦГИА (дело № 63); фото фрагментов зданий и интерьеров городских усадеб Чистоклетовых, Золотарёвых, зданий ансамбля Хлюстинской больницы, Присутственных мест (дело 64); фотографии деревянных архитектурных сооружений (дело № 65); пробные отпечатки для макета 2-го издания книги «Калуга» (дела № 66, 68), фото по застройке города 60 — 70-х гг. XX в. (дело № 67).

В личном фонде архитектора особо отметим комплекс фотографий, снятых во время зарубежных командировок М.В. Фехнер, по-видимому в 60 — 70-е гг. XX в. Знакомство с ними — целое увлекательное путешествие по Европе. Так, в деле № 49 хранятся фотографии достопримечательностей и памятников архитектуры Парижа и Версаля: на 26 снимках запечатлены Эйфелева башня, Нотрдам, арка на площади Карусель, Дом инвалидов, часовня Сент-Шапель, сад Тюильри, версальские парки. В деле № 50 представлено 46 документов итальянского путешествия М.В. Фехнер — 3 видовые открытки (Ватикан и Верона) и 43 фото. Среди них великолепные памятники зодчества и видовые фотоизображения Рима (9 снимков), Венеции (16), Пизы (3), Вероны (2), Неаполя (2), Феррары (1), Падуи (1), Милана (4), Помпеи (2) и др.

К комплексу зарубежных фотодокументов можно отнести и дело № 51 (датируется не ранее 70-х гг.) с подготовительными материалами к книге М.В. Фехнер об архитектуре бывшей ГДР. Наряду с фотографиями в деле имеются фрагменты рукописи, фото архитектурных памятников, выполненные по заказу Маргариты Васильевны (обращает на себя внимание высокое качество съёмки), туристическая карта-схема ГДР, 28 буклетов о немецких городах.

Как видим, материалы, хранящиеся в личном фонде М.В. Фехнер, обширны и разноплановы. Они с полным правом могут считаться предметом гордости ГАКО. Являясь весьма ценным и интересным источником для исследования биографии и профессиональной деятельности Маргариты Васильевны Фехнер, они непременно найдут своих исследователей и займут подобающее им место в изучении памятников градостроительного искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ГАКО, ф.Р-437, оп. 1, д. 1, л. 1 — 2об.
- ² Там же. Л. 3.
- ³ Там же. Л. 10.
- ⁴ Там же. Л. 4 — 9.
- ⁵ Там же. Л. 11.
- ⁶ Там же. Л. 13.
- ⁷ Там же. Л. 14 — 18.
- ⁸ Там же. Л. 19 — 20.
- ⁹ В служебной характеристике с ходатайством о присвоении ей почётного звания «Заслуженный работник культуры РСФСР» приведена более точная дата — 25 января 1903 г. См, д. 1. Л.б.
- ¹⁰ Более подробные сведения о работе см, д. 1, л. 2.
- ¹¹ Там же. Л. 1.
- ¹² Там же. Л. 3.
- ¹³ Там же. Л. 4 — 9.
- ¹⁴ Там же. Л. 10.
- ¹⁵ Там же. Л. 11.
- ¹⁶ Там же. Л. 19.
- ¹⁷ Там же. Л. 20.
- ¹⁸ Там же. Д. 2, л. 24.
- ¹⁹ Там же. Л. 4 — 5об.
- ²⁰ Там же. Л. 24.
- ²¹ Приводим в современной орфографии.
- ²² ГАКО, ф.Р-437, оп. 1, д. 4, л. 54, 54об., 60 — 61об.
- ²³ Там же. Л. 38.
- ²⁴ Там же. Л. 53.
- ²⁵ Там же. Л. 71.
- ²⁶ Там же. Д. 5.
- ²⁷ В заголовке дела она указана как археолог ГИМа Майя Васильевна Фехнер. Видимо, по сведениям А.С. Днепровского.
- ²⁸ ГАКО, ф.Р-437, оп. 1, д. 3, л. 15а.
- ²⁹ Там же. Л. 17а.
- ³⁰ Некоторое недоумение вызывает дата поступления архива М.В. Фехнер в ГАКО, указанная в предисловии к описи №1 фонда Р-437. 9 июня 1982 г. документы едва ли могли попасть в ГАКО — идея передачи личного архива М.В. Фехнер в Калугу была высказана в письме Марии Васильевны только 22 сентября 1982 г.

³¹ В настоящее время хранятся в ГАКО в личном фонде архитектора Р-437. Книга В.В. Косточкина "Древние русские крепости" (1964 г.) хранится в научной библиотеке ГАКО.

³² ГАКО, ф.Р-437, оп. 1, д. 3, л. 14а.

³³ Там же. Л. 16а.

³⁴ Справочник по фондам Государственного архива Калужской области Калуга, 1985. С.361; Опись №1 дел постоянного хранения личного фонда М.В. Фехнер, архитектора, члена СА СССР (ф. Р-437). Предисловие. Л. 2.

³⁵ Проект был составлен институтом "Гипрогор" (г. Москва). Гл. архитектор проекта — А.Б. Тренин. М.В. Фехнер в соавторстве с К.Ф. Князевым (ЦС ВООПИК) осуществляли экспертную оценку проекта. См. ГАКО, ф.Р-437, оп. 1, д. 17, л. 6.

³⁶ ГАКО, ф.Р-437, оп. 1, д. 47, л. 1, 2, 6, 9, 12.

ЛИЧНЫЙ ФОНД М.В. ФЕХНЕР В СОБРАНИИ КАЛУЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

А.Р. Гребенкин

Калужский государственный объединенный краеведческий музей

В фондах Калужского государственного объединенного краеведческого музея хранится личный фонд архитектора Маргариты Васильевны Фехнер (1903 — 1981). Она родилась в Москве. Там же закончила Петропавловское женское училище и архитектурный факультет Высшего инженерного училища. В 1935 г. М.Н. Фехнер стала членом Союза архитекторов и активно работала в ряде проектных институтов, а в 1948 — 1981 гг. в ГЛАВАПУ старшим инспектором по охране памятников истории и культуры. Она является автором и соавтором ряда книг по архитектуре таких городов, как Вологда, Коломна, Казань, Кострома, Свияжск. 3 издания ее книг посвящены архитектуре Калужской земли: «Калуга» (1961), «Калуга» (1971), «Калуга — Боровск» (1972).

Фонд М.В. Фехнер поступил в наш музей 15 марта 1984 г. от А.С. Днепровского. Он включает в себя 38 предметов основного и научно-вспомогательного фонда. Это 22 документа, 18 фотографий и 1 графическая работа.

В число личных документов входят удостоверение М.В. Фехнер, старшего архитектора Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, ее членский билет Общества охраны памятников истории и культуры, читательский билет Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, пропуск в читальный зал ЦГВИА СССР, анкета отдела кадров, записная книжка с помет-

ками о Казани. В фонде также хранятся почетная грамота М.В. Фехнер к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции от Главного архитектурно-планировочного управления г. Москвы и поздравительные адреса 1963 и 1978 гг. Первый, к 60-летию, рукописная открытка с городским пейзажем, с автографами коллег, второй — поздравление с 75-летием от московской организации Союза архитекторов СССР, с автографами членов правления. Кроме того, есть 2 поздравительные открытки 1980 и 1982 гг. от коллег из ГДР.

Небольшой комплекс документов связан с деловой поездкой М.В. Фехнер в ГДР 16 августа — 9 сентября 1972 г. Это программа ее визита на немецком языке с рукописной правкой расписания встреч, 3 карточки отелей и визитная карточка профессора Hans Schoder.

Из научного архива и библиотеки М.В. Фехнер в личном фонде хранятся: рукописный список «осуществленных в натуре новостроек по проектам М.В. Фехнер» (1925 — 1932 гг.), письмо из Мурановского музея, отдельный оттиск статьи Э.Д. Добровольской «Церковь Николая Надеина в Ярославле (опыт реконструкции)» с дарственной автора и книга Н.М. Волович «Кропоткинская улица, 12» (в серии «Биография московского дома»).

Кроме личных документов архитектора, в фонде хранятся краткая биография М.В. Фехнер, краткий обзор ее фонда в ГАКО и список опубликованных трудов М.В. Фехнер, составленные А.С. Днепровским в 1983 г.

Более интересна фотографическая часть личного фонда М.В. Фехнер. Она включает как подлинные фото различного времени, так и качественно выполненные копии. Среди них можно перечислить фото учениц Московского Петропавловского женского училища (1915), 3 фотографии студенческого периода, когда М.В. Фехнер училась на архитектурном факультете Высшего инженерного училища г. Москвы (1921), 5 фото с коллегами архитекторами (1930 — 1970-е гг.), 2 маленьких фотопортрета (1950, 1980), 3 снимка, запечатлевших М.В. Фехнер на отдыхе и фотопортрет академика архитектуры Н. Власова в детстве (1928).

Последняя единица хранения личного фонда — карандашный рисунок художника П.И. Сухова «Палаты Коробовых в Калуге» (1937), подарок М.В. Фехнер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Личный фонд М.В. Фехнер: КГОКМ, КП 10912/1-5, Нв 3441/1-29.

**225 ЛЕТ ПЕРВОМУ ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПЛАНУ ГОРОДА
КАЛУГИ И ПЕВЕЦ КАЛУЖСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ
М. В. ФЕХНЕР**

*А. С. Днепровский
областной совет ВООПиК*

Минувший год прошел в Калуге под знаком 225-летия Калужского наместничества. Первым деянием нового назначенного наместника, графа М. Н. Кречетникова, было создание генерального плана города Калуги как административного центра наместничества. Это был первый регулярный (т. е. “правильный геометрически”) план, разработанный зодчим П. Р. Никитиным. Его целью было формирование образцового культурного, передового по своему времени плана. Оставив на прежнем месте бывшей крепости новый центр, сохранив частично сетку улиц-дорог в центре Калуги, Никитин сумел создать грамотный в экологическом смысле план города конца XVIII столетия. Несмотря на то, что зодчий не знал ученой терминологии наших дней (инсоляция, аэрация, экология и др.), он сумел планировочной структурой обеспечить постоянное превосходное проветривание пространства города, и эта система продолжает работать до сего времени. Работа над планом города шла напряженно и стремительно. К 1778 г. Никитин успел сделать три или четыре варианта планировок всего города, постоянно усовершенствуя их, и 13 июля 1778 г. императрица Екатерина II начертала на плане: “Быть по сему”. С тех пор архитекторы и строители 225 лет воплощают в жизнь развитие Калуги, руководствуясь этим генеральным планом. Он был в XVIII и XIX вв. осуществлен тремя большими зодчими: П. Р. Никитиным, И. Д. Ясныгиным, Н. Ф. Соколовым. В 2003 г. — 225 лет генеральному плану Калуги. Одновременно мы отмечаем, что в этом же 2003 г. исполняется 100 лет со дня рождения Маргариты Васильевны Фехнер, архитектора и историка архитектуры, вклад которой в краеведение огромен. И это совпадение не случайно: М. Фехнер — автор трех монографий об архитектуре Калуги, о ее формировании с древности до наших дней. Эти книги датируются 1961, 1971 и 1972 гг., в них содержится анализ не только нашей старины, но и архитектуры советского периода. М. Фехнер вдумчиво работала с местными краеведами Н. Масловым, Г. Морозовой, М. Днепровским, в архивах, с работающими архитекторами, проектировщиками, признавала, что бывала “пристрастна” к творческой роли архитектора И. Д. Ясныгина в ущерб его гениальному предшественнику П. Р. Никитину.

В 1960 — 70-х гг. М. Фехнер активно участвовала в работах института “Гипрогор” над генеральным планом Калуги, неоднократно трудилась в экспертных комиссиях по сложным вопросам градостроения, по разработке охранных зон и зон регулирования застройки. При проектировании Государственного музея истории космонавтики им. К. Э. Циолковского М. Фехнер добилась смещения здания с оси парка для сохранения вида на городской бор.

При формировании площади Победы М. В. Фехнер горячо приветствовала включение в ансамбль площади здания памятника архитектуры — храма Косьмы и Демьяна. Авторы ансамбля, архитекторы Е. И. Киреев и П. Т. Перминов, завоевали первое место на конкурсе, посвященном лучшему сочетанию нового и старого в градостроительстве.

М. Фехнер являлась автором текста всех мемориальных досок, установленных на фасадах калужских памятников. В настоящее время они все расхищены.

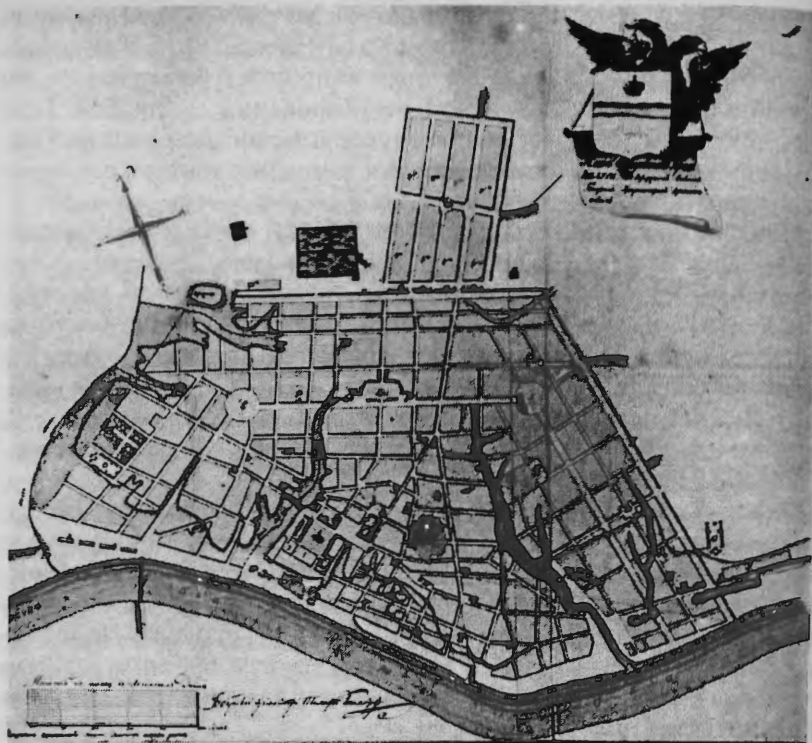
Она помогала калужским реставраторам при восстановлении городских объектов (например Хлюстинской богадельни, которая скоро отметит 200 лет существования), областных музеев, уделяла значительное внимание изучению и пропаганде архитектурных памятников калужских усадеб — Авчурино, Городни, Грабцева, Полотняного Завода. По существу, она являлась долгое время куратором Калужской реставрационной мастерской в условиях отсутствия главного архитектора мастерской.

Обширный архив М. Фехнер после ее кончины в 1981 г. перевезен в Калугу и хранится в ГАКО, частично в Калужском государственном объединенном краеведческом музее, в нем содержатся черновики книг по архитектуре Калуги, Казани, Костромы и Каширы, многие документы и ее переписка.

Особо хочется отметить роль М. Фехнер в создании в 1965 г. Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Она была истинным патриотом.

В Городской управе, в комиссии по наименованию улиц города, имеется предложение от ВООПИиК о присвоении одной из улиц-новостроек имени архитектора М. В. Фехнер.

Генеральный план Калуги — живой организм, он постоянно усовершенствуется, несмотря на то, что является памятником русского классического градостроительства XVIII в.: любой исторический город должен расти и развиваться. В пределах памятника современные зодчие стараются свято соблюдать все параметры охранных зон и зон регулирования застройки.

Первый генеральный план г. Калуги (автор — архитектор П.Р.Никитин)

НЕКОТОРЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАСЕЧНЫХ ЧЕРТ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В БАССЕЙНЕ р. ОКИ*

А.И. Евина,

М.П. Жидков, к.г.н.,

Э.А. Лихачева, д.г.н.,

Институт географии РАН

Изучение засечных черт России, а вернее — того, что от них осталось, ведется в последние десятилетия археологами, почвоведом, ботаниками и геоморфологами. Дело в том, что засечные черты сыграли весьма важную роль в истории России. Интерес к ним поднялся в связи с изучением истории страны и в связи с

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 01-05-64165).

тем, что возрождение лесов засечных полос может способствовать экологическому и экономическому оздоровлению Европейской части России.

Засечные черты — это оборонительные сооружения южных рубежей Московского государства. Главным элементом в них были засеки, сооружение которых в качестве преград использовалось на равнинных лесных территориях уже более тысячи лет. Известны письменные упоминания о засеках в XII в. (Пономаренко и др., 1992). Засеки устраивали русские войска при подготовке к Бородинскому сражению. Создавали засечные полосы и при строительстве оборонительных линий в XX в., когда поваленные деревья дополнительно опутывали колючей проволокой. Засеки были основным элементом оборонительных линий, называемых засечными чертами и возводимых в XVI — XVII вв. на южных рубежах Русского государства для защиты от набегов крымских татар и кочевых степных орд. Длина этих оборонительных линий достигала тысяч километров. В них входили также протяженные линии валов и рвов, десятки больших и малых крепостей, сотни наблюдательных пунктов. В их строительство были вложены гигантские усилия, которые оказались не напрасными. Благодаря упорной работе по строительству обороны Русское государство выжило в борьбе с гораздо более сильными противниками, какими в то время были польско-литовское государство и крымские татары, объединяющие для набегов многие орды и поддерживаемые Турцией, которая устрасала всю Европу.

Строительство протяженных оборонительных рубежей — явление в истории цивилизаций распространенное. Самый известный памятник такого рода — Великая китайская стена, имевшая общую протяженность 6400 км. Она прикрывала китайские земледельческие провинции от Желтого моря до Центральной Азии от нападений кочевников с севера. Ее строительство было начато в IV в. до н.э., а наиболее впечатляющие сохранившиеся фрагменты построены в XV — XVI вв. Заметим, что засечные черты и Великая китайская стена по протяженности, общему плану и даже времени строительства имеют много общего.

Известны и другие, менее протяженные и грандиозные, но впечатляющие сооружения. Траяновы валы были построены римлянами на рубежах своей империи в низовьях Дуная. Аккосов вал пересекает Керченский полуостров с севера на юг, имеет длину более 30 км. В XIX веке ширина вала у основания достигала 20 м, по вершине — 14 м, высота вала — 4,5 м, а ров пред ним достигал ширины 15 м и глубины 3 м (по Андрееву, 2000). Вал был построен в 5 в. до н.э.

Боспорским царством для защиты западных рубежей. Великая абхазская или Келасурийская стена, длиной более 100 км, протянулась от устья реки Келасури до села Лекух (на правом берегу Ингури). Она не была сплошной при строительстве, при ее возведении использовались особенности местности. Из 58 км основного участка лишь 25 км занимали стены. Из 279 башен большая часть сосредоточена на участке Келасури — Ткварчели (более 200 башен). Стена защищала земли, расположенные к востоку и юго-востоку от нее, и была построена главным образом в XVII в. мегрельским царем Леваном II, спасавшимся от мести абхазских князей за некоторые свои не совсем благовидные деяния (по Воронову, 1978).

В Новом Свете была построена Великая перуанская стена, которая в долине реки Санта напоминала Великую китайскую. Она прослеживается от тихоокеанского побережья на 40 миль в глубь гор до высоты 1500 футов. Главным образом стена была глинобитная. Время строительства и назначение не установлены. Предполагают, что ее воздвигли индейцы чиму, чтобы остановить экспансию горцев. Стена была обнаружена лишь в ходе аэронаблюдений. Во время наземных маршрутов ее следы обнаруживались с большим трудом, после тщательной привязки с воздуха. В некотором отдалении от стены по обе ее стороны через неправильные интервалы стояли небольшие крепости, прямоугольные и круглые в плане (по Л. Дойелю, 1979, стр. 207 — 209). Таких примеров можно привести много.

Протяженные оборонительные рубежи располагались древними строителями столь продуманно, что оказывались рубежами обороны и в ходе современных войн. В Италии наблюдались противотанковые рвы, почти совпадающие с остатками рвов и валов, построенных римлянами (по Л. Дойелю, 1979). На всех виденных авторами городищах Московской области, оказавшихся в прифронтовой полосе в 1941 г., сохранились следы строительства укреплений (окопы, доты, пулеметные гнезда и др.).

Московское государство — ядро будущей Российской империи — унаследовало вероятно, опыт Киевской Руси, создавшей на своих южных рубежах (южнее Киева, вдоль притоков Днепра) систему укреплений, известную ныне под названием Змиевых валов. Интенсивное строительство системы засечных полос в Московском государстве приходится на XVI — XVII вв. и началось после того, как было покончено с угрозой грабительских набегов Золотой Орды. Тогда, с одной стороны, появились ресурсы, а с другой — главная опасность стала исходить с юга. Прежний союзник, враг Золотой Орды, — крымские татары — стал совершать набеги на русские

земли. История строительства засечных черт на южных рубежах Московского государства тесно связана с историей Крыма и набегами крымских татар, продолжавшихся почти непрерывной чередой с 1507 по 1717 гг. — более 200 лет. Ранее засечные черты в столь значительных масштабах не создавались. Возможно, в силу того, что не было сил и средств, а кроме того иной была стратегия нападений.

Засечные черты строили с учетом тактики внезапных нападений и представляли собой “многоступенчатую” систему, в которую входили: города, служившие пунктами сбора русских войск; города-крепости с постоянными, но не столь значительными по численности гарнизонами; укрепленные рубежи большой протяженности, создаваемые либо на базе использования оборонительных свойств местности, либо искусственные; дозорная и станичная службы (Снегирев, 1942).

Положение засечных черт и их укреплений определялось многими факторами, в том числе направлением речных долин, характером берегов, положением лесов и болот. Реки, имеющие юго-западное течение, были главным препятствием на пути кочевников, а реки, текущие на северо-запад, напротив, способствовали проникновению врага в глубь лесного массива.

Засечные черты включали укрепления разных типов. Первым типом искусственных укреплений являлись валы и засеки. Эти сооружения ставились с учетом характера рельефа местности, наличия естественных преград и проходящих дорог. Главную роль играли лесные завалы. Ширина завалов из деревьев в зависимости от условий изменялась от 15 — 80 м до 200 м и до нескольких километров. Леса, в которых делались засеки, объявлялись заповедными, в них запрещалась порубка, сбор грибов и ягод и прочая хозяйственная деятельность. В то же время земля перед оборонительными линиями использовалась под пашни и пастбища, что улучшало обзор подходов и одновременно снабжало гарнизоны крепостей продуктами. Там, где было мало лесов и не было болот, оврагов или других препятствий, строили надолбы, делали земляные валы и рвы. Вторым типом укреплений черты были небольшие остроги у многочисленных ворот через засеки. Третий тип укреплений представляли крепости, построенные до XVII в., с максимальным использованием естественных условий: на возвышенностях, на слияниях рек, на обрывистых плато среди оврагов. Возвышенное местоположение являлось наиболее существенной предпосылкой для создания новых крепостей и прослеживается в расположении подавляющего большинства древнерусских замков. Во многих славянских землях городские зам-

ки назывались “вышгородами” (Тихомиров, 1956). Часто для строительства новых укреплений использовались старые городища. Характерной чертой этих городищ, возникших в X—XII в.в., является их теснейшая связь с рельефом и полная зависимость плана их оборонительной системы от плана того мыса, холма или острова, на котором они были расположены. Укрепления старались расположить в таком месте, чтобы естественные препятствия ограждали поселения со всех сторон. Можно выделить несколько характерных типов местоположений городищ и крепостей, которые дали начало городам. Предварительно выделено пять типов геоморфологических обстановок: мысовая, останцовая, овражно-долинная, междолинная и пойменная. Мысовое положение, самое распространенное, занимали города: Серпухов, Коломна, Мещерский городок, Зарайск, Боровск. Для этих крепостей было типичным дополнение естественного рельефа антропогенным — с незащищенной стороны создавались рвы, частоколы, надолбы, валы. Останцовый тип встречается достаточно редко, и его примерами являются Рыльск (Курская область) и Кадам (Рязанская). Данное положение являлось наиболее выгодным, так как почти не требовало создания искусственных преград. Овражно-долинным положением названа ситуация, когда крепость располагалась на участке высокой террасы, ограниченном крутым берегом реки и двумя глубокими оврагами. Это достаточно распространенный тип расположения: Калуга (крепость XVI — XVII вв.), Касимов, Старая Рязань, Перевицкий Торжок (станция Фруктовое Московской области). Междолинным положением названо узкое водораздельное пространство (высокой террасы) между долинами рек. Кремль Рязани (Переславля Рязанского) расположен на высокой террасе в междуречье Оки, Трубежа и Лыбеди. Древний Козельск тоже на высокой террасе, отсекаемой от долины Жиздры резким изгибом долины реки Другусны. К пойменному типу относятся Старая Кашира и Огубское городище вблизи Жуково (в Калужской обл.).

Засечные черты Московского государства являлись сложной и хорошо организованной военно-хозяйственной государственно-структурой. Засады создавались как долговременные стратегические оборонительные рубежи государства, а засечные леса должны были стать серьезным препятствием для продвижения противника в глубь территорий Русского государства.

Одной из самых ранних была пятисоткилометровая Большая Засечная черта, созданная в середине XVI в., которая протянулась от Белева и Перемышля через Одоев, Крапивну, Тулу и Венев до Переславля Рязанского и от Скопина через Ряжск и Сапожок до

Шацка. Главными опорными пунктами-крепостями на укрепленной засечной черте, защищавшей южные границы Московского государства, охранявшей почти все переправы через Оку, были Таруса, Серпухов, Кашира и Коломна. Кашира тогда располагалась на левом берегу Оки у впадения в нее реки Каширки. К югу от засечной черты в “Диком поле” была создана постоянная сторожевая служба с центрами в Путивле и Рыльске. С 1580 по 1590 гг. на местах сторожевых пунктов были построены города Воронеж, Елец, Ливны, Оскол, Лебедянь.

О масштабах работ строительства оборонительных сооружений и засечных черт можно судить по тому, что только на территории современной Рязанской области объем перемещенных грунтов при строительстве оборонительных сооружений в XII — XVI вв. оценивается в 10 млн. куб м. (Кривцов, 1998).

История строительства, роль засечных черт в войнах и даже их расположение еще далеко не установлены. Подробное археологическое исследование засечных черт выполнено лишь для Рязанского участка Большой Засечной черты И.Л. Чернаем (1990). Остальные участки изучены менее подробно (Никитин, 1955; Пономаренко и др., 1992; Яковлев, 1916 и др.).

Засечные черты создавались на рубежах государства, и естественно, разделяя разные народы, они разделяли и разные ландшафты, специфика которых предопределена особенностями рельефа и строения земной коры. Так, Вожские засеки в Рязанской и Московской областях совпадают с зонами активных разломов земной коры, прослеживаемых по линии Тула — Рязань (по Трифонову и др., 1993). Окские рубежи Большой Засечной черты тоже совпадают с разломами. Положение крепостей и наблюдательных пунктов было предопределено особенностями рельефа. Возможно, что исследованиям засечных черт и поискам неизвестных городищ могут способствовать геология и геоморфология.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А.Р. История Крыма. М.: Белый волк, 2000. 432 с.
2. Воронов Ю.Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. М.: Искусство, 1978. 175 с.
3. Дойелль Лео. Полет в прошлое. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва “Наука”, 1979. 296 с.
4. Кривцов В.А. Рельеф Рязанской области (региональный геоморфологический анализ). Рязань: Изд-во РГПУ, 1998. 195 с.
5. Никитин А.В. Оборонительные сооружения засечной черты XVI — XVII вв. // Материалы и исследования по археологии СССР М., 1955. Вып.44, С.201 — 213.

6. Пономаренко Е.В., Пономаренко С.В., Офман Г.Ю., Хавкин В.П. Зеленая стена России: мост из прошлого в будущее // Природа. 1992, № 6. С. 84 — 92.

7. Снегирев В.Л. Сторожевая служба // М.: ОГИЗ, 1942. С. 46.

8. Тихомиров М.Н. Древнерусские города // М.: Политехническая литература, 1956. С. 235.

9. Трифонов В.Г., Кожурин А.И., Лукина Н.В. Изучение и картирование активных разломов // Сейсмичность и сейсмостроительство Северного Евразии. Вып. 1. М.: ИФЗ РАН. 1993. С. 196 — 206.

10. Черная И.Л. Оборонительные сооружения рязанских засек в свете новых археологических данных // Куликово поле // Труды Государственного Исторического музея. 1990. Вып. 73. С. 101 — 125

11. Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916. С. 312.

МАЛОЯРОСЛАВЕЦКИЙ УЕЗД ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI — НАЧАЛЕ XVII вв. Историко-географический аспект

Л.В. Митрошенкова,

Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета

Территория Малоярославецкого уезда, в отличие от многих других, формировалась на протяжении длительного периода времени и окончательно сложилась довольно поздно. В целях изучения историко-политической географии единого Русского государства необходимо прояснить детали этого процесса и сравнить их со сходными данными по другим уездам Московского княжества.

История Малоярославецкого уезда изучена к настоящему моменту довольно слабо. В исследованиях многих историков, посвященных различным аспектам истории Руси XIV — XVII вв., встречаются, в разной связи, упоминания лишь о некоторых входивших в него волостях и станах.¹ Лишь две работы непосредственно рассматривают историю Малоярославецкого уезда в интересующий нас период. Диссертационное исследование малоярославецкого историка С.В. Позднякова посвящено вопросам формирования дворянской уездной корпорации в конце XVI — начале XVII вв.² Что касается истории самого уезда, она описана лишь фрагментарно и изобилует неточностями. В диссертации на соискание степени кандидата исторических наук О.А. Шватченко материалы писцовых описаний Малоярославецкого уезда конца XVI — начала XVII вв. использованы для изучения структуры землевладения центра Рос-

сийского государства³. Таким образом, история Ярославского уезда как единого целого, проблемы, связанные с образованием внешних границ и внутреннего административно-территориального деления, с освоением и заселением его территории, остаются неисследованными и заслуживают внимания как с точки зрения локальной истории, так и для выяснения общих принципов административно-территориального деления единого Русского государства в период его становления.

Центр уезда, город Ярославль, расположен на высоком правом берегу реки Лужи — притока р. Протвы. В интересующий нас период в уезд входило 14 волостей/станов (см. Приложение I):

- Городской стан — небольшая территория к северо-востоку от города;
- Гордошевичи — довольно обширная волость, примыкавшая к городу с запада и юго-запада (по берегам рек Большой и Малой Перинкам);
- волость Гремичи располагалась к северу и северо-востоку от Городского стана, на правом берегу Протвы;
- Пыренская волость — к северу от Гремичей, также на правом берегу Протвы;
- волость Репенская — на левом берегу Протвы до речки Деричны, напротив Гремичей и Пыренской;
- волость Угота — по западной, южной и восточной границе Репенской волости;
- стан Сушевский — к северу от Гордошевичей и западу от Пыренской, по речке Сушке;
- Михалев стан — между Гордошевичами, Городским и Сушевским станами;
- стан Прудцовский — между Пыренской, Сушевским станом и Гремичами;
- волость Суходровская — к югу от Гордошевичей и Городского стана;
- еще южнее, до реки Угры — стан Товарковский;
- между Сушевом и Гордошевичами — небольшой Салтыковский стан;
- к востоку от основной территории уезда, ниже по течению Протвы, — стан Холховский, часть которого располагалась по речкам Холхол и Боровне, а другая часть — по речке Иче (все три — притоки Протвы);
- также на некотором удалении от основной территории, к северо-востоку от нее, на левом берегу р. Нары, по речкам Лопасне, Чернишне и Истье — стан Заечковский.

Границы между волостями/станами проходили по небольшим речкам или водоразделам. Вся территория уезда располагалась в густых лесах, изрезанных множеством небольших речек, ручьев и оврагов. Пойменные луга, плодородные участки на склонах пологих холмов, заболоченные низины — это общие ее физико-географические черты. Размеры волостей/станов Ярославского уезда очень различались: Салтыковский стан состоял лишь из нескольких пустошей, а волости Суходровская и Угота, станы Заечковский и Товарков включали несколько десятков сел и деревень. Очень сложно выделить центры многих административно-территориальных единиц. В некоторых из них было несколько древних погостов и сел с церквями, в других — ни одного (в Михалёве, например).

Если проследить историю волостей/станов Ярославского уезда с момента их первого упоминания, выясняется, что до конца XV столетия большинство из них были “отъездными” Можайскими волостями и принадлежали князьям и княгиням Московского дома⁴. Внук великого князя Дмитрия Ивановича — Михаил Андреевич Верейский и Белозерский получил большую часть этих волостей от отца — князя Андрея Дмитриевича Можайского. О составе Ярославского уезда в это время узнаем из духовной грамоты Михаила Андреевича. В него входили: волости Заячков, Гордошевичи, Гремичи, Сушов, Репенская, Угота и северная часть будущей Суходровской волости (волость Лохно)⁵.

Завещанный государю московскому, “Ярославец с волостями” после смерти верейского князя являлся неотъемлемой частью Московского княжества. На протяжении XVI в. о городе и его волостях встречаем лишь отдельные упоминания, из которых знаем о том, что в первой половине столетия он находился в разряде “служилых городов”. С одной стороны, это свидетельствует о довольно высокой степени освоенности территории и приносимых ее населением доходах, а с другой — заставляет думать о неизбежном истощении ее ресурсов в течение указанного периода.

В 1565 г. “Ярославец с Суходровью” был взят “в опричнину”⁶. Указанная формула свидетельствует, что территория Суходровской волости не была исконно ярославской. Это подтверждается текстом духовной грамоты Ивана Грозного, в которой, ссылаясь на несохранившееся завещание своего отца, он отдает “Ярославец Малой и с Суходровью” своему наследнику — Ивану Ивановичу⁷. Вероятно, Суходровь была приписана к городу в период правления Василия III.

Кроме того, в XVI в. к основной территории Ярославского уезда был присоединен стан Товарков (взятый в опричнину с Медынью⁸).

Реконструируя по спискам с приправочной и с писцовой книг Ярославского уезда конца 1588 — 1592 гг.⁹ процесс первых описаний уезда (происходивших, вероятно, в третьей четверти XVI в.), видим, что он имел определенный порядок¹⁰. Сначала писцы описывали Городской стан, затем — старинные, не изменившие своих территорий и названий Холхольский и Заечковский станы, волость Уготу и стан Репенский, после — территории разделенных на несколько более мелких административных единиц стана Сушевского, волостей Гордошевичи и Гремичи. По нашему мнению, именно из этих волостей были выделены территории станов Михалевского, Салтыковского и Прудцовского. В других уездах Московского государства примерно в этот же период происходили сходные процессы возникновения новых волостей путем их выделения из более крупных и древних¹¹. После этого проводились описания волости Пыренской (также выделенной из Гремичей) и Суходровской, части которых, вероятно, после отмены опричнины были выделены в “дворцовые” земли. В период описания они уже снова были объединены, но прежнее деление писцами зафиксировано¹². Наконец, на последнем месте шло описание Товаркова стана, включенного в Ярославский уезд позднее остальных территорий. (См. Приложение II)

Итак, источниковедческий анализ актов князей московского дома, а также писцовых описаний конца XVI в. позволяет представить историю складывания к концу XVI столетия территории Ярославского уезда следующим образом. Михаилу Андреевичу Верейско-Белозерскому в конце XV в. принадлежали территории волостей/станов: Городского, Заечковского, Гордошевичей, Гремичей, Сушова, Уготы и Репенской и севера Суходровской волости¹³. В дальнейшем территории относительно крупных, древних, хорошо освоенных и близких к центру уезда Сушова, Гордошевичей и Гремичей были разделены на несколько более мелких административных единиц. Земли по реке Суходровне — основная территория волости Суходровской — вошли в состав уезда, вероятно, при Василии III. Несколько позднее к Ярославскому уезду был приписан Товарков стан.

Благодаря такой длительной истории формирования внешних границ уезда его территория получила столь своеобразную форму. При взгляде на карту видно, что она состоит из 5-ти частей, из которых основная сильно вытянута с северо-востока на юго-запад. Это характерный признак уездов, формировавшихся на протяжении длительного времени. Границы бывших самостоятельных княжеств, ставших уездами единого Русского государства, выглядят

обычно округлее и компактнее. Это связано с происходившим в более раннее время и исходившим из единого центра удельного княжества процессом освоения (или присоединения, “притягивания”) принадлежавших им территорий.

Основные данные, характеризующие уровень хозяйственного развития и заселения территории Ярославского уезда в конце XVI в. и в 1620-е гг. (по данным Писцовой книги 1627 — 1630 гг.¹⁴), помещены в Приложении III. Обратившись к ним, видим, что относительно высокая плотность населения, как в конце XVI в. (судя по количеству населенных пунктов), так и в 1620-е гг., отмечается:

- в наиболее близко расположенных к центру уезда Городском и Михалевском станах и Горождошевской волости;
- в Холхольском стане и Угоцкой волости, где были довольно крупные вотчины Троице-Сергиева монастыря;
- в Репинской волости, где располагалась вотчина Бориса Федоровича Годунова;
- в Товаркове стане, где находились монастырь Тихонова пустыни и торговый поселок Товаркова слобода;
- в Сушове стане, где, в отличие от остальных административных единиц уезда, после “смутного времени” количество населенных пунктов даже увеличилось. Хозяйственное развитие небольшого стана на фоне общего упадка объясняется, вероятно, его географическим положением — в удалении от больших дорог. Кроме того, эта территория отличается относительно плодородными землями, обширными лугами и почти полным отсутствием заболоченных, непригодных к обработке земель.

Остальные территории имели меньше ресурсов для восстановления хозяйства (объективных — в виде плодородных земель и субъективных — в виде активно хозяйствовавших помещиков и вотчинников).

В качестве общих тенденций для всего уезда к началу XVII в. отметим следующие:

- Известные по более ранним документам волости/станы имели относительно большую территорию и были лучше освоены к моменту первого из известных нам описаний 1588 — 1592 гг.
- В тех же волостях/станах располагались наиболее крупные вотчины (в основном — монастырей и Б. Ф. Годунова).
- На всей территории уезда после “смутного времени” значительно сократилось количество населенных пунктов.
- Увеличилось количество пустошей. Отчасти причиной этого тоже была “смута”. Но в более значительной степени — дробление быв-

ших поместий и вотчин между новым поколением владельцев¹⁵.

- После “смутного времени” земельные владения в уезде активно жаловались правительством в вотчины.
- Очень небольшое количество населения в уезде почти наполовину состояло из “непашенных” крестьян, или бобылей.
- В вотчинах (особенно в крупных) насчитывалось больше населенных пунктов и крестьян, чем в поместьях.

Таким образом, длительный процесс формирования внешних границ и внутреннего административно-территориального деления Ярославского уезда, завершившийся лишь к концу XVI в., позволяет более детально представить себе историю складывания единого Русского государства. Она была далеко не так проста, как обычно кажется. Центры, к которым “тянули” различные старинные волости, менялись в связи с развитием или запустением тех или иных земель, переходом их в руки разных владельцев, отменой системы кормлений и концентрацией всего земельного фонда в руках одного господина — государя московского. Определенную роль в формировании административно-территориальных образований сыграла опричнина. Этот до сих пор недостаточно изученный аспект истории опричнины любопытно было бы изучить на примере и других уездов. Причины некоторых изменений (дробления территории древних волостей, присоединения ранее не принадлежавших уезду территорий) требуют дополнительного изучения с привлечением более широкого корпуса источников.

Что касается хозяйственно-экономического развития территории в конце XVI — начале XVII вв., она не является основной темой нашего исследования и кратко охарактеризована лишь на основании сопоставления данных писцовых описаний, что само по себе дает вполне определенную, хотя и неисчерпывающую картину.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Дебольский В.Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. Т. 1, 2. СПб., 1901, 1902; Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929; Романов Б.А. Элементы легенды в жалованной грамоте великого князя Олега Ивановича Рязанского Ольгову монастырю // Проблемы источниковедения. Сб. III. М.—Л., 1940; Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XXIV — XXV вв. Ч. 1. М., 1948.; Он же. Образование русского централизованного государства. XXIV — XXV вв. М., 1960; Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XXIV — XXV вв. // Проблемы источниковедения. Сб. 6. М., 1958. С. 275 — 324; Он же. Витязь на распутье: Феодальная война

в России XXV в. М., 1991; **Каштанов С.М.** Еще раз о “куплях” Ивана Калиты // Вопросы истории 1976. 7. С. 190 — 191; Он же. К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV — начала XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. Вып. 11. С. 238 — 251; Он же. Русские княжеские акты X — XIV вв. до 1380 г. // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 100 — 116; Он же. Финансовое устройство Московского княжества в середине XIV в. по данным духовных грамот // Исследования по истории и историографии феодализма. М. 1982. С. 173 — 189; Он же. О написании и удостоверении княжеских актов // Российское самодержавие и бюрократия: Сборник статей в честь Натальи Федоровны Демидовой. М. — Новосибирск, 2000. С. 29 — 4; **Кучкин В.А.** К датировке завещания Симеона Гордого // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1987. М., 1989. С. 99 — 106; Он же. Договор Калитовичей // Проблемы источниковедения СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 16 — 24; Он же. Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? // Источниковедение отечественной истории. М., 1989. С. 206 — 225; С. 259; Он же. Итоги реставрации духовных грамот Ивана Калиты // Отечественная история. 1992. № 6. С. 62 — 70; Он же. Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // Исторические записки. Т. 94. М., 1974. С. 376 — 378; Он же. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X — XIV вв. М., 1984. С. 252 — 256; **Алексеев Ю.Г.** Духовные грамоты князей Московского дома XIV в. как источник по истории удельной системы // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 18. М., 1987. С. 93 — 110; **Аверьянов К.А.** Московские станы и волости XXIVV — XXVII вв. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1987. М., 1989. С. 114 — 122; Он же. Московское княжество Ивана Калиты. Присоединение Коломны. Приобретение Можайска. М., 1994; Он же. Формирование территории Московского княжества: Источниковедческий анализ духовных грамот Ивана Калиты: Автореферат канд. ист. наук. М., 1996; Он же. Купли Ивана Калиты. М., 2001; **Бочкарев В.В.** О границах Можайского княжества в конце XIII — XIV в. (опыт сравнительного анализа княжеских духовных грамот) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2000. № 3. С. 89 — 98 и др.

² См.: **Поздняков С.В.** Поместное и вотчинное землевладение в Малоярославецком уезде (XXVIII в.): Диссертация канд. ист. наук. Рукопись. Малоярославец, 1979.

³ **Шватченко О.А.** Светское феодальное землевладение и хозяйство Российского государства конца XVI — первой половины XVII века. (По материалам писцовых книг центральных уездов): Диссертация канд. ист. наук. М., 1975.

⁴ Подробнее см.: **Митрошенкова Л.В.** Волость Заячков в XIV — XVII вв. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы IX конференции 21 — 23 марта 2001 г. I часть. Калуга, 2001. С. 172 — 180; Она же. К истории формирования Мало-

ярославецкого уезда (По духовным, договорным и жалованным грамотам князей московского дома XIV — XV вв.) // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Доклады и тезисы XIV научной конференции. Москва, 18 — 19 апреля 2002 г. М., 2002. С. 330 — 333; Она же. Средневековые акты источники по истории Малоярославецкого края // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 4, ч. 1. Киров, 2002. С. 134 — 140.

⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей Московского дома XIV — XVI вв. М., 1950. № 70. С. 301 — 311. (Далее — ДДГ)

⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 2. М., 1906. С. 394 — 395 (Далее — ПСРЛ).

⁷ ДДГ. № 100. С. 415.

⁸ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. М., 1906. С. 395.

⁹ Писцовая (приправочная) книга Малоярославецкого уезда И. Вельяминова, 1587 — 92 гг. Список перв. четв. XVII в. / Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1, д. 539.

¹⁰ Подробный анализ списков см.: **Митрошенкова Л.В.** Списки с писцовой книги уезда Ярославца Малого 1588/89 — 1591/92 гг. как историко-географический источник // Источниковедческая компаративистика и историческое построение: Тезисы докладов и сообщений XV научной конференции 30 января — 1 февраля 2003 г. М., 2003. С. 225 — 228.

¹¹ См. например: **Мазуров А.Б.** Средневековая Коломна в XIV — первой половине XVI вв. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого русского государства. М., 2001. С. 459 — 467.

¹² Писцовая (приправочная) книга Малоярославецкого уезда И. Вельяминова, 1587 — 92 гг. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 539.

¹³ Нет документальных свидетельств об истории волости Холхольской в указанное время. Предположительно, она также принадлежала вейрейскому князю.

¹⁴ Писцовая (приправочная) книга Малоярославецкого уезда И. Вельяминова, 1587 — 92 гг. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 681.

¹⁵ При составлении таблицы мы сочли необходимым раздробленные пустоши (в отличие от населенных пунктов) считать отдельно, как имеющие вполне самостоятельное экономическое значение.

Рис. Малоярославецкий уезд в конце XVI — начале XVII вв.

Приложение I

Пояснения к схеме "Малоярославецкий уезд
в конце XVI — начале XVII вв."

Цифрами на схеме обозначены:

- I — Городской стан. 1 с. Ивановское Скрыпорово тож.
II — Холхольский стан

- 1 с. Бедниково Гулцово и Колугино тож; 2 с. Почеп Завалье тож;
3 с. Троицкое; 4 с. Остров; 5 с. Гостеш; 6 с. Львово
- III — Заечковский стан
1 погост Спас на Прогнани; 2 с. Тарутино;
3 погост Ильи Пророка; 4 погост Рождества Христова
- IV — волость Угота. 1 погост Георгиевский; 2 погост Никольский
- V — волость Репинская. 1 с. Борисоглебское; 2 погост Никольский
- VI — Сущевский стан. 1 погост на Восенке
- VII — волость Пыренская. 1 с. Уваровское
- VIII — Салтыковский стан. 1 погост Ильинский
- IX — волость Прудцы. 1 с. Львовское
- X — волость Суходровская
1 с. Дол; 2 погост Егорьевский; 3 погост Рождества Богородицы;
4 погост Преображенский; 5 погост Пятницкий у Смахтина;
6 погост Козмодемьянский; 7 погост Благовещенский;
8 погост Успенский
- XI — Михалевский стан
- XII — волость Гремичи
- XIII — волость Гордошевичи
1 погост Покровский; 2 погост Воскресенский; 3 с. Марьино
- XIV — Товарковский стан
1 погост Спас на Гомонях; 2 погост Козмодемьянский;
3 Товаркова слобода; 4 монастырь Тихонова Пустынь

Реконструкция первоначального порядка описания волостей Ярославецкого уезда по списку с писцовой книги 1588 — 1592 гг. (РГАДА, ф. 1209, д. 540)

№ п/п	Первоначальное расположение	Расположение в книге № 540	№ главы в книге № 540
1	Городской	-	
2	Холхольской	Холхольской	
3	Заечковской	Заечковской	3
4	Угота	Угота	
5	Репинская	Репинская	
6	Сущевской	Сущевской	
7	Салтыковской	Пыренская старая	
8	Прудцы	Гремичи	
9	Михалевской	Салтыковской	
10	Гремичи	Прудцы	
11	Гордошевичи	Суходровская старая	13
12	Товарков	Михалевский	
13	Суходровская старая	Суходровская дворцовая	15
14	Пыренская старая	Городошевичи	
15	Суходровская дворцовая	Товарков	
16	Пыренская дворцовая	Пыренская дворцовая	

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ РАННЕЙ ИСТОРИИ СЕЛЕНИЙ, НАХОДИВШИХСЯ НА МЕСТЕ г. ОБНИНСКА

По данным писцовой книги 1588 г.

Т.М. Ларина

ГНЦ РФ ФЭИ, обнинское краеведческое объединение «Репинск»

На территории современного города Обнинска, основанного в 1946 г., прежде располагалось село Белкино и две небольшие деревни — Пяткино и Самсоново. Самым древним из письменных источников по истории этих селений является писцовая книга Малоярославецкого уезда 1588 г. Приведём соответствующий отрывок из неё с некоторыми сокращениями (опущено описание хозяйственных угодий). *“В Репинском же стану села и деревни и починки и пустоши вотчинные: за боярином и конюшим, за Борисом Федоровичем Годуновым приданая вотчина село Борисоглебское. Было в вотчине за Белкиными. А к селу припустил Борис Федорович для крестьянские пашни пустошь Федичцево и Нефедовская тож. А под селом пруд. А в селе храм Борис и Глеб вверх да теплый храм Николы Чудотворца... Пустошь, что была деревня Ершово, а Шатилово тож, что была за Ершом Белкиным...”*

В Репинском же стану за боярином и конюшим за Борисом Федоровичем вотчина купля, что он купил у князя Михаила, да у князя Ивана, да у княжны Огрофены у княж Юрьевых детей Козловского Деревня, что было село Гриднево на речке на Репенке, а было за Ондреем да за Федором Раевскими в поместье пусто. А селянца крестьянство ново, а дворы ставят из села из Белкина... Храм ветх Никола Чудотворец, стоит без пеней от церковного приходу... Пустошь, что было сельцо Пяткино на реке на Поротве... Деревня, что была пустошь Самсоново на реке на Поротве, да к ней ж припущено в пашню по Степановым книгам Пилемова пустошь Гаврилово. А селянца крестьяне ново, дворы ставят из села из Борисоглебского...» /1/.

Ретроспективный анализ этих данных с привлечением других источников, в первую очередь актовых материалов и родословных, дает нам возможность восстановить историю селений обнинской земли за довольно длительный период, предшествующий составлению писцовой книги, практически с момента их основания. Эта документальная реконструкция и является задачей данной работы.

В конце XV в. территория будущего города Обнинска входила в границы Репинской волости Малоярославецкого уезда. В ту пору земли этой волости, как и многих других “чёрных” волостей, находились в свободном владении крестьянской общины /2/. Черносоц-

ные крестьяне ещё не знали власти помещиков и подчинялись великому князю московскому через его наместников.

В межевой грамоте 1496 — 1498 гг., выданной Иваном III Троице-Сергиеву монастырю, в числе свидетелей при размежевании черных земель с монастырскими упоминаются свободные крестьяне Репинской волости Матвей Васильев, сын Самсонов и Софрон Степанов, сын Пяткин. В аналогичном акте 1496 г. фигурирует как свидетель Алексей Васильев, сын Пяткин, занимавший место репинского сотника — одного из главных представителей крестьянского волостного самоуправления /3/. Известно, что сотники избирались собранием общины из числа наиболее уважаемых её членов.

Можно почти с полной уверенностью утверждать, что Самсонов и Пяткин в данном случае — не фамилии, а дедичества (прозвания по имени деда), поскольку в те времена фамилии еще не получили распространения не только среди крестьян, но даже у большей части дворянства. Очевидно, именно предки упомянутых крестьян в третьем поколении, свободные общинники Самсон и Пятко, стали основателями “одноименных” деревень, поставив на их месте первые дворы примерно в середине XV в.

Второе имя — Пятко — выглядит весьма необычно. Оно относится к числу так называемых мирских имен, которые в средние века зачастую давались человеку в дополнение к имени, данному при крещении, и употреблялись вместо него или вместе с ним. Раскрывается же оно довольно просто: Пятко, или Пятой, был пятым ребенком в семье (сравним, например, с прозвищем Третьяк) /4/.

В первой половине XVI в. московские государи приступают к широкомасштабной раздаче черных земель в поместное владение. Этот процесс, особенно быстро развивавшийся в центральных уездах, очень скоро отразился и на судьбе деревень Пяткино и Самсоново.

Судя по данным писцовой книги, обе деревни какое-то время входили в поместье братьев Андрея и Федора Раевских. По сведениям из родословных, их отец, дворянин Иван Степанович Раевский, в 1526 г. выехал на Русь из Литвы в свите знатного магната князя Федора Михайловича Мстиславского /5/. Мстиславскому был сразу же пожалован титул служилого князя, а в качестве “служилого княжения” он получил весь Малоярославецкий уезд, которым владел в течение пяти лет /6/.

Многочисленные сподвижники служилых князей также имели возможность получить земли в уездах, пожалованных во владение их покровителям. Очевидно, тогда же, около 1526 г., И.С.Раевский

получил поместье в Репинской волости, включавшее и обе деревни, которое позднее перешло к его сыновьям.

Поместье было весьма обширным: оно охватывало большую часть Репинской волости, до десятка деревень и починок. Центром его стала деревня Гриднево, располагавшаяся по берегам речки Репинки, по соседству с деревней Пяткино (в годы Смуты Гриднево было разорено и уже не возродилось).

О сыновьях Ивана Раевского Федоре и Андрее, унаследовавших его поместье, сведений почти не сохранилось. Известно лишь, что Федор в 1540-х гг. участвовал в одном из первых походов на Казань, а в конце 1550-х гг. служил воеводой в Болхове /7/.

Обратимся теперь к истории села Белкино. Судя по записи в писцовой книге, именно Белкиных можно считать первыми владельцами села, о чем говорит и само его название. Следовательно, чтобы восстановить изначальную историю села, нужно тщательно изучить родословную Белкиных /8/. Так откуда же пошел этот род?

Родословие Белкиных восходит к основателю древнего московского рода Хвостовых — Алексею Петровичу Хвосту Босоволкову, боярину Симеона Гордого и Ивана Красного. В родословной росписи Хвостовых, представленной ими в конце XVII в. в разрядных приказах, указывается, что Босоволковы, в свою очередь, происходят от некоего маркграфа Аманда Бассавола, якобы выехавшего на Русь из немецких земель в начале XIV в. Но, по всей вероятности, иноземный родоначальник был выдуман самими Хвостовыми по примеру других представителей русской знати: в XVII столетии это считалось весьма престижным.

Боярин Алексей Хвост, человек очень властный и энергичный, пользовался в Москве огромным влиянием. В начале 1350-х гг. он занял пост тысяцкого, один из главнейших в Московском княжестве. В 1356 г. Алексей Хвост был убит по наущению своих противников. После этого его род был вытеснен из среды московского боярства, и Хвостовым пришлось перейти на службу к удельным князьям.

Внук Алексея Хвоста, Борис Отяй, был боярином князя Андрея Дмитриевича Можайского. Сын Отяя, Федор Дутка Отяев, служил в том же чине сыновьям можайского князя — Ивану Андреевичу Можайскому (удел ликвидирован в 1454 г.) и Михаилу Андреевичу Верейскому (удел ликвидирован в 1486 г.). Позднее он перешел на службу в Москву, но когда именно это произошло определить сложно. В качестве наместника “московской трети” (третьей части территории столицы) Фёдор Отяев упоминается в двух грамотах, датируемых периодом с 1462 по 1482 гг. /9/.

Старший сын Ф.Б. Отяева Иван Белка стал родоначальником Белкиных. Его прозвище также не следует связывать с какими-либо личными особенностями: это все то же “мирское имя”. Об Иване Белке нам почти ничего не известно, поскольку в официальных документах того периода сведений о нем не сохранилось. Но в родословной Отяевых указывается, что он служил Ивану III и был отправлен в посольство в Рязанское княжество, в ту пору еще сохранявшее независимость /10/. Сопоставляя известия о ближайших родственниках Ивана Белки, можно определить, что он родился примерно во второй четверти XV в. Остается неясным, какое положение он занимал при московском дворе, но, видимо, достаточно высокое, поскольку его младший брат Иван Ерш (умерший в 1499 г.) в конце жизни был постельничим великого князя /11/.

По всей вероятности, именно Ивана Белку, а не его потомков можно считать основателем села Белкина. Какие предпосылки мы имеем для такого вывода? Обратимся вновь к записи в писцовой книге: здесь прямо указывается, что это село являлось именно вотчиной, а не поместьем Белкиных. Между тем в первой половине XVI в., в период последовательного укрепления поместной системы, раздача земель в вотчину практически прекращается. А это означает, что у потомков Ивана Белки было гораздо меньше шансов на получение вотчины, чем у него самого, тем более что они занимали довольно низкое положение.

Когда же Иван Белка Отяев мог получить свою вотчину? Наиболее вероятно, что земельное владение на территории Репинской волости, где было основано село Белкино, было пожаловано ему Иваном III. Но нельзя исключить и возможность получения им (или его отцом, Федором Дуткой) этой вотчины от князя Михаила Андреевича Верейского, поскольку какое-то время (до 1486 г.) Малоярославец входил в состав Верейского удела. Однако неясно, когда именно Отяевы служили верейскому князю, а когда перешли на службу в Москву. Итак, есть все основания полагать, что село Белкино было основано Иваном Белкой, и произошло это в конце XV в. Вероятно, на месте села прежде находилась какая-то деревня.

У потомков Ивана Белки его мирское имя становится фамилией. В 1514 г. его сын Семен попал в плен в ходе войны с Литвой, где и умер /12/. В писцовой книге упоминается лишь один несомненный владелец белкинской вотчины (или ее части) из этого рода — Иван Семенович Ерш Белкин, внук Ивана Белки. Единственный сын Ивана Ерша, Андрей, погиб в 1552 г. при взятии Казани. Вероятно, в числе совладельцев были также братья и племянники Ивана Се-

меновича, которые, как и он, в 50-х годах XVI в. числились дворовыми детьми боярскими по Боровску и Козельску /13/.

В 1565 г., когда Иван Грозный учредил опричнину, в состав опричной территории вошёл и Малоярославецкий уезд. При этом все служилые люди, не принятые в опричное войско, были лишены своих земель в уезде /14/. В результате поместье Раевских сперва запустело (в писцовой книге: "Поместье пусто") — т. е. осталось без хозяев и без крестьян, а затем досталось в вотчину видному опричному воеводе князю Юрию Семёновичу Козловскому ("у княж Юрьевых детей Козловского").

В писцовой книге село Белкино названо "приданой вотчиной" Бориса Годунова, т. е. он получил это владение в приданое. Известно, что около 1570 г. юный Борис женился на дочери Малюты Скуратова Марии. Следовательно, в годы опричнины Белкино перешло к главному царскому палачу. Годунов построил в Белкине шатровый храм св. Бориса и Глеба, после чего село получило второе название — Борисоглебское.

К середине 1580-х гг., после воцарения Фёдора Ивановича, боярин Годунов стал одним из богатейших людей в государстве. Примерно в это время он приобрёл у детей князя Ю. С. Козловского, погибшего в 1579 г. на Ливонской войне, всю их вотчину. В итоге к моменту составления писцовой книги деревни Пяткино и Самсоново вошли в состав колоссальной вотчины всесильного правителя, крупнейшей в уезде, с центром в селе Белкино.

Таким образом, краткая запись в писцовой книге 1588 г. позволяет восстановить историю обнинской земли на протяжении почти столетнего периода. В данной работе мы акцентировали внимание на вопросах об основании этих селений и о первых их владельцах. Вместе с тем в писцовой книге, помимо ретроспективной информации (о прежних владельцах), содержатся обширные сведения о самих селениях на момент их описания: о структуре землевладения и состоянии угодий, о количестве и движении населения, о помещичьих усадьбах и сельских храмах и т. д. Писцовые книги представляют собой уникальный, разносторонний, многоплановый источник по истории как отдельных населённых пунктов, так и уездов в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1209. Кн. 540, л. 236 об. — 241.

2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI века. М., 1952, Т. 1.

3. Там же. С. 515 — 517.

4. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имён // Записки отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. Т. 6, СПб., 1903, С. 385 — 386.

5. Модзалевский Б.Л. Род Раевских герба Лебедь. СПб., 1908, С. 7 — 8.

6. Зимин А. А. Служилые князья в Русском государстве конца XV — XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI — XVIII вв. М., 1975, С. 51 — 52.

7. Модзалевский Б.Л. Указ. соч. С. 8.

8. О родословии Белкиных по: Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, С. 244 — 246; Савелов Л.М. Родословные записи. М., 1906, Вып. 1, С. 261; Родословная книга князей и дворян российских и выезжих (Бархатная книга). М., 1787. Ч. 2, С. 259 — 264, 287.

9. Акты социально-экономической истории... Т. 3, М., 1954, С. 414 — 415.

10. Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 246.

11. Там же.

12. Савелов Л.М. Указ. соч. С. 261.

13. Тысячная книга 1550 года и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века. М.; Л., 1950. С. 171 — 173; Савелов Л. М. Указ. соч. С. 262.

14. Павлов А. П. Земельные переселения в годы опричнины // История СССР, 1990, № 5, С. 89 — 91; Поздняков С. В. Служилое землевладение и движение феодальной собственности в Малоярославецком уезде в первой половине XVII века // Боровский краевед. Вып. 2, Боровск, 1990. С. 37 — 38.

КРЕМЕНСК В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XV — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВВ.

*Г.И. Королев, д.и.н.,
г. Москва*

В.П. Есипов охарактеризовал природную среду старинного города Кременска — нынешнего села Кременского.¹ Мы сообщим факты истории города по первую четверть XVII в. включительно.

Источников о Кременске немного, и в основном это краткие известия. В материале XV — XVI вв. город назван Кременцом и Кременеском. Первое упоминание о нем связано со «стоянием на Угре» в 1480 г. Тогда он находился в зоне передвижения русских войск. Некоторое время в нем пребывал сам великий князь Московский.²

В 1489 г. московское войско ходило на Вятку для наказания тамошних жителей «за их неисправление», заключавшееся в сепаратизме. Мерой наказания стало перемещение «вятчан земьских людей в Боровьске да в Кременьце».³ Слова «в Кременьце» означают «в Кременецком уезде» (может быть, но едва ли, — в стане). Существование уезда говорит о существовании города, который скорее

всего был укрепленным, особенно, если учесть его положение неподалеку от литовской границы.

По духовной грамоте Ивана III (1504) Кременец отдавался его сыну Василию, который, в свою очередь, завещал «город Кременск с волостями и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами» сыну Юрию. По духовным грамотам Ивана III, Василия III (изложена в завещании Ивана IV) и Ивана Грозного (1572) следует, что Кременск должен был находиться одновременно во владении двух великих князей; царя, князя Юрия Васильевича и его вдовы и царевича Ивана Ивановича.⁴ Кроме того, в 1526 г. «Кременец» был дан в удел перешедшему с литовской на московскую службу Федору Михайловичу Милославскому.⁵

Упоминание тяготевших к Кременску волостей подтверждает существование Кременского уезда. В жалованной грамоте Василия III от 13 февраля 1524 г. названа волость Дынск (от речки Дынки) и Владычин с селом Костомаровским, селцом Касковским и относившимися к ним шестью деревнями и одной пустошью.⁶ Названия других волостей не установлены.

Источники дают некоторое представление о Кременске как транспортном пункте. В судебных книгах 1497, 1550 и 1589 гг. указана плата за проезд до Кременска от Москвы — 20 алтын.⁷ «Книга Большому чертежу» (1627) называет расстояния от Кременска до Медыни, Ярославца Малого и Боровска — 30, 25 и 20 верст соответственно.⁸ Наказ 1633 г. предписывал такое следование в полки под Смоленск «с Москвы на Боровск, а из Боровска на Кременск, а из Кременска на Ягорей, что на Илове» и далее.⁹ В документах XVII в. названы такие дороги из Кременска: Можайская, Калужская, Медынская, Боровская и Бобольская¹⁰, не считая чисто местных «дорожек». Все эти дороги несомненно образовались задолго до XVII в. Рассказывал о «стоянии на Угре», летопись отмечает, что великий князь возвращался из Кременска в Москву через Боровск.

Самым ранним подробным источником о Кременске является писцовая книга 1625 г., фиксирующая состояние поселения через несколько лет после окончания польско-литовской интервенции. К 1625 г. крепости («города») уже не было, осталось лишь ее место («городище»), на котором находилась и сожженная в неуказанное время соборная церковь Николая Чудотворца. Церковь Пречистые Богородицы в Лужках была «созжена от войны».¹¹ Судя по другим источникам, под войной понимался период иностранной интервенции (1605 — 1618 гг.). Возможно, в пожар 1624 или 1625 г., охвативший несколько слобод, сгорела церковь святой Пятницы.¹² В не-

известное время запустела церковь св. Георгия.¹³ Пожар истребил жилища значительной части кременцев, но поименные сведения о дворовладельцах и размерах дворов и дворовых мест в писцовой книге приведены. Имеются также данные о нескольких слободах, полностью запустевших. Сведения о них сводятся к указанию размеров их площадей, в том числе предназначенных под распашку.

«Моровое поветрие» первых лет XVII в. опустошило «другую» слободку — Вышний Берег, слободки Юхтино и Шевелево. «Слободка в Залужье» располагалась, видимо, у церкви Богородицы и могла погибнуть вместе с церковью «от войны». Запустение Егорьевской слободки с церковью Георгия в ней, Нижнего Берега, Пахомовой, Пырниковой и слободки по Калужской дороге произошло по неизвестным причинам в неизвестное время. Двоякого рода сведения касаются слободок Вышний Берег (по Медынской дороге) и Протопоповой. Перечислены оставшиеся здесь один двор и дворовые места живых владельцев¹⁴ и указаны размеры в десятинах отданных под распашку земель. О слободках «другой» Вышний Берег и Протопоповой сказано, что к ним примыкали «старинные дворовые места». Вероятно, в этих местах жителей не было уже до «морового поветрия».

В конце документа в общем виде названы две причины запустения кременских слобод: «А которые посадские люди побиты, а иные померли, а после их жон и детей в Кременску не осталось, и те места лежат пусты».¹⁵ В результате всех запустений Смутного времени, а может быть, и более раннего времени, а также недавнего пожара в Кременске в 1625 г. осталось 12 дворов, несших тягло, и 32 дворовых места посадских людей. Из тех, за кем были записаны дворовые места, большинство нищенствовало, или, согласно записи в нескольких местах документа, «скитаютца, по городам кормятца», а в одном случае, что «жены их живут в суседах по братьям и по племяни».

По занятиям кременцы были в большинстве «людишки не-торговые», которые «питаютца пашни луком (от выращивания лука — Г.К.), а иные гончаришка».¹⁶ Подробнее экономическое состояние Кременска и занятия его жителей описаны в последних строках писцовой книги: «и лавок, и анбаров, и солодовых омшеников, и сқамей, и шелашей, и харчевен, и кузниц, и мелниц, и торговых бань, и рыбных ловель, и торгу никакова нет. Ничем не торгуют, а что бывали старинныя анбары и лавочные места, и те поросли кропивою».¹⁷

Непосадское население представлено одним двором «нищего попа» на земле сгоревшей Пятницкой церкви, одним двором «чёрного попа»

при единственной действовавшей церкви Воскресения и одним беломестным двором с неуказанным числом «людей» беломестца.

Разоренный Кременск утратил положение города и превратился в сельское поселение, жители которого занимались земледелием или нищенствовали. В дальнейшем писали «Кременской посад», «село Кременской посад». В 1651 г. это села отдали в вотчину Николо-Угрешскому монастырю. Не установлено время утраты Кременского уезда. В 1625 г. Кременск числился в Лужецком стане Боровского уезда.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Есинов В.П.* Кременское и окрестности (историко-природный очерк) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы VIII региональной научной конференции 17 — 19 марта 1999 г. Калуга, 2001. С. 149 — 152.
2. ПСРЛ. М., 2000. Т. 12. С. 201—202; 1949. Т. 25. С. 327 — 328.
3. Там же. Т. 12. С. 221.
4. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв. М.-Л., 1950. С. 355, 440, 441.
5. ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 15.
6. Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М., 1998. Т. 2. С. 87.
7. Судебники XV — XVI веков. М.-Л., 1952. С. 23, 154, 388.
8. Книга Большому чертежу. М.-Л., 1950. С. 119, 120.
9. ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. С. 331.
10. Восстание Болотникова. Документы и материалы. М., 1959. С. 286; РГАДА, ф. 281, оп. 3, д. 635, л. 3 об., 6, 16: д. 619, л. 136—138; ф. 235, оп. 1, д. 6551, л. 6.
11. РГАДА, ф. 281, оп. 3, д. 635, л. 3, 4 об.
12. Там же. Л. 5.
13. Там же. Л. 4.
14. Там же. Л. 7 об.-8, 12 об.-13 об.
15. Там же. Л. 20 об.
16. Там же. Л. 15 об.
17. Там же. Л. 21 об.

КНЯЖЕСКИЙ СПИСОК ШЕМЯЧИЧЕЙ В СИНОДИКЕ ПАФНУТЬЕВО-БОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

*Т.Ф. Бессонова,
А.Р. Гребенкин,*

Калужский государственный объединенный краеведческий музей

Большую часть коллекции кириллических рукописных книг Калужского государственного объединенного краеведческого музея (КГОКМ) составляют богослужебные, вкладные и записные кни-

ги, поступившие из библиотек церквей и монастырей калужской епархии. Особый интерес представляют собой монастырские синодики. Наряду с предисловием, содержащим учения отцов церкви о поминовении умерших, общим помянником, помянниками царей и великих князей, патриархов, митрополитов, архиепископов, епископов, настоятелей монастырей, они содержат частные помянники и являются ценным источником для составления и изучения генеалогий российских княжеских родов. Расшифровка записей в синодиках связана с большими трудностями: содержание частных помянников вносилось в монастырские книги без всякого исследования о том, чьи имена вписаны в помянниках, не указывались родственные связи лиц, вписанных в помянник одного рода. Данная работа посвящена Шемячичам, одной из боковых ветвей московского княжеского дома. Большой помянник этого рода встречается в синодике Боровского Пафнутьева монастыря¹.

Синодик Пафнутьева монастыря, поступивший в музей в 1954 г., был списан в 1653 г. с синодика первой трети XVI в., который тоже хранится в КГОКМ. Но поскольку помянников князей Шемякиных на сохранившихся 57 листах более раннего синодика нет, в данной работе речь пойдет только о втором синодике. О времени его создания свидетельствует запись, сделанная в конце книги (л.179): «*В лета 7162 (1653) декабря в 8 день списана бысть сия душеполезная и спасительная книга нарицаемая синодик с пофнутьева с старого синодика. а совершена бысть тогож году апреля в 17 день а замышлением и построением келаря Иова Панина тояже пречестная обители а преписан же бысть сий синодик многогрешным и непотребным рабом Михайлеце*». Синодик этот состоит из двух частей. Первая часть (22 листа) — предисловие, возможно включенное составителем из «старого» синодика, так как филигрань и размер листов предисловия и «старого» синодика полностью совпадают, стиль письма также одинаков. Вторая часть — это, в основном, синодик 1653 г., в котором встречаются записи, сделанные вплоть до конца XVII в.

Форматом синодик — «в десть», или в лист. Всего в книге 191 лист. Переплет представляет собой доски, обтянутые тисненой кожей — современной созданию синодика. На крышках переплета синодика сохранились следы от 3 застежек. У данного экземпляра утрачено несколько первых листов.

Текст синодика написан полууставом чернилами, начальные буквы имен и званий, заглавия помянников и предисловий, а также некоторые большие инициалы написаны киноварью. Киноварными точками отделены друг от друга имена в помянниках. Некото-

рые фамилии в помянниках написаны на боковом поле листов или над именами. Более «старые» помянники отличаются большим количеством вписанных в них имен.

В этом синодике помещено большое количество помянников известнейших российских фамилий. Среди них можно назвать такие, как Оболенские, Глинские, Репнины, Воротынские, Мещерские, Мосальские, Кондыревы, Одоевские, Головины-Ногтевы. Особо выделен род князей Шемячичей. После предисловия следует общий помяник, который начинается таким вступлением: *“Сие поминание в обители пресвятыя владычица наша Богородица и приснодевы Мария, честнаго ея рождества в монастыри, благовернаго и благочестиваго великого князя Димитрия Георгиевича...”*, то есть непосредственно поминальная часть синодика открывается именем великого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки, на земле которого был основан Пафнутиев монастырь,² что позволяет указать время составления несохранившегося предшествующего синодика — 1446 г. (так как Дмитрий Шемяка был великим князем московским только с февраля по декабрь этого года). Далее, на лл. 28 — 29об., помещен отдельный помяник князей и княгинь Шемячичей «**Поминание князя Василия Ивановича Шемячича**».

Василий Иванович Шемячич³ (? — 10.08.1529) был выдающимся деятелем своего времени, пожалуй сильнейшим князем русско-литовского порубежья. Его владения включали Новгород-Северский, Рыльск, Радогощ, Путивль. Будучи одним из лидеров православной партии в Литве, он в 1500 г., после начала гонений на православие, вместе с Семеном Стародубским и Семеном Бельским перешел в московское подданство, за что получил в придачу к своим владениям Малоярославец, Кременец, Мышегу, Каширу и Боровск. Василий Иванович на московской службе принимал активное участие в войне с Литвой начала XVI в., и по соглашению 1503 г. Ивана III с королем Сигизмундом он остался слугой московского князя. Являясь полусамостоятельным правителем своего обширного княжества, он фактически отвечал за безопасность южных границ русского государства. Судя по всему, он блестяще справлялся с этой задачей. По отзывам современников, переданным Герберштейном и Курбским, Василий был храбр на войне и всегда был грозой татар. Но, несмотря на это, в 1517 г. он попал под подозрение в измене. Этому способствовал не только донос его ближайшего соседа и соперника Василия Семеновича Стародубского, но и последовательная политика Василия III по ликвидации остатков удельной системы. 18 апреля 1523 г. Василий Иванович по приезду в

Москву был арестован со всей семьей, несмотря на крестоцеловальную запись, скрепленную митрополитом Даниилом. Вместе с сыном Иваном Севрюком он был пострижен и заточен в Троице-Сергиевом монастыре, а жена и две дочери были пострижены и заточены в Покровском Суздальском монастыре.

Первая часть помянника⁴ содержит 52 мужских имени. Первые 17 — это имена великих князей московских и их прямых предков. Это — Ярослав Мудрый (978 — 1054), Всеволод Ярославич (1030 — 1093), Владимир Мономах (1053 — 1125), Георгий (Юрий) Долгорукий (1090 — 1157), Всеволод Большое Гнездо (1154 — 1212), Ярослав Всеволодович (1190 — 1246), Александр Невский (1220 — 1263), Даниил Александрович (1261 — 1303), Иван Калита (? — 1340), Семен Гордый (1316 — 1353), Даниил Семенович (1347 — 1353) (сын Семена Гордого, на несколько дней переживший отца), Иван II Красный (1326 — 1359), Дмитрий Донской (1350 — 1389), Василий I (1371 — 1425), Василий II (1415 — 1462), Иван III (1440 — 1505). Замыкает список великих князей второй сын Дмитрия Донского — Георгий (Юрий) Галицкий (1374 — 1434), родоначальник ветви Шемячичей московского княжеского дома.

Отдав должное главам рода и государства, помяник обращается к поколенной росписи московской ветви Рюриковичей.

Далее в первую очередь записаны остальные 3 сына Дмитрия Донского (16 колено): Андрей Можайский (1382 — 1432), Петр Дмитровский (1385 — 1428) и Константин Углицкий (1389 — 1434).

Затем, отдавая дань уважения значимости старшей ветви, перечислены 4 брата Ивана III (18 колено): Георгий (Юрий) Дмитровский (1441 — 1472), Андрей Меньшой Вологодский 1452 — 1481), Андрей Большой Горяй Углицкий (1446 — 1494) и Борис Волоцкий (1449 — 1494) — старшие современники Василия Ивановича Шемячича. Интересно отметить, что Андрей Большой записан в поминании с титулом великого князя. Возможно, в первоначальном варианте его прозвище было записано как Великий, а при переписке оно было ошибочно понято как относящееся к титулу.

Завершая поминание великокняжеской семьи, синодик называет имена Ивана Ивановича Молодого (19 колено) (1458 — 1490) и его сына Дмитрия-внука (20 колено) (1489 — 1509).

Далее следуют 4 сына Юрия Дмитриевича Галицкого (17 колено): Дмитрий Шемяка (1420(?) — 1453), Василий Косой (1420(?) — 1448), Дмитрий Красный (? — 1440), Иван (? — 1432). Четверо последних хорошо известны. А вот что касается двух первых, то вполне вероятно, что это сыновья Юрия, умершие в детстве. Хотя

если в синодик XVI в. их имена были вписаны дополнительно, то их можно соотнести с сыновьями Андрея Большого умершими в заточении в вологодском Спасо-Прилуцком монастыре в 1522 и 1544 гг. соответственно.

Затем помянник перечисляет всех оставшихся представителей 17 колена. Это сыновья Андрея Можайского — Михаил Верейский (? — 1486), Иван Можайский (? — 1471/1483) и Василий Ярославич Боровский (? — 1482). Его появление в поминании не случайно. Хотя он был всего лишь четвероюродным братом Дмитрия Шемяки, но он был единственным представителем боровско-серпуховской ветви, пережившим эпидемию чумы 1425 г., а кроме того, и это главное, его родная сестра сводная — уже упомянутого Михаила Верейского, а двоюродная — Василия Косого, стала женой Василия Темного.

Потом помянник перечисляет князей 18 колена. В первую очередь идут Василий и Иван. Второй — севший, несомненно, в Литве сын Дмитрия Шемяки. Можно допустить, что первый — его старший брат, не доживший до совершеннолетия. Далее поминаются дети Ивана Можайского — Андрей Брянский (п/у — 1486) и Семен Стародубский (п/у — 1502), который вместе с Василием Шемячицем перешел на московскую службу. И, наконец, еще два литовских изгнанника — Василий Михайлович Удалой (Верейский) Любечский (1460 — ок. 1500) и Иван Большой (сын Василия Ярославича Боровского) (? — ок. 1494).

Затем записаны легко узнаваемые, не оставившие о себе следа в истории России братья Василия Ивановича Шемячича (19 колена): Семен, Владимир и Иван.

Наибольшую трудность для определения представляют собой последние 11 имен княжеского списка: Борис, Иван, Василий, Михаил, Федор, Федор, Георгий, Лев, Иван, Василий и Протасий. Наиболее вероятным представляется отождествить третье имя с самим Василием Ивановичем Шемячицем. Тогда Борис и Иван должны быть его старшими братьями. Из князей 19 колена, живших в конце XV — начале XVI вв. известны Федор Андреевич Брянский (убит в 1486 г.), Василий Семенович Стародубский (? — 1517/1518), бездетный Федор Иванович Пинский (Боровский), женатый на младшей дочери Федора Львовича Воротынского. Кроме того, в литовских источниках упоминается королевский тиун Юрий Боровский. Источники упоминают и о сыне Василия Ивановича Шемячича — Иване Севрюке (? — 1561) (20 колена), насильно постриженном вместе с отцом в Троице-Сергиевом монастыре в 1523 г.

Кроме того, примечание к списку великих князей⁵ и предше-

ствующее основному помяннику поминание рода Шемячича⁶ позволяют назвать брата Василия Шемячича Иону (Ивана?), постригшегося в монахи, его сестру или дочь иноку-княжну Марфу и сына Романа.

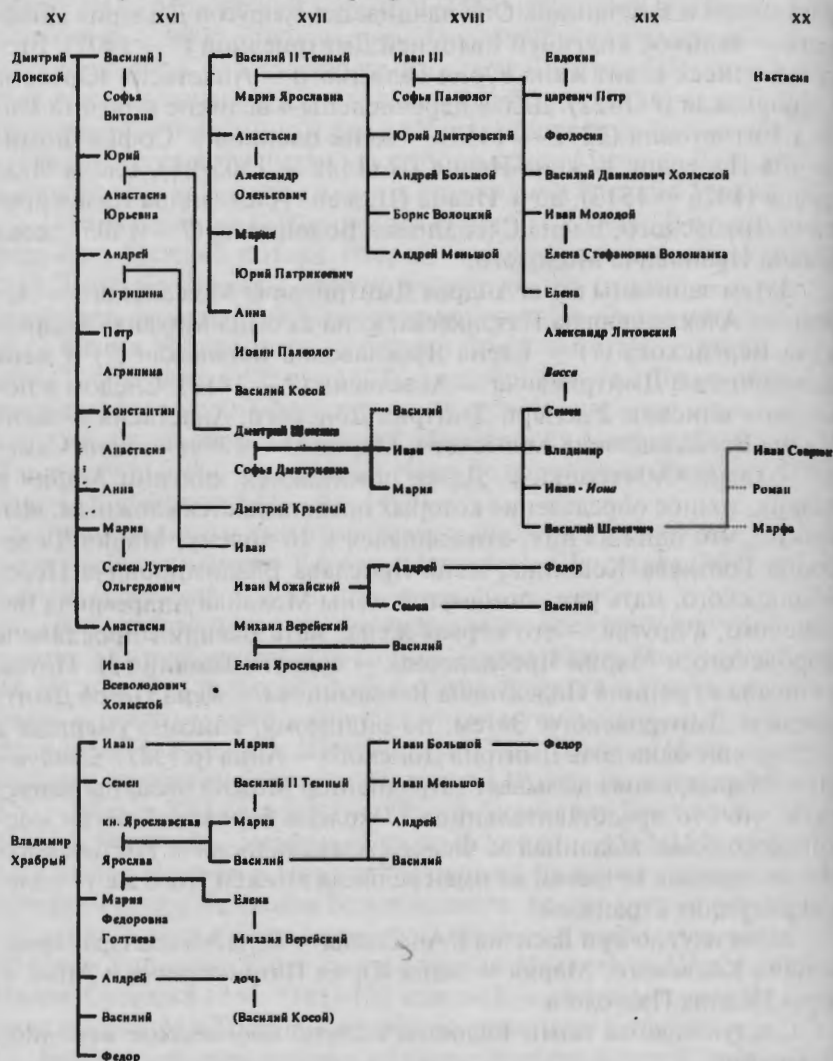
Женская половина помянника, включающая в себя 35 имен, по сравнению с мужской половиной выглядит значительно более бессистемной и запутанной. Она начинается супругой Дмитрия Донского — великой княгиней Евдокией Дмитриевной (? — 1407). Второй в списке стоит жена Юрия Галицкого — Анастасия Юрьевна Смоленская (?-1422). Далее перечислены 4 великие княгини Софья Витовтовна (1372 — 1453) — жена Василия I, Софья Фоминична Палеолог — жена Ивана III (1448 — 1503/04), Елена Ивановна (1476 — 1513), дочь Ивана III, жена Александра Казимировича Литовского, Елена Степановна Волошанка (? — 1505), жена Ивана Ивановича Молодого.

Затем записаны жена Андрея Дмитриевича Можайского — Агрипина Александровна Патрикеева, жена их сына Михаила Андреевича Верейского (?) — Елена Ярославовна Боровская (?) и жена Константина Дмитриевича — Анастасия (? — 1419). Следом в помянник вписаны 2 дочери Дмитрия Донского: Анастасия — жена Ивана Всеволодовича Холмского, Мария (? — 1399) — жена Семена-Лугвеня Ольгердовича. Далее поминаются княгини Мария и Мария, точное определение которых представляется сложным, возможно, что одна из них, относящаяся к 16 колону, Мария Федоровна Голтеева-Кошкина, жена Ярослава Владимировича Перемышльского, мать уже упомянутой жены Михаила Андреевича Верейского, а другая — его первая жена, мать Василия Ярославича Боровского и Марии Ярославовны — супруги Василия II. Потом записана Агрипина Полектовна Вельяминова — жена Петра Дмитриевича Дмитровского. Затем, по-видимому, вписана умершая в детстве еще одна дочь Дмитрия Донского — Анна (р.1387). Следующая, Мария, снова вызывает затруднения. Можно было бы допустить, что это представительница 17 колена боровской ветви московского дома, выданная за Федора Александровича Ростовского. Но постановка ее имени до имен великих князей (того же 17 колена) выглядит странным.

Затем идут дочери Василия I: Анастасия — жена Александра Олельковича Киевского, Мария — жена Юрия Патрикеевича и Анна — жена Иоанна Палеолога.

Следующую за ними Евдокию сложно соотнести с кем-либо конкретно.

А вот вписанная далее великая княгиня-инокиня Мария, несомненно, дочь Ярослава Владимировича Перемышльского, жена Василия Темного (17 колено). Следом поминаются жена Дмитриид Шемяки, княгиня-инокиня — Софья Дмитриевна Заозерская, и, вероятно, их дочь княгиня-инокиня Мария (? — 1456) — жена Александра Васильевича Чарторыйского.

Атрибутация последних 12 имен крайне сложна. В помяннике идут княгиня-инокиня Софья, княгини Евдокия, Феодосия, княгиня-инокиня Васса, княгини София, Агриппина, Евдокия, София, Анастасия, Анна, Марфа, Настасья. Совершенно естественно, что в этом перечне должны быть мать Василия Шемячича, его невестки (жены братьев), возможно его сестры, одна из которых вышла замуж за Юрия Васильевича Путятина и осталась в Литве. Скорее всего, первая княгиня Софья — мать Василия Шемячича (18 колено). Перечисленные далее Евдокия и Феодосия — дочери Ивана III (19 колено), вышедшие за царевича Петра и Василия Даниловича Холмского. Пометки в безымянном помяннике, вписанном как продолжение списка великих княгинь и княжен, позволяют связать Вассу с Семёном Ивановичем,⁷ братом Василия Шемячича. Марфа — это уже упомянутая дочь или сестра Василия Шемячича. А стоящая последней Настасья — дочь царевича Петра и Евдокии Ивановны, вышедшая в конце 1520-х гг. за Федора Михайловича Мстиславского.

Таким образом, анализ текста синодика позволяет выявить неизвестные имена некоторых членов семьи Василия Ивановича Шемячича.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ КОКМ, КП 7388

² Исторические очерки Пафнутиева Боровского монастыря и памятник князей Волконских // КГВ. 1845. № 10 л.63.

³ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М. 1988. С. 138 — 142. М.М. Кром. Между Русью и Литвой (Западно-русские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М. 1995. С. 62 — 63, 96 — 99.

⁴ КОКМ, КП 7388, л. 28 — 29 оборот.

⁵ КОКМ, КП 7388, л. 27

⁶ КОКМ, КП 7388, л. 27 оборот.

⁷ КОКМ, КП 7388, л. 40

СВЕТСКИЕ ВАССАЛЫ РЯЗАНСКОГО АРХИЕПИСКОПА В КОНЦЕ XVI в.

А.Ю. Савосичев, к.и.н.,
Орловский государственный университет

Особый двор рязанского епископа, подобный дворам других феодальных владетелей Северо-Восточной Руси, складывается еще до присоединения великого княжения Рязанского к Москве. В актовых материалах архиерейской кафедры первое упоминание вассалов

главы местной церковной организации относится примерно к третьей четверти XV в. Боярин рязанского епископа Давыда Федор Гавердовский в 1464 — 1471 гг. от имени владыки судился по поземельному делу с неким Василием Александровичем¹.

Примерная численность и персональный состав, а также характеристика землевладения светских вассалов рязанского архиерейского дома реконструируются на основании анализа данных платежных книг Рязанского уезда, составленных в 1594 — 1597 гг. двумя писцовыми комиссиями — Третьяка Григорьевича Вельяминова и Василия Яковлевича Волинского с Иваном Афанасьевичем Нащокиным. Источник содержит данные по Окологородному, Каменскому, Пехлейскому, Перевицкому, Ростиславскому, Моржевскому, Кобыльскому, Понисскому и Старорязанскому станам Рязанской земли. Наш основной источник не полон. В сохранившемся тексте документа владычные дворяне перечислены персонально только в двух станах — Каменском и Пехлецком. Применительно к станам Перевитскому и Старорязанскому источник ограничивается формулой “за архиепискупли детьми боярскими в поместьях” без указания конкретных лиц.

Платежная книга содержит имена 29 детей боярских. Данные по земельным владениям пригодны для анализа только у 25 человек².

Об уровне материального благосостояния владычных дворян дает представление следующая таблица:

Размеры владений в четвертях	Количество владений	%
1,0 - 20	4	16
20,1 - 50	6	24
50,1 - 100	13	52
100,1 - 200	6	24
200,1 - 500	0	0
Свыше 500	0	0
Итого	25	100

Какие выводы позволяет сделать данная таблица? Во-первых, обращает на себя внимание полное отсутствие крупных земельных

владений. Во-вторых, средних имений всего 6 или менее четверти всей совокупности. Преобладают мелкие и мельчайшие поместья. У четверых владычных детей боярских земельные владения сравнимы по размерам с крестьянскими наделами. Малоземелье было характерно в целом для всех землевладельцев южных уездов Московского государства, но даже с учетом этих обстоятельств можно сделать заключение о том, что вассалы духовных владетелей жили беднее государевых дворян.

29 детей боярских рязанского владыки относятся к 21 фамилии¹. Ни одна из них не была включена в Государев родословец. Только Алымовы, Сушковы и Сьяновы в конце XVII в. подавали росписи своих родов для составления новой редакции родословных книг — Бархатной книги². Нет упоминаний представителей фамилий владычных дворян и в разрядных книгах. Эти факты позволяют сделать вывод о том, что вассалы рязанских архиепископов происходили из малознатных неродословных фамилий. Почти все они практически неизвестны за пределами Рязанского уезда, т.е. представляли собой местных городских детей боярских. По крайней мере, три фамилии — Гавердовские, Сушковы и Сьяновы — относились к коренному рязанскому дворянству, сформировавшемуся до присоединения края к Москве. Только в случае с Моложениновыми, Бабкиными и Дьяковыми мы можем предполагать пришлое, не рязанские роды.

Сравнение данных платежных книг 1594 — 1597 гг. с данными писцовых описаний Рязанского уезда 1567/68 г. и 1627/28 — 1628/29 гг. позволяет сделать любопытные наблюдения. Так же, как и в Государевом дворе, служба рязанскому архиепископу была наследственной. 11 из 29 исследуемых дворян служили главе местного духовенства на протяжении двух — трех поколений. Еще в пяти случаях вывод о наследовании служебного статуса внутри одного рода весьма вероятен. Гавердовские были вассалами рязанских владык на протяжении более чем столетия.

Интересна карьера владычных дворян Дьяковых. Слуга рязанского епископа Ионы Ивашка Дьяк в 1529 — 30 гг. судился с Юрием и Михаилом Андреевичами Чевкиными³. В 1567 — 68 г. епископский дворянин Иван Иванович Дьяков владел двумя поместьями в Рязанском уезде⁴. В 1594 — 1597 гг. часть этих имений принадлежала Осану Ивановичу Дьякову⁵.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Ивашка Дьяк в акте назван “человеком”. Человеком в документах рассматриваемой нами эпохи обычно называли холопов. На низкий социальный

статус указывает отсутствие фамилии и наименование уменьшительно-пренебрежительной формой имени. Ивашка Дьяк, видимо, принадлежал к высшему слою лично зависимых людей рязанского архиепископского дома, скорее всего к хозяйственному управленческому персоналу.

На примере истории трех поколений семьи Дьяковых мы наблюдаем процесс проникновения в среду дворянства наиболее удачливых представителей непривилегированных сословий. Средством для социального роста была верная служба.

Светские вассалы церкви были тесно связаны со всей уездной дворянской корпорацией. Типичны случаи, когда несколько ветвей одной фамилии служили параллельно местному епископу и царю. Нередки были переходы с церковной службы на государственную и обратно. Потомки 11 из 29 исследуемых детей боярских в первой четверти XVII в. перешли на службу государю.

Таким образом, мы видим, что в эпоху средневековья высшее духовенство было органичной частью привилегированного правящего сословия. Как и для светских феодалов, для них характерно наличие двора, состоявшего из верных слуг. Социальная природа, происхождение и динамика службы светских вассалов церкви весьма сходны с аналогичными явлениями в среде Государева двора XVI в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сметанина С.И. Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII — начала XVII века. №14 // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып.6.

2. Не поддаются обработке сведения по поместью Григория Григорьевича Сушкова “с племянники”. Сколько было племянников и какова доля каждого в общем имении, неизвестно. Таким образом, размера поместья Григория Григорьевича мы не знаем и проанализировать его не можем. По той же причине исключаются из анализа данные по имению Федора Милованова Котова “с товарищи” и Ивана Салкова “с племянники”. Это трое. Кроме этого, исключаем Арину Столбову. Она владеет имением вместе с сыном Иваном. Имение явно осталось после смерти мужа. Поместье представляет собой натуральную плату за государственную службу (преимущественно военную), которую женщина того времени нести не могла. При наличии сына он единолично наследовал поместье умершего отца со специально оговариваемым обязательством содержать мать до ее смерти или повторного замужества. Именно с таким случаем мы, скорее всего, и имеем дело. Условно признаем Ивана Романовича Столбова единственным владельцем имения. Так у нас остается 25 из 29 человек.

3. Алексеевы, Алымовы, Бабкины, Вокшины, Гавердовские, Горонтьевы, Дьяковы, Евстафьев, Константинов, Котовы, Кунаковский,

Малекшин, Матыцыны, Моложенинов, Неретин, Остафьев, Родионов, Салковы, Столбова, Сушковы, Сьянов.

4. Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С.76, 308.

5. Сметанина С.И. Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII — начала XVII века. №19 // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып.6.

6. Писцовые книги Рязанского края (далее ПКРК). Рязань, 1997. Т.1. Вып.2. С.35, 92.

7. ПКРК. Рязань, 1996. Т.1. Вып.1. С.99.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ КАЛУЖСКОГО ВОЕВОДЫ ИВАНА ЗОЛОТАРЕВА

*М.Б. Булгаков, к.и.н.,
Институт российской истории РАН*

В последнее время постмодернистское направление исторической науки, характеризующееся пристальным вниманием к повседневным реалиям и фактам прошлого, явно тяготеет в сторону краеведческих разысканий. Представляется, что такой подход сможет обогатить и отечественную урбанистику.

В этой связи интересны претензии калужской посадской общины к стольнику и воеводе Ивану Золотареву, бывшему на воеводстве в городе с 1686 по 1688 гг¹. Этому воеводе нет в справочнике А.П. Барсукова², что делает сведения обнаруженного источника очень ценными. Известно, что воеводы, как полномочные представители центральной власти на местах, должны были обеспечивать во вверенной им территории административный порядок, “чинить суд и управу”, контролировать исправное поступление налогов и податей от населения в государственную казну и оберегать жителей города и уезда от всяких “насильств”. Однако многие воеводы во время своего пребывания на службе заботились прежде всего о собственном комфорте и о пополнении своего достатка. Для этого они использовали противоправные меры, т.е. творили злоупотребления, нарушая “государев наказ”, выдаваемый им при вступлении в должность, и многочисленные законодательные акты.

Калуга в конце XVII в. была большим торгово-промышленным городом. По переписи 1678 г., в нем насчитывалось 1015 посадских тяглых дворов (где проживало 3492 чел. мужского пола), не считая дворов церковного притча и дворов служилых людей, где насчитывалось 529 чел³. В городе производилась оживленная торговля хлебом, рыбой, медом, хмелем, лесом, железом, холстами, но глав-

ными предметами торговли были: соль, “животина” (скот — М.Б.) и “красный юхотный товар” (выделанная кожа — М.Б.)

Как писали в своей челобитной калужский земский староста и все посадские люди, “будучи он Иван воеводою насильством своим и нападками и многими взятками дом их разорил и разграбил”. Из перечня злоупотреблений воеводы выясняется, что он “проезжих всяких чинов торговых людей разных городов из-за взяток перенимает (задерживает — М.Б.) и разоряет и бьет и увечит и от тех де ево налогов и взяток разных городов торговые люди с торгами ездят мало и им в рядах всякими товары торговать не велит”. От таких действий воеводы страдала экономическая жизнь города, так как калужане вступали в рыночные отношения с иногородними торговцами, являясь мелкими и крупными скупщиками, а также товаропроизводителями.

Далее отмечалось, что “он Иван своим насильством на ремесленных людей всякое изделие наметывает делать и лес на палатное строение и всякие товары берет сильно безденежно”, а посадских плотников “заставил насильно делать хоромы и конюшни безденежно”. Он же, воевода, на свое “палатное строение известъ жечь взял сильно церковных дров на 14 р. 20 алт.” Такое отношение к церковному имуществу приходских храмов, конечно, озлобляло посадских тяглецов, покупавших дрова для церквей на сборные мирские деньги.

Иван Золотарев имел свой двор в Москве и во время своего воеводства в Калуге брал у посадских торговых людей “насильно для отвозки к Москве струга и те струги и ныне стоят на Москве осушены (с вычерпанной из них водой — М.Б.) на песку близ двора ево...” Отсюда видно, что он пользовался водным транспортом, не спрашивая разрешения у владельцев, нарушая их права собственности и их коммерческие планы.

Далее в перечне его злоупотреблений указано, что он “берет с них (посадских людей — М.Б.) на всякий месяц за пиво и за дрова по 5 р.”, несмотря на то, что земские старосты и целовальники носили ему на двор добровольно “поминки, почести и посулы” продуктами и деньгами, как это было принято “исстари” в отношениях “мира” с приказными людьми.

Кроме того, как писали челобитчики, воевода “емлет, к кому приставит в чем ни есть (т.е. под каким-либо предлогом — М.Б.) 3 денег с рубля по гривне (по 10 коп. или по 20 ден. — М.Б.) да мировых по 2 гривны” Такие беспричинные иски к любому тяглецу с последующей навязанной “мировой” также были в арсенале воеводских злоупотреблений и вызывали возмущение посадских тяглецов.

Прямым воеводским нарушением “государева” распоряжения об “указных” летних днях, когда можно было топить избы и поварни, было то, что И. Золотарев своей властью отменил эти дни и за разрешение топить “брал взятки большие”. От этого особенно страдали ремесленники-пишешники: харчевники, хлебники, калачники, приишники, квасники и т. д., а также больные и роженицы, когда выпадали ненастные дни.

Наконец, верхом бесцеремонности и наглости со стороны воеводы было то, что он, как жаловались челобитчики, присылает к ним “для своих взяток в дома их стрельцов и дворовых своих людей по ночам часа в 3 и в 4 искать их без челобитчиков” т. е. ни с того, ни с сего производил обыски. В этом случае он просто терроризировал население, создавая нервную и напряженную обстановку в городе ради своих “прибытков”. Чтобы не повергаться незаконным и унижительным обыскам, хозяева дворов вынуждены были давать воеводе немалые взятки.

Такие изощренные злоупотребления И. Золотарева переполнили чашу терпения калужских тяглецов, и они напрямую обратились в Разрядный приказ, откуда назначались воеводы, с просьбой о перемене воеводы, “чтоб от него в конец разоренным не быть и впредь служб и податей не отбыть”.

Помимо отправленной челобитной, посадские люди обещали подать еще “именную роспись, у кого воевода насильством безденежно какова товару и стругов и з животинных стад денег взял и ремесленные люди сколько какова давали безденежно”. Эта роспись в архивных делах РГАДА нами еще не обнаружена.

Подлинную челобитную подписали: земский староста, 5 посадских сотских и 175 человек посадских людей, а всего 181 человек. При этом выборные представители общины, не найдя компромисса с воеводой, вступили с ним в открытый конфликт, как это случилось в некоторых городах⁴.

В Приказе документу-челобитной был дан ход, и о ней намеревался доложить государю руководитель Разряда боярин Т.Н. Стрешнев. Однако чем закончилось дело, неизвестно. Обычно же, получив сигнал о злоупотреблениях воевод, из Москвы на места отправляли “сыщиков”, которые производили “сыск” (обыск) — проверяли факты, расспрашивая о действиях воевод “людей всяких чинов”. На время следствия воевод отправляли в соседние города, чтобы они не оказывали давления на свидетелей. Как правило, факты подтверждались и сыскное дело привозилось в Москву, где и решалась судьба воевод. Их отстраняли от воеводства и наказывали (штрафовали).

Несмотря на такие карательные меры со стороны правительства по отношению к алчным воеводам, все равно находились желающие использовать служебное положение для своей корысти, что создавало трудности для свободного развития предпринимательства и экономики в русских городах позднего средневековья.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАДА, ф. 210. Поместный приказ. Столбцы Белгородского стола, №1707, л. 83 — 85. В дальнейшем при цитировании источника номера листов не указываются.

2. Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С.90 — 92.

3. Водарский Я.Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 283.

4. Булгаков М.Б. Посадское земское самоуправление при воеводской власти в XVII веке // Управление городами: история и современность. Тверь, 2001. С. 86.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ПОЖАЛОВАНИИ ЖИТЕЛЕЙ КАЛУГИ НАГРАДНЫМИ МЕДАЛЯМИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Д.И. Петерс,

издательство "Древлехранилище", г. Москва

Архивные документы о пожаловании жителей губерний и городов Российской империи наградами медалями, в частности первой четверти XIX в., почти не привлекали внимание исследователей. Они разнообразны по характеру и типу: указы и высочайшие повеления императора, постановления Комитета министров и указы Сената, приказы военного командования, рапорты, представления и письма центральных и местных органов власти с описанием заслуг и отличий, списки награжденных, статистические сведения об изготовлении медалей и лент и др. Статья ставит своей целью — на основе изучения архивных источников ввести в научный оборот новые, ранее неизвестные исследователям и неопубликованные факты о пожаловании российскими наградами медалями (в основном, с ординарными надписями) жителей Калуги в первой четверти XIX столетия. В царствование императора Александра I в России было учреждено около 70 наградных медалей.¹ Многие из них, особенно отчеканенные в начале XIX в., имели редкие надписи ("За бескорыстие и усердие на пользу казенную", "За усердие и труды", "За

усердие и пользу", "За отличное усердие", "За труды", "За службу" и др.) и предназначались для единичных пожалований за конкретные деяния и заслуги.

Кроме того, в 1801 — 1802 гг. учреждаются медали с ординарными надписями: "За усердную службу", "За усердие", "За полезное", которые просуществовали до октябрьского переворота. На лицевой стороне медалей вырезался портрет императора, а на обороте (реверсе) — соответствующая надпись; ими награждали купцов, мещан и крестьян "за различные услуги, оказанные правительству". В первой четверти XIX в. в России продолжалась дальнейшая дифференциация и стабилизация всей системы наград, были окончательно закреплены принципы социально-классового подхода при награждении медалями. Так, в ноябре 1809 г. Комитет министров принял постановление о том, чтобы *"крестьянам, ежели бы кто действительно обратил на себя особенное внимание правительства какой-либо отличною заслугою, давать серебряные медали, а золотые предоставить в награду одному купеческому достоинству"*.² Это постановление служило руководством при представлении к медалям до 1834 г.³ Социальной функцией наградных медалей Российской империи рассматриваемого периода являлось не только воздаяние купцов, мещан и крестьян за различные заслуги, но и стимулирование у награжденных преданности к самодержавному строю, которому они служили. Это достигалось не только пожалованием самих медалей, но и выдачей их в разных металлах, различных размеров, украшение алмазами и бриллиантами, ношение на разных лентах, как правило, в порядке старшинства орденов. Медали выдавали из Кабинета Его Императорского Величества и Капитула российских императорских орденов. Пожалованные очень гордились полученными ими "высочайшими" наградами; на многих портретах купцов того времени они изображены с имеющимися у них медалями. В рассматриваемый период еще не существовало четких правил о награждении. Об учреждении медалей, как отмечается в архивных документах, "не было никаких всенародных объявлений, кроме устных "высочайших" повелений, сообщаемых министрами управляющему Кабинетом Его Императорского Величества".⁴ Эти повеления не вошли в Полное Собрание Законов Российской империи, не опубликованы и хранятся в архивах страны. Кроме специально отмеченных, все приведенные в статье архивные документы выявлены в РГИА в фондах Кабинета Его Императорского Величества (ф. 468) и Капитула орденов (ф. 496), и имена на них (в виду многочисленности), как правило, не даются.

Архивные документы о наградных медалях Российской империи рассматриваемого периода являются ценным источником по истории социально-классовых отношений, военной и политической истории, ценным, а иногда и единственным источником биографических сведений, особенно купцов. Документы позволяют также выявить новые исторические факты и уточнить ранее известные. Жителей Калуги, как и жителей других городов Российской империи, в первой четверти XIX в. награждали, в основном, за крупные пожертвования (деньгами, продовольствием и др.), спасение людей от потопления и во время пожаров, долговременную службу на выборных должностях, успехи в торговле, промышленности и сельском хозяйстве, поимку дезертиров, воров и разбойников и др.

В выявленных нами архивных документах о пожаловании жителей Калуги медалями неоднократно встречается фамилия калужских 1-ой гильдии купцов Кожевниковых. Впервые золотой медалью с портретом императора Александра I и надписью на реверсе “За усердие” для ношения на шее на алой (аннинской — Д.П.) ленте в сентябре 1805 г. награжден калужский 1-й гильдии купец Кожевников. Как сообщал 29 августа 1805 г. министр внутренних дел граф В.П. Кочубей, он был пожалован медалью “за спасение на реке Двине у острова Глиновица одиннадцати человек рабочих людей из числа четырнадцати, кои в чрезвычайную погоду были на лодке опрокинуты”. В сентябре 1810 г. две золотые медали “За усердие” на алой и “За полезное” на голубой лентах, ценой 116 руб. 26 коп., выдали калужскому 1-ой гильдии купцу Мартыну Кожевникову. В 1816 г. еще один купец Кожевников, также за спасение людей от потопления, был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, но без возведения в дворянство (подчеркнуто нами — Д.П.). В указе от 11 июня 1816 г., в частности, говорится: “Калужского 1-й гильдии купца Кожевникова, спасшего 15 человек, утопавших в реке Днепре, подвергая опасности собственную жизнь свою, за отличный подвиг сей всемилостивейше пожаловали Мы кавалером ордена Равноапостольного князя Святого Владимира 4-й степени, не выводя впрочем его Кожевникова из настоящего купеческого состояния”. В 1821 г. золотой шейной медалью с надписью “За полезное” на андреевской ленте пожаловали 1-й гильдии купца Ф. Кожевникова “за пожертвование 30 тыс. руб. в пользу человеколюбивых заведений Слободско-украинского приказа общественного призрения”. Кроме того, как нам известно из архивных документов, в июле 1816 г. из Санкт-Петербургского Монетного двора в Екате-

ринославскую губернию была послана бронзовая медаль в память Отечественной войны 1812 г. “для калужского купца Ф. Кожевникова, оказавшего помощь раненому поручику Каменовскому во время войны 1812 года”.⁵

В июле 1808 г. золотой медалью с надписью “За усердную службу” наградили калужского купца Агеева. Как отмечается в архивных документах, “Его Императорское Величество по засвидетельствованию местного начальства о долговременной службе и усердии к пользе общей калужского купца и бывшей ремесленной управы головы Пимена Агеева всемилостивейше пожаловать ему изволил золотую медаль на красной ленте”.

В октябре 1809 г. золотую медаль “За полезное” на алой ленте выдали “калужскому 1-й гильдии купцу О. Портнову, живущему в Иркутске по Кяхтинской торговле, за пожертвования на общую пользу”.

В июле 1811 г. золотой медалью “За усердие” на владимирской ленте наградили ученика калужской духовной семинарии Орлова “за спасение утопавшего в р. Яченке десятилетнего мальчика, сына священника Боголюбова”.

В 1810 — 20-х годах калужские купцы Аким и Иван Петровы-Свешниковы осуществляли торговлю “с азиатскими народами в Петропавловской крепости”.⁶ Как отмечали исследователи, перед российским министерством иностранных дел стояла задача расширения торговых связей и улучшения условий торговли российских купцов с ханствами Средней Азии, а развитие товарооборота с Бухарой, Хивой и Кокандом было выгодно России.⁷ По инициативе командующего войсками на Сибирской линии генерал-лейтенанта Г.И. Глазенапа в конце 1810 г. из Петропавловска в Коканд был отправлен караван с товарами, принадлежавшими братьям Свешниковым, в частности “богатеишему в том месте торговцу, калужскому 1-й гильдии купцу Акиму Свешникову”.⁸ В январе 1811 г. “за помощь при отправлении в Коканд каравана” Аким был награжден золотой медалью “За усердие” на алой ленте, ценой 59 руб. 63 коп. Караван Свешниковых под руководством приказчика Семена Алейникова, проделав более 2 тысяч верст, добрался до ханства и “благополучно разменяв свои товары”, в марте 1812 г. вернулся в Петропавловскую крепость, причем из Коканда были привезены разные “бумажные товары” и лекарственные травы.⁹ Сообщения о путешествии каравана неоднократно публиковались в газетах того времени.¹⁰ По представлению канцлера графа Н.П. Румянцева “за открытие торга с Кокандом” Иван Свешников в феврале 1812 г. был пожалован золотой медалью с уникальной

надписью на обороте “1812 года”, а Семен Алейников — бриллиантовым перстнем в 400 руб.¹¹

В январе 1815 г. золотую медаль “За усердие” на голубой / андреевской - Д.П./ ленте выдали “калужскому первостатейному купцу коммерции советнику Билибину”. В ноябре 1817 г. серебряной медалью на аннинской ленте наградили калужского помещика Муровцева “за помощь полиции на пожарах и в поимке воров и дезертиров”. В декабре 1817 г. золотую на Александровской ленте с надписью “За усердную службу” пожаловали калужскому городскому голове — купцу 1-й гильдии П. Золотареву. В январе 1820 г. три золотые медали “За полезное” на аннинских лентах выдали калужским купцам Лебедеву, Строгину и Елисееву “за заслуги, оказанные ими в 1812 г. доставлением для действовавших армий разных вещей”. В марте 1823 г. золотой “За усердие” на аннинской ленте наградили “калужского 2-й гильдии купца Илью Антипина за усердие и пожертвование 5 тыс. руб. для учебных и других заведений гренадерского корпуса”.¹²

В мае 1823 г. золотую “За усердную службу” на аннинской ленте пожаловали “калужскому городскому голове купцу 1-й гильдии Прянишникову за низкие цены на хлеб во время неурожая, пожертвование в пользу местных граждан и за отличную службу по выборам в течение трех трехлетий”. В октябре 1824 г. ему же выдали золотую медаль “За усердие”, украшенную бриллиантами на Александровской ленте. Как говорится в документе, медаль пожаловали “бывшему калужскому градскому главе Прянишникову за оказанное им особое усердие, как в исправлении должности, так и при обеспечении в 1822 году продовольствием тамошних жителей”.

Кроме того, по архивным документам нам удалось выяснить количество калужских дворян и купцов, награжденных по Манифесту 30 августа 1812 г. бронзовыми медалями в память Отечественной войны 1812 г. Всего на Санкт-Петербургском монетном дворе отчеканено более 72 тыс. бронзовых медалей.¹³ В 1817 г. для дворян Калужской губернии было изготовлено 1700 бронзовых медалей, роздано в 1817 — 1828 гг. 1644 шт., а остальные (56) были возвращены. В январе 1818 г. из монетного двора отправили 63 бронзовые медали для награждения калужских купцов. Кроме того, в ноябре 1818 г. дополнительно выслано 7 медалей для купцов — Нечаева, Большакова, Герасимова, Ряпцева, Репина, Д. и В. Торубаевых. А в ноябре 1824 г. изготовлено еще 4 шт. — “для калужского купца Билибина и трех его сыновей”.

Таким образом, архивные документы о пожаловании наградных медалей жителям Калуги в первой четверти XIX в. являются ценным историческим источником, и прежде всего биографических и краеведческих сведений, они помогают нам выявить новые и уточнить ранее известные факты о жизни и заслугах калужан в царствование императора Александра I.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Петерс Д.И. Наградные медали Российской империи XIX — XX веков. Каталог. М., 1996. С. 15 — 93.
2. РГИА, ф. 13, оп. 1, д. 451, л. 1—3; ф. 583, оп. 5, д. 372, л. 4; Журналы Комитета Министров царствования императора Александра I. Т. 1, СПб., 1888. С. 387.
3. РГИА, ф. 1409, оп. 4, д. 9617, л. 201.
4. Там же, ф. 496, оп. 2, д. 533, л. 15 об.
5. РГИА, ф. 37, оп. 17, д. 612, л. 107 — 108.
6. Государственный архив Калужской области, ф. 49, оп. 1, д. 34.
7. Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1974. С. 27, 41.
8. Внешняя политика России XIX — начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия 1. Т. 5. М., 1967. С. 639.
9. Там же, Т. 6. М., 1962. С. 187, 714.
10. Московские ведомости, 1810 г., № 4; Северная почта 1811 г., №№ 8, 63; 1812 г., №№ 3 и 41.
11. Подробнее см. Петерс Д.И. Наградные медали России и Гражданской войны: Статьи и материалы. М., 1996. С. 36 — 38.
12. РГВИА, ф. 14303, оп. 2/293, св. 62/118/, д. 257, л. 10, 10 об.
13. Петерс Д.И. Наградные медали: Каталог. С. 78.

КАЛУЖСКАЯ МУЖСКАЯ НИКОЛАЕВСКАЯ ГИМНАЗИЯ 1804 — 1917 гг.

Обзор фонда

М.А. Добычина,
Государственный архив Калужской области;

Е.В. Насонова,
КФ МГЭИ;

В.Я. Филимонов, д.и.н.,
Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского

В преддверии 200-летнего юбилея Калужской мужской Николаевской гимназии, который будет отмечаться в 2004 г., видится целесообразным более глубокое изучение деятельности этого учеб-

ного заведения: систем и методов преподавания, персонального состава преподавателей и учащихся и т.д. В Государственном архиве Калужской области (далее ГАКО) имеется на хранении фонд «Калужская Николаевская мужская гимназия», документы которого достаточно полно отражают деятельность гимназии за все время ее существования. Фонд содержит 3100 дел за период 1804 — 1918 гг. К сожалению, следует констатировать тот факт, что столь обширная источниковая база введена в научный оборот только частично.

Отдельные события, краткие исторические экскурсы о преподавателях и учащихся гимназии можно найти в работах Д.И. Малинина, Г.М. Морозовой, В.Д. Лагутина и др.¹ Однако история Калужской мужской Николаевской гимназии специально не изучалась и, самостоятельные исторические труды по ней отсутствуют.

Сегодня возникла потребность обратиться к технологиям и опыту учебных заведений дореволюционной России (появление школ-гимназий, лицеев, колледжей). Многие идеи по построению образовательного процесса, показавшие свою актуальность в настоящее время, уходят корнями в образовательные системы, существовавшие до 1917 г. Однако по сей день нет четко выстроенного и последовательного представления обо всех персоналиях когда-либо обучавшихся или обучавших в гимназии. Не изучены вопросы преемственности, организации учебного процесса, влияния на формирование учеников отдельных преподавателей. Не освещены вопросы социального статуса преподавателя и ученика. Среди многих проблем, стоящих перед современными исследователями образовательного процесса дореволюционной России, видное место занимают вопросы, связанные с историей становления учебных заведений в регионах. При этом одной из важных проблем является отслеживание взаимосвязи социально-экономического развития региона и уровня качественной подготовки выпускников образовательных учреждений.

Для правильного понимания и освещения поставленной проблемы необходимо, изучив состав всего комплекса документов и материалов, выстроить полную историческую цепь развития Калужской гимназии как основного учебного заведения в губернии того времени

Таким образом, актуальность поставленной проблемы обусловлена тем, что впервые на региональном уровне будет предпринята попытка анализа большого объема документального материала, по-

зволяющего полно и адекватно воссоздать историю гимназии как одного из старейших учебных заведений в Калужской губернии. Комплекс документов, введенный в научный оборот, позволит восполнить не только досадный пробел в истории края, но и в отечественной историографии развития образования в дореволюционной России.

Повидовой анализ документов (состоящий в изучении описей фонда и выборочном просмотре дел) дал возможность определить основной круг вопросов, которые могут быть отражены в научно-исследовательской работе.

Предварительно выделено несколько основных групп документов, отложившихся в фонде. К первой группе отнесены отчеты (по основной, финансовой деятельности и учебному процессу и др.) Отчеты, как вид документа, составлялись по различным вопросам, поэтому в них отражена наиболее полная и объемная информация по внутренней деятельности учреждения. Финансовые отчеты, отчеты преподавателей о прохождении материала по предметам, об успеваемости и годовых испытаниях учеников, об учебных пособиях, библиотечном фонде — вот далеко не полный перечень вопросов, отраженных в этой группе документов. Так, финансовые отчеты позволяют не только охарактеризовать состояние гимназии в тот или иной период, но и представить материальный статус преподавателей и учащихся, что выводит нас на проблему взаимоотношения социально-экономических и социально-образовательных процессов, происходивших в обществе в определенный период времени. Отчеты по учебно-воспитательному процессу дают большой материал по истории педагогики.

Вторую группу документов составила переписка, которая также может стать достаточно интересным и объемным источником для отражения основной деятельности в гимназии. Здесь необходимо обратить внимание на циркулярные письма, отражающие общие распоряжения вышестоящих учреждений, на докладные записки, прошения дирекции гимназии, направленные различным адресатам. Анализ данной группы документов показывает обширные связи гимназии с другими учреждениями и предполагает расширение объема исследования по другим фондам (канцелярии калужского губернатора, дирекции народных училищ, губернского правления и др.), что может быть предпринято на последующих этапах исследования.

К третьей группе отнесены документы, достаточно подробно отражающие персональный состав учителей и учащихся. Это форму-

лярные (послужные) списки преподавателей, позволяющие составить достаточно подробные их биографии, так как в них указывались имущественное положение, доходы, семейное положение, сословная принадлежность, возраст, движение по служебной лестнице, сведения о поощрениях и наказаниях, материалы о представлении их к наградам и чинам за заслуги и по выслуге лет. Среди документов имеются сведения о многих представителях калужской интеллигенции (Г.К. Зельницкий, П.С. Щепетов-Самгин, С.Я. Унковский, С.И. Яновский, И.Д. Четыркин, Н.И. Булычов, П.А. Трейтер, С.В. Щербаков, Ф.М. Шамагонов, М.С. Архангельский и многие другие). Такие материалы могут дополнить биографии этих людей, более подробно осветить их деятельность на поприще народного просвещения.

Достаточно обширен материал и об учащихся гимназии. Это различные прошения родителей о приеме в гимназию, об исключении, о переводе в другой класс, освобождении от платы, личные дела учащихся и т.д. Этот комплекс документов дает возможность обнаружить среди просителей достаточно известных деятелей нашей губернии. Многие из них заняли впоследствии видные общественные посты, стали известными политическими, общественными деятелями не только на региональном, но и на общероссийском уровне (В.К. Плева, П.А. Кропоткин, Н.В. Устрялов, Трубецкие, Лев Кавелин — архимандрит Леонид и многие другие).

В четвертую группу входят такие документы, как книги и ведомости успеваемости, экзаменационные листы и аттестаты, учебные планы, расписания, графики распределения нагрузок, учебные программы по предметам, журналы педсоветов и т.п., то есть все то, что позволяет достаточно полно воссоздать учебно-воспитательный процесс в гимназии. Введение в научный оборот документов этой группы будет особенно интересно преподавателям, так как позволит осветить многие вопросы, являющиеся и на сегодняшний день крайне актуальными: круг изучаемых предметов, нагрузка учащихся, успеваемость и посещаемость занятий, вопросы здоровья, технологии обучения и т.д.

Лонгетюдное изучение большого объема документального материала позволяет проследить эволюцию учебного процесса в России на частном примере Калужской мужской гимназии. Так, например, анализ ведомостей об успеваемости учащихся позволяет проследить изменения и формы и содержания аттестации учащихся, так оценка в первичной для нас балльной системе появ-

ляется только во II половине 30-х гг. XIX в. В это же время на смену более свободной словесной форме оценки приходит более строгая форма ведомости².

Не меньший интерес представляет анализ учебных программ по различным предметам³. Здесь мы видим, как от простого перечисления тем, изучаемых на каждом уроке (современное поурочно-тематическое планирование), имевшего место еще в 50-е гг. XIX в., в 60-е гг. начинается процесс модификации программ: автор указывает на принцип отбора материала (от простого к сложному, преемственность от класса к классу в изучении материала по предмету, повторении пройденного и т.п.), дает четкие методические рекомендации по преподаванию предмета и т.п.

Необходимо также обратить внимание на программы преподавания по различным предметам. С начала 60-х гг. начинается активное обсуждение учебных программ на заседаниях педсоветов⁴. Журналы педсоветов отражают многие вопросы жизни гимназии.

Просмотренные документы позволяют сделать вывод о возможности отследить взаимосвязь социально-экономического и общественно-политического развития региона и качественного уровня подготовки в гимназии, влияние гимназического образования, личностей отдельных преподавателей на формирование мировоззрения учащихся, в особенности ставших известными деятелями России.

Таким образом, в результате проделанной работы можно сделать вывод о перспективности дальнейшего исследования поставленной темы, поскольку введение в научный оборот документов фонда гимназии позволит не только уточнить и дополнить историю края, но и исследовать абсолютно неизученный довольно большой круг вопросов как по истории края, так и по истории педагогики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малинин Д.И. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главным центрам губернии. Калуга, 1992; Морозова Г.М. Прогулки по старой Калуге. Калуга, 1993; Лагутин В.Д. Краткие очерки истории народного образования Калужского края. — Калуга, 1993.
2. Ф. 77, оп.1, д. 162, 152, 822а, 254, 229, 254, 593, 482, 700, 621, 740, 883, 427, 660, 852.
3. Там же. Д. 593, 482, 700, 621, 740, 883, 427, 660, 852.
4. Там же. Д. 883, 852, 700.

**ФОРМУЛЯРНЫЙ (ПОСЛУЖНОЙ) СПИСОК
КАК БИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ
СПРАВОЧНИКА “КАЛУЖАНЕ — УЧАСТНИКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.”**

В.А. Бессонов, к.и.н.,

Калужский государственный объединенный краеведческий музей;

М.А. Добычина,

Государственный архив Калужской области;

В.А. Иванов, к.и.н.,

*Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского*

В последнее десятилетие заметно возрос интерес исследователей к такому жанру литературы, как биография. В центре и на местах одна за другой стали выходить работы, содержащие биографические материалы (статьи, заметки, очерки) о государственных, военных, политических, общественных и церковных деятелях, писателях, ученых и т.п. К ним в первую очередь следует отнести содержащие биографические справки региональные энциклопедии¹, выходящие под разными названиями (историко-краеведческие, историко-биографические, биографические, биобиблиографические) очерки о местных администраторах (преимущественно губернаторах) дореволюционной России², генералах русской армии³ и др. Включенные в названные работы (а их перечень можно продолжить) биографии разных деятелей далеко неравноценны в научном отношении. Они разнятся не только манерой написания, принципами отбора и анализа источниковой информации, но самое главное — полнотой и достоверностью. Достоверность приводимых в биографических статьях сведений определяется прежде всего характером привлекаемых источников. Для составления биографий используются различные по происхождению, а следовательно, объективности и полноте отражения исторических реалий источники. Как правило, это биографические статьи, опубликованные в энциклопедиях и справочниках еще дореволюционного времени, материалы прессы, журнальные публикации, документы, извлеченные из личных архивных фондов, подчас сомнительного содержания краеведческие издания, значительно реже — формулярные или послужные списки государственных служащих.

¹ Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и администрации Калужской области (проект №03-01-00590а/Ц).

В данном сообщении предпринята попытка рассмотреть некоторые аспекты использования источниковой информации для составления биографического справочника “Калужане — участники Отечественной войны 1812 г.”. Речь пойдет о возможности привлечения для решения поставленной задачи формулярных или послужных списков — целостного источника, аккумулирующего емкую биографическую информацию о государственных деятелях дореволюционной России (чиновники, военнослужащие, инженеры, врачи, преподаватели учебных заведений и т.д.).

В отечественной историографии накоплен определенный опыт использования формулярных списков для написания биографий деятелей освободительного движения, в частности декабристов⁴, генералитета русской армии эпохи Отечественной войны 1812 г.⁵, высших царских сановников XIX — начала XX вв.⁶

Возникновение послужных списков как формы учета государственных служащих гражданского ведомства относится к третьей четверти XVIII в. 31 января 1764 г. был издан указ “О присылке в Сенат из всех присутственных мест послужных списков чиновников через каждые полгода”. К указу был помещен образец послужного списка, включающий девять граф: 1) фамилия, имя, отчество, чин; 2) возраст (сколько от роду лет); 3) из каких чинов и сколько имеет за собою мужского пола людей и крестьян и в каких уездах; 4) время вступления в службу и должность; 5) перемещения по службу и получение чинов; 6) участие в сражениях и боевых действиях; 7) штрафы и пребывание под судом; 8) к продолжению статской службы за чем кто не способен; 9) к повышению чинами достоин или недостоин за чем⁷. Этот образец стал основой для всех последующих форм послужных списков гражданских чиновников. Позднее он претерпел изменения — увеличилось число граф, предусматривавших внесение дополнительных сведений, в том числе о полученном образовании и семейном положении (на ком женат, кто дети и их возраст), конкретизировались изначальные показатели. Указом от 16 июля 1849 г. была введена новая форма послужного списка для служащих гражданского ведомства, которая с незначительными изменениями просуществовала до 1917 г.

Как видим, формуляр послужного списка аккумулирует подробную и разнообразную, в значительной части не дошедшую до нас первичную информацию о государственном служащем. Это позволяет использовать данный вид массовой служебной документации в качестве главного источника не только для написания биографий, но и проведения историко-генеалогических разысканий.

Из всей совокупности содержащихся в формулярных списках сведений нас интересуют следующие: фамилия, имя, отчество, должность, чин, возраст, вероисповедание, имущественное положение, образование, время вступления в службу, перемещение по ней, участие в военных походах и сражениях, полученные ранения, награды, взыскания по службе и семейное положение.

Информативность документа, т.е. его насыщенность конкретной информацией, вовсе не означает, что она безоговорочно может быть использована исследователем для решения конкретно-исторических задач. Любой документ, прежде чем извлеченная из него информация найдет применение в историческом построении, должен пройти этап источниковедческой экспертизы, т.е. анализа, одной из задач которого является выяснение степени надежности заключенной в нем информации.

Формулярные списки являлись основным документом о службе государственных служащих дореволюционной России. В виду их большой служебной значимости законодатель требовал от делопроизводителей при их составлении руководствоваться подлинными документами: записями из метрических или исповедных книг, аттестатами об образовании, свидетельствами о социальном происхождении, имущественном положении, вступлении в брак и т.д.

Анализ выявленного корпуса (свыше 1 тыс.) формулярных списков гражданских служащих калужской губернской администрации за 1850 — 1857 гг. показал, что формуляр этого документа в главных его частях заполнялся с особой тщательностью. Это, однако, не означает, что документы лишены пробелов и недостатков. Так, в 241 списке нет данных об образовании, в 24 — вероисповедании, в 12 — возрасте, в 10 — социальном происхождении, в 3 — занимаемой должности и т.д. Что касается достоверности содержащихся в формулярных списках сведений, то, по нашим наблюдениям, наибольшее число неточностей зафиксировано в данных о возрасте — 67 (здесь следует оговорить, что в формулярных списках указывались не число, месяц и год рождения, а цифровое обозначение количества полных лет на момент заполнения), наименьшее — в сведениях о социальном происхождении — 2. Это объясняется, видимо, тем, что возрастному цензу составители документов не придавали большого значения, поскольку этот показатель не считался главным, а принимался во внимание главным образом при определении общего стажа статской службы, который, несмотря на разрешение вступать в нее с 14-летнего возраста, исчислялся начиная с 16-ти лет⁸. Замечено, что возраст лица нередко устанавливался по

заведомо неверным данным, заключенным в более ранних списках. Иногда сведения о возрасте (при отсутствии документальных свидетельств) вносились в формуляр со слов самого служащего. В таком случае не исключалась возможность сознательного искажения возраста. Установлено, что более точные сведения о возрасте служащих можно почерпнуть из формулярных списков, составленных при вступлении лица в службу. В 1831 г. было введено требование о внесении в формулярные списки лиц, впервые поступающих на службу, числа, месяца и года их рождения на основании свидетельств из метрических книг⁹. Попутно отметим, что надежным источником для определения точной даты рождения являются свидетельства о рождении и соответствующие записи в метрических книгах.

Что касается сведений о социальном происхождении и полученном образовании, то эти показатели были среди главных в формулярных списках и потому в подавляющей своей части верно отражали действительность. Законодателем строго предписывалось дифференцировать кандидатов при поступлении на государственную службу по разрядам в зависимости от происхождения и уровня образования. Это положение в дальнейшем учитывалось при чиновничьем производстве, замещении должностей, перемещениях по служебной иерархической лестнице и т.п. Следует особо отметить, что на основании данных формулярных списков составлялись другие разновидности служебной документации, например краткие списки чиновников для производства в следующий чин (разряд по происхождению и воспитанию, должность, время службы в данном чине, пребывание в отпусках, отставке, под судом), представлявшиеся с мест в губернское правление вместе с формулярными списками и другой документацией: метриками, аттестатами и дипломами об образовании, выписками о принадлежности к дворянскому сословию (для дворян), свидетельствами об увольнении из духовного звания (для сыновей священнослужителей) и т.д. В губернском правлении полные и краткие списки скрупулезно проверялись как на предмет полноты и точности представленных сведений, так и на правильность их внесения в формуляр документа. Допущенные в документах фактические неточности, равно как и канцелярские погрешности, были причиной отказа в оформлении ходатайства о представлении чиновника к производству в следующий чин.

В свете всего сказанного можно гипотетически предположить, что достоверность содержащихся в формулярных списках сведений прямо зависит, во-первых, от их последующей практической востребованности в системе служебного делопроизводства, так сказать

пригодности или полезности, и во-вторых, степени строгости контроля, осуществляемого со стороны должностных лиц разных присутствий, и в первую очередь главного административного учреждения — губернского правления.

Для написания биографий военнослужащих особую ценность представляет графа формулярных списков, аккумулирующая сведения об их участии в военных кампаниях. Проанализируем этот слой источниковой информации на конкретном примере — выявленном в фондах Государственного архива Калужской области (ГАКО, ф. 32, 62, 66, 78, 86, 260, 438) корпусе формуляров калужских чиновников, являвшихся участниками Отечественной войны 1812 г. В общей сложности в ГАКО выявлено около двухсот послужных списков служащих правительственных учреждений и лиц, замещавших выборные должности в органах дворянского самоуправления в период Отечественной войны 1812 г., находившихся в составе русской регулярной армии, иррегулярных войсках, на флоте или во временных формированиях, т.е. ополчении. Списки этих военных деятелей выявлялись за период 1814 — 1860 гг. Это объясняется тем, что поколение участников антинаполеоновских войн в большинстве своем завершило служебную карьеру и ушло из жизни к 1860-м гг.

В подавляющем большинстве формуляры чиновников содержат подробное описание их участия в военных кампаниях. В соответствующей графе послужного списка имеются сведения, был ли военнослужащий только в походе или принимал участие в боевых действиях. В последнем случае представлена информация о месте и времени боя. Здесь же содержатся сведения о полученных в период кампании ранениях и наградах. В отдельных случаях можно встретить описание проявленных отличий и пребывания в должностных командировках. Данные об участии в военных действиях в послужные списки чиновников заносились, как правило, из формуляров, составленных при выходе в отставку в военном ведомстве. Это обстоятельство позволяет говорить о высокой степени полноты и достоверности приводимых сведений. Такое заключение основано на выводах, к которым пришел Д.Г.Целорунго, проанализировавший более 2 тыс. формулярных списков офицеров — участников Бородинского сражения. О содержащейся в формулярах военнослужащих информации он пишет: "В общем же можно утверждать, что в канцеляриях воинских частей к составлению офицерских формулярных списков относились с достаточной тщательностью, что было обусловлено контролем за их составлением на местах и со стороны Военного министерства, а также заинтересованностью в точности сведений,

занесенных в формуляры, непосредственно со стороны офицеров, которым принадлежали эти документы"¹⁰.

Вместе с тем, в случае отсутствия формуляра, полученного при оставлении военной службы, сведения об участии в боевых действиях могли записываться на основе других документов (аттестатов, патентов и др.) или со слов вступавшего в статскую службу человека. В этом случае из содержания соответствующей графы исчезают многие подробности. Подобные неполные записи встречаются и среди выявленных в ГАКО формуляров. Особой краткостью отличаются сведения, представленные в послужном списке поручика С.Г.Санкина: "Во время французской и шведской кампаний в сражениях находился"¹¹. Следует также отметить лапидарность записей об участии в боевых действиях в формулярах чиновников, служивших во временных формированиях. В их списках рассматриваемая графа заполнялась либо со слов человека, либо на основе аттестата, выдававшегося при роспуске ополчения, что отражалось на полноте и достоверности представленных сведений.

Сведения о военной службе для чиновников, занимавших должности в правительственных учреждениях или по выбору дворянства, не оказывали прямого влияния на прохождение службы. По этой причине, вероятно, в послужных списках, составленных в гражданских ведомствах, не предавалось особого значения точности в передаче информации об участии в военных кампаниях. Это приводило к значительному числу канцелярских ошибок, встречающихся практически во всех формулярах, выявленных в ГАКО. Наибольшее их число относится к написанию топонимов и дат. При этом нельзя исключать возможности переноса неверной информации и из формуляров, выданных военным ведомством, которые также могли содержать канцелярские ошибки и иметь пропуски.

Названные выше причины, по видимому, влияли и на появление в формулярах калужских чиновников неточных сведений о воинских частях, в которых они служили. Особенно это касается полков, изменявших в начале XIX в. свои названия. Так, мушкетерские полки, получившие в 1811 г. наименование пехотных, в послужных списках, независимо от времени, называются либо мушкетерскими, либо пехотными. Аналогично обстоит дело с лейб-Гренадерским полком, переименованным в 1813 г. в лейб-гвардии Гренадерский и теми егерскими полками, которые в 1814 г. получили название Гренадерских Егерских, а в 1815 г. карабинерных. Следовательно, при использовании данных о месте военной службы важно суметь правильно "расшифровать" название части на каждый период времени.

Среди выявленных в ГАКО формуляров наиболее ярким примером “зашифрованности” информации о месте службы является послужной список штабс-капитана З.О.Захарова¹², участника Отечественной войны 1812 г., заграничных походов 1813 — 1814 и 1815 гг. В нем сказано, что с 1802 по 1823 гг. он непрерывно служил в 17-м егерском полку. Однако в данном случае было дано наименование, которое полк получил лишь в 1819 г. Фактически в момент вступления в него Захарова он назывался Орловский мушкетерский, а с 1810 г. был переименован в 41-й егерский¹³. Следовательно, в период Отечественной войны Захаров проходил службу не в 17-м, как это можно заключить из послужного списка, а в 41-м егерском полку.

Анализ выявленных в ГАКО формуляров позволяет констатировать, что в них содержится достаточно полная и достоверная информация об участии калужских чиновников в военных кампаниях, которую, в большинстве случаев, невозможно найти в других заслуживающих доверия источниках. Это обстоятельство позволяет считать формулярный список главным биографическим источником для составления справочника “Калужане — участники Отечественной войны 1812 г.”. Вместе с тем особенность заполнения формуляров, наличие в них канцелярских ошибок и “зашифрованной” информации требуют от исследователя критического к ним подхода. Это означает, что при написании биографий конкретных лиц необходимо с особой тщательностью проверять указанные в документах факты, учитывая при этом, что формуляры, собственноручно подписанные чиновниками, могут отличаться большей достоверностью. Из этого следует, что необходимым условием для использования содержащихся в послужных списках сведений является привлечение дополнительной информации по истории российской армии, ходе военных действий и нормативной базе, определявшей порядок прохождения службы по военному и гражданскому ведомствам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., напр.: Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии. Самара, 1993; Калужская энциклопедия. Калуга, 2000.

2. См., напр.: Астраханские губернаторы. Историко-краеведческие очерки. Астрахань, 1997; Калужские губернаторы. Биобиблиографические очерки. Калуга, 2001; Ярославские губернаторы. 1777 — 1917. Историко-биографические очерки. Ярославль, 1998; Губернаторы Сахалина. Биографические очерки. Южно-Сахалинск, 2000.

3. Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812 — 1815 гг. // Российский архив. М., 1996. Вып.7.

4. Декабристы.: Биографический справочник. М., 1988.

5. Словарь русских генералов ...; Безотосный В.М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 г. М., 1999.

6. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802 — 1917.: Биобиблиографический справочник. Спб., 2001.

7. ПСЗ-I. Т.16. №12030.

8. Свод законов Российской империи. Спб., 1842. Т.3. Ст.8.

9. ПСЗ-II. Т.6. №4313.

10. Целорунго Д.Г. Офицеры русской армии — участники Бородинского сражения: историко-социологическое исследование. М., 2002. С.44.

11. Государственный архив Калужской области, ф.32, оп.19, д.1270, л.181.

12. Там же. Л. 44об-46.

13. Ульянов И.Э. Регулярная пехота 1801 — 1855. М., 1996. С.233.

ГЕНЕРАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г. — ЖИТЕЛИ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

*А.А. Вершинин,
г. Москва*

Анализ опубликованного в 1996 г. “Словаря русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812 — 1815 гг.”¹, в котором помещены биографии 550 генералов, показывает, что в кампании 1812 г. и заграничных походах принимали участие 12 человек, происходивших из дворян Калужской губернии:

1) генерал-лейтенант Моисей Иванович Карпенко, помещик села Буриново Тарусского уезда;

2) генерал-лейтенант Иван Петрович Кульнев, командир бригады 1-го пехотного корпуса, помещик деревни Булдарево Козельского уезда;

3) генерал-лейтенант Николай Иванович Лавров, командир 5-го пехотного корпуса;

4) генерал-лейтенант Василий Васильевич Ханьков, из дворян Мещовского уезда;

5) генерал-лейтенант Василий Федорович Шепелев, из дворян Жиздринского уезда;

6) генерал-майор Алексей Иванович Гурьев, полковой командир Польского уланского полка;

7) генерал-майор Петр Михайлович Колюбакин, шеф Смоленского пехотного полка, командующий 12-й пехотной дивизией и одновременно 1-й бригадой этой дивизии;

8) генерал-майор Яков Петрович Кульнев, шеф Гродненского гусарского полка, помещик деревни Булдарево Козельского уезда;

9) генерал-майор князь Дмитрий Семенович Львов, владелец села Кожухово Перемышльского уезда, командир 1-го пешего казачьего полка Калужского ополчения;

10) генерал-майор Андрей Лаврентьевич Львов, из дворян Медынского уезда, участник создания Калужского ополчения;

11) флота генерал-майор Михаил Лаврентьевич Львов, из дворян Медынского уезда, командир 3-го пешего казачьего полка Калужского ополчения.

12) генерал-майор Михаил Федорович Орлов, владелец села Милятино Мосальского уезда, в котором было 1300 душ и хрустальный завод из дворян Медынского уезда, командир 3-го пешего казачьего полка Калужского ополчения.

Три генерала были похоронены в 1812 — 1813 гг. в Калуге в Лаврентьевском монастыре; могилы их, к сожалению, до нашего времени не сохранились:

13) генерал-лейтенант Карл Федорович Багговут, из дворян Эстляндской губернии, командир 2-го пехотного корпуса, убитый в сражении 6 октября 1812 г. при Тарутине;

14) генерал-лейтенант Николай Петрович Лебедев, из дворян Смоленской губернии, начальник Смоленского ополчения, скончавшийся 6 января 1813 г. в Калуге от болезни;

15) генерал-майор Алексей Матвеевич Всеволожский, из дворян Владимирской губернии, шеф Елисаветградского гусарского полка, скончавшийся 14 января 1813 г. в Калужском госпитале от болезни.

В калужской провинции умер, хотя и значительно позднее, еще один из участников кампании 1812 г:

16) генерал-майор Сергей Яковлевич Репнинский 2-й, скончавшийся 25 марта 1818 г. в селе Уваровском Боровского уезда Калужской губернии.

Жены трех генералов владели именьями в Калужской губернии:

17) жена генерал-майора Юрия Игнатьевича Поливанова, происходившего из дворян Саратовской губернии, при замужестве, в 1793 г., получила в приданое село Никольское Нелединской волости Малоярославецкого уезда Калужской губернии, где, по некоторым сведениям, он и был впоследствии похоронен в Никольской церкви;

18) жена генерал-майора Давида Артемьевича Делянова, происходившего из армянских дворян, при замужестве в 1811 г. получила в приданое имение Железники Калужского уезда, находившееся близ Калуги;

19) жена генерал-майора князя Владимира Михайловича Яшвиля, происходившего из грузинских князей, была владелицей села Муромцева Перемышльского уезда Калужской губернии, а сам генерал похоронен в Оптиной пустыни.

Спустя несколько лет после отечественной войны один из участников кампании служил в должности Калужского губернского предводителя дворянства, это:

20) генерал-майор Василий Дмитриевич Мещеринов, из дворян Орловской губернии, шеф 32-го Егерского полка.

Таким образом, общее число генералов, участников кампаний 1812 — 1814 гг., чья жизнь в той или иной степени была связана с историей калужской земли, составляет 20 человек. Необходимо также сказать, что вышешпоименованный “Словарь русских генералов” широко известен огромным количеством ошибок и неточностей, потому указанное количество весьма условно и требует дополнительного документального уточнения. По сведениям калужских краеведов, из дворян Жиздринского уезда происходили еще и генерал от инфантерии Александр Дмитриевич Балашов, в формулярном списке которого указано происхождение из дворян Тульской губернии, и генерал-лейтенант Дмитрий Дмитриевич Шепелев. Местными же краеведами указано, что генерал от артиллерии Николай Онуфриевич Сухозанет, происходивший, согласно формулярному списку, из дворян Витебской губернии, владел имением в том же, что и князь В.М. Яшвиль, селе Муромцеве Перемышльского уезда. Эти сведения также требуют документального подтверждения.

На военной службе к началу кампании 1812 г. состояли: генерал-лейтенанты К.Ф. Багговут, Н.И. Лавров и В.В. Ханьков, генерал-майоры А.М. Всеволожский, П.М. Колюбакин, И.П. Кульнев, Я.П. Кульнев, В.Д. Мещеринов и С.Я. Репнинский 2-й, полковники М.И. Карпенко, А.И. Гурьев и Д.А. Делянов, поручик М.Ф. Орлов. Нашлись к этому времени в отставке: генерал-лейтенанты Н.П. Лебедев и В.Ф. Шепелев, генерал-майоры А.Л. Львов, Ю.И. Поливанов, князь В.М. Яшвиль и флота генерал-майор М.Л. Львов, а также бригадир князь Д.С. Львов. Портреты генерал-лейтенантов К.Ф. Багговута и М.И. Карпенко и генерал-майоров П.М. Колюбакина, Я.П. Кульнева, Д.А. Делянова и С.Я. Репнинского 2-го работы Дж. Доу помещены в Военной галерее Зимнего дворца; в связи с отсутствием портретных изображений надписи о генерал-лейтенанте Н.И. Лаврове и генерал-майорах А.М. Всеволожском и А.И. Гурьеве помещены под пустыми рамками. Генерал-лейтенант В.В. Ханьков в боевых действиях участия не принимал, потому и портрет его от-

сутствует в галерее. Генерал-лейтенанты В.Ф. Шепелев, занимавший должность начальника Калужского ополчения, и Н.П. Лебедев, генерал-майоры князь Д.С. Львов, А.Л. Львов, Ю.И. Поливанов, князь В.М. Яшвилъ, а также флота генерал-майор М.Л. Львов, участвовавшие в боевых действиях, официально находились в отставке, и потому портреты их в галерее помещены не были. Портреты находившихся на службе генерал-майоров И.П. Кульнева и В.Д. Мещеринова, участвовавших в боевых действиях кампании, отсутствуют в галерее, они оба вошли в список лиц, неправомерно забытых при написании галереи, составленный в 1850-х гг. А.В. Висковатовым, только Мещеринов указан у него под фамилией Мещанинов².

В изданных А.И. Михайловским-Данилевским томах сборника биографий "Император Александр I и его сподвижники"³ помещены биографии и портреты только двоих из этого списка: генерал-лейтенанта К.Ф. Багговута и генерал-майора Я.П. Кульнева. В изданном под редакцией Великого князя Николая Михайловича к 100-летнему юбилею отечественной войны в альбоме "Военная галерея 1812 года. 1812 — 1912" помещены портреты и формулярные списки только 6-ти человек: генерал-лейтенантов К.Ф. Багговута и М.И. Карпенко и генерал-майоров Д.А. Делянова, П.М. Колюбакина, Я.П. Кульнева и С.Я. Репнинского 2-го. Биография генерал-лейтенанта В.В. Ханыкова была опубликована в 1994 г. А.М. Горшманом⁴. О генерал-майоре Ю.И. Поливанове и его участии в кампании 1812 г. на территории Калужской губернии на страницах малоюрославецкого сборника⁵ в 1997 г. была опубликована статья того же А.М. Горшмана, хотя как раз документальные подтверждения участия Поливанова в боевых действиях на сегодняшний день и не отысканы. О генерал-майоре Д.А. Делянове и его портретах, хранящихся в Калужском музее, писала в 1994 г. заведующая экспозиционным отделом Калужского областного художественного музея С.И. Личенко⁶; недавно в журнале "Воин" была опубликована статья заведующего сектором Калужского государственного объединенного краеведческого музея В.А. Бессонова; им же была опубликована статья о генерал-майоре князе В.М. Яшвиле.

В связи с кратким объемом настоящей статьи остановимся подробнее только на двух калужских уроженцах — начальнике Калужского ополчения генерал-лейтенанте В.Ф. Шепелеве и генерал-лейтенанте М.И. Карпенко.

Василий Федорович Шепелев родился в период с июня по декабрь 1767 г. и происходил из дворян Жиздринского уезда Калужской губернии, за отцом его в 1800 г. состояло крестьян "мужеска

пола" 300 душ. В службу был записан в 1775 г. в Лейб-Гвардии Преображенский полк, 1 мая 1780 г. произведен в сержанты. 4 апреля 1783 г. переведен вахмистром в Конную гвардию (в 1796 г. преобразована в Лейб-Гвардии Конный полк) и 1 января 1786 г. произведен в корнеты. 1 января 1787 г. произведен в подпоручики, 1 января 1789 г. — в поручики, 1 января 1791 г. — в секунд-ротмистры, 1 января 1793 г. — в ротмистры, 9 мая 1797 г. — в полковники. Весь период службы с 1780 по 1798 гг. в Преображенском и Конном полках, стоявших в столице, Шепелев провел в Санкт-Петербурге и участия в войнах, которые вела Россия, не принимал. 20 августа 1798 г. он был произведен в генерал-майоры с назначением шефом Санкт-Петербургского драгунского полка. Во время кампании 1799 г. с Францией Шепелев со своим полком находился в составе русского корпуса генерал-лейтенанта А.М. Римского-Корсакова, направленного в Швейцарию для совместных действий с австрийскими союзниками. Участвовал в действительных сражениях: *"в Швейцарии сентября 14 под городом Цюрихом против переправившихся на правую сторону реки Лимат во многочисленном количестве французов от 5 часов утра до 2^о часу по полудни, а 26 числа того же месяца близ города Шафгаузена под деревнею Шлот"* (Шлатте)⁷. За отличия был награжден орденом Святой Анны 3-го класса. 14 сентября 1800 г. он был произведен в генерал-лейтенанты с назначением инспектором по кавалерии Смоленской инспекции, а 27 октября 1800 г. отчислен от должности шефа Санкт-Петербургского драгунского полка. 22 января 1801 г. назначен шефом Владимирского драгунского полка, 30 марта 1801 г. переведен шефом в Таганрогский драгунский полк. В 1802 г. назначен инспектором по кавалерии Кавказской инспекции. 13 ноября 1803 г. вновь переведен шефом в Санкт-Петербургский драгунский полк. В 1805 г. командовал кавалерийской бригадой. В июне 1806 г. с образованием дивизий назначен командиром кавалерийской бригады 7-й (позднее переименована в 8-ю) дивизии, командовал 8-й дивизией. Участвовал в кампаниях 1805 и 1806 гг. против французов в Австрии и Пруссии. 1 января 1807 г. уволен от службы⁸. Вероятно, поселился в своем имении, где и проживал до начала отечественной войны. 27 июля 1812 г. большинством голосов калужского губернского дворянского собрания избран в начальники Калужского ополчения с подчинением ему всех воинских частей, находившихся в губернии. В октябре части ополчения под его командованием прикрывали Брянск, заняли Рославль и двинулись к Ельне, а затем к Мстиславлю и Могилеву, где сам Шепелев остался с отрядом для наведения порядка. В начале 1813 г.

подал рапорт об увольнении его от должности за болезнью в отпуск. Скончался Шепелев 30 января 1813 г. В его формулярном списке за 1800 г. указано: *“грамоте по-российски и по-французски читать и писать умеет, географии и часть математики знает”*. В связи с тем что записан в службу был еще в малолетстве к 1800 г. *“был в отпуску в разных годах 9 лет 5 1/2-ю месяцев”*, в штрафах не бывал. На 1800 г. был холост. Имел награды — российские ордена: Святого равноапостольного князя Владимира 3-й степени, Святой Анны 1-го класса, Святого Иоанна Иерусалимского; золотую шпагу с надписью *“За храбрость”*.

Один из самых заслуженных авангардных начальников кампаний 1812 — 1814 гг. Моисей Иванович Карпенко (иначе именовался, на русский манер — Карпенков) родился 28 августа 1775 г. в Малороссии близ Запорожья. Отец его был старшиной и товарищем булавы Войска Запорожского, уничтоженного манифестом императрицы Екатерины II 3 августа 1775 г., мать — урожденная княжна Туркестанова. В службу записан подпрапорщиком 1 января 1781 г. в Таврический гренадерский полк, 25 марта 1785 г. произведен в сержанты. По образованию 30 марта 1783 г. Екатеринославского наместничества, Карпенко был причислен к его дворянству. Воспитание получил в Киево-Могилянской академии. В 1790 г. во время войны 1787 — 1791 гг. с Турцией участвовал в походе в Молдавию. В 1791 г. переведен в Киевский конно-егерский полк, с переименованием в вахмистры. В польскую кампанию 1792 г. находился в Польше с 3 мая по день присоединения ее к Российской империи. 15 февраля 1794 г. произведен в кадеты. Во время польской кампании 1794 г. был вторично в Польше, с 17 мая по 1796 г.

По расформировании Киевского полка, 3 апреля 1797 г., поступил в 9-й Егерский полк. 18 июля 1798 г. произведен в подпоручики, имея от роду 19 лет, 5 августа 1799 г. — в поручики, 28 апреля 1800 г. — в штабс-капитаны, 20 августа 1802 г. — в капитаны. В сентябре 1802 г. полк получил приказание выступить на Кавказ и в феврале 1803 г. прибыл в Моздок. В 1803 — 1804 гг. в составе полка участвовал в военных действиях на Кавказе и в Персии; в 1803 г. в Грузии, с 23 июня по 1 августа, был в поиске лезгинов в горах между Карталинией и Ахалцыхскою областью. 2 февраля 1804 г. произведен в майоры. В 1804 г. в Персии — с 12 мая при следовании к городу Эривани; 8 июня, при нападении на кочующих персидских татар; 19 июня, в сражении при Эчмиадзинском монастыре. С Кавказа переведен в Оренбургский гарнизонный полк. 13 сентября 1806 г. переведен в 26-й Егерский полк. В 1807 г. участвовал с пол-

ком в кампании с французами в Восточной Пруссии, находясь в авангарде, был в сражениях 29 и 30 мая под городом Гейльсбергом и 2 июня под городом Фридландом. 12 декабря 1807 года произведен в подполковники.

В 1808 г. 26-й Егерский полк был назначен в состав войск, направленных в Финляндию, и принял участие в войне со Швецией 1808 — 1809 гг. Карпенко находился в Финляндии с 9 февраля 1808 г., в разных сражениях со шведами. 16 февраля в сражении при кирке Акером получил удар в левое ухо излетным выстрелом. За отличие против неприятеля был награжден золотой шпагой с надписью *“За храбрость”*. 4 апреля в сражении при Пигаюки, команду авангардом в отряде генерал-майора Я.П. Кульнева, первым бросился на неприятеля и, сбив его, оттеснил на север. 6 апреля в деле при кирке Сельма был сильно контужен картечью в грудь и ногу. 2 июля участвовал в деле при кирке Лаппо. 24 октября в деле под киркою Калаюки обошел неприятеля по малозамерзшим болотам и топям, чем устрасил шведов, отступивших к городу Улеаборгу. Карпенко преследовал их форсированным маршем. С такой же неустрашимостью и храбростью действовал в сражениях при Куортане, у Нидергельма, Нью-Карлебу, при кирке Шелефте и Гернефорсе. 11 марта 1809 г. отбил у шведов занятый ими город Торнео. 1 августа 1809 г. произведен в полковники. За отличие в сражениях награжден орденами Святого равноапостольного князя Владимира 3-й степени, Святого великомученика и победоносца Георгия 4-го класса и Святой Анны 2-го класса с алмазами. 12 апреля 1810 г. назначен полковым командиром 26-го Егерского полка, а 19 октября 1810 г. переведен в 1-й Егерский полк с назначением шефом полка. В связи с назначением 22 июля 1811 г. шефом 1-го Егерского генерал-лейтенанта принца А. Гольштейн-Ольденбургского, 16 августа того же года переименован в полковые командиры.

При начале войны 1812 г. назначен со своим полком в авангард генерал-майора И.С. Дорохова, высланный от 4-го корпуса в Ораны. До середины июня занимал аванпосты по правому берегу Немана. В течение 9 дней находился с полком среди французских колонн и своими распоряжениями весьма содействовал Дорохову в его тяжелом отступлении. 24 июня в сумерки руководил боем у двора Мешиц, где были отброшены французы и открыта дорога к Несвижу на соединение со 2-й Западной армией. Присоединился ко 2-й армии у местечка Столбцы Минского уезда. С 1 июля по 10 августа был в составе летучего корпуса под командованием генерала от кавалерии М.И. Платова, наблюдая за неприятелем в Минской,

Могилевской и Смоленской губерниях около Могилева, Копыса, Орши, Любавичей и Рудни до Бабинович и Поречья. В сражении у Смоленска находился с полком на аванпостах, примыкавших левым флангом к правому берегу Днепра, близ деревни Чубары. После переправы через Днепр у деревни Соловьевой и отступлении к Москве состоял в арьергарде, участвуя в делах: 10 августа, при селе Михайловском, где был ранен в шею "земляною глыбою от рикошетного ядра"¹⁰, 15 августа — при Царевом Займище, 24 августа — при Колоцком монастыре.

24 августа в арьергарде прибыл на позицию в село Бородино и примкнул к Главной армии, заняв с 1-м Егерским полком место на правом фланге позиции. Утром 26 августа полк его был переведен в центр. В начале генерального сражения при Бородине прикрывал отступление Лейб-Гвардии Егерского полка. Когда гвардейские егеря начали переходить через мост, построив свой полк в три колонны, и, развернув одну из них фронтом, приказал всем лечь с намерением показать неприятелю нерешимость на атаку. Французы с барабанным боем устремились на мост. Когда голова первой французской колонны перешла на нашу сторону, открыл сильный ружейный огонь, после чего, нимало не медля, бросился в штыки и отбросил неприятеля за Бородино, заняв село его до половины. В формулярном списке Карпенко отмечено, что *"при удержании моста под сильным пушечным огнем с неприятельских батарей потерял трех своих верховых лошадей, из коих последняя пала от картечного выстрела с разбитием на седле арчака, при этом сильно контужен в лязжку и левое колено"*¹¹. Затем, оставив Бородино и желая воспрепятствовать дальнейшим нападениям, сжег свайный и истребил плавающий мосты через реку. Занимал со своим полком место впереди позиции при впадении ручья Стонца в Колочу и удерживал за собой правый берег реки, имевший удобные броды. Когда около 4-х часов по полудни французские колонны устремились снова через реку, уже вброд, встретил противника беглым огнем и в течение четверти часа заставил отступить. Во главе своего полка отбил четыре попытки неприятеля перейти вброд Колочу, для того чтобы зайти в тыл батарее Раевского, и нанес противнику большие потери. С 1-м Егерским и Либавским пехотным полками дважды атаковал французов, штурмовавших батарею, *"с примерным мужеством водил командуемые им войска на неприятеля, отразил оного штыками и прогнал на немалое расстояние"*¹², выказал редкую неустрашимость и, несмотря на громадные потери своего полка и сильную контузию, остался в строю и удержал занятую позицию¹³.

27 августа со своим полком вновь поступил в арьергард армии под команду Платова. 1 сентября его полк составлял задний отряд арьергарда Милорадовича, и Карпенко прошел через Москву последним 2 сентября. Участвовал в сражении 22 сентября при деревне Спас-Купля. 6 октября *"участвовал в совершенном истреблении неприятельского авангарда пред Тарутиным у села Рождественского"*¹⁴. С 7 октября преследовал и гнал отступавшего неприятеля до города Вязьмы. Под командованием генерала от инфантерии М.А. Милорадовича в составе 4-го корпуса участвовал в сражении 22 октября при Вязьме. С 25 октября вошел со своим полком в состав авангарда войск Милорадовича, которым командовал генерал-майор А.А. Юрковский. 26 октября участвовал в бою с войсками корпуса маршала Нея под Дорогобужем и во взятии города. За отличие во всех этих сражениях был награжден орденом Святой Анны 1-й степени. С 1-м Егерским полком, частью драгун и казаков и 4 орудиями был направлен к Соловьевой переправе у Смоленска. 28 октября произвел рекогносцировку переправы егерями и казаками. 29 октября перед рассветом атаковал неприятеля, открыв скорострельный гранатный и картечный огонь по тет-де-пону правого берега Днепра, окопанному и обнесенному палисадом. Егеря по его команде переползли по тонкому льду через реку с жердинками под мышками и, соединясь в колонну, бросились штурмом на два слабых батальона французского прикрытия и захватили 8 (по другим сведениям — 12) орудий и значительный обоз. Вечером того же дня, исправив мост, перешел Днепр и, поступив в команду генерал-майора Грекова 1-го, направился со своим отрядом к Смоленску. 30 октября нанес поражение неприятелю при селе Цурикове, со 2 по 6 ноября был в корпусе атамана графа Платова у Смоленска и около него, истребляя рассеянные части корпусов Нея и Даву (по другим сведениям соединился с корпусом Платова 3 ноября¹⁵). 5¹⁶ (по другим сведениям — 21¹⁷) ноября за отличие при Бородине произведен в генерал-майоры. Затем преследовал через Гусино, Оршу, Гродно и Белосток маршала Нея, пробывавшегося в Польшу. Под Оршей Платов назначил полковника П.С. Кайсарова руководить разбитием колонны Нея, обиженный этим Карпенко сказался больным. Допустив несколько оплошностей, Кайсаров упустил Нея; узнавший об этом Карпенко прибыл на поле боя, но уже не мог исправить дела. Отделяясь от донского корпуса Платова, 10 ноября расположился с 1-м Егерским полком в Орше и был назначен временным комендантом города. 16 ноября выступил из Орши и был направлен в помощь партизанским отрядам А.А. Ожаровского, Д.В. Давыдова и А.Н. Сеславина

В декабре со своим полком действовал в составе легкого отряда корпуса Милорадовича. 15 декабря вступил в Гродно, где соединился с партизанским отрядом Д. Давыдова, близко ему знакомого по кампании в Финляндии. 21 декабря выступил из Гродно в составе летучего отряда генерала П.П. Палена 2-го в направлении на Белосток и Варшаву.

1 января 1813 г. перешел границы герцогства Варшавского в городе Тыкочин и преследовал неприятеля к Силезии, перейдя реки Вислу, Варту, Одер и Эльбу, по направлению к Дрездену. Участвовал 20 апреля в сражении при Люцене, после которого поступил в арьергард, прикрывавший отступление, и проделал в нем, командуя тремя егерскими полками (в том числе и 1-м Егерским), всю дорогу до Дрездена. Принимал участие в делах: 24 апреля — при городе Носсене, 27 апреля — при занятии части Дрездена, на правом берегу реки Эльбы, 29 апреля — при селении Вейссиге, 30 апреля — при Бишофсверде. У Вальдгейма, находясь позади всего арьергарда, был отрезан французами, но атаковал тремя колоннами с разных пунктов, рассеял неприятеля и соединился с арьергардом. С мая 1813 г. — командир бригады 11-й пехотной дивизии в составе 1-го Егерского и Полоцкого пехотного полков. Участвовал в сражении под Дрезденом. 5 мая под городом Бауценом *“Государь Император, обзревая неприятельскую позицию, лично приказать изволил атаковать расположенные на правом фланге, в виду, неприятельские войска, поднять оные и, не вдаваясь в серьезное дело, отступить; атака сия произведена им (Карпенко) в присутствии Государя Императора, с отличною быстротою удара; смешав и опрокинув неприятельские пикеты, отступил с колонною к своей позиции, отбиваясь от сильных атак неприятелей, встревоженных и бросившихся на помощь к пикетам, совершенно пораженным и потерявшим убитыми, ранеными и взятыми им в плен 12 человек”*¹⁸. Отличился в сражении 8 и 9 (20 и 21 по нов. ст.) мая при Бауцене, где командовал сводной егерской дивизией на левом фланге и 9-го числа *“вскользь был ранен картечью в живот и около часа лежал на земле без чувств”*¹⁹, вследствие чего принужден был ходить, опираясь на костыль, но остался в строю. За отличие при Бауцене был награжден орденом Святого великомученика и победоносца Георгия 3-й степени. В середине августа был вынужден покинуть армию и уехал в Вармбрунн для лечения последствий контузии минеральными водами. 14 ноября прибыл к армии в Таль. В ночь на 19 декабря (1 января 1814 г.: по нов. ст.) с 1-м Егерским и Полоцким пехотным полками первым из всей армии переправился на гребных ботах через Рейн, занял

город Кобленц и прогнал неприятеля, отбив у него госпитали, магазины, 12 орудий и взяв в плен 1800 солдат. Был назначен временным военным губернатором Кобленца. 28 декабря выступил из Кобленца вверх по левому берегу Рейна к крепости Майнц и с 1 января по 1 февраля (по другим сведениям, по 30 января) 1814 г. участвовал в ее блокаде. 27 февраля в составе 8-го корпуса (ранее был 4-м корпусом) принимал участие в штурме города Реймса. В первой половине марта, в связи с болезнью, находился на излечении в Реймсе и во взятии Парижа не участвовал, прибыв к Монмартру только вечером 18 марта, когда сражение было уже закончено и подписано перемирие²⁰. С 22 апреля по 18 июня 1814 г. командовал отрядом из 6 гренадерских егерских полков, квартировавших при городе Мангейме в Германии, которые ему было поручено обмундировать для парадного марша в Россию.

5 декабря 1816 г. по прошению уволен, из-за ранений, в отставку с мундиром и пенсионом полного жалованья. В 1839 г., при открытии памятника на Бородинском поле, по личному желанию Императора Николая I был вновь принят 30 августа на службу с состоянием по армии. 6 декабря 1840 г. произведен в генерал-лейтенанты с назначением начальником 2-й пехотной дивизии. Во время командования дивизией получал неоднократно, за отличное ее состояние, монаршие благоволения. 10 января 1844 г. был назначен комендантом крепости Замостье с состоянием по армии и, будучи в этой должности, во внимание к отлично-усердной службе, награжден был в 1845 г. орденом Святого равноапостольного князя Владимира 2-й степени. 25 марта 1849 г. был назначен членом генерал-аудиториата Военного Министерства. К 1851 г. Карпенко был приписан к дворянству Калужской губернии, являясь владельцем села Буриново Тарусского уезда. Он заново перестроил церковь у себя в селе, богато украсил ее и охотно принял звание церковного старосты. За значительные пожертвования в пользу церкви, по представлению синода, Карпенко удостоен был награды золотою медалью. В начале 1854 г. он вынужден был, по совету врачей, отправиться к кавказским минеральным водам, но успел только приехать в Буриново. Здесь его состояние ухудшилось, и 4 августа 1854 г. он скончался. Тело его было погребено в ограде церкви села Буриново рядом с прахом нежно любимой им жены, урожденной Щепочкиной, умершей еще в молодых годах²¹. Высочайшим приказом 23 августа 1854 г. Карпенко был исключен из прежних списков умерших.

В частной жизни своей он был всегда честным, прямодушным и открытым человеком и добрым семьянином; он любил общество и

отличался истинно-русским, патриархальным хлебосольством. От брака со Щепочкиной Моисей Иванович имел 4-х детей: двух сыновей и двух дочерей. Дочери его были в замужестве; одна за камергером Д.М. Прокоповичем-Антонским, другая — за камер-юнкером А.П. Яковлевым; но обе скончались в молодых годах. Сыновья его состояли в военной службе; один из них был убит на Кавказе, в деле с непокорными горцами, другой — Александр, родившийся 3 февраля 1820 г., по болезни оставив службу, жил вместе с отцом, охраняя его старость, и принял его последний вздох. Моисей Иванович был автором записок, которые имели в большей степени семейный интерес. Дневник его оканчивается вступлением 1-го Егерского полка в Ревель 11 октября 1814 г.²⁰

Карпенко имел российские ордена: Святого великомученика и победоносца Георгия 3-й и 4-й степеней, Святого равноапостольного князя Владимира 2-й, 3-й степеней и 4-й степени с бантом, Святой Анны 1-й степени с алмазами, 2-й степени с алмазами и 3-й степени; прусский орден Красного Орла 2-й степени; золотую шпагу с надписью “За храбрость”; серебряные медали: “Победителямъ при мире 1791 г., 29 Декабря”, “За переходъ въ Швецию чрезъ Торнео 1809 г.”, бронзовую и серебряную за 1812 г. и за взятие Парижа, знак отличия беспорочной службы за 25 лет.

Помимо генералов в боевых действиях принимало участие и большое число офицеров разных рангов — уроженцев Калужской губернии, имевших подчас и более весомые отличия на полях сражений. Составление такого списка и выявление фамилий участников требует длительной работы с архивными источниками. Она невозможна без интереса и участия краеведов и любителей истории из Калуги и других городов и сел Калужской области, владеющих, несомненно, большой информацией по этому вопросу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII — XIX вв. Вып. VII. М., 1996.

² Глинка В.М., Помарницкий А.В. Военная галерея Зимнего Дворца. Л., 1981.

³ Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах // Военная галерея Зимнего дворца. Под редакцией генерал-лейтенанта А.И. Михайловского-Данилевского и гвардии полковника А.В. Висковатова. Т. I — VI. СПб. 1845 — 1849.

⁴ Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года: Материалы научной конференции. — Малоярославец, 1994.

⁵ II этап Отечественной войны 1812 года. Проблемы изучения. Источ-

ники. Памятники. Малоярославец, 1997.

⁶ Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года. Малоярославец, 1994.

⁷ РГВИА. Ф.489. Оп. 1. Д. 2544.

⁸ Подмазо А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796 — 1815). — М., 1997.

⁹ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 2544.

¹⁰ Военная галерея 1812 года. 1812 — 1912. — СПб., 1912. С. 107.

¹¹ Там же.

¹² Кутузов М.И. Сборник документов. М., Воениздат. Т. IV. Ч. I. 1954.

¹³ Карпенко М.И. Письмо старого воина к товарищам, бывшим в бою на Бородинском поле. ОПИ ГИМ, ф. 160, д. 310, л. 1 — 4.

¹⁴ Военная галерея 1812 года. С. 108.

¹⁵ 1812 год. Воспоминания воинов русской армии / Сост., Ф.А. Петров и др. М., 1991. С. 205 — 207.

¹⁶ Военная галерея 1812 года. С. 107.

¹⁷ Подмазо А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796 — 1815).

¹⁸ Военная галерея 1812 года. С. 107.

¹⁹ Военная галерея 1812 года. С. 108.

²⁰ РГВИА, ф. 395, оп. 6/312, д. 557; ф. 29, оп. 8, д. 5, л. 7 — 77.

²¹ Иокиш А. Генерал-лейтенант Моисей Иванович Карпенко // Военный сборник. 1872. Т. LXXXIII (83). № 1 (январь). С. 123 — 156.

ДЕЙСТВИЯ ГВАРДЕЙСКОГО ЭКИПАЖА НА КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г.

*И.В. Козловский,
Российское дворянское Собрание*

Император Александр I учредил Гвардейский экипаж 16 февраля 1810 г. из Придворной гребцкой и яхтенной команды. Эта флотская команда существовала с 1710 г., когда она была образована Петром I для его разъездов по Неве и Финскому заливу. Для Александра I примером Гвардейского экипажа явился отряд гвардейцев-моряков Наполеона, который он видел во время своей встречи с Наполеоном в Тильзите в 1807 г.

Гвардейский экипаж формировался из лучших офицеров и матросов флота и с самого начала был элитным подразделением. Боевое крещение он получил во время Отечественной войны 1812 г. Со вступлением в войну экипаж стал выполнять функции инженерного подразделения, осуществляющего возведение мостов и переправ через водные преграды, улучшение участков дорог как самостоятельно, так и в составе саперных рот. При отступлении нашей армии в начале войны

экипаж должен был уничтожать мосты и переправы после перехода через них наших войск. Поэтому экипажу часто приходилось быть при боевом соприкосновении с противником и находиться под его огнем. При крупных сражениях экипаж был, как правило, в резервных частях, но в критических случаях ему приходилось участвовать в бою. Такие случаи имели место при Бородино, Бауцене и Кульме.

При его создании экипаж был подчинен Адмиралтейств-Коллегии, но, составляя часть гвардии, он находился также, отчасти, в подчинении и у сухопутных сил в связи с тем, что была неясна степень подчинения экипажа тому или другому ведомству, то оказалось, что при приготовлении гвардии к предполагаемому походу в начале 1812 г. никто не знал, нужно ли Гвардейскому экипажу включаться в общую подготовку. Так прошли в неизвестности первые два месяца 1812 г.

Ввиду приближающейся навигации суда и их команды стали готовиться к плаванию.

28 февраля министр морских военных сил маркиз де-Траверсе совершенно неожиданно получил от военного министра Барклая-де-Толли письмо с Повелением гвардейскому экипажу 2 марта выступить в поход в г. Вильно. На приготовление к походу оставалось два дня, что представило определенные трудности для экипажа.

Экипаж был зачислен в I-ю дивизию 5-го гвардейского корпуса, которым командовал Великий Князь Константин Павлович. 5-й корпус находился в составе I-й армии, командование которой принял Барклай-де-Толли.

Экипаж состоял из четырех строевых рот, примерно по 100 человек в каждой, и артиллерийской команды. Всего в ротах было 436 нижних чинов, 15 офицеров, лекарь, шкиперский помощник и комиссар. Вооружение нижних чинов — кремневые ружья. Артиллерийская команда экипажа состояла из 33 нижних чинов и 6 офицеров. Вооружение — два 6 фунтовых орудия 3 дюймового калибра.

1 марта артиллерийская команда экипажа, получив орудия и снаряжение, была откомандирована в распоряжение генерал-майора Ермолова и выступила в поход 5 марта вместе с лейб-гвардии артиллерийской бригадой. С этой бригадой команда находилась во все время кампании 1812 — 1814 гг..

Несмотря на короткий срок подготовки к походу, экипаж вовремя предстал на смотр, проведенный Императором для гвардии, и 2 марта выступил к Вильно.

В Петербурге оставались около 90 человек. Часть моряков находилась в командировках. Оставшиеся обслуживали придворные суда

и яхты в Петербурге, Твери, Гатчине, Павловске и Царском Селе. Впоследствии при комплектовании командами судов эскадры адмирала Тета, назначенной для блокады портов западного побережья Европы, а также судов для охраны наших берегов, большая часть оставшихся была включена на эти суда. Эти моряки имели возможность отличиться при блокаде французских и голландских портов, а также Данцига и Кенигсберга. Часть оставшейся команды вошла в состав вновь сформированного в Петербурге резервного Гвардейского экипажа в 1813 г.

Плавание оставшихся моряков экипажа в 1812 г. оказалось кратковременным. 18 августа было получено повеление вооружить галеты “Паллада” и “Церера”, яхты “Голубка” и “Нева”, а также бот “Алард”. 28 сентября эти суда начали боевую кампанию, отправившись для базирования в Речесальм. Из-за отсутствия офицеров экипажа, отправленных в поход, командирами этих судов назначили офицеров, взятых с флота.

Два офицера экипажа были назначены адъютантами в штабы других частей: лейтенант Наумов — в штаб 5-го гвардейского корпуса, а капитан-лейтенант Колзаков — непосредственно к Великому Князю Константину Павловичу.

Начались дни походов и сражений.

Поле Бородино наша армия, пройдя через Москву, вступила на рязанскую дорогу. Перейдя р. Москву у Боровской переправы, Кутузов совершил свое знаменитое фланговое движение, выведя армию на калужскую дорогу. При этом пришлось дважды переправляться через р. Пахру: один раз — у Подольска, где имелся хороший мост, а другой раз — у села Красная Пахра, где пришлось навести 7 понтонных мостов. По окончании наводки мостов экипаж обеспечивал поддержание порядка у переправы и ее охрану, для чего было выделено 7 человек во главе с мичманом Ушаковым.

16 сентября в селе Богородском было получено предписание, чтобы 1-ая и 2-ая роты экипажа в числе 6 офицеров и 217 нижних чинов находились бы при понтонной роте подполковника Филофова, а 3-я и 4-ая роты в числе 6 офицеров и 190 нижних чинов — при понтонной роте подполковника Акермана. Эти части должны были находиться в авангарде армии и выполнять работы по возведению мостов и переправ, а также исправлять дороги.

17 сентября в том же селе умер один из раненых под Бородино матрос 4-й роты — Иван Михайлов.

20 сентября между селами Тарутино и Леташевкой Кутузов избрал позицию и расположил лагерь армии. Здесь он стал ожидать

подкрепления и обозы с продовольствием, идущие с юга, и наблюдать за действиями Наполеона. Экипажу выпало стоять у села Овчинниково около Калужской дороги. Это была небольшая деревушка дворов на 40, оставленная жителями. К этому времени продовольственная сторона экипажа пришла в весьма неудовлетворительное состояние. За самыми необходимыми продуктами приходилось посылать в Тарутинский лагерь. При постоянных дождях и непроходимой грязи это было крайне затруднительным.

Во время пребывания в Овчинникове были объявлены Высочайшие награды за Бородино и за другие подвиги. 17 офицеров были удостоены орденов Св. Анны и Св. Владимира (3-й и 4-й степени). Нижние чины получили по 5 рублей. Офицеры — третной оклад.

В этом же селе экипаж лишился еще двух героев Бородино, умерших от ран: Степана Григорьева и Анания Федорова.

В 4 — 5 верстах от нашей Тарутинской позиции по дороге к Москве расположил свой отряд Мюрат, которому Наполеон поручил наблюдение за нашей армией. Французские войска начали терпеть большие лишения в одежде и припасах. Холодные сырые ночи способствовали развитию разных заболеваний. Наполеон попытался начать мирные переговоры, для чего он послал к Кутузову генерала Лористана. Но эта его попытка ни к чему не привела.

Плачевное состояние войск Мюрата навело на мысль генерала Бенингсена обратиться к главнокомандующему с предложением напасть на французский авангард. Операция была проведена в ночь с 5 на 6 октября. Результатом этого был разгром двадцатитысячного корпуса Мюрата и почти всей оставшейся у Наполеона кавалерии. Во время этого дела экипаж находился вместе с гвардейским корпусом в резерве. Из экипажа только лейтенант Колзаков 2-ой, будучи командированным в распоряжение генерал-лейтенанта князя Голицына, принимал участие в сражении, руководя стрелками и егерями на правом фланге. За умелые и успешные действия он был представлен к ордену Св. Владимира 4-й степени.

11 октября Кутузов узнал, что Наполеон, получив известие о поражении Мюрата, выступил 8 октября из Москвы и двинулся на юг по Калужской дороге. Главнокомандующий сразу же приказал приготовиться к встрече французской армии, чтобы пресечь ей путь на юг и заставить вернуться на опустошенную Смоленскую дорогу. Подобно тому, как Кутузов произвел обманное движение с Рязанской на Калужскую дорогу, в свою очередь поступил и Наполеон. Он неожиданно перешел с Новой на Старую Калужскую дорогу. Главнокомандующий немедленно приказал нашим войскам двинуть-

ся к Малоярославцу, чтобы пересечь путь Наполеону. Около 10 часов утра 11 октября экипаж получил непосредственно от Кутузова приказание построить как можно скорее мосты через р. Протву у с. Спас-Лыковщино, находящегося в 17 верстах от с. Овчинниково, где пребывал экипаж. Под проливным дождем, передвигаясь почти все время бегом, экипаж прибыл к реке. В этом месте река имела ширину 30 — 40 сажень и глубину до 6 футов. Не найдя иных материалов для строительства, чем деревенские постройки, матросы начали разбирать избы. Работали без отдыха. Приходилось пользоваться всем, что попадалось под руку. Не было гвоздей и веревок. Грунт дна реки оказался твердым и не позволил забить сваи. Мосты наводились в виде плотов с настилом досок поверх бревен. Были раскопаны спуски к реке. Через шесть часов по прибытии были наведены два моста: один из мелких бревен и досок для пехоты, а другой из толстых бревен для кавалерии и артиллерии. Третий мост был готов наполовину, когда около 9 часов вечера к переправе подошел авангард нашей армии — корпус генерала Дохтурова, который успешно переправился на другой берег. Благодаря этому корпус к утру следующего дня на заре прибыл к Малоярославцу, где помешал французам укрепиться. 12 октября в Спас-Лыковщине прибыл сам главнокомандующий с армией. Началась переправа. Пехота проходила спокойно и безопасно. Кавалерия проходила спешившись, ведя лошадей в поводу. Когда наступила очередь переправы артиллерии, то досчатый настил пришел в такое движение, что явилось необходимым прервать переправу. Под тяжестью орудий плоты до того углублялись в воду, что связи между ними угрожали совсем разорваться. Поэтому самые крупные орудия были переведены по мосту людьми, а лошади в поводу.

Главнокомандующий строго следил за переправой, беспокоясь за прочность мостов. Еще засветло 12 октября вся армия переправилась, и, когда последние сошли с моста, Кутузов, столь скупой на похвалы, потребовал к себе командира экипажа и сказал ему: *“Благодаря от меня офицеров и матросов за их деятельность; а все-таки, если бы что-нибудь случилось ко вреду и задержанию войска на переправе, я велел бы тебя расстрелять; ты должен был предвидеть все недостатки и надобности еще в Овчинникове”*. Затем Кутузов отдал еще несколько приказаний, снял фуражку, взглянул на небо, перекрестился и, сев в свои дрожки, поехал за армией, шедшей быстро к Малоярославцу, где генерал Дохтуров вел ожесточенный бой с неприятелем. Во время боя 12 и 13 октября экипаж охранял построенные им мосты у села и не участвовал в сражении. Одному

лейтенанту Колзакову 2-му довелось принять участие в сражении, где он в ночь с 12 на 13 руководил постройкой батареи на нашем правом фланге.

14 октября экипаж выступил через села: Гончарово, Полотняный Завод (15-го), Адамовское (17-го) на Медынь, так как уже стало ясно, что Наполеон после сражения при Малоярославце изменил свое намерение идти на юг к Калуге, а начал отступление по Старой Смоленской дороге. Наступившие морозы (до 6 градусов), а также лишения и постоянные нападения наших отрядов довели армию Наполеона до полного расстройства, и она в беспорядке отступала.

По прибытии в Медынь экипаж присоединился к двум понтонным ротам, куда он был приписан в это время, и составил отряд, двигавшийся в авангарде генерала Милорадовича. Экипаж шел через села: Спас-Кузово, Силенки, Дубровино, Быково, Пузино, Лобково, Черкасское, Голосово и Красное, где во время боя экипаж находился в резерве. В сражении при Красном принимали участие только два орудия экипажа со своими орудийными расчетами. Артиллеристы находились на нашем правом фланге во время разгрома корпуса Даву нашими войсками. Последние переходы были весьма трудными из-за наступивших морозов и глубокого снега.

С наступлением 1813 г. экипаж вместе с армией вышел за пределы России и продолжал свой тяжелый боевой труд на полях европейских стран. В марте 1814 г. он вступил в Париж, а 18 июля на фрегате "Архипелаг" вернулся в Россию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Военная энциклопедия. СПб.: т-во И. Д. Сытина, 1912 г. Т. 7.
2. Морской энциклопедический словарь. Л., 1991 г. Т. 1.
3. Участие Гвардейского экипажа в сухопутной кампании 1812 года; лейтенант Виноградский. СПб., 1899 г.
4. Щепатьев С.А. Памятка Гвардейского экипажа 1710 — 1910. СПб., 1910 г.

КАЛУЖАНЕ-ОТХОДНИКИ В ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Т.А. Третьякова,

Угличский филиал Государственного архива Ярославской области

Крестьянский и городской отход — явление естественное для России практически на всем протяжении XVIII и XIX вв. В немалой степени Россия этого периода жила за счет отхода. В некоторых губерниях отхожие промыслы составляли основную статью дохода населения. Ярославцы всегда считались одними из активных отход-

ников. Не был исключением в этом смысле и Угличский уезд, где в отход уходило до трети мужского населения. Но не только ярославцы уходили на заработки. Принимала ярославская земля отходников-мастеров из других губерний, в частности калужан. Отхожие промыслы затрагивали различные сферы деятельности и ремесел — от торговли до строительства. Особенно ценились талантливые мастера-отходники при строительстве храмов.

За давностью лет и событий забылись имена мастеров многих церквей, монастырских храмов и часовен. Не сохранила их и народная изустная память. Сколько же этих безымянных умельцев, чьим мастерством мы восхищаемся, глядя на уцелевшие православные памятники деревянного и каменного зодчества? Кто они, откуда, что за люди? Неизвестно. И, к сожалению, о большинстве из них уже не узнается никогда. Потому благодарность этим людям есть и будет — почтительное уважение общему делу русских мастеров — каменщиков, плотников, резчиков, кузнецов, кровельщиков, живописцев и прочих самородков-самоучек.

Благодарную память строителям, пусть безмолвно, но хранят и уцелевшие памятники православного зодчества своим архитектурным обликом, декоративным украшением, формами и объемами, талантливо сочетающимися с блеском столиц, самобытностью провинциальных городов, красотой русского пейзажа. И, главное, хранящих мудрость мысли, доброту сердца и тепло рук всех безымянных умельцев.

Однако о многих не сохранилось и архитектурной памяти, поскольку от созданного их руками остались то руины, то лишь опорные камни-валуны, то лишь места, заросшие лесом, сорняком и кустарником. Иногда и старожилы уже не помнят, где стоял храм или часовня.

Поэтому любые сведения о церковных мастерах значимы и ценны, но достаточно ограничено число источников, сохранивших эти данные.

Особенно интересны и важны документы, характеризующие инотерриториальный отход. В качестве примера и приводится документ о калужском отходнике из фондов Угличского филиала Государственного архива Ярославской области. Это договорной контракт на работы по золочению в одной из церквей Угличского уезда Ярославской губернии на рубеже XVIII — XIX вв., сохранивший для нас не только имя мастера-отходника, но и некоторые бытовые, технические, технологические, личностные особенности и аспекты строительства.

Данная публикация, выполняя эвристическую задачу и вводя в научный оборот подобный документ, имеет и историческое, и краеведческое, и источниковедческое значение.

Договор крестьянина деревни Глупова врагу¹ Калужской губернии Захара Степанова с прихожанами и священнослужителями Архангельской церкви села Ефремова Угличского уезда Ярославской губернии о золочении главного иконостаса и деталей храмового интерьера.

1800-го года апреля в 23 день. Ярославского наместничества Угличского уезда казенного ведомства Ефремовской вотчины села Ефремова церкви Святого Архистратига Михаила² с священником Тихоном Афанасьевым и даиконом Васильем Михайловым, и дьячком Герасимом Ильиным, сельца Оботурова со старостою церковным Лукьяном Григорьевым и строителем церковным сельца Оботурова со старостою Лукьяном Григорьевым, и строителем церковным того ж сельца Оботурова с Васильем Афанасьевым, и с прочими того села приходскими людьми в том, что в означенном селе Ефремове в новостроящейся каменной настоящей церкви Святого Архистратига Михаила и Святого Пророка Илии [и]коностас со всеми штуками и прибором вызолотить мне, Степанову, на полимент³ чистым червонным золотом самой прочной и чистой работой с тем, чтоб н более как только в пятнадцати книгах шесть золотников находилось ()^{*} размера казенной, как следует, в точной силе золотник же.

Подрядчику мне оной [и]коностас с самого пола и до верху, не пропуская нигде ничего глади и резьбы, весь ни окат, ни красно и, не сводя красок, таким же образом по пристойным местам и цыровку вызолотить порядочно на подобие сделанного во Вчажникове селе⁴ в новопостроенной церкви Живоначальных Троицы [и]коностаса без наималейшей отмены.

А ест ли ж что окажется не в сходствии оной пробы и не покажется отцу благочинному того ведомства, священноцерковнослужителям и приходским людям, и будет надлежащим образом противу Вотчажниковского [и]коностаса не исправлено, тако ж де ежели чрез десять или менее лет полиняет с оного [и]коностаса золото, то я, подрядчик Степанов, повинен оной [и]коностас без всякого прекословия и упорства, и не доводя до судов и убытков приходских людей, перезолотить на свой шет и кочт.

А сверх сего в алтаре два креста запрестольные и тумбы под ними, крилосы и закрилоские киоты около икон Воскресения Хри-

стова, Святого Пророка Илии, и тумбы под ними вызолотить таким же образом, как иконостас, и тем же золотом как вышеписано.

Мне же, подрядчику Степанову, не представлять другого мастера, а самому оную работу исправлять с своими работниками и никому оную не сдавать.

И договорился я, Степанов, от них, приходских людей, за оную работу получить денег две тысячи сто рублей, десять четвертей ржи, четыре тысячи яиц. Денег же мне получить в задаток, когда приеду и вступлю в работу пятьдесят рублей. Прочие же получить таким образом: ежели как скоро сделаю первых пояс, то получить мне триста пятьдесят рублей, тако ж де и за прочие два пояса получить с принадлежащими и с изображениями по 350 [рублей]. Другую же тысячу выждать мне, Степанову, на них приходских людях, после вышеписанной работы пять лет. Квартира же и дрова их, когда находиться при работе и то в том селе.

В чем я, Захар Степанов, подрядчик, с ними, священноцерковнослужителями и старостою вышеписанным церковным Лукьяном Григорьевым, и с строителем церковным Васильем Афанасьевым, и с прочими приходскими людьми сей договор и [заключил].

При конце оного договора и подписую.

У подлинного подписано тако: Захар Степанов руку приложил.

При сем договоре свидетелем личным был благочинный Слободитческой иерей. Залог получен мною, подрядчиком Захаром Степановым, в задаток на золочение в селе Ефремове в новой каменной церкви [и]коностаса от священно- и церковнослужителей и старосты, и строителей церковных денег пятьдесят рублей, в чем и росписуюсь.

(подписи)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Так указано в маклерской записи при регистрации подлинности договора в Угличском городском магистрате.

2. Церковь в селе Ефремове Угличского уезда Ярославской губернии строилась иждивением прихожан. Основная кладка здания была завершена в 1796 г., в последующие годы проводились отделочные работы. Храм имел 3 престола: два в летней холодной части (главные) — во имя Архистратига Михаила и во имя Пророка Ильи и придельный в трапезе во имя Святителя Николая Чудотворца.

3. Полимент (от французского *polire* — золотить), — состав применяемый для золочения по дереву или гипсу. Наносился на левкас, чтобы придать ему гладкость и твердость и чтобы быть основой нанесения листочкового золота. В состав полимента входили: графит, тонкая глина (например, железистая) и воск. Цвет состава был красно-коричневого, ки-

^{*}Слово не читается.

новарного оттенка, благодаря чему, кроме основы для лучшего наката тонкого листочкового золота, полимент тонировал цветовой колер этого золота. Полимент разводился на взбитом в воде яичном белке. На левкас наносили до девяти слоев полимента с промежуточной просушкой и шлифованием. Перед наложением золотых листочков верхний слой полимента для придания клейкости смачивали разведенным спиртом. Золочение по полименту — наиболее качественный вид золочения, но и очень трудоемкий.

4. Имеется в виду село Вошажниково Ростовского уезда Ярославской губернии — вотчина графов Шереметевых.

5. УФ ГАЯО, ф. 56, оп. 1, д. 317, л. 33 — 33об.

БЕЛЁВ — КРУПНЫЙ ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР БАСЕЙНА ВЕРХНЕЙ ОКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

И.И. Некрасов,

Белёвское историко-географическое и филологическое общество

Знаменитым городом Тульской губернии, первым после Тулы по числу купечества и обывателей, по обширности торговли, называли в конце XVIII — первой половине XIX вв. уездный город Белёв авторы экономико-географических и статистических описаний. Выгодное географическое положение города на судоходной Оке близ границы, разделяющей хлебородную и потребляемую полосы Центральной России, способствовало включению его наряду с Орлом и Калугой в сферу верхнеокской торговли ещё на заре всероссийского рынка.

Уже с середины XVII в., в связи с постепенной утратой городом своего оборонного значения, основным фактором его развития становится экономический; определяется роль Белёва как посредника в торговых связях района Верхней Оки с Москвой. Так, мытная книга г. Коломны зафиксировала в 1651/52 навигационном году движение судов по Оке и вверх по Москве-реке посадских людей из Белёва, которые везли товары на продажу в Москву (4 прохода на 4 стругах) (1). Интересное наблюдение сделал в 1654 г. сирийский путешественник Павел Алеппский, сопровождавший антиохийского патриарха Макария в его поездке в Москву. Павел Алеппский записал в своём дневнике: “Сделав всего сорок вёрст (от Болхова — И. Н.) мы прибыли вечером в большой город, с сильной крепостью, по имени Белёв. Под городом течёт огромная река, называемая Ока; на ней большие суда, обитые древесной корой; на этих судах возят припасы в Москву, ибо река туда имеет течение” (2). Наряду с судоходной рекой в немалой степени способствовало торговле открытие в Белёве в 1672 г. почтовой конторы для сообщения Москвы с Мало-

россией, а в конце XVIII в. — прохождение через Белёв “главного почтового тракта” из Калуги в Орёл и “побочного” — из Тулы (3). В XVIII в. Белёв постепенно выдвигается на роль одного из крупных центров бассейна Верхней Оки с обширным географическим районом связей, которые выходят за пределы верхнеокского рынка и распространяются на южнорусские губернии, Поволжье, Украину, порты Балтики (Ригу, Петербург), а к середине XIX в. перерастают уже и европейские границы и простираются до Бухары, Хивы и далёкой Кяхты (на российско-китайской границе) (4).

Товарные потоки шли транзитом через Белёв по трём главным направлениям: в Санкт-Петербург, а оттуда в Ригу, в Москву, в Нижний Новгород. Самое большое количество товаров отправлялось в Петербург, откуда часть их шла за границу. Насколько велик был товарооборот белёвского купечества в торговле с Петербургом, видно из следующего факта: городское общество, при ходатайстве о проведении с Орла на Белёв телеграфа, в приговоре 5 мая 1867 г. объясняло, что белёвские торговцы отправляют в столицу до 700 тысяч пудов пеньки, до 8500 бочек украинского сала, до 3000 бочек растительного масла, до 20 тысяч четвертей льняного семени, до 25 тысяч четвертей ржаного хлеба (5). Все вышеуказанные товары закупались в Орловской, Воронежской, Курской, Калужской, Черниговской губерниях и доставлялись гужевым транспортом по зимнему пути к Гжатской и Зубцовской пристаням на Верхней Волге. Затем весной, с началом навигации, они сплавились по Вышневолоцкой системе каналов к Петербургскому порту. Недалеко от Невы, где хранились завезённые товары, белёвские купцы построили склады, а для рабочих и приказчиков — жилые дома. Место, где располагались склады, получило впоследствии название Белёвское поле, а где были воздвигнуты дома — Белёвский переулок. В Петербурге привезённые товары продавались оптом или петербургским купцам, или иностранным купцам на экспорт.

Товарные потоки на московском и нижегородском направлениях шли непосредственно через Белёвскую речную пристань, расцвет которой приходится на 30 — 50-е гг. XIX в. В эти годы Белёвская пристань имела главное торговое значение для Тульской губернии по сравнению с другими пристанями, расположенными на Оке — Алексинской и Каширской. Дело в том, что через эти две пристани шёл главным образом лес и лесоматериалы, а белёвская пристань, по своей близости к южным губерниям, принимала на себя главную массу сельскохозяйственной продукции и сырья из этих губерний и служила основной перевалочной базой с сухопутного транспорта на водный.

Вся жизнь населения города и его окрестностей была связана с Окой. Рядовым горожанам и пришедшим в город в поисках работы крестьянам она давала сравнительно небольшой, но надёжный заработок (например, в навигацию 1838 г. сходочному рабочему, нанятому до Москвы, платили от 21 до 25 рублей, а до Нижнего Новгорода — 40 рублей) (6), купечеству — сотни тысяч прибыли от торговли. Приток рабочей силы на Белёвскую пристань был очень велик, особенно весной, как только начиналась навигация. Основная отправка судов с товарами шла в первые же дни выступления Оки из берегов, поэтому купцы старались наперебой захватить воду в момент её наивысшего разлива, чтобы отправить как можно больше грузов. В эти горячие дни шёл найм рабочей силы на суда в качестве лоцманов, коноводов, водоливов, коренных, сходочных рабочих.

В период расцвета Белёвской пристани с её причалов в навигацию грузилось и отправлялось в Москву и Нижний Новгород ежегодно от 50 до 60 судов различного типа (стругов, барок, полубарок, барж), а также более 10 плотов. Так, в навигацию 1838 г. с пристани было вывезено всех товаров на сумму 749 367 рублей, привезено — на 277 252 рубля (7). Таким образом, привоз товаров к их отпуску составлял менее половины всего товарооборота. Товарооборот пристани в 40 — 50-х гг. XIX в. характеризовался следующими показателями. В Москву отправлялось ежегодно конопляного масла на судах в течение всей навигации и на подводах в остальное время — от 50 до 100 000 пудов, на сумму от 150 до 200 000 рублей серебром (Только Орлу уступал Белёв в обширной торговле этим товаром). Ржи, круп и прочего хлеба (собственно на судах) — до 250 000 пудов, на сумму от 60 до 100 000 тысяч рублей серебром. В Нижний Новгород отправлялось канатов для судов до 10 000 пудов, на сумму 25 000 рублей серебром, мелкой бечевы, пакли и прочего на 15 000 рублей серебром. Из Нижнего Новгорода привозили на обратных судах ежегодно соли до 120 000 пудов, на сумму 75 000 рублей серебром, железный товар на 50 000 рублей серебром, а также алебастр, смолу, дёготь. Судходство вверх и вниз от Белёва продолжалось с разлива реки почти до её замерзания, т. е. с середины апреля до середины ноября. Суда водились, в основном, бурлаками, а также конной тягой, для чего по обеим сторонам реки были устроены бечевники до 5 сажень шириной (9).

Значительную долю в оптовой торговле Белёва составляла перепродажа крупного рогатого скота и рыбы. Рогатый скот закупался на ярмарках Екатеринославской, Полтавской и Харьковской губерний в количестве до 7 000 голов. Большую часть его (до 4 500

голов) убивали в Белёве на солонину, которую, кроме местной продажи, отправляли в Москву и Петербург (в количестве до 20 000 пудов). Другую часть скота (до 2 500 голов) после закупки откармливали на лугах, и потом гуртом пригоняли в Москву и Петербург, где его продавали. Солёная рыба закупалась (в количестве 23 000 пудов) в Саратове, Урюпинской станице (ныне г. Урюпинск), Ростове-на-Дону, на Нижегородской и Коренной ярмарках, а свежая (до 2 000 пудов) — на Харьковской Крещенской ярмарке и в станице Михайловской (10).

В период расцвета белёвской оптовой торговли большую роль играли белёвские ярмарки, считавшиеся крупнейшими в Тульской губернии. Автор одного из экономико-географических описаний Белёва середины XIX в. отмечал: *“на Успенской ярмарке (с 28-го августа по 10-е сентября) бывают на привозе большей частью красные товары (хотя постоянно торгуют ими в 60-ти городских лавках), также галантерейные, серебряные и золотые вещи, чай и сахар, сукна и шали, меха и посуда, хлеб и разные съестные припасы — всего почти на миллион рублей. Постепенно увеличивающийся съезд иногородних купцов и окрестных помещиков придаёт довольно значительную деятельность оборотам ярмарки”* (11). Кроме Успенской ярмарки, собиравшейся ежегодно на Соборной площади (ныне Пролетарская пл.), на двух других городских площадях, Нижней и Верхней (ныне пл. Революции и Октября), по четвергам и пятницам проходили еженедельные торги. Эти торги особенно многолюдными становились зимой, когда начинался привоз из сёл Белёвского и соседних с ним уездов сельскохозяйственной продукции, скупаемой для отправки её на продажу в другие города с открытием навигации.

Торговое процветание Белёва отразилось и на его благоустройстве. Первая половина XIX в. — время интенсивного каменного строительства: количество каменных купеческих и мещанских домов за полвека возросло в два раза (с 64-х в 1801 г. до 126-ти в 1852 г.) (12), каменными были все 13 приходских церквей (построенных попечительством белёвских купцов-оптовиков) и 2 монастыря. Наряду с обязательными административными учреждениями (Присутственными местами, Городской Думой) в 1860-х гг. в городе имелись: больница, вдовый дом, богадельня, два училища, театр, первая в губернии уездная публичная библиотека имени В. А. Жуковского; среди торговых сооружений насчитывалось 245 лавок и 27 магазинов (13). Велись работы по благоустройству улиц города; все главные улицы, две торговые площади и некоторые из переулков были вымощены камнем, устанавливались масляные фонари. В 1866 г. на-

чалось сооружение городского водопровода. Однако численность населения Белёва за первую половину XIX в. увеличилось незначительно: в 1801 г. в городе и прилегающих к нему слободах проживало 6732 человек, а в 1861 г. — 8313 человек (14). Сравнительно низкий прирост населения объяснялся главным образом тем, что многие белёвцы, занимаясь маркитантским промыслом, постоянно жили вне своего города, крайне редко его посещая либо не посещая совсем. Некоторые, разорившись, вообще не возвращались к своим семьям. Большой урон городу нанесла в 1848 г. эпидемия холеры, унёсшая из жизни множество горожан.

Во второй половине XIX в. значение Белёва как крупного торгового центра Верхней Оки постепенно падает. Вследствие обмеления Оки неуклонно сокращается количество судов, доставленных на Белёвскую пристань и отправляемых с неё. С развитием парового флота упал спрос на пеньку и пеньковые канаты. Однако главный удар по белёвской оптовой торговле нанесло строительство железных дорог: Московско-Курской (1864 — 1868 гг.) и Орловско-Рижской (1868 — 1871 гг.). Это привело к тому, что основные сельскохозяйственные грузы стали доставляться в столицы не водным и гужевым, а железнодорожным транспортом. Белёв до начала XX в. оставался в стороне от железных дорог. И хотя тариф по перевозке грузов железной дорогой был значительно выше тарифа перевозки водным путём, но грузы по железной дороге доставлялись значительно быстрее. Это в свою очередь увеличивало оборачиваемость капитала, что с лихвой перекрывало разницу в тарифах (15). Посредническая торговля Белёва со столицами резко сократилась, да и число купеческих капиталов за 30 лет уменьшилось более чем на половину: в 1855 г. — 161, в 1886 г. — 70. Вспоминая с ностальгией прежние времена торгового процветания города, белёвский краевед П. М. Мартынов в 1887 г. писал: *“Бышнюю оптовую торговлю Белёва теперь можно называть не более как “преданьем старины глубокой” На долю города остаётся, стало быть, одна местная торговля”* (16). Так, когда-то кипучая жизнь Белёва — крупного перевалочного пункта и большого рынка — сменилась тихими буднями небольшого провинциального города.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков М. Б. Торговое движение по Окско-Московской речной системе в середине XVII в. // Промышленность и торговля в России XVII — XVIII вв.: Сб. статей. М., 1983. С. 211.

2. Алеппский П. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. М., 1897. Вып. 2. С. 132.

3. Акты Юго-Западной России. СПб., 1878. Т. 9. С. 890 — 891; РГИА, ф. 1399, оп. 1, д. 227.

4. Справочный энциклопедический словарь / Под ред. А. Старчевского. Т. 2. СПб, 1849. С. 536.

5. Мартынов П. М. Бывшее маркитантство города Белёва // Исторический вестник. 1887. Т. 29. С. 368.

6. Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с высочайшего соизволения при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. СПб., 1841. Т. 2. С. 129.

7. Там же. С. 128 — 129.

8. Мартынов П. М. Описание г. Белёва Тульской губернии // Журнал МВД. 1856. № 4. С. 14.

9. Лёвшин А. Н. Белёвский уезд // Тульские губернские ведомости. Часть неофиц. 1859. № 46.

10. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861 — 62 г. Ч. 2. СПб., 1863. С. 16 — 17.

11. Материалы для статистики Российской империи С. 131.

12. Максимович Л. М., Щекатов А. М. Географический словарь Российского государства, сочинённый в настоящем онаго виде. Ч. I. М., 1801. С. 652 / Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 6, Ч. 4. Тульская губ. СПб., 1852. С. 127.

13. Семёнов П. П. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. I. СПб., 1863. С. 356.

14. Максимович Л. М., Щекатов А. М. Географический словарь. С. 652; Экономическое состояние городских поселений. С. 15.

15. Тишин П. П. Белёв. Очерк истории города и района. Тула, 1981. С. 62.

16. Мартынов П. М. Бывшее маркитантство города Белёва. С. 369.

ПРОШЛОЕ с. КРАСНОЕ БОРОВСКОГО УЕЗДА

Н. П. Лошкарева,

*Калужский государственный объединённый краеведческий музей,
филиал Боровский историко-краеведческий музей*

Недалеко от г. Боровска у подножия красивой возвышенности вдоль правого берега р. Протвы располагается село Красное. Своим названием оно обязано, видимо, живописной и удобной местности, которую ещё в древности облюбовали первые поселенцы. И как всякое поселение, какое бы оно ни было — маленькое или большое, старое или молодое — оно, безусловно, заслуживает внимания историков. Тем более, что о с. Красном Боровского района должного исследования не существует. Поэтому в настоящей работе автор впервые пытается проследить исторический ход развития поселения с древнейших времен до 1917 г. Для этого были использованы документы Российского государственного архива древних актов РФ (РГАДА

РФ), Российского государственного военно-исторического архива РФ (РГВИА РФ), Государственного архива Калужской области (ГАКО), а также издания XVIII — нач. XX столетий и исследование В.И.Осипова “Взаимоотношения посадского населения г. Боровска с Пафнутьевым монастырем в XVII веке” (Боровский краевед. Боровск, 1990).

Первое упоминание о “Красном селе” встречается в “Докончании великого князя Василия Васильевича с князем серпуховско-боровским Василием Ярославичем” в 1447 г. (1). Археологические же разведки подтверждают более раннее заселение этих мест. Первое древнее поселение появилось в 0,3 км к северу от ныне существующего села в середине I тыс. н.э. Основано оно было племенами мощинской культуры с последующим заселением в эпоху средневековья, XIV — XVI вв. (2). На юго-восточной окраине села, на высокой надпойменной террасе правого берега р. Протвы сохранились остатки другого поселения XV—XVII вв. (открыто и обследовано О.Л.Прошкиным в 1985 г.). Культурный слой его имеет мощность 0,2 — 0,35 м и содержит фрагменты гончарных, тонкостенных, бело- и сероглиняных, а также чернолощеных сосудов XV—XVII вв. По мнению О.Л.Прошкина, это и есть остатки упоминаемого в 1447 г. “Красного села” (3).

Ранее село принадлежало Дмитрию Юрьевичу Шемяке, но в связи с междоусобной феодальной войной и борьбой за великокняжеский стол данная территория оказалась в ведении великого князя Василия II Васильевича Тёмного. Последний пояснял серпуховско-боровскому князю Василию Ярославичу в уже упомянутом нами “Докончании...” от 1447 г., что если князь Дмитрий Юрьевич придет к великому князю с повинной, то он вернет ему его же вотчину, иначе — великий князь отдаст волость Суходол и село Красное Василию Ярославичу (4). Согласно “Докончанию...”, датированному 1450 — 1454 гг., великий князь Василий Васильевич все-таки отдал князю серпуховско-боровскому “Суходол, Вышегородские волости с Красным селом и со всем тем, что к Суходолу потягло из старины, так же в вудел и в вотчину...” При этом великий князь брал на себя обязательство “твоего удела, трети Московские и всего твоего удела, и Суходола с Красным селом, того ми, брате, под тобою всего блюсти, и боронити, а не обидети, не вступатися”... “А с Суходола и с Красного села дань ти имати себе, а в выход ти дани мне суходольские и Красного села не давати” (5). “Докончание...” 1451 — 1456 гг. подтверждало право князя Василия Ярославича на владение селом Красным (6). Но в 1456 г. удел и вотчины арестованного и сосланного серпуховско-боровского князя были ликвидированы и

перешли великому князю Василию II (7). Последний в Духовной грамоте (3 мая 1461 — 27 марта 1462 гг.) завещал село Красное своему сыну Ивану (8), закрепив его, таким образом, за Московским княжеством.

С этого момента исторический след села Красного теряется почти на полтора столетия по причине недостаточного количества найденного документального материала. Сведения встречаются только с начала XVII столетия.

В 1613 — 1614 гг. с. Красное входило в Окологородный стан Боровского уезда и делилось на жребии: один находился в вотчине за Любимом Семеновичем Юровым, два жребья — в поместье за Богданом Михайловичем Челищевым и Константином Семеновичем Дурново (9). Л.С.Юров получил свою вотчину при царе Михаиле Федоровиче за московское осадное сидение в Смутное время (10). После 1614 г. она была выкуплена Кириллом Васильевичем Патрикеевым и числилась за ним уже в 1628 — 1629 гг. В этот же период имел в селе поместье Саввин Константинович Дурново (11).

По данным на 1629 — 1630 гг., село и его земли были поделены между владельцами К.В.Патрикеевым, Афанасием Челищевым, Саввином Константиновичем Дурново и Семёном Фёдоровичем Загряжским на жребии. Жребий К.В.Патрикеева составлял 45 четей пашенной земли, 18,5 четей земли перелогом, 56,5 десятин находилось под лесом, 10 десятин было леса непашенного, 66 копён земли сенокосной, а также стояли 1 владетельный двор, 4 пустых двора и 1 двор крестьянский (12). Жребий Афанасия Челищева по с. Красному, входившему тогда в Лужецкий стан, исчислялся 3 пустошами, 17 четями пашенной земли, 19 четями леса пашенного, 4 четями — непашенного, 170 копнами сена. Всего в его жребии было земли 362 чети, стояли 1 владетельный двор, 1 крестьянский и 1 бобыльский (13). Третий жребий находился за С. К. Дурново. У него было под пашней 15 четей земли, перелогом — 53 чети, земли наездом 2 чети, под лесом 117 десятин, всей земли 180 четей, леса пашенного 16 десятин, сенокосной земли 90 копен. За ним числилось 4 пустых двора, 4 крестьянских с 8 живущими в них и 1 двор бобыльский. Жребий села С.К.Дурново составлял 2/3 пустоши, 1/3 пустоши и Солниковский луг (14). Четвертый жребий значился за С.Ф.Загряжским. Это были 3 чети пашенной земли, 7 четей перелога, 15 десятин леса, 1 десятина леса пашенного, сенокосной земли 10 копен, стояли 2 двора пустых и 1 бобыльский (15). Исходя из вышеизложенного, трудно произвести подсчёт общего числа жителей села, который явно изменился в 1649 г., когда прибывший в Боровск стройщик

Леонтий Корсаков отписал на посад у боярина Никиты Ивановича Романова его часть с. Красного с 31 двором (88 человек) (16). Однако известно, что в 1705 г. в 16 сельских дворах проживало 63 человека, а владели селом стольник Алексей Фёдорович Челищев, Фёдор Данилович Дурново и Дмитрий Иванович Дурново (17). При этом надо заметить, что и земля и деревня Алексея Фёдоровича Челищева ещё при его отце, в последней четверти XVII в., была отмечена на одной из первых боровских карт (хранится в настоящее время в РГАДА) (18).

По межеванию, учинённому 4 июля 1769 г., среди владельцев села значились Александр и Андрей Сенявины, Федор Антонович Митерин, капитан Семён Алексеевич Челищев и Иван Васильевич Зембулатов (19). Данные цветного чертежа 1790 г. подтверждали, что село Красное состояло во владении полковника Андрея Богдановича и сержанта Александра Авраамовича Синявиных (в случае с «Сенявиными» и «Синявиными» речь идёт об одних и тех же людях — см. прим. 19, 20, 22), майора Фёдора Антоновича Митерина, капитана Семёна Алексеевича Челищева, Ивана Васильевича Зембулатова, а также прапорщика Алексея Сысоевича и его сына Семена Казаковых (20). Указывалось, что по межеванию от 31 июля 1766 г. за ними числилось пашенной земли 367 дес. 728 саж., под сенными покосами — 35 дес. 1700 саж., под лесом — 259 дес. 1188 саж., под огородами — 15 дес. 1770 саж., под дорогами — 6 дес. 2100 саж., под 1/2 реки — 9 дес. 400 кв. саж. и под болотами, прудами и дорогами — 5 дес. 542 саж. земли. (Всего — 699 дес. 1238 саж.). Отмечены были и 18 дес. 1409 саж. церковной земли, поскольку еще с XVII в. в селе значился храм во имя Архистратига Михаила. Отдельно по селу были подсчитаны жители — 140 душ мужского пола, из которых 67 принадлежали С. А. Челищеву, 62 — И. В. Зембулатову и 11 — Ф. А. Митерину (21).

В 1800 г. село с пустошами продолжало находиться в совместном владении полковника Андрея Богдановича и сержанта Александра Авраамовича Синявиных, майора Фёдора Антоновича Митерина, капитанов Семёна Алексеевича Челищева и Ивана Васильевича Зембулатова, прапорщика Алексея Сысоевича и его сына Семёна Казаковых, а также служителей храма Архангела Михаила. В селе насчитывалось 28 дворов. В них проживало 140 мужчин и 136 женщин. Под поселением было занято 15 дес. 1770 саж. земли, под пашней — 385 дес. 484 саж., под лесом строевым и дровяным — 259 дес. 1188 саж., под сенокосом — 32 дес. 1710 саж. и под неудобными местами — 21 дес. 1295 саж. (Всего 714 дес. 1647 саж. земли) (22).

Церковная земля располагалась в трёх местах в районе с. Красного. В первом месте под пашней, сенокосами и неудобьями было 6 дес. 1883 саж. земли, во втором — 6 дес. 222 саж. и в третьем — 4 дес. 60 саж. (23).

Данные цифры из «Экономического камерального примечания городу Боровску и его уезду» дополнены были здесь же подробной характеристикой экономического состояния села. Прочитируем её: «Оное село лежит на берегу реки Протвы по течению ее на право и пообе стороны впадающего во оную безымянного отвершка. Та река против оного села в самых мелких местах в летнее жаркое время глубиною бывает на один аршин шириною на двадцать на пять сажень. Вней рыба и щуки, окуни, леицы, шелесперы, плотва, ерши, галцы и пескарь. Дача ж простираетца по берегам оврагов потечению вних водотоков Красного налево и Чолхова и трех безымянных отвершков на правых сторонах и пообе стороны верховьев ямного оврага и речки Городенки, которья также и предписанныя водотоки в жаркое летнее время совсем пересыхают. Отмежеванныя ж церковныя земли лежат первая на суходоле, а вторая и третья на берегу крутого оврага по течению водотока на право стороне, и оной водоток тож пересыхает, как обрабатывающа самими церковниками. Втом селе церковь деревянная во имя Архистратига Михаила, два двора господских капитанов один Челищева, а другой Зембулатова. Ис коих при одном капитана Челищева сад с регулярно плодovitыми деревьями яблоневыми красной и черной смородины. С них плоды збирают для употребления помещику. Три пруда, в них рыба, одни караси кои также из реки употребляетца для расходу помещикам, отчасти и напродажу. Сверхеже того надвух прудах состоят мошныя мельницы поодному поставу действие имеет кроме полои воды и повреждение во весь год. С них оброку помещику Зембулатову по десяти рублев, а в казну платитца (...) по трицети по четыре копейки. Воды в реке и прудах для употребления людям и скоту здоровы. Земля качество имеет глинистое, испосееенного на ней хлеба лутче родится рошь, овес и горох. А пшеница, ячмень и гречиха средственно. Сенныя покосы травую против других жителств лутче. Лес осиновою и березовою, которои для поташа неспособен, а к строению несколько годнаго вотруб в пять и семь вершков вышиною в шесть и восемь сажень, а между строенным поболшою части дровяною коего особо и каждого порознь размерять неможно. В нем звери волки, зайцы и белки, птицы тетеревы, дрозды, скварцы, соловьи, вороны, ястреба, сороки, синицы, щеглята и чижи. Крестьяне состоят наизделье, промышленяют хлебопашеством и чему радетелны и землю на помещиков сто шездесят пять десятин авосталну всю на себя запахивают. Женщины упражняются

сверх полевой работы врукоделии: прядут лен, шерсть, посконь, ткнут холсты и сукна для своего употребления” (24).

Столь отрадная сельская идиллия в 1812 г. была нарушена непродолжительным вторжением в Боровский уезд наполеоновской армии. Можно предположить, что обитатели с. Красного, как и жители г. Боровска, не остались в стороне в августе — октябре 1812 г., когда шло активное укрепление границ уезда (25). Но при подходе неприятеля Боровск был покинут жителями, забравшими с собой самое ценное и необходимое (26). Были среди них красносельчане или не были, сожгли французы село при отступлении или нет, сказать довольно сложно. Небольшую ясность в события 1812 г. вносят сведения местного священника отца Василия Алексеева, который в анкете А. И. Михайловского-Данилевского отметил, что из-за близкого расстояния к г. Боровску французы не обошли села, и храм подвергся “обруганию”, “престол и жертвенник” были истреблены, “церковная же утварь и все святые иконы соблюдены прихожанами” (27). (Скорее всего, в церкви французы расположили конюшни. — Н.Л.). После того как неприятель покинул село, в храме все было заново обновлено и освящено. Особо священник указал на то, что в селе “подвигов, достойных памяти и внимания, не было” (28).

Жизнь села постепенно стала входить в обычное для него русло. По планам дач Генерального межевания 1848 г. первой частью села владел помещик Алексей Дмитриевич Хитрово. Ему принадлежало: 221 дес. 1386 саж. пашенной земли, 133 дес. 984 саж. земли, поросшей кустарником, 16 дес. 1220 саж. земли было под сенными покосами, располагавшимися по оврагам, 1 дес. 1560 саж. земли занимали дороги и 2 дес. 2180 саж. земли — р. Протва и ручьи. (Всего — 376 дес. 130 саж. земли, из которой 371 дес. 1190 саж. — удобной) (29). За ним числилась и третья часть села — 25 дес. 28 саж. земли. Из них пашенной земли было 1 дес. 1418 саж., сеного покоса — 14 дес. 1046 саж., под огородами и садом — 5 дес. 764 саж., под р. Протвой — 3 дес. 1600 саж. В селе стояло 10 его дворов. В них жило 60 душ мужского и 63 души женского пола (30). Указанные земли с крестьянами были куплены А.Д.Хитрово у бывшего владельца, Николая Александровича Зембулатова, в 1846 — 1848 гг. Последний, в свою очередь, приобрёл их у подполковника Петра Михайловича Загрязского (31).

Вторая часть с. Красного считалась владением подпоручицы Варвары Васильевны Покровской и малолетних детей Василия, Владимира, Николая и Петра Дмитриевичей Челищевых. Под пашнями у них было занято 169 дес. 869 саж., под кустарником, где можно

косить — 102 дес. 2319 саж., по оврагу, где можно косить — 15 дес. 1752 саж., под огородами — 3 дес. 651 саж., под р. Протвой, прудами — 4 дес. 1860 саж., под просёлочными дорогами — 1 дес. 1429 саж. (Всего — 297 дес. 1680 саж.). По восьмой ревизии за ними числилось 14 дворов с крестьянами: 63 мужского и 65 женского пола (32).

Мария Ивановна Занегина, почётная гражданка, владела четвертой частью села — 1800 саженьями, из которых под сенными покосами находилось 500 саж. и под р. Протвой — 1300 саж. Земля располагалась по берегу р.Протвы, был мост (33).

Числилась земля и за сельской церковью Архангела Михаила — 6 дес. 1290 саж. (34).

Среди перечисленных владельцев обращает на себя внимание представительница купеческого сословия М.И.Занегина. Она, видимо, была женой верейского купца, устроившего в 1836 г. в с. Красном бумагопрядильную фабрику на 6350 веретён с паровым двигателем на 20 лошадиных сил. К 1851 г. производство фабрики улучшилось — там стояла современная для своего времени техника — тонкопрядильная машина с 25524 веретёнами, со всеми приготовительными станками и с 2 паровыми машинами в 80 лошадиных сил, произведёнными Ферберном в Манчестере. В 1859 г. на фабрике работали 791 человек. Ими было произведено бумаги (от 10 до 40 номеров) 40000 пудов на сумму 676000 руб. серебром. Но в результате падения цен содержать такую фабрику стало невыгодно из-за неконкурентности с иностранной бумагой. Один корпус ее вынужденно простаивал, а на другом работали только зимой и в одну смену, после же Пасхи 1860 или 1861 гг. фабрика остановилась на шесть месяцев (35). В 70-х гг. XIX в. купцу Занегину в с. Красном принадлежала еще и мельница, приносящая хозяину доход 600 руб. (36).

Устроителем же первой (в 1832 г.) бумагопрядильной фабрики в с.Красном был купец Батурин. В 1879 г. на ней вырабатывалось пряжи и ваты 18200 пудов на сумму 188400 руб. (за пуд цена колебалась от 6 до 12 руб.). Трудились на ней 2 мастера, 4 мастеровых, 151 мужчин фабричных, 90 женщин и 50 малолетних обоого пола. Из них 240 человек были из Боровского уезда и 57 — из разных губерний. Сырьё фабрики продавалось в Москве и Нижнем Новгороде, изделия — в Москве. При фабрике была устроена больница (37).

Эти фабрики были отмечены как существующие в 1859 г. Тогда же в селе, имевшем всего 36 дворов, проживали 545 мужчин и 486 женщин (38). (Безусловно, что эти цифры даны с учётом работающих на фабриках. Рабочие жили при фабриках либо в бараках, либо в общежитиях, посещали близлежащую церковь, и при подсчёте

количества населения входили в общий список с местными сельскими жителями. — Н.Л.).

Появление в селе фабрик лёгкой промышленности повлияло на занятия местных крестьян, постепенно освобождавшихся от крепостной зависимости. Часть из них могла работать на самих фабриках, другая же, имея дома ткацкие станки, могла производить сырьё и готовым сдавать его закупщикам. Бытовая жизнь в таких крестьянских семьях была более чем скромной, а точнее — даже очень бедной. Церковный причт, на рубеже XIX — XX столетий, не имевший своих домов и вынужденный ютиться в крестьянских избах, был очень недоволен тесной из-за ткацких станков обстановкой. Шум и пыль, создаваемые работой станков, мешали священно- и церковнослужителям готовиться должным образом к службе. Отмечалось, что такая обстановка вредна и для здоровья (39). Псаломщик Елисей Казанский (в 1901 г.) проживал вообще в хатке 6 аршин, отапливаемой по-курному (40).

Вряд ли что-то изменилось в быту крестьян в 1916 г. К этому времени в селе количество дворов увеличилось только до 39. Проживало в них 252 человека: 112 мужчин и 140 женщин. Один двор принадлежал священнику — в нём числились два мужчины и две женщины. Был, очевидно, и помещичий двор (41).

Исходя из вышеизложенного, о с. Красном можно сказать следующее. Село возникло на землях, принадлежавших князьям Московского дома. В XVII в. оно и его земли распределялись между служилыми людьми за их службу государям, позже, в XVIII в., части села (жребья) перешли в постоянное пользование помещиков, получивших право распоряжаться ими по своему усмотрению. Среди владельцев села встречаются представители разных фамилий: Юров, Патрикеев, Казаковы, Митерин, Сенявины, Дурново, Загряжские, Зембулатовы, Хитрово, Занегины, Челищевы. Из них только последних можно назвать постоянными владельцами с начала XVII в. Важными событиями, оставившими в истории села яркий след, были война 1812 г. и промышленное строительство XIX — начала XX вв. Наряду с этим, следует отметить, что история села является типичной для большинства поселений Боровского уезда и не только его.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв. М.-Л., 1960. С.130. (Далее — ДДГ).

2. Прошкин О.Л. Археологическая карта Боровского района. Калуга, 1990. С.20 — 21.

3. Там же. С.21.

4. ДДГ. С.130.

5. Там же. С.170.

6. Там же. С.180.

7. Боровский край в истории России // Сост. В.И.Осипов. Боровск, 1998. Ч.1. С.39.

8. ДДГ. С.194.

9. Боровская десятина. Отд.3 //Калужская старина. Калуга, 1910. Т.5. С.220 — 221.

10. РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Кн.16 (Приправочная книга по дозору Боровского уезда 1613 г.). Л.89 об - 90, 270 об.

11. Боровская десятина. Там же.

12. РГАДА, ф.1209, оп.1. Поместный приказ, кн.10326. (Список с писцовой книги Василия Колычева по Боровскому уезду 1629 и 1630 гг.). Л.26.

13. Там же. Л.9.

14. Там же. Л.10об - 11об.

15. Там же. Л.14об - 15об.

16. Осипов В.И. Взаимоотношения посадского населения г. Боровска с Пафнутьевым монастырем в XVII в. // Боровский краевед. Боровск, 1990. С.58.

17. Боровская десятина. С.220 — 221.

18. Прошкин О.Л. Археология //: Учебно-методическое пособие "История Боровского края". Калуга, 1991. (Рукопись). Библиотека Боровского музея. №2979. С.14.

19. Глухарев Н.П. Материалы для истории г. Боровска и его уезда. Боровск, 1914. Т.2. С.106 — 107.

20. РГАДА, ф.1354, оп.150. Кн. 11, л.655.

21. Там же.

22. РГВИА, ф. ВУА. д.18753. Ч.1.(Экономическое камеральное примечание городу Боровску и его уезду. 1800 г.). Л.60. №362.

23. Там же. Л.60. №363, Л.60об. №364, 365.

24. Там же. Л.60. №362.

25. Осипов В.И. На пути Наполеона был Боровск // Боровские известия. 1992. №131 / Изучай родной край. Тула, 1974. Ч.1. С.61 / Известия о военных действиях Российской армии против французов в 1812 году. СПб., 1813. С.120 — 130.

26. Осипов В.И. На пути Наполеона был Боровск.

27. Малышкин С.А. Калужский край в 1812 году: по материалам архива А.И. Михайловского-Данилевского // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года. Малоярославец, 1994. С.66.

28. Там же.

29. РГАДА, ф.1354, оп.150. К-65. П.3151.(Планы Генерального межевания 1766-1848 гг.).

30. Там же. К-67. П.3151.

31. Глухарев Н.П. Указ.соч. Т.2. С.76 — 78.

32. РГАДА, ф.1354, оп.150. К-66. П.3151.

33. Там же. К-68. П.3151.

34. Там же. К-66. П.3151.

35. Памятная книжка Калужской губернии на 1861 г. Калуга, 1861. С.193—194; **Попроцкий М.** Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Калужская губерния. СПб., 1864. Ч.1. С.585 — 587. В материалах М.Попроцкого встречаются сведения не только за 1861 г., но даётся подробное описание двух фабрик господ Занегиных за 1857 г. (Можно предположить, что речь в данном случае идёт не столько о двух фабриках, сколько о двух корпусах одной фабрики — см. сведения за 1861 г.) Ограничившись, таким образом, краткими сведениями о бывших в XIX в. фабриках с. Красного (см. прим.37), оставим вопрос их истории открытым для полного изучения исследователей.

36. Журналы IX очередного Боровского уездного земского собрания. 1873 г. Калуга, 1874. С.5.

37. Памятная книжка Калужской губернии на 1881 г. Калуга. С.109.

38. Калужская губерния: список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1863. С.31.

39. ГАКО, ф.33, оп.3, д.2003. Л.9-9 об.

40. Там же. Л.32—32 об.

41. Там же. Оп.2, д.2266, л.20.

К ИСТОРИИ СЕЛЬЦА ЩЕПИХИНА ПЕРЕМЫШЛЬСКОГО УЕЗДА И ЕГО ВЛАДЕЛЬЦЕВ РЕВЯКИНЫХ

В.И. Абакулов,

Калужский государственный объединенный краеведческий музей

Среди многих других сельских населенных пунктов Калужского края до сих пор была неизвестна история сельца Щепихина Перемышльского уезда. Хотелось бы восполнить этот пробел и, опираясь в основном на документы Государственного архива Калужской области (ГАКО), осветить некоторые страницы истории этого сельца и дворянского рода Ревякиных, владевших и проживавших в нем в середине XIX — начале XX вв.

Точно мы не можем сказать о дате возникновения этого населенного пункта. Однако о том, что он имеет древнюю историю, говорит находящийся возле этого сельца каменный крест.

По данным художника А.А. Сморгчова (80-е гг. XX в.), около деревни Щепихино находился каменный крест, которому поклонялись местные жители. В середине 90-х гг. XX в. жители Щепихина рассказывали, что вокруг креста некогда существовала ограда, горели лампы, приезжавший батюшка проводил здесь службы. Крест в народе почитали, считали, что он обладает чудодейственной силой: если человек болел, нужно было взять воды из тех колодцев, подойти к кресту, оставить возле него одежду и крестик больного,

а воду слить по камню и, вновь собрав, умыть больного или напоить его. После этого человек в течение трех дней выздоравливал или спокойно умирал. Лечили освященной водой и скотину, причем даже в советское время. Крест якобы был разбит крестьянином из деревни Алопово кувалдой на три части (в ту же ночь сестра этого крестьянина ослепла). С тех пор составленный из нескольких частей крест уже лежал на земле.¹

В 1991 г. для проверки этих данных в Перемышльский район отправился археолог Б.В. Грудинкин. Им были обнаружены остатки креста, который лежал в 400 м к западу от деревни на левом берегу речки Слободянки. Крест был вытесан из серого известняка. Два его конца полностью отколоты, один сильно поврежден, надписи и изображения отсутствовали. Толщина креста — 13 — 22 см, длина от основания до верхнего конца — 60 см, длина на уровне средокрестия — 53 см. Рядом с крестом находилась известняковая плита толщиной 7 — 14 см и размерами 53 x 41 см. По внешнему виду крест был отнесен к XII — XIV вв.

Никаких следов селища или городища возле Щепихина во время разведки обнаружено не было. По сведениям, полученным археологом от местных жителей, крест являлся чудотворным, ему приносили жертвы в виде денег и пищи. В 30-е гг. XX в. его пытались разбить и увезти. Ранее рядом с этим крестом якобы был источник с чистой водой, который затем высох.²

Известно, что Ревякины с XVII столетия связаны с Калужским краем, в то время они владели землями в Лихвинском уезде.

В писцовых книгах Лихвинского уезда 1685 и 1685 гг. в Окологородном стану в поместьях написано: «*За Иваном, Васильем Федоровыми детьми, Федором Макеевым сыном Ревякиными, поместья деда их Андрея Ревякина, жеребей дер. Борисовской, половина пустоши Сухановой, пустошь Синяевская, пустошь Гридяевская да в починке Клубнишникове пустошь Дягилевская, в жеребье двор помещиков Ивана Ревякина, двор помещиков Василья Ревякина, двор помещиков Федора Ревякина Всего 145 четвертей земли*».³

9 сентября 1701 г. после смерти Федора Макеевича Ревякина его поместье перешло к его жене Анне Григорьевне и дочери Соломониде, а последние того же числа отдали поместье по «заручной просьбе» за 30 руб. своему зятю Ермолаю Юдиновичу Шеншину. В 1728 г., после смерти Ермолая Шеншина, его жена Настасья Федоровна по челобитью получила четвертую часть поместья мужа. Вдова Настасья Федоровна Шеншина и ее сестра Соломонида (в замуже-

стве Цурикова) все отцовское имение в 1745 г. продали за 70 руб. Якову Юдиновичу Протасову.⁴

30 июня 1707 г. из лихвинского поместья Василия Федоровича Ревякина 25 четвертей земли было дано на прожиток жене его — вдове Аграфене Григорьевне, дочери — девице Авдотье 12 четвертей с осьминою, а оставшиеся от поместья 35 четвертей с четвери-ком были справлены за его сыном Алексеем.

Аграфена Григорьевна 24 мая 1708 г вышла второй раз замуж за Петра Ивановича Никитина, которому, как приданое, досталась часть дер. Борисовской. Она перешла затем детям от второго брака — Михаилу и Алексею Петровичам Никитиным.

31 июня 1728 г., после смерти Алексея Васильевича Ревякина, его часть имения была справлена за его сестрой Авдотьей, которая в это время была замужем за Михаилом Брянцовым. После смерти Авдотьи Васильевны эта часть имения перешла ее дочери Марфе Михайловне, по мужу Горбатовой.⁵

В 1783 г. 1/4 села Мыжбор Лихвинского уезда была продана Михаилом Семеновичем Аринкиным Сергею Ивановичу Ревякину, а в 1803 г. его сын Николай Сергеевич продал его Сергею Петровичу Ртищеву.⁶

С начала XIX в. представители дворянского рода Ревякиных встречаются уже в Перемышльском уезде, где они владеют небольшими поместьями.

В конце 1810 г. перемышльская помещица Марья Григорьевна Ревякина засекала свою «дворянскую девку семилетнюю Пелагею Гаврилову, которая после того умре». Умершую хоронил священник Никольской церкви села Людемска Перемышльского уезда Денис Афанасьев без исповедания с одним только приобщением святого причастия. Ему помогал дьячок Афиноген Иванов⁸

После смерти родителей — прапорщика Николая Сергеевича Ревякина и его супруги Марьи Григорьевны (?) — остались сиротами их дети Иван, Матвей и Варвара Ревякины. Принадлежащие им 9 душ крестьян села Волхонского Перемышльского уезда, оставшиеся после смерти матери, поступили в ведомство Перемышльской Дворянской Опеки. Опекуном над малолетними Ревякиными был определен их родственник — губернский секретарь Алексей Яковлевич Заварзин.⁹

Село Волконское (Волхонское) в 1782 г. принадлежало Григорию Ивановичу и Александру Дмитриевичу Яковлевым, имело 20 дворов, 110 муж., 112 жен., всего 383 дес. 639 саж. земли. Располагалось оно по обе стороны речки Большой Березуй, церковь Покрова Пресвятыя Богородицы в селе была деревянная.¹⁰

В 1824 г. село Волхонское, помимо Ревякиных, имело многих других владельцев. Капитан Николай Лукьянович Лунин владел в нем 3 душами, штаб-лекарша Александра Александровна Миролюбова 9 душами, поручик Александр Иванович Наумов 31 душой, малолетний Гаврила Александрович Ртищев 4 душами, девица Александра Андреевна Ртищева 5 душами, поручица Елизавета Григорьевна Чирьева 8 душами.¹¹

Калужский уездный суд 28 июня 1822 г. слушал дело о содержащемся под стражей в Калужской градской полиции крестьянине малолетних господ Ревякиных села Волхонского — крестьянине Андрее Андрее, судимого за кражу имущества у дворовых людей капитана-лейтенанта Егора Панина села Князь Михайлова Лихвинского уезда. Кража была совершена им в ночь на 3 февраля 1822 г. вместе с воротынским мещанином Родионом Семеновичем Седельниковым.

Андреев на допросе показал, что в Калуге находился с позволения опекуна господ Ревякиных г-на Заварзина. Тот это не подтвердил, а сказал, что Андреев уже был дважды судим за воровство и наказан плетью с возвращением в вотчину.

Принимая во внимание все это, суд 7 июля 1822 г. решил: «Андреева как нетерпимого и вредного в обществе человека сослать на поселение в Сибирь».¹²

А.Я. Заварзин в 1824 г. просил Калужское дворянское депутатское собрание (КДДС) внести своих опекунов, малолетних Ревякиных (Матвея и Варвару Николаевичей), в дворянскую родословную книгу Калужской губернии. Их дед, Сергей Иванович Ревякин, губернский секретарь, владевший, как упоминалось выше, частью села Мыжбор Лихвинского уезда, 31 января 1794 г. получил грамоту КДДС на дворянство и был внесен в VI часть дворянской родословной книги Калужской губернии.¹³

В Калужском дворянском собрании находился «Список родословной и доказательств о дворянстве рода Ревякиных». Согласно ему, дети прапорщика Николая Сергеевича Ревякина в 1824 г., Ивану было тогда 20 лет, а Матвею — 16, находились: первый в Брянском пехотном полку юнкером, а последний в Калужском благородном пансионе. Оба были холосты. Герба Ревякины не имели.

Отец малолетних Ревякиных, Николай Сергеевич, согласно формулярному списку за 1811 год, «имел имения Калужской губернии Перемышльского уезда в сельце Вышнем Озерске 9 душ» и прошел следующую службу: с 1 января 1787 г. был капралом в Измайловском полку, с 1 января 1789 г. — прапорщиком в том же полку.

После отставки 1 января 1789 г. он был в Калуге кварталным надзирателем с 15 декабря 1790 по 1798 год. По выбору Лихвинского дворянства по Высочайшему о милиции манифесту находился сотенным начальником с 25 декабря 1806 г., с 31 января 1810 г. служил заседателем в Лихвинском земском суде. Был в походах во время Французской кампании. Ревякин был женат, имел сына Ивана восьми лет, Матвея четырех лет. Под судом и в штрафах не был.¹⁴

Копия с формулярного списка Н.С. Ревякина была выдана Алексею Яковлевичу Заварзину из Калужского губернского правления 9 августа 1824 г. (по прошению). 19 сентября того же года в КДДС слушали новое прошение А.Я. Заварзина о его опекунах Ревякиных. При этом «собрание не осмелилось внести их в дворянскую родословную книгу, за отсутствием всех доказательств».¹⁵

Сельцо Вышний Озерск, частью которого владели в начале XIX в. Ревякины, в 1782 г. принадлежало Александру Никитичу Киреевскому, Максиму Гавриловичу, Ефиму Ивановичу, Макару и Арефью Ивановичам, Якову Никифоровичу Богатыревым, а также Авдотье Семеновне Голофеевой и Ивану Герасимовичу Забусову. Имело 11 дв., 26 муж., 21 жен., земли было 224 дес. 896 саж. Сельцо располагалось на левом берегу речки Озерчанки.¹⁶

В упоминаемом 1824 г. в сельце Вышнем Озерске, помимо Ревякиных, крестьянами владели следующие помещики: штабс-капитан Федор Арефьевич Богатырев (8 душами), майор Козьма Алексеевич Богатырев (5 душами), прапорщица Анисья Семенова Богатырева (5 душами), малолетние Захар и девицы Варвара и Александры Николаевны Богатыревы (10 душами), прапорщица Александра Петровна Грязева (1 душой), прапорщик Иван Тимофеевич Грязев (также 1 душой).¹⁷

Дворянский заседатель Перемышльского уездного суда Качанов 9 июня 1827 г. с понятными крестьянами разных селений, в том числе сельца Волхонского малолетних Ревякиных, осматривал отведенное новое кладбище в селе Людемске.¹⁸

В Государственном архиве Калужской области сохранилось духовное завещание коллежской секретарши Агафьи Алексеевны Ревякиной: «Я раба Божия из дворян урожденная Заварзина, будучи в здравом рассудке и совершенной памяти, но, желая на случай смерти моей распорядиться в оставшемся после меня имении учинила сие духовное завещание в том: 1). По кончине жизни моей все мое движимое и недвижимое имение, доставшееся мне 1818 г. сентября 4 дня по купчей от покойной тетки моей родной, из дворян губернской секретарши Авдотьи Сергеевой дочери Ворониной, состоящее Пере-

мышльского уезда в сельце Вышнем Озерске Нелюбовка тож с людьми и крестьянами с их женами и детьми с господским домом, службами, всею землею, с лесы, санными покосы и на речке Сырене ... предоставляю в собственное и единственное мужа моего из дворян коллежского секретаря Николая Алексеева сына Ревякина владение и распоряжение с правом все то имение ему мужу моему продать и заложить и деньги употребить куда заблагорассудится. 2). Если муж мой предоставленного мною имения в жизнь свою не проживет, тогда само по себе поступает сие имение в наследство сыну нашему малолетнему Николаю, или еще могущим быть нашим детям, но в случае оных смерти, тогда мое имение (кроме движимого) отдать во владение и распоряжение сестре моей двоюродной вдове из дворян титулярной советнице Варваре Николаевой Васильевой, урожденной Ревякиной и брату ее родному поручику Матвею Николаеву сыну Ревякину, на таком же праве, как и мужу моему, а как из них Варвара есть вдовствующая, а брат ее Матвей холостой, то в случае их, первой невыхода в замужество, а последнего бездетства, оставшееся после их смерти мое имение предоставить в род брата моего родного поручика Федора Алексеева сына Заварзина и его приемников Сие духовное завещание по воле завещательницы писал канцелярист Александр Иларионов сын Попов декабря 20 дня 1839 г. Удостоверяю — духовный отец ее Лихвинского Троицкого собора протоиерей Василий Онисимов сын Сахаров».¹⁹ Завещание было утверждено Калужской Палатой Гражданского Суда 28 декабря 1842 г.

Помещики Заварзины владели в 1824 г. в Перемышльском уезде в селе Желохове 37 и деревне Лучкиной 7 душами. Среди владельцев были и малолетние Федор и Егор Алексеевичи Заварзины, возможно, братья Агафьи Алексеевны, которая в 1824 г. была замужем за коллежским секретарем Николаем Алексеевичем Ревякиным и владела в сельце Вышнем Озерске Перемышльского уезда 7 душами.²⁰

В сельце Вышнем Озерске за Агафьей Алексеевной Ревякиной в 1839 г. было уже 11 мужского пола душ с их женами и детьми. Движимое ее имение оценивалось в 1345 руб. серебром.²¹

15 апреля 1843 г. члены временного отделения Перемышльского Земского Суда, прибывшие в сельцо Вышний Озерск, ввели во владение имением коллежского секретаря Николая Алексеевича Ревякина. Вводной лист подписали исправник Сомов, пристав Лихачев и уездный стряпчий Попов.²²

Подробности о службе Николая Алексеевича Ревякина мы можем узнать из его формулярного списка 31 июля 1852 г.:

«Коллежский секретарь Николай Алексеев сын Ревякин отправля-

ет должность письмоводителя при Посреднике Перемышльского уезда 1-го и 2-го участков. 58 лет. Православного вероисповедания, воспитывался по сиротству в доме родственников его. Из дворян.

Имение: родовое — по 9 ревизии 13 душ, при них земли 46 дес. принадлежат ему Ревякину. Другого имения не имеет.

Служба: в Лихвинском уездном суде копиистом с 9 июня 1804 г., подканцеляристом с 12 октября 1807 г., канцеляристом с 8 октября 1810 г. Произведен коллежским регистратором 31 декабря 1813 г., губернским секретарем 31 июля 1816 г. Утвержден секретарем 27 июля 1817 г., коллежским секретарем 31 декабря 1820 г.

В Калужском земском суде служил секретарем с 1 марта 1834 г., в Медынском уездном суде секретарем же с 6 мая 1838 г.

По распоряжению Калужского Губернского Правления переведен в Лихвинский уездный суд секретарем 16 июня 1838 г.

Сверх того многократно исправлял должность уездного стряпчего по городам Лихвину и Медыни.

Калужским Губернским Правлением определен Перемышльского уезда 1-го участка к посреднику письмоводителем 20 апреля 1843 г.

В походах, сражениях не был.

Под судом был 1824 г. по делу из дворян о канцеляристах Родионове и за ссылку на одни сутки под стражу купца Засыпкина крестьянина по случаю табельного дни и по решению Уголовной Палаты подвергнут был денежному штрафу без взноса в список, но оный с него по манифесту 22 августа 1826 г. сложен.

В отпусках не был.

С 20 февраля по 12 апреля 1835 г., марта 1840 г. по 20 апреля 1843 г. за болезнь без награждения чина был в отставке.

Вдов. Имеет сына Николая 1836 г. ноября 23, дочь Марию 1840 г. января 5 дня. Находятся первый в городе Перемышле в уездном училище, а последняя при отце. Православного исповедания».²³

Ревякины Матвей Николаевич с женою Надеждою Васильевою, сыном Николаем и дочерьми Ольгою, Софьєю и Любовью определены Калужским Дворянским Депутатским Собранием (КДДС) 10 мая 1856 г. во II часть дворянской родословной книги Калужской губернии. Сенатский указ № 5288 последовал 14 августа 1856 г.²⁴

В метрических книгах Сошестввенской церкви г. Перемышля 29 июня 1861 г. под № 5 записано: «У письмоводителя Перемышльского дворянского предводителя коллежского регистратора Николая Николаева Ревякина и законной жены его Елисаветы Васильевой родился сын Павел. Восприемники были коллежский ассессор Гавриил

Егоров Антонов, белевский помещик губернский секретарь Николай Федоров Заварзин, вдовая титулярная советница Анна Тимофеева Андреева и новосильская помещица из дворян девица Надежда Иванова Алексеева».²⁵

В метрических же книгах церкви Обновления храма Воскресения Христова села Алопова Перемышльского уезда «значится записанным так: 1866 года марта 17 марта № 11-й сельца Щепихина у неперменного заседателя Перемышльского полицейского управления Николая Николаева Ревякина и законной жены его Елисаветы Васильевой православного вероисповедания родился сын Сергей. Восприемники его были коллежский регистратор Федор Павлов Добров, из дворян девица Мария Николаева Ревякина, перемышльский уездный предводитель дворянства — коллежский секретарь Александр Харлампиев Муромцев, помещица Белевского уезда коллежская секретарша Надежда Алексеева Сюдюкова, Перемышльский уездный исправник штабс-капитан Иван Сергеев Чернышев и помещица Новосильского уезда поручица Варвара Васильева Алексеева.

Таинство крещения совершал приходской священник Федор Добров с причтом, дьячок Василий Скворцов, пономарь Гречанинов».²⁶

Сельцо Щепихино (Щетихина), частью которого с середины XIX в. стали владеть Ревякины (и владели ею вплоть до 1917 г.), проживая в сельце в своем усадебном доме, согласно «Описаниям и алфавитам к Калужскому атласу» в 1782 г. принадлежало Дементью Андреевичу и Федору Матвеевичу Чичериным. В нем было 16 дворов, 83 мужчин и 80 женщин. Усадьба занимала 15 дес. 5 саж., пашни было 310 дес. 400 саж., сенных покосов 3 дес. 200 саж., неудобных мест 3 дес. 260 саж. Всего при сельце значилось 331 дес. 865 саж. земли. Сельцо Щепихино располагалось на правом берегу безымянного оврага и речки Столбенки по обеим берегам. На речке был пруд и мучная мельница. Господский дом был деревянным, при нем плодовый сад. Крестьяне были на барщине.²⁷ (Ревякины ни в одном уезде Калужского наместничества в «Описаниях» 1782 г. почему-то не значатся).

В 1824 г. в сельце Щепихине подпоручица Прасковья Макаровна Грязева владела всего одной крестьянской душой.²⁸ Большая же часть крестьян этого сельца принадлежала генеральше Елизавете Петровне Чичериной (93 души). Владела Чичерина также 11 душами в селе Алопове, 10 в сельце Воробьеве, 105 в сельце Кромине, 122 в сельце Слободке, 9 в дер. Свинуховой Перемышльского уезда и в дер. Каторгинке Козельского уезда 23 душами.²⁹

По купчей крепости, совершенной 3 марта 1827 г. во 2-м депар-

таменте Московской палаты гражданского суда, часть села В. Алопова (22 души), сельца Родной Слободки и сельца Щепихина (180 душ) достались А.Я. Мирковичу от его жены Екатерины Александровны Миркович, урожденной Чичериной.³⁰

При межевании земли разных владельцев в селе В. Алопове 30 мая 1830 г. среди других присутствовали «*по дачи сельца Щепихина надворного советника Дементья Чичерина крестьянин Иван Никитин, прапорщика Богатырева без доверенности крестьянин Иван Нефедов*»³¹

По «Списку населенных мест» 1859 г. сельцо Щепихино находится в 14 верстах от Перемышля, по правую сторону почтового Киевского тракта, в первом стане Перемышльского уезда. В сельце в это время было 13 дворов, в которых проживали 52 мужчины и 61 женщина.³²

5 октября 1859 г. у крестьянина этого сельца Льва Денисова, принадлежавшего г-ну Мирковичу, неизвестными была уведена лошадь четырех лет, стоящая 50 руб.³³

21 мая 1862 г. была составлена, подписана, утверждена и введена в действие уставная грамота на сельцо Щепихино. Вместо владевшего сельцом генерал-майора Александра Яковлевича Мирковича, этим делом занимался по доверенности его сын гвардии полковник Александр Александрович Миркович. Дворовых по грамоте в сельце не значилось, было 53 мужского пола крестьянские души. Всей земли при сельце состояло 331 дес. 865 саж., из которой в пользование крестьян выделялось 157 дес. 360 саж. За предоставляемую землю крестьяне обязаны были платить со всех наделов 449 руб. 81 1/10 коп. в год. Интересно, что среди пределов и рубежей земель, поступивших в пользование крестьян сельца Щепихина, упоминается и урочище Каменный крест (о кресте см. выше).³⁴

Выкупной договор между А.Я. Мирковичем и крестьянами, жившими в селе В. Алопове, сельцах Родной Слободке и Щепихине (всего 202 души) был составлен 20 июня 1862 г.

А.Я. Миркович 2 ноября 1862 г. просил Калужское губернское по крестьянским делам присутствие — согласно составленному с крестьянами выкупному договору — «*выдать причитающиеся деньги (выкупную ссуду — В.А.) и билеты в г. Калуге, по случаю моего здесь постоянного пребывания*».³⁵ Главное выкупное учреждение при Санкт-Петербургской Сохранной казне 10 января 1863 г. просило госбанк, удержав по займам Мирковича 3 августа 1844 г. и 20 августа 1853 г. капитала и процентов 10215 руб. 33 коп. и 42 руб. 52 1/2 коп. казенной недоимки, остальные 12635 руб. 47 1/2 коп. просителю выдать.³⁶

В 1866 г. бывший уже в отставке А.А. Миркович, управлявший имением по доверенности отца, неоднократно подавал в Калужское губернское присутствие жалобы на своих временно обязанных крестьян сельца Родной Слободки и сельца Щепихина, которые, якобы, не платили ему денег по дополнительному платежу согласно заключенному ими с помещиком приговору от 20 мая 1862 г. И.Д. мирового посредника Щербачев сообщал в присутствие, что он вызывал к себе сельских старост указанных в жалобе селений, и те предоставляли ему квитанции об оплате большей части дополнительного платежа. В недоимке значилось лишь 62 руб. 53 коп., а не 307 руб., как утверждал Миркович. Не удовлетворившись этим разбирательством, А.А. Миркович еще и 23 марта 1869 г. просил нового губернатора Казначеева, чтобы ему уплатили упоминавшиеся недоимки. Хотя к тому времени это имение его отцом было уже продано³⁷. Это произошло приблизительно в 1866 г., т.к. в указанной выше метрической записи Обновленской церкви с. В.Алопова на этот год значится, что у Н.Н. Ревякина родился сын в сельце Щепихине. А купила у Мирковичей часть этого сельца Е.В. Ревякина (см. ниже).

В ГАКО сохранился формулярный список о службе Перемышльского уездного Полицейского Управления неперменного заседателя титулярного советника Николая Николаевича Ревякина за 1869 г.

Ревякину было «*30 лет, вероисповедания православного, орденов и знаков отличия не имеет. Жалованья получает в год 280 руб. 46 коп. серебром.*

Имение родовое общее с сестрою состоит Перемышльского уезда земли 35 дес. и поселенных на ней крестьян 10 душ.

Ужены имение приобретенное Перемышльского уезда в сельце Щепихине 111 дес. 1247 саж. земли.

Получил воспитание в Перемышльском уездном училище и по окончании курса наук в службу вступил в Перемышльский уездный суд 1853 г. 30 июля.

По прошению перемещен в канцелярию Перемышльского уездного предводителя дворянства к той же должности 19 июля 1854 г.

Калужским Губернским Правлением утвержден письмоводителем 23 декабря 1855 г.

В походах, сражениях, в штрафах, в отпусках, в отставке не был. Женат на Елизавете Васильевой. Имеет сына Павла, родившегося 29 июня 1861 г. Жена и сын православного исповедания.

Высочайшим приказом, отданным по Гражданскому Ведомству 7 июля 1858 г., награжден чином коллежского регистратора со старшинством 30 июля 1857 г.

По Высочайшему докладу г-на президента попечительного общества в тюрьмах Высочайше утвержден директором Перемышльского Тюремного отделения в 1861 г.

Высочайшим указом, отданным по гражданскому ведомству 26 января 1862 г. № 15, награжден чином губернского секретаря со старшинством 30 июля 1861 г.

Состоя по выбору дворянства кандидатом на должность непременно заседателя Перемышльского Уездного Полицейского управления, за увольнением заседателя Сомова, определен на должность указом Калужского Губернского Правления от 5 июля 1863 г. за № 5243.

Дворянством Перемышльского уезда избран в ту же должность 31 мая 1866 г.

Допущен к исправлению этой должности 1 июля 1866 г. Утвержден в оной 28 сентября 1866 г.

Указом Правительствующего Сената по Департаменту Герольдии от 28 февраля 1867 г. за № 27 награжден чином коллежского секретаря со старшинством 30 июля 1863 г.

Указом Правительствующего Сената по Департаменту Герольдии от 14 августа 1868 г. за № 47 произведен в титулярные советники со старшинством 30 июля 1866 г.»³⁸

Н.Н. Ревякину 15 февраля 1874 г. было выдано свидетельство за подписью Перемышльского уездного предводителя дворянства М. Барыкова в том, что его отец Николай Алексеевич владел в имении в сельце Верхнем Озерске Перемышльского уезда 10 душами. После смерти отца они перешли его сыну Николаю Николаевичу. Оба имением владели на дворянском праве. «А ныне (имение — В.А.) передано на основании Положения о мелкопоместных владельцах в казну».³⁹

Из «Посемейного списка надворного советника Н.Н. Ревякина» 1876 г. узнаем, что «имения его в Перемышльском уезде при селе Алопове состоит 6 дес., за женою при сельце Щепихине 120 дес. и при сельце Якшине Новосильского уезда Тульской губернии 130 дес».⁴⁰ Проживали Ревякины в сельце Щепихине.

Подробности о продолжении его службы после 1869 г. можно узнать из очередного формулярного списка 1876 г.

«Надворный советник Николай Николаевич Ревякин секретарь Перемышльского съезда Мировых судей, 40 лет, вероисповедания православного, знаков отличия не имеет.

Жалованья получает в год 120 руб. Из дворян.

Оставшееся за наделом крестьян родового имения в Перемышльском уезде 14 дес. земли. За женою его состоит Перемышльского

уезда земли 115 дес. 600 саж. и Новосильского уезда Тульской губернии 125 дес.

Прекратил службу 23 июня 1869 г.

По ордеру г-на Председателя съезда мировых судей Перемышльского округа определен и.д. секретаря съезда мировых судей этого округа 25 февраля 1870 г.

Указом Правительствующего Сената от 27 января 1871 г. за № 501, адресованным в съезд мировых судей Перемышльского округа, награжден чином коллежского асессора со старшинством со 2 апреля 1870 г.

Утвержден в должности секретаря съезда 15 марта 1871 г. Указом Правительствующего Сената от 19 сентября 1874 г. № 2625 награжден чином надворного советника со старшинством со 2 апреля 1874 г.

Женат на Елизавете Васильевне, имеет детей: Павла и Сергея. Дети находятся при родителях. Вероисповедания православного».⁴¹

20 декабря 1878 г. в КДДС слушалось дело по прошению надворного советника Н.Н. Ревякина о признании его с семейством в древнем потомственном дворянстве. Члены Собрания определили: «КДДС, будучи лишено возможности сделать постановление о правах Николая Николаевича Ревякина на древнее потомственное дворянское достоинство, полагает: объявить о сем Ревякину чрез Перемышльское Уездное Полицейское Управление».⁴²

Дворяне Ревякины по силе своих возможностей поддерживали церковь Обновления храма Воскресения Христова в с. В. Алопове, прихожанами которой они были (Об истории упоминаемого храма можно узнать из другой нашей работы⁴³). Так, в 1880 г. Н.Н. Ревякин построил на свои средства дома для священно и церковнослужителей на церковной усадебной земле в селе Алопове. Дома состояли в собственности церкви. Выше упоминалось, что ктитор этого храма являлся также владельцем нескольких десятин земли в этом селе.⁴⁴

В 1884 г. сын надворного советника Николая Николаевича Ревякина Павел состоял на службе в КДДС.⁴⁵

В феврале 1894 г. канцелярский чиновник надворный советник Н.Н. Ревякин подавал прошение КДДС, в котором писал: «Находясь в отпуску для излечения болезни, прошу уволить от службы по болезни. Исходатайствовать выслуженною мною пенсию по должности секретаря съезда мировых судей Перемышльского округа со дня окончания срока той службы с 1 февраля 1892 г., к которой я был представлен.

Болезненное состояние, 40-летняя служба, неблагоприятные об-

стоятельства семейные и экономические . прошу исходатайствовать мне усиленную пенсию. Пенсию желаю получать из Перемышльского Уездного Казначейства». ⁴⁶

При прошении прилагалось несколько свидетельств, объясняющих подробности ходатайства Ревякина.

«Дано сие от Перемышльского уездного предводителя дворянства бывшему секретарю съезда мировых судей Перемышльского судебного округа, оставшемуся за штатом по упразднении мировых учреждений, из дворян надворному советнику Николаю Николаевичу Ревякину в том, что состоит за ним Перемышльского уезда при селе Олопове имение, заключающееся в 21 дес. земли, каковое находится в залоге в Перемышльском Общественном Банке в сумме 131 руб. и состоит должным тому же банку по разным векселям 3490 руб. Имеет семейство, состоящее из жены Елизаветы Васильевой, одержимой хронической болезнью, поддерживаемой специальным пособием с 1843 г., двух находящихся при нем сыновей. Одного из них с женою и двумя детьми и сестры девицы Марии Николаевой, а сам Ревякин вследствие долговременной и непрерывной 40-летней службы подвержен болезням, требующим лечения. Притом 19 октября сего года сгорели у него постройки и весь урожай хлеба. Дано сие 8 декабря 1893 г. Перемышльский Уездный Предводитель дворянства князь Урусов». ⁴⁷

14 февраля 1894 г. Перемышльским уездным врачом, статским советником Саловым, было проведено освидетельствование здоровья Н.Н. Ревякина. Согласно его заключению, *«Ревякин 57 лет от роду, среднего телосложения, мышцы дряблыя, по временам проявляются отеки в верхних и нижних конечностях и в глазных веках, при этом он жалуется на расстройство пищеварения и истощение сил, на боли в пояснице. Ревякин одержим хроническим воспалением почек и хроническим ревматизмом конечностей».* ⁴⁸

Согласно «Аттестата» 15 марта 1894 г. Н. Н. Ревякин был кавалером орденов Св. Владимира 4-й ст., Св. Станислава 2-й ст., и Св. Анны 3-й ст. Происходил из обер-офицерских детей. Родового имени у него в Перемышльском уезде числилось 21 1/4 дес. земли, за женой родового имени в том же уезде было 119 дес. и в Новосильском уезде Тульской губернии 130 дес. земли. Сын Николая Николаевича, Павел, состоял при Калужском окружном суде и получал 10 руб. жалованья в месяц, сын Сергей был болезненным. Сергей Николаевич, его жена и двое малолетних детей (один из них с хронической болезнью) находились при Н.Н. Ревякине.

Дохода с имений Ревякин получал в год от 800 до 1000 руб. Расходов на уплату повинностей было 200 руб., долга по залогу

имения и векселям 8490 руб., процентов по ним уплачивалось до 700 руб. ⁴⁹

Если к этому добавить болезнь жены и осенний пожар 1893 г., то положение дел Н.Н. Ревякина в это время было далеко не завидным.

6 апреля 1894 г. определением КДДС Ревякины Николай Николаевич с женою Елизаветою Васильевною и сыновьями Павлом и Сергеем внесены в VI часть дворянской родословной книги Калужской губернии. Утверждены Сенатским указом № 3399 от 16 июня 1894 г. ⁵⁰

В июне 1894 г. Николай Николаевич Ревякин, живший в сельце Щепихине Перемышльского уезда, подавал прошение в КДДС, в котором просил выдать ему свидетельства «для предоставления в Московское отделение государственного Дворянского Земельного банка о принадлежности жены Елизаветы Васильевой к потомственному дворянскому достоинству». ⁵¹

В КДДС это прошение слушали 17 июня того же года и определили: «Свидетельства выдать». Под чем и подписался губернский предводитель дворянства Н.С. Яновский. ⁵²

В 1915 г. сельцо Щепихино, входившее в приход церкви с. В. Алопова, насчитывало 23 двора, в которых проживали 81 мужчин и 90 женщин. ⁵³

Агентом страхового «Русского общества» в сельце Щепихине в 1916 г. был Сергей Николаевич Ревякин. ⁵⁴

Какова судьба Ревякиных после 1917 г., нам неизвестно. В настоящее время в сельце Щепихине коренных жителей осталось немного, только летом население увеличивается за счет приезжающих дачников. Выявление в архивах новых документов позволит приоткрыть следующие неизвестные страницы истории рода Ревякиных, а также историю тех населенных пунктов Перемышльского края, которыми они владели.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Перепелицын А.А. Взять воды из трех колодцев // Весть (Калуга). 1 августа. 1998г.
2. Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках и раскопках в Калужской и Тульской областях в 1991 г. / Научный архив КГОКМ 15 И/43, л. 7 — 8.
3. Государственный архив Калужской области (ГАКО), ф. 66, оп. 2, д. 1366, л. 8 — 8 об., 11 об.
4. Там же. Л. 4, 10 об.
5. Там же. Л. 5, 9.
6. Там же. Л. 4.
7. ГАКО, ф. 261, оп. 1, д. 1272, л. 1.
8. Абакулов В.И. История Никольской церкви в с. Гришово Бабынинс-

кого района. // Сквозь века : Материалы 2-й городской краеведческой конференции. Калуга, 1999. С. 63-66; Абакулов В.И. Древний город Люди-мск. // Песоченский историко-археологический сборник. История. Культура. Персоналии. Вып. 4, ч. II. Киров, 2000. С. 11 — 14.

9. ГАКО, ф. 66, оп. 1, д. 704, л. 1.
10. Описания и алфавиты к Калужскому атласу. Ч. II, СПб., 1782. С. 104.
11. ГАКО, ф. 66, оп. 1, д. 720, л. 146 об., 148, 150 об., 151, 155 об.
12. ГАКО, ф. 440, оп. 1, д. 228, л. 1-2 и об.
13. ГАКО, ф. 66, оп. 1, д. 704, л. 1.
14. Там же. Л. 2 об.-5.
15. Там же. Л. 11.
16. Описания и алфавиты к Калужскому атласу. Ч. II. СПб., 1782. С. 60.
17. ГАКО, ф. 66, оп. 1, д. 720, л. 137 об., 140 об.
18. ГАКО, ф. 62, оп. 1, д. 2214, л. 32 — 32 об.
19. ГАКО, ф. 66, оп. 2, д. 1366, л. 15 — 16, 16 об.
20. ГАКО, ф. 66, оп. 1, д. 720, л. 142 об., 143-143 об., 151.
21. ГАКО, ф. 66, оп. 2, д. 1366, л. 16 об., 17 — 17 об.
22. Там же. Л. 20.
23. Там же. Л. 23 об., 24 — 24 об.
24. Булычов Н.И. Калужская губерния. Список дворян, внесенных в Дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 г. и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 г. Калуга, 1908. С. 69.
25. ГАКО, ф. 66, оп. 2, д. 1366, л. 26.
26. Там же. Л. 27 — 27 об.
27. Описания и алфавиты к Калужскому атласу. Ч. II, СПб., 1782. С. 39.
28. ГАКО, ф. 66, оп. 1, д. 720, л. 140 об.
29. Там же., Л. 154 об., 235.
30. ГАКО, ф. 30, оп. 1, д. 1317, л. 30.
31. ГАКО, ф. 159, оп. 1, д. 441, л. 70.
32. Калужская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1863. С. 156.
33. Калужские Губернские Ведомости. № 43, 24 октября 1859 г. Отд. 1. С. 210.
34. ГАКО, ф. 30, оп. 1, д. 4014, л. 2 — 5.
35. ГАКО, ф. 30, оп. 1, д. 1317, л. 10.
36. Там же. Л. 16, 30.
37. ГАКО, ф. 30, оп. 3, д. 1003, л. 6, 19, 28 об.-29.
38. ГАКО, ф. 66, оп. 1, д. 994, л. 13, 14 об., 15 об.
39. ГАКО, ф. 66, оп. 2, д. 1366, л. 21.
40. Там же. Л. 29 об. - 30.
41. Там же. Л. 42 об. — 45 об.
42. Там же. Л. 73 — 74-74 об.
43. Абакулов В.И. История церкви Обновления храма Воскресения Христова в селе Верхнее Алопово Перемышльского уезда. // Калуга в шести веках: Материалы 3-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2000. С. 299 — 308.
44. ГАКО, ф. 33, оп. 2, д. 2205, л. 329 об.
45. ГАКО, ф. 66, оп. 2, д. 1808, л. 2.

46. ГАКО, ф. 66, оп. 2, д. 2536, л. 1 — 1 об.

47. Там же. Л. 3.

48. Там же. Л. 7 — 7 об.

49. Там же. Л. 8 — 9 об., 10, 10 об.

50. Булычов Н.И. Калужская губерния. Список дворян, внесенных в Дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 г. и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 г. Калуга, 1908. С. 144.

51. ГАКО, ф. 66, оп. 2, д. 2517, л. 1.

52. Там же. Л. 3 — 4.

53. ГАКО, ф. 33, оп. 2, д. 2205, л. 347.

54. Памятная книжка Калужской губернии на 1916 г. С. 190.

СЕЛО, КАКИХ В ОТЧИЗНЕ МНОГО ...

История с. Детчино

Н.Д. Агальцова,

Детчинская средняя школа

С незапамятных времен селились на берегах рек люди, иные из поселений давно исчезли, другие разрослись в крупные населенные пункты. В их числе и село Детчино, раскинувшееся в среднем течении реки Суходрев, в 36 км от Калуги по дороге в Малоярославец.

Как деревня Детчино впервые упоминается в 1587 г.¹, но, несомненно, поселение возникло значительно раньше. Свое название, по-видимому, получило по фамилии владельца, и подтверждением этого служит встречающаяся в архивных документах XVIII — XIX вв. среди священнослужителей фамилия Детчин.² Возможно, это угасающий боярский род, получивший в период раздачи земель «служилым людям». Существует красивая легенда об изобилии дичи в наших местах и первоначальном названии села «Дичино», что противоречит слову дичь, да и в первом письменном упоминании о деревне Детчино присутствует буква «т».

Интересна и владельческая принадлежность села Детчина. С 1621 г. до начала XIX в. село разделено на две части: 1/3 и 2/3 соответственно и по площади и разной владельческой принадлежности. В Калужском архиве сохранились карты генерального межевания, подтверждающие это.³ На протяжении XVII в. 2/3 владело не одно поколение Булгаковых, один из которых Богдан Юмшанович (Васильевич) проявил себя с наилучшей стороны во время Смоленской войны (1632 — 1634 гг.) и получил за это денежное вознаграждение, отрез добротного английского сукна и «земельную придачу» к своим владениям.⁴

В XVIII в. новые владельцы князя Хилковы приступают в 1710 г. к постройке нового каменного храма, взамен сгоревшего деревянно-го. В «описаниях и алфавитах к Калужскому атласу» 1782 г. находим описание села *«две трети села Детчина и деревня Доманова с пустошами княгини Прасковьи Григорьевны дочери Хилковой, 15 дворов, 100 мужских и 102 женских душ. Всего земли 844 десятины 1410 сажень. Село на правой стороне реки Суходрев и при большой дороге, лежащей из Калуги в Малоярославец; церковь каменная Благовещения Пресвятые Богородицы, дом господский деревянный; на реке мушная мельница о двух поставках; земля шоватая с песком; хлеб родится и покосы травой средственны; крестьяне на пашне»*. Кроме этого, Хилковым принадлежало много пустошей и село Кульнево, всего земли около 1800 десятин.

Треть села Детчина Марьи Гавриловой — дочери Родиловой, Василия Алексева — сына Жохова, Льва Андреева, Марии Егоровой, Михаила Андреева, Степана Миронова — детей Рахмановых, 7 дворов, 30 мужских и 14 женских душ. Земли всего 198 десятин 1957 саж. Селение на правой стороне р. Суходрев, дачи ж по обе стороны той же реки и большой дороги, лежащей из Калуги в Малоярославец.

В конце XVIII в. 2/3 села Детчина по купчей переходят во владение премьер-майору Василию Лаврентьевичу Львову, родному брату Калужского Губернатора Андрея Лаврентьевича Львова.⁵

В 1794 г. он открывает винокуренный завод, приносящий немалый доход.⁶

В период с 11.12. 1785 г. по 9.12. 1788 г. В.Л. Львов занимал выборную должность Малоярославецкого уездного предводителя дворянства, в селе не проживал.

В 1826 г. имение по духовному завещанию переходит к племяннице Василия Лаврентьевича — Александре Андреевне Львовой, в замужестве за полковником Поливановым, участником войны 1812 г.⁷ Это первые помещики, поселившиеся на постоянное жительство в селе, здесь рождались их дети, на приходском кладбище нашли вечный покой души хозяев имения. В 1836 г. Детчино уже в единственном владении полковницы Поливановой и было отмечено благоустройством крестьянского быта и платою всех крестьянских повинностей процентами с капитала, внесенное в кредитное место.⁸

Очередным владельцем с 1852 по 1879 гг. становится штабс-ротмистр, 37-летний Атрыганьев Александр Алексеевич. Три трехлетия с 1869 по 1878 гг. он избирается на должность предводителя

Малоярославецкого уездного дворянства. В 1857 г. со знанием дела заводит конский завод высококровных рысистых лошадей хреновской породы, для этого им был выстроен конный завод, сохранившийся до наших дней.⁹ Это единственный помещик, у которого не сложились отношения с крестьянами: поджоги хлебного и скотного сараев, риги¹⁰, порубка леса показывают неприязненное отношение крестьян к своему помещику. Со своей стороны он сильно притеснял крестьян штрафами в больших размерах.

В декабре 1865 г. Атрыганьев обращается в Калужское дворянское депутатское собрание с просьбой о внесении его во вторую часть родословной книги по Калужской губернии, на что последовал указ Сената от 1 марта 1866 г.¹¹

Тульский купец II гильдии Андрей Степанович Русаков, владевший нашим селом с 1879 по 1888 гг. открывает в 1882 г. чугунолитейный завод¹² и восстанавливает работу винокуренного завода. При нем в 1880 г. открывается двухклассное земское училище.¹³ 24 января 1894 г. имение за 95 000 руб. серебром покупает Ольга Карловна Гончарова «со всеми находящимися в нем землями, водами и лесами 1081 десятины 745 саж., винокуренным и чугунолитейным заводами, водяною мукомольною мельницей о трех поставках, находящимися в бездействии и не приносящими никакого дохода, с паровыми и другими машинами, посудой, формами, моделями, материалами и со всем конным заводом, крупорушкой, лавкою, господским домом, двумя флигелями и всеми прочими усадебными, заводскими и хозяйственными жилыми и нежилыми строениями, в том числе постоянным двором».¹⁴ После трагической смерти Ольги Карловны имение разделилось между детьми, к тому времени еще несовершеннолетними: Борисом, Николаем, Ниной, Натальей и Ольгой. По окончании Московского университета и достижении совершеннолетия Борис и Николай они вступают в свои права. Борис Дмитриевич с 1905 до 1918 гг. был предводителем Малоярославецкого уездного дворянства, Николай Дмитриевич до 1912 г. председатель уездной земской Управы. В 1914 г., 8 июня, он продает часть своего имения, состоящего при селе Детчино, 326 десятин 2112 кв. сажень за 85 000 руб. серебром церемониймейстеру Двора Его Величества князю Калужскому губернатору Сергею Дмитриевичу Горчакову.¹⁵

В 1914 г. Борис Дмитриевич открывает тесемочную фабрику, которая работала для нужд войны и вырабатывала льняную и бумажную тесьму для интендантства и артиллерийского ведомства.¹⁶ Сохранились сведения о владельцах сельских хозяйств за 1917 г.: 1)

Гончаров Борис Дмитриевич — экономка, две скотницы, кучер и 108 фабричных рабочих. 2) Горчаков Сергей Дмитриевич — управляющий именем, старший сельскохозяйственный рабочий и 8 человек сельхозработников, конюх, скотник. Такова владельческая принадлежность Детчина до 1918 г.

В заглавие своей статьи я взяла строки из стихотворения нашего поэта, члена Союза писателей Н.Ф. Полунина, жившего в Детчине до 1972 г.: «село без рангов и чинов». Но были таковые, и не только были, но и остались.

В 1776 г. при образовании наместничеств и уездов последние были поделены на волости, об этом свидетельствуют хранящиеся в Краеведческом музее карты восьми волостей Малоярославецкого уезда, датированные 1779 г.

Детчинская волость образовалась из 9 смежных крестьянских обществ, отдаленных от волостного центра не более чем 12 верст, на трехлетие избирался староста общества, выполняющий административно-полицейские обязанности. Общество объединяло крестьян каждого помещичьего имения, свои хозяйственные вопросы они обсуждали и решали на сельских сходах, исполнять решения сходов должен был сельский староста.

Волость по возможности совпадала с приходами, она могла объединять несколько малочисленных приходов, но не дробить их. Детчинская волость объединяла пять приходов. Благовещенский в селе Детчино, Никольский в с. Савиново, Успенский в с. Сетунь, Св. Пятницы в с. Смахино, великомученика Георгия в с. Михеево. После отмены крепостного права в 1861 г. создалась следующая схема волостного управления: волостной сход, волостное правление, волостной старшина, волостной суд. Пленум ВЦИК в феврале 1924 г. проводит реорганизацию административно-территориального деления с укреплением волостей. В Малоярославецком уезде из 8 остается 4 волости, при укреплении учитывалось, чтобы при каждом волостном центре был бы торговый пункт, почта, телеграф, врачебный пункт и агрономические землеустроительные участки. Детчинская волость была оставлена с присоединением к ней полностью Бабичевской и части Башмаковской волостей с населением в 17089 человек, самой многочисленной из четырех.¹⁸ В 1926 г. в волости было 21 сельских Советов.

В 1929 г. в результате проведенной реформы государственного устройства были упразднены губернии, уезды и волости. Образовавшийся Постановлением Президиума ВЦИК РСФСР от 12 июля 1929 г. Детчинский район вошел в состав Московской области, а с

1937 по 1944 г. Тульской области. 5 июля 1944 г. на карте нашей Родины вновь появляется Калужская область и в ее составе Детчинский район, который просуществовал до 1959 г., по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР № 741/34 от 31 июля 1959 г. территория Детчинского района была передана в состав Малоярославецкого района. С 1929 по 1959 гг. в Детчине издается районная газета «Колхозник» вначале на одном листе, а с января 1958 г. на 2-х листах три раза в неделю, с тиражом 2150 экземпляров. За 20 лет вышло 3262 выпуска газеты. В районе 33 колхоза и 2 МТС. С образованием Детчина как районного центра стали более насущными вопросы его благоустройства. В середине 50-х гг. появляется первая водопроводная сеть, в 1969 г. сдана в эксплуатацию канализационная насосная станция. В 1962 г. был подведен газ к заводу овощных концентратов, позже к жилым домам.

Постановлением Правительства Калужской области № 50 от 22 августа 1996 г. на базе и в границах Детчинского сельсовета было образовано муниципальное образование «Поселок Детчино». С 27 октября 1996 г. администрацию МО «Поселок Детчино» возглавляет А.Е. Ченов. 15.09. 1999 г. утвержден герб с. Детчино. На сегодняшний день Детчино — село с высоким уровнем благоустройства. Муниципальное жилье полностью обеспечено водой и газом. Все улицы села освещены. Половина поселковых дорог заасфальтирована. На территории МО «Поселок Детчино» размещается целый ряд перспективных промышленных предприятий, которые, в основном, и формируют экономику и финансы МО «Поселок Детчино».

1. Производственное подразделение «Детчинский завод овощных концентратов» АО «Русский продукт» выпускает сушеные овощи для предприятий компании, по спецзаказу производит супы и кисели быстрого приготовления. На заводе три основных цеха: пищевых концентратов, переработки сельхозпродукции и производственный комплекс сублимированной сушки, который не имеет аналогов в России. В настоящее время построен и введен в действие цех по производству растворимого кофе и кофейных напитков.

2. ЗАО «Детчинский завод» выпускает более 50 наименований виноградных вин, увеличиваются его производственные площади, открыт винокуренный завод.

3. ОАО «Детчинский деревообрабатывающий комбинат» производит пиломатериалы: доску, брус, вагонку, штакетник, плинтус, наличники. Завод является единственным предприятием подобного типа в Московской и Калужской областях: он специализируется на

работе с листовницей, привозимой из Красноярского края.

4. ЗАО «Детчинский комбикормовый завод» существует уже более 30 лет. Здесь производят корм в гранулах для сельскохозяйственных животных.

5. В аграрном секторе МО «Поселок Детчино» функционирует сельскохозяйственное предприятие ФГОУ СПО «Детчинский аграрный колледж» и созданное на его базе новое предприятие ООО «Калуга-Солана», специализирующееся на выращивании картофеля. Вторая основная функция аграрного колледжа — подготовка специалистов сельскохозяйственного производства: агрономов, техников, фермеров, бухгалтеров, а также по дополнительным профессиям секретаря-референта, водителя, сварщика, токаря.

В с. Детчино имеется средняя (полная) школа, детская школа искусств, центр образования, детский сад, ДЮСШ, больница на 16 коек, Дом культуры, библиотека, возрождается храм.

Завершая свой рассказ, хочется выразить надежду, что на современном этапе развития общества будущее России останется за становлением и ростом муниципальных образований. Тогда для нашего села будут хорошие перспективы на будущее: расти, расширяться, благоустраиваться и процветать из года в год. И пусть Детчино не имеет ярких памятников архитектуры, но это, пожалуй, одно из немногих сел, сохранившее в своем облике удивительное очарование и гармонию русской провинции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1209, оп. 1, д. 539, л. 432 об.
2. Государственный архив Калужской области (ГАКО), ф. 788, оп. 1, д. 124.
3. ГАКО, ф. 15, оп. 5, д. 102, 110.
4. Акты Московского государства II, № 507. С. 479.
5. ГАКО, ф. 86, оп. 1, д. 189.
6. ГАКО, ф. 32, оп. 2, д. 20.
7. ГАКО, ф. 66, оп. 1, д. 979.
8. ГАКО, ф. 66, оп. 1, д. 1414.
9. ГАКО, ф. 802, оп. 1, д. 41, л. 52.
10. ГАКО, ф. 62, оп. 10, д. 1195.
11. ГАКО, ф. 66, оп. 2, д. 751.
12. ГАКО, ф. 58, оп. 2, д. 78.
13. ГАКО, ф. 235, оп. 1, д. 20.
14. ГАКО, ф. 55, оп. 1, д. 271.
15. ГАКО, ф. 67, оп. 1, д. 207, л. 209.
16. ГАКО, ф. 825, оп. 5, д. 590, л. 126.
17. ГАКО, ф. 58, оп. 2, д. 425, л. 3 — 8.
18. ГАКО, ф. Р-374, оп. 1, д. 38.

ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА В с. ДЕТЧИНО

*Н.Д. Агальцова,
Детчинская средняя школа*

История развития библиотечного дела находится в тесной связи с историей развития культурной и общественной жизни. Считалось, что библиотеки на селе, в том числе и в Детчине, появились после Великой Октябрьской революции. Но это оказалось далеко не так. С открытием в нашем селе в 1880 г. начального земского училища многое изменилось в самосознании крестьян. Тяга к чтению росла с каждым новым выпуском в училище.

Два предреволюционных десятилетия XX в. прошли в истории развития библиотечного дела под знаком усиленной деятельности комитетов попечительства о народной трезвости. В 1901 г. в Калуге открывается Губернский, а в 1902 г. Малоярославецкие уездные комитеты попечительства о народной трезвости. Считалось, что все жизненные неурядицы, народные недовольства, в том числе революционные выступления, происходят от нетрезвого образа жизни русского мужика, рабочего, крестьянина и достаточно было бы привлечь народные массы к участию в любительских спектаклях или вместо трактира открыть чайную комитета попечительства о народной трезвости с библиотекой-читальней при ней, чтобы частично ликвидировать конфликты любого порядка — экономические, политические и нравственные. Именно такое заведение и открывается 22 декабря 1902 г. в с. Детчине.¹ Чайная занимала помещение из 4-х комнат: две из них предназначались для ее посетителей, одна для бесплатной библиотеки-читальни и одна комната отводилась под кубовую. Для оборудования чайной комитетом было выделено 200 рублей для покупки посуды, мебели, сдобного хлеба, баранок, оплаты за отопление, освещение, жалования буфетчице. Цена за порцию чая с двумя кусками сахара была установлена от 4 до 5 копеек. Целью открытия таких заведений служило главным образом предоставление населению возможностей проводить свободное время вне питейных заведений, а при посещении чайной каждый из посетителей мог бы не только попить чай, но и почитать газеты, журналы, книги. Малоярославецкой Уездной Земской Управой комитету был пожертвован волшебный фонарь, стоимостью в 130 рублей, для устройства народных чтений с показом туманных картинок (диапозитивов) и 10 экземпляров сочинений Н.В. Гоголя². Надо отметить,

что население нашего села и окрестных деревень всегда охотно посещало устраиваемые Попечительством воскресные чтения с демонстрацией туманных картинок. Выбор книг для чтения строго ограничивался особым каталогом, и книги разрешалось брать для чтения домой. Народные чтения устраивались при условии "политической благонадежности" их организаторов и чтеца, а также при условии чтения по готовому тексту без каких-либо пояснений, и лишь в 1906 г. было разрешено не только читать текст, но и излагать содержание своими словами. При этом в чайной обычно присутствовал представитель полиции, прекращавший чтение, если слова лектора казались ему направленными против существующего государственного и общественного порядка.

Первым участковым попечителем до 1905 г., на которого возлагалась обязанность устраивать народные чтения, был потомственный дворянин, будущий член IV созыва 1912 — 1917 гг. Государственной Думы, человек, немало сделавший для развития нашего села, Леонид Николаевич Новосильцев³, он стоял у истоков зарождения белогвардейского движения, эмигрировал в 1920 г.

Рядом с Детчиным находились имения представителей старинных русских родов, оставивших след в истории русской культуры и общественного движения: И.Л. Толстого (д. Дубровка), Рахмановых (д. Пнево), А.И. Храповицкого (с. Дольское), В.М. Кашкарова (с. Доброе), Ермолаевых (д. В. Горки и Таурово), Н.И. Соханского (Абелеи), Федорова (д. Воробьи), Коньшиных (д. Воробьи), и их путь в имения теперь лежал через железнодорожную станцию Суходрев. Конечно же, все они так или иначе приняли участие в организации библиотеки-читальни, т.к. на ее организацию и работу средств выделялось гораздо меньше, чем на чайную. На весь уезд (4 читальни-библиотеки) в год ассигновалось всего 200 рублей. В одном из писем жены Ильи Львовича Толстого, Софьи Николаевны, к свекрови в Ясную Поляну читаем: "Благодарю за книги, которые я у вас получаю. Теперь как раз на Суходреве открылась читальня, и туда нужно было собрать книг до декабря. Что было неразрозненного в "Ниве" — Данилевский, Гончаров, Жуковский и еще много, всего 92 книги, почти все ясенские, я отдала туда. Нужно еще Достоевского, Тургенева"⁴

Что же предлагалось посетителям для народных чтений с просмотром туманных картинок в то время? Из художественной литературы это Н.В. Гоголь "Майская ночь, или утопленница", "Ночь перед Рождеством", Н.А. Некрасов "Мороз-красный нос", А.С. Пушкин "Полтава", А.Н. Толстой "Рассказы о Севастопольской оборо-

не", "Кавказский пленник", Лажечников "Ледяной дом". Из книг духовно-нравственного содержания Бахметьева "Подвиги и чудеса св. Апостолов", Желобовского "Св. Кирилл и Мефодий, просветители славянские", "Жизнь Божьей матери и св. Николая Чудотворца". Были книги и географического содержания: "Япония", "Как живут китайцы", "Рассказы о земле и небе", "Путешествия Пржевальского". Помимо этих произведений в обязательном порядке преподавалась литература о сбережении здоровья, вреде пьянства и его последствиях.⁵

Графиня Софья Николаевна Толстая неоднократно выезжала из Дубровки в Детчино для устройства народных чтений. Вместе с проживающим в имении студентом 4-го курса юридического факультета МГУ Георгием Соколовским в начале 1904 г. было совершено несколько чтений с показыванием туманных картинок. Чтения сопровождались пояснениями, "закрывающими в себе извращенное и ложное толкование последних событий на Дальнем Востоке". Большинство из посещающих чтения интересовались событиями русско-японской войны и ходили на них с целью услышать что-либо с театра военных действий. Наряду с этой информацией Соколовский выступал и с критикой в адрес правительства и военного начальства о ходе ведения войны, о гибели тысяч солдат при переправе через Байкал, казнокрадстве при постройке железной дороги на Дальний Восток и вообще о том, что война, кроме вреда, простому человеку ничего не приносит и на ее ведение тратятся большие деньги, которые собираются с народа посредством налога. Подобные выступления были признаны не только вредными, но и опасными для общественного спокойствия и могущими повлечь крупные беспорядки. Имея в виду, что ни графиня Толстая, ни студент Соколовский не имели разрешение уездного комитета попечительства о народной трезвости на производство означенных чтений, приставом было сделано распоряжение об их прекращении⁶. Так постепенно революционный настрой проник в сознание крестьян нашего села, а в 1905 г. они смогли познакомиться с прокламацией попа Гапона, и в этом же году крестьяне громили поместье Гончаровых. Конечно, эти причины и малоэффективность расходования денежных сумм на чайные привели к решению комитета о закрытии чайных и переводе библиотеки при земском училище⁷. Для этого комитет ассигновал 100 рублей на ее оборудование, предварительно рассмотрев и одобрив составленную библиотечной комиссией каталог. В каталог запрещалось включать произведения Салтыкова-Щедрина, Белинского,

Добролюбова. Переведенная из чайной в народное училище библиотека не могла удовлетворить тягу народа к чтению, т.к. пользовались ею в основном учащиеся и учителя. Воскресных чтений уже не устраивалось, и просветительская роль библиотеки сводилась к минимуму. Она просто тихо существовала, не простирая своего влияния на жителей села. Заведовали библиотекой учителя училища за небольшую плату. В Детчинском училище заведующей библиотекой была назначена учительница из дворян Евлампия Сергеевна Пучковская, согласно постановлению уездного комитета от 22 марта 1907 г.

В 1918 г. была организована Детчинская волостная библиотека⁸. Вновь организованное библиотечное дело на новых социалистических принципах требовало коренного изменения в фондах, освобождения от антиреволюционной и "вредной" литературы. Размещалась библиотека по-прежнему в школе, где ей была выделена лишь одна комната, а мебель мало соответствовала библиотечной работе: 5 стульев, 2 стола, 4 шкафа и 1 комод. На стенах размещалось несколько картин без рам⁹. В 1920 г. фонд библиотеки насчитывал 1000 экземпляров, книги поступали от Малоярославецкого уполитпросвета.¹⁰ Для некоторых более культурных и сознательных читателей был открыт свободный доступ к книгам, но основная масса читателей обращалась с книгами более чем скверно, иногда читатели прямо заявляли библиотекарю, что они книгу искурили, т.е. использовали на закрутку махорки. Преобладающий читательский интерес — исключительно беллетристика. В 1921 г. было выделено детское отделение со 100 книгами, заведовала ими Балабушевич. Менялись библиотекари, рос книжный фонд, в 1922 г. уже насчитывалось уже 2514 книг, но, расположенная на окраине села, она мало привлекла к себе читателей, при возможности обслуживания 8000 человек в месяц ее посещало от 9 до 25 человек: интеллигенты, учащиеся, крестьяне. Настоятельные требования со стороны Малоярославецкого уполитпросвета о переводе библиотеки в Народный Дом, расположенный в п. Суходрев (ныне ул. Советская, д.12) оставались невыполненными.¹¹

При обследовании работы Детчинской библиотеки в 1926 г. отмечалось, что читателями ее в большинстве состоят подростки и дети, взрослое население библиотеку почти не посещает. Работа выражалась лишь в выдаче книг, были попытки устроить читки газет и лекций, но на них являлись лишь лекторы, а население не приходило. На заседании волисполкома было предложено заменить заведующую библиотекой, как не соответствующую своему на-

значению и не могущую поднять работу на должный уровень.¹² С 1 ноября 1926 г. заведующей библиотекой становится жительница нашего села А.Н. Куликова.¹³ При приеме дела состояние библиотеки было неудовлетворительным, не было произведено ни инвентаризации, ни классификации, книги разбросаны. Библиотека представляла нечто неоформленное, развал работы был полный. За полгода работы был заведен по установленной форме инвентарный каталог, заведены читательские формуляры, были выявлены читатели, не вернувшие книги вовремя, и книги возвращены, заведена тетрадь вопросов и ответов, открыто 10 передвижек, увеличено количество читателей с 27 до 108. К маю 1927 г. читателей было уже 199; библиотечные передвижки давались в сельские избы-читальни, красные уголки, школы и менялись через 1 месяц. К концу 1927 г. библиотека уже не могла обеспечить население книгами, брали передвижку из Малоярославецкой уездной библиотеки, а в 1928 г. по просьбе комсомольцев нашего села в Москву к Н.К. Крупской, которая стояла у истоков развития библиотечного дела, поехала А.Н. Куликова с просьбой оказания помощи в приобретении книг. Вскоре начали поступать полные собрания сочинений Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина, А.Н. Чехова и других. Всего поступило около пяти тысяч экземпляров, была также детская литература, политическая и сельскохозяйственная. Росла и тяга населения к книге. Новыми книгами заинтересовались многие крестьяне, и теперь они уже сами из окрестных деревень приходили в библиотеку за книгами. В 1929 г. волостная библиотека была реорганизована в районную.

Перед войной библиотека размещалась в здании вновь построенного кирпичного 3-х этажного Дома Советов. В начале войны здание было разрушено, печальная участь постигла и книги, все они погибли, и работа библиотеки была приостановлена. Сведений об этом периоде работы библиотеки не сохранилось, но уже в 1951 г. книжный фонд составлял 6250 экземпляров.

2002 год для нашей библиотеки юбилейный, 100 лет — целый век. На сегодняшний день деятельность библиотеки — это прежде всего 1600 читателей, которым библиотека помогает определяться в жизни, приобщаться к культуре и чтению, это несколько поколений людей, которым библиотека помогла сделать свой досуг более интересным и содержательным. Здесь проводятся вечера вопросов и ответов, викторины по родному краю, тематические выставки книг, обзоры и обсуждение книг, восстанавливаются традиции в проведении народных праздников. Благодаря

добросовестным сотрудникам и помощи местных властей, за 100 лет книжный храм не только не состарился, но даже помолодел. Расположенная в новом здании, она привлекает взгляд прохожего и словно приглашает войти. Внутри уютно и все располагает к занятиям в читальном зале, возможности выбрать нужную книгу. Более 27000 книг на наше село — это что-то значит! Пройдя вековой путь, пережив разрухи и разорения, материальные, технические и финансовые трудности, сотрудники библиотеки делают все возможное, чтобы сберечь традиции своей профессии, обновлять и осваивать новые направления в работе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отчет деятельности Малоярославецкого уездного Комитета Попечительства о народной трезвости за 1902 г.

² Отчет деятельности Малоярославецкого уездного Комитета Попечительства о народной трезвости за 1 г.

³ ГАКО, ф.32, оп.2, д.978 л.12 — 13

⁴ И. Толстой, С. Светлана-Толстая. Пути и судьбы. М, 2000. С. 57.

⁵ Ф. 375, оп. 1, д. 11.

⁶ Ф. 32, оп. 10, д. 437, л. 24, 30 — 31.

⁷ ГАКО. Инв. № 4412. Отчет о деятельности Калужского комитета попечительства о народной трезвости за 1906 г. С. 54.

⁸ Р-395, оп. 1, д. 73, л. 60.

⁹ Р-395, оп. 1, д. 73, л. 60.

¹⁰ Р-395, оп. 1, д. 14, л. 35.

¹¹ Р-395, оп. 1, д. 73.

¹² Р-38, оп. 1, д. 527.

¹³ Р-38, оп. 1, д. 548.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЧТОВОЙ СЛУЖБЫ В МАЛОЯРОСЛАВЦЕ

Е.А. Назарян, к.и.н.,

Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 года

Развитие почты, средств передвижения и путей сообщения, увеличение объема почтовой корреспонденции, культура самой почтовой службы являются важными показателями культурного развития общества.

В этой связи цель сообщения — рассмотреть, как работала почтовая служба в Малоярославце в первой половине и середине XIX в.

Для реализации поставленной цели необходимо было выяснить, где и когда были построены почтовые станции и насколько качественной была работа почтовой службы в то время. Эти задачи лишь частично были решены на основании комплекса документов из Го-

сударственного архива Калужской области (ГАКО), Российского государственного исторического архива (РГИА) и Центрального исторического архива г. Москвы (ЦИАМ).

Для сообщения между Москвой и Калугой в самом конце XVIII в. использовалась дорога, проходящая через Боровск и Малоярославец, так называемая Боровская дорога. А когда эти города вошли в состав Калужского наместничества, то дорогу стали называть Новой Московской, хотя местные жители долго еще именовали ее Боровской. Первоначально в Малоярославце только меняли лошадей, когда везли государеву, или, как тогда говорили, генеральную почту. При Малоярославецкой ратуше еще в 1799 г. была учреждена почтовая часть, где принимали частные письма и заносили в специальный реестр. Управляющим почтовой частью Малоярославецкой ратуши был Тимофей Целибеев.¹ Почту принимали не каждый день, а лишь раз в неделю в строго определенное время.

К 1800 г. Новая Московская дорога переходит в разряд почтовых. *“Императорский московский почтамт указом от 24 сего июля предписал по случаю учреждения почтовой дороги через города Ярославца Малой и Боровск, следующую в оные города корреспонденцию отправлять в особых сумках вместе с генеральными почтами, о чем калужскому губернскому правлению сия контора доносит”*². Известно, что в 1810 г. в Малоярославце был один “исполняющий должность почтового экспедитора почтальон, годовое жалование — 40 руб. Расходы: смена годовой амуниции — 44 руб. 15 1/2 коп, на канцелярские расходы — 30 руб., на наем квартиры — 50 руб.”³ А также содержалось четыре почтовых лошади.

Возможно, что незадолго до Отечественной войны 1812 г. в Малоярославце была обустроена почтовая станция, но документально подтвердить или опровергнуть этот факт пока не удастся. В краеведческой литературе 1960-х гг. утверждается, что в тот период почтовая станция располагалась напротив Черноостровского монастыря в двухэтажном каменном здании. Это здание изображено на известной картине П. Гесса “Бой под Малоярославцем”. Известно, что в начале XIX в. в городе было лишь несколько каменных зданий, один почтальон, а для перевозки почты содержали всего лишь 4 лошадей. Возникает вопрос — для чего каменное двухэтажное здание было отведено почтовой станции с таким небольшим штатом? Вопрос о местонахождении Малоярославецкой почтовой станции в начале XIX в. по-прежнему остается открытым.

После Отечественной войны 1812 г. долгое время на всей Новой Калужской дороге не было *“ни в одном городе, ни в одном селении*

устроенного дома и двора для почтовой станции и проезжающих⁴. Для станционного смотрителя, ямщиков и лошадей отводились дома обывателей. Только 13 декабря 1817 г. вышел указ об устройстве почтовых станций в Калужской губернии. Планировалось построить деревянные дома на каменном фундаменте, на что предполагалось истратить 193 тыс. руб. *“...Желая доставить скорое успокоение проезжающим и облегчить обывателей от стеснения в отводе их домов и дворов...”*, предлагалось желающим принять участие в строительстве почтовых зданий.⁵

Деньги были выделены на строительство семи станционных домов, в том числе в Малоярославце и селе Семейкино Малоярославецкого уезда. Станционные дома строились по единому, *“высочайше опробованному плану”*. Однако желающих принять участие в строительстве долго не находилось. И в конечном счете станционный дом в Малоярославце построили боровские купцы Василий и Федор Санины и Григорий Карнеев.⁶ Наблюдение за ходом строительных работ было возложено на городничего и земский суд, в ведении которых постройки и производились.

Только 14 июня 1823 г. все строительные работы были закончены, и Малоярославецкий почтовый дом на Большой Калужской улице (ныне — ул. Калужская) начал свою работу. Это было красивое здание. В почтовом доме было 5 комнат: 2 комнаты для отдыха посетителей, комната для смотрителя и помещения, где отмечали подорожные. Во внутреннем дворе располагались конюшни, помещения для экипажей, сараи. Дом был деревянный на каменном фундаменте, одноэтажный, крытый железом.⁷

Судьба этого здания нам известна достаточно хорошо. Почтовый дом на Большой Калужской был упразднен в 1854 г.⁸ Уездный врач Лебедев в 1855 г. купил этот дом *“с торгов, произведенных в Малоярославецком уездном суде за 141 руб. 50 коп. и передал в ведение думы для перестройки под помещение городской больницы, на каковую перестройку по составленной архитектором смете исчислено 3199 руб. 29 коп.”*⁹ В качестве одного из помещений земской больницы здание использовалось с 1862 г.¹⁰ Время неумолимо. Здание не сохранилось. Только пожелтевшие страницы архивных документов рассказывают нам о старом почтовом доме.

Работу почтовых станций определяли циркуляры Главного управления почт и телеграфов МВД. Так, в циркулярном предписании от 15 декабря 1842 г. указывалось, что почтсодержатели и общества ямщиков должны записывать подорожные и жалобы проезжающих

в специальные книги, которые в конце года должны быть представлены для подписи губернскому почтмейстеру и заверены печатью губернской почтовой конторы.¹¹

Важную роль в организации успешной работы почтовой станции играли станционные смотрители. Почтари и ямщики находились в подчинении у станционного смотрителя. И от его организаторских способностей зависела своевременная замена лошадей, оформление необходимых документов (например, подорожной). Недаром станционными смотрителями назначали отставных унтер-офицеров. Немаловажной была и радушная встреча проезжающих, представление им возможности отдохнуть, подкрепиться перед предстоящей дорогой.

В январе 1848 г. станционный смотритель мог предложить следующее меню:

“Порция бифштексу — 20 коп.

Порция жаркого с огурцами, винегрету — 20 коп.

Порция супу, шей, борщу — 20 коп.

Стакан кофе или чаю — 10 коп.

Рюмка пуншу — 30 коп.”¹²

Новую жизнь вдохнула в маленький городок новая дорога: в 1840 г. в Калужской губернии приступили к строительству участка шоссе Москва — Варшава.

В приказе главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями генерал-адъютанта П.А. Клейнмихеля от 1 ноября 1845 г. говорится, что *“шоссе от Подольска до Малоярославца к соединению с Брест-Бобруйским шоссе разрешено. От Малоярославца шоссе во всех частях построено отлично, земляные работы произведены правильно. Остается представить проект на устройство шоссе и почтового дома в самом городе Малоярославце”*.¹³ Приказ об *“устройстве шоссе по г. Малоярославцу как составляющему продолжение участка Московско-Варшавского шоссе от Бобруйска к Малоярославцу”* был подписан 27 октября 1846 г.¹⁴ Шоссе начинают строить только в конце 1848 г. Согласно смете, в 1848 г. на строительство было выделено 19545 руб. 13 1/2 коп. серебром.¹⁵ Руководил его строительством отставной поручик Вонлярский. Шоссе мостили белым камнем, разбитым на мелкую щебенку, таким же белым камнем мостили многие улицы г. Малоярославца. Постройка этого шоссе давала малоярославцам обывателям — крестьянам и мещанам в течение нескольких лет хороший заработок. Кроме того, они еще занимались доставкой камня, добываемого из карьера близ города.

В то же время встал вопрос и о сооружении новой, более современной почтовой станции в Малоярославце. Во “всепопданнейшем” докладе от 1 апреля 1847 г. за № 324 сказано, что избраны места для построения 32-х станционных домов по Московско-Варшавскому шоссе от Малоярославца до Бобруйска Домов 2-го разряда с гостиницами три, один — в Малоярославце.¹⁶

К возведению станционного дома предполагалось приступить в 1848 г. и истратить на это 25000 руб. серебром.

Для постройки здания было выбрано удобное место на Торговой площади г. Малоярославца, но там находились сады и хозяйственные постройки обывателей. По решению Калужского губернского правления от 23 сентября 1848 г. № 7556 владельцам строений и земли, отходящей под строительство станционного дома, было обещано выплатить вознаграждение. Осмотр местности был произведен лишь в январе 1850 г. специальной комиссией.

“По личному удостоверенному осмотру оказалось, что бывшие на тех участках строения сломаны, сады вырублены и даже нет следов, где были деревья, показанные в описи, и вся местность уже занята начатыми постройками”.¹⁷ По мнению комиссии, “требуемые владельцами цены несоразмерно высоки”. Хозяева просили выплатить им 14250 руб., а по решению комиссии они получили 4900 руб. По всей видимости, и весной 1851 г. малоярославцевская почтовая станция ещё не была построена. Так, почтовый департамент в марте 1851 г. разрешает Калужской губернской почтовой конторе “определить смотрителей на все почтовые станции по Московско-Варшавскому шоссе кроме городов Малоярославца и Медыни”¹⁸. Однако, исходя из отчетов Калужской губернской почтовой конторы, можно сделать вывод, что в 1853 г. в Малоярославце уже работала новая почтовая станция 2-го разряда.¹⁹

К сожалению, нам не удалось документально установить точную дату постройки Малоярославцевской почтовой станции на Московско-Варшавском шоссе. Просмотр томов “Полного собрания законов Российской Империи” и “Калужских губернских ведомостей” не дал результатов. Судя по косвенным данным, постройка была завершена либо в конце 1851 г., либо в 1852 г.

Здание почтовой станции сохранилось до сих пор. В краеведческой литературе существует устоявшееся мнение, что почтовая станция была построена в 1841 г., а в 1849 г. рядом с ней останавливался Н.В. Гоголь. Об этом сохранились воспоминания Льва

Ивановича Арнольди. Н.В. Гоголь был дружен со старшей сестрой Л.И. Арнольди — Александрой Осиповной Россет-Смирновой, а когда она уехала в свою калужскую деревню, то отправился вместе с Л. И. Арнольди ее навестить. Недалеко от Малоярославца тарантас сломался. Л.И. Арнольди пишет: “... Экая досада, а мы хотели поспеть вечером в деревню; но делать было нечего, надо было кое-как доехать до станции, и мы шажком поплелись по скверной городской мостовой. Когда тарантас наш остановился перед станционным домом, толпа ямщиков с любопытством окружила его, и каждый почел долгом осмотреть дрогу, заднее колесо и потом сказать свое мнение. Гоголь тоже очень внимательно рассматривал экипаж. В это время я заметил вдали какие-то дрожки и на них человека в военной шинели. Узнав от станционного смотрителя, что это городничий, я вспомнил, что знал его прежде, когда служил в Калуге, а потому стал знаками просить его подъехать к нам. Он был так любезен, что велел кучеру ехать в нашу сторону. Я пошел к нему навстречу и, объяснив наше положение, просил помочь нам своим влиянием. Городничий, барон Э[льснер] кликнул ямщиков, послал за кузнецами, условился в цене и велел, чтобы все было готово через час. Успокоив меня таким образом, он вдруг спросил меня совсем неожиданно:

— Позвольте узнать, кто едет с Вами в серой шляпе?

— Гоголь, — отвечал я.

— Какой Гоголь? — вскрикнул городничий. — Уж не писатель ли Гоголь, сочинивший “Ревизора”?

— Он самый.

— Ах, сделайте одолжение, познакомьте меня с ним; я много уважаю этого сочинителя, читал все его сочинения и был бы совершенно счастлив, если б мог поговорить с ним.

Я знал странный характер Гоголя, не любившего никаких новых знакомств, и потому боялся, что он после будет сердиться на меня, если я представлю ему городничего; но отказать любезному майору в такой пустой вещи за все его хлопоты не было возможности, и я повел его прямо к Гоголю.

— Николай Васильевич, позвольте Вам представить начальника здешнего города барона Э[льснера], по милости которого мы еще можем поспеть сегодня в деревню.

К моему удивлению, Гоголь весьма любезно поклонился майору и протянул ему руку, прибавив:

— Очень рад с Вами познакомиться.

— А я совершенно счастлив, что вижу нашего знаменитого пи-

сателя, — отвечал городничий, — давно желал где-нибудь Вас увидеть; читал все Ваши сочинения и “Мертвые души”, но в особенности люблю “Ревизора” где Вы так верно описали нашего брата городничего. Да, встречаются до сих пор еще... встречаются такие городничие.

Гоголь улыбнулся и тотчас переменял разговор:

— Вы давно здесь?

— Нет, только полтора года.

— А городок, кажется, порядочный?

— Помилуйте, прескверный городишко, скука смертная, общества никакого!

— Ну а кроме чиновников, живут ли здесь помещики?

— Есть, но немного, всего три семейства, но от них никакого прока, все между собой в ссоре.

— Отчего это, за что поссорились?

Тут я оставил Гоголя с городничим и пошел на станцию. Через четверть часа я застал их еще на том же месте. Гоголь говорил с ним уже о купцах и внимательно расспрашивал, кто именно и чем торгует, где сбывает свои товары, каким промыслом занимаются крестьяне в уезде; бывают ли в городе ярмарки и тому подобное. Я перебил их живой разговор предложением Гоголю позавтракать. Услышав это, городничий стал извиняться, что уже отобедал, и потому жалеет, что не может просить нас к себе: но, кликнув будочника, послал его вперед в трактир приготовить нам особенную комнату и обед, а сам пошел провожать нас. Гоголь впился в моего городничего, как пиявка, и не уставал расспрашивать его обо всем, что его занимало. У трактира городничий с нами раскланялся. На сцену явился половой и бойко повел нас по лестнице в особый номер. Гоголь стал заказывать обед, выдумал какое-то новое блюдо из ягод, муки, сливок и еще чего-то, помню только, что оно вовсе не было вкусно. Покуда мы обедали, он все время разговаривал с половым, расспрашивал его, откуда он, сколько получает жалованья, где его родители, кто чаще других заходит к ним в трактир, какое кушанье больше любят чиновники в Малоярославце и какую водку употребляют, хорош ли у них городничий и тому подобное. Расспросил о всех живущих в городе и близ города и остался очень доволен остроумными ответами бойкого парня в белой рубашке, который лукаво улыбался, сплетничал на славу и, как я полагаю, намеренно отвечал всякий раз так, чтобы вызвать Гоголя на новые расспросы и шутки. Наконец, ровно через час, тарантас

подкатил к крыльцу, и мы, простившись с шоссе, поехали уже по большой Калужской дороге...”²⁰

До сих пор в Малоярославце на здании бывшей почтовой станции размещена доска с надписью о том, что здесь останавливался великий писатель. Воспоминания Л.И. Арнольди о пребывании Гоголя в Малоярославце датируются 1849 г. Но, как мы установили, в 1849 г. почтовая станция на Торговой площади еще не была построена. Следовательно, Н.В. Гоголь останавливался на Большой Калужской улице, ещё возле старого почтового дома, который до наших дней не сохранился.

Работа на новой станции налаживалась с большим трудом, и часто здесь возникали конфликтные ситуации. В 1856 г. ротмистр Карпович доводил до сведения почтового департамента, что, проезжая от Малоярославца до станции Михеевской, он был задержан “через отпуск негодных лошадей, а содержатель сей последней станции Фитюсов обошелся с ним невежливо”. Почтовый департамент поручал Калужской губернской почтовой конторе “принять зависящие от нея меры к приведению Малоярославцевской станции в должное устройство. К прекращению на будущее время подобных жалоб, предложив почтсодержателю Фитюсову быть с проезжающими вежливым и предупредительным”.²¹

Не очень приятная история случилась и с князем Радзивиллом: “... в проезд свой через г. Малоярославец он не был допущен в почтовую гостиницу, где был в то время боровский почтмейстер и мешовский городничий. Произведенным об этом дознанием подтвердилось, что действительно не скоро было очищено помещение, занятое означенными лицами, и кн. Радзивилл уехал, не отдыхая на следующую станцию. По докладу об этом главноначальствующему его сиятельству изволил приказать заметить боровскому почтмейстеру, что ему, как служащему в почтовом ведомстве, следовало особенно поспешать сделать угодение князю Радзивиллу”.²²

Заведующий почтовыми станциями Московско-Варшавского шоссе коллежский секретарь Стравинский доносил 20 ноября 1856 г., что “как и Медынская, так и Малоярославцевская станции постоянно управляются грубыми и беспечными старостами. К сему г. Стравинский присовокупил, что переписка его о неисправности старост означенных станций остается без последствий”²³

Почтовый департамент после долгих разбирательств в конце концов предписал назначить в Малоярославцевскую и Медынскую почтовые станции двух смотрителей из числа служащих Полтавской губернии.²⁴

Путешественники все чаще предпочитали ездить в дорожных каретах — “дилижансах” (от французского “каросс де дилижанс” — скорый экипаж). От Москвы до Калуги ходили частные дилижансы купца Федосова, а на станциях им отпускались почтовые лошади, что являлось грубейшим нарушением, т.к. из-за этого не хватало лошадей для перевозки почты. Почтовый департамент неоднократно требовал, чтобы почтовые лошади использовались исключительно по назначению.²⁵ Однако нарушения продолжались. В конце концов, по договору с почтовым ведомством в экипажах стали перевозить также и письма, а дилижансы стали называть почтовыми.

То есть мы видим, что за рассматриваемый период расширились возможности и география общения людей, повысился уровень развития почтового дела, увеличился объем корреспонденции, и в целом почта способствовала формированию определенного культурного пространства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ГАКО, ф. 32, оп. 19, д. 37, л. 12.
- ² Там же. Ф. 62, оп. 1, д. 540, л. 1.
- ³ ЦИАМ, ф. 508, оп. 14, д. 494, л. 46 об.
- ⁴ ГАКО, ф. 62, оп. 2, д. 75, л. 7 об.
- ⁵ Там же. Л. 8.
- ⁶ Там же. Л. 16.
- ⁷ Там же. Л. 1 (план).
- ⁸ Там же. Ф. 32, оп. 1, д. 20, л. 78 об.
- ⁹ Там же. Ф. 62, оп. 9, д. 4486, л. 16 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 41.
- ¹¹ Там же. Ф. 71, оп. 1, д. 41, л. 23.
- ¹² Там же. Ф. 71, оп. 1, д. 49, л. 9.
- ¹³ РГИА, ф. 446, оп. 6, д. 31, л. 249.
- ¹⁴ Там же. Ф. 218, оп. 1, д. 2623, л. 40.
- ¹⁵ Там же. Л. 46.
- ¹⁶ Там же. Ф. 446, оп. 6, д. 31, л. 117 — 123.
- ¹⁷ ГАКО, ф. 160, оп. 4, д. 24, л. 20.
- ¹⁸ Там же. Ф. 71, оп. 1, д. 55, л. 28.
- ¹⁹ Там же. Ф. 71, оп. 2, д. 1, л. 59.
- ²⁰ Калужский край. Документы и материалы. Калуга, 1976. Кн. 1.. № 153. С. 243 — 245.
- ²¹ ГАКО, ф. 71, оп. 2, д. 8, л. 88.
- ²² Там же. Л. 92.
- ²³ Там же. Л. 106.
- ²⁴ Там же. Л. 109.
- ²⁵ Там же. Л. 79.

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ ТОЛМАЧЕВ — ШТАТНЫЙ СМОТРИТЕЛЬ БОРОВСКОГО УЕЗДНОГО УЧИЛИЩА К истории народного просвещения в г. Боровске второй половины XIX в.

*В.В. Бубликов,
музей-квартира К.Э. Циолковского, г. Боровск*

А.С. Толмачев — человек, чья деятельность на протяжении 15 лет была связана с народным образованием Боровского уезда. Изучение жизни Александра Степановича дает возможность глубже исследовать народное образование Боровского уезда того времени. Знакомство Толмачева с К.Э. Циолковским представляет для нас изучение этой личности в новом ракурсе.

Опубликованный в настоящее время материал, отражающий жизнь и деятельность Толмачева, представлен лишь цитатами самого К.Э. Циолковского и членов его семьи, которые использовались исследователями для характеристики Александра Степановича. Непосредственно самих исследований его жизни и деятельности нет, кроме работы Т.Р. Большаковой, где Толмачев кратко характеризуется в ряду других знакомых Циолковского¹. Таким образом, задачи изучения жизни и деятельности Толмачева перед исследователями не ставилось, а все опубликованные характеристики ограничивались несколькими фразами в контексте отношений Толмачева и Циолковского. Задача данной работы — собрать воедино основные известные на настоящий момент сведения о взаимоотношениях Толмачева и Циолковского, а также отразить главные моменты жизни Александра Степановича, используя опубликованные и вновь выявленные материалы. Настоящий доклад является продолжением исследовательской работы по изучению истории Боровского уездного училища и непосредственно личностей штатных смотрителей этого учебного заведения, занимавших эти должности в период работы в нем К.Э. Циолковского. Предыдущая работа затрагивала деятельность Е.Ф. Филиппова и была опубликована в материалах IX конференции Верхнего Поочья².

Благодаря воспоминаниям, оставленным как самим Константином Эдуардовичем, так и членами его семьи, мы знакомы с А.С. Толмачевым только с положительной стороны. Именно с этих позиций до сих пор подходят к характеристике этого человека. Сложившийся опыт идеализации или развенчивания той или иной личности, в том числе и связанных с Циолковским, утратило в настоящее время свою значимость. Если Циолковские восхищались и любили как самого главу семейства, так и всю семью Толмачевых, — это

не значит, что Александру Степановичу были чужды ошибки и простые человеческие отношения. Тоже можно сказать и о другом штатном смотрителе — Е.Ф. Филиппове. Если Циолковские относились к нему с отрицательной стороны, это не значит, что Филиппов был отрицательной личностью. Несовместимость характеров и интересов не показатель того, что мы можем взять мнение одного из этих людей и на основе его мнения делать выводы, даже если это мнение человека, являющегося таким выдающимся деятелем, как К.Э. Циолковский.

Итак, один из первых людей, с кем К.Э. Циолковский познакомился при приезде в Боровск, был А.С. Толмачев. Местные жители со старообрядческим укладом жизни с трудом принимали приезжего человека, так они встретили и Константина Циолковского. Знакомство же, а затем и дружба с А.С. Толмачевым, человеком, несомненно, имевшим определенный авторитет в Боровске, помогли Циолковскому обрести себя на новом месте в качестве молодого специалиста, получить духовную поддержку и понимание в лице старшего товарища. Толмачева отличали прогрессивные взгляды на многие проблемы, что, несомненно, привело к сближению Толмачева с Циолковским. Поэтому, несмотря на возрастную и должностную разницу этих двух людей, они быстро нашли общий язык друг с другом, а затем и подружились. Тот недолгий срок, что Толмачев был при Циолковском его непосредственным руководителем, был отмечен у молодого учителя теплыми чувствами, сохраненными на долгие годы.

Дружеские отношения нашли отражение и в семейной жизни Константина Эдуардовича. В 1880 г. сын А.С. Толмачева Николай был одним из свидетелей Циолковского при его венчании с В.Е. Соколовой.

В Боровске Александр Степанович жил в доме, снимаемом уездным училищем для штатного смотрителя и училищной библиотеки. Этот дом сохранился до сих пор. Находится он по адресу: ул. Урицкого, № 5 (ранее ул. Спасская). Здесь Александр Степанович жил с семьей детьми: Лидией (р. 3.03.1857), Анатолием (р. 6.10.1858), Николаем (р. 30.10.1859), Екатериной (р. 17.01.1862), Александром (р. 10.04.1865), Владимиром (р. 24.04.1866), Марией (р. 24.07.1869)³. Сюда приходил и Циолковский. Семья Толмачева произвела на Циолковского большое впечатление. Позже он вспоминал: *“По приезде в Боровск мне нужно было побывать у смотрителя моего училища Толмачева. Он мне очень понравился, а семья его в особенности. Это была чудесная семья”*⁴. Дочь Константина Эдуардовича Любовь, как бы

продолжая мысли отца, писала: *“Во главе училища стоял просвещенный смотритель Толмачев с детьми. Отец бывал у них и сдружился с последними. Они вместе выписывали книги и журналы на имя следователя (судебный следователь Н.К. Феттер — прим. В.В.), катались на лодке, вели горячие споры по разным вопросам”*⁵. В другой раз она вспоминала: *“В начале 80-х годов в Боровске жила передовая семья педагогов — Толмачевы. Отец с ними очень подружился”*⁶. Циолковский с большим уважением отзывался об Александре Степановиче и продолжал знакомство с семьей Толмачева после его смерти. *“Связи с семьей остались и даже укрепились. Семья состояла из двух молодых девушек и трех молодых людей (Циолковский ошибся — прим. В.В.). Один уже был учителем в приходской школе (имеется в виду Николай⁷ — прим. В.В.). По субботам у меня мало было уроков, и я рано, прямо из училища, заходил к Толмачевым”*, — вспоминал Константин Эдуардович⁸. В эту семью Циолковского влекло не только душевное дружеское отношение, но и сердечная привязанность. До женитьбы Циолковский был влюблен в В.А. Толмачеву. После ее перевода на службу в женскую учительскую семинарию и отъезда из Боровска он увлекся ее сестрой Марией. Но и она была вынуждена вскоре уехать. К середине 80-х гг. все молодые Толмачевы покинули Боровск. Это событие отрицательно сказалось на Циолковском. Он долгое время переживал разлуку, находясь на грани нервного потрясения: *“Разлука с друзьями угнетала меня до нервного расстройства. Оно выражалось в непонятном страхе даже днем при солнечном свете”*⁹. Добрые чувства к Толмачевым Константин Эдуардович сохранил на долгие годы, что следует из выше приводимых воспоминаний и событий, произошедших в 90-е гг., когда семья Циолковских жила уже в Калуге. Любовь Константиновна вспоминала, как радостно встретил Константин Эдуардович одного из братьев Толмачевых, навестившего его: *“Один из братьев, Владимир Александрович, просидев в крепости с изгнанием из института, навестил отца в Калуге. Отец послал кого-то за водкой и закуской, чего никогда не делал. Я поняла, что гость этот особый”*¹⁰. Запомнившееся событие звучит у Любови Константиновны еще раз в несколько иной интерпретации: *“Один из его сыновей, Владимир, участвовал даже в студенческом движении, побыв в Петропавловке, и был исключен из Технологического института. Впоследствии он служил в Калужском земстве и бывал у отца”*¹¹.

Таким образом, Циолковский, который по жизни был замкнутым человеком, нашел в Толмачеве старшего товарища и доброго советчика, а это для молодого человека было большой поддержкой в новой самостоятельной жизни.

Александр Степанович Толмачев родился в 1831 г. в купеческой семье. В молодые годы он получил домашнее образование, что позволило ему с успехом сдать экзамены в Тобольской гимназии на право преподавания русского языка в уездных училищах, о чем было выдано ему свидетельство, датированное 22 октября 1853 г. С 4 ноября 1855 г. начинается его трудовая деятельность. Указом Правительствующего Сената и Высочайшим приказом по гражданскому ведомству Толмачев определен учителем русского языка в Малоярославецкое уездное училище. Тогда же он получает чин губернского секретаря со старшинством. С 4 ноября 1858 г. за выслугу лет произведен в коллежские секретари со старшинством. 6 июня 1859 г. утвержден министром внутренних дел, член-корреспондентом Калужского губернского сената. С 4 ноября 1861 г. произведен в титулярные советники. 25 ноября 1861 г. избран в действительные члены Калужского губернского статистического комитета. Будучи учителем Малоярославецкого уездного училища, Толмачев показал себя как добросовестный работник, что позволило начальству в мае 1865 г. наградить его особой благодарностью попечителя Московского учебного округа за усердие и преданность по исполнению своих обязанностей и назначить его с 12 мая 1865 г. на должность штатного смотрителя Боровского уездного училища, в которой он и пробыл в течение 15 лет. 4 ноября 1864 г. произведен в коллежские асессоры. 28 декабря 1873 г. за отличную усердную службу и особые заслуги награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. 14 августа 1874 г. назначен членом от Министерства народного просвещения в Боровский уездный училищный совет.¹² В 1880 г. Толмачев должен был выйти на пенсию, так как 25-летний срок службы его в народном образовании заканчивался. Тем не менее по его просьбе¹³ и по ходатайству начальства, директора народных училищ Д.С. Унковского, Толмачев был оставлен на прежней должности еще на два года. В своем прошении, адресованном управляющему Московским учебным округом, Унковский писал: *“Штатный смотритель Боровского уездного училища Коллежский Ассессор Александр Толмачев, как видно из формуляра о службе его списка, прослужил на службе с 4 ноября 1855 г., 4-го числа будущего ноября месяца оканчивается 25 срок его службы, предоставляя ему право на получение пенсии. Так как Толмачев чиновник достойный и усердный, то я считаю справедливым и полезным для службы оставить его еще на 2 года, о чем имею честь почтеннейше ходатайствовать перед Вашим Превосходительством. 31 октября 1880 г.”*¹⁴

Управляющий удовлетворил прошение Унковского и разрешил

продлить службу Толмачева в качестве штатного смотрителя еще на 2 года, *“считая срок оставления с 4 ноября с.г.”*¹⁵. Однако смерть Александра Степановича не позволила воплотиться этим планам в жизнь. Точная же дата смерти, а также и сама ее причина неизвестны. В настоящее время установлено, что произошло это между 1 декабря 1880 г. и 20 января 1881 г.¹⁶ Должность штатного смотрителя Боровского уездного училища была временно, до назначения нового штатного смотрителя, передана учителю истории и географии Боровского уездного училища И.И. Чистякову.

В ГАКО был обнаружен новый документ, характеризующий Толмачева с несколько иной, неизвестной для нас до этого стороны. В связи с тем, что в России, в том числе и Калужской губернии, в рамках министерства просвещения ряд учебных заведений подлежал передаче от одного ведомства к другому, появляется следующий документ: *“По случаю недавнего перехода уездных училищ гг. директора, в особенности те из них, которые назначены вновь, не имели еще достаточно времени для основательного ознакомления со служебной деятельностью и нравственными качествами штатных смотрителей уездных училищ во вверенных им дирекциях. Имея это обстоятельство во виду и нуждаясь, вместе с тем, в точных сведениях о лицах, занимающих должности штатных смотрителей уездных училищ, Его Сиятельство, г. Попечитель Округа изволил мне поручить обратиться к Вам, Милостивый Государь, с покорнейшей просьбой о доставлении мне, для доклада Его Сиятельству, следующих сведений: усердно ли и добросовестно штатные смотрители исполняют свои обязанности, каковы педагогические их знания и способности, равно и нравственные их качества? Кто из них, по своим достоинствам, заслуживает особенное внимание? Имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, сообщить мне означенные сведения о каждом штатном смотрителе уездных училищ Калужской губернии совершенно конфиденциально и с полной откровенностью. 25 января 1875 г.”*¹⁷. С такой просьбой обращается инспектор Московского учебного округа В.П. Куликов к тогдашнему инспектору народных училищ Калужской губернии П.С. Бибикову. Тот, в свою очередь, поочередно характеризуя всех штатных смотрителей уездных училищ Калужской губернии, отзываясь о Толмачеве следующим образом *“Конфиденциально. Штатный смотритель Боровского уездного училища Толмачев, человек умный, когда-то был очень усердным на службе, но, потеряв несколько лет тому назад свою жену, женщину чрезвычайно достойную, и оставшись с большой семьей, он упал духом и стал равнодушно относиться к своему делу. Имея много детей и подавленный нуждой, он*

по необходимости должен изыскивать средства, так как приобрел около Боровска небольшое имение, занятие которым отвлекает его от служебных занятий¹⁸. Анализируя настоящий документ, можно понять, что последние пять лет жизнь Толмачева была полна сложностей и трудностей. Переживания по поводу смерти жены, воспитание и содержание большого количества детей, новое имение, приобретенное в интересах семьи, — все это отнимало много сил, здоровья и требовало немалых финансовых вложений. Зарабатывание денег стало основным для Толмачева. Их поиск, несомненно “отвлекал” Александра Степановича от основной деятельности на должности штатного смотрителя. Усталость от нахлынувших забот, видимо, усугубляла данное положение, что приводило к не всегда добросовестному отношению в выполнении своих служебных обязанностей. Подтверждение этому можно найти и в другом примере. 1 декабря 1880 г. А.С. Толмачев как штатный смотритель Боровского уездного училища заключил договор с крестьянином Степаном Евтеевым на постройку новой и переделку старой мебели для уездного училища. Несмотря на то что заключить настоящий договор надо было на листе рублевого достоинства, Толмачев это делает на простой бумаге. На первый взгляд, тривиальное событие имело печальное последствие для его преемника Е.Ф. Филиппова, которого пытались оштрафовать за данную халатность¹⁹. Что же послужило причиной того, что при такой постановке вопроса начальство дало возможность Толмачеву не только доработать до пенсии, но и в лице Унковского ходатайствовало о продлении срока его службы, нам пока не ясно. Данный вопрос требует дальнейшего исследования, но сейчас можно предположить, что руководство Толмачева вникало в его проблемы и, как следствие, снисходительно относилось к нему.

Как следует из вышесказанного, оставить свою должность он тоже не мог. Зарплата Александра Степановича как штатного смотрителя составляла 400 руб. в год, и плюс его пенсия — главные статьи дохода многочисленной семьи Толмачевых (кроме учительской заработной платы Николая). Основная причина, по которой Толмачев просил продлить ему срок службы, теперь для нас ясна. Это были финансовые трудности семьи Толмачева. Причем здесь необходимо обратить внимание на факт, на первый взгляд, незначительный. В формулярном списке, датированном 1880 г., указано, что у А.С. Толмачева имений нет. Это может свидетельствовать о том, что купленное им имение в середине 70-х гг. было либо продано им в силу невозможности содержания, либо передано одному из своих родственников.

Таким образом, используя основные известные на настоящий момент материалы, можно охарактеризовать А.С. Толмачева следующим образом. Способности Толмачева заставляли проявлять свой талант в разных направлениях. Он состоял действительным членом Губернского статистического комитета, занимался краеведением и этнографией, публиковал статьи о свадебных обрядах крестьян Малоярославецкого уезда и этнографические очерки Малоярославецкого и Тарусского уездов в “Калужских губернских ведомостях”, был человеком передовых взглядов. Кроме того, он был очень добродушным человеком, иначе не состоялась бы его дружба с молодым Циолковским. Как специалист являлся добросовестным и ответственным работником, что позволило ему в 34 года стать руководителем учебного заведения, находящегося в статусе уездного. Пятнадцать лет он прослужил на этой должности, и лишь внешние факторы заставили его изменить свое отношение к службе в последние годы жизни. Возможно, именно эти факторы и сыграли главную роль в его относительно ранней смерти, в возрасте 49 — 50 лет. Превозмогая трудности, Александр Степанович делал все, чтобы вырастить и воспитать своих детей, и неудивительно, если когда-нибудь откроются документы, рассказывающие о том, что Толмачев занимался всевозможной подработкой.

Данная работа лишь контуром обозначила жизнь этого неординарного человека, сыгравшего большую роль в судьбе Циолковского и вложившего много сил и энергии в народное образование Боровского уезда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Большакова Т.Р. К изучению круга знакомых К.Э. Циолковского в Боровске // Труды XXIII чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К.Э. Циолковского. М., 1990. С. 88 — 89.

² Бубликов В.В. Ефим Филиппович Филиппов — штатный смотритель Боровского уездного училища (к истории народного просвещения в г. Боровске в 80-е гг. XIX в.): Материалы IX Региональной научной конференции “Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья”. Калуга, 2001. Вып. 1. С. 227.

³ ГАКО, ф. 165, оп. 2, д. 1385, л. 4.

⁴ Архив ГМИК, ф. 1, оп. 1, д. 67, л. 38 — 39.

⁵ Костин А. Отец был горд, честен, трудолюбив // За коммунизм. №111. 1984.

⁶ Архив ГМИК, ф. 4, оп. 1, д. 30, л. 50.

⁷ Свидетельство о сдаче экзаменов в Медынском уездном училище и приобретении звания учителя сельского начального народного училища было выдано Н.А. Толмачеву 16 апреля 1877 г. (ГАКО, ф. 165, оп. 2, д. 1383, л. 35).

⁸ Архив ГМИК, ф. 1, оп. 1, д. 67, л. 39.

⁹ Там же. Л. 39.

¹⁰ Там же. Ф. 4, оп. 1, д. 30, л. 30.

¹¹ Костин А. Отец был горд, честен, трудолюбив // За коммунизм. № 111. 1984.

¹² ГАКО, ф. 165, оп. 2, д. 1385, л. 4-7; Там же, д. 1381, л. 13 — 13 об.

¹³ Там же. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 2-2 об.

¹⁵ Там же. Л. 3-3 об.

¹⁶ Большакова Т.Р. К изучению круга знакомых К.Э. Циолковского в Боровске // Труды XXIII чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К.Э. Циолковского. Москва, 1990. С. 88.

¹⁷ ГАКО, ф. 165, оп. 2, д. 1248, л. 1-1об, 9-9об.

¹⁸ Там же. Л. 5-5об.

¹⁹ Там же. Д. 1403, л. 21.

ВЕЛИКИЙ МАТЕМАТИК П.Л. ЧЕБЫШЕВ — ЕЛЕЦКИЙ ПОМЕЩИК

*В.П. Горлов,
г. Елец Липецкой области*

У деревни Реневка Становлянского района Липецкой области, что рядом со знаменитым Кропотовым-Лермонтовым — родовой усадьбой великого поэта, сохранилось урочище с местным названием Чебушов сад. Здесь явные признаки бывшей когда-то большой дворянской усадьбы: обвалованный и обсаженный деревьями прямоугольный земельный участок площадью около четырех десятин, старый заросший пруд, остатки еще плодоносящего сада. По внешним признакам: кустарникам роз и сирени, по традиции сажавшимися под окнами; оплывшим углублениям бывших подвала и ледника и разобранных когда-то фундаментов — можно угадать местоположение барского дома и построек хозяйственного двора. Много лет я езжу в Реневку, на родину своей жены, хорошо знаю Чебушов сад, да вот присмотреться к нему еще раз повнимательнее заставил счастливый случай.

В марте 2001 г. в Калуге на IX конференции по вопросам археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья, посвященной Дням славянской письменности и 180-летию со дня рождения Пафнутия Львовича Чебышева, научный сотрудник Института археологии РАН Н.В. Лопатин выступил с докладом о происхождении рода Чебышевых. Свое выступление он начал с того, что введение новой орфографии изменило звучание и написание одного из родов его предков — дворян Чебушовых, при этом сделал ударение на

“о”. Тут-то мне и вспомнился Чебушов сад в Реневке. Какое отношение он имеет к роду великого математика?

Чтобы ответить на этот вопрос, пришлось поднять старые планы окрестных деревень, хранящиеся в Тульском областном архиве. Эта часть нынешнего Становлянского района Липецкой области некогда входила в Ефремовский уезд Тульской губернии.¹

Оказалось, что Чебышевы были соседями Лермонтовых. Урочище Чебушов сад, расположенное рядом с родовой усадьбой предков великого поэта Кропотово-Лермонтово в Становлянском районе, оказалось именем отца, а затем старшей сестры великого математика Елизаветы Львовны Чебышевой-Тарасенковой. Юрий Петрович Лермонтов — отец поэта, и Лев Павлович Чебышев — отец математика, были не только соседями по имениям, но и вместе служили в тульском ополчении в Отечественную войну 1812 г. Оба отличились в боях и были награждены.

Дальнейшее изучение следов дворян Чебышевых в Елецком уезде позволило сделать еще одно открытие: вторая сестра великого математика и механика — Екатерина Львовна вышла замуж за елецкого помещика Михаила Николаевича Лопатина, чем породнила через Лопатиных дворян Чебышевых и купцов Пришвиных.²

А совсем недавно — еще одна удивительная краеведческая находка. Выяснилось, что сам Пафнутий Львович Чебышев был елецким помещиком, владел родовым имением Чебушово (Знаменка) в Елецком уезде. Мысль, что недалеко от села Лопатино есть село Чебушово, высказала Надежда Николаевна Комлик, уроженка тех мест, заведующая кафедрой Елецкого университета. Ни на новой топографической, ни на старой дореволюционной карте такого села нет. Пришлось ехать в соседний Измалковский район и там расспрашивать старожилов. Так нашлась деревня Знаменка. Местные жители зовут ее по-старому: “Чебушово”. Она располагается в двенадцати километрах южнее райцентра Измалково, на речушке Чёрник, впадающей в Чернаву. Некогда по ней проходила граница между Елецким и Ливенским уездами Орловской губернии.

Пришлось обратиться и к архивным материалам ГАЛО. Листаю в архиве Липецкой области “Сборник статистических сведений по Орловской губернии” за 1888 г.³ читаю про села и фамилии владельцев имений. И вдруг взгляд падает на “П.Л. Чебышев”!

В Афанасьевской волости (село не указано) за П.Л. Чебышевым в 1888 г. началось имение в 348 десятин, одним участком. Хозяин располагал 248 десятинами черноземной пашни и сотней десятин леса. В хозяйстве числилось 15 сох, 5 плугов, 5 борон железных и 15

деревянных. Помещик широко использовал сельскохозяйственные механизмы. В его владении каток, жатвенная машина, конная молотилка, 3 веялки, 2 сортировки и одна необычная машина, которой земские статистики не нашли названия, числится в прочих. В имении 75 лошадей, 68 голов крупного рогатого скота, 10 свиней.

Статистический сборник, изданный годом раньше, в 1887 г.⁴, прямо утверждает, что сельцо Знаменское (бывшее Чебышева) расположенное в 38-ти верстах от уездного Ельца, в 10-ти от железной дороги и 12-ти от волостного правления (села Афанасьево) — самое крупное имение волости. Здесь проживала 81 семья, 216 мужских душ с наделами. Кроме того, в той же строке, того же владельца, названы две деревни Ливенского уезда: Чёрник и Закутино. В первом 325 жителей мужского пола, во втором — 24. В имении обозначена каменоломня, которой может пользоваться каждый. В 1887 г. в Чернике достраивалась церковь, подряд оценен в 9000 рублей. Все эти земли входят ныне в Измалковский район Липецкой области. Правда, сельцо Закутина, обозначенного на карте начала XX в.⁵, уже больше нет.

Сборник [4] приводит интересные данные по использованию земель в пореформенное время. В 1885 г. 61 крестьянин арендовал у помещика на шестилетний срок 255 десятин пахотной земли и 25 десятин покосов. Арендная плата за “круг” (одна десятинна озимого плюс одна десятинна ярового хлеба) составляла 38 рублей. Кроме того, арендатору необходимо было доставить одну копну соломы, вывезти 28 возов навоза и отработать четыре дня на барской земле. Лес и кустарник рубить не разрешалось.

В большой семье Чебышевых (пять братьев и четыре сестры) трое имели инициалы “П.Л.” — старший Пафнутий, и еще Павел и Петр Львовичи⁶. Кто же из них назван в статистическом сборнике? Сведения о Павле Львовиче (1822 — 1869), втором сыне Льва Павловича, весьма скудны. Известно, что в 1844 г. он окончил юридический факультет Московского университета, имел чин коллежского советника. Служил Павел Львович Чебышев в канцелярии Калужского гражданско-губернаторского, Тульском губернском правлении, Министерстве Императорского двора, Санкт-Петербургском уездном суде. Несколько лет он был членом Боровского уездного суда, а затем вместе с отцом работал по организации Калужского земства и по проведению крестьянской реформы 1861 г. в Калужской губернии. Скончался Павел Львович 25 января 1869 г. и, естественно, в статистику 1888 г. включен быть не мог.

Третий по старшинству сын Льва Павловича — Пётр Львович Чебышев (1824 — 1891). Сведений о нем значительно больше. Со-

хранились воспоминания его сына Льва Петровича⁷. С 1841 г. — казеннокоштный кадет Института Корпуса путей сообщения. Не окончил его, поступил на военную службу вольноопределяющимся в 13-ю батарею конной легкой артиллерии. Участвовал в Венгерской кампании 1847 г. Жена Анастасия Петровна Мишина, в 1-м браке Александрова. “В 1860 г. вышел в отставку в чине артиллерии штабс-капитана. Ведал хозяйственными делами братьев, жил в своем имении Кулига в Елецком уезде”, — так сказано в воспоминаниях. [7] Погиб Петр Львович Чебышев в декабре 1891 г. в железнодорожной катастрофе при крушении поезда на реке Наре.

Кулига. В толковом словаре Владимир Иванович Даль объясняет, что слово “кулига” — это клин земли в лесу, расчищенный, выкорчеванный; полянка, прогалина с отличающейся растительностью. Населенного пункта Кулига на современной топографической карте Липецкой области и даже карте столетней давности не оказалось. Пришлось ехать в бывшую Афанасьевскую волость и обращаться к местным жителям. Мой старый приятель Евгений Терезанов, уроженец села Афанасьево, свел меня с Петром Ивановичем Дорохиным, библиофилом, широко образованным человеком, отлично знающим свой край. “Урочище Кулига, бывшее когда-то дворянской усадьбой, — участок леса в трех километрах западнее от деревни Ясенок. Там еще хорошо видны места порушенных барских построек, аллеи, пруды, — показывает на карте, а услышав фамилию Чебышевых, загорается энтузиазмом: — Поехали, покажу!”

С дороги Ясенок — Кошкино мы сворачиваем влево, переезжаем поле и по старой, запущенной аллее углубляемся в лес. Сухой апрель, солнечная погода, чаща еще прозрачна. В небольшой балочке еще лежит куртинка не успевшего растаять снега. Осматриваем старую усадьбу. Ее планировка хорошо просматривается. Здесь был барский дом, к площадке перед ним сходятся сохранившиеся аллеи. Чуть в стороне — остатки хозяйственных построек. Места разобранных фундаментов уже поросли деревьями. А тут был фруктовый сад. У Петра Львовича свое имение.

Итак, Чебышевы были елецкие помещики. И Пафнутий Львович, родившийся на калужской земле, владел имениями Знаменское, Черник и Закутино на землях нынешнего Измалковского района. Он был кровными узами связан с Елецким уездом. Можно утверждать, что Елецкая земля буквально вскормила великого математика. Биографы П.Л. Чебышева умалчивают о его елецких имениях. Но мы, ельчане, думается, вправе считать академика своим земляком.

А какова же судьба Чебушова сада? Когда и как это дворянское имение перешло от Чебышевых к Тарасенковым? В биографии Пафнутия Львовича [6] отмечен такой интересный факт: *“В 1832 году Чебышевы переехали в Москву, чтобы подготовить старших сыновей, Пафнутия и Павла, к поступлению в университет. Для занятий с детьми были приглашены лучшие учителя, в том числе Платон Николаевич Погорельский, воспитанник и магистр Московского университета, первоклассный педагог и автор популярного в то время учебника математики. Латинскому языку, обязательному при поступлении в университет, обучал Пафнутия Чебышева студент медицинского факультета Московского университета Алексей Терентьевич Тарасенков, впоследствии муж Елизаветы, старшей сестры Чебышева”*.

В Государственном архиве Тульской области, в фонде губернской чертежной, хранятся земельные планы сел и деревень бывшего Ефремовского уезда. [1] Большинство этих планов составлено в 60-х гг. XIX в., в пореформенное время, когда после освобождения крестьян от крепостной зависимости проводилось размежевание крестьянских и помещичьих земель. Именно здесь удалось прочитать целый ряд чертежей, дающих ответы на поставленные вопросы и обнаружить, что родовые имения Лермонтовых и Чебышевых располагались буквально рядом.

Лист 750 [1] имеет длинное название: *“План Тульской губернии Ефремовского уезда крестьянского надела, выделенного из дачи, образовавшейся по специальному межеванию под название второй части сельца Кропотова”*. Чертеж земель составлен в традиционном масштабе, в одном дюйме — 100 сажень. Его автор — землемер Громов. В описании смежных земель названы *“Земли господина Чебышева; земли господ Цехановских; земли госпожи Кочетовой”*. По названному плану 43 десятины различных земель, в том числе 37 десятин пашни, отмежевывалось крестьянам сельца Кропотова-Лермонтово. Участок вытянулся с востока на запад, от речки Любашовки до земель села Лукьяновки на полтора километра, на 777 сажень. Ширина его обозначена в 122 сажени — 250 нынешних метров.

А вот чертеж под № 752 [1] уже своим названием отвечает на многие поставленные вопросы: *“План части дачи Тульской губернии Ефремовского уезда под название третьей части сельца Кропотова, находящейся в пользовании временнообязанных крестьян помещицы — статской советницы Елизаветы Львовны Тарасенковой”*.

Старшая сестра великого математика, выйдя замуж за Алексея Терентьевича Тарасенкова, видимо, получила в приданое еф-

ремовское имение отца. При освобождении крестьян из земель имения по названному чертежу было выделено 55 десятин крестьянского надела. *“Да сверх того, — сказано в плане, — подарено крестьянам удобной земли без всяких повинностей 5 десятин 540 квадратных сажень”*. [1]

А вот лист 753 [1], начерченный уже в 1913 г., обрадовал меня лично. Он назван *“План земли Тульской губернии Ефремовского уезда 3-й части сельца Кропотова владения Петра Алексеевича Тарасенкова”*. Прошло пятьдесят лет. Имением владеет уже сын Алексея Терентьевича и Елизаветы Львовны, племянник великого математика. Чем же располагало бывшее чебышевское имение в начале XX в.? Всего земельных угодий, как сказано в экспликации, было 103 десятины 800 квадратных сажень. В том числе:

“Под пашнею 94 дес. 1950 кв. саж.;

Под усадьбами (Чебушов сад! — Авт.) 3 дес. 2339 кв. саж.;

Под лугом 3 дес. 1346 кв. саж.;

Под дорогами, межниками, водомоинами 2369 кв. саж.” [1], лист 753.

Качество последнего плана значительно превосходит ранее названные. Чертеж составлен по магнитному меридиану 1912 г. Здесь впервые даны координаты 20 точек перелома периметра земельных угодий. Надписи на этом пожелтевшем листе многое объясняют:

“Означенная на сем плане земля продана от Петра Алексеевича Тарасенкова крестьянам Звягиным, Чекулаевым, Большаковым, Полякову, Самохваловым, Громовым, Прошкину, Любимовым, Лашкину, Иванушкину, Андреянову, Филиппову, Гаврилову, Силкину и Бурькиным по купчей крепости, совершенной ефремовским нотариусом Лорановым 1 марта 1913 г. по актовой книге № 55, часть 3”. 753 [1]

Эту запись на чертеже скрепили своими подписями губернский секретарь (неразб.) и Петр Алексеевич Тарасенков.

Поставили свои собственноручные подписи и крестьяне, купившие земли у потомков Чебышевых. Особенностью этих подписей было написание отчества. Если дворянин подписывался *“Петр Алексеевич Тарасенков”*, то крестьянин еще в начале XX века писал свое полное имя без *“-ич”*: *“Алексей Александров Самохвалов”* или *“Антон Андреев Звягин”*. Всего подписей крестьян-покупателей тридцать четыре. Шестнадцать крестьян были грамотны и написали свое полное имя сами, а восемнадцать вынуждены были просить своих товарищей. *“А за неграмотных*

по их личной просьбе и за себя расписался крестьянин Григорий Герасимов Любимов". 753 [1]

В старых русских деревнях многие крестьяне носили одинаковые фамилии. Может, поэтому еще и сейчас каждая семья, как правило, имеет дворовую кличку. Большинство покупателей, судя по фамилиям, — крестьяне деревни Реневки. Под документом подписалось семеро Самохваловых — самая распространенная реневская фамилия. Здесь и уже названная подпись — автограф деда моей жены, деда Алексея, по семейным воспоминаниям, — Алексей Александров Самохвалов. План 753 [1] подписали пятеро Большаковых, по трое Звягиных и Чекулаевых. Часть фамилий, по мнению старожилов, происходит из соседних сел. Итак, местные крестьяне в 1913 г. купили имение "Чебушов сад" у родственников великого математика.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАТО. (Государственный архив Тульской области). По реестру 793, Тульская губернская чертежная Тульского губернского правления. Фонд 291, опись 6а/36, Ефремовский уезд, листы 750 — 753 (сельцо Кропотово), листы 1249 — 1251 (сельцо Ренева).

² Лопатин В.М. Из воспоминаний / Публикация, предисловие и примечания В.В. Лопатина и Н.В. Лопатина. // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1995 год. /Отв. ред. М.А. Колеров. СПб., 1997 г., С.168 — 205.

³ ГАЛО. Сборник статистических сведений по Орловской губернии, Т. 2. Вып. 2: Материалы по частновладельческому хозяйству Елецкого уезда. Издание Орловского губернского земства, 1888 год.

⁴ То же за 1887 г.

⁵ Специальная Карта Европейской России. Изд-во Воен. Топ. Отдела Генерального штаба. Печать 1918 г. Личный архив автора.

⁶ Гуров С.П., Хромиенков Н.А., Чебышева К.В. П.Л. Чебышев. М., Просвещение, 1979.

⁷ Воспоминания Льва Петровича Чебышева, РГИА, 1343, оп.32, е.х. 1090.

Н.А. ОБНИНСКИЙ, НАЧАЛЬНИК 73-й ДРУЖИНЫ КАЛУЖСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ

*З.В. Васильева,
музей истории города Обнинска*

В этом году исполняется 150 лет с начала Восточной или Крымской войны. Мало кто сопоставит это событие с историей Калужского края. Н.А. Обнинский (1794 — 1863), владелец белкинской усадьбы (ныне территория г. Обнинска), участник Крымской кампании, оставил дневниковые записки, представляющие собой ин-

тересный, живой рассказ очевидца. Дневниковые записки, дополненные перепиской с калужским исправником Челищевым и архивными документами, воссоздали картину участия боровско-малоярославецкой дружины в событиях тех лет.

Наркиз Антонович Обнинский — потомственный дворянин польско-литовского происхождения. Образование получил в Иезуитском коллегииуме г. Винницы. Читал и писал по-русски, по-польски, по-французски, по-немецки, знал латынь, любил и знал поэзию Г.Р. Державина, А.С. Пушкина. Закончил военно-учебное заведение — Дворянский полк (с 1859г. — Константиновское военное училище). В июле 1812 г. получил первый офицерский чин прапорщика и был прикомандирован к Казанскому драгунскому полку.

За участие в Отечественной войне пожалован серебряной медалью в память 1812 г. Награжден орденами Святого Владимира 4-й степени, с бантом, Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 2-й степени, с коронной. Награжден Знаком отличия беспорочной службы за 15 лет и польским Знаком отличия за военные достоинства 3-й степени. Полковник в отставке. В 1844 г. в Калужской губернии Боровского уезда приобрел усадьбу Белкино, где поселился с семьей. В 1845 г. вступил в Калужскую дворянскую корпорацию, а вскоре его избрали предводителем Боровского дворянства на пятилетний срок. В своем дневнике он записал: " у меня есть все: милая жена, прекрасные дети, имение, приносящее доход, и безбедное существование"¹

С начала объявления войны, как истинный патриот, Н.А. Обнинский внимательно следит за разворачивающимися военными событиями. 24 августа 1854 г. он пишет своему другу, калужскому исправнику Дмитрию Михайловичу Челищеву: " не перейдет ли хвороба на англичан, чтобы хоть немного хвост поджали, а то добре мудруют — то ли дело Азия, бьем их, только что на глаза попадутся"²

К осени 1854 г. основные военные действия развернулись на Крымском полуострове, поскольку он имел огромное значение, обеспечивая безопасность всего юга России. Армада кораблей противника высадилась под Евпаторией, стала продвигаться в глубь полуострова.

Русская армия, проиграв сражение на небольшой татарской речонке Альме, отступила к Севастополю, но и здесь не задержалась. Оставив для обороны Севастополя гарнизон моряков, отошла к Бахчисараю.

Началась героическая оборона Севастополя. О беспримерном ратном подвиге севастопольцев доходили известия и до Москвы. "Я по-прежнему бываю в (Дворянском) Клубе, выслушиваю вечные толки о Севастополе, в которых очень мало бывает толку"³, — писал Обнинский.

Государь 29 января 1855 г. обратился к народу и дворянству о создании народного ополчения. Все сословия были призваны на защиту отечества. Обнинский написал Челищеву: “С робким любопытством пересматриваю всякий номер газеты, желая узнать, чем порешили бояре последнюю думу свою. Но слава Богу, царь порешил манифестом, и теперь есть случай всякому показать неподдельную преданность его царской воле”⁴.

Стали формировать Калужское ополчение, начальником которого назначили генерал-лейтенанта и сенатора — гр. А.П. Толстого. На февраль были назначены выборы дружинных начальников. 8 февраля 1855 г. Н.А. Обнинский пишет в Калугу Челищеву: “Надеюсь скоро увидеться с Вами и с данцигским товарищем моим, и будьте уверены в преданности и почтении калужского ратника Обнинского”⁵.

На выборы в Калугу Н.А. Обнинский выехал, дав жене, Варваре Ивановне, слово не поступать в ополчение. Он прослужил в Казанском драгунском полку, как он сам пишет, “27 лет, был в 52 сражениях, а говорят, что всякая штука удастся только до трех раз, а мне она прошла счастливо 52 раза, удастся ли в 53-й”.

В Калугу съехались почти все дворяне Калужской губернии, многие из патриотических чувств изъявили желание вступить в ополчение.

Приехало семейство Челищевых. Однако были и такие, которые под разными предлогами, не желая идти в ополчение, укрывались по хуторам, “привозили рекомендательные письма от знатных родственников, просили, плакали. Богатые предлагали большие деньги, а победнее — выдумывали себе разные болезни, позволяя докторам раздирать себя”⁶.

В одном из писем Н.А. Обнинский пишет Челищеву: “В Клубе я видел Ададунова (боровский врач, титулярный советник), о себе он не хлопчет, но все вздыхает о сыне Герасиме, ибо я ему сказал, что по выздоровлении могут его потребовать”⁷.

Чрезвычайный Губернский дворянский съезд в Калуге состоялся 23 февраля 1855 г. Из 16 кандидатов, назначенных к баллотированию дружинного начальника ополчения по Боровскому и Малоярославецкому уездам, единогласно был избран Н.А. Обнинский⁸, Варвара Ивановна, узнав об этом, “ни единой слезинки не проронила, только сказала: “Так Богу угодно”.

Возвратившись из Калуги и желая поскорее приступить к делу, Обнинский 1 марта 1855 г. пишет Д.М. Челищеву в Калугу: “уведомите меня, на каком цвете (обмундирование) решились начальники, черный или серый, и какой номер дружины нашей. Только один месяц остается на обмундировку Ваш на жизнь и на смерть товарищ Н. Обнинский”⁹.

Верный долгу и горячей любви к отечеству, Обнинский встал во главе 73-й дружины Калужского ополчения.

Офицерами по Боровскому уезду были назначены: Михаил Александрович Челищев, дети его Дмитрий и Нил Михайловичи, и внук Николай Дмитриевич, а также В.Р. Загоскин, Н.П. Енькодаровский, И.П. Филимонов, Коротков, Краснопольский и Баташев; по Малоярославецкому — дворяне Рустичкий, Васильев, Ермолаев, Рахманов, Радищев, Мамаев, Смоляников и Вознесенский.

Для набора ратников собрались в г. Малоярославце в начале апреля. Набирали ратников из крестьян, государственных и помещичьих, и мещан. “Ни нравственные, ни телесные недостатки не составляли препятствия к приему. Была бы голова, руки и ноги, хотя бы поломанные, ничего — годен!”¹⁰ Среди ратников было много стариков, оторванных от семейств, от земли, с загрубевшими руками — “иной из них и ружья-то сроду не держал”.

Их обучили маршировке, равнению, ружейным приемам, стрельбе в цель. Трудности ратники переносили терпеливо, соблюдая дисциплину. Ни разбоя, ни воровства не было — все чувствовали себя защитниками отечества.

Еще на дворянском собрании в Калуге было решено, что Боровско-Малоярославецкая дружина частично будет обмундирована Губернским комитетом под председательством губернатора Булгакова, а часть вещей ратники должны приискать сами. Ратнику нужно было иметь:

3 рубахи из обыкновенного крестьянского холста,

2 портов из того же холста,

Полушубок, хотя бы надеванный, но только крепкий (всякого покроя),

Нагрудник из синей или красной пестряди.

И слать деньги:

на фураж — 75 копеек,

на кафтан (сукно, работа) — 3 рубля,

Погоны из разноцветного сукна по дружинам и фуражку (сукно, работа) — 23 копейки,

Шаровары (сукно, работа) — 1 рубль 45 копеек,

Длинные русские сапоги — 3 рубля 60 копеек,

Рукавицы суконные — 30 копеек.

ИТОГО: 9 рублей 40 копеек.¹¹

Кафтаны и панталоны шились в Калуге на три роста и доставлялись партиями в дружину. Ротные командиры из усердия подгоняли их по ратникам. С обмундированием ратники ожили, преобразились, стали ходить веселее. В дружине сформировались песенники и плясуны.

Для обеспечения дружины оружием из Тулы поступали старые еще кремневые ружья. Но даже в них ощущался недостаток, да и пороху было недостаточно, в то время как у противника было более современное оружие: нарезные ружья. Уже в Крыму, в Бельбеке, у ополченцев, появились нарезные ружья, доставшиеся им от убитых.

Боровский предводитель дворянства Ф.Е. Шукин, из патриотических чувств, в помощь господам офицерам Боровской дружины, передал пожертвования дворян — полугодовой армейский оклад, поскольку офицеры были люди небогатые и жили одним жалованием¹². А Боровский голова Санин пожертвовал дружине образ Казанской Божьей Матери, узнав, что Н.А. Обнинский служил в Казанском драгунском полку, где полковым праздником был день Казанской Божьей Матери.¹³

Все было закончено в три с половиной месяца. Дружина набрана, сформирована и наспех обучена, представляя собой резерв действующей армии.

17 июля 1855 г. дружину выстроили на площади г. Малоярославца для освящения знамени, присланного накануне из Петербурга. После этого все занялись приготовлением к походу, а к вечеру улицы города наполнились ратниками, гуляющими со своими родными, приехавшими из разных деревень, чтобы проводить своих «родимых». *«Бабы плакали и выли — так оно и следует. Ратники бодрелись, пели песни; а на душе было жутко»*, — пишет Н.А. Обнинский.¹⁴

18 июля в 6 часов утра 1009 ратников, плохо обученных, плохо вооруженных, двинулись пешком в Крым.

Начальник дружины полковник Н.А. Обнинский у д. Немцовой (ныне окраина города Малоярославца) въехал на гору, чтобы взглянуть на дружину: *«Господи. Что я увидел?! Густая пыль на версту покрывала большую дорогу, в ее тумане сверкали только штыки; все прочее представляло какую-то массу, из которой неслись дикий гам: свист, плач, песни бабы несли ружья, старики ранцы, заплаканные ребятишки — тесаки, ратники держали на руках грудных младенцев»*¹⁵. Недалеко от Калуги, на крутой горе за Окою, Обнинский объявил провожающим, что дальше следовать не разрешалось. Началось прощание. Вскоре к 73-й дружине присоединились Медынская, и далее следовала чуть впереди, а иногда и рядом.

Дружина следовала через деревни, села, города: Жерлово, г. Калуга, д. Сушки, Зимница, Никола Гостунский, Белев и далее. В большинстве населенных пунктов встречали ратников хлебом-солью, кормили и поили, давали подводы. Священники служили молебны.

Однако были и другие. Например, г. Лихвин встретил ратников недружелюбно. Обнинский пишет: *«Мы вошли (в город) с барабанным*

*боем, но ни одна полицейская крыса нас не встретила хлеба нам не дали и в воде отказали»*¹⁶. Все зависело от городничего и чиновников.

Жара, плохая питьевая вода вскоре привели к тому, что в дружине начались заболевания, и прежде всего — холера. При ополчении не было ни врача, ни лекарств.

28 июля недалеко от Белева от холеры умер первый ратник, а вскоре и еще один. Больных с каждым днем прибавлялось. Из дневника Н.А. Обнинского: *«6 августа. Куликовье. Дневка и самая скучная: то и дело умерших пронесают мимо, заболевших везут вперед. Вчера Радищев заболел сильной холерой. Сегодня отправят его в Орел, в больницу — довезут ли его? Господи, помилуй нас и выведи скорее из этой земли плача и скорби!»*¹⁷

Прошли Орловскую, Курскую губернию, 23 августа вступили в Харьковскую. Ратники устали, измучила пыль и жара. Все думали только о том, скорее бы дойти до места, а *«гробы то и дело мимо таскают»*.

Все чаще из рассказов обывателей ополченцы узнавали о героической защите Севастополя, где адский огонь продолжался сутками, где не хватало боеприпасов, продовольствия, где защитники, перевязав раны вновь поднимались в бой. *«Страсти Господни да и только!»*

Из дневника: *«3 сентября. Котельва Харьковской губернии Здесь застали мы фельдъегеря от Командующего войсками генерала от артиллерии кн. М.Д. Горчакова с повелением идти 73-й дружине прямо в Севастополь»*¹⁸.

Пока дружина продолжала отмеривать версты, идя в Севастополь на помощь защитникам, французы ценой огромных потерь овладели Малаховым курганом. Севастополь пал 8 сентября. А 73-я дружина Калужского ополчения продолжала идти в Севастополь.

Новое распоряжения было получено лишь 30 сентября, Н.А. Обнинский распечатал конверт: *«Высочайшее повеление гласило о перемене маршрута. Эшелону идти в Херсон, в резервную дивизию генерала Вишневецкого»*¹⁹.

Дойдя до Днепра, ополченцы переправились через реку. Всюду неразбериха и беспорядок ужасный. Все чаще встречались многочисленные семейства, спасающиеся от французов бегством. Всюду паника.

Из дневника: *«5 октября 1855 года. В четыре часа утра дружина вступила в Херсон. Темнота непроницаемая видны только мачты, черный дым пароходов... Когда дружина проходила по городу, то толпы жителей кричали: «Батюшки наши, защитники наши, насилу-то вы пришли»*²⁰. Дойдя до Херсона, дружина расположилась лагерем и выставили в караулы 400 ратников, 200 — были отправлены на земельные работы. Командующий резервной армией генерал Вишневец-

кий указал дружине место на случай нападения французов. Спали не раздеваясь, все были готовы к встрече с неприятелем. Но французы так и не появились. Вскоре получили новый приказ: дружинам Калужской, Медынской, Тарусской и Боровско-Малоярославецкой погрузиться на барки и плыть в Тавриду (Крым). От Перекопа ратники отправились пешком. Переход был ужасный, постоянно дующий ветер насквозь принизывал холодом. Шли, останавливаясь на ночь, в татарских саклях. Наконец дошли до Бахчисарая.

Здесь дружинные начальники встретились с начальником штаба армии генералом Коцебом и получили приказ отправляться на позицию в Бельбек. 27-тысячный лагерь разбили вдоль Бельбекской долины и в разных направлениях по ущельям. Здесь расположились главные силы Калужского, Орловского и других ополчений. Лагерь, где обосновались ополченцы, представлял из себя скопище людей, потребляющих огромное количество скота и другого продовольствия. Водопой для людей был из реки Бельбек. Вода в реке от множества людей, быков, лошадей — мутная. Здесь же ополченцы полоскали грязное белье, сливали нечистоты, брали воду для пищи. Условия проживания жуткие. В бараках нет печей, нет дверей. «Как разместить больных ратников, Н.М. Челищева, Рустицкого, Баташова? Все они больны, лежат в постелях. Бедные люди, что с ними будет У многих нет походных кроватей, спят на мокрой земле Многих одолевают вши»²¹

Голод, холод, болезни, непрерывные осенние дожди уносили все новые жертвы..

Из дневника: «22 ноября. Ну жизнь заморская!.. Проснулся весь в воде, льет отовсюду все мокро: шинель, постель, бумаги, хлеб, сахара — все кисель! И это жилище штаб-офицера, пришедшего защищать царя своего и отечество В дружине много больных Вчера отправили 6 больных в Бахчисарай, сегодня — 19, и все поносом!»²².

Но, несмотря на жестокие условия, в дружине постоянно проводились учения, выставлялись посты. Ратники готовились к встрече с неприятелем. Благодаря стараниям Н. А. Обнинского дружина переместилась с левого берега Бельбека на правый и заняла более теплые землянки. За четкое выполнение боевых приказов и заботу о ратниках, начальнику 73-й дружины Н.А. Обнинскому было объявлено Высочайшее благоволение.

Благодаря многочисленным ополчениям, стоящим в Бельбекской долине, англичане и французы должны были постоянно держать здесь значительное количество войск. Не смогли они овладеть и перевалом над Байдарской долиной, охраняемой ополченцами. В Северной бухте, до которой всего 16 верст, шли бои, не прекращающиеся даже ночью.

Удержание русскими Крымского полуострова, взятие Баязета и падение турецкой крепости Карс склонило враждующую сторону к открытию переговоров о мире. Недалеко от лагеря на речке Черной в феврале 1856 г. начались переговоры, которые велись вплоть до марта 1856 г. Весть о перемирии была встречена всеобщим восторгом. «Давно ли эти люди подползая из-за камня целились друг в друга, а теперь, встретившись на нейтральной полосе, французы танцевали кадрили, а наши отдирали вприсядку»²³.

18 марта в Париже был подписан мирный договор. Пришло официальное подтверждение о роспуске ополчения. Ратники стали собираться домой. А 14 апреля дружина выступила в поход. «Прощай, Бельбек!» Перекоп, Николаев Херсон. В Мелитополе начальник дружины Н.А.Обнинский получил распоряжения; остановиться в д. Новая Григорьевка на 40-дневный карантин и отдых. Разместив ратников, стали обустриваться. Из дневника: «Трое ратников сильно заболели, лечит их нечем, отправить в больницу некуда. На 80 верст кругом нет ни врача, ни аптеки. Наверное, умрут. К Рустацкому опять вернулась лихорадка ратники предоставлены воле Божьей»²⁴.

По окончании карантина дружина отправилась домой. В нескольких верстах от Малоярославца, в д. Михеево, появились первые встречающие. 21 августа 1856 г. дружина, сильно поредевшая, вступила в г. Малоярославец. Многие не дождалась своих отцов и мужей. Из толпы встречающих часто раздавались крики: «Батюшка родимый, на что ты нас покинул». Из 1009 ратников «легло костями» по обочинам дорог и в Бельбекской долине 400 ратников и 2 офицера (Баташов и Рустицкий). Из сел Пяткино, Белкино, Самсоново, Кривское, входивших в имение Н.А.Обнинского, не вернулись ополченцы — крепостные крестьяне: Матвей Михайлов, Трофим Иванов. Пропал без вести в 1855 г. крестьянин из с. Белкино Михайло Прокофьев Дружинин* и др.²⁵

На следующий день по прибытии в г. Малоярославец начальник дружины полковник Н.А. Обнинский, собрав ратников, раздал им экономические деньги и отпустил по домам, а сам с Боровской дружиной отправился в г. Боровск. На площади города ратников ожидало угощение. После обеда крестным ходом проводили дружинную икону в Пафнутьев-Боровский монастырь, где и поставили ее. Дружинное знамя было передано на хранение в собор г. Калуги. По возвращении из похода всем офицерам дано было право носить на груди ополченный крест с надписью «За веру и царя»²⁶, а Н.А. Обнинский еще был удостоен и орденом Святого Георгия 4-й степени. Н.А. Обнинскому было в это время 62 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Походные заметки Н.А. Обнинского // Русский архив. 1891. Кн. 3. С. 330.
² Фонды музея истории г. Обнинска. Письма Н.А. Обнинского Калужскому исправнику Д.М. Челищеву. КП-676/8.
³ Там же. КП-676/10.
⁴ Там же. КП-676/11.
⁵ М.А. Челищев — участник войны 1812 г. и заграничного похода. Вместе с Н.А. Обнинским участвовал во взятии крепости Данциг.
⁶ Там же. КП-676/11.
⁷ Походные заметки Н.А. Обнинского // Русский архив, 1891. Кн. 3. С. 333.
⁸ Письма Н.А. Обнинского. КП-676/12.
⁹ ГАКО, ф.676, оп.1, е/х 1. Ополчение 1855 г. Публикуется впервые.
¹⁰ Письма Н.А. Обнинского. КП-676/12.
¹¹ Походные заметки Н.А. Обнинского. // Русский архив, 1891. Кн. 3, С. 334.
¹² ГАКО, ф.676 оп.1, е/х 1, л.55.
¹³ Там же.
¹⁴ Там же.
¹⁵ Походные заметки Н.А. Обнинского // Русский архив, 1891. Кн. 3. С. 341.
¹⁶ Там же. С. 342.
¹⁷ Там же. С. 343.
¹⁸ Там же. С. 345.
¹⁹ Горчаков М.Д. (1793 — 1861) кн. Генерал — от артиллерии (1844) участник войны 1812г., заграничных походов 1813 — 1815 гг. Участвовал в подавлении Польского восстания (1830 — 1831). Во время Крымской войны командовал войсками на Дунае (1853 — 1854), а с 24 февраля 1855 и до конца года войсками в Крыму.
²⁰ Там же. С. 352.
²¹ Там же. С. 357.
²² Там же. С. 358.
²³ Там же. С. 373.
²⁴ Там же. С. 371.
²⁵ Там же. С. 395.
²⁶ Там же. С. 408.
²⁷ Фамилии у крестьян стали формироваться после отмены крепостного права. У крестьян с. Белкино они зафиксированы в 10-й Государственной переписи 1858 г. Как правило, фамилии возникли от имени или прозвища. Фамилия Дружинин появилась неслучайно. Михайло Прокофьев с 1855 г. был в дружине и домой не вернулся. Потомки Дружинина жили в с. Белкино до 1989 г.. После сноса села они переселились в г. Обнинск.
²⁸ ГАКО, ф. 86, оп. 3, д.432, л. 978 — 1005.
²⁹ Воспоминания Евтихия Михайловича Челищева. 1910 г.

ИСПОЛЬЗОВАНЫ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1. РГВИА, ф.395, оп. 271, д.4, Послужной список Н.А.Обнинского. 1834 г.

2. ГАКО, ф.62, оп. 1, д.3529, Формулярный список о службе Н.А.Обнинского. 1847 г.

3. ГАКО, ф.66, оп. 1, д.1689, Дворянское собрание.

“ГОРДИСЬ ВЕЛИКАЯ РОССИЯ!”

К биографии кн. А.Д. Львова

И.Ю. Соснер,

Российский государственный архив древних актов

В написанной священником Алексеем Преображенским проповеди “Рассуждения о благе народа и пустых мечтателях” ко дню закладки народной школы в Калужской губернии 17 октября 1889 г. есть такие строки: “Гордись, великая Россия! Хвались своим Отцом-царем, Своими добрыми сынами, за ними ты, как за щитом И вы, наш князь — из тех людей” И саму проповедь, и эти бесхитростные строки местный священник посвятил князю Александру Дмитриевичу Львову, почетному члену Лихвинского вольного пожарного общества и меценату, пожертвовавшему личные средства на строительство Железцовской (в память о спасении Августейшего семейства от железнодорожной катастрофы). Позднее, узнав об этом, Император Александр III “всемилоостивейше повелеть соизволил искренне благодарить князя Львова”. О ком же идет речь?

Князь Александр Дмитриевич родился 4 марта 1863 г. в семье петербургских аристократов: князя Дмитрия Александровича Львова (1833 — 1874), флигель-адъютанта, ЕИВ и Александры Павловны, урожденной Александровой (1836 — 1884), фрейлины Двора их Величеств и внучки Великого князя Константина Павловича. Крестным отцом младенца выступал лично Государь Император Александр II. Братья отца служили в престижном гвардейском полку — кавалергардском, а сам Дмитрий Львов дослужился там до чина полковника, командующего эскадронам и вышел в отставку в чине действительного статского советника. Будучи прежде сугубо московскими жителями, на лето выезжавшими в деревню, члены семьи Львовых в середине XIX в. переехали в столицу, где и встретились родители Александра.

Выдающийся организатор, стоявший у истоков зарождения и становления отечественного пожарного добровольчества, Львов посвятил свою жизнь решению проблем всемерного противостояния разрушительной силе огня в России. На достижение этих целей были направлены и его личные сбережения. Искусству управления пожарным подразделением князь обучался за границей, а практически-

кие навыки приобрел, находясь в составе Казанской пожарной части С.-Петербурга, где нёс службу наравне с низшими чинами. Свою благотворительную деятельность на противопожарном поприще молодой князь начал со строительства пожарной части в своем имении, на мызе Стрельна (пригород С.-Петербурга), которое наряду с прочими он с братом Павлом получил в наследство от рано умерших родителей. Князья Львовы на протяжении нескольких поколений владели землей в разных частях Калужской губернии. Они создали в селе Кожухове Перемышльского уезда образцовое сельское хозяйство. Там наряду с прочим имелись оранжереи и конный завод, возглавляемый выписанным из Англии специалистом

Безымянные авторы древних летописей скорбно повествуют о бесчисленных губительных пожарах в городах и селах. Сгорали не только все деревянные строения, даже каменные церкви распались и рушились от великого жара — в огне погибали люди. Борьба с пожарами носила всеобщий характер, в которую в равной степени включались как высокие государственные чины, так и простой люд. Петр I своими указами принуждал жителей строить каменные дома и мостовые, а новые деревянные постройки были запрещены и подлежали сносу. В 1763 г. учреждается пожарная контора, возглавляемая брандмайором, которая, помимо тушения огня, была обязана следить за содержанием уличных фонарей, чистить дымовые трубы в жилищах, для чего в штате были трубачисты. К началу XIX в. городские пожарные части почти все обзавелись высокими пожарными каланчами, где на высоте, огороженной барьером, дежурили наблюдатели, задачей которых было сообщать в часть о появившемся дыме. Оттуда по тревоге выбегал дежурный вестовой, вскакивал на оседланную лошадь и мчался в указанном направлении узнать, где именно горит, или за подмогой. За это время готовился к выезду пожарный обоз: запрягались кони, личный состав надевал медные каски и по возвращении вестового мчался со звоном и грохотом. В 1853 г. министерство внутренних дел установило штат пожарных частей для 461 города России (включая Калугу) с обязательным содержанием их городскими управами и подчинением полиции. Однако такие команды в большинстве своем едва справлялись с возложенной на них задачей. А уж о сельских пожарных командах для необъятных российских просторов приходилось пока только мечтать.

Прозрачным летним днем 14 июня 1892 г. петербуржцы стали свидетелями ослепительного шествия по проспектам города под звуки оркестров вольных пожарных команд и дружин, которые прибыли

со всех концов страны на I-й съезд пожарных деятелей России. Этот парадный марш завершился у здания Михайловского манежа. В его стенах разместилась обширная Всероссийская пожарная выставка, а открытие было приурочено специально к началу работы съезда. На выставке демонстрировались новейшие иностранные и отечественные образцы пожарной техники: насосы, лестницы, рукава, линейные и бочечные хода, ломовой инструмент, снаряжение, каски и др. Здесь же специальные разделы отводились пожарному добровольчеству и мерам пожарной профилактики. Инициаторами проведения самого съезда, так и последующих преобразований, явились бескорыстные ревнители пожарного дела граф Александр Дмитриевич Шереметев (1859 — 1931) и князь Александр Дмитриевич Львов. Их настойчивость и авторитет в немалой степени способствовали успеху проведения в С.-Петербурге упомянутых мероприятий, а также осуществлению ряда других, направленных на борьбу с пожарами, принятыми в Российской Империи того времени меры национального бедствия. От пожаров, в первую очередь, страдали крестьянство и беднейшая часть городского населения, жившая в скученных и ветхих строениях.

В своих имениях вблизи С.-Петербурга князь А. Львов, а потом и граф А. Шереметев не жалели денег на создание, оснащение и содержание собственных образцовых добровольных пожарных команд, которые зимой и летом успешно боролись с огнем. По существу вольная дружина князя А. Львова стала первой и единственной на тот момент в России школой по подготовке брандмейстеров; ее выпускников охотно брали на службу в профессиональные городские части и добровольные дружины. Вскоре, однако, размах деятельности стрельнинской дружины перестал удовлетворять ее владельца. Александр Дмитриевич с единомышленниками усматривали необходимость более широкого развития в России пожарного добровольчества, видя в нем реальную силу противостояния огню; службу, альтернативную государственной, способную привлечь различные слои населения к борьбе с пожарами. Всероссийский съезд пожарных деятелей при этом рассматривался ими как первый и важный шаг к объединению местных пожарных обществ, добровольных команд и дружин. Созданное в 1892 г. графом А. Шереметевым, князем А. Львовым и их соратниками Российское добровольное пожарное общество (позднее оно стало именоваться Императорским Российским пожарным обществом — ИРПО и существовало до 1918 г.).

Князь А. Львов в дальнейшем возглавил работу ИРПО и был

его бессменным председателем, на свои средства первоначально содержавшим Совет Общества, профессиональный музей с библиотекой и редакцию ежемесячного журнала "Пожарное дело". По личной инициативе председателя Главного совета создается и глубоко гуманитарное общественное объединение "Голубой Крест", которое берет на себя миссию оказания материальной помощи пожарным профессионалам и добровольцам, пострадавшим или заболевшим в результате исполнения служебных обязанностей.

Князь также активно способствовал развитию противопожарной пропаганды, реализовав свою идею создания постоянно действующей Всероссийской передвижной пожарно-технической выставки на речной ладье "Первенец", курсировавшей (1897 — 1898) по водным артериям страны и достигавшей самых отдаленных российских глубин. Затем эту тему продолжил агитационный поезд, курсировавший (1899 г.) по России с теми же задачами. Обеспечивая силами вольных пожарных дружин охрану от стихии огня подавляющего большинства городов и населенных пунктов России, пожарное общество не получало от государства за это ни копейки денежных средств. Правда, находясь под покровительством Великого князя Владимира Александровича, а позднее (с 1909 г.) и его супруги Марии Павловны, ИРПО обладало определенным весом в правительственных и общественных кругах.

Финансовое обеспечение Совета ИРПО строилось на взносах и пожертвованиях частных лиц и членов-соревнователей, а также от коммерческой деятельности склада Общества, через который реализовывались наградные знаки, одежда, пожарная техника, пожарно-техническая литература, журнал "Пожарное дело". Впрочем, в особых случаях всю эту литературу и технику выдавали отдельным малоимущим дружинам бесплатно. Местным пожарным обществам, вольным командам и дружинам представлялось право проведения лотерей, строительных и печатных работ, сбор средств по подписным листам и устройство "публичных увеселений" — игры духовых оркестров. Территориальные структуры Общества получали средства также от взносов своих действительных и почетных членов, жертвователей; за что они удостаивались и с гордостью носили на груди специально учрежденные серебряные и золотые знаки.

К концу XIX в. ИРПО являлось, по существу, единственной организацией, осуществлявшей в стране действительные меры по борьбе с огненной стихией, объединявшей под своим именем большинство добровольных пожарных дружин и немалую часть профессионалов-пожарных. Впечатляющей была деятельность армии огнебор-

цев, насчитывающей в своих рядах более 80 тыс. пожарных-профессионалов и "вольных пожарных охотников" (пожарных-добровольцев). Действительными членами Общества являлись пожарные команды и части как крупных (включая С.-Петербург и Москву), так и иных городов. 1-е Калужское пожарное общество, входившее в ИРПО, существовало с 1896 г., имея в городе две пожарные команды в 90 человек (1909 г.). В команде состояло 3 отряда: лазальщиков — 26, трубников — 32, охранителей — 32 человека. Инвентарь пожарной команды оценивался в 2910 руб. (в денежном эквиваленте того времени); команда была застрахована в Обществе "Голубой Крест"

Внешний вид членов дружины отличался блестящими медными пожарными касками, кожаными поясами с медными пряжками, пуговицами, поясными карабинами, топорами и т. п.; все это обязывало к качественному исполнению долга под пристальным и восторженным взором толп зрителей-обывателей. Вообще пожарный того времени имел достаточно впечатляющий внешний образ, благодаря и эстетичной форме одежды, и под стать ей бравой выправке, умения держать себя: грудь колесом вперед, усы лихо подкручены. И неслучайно, что ИРПО стало единственной общественной организацией, все члены которой были отмечены памятной медалью в честь 300-летия Дома Романовых (1913 г.).

За время службы отечеству князь А. Львов являлся также членом множества благотворительных и общественных организаций страны. Его заслуги были отмечены орденами: Св. Анны 1-й ст. (1916 г.); Св. Владимира 3-й ст.; Св. Станислава 3-й ст. (1887). Имел он и иностранные ордена — Орден Заслуг герцога Петра-Фридриха-Людвига 2-й ст., прусский Орден Красного Орла 4-й ст. (за изобретенный им летучий лазарет отечественного образца); в числе наград — ряд медалей, золотой нагрудный знак ИРПО (1902 г.). За достойную службу Александр Дмитриевич получал чины: камергера Двора ЕИВ (1909 г.) и действительного статского советника (1912 г.). Именным указом Государя Императора "За заслуги в развитии пожарного дела" (1895 г.) ему — сугубо штатскому человеку — было разрешено при выездах по тревоге носить пожарную форму.

В начале XX в. была учреждена именная стипендия "Князя А. Д. Львова" для отличников, обучающихся профессии пожарного. В это время состав ИРПО насчитывал 3 600 вольных пожарных команд и дружин по всей России, объединявших в своих рядах более 40 тыс. добровольцев, готовых оказать бескорыстную помощь людям в огненной беде. Когда в 1914 г. вспыхнула I-я мировая война (1914 —

1918), ИРПО, возглавляемое князем А. Львовым, так же, как и другие общественные организации, откликнулось на нужды отечества и учредило военно-санитарный комитет Общества. На свои немалые денежные средства Обществом были организованы 4 санитарных поезда для вывоза раненых и больных воинов с линии фронта в тыл, многочисленные пункты кормления и размещения беженцев. Военно-санитарные поезда были прекрасно оснащены в соответствии с самыми высокими требованиями медицины того времени и укомплектованы врачами, а также санитарями и техниками из числа пожарных-добровольцев. Сам князь Александр Дмитриевич был назначен уполномоченным на Батумском направлении. Его супруга также активно участвовала в благотворительных мероприятиях по сбору средств в помощь раненым и больным воинам.

После октябрьской революции 1917 г. князь А. Львов самоустранился от участия во всех делах Общества, да и само оно с мая 1919 г. было ликвидировано советской властью, а его активы национализированы или разграблены. Последнее упоминание об Александре Дмитриевиче датировано июнем 1918 г., когда к нему — «патриарху пожарного дела» — в г. Вологду прибыла делегация Общества для приглашения на юбилейные торжества, приуроченные к дате присвоения Обществу статуса «Императорского» (1898 г.). Со временем структура пожарного добровольческого общества России претерпела изменения, но это уже другая история. Такое тревожное в пожарном отношении положение просуществовало в стране еще минимум пять лет

Так случилось, что этот человек, так много сделавший для своей страны, после революции был напрочь вычеркнут из ее истории и незаслуженно забыт; ни в одной из энциклопедий советского периода он не упомянут. И пока сведениями о дате и обстоятельствах его смерти мы не располагаем. Только немногие специалисты по истории пожарного дела в России в последние годы написали краткие очерки о калужском помещике и российском патриоте — князе Александре Дмитриевиче Львове.

ИСТОЧНИКИ

ЦГИАМ, ф.4, оп.13, д.321, л.6—7, 27.; ОПИ ГИМ, ф.229, д.309, л.162.; РГВИА, ф.3543, оп.1, д.2893, л.17.; д.3121, л.14 об; ф.489, оп.1, д.7099, л.590; РГИА (СПб), ф.472, оп.44, д.80, л.39.; ф.1088, оп.2, д.594, л.1.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бройтман Л.И., Краснова Е.И. Большая Морская. СПб, 1997 г., С.118.
2. Вареник О. Стрельнинский филантроп. Кн. Львов в Стрельне. СПб, 2000 г.

3. Журналы «Пожарное дело» с 1894 по 1918 гг.; СПб.; №2 за 1911 г. С. 44.; Калужские епархиальные ведомости. 1904 г. № 4 (122). С.421—427.
4. Савельев П.С. Противопожарный щит Москвы. М. Инфра-М. 1997 г.
5. Пожарные добровольцы России. М. Алев. 1997 г.
6. Статья «Кн. А. Д. Львов». Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. Т.35. 1896 г. С.135—137.
7. Соснер И.Ю. Статья «кн. Львовы». Отечественная история (энциклопедия). 2000 г. Т. 3, С. 416.
8. Статья «кн. А. Д. Львов». Пожарно-техническая энциклопедия. М. 2002 г. С. 64 — 65.
9. Щаблов Н.Н. Пылающая Русь. СПб. 1996 г. С.381—391
10. Огненный крест. СПб. 1996 г.
11. Брандмейстеры СПб, СПб. 1994 г.

РОЛЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ПОМОЩИ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

А.Г. Лебедев, к.и.н.,

*Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского*

В пореформенное время в Калужской губернии, как и во всей Российской империи, наблюдалось небывалое оживление благотворительности. Востребованные губернатором В.А. Арцимовичем к административной и общественной деятельности, бывшие декабристы, среди которых особенно выделялся П.Н. Свистунов, наряду с подготовкой и проведением реформы уделяли внимание и другим вопросам демократизации общественной жизни.

Поощряемые ими калужские благотворители проявляли заботу о представителях подрастающего поколения, оступившихся в начале жизненного пути и оказавшихся в местах лишения свободы. Дказательством этому служит существование в 1860 г. так называемой «школы грамотности» в калужском тюремном замке для находившихся в нем мальчиков.¹ Внимание к этой категории детей не ослабевало и в дальнейшем. Усилиями благотворителей для них в 1898 г. был создан воспитательно-исправительный приют, где воспитывались малолетние преступники.

История создания приюта началась еще в 1872 г., когда член Калужского окружного суда, а затем сенатор Н.Н. Мясоедов при содействии кружка знакомых организовал концерт, сбор от которого, 765 рублей, предназначался на устройство исправительного при-

юта.² Средств этих, разумеется, было недостаточно, и вновь обратились к идее создания приюта лишь после Императорского Указа от 16 января 1879 г. “Об отчислениях на устройство исправительных приютов со штрафных сумм”. В Калужском губернском земстве данный Указ был заслушан на заседании 11 — 13 июня того же года. При этом было постановлено с 1 января 1879 г. производить десятипроцентные отчисления со штрафных сумм по уездам и зачислять полученные средства в Губернское земство на хранение до 15 сентября 1897 г. К этому времени было накоплено денег 12031 рубль и в недоимках по уездным земствам 3470 рублей.

На устройство приюта поступили средства и от частных лиц. Так, известные в Калуге благотворители Ф.И. Коровин и О.П. Пестриков жертвуют на строительство приюта 5% билет Калужского общества взаимного кредита на 1787 рублей. Деньги, эти и собранные Мясоедовым ранее, были положены “под процент” и возросли до 3400 рублей, из них — 4% госрентой и 1342 рубля 20 коп наличными. Однако 20 лет никакого строительства не велось. В 1879 г. по ходатайству земства был куплен дом Слобожанинова с участком земли около него на углу улиц Тульской и Николо-Козинской.³ При этом было пожертвовано 400 рублей О.К. Гончаровой и 200 рублей Е.Н. Коншиной, а также лесом 150 рублей Кричевским и 100 рублей Горбуновой. Ф. И. Коровин выделил еще 10 тысяч рублей, в том числе от жены и дочери, и стал попечителем приюта, открывшегося 24 декабря 1897 г.⁴ Председателем Правления приюта был назначен возглавлявший Управление контрольной палатой А.Л. Гурко, заведующим приюта — П.П. Морозов.

Форсирование создания специализированного детского исправительного учреждения было вызвано и угрожающим ростом детской преступности. По подсчетам местных статистов, ежегодно к суду привлекалось около 80 несовершеннолетних, не считая судившихся у земских начальников, в волостных судах, мелких воришек и т.д. С учетом такого положения 1 мая 1895 г. 37 представителей Калужской общественности обратились к губернатору об устройстве приюта для детей со школой, мастерскими и огородом, чтобы не допустить содержания, хотя и краткосрочного, осужденных детей в карательных учреждениях вместе со взрослыми преступниками, т.к. это давало почти 100% случаев рецидива со стороны малолетних после отбытия наказания, заменив им этот срок на хотя и более длительное, но и не менее полезное для их будущего пребывание среди своих сверстников в воспитательно-трудовом учреждении с целью оторвать их от преступной среды и сделать из них в будущем

достойных членов общества. С учетом общей криминогенной обстановки среди детей, поднимался вопрос о разрешении содержания в приюте не только осужденных, но и так называемых порочных детей. На реализацию проекта создания приюта земские Управы обязаны были кроме 10% отчислений штрафных денег давать не менее 100 рублей в год. Отчисления в больших уездах превышали эту сумму во много раз.

Инициаторами обращения к губернатору 22 августа 1895 г. было учреждено общество, получившее впоследствии название “Общество земледельческих колоний и приютов”. В 1895 — 1897 гг. оно насчитывало четырех Почетных попечителей, внесших по 10000 рублей, 10 пожизненных членов, вклад которых составлял от 100 рублей и более, 57 членов вносили ежегодно по 5 рублей, 52 члена вносили такую же сумму, но без определенной периодичности. Таким образом, в общество входили 119 членов.⁵ Деятельность общества, а также его подопечных учреждений и в последующем не раз освещалась на страницах местной прессы на протяжении всего времени его существования, вплоть до 1917 г.

Одной из целей общества было улучшение трудового воспитания призреваемых. О том, что вопрос приобщения к труду был актуален и в последующие годы, свидетельствует информация Калужских губернских ведомостей от 12 июня 1908 г. о ручной посадке ржи в исправительном приюте⁶ и об инициативе обучения садоводству и огородничеству воспитанников детских приютов в августе 1909 г.⁷

Должное внимание работе детских исправительных учреждений, в первую очередь приюту в Калуге, уделяли члены кабинета министров, и даже сам император. 12 октября 1902 г. приют посетил министр земледелия и госимуществ А.С. Ермолаев. По результатам этого визита на содержание приюта была выделена 1000 рублей. А 4 ноября того же года министерство земледелия сообщило в Калугу о даровании приюту Копнинской лесной дачи (участка леса — А.Л.) площадью 37,5 десятин лично императором.⁸

С учетом всех этих обстоятельств учебно-воспитательно-исправительный процесс в приюте осуществлялся на уровне, позволяющем достичь конкретных положительных результатов. При осуществлении воспитательной работы уделялось внимание не только нравственному, но и умственному и физическому развитию детей с целью формирования всесторонне подготовленного к труду члена общества.

Процесс воспитания состоял из трех взаимосвязанных разделов. Основным средством при этом было обучение. Воспитанники учи-

лись грамоте, закону Божьему, а также садоводству, огородничеству и ремеслам: столярному, слесарному, сапожному. Второй раздел включал в себя чтение, беседы и пение, т.е. здесь уделялось больше внимания формированию нравственно-эстетических ценностей. Третьей составляющей являлось как физическое развитие, которое осуществлялось при проведении игр, прогулок и т.д., так и привитие дисциплины, путем осуществления контроля за деятельностью воспитанников и надзора за ними. Время досуга, с 6 до 8 вечера, проходило в чтении или пении, сопровождавшимися демонстрацией теневых картинок.⁹

Результатом деятельности приюта явились не только приобщившиеся к труду и ставшие на путь исправления подростки, но и введение передовых технологий, в первую очередь в сельском хозяйстве, о чем свидетельствовали полученные приютом награды. Серебряные медали Калужского общества сельского хозяйства на весенней выставке 1902 г., а также за слесарные и столярные изделия на осенней выставке того же года.¹⁰

Как видно из отчета за этот год, воспитанники приюта, покинувшие его ранее, добросовестно трудились на благо общества, не возвращаясь к преступной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Калужские губернские ведомости от 18 июня 1860 года.
- ² Балабанов И.П. Калужский воспитательно-исправительный приют // Памятная книжка Калужской губернии за 1905 г. С. 205.
- ³ Малинин Д.И. Калуга. Опыт исторического путеводителя. Калуга: Золотая аллея, 1992., С. 143.
- ⁴ Балабанов И.П. С. 211, 212.
- ⁵ Там же. С. 215.
- ⁶ Калужские губернские ведомости. (КГВ) от 12 июня 1908 г.
- ⁷ КГВ от 20 августа 1909 г.
- ⁸ Балабанов И.П. С. 215.
- ⁹ Там же С. 217.
- ¹⁰ Там же. С. 219.

РУССКИЕ ПРОМЫШЛЕННИКИ XIX в. С.И. МАЛЬЦОВ И М.С. КУЗНЕЦОВ: БОРЬБА ЗА РЫНКИ СБЫТА

А.А. Бауэр,

Кировский историко-краеведческий музей

Созданное трудами трех поколений русских предпринимателей Мальцовых и их многочисленных рабочих на протяжении с конца XVIII и всего XIX столетия оригинальное русское дело, названное

современниками и исследователями “Мальцовским промышленным округом”, сейчас привлекает повышенное внимание ученых, краеведов, музейщиков, архивистов. Построенные и купленные Мальцовыми у других владельцев фабрики, заводы, земли состояли в трех смежных уездах трех губерний — Калужской (Жиздринский уезд), Орловской (Брянский), Смоленской (Рославльский уезд) и обнимали пространство в 6 тыс. кв. км.; население округа в разное время составляло от 150 до 200 тыс. чел (1).

По своему характеру мальцовское дело представляло собой сложнейший комбинат, или раннекапиталистический трест, объединявший более 20 различных производств: чугунолитейное, железодельное, гвоздильное, машиностроение, фаянсовое, стекольное, хрустальное, эмалировочное, лесопильное, смолоскипидарное, бумажное, серное, содовое, кожевенное, полотняное, цементное, кирпичное, парафиновое, винокуренное, сахарно-рафинадное, горно-сырьевое (добыча угля, руды, др. материалов), железнодорожный и водный транспорт (2).

Когда в 1875 г. С.И. Мальцов в целях содержания и развития своих производств создал промышленно-торговое товарищество (ПМТТ), то под юрисдикцию товарищества перешли колоссальные богатства: 11 заводов металлообрабатывающих и механических, 8 фабрик по изготовлению стекла и хрусталя, 4 завода винокуренных и пивоваренных, а также 101 дом в разных городах, узкоколейная железная дорога протяженностью в 200 верст, 150 верст шоссе, 14 домов и складов в 12 важнейших городах России, 21 сельскохозяйственный хутор, 41 мельница, 5 трактиров, 4 питейных заведения, 45 лавок и 3 торговые будки, 16 постоянных дворов, 115 смологонных и 26 угольных печей, станция в Брянске, шахта, товариществу перешло более чем 200 тыс. десятин земли (3).

Ассортимент товаров, выпускавшихся на мальцовских заводах и фабриках, огромен и исчисляется многими сотнями названий. Значительная его часть была предназначена для потребления основными условиями дореволюционной России — сельским крестьянством и городским мещанством. Поэтому сбыт произведенных товаров всегда был в центре внимания промышленников. Уже при Иване Акимовиче Мальцове, в первой трети XIX в., начинает складываться торговая организация, расцвет которой приходится на время Сергея Ивановича Мальцова, 60 — 80-е гг. XIX в. Началась она с нескольких торговых контор, или “торговель”, открытых в самых важных центрах России, и ко времени создания МПТТ (1875 г.) имелось 12 контор по сбыту мальцовских товаров в С.-Петербурге,

Киеве, Харькове, Риге, Херсоне, Кременчуге, Екатеринославе, Пинске, Ростове-на-Дону, Орле, Одессе, Н. Новгороде. Кроме собственной торговли, товарищество имело в центральных и южных губерниях России широкую сеть комиссионеров, доводивших мальцовские товары практически до каждого частного потребителя. Основных покупателей — крестьянство и мещан — устраивала и известная консервативность и стабильность потребительских свойств мальцовских изделий, при неременном высоком их качестве. Объемы ежегодных продаж мальцовских товаров через собственную торговую сеть и комиссионеров достигли в пик наивысшего подъема округа — во второй половине 1870-х гг. — суммы в 3,5 млн. рублей при балансовой оценке стоимости всей собственности товарищества в 16 млн. рублей (4).

Успешному продвижению разнообразного товара из хрусталя и стекла способствовал договор, который в 1854 г. С.И. Мальцов заключил со своим двоюродным братом, владельцем Гусевских хрустальных и стеклянных производств во Владимирской губернии, Иваном Сергеевичем Мальцовым. Суть этого договора состояла в дележе рынков сбыта между двумя крупнейшими русскими производителями: брянский, или дятьковский, товар промышленники согласились реализовывать в центральных и южных губерниях, а гусевский хрусталь и стекло — в обеих столицах, восточных губерниях России. Это соглашение было негласным, однако оно безукоризненно выполнялось вплоть до середины 1880-х гг., пока делами товарищества управлял С.И. Мальцов (5).

После почти десятилетнего периода кризиса, в 1894 г., было создано Акционерное общество мальцовских заводов, которое за 9,5 млн. рублей купило у государства всю собственность бывшего МПТТ. Акционерное общество (АОМЗ) не только сохранило, но и расширило торговую сеть мальцовских производств. На рубеже XIX — XX вв. акционеры открыли торговые отделения в Москве, Самаре, Иркутске, Омске, Ташкенте, Тифлисе. Неуклонно расширяясь, мальцовская торговая сеть приобретала все более сложную организационную структуру. В 1895 г. создается специальный торговый отдел, направлявший всю деятельность контор (6). С 1901 г. ежегодно начинают проводиться съезды заведующих конторами, на которых обсуждались вопросы качества изделий, анализировалась рыночная конъюнктура и торговая практика.

В начале XX в. в штатах торговых отделений появились вояжеры, в установленных для них районах периодически объезжавшие всех значительных торговцев. Для сбыта разнообразной продукции АОМЗ

прибегло к сочетанию оптовой торговли с розничной, что являлось одним из важнейших средств привлечения широкой массы покупателей. Потребности розничной торговли привели к открытию почти при всех конторах многочисленных магазинов и лавок с большим штатом служащих.

В отличие от мальцовского отраслевого и товарного универсализма предприниматель в четвертом поколении М.С. Кузнецов специализировался на производстве фарфорово-фаянсовых изделий. Наследовав от отца два завода — Рижский и Дулевский, — он за полвека построил еще два — Будский и Славянский в Харьковской губернии, приобрел известные заводы Гарднера, Ауэрбаха, Карякина и Рахманова. В 1899 г. он арендовал у АОМЗ, а в 1911 г. купил Песоченскую фаянсовую фабрику в Жиздринском уезде Калужской губернии (ныне — ЗАО «Кировский стройфарфор») (7).

С 1 января 1889 г. начало свою работу товарищество производства фарфоровых и фаянсовых изделий М.С. Кузнецова с основным капиталом в 3 млн. руб. (8).

На фабриках товарищества вырабатывалась фарфоровая и фаянсовая посуда многих сотен наименований, различных фасонов и величин, майоликовые и терракотовые украшения для отделки зданий и интерьеров, печи, каминные, художественные изделия, в том числе фигуры, вазы, панно, фарфоровые иконостасы, сантехнические и санбытовые изделия, электроизоляторы и многое другое. Если в 1892 г. фабрики Кузнецова вырабатывали товара до 50 млн. штук на 3 млн. рублей, то уже в 1900 г. объем валового производства вырос на 20 процентов (до 60 млн. шт.), а в денежном исчислении — в два раза (до 6 млн. руб.). Такая динамика сохранялась вплоть до революции 1917 г. и национализации предприятия в 1918 г., т. е. за 10 лет оборот кузнецовской фирмы удваивался в денежном выражении (9).

В чем же была сила кузнецовского фарфора и фаянса, почему кузнецовские изделия победно шествовали по России и даже успешно проникали на восточные рынки? Традиции кузнецовских фабрик сложились в конце XIX в. и определялись широтой коммерческой постановки дела. Матвей Сидорович Кузнецов оперативно реагировал на новые веяния, следил и выполнял конъюнктуру рынка: улавливал все меняющиеся в обществе настроения и колебания вкусов. Стремление кузнецовской фирмы ко всеохватности рынка приводило к поразительной эклектике ассортимента, что говорило о жизнестойкости и восприимчивости ко всему новому. Кроме того, Кузнецов использовал превосходное сырье и материалы, в том числе многие ввозил из-за границы, благодаря чему товарный и худо-

жественный вид его изделий был одним из лучших в керамической отрасли России (10).

За это высочайшее качество своих изделий товарищество М.С. Кузнецова во 2-й половине XIX — начале XX вв. получало немало наград на всероссийских, международных и даже всемирных выставках — золотые медали, похвальные отзывы, право изображать государственный герб. Товарищество стало поставщиком Императорского Двора, а сам М.С. Кузнецов за заслуги перед отечественной промышленностью получил звание потомственного почетного гражданина (1870), коммерции советника, неоднократно высочайшие благодарности, награжден орденами Станислава и Анны 3-й степени. За предоставленную экспозицию на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. президент Франции удостоил русского фабриканта ордена Почетного легиона (11).

Подобно своему старшему современнику С.И. Мальцову, М.С. Кузнецов создал разветвленную торговую сеть по продаже своих изделий. В обеих столицах было по два “фирменных” кузнецовских магазина, осуществлявших розничную торговлю. Рынки сбыта завоевали свою нишу и постоянно боролись за оптовые склады и торговли: в Петербурге, Москве, Харькове, Риге, Ростове-на-Дону, Одессе, Варшаве, Киеве, Славянске, Казани, Самаре, Астрахани, Тюмени, на всех крупных внутренних ярмарках — Нижегородской, Ирбитской, Симбирской и др. (12).

Из отчета товарищества для каталога Всемирной Парижской выставки 1900 г. можно узнать структуру объемов продаж кузнецовского товара. Так, на внутрироссийском рынке от всего объема в 6 млн. руб. продавалось изделий на 5,5 млн. руб., из них в центральных и восточных губерниях — на 1800 тыс. руб., южных губерниях — на 1600 тыс. руб., северных губерниях — на 800 тыс. руб., Польше и Прибалтийском крае — на 700 тыс. руб., Кавказе и Закавказье — на 200 тыс. рублей.

Агрессивная маркетинговая политика привела к закреплению кузнецовской фирмы на рынках Переднего Востока: в Персии, Средней Азии и Бухаре продавалось товара на 200 тыс. руб., в Турции — на 100 тыс. руб., в Болгарии и Румынии — на 20 тыс. рублей. Есть данные, относящиеся ко 2-му десятилетию XX в., о том, что кузнецовский фарфор успешно стал конкурировать и завоевывать свою нишу в Афганистане и даже Китае (13).

В советское время, когда в условиях плановой экономики работники отечественных, в том числе и бывших мальцовских и кузнецовских предприятий, были заинтересованы не в продаже своих из-

делий, а только в их производстве и передаче на склады, качество выпускаемых товаров достигло критической черты, что повсеместно, уже в условиях рыночных реформ в России, приводило к их неконкурентоспособности. Отсюда — банкротство и ликвидация многих тысяч предприятий, не вписавшихся в рыночную экономику.

Однако большинство мальцовских и кузнецовских предприятий, в том числе и кировские заводы, выжили в этот начальный период реформ и успешно устроились в своей рыночной нише, выпуская высококачественные товары, пользующиеся повышенным спросом потребителей. Склады кировских заводов пусты, все товары разбираются постоянными клиентами, можно сказать, на выходе из производственных цехов. И немалую роль в успешном освоении рынка бывшими мальцовскими и кузнецовскими предприятиями сыграло усвоение ими опыта и традиций лучших представителей отечественного бизнеса XIX столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Госархив Брянской области (ГАБО), ф. 105 (ОДФ), оп. 1, д. 20А, л. 7об.-15.
2. Кировский историко-краеведческий музей (КИКМ): Дозорцев С.С. Особенности развития монополистических предприятий в промышленности России: Рукоп. дисс канд. ист. наук. Л., 1973. /КП №1001/-лл. 33 — 34.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1291, оп. 66, д. 21, лл. 37-39; см. также: Субботин А.П. Мальцовский заводской район. Спб., 1892. С. 30.
4. Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861 — 1892). М.: 1960. С. 229.
5. Ульянова Г.Н. Мальцовы: двести лет на российском рынке // Мальцовский мир: научн. сб. — В. 1. Киров, 1999. С. 16.
6. КИКМ, КП №1001, лл. 42-43.
7. Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ), ф. 337, оп. 2, д. 14, л. 24-25об.
8. Там же. Д. 1, лл. 1-4.
9. Там же. Д. 420, т. 3, л. 277.
10. Подробнее о кузнецовском предпринимательстве см.: Токмаков И.Ф. Историко-статистические сведения о производстве фарфоровых и фаянсовых изделий М.С. Кузнецова // Токмаков И.Ф. Историко-статистическое и археологическое описание г. Дмитрова. М.: 1893. / Приложение: Андреева Л. Советский фарфор. 1920 — 1930-е гг. М.: 1975. С. 8 — 14; Мясина Р.Р. Марки кузнецовского фарфора // Музей-8. М.: 1987. С. 66 — 77; Русский торгово-промышленный мир / Авт. текста П.А. Примаченко. М.: 1993. С. 205 — 211.
11. ЦИАМ, ф. 337, оп. 2, д. 7, т. 2, лл. 15, 238.
12. Там же. Д. 420, т. 3, лл. 1 — 8.
13. Там же. Д. 7, ч. 2, лл. 211 об.-215.

КРЕДИТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КАЛУЖСКОГО ГУБЕРНСКОГО РЫНКА В 1862 — 1917 гг.

По документам Государственного архива Калужской области

*В.В. Демченко, к.и.н.,
г. Калуга*

История денежно-кредитных учреждений (ДКУ) в Калужской области имеет непреходящее общероссийское значение: возникшие здесь их разнообразные организационно-правовые формы предшествовали — порою на несколько десятилетий — принятию важнейших общегосударственных нормативных актов, последующему широкому распространению соответствующих структур. Наши предки получали в этих местах определенный импульс созидательной энергии, позволявший уловить тенденции социально-экономических процессов, братья за новое, преодолевать сопутствующие неурядицы.

Учреждения мелкого кредита (УМК) зародились как необходимая часть общей системы финансирования и кредитования отечественного хозяйствования, естественное дополнение государственных и коммерческих банков. Современные проблемы сбережения и приращения средств населения обуславливали, с одной стороны, инвестирование их в реальный сектор экономики, с другой, порождение в определенной степени неразвитых рыночных отношений, заставляя обращаться к опыту прошлых лет.

С конца XIX в. в ссудо-сберегательном деле заметное место принадлежало кредитным товариществам (КТ). Первое из известных сегодня функционировало с 1876 г. в Людиново, обслуживая 37 населенных пунктов с десятью тысячами жителей — мужчин (в товарищества принимали только их), и насчитывало 959 человек — иными словами, членом этого добровольного объединения был более чем каждый десятый людиновец¹.

Сильной стороной КТ, так и ссудо-сберегательных товариществ (ССТ), стало изначально то, что они создавались в качестве всесословных, инициаторами чаще всего выступали либерально настроенные священнослужители, помещики и земства. Вместе с тем были и отличия. Если уставный капитал КТ создавался из ресурсов госбанка, то основной капитал ССТ формировался из паевых взносов размером до пятидесяти рублей с каждого вступающего — суммы достаточно серьезной по тем временам*, но вносимой в рассрочку;

* В августе 1860 г. стоимость фунта говядины составляла 5-6,5 коп., баранины — 8-12 коп., масла сливочного — 25-26 коп.

он увеличивался также за счет отчислений от чистой прибыли, займов. Оборотный капитал пополнялся вкладами как членов, так и не членов товарищества, а с 1872 г., когда их жизнеспособность стала очевидной, займами Госбанка, ссудами земств, других кредитных структур, частных заемщиков. КТ/ССТ, в соответствии с типовыми уставами, зародились для обеспечения, главным образом, мелких и средних товаропроизводителей заемными средствами по доступным процентным ставкам. Именно поэтому прибыль здесь, в отличие от банков, не являлась основной целью деятельности — главным было всемерное содействие хозяйственным людям².

В селе Дворец Калужского уезда (пред. ССТ В.А. Фомин) в то время широко распространялось производство прялок, и кредиты могли помочь сократить накладные расходы. ССТ охватило своим влиянием десять деревень и сел, в которых проживали 568 человек. Максимальный размер кредита в 100 рублей при 6 % годовой ставке делал производство вполне оправданным. И так было в течение всего времени существования товарищества. Не случайно даже в 1919 г. инспектором губкома установлено, что отпускаяшиеся ему ссуды “получали производительное применение”, в связи с чем договор был пролонгирован (уже Народным банком) до 60 тыс. руб.³

В августе 1860 г. стоимость фунта говядины составляла 5-6,5 коп., баранины — 8-12 коп., масла сливочного — 25-26 коп.

За 65 лет существования (без 1920 — 1921 гг.) деятельность КТ/ССТ претерпела существенные изменения по пути большой доступности для средне- и малоимущих слоев: размер пая сократился с 50 до 10 руб. (в 1910 г. он составлял в среднем 28 руб.). Максимальный размер ссуд вырос со 100 до 500 руб., срок ссужения увеличился с 3 — 9 месяцев до 1 года; в 1896 г. введены целевой — на производственные нужды — характер ссуд и долгосрочное — от 2 до 5 лет — кредитование; одновременно ограничили размер дивиденда 10 %, выплаты по ссудам товариществам — 12 %.

Необходимость подобной либерализации была продиктована цикличностью развития. В 1880 — 1890 гг. страна испытала на себе последствия мирового аграрного кризиса; в губернии сразу же проявились недостаточное обеспечение заимствований, слабое развитие товарно-денежных отношений в деревне: выросла доля недобросовестных заемщиков, сумма просроченных ссуд. Одно время стала сокращаться государственная и земская поддержка, в результате в 1880 — 1895 гг. удельный вес займов Госбанка в общем объеме кредитов товариществам снизился с 27 до 15 %. Тем не менее эти структуры всегда превосходили по балансу все иные УМК.

По мере накопления опыта все они претерпевали изменения как организационно-правового, так и экономического характера. Так, с 1 января 1911 г. часть КТ преобразована в ССТ, получавшие право на ссуды в государственных сберкассах в размере до трех тыс. руб. вместо прежней 1 тыс. Таким образом, условия для их работы стали благоприятнее⁴.

Данные об УМК в Калужской губернии на 01.09.1913 г.⁵

№ п/п	Уезды	Кредитные товарищества	Ссудо-сберегат. товарищества
1	Боровский	2	5
2	Жиздринский	10	16
3	Калужский	4	6
4	Козельский	7	5
5	Лихвинский	4	1
6	Малоярославецкий	3	-
7	Медынский	5	5
8	Мещовский	8	12
9	Мосальский	1	13
10	Перемышльский	2	4
11	Тарусский	2	-
	Всего	48	67

Без малого 10 лет весьма результативно действовало Кулешовское ССТ Лихвинского уезда. С организационной стороны оно было небольшим: 33 учредителя, на обслуживании всего 2 селения с 561 домохозяйством; в финансовом же отношении характеризовалось основательностью и перспективностью: уставный капитал составлял 2 тыс. руб., кредит — втрое больше, и эти средства целиком получены из Госбанка; к моменту ликвидации 6 июня 1917 г. паевые взносы вместо 495 руб. по уставному минимуму выросли до 5844 руб. — для хозяйственных крестьян стала очевидной целесообразность такого распоряжения сбережениями. Собственный капитал товарищества дошел до 4834 руб., запасный — до 2187 руб., вклады физических лиц — до 20,4 тыс. руб., получено 1338 руб. прибыли; в целом в пассиве сосредоточилось 35,3 тыс. руб. Обращает на себя внимание и многообразие в размещении ресурсов: более 3,5 тыс. руб. под % в Госбанке; 1,5 тыс. руб. — в процентные бумаги; 27,4 тыс. руб. — в ссуды; 0,2 тыс. руб. — в имуществе⁶.

Часть товариществ действовала более 30 лет, однако основная масса возникла в начале XX в. Из 30 тыс. членов КТ/ССТ более 29 тыс. — это крестьяне, в том числе 26 тыс. — земледельцы. Этими

КТ/ССТ обслуживались сто (из 198) волостей со 112 тыс. дворов из 225 тыс. в губернии⁷.

О составе учредителей дает представление Детчинское ССТ Малоярославецкого уезда (пред. А.А. Филимонов — крестьянин д. Шершино), открытое в канун 1-й мировой войны. Их имущественное положение было таким: на одного общественника приходилось 6 десятин земли, по 2 лошади и коровы, 4 головы мелкого рогатого скота — в целом, вместе с постройками и инвентарем, это стоило 1400 руб. Тем самым существовала реальная возможность получать кредит на дифференцированной основе: 150 руб. — “по личному доверию”, т. е. без обеспечения, еще 300 — под залог; ссуды выдавались под 12 %. По срочным вкладам ССТ выплачивало от 5 до 7%, по бессрочным — 4 %. Все вопросы деятельности решались сообща 3 членами и 2 кандидатами в члены правления, 3 членами и 1 кандидатом поверочного совета; вознаграждение их не могло превышать 48 руб. в год, что было несоизмеримо меньше оплаты банковских служащих сходного статуса. Интересно, что отчеты этого ССТ поступали во властные структуры еще и в 1920 г.⁸ — по-видимому, теплилась надежда на здравый смысл и порядочность властей.

Одним из последних было создано товарищество в деревне Каратеки Мещовского уезда (пред. М. Кузнецов). Им обслуживалось 16 сел и деревень с 759 дворами и 3695 жителями. Учредителями стали 141 человек, общая стоимость их имущества составила более 58 тыс. руб., или по 414 руб. на одного учредителя, что позволило образовать основной капитал в незначительной сумме — 1 тыс. руб., еще 3 тыс. руб. получено в качестве краткосрочного кредита. В результате структура пассива на 15 июня 1911 г. выглядела следующим образом: основной капитал — 11,2 %, вклады — 62,3 %, займ Госбанка — 26,5%. Успешно работало до самой ликвидации Советской властью⁹.

Примечательно то, что КТ/ССТ стремились объединить людей образованных с одной стороны, с репутацией обязательных — с другой.

В Мосальском ССТ из 308 пожелавших вступить приняли только 240, или 78 %, остальным отказано в приеме. Но и при таком подходе численность пайщиков к 1911 г. выросла более, чем в 7 раз, сумма вступительных взносов превысила 13 тыс. руб., во вклады принято столько средств, что составило почти 3/4 основного капитала, — иными словами, финансовая устойчивость объединения обеспечивалась собственными силами и средствами¹⁰.

Как и в случаях с иными ДКУ, после заслушивания отчета в Податном присутствии, ревизии Контрольной палаты, утвержде-

ния отчета Казенной палатой он направлялся для опубликования в "Вестнике финансов, промышленности и торговли". Тем не менее, даже эта система контроля не могла быть гарантией от всех неприятностей. К 1890 — 1891 гг. они накопились в Людиновском КТ. Как результат, 15 (27) мая 1891 г. общее собрание пайщиков пришло к выводу: "Товарищество находится в весьма критическом положении". К этому времени оно в течение 3-х лет увеличивало убытки, не смогло определить пути выхода из кризиса, не обеспечило возврата большей части задолженности: из 54,7 тыс. руб. просроченных займов дела по взысканию оформлены лишь на 9,7 тыс. руб., возвращены из них 5,8 тыс. руб.¹¹ При подобном подходе никакие обращения к властям, в том числе к министрам финансов, внутренних дел, не дали результатов. В конце концов постановлением Земского правления КТ был ликвидирован; можно предположить, что дело было не только в нерадивости, — отсутствовал достаточный опыт... До сих пор он опрометчиво представляется несущественным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Калужской области (ГАКО). ф. 86, оп. 2, д. 858, л. 1 — 6.

² Там же, ф. 173, оп. 1, д. 174, л. 29 — 30.

³ Там же. Д. 113, л. 2, 7, 9 об.; л. 148, л. 254.

⁴ Там же. Д. 147. Л. 185, 199 — 200.

⁵ Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1914 г. — Калуга, 1914. — С. 186 — 187.

⁶ ГАКО. ф. 173, оп. 1, д. 147, л. 18, 254.

⁷ Памятная книжка на 1914 г. С. 187

⁸ ГАКО. ф. 173, оп. 1, д. 201, л. 1 об.

⁹ Там же. Д. 147, л. 6, 232.

¹⁰ Там же. Д. 201, л. 25 об. Там же. Ф. 86, оп. 4, д. 623, л. 1 — 2.

¹¹ Там же. Оп. 2, д. 1031, л. 5 об.

КАЛУЖСКИЕ РОГОЖНИКИ

*Н.И. Кожеевникова,
Калужский областной центр детско-юношеского
туризма и экскурсий*

В Калужской губернии производством рогожи занимались с давних пор. Это один из промыслов, служивших крестьянам подспорьем к земледелию. В фабричных местностях крестьяне уходили на зимние работы от Покрова до Святой Пасхи. В старину

рогожи находили широкое применение. В рогожных мешках перевозили хлебные товары, коноплю, льняное семя. В рогожных кулях, мешках большого объема, продавали легкое содержимое, например сено. Из-за хорошей проветриваемости рогожных мешков в них покупали и хранили сушеные фрукты, листовой табак, вяленую рыбу.

Сырьем для выделывания рогож на ткацких станах служили липовые мочала. Последние вырабатывались в местностях, отличавшихся изобилием липовых лесов. В Калужской губернии к таким местностям относятся Мосальский, Спас-Деменский, Жиздринский и другие уезды. Но самым лучшим сырьем признавались нижегородские мочала. Их покупали на ярмарках и доставляли в Калугу, главным образом, на баржах по Оке. Один ткацкий стан срабатывал от 15 до 30 холстов в сутки. Обычно на одном стане работали 3 человека: ткач, его помощник, зарогожник, и третий подготавливал мочало. Рогожа носила следующие названия: "пластовка" весом 30 фунтов в 10 рогож, "казачка", "манерка" — каждая по пуду в десятку, "базарка" — значительно меньше, дешевле, "табачная" — сорта тяжелого, по особой цене за работу. Рабочая плата полагалась следующая: "манерке" и "казачке" — 2 рубля 50 копеек со штуки, а "пластовке" — 2 рубля 30 копеек (1).

Сбывались калужские рогожи в Риге, куда шли изрядные партии хлебного товара, а также в Орле, Болхове, на Гжатской, Зубцовской и Белой пристанях.

Рогожное производство было сосредоточено в руках купечества. В Калуге в 1857 г. действовали фабрики: купца Фалеева (30 станков, 30 рабочих, 3150 рублей — сумма производства), купца Токарева (20-20-2250), мещанки Зотовой (12-13-8500) (2).

В 1860 г. купец П.Н.Медынцев открыл рогожный завод при своем доме № 241 (3 квартала 2 части) (3).

Его производство составило: на 20 станах при 20 рабочих — 5000 рогож на 4500 рублей серебром.

В этом году рогожные фабрики имели еще Машошин, Веретиннов (4).

Рогожное производство 1860 г. у купца Чешихина составляло: 29 станков, 29 рабочих, 20000 рогож на 2015 рублей (5).

В 1861 г. в доме Александры Григорьевны Кувшинниковой (1-я часть, 6-й квартал) открылся рогожный завод Токарева.

А вот свидетельство о быте калужских рогожников: "Бедны рогожники не от пьянства, не от мотовства и не от лени. Они в постоянных трудах, и в праздники и в будни — в трудах скучных и

нелегких. Жилье рогожников представляет собой сарай, в длину аршин 20, в ширину аршин 5 — 6. На двор прорублено небольшое окошко, да и оно смотрит не прямо на свет Божий, а на забор или хозяйскую баню. У входа в жилье огромная русская печь. Жилье заставлено рабочими станками, под которыми лежат в большом количестве мочала и всякие тряпки — богатства рогожные. В жилье помещается 15 — 20 человек, люди разных семей, разных возрастов. Постелью им служат мочала под станками и место, занимаемое станком. На станках они совершают свои скромные обеды и ужины, под станками спят. Станки один от другого ничем не отделены, даже не завешены рогожками.”(6).

В 1868 г. в Калуге владели рогожными фабриками Алексей Фалеев, Афанасий Чешихин, Ал.Токарев, Иван Вереитинов, Параскева Зотова, Николай Рябчиков, Николай и Марья Черенковы, Гаврила Печонкин, Александр Козлов(7).

“Далеко окрест славились Мосальские рогожники. Так, в 1860 г. из Нижнего в Калугу поступило 120 тысяч пудов мочал для изготовления рогожи, из них на переработку в Мосальск было отправлено 50 тысяч пудов. К 1870 г. в Мосальске — 1 рогожная фабрика, в других населенных пунктах уезда — 5.”(8).

Весьма крупную торговую промышленность составляло к 1873 г. производство рогож в Спас-Деменском уезде.

“В самом Спасе рогожи ткуются в корпусах фабричных, в обывательских жилых домах. В Спасе рогожные фабрики существуют у 7 купеческих семей, в коих две 1-й гильдии, остальные — по 2-й гильдии. Рогожи работают в Деменске с давних пор, но теперь изделие рогож здесь значительно сократилось (с проведением железных дорог, при перевозке хлебных товаров по рельсам в вагонах в холщевых мешках вместо прежних рогожных кулей, и вовсе не стали требоваться рогожи на “крышу”).

Цифры годового изготовления здесь рогож: на Спас-Деменских фабриках вырабатывается 1 с половиной миллион, полмиллиона — по окрестным деревням из выдаваемых крестьянам купечеством мочал, 1 миллион вокруг Спаса жителями, которые мочала приобретают сами и вырабатывают в разных лесных дачах из-за известной доли выработанного продукта.

Годовой оборотный капитал можно определить от 350000 до 450000 рублей.

Наши рогожники родились и выросли на фабриках. Взгляните на эту картину: громадная казарма с одною дверью и несколькими маленькими окошками. Очень низенькие постройки с земляным

полом — снизу доверху переполнено живыми существами — людьми обоего пола: взрослыми и детьми, курами, свиньями. Все это загромаждено станами, полатами, шестами для просушки мочал. Вонь невыносимая от мочал, дым от табаку и сгорания постного масла. Питание самыми грубыми и весьма часто недоброкачественными продуктами. Болезни (лихорадка, горячка). Преждевременная смерть. Крайне желательно, чтобы быт фабричных рогожников изменился поскорее к лучшему, ибо по местным условиям прекращение сразу рогожной промышленности было бы для здешних крестьян величайшим несчастьем.”(9).

1906 г. На рогожной фабрике А.И.Кувшинникова в Калуге 6 февраля произошла забастовка рабочих.(10)

1912 г. На карте Калуги рогожные фабрики показаны в северо-западной части Калуги, вблизи речки Яченки, на пересечении Стрелецкого переулка и Аптекарской улицы (ул.Суворова). В этом году на двух фабриках работало 302 человека(11).

1920 г. В Калуге были национализированы в числе других предприятий рогожные фабрики Кувшинникова (Ивановская улица), Подчищаева, Фалеева (Фалеевский переулок)(12).

С производством рогож и торговлей ими среди других купеческих фамилий в Калуге упоминаются Кашины, Чешихины.

Купец 2-й и 3-й гильдии Козьма Афанасьевич Кашин (1795 — 23 мая 1866) проживал с семьей в приходе церкви Иоанна Предтечи. В 1845 г. содержал под домом 4 рогожные лавки(13).

Его отец — Афанасий Сидорович Кашин (1750 — 1827), именитый калужанин, купец, гласный Калужской Думы, сын Сидора Титовича Кашина и Прасковьи Кирилловны Кашиной, (урожденной Масленниковой (1720 — 1827)). Жена его — Евдокия Степановна, урожденная Золотарева(14). Проживали в приходе Благовещенской церкви. Афанасий Сидорович с компаньоном Алексеем Федоровичем Труфановым в 1813 г. “с отлучками от семей” торговали в Санкт-Петербурге(15).

Жена К.А.Кашина — Анна, 1799 года рождения, дочь купца А.В.Лебедева. Ее сестра Мария была женой купца, именитого калужанина В. И. Дехтерева.

Дочь Козьмы Афанасьевича и Анны Алексеевны Кашиных — Серафима (1827 — ?) — была женой А.В.Чешихина (1819 — 1883). Проживали в приходе церкви Иоанна Предтечи.

Купец 2-й гильдии А.В.Чешихин в 1860 — 1868 гг. имел рогожное производство, а также производство, связанное с дублением овчин, и портной цех(16).

У его родителей, Василия Кузьмича и Ульяны Ивановны, в 1812 — 1824 гг. с 4-мя сыновьями собственное дело: торг шляпами из Малороссии(17).

В 1897 году в газете “Калужский вестник” упоминался магазин С. К. Чешихиной на Новом Торгу. В 1907 г. в “Церковном вестнике” упоминалась фирма братьев А. и К. Чешихиных, удостоенная высших наград за шорные изделия на промышленной выставке в Париже в 1905 г. Фирма торговала рогожами, а также веревками и бечевой.

А. А. Чешихин (1854 — ?), купец, председатель попечительского Совета банка Малютиных (1905), гласный Калужской Думы (1905 — 1907), был женат на Капитолине Федоровне Верейтиновой (1860 — ?). Бракосочетание состоялось 8 февраля 1883 г. в церкви Иоанна Предтечи, поручитель при бракосочетании — купец Степан Гаврилович Подчищаев(18).

К. Ф. Верейтинова — дочь Федора Осиповича Верейтинова и Капитолины Александровны, урожденной Тиняевой. Дети А. А. и К. Ф. Чешихиных: Ипполит (1884 г.р.), Петр (уехал в Реутово Московской обл.), Серафима (в замужестве — Виссели), Николай, Сергей(19).

Дом А. А. Чешихина в переписи домов и их владельцев в Калуге в 1919 г. значится под № 46 по улице Садовой. На другой стороне — известный в городе “Чешихинский” магазин. Дом № 105 на Солдатской улице — его же.

К. А. Чешихин (11.11.1862 — ?), купец, директор Городского банка имени братьев Малютиных, гласный Калужской Думы (1900 — 1907), был женат на Наталье Васильевне Масленниковой (бракосочетание состоялось в 1889 г.)(20) Дом К. А. Чешихина в 1919 г. значится под № 8 по улице Воскресенской. Фотография К. А. Чешихина помещена в книге В. Продунова “Это моя Калуга” (Калуга, 2000 г.).

Одна из рогожных фабрик в Калуге находилась до революции 1917 г. в юго-восточной части города над Жировским оврагом недалеко от впадения Жировского ручья в Оку. С левой стороны — рогожня, справа — дом Моисеевых в Окском переулке (ныне улица Краснопивцева). Предание о существовавшей рогожной фабрике поведал Иван Алексеевич Потапов: “Наша семья проживала в доме на улице Свердлова (ныне Знаменская). В 30-х гг. многие местные жители держали во дворах скотину. Пасти ее ходили “на рогожню”. Рогожни уже не было, но память о ней сохранялась. Владелец фабрики выбрал для нее хорошее место — на высоком бугре, внутри которого была сделана теплая кузня, чтобы можно было подковать лошадей, которые перевозили товары. Большая

территория вокруг — здесь было много свободного места для вымачивания, ткания, развешивания, сушки рогож. В ямах вымачивали липовый лубок. Дорога на пристань проходила мимо рогожни. На рогожне брали упаковку, везли на пристань”.

О рогожах и рогожниках сложены пословицы и поговорки, например: “Из куля в рогожу!”, “Помоги, Боже, ткати рогожу!” и другие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколов К. Рогожная промышленность. Спас-Деменск. КГВ, 1873, №62 — 64.
2. Попроцкий М. Подробная ведомость о существовавших в 1857 году фабриках в губернии. Том 1.
3. ГАКО, ф.62, оп. 9, ед. хр. 4741.
4. Малинин Д.И. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии, Калуга, 1992.
5. ГАКО, ф.372, оп. 1, ед. хр. 81.
6. Амфигеатров В. Калужские рогожники. КГВ, 1862, №4.
7. ГАКО, ф.372, оп. 1, ед. хр. 105.
8. Приложение к “Журналу Мосальского уездного земского собрания 25 сентября 1869 г.”, Калуга, 1870.(Из книги Зайцева А., Богачева П. “Мосальск”, Тула, 1976)
9. Соколов К. Рогожная промышленность. Спас-Деменск. КГВ, 1873, №62-64.
10. ГАКО, ф.102, оп. 1, ед. хр. 207.
11. Малинин Д.И. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии, Калуга, 1992.
12. ГАКО, ф.156, оп. 1, ед. хр. 364.
13. ГАКО, ф.49, оп. 1, ед. хр. 321.
14. ГАКО, ф.86, оп. 3, ед. хр. 39.
15. ГАКО, ф.49, оп. 1, ед. хр. 46.
16. ГАКО, ф.372, оп. 1, ед. хр. 105.
17. ГАКО, ф.49, оп. 1, ед. хр. 34.
18. ГАКО, ф.33, оп. 4, ед. хр. 287. Из рукописи Пионтковской Ю.Е.
19. Из воспоминаний Кувшинниковой Л.А.
20. ГАКО. ф.33, оп. 4, ед. хр. 293.

Д.И. МАЛИНИН В ЮРЬЕВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

*А.В. Лион,
Калужская воспитательная колония;
Ю.Н. Фетисова,
г. Калуга*

В истории России рубежи столетий, как правило, сопровождались значительными потрясениями. Так сложилось, что Калужский

край в эти периоды играл значительную роль. Достаточно вспомнить, что в начале XVII в. здесь нашел погибель один из главных “героев” Смутного времени — Лжедмитрий II; а в начале XIX в. на этой земле началось крушение наполеоновской армии.

За последние десятилетия заметно возрос интерес к краеведческим проблемам и персоналиям. К числу исторических личностей, внесших значительный вклад в развитие российской науки и культуры, несомненно, принадлежит яркий представитель калужской интеллектуальной элиты — Дмитрий Иванович Малинин (1879 — 1933).

Жизнь и творчество Д.И. Малинина хронологически совпали с Великой Смутой первых десятилетий трагического XX столетия. Заслуги его перед Калужским краем не нашли до сих пор должной оценки. Многие его работы, совершенно неизученные, но известные в Калуге, остаются неизданными. Отсутствует биография, которая отражала бы все стороны многогранного таланта Дмитрия Ивановича, разностороннюю научную и общественно-политическую деятельность, развитие его личности.

Первые жизнеописания краеведа принадлежат самому Малинину: речь идет об автобиографиях 1921 и 1929 гг. [6, 7].

Небольшой перечень работ о Д. И. Малинине биографического характера открывается в 1934 г. трудом известного калужского краеведа Ю. А. Вусовича [8].

В 1961 и 1967 гг. известный литературовед В. И. Безъязычный публикует две биографические статьи о Д. И. Малинине. [14, 15].

В 1992 г. в переиздании “Путеводителя” 1912 г. писатель А. К. Ларин в кратком предисловии намечает новые подходы к изучению жизни и творчества краеведа [16].

В 1999 г. доктор исторических наук В.Я Филимонов обозначает ряд проблем его творческой биографии. [18].

В следующем году главный археограф ГАКО М. А. Добычина, используя выявленные в фондах ГАКО материалы, выделяет основные моменты биографии Д. И. Малинина [19].

Газета “Весть” в 2002 г. публикует статью из архива Г. М. Морозовой “Все мы вышли из Малинина” [20], представляющую собой биографический набросок о классике калужского краеведения.

“Юрьевский” период жизни Д. И. Малинина (1902 — 1907 гг.) специально рассмотрению ранее не подвергался. В данном сообщении мы ставим задачу, опираясь на неопубликованные архивные документы, кратко охарактеризовать учебную и общественно-по-

литическую деятельность краеведа и приблизиться к пониманию роли этого периода в становлении его личности.

Это было время завершения учебы, начавшейся в 1891 г. в Неделинском земском училище и продолженной в 1895 г. поступлением в Калужскую духовную семинарию (выпускная фотография — рис. 1).

В университете получили развитие способности Д. И. Малинина как ученого, педагога и общественно-политического деятеля. Развитие его личности в этот период определялось рядом факторов.

К числу экономических факторов можно отнести постоянные материальные затруднения, обусловленные скудными доходами семьи Д. И. Малинина. Скромный студенческий бюджет с трудом выдерживал расходы на книги и революционные увлечения. Выручали земляки, студенческая столовая, стипендия, частные уроки. В преодолении материальной “недостаточности” у него формировались такие качества личности, как исключительное трудолюбие, упорство и целеустремленность.

Воздействие социального фактора определялось как происхождением из семьи сельского священника, так и принадлежностью к студенчеству. Малинин активно общался с университетскими светилами, с эстонскими и калужскими социал-демократами, с крестьянами и рабочими. Круг общения сказался на его мировоззрении, в котором уживались некоторые реформистские и революционные социал-демократические идеи, христианские ценности и научные взгляды.

События первой русской революции сыграли важную роль в формировании политических взглядов и генезисе научных интересов Малинина.

Духовное развитие Д. И. Малинина происходило под влиянием “уроков” выдающихся университетских преподавателей и кропотливой работы универсанта в старейшей библиотеке г. Юрьева. Первые

Р и с. 1. Личность студента Калужской духовной семинарии Малинина Дмитрия удостоверение 15.08.1902 года

опыты научного творчества Малинина случились именно в этот период. Указанные выше обстоятельства способствовали тому, что научное творчество стало одним из ведущих занятий в его жизни.

В Юрьеве двадцатидвухлетний Дмитрий оказался по следующим причинам: будучи выпускником семинарии, активно участвовавшим в семинарском бунте 1901 г., и считая себя марксистом, он полагал, что поступление в университет имеет смысл лишь с целью сделаться профессиональным революционером, что уживалось в нем с семинарским “академизмом”. Духовное поприще противоречило убеждениям Д. И. Малинина. Отметим, что многие семинаристы стремились к светской карьере в связи с трудностями и малообеспеченностью сельского духовенства [9, с. 1 — 2]. Малинин не стал исключением и от предложения поступить в духовную академию отказался [6, с. 1].

В начале XX в. доступ семинаристам в университеты ограничивался окраинными: Томским, Варшавским и Юрьевским. Томск располагался дальше всех от родного дома. Выбор Дмитрия пал на Варшавский университет, куда он и подал документы. Однако присланная туда из Калужского губернского правления характеристика на Малинина как опытного и осторожного агитатора закрыла ему дорогу в Варшаву. Оставался Юрьевский университет, давший приют многим калужанам. В год поступления туда Дмитрия более десяти его земляков обучались в стенах этого заведения [[3]].

На выбор факультета могли повлиять характер профессиональной ориентации семинаристов (пастырско-наставническая служба, педагогическая по сути), их профессионально-педагогическая подготовка к работе в качестве учителей и основательная гуманитарная подготовка [17, с. 74 — 75]. Напомним, что Дмитрий рос и воспитывался в семье учителя церковноприходской школы.

7.09.1902 г. Д. И. Малинина внесли в матрикул Юрьевского университета в качестве студента историко-филологического факультета [4, л. 1].

В течение восьми учебных семестров Д. И. Малинин прослушал курсы лекций по древней, средней, новой и русской истории, истории славян и Польши, истории церкви, а также спецкурсы по истории. Он изучал латынь, русский, немецкий и греческий языки, русскую, древнеримскую и древнегреческую литературы, постигал философию, логику, психологию. По собственной инициативе Малинин слушал лекции на юридическом факультете.

В числе преподавателей можно отметить известных историков Е.Ф.Шмурло, И.И.Лаппо, А.А.Васильева, философа Я.Ф.Озе, филолога А.Н.Ясинского.

Обладая блестящими способностями по всем предметам, студент Малинин учился отлично. На окончательных испытаниях по десяти дисциплинам весной 1907 г. он имел только “пятерки” [5, л. 87 — 96]. В ходе экзаменов на звание учителя гимназий и прогимназий Малинин получил высокие баллы за письменные работы и устные объяснения для комиссии, а также за пробные уроки при Юрьевской гимназии. В результате 21.05.1907 г. он был признан подготовленным к преподавательской деятельности в средних учебных заведениях [4, л. 15 — 16]. Ранее (11 мая) университетский совет утвердил Д.И. Малинина в звании действительного студента.

На следующий год он представляет кандидатское сочинение “Реформы в системе прямого обложения населения Московского государства” с приложением — “Обзор литературы по истории русских финансов и окладных единиц до Петра Великого”. Давая собственную оценку работе, Д. И. Малинин во введении отмечал отсутствие источниковедческого анализа изученных им научных исследований, оправдываясь тем, что “работа написана в деревне до половины октября 1907 года, и с тех пор переписывалась почти без исправлений и обработки, необходимость которых осознавал сам автор” [5, л. 114].

Научный руководитель Д. И. Малинина — профессор И. И. Лаппо — к недостаткам работы относил: во-первых, компилятивность и отчетность исследования, во-вторых, то, что “автор переносит в изучение прошлого свои современные взгляды, отражающие борьбу классов” и “целиком стоит на почве экономического материализма”. В числе достоинств работы профессор выделял полноту изученности библиографии темы, оригинальность мыслей автора, считая сочинение “дающим ему право на степень кандидата истории” [5, лл. 500 — 502].

Совет университета 20.05.1908 г. утвердил присуждение Д.И. Малинина этой степени [4, л. 30]. Он получил предложение “остаться при университете для подготовки к профессорскому званию по любой исторической кафедре” [6, л. 2]. Он отказывается, ссылаясь на обстоятельства личной жизни [там же]. Ю. А. Вусович причиной отказа называет материальную необеспеченность Малинина [8, л. 4]. Дата выписки кандидатского диплома — 17.12.1908 г. [4, л. 31], а получен он кандидатом уже в Екатеринославе 17.01.1909 г. [там же, л. 32], где Малинин с 1.10.1907 г. служил гимназическим преподавателем [2, л. 1 об.]. Заминка с получением диплома объяснялась следующим. Во-первых, Малинин не сразу выслал 6 рублей на изготовление диплома. (Отметим, что в феврале 1908 г. фунт мяса стоил 13 копеек, а годовая стоимость подписки на газету “Калужский курьер” состав-

ляла 5 рублей). Во-вторых, в качестве казенного стипендиата (Д.И. пользовался госстипендией с 1904 по 1907 гг.) он имел обязательство в соответствии с законом прослужить “по назначению” (т.е. по распределению) 4,5 года, а в случае уклонения — должен был вернуть стипендиальные деньги в казну [17, с. 272 — 273]. Самовольный отъезд в Екатеринослав Д.И. объяснял администрации Юрьевского университета в письме от 24.11.1908 г. тем, что “являясь казенным стипендиатом, считает себя свободным от обязательств, как не получивший казенного предложения от округа в течение шести месяцев со времени окончания курса” [4, л. 31].

Контрастом успешности в науках являлась “полная небезупречность поведения” стипендиата — его нелегальная общественно-политическую деятельность в Юрьеве, Калуге и Козельском уезде.

В конце 1901 г. Министерство народного просвещения расширило корпоративные права студентов, разрешив открывать студенческие библиотеки, читальни, столовые и кассы взаимопомощи; выбирать курсовых старост; проводить студенческие собрания по академическим вопросам и т.д. Студенты использовали эти уступки в нелегальной деятельности, самочинно возродив запрещенные землячества, а в период революции 1905 — 1907 гг. создавали университетские и общегородские органы самоуправления.

В университетские годы Малинин состоял бессменным старостой курса (с 1903 г.) и членом студенческого общества “Societas”, а также “Общества русских студентов” (марксистского, по утверждению Ю.А. Вусовича). От калужского землячества его избрали в нелегальный “Союзный совет землячеств”. В 1903 — 1905 гг. он принимал участие в студенческих выступлениях, в том числе и в организации демонстрации в Юрьеве в январе 1904 г. В библиотеке общества “Societas”, которой заведовал Д.И. Малинин (1904 — 1905 гг.), читались нелегальные доклады, работала подпольная типография, по ночам печатавшая запрещенные издания на эстонском языке. В 1906 году Малинина избрали в состав студенческого делегатского собрания, он выступал в Юрьеве перед студентами с лекциями для студентов по истории русского революционного движения. В 1906 — 1907 гг. через библиотеку при студенческой столовой “Конкордия” Малинин распространяет конфискованные издания партий эсеров, большевиков и анархистов. В этой библиотеке прячутся эстонские социал-демократы, находят приют “лесные братья”

Находясь в Калуге, Д.И. в 1905 — 1906 гг. разбрасывает прокла-

мации, читает лекции калужским социал-демократам, участвует в забастовке железнодорожных рабочих.

В Козельском уезде в те же годы он распространяет листовки, организует крестьянские кружки социал-демократической направленности в деревне Козыри и селе Радождево. Несмотря на усилия жандармерии и полиции, заключающиеся в слежке, обысках, негласном надзоре и перлюстрации писем, улик для привлечения Малинина к ответственности обнаружить не удалось [6, л.1; 7, лл. 3 — 4; 8, л.3].

О продолжении революционной деятельности после 1908 г. данных у нас нет.

В Юрьеве в 1906 г. вышла из печати первая серьезная (по мнению самого Д.И.) работа Малинина “Что читать по русской литературе XIX в?”. Она представляла собой литературно-критический указатель рекомендательного характера, носивший отпечаток общественно-политических взглядов составителя. Предыстория этой книги такова. В 1896 г. семинарист второго класса Дмитрий познакомился со старшим семинаристом А. А. Дубовым, который слыл в кругу учащихся “атеистом”, человеком, стоявшим на стороне “критически мыслящих личностей”. Он сохранил полученный от Дубова “указатель книг и статей, рекомендуемых для выработки мирозозерцания”, который позднее и натолкнул Малинина на мысль составить свой литературно-критический указатель [12, с. 91].

Первое издание книги встретило благосклонный прием критики. Известный литературовед и библиограф Н.К. Пиксанов откликнулся в целом положительной рецензией, опубликованной в журнале “Современный мир” в 1907 г. Книга разошлась за два года. Малинин продолжил работу над указателем: исправил замеченные неточности и ошибки, переработал материалы о некоторых писателях, ввел несколько отсутствовавших в первом издании персоналий, включив в книгу около 300 новых статей.

Второе издание вышло в свет в Москве в 1911 г. На 72-х страницах книги (в первом издании было 48 страниц) составитель, используя около 50 наименований русских периодических изданий XIX — начала XX вв., сгруппировал по десятилетиям библиографию русской литературной критики, упомянув более 600 персоналий в алфавитном указателе авторов [6, л.3; 7, л.2 об.; 8; 11, с.4]. Это был первый опыт выдающегося библиографа.

Итак, в годы пребывания в Юрьевском университете Д. И. Малинин получил глубокие историко-филологические знания, раз-

вившие талант исследователя. На исход борьбы либеральной и радикальной тенденций в его мировоззрении, закончившейся победой первой, в значительной степени повлияло поражение революции 1905 — 1907 гг. Студенческий опыт его общественно-политической и просветительской деятельности определил дальнейший жизненный путь Д. И. Малинина, путь педагога и просветителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Калужской области (далее ГАКО), ф.65 (Калужская духовная семинария), оп.3, д.2101, л. 5 — 7.
2. ГАКО, ф.78 (Калужское реальное училище), оп.1, д.952, л 1 — 2.
3. ГАКО, ф.784 (Калужское губернское жандармское управление), оп.1, д.84.
4. Государственный исторический архив Республики Эстония (далее ГИАРЭ), ф.402 (Тартуский университет. 1802-1917.), оп.1, д.16629.
5. ГИАРЭ, ф.402, оп.1, д. 16630.
6. Малинин Д. И. Автобиография 1921 года. Рукопись. Частное собрание.
7. Малинин Д. И. Автобиография 1929 года. Рукопись. Частное собрание.
8. Вусович Ю. А. Биография Д. И. Малинина. — Калуга, 1934. Машинопись. Частное собрание.
9. Баталин А. М. Воспоминания. 1895 — 1917. Машинописная копия. Частное собрание.
10. Что читать по русской литературе XIX века? Опыт литературно-критического указателя к произведениям русской литературы XIX века Д. И. Малинина. — Изд. 2-е. — М., 1911.
11. Калужский церковно-общественный вестник. — 1916. № 32 — 33. С. 4 — 5.
12. Малинин Д.И. Из воспоминаний о кружке семинаристов-марксистов. //Из партийного прошлого. Сборник воспоминаний о партийной работе в Калуге. — Калуга, 1921. С. 87 — 113.
13. Коммуна. — 1925. № 148.
14. Молодой ленинец. — 1961. № 101.
15. Знамя. — 1967. № 118.
16. Малинин Д.И. Калуга: Опыт исторического путеводителя Калуга, 1992. С. 5 — 8.
17. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX — начала XX века. М., 1999.
18. Филимонов В.Я. Д. И. Малинин — историк, просветитель, гуманист. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы VIII региональной научной конференции 17 — 19 марта 1999 г. Калуга, 2000. С. 70 — 75.
19. Добычина М.А. Жизнь и деятельность Д. И. Малинина. По документам ГАКО. //Калуга в шести веках: Материалы 3-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2000. С. 373 — 383.
20. Газ. "Весть". — 2002. -№ 53.

Г.Г. ЧИСТОКЛЕТОВ — КАЛУЖСКИЙ КРАЕВЕД, БИБЛИОФИЛ, НУМИЗМАТ

Л.В. Калашникова,
г. Калуга

В 2002 г. исполнилось 145 лет со дня рождения Григория Григорьевича Чистоклетова, но он не был отмечен, так как число и месяц рождения Чистоклетова были неизвестны. В Государственном архиве Калужской области в метрической книге Крестовоздвиженской (ныне Георгиевской) церкви, что за верхом, мною найдена г. запись за 1857 о том, что в семье воротынского купца Григория Андреевича Чистоклетова и жены Марии Петровны родился 18 апреля (по ст. стилю), а 30 апреля (по новому стилю) в 1857 г. сын Григорий. Восприемниками были калужский купец Николай Александрович Мешков и купеческая дочь Клавдия Алексеевна Фалеева. Обряд крещения совершили 19 апреля священник Крестовоздвиженской церкви, что за верхом, Андрей Васильевич Гостунский, диакон Соколов, дьячок Любутский, пономарь Кедров. (1) Запись в метрической книге подтверждает, что дом Чистоклетовых был на улице Баумана, № 13, (2). В то время это была Георгиевская улица, соседями их были Фалеевы, которые жили рядом на улице Георгиевской в доме № 11, тот дом купила Ольга Карловна Гончарова в 1895 г. (3).

В ГАКО я нашла сведения о родителях Григория Григорьевича в фонде 853. По прошению Г. Г. Чистоклетова 20 июня 1896 г. Калужская духовная консистория выдала ему метрическое свидетельство о рождении отца — Григория Андреевича Чистоклетова. Родился Григорий Андреевич у калужского купца Андрея Малофеевича Чистоклетова в Калуге и был записан в метрической книге Ильинской церкви под № 11 в 1810 г., 24 ноября. Крещен приходским священником Иваном Васильевым с причтом 27 ноября. Восприемниками были калужский купец Семен Лаврентьевич Фалеев и жена калужского купца Марфа Ивановна Чистоклетова, супруга Андрея Малофеевича Чистоклетова меньшого (4). В свидетельстве о браке, которое выдала Калужская Духовная консистория, запись о венчании калужского почетного гражданина Григория Андреевича Чистоклетова (1810 — 1896), 42 лет, православного вероисповедания, с купеческой дочерью города Киева, девицею Марией Петровной Дехтеревой (1823 — 1917), старообрядческого вероисповедания, 32 лет, первым браком записаны в метрической книге Георгиевской церкви, что за верхом, в 1855 г. 22 января. Брак этот совершен священником Андреем Гостунским с причтом, при поручителях по

жениху: почетный гражданин Алексей Семенович Фалеев и калужский мещанин Василий Иванович Макушкин; по невесте: калужский купец Гавриил Макарович Печенкин и почетный гражданин Владимир Дехтерев.

Умер Григорий Андреевич Чистоклетов 11 февраля 1896 г., 85 лет, и похоронен он был на кладбище Крестовского монастыря. (4) Жена его — Мария Петровна Чистоклетова (1823 — 1917), урожд. Дехтерева, прожила 94 года, умерла 25 марта 1917 г. и была похоронена на старообрядческом кладбище Калуги, о чем свидетельствует запись из метрической книги Московской Никольско-Рогожской старообрядческой общины христиан(5).

В 1869 г. отец Григория, Григорий Андреевич Чистоклетов, купил у Билибиных дом на Никитской улице, сейчас это улица Ленина, д. № 104, в котором в настоящее время находится художественный музей. С 9 августа 1869 г. на основании исполнительного листа Калужского окружного суда Мария Петровна Чистоклетова была введена во владение домом(5).

Григорий Григорьевич Чистоклетов служил с 1895 г. в Калужском губернском статистическом комитете(6).

В 1891 г., 28 января (по ст. стилю), в Калуге была открыта Калужская ученая архивная комиссия. Она была создана по инициативе губернатора А. Г. Булыгина.

Г. Г. Чистоклетов в 1891 г. стал членом Калужской ученой архивной комиссии. Деятельность Комиссии заключалась в составлении губернского исторического архива, и члены Комиссии разбирали архивы городской управы Калуги и уездных городов. Несколько членов Комиссии получили удостоверения для разбора архивов, среди них был и Г. Г. Чистоклетов, который изъявил готовность собрать материалы о печатных материалах, издававшихся в Калуге со времени открытия в ней типографии. Он занимался в архиве губернского правления в 1891 — 1892 гг. и нашел в нем немало ценных материалов. (7) Работал Григорий Григорьевич очень плодотворно, так на заседании Комиссии 12 октября 1891 г. в протоколе отметили и прочитали записку члена комиссии Г. Г. Чистоклетова об открытии в Калуге публичной библиотеки в 1793 г. Записка была составлена по документам, хранившимся в архиве Калужского губернского правления. Комиссия постановила: записку Г. Г. Чистоклетова поместить во втором номере “Известий Калужской Ученой Архивной Комиссии”. (8) В записке уточняется дата открытия первой публичной библиотеки в Калуге при главном народном училище. Григорий Григорьевич на основании докумен-

тов писал, что 1 ноября 1793 г. гражданским губернатором Калужского Наместничества, князем Петром Петровичем Долгоруким было “предложено Приказу Общественного Призрения открыть библиотеку при главном народном училище”, 10 ноября был назначен библиотекарь — учитель главного народного училища О. Г. Потресов, а 24 января 1794 г. был дан рапорт Приказу Общественного Призрения, что книги были отобраны для библиотеки и перенесены в комнату, где была открыта библиотека. 24 января 1794 г. О. Г. Потресов в печатном каталоге дал подробный список книг из лавки Петра Егоровича Котельникова. (9) В протоколе заседания Калужской ученой архивной комиссии 6 февраля 1892 г. отмечалось, что правителем дел И. Д. Четыркиным был прочитан реферат члена Комиссии Г. Г. Чистоклетова “Опыт собрания материалов о типографиях в Калуге и о книгах, в них напечатанных до 1807 г. включительно”. Реферат был составлен на основании архивных материалов, находящихся в архиве Калужского губернского правления. Комиссия постановила: “Напечатать реферат г. Чистоклетова во втором номере “Известий” Калужской Ученой Архивной Комиссии”. (10) Григорий Григорьевич дал интересные сведения о типографии в Калуге. Он составил реферат на основании архивных дел. Первая типография была открыта в Калуге в 1777 г. Вторая типография была открыта 20 августа 1793 г. путивльским мещанином Петром Егоровичем Котельниковым. Типография была помещена в каменный флигель здания главного народного училища, а книжная лавка была в деревянном флигеле училища. Корректором в типографию был назначен стряпчий Верхнего Земского Суда Василий Алексеевич Зеленцов. Рабочим-переборщиком в типографии был нанят Герасим Иванович Черкасов, мещанин из Тарусы, наборщиком был Андрей Яковлев. Управляющим типографской конторой был Григорий Кириллович Зельницкий. (11) 12 января 1794 г. ушел из типографии В. А. Зеленцов, а 16 января 1794 г. был назначен на место корректора учитель математики главного народного училища Онисим Григорьевич Потресов. (11) Приказ Общественного Призрения пригласил двух переводчиков произведений с иностранных языков на русский язык. Это были Левшин Василий Алексеевич (6 авг. 1746 г. — 29 июля 1826 г.), помещик Тульской губернии был известен своими переводами и сочинениями, с 8 февраля 1794 г., второй — с 26 апреля 1794 г., Облеухов Никонор Семенович, штык-юнкер артиллерии, племянник правителя Калужского наместничества Александра Дмитриевича Облеухова. (12) Сведения о типографии для калужан интересны и малоизвестны.

Г. Г. Чистоклетов был нумизматом, и он имел хорошую коллекцию монет. Григорий Григорьевич не только собирал монеты, но и дарил в фонд будущего краеведческого музея. В протоколе заседания Калужской ученой архивной комиссии от 3 мая 1891 г. в списке пожертвованных под № 5 записано: "...от члена комиссии Г. Г. Чистоклетова 29 монет, из коих 1 серебряная; 27 монет прошлого столетия и 2 монеты настоящего. От него же два письменных документа: межевая запись 1769 г. и диплом на орден, выданный в 1811 г. за подписью Государя Императора Александра 1. Копия герба Нелединских-Мелецких" (13).

У Григория Григорьевича была и великолепная библиотека. В ней имелось много ценных и редких изданий, которые библиофил купил при распродаже знаменитой авчуриной библиотеки С. Д. Полторацкого(3).

Прожил Григорий Григорьевич 52 года. В метрической книге Никитской церкви есть запись о его смерти. Умер 26 января 1909 г. почетный потомственный гражданин Григорий Григорьевич Чистоклетов от туберкулеза легких. 29 января был погребен на кладбище Крестовского монастыря(14). Могила не сохранилась, так как весь некрополь погиб.

В Калуге известен еще один дом Чистоклетовых (угол ул. Воскресенской и ул. Кутузова), но навряд ли кто из нас знает о его владельцах. Многие из этого дома похоронены на кладбище Крестовского монастыря. Калужанам нужно знать о Чистоклетовых из этого дома и восстановить их дом. Исследование пока не окончено, продолжается поиск документов о Чистоклетовых.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Метрическая книга Крестовоздвиженской церкви, что за верхом, 1857 г. // ГАКО, ф.33, оп.4, ед. хр. 199, л. 234об. — 235.
2. **Морозова Г.М.** Улица Баумана // Знамя. 1987. 14 янв.
3. **Морозова Г.М.** Прогулки по старой Калуге. Калуга: Золотая аллея, 1993. С. 47, 139.
4. Метрические свидетельства о рождении, браке и смерти потомственного почетного гражданина Чистоклетова // ГАКО, ф. 853, оп. 1, ед. хр. 20, л. 19,20,21.
5. Паспорт и свидетельство о смерти потомственной почетной гражданки Чистоклетовой Марии Петровны, духовное завещание последней // ГАКО, ф. 853, оп. 1, ед. хр. 21, л. 11 — 11об., 4л.
6. Памятная книжка Калужской губернии на 1896 год / Изд. Губ. Стат. Комитета. Калуга: Тип. Губ. Правления, 1895. 114 с. (В т. ч. Г.Г. Чистоклетов. С.6.).
7. Отчет о деятельности Калужской Ученой Архивной Комиссии за 1891

год (составлен правителем дел И. Д. Четыркиным) // Известия калужской ученой архивной комиссии. 1892. №2. С. 29 — 45. (В т.ч. Чистоклетов Г.Г. С. 33).

8. Протокол заседаний Калужской Ученой Архивной Комиссии 12 октября 1891 года // Известия калужской ученой архивной комиссии. 1892. №2. С. 1 — 16. (В т.ч. Чистоклетов Г.Г. С.11).

9. **Чистоклетов Г.Г.** Открытие первой публичной библиотеки в Калуге, по документам хранящимся в архиве Калужского губернского правления // Известия калужской ученой архивной комиссии. 1892. № 2. С. 53 — 58.

10. Протокол заседаний Калужской Ученой Архивной Комиссии 6 февраля 1892 года // Известия калужской ученой архивной комиссии. 1892. № 2. С. 22.

11. **Чистоклетов Г.Г.** Опыт собирания материалов о типографиях в Калуге и о книгах, в них напечатанных до 1807 года включительно // Известия калужской ученой архивной комиссии. 1892. № 2. С. 59 — 130. (В т.ч. Зельницкий Г.К., с. 99, Потресов О.Г. С. 102).

12. Материалы Калужского дворянского депутатского собрания о внесении дворянина Облеухова Александра Дмитриевича в дворянскую родословную книгу Калужской губернии // ГАКО, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 94, л. 1 — 8. (В т.ч. родословная).

13. Протокол заседания Калужской Ученой Архивной Комиссии 3-го мая 1891 года // Известия калужской ученой архивной комиссии. 1891. № 1. С. 1 — 9. (В т.ч. Чистоклетов Г.Г. С.7).

14. Метрическая книга Никитской церкви за 1909 год // ГАКО, ф. 33. оп. 4, ед. хр. 539, л. 760 об — 761.

СЕМЬЯ ЗЕМБЛИНОВЫХ И КАЛУГА

Л. П. Майорова,

Е. А. Тимошенкова,

Дом-музей К. Э. Циолковского

К числу выдающихся представителей отечественной науки и культуры, связанных жизнью и творчеством с Калугой, можно с полным правом отнести старшего врача Сызрано-Вяземской железной дороги, доктора медицины, статского советника Владимира Ивановича Земблинова и его сына Сергея Владимировича Земблинова, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, доктора технических наук, профессора.

Используемыми источниками для данной работы стали архивные документы и материалы, хранящиеся в Государственном архиве Калужской области (ГАКО), Государственном музее истории космонавтики им. К. Э. Циолковского, в семейном архиве Земблиновых, публикации и фотоматериалы.

Владимир Иванович Земблинов родился 7 августа 1853 г. в городе

Керенске Пензенской губернии. По окончании курса наук в Императорском Казанском Университете Советом Университета 27 ноября 1876 г. утвержден в степени лекаря. Согласно избранию Совета того же университета Попечителем Казанского учебного округа определен 30 декабря 1876 г. на службу помощником прозектора университета при кафедре патологической анатомии. Попечителем того же учебного округа назначен 13 января 1879 г. сверхштатным помощником прозектора Казанского Университета при кафедре патологической анатомии. Попечителем Казанского учебного округа уволен от службы по прошению 21 мая 1881 г. Указом Правительствующего Сената 3 ноября 1881 г. № 137 В.И. Земблинов утвержден в чине Титулярного Советника со старшинством. Приказом по МВД от 26 апреля 1882 г. за № 10 он определен на службу земским врачом Чембарского уезда Пензенской губернии с 23 марта 1882 г. Указом Правительствующего Сената от 7 июня 1883 г. за № 67 произведен за выслугу лет в коллежского ассесора со старшинством. По надлежащем испытании в Императорской Военно-Медицинской Академии Конференцией сей Академии удостоен степени доктора медицины, в удостоверение чего выдан диплом от 21 мая 1883 г. за № 199—2374. Конференцией Императорской Военно-Медицинской Академии 10 января 1884 г. удостоен звания уездного врача. Приказом по МВД от 13 сентября 1884 г. за № 34 с 13 июня 1884 г. назначен штатным аудитором Саратовской Александровской земской больницы. Указом Правительствующего Сената от 3 октября 1885 г. № 100 произведен за выслугу лет в надворные советники со старшинством. Приказом по МВД от 29 ноября 1885 г. за № 38 уволен по прошению от службы со 2 августа 1885 г. Таковым же приказом, от 13 июня 1887 г. за № 19, определен на службу старшим врачом Пермской Губернской больницы с 28 февраля 1886 г.

С 1 июня 1890 г. Владимир Иванович был назначен на должность старшего врача Сызрано-Вяземской железной дороги с причислением к министерству путей сообщения, управление которой находилось в Калуге. Земблинову сразу же была поставлена задача: при формировании врачебной службы приблизить ее к образцам земской постановки дела. Владимир Иванович, проведя предшествующие годы на земской службе, оказался наиболее подходящим для этой цели лицом. “В то время, можно смело сказать, никакой железнодорожной медицины еще не было, и постановка дела была самая скромная. И вот свежий, опытный по земской своей деятельности человек отдает всего себя формированию врачебной службы и созиданию правильной постановки медицинского дела на желез-

ных дорогах”. Все приходилось начинать с нуля. Часто Земблинову приходилось совмещать функции старшего врача, санитарного врача и врачей-специалистов. “Неусыпно работая на пользу железнодорожного врачебно-санитарного дела и организуя врачебную службу на Сызрано-Вяземской железной дороге, Владимир Иванович многие годы был и врачом при Управлении этой дороги, неся помощь больным железнодорожным служащим. И в это дело Владимир Иванович вкладывал всю свою душу, успешно применяя свою богатую эрудицию, солидный практический опыт и недюжинный диагностический талант”, — так писал о Земблинове “Вестник железнодорожной медицины и санитарии”.

В августе 1908 г. Владимир Иванович был назначен начальником врачебной службы Московско-Брестской дороги, и семья переехала в Москву. Имя доктора Земблинова, его дела, его служение своему делу снискали глубочайшее уважение всех, кто общался с ним. В 1915 г., в честь 25-летия службы Владимира Ивановича на железнодорожном транспорте, журнал “Вестник железнодорожной медицины и санитарии”, издаваемый в Петрограде, полностью посвятил этой дате свой майский номер. В нем были помещены статьи и воспоминания, отражающие разные стороны деятельности известного доктора. В одной из статей доктор А. А. Петров, много лет работавший с Земблиновым в Калуге, писал: “Для Владимира Ивановича служба и исполнение взятых на себя обязанностей всегда стояла и стоит на первом плане: ни болезнь, ни усталость, ни семейные дела, ни праздничные дни, — словом, ничто не может удержать Владимира Ивановича дома: он всегда на службе, с которой уходит домой после всех. И те немногие свободные часы, которые остаются после служебных занятий, Владимир Иванович посвящает научным занятиям, литературному труду, чтению и разработке новых вопросов. За свою 25-летнюю службу он воспользовался всего пятью месяцами отпуска. Я вспоминаю, как все знакомые Владимира Ивановича в Калуге были удивлены, когда он по болезни желудка уехал лечиться на Кавказ, взяв ради этого шестинедельный отпуск. В частной жизни, вне службы, Владимир Иванович живет уединенно, замкнуто, в тесном кругу своей семьи. Он прекрасный семьянин и весь предан семейному очагу. Сторонясь всегда от шума и всякого рода развлечений, он отдыхает лишь за книгой”.

Составленная им “Инструкция к освидетельствованию поступающих на железнодорожную службу” стала применяться на всех российских железных дорогах. Им же было написано более 50 специальных научных работ, опубликованных в разных изданиях. В. И.

Земблинов был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны 2-й степени и серебряной медалью в память царствования Императора Александра II.

В Калуге произошло знакомство Земблинова с Циолковским, переехавшим в Калугу через два года после него. Следует отметить, что среди инженерного состава Управления Сызрано-Вяземской железной дороги было немало крупных специалистов, часть из которых обладала учеными степенями. Особым авторитетом и уважением ученый пользовался у М.Н. Гордеенко, состоявшего для особых поручений при начальнике Сызрано-Вяземской дороги, у В.А. Ермакова, начальника технического отдела службы пути, у Н.К. Лебедева, начальника службы движения, у помощника начальника Сызрано-Вяземской дороги Д.Ф. Шаталова, а также у губернского архитектора Б.А. Савицкого.

В 1904 г. инженеры и специалисты провели очень подробное рассмотрение и обсуждение проекта цельнометаллического дирижабля из волнистого металла конструкции Циолковского. Организовал обсуждение Владимир Иванович Земблинов. Дирижабль рассматривался в качестве реального средства для переброски наших войск на Дальний Восток в период русско-японской войны 1904 — 1905 гг., когда единственная однопутная железная дорога с небольшой пропускной способностью не могла удовлетворить требований пополнения и снабжения армии. Проект был снабжен многими расчетами и чертежами. На основании этого обсуждения была составлена “Заметка специалистов о проекте К. Э. Циолковского”, подписанная 14-ю инженерами, кандидатами наук и другими авторитетными лицами. В ней была дана положительная оценка проекту. Позднее эта заметка явилась приложением к книге Циолковского “Простое учение о воздушном корабле и его построении”, опубликованной в Калуге в 1904 г. К. Э. Циолковский всю жизнь был благодарен этим людям за понимание и поддержку. “Они признали мой проект вполне осуществимым, весьма важным и неоспоримо верным в теоретическом отношении, — писал он. — Спасибо — не за себя, а за дело, которому служу». К сожалению, воспоминаний Владимир Иванович не оставил.

В Калугу В. И. Земблинов приехал с женою Софьей Николаевной, урожденной Новоселовой, дочерью Коллежского Секретаря Николая Тихоновича Новоселова и законной жены его Александры Николаевны. С. Н. Земблинова родилась в г. Усмани Воронежской губернии 28 августа 1861 г., там же и умерла в 1927 г.

Владимир Иванович Земблинов умер в декабре 1919 г. от инсульта в возрасте 66 лет.

Оба сына Владимира Ивановича и Софьи Николаевны родились в Калуге: Михаил — 21 января 1891 г., Сергей — 7 мая 1893 г. Когда сыновья пошли учиться в Калужское реальное училище, Владимир Иванович был избран председателем родительского комитета училища и был им до перевода в Москву. Свою жизнь они также связали с железной дорогой. Старший, Михаил Владимирович, окончил Московский Константиновский межевой институт. До самой смерти (умер он в 1943 г.) он служил в Управлении Московско-Брестской железной дороги сначала прорабом, а затем начальником участка пути этой дороги.

В фондах Государственного музея истории космонавтики хранятся воспоминания С. В. Земблинова, представляющие определенный интерес. Сергей Владимирович писал: “Мое детство и юность связаны с Калугой. В этом городе я родился, учился первые пять классов казенного реального училища. А после перевода отца в Москву наша семья продолжала каждое лето до 1917 г. приезжать в городской бор под Калугой на дачу. Мне удавалось приезжать в Калугу еще и на зимние и весенние каникулы, и постоянно встречался с многочисленными моими товарищами и семьями друзей моих родителей, преимущественно из железнодорожного и врачебного мира.

С Константином Эдуардовичем мне посчастливилось познакомиться в 1904 г., когда я был еще учеником реального училища. Познакомился я с ним через семью друзей моих родителей — владельца аптекарского магазина, талантливого музыканта Павла Павловича Каннинга. Помню, когда я зашел в магазин и лабораторию к П. П. Каннингу, то к нему пришел Константин Эдуардович. И Каннинг, знакомя меня с ним, сказал: “А это младший сын Владимира Ивановича Земблинова. У него хороший слух, и моя тетушка учит его играть на рояле”.

С 1894 г. до переезда в Москву семья Земблиновых жила в доме А. Т. Билибиной на Богоявленской улице (в настоящее время ул. Кутузова, 19), напротив епархиального училища, и Константин Эдуардович изредка заходил к Владимиру Ивановичу в гости. Летом встречи были чаще. Константин Эдуардович время от времени навещался к Владимиру Ивановичу на дачу. Сергей Владимирович рассказывал: “Живя на даче в городском бору, особенно в летний период, постоянно видел Константина Эдуардовича, проезжающего на велосипеде по узкой тропинке около нашей дачи. Во время велосипедных прогулок часто встречал Циолковского у Черной грязи, около Анненок и Кустов. В бору и в Анненках имелись скамейки,

поставленные дачниками, а около Кустов, где в овраге протекал ручей, были удобные старые пни дубов. Константин Эдуардович обычно отдыхал в этих местах. Иногда он на обратном пути заходил повидаться с моими родителями и отдохнуть на даче. Изредка с ним ездил и Павел Павлович Каннинг”.

Имя Сергея Владимировича Земблинова было известно многим специалистам-железнодорожникам. Он был своего рода человеко-легендой. До 1908 г. он учился в Калужском реальном училище, после переезда семьи в Москву продолжил учебу в 1-м Московском реальном училище. После окончания реального училища он поступил в Московский институт путей сообщения. Этот выбор удивил многих: у юноши были большие музыкальные способности, и ему прочили большое музыкальное будущее. Он прекрасно рисовал, и ему советовали поступать в художественное училище. Скорее всего, в выборе профессии большую роль сыграл пример отца, отдавшего дороге многие годы жизни. Уже на третьем курсе Сергей начал работать над проблемой проектирования и усовершенствования станций и узлов вместе с известным специалистом В. Н. Образцовым. Тогда же, одновременно с учебой, он стал работать на железной дороге, занимаясь частными вопросами проектирования станций и транспортных узлов. В апреле 1916 г. был назначен на Московско-Брестскую железную дорогу, летом того же года был переведен в Управление Северных железных дорог, где проработал до октября 1921 г., когда был назначен в НКПС начальником части станций и узлов. География его проектов постоянно расширялась. Он запроектировал более 400 станций и узлов, включая такие, как Ярославль, Вологда, Смоленск и другие. На 150 проектов он дал свои заключения, как признанный эксперт.

С 1923 года Сергей Владимирович — преподаватель Московского института инженеров железнодорожного транспорта, преподавал сразу на двух кафедрах: “Железные дороги” и “Станции и узлы”, а затем и проректор по учебной части, одновременно сотрудничая в научно-исследовательском институте, образованном при МИИТе, он в 1938 г. защитил докторскую диссертацию “Анализ схем железнодорожных узлов”, которая сразу стала незаменимым пособием для проектировщиков станций.

В 1941 г. Земблинов становится главным инженером Народного Комиссариата путей сообщения с присвоением ему звания генерал-директора движения второго ранга, а немного позднее, первого ранга. В 1946 г. его приглашают работать во вновь созданной Академии железнодорожного транспорта. Более десяти лет своей жизни он по-

святил подготовке руководителей высшего звена для железных дорог страны. В 1955 г. с целью формирования высокоэффективной транспортной системы страны был создан Институт комплексных транспортных проблем. Земблинов, оставаясь профессором Академии, возглавил в нем отдел комплексных транспортных узлов. С самого начала он привлек к работе своих наиболее способных учеников. Настоящим экзаменом на зрелость для них стало издание в 1959 г. капитального труда “Основы построения транспортных узлов”. Этой работой был очень доволен и сам Сергей Владимирович. Он говорил: “Горжусь этим исследованием. Наш труд является своеобразным памятником В. Н. Образцову. Мы завершили дело, которому он посвятил долгие годы своей жизни”. О его профессионализме, его памяти ходили легенды. Много лет спустя, в 1974 г., в одном из писем внуку К. Э. Циолковского, А.В. Костину, он писал: “Без преувеличения скажу — я ведь на память, почти “масштабно”, помню почти все наши железнодорожные и транспортные узлы, и до 600 узлов самых крупных и самых важных в других государствах”.

Несмотря на огромную занятость, все свободное время Сергей Владимирович посвящал изобразительному искусству. Еще в 1918 г. он поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где занимался под руководством Аполлинария Михайловича Васнецова. Закончив училище, он мечтал получить и высшее художественное образование. Поэтому через двадцать лет снова стал студентом, но уже в институте имени И. Е. Репина при Академии художеств в Ленинграде. Даже во время войны, будучи в командировке в Ташкенте, он сдавал контрольные работы и зачеты, пользуясь тем, что институт был эвакуирован в Самарканд.

Дипломную работу, руководителем которой был известный художник Б. В. Иогансон, защитил летом 1949 г. Тогда Сергей Владимирович, приказом Министерства путей сообщения, был направлен в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта в качестве председателя Государственной Экзаменационной Комиссии по защите дипломов. Одновременно происходила и защита диплома в Академии художеств. Этому событию в журнале “Огонек” за 1949 г. посвящена статья, которая была озаглавлена “Профессор — студент”, сопровождавшаяся двумя фотографиями. На первой — Государственная экзаменационная комиссия под председательством С. В. Земблинова принимает защиту дипломного проекта в Институте инженеров транспорта. На другой — сам Сергей Владимирович в генеральской форме защищает свой проект перед комиссией, которую возглавлял художник В. А. Серов. Он предста-

вил картину “Уголок Родины”, выполненную, по словам специалистов, в лучших левитановских традициях. Было Сергею Владимировичу тогда 56 лет. Позже картина была передана в Калужский областной художественный музей. У Сергея Владимировича прошло несколько персональных выставок, в том числе в Калуге в 1973 г., где и была впервые представлена картина, о которой упоминалось ранее. С. В. Земблиновым было написано более 300 картин. Восемь из них (по данным дочери Н. С. Земблиновой) хранятся в Калужском художественном музее, несколько — в Государственном музее истории космонавтики им. К. Э. Циолковского.

Сергей Владимирович был разносторонним человеком. Трудно представить, как он все успевал — инженер, ученый, художник. Он обожал музыку и много лет собирал пластинки с записями арий из опер, увлекался фотографией. Но была у него и еще одна страсть — голуби. Когда мальчику исполнилось 14 лет, отец подарил ему двух голубей. Потом появились другие, редких пород, с которыми он участвовал в различных выставках. В доме Земблиновых хранились разные дипломы и свидетельства, среди которых диплом и большая серебряная медаль ВДНХ СССР за шесть голубей редкой породы Драконы. Эта страсть стала началом его большой дружбы с тезкой, народным артистом СССР, Сергеем Владимировичем Образцовым.

До последних дней жизни Сергей Владимирович считал себя внештатным сотрудником Дома-музея К.Э. Циолковского. Он живо интересовался работой музея, переписывался с его сотрудниками, принимал участие в ежегодных встречах в музее “Они знали Циолковского”, создал несколько картин об ученом. В 1973 г., на персональной выставке С. В. Земблинова в Калужском областном художественном музее экспонировалась одна из них — картина “К. Э. Циолковский и П. П. Каннинг во время велосипедной прогулки в городской бор”. Эта картина была написана им по памяти и относилась к одному из приездов ученого на дачу в 1911 г.

В сентябре 1974 г. газета “Знамя” писала: “Запомнившийся Земблинову с детских лет образ К. Э. Циолковского до сих пор служит ему источником вдохновения Сергей Владимирович намерен и дальше не оставлять тему о Циолковском”.

Земблинов С.В. — член Московского отделения Союза художников РСФСР.

За заслуги перед Родиной он награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, “Знак Почета”, медалями «За трудовую доблесть», «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За оборону Москвы», «За доблестный труд в

Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.», «В память 800-летия Москвы», медалью Болгарского правительства, отмечен дважды (1937г., 1946г.) знаком “Почетному железнодорожнику”. В 1965 г., по представлению Академии железнодорожного транспорта, Сергею Владимировичу было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки и техники РСФСР. Он автор более 65 научных трудов.

Представленные сведения и материалы о Владимире Ивановиче и Сергее Владимировиче Земблиновых свидетельствуют о том заметном следе, который они оставили в истории Калуги, об их огромном вкладе в сокровищницу российской науки, техники, здравоохранения и культуры. В течение ряда лет семья Земблиновых не только поддерживала искренние дружеские отношения с К.Э. Циолковским, но и в значительной степени способствовала распространению его идей в обществе. В мае 2003 г. исполнится 110 лет со дня рождения С. В. Земблинова, целесообразно, на наш взгляд, рассмотреть вопрос об установлении мемориальной доски на доме, где жила семья Земблиновых и где неоднократно бывал основоположник теоретической космонавтики К. Э. Циолковский. Мы обязаны сохранить память о людях, прославивших своей деятельностью наш родной город, отечество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паспортная книжка на имя Земблинова В. И. // ГАКО, ф. Р-440, оп. 1, д. 1, л. 1 — 3.
2. Свидетельство о рождении и крещении дочери коллежского секретаря Н.Т. Новоселова Софии // ГАКО. ф. Р-440, оп. 1, д.1, л.11 — 11 об.
3. Формулярный список о службе Статского Советника, Доктора медицины В.И. Земблинова. 1908 г. // ГАКО, Ф. Р-440. Оп. 1. Д.1. Лл.13-16 об.
4. Свидетельство о назначении пенсии В.И. Земблинову. 1916 г. // ГАКО, ф. Р-440, оп. 1, д.1, л.18.
5. Удостоверение, выданное Управлением Московско-Курской, Нижегородской и Муромской ж/д на имя Земблинова В.И. 23 июля 1918 г. // ГАКО, ф. Р-440, оп. 1, д.1, л.19.
6. Удостоверение, выданное Исполнительным комитетом Московско-Курской, Нижегородской и Муромской ж/д на имя Земблинова В.И. 14 сентября 1918г. // ГАКО, ф. Р-440, оп. 1, д.1, л.20.
7. Аттестат С.В.Земблинова об окончании полного курса Московского 1-го реального училища // ГАКО, ф. Р-440, оп. 1, д.2, л.1-1 об.
8. Удостоверение ученика 5-го класса Калужского реального училища Земблинова С.В. // ГАКО, ф. Р-440, оп. 1, д.2, л.3
9. Свидетельство Министерства Народного просвещения, выданное ученику дополнительного класса Московского 1-го реального училища Земблинову С.В. // ГАКО, ф. Р-440, оп. 1, д. 2, л.4-4 об.
10. Удостоверение на имя С.В. Земблинова МПС Северных ж/д. 22 авгу-

ста 1919г. // ГАКО, ф. Р-440, оп. 1, д.2, л.6.

11. Удостоверение МПС на имя С.В.Земблинова. 23 мая 1916г. // ГАКО, ф. Р-440, Оп. 1, д.2, л.8-8 об.

12. Удостоверение С.В.Земблинова, выданное Московским Обществом птицеводства и мелкого животноводства. 1923г. // ГАКО, ф. Р-44, Оп. 1, д.2, л.9.

13. Удостоверение МПС, Управления Северных ж/д на имя С.В. Земблинова. 13 сентября 1918 г. // ГАКО, ф. Р-440, оп. 1, д.2, л.10.

14. Удостоверение Комиссии по улучшению быта ученых. 26 марта 1923г. // ГАКО, ф. Р-440, оп. 1, д.2, л.11-11 об.

15. Выписка из протокола №15/23 заседания Высшей Аттестационной Комиссии от 29 июня 1934г. об утверждении С.В.Земблинова в ученом звании профессора // ГАКО, ф. Р-440, оп. 1, д.2, л.14.

16. Грамота Высшего Совета научно-инженерно-технического общества, выданная С.В. Земблинову. 1 июля 1936г. // ГАКО, ф. Р-440, оп. 1, д.2, л.16.

17. Почетная грамота ЦИК СССР №2164 о награждении С.В.Земблинова орденом «Знак Почета». 1936г. // ГАКО, ф. Р-440, оп. 1, д.2, л.17-18 об.

18. Анкета кандидата партии, вступающего в члены ВКП(б) С.В.Земблинова // ГАКО, ф. Р-440, оп. 1, д.2, л.32.

19. Фотографии С.В.Земблинова разных лет // ГАКО, ф. Р-440, оп. 1, д. 8, л.1 — 5.

20. Земблинов С.В. Автобиография. Машинопись с подписью автора. 16 октября 1946 г. // Архив семьи Земблиновых.

21. Список правительственных и других наград, персональных званий, полученных С.В.-Земблиновым. Автограф // Архив семьи Земблиновых.

22. Перечень трудов профессора С.В. Земблинова. Машинописная копия // Архив семьи Земблиновых.

23. Земблинов С.В. Некоторые мои воспоминания, связанные с жизнью, трудами и открытиями Константина Эдуардовича Циолковского. Машинопись с подписью автора. 17 сентября 1974 г. // Архив семьи Земблиновых.

24. Земблинов С.В. Сведения о тех семьях, с которыми Земблиновы поддерживали дружеские отношения в Калуге. Машинопись с подписью автора. 20 февраля 1971 г. // Архив семьи Земблиновых.

25. Циолковский К.Э. Простое учение о воздушном корабле и его построении. Калуга. 1904. С.14 — 15.

26. Д-р медицины В.И. Земблинов и его научная, служебная и общественная деятельность // Вестник железнодорожной медицины и санитарии. 1915. Май.

27. Зензинов Н.А. Грани таланта // Путь и путевое хозяйство. 1993. №11. С. 36 — 38.

28. Земблинов С.В. Сквозь рутину и косность // Циолковский в воспоминаниях современников. Тула. 1971. С.25-29.

29. Земблинов С.В. Жизнь, отданная науке // Знамя. 1965. 17 сентября.

30. Антонов М. Ученый, инженер, художник // Гудок. 1993. 25 мая.

ФЕДОР КАРЛОВИЧ АМБЮЛЬ

Боевой путь русского офицера

И.Б. Белова,

*Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского*

Персональная история появилась в последние годы как направление в современной отечественной исторической науке[1]. При этом материалом исследования служит, как известно, анализ одного события, индивидуальной судьбы. В связи с этим представляет интерес знакомство с судьбой русского офицера Федора Карловича Амбюля, калужанина, Георгиевского кавалера, воевавшего и отдавшего жизнь за Россию на полях сражений первой мировой войны.

Выявление данных производилось на основании разбора большого количества неопубликованных документов Государственного архива Калужской области (ГАКО) и Российского Государственного военно-исторического архива (РГВИА), слабо еще изученных и труднодоступных для исследователей. Надо отметить, что на сегодняшний день нет работ, посвященных калужанам — Георгиевским кавалерам, участникам первой мировой войны. Исследований об участии калужан в первой мировой войне практически также нельзя найти.

Дед Федора Амбюля — Лаврентий Алексеевич Федоров — калужанин, фельдшер тюремной больницы с тридцатилетним стажем. Одновременно с основным местом работы он безвозмездно исполнял обязанности калужского городского (городского) фельдшера[2]. С 1856 по 1874 гг. он, занимаясь оспопрививанием в Калуге, привил 7460 детей, за что высочайшим повелением императора от 22 августа 1874 г. был удостоен серебряной медали, а в 1876 г. — денежной премии в размере двухсот рублей[3]. Выйдя в отставку в 1886 г., он трудился в ведомстве путей сообщения. В жены Лаврентий Алексеевич взял купеческую дочь Варвару Ивановну. Одна из их дочерей, Мария Лаврентьевна, в 1884 г. вышла замуж за швейцарского гражданина из города Ватвиля (кантона Санкт-Галлена) Карла Амбюля (1849 — 1919).

Приехав в 1880 г. в Россию, Карл Амбюль остался в ней навсегда после посещения Калуги, где встретил очень понравившуюся ему молодую калужанку, которую полюбил и вскоре женился на ней[4]. Это и была дочь уже известного нам калужского фельдшера, 23-х летняя Мария Лаврентьевна Федорова. Венчание состоялось 4

сентября 1884 г. в Николо-Слободской церкви по православному обряду. Чтобы содержать семью, Карл Амбюль, владевший четырьмя иностранными языками, служил в Москве, где преподавал в различных учебных заведениях иностранные языки[5].

Федор Карлович Амбюль был третьим ребенком в семье. Он родился 15 июля 1887 г. в Калуге. Крещен 30 июля в Воскресенской церкви, одной из древнейших в Калуге, давшей название улице (разрушена в 30-х годах XX в.)[6]. Он был единственным мальчиком из четырех оставшихся в живых детей. В 1898 г. он поступил в Калужское реальное училище, которое окончил в 1905 г.[7]. С наступлением призывного возраста он в качестве вольноопределяющегося был зачислен канониром в 3-ю Артиллерийскую бригаду, находившуюся в Калуге[8]. Через два месяца он был направлен в Казанское пехотное военное училище, которое успешно окончил, был произведен в подпоручики и распределен в 196-й пехотный Инсарский полк, дислоцировавшийся в городе Златоусте. Этот сравнительно молодой полк был создан 20 февраля 1910 г. из резервного батальона, существовавшего с 5 января 1897 г.[9]. На место службы Федор Карлович прибыл в сентябре 1911 г.[10]. Он командует ротой, исполняет обязанности полкового адъютанта, заместителя начальника командной службы связи. В апреле 1913 г. совершает служебную поездку в Екатеринбург, где знакомится с отливкой трехлинейных винтовок; с апреля по июль 1914 г. командирован в Самару, Шадринск на курсы фехтования. Так проходят армейские будни.

Но вот в послужном списке находим: “31 июля 1914 г. вместе с полком выступил на театр военных действий”[11]. Командующим 8-й армией Юго-Западного фронта, в который входила 49-я пехотная дивизия и в ее составе 196-й Инсарский полк[12], в это время был генерал от инфантерии Алексей Алексеевич Брусилов (1853 — 1926). 5 (18) августа 1914 г. началась знаменитая Галицийская битва, в ходе которой наши войска на Юго-Западном фронте (3,4,5 и 8-я армии) отразили наступление четырех австро-венгерских армий в Галиции (с 1772 г. — австрийская территория) и Польше, отбросили их за реки Сан и Дунаец, создав угрозу для вторжения в Венгрию и Силезию[13]. В результате побед русских в Галиции были сорваны планы немецкого командования, нежелавшего войны на два фронта, а перед Австро-Венгрией возникла реальная угроза капитуляции (она потеряла почти половину своей армии)[14].

За боевые заслуги в ходе Галицийской операции 5(18) августа — 8(21) сентября 1914 г. Федор Амбюль 31 октября 1914 г. приказом по

8-й армии Юго-Западного фронта был награжден своим первым орденом — Святой Анны 4-й степени с надписью “За храбрость”. Он считался не первой боевой наградой, а исключительной, за личные боевые подвиги. Так, в 1770 г. Аннинским кавалером стал сорокалетний А. В. Суворов. Это был также его первый орден. Впрочем, за оставшиеся три десятка лет своей военной карьеры Александр Васильевич успел получить все остальные отечественные награды и, кроме того, множество иностранных[15].

Вскоре, 26 ноября 1914 г., уже произведенный в поручики[16] Федор Карлович удостоивается высшей военной награды Российской империи — ордена Св. Георгия 4-й степени[17] за отличия в боях против австрийских войск в Карпатах.

Орден Св. Георгия (полное его название — Императорский Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия) был официально учрежден, что интересно, именно 26 ноября 1769 г. Имя святого для воинской награды взято неслучайно: по церковному преданию, в Риме при императоре Диоклетиане жил военачальник Георгий, исповедовавший христианство и за это преданный казни. На Русь культ святого Георгия пришел с введением христианства. Ярослав Мудрый, первым из князей принявший второе, церковное имя Георгий, в 1036 г., после победы над печенегами, основал в Киеве монастырь в честь своего христианского покровителя. Монастырь был освящен 26 ноября, что стало впоследствии и днем учреждения ордена Св. Георгия[18]. В статуте этого боевого офицерского ордена говорилось: “Сей орден никогда не снимать, ибо заслугами оный приобретается”.

В числе награжденных этим высоким орденом в годы Первой мировой войны — генерал от инфантерии А.А. Брусилов (3-й ст.), а также знаменитый русский летчик П. Н. Нестеров, совершивший первый в мире воздушный таран и героически погибший в ходе сражения под Львовом (Галицийская битва) 26 августа 1914 г.[19].

Цена побед, конечно, всегда разная. Но, как правило, не бывает побед без потерь. Был дважды ранен и Федор Амбюль: в октябре 1914 г. у деревни Старая Соль (Галиция) он получил сквозное ранение в лицо ; затем, в марте 1915г., ранен шрапнельной пулей в грудь у деревни Стейницы Гуть (Венгрия)[20].

8-я армия Юго-Западного фронта, куда входил 196-й Инсарский полк, где служил Ф. К. Амбюль, и Юго-Западный фронт в целом на протяжении всей военной кампании действовали значительно успешнее других благодаря военному таланту А. А. Брусилова. При этом сложность выполняемых задач требовала от личного со-

става большой отдачи. Помимо Галицийской битвы 1914 г., 3-я и 8-я армии участвовали в Карпатской операции 1915 г., отражали наступление германо-австрийских войск в Горлицком прорыве 1915 г. при двухкратном превосходстве противника в пехоте и пятикратном в артиллерии, а по тяжелым орудиям — в сорокакратном! За заслуги по выполнению поставленных командованием боевых задач различной сложности в этот период Ф. К. Амбюль был произведен в штабс-капитаны, награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, и, наконец, Высочайшим приказом от 15.3.1915 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом за отличия в боях[21]. Орден Св. Владимира был учрежден 22 сентября 1782 г. по случаю 25-летия царствования императрицы Екатерины II. Как и орден Св. Георгия, он имел четыре степени; кавалер ордена Св. Владимира никогда не должен был снимать его знаки. Носить их предписывалось всегда. Награждаемый им впервые получал орден 4-й степени[22]. Первым кавалером ордена Св. Владимира 4-й степени стал капитан-лейтенант Д. Н. Сенявин (наш земляк, уроженец деревни Комлево Боровского района, с 1826 г. адмирал русского флота) за успешную операцию против турок осенью 1788 г. Вторым был отмечен боевым орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом капитан М. Б. Барклай де Толли за отличия при штурме Очакова (1788 г.). В военной среде высоко ценили орден Св. Владимира 4-й степени с бантом — боевую офицерскую награду (с августа 1855 г. на знаках орденов, выдававшихся за военные заслуги, стали помещать скрещенные мечи), стоявшую в табели знаков отличия сразу после ордена Св. Георгия[23]. Тогда, весной 1915 г., на Юго-Западном фронте продолжалось наступление 8-й армии А. А. Брусилова, которая заняла ряд перевалов в Карпатах и уже готова была устремиться в Венгерскую равнину. 9(22) марта — пал Перемышль. В плен было взято 120 тыс. солдат, 9 генералов, 25 офицеров австрийской армии.

После успешных боевых действий 8-й армии Юго-Западного фронта ее командующий генерал А.А. Брусилов в марте 1916 г. был назначен главкомом Юго-Западного фронта. Под его руководством Юго-Западный фронт провел успешное наступление и в 1916 г. — Брусиловский прорыв 22.5(4.6) — 31.7(13.8). Прорыв осуществлялся всеми армиями Юго-Западного фронта на узких участках с последующим развитием в стороны флангов и в глубину. Рассвет 22 мая 1916 г. был оглушен раскатами залпов русской артиллерии. На некоторых участках артиллерийская подготовка продолжалась два

дня. В ходе боев на Юго-Западном фронте противник потерял до 1,5 млн. человек убитыми, ранеными и пленными, большое количество вооружения. Немцы вынуждены были перебросить на восток десятки резервных дивизий и ослабить натиск у Вердена, а австрийцы прекратили продвижение в Италию[24]. Таким образом, Россия в очередной раз спасла своих союзников по Антанте от поражения, а новая форма прорыва позиционной обороны, примененная тогда Брусиловым, получила развитие в последние годы первой мировой войны. За отличия в боях в марте — апреле 1916 г. Федор Амбюль Высочайшим приказом произведен в капитаны и награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами[25]. Пятого октября 1916 г. Федор Карлович в очередной раз принял командование батальоном, но через несколько дней был эвакуирован по болезни (сказывались последствия двух ранений). Уставшим выглядит он на своей последней фотографии, сделанной осенью 1916 г. в Калуге[26]. С января 1917 г. Ф. К. Амбюль снова в строю, он командует 1-й ротой, временно батальоном. 196-й Инсарский полк находится на территории Румынии, которая в августе 1916 г. объявила войну Австро-Венгрии. В военном отношении Румыния была весьма слабо подготовлена к войне. Ее войска тут же были разгромлены, Румынский фронт пришлось прикрыть русскими армиями. До июня 1917 г. крупных операций на Юго-Западном фронте не предпринималось. Велась позиционная война, при которой личный состав воюющих сторон нес потери от случайных снарядов и пуль, даже не увидев лица своего противника.

Так, 24 февраля 1917 г. Ф. К. Амбюль был убит при разрыве неприятельского снаряда у деревни Агаши (Румыния) [27]. Ему было 29 лет.

Приказ о производстве в подполковники от 8 февраля 1917 г. был утвержден уже после гибели Федора Карловича 17 июня 1917 г. Тело воина было перевезено в Калугу. Офицер, выполнивший до конца свой долг служения отечеству, с воинскими почестями был похоронен на Пятницком кладбище г. Калуги.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Володихин Д.М. Персональная история. М.: Мануфактура, 1999; Баташев И.Н. О предках и о себе: Автобиографическая повесть. Калуга: Золотая аллея, 1997.
2. ГАКО, ф. 62, оп. 22, д. 566, л. 1.
3. ГАКО, ф. 62, оп. 22, д. 723, л. 1.
4. ГАКО, ф. 32, оп. 5, д. 955, л. 1 — 2; ГАКО, ф. 32, оп. 2, д. 1030, л. 155.
5. ГАКО, ф. 33, оп. 4, д. 213.

6. ГАКО, ф. 33, оп. 4, д. 290, л. 340.
7. ГАКО, ф. 78, оп. 1, д. 626.
8. РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 123449, л. 2.
9. Ульянов И.Э. Регулярная пехота 1855 — 1918 гг. / История российских войск М., 1998. С. 251.
10. РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 123449, л. 2. об.
11. Там же. Л. 4.
12. Залесский К.А. Первая Мировая война. Биографическая энциклопедия М., 2000. С. 494.
13. Галицийская операция // Отечественная история: Энциклопедия. Т. 1 (А-Д). М.: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 500 — 510.
14. Новейшая история отечества XX в. / Под. ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. М.: ВЛАДОС, 1998. Т. 1. С. 157 — 170.
15. Балязин В.Н., Дуров В.А., Казакевич А.Н. Самые знаменитые награды России. М.: Вече, 2000. С. 91.
16. РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 123449, л. 4.
17. Там же.
18. Балязин В.Н., Дуров В.А., Казакевич А.Н. Самые знаменитые награды России. М.: Вече, 2000. С. 59.
19. Там же. С. 66.
20. РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 123449, л. 5.
21. Там же. Л. 4. об.
22. Балязин В.Н., Дуров В.А., Казакевич А.Н. Указ. сочинение. С. 78 — 85.
23. Там же. С. 84.
24. Юго-Западного фронта наступление 1916 г. (Брусилковский прорыв) // Военный энциклопедический словарь. Т. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. С. 787.
25. РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 123449, л. 4. об.
26. Фото из семейного архива.
27. РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 123449, л. 4. об.

ПЕТР ЯНОВИЧ ВИТОЛИН — ЛИДЕР КАЛУЖСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ

В.Я. Филимонов, д.и.н.,

Калужский государственный педагогический университет им.

К.Э. Циолковского

В последние годы историки все чаще стали обращаться к изучению личностей лидеров политических партий, действующих в России в эпоху революций. Появились работы, написанные в жанре политических биографий, посвященные преимущественно «вождям» большевизма (см., например, книги Волкогонова о Ленине, Сталине, Троцком). Однако мы по-прежнему располагаем крайне скудными сведениями о провинциальных лидерах большевиков. Между

тем именно эти люди непосредственно общались с массами, олицетворяли в сознании масс политические позиции и моральные качества партийного руководства.

В этой связи представляет интерес фигура Петра Яновича Витолина — лидера, возглавлявшего калужских большевиков в наиболее острый момент истории — в период их прихода к власти. Авторы «Очерков истории Калужской организации КПСС», издаваемых в советское время, конечно, не могли обойти вниманием имя Витолина: его фамилия упоминается в ряду других, где речь идет о формировании партийных органов управления. Статьи о нем, опубликованные в областной газете, как правило, не выходили за рамки скупых официальных сведений, на основании которых вряд ли можно составить политический портрет, судить о личных качествах человека.

По-видимому, именно это обстоятельство заставило сестру Витолина, Берту Яновну, в 1950-е гг. обратиться с письмом в Калужский обком КПСС, где она упрекала калужан в недооценке вклада своего брата в дело утверждения советской власти в Калуге. Предлагались меры по «увековечиванию» имени стойкого большевика, необоснованно репрессированного в 1937 г. и реабилитированного в послесталинские годы. Ответ на письмо был довольно сдержанным, что свидетельствовало о том, что партийные власти не намерены принимать какие-то дополнительные меры.

Тем не менее, работники облпартархива К. А. Поленков, Т. В. Романова продолжали кропотливую работу по сбору материалов об участниках революционного движения, документов, связанных с реабилитацией репрессированных. Сегодня эти материалы хранятся в Госархиве документов новейшей истории Калужской области, и их изучение дает возможность пролить свет на некоторые малоизвестные страницы жизни и деятельности столь незаурядной личности, каким был П.Я. Витолин.

О ранних годах жизни Витолина известно немного. Родился в 1892 г. в д. Лепинан Курляндской губернии. Учился в сельской школе, затем — в городском училище, из которого был исключен в 1907 г.. С этого времени состоит членом социал-демократического кружка, организации, носившей название «Мадленас Гайсма». Имел партийную кличку «Весул», в 1910 г. возглавлял социал-демократическую организацию Курляндии, организовал подпольную типографию, в которой печатался журнал «Товарищ по борьбе». Уже в это время соратники отмечали склонность молодого социал-демократа к экстремистским выходкам, амбициозности. Вероятно, с этим

был связан конфликт, о котором сообщалось в Известиях ЦКСД Латышского края в 1914 г: Витолина обвинили в растрате денег организации, присвоении типографии, выдаче охранке состава съезда социал-демократов Латышского края, после чего участники съезда были арестованы. Однако в 1915 г. за революционную деятельность он был все-таки арестован и осужден на поселение в Сибирь (по другим данным, это произошло в сентябре 1916 г.).

Амнистия, объявленная Временным правительством, позволила Витолину выехать из Сибири, но на родину, в Курляндскую губернию, он уже не вернулся, а весной 1917 г. (вероятно, в апреле) появился в Калуге. К этому времени его сестра, Берта, уже проживала в Калуге, с 1914 г. она работала в Бушмановском приюте Хлюстинской больницы. С приездом брата она стала активно сотрудничать с большевиками, с утверждением их власти перешла работать библиотекарем на Калужские пехотные командные курсы, с 1922 г. — они снова вместе, но уже в Москве, и так до его трагической гибели жили вместе, всецело посвятив себя «революционному делу», так и не заведя собственных семей.

Калужские социал-демократы неприветливо встретили гостя. При появлении его на железнодорожных мастерских у него сначала проверили документы, когда же он попытался выступить на митинге, ему «не давали говорить». Социал-демократическая организация в Калуге, как вспоминал П. Витолин и позднее писала Б. Витолина, была «целиком меньшевистской», ее возглавлял меньшевик Фосс. Это высказывание Витолина противоречило утвердившейся позднее версии о «самостоятельной линии», занимаемой калужскими большевиками в составе объединенной организации. По Витолину, многие впоследствии известные большевики (В. Акимов, П. Борисов, М. Артемов и др.) перешли в инициативную группу «из меньшевиков», что не могло не породить неприязни «перебежчиков» к амбициозному претенденту на лидерство (в дальнейшем трения на этой почве время от времени выходили на поверхность).

В первые дни пребывания в Калуге Витолин пытался найти поддержку у членов латышского общества, однако его позиция была поддержана лишь малой частью членов общества (Пурин, Силько, Б. Витолина, Ферсагост, Маркович, Цукерберг, Гуснар и др. — всего 10 человек). В дальнейшем ему удалось получить поддержку некоторых членов общества «Вестник знания», профсоюза «работающих иглой» (портных). Было снято помещение для «организации дежурства» — маленькая комната во Дворце Свободы. Трудно определить политическое лицо этой довольно пестрой по социальному составу

инициативной группы, создаваемой Витолиным, — скорее всего их объединяли леворадикальные настроения. Газета «Голос Калуги» так информировала читателя о происходящем: «Латыши, поляки, евреи, объединившиеся на интернациональной основе, открывают социалистический клуб «Рассвет». Организация примыкает к большевистскому течению и в скором времени выпускает газету «Рассвет» (№ 122, 19 мая 1917 г.). С изданием газеты «Рассвет» возникли затруднения, связанные с тем, что Калужская типография отказалась ее печатать. Когда же была куплена типография в Жиздре, то оппозиционная печать подняла шум: откуда деньги? Витолину неоднократно пришлось разъяснять, что газета «Рассвет» выпускается на «пожертвования, собранные среди солдат гарнизона» (об источниках средств у солдат можно только высказывать догадки).

Осень 1917 — начало 1918 гг. — «звездный час» Петра Яновича, или Яныча, как называли его в большевистском окружении. Он занимает высшие должности в губернском партийном аппарате, он — инициатор провозглашения и председатель СНК Калужской советской республики. Кажется, нет предела его революционному энтузиазму. Когда из Петрограда запросили сообщение об отношении калужских большевиков к Брестскому миру, в столицу была направлена резолюция губернской конференции за подписью председателя П. Витолина: «Немедленное введение военного положения в Калужской Советской республике, немедленный расстрел всякого, кто осмелится выступить против диктатуры пролетариата, беспощадный расстрел всякого, кто открыто или тайно примкнет к германским империалистам». В 1918 г. в ряде уездных городов губернии (Перемышль, Лихвин) появились улицы Витолина.

Растет популярность П. Витолина как оратора, публициста. Его речь, как отмечала газета, «то быстрая, то медленная, голос — до шепота, то вдруг поднимается до самых высоких нот». Критические оценки его выступлений, звучавшие в 1917 г., с закрытием оппозиционных газет уходили в прошлое. Правда, холодок в отношениях с бывшими членами объединенной организации продолжал сохраняться, особенно напряженными были отношения с калужской городской властью, где шли разговоры о склонности губернского лидера к саморекламе, вождизму и т.п.

Конфликт разразился летом 1918 г., когда губернский комиссар во главе вооруженного отряда методом «красногвардейской атаки» пытался осуществить реквизицию имущества в Свято-Тихоновом монастыре под Калугой. Акция превратилась в повальную пьянку — от руководителей до рядовых. Скандал приобрел такой резонанс,

что городской комитет партии принял решение об аресте участников акции, в том числе и Витолина. Конфликт стал предметом рассмотрения на пленарном заседании Калужской организации РКП (б) 11 июня. Виталин в своем выступлении осудил собственное поведение и предложил «уничтожить все бумаги, сопровождавшие конфликт», после чего считать конфликт исчерпанным. Однако большинство участников заседания поддержало резолюцию, предложенную Борисовым, в которой говорилось о систематическом нарушении Витолиным партийной дисциплины и предлагалось «перевести т. Витолина из Калуги в организацию другого города» (ф. 1093, оп. 1, ед. хр. 9, л. 93 — 94). Вмешательство Московского областного бюро помогло смягчить последствия произошедшего, но удержаться в Калуге Витолину не удалось. Н.В. Устрялов, часто приезжавший в это время из Москвы в Калугу, записал в своем дневнике 28 июля 1918 г.: «Губернский комиссар В. устранен за дебош и пьянство в Тихоновом монастыре. В бору на реквизированных дачах живут ныне сплошь «власти», ездят туда ежедневно в прекрасных колясках. Ловят момент» (1).

В 1919 г. Виталин — редактор «Красноармейской правды», издаваемой на Южном фронте. В 1920 г. занимает должность секретаря Козловского укома, затем — заведующего агитотделом Тамбовского губкома, осенью — политработник на фронте против Врангеля. По завершении военных действий попытка вернуться на партийную работу в Калугу не завершилась успехом, и в 1922 г. Виталин поступает на учебу в МГУ на факультет общественных наук.

Когда в 1923 г. начинает разворачиваться шефство рабочих над деревней, Виталин становится инициатором создания Всероссийского общества культурной ссмычки с деревней. Однако ЦК РКП (б), по-видимому еще не определившийся с отношением к вновь создаваемому обществу, запретил проведение учредительного съезда. Когда же вопреки запрету Виталин пытался организовать съезд, парттройка ЦКК РКП (б) в феврале 1925 г. исключила его из партии «за грубое нарушение партдисциплины». Виталин апеллировал к XIV съезду РКП (б), и в апреле 1926 г. ЦКК восстановила его в партии с объявлением выговора «за недисциплинированность». Работа по организации шефства была продолжена, и Виталин возглавил Центральную шефскую комиссию, в 1933 г. он опубликовал книгу «Десять лет рабочего шефства», ставшую одной из первых обобщающих работ по истории этого движения.

Однако механизм сталинских репрессий не мог обойти столь заметную фигуру. В 1935 г. Витолина назначают начальником плодо-

овощного управления Наркомзема РСФСР, а в 1937 г. арестовывают по стандартному в те годы обвинению. Справка о реабилитации, хранящаяся в архиве, не содержит сведений о конкретных обвинениях в адрес Витолина, есть только фраза об антисоветской деятельности. Расстрелян П. Я. Виталин в 1938 г. Его сестра, Берта Яновна, после ареста брата была исключена из партии, но в 1954 г. восстановлена, дальнейшая ее судьба неизвестна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н.В. Устрялов. Былое — революция 1917. М., 2000. С. 169.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЛУЖСКОГО ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ ПРИРОДЫ И МЕСТНОГО КРАЯ

*И.В. Борисов,
Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского*

Впервые история Калужского общества изучения природы местного края (КОИПМК) попала на страницы печати в 1975 г., когда в калужской газете «Знамя» появилась небольшая статья, посвященная 65-летию общества¹. Основным исследователем истории КОИПМК стал А.А. Бауэр. Из-под его пера в 1980 г. в той же газете вышла статья «Общество калужских естествоиспытателей», переизданная в дополненном виде в 2002 г. в «Песоченском историко-археологическом сборнике»². В работе рассмотрены основные направления деятельности КОИПМК, особое внимание уделено связи общества с К.Э. Циолковским. В 1982 г. был опубликован библиографический указатель А.А. Бауэра по историко-краеведческим организациям Калужского края 1891 — 1937 гг. В издание вошли краткая история этих организаций (в т.ч. КОИПМК), подробная библиография и описи фондов Госархива Калужской области (ГАКО), специально посвященных краеведческим обществам губернии³. В 2000 г. А.А. Бауэр поместил небольшую статью о КОИПМК в «Калужскую энциклопедию»⁴.

В 1990-х гг. в «Вопросах археологии, истории и культуры Верхнего Поочья» появились две биографические статьи Н.В. Зиновкиной и Е.А. Телегановой о членах-учредителях КОИПМК Н.Л. Дмитриеве и М.М. Местергази⁵. Биографии некоторых членов организации (Ф.М. Шамагонова, А.Д. Юдина, М.М. Местергази и др.) вошли в «Калужскую энциклопедию». На сегодня — это все, что создано

краеоведами по истории общества. Таким образом, многие аспекты деятельности КОИПМК до сих пор не подвергались специальному изучению.

В Калужской губернии в первой четверти XX в. действовало большое количество добровольных общественных организаций самого разного профиля. Некоторые из них издавали свои труды. К числу таких обществ относилось и КОИПМК, в уставе которого издание трудов объявлялось одной из главных задач⁶. Издательская деятельность общественных организаций Калужской губернии еще не стала предметом специального исследования. Данная статья — первая попытка восполнить существующий пробел. К целям работы относятся выяснение источников финансирования изданий “Известий”, пути распространения тиража, рассмотрение основной проблематики работ и биографий редакторов.

За 12 лет КОИПМК выпустило три книги “Известий”. Первый выпуск был опубликован в 1912 г. тиражом в 600 экземпляров, второй — в 1916 г., но, вероятно, в связи с финансовыми проблемами он поступил к читателям только осенью 1918 г. тиражом в 300 экземпляров. И последний, третий выпуск был издан в октябре 1919 г. тиражом в 400 экземпляров.⁷

Публикацию “Известий” КОИПМК осуществляло преимущественно на свои внутренние средства. Для этого общество широко использовало доходы от публичных лекций. В конце 1910 — начале 1911 гг. Совет общества организовал две публичные лекции преподавателей Московского университета: А. П. Колмогорова “Происхождение человека” и А. М. Кречетовича “О наследственности”. Доход от проведенных мероприятий составил 84 руб. 27 коп., из которых 50 руб. было ассигновано на “печатание трудов О-ва”⁸. После лекции преподавателя Московского университета Боднарского, прочитанной 2 марта 1914 г., на собрании Совета КОИПМК 18 апреля 1914 г. выяснилось, что “О-во располагает около 75 руб., поэтому и приступили к обсуждению вопроса об издании II книги трудов О-ва”⁹. КОИПМК провело много других публичных лекций, однако сведения о распределении дохода от этих мероприятий пока не найдены.

Публикация “Известий КОИПМК” составляла одну из статей доходов общества. Тираж издания распределялся следующим образом. Значительная часть экземпляров распространялась среди членов организации, причем по уставу 1910 г. почетные и действительные члены КОИПМК получали “Труды Общества” бесплатно¹⁰. Устав 1919 г. отменил эту привилегию¹¹.

Часть тиража оставалась в организации. Из этого фонда КОИПМК осуществляло обмен изданиями с другими обществами. Ими были как калужские организации (местный филиал Московского Археологического института, Калужская ученая архивная комиссия и др.¹²), так и общества из других городов России. Интерес к “Известиям КОИПМК” проявляли Орловское общество исследования природы, Тифлисское общество материальной природы, Императорское Одесское общество истории и древностей, Киевское общество сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности, Ярославское естественно-историческое общество и др.¹³ Регулярный обмен изданиями КОИПМК производило с различными учебными заведениями (такими, как Санкт-Петербургский университет, Новосибирский университет, Харьковский университет¹⁴) и научными организациями (Бюро международной библиографии при Императорской Академии наук, Императорский Российский исторический музей им. Александра III, Румянцевский музей и др.)¹⁵. Это говорит о тесных связях общества с другими общественными организациями разного профиля и научным миром того времени. Широкий интерес к “Трудам” КОИПМК свидетельствует о научной ценности “Известий”.

В связи с революционными событиями 1917 г. КОИПМК на некоторое время практически прекратило обмениваться “Трудами”, а в 1921 г. эта деятельность была возобновлена¹⁶.

Экземпляры из внутреннего фонда общества иногда выдавались членам организации для определенных нужд. Так, 14 февраля 1914 г. в ответ на просьбу действительного члена КОИПМК А. Чернышова Совет общества постановил: “Выдать г. Чернышову 3 книги трудов и 10 экземпляров устава и просить его указать, для чего предназначается просимое”¹⁷.

Оставшаяся часть тиража поступала в продажу. Примечательно, что “Известия КОИПМК” продавались не только в Калуге, но и в других городах России. Например, в Москве экземпляры первой книги “Трудов” распространялись в книжных магазинах “Комиссионера Императорской Публичной библиотеки П. Шибанова”, товариществ “Н.П. Карбасников” и “М. О. Вольф”¹⁸.

По Уставу КОИПМК редактирование “Известий” было возложено на Совет общества¹⁹. Редакторами первой книги были Д. П. Богданов, В. В. Ассонов и Н. Л. Дмитриев; второй — Н. Л. Дмитриев и В. В. Ассонов; третьей — В. В. Ассонов. К сожалению, биографические сведения о них довольно скупы.

Владимир Васильевич Асонов, сын известного краеведа и пред-

седателя КУАК Василия Ивановича Асонова, был одним из членов-учредителей КОИПМК²⁰. По решению Совета КОИПМК от 5 августа 1910 г. Асонов — студент Московского университета — был назначен официальным представителем общества в Москве²¹. Он приглашал в Калугу с лекциями преподавателей Московского университета, предпринимал попытки изыскания средств в московских организациях для поддержания КОИПМК.

С 1910 г. он стал помощником хранителя музея Общества Д.П. Богданова, ездил в командировки с исследовательскими целями, организовал нескольких экскурсий. В 1919 г. он был избран в Совет КОИПМК²².

В 1921 г. Асонов был избран председателем общества (1921 — 1922) и назначен заведующим Калужского губернского комитета по делам охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы (так называемый губмузей)²³. Параллельно он некоторое время преподавал в Калужском отделении МАИ²⁴. После распада КОИПМК В. В. Асонов вступил в Калужское общество краеведения (КОК), образованное в 1925 г.²⁵

Среди членов-учредителей общества был и Н.Л. Дмитриев, который играл важную роль в деятельности организации. В разное время он занимал должности секретаря, был библиотекарем, председателем общества (в 1916 — 1919 гг.), возглавлял Комиссию Естественных Производительных сил, созданную в 1919 г., был членом Комиссии по организации музея при КОИПМК²⁶. Так же, как и В. В. Асонов, он неоднократно ездил в командировки по заданию общества²⁷, делал доклады на заседаниях организации. Интересно, что многие из них особо отмечались членами КОИПМК. Так, 7 мая 1919 г. Н.Л. Дмитриев выступил с докладом “О лекарственных растениях Калужской губернии”. По этому поводу в протоколе заседания было отмечено: “Доклад принимается к сведению и выносится пожелание напечатать его полностью в одном из ближайших номеров Известий О-ва”²⁸. То же самое было высказано и в отношении доклада “К флоре окрестностей г. Калуги — Карово”, прочитанного 3 марта 1912 г.²⁹. Однако ни один из докладов не был опубликован. В “Известиях” КОИПМК напечатаны две работы Н. Л. Дмитриева, и обе в 3-й выпуске. После распада общества Н.Л. Дмитриев стал председателем КОК, вошел в Калужское районное бюро краеведения³⁰.

Д.П. Богданов до своего вступления в КОИПМК в течение 8 лет заведовал разработкой и разведкой железных руд, хрустального песка, огнеупорной глины и других ископаемых материалов для фабрик и заводов Мальцовского акционерного общества³¹. Благода-

ря значительной финансовой поддержке со стороны общества, он имел возможность производить геологические раскопки и делать разъезды по губернии “в размерах, для других недоступных”³². Результаты проведенных исследований стали впоследствии материалами для его статей в “Известиях”. В 1911 г. на правах почетного члена Д.П. Богданов вступил в Калужское общество изучения природы местного края³³. В 1911 — 1912 гг. он занимал должность хранителя Музея общества, а с 1912 по 1916 гг. был его председателем³⁴.

Перейдем к рассмотрению проблематики “Известий”. В первый выпуск “Известий КОИПМК” вошли статьи Д.П. Богданова “Геологический очерк Жиздринского уезда”, В.В. Асонова “Неолитическая стоянка у д. Ворониной Калужского уезда Калужской губернии”, А.И.Кириченко “Список Hemiptera-Heteroptera, собранных в окрестностях г. Калуги” и П.П. Саницкого “Орнитологические наблюдения в Калужской губернии”³⁵. Помимо этого, первый выпуск “Трудов” содержит протоколы общих собраний, устав и список членов общества. Опубликованный материал неоднозначен с точки зрения научной ценности. Некоторые работы явились результатом систематических исследований (например, работы Д.П. Богданова и А.Н. Кириченко). Другие же носят предварительный характер (заметка В.В. Асонова). Научная ценность третьих вообще сомнительна (статья первого почетного члена КОИПМК и настоятеля римской католической церкви в Калуге П.П. Саницкого основана только на собственных наблюдениях автора³⁶). Тем не менее, многие из этих статей стали первым опытом специального изучения природы Калужской губернии.

Содержание работ первой книги “Известий” в целом не вышло за рамки “изучения природы местного края”. Ситуация изменилась после издания второй книги “ИКОИПМК”, включившей работы К.Э. Циолковского “Второе начало термодинамики”, Д.П. Богданова “О каменном угле и минеральных водах Калужской губернии”, две статьи Б.М. Априамова “Исследование почв Калужской губернии” и “Буровая скважина Сергиевского скита Калужской губернии”.

Наибольший интерес в данном сборнике представляет труд К.Э. Циолковского. Хотя работа не затронула проблем, изучающихся обществом, публикация статьи известного ученого на страницах “Известий” стала значительным событием в жизни КОИПМК, т.к. именно оно впервые напечатало эту работу. Другие статьи сборника в целом соответствуют основной тематике исследований КОИПМК.

Помимо опубликованных работ, во вторую книгу “Известий” предполагалось включить статью киевского члена организации В.Н.

Лучника по зоологии. Вопрос об этом неоднократно ставился на заседаниях Совета общества еще в 1914 г.³⁷ КОИПМК несколько раз переписывалось с В.Н. Лучником об условиях публикации его работы. Однако рукопись, поступившая в типографию Семенова, была утеряна³⁸.

Третий выпуск "Известий" значительно отличается от предыдущих. Во-первых, в него вошло большее количество статей. Если в первых двух книгах было напечатано всего по 4 статьи, то один 3-й сборник включил в себя 9. К ним относятся работы К. Э. Циолковского "Кинетическая теория света", Н.Л. Дмитриева "Заметки о флоре" и "Материалы по этнографии", А.Л. Бенинга "Планктон реки Оки", А. И. Седова "Список рыб реки Оки", А.Н. Кириченко "Дополнение к списку полужесткокрылых", А.П. Чернышова "Списки бабочек, златок и шелкоунов Калужской губернии", А.И. Ефремова "Материалы по диалектологии" и, наконец, единственная в "Известиях" биографическая заметка — работа В.В. Асонова о П.П. Санищком³⁹. Во-вторых, существенно увеличился объем издания — до 219 страниц (в первом выпуске было 123 страницы, во втором — 60). В-третьих, в сборник впервые вошли две статьи по гуманитарным дисциплинам. А.И. Ефремов в работе "Материалы по диалектологии" рассмотрел основные диалекты русского языка в Калужской губернии, указав причины их образования. Н.Л. Дмитриев в статье "Материалы по этнографии"⁴⁰ описал свадебный и похоронный обряды в д. Пучково Калужской губернии. Содержание статьи основано на беседах Н.Л. Дмитриева с местными жителями, откуда он и получил всю информацию.

Таким образом, в "Известия КОИПМК" вошло 17 статей. Из них 7 — по зоологии, 4 — по геологии, 2 — по физике, 1 — по археологии, 1 — по этнографии, 1 — по диалектологии и 1 биографическая. Опубликованный материал существенно продвинул вперед развитие естественно-научных знаний в губернии. Многие из напечатанных работ представляют значительный интерес и сегодня⁴¹.

Издательская деятельность общества не сводилась только к публикации "Известий". КОИПМК на свои средства печатало работы членов организации: были опубликованы брошюры К. Э. Циолковского "Вне земли" и Н.Л. Дмитриева "Сбор и сушка". Между 1919 и 1921 гг. КОИПМК выпустило "Программу по собиранию этнографических предметов". Общество несколько раз публиковало текст устава, который использовался в качестве обмена изданиями с другими организациями, бланки, афиши и плакаты перед публичными лекциями и экскурсиями.

Таким образом, издательская деятельность КОИПМК свидетельствовала о значительной научной работе, проведенной обществом. Она стимулировала интерес к дальнейшему изучению местного края, содействовала распространению научных знаний в губернии и "объединению лиц, любящих природу и родной край"⁴².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К 65-летию КОИПМК. Знамя. 1975. 24 июля.

² Бауэр А.А. Общество калужских естествоиспытателей. Там же. 1980. 24 июля.

³ Историко-краеведческие организации Калужского края (1891 — 1937 гг.): Библиографический указатель. Калуга, 1982.

⁴ Калужское общество изучения природы местного края // Калужская энциклопедия. Калуга, 2000. С. 256.

⁵ Зиновкина Н.В., Дмитриев Н.Л. Опыт биографии // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Тезисы докладов VII конференции 17 — 18 апреля 1997 г. Калуга, 1998. С. 53 — 55; Телеганова Е.А. М.М. Местергази — ученый и путешественник // Там же. Калуга, 1993. С. 96 — 98.

⁶ Устав Калужского общества изучения природы местного края // Известия Калужского общества изучения природы местного края (далее — ИКОИПМК). Кн. 1. Калуга, 1912. С. 119.

⁷ ИКОИПМК. Кн. 1. Калуга, 1912.; ИКОИПМК. Кн. 2. Калуга, 1912.; ИКОИПМК. Кн. 3. Калуга, 1919.

⁸ Там же, л. 5.

⁹ Там же, л. 14-об.

¹⁰ Там же. С. 120.

¹¹ Устав Калужского общества изучения природы и местного края // Там же, Кн. 3. Калуга, 1919. С. 211 — 218.

¹² ГАКО, ф-Р 319, оп. 1, д. 2, л. 15-об.

¹³ Там же. Л. 15-об — Л. 18-об.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 56.

¹⁷ Там же. Л. 12-об.

¹⁸ Там же. Л. 19-об.

¹⁹ Устав// ИКОИПМК, кн.1. С. 121.

²⁰ ИКОИПМК. Кн. 1. С. 118.

²¹ ГАКО, ф-Р. 319, оп. 1, д. 2, л. 2-об.

²² Там же. Л. 19-об.

²³ Черепанова Н.Г. Деятельность Калужского губернского комитета по делам музеев и охраны памятников в 1918 — 1923 гг. // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 4, ч. 1. Киров, 2002. С. 176.

²⁴ Бауэр А.А. Калужское отделение МАИ и его роль в подготовке краеведческо-музейных кадров в губернии в первой четверти XX в. Там же. С. 170.

²⁵ Бауэр А.А. Историко-краеведческие организации Калужского края. С. 15.

²⁶ ИКОИПМК. Кн. 3. С. 218.

²⁷ ИКОИПМК. Кн. 1. С. 105.

²⁸ ГАКО, ф-Р. 319, оп. 1, д. 1, л. 19-об.

²⁹ ИКОИПМК. Кн. 1. С. 100.

³⁰ Бауэр А.А. Историко-краеведческие организации Калужского края. С. 15, 17.

³¹ Богданов Д.П. Геологический очерк Жиздринского уезда // ИКОИПМК. Кн. 1. С. 1.

³² Там же.

³³ ИКОИПМК. Кн. 1. С. 116.

³⁴ Бауэр А.А. Историко-краеведческие организации Калужского края. С. 12.

³⁵ Кириченко А.И. Список Hemiptera-Heteroptera, собранных в окрестностях г. Калуги // ИКОИПМК. Кн. 1. С. 65 — 74; Саницкий П.П. Орнитологические наблюдения в Калужской губернии // Там же. Кн. 1. С. 75 — 90.

³⁶ Саницкий П.П. Указ. соч. С. 75 — 76.

³⁷ См. ГАКО, ф-Р. 319, оп. 1, д. 2, л. 13-об., 14-об., 17.

³⁸ Там же. Л. 26-об.

³⁹ Циолковский К.Э. Кинетическая теория света // ИКОИПМК. Кн. 3. С. 41 — 80; Дмитриев Н.Л. Материалы по этнографии // Там же. С. 157 — 180; он же: Заметки по флоре Калужской губернии. Выпуск первый // Там же. С. 1 — 40; Бенинг А.Л. Планктон реки Оки // Там же. С. 81 — 120; Седов А.И. Список рыб реки Оки // Там же, 121 — 122; Кириченко А.И. Дополнение к списку полужесткокрылых // Там же. С. 123 — 130; Чернышов А.П. Списки бабочек, златок и шелкоунов Калужской губернии // Там же. С. 131 — 156; Ефремов А.И. Материалы по диалектологии // Там же. С. 181 — 210; Асонов В.В. П.П. Саницкий // Там же. С. IX — XI. К сожалению, председатель общества привел скудные сведения о жизни первого почетного члена общества. В.В. Асонову не были известны ни годы жизни П.П. Саницкого, ни основные вехи его биографии.

⁴⁰ Дмитриев Н.Л. Материалы по этнографии // ИКОИПМК. Кн. 3. С. 157 — 180.

⁴¹ Бауэр А.А. Калужское общество изучения природы местного края. С. 165.

⁴² Асонов В.В. От редакции // ИКОИПМК. Кн. 3. С. 7.

ПУБЛИКАТОРСКАЯ РАБОТА КАЛУЖСКОГО АРХИВА В 1919 — 1940 гг.

*М.А. Добычина,
Государственный архив Калужской области*

Одним из направлений использования документов в архивах является научно-публикаторская деятельность. Формы публикаций включают в себя сборники и подборки документов, статьи с привлечением выдержек из документов и без них, хроники событий, плакаты, альбомы и т.д. На протяжении всех десятилетий существования архива на этот вид деятельности оказывали влияние как внешние, так и внутренние факторы, обуславливавшие его развитие в тот или иной период.

В первые годы становления Калужского губернского архива, начиная с 1919 г., в основе была собирательская деятельность. Использованию документов уделялось не столь большое внимание. Основными формами использования документов в первые десятилетия существования архива были статьи и публикации отдельных материалов по различной тематике. Помещаемые в местной и центральной печати статьи касались популяризации архивного дела, разъяснению необходимости сбора архивных документов и их охраны. Для их написания привлекались не только работники архива, но и члены Калужского общества истории и древностей (КОИД)¹. В это же время на страницах местной газеты «Коммуна» А.В. Борисенковым (первым уполномоченным Главархива) были помещены две статьи и сделан доклад в КОИД о положении архивов². Им же была опубликована «Инструкция по ведению текущих архивов и сдачи их в местный губернский архивный фонд»³.

А.В. Борисенков одновременно являлся и председателем Общества древностей, благодаря чему для печати были подготовлены материалы и исследования, основанные на местных архивных материалах, среди них: столбцы Калужского Казанского женского монастыря; статья А.Д. Дементьева о Калуге, о прошлом села Бышковичи Мещовского уезда, очерки по истории Смутного времени в Калуге и Калужском крае, по истории края: I. Финны. II. Литва, а также архитектурные исследования церкви Георгия за Верхом в Калуге, Полотняного Завода, Гостиных рядов⁴.

Большая заслуга в издательской деятельности принадлежит Д. И. Малинину, сменившему А. В. Борисенкова на посту уполномоченного с 25 июня 1921 г. Благодаря ему стали более активно использоваться архивные документы и в печати, и в научно-исследовательской работе. Пропагандируя архивное дело, Д. И. Малинин поместил в газете «Коммуна» статью «О сохранении архивных документов и дел», а в 4-м номере «Известий Калужского губкома РКП (б)» заметку «Зачем берегут архивы и старые документы». Наряду с этим появились и тематические статьи, например «К вопросу по истории Октябрьской революции» (газ. «Коммуна»), «Голод и русская общественность» (жур. «На помощь голодающим»), «Из воспоминаний о кружке семинаристов-марксистов» (сб. «Из прошлого нашей партии»). В этом же сборнике были изданы две первомайские прокламации 1901 — 1902 гг. с вводными замечаниями и три прокламации социал-демократического союза учащихся г. Калуги за 1905 г.⁵ В 1922 г. был напе-

чтан доклад «Калуга как окружной центр в свете истории», приложенный к отчёту Калужского губисполкома. В последующее время Д.И. Малининым были подготовлены статьи «Характеристика районов — географическая, экономическая, статистическая и промышленная», «Очерк истории фабрично-заводской промышленности Калужской губернии», переписка А.Н. Островского с Н.Я. Соловьёвым, а также второе, значительно расширенное издание своих работ в сборнике «Административно-экономическое районирование Калужской губернии»⁶.

В отчётах за это время отмечалось, что научная работа велась только заведующим, т.е. Д.И. Малининым. После освобождения с должности заведующего (8 мая 1923 г.), став научным сотрудником, Д.И. Малинин продолжил публикаторскую работу. В это время им была составлена биография драматурга Н.Я. Соловьёва и напечатаны статьи в газете «Коммуна» — «Н.Я. Соловьёв (к 25-летию со дня смерти)» и «Из истории свёкло-сахарного производства в Калужской губернии»⁷. В бюллетене исторического бюро № 7 — 8 вышел его исторический очерк о с. Ромоданово, в газете «Коммуна» он охарактеризовал периодическую печать до и после 1917 г., поместил очерки о И.В. Щелгунове, а также о влиянии грамотности на производительность труда⁸.

В начале 1920-х гг. Центрархив разрабатывал темы, которые в последующие годы стали доминирующими в исследовательской работе на местах, среди них: история большевистской партии, Октябрьской революции, война под предводительством Е. Пугачева и др.⁹

Преобладающей темой публикаций 1924 — 1925 гг. в Калужской губернии была революция 1905 г. В это время вышел ряд статей, освещающих этот период. Над изучением событий 1905 — 1907 гг. на Калужской земле трудились несколько авторов, опубликовавших свои исследования в сборнике «Истпарта». Так, например, С. В. Херсонским была составлена хроника событий 1905 г. в Калужской губернии; Б.Н. Тихомировым изучены «Экономические предпосылки революции 1905 г.» К статьям прилагались для публикации прокламации.

Д.И. Малинин, развивая тему 1905 г., публиковал свои статьи «Калужские железнодорожники в ноябре 1905 г.» (сб. «Истпарта»), «Калужская губерния накануне революции 1905 г.», «Рабочее движение в Калужской губернии до октябрьской борьбы 1905 г.», «Крестьянское движение в Калужской губернии в 1905 г.» (газ. «Коммуна»).

В конце 1925 — начале 1926 гг. Д.И. Малинин тяжело заболел и совсем отошёл от дел. К сожалению, болезнь научного сотрудника

отрицательно сказалась на издательской работе архива. В отчёте за 1926 г. сказано, что «исчерпывающие сведения о научной и редакционно-издательской деятельности Калужского Губархбюро... не могут быть даны по независящим от Бюро обстоятельствам: с 19/ XI.25 г. оставил должность т. С. В. Херсонский В начале января месяца 1926 г. опасно заболел научный сотрудник Малинин Д. И. и не успел представить отчёта о результатах своей деятельности за истекший квартал»¹⁰. В отчётах за 1926 — 1927 гг. сведения о публикаторской деятельности губархбюро совсем отсутствуют.

По сравнению с последующими, первую половину 1920-х гг. можно назвать наиболее благоприятным периодом в публикаторской работе архива. Необходимо отметить заслугу работавших в тот период в губархиве представителей старой интеллигенции, профессионалов, искренне желавших служить истории и науке. Игнорирование архивов и со стороны центра, и со стороны местных властей пагубно сказывалось на общем деле. Местные архивы были брошены на произвол судьбы. Жизненные обстоятельства заставили профессионалов покинуть губархив, хотя в более благоприятных условиях они смогли бы продолжать работу и сделать немало в деле сохранения архивного наследия. Держась на отдельных сотрудниках, публикаторская работа с их уходом приостанавливалась или прекращалась совсем. Основная часть публикаций создавалась в порядке частной инициативы или в нерабочее время.

Из документации 1930-х гг. видно, что основным направлением архива в научно-исследовательской области стало изучение аграрного движения до 1917 г. Это было связано с подготовкой сборника «Аграрное движение 1905 — 1907 гг. в Московской области». С декабря 1934 г. Калужскому отделению Московского областного архивного управления предписывалось «выявить наиболее яркие материалы, характеризующие экономическое и правовое положение крестьян, а также отчётные данные о деятельности уездных съездов, земских начальников и волостных судов»¹¹. Главным условием данной работы было широкое представление неопубликованных документов.

Архив продолжал заниматься подборкой материалов по заданиям редакций газет: «Комсомольской правды» — о правовом и экономическом положении крестьянства дореволюционной России и революционном движении среди крестьянства Калужской губернии; «Коммуны» — о положении рабочего класса в дореволюционное время и истории сельских школ.

По инициативе архива в газете «Коммуна» был опубликован ряд исторических документов, касающихся фабрики Швейпром:

заявление бастующих рабочих, распоряжение калужского губернатора о забастовщиках, а также документ, характеризующий правовое положение крепостных крестьян¹².

В 1937 — 1938 гг. архив активно занимался подготовкой публикаций о правовом положении трудящихся женщин и молодёжи в дореволюционной России, в научный оборот был введен 31 документ. Также был составлен альбом с выписками из архивных документов о правовом и экономическом положении женщин: «Правовое положение женщин», «Женщина и семья», «Женщина и религия». Продолжали исследоваться темы о забастовочном движении в Калужской губернии до 1917 г. (опубликовано 4 документа); об аграрном движении в 1905 — 1907 гг. в Московской области (18 документов); о праздновании 1 Мая в Калужской губернии (7 документов); по истории Калужской фабрики Швейпром (3 документа). Также были подготовлены статьи: «Отклики на Ленские события 1912 г. в Калужской губернии», «О работе большевиков в царской армии» и «Разгром Наполеона в 1812 г.»¹³ На страницах газеты «Коммуна» печатались статьи: «Шамиль в Калуге» и «Из истории с. Ромоданово»¹⁴.

К 1939 г. научно-исследовательская работа была сведена к минимуму (всего 20 дней в году). Эта работа проводилась научными сотрудниками во внеурочное время. Причиной указывалась нехватка рабочих рук, загруженность другой работой и «переключение научных сотрудников на секретную работу»¹⁵. Архивисты нашли выход в том, что с этого времени стали активно предоставлять органам государственной власти архивные данные, которые использовались на общегородских собраниях интеллигенции, на торжественном пленуме горкома, посвящённом 1 мая, в также в докладах и беседах на предприятиях. Материалы о выборах в Калужскую Городскую думу использовались депутатом Тульского облсовета Бабкиным в выступлениях перед избирателями. Как указывалось в отчетных документах того времени, «благодаря предыдущей работе по популяризации архивных материалов, отмечается большой интерес к ним со стороны партийных и общественных организаций г. Калуги»¹⁶. Продолжая сотрудничество с местными органами печати, сотрудниками архива были предоставлены материалы в газету «Коммуна» о К.Э. Циолковском, об организации советской власти в Калуге¹⁷.

Накануне Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. в архиве вышел ряд статей различной тематики, среди них: «Красная армия и тыл 1918 — 20 гг.», «Патриотки» и «Из прошлого». Эти статьи, приуроченные к 8 Марта, рассказывали на примере архивных документов о патриотизме русских женщин во время войны 1812 г. и в граж-

данскую войну, о правовом положении женщины в дореволюционной России. Несколько статей были связаны с антирелигиозной пропагандой: «Саровский «святой» (о святых мощах и поклонении им), «Охранники в рясах» (о проповедях священников до революции), «Лермонтов и церковники» (о непризнании поэта церковью). Данные статьи публиковались не только в газете «Коммуна», но и в тульской газете «Коммунар», в журнале «Безбожник». Специфика их состоит в том, что они пропитаны духом непримиримого атеизма и дают одностороннюю оценку исторических источников, подгоняя их под общепринятое в том момент понимание церкви. Традиционно помещались сравнительные статьи о различных сторонах жизни до революции и после 1917 г. Например, «В стране бесправия» — о тяжёлом положении интеллигенции в царской России, «Из жизни бурсы» — о наказаниях розгами учеников Калужской Духовной семинарии, «Детский труд при царизме» — об эксплуатации детей до революции. Архивом были предприняты публикации о пребывании в Калуге Г.Р. Державина, Е.П. Оболенского, Шамиля; в марте 1941 г. вышла статья «Война 1812 г. в Калужской губернии». Также были статьи по истории Калужского комсомола и о газете «Правда» до революции. В журнал «Архивное дело» 4 апреля 1941 г. была послана заметка, освещающая публикаторскую деятельность архива¹⁸.

Таким образом, на публикаторскую работу архива 1930-х гг. оказывал влияние ряд факторов, среди которых строгий регламент времени на эти виды работ, столь же строгий контроль за их идейной направленностью, допуск к подобной работе только «идейно проверенных» людей. Общая тенденция к засекречиванию документов в стране также не могла позитивно сказаться на публикаторской работе. Все это повлекло за собой снижение научного уровня публикаций. Также нельзя не отметить, что на всей работе архива в этот период отрицательно сказалась череда административно-территориальных изменений в конце 1920-х — начале 1930-х гг., когда Калужский архив не имел своей самостоятельности, а был отделением и филиалом Московского и Тульского архивов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Калужской области (ГАКО), ф.Р-1584 (Объединенный архивный фонд «Архивные учреждения Калужской губернии (области)», оп. 1, д. 2, л. 32.

² Там же.

³ Д. 39, л. 9об.

⁴ Там же.

⁵ Д. 58, л. 66 об. — 67.

⁶ Д. 59, л. 11.

⁷ Там же. Л. 31об.

⁸ Д. 87, л. 8 об.

⁹ Д. 58, л. 73.

¹⁰ Там же. Л. 39.

¹¹ Д. 238, л. 1 – 3 об.

¹² Д. 247, л. 23.

¹³ Д. 257, л. 67, 84.

¹⁴ Д. 269, л. 69 об.

¹⁵ Д. 243, л. 24, 25.

¹⁶ Д. 278, л. 51.

¹⁷ Д. 291, л. 53.

¹⁸ Д. 294, л. 18 – 18 об.

ИСТОРИЯ СЕЛ И ДЕРЕВЕНЬ В ОКРЕСТНОСТЯХ г. ОБНИНСКА В 1920 — 1930-е гг.

*И.Л. Ефимова,
музей истории города Обнинска*

Обращение к данной теме вызвано тем, что в фондах музея г. Обнинска в результате экспедиций по окрестным селам сформировалась коллекция из отдельных документов, фотографий, воспоминаний о жизни крестьян с. Белкино, дд. Самсоново, Кабицино, Доброе, Кривское, Кривошеино, Пяткино и др. Систематизация данного материала, дополненного новыми архивными сведениями, помогла воссоздать картину истории нашего края в 1920 — 1930-е гг.

Так как г. Обнинск расположен на стыке трех районов, то речь пойдет о селах и деревнях Боровского, Малоярославецкого и Жуковского районов, находящихся в окрестностях нынешнего Обнинска и частично вошедших в черту города.

Никто не претерпел столько горестей и бед от различных исторических эпох, как крестьянин, живущий на земле. Всегда в заботах и труде, он стойко выносил на себе тяготы экономической перестройки. 1917 г. — год новых потрясений для России, смена власти, общественно-экономической формации. 3 декабря 1917 г. советская власть провозглашена в Малоярославецком уезде, 16 декабря — в Боровском уезде. Волостные земства, тормозившие революционные преобразования, ликвидированы. Вместо них сформированы волостные советы, в том числе в Кривской волости, включавшей с. Белкино, дд. Самсоново, Кривское, Кабицино и дд. Пяткино, Потресово Спасской волости.

Один из первых декретов советской власти устанавливал государственную собственность на землю и предоставлял ее в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов. Боровский земельный комитет, организованный в январе 1918 г., занимался конфискацией имений, сельскохозяйственного инвентаря, решал вопрос о передаче земель крестьянам.

Всего в Боровском уезде было конфисковано 74 имения, а помещики Обнинские — из Кривской волости, Меренков и Глухарев — из Красносельской волости, Чебышевы — из Спас-Прогнонской волости выселены¹. Помещику Борису Петровичу Обнинскому из с. Белкино удалось избежать ареста — накануне его предупредил местный житель Степан Демидович Сучков, и Борис Петрович с сыном Глебом бежали из имения. Из данного факта следует, что местные крестьяне хорошо относились к помещикам Обнинским и особого расположения к новой власти не испытывали, вяло реагируя на события, происходившие в стране. Об этом сообщал на 1-м Калужском губернском съезде РКП(б) в октябре 1918 г. представитель от Малоярославецкой партийной организации: “Очень трудно работать вследствие темноты среди населения: попы, спекулянты, кулаки ведут усиленную агитацию против советской власти”². В результате на выборах в сельские советы прошли зажиточные крестьяне, эсеры, решившие вопросы передела собственности в свою пользу.

Как и во всей стране, в Боровском и Малоярославецком уездах не хватало продовольствия. Накануне революции, в декабре 1916 г., уже было предписание Калужского губернатора о порядке выдачи населению Малоярославецкого уезда карточек на сахар и другие продукты³. К 1918 г. в губернии имелось всего 20% хлеба. Для решения конфликтных вопросов, касающихся изъятия излишков хлеба в июле 1918 г. в Боровском уезде организовали комитеты бедноты. Перед комбедами поставили и политическую задачу — провести перевыборы в сельсоветы и очистить их от контрреволюционных элементов и кулачества.

Уже зимой 1918 г. Боровская уездная конференция РКП(б) упразднила комбеды, так как “они выполнили задачу по учету и реквизиции хлеба у местных богачей”⁴. В населенных пунктах уездов прошли перевыборы, сельсоветы стали народными, демократическими органами.

В конце 1918 — начале 1919 гг. в Кривской волости началось формирование первичных партийных организаций. Осенью 1919 г. члены Боровского РКП(б) рассматривали данный вопрос и постановили: “Товарищу Уточкину Г. В. (уроженцу с. Белкино) создать

всех коммунистов Кривской волости и создать из них ядро коммунистической ячейки”⁵. Вскоре были организованы партячейки в д. Доброе (6 человек), Кривское (11 человек), Балабаново (15 человек).

В первый год власти советское правительство издало ряд документов, дабы изменить сельскохозяйственный уклад жизни крестьян. 2 ноября 1918 г. вышел “Декрет об образовании специального фонда на мероприятия по развитию сельского хозяйства”, 21 июля 1918 г. принят “Примерный устав трудовой земледельческой коммуны”, в декабре 1918 г. — в Боровском уезде организовали “Бюро коммун”, возглавляемого т. Матвейчевым.

Главная цель всех этих мероприятий — создание коммун, сельскохозяйственных и промысловых артелей. Однако коммуны недолго просуществовали на небосклоне экономического развития края (в Боровском уезде в 1918 г. существовала только одна коммуна “Грядущая сила” в д. Купчино Никольской волости)⁶. Господствующий здесь принцип: “От каждого по способностям, каждому по потребностям” не устраивал крестьян, лишая их материальной заинтересованности. Гораздо большей популярностью пользовались артели, где платили по труду, а не по потребностям.

В нашем крае в 1918 — 1920 гг. существовали частные и государственные предприятия, в основе работы которых лежало ткачество и бумагопрядение.

В начале 1920 г. в д. Самсоново организовали кустарно-промысловую текстильную артель на базе ткацких фабрик местных богатеев Безяевых и Петровых⁷. Это были лишь первые шаги советской власти в области перестройки крестьянского хозяйства. Созданная в этот период артель не составила сколько-нибудь заметной конкуренции частным предприятиям.

Несмотря на некоторые политические и социально-экономические улучшения в жизни крестьян, положение в сельском хозяйстве в 1918 — 1919 гг. было крайне тяжелым: постоянные реквизиции хлеба, многочисленные налоги, гужевые, военные, топливные повинности выполнялись за счет крестьян.

Гражданская война способствовала дальнейшему обнищанию населения. Особенно процветало мешочничество, то есть индивидуальный способ добычи хлеба. 40 % населения Калужской губернии добывали хлеб собственными силами. Жительница д. Кабицино П. В. Сучкова, ей тогда было 7 лет, вспоминала: “Революция. Засуха. Грязь. Чесотка. Нет хлеба, соли, спичек. Вода в колодце пересохла. Мать оставляла нас, детей, одних, ездила на Украину за хлебом. Нам удавалось поесть в школе овсяного киселя без сахара, и это

казалось роскошью, и до осени жили на “подножном корму”: травы, грибы, орехи”⁸.

Даже в д. Самсоново, считавшейся одной из наиболее зажиточных в округе, голодали 3 семейства. Ткацкий промысел, дававший крестьянам дополнительный заработок, не приносил дохода, так как все “съедали” налоги, материал стоил дорого, а продукцию ткачей никто не покупал. Мужчины искали заработка: возили и грузили дрова на железной дороге, плотничали.

X съезд партии, прошедший в марте 1921 г., провозгласил новую экономическую политику — НЭП и дал крестьянам значительные послабления. Ввели единый налог, разрешили свободный обмен, покупку и продажу продукции. Тем самым дали простор частному предпринимательству. В нашем крае наблюдался подъем экономики и сельского хозяйства: увеличилось количество посевных площадей, росло поголовье скота. В 1924 г. расширил производство Балабановский кирпичный завод, готовился пуск Ермолинской ткацкой фабрики, заработали электростанции в школе-колонии “Бодрая жизнь” (располагалась на территории г. Обнинска с 1911 по 1941 гг.) и в с. Угодский Завод. Последнее событие нашло свое отражение в песенном фольклоре тех лет.

Комсомольцы Угодки пели частушки:

Как на Угодском Заводе
Керосин теперь не в моде,
Мужик ум свой поднапрег,
Электричество зажег.

О занятиях крестьян д. Пяткино в начале 1920-х гг. написала в сочинении Нюра Поповникова: “Пяткинские крестьяне почти все зимой занимались ткачеством. Из 44 домов только 8 не имели станков. Ткут разноцветные и шотланку. Потом везут в Москву продавать. На вырученные деньги покупают бумагу (бумажные нити) для работы на станке, а на остальные деньги — хозяйственные вещи, а детям гостинцы, баранки, плюшки”⁹.

Процветало частное предпринимательство. В Самсонове продолжали работать ткацкие фабрички крестьян Безяевых и Петровых. В 1920 г. хозяйство главы семейства Михаила Петрова разделили между тремя его сыновьями: Василием, Иваном и Борисом. Братья владели ткацким производством и вплоть до 1929 г. применяли наемный труд. У них была красильня, чесальня, прессовая, правда, количество рабочих снизилось со 100 до 15 человек.

В декабре 1919 г. произошел раздел собственности между отцом и сыном Григорием Федоровичем и Иваном Григорьевичем Безяе-

выми. Иван Григорьевич до 1928 г. имел прессовое производство и получил право "содержать и производить торговлю из своего дома, мастерской, с рук, лотков, с земли и возов, на ярмарках, рынках и других местах"¹⁰. Около 1928 г. начались гонения на частное предпринимательство. Фабрики Безяевых и Петровых закрыли.

Наряду с частными предприятиями в окрестных селах действуют государственные: в с. Белкино кустарно-промысловая артель ткачей, в д. Самсоново ткацкая артель "Красное знамя".

Организовали сельскохозяйственное общество в д. Самсоново, возобновило работу Белкинское сельскохозяйственное объединение, в 1-м — председателем выбрали Т. Степанова, во 2-м — Н. Рожкова. На собраниях крестьяне решали хозяйственные вопросы. Так, 5 января 1926 г. жители с. Белкино говорили о необходимости устройства перевоза или временного моста через р. Протву, просили представителя из Боровска о снижении железнодорожных тарифов, поскольку нужно было сбывать продукцию сельского хозяйства и ткачества. Сетовали, что слишком высоки цены на сельскохозяйственные машины¹¹. Наболевшей проблемой была нехватка квалифицированных агрономов и ветеринаров. И здесь неоценимую помощь оказывали сотрудники и воспитанники школы-колонии "Бодрая жизнь" и учащиеся сельских школ 1-й ступени.

Их работа охватывала 4 сельсовета: Белкинский, Кабицинский, Белоусовский и Потресовский. Ребята пропагандировали новые виды удобрений, наилучшие сорта злаковых, картофеля, агитировали за новые системы ведения полевого и животноводческого хозяйства¹².

Несмотря на активную работу педагогов и учащихся школы-колонии "Бодрая жизнь", экономический кризис, назревавший в стране во 2-й половине 1920-х гг., сказался на жизни местного населения. Общинный уклад жизни крестьян тормозил экономическое развитие края. Частые переделы земли по едокам не способствовали хорошей обработке почвы, а наоборот, заставляли хозяина "выжать все соки" из своей полоски. К недостаткам общинного ведения хозяйства относились: чересполосица, дробление земли на более мелкие участки, удаленность пахотных земель от крестьянских хозяйств, поэтому возникали затруднения с обработкой. Малочисленность скота приводила к плохому удобрению почвы¹³.

Политика НЭПа привела к расслоению крестьянства. Часть из них богатели, другие отказывались от земли, уходили на фабрику в "чистые пролетарии". М. Н. Скаткин, учитель школы д. Самсоново, отмечал разделение жителей на кулаков, обладателей ткацких

предприятий и малоземельных, безлошадных крестьян, находившихся в тисках у богатеев¹⁴.

В конце 1920-х гг. в нашем крае повсеместно наблюдалось обострение классовой борьбы. В Угодском заводе зверски убили библиотекаря, чуть не убили сотрудника 1-й Опытной Станции П. В. Кованова, подожгли дом Шацких — сгорели рукописи, имущество¹⁵.

Заниженные закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию и завышенные государственные налоги вызывали недовольство крестьян, накаляли обстановку в экономической и социально-политической жизни страны. XV съезд ВКП(б), прошедший в 1927 г., провозгласил политику коллективизации крестьянских хозяйств.

В 1928 — 1929 гг. в д. Доброе В. Н. Шацкая и Н. П. Кузин (педагоги школы-колонии "Бодрая жизнь") организовали колхоз-коммуны им. К. Маркса, открыли школу, детский сад.

В январе 1930 г. в д. Кабицыно приехал из Боровска коммунист Лутков агитировать за вступление в колхоз. П. В. Сучкова вспоминала: "На собрание пришли все. Никто не выступал, все молчали. Со скрипом, но многие вступили в колхоз, который назвали "Верный путь". Стали коллективизировать лошадей, хозяйки — в слезы. Наступила весна, а лошадей кормить нечем, у колхозников из личных хозяйств выгребли сено, овес. Мать с соседкой Пелагеей засеяли поле вручную, сеялок не было"¹⁶. Колхоз укрепился к 1939 г. Председатель Е. Т. Фомичева сумела наладить дисциплину, улучшить качество работы. В Кабицыно построили конюшню, ферму, открыли школу, детский сад, продовольственный магазин.

В начале 1930 г. жители дд. Передоль и Кривошеино объединились в один колхоз, купили трактор, расширили молочное хозяйство. Членом колхоза стал даже священник А. Соколов, отдавший в общее пользование молотилку и другую сельскохозяйственную технику¹⁷.

Местные органы власти с большим рвением выполняли решения ЦК ВКП(б) об ускорении темпов коллективизации, часто используя насильственные методы. В результате количество колхозов увеличилось: в Боровском районе с 4 в декабре 1929 г. до 50 — в марте 1930 года, в Малоярославецком районе — с 1 до 86¹⁸.

Пытаясь исправить ошибку, в марте 1930 г. И. В. Сталин в статье "Головокружение от успехов" осудил деятельность советских органов и указал на соблюдение добровольности при вступлении в колхоз. Предусматривались меры, направленные на расширение льгот колхозникам, в то время как единоличники облагались повышенным налогом, лишились части земли.

В апреле 1930 г. в с. Белкино организовали промколхоз “Большевик”, состоящий из сельскохозяйственного и ткацкого отделений. Вступили 32 человека, в основном середняки, в общее пользование сдали 6 лошадей, 2 жеребенка, 1 корову, 1 быка, 6 телят, 15 поросят¹⁹. Председателем выбрали П. В. Кованова Одновременно с организацией колхоза шло раскулачивание. Из членов зажиточных семей Кутыриных, Рожковых, Синюхиных пострадал З. Е. Коляскин — владелец небольшой фабрички и торговой лавки. В первые годы колхозники жили бедно. В Музее истории г. Обнинска хранится справка за подписью П. В. Кованова с просьбой: “Отпустить на 4 грудных детей (колхозниц) манной крупы. Так как отсутствие таковой затрудняет возможность участия работниц в колхозе”²⁰.

Колхозники платили многочисленные налоги, о чем свидетельствуют квитанции, хранящиеся в обнинском музее: налоги от доходов с земли, строений, скота, продуктов огородничества, садоводства, сенокоса, мелкого скота, неземледельческих заработков²¹.

В результате подобного налогообложения крестьянам немного оставалось на жизнь. Тяжелый крестьянский труд не имел достойного вознаграждения. Работая по 10 часов в сутки, белкинская колхозница В. Коняхина получала в день 1 р. 20 коп²².

Что и когда сеять, диктовали уполномоченные из Боровска, называемые “погонялами”.

Через год после организации колхоза в Белкино оборудовали скотный двор, свинарник, купили 6 коров, 15 поросят, выстроили баню, открыли ясли, привели в порядок господский сад.

В 1934 г., когда председательствовал Н. Петров, колхозное хозяйство особенно расширилось. По воспоминаниям В. К. Розановой, в этот же год в Белкино из Брянской области приехали около 10 семей (Линьковы, Силины, Гришины, Анохины, Зевакины) и составили актив колхоза²³.

Помимо работы в колхозе, жители работали на ткацкой фабрике. Вероятно, в 1936 г. произошло отделение промколхоза от ткацкой артели, которая перешла в подчинение Калужскому облпомсоюзу. Это подтверждается документами, хранящимися в музее, — справкой Н. Ф. Голдина, где говорится, что Никита Федорович вместе с семьей состоял членом промколхоза с 1931 по 1936 г. и выбыл при выделении сельхозсекции в самостоятельную артель. До 1941 г. Н. Ф. Голдин работал в белкинской ткацкой артели плановиком.

Одним из самых богатых в округе считался колхоз им. К. Ворошилова в д. Самсоново, входивший в Белкинский сельсовет. В апреле 1930 г. из 180 жителей 35 — вступили в колхоз. Председателем

выбрали Н. В. Рябинкина, затем до войны колхоз благополучно возглавлял А. И. Петрухин.

В Самсоново подвергли раскулачиванию, лишили избирательных прав сыновей Михаила Петровича Петрова — Василия, Ивана и Бориса.

Иван Михайлович пытался “добиться правды”, обращался в Московскую областную комиссию по рассмотрению жалоб лиц, лишенных избирательных прав. Но несмотря на то, что Петровы не оказывали сопротивления советской власти, и что на их средства открыли в Самсонове ткацкую фабрику, в избирательных правах братьям Петровым отказали. Василий и Борис уехали из деревни. Ивана в марте 1931 г. осудили на 5 лет. В родную деревню он вернулся уже в преклонном возрасте.

Самсоновский колхоз специализировался на молочном хозяйстве. В конце 1930-х гг. на ферме содержалось 100 коров. Доярки, обслуживая по 15 — 18 животных, надаивали 15 — 20 литров молока от коровы. А. И. Смолина, М. М. Терентьева, В. Г. Кабанова добились немалых успехов. А. И. Смолина ездила на ВДНХ и была отмечена грамотой и значком. Лучших доярок премировали поездкой в Москву — посмотреть только что открывшийся метрополитен²⁴.

Самсоновское и Белкинское молочные хозяйства были связаны между собой. Из Белкинского сливпункта молоко перевозили на Самсоновский молочный завод, оттуда во флягах везли на железнодорожную станцию Обнинское и далее — в Москву.

Крестьяне работали в колхозе, подрабатывали в ткацких артелях, вели домашнее хозяйство, платили исправно налоги государству. В 1936 г. многие из жителей окрестных сел работали на строительстве здания лесной оздоровительной школы (ныне — главный корпус физико-энергетического института в г. Обнинске). Люди строили планы, мечтали о будущем, но война круто изменила их начинавшую налаживаться жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАКО, ф. 1211, оп. 1, д. 3; л. 13.

² ГАКО, ф. 1, оп. 1, д. 5, л. 10 — 12.

³ ГАКО, ф. 825, оп. 5, д. 608.

⁴ ГАКО, ф. 1211, оп. 1, д. 3, л. 3.

⁵ ГАКО, ф. 1211, оп. 1, д. 2, л. 9.

⁶ ГАКО, ф. 1211, оп. 1, д. 3, л. 13.

⁷ ГАКО, ф. 3299, оп. 1, д. 3, л. 54.

⁸ МИГО, КП-1051/1.

⁹ АРАО, ф. 1, оп. 1, д. 242, л. 71.

¹⁰ ГАКО, Р.2151, оп. 3, д. 1, л. 5.

¹¹ ГАКО, ф. 1210, оп. 1, д. 8, л. 33.

¹² Ефимова И.Л. Школа-колония "Бодрая жизнь" — общественно-политический центр работы с окрестными селами // Боровский краевед. Боровск, 1977. Вып 7.

¹³ ГАКО, Р38, оп. 595, д. 8, л. 20.

¹⁴ Скаткин М.Н. О работе по труду в деревенской начальной школе // Из практики деревенской школы. М., 1924. № 1.

¹⁵ Малини Г.Ф., Фрадкин Ф.А. Воспитательная система С.Т. Шацкого. М., 1993. С. 144.

¹⁶ МИГО, КП-2373.

¹⁷ МИГО. Воспоминания Н.И. Широкова 2003 г.

¹⁸ ГАКО, р-488, оп. 1, д. 35, л. 116; Р.484, оп. 1, д. 35, л. 100.

¹⁹ МИГО, КП-815.

²⁰ МИГО, КП-814/14.

²¹ МИГО, КП-891/13.

²² МИГО, КП-814/20.

²³ МИГО. Воспоминания В.К. Розановой 2002 г.

²⁴ МИГО. Воспоминания Т.Н. и Е.Н. Смолиных. 2001 г.

БЫВШИЕ КАЛУЖСКИЕ ПОМЕЩИКИ НА СТРАНИЦАХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ

Н.Н. Никитина, к.и.н.,

*Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского*

Подготовка к выселению бывших помещиков из имений требовала проведения определенной идеологической подготовки. Целью ее должно было стать усиление антипомещичьих настроений среди населения, особенно сельского. Значительную роль в решении этой политической задачи призвана была сыграть печать, прежде всего периодические издания.

"Первыми ласточками" по праву могут считаться два очерка о бывших помещиках, опубликованные в изданном в 1924 г. сборнике "Старый и Новый быт" (под ред. В. Г. Тана-Богораза)¹. Очерк Н. Бернадовой "Что мы видели" представляет собой описание впечатлений от встречи с бывшими помещиками, проживавшими в своих имениях на территории Новгородской губернии в 1923 г. Очерк С. Мошлянской обращает на себя внимание "говорящим" названием — "Последыш вишневого сада". Оно четко выражает отношение автора к главным действующим лицам очерка — не просто отрицательное, а явно уничижительное. В пояснении к тек-

сту очерка отмечено: "Зарисовка типов т. Могилянкой произведена в 1923 г. в Калужской губернии"². Обращает на себя внимание тот факт, что "зарисовка типов" в обеих работах производилась именно в 1923 г., т.е. в тот момент, когда начались проверка прав помещиков на землевладение и постановка на учет бывших помещичьих имений. Вряд ли это совпадение стоит считать случайным.

Через несколько лет — в 1927 г., — в самый разгар антипомещичьей кампании, очерки были повторно опубликованы в книге известного автора 20-х гг. А. М. Большакова "Деревня после Октября" в разделе под названием "Дворянские последыши в своих "гнездах"³.

Герои второго очерка проживали в деревне Копытной Калужской губернии. Его автор С. Могилянская встретилась с жителями "барского дома". Население его составляли "барыня" Мария Ливинская со своим взрослым сыном Сергеем Васильевичем и крестьянка Авдотья с 3 детьми. Авдотья жила в доме с 1918 г.: "Ее вселил комитет, т.к. нашел, что по числу комнат в доме слишком мало жильцов". Младшая дочь ее, 2 летняя Вера, была прижита ею от Сергея Васильевича. "Господа" неоднократно старались выселить Авдотью из дома, но это им не удалось. Авдотья выполняет всю домашнюю работу, ухаживает за скотиной, убирает хлеб и на своем, и на "господском" поле. За свою работу она не получает ничего, т.к. хозяйка считает, что достаточно уже того, что Авдотья живет в доме, не платя за помещение: "Положение Авдотьи в некоторых случаях весьма несообразное. Так, хотя она ходит за коровой и доит и поит ее и вообще работает целыми днями не покладая рук, она не имеет права взять себе молока"⁴. Хозяйка дома Мария Николаевна предстает перед нами в облике жадной, ленивой, завистливой барыни, жестоко эксплуатирующей прислугу. Она живет по принципу дореволюционного распорядка дня: встает в час дня, в 2 часа пьет чай, ложится в 2 — 3 часа ночи, перед сном обходит дом с лампой, строго следит за расходом продуктов. Ее страсть — кошки, которых в доме около десяти, не считая котят. Прежде чем отдать котенка в деревню, она "подвергает бабу получасовой исповеди, расспрашивает ее обо всей ее семье, о том, любит ли она животных, не будет ли муж бить котенка, хватит ли молока, будет ли она заботиться о котенке и т.д. и в конце концов берет обещание, что в случае чего, если котенок "заболеет" или просто "заскучает", то чтоб его опять вернули ей обратно"⁵. Автор очерка уделяет достаточно много внимания описанию чудачеств барыни, создавая образ женщины, страдающей от безделья. У читателя эта фигура явно не вызывала симпатий, в рабочей и крестьянской среде праздность, лень осуждались всегда.

Интересным для исследователя является сообщение о том, что революция в Копытной, как и во всем уезде, прошла сравнительно мирно: помещичьего дома не грабили вовсе, остался даже рояль. После революции Сергей Васильевич взял в аренду часть зданий на территории усадьбы. Сарай и людская, от которых он отказался, принадлежат теперь земельному отделу. Но, движимый обидой и жадностью, Сергей Васильевич вскоре украл железо, которым была крыта крыша людской, и продал его в Епифани на базаре. Распродали бывшие хозяева усадьбы и библиотеку русских классиков, имевшуюся в Копытной.

С. Могиланская, подробно описывая быт обитателей барской усадьбы, стремится доказать, что Копытная живет “одиноким, отрезанной от всего мира, скучной, беспросветной жизнью, где всякий труд является тяжелой необходимостью, ровно, спокойно, как-то безболезненно тупо, как безнадежный больной, к которому врач и сиделка считают излишним заходить и который нудно и тоскливо дожидается своей кончины, чтобы уступить место другому, не умирающему, а выздоравливающему, полному надежд, сил и энергии”⁶. Итак, диагноз поставлен: больной безнадежен, он должен умереть, таков был приговор советской власти бывшим помещикам. На смену старому, помещичьему быту придет новый мир, в котором нет и не может быть места бывшим владельцам вишневых садов.

Следующим объектом посещения С. Могиланская выбрала Малявских, соседей уже описанных помещиков. Как и Ливинские, они остались после революции на старом месте, взяли в аренду сад и усадьбу. Первая встреча автора с мадам Малявской произошла на кухне: “Думаю, что такой грязи, развала ни в одной дурной избе не найти! “Вы меня извините, что я вас в кухне принимаю, у нас тут грязно, но я никогда не убирала кухни, всегда прислуги были, и теперь не убираю, и не умею, и не буду убирать! — крикнула хозяйка с гордостью и как бы с угрозой”⁷. Уже с первых строк перед читателем предстает грубая, неряшливая женщина, формируется негативное отношение к хозяйке усадьбы. Под стать ей и муж, бывший офицер и монархист. Все его разговоры сводятся к тому, как прежде было хорошо и как теперь плохо. На революцию и современное положение России он смотрит весьма мрачно, все новое огульно ругает, не вникая в суть дела, во всех разговорах звучит одна мысль: “Вот до чего мы дожили”. Он любит порисоваться тем, что ходит в рваной одежде, что в доме грязь, словно хочет сказать: “Вот как нас заставили опуститься!” На основании своих впечатлений автор очерка

делает заключение, что Малявский, как и Ливинские, ушел в мелочи своей личной жизни, и внешний мир для него не существует.

С. Могиланская ограничивается лишь краткими замечаниями о том, что с работой в имении справляются своими силами, главным образом работают отец с 15-летней дочерью и 12-летним сыном, не нанимают никого даже для уборки сена. Значительно больший интерес у автора вызывает фигура мадам Малявской как типичного представителя помещичьей среды. Малявская, с точки зрения корреспондентки, олицетворяет собой старый, уходящий мир, некогда изображенный А.П. Чеховым в пьесе “Вишневый сад”. Малявская, как и чеховская Раневская, сохраняет “остатки прежнего величия”, вспоминает о “добром старом времени”, но не хочет и не имеет привычки работать, чтобы сохранить и содержать в порядке свое имущество. Она не привыкла трудиться, любая работа ей в тягость. Она хочет по-прежнему жить среди роскоши, носить настоящие кружева и пользоваться французскими духами, но при этом обслуживать семью должны прислуга и крестьяне. Сама Малявская боится коров, боится даже зайти в сарай, где стоит корова, возиться с кроликами ей тоже не хочется. С тоской вспоминает она о своих прежних туалетах, ходит растрепанная, неопрятная, в рваной стоптанной обуви, в ушах блестят бриллиантовые серьги, а на руках (черных от грязи) — кольца, из-под передника торчит вместо блузки нагромождение кружев. В комнатах сохраняется прежняя роскошная обстановка (диван, буфет с хрусталем, трюмо, ковры), трапезы происходят в столовой, на покрытом скатертью столе, молоко подается на стол не в глиняных кринках, а в фарфоровом молочнике. Эти детали нужны автору очерка для того, чтобы доказать свою основную мысль: бывшие помещики живут лишь старыми воспоминаниями и представлениями, им нет места в обществе, где следует жить по принципу “кто не работает — тот не ест”, т.к. они не способны изменить свою жизнь, приспособиться к новым условиям.

С. Могиланская использует самые темные краски и самые яркие сравнения, чтобы создать у читателя негативное отношение к представителям старого мира: “В 2 верстах от Копытной можно встретить дикарей, живущих на деревьях и ходящих безо всякой одежды. Так меня об этом и предупредила учительница Анна Владимировна: “Не удивляйтесь, если вы на деревьях обезьян или дикарей увидите, и не пугайтесь: это дети моего брата, Андрея Владимировича”⁸.

Свое селение Ясное А.В. Токарев получил по наследству после смерти отца, увлекавшегося пчеловодством. В 1911 — 12 гг. в Ясном была школа пчеловодства, но в 1913 г. барский дом сгорел, теперь от Ясного остался один фруктовый сад. Последний владелец имения —

Андрей Владимирович Токарев — “человек в высшей степени оригинальный”, как пишет о нем автор очерка. Бывший гвардейский офицер, в 1917 г. он стал интендантским комиссаром, в 1919 г. — священником, а затем решил держать экзамен на учителя. Его жена Арина — простая крестьянка: запуганная, робкая, несмелая, она никогда не покидала пределов родной деревни. В семье 6 человек детей, часть из них носит странные, причудливые имена, придуманные отцом: Фаина, Илиодор, Лаокония. “Предупреждение о дикарях оказалось вполне уместным, — пишет автор очерка. — Из всех ребят одна старшая, Лариса, 15 лет, была одета в “нечто”, а все остальные — настоящие дикари с торчащими во все стороны волосами — их стрижет сам отец, — и бегают они по саду совершенно без одежды или в таких рваных тряпках, ставших им настолько малыши, что эти тряпки ничего не закрывают, а только мешают”⁹. С. Могилянская использует здесь специальный журналистский прием — повторение наиболее ярких деталей, чтобы создать у читателя яркие образы дикарей, в которых превратились помещичьи дети. Она стремится показать, что помещики вырождаются, их младшее поколение уже не похоже на людей, а потому у помещиков нет будущего в советской стране, им нет места среди нормальных людей.

Как мы уже видели ранее, в подобных очерках главное внимание уделяется описанию внешнего вида обитателей усадьбы, состоянию построек и отношению бывших владельцев к труду. Этот последний критерий чрезвычайно важен в глазах крестьян, именно по нему они определяют ценность данного человека, заслуживает ли тот уважения.

Токарев явно не соответствует этим высоким советским стандартам. Свой надел “отдает крестьянам из половины”. Основным подспорьем в хозяйстве является громадный фруктовый сад (5 десятин), он служит для ребят “подножным кормом”. Семья живет в доме, где раньше проходили курсы по пчеловодству. Могилянская пишет о своих первых впечатлениях от имения: “Когдаходишь сейчас к Ясному, то, не зная, очень трудно предположить, что здесь есть человеческое жилье. Забор, так как был деревянный, сожжен, и к дому ведет тропинка, идущая от груды кирпича — бывшей конюшни. Грязь и беспорядок в доме невообразимые. Мебели нет почти никакой. Что было — продано. В кухне — печка, скамья и стол. За кухней — большая комната в 2 окна — абсолютно пустая. Это спальня. Кроватей нет ни одной. Постелью служит груда тряпья в углу”. После подобных описаний у читателя не остается никаких сомнений в том, что в таких условиях родители не уделя-

ют никакого внимания духовному образованию и воспитанию детей, “и даже старшая 15-летняя Лариса — неграмотная”¹⁰.

В 1925 г. обращение к теме о бывших помещиках становится значительно более частым явлением в периодической печати. Так, в журнале “На аграрном фронте” № 3 за 1925 г. была опубликована статья В. Карпинского “Наша политика в вопросе о бывших помещиках”, явно отражающая настроения части партийных и советских работников. Значительная часть статьи посвящена рассмотрению вопросов о количестве бывших помещиков, характере их отношений с крестьянами и размерах их хозяйств¹¹.

В статье Карпинского приводятся в качестве примеров и калужские материалы. Так, среди возвратившихся после гражданской войны в свои имения бывших владельцев в Калужской губернии автор статьи называет князей Шаховских и бывшего генерала Филатова¹².

Карпинский уверяет читателя, что в Калужской губернии “масса случаев обостренных отношений с крестьянами, крестьяне озлоблены хозяйничаньем бывших помещиков в совхозах”, и в качестве иллюстрации приводит следующую информацию: калужский совхоз в 500 десятин, заведующий — бывший помещик и офицер Сарахтин: земля сдается исполу, сенокосы сдаются кулакам и родственникам даром или за бесценок. Часть пахотной земли поросла мхом так, что даже трава не растет. Огородная площадь поросла бурьяном. В громадном фруктовом саду деревья поросли мхом, гибнут; племенные лошади истощены, запущены. Дом в 30 комнат запущен и загажен. Хищения, высокие цены с крестьян за аренду¹³.

Определение “масса случаев” не позволяет представить себе истинное положение дел в губернии вследствие своей расплывчатости. Изученные нами материалы Государственного архива Калужской области (ф. Р-26) дают примеры лишь единичных случаев “обостренных” отношений крестьян с бывшими помещиками и не содержат подтверждения фактов, изложенных в статье Карпинского.

Вышеприведенные примеры обращения периодической печати к проблеме бывших помещиков в 1924 — 25 гг. позволяют говорить об активном использовании печатных изданий в ходе подготовки будущего выселения. Газеты и журналы в своих номерах создавали образ бывшего помещика в качестве фигуры, вызывавшей у читателя лишь антипатию. Журналисты использовали для этой цели различные жанры: очерки, статьи (с подробным обоснованием позиции автора), обзоры писем, публикации писем, присланных селькорами в редакции. В очерках и рассказах с помощью ярких, впечатляющих деталей создавался образ грубого, невежественного, лениво-

го, праздну живущего барина, пребывающего в обстановке грязи, разрухи в имении, не следящего ни за своим внешним видом, ни за поведением и образованием детей. Все помыслы и мечты его обращены в прошлое, они сводятся к воспоминаниям о прошлой жизни: дорогие одежды, бриллианты, французские духи и журналы. А в реальной жизни, в строительстве нового мира эти люди не желают и не могут принять участия, они — живые трупы, доживающие свой век в имениях, но при этом отчаянно цепляющиеся, как утопающий за соломинку, за осколки этого старого, дореволюционного мира.

В период подготовки выселения бывших помещиков газеты и журналы стали фактически частью государственно-партийного механизма, готовившего это выселение, занимаясь идеологическим обеспечением будущей антипомещичьей кампании.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Старый и Новый быт /Под ред. В.Г.Тана-Богораза. Изд. 1924 г.

² Цит. по: **Бернардова Н.** Что мы видели // **Большаков А.М.** Деревня после Октября. Л., 1927. С. 391.

³ **Большаков А.М.** Деревня после Октября. Л., 1927. С. 391.

⁴ **Могиланская С.** Последыши вишневого сада // **Большаков А.М.** Деревня после Октября. Л., 1927. С. 378 — 391.

⁵ Цит. по **Большаков А.М.** Указ. соч. С. 381.

⁶ Там же. С. 378.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 388.

⁹ Там же. С. 386.

¹⁰ Там же. С. 387.

¹¹ **Карпинский В.** Наша политика в вопросе о бывших помещиках // На аграрном фронте. 1925. № 3. С. 104 — 118.

¹² Указ. соч. С. 105.

¹³ Там же. С. 112.

ПИСЬМА И ВОСПОМИНАНИЯ ВОИНОВ 17-й БОБРУЙСКОЙ КРАСНОЗНАМЕННОЙ СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ПАТРИОТИЗМА И ОТРАЖЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА БОЙЦОВ

Л.С. Прохорова,

*Калужский государственный объединенный краеведческий музей,
филиал "Ильинские рубежи"*

Ополчение слово, которое связано в России с днями бедствий. На самых переломных этапах нашей истории, когда для отражения внешней угрозы требовалось напряжение всех сил, на борьбу с

иноземными захватчиками поднимался весь народ. Помимо регулярных войск, создавалось народное ополчение.

6 июля 1941 г. началось формирование народного ополчения в Москве.

Славный боевой путь прошла в годы Великой Отечественной войны 17-я дивизия народного ополчения Москворецкого района Москвы. В 17-ю дивизию народного ополчения вступили сотни рабочих и служащих завода имени Владимира Ильича, кожевенного завода, печатной фабрики "Гознак", комвольно-прядельной фабрики имени М.И.Калинина, студенты и преподаватели института народного хозяйства имени Г.В.Плеханова. В нее также влились батальоны народного ополчения Свердловского района Москвы и подмосковного города Каширы.

Среди добровольцев-ополченцев были люди с мировым именем: профессор Л.А.Кулик, поэт В.И.Токарев, профессор института народного хозяйства И.В.Кувшинов, ставший комиссаром дивизии, заслуженный мастер спорта Бухаров, другие известные москвичи.

Дивизия состояла из трех стрелковых полков и двух артиллерийских дивизионов, имела личного состава 9300 человек. Командиром дивизии был назначен полковник П. С. Козлов.

С июля 1941 по сентябрь 1943 гг. боевой путь дивизии был связан с Калужской областью. В июле дивизия принимала участие в строительстве Ильинского оборонительного рубежа, вошедшего в состав Можайской линии обороны, где в октябре 1941 г. держали оборону курсанты подольских военных училищ.

Но уже в начале августа дивизия была переброшена в район г. Спас-Деменска, где также принимала участие в строительстве оборонительных рубежей.

В конце августа ополченцы приняли воинскую присягу. В сентябре приказом Ставки Верховного Главнокомандования соединения преобразовали в 17-ю стрелковую дивизию регулярной армии и включили в состав 33-й армии.

Свое первое боевое крещение дивизия получила на реке Десне у г. Спас-Деменска 3 октября 1941 г.

В конце октября дивизию принял генерал-майор Д. М. Селезнев. В это время она насчитывала всего около 1,5 тысяч бойцов — шестую часть первоначального состава.

В течение двух месяцев, с 20 октября по 25 декабря 1941 г., бойцы 17-й стрелковой дивизии держали оборону на восточном берегу р. Нары на Стремилловских рубежах. Шли недели, но враг так и не смог одолеть Стремилловские рубежи. Дивизия между тем по-

полнялась людьми и боевым снаряжением, готовясь к контрнаступлению, которое на ее участке началось 25 декабря 1941 г.

28 декабря 1941 г. части 17-й стрелковой дивизии освободили районный центр Угодский Завод (ныне г. Жуков) и, продолжая наступление, во взаимодействии с другими соединениями 1 января 1942 г. вступили в г. Малоярославец.

В январе 1942 г. воины 17-й стрелковой дивизии освободили также г. Медынь и разъезд Кошняки, в феврале дивизия принимала участие в ликвидации крупной группировки фашистских войск в с. Захарово, а в апреле — в районе г. Юхнова.

14 августа 1943 г. части 17-й стрелковой дивизии освободили г. Жиздру от немецко-фашистских захватчиков, а 9 сентября во взаимодействии с частями и соединениями 3-й армии освободили г. Людиново, железнодорожные станции Сукремль, Куява и вышли на восточный берег р. Болвы, завершив освободительные бои на территории Калужской области.

Таково краткое изложение славного боевого пути 17-й стрелковой дивизии по территории нашего края.

Что касается печатных источников, рассказывающих об участии 17-й стрелковой дивизии в освобождении Калужской области, то их немного. В ряде изданий, посвященных событиям Великой Отечественной войны на территории Калужской области, боевые действия 17-й стрелковой дивизии не анализируются, боевой путь не прослеживается, а упоминается она как соединение, входившее в состав 43-й армии и принимавшее участие в освобождении городов Малоярославец, Медынь, Юхнов. Это книги: Волков А.И. “43-я в боях и сражениях” (М., 1996 г.), Панков Д.В. и Панков Д.Д. “Подвиг подольских курсантов” (М., 1990 г.), Панков Д.Д. “С верой в Победу” (М., 2000 г.).

Более подробно рассказывается о 17-й стрелковой дивизии в книге “Боевой путь 17-й Бобруйской Краснознаменной стрелковой дивизии Москворецкого района г. Москвы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.”, изданной в 1975 г. в Москве Советом ветеранов 17-й стрелковой дивизии и Москворецким райкомом ВЛКСМ.

В брошюре дана характеристика боевых действий дивизии не только на территории Калужской области: 17-я стрелковая дивизия прошла с боями свыше тысячи километров по дорогам Смоленщины, Орловщины, Белоруссии, освобождала Польшу, участвовала в боях в Восточной Пруссии. Большое место занимают в брошюре рассказы о героических подвигах солдат и офицеров 17-й стрелко-

вой дивизии. Справка о боевом пути дивизии основана на боевых донесениях, хранящихся в архиве Министерства обороны России (фонд 17-й стрелковой дивизии).

В 1977 г. Совет ветеранов 17-й стрелковой дивизии переиздал отдельной брошюрой научное сообщение генерал-лейтенанта В. Щемелева (бывшего командира пулеметного взвода 1312 с.п.) “Первые бои 17-й стрелковой дивизии”, опубликованное ранее в “Военно-историческом журнале” (1974, № 12). На основе архивных материалов автор дает характеристику первым боям 17-й стрелковой дивизии под г. Спас-Деменском в начале октября 1941 г.

В этих изданиях рассказывается в основном о боевых действиях частей и соединений 17-й стрелковой дивизии, но они не дают представления о том, с какими чувствами и настроениями жили и воевали бойцы, что их заботило и волновало, как они оценивали настоящее и представляли себе будущее — свое, своей семьи и всей нашей Родины. Этот пробел восполняют письма с фронта, послевоенные письма и воспоминания воинов 17-й стрелковой дивизии, хранящиеся в музее “Ильинские рубежи”.

Артиллерист-разведчик комсомолец Аркадий Полуэктов писал боевому другу А. Горбулину из-под Малоярославца в октябре 1941 г.: “Дорогой Саша!

Если я умру, напиши моим старикам, что я умер легко и спокойно. Я ненавижу фашизм, ненавижу кровавую, грабящую и убивающую фашистскую нечисть. И если бы у меня была вторая жизнь, я бы отдал и ее за Родину. Напиши им, что я счастлив, что я был бойцом в этой великой битве. Прощай, не забывай меня.

Аркадий Полуэктов”.

Это последнее письмо Аркадия своему другу. Он погиб в конце октября 1941 г., находясь на переднем крае обороны и корректируя огонь наших батарей.

Короткое письмо, всего несколько строчек, но они пронизаны любовью к Родине, верой молодого солдата в победу и обещанием сделать все от него зависящее, чтобы приблизить ее час.

В музее хранятся письма разведчика отдельной разведроты штаба 17-й стрелковой дивизии Василия Григорьевича Смирнова и его характеристика, написанная командиром разведроты старшим лейтенантом Сергеем Ивановичем Кудиновичем. Командир пишет: “Смирнов В.Г. участвовал в боевых операциях по разведке обороны противника, по захвату “языков”, в рейдах по вражеским тылам, проявил при этом храбрость и мужество. Особенно отличился в конце января 1942 года. В районе д. Даманцево и разъезда Кошня-

ки лично т. Смирновым был захвачен “язык” — ефрейтор Фридрих Нашман, который дал ценные сведения о том, что готовится прорыв гитлеровской группировки войск из Мятлевского окружения в направлении разезда Кошняки. Командованием штаба дивизии были приняты соответствующие меры, и колонна фашистов была уничтожена на разезде Кошняки. Смирнов же был награжден орденом Боевого Красного Знамени”.

21 сентября 1942 г. В.Г. Смирнов был тяжело ранен при выполнении боевого задания, долго лечился в госпиталях, стал инвалидом Отечественной войны.

Немало испытаний выпало на его долю. Три письма, отправленные из госпиталя весной 1943 г. другу, характеризуют его как человека очень сильной воли, мужественного, сумевшего преодолеть последствия ранения и нашедшего в себе силы поддержать друга, тоже тяжело раненого, потерявшего близких и впавшего в отчаяние. “Неладно такое состояние, нужно не падать духом, не поддаваться переживаниям, а бороться и надеяться, что будущее будет другое, что найдутся, может, и родные и близкие. У тебя еще вся жизнь впереди”.

Письма и характеристика написаны на листках в линейку из школьной тетради. Бумага пожелтела, некоторые слова читаются с трудом.

В июле 2002 г. музей “Ильинские рубежи” посетил иеромонах Даниил (А.М. Сычев), проживающий в Вяземском районе Смоленской области. Его интересовал боевой путь 17-й стрелковой дивизии. В этой дивизии в 1314-м стрелковом полку рядовым бойцом воевал его дед Сычев Дмитрий Гаврилович. Иеромонах Даниил передал музею письмо деда, написанное в июне 1942 г. Письмо написано химическим карандашом на листе бумаги из школьной тетради в линейку. Со временем бумага пожелтела, но буквы не стерлись и текст читается четко.

Письмо проникнуто теплом, заботой, мыслями о доме, о семье, о детях. Боец тронут вниманием жены, приславшей ему на фронт посылку — табак и цветы: “Дороже всего были подарки — табак, а в другом — цветы и горячие приветы.

Дал я папироску другим товарищам, и все покурили вашего подарка. Подарок мал, но ценный для нашей военной жизни”.

Мысли о доме будоражили воина: “Еще узнал, что брат Гриша прибыл домой. Это также большое счастье и великая радость. Хоть пока один будет вам помогать чем сможет, а мы здесь будем бить эту паразитскую сволочь”.

Строки, посвященные детям, пронизаны самыми теплыми отцовскими чувствами: “Затем передай по низенькому поклончику деткам Мише и Нине и крепко целуй их губки. Расти их большими и здоровыми”.

В письме нет ни слова о войне. А ведь совсем недавно он принимал участие в жесточайших боях на Угре и Воре. Но боец пишет, что все хорошо, не хочет тревожить близких, верит в победу, в то, что вернется домой. Не вернулся. Погиб и похоронен на Смоленщине.

Большой интерес представляют воспоминания участника войны лейтенанта медицинской службы Ивана Васильевича Пышного. Он прошел всю войну от первого до последнего дня, с декабря 1941 г. в составе 17-й стрелковой дивизии. Принимал участие в освобождении г. Малоярославца, почетный гражданин этого города.

В своих воспоминаниях Иван Васильевич много рассказывает о людях, которые окружали его: о врачах, медсестрах, рядовых бойцах и командирах, о трудностях, которые выпали на их долю, о годах фронтовой жизни.

По его словам, трудности войны не лишали воинов бодрости духа и надежд. В дивизии активно работала художественная самодеятельность, ведь среди ополченцев было немало артистов. В дивизионном медсанбате служил даже солист Большого театра. Находились способные самодеятельные артисты и среди легко раненых.

Пишет Иван Васильевич и о самом простом и обыденном, из чего состояла жизнь бойцов. Большая забота проявлялась в дивизии о людях: “Личный состав был хорошо обмундирован, нормально налажено питание, всем необходимым располагал и медсанбат.

Для раненых поступали газеты, журналы. Медицинский персонал проводил читки, беседы, помогал писать письма, в специальных сумках в палатках всегда были бумага и конверты”.

Нельзя не отметить и еще одну сторону фронтовой жизни, отразившуюся в воспоминаниях. Это — прочная боевая дружба. “Котелок с пищей поставили на горячую еще плиту, в тряпку завернули. Это, говорят, для боевого охранения — вернутся ребята, горячего поедят. Смотрю я на этих восемнадцать бойцов — среди них и казахи, и кавказцы, по выговору можно определить украинцев, белорусов. Все равны. Все друг к другу с большой заботой и вниманием. Все как одна семья — боевые братья”. Дружба, боевая спайка помогали легче сносить тяготы военной жизни.

Обращение к письмам и воспоминаниям бойцов 17-й стрелковой дивизии — это обращение к душам воинов, напоминание о том, что они не “пушечное мясо”, а живые люди, с их мыслями,

чувствами и настроениями. В суровую пору их волновала и жизнь родных, и судьба страны, и мировые проблемы. Письма и воспоминания пронизаны ненавистью к врагу, верой в жизнь и в победу. Перечитывать их можно снова и снова, каждый раз открывая для себя неизвестную сторону фронтовой жизни. Этим они особенно ценны.

Сквозь строки писем становится видно страшное лицо войны и лучше понимается, что прошли, что пережили те, кто обеспечил потомкам жизнь и свободу ценой собственной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боевой путь 17-й Бобруйской Краснознаменной стрелковой дивизии Московского района г. Москвы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 г.г. М.: 1975.
2. Волков А.И. 43-я в боях и сражениях. М.: 1996.
3. Панков Д.В., Панков Д.Д. Подвиг подольских курсантов. 4-е изд., доп. М.: 1990.
4. Панков Д.Д. С верой в победу. М.: 2000.
5. Последнее письмо с фронта // Газ. "Малоярославецкий край". 2001. 29 дек.
6. Сивцов А. Дивизия, освобождавшая Малоярославец // Газ. "Малоярославецкий край". 2001. 6 янв.
7. Сивцов А. Народное ополчение // Газ. "Малоярославецкий край". 2001. 22 сент.
8. Щемелев В. Первые бои 17-й стрелковой дивизии // Военно-исторический журнал. 1974. № 12.

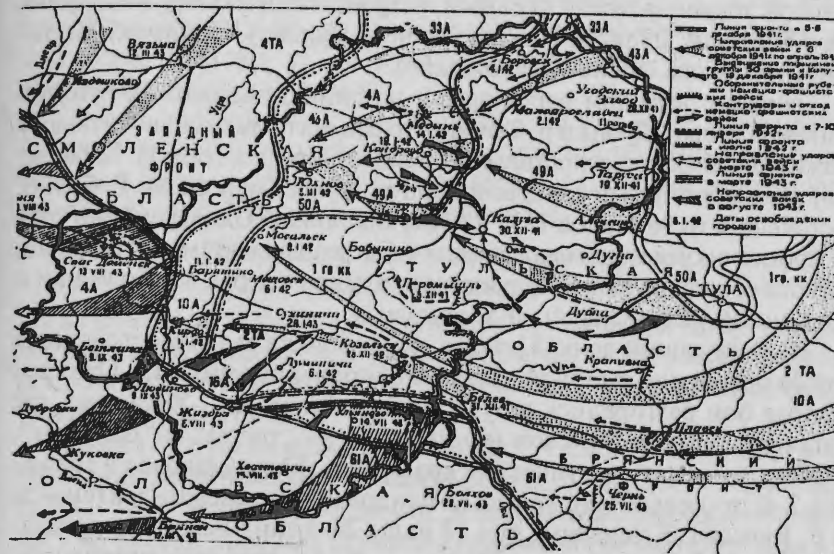
СРАЖЕНИЯ АРМИЙ ЗАПАДНОГО И БРЯНСКОГО ФРОНТОВ ЗА ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ КАЛУЖСКОГО КРАЯ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ В 1943 г.

*И.С. Писаренко, к.и.н.,
Калужский областной институт повышения квалификации
работников образования*

В июле — августе 1943 г. армии левого фланга Западного фронта приняли активное участие в грандиозной Курской битве, окончательно предопределившей коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. Главный удар из-под городов Козельска и Белева в междуречье Ресеты и Вытебети по Болховской группировке противника, прикрывавшей г. Орел с севера, наносила 11-я гвардейская армия генерал-лейтенанта И.Х. Баграмяна во взаимодействии с 61-й армией генерал-лейтенанта П.А. Белова.

На главном направлении наступления, проходившем по территории Ульяновского района, советским войскам предстояло преодолеть мощный оборонительный рубеж противника. Он состоял из

главной, тыловой и промежуточной линий обороны и отсечных позиций, которые были оборудованы вдоль рек Ресета и Вытебеть. Здесь занимали позиции 211-я и 293-я пехотные дивизии 53-го армейского корпуса гитлеровцев. За ними, в тыловой полосе обороны, сосредоточилась 5-я танковая дивизия, имевшая в своем составе свыше 100 танков, в том числе новейшие "тигры" и "пантеры".

Р и с. 1. Освобождение территории Калужской области в 1941 — 1943 гг.

Для прорыва вражеской обороны на 14-километровом участке деревень Глинная — Ожигово И.Х. Баграмян развернул три стрелковых, два танковых, один артиллерийский корпус, четыре танковые бригады, два тяжелых танковых полка, 14 артиллерийских и две минометные бригады, 10 артиллерийских полков, шесть полков "катюш", семь инженерных батальонов, насчитывавших свыше 60 тыс. бойцов и командиров и имевших на вооружении три тысячи орудий и минометов, 615 танков, 2800 пулеметов. Авиационное обеспечение прорыва осуществляла 1-я воздушная армия генерал-лейтенанта М.М. Громова, насчитывавшая более тысячи самолетов.

Наступление началось на рассвете 12 июля с мощной трехчасовой артиллерийской подготовки. Три тысячи орудий и минометов обрушили на врага свой смертоносный огонь. Затем в воздух поднялись 200 советских бомбардировщиков, которые нанесли удары по вражеским штабам, узлам связи, артиллерийским позициям, бли-

жайшим тылам и резервам, 450 штурмовиков, атаковавших позиции противника в тактической зоне обороны, и 500 истребителей, в числе которых находились и летчики французского авиаполка "Нормандия". Всего в первый день наступления самолеты 1-й воздушной армии сделали 858 боевых вылетов.

И сразу же, почти без потерь, ударная группировка 11-й гвардейской армии овладела первыми их траншеями и опорными пунктами Глинная, Дудино, Панево (ныне — Гурово), Починок, Жильково, Перестяж (ныне — Ефимцево).

Однако с выходом войск армии на линию населенных пунктов Панево (Гурово), Дубна и р. Фомина (то есть на промежуточную полосу вражеской обороны) сопротивление немцев возросло. Тогда И. Х. Баграмян ввел в бой пятый танковый корпус генерал-майора М. Г. Сахно, состоявший из 96 танков Т-34 и 43 легких танков. Одновременно удар по противнику нанесла наша авиация. Гитлеровцы не смогли сдержать натиска советских воинов и поспешно отошли к деревням Холмищи и Медынцево, селам Старица и Ульяново.

На следующий день, 13 июля, наши войска вели ожесточенные бои за овладение тыловой полосой обороны противника. Ожесточенные бои разгорелись на участке сел Старица — Ульяново, где фашисты применили свои новые танки — "тигры" и "пантеры". Чтобы сломить сопротивление врага, И.Х. Баграмян ввел в сражение 1-й танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта В.В. Буткова. К середине дня 13 июля 24-я танковая бригада полковника В.В. Сытникова и 43-я танковая бригада совместно с частями 11-й стрелковой дивизии генерал-майора И.Ф. Федюнькина освободили с. Старица, а части 83-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Я.С. Воробьева совместно с 43-й танковой бригадой — районный центр с. Ульяново. Таким образом, третья, тыловая полоса обороны гитлеровцев была окончательно прорвана советскими войсками.

13 июля 1943 г. 70-я танковая бригада с ходу ворвалась и освободила с. Крапивна и д. Ягодное. На следующий день, 14 июля, 8-й гвардейский стрелковый, 1-й и 5-й танковые корпуса овладели Веснинами, Мелиховым, Афанасовым и другими населенными пунктами, а 15 июля 169-я и 1-я гвардейская стрелковая дивизии вместе с 10-й танковой бригадой завязали кровопролитные бои за пос. Дудоровский.

Одновременно с продвижением ударной группировки 11-й гвардейской армии на главном направлении, чтобы расширить фронт ее прорыва, 13 июля развернулись бои на ее правом фланге. Здесь развивалось наступление 16-го гвардейского стрелкового корпуса

Героя Советского Союза генерал-майора А.В. Лапшова. В ходе двухдневных боев войска 11-й гвардейской армии прорвали вражескую оборону на всю ее тактическую глубину и продвинулись на юг на 25 км.

16 июля 1943 г. с северо-востока мощный удар по отступающим из-под с. Уколица в сторону г. Болхова гитлеровцам нанес 46-й стрелковый корпус 61-й армии. В течение двух дней, неотступно преследуя противника, он освободил восточную часть Ульяновского района и вышел на ближайшие подступы к г. Болхову с юго-западной и западной сторон.

Таким образом, с 12 по 18 июля 1943 г. в ходе наступления войск 61-й и 11-й гвардейской армии от немецко-фашистских захватчиков были освобождены почти весь Ульяновский район и юго-восточная часть Хвастовичского района [1].

На правом фланге ударной группировки И.Х. Баграмяна

Справа 11-ю гвардейскую армию прикрывала 50-я армия генерал-лейтенанта И. В. Болдина, передислоцированная под пос. Думиничи в конце апреля 1943 г. из-под г. Спас-Деменска, когда началась подготовка к Курской битве.

13 июля с рубежа р. Жиздра юго-восточнее пос. Думиничи в направлении железнодорожной станции Зикеево нанесли основной удар 212-я и 324-я дивизии 50-й армии, которые за два дня ожесточенных боев не смогли прорвать передовую линию обороны противника. И только на четвертый день наступления, когда ударная группировка 50-й армии была усилена 49-й стрелковой дивизией, 233-м танковым полком и артиллерией, соединения армии, продвигаясь по западному берегу р. Ресета, углубились во вражескую оборону на 10 км.

И. В. Болдин пополнил все три дивизии ударной группировки 117-й артиллерийской бригадой, 39-м и 188-м пушечными артиллерийскими полками резерва Главного Командования, 307-м гвардейским минометным полком, 22-м и 23-м гвардейскими минометными дивизионами. 17 июля 1943 г., резко развернувшись на запад, группировка повела наступление на железную дорогу в районе ст. Зикеево. Одновременно правофланговые 413-я и 64-я стрелковые дивизии армии атаковали вражеские позиции юго-западнее пос. Думиничи, форсировали р. Жиздра в районе деревень Волеватки — Устов и вышли на железную дорогу Сухиничи — Брянск. В результате немецкие войска в излучине р. Жиздра, к югу от пос. Думиничи, оказались под угрозой окружения, и, чтобы из-

бежать его, они поспешно отошли на тыловой рубеж обороны в районе населенных пунктов Палики, Хромыли, Астахи, Барсуки и пос. Алексеевский.

С 18 по 26 июля измотанные в предыдущих боях соединения 50-й армии безуспешно атаквали позиции врага, а затем и сами перешли к обороне.

Остановка наступления 50-й армии опять создала угрозу вражеского удара во фланг 11-й гвардейской армии. Поэтому Ставка Верховного Главнокомандования усилила ударную группировку 11-й гвардейской армии 11-й армией под командованием генерал-лейтенанта И. И. Федюнинского, которая к 20 июня 1943 г. была переброшена на стык 11-й гвардейской и 50-й армий из-под г. Калуги, где ее соединения и части находились на доукомплектовании.

20 июля 1943 г. с рубежа р. Рессета юго-западнее с. Ульянова 11-я армия перешла в наступление, за шесть дней боев продвинулась вперед на 15 км и к исходу дня 25 июля вышла левым флангом на подступы к с. Хвостовичи. Однако дальнейшие ее атаки успеха не имели. 2 августа армия прекратила наступление. 14 августа, перегруппировав свои силы, 11-я армия нанесла удар в направлении Карачева. В итоге 96-я стрелковая дивизия полковника Ф. Г. Булатова 15 августа 1943 г. выбила гитлеровцев из с. Хвостовичи, а к 20 августа части 4-й и 135-й стрелковых дивизий (командиры — полковники А. Д. Воробьев и А. Н. Соснов) 11-й армии довершили полное освобождение Хвостовичского района.

После взятия 5 августа 1943 г. Красной Армией г. Орла обстановка немецких войск на северном фасе Орловско-Курского выступа резко ухудшилась. Поэтому в ночь на 14 августа 1943 г. гитлеровцы стали поспешно отходить с рубежа восточнее г. Людиново и северо-восточнее г. Жиздры. За ними сразу же устремились войска 50-й и 11-й армий. К 18 — 19 августа 11-я армия вышла на линию в 10 — 20 км восточнее железной дороги Людиново — Брянск. При этом 16 августа 1943 г. 413-я стрелковая дивизия полковника И. С. Хохлова во взаимодействии с 324-й стрелковой дивизией полковника И. К. Казака 50-й армии освободили г. Жиздру. Так закончили свое участие в Курско-Орловской битве левофланговые армии Западного фронта (командующий фронтом — генерал-полковник В.Д. Соколовский) [2].

Спас-Деменская операция

7 — 20 августа 1943 г. войска Западного фронта провели наступательную операцию по ликвидации Спас-Деменского выступа в обороне советских войск, который образовался в марте — апреле

1943 г., когда фашистские войска оставили Ржевско-Вяземский плацдарм.

В начале августа 1943 г. войска Западного фронта, действовавшие на Спас-Деменском направлении (10-я гв., 33-я, 49-я, 10-я, 68-я, 21-я армии, 2-й гв. танковый, 5-й механизированный, 6-й гв. кавалерийские корпуса, 1-я воздушная армия), занимали оборону на рубеже д. Мазово, восточнее д. Бахмутово, западнее г. Кирова. Им противостояли основные силы 4-й полевой и часть сил 2-й танковой (с 17 августа — 9-й полевой) армий группы армий “Центр” (командующий — генерал-фельдмаршал Г. Клюге). Советские войска превосходили противника в живой силе в 1,5 раза, в количестве орудий и минометов — в 2,3 раза, танков и САУ — почти в 3 раза, боевых самолетов — в 1,6 раза. Однако гитлеровцы имели прочную, глубоко эшелонированную оборону.

На 10-километровом участке д. Шимени — с. Карповка оборону противника должна была прорвать 10-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта К.П. Трубникова и на 6-километровом участке от д. Лукино до д. Куприно — 33-я армия, которой в то время командовал генерал-лейтенант В.Н. Гордов. За этими армиями во втором эшелоне находились 6-й гвардейский кавалерийский и 5-й механизированный корпуса, которые были готовы войти в прорыв и развить удар на города Рославль и Ельня.

Вспомогательный удар северо-западнее г. Кирова с рубежа деревень Острая Слободка — Верхняя Песочня в направлении на деревни Оболювка и Воронцово предстояло нанести 10-й армии (командующий — генерал-лейтенант В. С. Попов). 49-я армия (командующий — генерал-майор И. Т. Гришин) четырьмя дивизиями охватывала Спас-Деменский выступ со стороны г. Юхнова. На нее возлагалась задача преследовать врага с момента его отхода. Авиационное обеспечение операции осуществляла 1-я воздушная армия.

Наступление ударной группировки Западного фронта на главном направлении началось рано утром 7 августа 1943 г. После 30-минутной артиллерийской подготовки советские танки и пехота под прикрытием огневого вала устремились на вражеские позиции и быстро овладели первой траншеей. Но с ходу взять основную полосу обороны немцев не удалось, потому что она проходила по высотам. Каждая из них в отдельности представляла собой мощный опорный пункт. Особое положение занимала высота с отметкой 233,3 севернее с. Гнездилова, возвышавшаяся над всеми остальными. Она прикрывала один из основных путей, ведущих с севера к железной дороге г. Ельня — г. Спас-Деменск, которая и на этом участке фронта

питала вражеские войска всем необходимым. Высоту оборонял специально подобранный и обученный для ведения круговой обороны гарнизон вражеских саперов в 800 человек с резервом пехоты и противотанковых средств. Это был мощный узел сопротивления с подземными жилищами, складами и ремонтными мастерскими, рассчитанный на длительную оборону. Овладеть этой высотой было трудно, обойти ее — практически невозможно, т.к. местность вокруг была болотистая, с большими лесными массивами, трудно проходимыми даже для пехоты.

Три дня, 7 — 9 августа, высоту 233,3 штурмовали части 65-й и 22-й гвардейских стрелковых дивизий, 23-я танковая бригада и 119-й танковый полк, но взять ее не смогли. Тогда командующий 10-й гвардейской армией К.П. Трубников приказал взять высоту силами 1-й штурмовой инженерно-саперной бригады. Выполняя приказ, комбриг выделил 1-й батальон майора Ф.Н. Белокопя и учебную роту капитана Д.Д. Евтушенко, всего около 600 бойцов, вооруженных ручными пулеметами, автоматами и гранатами.

В полночь 10 августа стало известно, что саперы овладели высотой почти без потерь. Помогли не только недюжинная выучка и большое мужество, но и находчивость и военная хитрость. Майор Ф. Н. Белокопя и капитан Д. Д. Евтушенко начали штурм высоты без артподготовки и неожиданно для немцев — поздно вечером, когда те ужинали и собирались ложиться спать. Пока гитлеровцы занимали боевые места, саперы и курсанты решительным броском преодолели отделявшие их 100 — 150 м и стремительно ворвались в траншею. На наших бойцах под серо-зелеными маскхалатами были надеты бронежилеты, головы закрывали каски. Рукопашный бой продолжался около двух часов. Наши воины уничтожили и взяли в плен около 300 гитлеровцев, захватили знамя части, штабные документы. За этот подвиг командующий Западным фронтом генерал-полковник В. Д. Соколовский наградил орденами и медалями 91 воина саперной бригады, в том числе комбата майора Ф. Н. Белокопя — орденом Александра Невского, а командира роты курсантов капитана Д. Д. Евтушенко — орденом Красного Знамени.

11 августа 1943 г. над Гнездиловской высотой взвился красный флаг. Путь на Спас-Деменск был открыт. Тут же в прорыв были брошены войска второго эшелона. Гитлеровцы начали отступать в южном направлении вдоль западных границ Калужской области.

11 августа с территории Кировского района перешла в наступление 10-я армия, которая за первые два дня прорвала вражескую

оборону на глубину до 10 км и стала быстро продвигаться к Спас-Деменску, окружая группировку противника с юга.

Большую помощь наземным войскам оказали летчики 1-й Воздушной армии. В течение первых суток наступления они произвели свыше 1200 самолето-вылетов, из них 200 — ночью. В составе 1-й Воздушной армии мужественно сражались с фашистами французские летчики-добровольцы из полка "Нормандия" (Три французских летчика — Ив Бизьен, Раймонд Дервиль и Андре Познански — были сбиты над Спас-Деменском еще в апрельских боях). Они ежедневно делали по пять-шесть вылетов, прикрывали наши штурмовики и вели бои с немецкими истребителями.

12 августа 1943 г. фашистское командование начало отвод войск из Спас-Деменского выступа. Немцев преследовали дивизии 49-й армии. За два дня они продвинулись вперед на 25 км и 13 августа вместе с левофланговыми соединениями 33-й армии освободили Спас-Деменск. Первой туда вошла 146-я стрелковая дивизия гвардии полковника Н.П. Балояна. В боях за Спас-Деменск советские войска уничтожили свыше двух тысяч гитлеровцев, взяли в плен 130 человек, подбили 11 танков, захватили 16 орудий, 65 пулеметов, 22 миномета, три радиостанции.

Наступавшие в это время на правом фланге ударной группировки Западного фронта войска 10-й гвардейской и 33-й армий продвинулись в глубину вражеской обороны на 12 — 16 км и заняли рубеж деревень Мазово — Теренино — Потапово — Пятницкое, перерезав железную дорогу Спас-Деменск — Ельня. Соединения 10-й армии, действовавшие со стороны г. Кирова, подошли к населенному пункту Тягаево, расположенному на большаке г. Киров — г. Спас-Деменск, и вступили в затяжные бои с противником, отошедшим на заранее подготовленный оборонительный рубеж. Войска 49-й и 10-й армий вышли на рубеж деревень Церковщина — Земницы — Гурики — Малые Савки и столкнулись с упорным сопротивлением врага. Гитлеровское командование перебросило сюда с Орловско-Брянского направления четыре пехотные дивизии, которые 20 августа 1943 г. остановили наступавшие войска Западного фронта.

Выход Красной Армии в район Спас-Деменска имел важное оперативное значение. Вражеский выступ, обращенный на восток и нависавший над войсками Брянского фронта, был ликвидирован. В ходе Спас-Деменской операции армии Западного фронта продвинулись на 30 — 40 км и освободили свыше 500 населенных пунктов Спас-Деменского, Брятинского и Кировского районов, они ско-

вали 11 дивизий противника, что способствовало успешному завершению Орловской операции 1943 г. [3].

Ельнинская операция

Ельнинская операция Западного фронта явилась естественным продолжением Спас-Деменской операции.

28 августа 1943 г. Западный фронт возобновил наступление в районе Спас-Деменска. После тщательной подготовки войска 10-й гвардейской армии (командарм — генерал-лейтенант К. П. Трубников), 21-й армии (командарм — генерал-лейтенант Н.И. Крылов) и 33-й армии (командарм — генерал-лейтенант), 5-го механизированного, 6-го гвардейского кавалерийского и 2-го гвардейского танкового корпусов атаковали вражеские позиции северо-западнее Спас-Деменска на 25-километровом участке населенных пунктов Тетерино — Лядцо — Соколово — Починок. На вторые сутки они прорвали оборону противника на Ельнинском направлении и отбросили гитлеровцев к р. Угра, за пределы северо-западных границ Спас-Деменского района [4].

Рославльская операция

В конце августа 1943 г. 49-я (командующий — генерал-майор И.Т. Гришин) и 10-я армии (командующий — генерал-лейтенант В.С. Попов) развернули наступление с рубежа населенных пунктов Соболи, Любунь, Кисели, Сутоки, Старые Ближевичи, Турков Спас-Деменского района вдоль Варшавского шоссе на Рославльском направлении.

После трехдневных атак войска 49-й армии прорвали оборону противника на своем правом фланге, на участке деревень Оболювка — Иловец, постепенно расширяя прорыв к югу, выбили вражеские части с занимаемого ими рубежа и стали быстро продвигаться в юго-западном направлении, нависая над вражеской группировкой, которая оборонялась южнее Варшавского шоссе.

Опасаясь флангового удара со стороны 49-й армии, фашистское командование на рассвете 1 сентября 1943 г. начало отводить свои войска на тыловой оборонительный рубеж. После трехдневного преследования противника войска 10-й армии вышли правым флангом на р. Снопоть и закрепились на ее восточном берегу.

Тем временем, 2 — 3 сентября 1943 г. немцы отошли на промежуточный рубеж обороны, оборудованный по рекам Шуица и Снопоть для прикрытия Варшавского шоссе и железной дороги Киров — Рославль. Здесь гитлеровцы усилили сопротивление, рассчитывая задер-

жать дальнейшее продвижение советских войск и выиграть время для того, чтобы дать своим основным силам возможность отойти и организовать оборону по р. Десна.

Полторы недели сражались на этом рубеже соединения 49-й и 10-й армий, но продвинулись вперед совсем ненамного. Только к 12 сентября 1943 г. им удалось добиться перелома: противник не выдержал их натиска и начал отступать. Но и после этого бои носили чрезвычайно напряженный характер и сопровождались тяжелыми, кровопролитными схватками.

Именно здесь, в районе д. Рубеженки, 13 сентября совершили беспримерный подвиг 18 воинов-сибиряков 718-го стрелкового полка 139-й стрелковой дивизии. Ночью они захватили и удерживали сильно укрепленную противником стратегическую высоту 224,1. О подвиге сибиряков поется в известной песне Михаила Матусовского и композитора Вениамина Баснера “На Безымянной высоте”.

Немцы не предполагали, что подобная акция могла быть под силу такому количеству советских солдат, и бросили против них одновременно несколько пехотных подразделений, в общей сложности около 300 человек. Стремясь удержать высоту до подхода своей роты, сибиряки сражались самоотверженно и уничтожили свыше 100 гитлеровцев. Но и сами почти все пали смертью героев. В живых осталось только двое

Долго сопротивляться советским войскам в междуречье Снопоти и Десны немецко-фашистские части не смогли. Вскоре правофланговые соединения 49-й армии, действовавшие севернее Варшавского шоссе, и левофланговые соединения 10-й армии, наступавшие вдоль железной дороги Киров — Рославль, достигли Десны и форсировали ее. Над противником нависла угроза окружения. Опасаясь быть отрезанными и видя безвыходность дальнейшего сопротивления, гитлеровцы оставляли свои позиции и, преследуемые соединениями 10-й армии, к исходу 17 сентября отошли за Десну и вышли за пределы Калужской области [5].

Брянская операция

Советское командование решило нанести удар по вражеским войскам, находящимся в районе г. Брянска, со стороны г. Кирова.

Основная задача по прорыву вражеской обороны в районе Кирова возлагалась на 50-ю армию, которая была переброшена сюда из-под городов Жиздра и Людиново. Её поддержку с воздуха осуществляла 15-я воздушная армия под командованием генерал-лейтенанта авиации Н. Ф. Науменко.

Утром 7 сентября 1943 г., после авиационной подготовки и корот-

кого, но сильного огневого налета полевой и реактивной артиллерии, соединения 50-й армии перешли в наступление на участке населенных пунктов Дубровка, Бутовка, Крайчики, что в 20 — 25 км западнее г. Кирова. Прорывали оборону противника две стрелковые дивизии при поддержке танкового и восьми гвардейских минометных полков. Массовое применение гвардейских минометов (“Катюш”) нанесло вражеским частям и подразделениям на участке прорыва огромный урон и совершенно деморализовало их личный состав.

Войска 50-й армии быстро продвигались вперед, расширяя прорыв по фронту и в глубину. В центре прорыва для развития успеха в бои ввели 2-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием генерал-майора В.В. Крюкова. Смелыми и энергичными действиями он окончательно дезорганизовал неприятельскую оборону и к исходу дня достиг железной дороги г. Киров — пос. Бетлица.

8 сентября 1943 г., несмотря на усиливавшееся сопротивление противника, 50-я армия отбросила его войска к населенным пунктам Милееву, Ветмицам, Бутчину и Зимницам, расширив прорыв на 20 км по фронту и на 25 км в глубину. В результате три дивизии противника, оборонявшиеся южнее г. Киров, оказались под угрозой окружения. Во второй половине дня они оставили свои позиции и стали поспешно отходить в южном направлении.

9 сентября 1943 г. 50-я армия успешно продвигалась вперед. 2-й гвардейский кавалерийский корпус устремился в юго-западном направлении к переправам через Десну и к вечеру оказался в 20 — 30 км юго-западнее пос. Бытошь, еще глубже охватив оборонительный рубеж противника на р. Болва. Из-за этого немецкое командование решило свернуть оборону в районе г. Людиново, но опоздало. Перешли в наступление прибывшие накануне на этот участок фронта соединения 3-й армии Брянского фронта под командованием генерал-лейтенанта А.В. Горбатова, которые в тот же день, 9 сентября 1943 г., вышли на западный берег Болвы. В ходе преследования противника части 17-й стрелковой дивизии 3-й армии под командованием генерал-майора И.Л. Рагули освободили г. Людиново.

Утром 9 сентября 1943 г. в районе пос. Бетлица противник сильно контратаковал правофланговые соединения 50-й армии и вступил в ожесточенный оборонительный бой. Как только контратака противника выдохлась, соединения армии развернули наступление вдоль железной дороги г. Киров — г. Рославль и к концу дня отбросили его за р. Снопоть.

Центральная ударная группировка 50-й армии, наступавшая в южном направлении, по правому и левому берегам р. Ветьма, в тече-

ние дня вела одновременно бои и с отходящими от городов Киров и Людиново частями и подразделениями противника, которые пытались пробиться через их боевые порядки к Десне. Особенно сильные бои шли в с. Немеричи, на рубеже населенных пунктов Вороненка — Дубровка и западнее Зимницких хуторов. Прорваться гитлеровцам не удалось. Оказавшись в мешке и не находя выхода, они рассеялись в лесном массиве между Болвой и Ветьмой.

Тем временем 2-й гвардейский кавалерийский корпус, развивая фланговый удар, продолжал выдвигаться в междуречье Десны и Ветьмы еще дальше к югу, отрезая пути отхода противнику на запад. Его прорыв в глубокий тыл вражеской обороны резко изменил обстановку севернее и северо-западнее г. Брянска. Это и определило характер последующих боевых действий в этом районе.

Во избежание окружения и полного разгрома своих войск гитлеровское командование вынуждено было начать с утра 11 сентября их отвод с рубежа юго-западнее Жиздры. Противостоящие им соединения 11-й советской армии перешли в наступление. Неотступно преследуя врага, они в течение нескольких дней преодолели обширный лесисто-болотистый район южнее Дяткова, вышли к Десне и 17 сентября 1943 г. освободили г. Брянск.

Таким образом, в ходе Орловской, Брянской Рославльской, Спас-Деменской и Ельненской наступательных операций, проведенных Западным и Брянским фронтами в июле — сентябре 1943 г., фашистские оккупанты были окончательно изгнаны с территории Калужской края [6].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Писаренко И.С. Ульяновский район // Книга Памяти о павших в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945: Калужская область. Т. 5. Калуга, 1997. С. 506 — 509; Его же: Хвостовичский район. Там же. С. 681.
2. В годы суровых испытаний: Калужская область в Великой Отечественной войне. Тула, 1984. С. 121 — 122.
3. Калужский край: Документы и материалы. Кн. 4-я (1941 — 1977 годы). Тула, 1987. С. 37; Истомин В.И. Смоленская наступательная операция 1943 г. М., 1975; Когда бушуют грозы: Калужская область в Великой Отечественной войне. Тула, 1969. С. 251 — 254; Советская военная энциклопедия. М., 1979. Т. 7. С. 490 — 491; В годы суровых испытаний: Калужская область в Великой Отечественной войне. С. 122; Бауэр А.А. Киров — город-труженик, город-воин: Кировский район в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. Киров, 2000. С. 58.
4. Когда бушуют грозы: Калужская область в Великой Отечественной войне. С. 254; В годы суровых испытаний: Калужская область в Великой Отечественной войне. С. 126; Великая Отечественная война. 1941 — 1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 258 — 259.

5. Калужский край: Документы и материалы. Кн. 4-я. С. 37 — 38; Когда бушуют грозы: Калужская область в Великой Отечественной войне. С. 257 — 258; В годы суровых испытаний: Калужская область в Великой Отечественной войне. С. 126, 129; Книга памяти о павших в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945: Калужская область. Т. 5. Калуга. 1997, С. 272 — 273.

6. Великая Отечественная война. 1941 — 1945: Энциклопедия. С. 114 — 145; Когда бушуют грозы: Калужская область в Великой Отечественной войне. С. 255 — 257; В годы суровых испытаний: Калужская область в Великой Отечественной войне. С. 127 — 128; Книга памяти о павших в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945: Калужская область. Т. 5. С. 393 — 394; А.А. Бауэр. Киров — город-труженик, город-воин. С.59 —64.

АНТИФАШИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ В ОКУПИРОВАННОЙ КАЛУГЕ

И.С. Писаренко, к.и.н.,

*Калужский областной институт повышения квалификации
работников образования*

Архивные сведения об антифашистском подполье в оккупированной гитлеровцами Калуге крайне скупы и отрывочны. Это свидетельствует о том, что горком ВКП(б) его заблаговременно не организовал. Однако старожилы и бывшие армейские разведчики утверждают, что жители оккупированной Калуги боролись с немецко-фашистскими захватчиками, что в городе действовали, по меньшей мере, четыре подпольные группы сопротивления.

Центр одной из антифашистских групп находился в Паровозном переулке, д. № 6. Ее членами являлись Михаил Иванович Макаров, 1912 г. рождения. До оккупации Калуги немецко-фашистскими захватчиками работал столяром в механических мастерских Московско-Киевской железной дороги, был стахановцем, заведовал красным уголком. В 1939 г. был принят кандидатом в члены коммунистической партии. Георгий Иванович Макаров — брат Михаила Ивановича, 1917 года рождения, беспартийный, до войны — оружейный мастер в местном гарнизоне. С 1938 г. находился на действительной службе в Красной Армии, участвовал в финской кампании. Николай Владимирович Фадеев, 1904 г. рождения, беспартийный, до войны работал мастером-литейщиком на заводе транспортного машиностроения. Отец шестерых детей. Владимир Иванович Гамаюнов, 1923 г. рождения, член ВЛКСМ, до оккупации Калуги работал на Груздевском каменном карьере НКВД, а затем электромонтером линии связи на участке от ст. Пятовская до ст. Калуга. Комсомольская

организация карьера рекомендовала В. Гамаюнова связным в формируемом полотнянозаводском партизанском отряде. В случае захвата Калуги немцами В. Гамаюнов должен был устроиться в городе на работу электромонтером. Для облегчения трудоустройства при новой власти В. Гамаюнову выдали справку о том, что он отбывал срок наказания по ст. 58 УК на Груздевском карьере НКВД.

В доме № 6 по Паровозному переулку, на квартире у В. Гамаюнова, подпольщики собрали по частям радиоприемник, который спрятали в погребе соседнего нежилого дома, куда Владимир подвел подземный электрический провод. Вечером 6 ноября 1941 г. Владимир, его брат Николай и сосед Миша Волнотепов поймали волну Москвы и прослушали трансляцию торжественного заседания, посвященного XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. 7 ноября на заборах и стенах домов Калуги появились листовки об этом событии. Затем подпольщики регулярно записывали сводки Советского Информационного Бюро и раздавали их тексты своим знакомым [1]. О деятельности группы знал армейский разведчик Газиз Абишев, который незадолго до оккупации Калуги немцами заходил в дом, якобы разыскивая уехавших в эвакуацию родственников, а затем неоднократно останавливался на квартире Софоновых.

Подпольщики готовились к вооруженной борьбе против гитлеровцев. Вместе с братьями Макаровыми и Михаилом Волнотеповым Владимир Гамаюнов достали ручной пулемет, несколько винтовок и пистолетов, гранат и большое количество патронов. Первым и, к сожалению, последним боевым действием подпольщиков явилась ликвидация ими в ночь с 20 на 21 ноября гестаповца, лейтенанта Курта, который устроил явочную квартиру для своих осведомителей в доме № 6 по Паровозному переулку. Труп немецкого офицера нашли во рву недалеко от городской бойни. 22 ноября полиция устроила повальный обыск среди жильцов дома № 6. У Миши Волнотепова и братьев Макаровых немецкие автоматчики нашли пистолеты. Арестованных патриотов отправили в гестапо. На допросах их жестоко избивали, но подпольщики держались стойко. Вечером 24 ноября подпольщиков вывезли на берег р. Киевка и там расстреляли [2].

Вот как клеветнически описала 13 декабря 1941 г. газета немецких оккупантов и коллаборационистов Калуги “Новый путь” патристическую деятельность и казнь юных патриотов: “Шайка грабителей долгое время орудовала в районе улицы Старая Ветка. Участники шайки совершили ряд дерзких ограблений квартир, также запугивали и терроризировали жителей. В одной из квартир был организован

притон, где велась крупная картежная игра. При отступлении красных шайка раздобыла оружие и пыталась пустить его в ход, но была ликвидирована полицией. Грабители пойманы и расстреляны” [3].

Многих членов гамаюновской подпольной группы знал бывший армейский разведчик Газиз Абишев (они звали его Геннадий), который после войны проживал в Алма-Ате. Вот что он написал в своих воспоминаниях: “О трагических событиях, происходивших в середине ноября 1941 г. в Калуге в переулке за стадионом, я буду помнить всю жизнь. Дело в том, что и меня самого могла постичь такая же участь, если бы во время немецкой облавы я находился в этом доме. Но у меня в этот день как раз должна была состояться встреча с моим связным в двухэтажном доме по улице, круто спускающейся к Оке. Помню лишь, что хозяин квартиры подшивал валенки.

Только собрался идти и вышел на улицу, ребята сказали: “Недавно были фашисты с собакой-ищейкой, ходили около нашего дома”. Быстро сказал хозяину, что иду в деревню менять соль на картошку, а сам решил переночевать в другом месте.

В сложных условиях я оказался в первые три недели своего пребывания во временно оккупированной Калуге. Мой радист с рацией погиб во время бомбежки. Поэтому о положении в стране и на фронте, о военном параде на Красной площади я узнал лишь от хозяина квартиры Софронова. Эту новость с нескрываемой радостью передавали тогда друг другу многие жители переулка и ближайших улиц.

Я, как и все, был несказанно рад таким новостям, гордился смельчаками-подпольщиками. У меня в то время было большое желание поближе познакомиться с ними, использовать их в своей работе. Но по законам агентурной работы это делать было нельзя. Мой новый связной прибыл в Калугу только в конце ноября. Он дал мне запасную явку в третьем доме от стадиона по улице Старая Ветка. Но я уже знал, что она была провалена, а ребята расстреляны” [4].

Вторая подпольная группа объединялась вокруг комсомольца Владимира Смирнова, по прозвищу Бецман, жившего на улице Свердлова. Ее члены собирали сведения для армейских разведчиков, переправлявшихся через Оку по льду. Третья и четвертая группы действовали в центре Калуги.

4 ноября 1941 г. в Калуге на столбах и заборах были расклеены листовки, сообщавшие о том, что Москва держится, и призывавшие к сопротивлению гитлеровцами [5]. На улице Герцена, недалеко от здания бывшего строительного техникума, был сожжен бензовоз. Вместе с ним сгорело еще несколько грузовиков. Кто-то ночью изрезал в ключья большой портрет Гитлера, установленный на Верхнем базаре

(там, где сейчас находится Театральная площадь). На улице Тульской в районе 35-го завода были обнаружены трупы двух немецких офицеров с приколотыми к ним надписями: “Спешу в Москву” [6].

В ночь на 7 ноября 1941 г. калужские патриоты вывесили на колокольне Васильевской церкви (ул. Герцена) красный флаг и вырубili на улице Кирова почти 20-метровый кусок толстого, скрепленного алюминиевыми пластинами кабеля [7]. Поздно вечером 6 ноября патриоты перерезали телефонные провода на ул. Дзержинского, где в здании бывшей тюрьмы НКВД размещался немецкий штаб [8].

8 ноября 1941 г. немецкий военный комендант в своем объявлении писал: “В ночь с 6-го на 7 ноября провода германского телефона в г. Калуге были в нескольких местах перерезаны и, кроме того, были организованы поджоги. Это вредительство было сделано гражданами Калуги” [9]. В отмщение за это гитлеровцы публично расстреляли на базарной площади двадцать калужан-заложников и развесили объявления о том, что такая же участь ждет всех непокорных. В числе расстрелянных — коммунисты: П.А. Цепелев — грузчик спичечной фабрики “Гигант”, И.Г. Буханов — столяр пивоваренного завода, А.И. Лапенин — портной швейной фабрики имени Димитрова, В.С. Манзюк — работник телеграфа, П.М. Мешков — директор водоканала, М.Е. Черкасов — фуражник швейной фабрики имени Димитрова, А.И. Чуриков — начальник взвода дегазации в Калужском совете ОСОАВИАХИМа и В.И. Наумов — кладовщик материального склада управления Московско-Киевской железной дороги. Кроме них, в этом списке Ф.А. Кобозев — парикмахер, Н.В. Кашин — милиционер, В.М. Куликов — работник городской больницы, С.Г. Гаврилин — рабочий пивоваренного завода и др. [10].

В 17 часов 9 ноября на Советской улице около висячих железнодорожных мостов патриоты взорвали столовую для немецких солдат. Помещение сгорело дотла, в огне погибло много оккупантов [11].

Активно боролся с оккупантами рабочий машиностроительного завода Владимир Алексеевич Левочкин, имевший связь с партизанами. В возглавляемую им патриотическую группу входило несколько комсомольцев, в том числе и сын Василий, который учился в школе № 11 на ул. Луначарского. Буквально на глазах у входивших в Калугу гитлеровцев Левочкины сожгли оставленный не уничтоженным красноармейцами склад фуража. Предатели донесли в гестапо, кто совершил эту диверсию. Левочкиных арестовали, а затем после допросов и истязаний 20 декабря 1941 г. повесили на телеграфных столбах в Гостиных рядах [12].

29 декабря 1941 г. в месть за убийство немецкого солдата гитле-

ровцы казнили ученика-штукатура “Тэжэстроя” Александра Зайцева, проживавшего по улице Калинина, д. № 17 [13].

Во время гитлеровской оккупации Калуги в ее окрестностях действовала рейдирующая партизанская группа под командованием Корнеева. В ночь на 7 ноября бойцы этой группы проникли в Калугу, напали на штаб немецкой воинской части, убили несколько солдат и офицеров, создали панику среди оккупантов и без потерь ушли с места диверсии [14]. На территории Калужского и Детчинского районов действовали партизанские группы В.И. Ерошкина и Кузьмина. В ночь на 26 декабря 1941 г., когда велись уличные бои за Калугу, бойцы группы проникли в город, в тыл к немцам, и уничтожили минометную батарею со всей прислугой, причем было убито несколько автоматчиков, задерживавших продвижение советских войск [15].

В течение ноября — декабря 1941 г. немцы расстреляли несколько калужских подпольщиков. Фашисты казнили коммунистов А.Г. Мостового, Н.И. Петрова, А.Н. Лопатина, М.В. Куприянова, В.А. Левочкина, Г.Е. Воробьева и других патриотов.

От рук оккупантов погибли около тысячи калужан, заподозренных гитлеровцами в антифашистских настроениях и действиях. Но изодранные зверства оккупантов не вызвали покорности и чувства страха у советских патриотов. Калужане оказывали оккупантам ожесточенное сопротивление [16].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Книга памяти о павших в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945: Калужская область. Т. 1. Калуга, 1993. С. 29.
2. Государственный архив Калужской области (ГАКО), ф. Р-1122, оп. 2, д. 7, л. 18.
3. Новый путь, 1941. 13 дек.
4. Цит. по: Сальников Н. Непокоренные // Знамя, 1978. 9 янв.
5. Книга памяти о павших в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945: Калужская область. Т. 1. Калуга, 1993. С. 29.
6. Там же.
7. В годы суровых испытаний: Калужская область в Великой Отечественной войне. Тула, 1984. С. 55; Книга памяти о павших в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945: Калужская область. Т. 1. С. 30.
8. ГАКО, ф. Р-1122, оп. 2, д. 21, л. 64-об.
9. Книга памяти о павших в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945: Калужская область. Т. 1. С. 29.
10. ГАКО, ф. Р-1122, оп. 2, д. 4, л. 1 — 2; Знамя. 1985. 24 янв.
11. ГАКО, ф. Р-1122, оп. 2, д. 1, л. 64-об.
12. Там же. Л. 5; Знамя. 1968. 4 янв.; Там же. 1971. 18 ноябр.
13. ГАКО, ф. Р-1122, оп. 2, д. 7, л. 17; Знамя. 1985. 24 янв.

14. Когда бушуют грозы: Калужская область в Великой Отечественной войне. Тула, 1969. С. 147.

15. Там же.

16. В годы суровых испытаний. С. 55; Глухов В., Сургаков А. Великий подвиг народа // Калужская область за сорок лет: Сборник статей. Калуга, 1957. С. 189.

МАССОВЫЙ УГОН ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ В ГЕРМАНИЮ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

И.Ю. Молодова,

*Государственный архив документов новейшей истории
Калужской области*

Прошло уже более полувека, как закончилась Великая Отечественная война. За истекший период времени эта тема не уходила из внимания отечественных и зарубежных историков, однако до сих пор многие страницы истории 2-й мировой войны остаются малоизученными. К числу их можно отнести проблему советских военнопленных и мирных граждан, угнанных фашистскими захватчиками за пределы страны. В советской историографии их трагедию, по понятным идеологическим причинам, старались не замечать. Для государства это были какие-то сомнительные миллионы подозрительных личностей, которых надлежало подвергнуть тщательной проверке и строгому учету.

Каждый репатриант должен был пройти специальную фильтрационную проверку. С этой целью была создана система проверочно-фильтрационных пунктов (ПФП) и сборно-пересыльных пунктов и лагерей (СПП). Известно, что вдоль границы СССР действовало 15 ПФП и 35 СПП. Проверка осуществлялась специальными проверочно-фильтрационными комиссиями, штаты которых комплектовались из сотрудников НКВД, контрразведки СМЕРШ и НКГБ. Материалы этих комиссий составляли так называемые фильтрационно-проверочные дела, которые заводились на каждого совершеннолетнего репатрианта. Подобные документы, сформированные в процессе проверок жителей области сотрудниками НКВД-НКГБ, входят в состав фонда “Фильтрационные и трофейные материалы на репатриированных и бывших военнопленных из числа советских граждан (г. Калуга, Калужская область)” Госархива документов новейшей истории Калужской области. Фильтрационные дела были переданы Управлением Федеральной службы безопасности РФ по

Калужской области в Государственный архив Калужской области в 1992 г. Всего было передано 16882 дела. Данные материалы являются на сегодняшний день основным историческим источником для изучения проблемы массового насильственного угона гражданского населения Калужской области на работы в Германию.

Как известно, территория нынешней Калужской области оказалась оккупированной немецко-фашистскими войсками во второй половине октября 1941 г. Отправка рабочей силы в рейх началась уже зимой-весной 1942 г. Категория угнанных в Германию была самой разновозрастной — от грудных младенцев до лиц преклонного возраста. Каковы же причины столь массового угона стариков, женщин, детей? Прежде всего, для обеспечения своей военной и экономической мощи, Германия остро нуждалась в притоке дешевой рабочей силы. Кроме того, гитлеровские захватчики рассчитывали таким образом ослабить сопротивление оккупированного населения и создать условия для своего закрепления на захваченных территориях и проведения основных мероприятий, направленных на установление нового режима. Так, например, за связь с партизанами было насильственно угнано население д. Тихоновка Людиновского района, д. Луковец Жиздринского района, а сами населенные пункты были сожжены².

Мобилизация рабочей силы в рейх осуществлялась в соответствии с программами, разработанными генеральным уполномоченным по трудоустройству Фрицем Заукелем. Было разработано 4 программы, по оценке П. Поляны, «четыре попытки «окончательного» решения вопроса с рабочей силой в Рейхе Но ни окончательного, ни хотя бы промежуточного решения вопроса рабочих рук не находилось: чем больше их поставлялось в рейх, тем больше их требовалось. Молох военной экономики фашизма был ненасытен»³. Первая программа реализовывалась с апреля 1942 г. до сентября 1942 г., вторая — с сентября 1942 г. до января 1943 г. Третья и четвертая программы рассчитывались каждая на год — на 1943 и 1944 гг. Большинство из

² Следует иметь в виду, что в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 июля 1944 г. Калужская область была образована из вошедших в ее состав 27 районов. Барятинский, Дзержинский, Думиничский, Износковский, Кировский, Козельский, Куйбышевский, Медынский, Мещовский, Мосальский, Спас-Деменский, Сухиничский и Юхновский р-ны до этого входили в состав Смоленской области; Жиздринский, Людиновский, Ульяновский, Хвостовичский — в состав Орловской области; Бабынинский, Детчинский, Дугнинский, Калужский, Перемышльский, Тарусский — в состав Тульской области; Боровский, Высокинский, Малоярославецкий, Угодско-Заводской районы в состав Московской области.

этапированных в Германию жителей области было угнано из родных мест в периоды осуществления первой и третьей программ Заукеля. При этом пик массового угона населения приходится на август 1943 г. Отступая, фашистские захватчики стремились вывезти с собой как можно больше мирных граждан. По данным ГАДНИКО, в течение периода оккупации области массовому угону подверглись жители Барятинского, Думиничского, Износковского, Кировского, Куйбышевского, Мосальского, Спас-Деменского, Жиздринского, Людиновского, Хвостовичского и Ульяновского районов. На сегодняшний день выявлено 340 населенных пунктов этих районов, из которых было вывезено фашистскими войсками все население. Однако реальное число этих сел и деревень было значительно больше.

В значительной мере насильственное этапирование мирных граждан на работы в Германию приобрело столь массовый характер из-за провала политики осуществления добровольной вербовки. Несмотря на обстановку дезинформации, усилия пропагандистов, демонстрацию фильмов о высоком уровне культурного и экономического развития Германии, ссылку на голод и отсутствие рабочих мест, люди, за редким исключением, отказывались покидать свои родные места.

Только оккупировав территорию, немецко-фашистские власти сразу же начали формирование так называемых отрядов чернорабочих — арбайтсамтов из числа трудоспособного населения. Их принуждали расчищать либо ремонтировать дороги, рыть окопы, строить другие оборонительные сооружения; женщин — помогать на кухнях, обстирывать немецких солдат, мужчин — ухаживать за лошадьми и т.п., словом, арбайтсамты, выполняли самые различные работы. Арбайтсамты трудились в пределах своего либо в близлежащих районах. Затем многие из них были угнаны в Германию.

В процесс насильственной мобилизации на работы в максимальной степени был вовлечен местный административно-карательный аппарат — помощники бургомистров, полицейские, старосты. Для организованной отправки восточных рабочих в Германию была создана сеть вербовочных комиссий (Anwerbkommissionen). В их обязанности входили и проверочно-фильтрационные функции («отсев» евреев, комиссаров и безнадежно слабых). Принудительность, насилие, жестокость составляли вполне будничную сторону их работы (нередко в подчинение им давались эсесовские «зондеркоманды»⁴). Приказным порядком, путем угроз, обмана, а порой и облавы осуществлялась «вербовка» на работу. Особый размах этот санкционированный террор принял в Жиздринском, Хвостовичском, Ульяновском, Людиновском и Спас-Деменском районах.

По имеющимся архивным данным, основная масса угнанных жителей области доставлялась в Германию эшелонами из города Брянска, Белоруссии, Эстонии, Литвы. В качестве наиболее часто встречающихся промежуточных лагерей можно выделить “Рославль” в Смоленской области, “Бежица” под г.Брянском, два лагеря в самом Брянске, лагерь в Шаблыкинском, Знаменском районах Орловской области и, помимо этого, эстонские лагеря “Пыйкюла”, “Балпорт”, литовский концентрационный лагерь “Алитус”. На территории Калужской области также располагались лагеря, где содержалось гражданское население. Часть граждан из этих лагерей была впоследствии угнана в Германию. Это лагерь в г. Юхнове, располагавшийся на территории маслозавода, в с. Полом Жиздринского района, лагерь на территории стеклозавода в п. Дудоровский Ульяновского района, в Спас-Деменске⁵. Промежуточные лагеря, как описывают их угнанные в Германию жители области, представляли собой огороженное колючей проволокой пространство, на котором либо вообще не было построек, либо были расположены специально построенные для этих целей бараки, иногда — заброшенные помещения, такие, как школа, церковь и т.п. По воспоминаниям, иногда в качестве промежуточного лагеря использовались еврейские гетто (после уничтожения еврейских семей). В промежуточных лагерях люди проходили сортировку, иногда дезинфекцию, там формировались новые партии будущих оstarбайтеров. Известны случаи, когда у детей здесь брали кровь для немецких солдат.

Путь в Германию был различен по времени, часто люди “оседали” в лагерях, на работах в Белоруссии и Прибалтике до 1944 г. Сгруппированные в колонны люди часто вынуждены были проходить десятки километров пешком. Порой отступающие немецкие части прикрывались мирными гражданами как живым щитом, распределяя их колоннами рядом со своими обозами, чтобы избежать бомбежек советских самолетов.

Питались чаще только тем, что взяли из дома и тем, что давали по пути местные жители. Многие не выдерживали и умирали, чему способствовали и периодические вспышки инфекционных заболеваний. За малейшую провинность, отказ от работы и попытку бежать — расстрел, тюрьма, отправка в концлагерь. К сожалению, нельзя подсчитать число погибших в пути и во время пребывания в Германии.

В Германии восточных рабочих, оstarбайтеров, ждали повсюду: локальным или вербовочным применением их принудительного труда в рейхе не назовешь. По архивным материалам отчетливо видно, что жители нашей области работали в самых разных районах Германии, но все же преимущественно на землях Тюрингии, Саксонии и Вос-

точной Пруссии. Так, в округе Зуль (Тюрингия), практически в каждом крупном населенном пункте трудились оstarбайтеры из Калужской области. Некоторых привозили в другие страны, покоренные рейхом, — Польшу, Чехословакию, Австрию, Данию, Норвегию, Францию и Италию. Гражданских рабочих поначалу отправляли в “дулаги” — распределительные лагеря на территории рейха. Здесь новоприбывших подвергали дополнительной проверке — политической, медицинской и профессиональной. Они проходили санобработку, регистрацию. Людей объединяли в рабочие команды и выдавали им удостоверения личности, трудовые книжки, присваивали индивидуальный номер. В лагерях оstarбайтеров не называли по имени, только по номерам. Им приходилось постоянно испытывать голод и нескончаемые унижения. За непокорность, отказ от работ оstarбайтеров подвергали телесным наказаниям.

Из “дулагов” люди попадали в самые различные места — к бауэрам и другим мелким собственникам, на фабрики и заводы, на шахты и торфоразработки, в рабочие батальоны. Людей продавали, как скот. По воспоминаниям, стоимость взрослого работника составляла 30 марок. В одном из фильтрационных дел подробно описано, как происходила передача оstarбайтеров хозяину и “оформление на работу”: “При передаче нас помещику никаких документов не оформляли за исключением того, что сам помещик, по фамилии Шельс, расписывался в присутствии нас за то, что получает 10 чел. рабочих. Нас всех по одиночке вызывали в отдельную комнату и записывали фамилию, имя, отчество, год рождения и откуда родом. Больше в этот момент с нами ничего не делали. Уже будучи на работе у помещика, нас, всех русских, которые работали у того помещика, вызывал в канцелярию помещика полицейский и производил отпечатывание пальцев на один документ. В этом документе были записаны фамилия, имя, отчество, год рождения, откуда родом и что этот документ служит только для прохода на работу, и, кроме того, в нем было указано, что, помимо работы, никуда ходить не имеем права. Каждого в этом документе заставляли расписаться, а того, кто не хотел делать этого, подвергали наказаниям или в лагерь, или штраф. И когда я не хотела расписываться, то меня предупредили, что крепко достанется, и я была вынуждена расписаться. Отпечатки пальцев и такая подпись в документах проходила ежегодно”⁶.

Уже из вышеизложенного видно, что правовое положение оstarбайтера в Германии было почти рабское. Оstarбайтеров надлежало изолировать и от немецкого населения, и от военнопленных, и от других иностранных рабочих. Привлекать к работам только рабочими

колоннами (спустя время допускалось их использование небольшими группами, а также поодиночке в сельском хозяйстве). Содержать следовало, по возможности, в лагерях, которые тщательно охранялись. Работавшие на мелких сельскохозяйственных собственников проживали непосредственно в хозяйстве и охранялись полицейскими. Покидать лагерь можно было исключительно по производственной надобности, лишь в качестве большой привелегии и поощрения разрешались увольнительные в пределах местного полицейского участка на выходной день (контрольное время — 21 час). Обязательным было ношение знака “ОСТ” и наличие при себе индивидуальной арбайт-карты. Необходимо отметить, что положение других категорий иностранных рабочих по сравнению с остарбайтерами было намного лучше. Существенной была разница в питании, условиях содержания, правовом положении. Несмотря на указотворчество различных инстанций, на попытки некоторого послабления жесткого режима содержания, все равно остарбайтер всецело зависел от воли и прихоти своего хозяина, который по своему усмотрению распоряжался им и наказывал его.

Каторжному труду сопутствовала жизнь впроголодь. Практически постоянно в воспоминаниях этих бывших узников говорится о недоедании. Рабочий день составлял 10 — 14 часов, хотя труд остарбайтера использовался в любое время суток. Причем дети-подростки и даже дети более младшего возраста трудились наравне со взрослыми. Немецкие источники отнюдь не противоречат имеющимся автобиографическим свидетельствам: “Физическое состояние русских отвратительное. Уже вторую ночную смену подряд от потери сил и голода травмы получили 33 человека. Пришлось прекратить работу за три часа до окончания 10 часовой смены. Имеющегося снабжения не достаточно. Кишечные заболевания, несомненно, являются следствием сверх всякой меры подаваемой колыраби. Работы, на которых используются русские, в основном, тяжелые. Нормы питания, далеко не дотягивающей до потребности, недостаточно для того, чтобы поддерживать или наращивать силы, нужные для производительного труда”⁷.

По воспоминаниям, наиболее тяжелое положение было у работавших на предприятиях тяжелой и химической промышленности. У этой категории остарбайтеров отмечено и больше попыток бегства.

По архивным материалам прослеживается разница транспортировки и условий пребывания в Германии между насильственно угнанными и добровольно выехавшими. Так, на дорогу последним давался паек, на перевалочных пунктах выдавали хлеб и горячую пищу, везли в отдельных вагонах. В Германии условия содержания добровольцев были лучше, да и сами виды работ, на которые они

направлялись, отличались также — помощники парикмахера, домработницы, официанты в ресторане, более легкие виды труда на заводах, фабриках. По имеющимся данным, месячный оклад работающего на заводе составлял 30 марок, кроме оклада “давали 300 г. в день хлеба и 2 раза горячую пищу”. Помимо этого, добровольцам разрешали вести переписку с родственниками.

Необходимо отметить, что число добровольно выехавших на работу в Германию, было незначительным. Да и те, кто на это пошел, в большинстве случаев спасались от голода.

По данным П. Поляна, в немецкое рабство было угнано около 11 тысяч жителей Калужской области⁸. В Книге памяти о павших в годы Великой Отечественной войны указывается, что из Калужской области в Германию было угнано свыше 21 тысячи человек⁹. Точное число вывезенных в Германию жителей области пока не установлено.

При приближении Советской Армии в ряде случаев остарбайтеров, равно как и узников концлагерей, стремились уничтожить. “Многим так и не суждено было почувствовать себя освобожденным. Те же, кто пережил эти радостные минуты, отвечают: “Нельзя без слез описать нашу радость, кто не пережил этого, тому понять трудно”, “плакали и кричали от радости”¹⁰. Союзники передавали освобожденных остарбайтеров в распоряжение наших войск, а те, в свою очередь, отправляли их в СССР через фильтрационные пункты. Юношей, достигших 18-летнего возраста, тут же мобилизовали в Советскую Армию. Многие из них оставались на демонтаж крупных немецких предприятий.

При возвращении на родину многих ждало пепелище вместо родной деревни и жизнь в подвалах или землянках вместо уничтоженного фашистами родного дома. Но самое главное, чего, наверное, никто из них не ожидал, — это подозрительное и даже односельчан. По воспоминаниям, после окончания войны людям часто давали ссуды, бесплатные меры зерновых, картофель и т.п. — для восстановления разрушенного войной хозяйства. На вернувшихся из Германии эти льготы не распространялись. Столкнувшись с подобным, многие стали скрывать свое прошлое, некоторые уезжали жить в другие места, подальше от тяжелых воспоминаний и ощущения своей “второсортности”.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Белорусские остарбайтеры. Репатриация (1944 — 1951): Документы и материалы. Книга 3: В 2 ч. Ч. 1. Минск, 1998, С. 8.

² Ф. 748, оп. 1, ф.д. 28657, 28130.

³ Полян П. Жертвы двух диктатур: оstarбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. М., 1996. С. 86.

⁴ Там же. С. 128.

⁵ Ф. 748, оп. 1, ф.д. 27064, 19890, 21827, 28051.

⁶ Ф. 748, оп. 1, ф.д. 2016.

⁷ Полян П. Жертвы двух диктатур: оstarбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. М., 1996. С. 139.

⁸ Там же. С. 368.

⁹ Книга Памяти о павших в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945, Калужская область. Калуга, 1996. Т.4. С. 524.

¹⁰ Ф. 748, оп. 1, ф.д. 5567.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Н.Г. Кузнецов,

Людиновский индустриально-педагогический техникум

По данным экспертов ООН, численность населения Земли стремительно растет. За последние 40 лет оно увеличилось вдвое, при этом 98% прироста приходится на развивающиеся страны [1].

Россия за период с 1995 по 2002 гг. потеряла более 4 млн. человек. Однако при детальном рассмотрении процесса снижения численности россиян выясняется, что при ежегодном отрицательном приросте в размере 0,5% существует положительный миграционный прирост (более 2,2 млн. человек). Можно утверждать, что население России ежегодно теряет около 1 млн. человек.

Основными мигрантами на территорию России являются бывшие граждане СССР, однако в последние годы приток мигрантов из стран СНГ по различным причинам снижается и в дальнейшем мигранты не будут оказывать ощутимого влияния на изменение численности населения России.

Остающееся значительным превышение уровня смертности над рождаемостью, по оценке ООН, приведет к тому, что если Россия не изменит демографической политики, то к 2059 г. численность населения уменьшится на 17%. Кроме процесса депопуляции населения, Россия интенсивно подвержена процессу старения населения, и в 2002 г. количество лиц старше 65 лет приблизится к 20%.

Калужская область, входящая в состав Центрального Федерального округа, является ярким примером глубины и остроты процессов депопуляции населения.

Огромный промышленный потенциал, сосредоточенный на терри-

тории области, позволял долгое время увеличивать активную занятость населения. Возникающие новые промышленные, строительные и сельскохозяйственные предприятия поддерживали достаточно высокие показатели рождаемости населения до начала 90-х годов XX столетия.

В последние 80 лет имелось несколько факторов, отрицательно воздействующих на численность населения Калужской области. Великая Отечественная война, помимо прямых потерь населения, способствовала оттоку коренного населения в восточную часть страны. В послевоенные годы организованное переселение жителей области через переселенческие отделы ежегодно способствовало уменьшению населения области от 1 до 3 тысяч в год.

Кроме того, определенная часть населения области приняла участие во всесоюзных ударных стройках в Восточной Сибири, Казахстане и на Дальнем Востоке, в строительстве промышленных объектов, железных дорог, освоении целинных и залежных земель. Так, в 1956 г. — 780, а в 1957 г. более 1500 представителей молодежи всех городов и районов Калужской области выехало на уборку урожая в Казахстан. Не следует направленных на освоение целины считать выбывшими безвозвратно с территории области, так как по окончании уборки они в таком же составе возвращались к постоянному месту жительства. Как считает видный демограф Л.Л. Рыбаковский, полученный опыт в процессе миграционного перемещения в дальнейшем имел высокую степень вероятности перехода в состояние потенциальной миграции [2].

В 1957 г. направлено 1450 комсомольцев на восстановление шахт Донбасса, на строительство трассы Абакан — Тайшет в 1958 г. — 700, в 1959 — 1000 человек. Ежегодно, начиная с 1956 г., 2 — 3 тысячи молодых людей Калужской области направлялись на строительство объектов энергетики (Красноярская ГЭС, Нововоронежская АЭС, Приморская ГРЭС и другие), черной и цветной металлургии (Верх-Исетский металлургический завод, Качканарский ГОК, Криворожский металлургический завод, Братский, Красноярский алюминиевые заводы и другие), химической, нефтеперерабатывающей, газовой, целлюлозно-бумажной, угольной промышленности, машиностроения, на строительство железных дорог, на производство строительных материалов, мемориальных комплексов — более 150 объектов [3].

Население Российской Федерации уже к 1959 г. достигло довоенного уровня, население Центрального экономического района смогло достичь уровня 1939 г. только к 1970 г., Калужская же область так и не достигла этого уровня и в 2002 г., население области составляло 90 % от довоенного (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Динамика изменения численности населения России,
Центрального Федерального округа и Калужской области**

Регионы	1939	1959	1070	1979	1989	1995	2000	2001	2002
Российская Федерация	1	1,08	1,2	1,28	1,36	1,37	1,35	1,34	1,33
Центральный федеральный округ	1	0,94	1,0	1,03	1,06	1,06	1,04	1,03	1,02
Калужская область	1	0,79	0,84	0,85	0,9	0,92	0,91	0,9	0,9

Одновременно произошло снижение удельного веса населения центральных областей в общей численности страны с 33% в 1939 г. до 25% в 2002 г. Проходивший процесс оттока сельского населения в городе отразился и на Калужской области. Так, если в 1926 г. сельское население составляло 89,6%, то в 2002 г. оно сократилось до 25,6%, к примеру, в Брянской области удельный вес сельского населения в 2002 г. составил 30,7%. С 50-х годов сельское население имело лучшие показатели естественного движения, и эти показатели значительно превышали показатели прироста городского населения, вплоть до конца 60-х гг. С миграцией сельского населения в города связан быстрый рост городского населения, так, с 1926 по 2002 гг. численность городского населения Калужской области увеличилась в 5,7 раза и составило 792 тысячи человек.

Переселяясь в города, сельские мигранты не только увеличивают численность населения в них, но и активно участвуют в воспроизводстве городского населения. Признаю, что в первые годы вселения в города у выходцев из сел показатели рождаемости выше, чем у коренных жителей. Расчеты показывают, что в совокупном естественном приросте городского населения доля сельских мигрантов в 1,5 раза больше, чем у коренных горожан, проживающих в городе более 40 лет, то есть у следующего поколения бывших сельских жителей.

Постоянный отток сельского населения в города — это процесс, характерный не в равной степени не только для разных районов страны, но и внутри области. Отток сельского населения имеет различную специфику. Размещение новых крупных промышленных предприятий ведет к резкому оттоку сельских жителей из близлежащих мест. На территории г. Людиново практически в одно и тоже время было начато строительство двух крупных заводов: машиностроительного и агрегатного. В результате близлежащие села лишились значительной части активного населения, оба завода начали

массовое строительство объектов социально-культурного назначения, в том числе и жилья. В конечном итоге в составе рабочей силы двух заводов выходцев из ближайших сел оказалось более 55%.

В таблице 2 показана динамика изменения численности населения Калужской области с 1979 по 2001 гг. Значительного снижения доли населения в трудоспособном возрасте не произошло, однако при сопоставлении абсолютных значений проявляется тенденция снижения численности сельского населения. Так, численность сельского населения Калужской области с 1979 по 2001 гг. снизилась в 1,4 раза.

Таблица 2

**Показатели изменения населения Калужской области по группам
трудоспособности и нетрудоспособного населения с 1979 по 2001 гг.**

Население	1979			1989			2001		
	все	город.	сельс.	все	город.	сельс.	все	город.	сельс.
мужчины 16-59	60,3	64,3	53,9	56,6	59,4	50,5	59,6	61,3	55,0
женщины 16-54									
мужчины 60 лет и более	18,3	14,0	25,3	21,2	17,8	28,6	22,9	21,8	26,1
женщины 55 лет и более									

На снижение численности населения оказывает одновременно несколько причин, и главными являются показатели уровня рождаемости, смертности и, безусловно, миграционный прирост. Косвенно на численность населения, его половозрастную структуру оказывает влияние численности заключенных браков и разводов, ибо увеличение браков ведет к увеличению рождаемости, а увеличение разводов может привести как к созданию новых семей, так и к образованию неполных семей, где рождаемость практически отсутствует. Следует отметить, что среди русскоязычного населения издревле считалось рождение женщиной ребенка вне брака поступком, осуждаемым всем обществом. Особенно это было недопустимо в сельской местности. Однако в последние годы произошли негативные изменения в психологии населения в результате чего в 2001 г. в Калужской области родилось 2298 детей у женщин, не состоящих в браке. Это составляет 27,3% от общего количества детей, рожденных в целом по области, 24,2% — в городской местности и 36,1% от общего числа рождений — в сельской местности. В некоторых районах области этот показатель еще выше и достигает 54,5% в Тарусском районе. И этот показатель растет из года в год, так, если в 1990 г. рождений вне брака было 15,3%, то в 2001 г. количество их увеличилось в 2,5 раза.

Это явление ново для демографии как науки, ибо последствия для состояния населения непредсказуемы. Воспитание ребенка в неполной семье ведет к созданию у него негативного отношения к семье, семейным отношениям и может привести не только к снижению количества заключенных браков этими детьми, к еще большему снижению рождаемости, но и повышению уровня преступности, так как воспитание в неполной семье в большинстве случаев приводит к непоправимым ошибкам.

За последние годы в России, кроме процесса депопуляции, происходит процесс снижения числа заключенных браков и резкое увеличение числа разводов.

Таблица 3

Общие коэффициенты рождаемости, смертности, брачности и разводимости по России, Центральному Федеральному округу и Калужской области с 1990 по 2001 г.

Годы	Родившиеся		Умершие		Браки		Разводы	
	На 1000 чел. населения	В % к 1990 г.	На 1000 чел. населения	В % к 1990 г.	На 1000 чел. населения	В % к 1990 г.	На 1000 чел. населения	В % к 1990 г.
Российская Федерация								
1990	13,4	100	11,2	100	8,9	100	3,8	100
1995	9,3	69	15,0	134	7,3	82	4,5	118
2000	8,7	65	15,4	137	6,2	70	4,3	113
2001	9,1	68	15,6	139	6,9	77	5,3	139
Центральный федеративный округ								
1990	11,2	100	13,1	100	8,6	100	4,0	100
1995	7,9	70	17,1	130	7,6	88	4,7	117
2000	7,7	69	17,5	134	6,6	77	4,6	115
2001	8,0	71	18,0	137	7,3	84	5,5	137
Калужская область								
1990	11,9	100	12,4	100	8,6	100	3,9	100
1995	7,9	66	16,4	132	6,8	79	5,0	128
2000	7,3	61	17,9	144	6,0	70	4,4	113
2001	7,9	66	18,1	146	6,8	79	5,9	151

Демографическая ситуация на территории России и всех областей, входящих в состав Центрального федерального округа с 26 апреля 1986 г., в результате аварии на Чернобыльской атомной электростанции, резко изменилась. В затронутых аварией районах увеличилась смертность, снизилась рождаемость и, как следствие, интенсивно происходит сокращение численности населения.

Калужская область, расположенная в самом центре России, переживает последствия Чернобыльской аварии, так как оказалась в числе наиболее подверженной влиянию радиации на экологию и здоровье населения.

В наиболее загрязненных районах Калужской области (18% от общей территории области) на начало 2002 г. в 352 населенных пунктах (14,2) проживало 95,7 тысяч человек (% населения области).

Влияние радиоактивного загрязнения проявляется опосредованно и осуществляется по нескольким каналам: через физиологические, психологические, поведенческие особенности и адаптационные способности человека на количественные и качественные изменения естественного и механического типов демографической структуры.

Современная демографическая ситуация в Калужской области, как и в целом в России, является кризисной. Она характеризуется депопуляцией, снижением качества воспроизводства населения, деформацией половозрастной структуры, ухудшением уровня здоровья населения, нестабильностью семейных отношений, активизацией, в основном стихийных миграций, социальной сверхполяризацией общества.

Один из индикаторов демографического кризиса — уменьшение численности населения Калужской области с 1996 г., относящейся к числу территорий с убывающим населением.

Численность населения области с 1 января 2000 г. по 1 января 2002 г. снизилась на 19,1 тыс. человек — это максимальный показатель за весь период депопуляции. Снижается количество жителей городов и сел всех районов. Типична данная ситуация и для загрязненных территорий. Проблема — ослабление, а в ряде местностей — исчерпание демографического потенциала. Демографы считают, что при таких темпах снижения численности населения, вслед за периодом депопуляции наступает период демографической деградации.

В целях выявления влияния Чернобыльской аварии на рождаемость, здоровье детей и матерей, нами в октябре 2002 г. было проведено социологическое обследование женщин, проживающих на территории Людиновского района. Опрошено 500 респондентов в возрасте до 40 лет на момент аварии.

Здоровье детей оценено матерями очень низко от 2 до 3,3 бала, по пятибалльной системе. Наиболее часто встречаемые заболевания у детей:

- частые простудные заболевания — 66%;
- головные боли — 57%;
- заболевания верхних дыхательных путей — 48%;
- боли желудка — 31%;
- боли суставов — 30%;
- жалобы на боли сердца — 28%;
- аллергия — 24%;
- увеличение щитовидной железы — 19%.

Отмечается быстрая утомляемость, постоянное желание спать, общая слабость.

Те же симптомы указаны в оценке своего здоровья опрошенными женщинами.

В среднем каждая женщина указала 3,9 причин беспокойства о здоровье детей и 4,3 причины беспокойства о своем здоровье. Обоснованность выявленных симптомов заболеваний подтверждается ростом смертности по этим причинам по району в последние годы.

В тот же период обследовано более 400 человек, участвующих в трудовой миграции — выезжающих на время на работу в г. Москву или ближайшее Подмосковье. Основная причина — отсутствие работы или малая заработная плата, т.е. экономические причины. Преобладающий возраст выезжающих — от 20 до 40 лет. Большинство трудовых мигрантов предполагает длительное время оставаться в Москве или Подмосковье, а при возможности остаться там на постоянное место жительства.

Сокращение численности населения Калужской области происходило и происходит под воздействием следующих факторов:

- большие потери мирного населения в период Великой Отечественной войны;
- организованное государством интенсивное переселение населения в репродуктивном возрасте (переселенческие отделы, организация массового направления молодежи на всесоюзные комсомольские ударные стройки);
- экономическая политика государства, направленная на интенсификацию миграционного поведения населения;
- экологическая обстановка;
- современная экономическая политика государства, при которой большинство предприятий в малых и средних городах практически прекратили свою деятельность, а сельскохозяйственные предприятия полностью пришли в упадок;
- трудности с получением качественного образования в малых и средних городах.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАКО, ф. 2264, оп. 22, д. 181.
2. ГАКО, ф. 2264, оп. 16, д. 168.
3. ГАКО, ф.Р-1365, оп. 1 к/с, д. 830, 255, 783, 253, 256, 833, 259, 835, 836.
4. Гуманитарные последствия аварии на Чернобыльской АЭС. Стратегия реабилитации. Отчет ПРООН и ЮНИСЕФ при поддержке УКГД ООН и ВОЗ. Нью-Йорк — Минск — Киев — Москва, 2002.
5. Рыбаковский Л.Л. Стадии миграционного процесса. М., 2001.

КАЛУЖСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*Г.И.Роянова,
Калужский государственный
объединенный краеведческий музей*

Постоянно в научной и массовой печати появляется все больше публикаций по истории возникновения, развития и будущего музейной сети страны. Это связано и с юбилеями, которые отмечают многие музеи России: 100-летие Русского музея С.-Петербурга, 120-летие Исторического музея, 80-летие Орловского краеведческого музея и т.д. Кроме того, как отмечено в сборнике НИИ культуры «На пути к музею XXI века», обращение к истории музеев определяется «пробуждением у многих мыслящих людей необходимости выйти за пределы привычного горизонта анализа действительности и обратиться к обстоятельной ревизии того «багажа», с которым предстоит отправиться в путешествие по стране следующего столетия»¹.

На региональной конференции «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья» уже не раз научные сотрудники музея обращались к теме истории Калужского губернского исторического музея (ныне КГОКМ), которому в 2002 г. исполнилось 105 лет². В предыдущем докладе к 100-летию музея было отмечено, что наиболее трудный период в деятельности музеев был связан с Великой Отечественной войной. За время оккупации Калуги (78 дней) фашистскими захватчиками Калужский музей потерял 10% экспонатов, было разрушено здание и уничтожены многие экспонаты дома-музея К.Э.Циолковского, Боровского, Малоярославецкого музеев.

К деятельности музеев в годы Великой Отечественной войны историки, музейные работники обращались в связи с разработкой тем о работе тыла, о роли политической и воспитательной работы в годы войны³.

Приказы НКП РФ, приказы по музею, материалы и акты о нанесении ущерба музею, планы и отчеты отделов музея, лекцион-

ные путевки и отчеты командировок, статьи периодической печати собраны в единый фонд ГАКО — р-2878. Они достаточно полно характеризуют деятельность Калужского краеведческого музея в годы Великой Отечественной войны.

Учитывая, что музеи в 40-х гг. относились к комиссариату просвещения, документы фонда ГАКО р-751 дают информацию о состоянии музея в январе 1942 г. и январе 1943 г. Сохранился уникальный документ деятельности музея «Книга записи предложений», в которой записаны отзывы на экскурсии, проведенные в 1942 — 45 гг. Документальные источники (акты), хранящиеся в фондах музея и научном архиве, — фонд А.В. Зиновьева, М.М. Днепровского — дополняют исследовательскую базу по истории музея. Особенный интерес для исследователей представляет подлинный рукописный отчет о состоянии музея в 1942 г., написанный зав. отделом истории Василием Ивановичем Извековым, непосредственным свидетелем оккупации Калуги фашистскими захватчиками и пребывания их в здании музея.

В 2000 г. вышла книга Евграфа Васильевича Кончина «Картины, опаленные войной», в которой глава «Хранить постоянно» проливает свет на военный период жизни музея. Е.В. Кончин по документальным источникам восстановил события 1941 — 42 гг. в усадьбе Золотаревых-Кологривовых⁴.

Анализ развития музейной сети в довоенные годы показывает неоднозначность в развитии музеев. Д.А. Равикович в работе «Формирование музейной сети (1917 — первая половина 60-х гг.)» (М., 1988) отмечает: «Музейная сеть к 1941 г. значительно расширилась. Были созданы крупнейшие музеи — Центральный музей В.И. Ленина и Центральный литературный музей в Москве, Центральный геологический музей в Ленинграде».

Во второй половине 30-х гг. (1936, 1939 гг.) были открыты дом-музей К.Э. Циолковского в Калуге и военно-исторический музей 1812 г. в Малоярославце. В то же время сокращается количество зданий, в которых располагались музеи Калуги: из трех зданий, ранее принадлежавших губернскому историческому музею, за ним было сохранено лишь одно. Западный флигель усадьбы Золотаревых-Кологривовых занял художественный музей. Начало 1941 г. сотрудники музея встретили работой в полурасменном режиме: «в целях лучшего обслуживания трудящихся и привлечения большого количества посетителей музей работал с 10 до 21 часа 30 мин. вечера»⁵. План посещаемости должен был составить 30,0 тыс. человек с количеством экскурсий не менее 500. Отмечая большое значение

музейной работы среди школьников, музей требовал от директоров школ и учителей четкой организации экскурсий по отделам, «учитывая, что материалы музея являются ценнейшими и часто незаменимыми наглядными пособиями по естествознанию, истории, Конституции СССР, а также частично географии и литературе»⁶. С 1941 г. на руководство музея были возложены очень сложные и несвойственные для музея задачи регистрации и охраны памятников истории и культуры г. Калуги. 1 июня 1941 г. в музее была открыта выставка фарфора, на которой были представлены предметы русского и западноевропейского производства из бывших дворянских имений.

Развитие музейного строительства было прервано 22 июня 1941 г. началом Великой Отечественной войны.

Дальнейшая деятельность музея была определена директивами СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. В августе администрация музея ощутила на себе начало перестройки мирной жизни и подчинение всех структур города нуждам военного времени. По акту от 19 августа 1941 г. городскому отделу финансов был передан 81 предмет из золота и серебра. Это были невосполнимые для музея потери: дощечка с адреса Деянова (серебро 2264), жетон золотой Булычева, цепь мирового судьи со знаком мирового судьи. Цепь покрыта эмалью, на ней герб уезда (золото, эмаль 1971), жетон в форме геральдического щита (серебро, 1972), жетон в память 50-летия Малютинского банка (золото, 1973), культовые предметы XVIII — XIX вв.

1 сентября 1941 г. горисполком принял решение о временном закрытии музея. «Все имущество и ценности, — говорилось в документе, — сложить для хранения в выделенных для этого комнатах и опечатать». 6 сентября приказом № 31 музей был закрыт для посетителей.

Еще в июле 1941 г. началась эвакуация музеев Наркомпроса РСФСР, она охватила многие области, в том числе Тульскую, Орловскую, Смоленскую, Московскую. Из 41 пункта полностью или частично были вывезены фонды 66 музеев⁷. Внезапность нападения и быстрота продвижения вражеских войск не дали, однако, возможности осуществить эвакуацию музейных фондов в полном объеме: музейная сеть РСФСР, особенно в районах, подвергшихся временной оккупации, сильно пострадала. Из 121 музея только системы Наркомпроса, находившейся на оккупированной территории, 114 музеев подверглись полному или частичному разрушению и разграблению⁸.

Важной задачей было сохранение экспонатов музеев в условиях надвигающейся оккупации города, но экспонаты калужских музеев эвакуированы не были. Некоторым сотрудникам пришлось пережить весь ужас оккупации и быть свидетелями разорения музеев г. Калуги и области.

За время оккупации Калуги с 12 октября по 30 декабря 1941 г. в здании музея располагались штаб германской армии, а затем комендатура. По распоряжению германского правительства все музейные ценности России объявлялись конфискованными в счет покрытия убытков Германии по Версальскому договору. Менее ценные предметы могли быть проданы германским офицерам. Этому существует подтверждение — «Договор коменданта г. Калуги и городского Головы о продаже экспонатов художественного музея 25 ноября 1941»⁹.

Городской Голова Н.С. Щербачев, стесненный финансовыми обстоятельствами, заключает договор о продаже из инвентаря художественного музея картин и других предметов, не имеющих особого музейного значения и поэтому не конфискованных германским командованием. Хранителю краеведческого музея Василию Ивановичу Извекову в другом документе предписывалось «в связи с начавшимся восстановлением храмов беспрепятственно выдать церковным общинам все изъятые из церквей за годы советской власти вещи»¹⁰.

К сожалению, позже в отчетах В.И. Извекова не будет сказано ничего о передаче из музея предметов в церкви.

С января по 18 июля 1942 г. деятельность музея военного времени была определена восстановлением и ремонтом в залах музея, составлением актов нанесенного музею ущерба (1.01.1942, 31.03.1942, 13.05.1942, июль 1942, 12.08.1942, 5.07.1943 г.). Среди утраченных экспонатов — предметы культа, кафли XVII — XVIII вв., оружие XVI — XIX вв., рукописи, два знамени и многое другое, чем дорожил и гордился музей, что так бережно собирали калужане еще в XIX в.

1 — 2 января 1942 г. были составлены два акта (один на утраты краеведческого музея, другой — художественного).

Акт от 1 января 1942 г. гласил: «Извеков В.И., Всесвятский А.В., Щереметьева М.Е., Антипов И.С., Маслов Н.М. составили настоящий акт в том, что сего числа 1.1. 1942 г. приступили к работе по приведению в порядок помещения и имущества музеев после германской оккупации и нашли: «за время оккупации г. Калуги германской армией с 12.10.1941 по 30.12.1941 г. в здании музея располагались штабы германской армии, а затем германская комендатура. Помещение музея и комендатура найдены нами непосредственно после ухода немцев в

следующем состоянии: наружные двери и некоторые окна открыты, помещение повсюду засорено всякого рода мусором, грязной бумагой, пустыми бутылками, банками из-под консервов и пр. Стекла в окнах частично выбиты, запоры, замки большей частью сломаны, ключи утеряны. Музейные экспонаты находятся в беспорядочном состоянии, частью при уходе немцев вынуты ими из ящиков и витрин и разбросаны по полу, много вещей попорчено, разорвано, частью расхищено (часть картин, оружия, фарфора, нумизматики и пр.).

Особенно пострадали от перебросок библиотеки музеев.

Подробный акт о состоянии здания будет представлен дополнительно. Однако нужно отметить, что большая и основная часть музейной экспонатуры уцелела, и на этой основе может быть в дальнейшем развернута серьезная научная и широкая культурно-просветительная работа с населением г. Калуги и района.

Научные работники музеев В.Извеков, М.Щереметьева, А.Всесвятский, Н.Маслов. Технический сотрудник Пушкарев. На деле подпись: «Хранить постоянно»^{11,12}.

Существенным дополнением к акту является документ, составленный В.И.Извековым, видимо, в 1942 г. Василий Иванович Извеков в подготовленном им отчете отметил: «Разрушений немецкими оккупантами в наружном виде здания, так же и во внутренней отделке не произведено. Но выбиты во время артиллерийской стрельбы стекла и очень засорено помещение нижнего этажа. Требуется основательная чистка и побелка помещения. Разрушена внутренняя проводка водопровода.

При музее обширная библиотека, заключающая в себе много ценного и антикварного материала и до 100 рукописей, древнейшая из которых датируется XV в. Музей в основных и наиболее ценных частях уцелел. Кое-что (10 — 15 %) расхищено и попорчено немецкими оккупантами. Немецкими оккупантами были расхищены несколько экземпляров оружия покрасивее и понаряднее, некоторая часть нумизматики (преимущественно бронзовые медали), бытовой материал, главным образом, мелкие вещи, несколько предметов фарфора. Но более ценный фарфор был тщательно укрыт. Из стекла много рюмок и стаканов (также очень поредела имевшаяся в музее коллекция немецких пивных кружек). В отделе природы главным образом пострадали моллюски. Также выкрадены микроскопы и другая научная аппаратура.

Персональный состав музея до занятия города оккупантами состоял из 17 человек. В настоящее время работают 8 человек. Четверо из сотрудников призваны на военную службу. Оставшиеся в городе

сотрудники музея Извеков и Шереметьева приняли на себя заботу о музее и охрану музейных ценностей, в чем сумели добиться успеха. Физически пострадавших среди работников музея не было».

На всем протяжении Великой Отечественной войны администрация музея занималась вопросами сохранности экспонатов. Директор музея А.В. Зиновьев обращался в горисполком с письмом следующего содержания: «По линии управления по делам искусств есть указания Калужскому художественному музею вывезти наиболее ценное из Калуги в Тулу. Учитывая, что наш музей находится в прифронтовой полосе, а среди его экспонатов есть много ценных вещей, не будет ли в этом каких указаний и нам». 14 марта А.В. Зиновьев подписал письмо в музейно-краеведческий отдел НКП о состоянии дел в музее: «Наиболее ценные, уникальные экспонаты удалось сохранить». Несколько месяцев музей был занят под военные нужды. Но, несмотря на это, работы по восстановлению жизнедеятельности музея продолжались. Решались вопросы ремонта водопровода, вывозки с территории музея снарядов, возможности использования подвала под бомбоубежище. В музее в это время работали: В.И. Извеков, зав. отделом истории, 68 лет; М.Е. Шереметева, научный сотрудник, 52 года; А.М. Давыдова, научный сотрудник отдела природы, 52 года; Антонов, сторож, 54 года; А.С. Антонова, уборщица-смотритель, 53 года. Вся ответственность за хранение ценностей краеведческого музея в период оккупации легла на плечи В.И. Извекова и М.Е. Шереметевой. Приказом № 420 Тульского областного отдела народного образования от 23 августа 1942 г. они неоправданно обвинялись в «непринятии необходимых мер по эвакуации музейных ценностей при наступлении немецко-фашистских войск на г. Калугу, в результате чего ряд ценнейших экспонатов разграблен немецкими фашистами и расхищен»¹³. С 16 декабря 1942 г. М.Е. Шереметева была уволена из музея и восстановлена только 5 сентября 1944 г. Она проработала в музее до 15 мая 1945 г., ее стаж работы составил 23 года, она оставила нам в наследство большое количество изданных материалов по этнографии Калужской области. В.И. Извеков, передав дела 16 февраля 1942 г. вернувшись из эвакуации А.В. Зиновьеву, проработал в музее ровно 1 год — в феврале 1943 г. он умер.

С первых месяцев 1942 г. научные сотрудники приступили к сбору экспонатов для раздела «Великая Отечественная война». В мае — июне 1942 г. А.В. Зиновьев выезжал на места бывших боев для сбора экспонатов. Шефство над музеем взяли Политехнический

и Исторический музеи, которые помогли составить план нового экспозиционного раздела.

С 18 июля по 18 августа 1942 г. через Калужский музей прошли свыше 3,0 тысяч посетителей. Возможно, что данная цифра завышена, но открытие музея было значительным событием прифронтового города: «Посещение музея много дает учащимся. Особым интересом у них пользуется материал, посвященный Великой Отечественной войне», — такова запись 29 июля 1942 г. в «Книге предложений» музея.

Сложность и особенность работы в данный период заключалась еще и в том, что параллельно восстанавливались три музея. 20 марта 1942 г. решением горисполкома директор краеведческого музея А.В. Зиновьев по совместительству был назначен директором музея К.Э. Циолковского. Срок, к которому предстояло открыть музей, имеющий союзное значение как мемориальный, был назначен на 1 апреля. Большую помощь в восстановлении мемориальной экспозиции оказали Варвара Евграфовна Циолковская, дочери ученого — Мария Константиновна и Любовь Константиновна.

Следующий этап в деятельности музея наступил после непосредственного открытия экспозиции, с 18 июля 1942 г. Большое внимание уделялось сохранности экспонатов. По отчету музея более ценные экспонаты были законсервированы с расчетом на длительное хранение. Количество экспонатов насчитывало 7166 предметов, из них в экспозиции было представлено 1600.

Во второй половине 1942 г. в докладной записке директор музея свидетельствовал, что «ликвидирован хаос в фондовых помещениях, приведена в порядок библиотека. В залах музея развернута экспозиция главным образом на темы, показывающие борьбу русского народа с захватчиками. В одном из больших залов оборудована выставка «Великая Отечественная война советского народа»¹⁴.

В сентябре 1943 г. был составлен акт, в котором было отмечено наличие ряда экспонатов, исключенных ранее по инвентаризации 1942 г. Видимо, неслучайна была фраза в акте от января 1942 г., что потребуются продолжительное время для полной разборки и инвентаризации. Следуя акту от 27.09.43 г., были найдены монеты: полтинник 1819 г., гривенник 1704 г., монеты 1736 г. и второй половины XIX в., подсвечники бронзовые в форме колонн, кубышка из калужского клада, кремневый пистолет, табакерка из тыквы фигурной, 2 знамени (158-го пехотного Кутаисского пехотного полка и 160-го пехотного Абхазского полка), ряд икон, которые до сих пор хранятся в фондах музея.

В 1943 г. была проведена 151 экскурсия. Большинство из экскур-

сий носили военно-патриотическое направление: «Татаро-монгольское иго», «Александр Невский и борьба с немецкими псами-рыцарями», «Петр I и Северная война», «Русские боевые знамена», «Великая Отечественная война советского народа», «Калуга в период оккупации». Музей расширяет сферу деятельности по всем направлениям музейной работы. В штате музея уже работали 16 человек, из них 9 научных сотрудников. При музее действовал музейно-краеведческий совет, который обсуждал вопросы построения новых выставок. Музей работал под непосредственным руководством ГК ВКП (б)¹⁵.

Под экспозицию были заняты 2 этажа площадью 318 м², третий этаж (антресоль) был занят фондами и библиотекой и составил 85 м². Нижний этаж — 300 м² — временно был занят школой. В этой школе учился Ст. Куняев (ныне почетный гражданин Калужской области), который в стихотворной форме изложил свои воспоминания о войне, школе и музее:

Мы учились в музее
С холодными залами.
Барельефы глазели
Пустыми глазами¹⁶.

Архивные документы раскрывают большую работу музея среди воинов Красной Армии. Многие из них, посетив музей в 1943 г., оставили память о себе в «Книге предложений». «Музей и выставку посетило 20 человек бойцов и командиров, — писал 10 января 1943 г. ст. лейтенант Манахов, — впечатление осталось хорошее». Группа командиров, посетившая музей 6 апреля 1943 г., сделала следующую запись: «Особенно интересна борьба русского народа против захватчиков. Несмотря на оккупацию, музей имеет хороший вид и имеет большие ценности».

Воинов, находящихся в госпиталях, посещали музейные работники. Лекционные путевки дают точную картину размещения госпиталей в г. Калуге. Так, в феврале 1944 г. Никольская выступила в госпитале № 3009, который размещался по ул. Дзержинского, в школе № 5, она же прочитала лекцию «Историческое прошлое Калуги» в госпитале по ул. Луначарского, 16; в госпитале № 4867 по Ленинскому пер., в школе № 9. Одно из производственных совещаний музея было посвящено теме «Культурно-массовая работа в госпиталях». Музейные работники взяли шефство над госпиталем по ул. Каракозова. Вне музея было прочитано в 1944 г. 57 лекций. Достоянием сегодняшней экспозиции музея по Великой Отечественной войне стала благодарность музею от эва-

когоспиталю: «В день победоносного окончания войны с гитлеровской Германией и расформирования эвакогоспиталю № 1402 командование от имени раненых бойцов, сержантов и офицеров выражает благодарность за проделанную музеем большую шефскую работу. Ваша материальная помощь и культурно-шефские мероприятия имели большое значение в деле быстрейшего излечения, укрепления воинской дисциплины и поднятия культурного уровня раненых».

1944 г. внес значительные поправки в планы музея. Сотрудники планировали составление полной историко-археологической карты Калуги и района, исследование истории народного творчества Калужского края, паспортизирование памятников. Изменения в плане работы были связаны с образованием Калужской области 5 июля 1944 г. Музей приобрел статус областного, не только территориально расширилась сфера деятельности музея, но возросла роль музея как научно-информационного центра. Материалами музея пользовались облсполком, обком ВКП (б), облместпром, горплан, управление по делам архитектуры, обком ВЛКСМ. Музейные документы позволяли восстановить город после разрушений: «В связи с отсутствием планировочных материалов по городу Горкоммунотдел просит выдать хранящиеся у вас материалы»¹⁷.

В связи с образованием Калужской области возникла необходимость составления обзора залегающих полезных ископаемых по району области. Бабынинскому райисполкому необходимы были имеющиеся в музее материалы о природных богатствах Бабынинского района, его полезных ископаемых и другие сведения. Материал требовался для составления экономического обзора района и народно-хозяйственного плана¹⁸. Проектно-сметное бюро горжилуправления просило музей оказать содействие сотруднице М.М. Гуровой, составляющей техдокументацию по восстановлению здания сгоревшей почты¹⁹.

В план работы 1944 г. были включены темы по составлению картотеки полезных ископаемых области, сбору материалов и научно-исследовательской работе для составления на их основе подробной карты полезных ископаемых с характеристикой месторождений и промышленного их использования; изучение флоры области и составлению списка лекарственных, пищевых, технических и других растений с характеристикой их распространения и способов использования; характеристика промысловой фауны и изменений в связи с событиями Великой Отечествен-

ной войны; описание народно-художественных промыслов Калужской области.

В 1944 г. был вновь открыт отдел природы, оборудована школьная комната, восстановлена экспозиция по темам «Первобытно-общинный строй и период феодализма», организован ряд выставок: «Участники освобождения г. Калуги», «Народные художественные промыслы Калужского края».

В 1944 г. музей посетили 33, 0 тыс. человек, было проведено 350 экскурсий.

Победный 1945 г. музей встретил в трехэтажном здании, построенном купцом П.М. Золотаревым, следующим составом сотрудников:

Александр Васильевич Зиновьев, директор, 10,5 лет стажа;

Павел Константинович Беляев, заместитель директора, 10,5 лет стажа;

Вера Васильевна Фурьева (Казакевич), зав. фондами, 2 года стажа;

Александра Ивановна Никольская, зав. историческим отделом, 2 года стажа;

Андрей Владимирович Всесвятский, зав. отделом природы, 6 лет стажа;

Николай Михайлович Маслов, научный сотрудник, 15 лет стажа;

Александра Михайловна Давидова, научный сотрудник, 20 лет стажа;

Ольга Георгиевна Петрова, библиотекарь, 3,5 года стажа;

Р.В.Зотова, художник, 1 год стажа;

Анна Прокофьевна Моисеева, бухгалтер, 3,5 года стажа;

Григорий Иванович Чекменев, столяр, 8 лет стажа;

Е.Д.Гуляева, уборщица;

Анна Семеновна Антонова, уборщица, 11 лет стажа;

Дарья Антоновна Кузнецова, уборщица, 8 лет стажа;

А.К.Егерева, уборщица, 3 года стажа;

Марья Андреевна Городнова, сторож, 3 года стажа;

Иван Сергеевич Антонов, дворник, 13 лет стажа.

Почти все они пережили вместе с музеем тяготы Великой Отечественной войны, сохранили для будущих поколений ценнейшие памятники материальной культуры, на высоком идейном уровне проводили массовую работу.

Под экспозицией используется 15 комнат, коридор, вестибюль общей площадью 545 м². Библиотекой музея занято 2 комнаты пл. 42 м², фондами занято 4 комнаты пл. 66 м². Музей состо-

ит из 3 основных отделов: природы, истории, социалистического строительства и Великой Отечественной войны. Кроме того, открыты для обозрения 3 выставки: «Русские боевые знамена», «Выставка старинного оружия», «Художественные промыслы в Калужском крае в XVII — XIX вв». Музей хранит 7712 экспонатов, в экспозиции представлено 2413. За 1945 г. музей посетило 29 468 человек, проведено 291 экскурсии, прочитано 72 лекции²⁰. Это было основной победой музейных работников.

Областной краеведческий музей в период Великой Отечественной войны был закрыт для посетителей 10 месяцев, не работал как музей только 78 дней (период временной оккупации фашистскими захватчиками), сумел сохранить свои экспонаты и приумножить их материалами по Великой Отечественной войне. В год Победы музей получил один из ценнейших экспонатов — подарок от Г.К.Жукова — его большой фотопортрет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На пути к музею XXI века // Сб. трудов НИИ культуры. М., 1989. С. 3.

² Роянова Г.И. 100 лет Калужскому областному краеведческому музею // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы конференции.

³ Симкин М.П. Советские музеи в период Великой Отечественной войны. М. Вып.2 (5) // Тр. НИИ музееведения; Равинович Д.А. Формирование государственной музейной сети (1917 — 1-я половина 60-х гг.). Тр. НИИ культуры. М., 1988; Балтун П. Русский музей — эвакуации, блокада, восстановление: из воспоминаний музейных работников. М., 1981 г.; Кончин Е.В. Испытание // Советский музей. 1984. № 5. С. 31 — 37.

⁴ Кончин Е.В. Картины, опаленные войной. М., 2000.

⁵ ГАКО, р. 2878, оп.3, ед. хр.103, л.168.

⁶ Там же. Л.114.

⁷ Равинович Д.А. Указ. соч. С. 118.

⁸ Научный архив НИИ культуры, д. 2578, л. 96.

⁹ ГАКО, р. 976, оп.1, д.10, л. 9.

¹⁰ ГАКО, р.976, оп.1, д.10, л.19.

¹¹ ГАКО, р. 2878, оп.1 ед. хр. 106 л.5.

¹² Кончин Е.В. Указ. соч. С. 173.

¹³ ГАКО, р. 2878 оп.1 ед. хр. 3.

¹⁴ ГАКО, р. 2878 оп. 3 ед. хр. 108, л.9.

¹⁵ Там же. Ед. хр. 105, л. 47.

¹⁶ Куняев С. Избранное. Книга 2. М., 2000.

¹⁷ ГАКО, р. 2878 оп.3 ед. хр. 109, л.12.

¹⁸ Там же. Л.11.

¹⁹ Там же. Л.26.

²⁰ Там же. Л.3, 4, 11, 12.

КНИЖНЫЕ ПАМЯТНИКИ КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛИ: КИРИЛЛИЧЕСКИЕ РУКОПИСНЫЕ И ПЕЧАТНЫЕ КНИГИ В МУЗЕЯХ КАЛУГИ

Т.Ф. Бессонова,

Калужский государственный объединенный краеведческий музей;

М.В. Зверева,

Калужский областной художественный музей

Русские рукописи и печатные книги кириллического шрифта, являющиеся уникальным источником исторической информации, постоянно привлекают к себе внимание исследователей. За последние годы в нашей стране и за рубежом появилось довольно большое количество работ, посвященных русской кириллической книге¹. Особый интерес вызывают территориальные и старообрядческие собрания и коллекции, имеющие огромное источниковедческое значение. Однако, несмотря на довольно высокую степень изученности кириллических книг из крупных и известных собраний, региональные коллекции в настоящее время только еще вводятся в научный оборот, и эта задача является сейчас наиболее актуальной.

Калужский государственный объединенный краеведческий музей (КГОКМ) и Калужский областной художественный музей (КОХМ) — основные организации-хранители кириллической книги в Калужской области. Объединенными усилиями этих двух музеев были решены задачи, связанные с выявлением и изучением документов, содержащих информацию о первоначальной принадлежности книг к исторически сложившимся собраниям. Музейные коллекции сложились на основе монастырских и церковных библиотек, частных собраний, большое количество уникальных памятников поступило в КГОКМ после закрытия Боровского краеведческого музея, а часть книг из КОХМ ранее принадлежала старообрядческой общине г. Сухиничи.

В ходе исследования в фондах и библиотеках КГОКМ и КОХМ было выявлено 226 кириллических рукописей и печатных изданий: 183 (чуть более 80%) — в краеведческом и 43 (немногим менее 20%) — в художественном. Из них: рукописных книг — 80 (77 — в КГОКМ, 3 — в КОХМ), печатных — 132 (92 — в КГОКМ, 40 — в КОХМ), особо выделяются 13 книг, отпечатанных на гектографе

¹ Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и администрации Калужской области (проект №02-01-59013а/Ц).

из коллекции КГОКМ и 1 сборник, включающий в себя все три способа записи информации (рукопись, печать, гектограф), также хранящийся в фондах КГОКМ. Книжное собрание музеев уникально как принадлежностью к сокровищнице кириллических рукописей и изданий России, так и своими связями с Калужской землей.

Входящие в него книги можно разделить на две части в соответствии с характером самих памятников (рукописных и печатных). Первое место среди них занимают книги литургические: Евангелия, Библии, Апостол, псалтыри, требники, прологи, триоди цветная и постная, минеи служебные и четьи, канонники, октоихи и другие певческие сборники, служебники, синодики. Но, кроме изданий для богослужения, в коллекцию входит значительное количество учебной литературы, книг исторического содержания, в том числе переводных.

До середины XVI в. в России бытовала рукописная книга. В фондах КГОКМ хранится 15 рукописей, которые относятся к этому, «допечатному», периоду. Самые ранние из них: минея праздничная, написанная полууставом и датируемая второй половиной XV в.² и «Петра Дамаскина смиренного инока и пророка воспоминания» с последованием малого образа (служба, совершаемая при пострижении в иноческий чин) и чином Великого Ангельского образа (вечера), помещенными в конце книги, которая также написана полууставом и датируется серединой XV в.³ В современной богословской литературе эта книга называется так: «Творения преподобного и Богоносного отца нашего священномученика Петра Дамаскина». Остальные 13 «допечатных» книг датируются первой половиной XVI в.

Но и с началом книгопечатания рукописные книги не исчезли, а продолжали создаваться (по разным причинам) вплоть до начала XX в. Ко второй половине XVI в. в КГОКМ относятся 7 рукописей.

Если говорить о книгах коллекции краеведческого музея второй половины XV — XVI вв. в целом, то в основном это минеи служебные на зимние, весенние и осенние месяцы года. Но есть и такие рукописи второй половины XVI в., как октоих Иоанна Дамаскина на 1—4 гласы⁴, вложенный Василием Степановичем Кологривовым в Лихвинский Покровский Добрый монастырь в 1570 г., октоих на 5—8 гласы⁵, датированный серединой XVI в., а также Евангелие Апракос⁶. Все эти книги писаны полууставом. Тексты украшены только киноварной вязью. Большей частью сохранившиеся переплеты — деревянные и соответствуют времени создания книг. Интересны, к сожалению, нечасто встречающиеся в них сведения о переписчиках или вкладках. В конце минеи служебной на февраль — март⁷ имеется

следующая запись (все записи приводятся с сохранением стилистических особенностей): «В лето 6039 (1531) написана быша книга сия месяца декабря 21 дня, на память святых мученицы Ульянии при князи Василии Ивановиче повелением господина моего священного ерея папа Ивана от руки многогрешнаго и непотребнаго дьякона во святом крещении нареченный именем Стефан в честь же и славу Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу и пресвятей Богородицы и всем святым иже от веку Богу угождши». Две другие минеи служебные на февраль⁸ и март⁹ имеют одинаковые записи, сделанные скорописью на крышке переплета, о вкладе этих книг в Боровский Пафнутьев монастырь Белоусовой станицы казаком Артемом Акатовым «118 (1610) году июля в 9 день».

XVII в. представлен в коллекции КГОКМ 12 рукописями, еще 2 датируются рубежом XVII — XVIII вв. и 17 рукописей относятся к XVIII в. Это книги, содержащие тексты церковных песнопений или певческие рукописи (ирмологии, стихирари, октоихи), как на крюковых, так и на линейных квадратных нотах; церковные уставы, жития святых отцов, духовные повести, синодики. Особо интересен певческий ирмологий¹⁰, писанный между 1668 и 1679 гг. в более позднем переплете из картона и тисненой кожи. Нотация в нем представляет собой знаменную партитуру (2 голоса) с пометами и признаками, а текст песнопений — полуустав, как истинноречный, так и раздельноречный (лл. 106 — 119 об.). А сборник рубежа XVII — XVIII вв.¹¹, содержащий различные слова и поучения святых отцов, включает в себя «Предисловие како и откуда и от коего времени начася быти в нашей России святей земли осмогласное пение, и от коего времени и от кого пошло на оба лика пети в церкви». Первая по времени владельческая надпись на одном из пустых листов сборника сделана на смешанном, русско-польском языке, кириллицей и латиницей, а последние предложения зарифмованы. Звучит надпись так: «Сия книга от все благословенных книг, из благословенной библиотеки многогрешнаго презвитера и граматиста Тимофея Ипатьева сына Сенченинова собственная и подписал бо аз собственною своею рукою 1741 апреля 10 дня Прошу кому она по смерти нашей достанется, то благоволите поминати и в молитвах не оставляти. Аминь. Ибо и аз бых на земли человек. И вся видух суетствия: но ничтоже бо есть. Вся есть суета Финис. А цена бо сей книги сто и 50 пенязей, то бо есть она дана. Но кто крепко, в бозе уповаает, той воистину бед ни кишчает. Ему бо вход преподается во вышнее царство и получит бо таковой вечное господарство. Аминь»¹². Следующая запись сделана 31 марта 1756 г. и говорит о принадлежности книги Лейб-гвардии Се-

меновского полка фурьеру Михаилу Прокофьичу сыну Яковлеву¹³. Далее сборник переходит к надворному советнику Григорию Данилову сыну Тимирязеву¹⁴, а затем попадает в руки членов Калужской ученой архивной комиссии. Священник Иоанн Остроглазов 29 октября 1890 г. записал в ней: «По определению Ивана Даниловича Четыркина рукопись XVIII в., а по текстам XVII в. и времен Петра Великого»¹⁵. Таким образом, по этим надписям прослеживается «биография» сборника.

Среди книг XVIII в. есть и старообрядческие рукописи, такие как «Поучения о житиях отеческих из Пролога и Патерика Печерского»¹⁶ и Октоих на крюковых нотах¹⁷.

В XIX — начале XX вв. кириллических рукописей господствующей православной церкви создается немного, и все они отвечают конкретным потребностям богослужения: акафисты и каноны отдельным святым, Устав о христианском житии и др. Так, «Служба святому Николаю Новгородскому»¹⁸, написанная полууставом в конце XIX в., содержит последование церковной службы и сказание о святом Николае Христа ради юродивом Новгородском чудотворце.

Подавляющее число рукописей этого периода — старообрядческие, и в основном певческие книги со знаменной нотацией, сопровождаемой пометами и признаками, и с истинноречными текстами, написанными полууставом. Они богато орнаментированы и отличаются большим разнообразием: Ирмологии, Октоихи, Трезвоны, Праздники, Триодь Постная, Обиход, Канон, Стихирари. Из рукописей, содержащих только текст, к этому собранию относятся Псалтырь 1815 г.¹⁹, «Апокалипсис святого Иоанна Богослова» 1874 г.²⁰ и «Пандок, или Роман о табаке», датируемый третьей четвертью XIX в.²¹ «Апокалипсис» списан «во всем согласна с Библии, напечатанной в Остроге 16 августа 1587 г». По оформлению текста (полуустав, кинноварные заголовки в технике русской вязи) и по переплету (доски в тисненой коже, 2 застежки) мастера, трудившиеся над созданием этой книги, также стремились оставаться в традициях древности. Только пострадавший корешок обновлен. «Пандок» представляет собой поучительный сборник о грехах пьянства, табакокурения, брадобрития, слово об антихристе и др. Псалтырь — рукопись особенно интересная. Она содержит песни пророка и царя Давида «с пространном толкованием святых Богодохновенных учителей церковных, с переводу древлеписменнаго преподобнаго Максима Грека, инока святых горы Афонския, обители Ватопедския, иже в лето от создания мира 7021 (1512/13) по прошению грамотою великого князя Василия Ивановича и преподобнаго Варлаама митро-

полита Московского прислан баше из Греции в Руссию для исправления книг церковных». А кроме того, эта книга была написана в Калуге «по прошению и иждивению сего града Калуги гражданина купца Андрея Абрамыча сына Барадина гражданином сего же града купцом» Степаном Степановичем Колесниковым. Причем имя переписчика (С. С. Колесникова) зашифровано буквенной цифирью, поскольку «его же имя не достойно zde написатися, понеже многогрешный непотребный и неключимый раб есмь, земля сый, прах и пепел: червь, а не человек, яко же Давид рече, поношение человек и уничтожение людей. Сего раде поне литерами и слогом числительных букв судих zde оное изобразити, суть же сия указуют: двухсотная с трех сотным и пятым. И пятисотная с первым и пятьдесятым с припрятельною: того же знаменования и родитель его бе. Прослытие же его являют сия: двадцатая с семьдесятым, тридцатая с пятым и двухсотым, пятьдесятая с двадцатым, семьдесятым вторым и припрятельным» Работа над книгой была завершена 9 декабря 1815 г.²² Она содержит 813 листов «в четвертую долю» и воспроизводит традиции более раннего оформления книг: переплет из досок в тисненой коже, с двумя застежками, — но отличается довольно мелким полууставом, обозначенным в самой рукописи как «калиграфское художество», золотым обрезом, акварельными заставками, концовками и инициалами. Поскольку в начале Псалтыри обычно помещается изображение царя Давида, в данную рукопись вклеена соответствующая гравюра, тоже раскрашенная акварелью.

Все три рукописные книги, хранящиеся в фондах Калужского областного художественного музея, датируются XIX в. Две из них — Месяцеслов²³ и «Сказание о чудесах Богородицы»²⁴ — происходят из частных собраний. Декоративное убранство третьей рукописной книги — Октоиха²⁵ — наводит на мысль о севернорусском происхождении этого памятника²⁶. На фронтисписе изображен традиционный автор Октоиха — Иоанн Дамаскин. Текст книги включен в богатое оформление из стилизованной растительности. Художественно-графическое оформление этого памятника в значительной степени основано на системе декорации предметов народного искусства, на русском «узорочье». Книга поступила в художественный музей в 1985 г. из распавшейся старообрядческой общины г. Сухиничи Калужской области.

Каждая рукописная книга по-своему уникальна, поскольку сама по себе практически не имеет аналогов. Характер почерка переписчика, его точка зрения на возможность внесения изменений и дополнений в копируемый текст, даже степень внимательности при рабо-

те — все это находит отражение в индивидуальных особенностях каждой рукописи.

Но не меньшую ценность представляют и печатные книги, хотя их индивидуальные особенности касаются уже не самого текста, а его оформления: наличие или отсутствие гравюр в книгах, принадлежащих к одному и тому же изданию, отличия в шрифтах и изобразительных элементах различных типографий и т. д.

После инкунабул в России особо выделяют книги, изданные до реформы патриарха Никона. В КГОКМ таких книг 16, в КОХМ — 4. Самая ранняя — Минея служебная, сентябрь²⁷, отпечатанная в Москве Иваном Андрониковым Невежиным в 1607 г. (1 июня 7115 — 31 декабря 7116) при царе Василии Ивановиче Шуйском и патриархе Гермогене. Другая — Минея служебная (февраль²⁸), отпечатанная на Московском Печатном Дворе в 1622 г. (28 января 7130 — 1 ноября 7131) при царе Михаиле Федоровиче и патриархе Филарете, примечательна еще и вкладной записью на крышке переплета: «Сия книга месяц февраль дача боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского». Апостол²⁹, также отпечатанный в Москве, но в 1635 г. (1 дек. — 15 авг. 7143) уже при патриархе Иоасафе I, является вкладом самого царя Михаила Федоровича, о чем свидетельствует надпись, сделанная скорописью по нижнему полю лл. 17 — 36: «Сию книгу пожаловал государь царь и великий князь Михаил Федорович Вся Руси в Боровск в церковь Николая Чудотворца. Дана из приказа большого дворца при попе Григорье с братею лета 7148-го (1640) марта в 14 день». Интересную запись, красноречиво говорящую об отношении к святой книге спустя почти 100 лет после ее издания содержит Евангелие³⁰, отпечатанное в Москве в 1637 г. (1 августа 7144 — 3 февраля 7145) при Михаиле Федоровиче и патриархе Иоасафе I. Крупным письмом XVIII в. на внутренней стороне верхней крышки переплета написано: «Сие Евангелие Казельского уезду села Везовны в церкви Николая Чудотворца вклад Никиты Федоровича Панина. А вновь переплетал и Евангелисты приложил внук его радно Иван Васильевич Панин. Нынешнего 1732 году декабря 24 дня. А подписал правнук его Никита Иванов сын Панин своею рукою. А от рождения мне 14 лет 4 месяца». Новый (т.е. 1732 г.) переплет представляет собой доски в бархате, с наугольниками, средниками и двумя застежками. Обрез позолочен. Из четырех гравюр евангелистов, современных данному изданию, «приложены», т.е. вклеены две, изображающие апостолов Матфея и Иоанна. Большой интерес представляет и первое издание в Москве в 1649 г. Евангелия с толкованиями, составленными в XI в. Феофилактом, архиепископом Болгарским.

Книг XVII в., изданных после Никоновской реформы, в КГОКМ — 14, в КОХМ — 5. Это Евангелия, служебные и праздничные минеи, жития святых и поучения, а кроме того — триодь цветная, отпечатанная на Московском Печатном Дворе в 1670-е гг.³¹, с записью XIX в. о принадлежности книги «оболенской общине церкви святого апостола Иоанна Богослова», и четы-миней, также издания Московского Печатного Двора, 1690-х гг.³²

География изданий второй половины XVII в., хранящихся в двух крупнейших калужских музеях, значительно расширяется. Это уже не только книги Московского Печатного Двора, но и типографий Киево-Печерской Лавры, Львова и Новгорода. В Новгороде отпечатан «Анфологон, сиреч Цветослов, или Трифолог» — издание «*типографии Лазаря Барановича, архиепископа Черниговского, Новгородского и всего Севера, трудолюбием Симеона Ялинского*» в 1678 г.³³ Во Львове 11 июня 1670 г. тщанием и иждивением Братства храма Успения Пресвятой Богородицы издано Евангелие с 5 большими и 50 малыми гравюрами³⁴. В типографии Киево-Печерской Лавры отпечатаны в 1680 г. — «Синописис» Иннокентия Гизеля³⁵ с гравюрой «Крещение князя Владимира» и в 1691 г. — Псалтырь³⁶ с гравюрами «Царь Давид» и «Сошествие святого Духа».

XVIII в. представлен 16 изданиями из КГОКМ и 16 — из КОХМ. В основном это Библии и Евангелия, отпечатанные при императрицах Анне Иоанновне, Елизавете Петровне и Екатерине II, с гравюрами мастеров Василия Иконникова и Семена Второва и повторения этих изданий. Здесь особо выделяется Евангелие³⁷, отпечатанное в Москве, в феврале 1759 г. форматом в большой лист (66,5 x 46 см), в переплете из досок и бархата, на котором остались следы от наугольников и средников, с золотым обрезом. Каждая страница книги орнаментирована в барочном стиле, а кроме того, текст украшен гравюрами четырех евангелистов, заставками, концовками и инициалами. Все изобразительные элементы книги раскрашены акварелью. Но интересны и другие книги этого периода: Евангелие учительное³⁸ Московской Синодальной типографии, 1752 г. — первая книга, изданная специально для богоугодного чтения и постижения вопросов сущности веры, которая пользовалась огромной популярностью; «*Собрание разных поучительных слов, сочиненных и проповеданных епископом Илиею Минятием Кефалонитянином, с греческаго на российский язык переведенное и на две части разделенное*», перевод С. И. Писарева, издание Московской Синодальной типографии, 1781 г.³⁹; «История Нового Завета» Георгия Кедрина, перевод И. И. Сидоровского, издание той же типографии, 1794 г.⁴⁰; «Слова Григория Назианзи-

на» в двух частях, перевод Иринейя Клементьевского, издание Московской Синодальной типографии, 1798 г.⁴¹; а также — изданная кириллическим шрифтом «Арифметика» Леонтия Магницкого — первое московское издание 1703 г.⁴², которую впоследствии М. В. Ломоносов назвал «воротами учености». Некоторое время эта книга принадлежала калужскому купцу Сергею Викентиеву сыну Анаусову⁴³. Еще один учебник, «Православное учение или сокращенное христианское Богословие», был составлен иеромонахом Платоном «*для употребления его императорского высочества Павла Петровича*» и издан в Московской типографии в 1768 г.⁴⁴. Однако XVIII в., как и XVII, представлен изданиями не только Москвы, но и Киева, Почаева, Клинцов.

Период XIX — начала XX вв., помимо Апостолов, Псалтырей и Миней служебных, отложился в калужских музеях книгами духовных поучений и песнопений на линейных нотах, изданными в Москве, Санкт-Петербурге (Петрограде), Киеве, Супрасле. Здесь особо примечательны: Толкование на Псалтырь, ч.1⁴⁵, изданное в Москве 10 декабря 1806 г. и имеющее надписи: «*Сия книга подарена мне монаху Иоанну о. архимандритом Владимиром 1873 году января 20-го*»⁴⁶ и «*Сию книгу дарю в знак памяти монаху Пантелеймону. Иеродиакон Иоанн. 1880 года июня 9-го*»⁴⁷; Триодь цветная, изданная в Супрасле в 1827 г.⁴⁸ и принадлежавшая сухиничскому купцу Аврааму Михайловичу Семионичеву; Новый Завет⁴⁹, изданный на славянском и русском языках в Московской Синодальной типографии в 1902 г., который содержит на обложке дарственную надпись: «*От женского профессионального училища Варвары Лепешкиной Вере Титовой. Попечительница Л. В. Шамшина. Помощн. попечительницы М. В. Вострякова. 4 декабря 1904 г.*».

Помимо кириллических изданий православной господствующей церкви, в XVII, XVIII вв., а особенно в XIX в., старообрядческие типографии выпускали книги, полностью повторявшие «доникановские» издания: Устав 1641 г., Соборное уложение патриарха Филарета Московского 1632 г. и др. К концу XIX и началу XX вв. относятся старообрядческие книги, напечатанные на гектографе. Всего их в КГОКМ 13, и один конвалют сочетает в себе три способа фиксации информации: рукопись, печать, гектограф. Эти книги содержат, в основном, полемику с господствующей церковью. Конвалют⁵⁰ также содержит статьи и письма поучительного и полемического содержания. Его создание датируется началом XX в., на обложке имеется экслибрис диакона Афанасия Денисовича Ковшова. Еще три гектографа: «Проскинитарий» Арсения Суханова⁵¹, «Другопремство ру-

коположения, нисходящего от святых апостолов в старообрядствующей иерархии» священноинока Арсения⁵² и «Описание раздора церковного неокружников»⁵³ также имеют экслибрис А. Д. Ковшова, а последняя книга — еще и дарственную надпись от о. Илии. Все гектографы, а также большое количество рукописных и печатных книг поступили в КГОКМ из Боровска.

Старообрядцам удалось сохранить до наших дней древние книги и тексты, но эти рукописи и издания представляют собой наименее изученную область истории, древние традиции России одного из важнейших периодов — перехода от средних веков к новому времени. А певческие рукописи со знаменной нотацией являют нам древнюю традицию богослужебного песнопения и записи партитур, которая в XVII в. была вытеснена в богослужении господствующей церкви линейной нотацией.

Исследование коллекций русских рукописных и печатных книг кириллического шрифта основных организаций-хранителей кириллической книги Калужской области — Калужского государственного краеведческого музея и Калужского областного художественного музея — позволило установить местонахождение 226 подлинных памятников духовной истории православного русского общества XVI — начала XX вв. Выявлены записи, имеющие особенно важное мемориальное и историческое значение, названия монастырей и других книгохранилищ, где раньше находились эти памятники. Полученные в ходе исследования данные фиксируют в комплексе дошедшие до нас сокровища материальной культуры, позволяют оценить состав и характер музейных коллекций кириллической книги, проследить историю ее развития, судьбу отдельных памятников, смену традиций в оформлении, способах закрепления информации, в нотной фиксации богослужебных песнопений. А это, в свою очередь, позволяет глубже познать нашу историю и культуру.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поздеева И.В., Ерофеева В.И., Шитова Г.М. Кириллические издания. XVI век — 1641 г. Находки археографических экспедиций 1971–1993 гг., поступившие в научную библиотеку Московского университета. М., 2000; Поздеева И.В., Дадькин А.В. Бесценное духовное наследие: Кириллические рукописи XV–XVII вв. и печатные книги XVI–XVII вв. библиотеки Московской духовной академии и семинарии (Предварительный список). М., 2000; Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадькин А.В. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг. // От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона: Исследования и публикации. М., 2001.

В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Методические рекомендации. Вып. 1. М., ГБЛ, 1976; Гусева А.А. Идентификация экземпляров московских изданий кирилловского шрифта 2-й половины XVI — XVIII вв. [Работа с редкими и ценными изданиями]: Методические рекомендации. М., 1990.

Каменева Т.Н. О некоторых находках кирилловской печати за рубежом // Книга и графика: Сборник трудов / Сост. Э. В. Венгерова-Зилинг. М., 1972; Barnicot J. D. A., Simmons J. S. G. Some unrecorded early printed slavonic books in english libraries // Oxford Slavonic Papers. Vol. II. 1951. P. 98 — 118.

² КГОКМ, инв. № Кл 7096.

³ КГОКМ, инв. № Кл 7374.

⁴ КГОКМ, инв. № Кл 7093.

⁵ КГОКМ, инв. № Кл 7094.

⁶ КГОКМ, инв. № Кл 7101.

⁷ КГОКМ, инв. № Кл 7365, л. 438–438 об.

⁸ КГОКМ, инв. № Кл 7362.

⁹ КГОКМ, инв. № Кл 7366.

¹⁰ КГОКМ, инв. № Кл 7059.

¹¹ КГОКМ, инв. № Кл 8851.

¹² Там же. Л. 156 об.

¹³ Там же. Л. 86 об -87.

¹⁴ Там же. Л. 121.

¹⁵ Там же. Л. 87 об.

¹⁶ КГОКМ, инв. № Кл 7070.

¹⁷ КГОКМ, инв. № Нв 4265/2.

¹⁸ КГОКМ, инв. № Кл 7387.

¹⁹ КГОКМ, инв. № Кл 8591.

²⁰ КГОКМ, инв. № Кп 12689.

²¹ КГОКМ, инв. № Кл 7082.

²² КГОКМ, инв. № Кл 8591. Л. 811–813.

²³ КОХМ, инв. № К-90.

²⁴ КОХМ, инв. № К-72.

²⁵ КОХМ, инв. № К-80.

²⁶ Зверева М.В. Книга и графика. Выставка старопечатной книги и русской книжной графики XVII — XX веков из собрания Калужского областного художественного музея: Каталог. Калуга. 2001.

²⁷ КГОКМ, инв. № Кл 8529.

²⁸ КГОКМ, инв. № Кл 8513.

²⁹ КГОКМ, инв. № Кп 12721.

³⁰ КГОКМ, инв. № Кл 11316.

³¹ КОХМ, инв. № К-19.

³² КОХМ, инв. № К-20.

³³ КГОКМ, инв. № Кл 8517.

³⁴ КГОКМ, инв. № Кл 8522.

³⁵ КГОКМ, инв. № Кл 7363.

- ³⁶ КГОКМ, инв. № Кл 8526.
³⁷ КГОКМ, инв. № Кл 8213.
³⁸ КОХМ, инв. № К-73.
³⁹ КОХМ, инв. № К-24.
⁴⁰ КОХМ, инв. № К-16.
⁴¹ КОХМ, инв. № К-15.
⁴² КГОКМ, инв. № Кп 10700/4.
⁴³ Там же. Лл. 20-38.
⁴⁴ КГОКМ, инв. № Кп 12194/1.
⁴⁵ КГОКМ, инв. № Нв 4954/13.
⁴⁶ Там же. Л. 3.
⁴⁷ Там же. Лл. 4-9.
⁴⁸ КОХМ, инв. № К-84.
⁴⁹ КГОКМ, инв. № Кп 10871.
⁵⁰ КГОКМ, инв. № Кл 7373.
⁵¹ КГОКМ, инв. № Кл 7391.
⁵² КГОКМ, инв. № Кл 7393.
⁵³ КГОКМ, инв. № Кл 7399.

ЧЕТЫРЕ ОФОРТА ИЗ ГРАВЮРНОГО НАСЛЕДИЯ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

*Г.Б. Сафонова,
Калужский государственный
объединенный краеведческий музей*

В истории отечественной культуры графике со времени ее появления всегда принадлежала особая роль. Только этот вид искусства мог в доступной форме отразить различные уровни жизни страны, от общественно-политического до событийно-бытового. Эта отличительная черта графики с наибольшей полнотой проявилась в эпоху Петра I, когда переломный момент русской истории нашел яркое отражение в новых формах этого искусства. Гравюрное наследие Петровской эпохи разделяется на две части: первая — уникальные оттиски, отпечатанные в первой четверти XVIII в., вторая — оттиски послепетровского времени с бережно сохраненных досок. Если принять во внимание, что до наших дней сохранилось очень мало отпечатков, выполненных непосредственно в первой четверти XVIII в., то становится понятным значение и ценность второй группы памятников, выполненных без внесения каких-либо правок и корректировок с собранных в 1730 г. на Московском Печатном дворе досок послепетровского времени.

К этой группе относятся четыре гравюры, выполненные в технике офорта, которые и будут предметом нашего внимания. Это

оттиски известных работ крупнейших мастеров той эпохи: «Корабль Предестинация» и «Взятие Азова» Адриана Шхонебека, «Торжественное вступление русских войск в Москву после Полтавской победы» Алексея Зубова и «Шведские суда, захваченные в устье Невы в 1703 г.» Питера Пикарта.

Изучению отечественной гравюры и ее раннему периоду посвящена специальная литература, родоначальником которой является Д.А. Ровинский (1824 — 1895), — «Геродот истории русской гравюры»¹. В последнее десятилетие издано монографическое исследование о гравюре петровского времени². Но, несмотря на это, публикация гравюрного наследия той эпохи все еще остается насущной задачей, дополняя наше представление о раннем периоде в развитии этого вида искусства.

Хранящиеся ныне в собрании Калужского краеведческого музея четыре офорта, о которых идет речь, поступили в июне 1939 г. через закупочную комиссию в художественный отдел. Внешний вид гравюр позволяет предположить их происхождение из частного собрания. У них подрезаны поля на 0,5 — 1 см, а правые половины листов наклеены на плотную бумагу более позднего времени. Так в конце XVIII в. коллекционеры оформляли гравюры для своих папок или альбомов, к сожалению частично произведения искусства искажая. Искусствоведческий анализ гравюр создавал первое впечатление об их выполнении в начале XVIII в.; все отпечатки датированы этим временем, с подписями гравюров, ничем не отличаясь от аналогичных в собраниях Эрмитажа и Русского музея³. Однако сомнения вызывали небольшие двузначные черные цифры на верхнем поле каждого отпечатка. Метод исследования по филиграням позволил сделать существенное уточнение⁴: гравюры выполнены на голландской бумаге с водяными знаками 1740 — 1742 гг.⁵ Именно в 1740 — 1765 гг. чернильными двузначными цифрами помечали на полях оттиски, выполненные с собранных и пронумерованных в 1730 г. медных досок петровского времени. В ряде случаев на оборотную сторону оттиска наносилась чернильная надпись о цене доски или просто фраза: «Без цены»⁶. На обороте рассматриваемых гравюр таких надписей обнаружить не удалось, поскольку правая половина каждого оттиска наклеена на плотный лист бумаги с филигранями 1790-х гг.⁷ Вероятно, в это время кто-то из собирателей таким способом «оформил» на собственный вкус произведения для своей коллекции. Отпечатки, выполненные в середине XVIII в. без каких-либо правок с досок начала столетия, могли представлять несомненную ценность.

Все четыре произведения принадлежат к батальному жанру, по-

лучившему широкое распространение в отечественной графике начала XVIII в. в связи с необходимостью изображения происходивших в государстве событий, прославления побед русской армии и флота.

Отличительной чертой этого жанра в то время была достоверность в изображении событий, хотя и парадных, триумфальных, но без прикрас, типичных для подобных случаев⁸. В восприятии современников гравюры были не только произведениями искусства (такое понимание пришло позднее, с появлением коллекционирования), сколько официальными документами, основная задача которых была «печатным тиснением изъяснять». Создавшие их мастера были не только крупнейшими художниками своего времени, но и очевидцами событий, гравировавшими по своим собственным рисункам.

В 1699 г. в гравировальной мастерской Оружейной палаты «первый в меди изограф» Адриан Шхонебек исполняет «Города Азова списание и указание как великий государь Петр Алексеевич осадил мая 16 числа, а взял июля 19 числа 1696 году»⁹. Это был первый офорт известного голландского мастера со времени его приезда в Россию. На листе размером 47,5 x 57,2 см выполнена панорама осажденного города в перспективном построении, с высоко очерченным горизонтом, с изображением передвижения войск, действиями флота. В нижней части листа текст в два столбца: слева — кириллицей с выносными буквами и титлами, справа — по-латыни. В десяти строках описания — своеобразная экспликация к плану сражения с нумерацией объектов на местности: «Город Азов, прежде звали Танаис, а о нем четыре тысячи турок. Гораздо билися». Подробно перечислены названия укреплений, количество вооружений, пояснен план местности и отдельные события.

Очень колоритно на первом плане слева представлена группа всадников, и, хотя основные персонажи портретно узнаваемы, литерами обозначен каждый: *А: Великий государь Петр Алексеевич осаду наряжает, В: Полковой боярин Алексей Семенович Шеин, Г: Генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорт, Д: Генерал Петр Иванович Гордон, Е: Боярин Федор Алексеевич Головин с припасом воинским, З: Франц Федорович Тиммерман. Инженер*. В этом групповом портрете на фоне баталии Шхонебек изобразил своих знаменитых современников, с которыми ему приходилось встречаться. И хотя договор о принятии на русскую службу был им подписан 13 мая 1698 г., уже после взятия Азова, но еще годом раньше — зимой 1696 — 1697 гг. — художник был в Москве в качестве гостя и был свидетелем торжеств 12 февраля 1697 г. в честь взятия Азова¹⁰.

Р и с. 1. А. Шхонебек. Осада Азова в 1696 г. Офорт. 47,5x57,2. Оттиск середины XVIII в.

Другое произведение этого мастера, выполненное на листе размером 51 x 59 см, — красавец фрегат, первенец русского морского флота, изображенный с кормы, несущийся на всех парусах¹¹. На корме корабля гравёр поместил текст в две строки: «Положен был 1698 ноября 19. Спущен 1700 апреля 28. Без дела был 8 месяцев. Делал П.М. с товарищи». Под инициалами без труда узнаваем Петр Михайлов — Петр Великий, который на Воронежской1 верфи заложил корабль «Предестинация», или Божье Провидение о 58 пушках.

В гравюре обращает на себя внимание незавершенность сюжета, отсутствие надписи по-русски и срезанный, без полей, левый край листа. Как известно, изображение корабля выполнено художником в трех видах: с носа, с боку, с кормы — и составляло единую композицию на трех листах¹², где фрегат сначала плыл навстречу зрителю по бурлящему морю, далее разворачивался боком, а затем, круто повернув кормой, уходил в морские просторы. Оттиск середины XVIII в., о котором идет речь, — правая часть триптиха, изображающая вид корабля с кормы. Эта часть сюжета наиболее известна, доски двух других частей триптиха были утрачены еще в петровское время, и до наших дней сохранилось по одному их отпечатку.

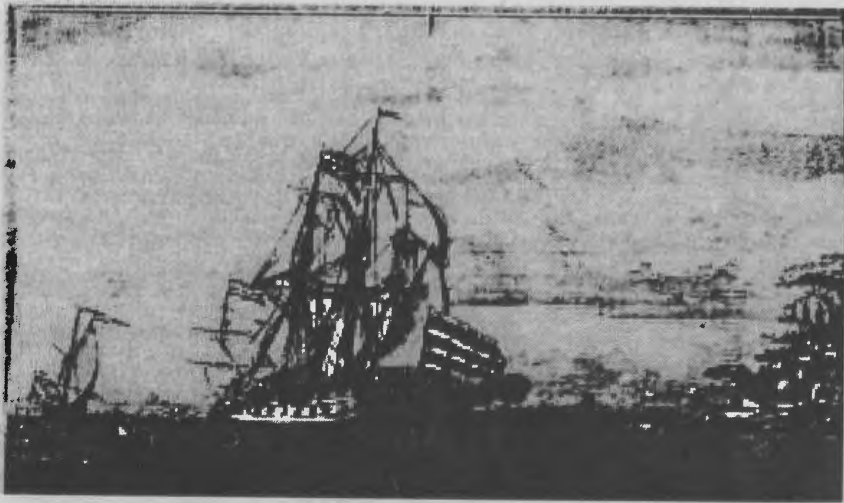

Рис. 2. А. Шхонебек. Корабль «Предестинация». Вид с кормы. Офорт. 51x59. Оттиск середины XVIII в.

Работая над гравюрой, мастер имел полное основание сделать надпись на латыни, в переводе означавшую: «рисовал с натуры в Воронеже». Он был послан в Воронеж в 1700 г., видел корпус строящегося корабля, перед ним стояла задача создать проект резино убранных фрегата¹³. Этой цели и служил триптих. После возвращения из Воронежа гравюра была закончена художником в Москве в начале 1701 г.

Другим известным гравером Петровской эпохи был ученик и пасынок Шхонебека Питер Пикарт. В январе 1703 г. он приехал из Голландии, и вся его дальнейшая жизнь была связана с Россией.

В экспозиции Калужского краеведческого музея представлены две небольшие парные гравюры размером с книжную иллюстрацию (17 x 24,5) с изображением на каждом листе по одиночному паруснику, с подписью: «Повелением Царского Величества рисовал под Шлотбургом, а гравировал на Москве Питер Пикарт»¹⁴. Это оттиски середины XVIII в., выполненные с двух досок с изображением шведских судов, плененных в результате первой победы русского флота в устье Невы 7 мая 1703 г. Текст в две строки с титлами и выносными буквами в нижней части каждого листа кратко засвидетельствовал это событие. Это как бы зарисовки небольших парусных кораблей после баталии со спущенными к самой воде шведскими флагами.

Парные офорты относятся к числу оттисков восьми известных в наше время досок походной гравировальной мастерской, работавшей под руководством Пикарта в полевых условиях в районе Шлиссельбурга в течение 1703 и 1704 гг. (за исключением зимы). В составе мастерской был стан для печатания гравюр с оборудованием и материалами, «грьдоравального дела печатник», «чистильщик медных досок», и Пикарт с учеником Петром Буниным да солдат для охраны. Большинство работ этой мастерской были отпечатаны в походных условиях, там, где только начинал закладываться Петербург¹⁵.

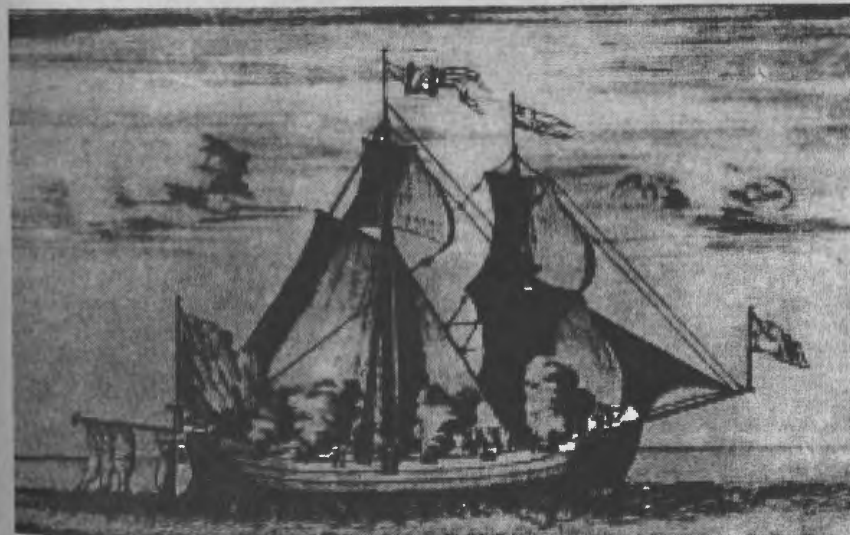
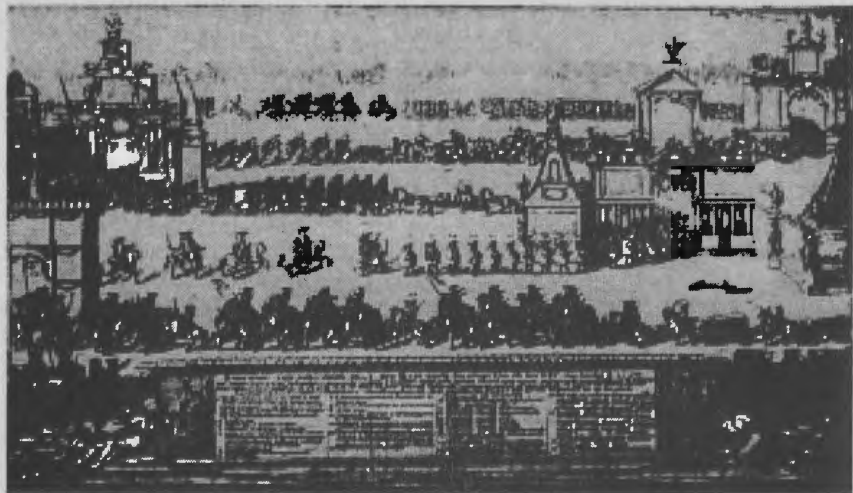

Рис. 3. П. Пикарт. Шведская шнява «Астрильд» захваченная в устье Невы 7 мая 1703 г. Офорт, резец. 17x24,6. Оттиск середины XVIII в.

На гравюрах с изображением плененных шведских судов художник сделал уточнение: «Рисовал под Шлотбургом, а грьдоравал на Москве». Рисунки с натуры были сделаны сразу после первого столкновения с неприятельскими судами в дельте Невы, а переведены в гравюру зимними месяцами 1703 — 1704 гг., когда походная мастерская зимовала в Москве. Возможно, Пикарт собирался впоследствии выгравировать батальную сцену взятия этих судов, и, вероятно, одиночные изображения шведских кораблей служили как бы предварительным материалом. До наших дней один из рисунков, выполненный в полевых условиях, по которому делались гравюры, сохранился в собрании Эрмитажа.

Р и с. 3. А.Ф. Зубов. Торжественное вступление русских войск в Москву после Полтавской победы 21 декабря 1709 г. Второй вариант. Офорт, резец. 51x69,5. Оттиск середины XVIII в.

В изображении одного из важнейших событий отечественной истории — триумфа после Полтавской победы — с Питером Пикартом померялся силами тридцатилетний русский мастер Алексей Зубов. Оттиск его работы середины XVIII в., выполненный на листе 51 x 69,5 см, свидетельствует об интересной истории создания нескольких медных досок с одним сюжетом¹⁶. Не случайна и уточняющая надпись художника: «В Санкт-Петербурге рисовал и гравировал на меди Алексей Зубов. 1711». Это второй вариант гравюры, сюжету которой художник дал пространное, в духе того времени название: «Изъявление триумфального входа его Царского Величества в Москву 1709, декабря в 21 день двух баталий, то есть 1798 сентября в 28 день при Лесном с генералом Левенгауптом и 1709 годах с королем шведским Карлом XII при Полтаве учинившихся». По каким-то причинам Зубову пришлось сделать две работы на один сюжет. В 1710 г., еще в Москве, в мастерской Оружейной палаты за четыре месяца художник выполнил гравюру, изображавшую ленту из пяти родов войск, проходившую через центральную триумфальную арку. Эта гравюра сохранилась до наших дней в единственном экземпляре¹⁷. Наиболее известен второй вариант, законченный Зубовым уже в Петербурге в июне 1711 г., вскоре после того, как художник вместе с гравировальной мастерской был переведен из Оружейной палаты в этот город.

В нижней части листа — текст в четыре колонки, поясняющий сюжет: «А каким порядком оное определено указывает всем чертеж по номерам». На «чертеже», как называли гравюру современники, изображена извилистая лента в шесть рядов войск, проходивших парадным маршем через четыре триумфальные арки. Участники шествия обозначены номерами и перечислены в тексте, как победители, так и пленные.

В декабре того же года в Москве Питер Пикарт закончил свой вариант работы на этот же сюжет. Так же, как и Зубов, в подписи он подчеркнул, что не только гравировал, но и рисовал, т.е. создал оригинал. Каждый художник предложил свою интерпретацию триумфального шествия после Полтавской победы, свидетелями которого были они оба 21 декабря 1709 г. в Москве.

Офорты Зубова и Пикарта близки по композиции, различия сводятся к количеству изображенных войск и триумфальных арок. Так потомкам была предоставлена редкая возможность увидеть одно из важнейших событий отечественной истории глазами двух талантливых художников той эпохи.

Гравюрное наследие Петровской эпохи представляют не только уникальные оттиски начала XVIII в. Отпечатки, выполненные несколькими десятилетиями позже с подлинных досок без каких-либо правок, позволяют судить об истинном объеме произведений графики того времени. Одно из первых мест среди них принадлежит батальному жанру, отразившему события эпохи почти с точностью исторического источника, возможности которого далеко не полностью оценены.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Голлербах Э. История гравюры и литографии в России. М.-Петроград, 1923. С. 7. (с библиогр.)
2. Алексеева М.А. Гравюра Петровского времени. Л., 1990 (с библиогр.)
3. Гравюра Петровского времени: Каталог выставки Госуд. Русского музея / Сост. Алексеева М.А. Л., 1971. С. 29–37
4. Уттер Л. Атрибуция графики. Проблемы и новые методы // Музей. 5. Искусственные собрания СССР. М., 1984. С. 46 — 50.
5. Клепиков С.А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII — XX вв. М., 1959. № 1173, № 1372. Тромонин К. Изъяснение знаков видимых в писчей бумаге. М., 1844. № 737.
6. Алексеева М.А. Судьба медных гравировальных досок Петровского времени // Русское искусство первой четверти XVIII в.: Материалы и исследования. М., 1974. С. 199–205.
7. Клепиков С.А. Указ. соч. № 976.
8. Корнилов П.Е. Офорт в России XVII — XX вв. М., 1953. С. 31.
9. Калужский государственный объединенный краеведческий музей (КГОКМ), инв. № КЛ 4440 (старый инв. № 6923). Оттиск сер. XVIII в.

10. Алексеева М.А. Гравюра Петровского времени. С. 20 — 21.
11. КГОКМ, инв. № КЛ 4439 (старый инв. № 6924). Оттиск сер. XVIII в.
12. Гравюра Петровского времени: Каталог выставки. С. 37.
13. Алексеева М.А. Гравюра Петровского времени. С. 30–31.
14. КГОКМ, инв. № КЛ 4437 (старый инв. № 6925), 2 предмета. Оттиски сер. XVIII в.
15. Макаров В.К. Из истории Петровской гравюры. Походная гравировальная мастерская 1703 — 1704 гг. // Исследования и материалы. М., 1961. Сб. 4. С. 260 — 274.
16. КГОКМ, инв. № КЛ 4441 (старый инв. № 6922). Оттиск сер. XVIII в.
17. Алексеева М.А. Гравюра Петровского времени. С. 118.

**КОЛЛЕКЦИЯ КОЛОКОЛЬЧИКОВ
ИЗ ФОНДОВ КАЛУЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЪЕДИНЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

*Т.М. Хохлова,
Калужский государственный
объединенный краеведческий музей*

Коллекция колокольчиков, хранящаяся в фондах Калужского государственного объединенного краеведческого музея, небольшая — 24 предмета. По назначению они подразделяются на 6 групп: первая, самая большая — поддужные и подшейные колокольчики (16 единиц), вторая — бубенцы (3 единицы), третья — верблюжий колокольчик, четвертая — станционный колокол, шестая — католический колокольчик и седьмая — комнатные (2 единицы).

Первые поддужные колокольчики появились в начале XIX в., самый ранний датируется 1802 г. Производились колокольчики и бубенцы во многих губерниях России. Поддужные колокольчики подвешивались к дуге, подшейные — к аркану на шее лошади. В коллекции представлены колокольчики основных центров колокольного производства — заводов Нижегородской, Новгородской, Рязанской, Вятской губерний и неизвестных заводов России. Они могли использоваться по своему прямому назначению для озвучивания конных упряжек и украшения конской сбруи, по декору можно выделить свадебные. В более поздние времена ямские колокольчики могли использоваться в школах.

Остальные группы колокольчиков представлены единичными экземплярами.

Колокольчики Нижегородской губернии

Колокольчик подшейный. Бронза, медь, железо, литье, токар-

ная обработка. С.Пурех, завод *Федора Алексеевича Веденева*. 1863 — 1891 гг. Поступил в фонды КГОКМ в 1967 г. КЛ 9310.

Декоративный, с гладкой юбкой, украшенной рельефной надписью: «МАСТЕРЬ ФЕДОРЪ ВЕДЕНЕЕВЪ», с поясом в виде валика, с гладким усеченно-коническим туловом. Ушко трапециевидное, плоское, с круглым отверстием. Петля для язычка из железной проволоки. Язычок не родной, в виде 6-гранной гайки, прикреплен медной проволокой. Размеры: высота — 5,8 см, высота ушка — 1,1 см, диаметр юбки — 4,8 см, толщина стенки юбки — 0,2 см, вес без языка — 49,8 г. Сохранность: подлинный язычок утрачен.

Колокольчик подшейный. Бронза, литье, токарная обработка. С.Пурех, завод *Якова Федотовича Малышева*. 1870-е гг. Поступил в фонды КГОКМ в 1985 г., привезен в Калугу из пос.Талицы Костромской области. Н/в 3670.

Валдайская форма. Юбка гладкая, с надписью, разделенной трехфигурными растениями: «М ЯКОВ ФЕ МАЛЫШЕВЪ № 5». Пояс сложный, из ободка и валика. Тулово гладкое, с широким нешлифованным поясом. На днище — цифра «№ 5». Размеры: высота — 4,8 см, диаметр юбки — 6,9 см, толщина стенки юбки — 0,3 см, вес — 115 г. Сохранность: ушко, петля и язычок утрачены.

Колокольчик поддужный. Бронза, железо, литье, токарная обработка. С.Пурех, завод *Михаила Макаровича Трошина*. 1878 г. — нач. XX в. В 1960-х гг. был найден в Калуге, в Березуйском овраге. КЛ 9423.

Валдайская форма. Юбка гладкая, с рельефной надписью: «М.М.М.ТРОШИНЪ. ЛИТЬ. СЕЙ КОЛ. ВЪ ПУРИХЪ». Под надписью — пояс с точечным орнаментом. На гладком тулове в трех медальонах — изображения Георгия Победоносца. Ушко прямоугольное, с круглым отверстием. На внутренней поверхности крыши — знаки: «н. 1 188 г.». Петля для язычка — из железной проволоки. Язычок железный, конусообразный, на тонком круглом дроте. Размеры: высота — 9,6 см, высота без ушка — 6,7 см, высота ушка — 2,1 см, диаметр юбки — 12,1 см, толщина стенки юбки — 0,3 см. Сохранность: полная.

Колокольчик поддужный свадебный. Бронза, железо, литье, токарная обработка. С.Пурех, завод *Федота Макаровича Трошина*. 1879 — 1890 гг. Поступил в музей в 1966 г. КЛ 9190.

Валдайская форма. Юбка гладкая. Поясок с валиком и ободком. Тулово гладкое, с четырьмя рельефными гербами Российской империи. На днище — надпись: «ПО ОСОБОМУ ЗАКАЗУ СЪ СЕРЕБРЮМЪ ЗФМТ // № 1». Петля для язычка железная. Язычок из круглого железного дрота, концы загнуты в виде крючков. Разме-

ры: высота — 11,3 см, высота без ушка — 7,3 см, диаметр юбки — 12,4 см, толщина стенки юбки — 0,4 см, вес — 575 г. Сохранность: верхняя часть ушка утрачена. Возможно, утрачена часть язычка.

Колокольчик поддужный. Бронза, железо, литье, токарная обработка. С.Пурех, завод Алексея Макаровича Трошина. 1891 — 1910-е гг. Найден в школьном саду школы № 8 г.Калуги. н/в 2163.

Валдайская форма. Юбка гладкая, украшена поясками точечно-го орнамента, между которыми помещена надпись: «ЗАВОДА АЛЕКСИЯ М.ТРОШИНА ВЪ ПУРЕХЪ НИЖЕГ. ГУБЪ». Пояс с валиком и ободком. Тулово гладкое, с двумя рельефными изображениями медали Всероссийской выставки 1896 г.: на одном — профиль Николая II с сопроводительной надписью по кругу, на другом — нечеткое изображение оборотной стороны медали. Ушко трапециевидное, с круглым отверстием. На днище — надпись: «№ 0». Петля для язычка железная. Язычок длинный, конусовидный, с верхней частью в виде плоского крючка. Размеры: высота — 11,3 см, высота без ушка — 9,6 см, высота ушка — 2 см, диаметр юбки — 11,7 см, толщина стенки юбки — 0,3 см, вес — 312 г. Сохранность: залит темно-коричневой краской.

Колокольчик поддужный. Бронза, железо, сталь, ткань, литье, токарная обработка. Д.Остапово, завод Егора Спиридоновича Клюикова. 1889 — 1903 гг. Поступил в 2002 г. от Т.И.Титовой. Н/в 6283.

Валдайская форма. Юбка гладкая, с рельефной надписью: «ЗАВ. ЕГОРА СПИР. КЛЮИКОВА ВЪ С. ПУРИХЪ НИЖЕГОР. ГУБЕР». Над надписью — ложновитой поясок. Пояс с двумя проточками. Тулово гладкое, с широкой нешлифованной полосой и двумя проточками. Ушко трапециевидное, с круглым отверстием. На днище — номер: «№ 2». К проволочной петле тряпичным жгутом крепится кольцо из стального дрота. Размеры: высота — 6,7 см, высота ушка — 1 см, диаметр юбки — 10,3 см, толщина стенки юбки — 0,2 см. Сохранность: трещина по тулову и юбке. Подлинный язычок утрачен.

Колокольчик поддужный. Бронза, железо, литье, токарная обработка. Д.Остапово, завод Егора Спиридоновича Клюикова. 1889 — 1903 гг. Передан в музей жителями г.Калуги Е.Н.Прохоровой в середине 1960-х гг. Кл 8904.

Валдайская форма. Юбка гладкая с рельефной надписью: «ЗАВОДА ЕГОРА СПИРИДОН. КЛЮИКОВА ВЪ ССЕЛЪ ПУРИХЪ НИЖ. ГУБ.». Над надписью — ложновитой поясок. Пояс с валиком и проточкой. Тулово гладкое, с широкой нешлифованной полосой. Ушко трапециевидное, с круглым отверстием. На днище — цифра: «2/0». Петля для язычка железная. Язычок конусовидный, верхняя часть —

в виде крючка круглого сечения. Размеры: высота — 9,3 см, высота ушка — 2,2 см, диаметр юбки — 12 см, толщина стенки юбки — 0,3 см. Сохранность: полная.

Колокольчик поддужный. Бронза, железо, литье, токарная обработка. Неизвестный завод в с. Пурех. Кон. XIX в. Поступил в музей в 1967 г. Кл 9326.

Валдайская форма. Юбка гладкая с рельефной надписью прописными буквами: «Дарь Валдая». Пояс с валиком и проточкой. Тулово гладкое. Ушко трапециевидное с круглым отверстием. На днище — надпись по кругу: «съ серебромъ 2/0». Петля для язычка железная. Язычок — в виде бронзового кольца на железной цепочке из двух S-образных звеньев. Размеры: высота — 9,7 см, высота ушка — 2,5 см, диаметр юбки — 13 см, толщина стенки юбки — 0,4 см, вес без язычка — 556 г. Сохранность: полная.

Колокольчики заводов Новгородской губернии

Колокольчик поддужный свадебный (?). Бронза, железо, литье, токарная обработка. Неизвестный завод в г.Валдай. 1869 г. Поступил в музей в 1975 г. н/в 2157.

Валдайская форма. Юбка гладкая, с рельефной надписью прописными буквами на нешлифованном поясе: «Г. Валдай. 1869 года», с изображениями летящей вверх птицы и двух розеток. Пояс с валиком и проточкой. Тулово гладкое. Ушко прямоугольное, с круглым отверстием. Петля для язычка железная, прямоугольного сечения. Размеры: высота — 10,3 см, высота ушка — 2,1 см, диаметр юбки — 13,6 см, толщина стенки юбки — 0,3 см, вес — 656 г. Сохранность: язычок утрачен.

Колокольчики заводов Рязанской губернии

Колокольчик поддужный. Бронза, железо, литье, токарная обработка. Г. Касимов, завод Ивана Алексеевича Милютина. 1816 г. Передан в музей в 1976 г. С.Л.Харитоновым, найден у церкви Сошествия Святого Духа в с. Перемышле Калужской области. Кл 9779.

Валдайская форма. Юбка гладкая, с рельефной надписью прописными буквами: «С. К. ИВАНА АЛЕКСЕЕВИЧА, МИЛЮТИНА. 1816.» Пояс с тремя валиками. Тулово гладкое, с изображением трех рельефных двуголовых орлов в коронах. На крыше — проточка. Ушко прямоугольное, с круглым отверстием. Петля для язычка железная. Размеры: высота — 10 см, высота ушка — 2 см, диаметр юбки — 11,8 см, толщина стенки юбки — 0,6 см, вес — 801 г. Сохранность: язычок утрачен. Трещины на тулове и юбке.

Колокольчик поддужный. Бронза, железо, литье, токарная

обработка. Г. Касимов, завод братьев Мазурковых. XIX в. В 1965 г. найден на станции Калуга II. Кл 8836.

Валдайская форма. Юбка гладкая, с рельефной надписью прописными буквами: «Въ Касимове братиявъ Мазурковыхъ». Начало и конец надписи разделяет розетка. Пояс с валиком и проточкой. Тулово гладкое. На крыше — два выступа под ушком. Петля для язычка железная, прямоугольного сечения. Размеры: высота — 8,9 см, высота без ушка — 7,9 см, диаметр юбки — 11,6 см, толщина стенки юбки — 0,6 см, вес — 695 г. Сохранность: язычок утрачен и большая часть ушка утрачены. Трещина на тулове и юбке.

Колокольчики заводов Вятской губернии

Колокольчик поддужный. Бронза, литье, токарная обработка. Г. Слободской, завод братьев Поповых. 1877 г. Поступил в музей в 1988 г., найден в Калуге на ул. Маяковского, в разрушенном доме. КП 11696.

Ступенчатая сибирская форма. Юбка гладкая, с рельефной надписью, слова разделены 4-лепестковыми розетками: «БРАТЪЯ ПОПОВЫ ВЪ СЛОБОДСКОМ. 1877 г.». Над надписью — ложновитой поясок. Пояс с валиком. Тулово гладкое. Ушко прямоугольное, с округлым отверстием. Размеры: высота — 7,7 см, высота ушка — 1,5 см, диаметр юбки — 6,1 см, толщина стенки юбки — 0,2 см, вес — 96 г. Сохранность: язычок и петля утрачены.

Колокольчики неизвестных заводов России

Колокольчик подшейный. Бронза, железо, литье, токарная обработка. XIX в. Поступил в музей в 1985 г. от Е. Н. Деруновой, учительницы Высокской начальной школы Хвастовичского района Калужской области. КП 11210/1.

Ступенчатая сибирская форма. Юбка гладкая. Пояс с валиком. Тулово гладкое. Ушко трапециевидное, с овальным отверстием. На изнанке юбки — цифра «3». Петля для язычка железная. Размеры: высота — 6,7 см, высота ушка — 1,8 см, диаметр юбки — 6,2 см, толщина стенки юбки — 0,3 см. Сохранность: язычок утрачен. Использовался в школе как звонок в 1960-е гг.

Колокольчик поддужный свадебный. Бронза, железо, кожа, литье, токарная обработка. Кон. XIX — нач. XX вв. Поступил в музей в 1936 г. от жителя д. Квань пригородной зоны г. Калуги Н. М. Волчонкова. Кл 3928.

Валдайская форма. Юбка гладкая. Пояс с двумя валиками. Тулово гладкое. Ушко прямоугольное, с круглым отверстием. В него продеты ремни. Петля для язычка железная, подквадратного сечения, в виде скобы. К ней ремешком подвешен язычок в виде бронзового

кольца. Размеры: высота — 10,7 см, высота ушка — 2,1 см, диаметр юбки — 14,2 см, толщина стенки юбки — 0,4 см. Сохранность: полная.

Колокольчик подшейный свадебный. Бронза, железо, кожа, литье, токарная обработка, ковка, штамп. Кон. XIX — нач. XX вв. Поступил в музей в 1936 г. от жителя д. Квань Пригородной зоны г. Калуги Н. М. Волчонкова. Кл 3929.

Декоративный. Юбка гладкая, украшена чередующимися розетками и трилистниками. Пояс с валиком. Тулово гладкое. Ушко трапециевидное, с круглым отверстием. Петля для язычка железная. Язычок сплошной, кованный, с загибом на тонком конце для подвески. Колокольчик с помощью ремня крепится к аркану. Аркан украшен бронзовыми круглыми бляшками с гладкими и зубчатыми краями, застегивается прямоугольной пряжкой с округлым приемником. Размеры: высота тулова — 5,7 см, высота ушка — 1 см, диаметр юбки — 6,4 см, толщина стенки юбки — 0,2 см, длина аркана — 91 см. Сохранность: возможно, две бляшки утрачены.

Бубенчики

Бубенец «болхарь». Бронза, кожа, литье, сварка, просечка. Нижегородская губ., с. Пурех (?). Кон. XIX в. Поступил из музея при Калужской Ученой Архивной комиссии. Кл 2802.

Тулово сферическое, сварено из двух полусфер, в средней части — шов. В нижней полусфере — звездчатая прорезь (6-лучевая звезда с круглыми отверстиями на концах). Ушко для подвешивания плоское, округлое. К нему привязан кожаный ремешок. Бубенец полый, внутри — два катышка. Размеры: высота — 10,7 см, диаметр — 10,5 см, вес — 287 г. Сохранность: полная.

Бубенец «громотуха». Бронза, вальцевание, прорезь. Нижегородская губ., с. Пурех (?). Кон. XIX в. Записан в Книгу поступлений в 1946 г. Кл 4425.

Тулово шаровидное. В верхней части — два круглых отверстия, в средней — валик в месте склепки, в нижней — звездчатая прорезь (6-лучевая звезда с круглыми отверстиями на концах). Между лучами — рельефные 8-лепестковые розетки. Ушко для подвешивания трапециевидное, плоское, с круглым отверстием. Бубенец полый, внутри — круглый катышек. Размеры: высота — 9 см, диаметр — 8,4 см, вес — 217 г. Сохранность: полная.

Бубенец. Бронза, литье. XIX в. Записан в Книгу поступлений в 1946 г. Кл 4426.

Верхняя половина тулова в виде 8-гранной пирамиды, у кото-

рой грани украшены врезным зигзагообразным орнаментом. Нижняя половина шире верхней, полусферическая, с прорезью, на концах которой — два круглых отверстия. Вокруг прорези — выступающий валик. Украшена врезным стилизованным растительным орнаментом. Ушко плоское, овальное, с круглым отверстием. Внутри — катышек. Размеры: высота — 11,5 см, диаметр — 7,4 см. Сохранность: полная.

Колокол станционный (?). Бронза, чугун, литье, токарная обработка. Россия. Кон. XIX — нач. XX вв. Передан в музей А.А.Тереховым в 1994 г. КП 11992.

Юбка гладкая. Тулово гладкое, крыша плоская, с двумя круглыми отверстиями. Вся поверхность покрыта валиками. Ушко цилиндрическое, с горизонтально просверленным отверстием, в которое вдето плоско-выпуклое кольцо. Петля из круглого дрота. Язык в виде цилиндра с полусферическим утолщением на конце, подвешен на цепи из пяти колец квадратного сечения. Размеры: высота — 18,4 см, высота ушка — 2,1 см, диаметр юбки — 15,5 см, толщина стенки юбки — 0,5 см. Сохранность: одно ушко для языка утрачено. Кольцо в ушке лопнуло.

Колокольчик католический богослужебный. Светлый металл, железо, литье, токарная обработка, резьба. Зап. Европа. XIX в. Поступил в 1927 г. из Губернского исторического музея. Кл 4082.

Юбка гладкая с двумя валиками. Тулово усеченно-коническое, с двумя прорезными поясами на стенках. В нижнем поясе между процветшими кринами — символические изображения евангелистов: Иоанна — в виде орла, Матвея — в виде ангела, Марка — в виде льва, Луки — в виде быка. Над ним — гладкий пояс с врезными сопроводительными надписями. В верхнем поясе — прорезной волнистый растительный побег. Крыша ступенчатая. Ушко массивное, круглого сечения. Петля из железной проволоки. К ней подвешен язык в виде балясины. Размеры: высота — 15,2 см, диаметр юбки — 12 см. Сохранность: полная.

Колокольчик верблужий (ботало). Железо, склепан из одной полосы, крыша приварена. Средняя Азия. Кон. XIX — нач. XX вв. Поступил в 1924 г. из Естественно-исторического музея «На благое просвещение» имени Рыжичкина. Кл 1798.

Тулово овальное, с прямыми стенками, с округлой крышей. Ушко подтреугольное, прямоугольного сечения. В нижней части стенок — валик. На стенке с одной стороны — три заклепки. Петля для язычка — в виде плоского крюка. Размеры: 15,5 x 9,6 x 6,7 см. Сохранность: проржавел. Язычок утрачен.

Колокольчики комнатные

Колокольчик настольный. Бронза, литье, золочение. Россия. Послед. треть XIX — нач. XX вв. Поступил в 1922 г. из Естественно-исторического музея «На благое просвещение» имени Рыжичкина. Кл 3857.

Колокольчик в виде пожилой дамы с mopсом в одной руке и тростью — в другой. Платье с оборками, на плечах — роброн. На голове — чепец. Голова подвижная. Размеры: высота — 8 см. Сохранность: язычок утрачен. Золочение потерто и поцарапано. Трещина на роброне возле шеи.

Колокольчик комнатный. Бронза, железо, фарфор, картон, репс, кружево, литье, токарная обработка, надглазурная роспись, золочение, плетение, монтировка. Зап. Европа. Кон. XIX в. Поступил от Т.П.Борток в 1988 г. КП 11679.

Тулово полусферическое. Язычок — в виде гирьки на цепочке из двух S-образных звеньев. Наверху в виде дамы в голубом корсаже на шнуровке, в зеленом тюнюре. Картонная юбка, закрывающая колокольчик, обтянута бежевой тканью с черным кружевом. На голове — желтая шляпка с бело-голубым пером. Размеры: высота — 11,8 см. Сохранность: у фигурки одна рука утрачена, утрачен палец на другой руке, кружево ветхое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дунаев Ю.А. Производство поддужных колокольчиков в Тюмени, в Нижегородской губернии и на Урале // Колокола. М., 1985.
2. Ганулич А.К. К истории производства поддужных колокольчиков в России // Колокола. М., 1985.
3. Ким В.А. Ямские колокольчики и бубенцы: Материалы к сводному каталогу. Ростов, 1992.
4. Шершнев М.Н. Искусство колоколотейных мастеров Вятской губернии // Колокола. М., 1985.
5. Яковлева Н.П. Колоколотейное производство в Валдае // Колокола. М., 1985.

АТРИБУЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖИВОПИСИ И ГРАФИКИ ИЗ СОБРАНИЯ КАЛУЖСКОГО КОЛЛЕКЦИОНЕРА Н.И. ВАСИЛЬЕВА

И.В. Гужова,

Калужский областной художественный музей

В ходе подготовки каталога коллекции калужского собирателя Никанора Ивановича Васильева (1) были проведены атрибуции

произведений живописи и графики. Они коснулись не только произведений, ныне хранящихся в собрании Калужского областного художественного музея, но также и произведений, бывших в коллекции до Великой Отечественной войны и утраченных во время оккупации Калуги в 1941 г.

В собрании музея хранится акварель «Портрет цыганки Стеши Мосальской», исполненная на шелке, кисти художника Богданова (2). В описи Н.И. Васильева она указана под № 36: «Портрет цыганки Стеши Мосальской на тему Богданова» (3). Упоминание фамилии в описи дало основание считать автором работы некого художника Богданова, хотя пометка Н.И. Васильева: «на тему Богданова» указывает на литературное или музыкальное произведение некого Богданова, которое послужило основанием для создания акварели. Скорее всего, это было довольно популярное стихотворение или романс, посвященный судьбе цыганской певицы Стеши Мосальской, которому художник дал живописное воплощение. Иллюстративный характер акварели подтверждается ее композицией, которая состоит из отдельных самостоятельных частей, обрамленных фигурными рамками, показывающих какой-либо эпизод из жизни героини. Каждая часть этой сложной композиции имеет самостоятельное смысловое значение. Повествование разворачивается с левого нижнего ряда, где показано рождение героини, затем бедная юность, первые успехи и появление поклонников, и, как завершение, как апофеоз ее успеха, в центре, в овале, дан образ Стеши, достигшей признания и благополучия: девушка, рожденная в бедности и нищете, превратилась в светскую даму.

Такую блестящую карьеру в дореволюционной России вполне могла сделать цыганская певица или танцовщица благодаря своему таланту. Это был типичный случай для того времени. Цыганское искусство в России всегда пользовалось большой популярностью, особенно во II половине XIX в. (4). Тогда на сценах Москвы и Санкт-Петербурга блистали целые цыганские династии. Молодые, красивые и талантливые цыганки имели не только поклонников, но и удачно выходили замуж за богатых купцов и дворян, становясь светскими дамами. Подобные случаи были не единичны (5).

Наиболее популярным в 70 — 80 гг. был цыганский хор под руководством Николая Ивановича Шишкина, где пели его жена и дочери. Среди солисток его хора упоминается некая Домаша Масальская, известная цыганская певица (6). Возможно, она

стала прототипом героини, автор лишь изменил ее имя. В произведении, ставшем основой для нашей акварели, показана типичная судьба молодой красивой цыганской певицы II половины XIX в.

В описи Н.И. Васильева указана только фамилия автора, без инициалов. Среди указанных С.А. Венгеровым поэтов XIX в. было несколько, носивших эту фамилию, в основном малоизвестных, и кому из них принадлежит стихотворение, ставшее основой для создания акварели, не зная инициалов, установить невозможно (7). Тем более стихотворение могло быть создано и в середине и в начале XIX в., а акварель датирована 1877 г. Таким образом, Богданов является не автором акварели, а автором литературного произведения, на основании которого была написана акварель. Автором акварели «Портрет цыганки Стеши Мосальской» является неизвестный художник-акварелист II половины XIX в.

Сохранившиеся в архиве музея документы и фотографии позволили произвести атрибуции некоторых утраченных во время оккупации произведений из коллекции Н.И. Васильева. До войны работы из коллекции Н.И. Васильева были недостаточно изучены. Атрибуция некоторых произведений, данная в описи Н.И. Васильева и отсюда перенесенная в инвентарные книги музея, вызывает сомнение.

Необходимо было выяснить, по мере возможности, авторов утраченных произведений, чтобы полностью реконструировать состав работ, входивших в коллекцию, чтобы иметь наиболее полное о них представление. Это необходимо и для последующего поиска утраченных произведений в зарубежных собраниях, куда они могли попасть после войны.

Одной из самых «загадочных работ», бывших в коллекции и утраченных, был натюрморт художника Коста «Голова телянка». Опись Н.И. Васильева, где он был указан под № 12, дает о нем самые краткие сведения: «Голова телянка—Коста», ни инициалы, ни школа не указаны (8). Инвентарные книги музея позволяют уточнить его технику, материал и размеры: работа была написана на холсте размером 18 x 23 (9). Небольшой размер указывает на то, что это был этюд. Видимо, поэтому В.Н. Левандовский в каталоге художественного отдела Калужского музея его не указывает (10). В 1918 г. работа входила в первоначальную экспозицию музея под названием «Голова телянка и курица» (11), затем была изъята, но попала не в фонды, а находилась в комнате

директора (12). Это обусловлено тем, что В.Н. Левандовский, доверившись записи в описи Н.И. Васильева, отнес ее авторству Лоренцо Косты (1460 — 1535), одного из выдающихся художников флорентийской школы периода Высокого Возрождения. Но Лоренцо Коста известен как автор религиозных картин и портретов, натюрмортов он не писал. Тем более, что в начале XVI в. в итальянском искусстве, как и в европейском в целом, «чистый» натюрморт еще не сформировался в самостоятельный жанр живописи. И поэтому данную работу можно датировать не ранее, чем концом XVI — началом XVII вв.

Название натюрморта, данное в музее, — «Голова теленка и курица», — расширяет наше представление об утраченной работе, а довольно редкий подбор натуры дает возможность поиска аналогий. Подбор натуры в натюрморте позволяет его отнести к типу так называемых «кухонных натюрмортов» или натюрмортов типа «лавки». В XVII в. этот тип натюрморта получил развитие не только в голландском искусстве, но и в других школах. Было просмотрено довольно большое количество натюрмортов различных западноевропейских школ. Натюрморты с подобным подбором натуры встречается в творчестве итальянского художника конца XIV — середины XVII вв. Джованни Батиста Креспи, более известного под именем Черано (1557—1633) (13). Ему принадлежит близкий по подбору натуры «Натюрморт с головой козла, черепахой и ошипанной курицей», который находится в частном собрании в Италии (14). На нем изображен на темном фоне стол, на котором лежит окровавленная голова белого козла (или барана) с полуоткрытым ртом. Ее изображение, приближенное к краю холста, занимает всю нижнюю левую часть композиции. За ней в глубине на подставке дана ошипанная курица со связанными лапами. Справа к ней подползает черепаха. От картины, имевшейся в музее, она отличается подбором натуры: вместо головы теленка — голова козла и добавлена черепаха. Художник повторял понравившийся вариант натюрморта, меняя лишь подбор натуры.

На основании вышеизложенного можно считать, что в коллекции Н.И. Васильева, а затем в собрании музея, был или этюд самого Дж. Б. Креспи, или копия с него.

Другая картина, которая вызывает столь же большой интерес, — это натюрморт «Цветы». Сохранившаяся фотография дает представление об этой работе. На ней изображен букет цветов, стоящий в небольшом глиняном горшке на столе, от которого видна только верхняя часть столешницы. Небольшой по размерам, но пышный букет

состоит из различных садовых цветов, среди которых выделяются несколько распутившихся тюльпанов. На столе несколько опавших лепестков и веточка (15).

Авторство этого натюрморта в музее было приписано А. Босхэрту Младшему (1609 — 1645) (16), хотя в описи Н.И. Васильева имя автора не указано (17). Основанием для подобной атрибуции послужила монограмма и дата, которая была поставлена на изображении нижней доски стола. Монограмма состоит из довольно сложного переплетения латинских букв «Н» и «В» и отделенной от них двоеточием буквы «А», далее следует дата — 1634. Дата, 1634 год, и подходит для А. Босхэрта Младшего, но он подписывал свои работы другими инициалами (18).

Изображенная на картине монограмма в специальной литературе не встречается. Близкая по начертанию монограмма принадлежит голландскому художнику Андреану Боту (1608—1650), но он был жанрист, и, учитывая узкую специализацию в голландском искусстве, трудно отнести эту работу к его творчеству (19).

Написание цветов, особенно тюльпанов, близко к работам А. Босхэрта Старшего, но, учитывая, что голландские и фламандские художники часто заимствовали отдельные мотивы компоновки цветов и их написание друг у друга или из работ своих предшественников (20), трудно отнести данный натюрморт к конкретной школе, ориентируясь только на фотографию. Из круга возможных авторов нельзя исключить и немецких художников, которые работали под сильным влиянием творчества голландских и фламандских живописцев (21).

Изображенная в натюрморте монограмма в живописи не встречается, возможно, что она фальшивая и была поставлена на картину для более успешной ее продажи, что часто встречалось в практике торговли произведениями искусства в XVIII — XIX вв. (22).

Монограмму можно считать фальшивой, но, судя по тщательности проработки цветов, их многообразию и живописному уровню исполнения натюрморта, которое видно даже на черно-белой фотографии, в коллекции Н.И. Васильева и в собрании музея до войны было подлинное произведение неизвестного художника XVII в..

В собрании музея была картина, приписываемая на основании записи в описи Н.И. Васильева, Карло Чиньяни «Дама с букетом никоциан» (23). Нет веских оснований, чтобы отвергать эту атрибуцию, не видя оригинала. Хочется только внести некоторое уточнение в сюжет.

Сохранившаяся фотография дает представление об этой работе. На ней на темном фоне изображена молодая женщина в полуобороте со спины вправо; мощным потоком света выхвачено ее миловидное лицо, полуобнаженное плечо и рука. Фигура максимально приближена к краю холста, резкий светотеневой контраст говорит о влиянии караваджизма, которое испытал К. Чиньяни.

Если внимательно посмотреть на фотографию с картины, то видно, что в руках у женщины не букет, а венок, сплетенный из роз и гиацинтов (в описи Н.И. Васильева дано их искаженное название «нигоциан»). В нем каждый цветок имеет свою символику: роза в европейской традиции, идущей от античности, символизирует торжествующую любовь, радость, красоту (24). Другой цветок, гиацинт, по легенде возникший из крови случайно убитого Аполлоном юноши, олицетворяет весеннее воскрешение (25). Сплетенные в один венок, они символизируют любовь, красоту, радость весеннего обновления.

Цветы являются атрибутом итальянской богини цветов, плодородия и юности — Флоры, имя которой переводится с латинского как цветок (26). Ее часто изображали в окружении цветов, с венком цветов на голове. Здесь она держит его в руках. В греко-римской традиции венок из цветов является диадемой Флоры (27). А роза — атрибут не только богини Афродиты (Венеры), но и Флоры (28). В живописи, особенно итальянской, молодых женщин часто изображали в образе Флоры. Достаточно вспомнить такие произведения, как портрет Саски в виде Флоры Рембранта из собрания Эрмитажа; «Царство Флоры» Н. Пуссена из собрания картинной галереи в Дрездене.

Таким образом, основываясь на указанных атрибутах, можно утверждать, что на упомянутой картине изображена римская богиня цветов и юности Флора.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **Гужова И.В.** Художественное собрание Никанора Ивановича Васильева: Каталог коллекции. Калуга, 2002.
2. Инв. № Ж-6. Шелк, акварель. 63 x 52.
3. Государственный архив Калужской области (ГАКО), ф. 58, оп. 2, д. 412. С. 18 об.
4. **Штибер Н.Г.** Русские цыгане. Этнографический очерк // Ежемесячное литературное приложение к журналу «Нива» на 1895 г. Номер за сентябрь — декабрь 1895 г. СПб., 1895. С. 536—540.
5. Угасающая песня. Воспоминания о цыганских певцах // Журнал «Заря». 1913. № 5. от 15 декабря. С. 15—18.

6. **Азов В.** Цыгане (на смерть Н.И. Шишкина) // Журнал «Солнце России». СПб., 1911. Ноябрь, № 54(94). С. 10 — 11.
7. **Венгеров С.А.** Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 68 — 69.
8. ГАКО, ф. 58, оп. 2, д. 412, л. 18.
9. Фонды Калужского областного художественного музея (Фонды КОХМ). Инвентарная книга № 1 за 1938 год. С. 3 об. — 4, № 12.
10. **Левандовский В.Н.** Каталог художественного отдела Калужского музея // Художественный отдел Калужского государственного областного музея: Путеводитель-каталог. Калуга, 1929.
11. Архив Калужского областного художественного музея (Архив КОХМ), оп. 1, д. 1, . 5. № 47.
12. Фонды КОХМ. Инвентарная книга № 1 за 1938 год. С. 3 об. — 4, № 12.
13. **Доброклонский М.В.** Рисунки итальянской школы XVII — XVIII веков: Каталог. М., 1961. С. 138 — 139.
14. *La natura morta in Italia.* Т. 1. Eiecta. 1989. S. 238, 239. № 272 (х, м. 51 x 67).
15. **Безсонов С.В.** Экскурсия по художественному отделу Калужского музея // Художественный отдел Калужского государственного областного музея: Путеводитель-каталог. Калуга, 1929. С. 29 (восл.).
16. **Безсонов С.В.** Указ соч. С. 32; **Левандовский В.Н.** Указ. соч. С. XXXVII. № 147.
17. ГАКО, ф. 58, оп. 2, д. 412. С. 19.
18. **Линник И.** Голландская живопись XVII века и проблемы атрибуции картин. Л., 1980. С. 63.
19. *Die monogrammisten und die jeninigen bekannten und unbekanntten Kunstler aller Schulen.* В. III. Munchen-Leipzig. 19 S. 233, № 700.
20. **Линник И.** Указ. соч. С. 61—63.
21. **Линник И.** Указ. соч. С. 83—87.
22. **Линник И.** Указ. соч. С. 91.
23. ГАКО, ф. 58, оп. 2, д. 412. С. 18. № 15; **Безсонов С.В.** Указ соч. С. 23 — 24; Фонды КОХМ. Инвентарная книга № 1 за 1938 год. С. 3 об. — 4, № 15.
24. **Купер Дж.** Энциклопедия символов. Кн. IV. М., 1995. С. 277.
25. **Купер Дж.** Указ. соч. С. 53.
26. Флора и Фавн // Мифы о растениях и животных: Краткий словарь / Автор-сост. Федосеев В.М. М., 1998. С. 3.
27. **Купер Дж.** Указ. соч., 1995. С. 33.
28. Флора и Фавн: Краткий словарь. С. 92.

СОКРОВИЩА ТУЛЬСКИХ УСАДЕБ В СОБРАНИИ ТУЛЬСКОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ

Л.Г. Черезова

Тульский музей изобразительных искусств

Собрание Тульского музея изобразительных искусств (ТМИИ) формировалось с 1919 г. преимущественно из художественных коллекций тульских усадеб. Большинство этих усадеб в первые годы после революции было превращено в музеи: Богучаровский музей дворянской культуры и быта, Урусовский музей, Музей коневодства в Прилепах и другие. Однако в середине 1920-х гг. практически все эти музеи были ликвидированы, а коллекции переданы Тульскому художественно-историческому музею. В 1939 г. музей (к этому времени — Тульский краеведческий музей) был реорганизован в два самостоятельных музея: Тульский областной краеведческий и Тульский областной художественный музеи. Единые коллекции были разделены в соответствии с профилем музеев. Учетные документы (акты поступления, инвентарные описи коллекций уездных музеев) остались в архиве краеведческого музея, в результате чего возникла большая путаница в определении происхождения экспонатов нашего музея.

Приведу небольшой пример. В экспозиции ТМИИ представлены скульптурные бюсты графа и графини Бобринских и бюст графа Орлова. Логично предположить, что они поступили в музей из дворца Бобринских в Богородицке. Однако при исследовании этих портретов, изучении старых учетных номеров и инвентарных книг обнаружилось, что к Бобринским относится только один портрет¹, причем в книге он назван “Портретом старика Бобринского” (подчеркнуто мной. — Ч.Л.). Представлен же не старик, а мужчина средних лет. Что касается портрета графини Бобринской, то оказалось, что это графиня Любомирская, во втором браке Валевская. Этот бюст поступил из усадьбы Гагариных в Сергиевском (ныне г. Плавск). Выяснилось, что граф Орлов на самом деле — граф Любомирский. Бюст поступил также из Сергиевского и является, вероятно, портретом супруга графини Любомирской. Как и когда графы Любомирские превратились в графов Бобринских, пока узнать не удалось.

Этот пример показывает, с какими трудностями приходится сталкиваться в нашем музее при определении происхождения экспонатов и истории их бытования.

Тем не менее задача эта очень увлекательная. В настоящее время

в музее подготовлен проект “Приглашение в усадьбу” (автор — Черезова Л.Г.), где сделана попытка выяснить эти вопросы, определить круг произведений, связанных с той или иной усадьбой, по-новому взглянуть и лучше понять личности владельцев.

В музее представлены коллекции из Урусова (усадьбы Волконских-Кампанари), Сергиевского-на-Упе (усадьба Языковых), Прилеп (усадьбы Я.И. Бутовича), Богучарово (усадьба Хомяковых), Сергиевского (ныне г. Плавск — усадьба Гагариных), Богородицка (дворец Бобринских), Красные Буйцы (усадьба Олсуфьевых) и других.

Интересна судьба урусовской коллекции. Имущество ликвидированного Урусовского музея было передано в Тульский музей в марте 1926 г., и большая часть этой коллекции находится в настоящее время в ТМИИ. На обороте многих портретов, поступивших из Урусова, есть надпись: “Марк. Кампанари. Село Урусово”, указывающая источник происхождения и принадлежность картин: “маркизов Кампанари. Село Урусово”. Но сотрудники музея прочитали надпись как “маркиз Кампанари”, и на протяжении долгого времени портрет (работы известного русского художника П.Н. Орлова 1842 г.) назывался “Портретом маркиза Кампанари”².

В 1997 г. на III научной конференции по экспертизе и атрибуции А.М. Горшман предложил атрибуцию этого портрета.³ Как оказалось, на портрете представлен князь Никита Григорьевич Волконский (1779 — 1844), сын Григория Семеновича Волконского и муж Зинаиды Александровны Волконской (1789 — 1862). Именно Зинаиде Волконской, рожденной Белосельской-Белозерской, принадлежало имение Урусово в Тульской губернии. Сын Зинаиды Александровны и Никиты Григорьевича Волконских, Александр Никитич, умер бездетным. Однако известно, что он удочерил дочь своего друга — Надежду Васильевну Ильину, вышедшую замуж за маркиза Владимира Кампанари. Таким образом имение Волконских перешло по наследству в род Кампанари.

В архиве Тульского краеведческого музея есть старая опись Урусовского музея⁴, в которой упоминаются многие портреты Волконских. В их числе два портрета самой Зинаиды Александровны, портреты ее отца князя — Александра Михайловича Белосельского-Белозерского, матери Варвары Яковлевны, урожденной Татищевой, и многие другие. Этим портретов нет в каталогах нашего музея. Заинтересовавшись родословной Волконских и их родственными связями, я предположила, что один из наших портретов⁵ изображает ту самую “царицу муз и красоты”, которой А.С. Пушкин посвятил свое стихотворение. На нем изображена в профиль молодая женщина в открытом коричневом платье,

вьющиеся волосы высоко подняты на голове и уложены в прическу. Она повернула голову и через плечо смотрит на зрителя. Сравнивая этот портрет с доступными нам изображениями З.А. Волконской, можно отметить сходные черты: большие выразительные глаза, тонкий нос, маленький рот, гибкая шея.

Оказалось, что портрет З.А. Волконской, очень похожий на наш, опубликован в книге "Итальянская Пушкиниана" И. Бочарова и Ю. Глушаковой.⁶ Он находится в частном собрании за рубежом, выполнен в 1828 г. в технике акварели, автор — французский художник Ф. Берже. Наш портрет З.А. Волконской выполнен в технике масляной живописи не очень умелым художником. Я предположила, что в музее хранится копия с акварельного портрета, очевидно работы крепостного художника. Посвятившие многие свои исследования Зинаиде Волконской Ю.П. Глушакова и И.Н. Бочаров, к которым я обратилась с письмом, подтвердили, что на портрете изображена Зинаида Александровна Волконская, и предположили, что наш портрет, видимо, является копией не с акварели, а с неизвестного нам живописного портрета, написанного раньше 1828 г. В любом случае, было установлено, что на портрете, поступившем из Урусова, изображена его хозяйка — З.А. Волконская. За этой первой "находкой" атрибуцией последовали другие.

В списке картин значатся два портрета Елизаветы Леопольдовны Волконской. Один из них выполнен маслом в технике пастели середины XIX в., на другом она изображена с дочерью. В наших документах таких портретов нет, но есть "Портрет княгини Урусовой с дочерью"⁷, а также пастельный "Портрет княгини Урусовой" работы итальянского художника Д.Б. Каневарри 1862 г.⁸ На обоих портретах изображена молодая дама в темном открытом платье и горностаевой накидке. Поскольку оба портрета поступили из Урусова, то скорее всего на портретах должны быть не Урусовы, а Волконские. Я установила, что Елизавета (вернее — Луиза) Леопольдовна Волконская, рожденная баронесса фон Лилиен, — жена сына Зинаиды Волконской — Александра. Их дочь, названная в честь бабушки Зинаидой, умерла в раннем возрасте. Пока известна только дата смерти Л.Л. Волконской — 1870 г., и умерла она в сравнительно молодом возрасте, т.е. всего через восемь лет после написания пастельного портрета. Я предположила, что на обоих портретах изображена именно Луиза Леопольдовна Волконская. К сожалению, ни мне, ни моим консультантам И. Бочарову и Ю. Глушаковой не известны изображения Л.Л. Волконской. Возможно, удастся также точнее датировать портрет с дочерью, если будет известна дата смерти девочки.

В экспозиции музея представлен "Портрет маркизы Кампанари" работы, предположительно уже упоминавшегося П.Н. Орлова.⁹ Пожилая дама, изображенная на портрете, очень напоминала чертами лица Зинаиду Волконскую, на что обратили внимание сотрудников музея Бочаров и Глушакова, будучи в 1989 г. в Туле. Выяснив, что "Портрет маркизы Кампанари" и "Портрет маркизы Кампанари" на самом деле изображения Зинаиды Александровны и Никиты Григорьевича Волконских, опубликовали свою атрибуцию в сборнике "Мир русской усадьбы".¹⁰

В архивной описи упоминается также пастельный портрет Надежды Васильевны Кампанари, приемной дочери А.Н. Волконского. На хранящемся у нас овальном пастельном портрете¹¹ изображена молодая девушка с выразительными темными глазами, пухлыми губами, с гладкой прической на прямой пробор и в горностаевой накидке на плечах. В 1989 г. потомки Н.В. Кампанари передали нашему музею в дар живописный портрет Надежды Васильевны Кампанари, исполненный в Париже неизвестным художником в 1879 г. Надежда Васильевна изображена здесь в возрасте 24 лет (родилась она в 1855 г.). Девушка на пастельном портрете гораздо моложе, ей лет 16 — 18. Я послала фотографию с этого портрета Ю. Глушаковой и И. Бочарову с предположением, что на портрете изображена Наталья Васильевна Ильина (1855 — 1923), усыновленная Александром Никитичем Волконским, в замужестве Кампанари. Они сочли, что моя атрибуция правильная, так как могли сравнить наш портрет с имеющимися у них фотографиями Н.В. Кампанари.

Видимо, из Урусова происходит портрет Григория Семеновича Волконского¹² (1742 — 1824), отца Никиты Григорьевича, а также портреты Николая Васильевича Репнина¹³ (1734 — 1801), тестя Г.С. Волконского, и его жены Натальи Александровны¹⁴ (1737 — 1798), урожденной Куракиной.

Портрет Г.С. Волконского написан знаменитым русским портретистом В.Л. Боровиковским в 1810-е гг., причем известно несколько портретов князя кисти Боровиковского.

Кроме портретов близких родственников Волконских из Урусова, поступили также портреты графа Захара Григорьевича Чернышева¹⁵ (1722 — 1784), Петра Дмитриевича Еропкина¹⁶ (ум. в 1805 г.), цесаревича Павла Петровича (копия с Рослена)¹⁷ и другие. В архивной описи названы также портреты родителей Зинаиды Александровны — отца, Александра Михайловича Белосельского-Белозерского (1752 — 1809), и матери, Варвары Яковлевны (1764 — 1792), урожденной Татищевой; портрет римского дворянина Владимира Павей (приемного сына

Зинаиды Волконской); портрет Владимира Францевича Кампанари, мужа Н.В. Кампанари; портреты других родственников Волконских, имена которых, к сожалению, до сих пор определить не удалось.

Зато благодаря документам архива Тульского краеведческого музея удалось установить, что в нашем музее хранятся портреты русских царей, поступившие из Урусова. Это портреты Григория Самозванца, Бориса Годунова, Василия Шуйского, Михаила Федоровича. Известно, что Григорий Семенович Волконский заказывал исполнить копии подобных портретов В.Л. Боровиковскому.

Также были установлены еще два портрета Волконских — родителей Григория Семеновича. Эти портреты находятся в нашем музее под названием “Портрета князя Урусова” и “Портрета княгини Урусовой”. На одном холсте большого формата представлен коленопреклоненный мужчина, на другом — женщина средних лет, оба в горностаевых мантиях. Они обращаются к святым рядом с ними. Над головой святого в портрете князя хорошо читается надпись “Преподобный Симион Столпник”. Так как обычно изображался одноименный человеку святой, естественно было предположить, что имя князя — Семен. В архивной описи¹⁸ есть краткое описание этих портретов, совпадающее с нашими работами. Таким образом, вместо портретов князей Урусовых у нас оказались портреты отца Г.С. Волконского — князя Семена Федоровича Волконского (1703 — 1768) — и матери — княгини Софии Семеновны (1707 — 1777), урожденной Мещерской.

Пример урусовской коллекции, определение лиц, изображенных на портретах, позволило по-новому воспринять давно хранящиеся в музее картины. Много интересного было раскрыто и в других усадебных коллекциях. Не все пока удалось определить, но работа в этом направлении будет продолжена, и я надеюсь, что удастся пролить свет и на многие другие экспонаты нашего музея.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Неизвестный скульптор 1-й пол. XIX в. Портрет графа Бобринского. Мрамор. Инв. 2-с.

² Орлов П.Н. Портрет маркиза Кампанари. 1842. Холст, масло. 66 x 52. Инв. 7-ж.

³ Горшман А.М. Портреты Г.А. Васильчикова и Н.Г. Волконского в Тульском областном художественном музее” // Материалы III научно-конференции по экспертизе и атрибуции. Москва, 1998.

⁴ Опись Урусовского музея. 1926 г. Архив ТОИАЛМ, оп.2, д. 50, л.9 — 10.

⁵ Неизвестный художник 1-й пол. XIX в. Портрет неизвестной в коричневом платье. Холст, масло. 62 x 51. Инв. 251-ж.

⁶ Бочаров И., Глушакова Ю. Итальянская пушкиниана. М., 1991 С.303.

⁷ Неизвестный художник сер. XIX в. Портрет княгини Урусовой с

дочерью. Холст, масло. 122 x 105. Инв. 14-ж.

⁸ Д.Б. Каневарри (1789 — 1879). Портрет княгини Урусовой. 1862. Бумага на картоне, пастель. 72 x 55. Инв. 127-р.

⁹ Орлов П.Н. (?). Портрет маркизы Кампанари. Холст, масло. 70 x 54. Инв. 130-ж.

¹⁰ Глушакова Ю. Русская вилла у древних стен Рима // Мир русской усадьбы: Очерки. М., 1995. С. 283.

¹¹ Неизвестный художник сер. XIX в. Портрет неизвестной. Холст, масло.

¹² Боровиковский В.Л. Портрет Григория Семеновича Волконского. Холст, масло. 76 x 60. Инв. 359-ж.

¹³ Неизвестный художник 2-й пол. XVIII в. (копия с Левицкого Д.Г.) Портрет Николая Васильевича Репнина. Холст, масло. 72,5 x 58. Инв. 9-ж.

¹⁴ Неизвестный художник 2-й пол. XIX в. Портрет Натальи Александровны Репниной. Холст, масло. 76x61. Инв. 8-ж.

¹⁵ Неизвестный художник 2-й пол. XVIII в. (копия с Ф.С. Рокотова?). Портрет Петра Дмитриевича Еропкина. 1790. Холст, масло. 71,5 x 58,5. Инв. 240-ж.

¹⁶ Неизвестный художник 2-й пол. XVIII в. (копия с Ф.С. Рокотова?). Портрет Петра Дмитриевича Еропкина. 1790. Холст, масло. 71,5 x 58,5. Инв. 240-ж.

¹⁷ Неизвестный художник 2-й пол. XVIII в. (тип Рослена). Портрет царевича Павла Петровича. Холст, масло. 56,5 x 43,5. Инв. 249-ж.

¹⁸ Князь Семен Федорович Волконский на коленях перед св. Симеоном. Архив ТОИАЛМ, оп.2, д. 50, л.9, п. 22; Княгиня София Семеновна Волконская на коленях перед св. Софией. Там же, п. 23.

ВЫЯВЛЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ ОРУЖИЯ ИЗ СОБРАНИЯ УСАДЬБЫ БАРЯТИНО В ФОНДАХ КАЛУЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

*В.А. Бессонов, к.и.н.,
Калужский государственный
объединенный краеведческий музей*

Прошлое села Барятино Тарусского уезда, владельцами которого в XVII — начале XX вв. были князья Барятинские, Голицыны и Горчаковы, в последние несколько лет привлекает особое внимание исследователей, обращающихся к изучению его истории, жизни владельцев и уникальной коллекции, которая хранилась в начале XX в. в усадебном доме и после революции 1917 г. оказалась распыленной по музейным собраниям и библиотекам России¹. В данной работе на основе учетной документации Калужского государственного объединенного краеведческого музея (КГОКМ) и источников, хранящихся в Государственном архиве Калужской области,

предпринимается попытка выявления предметов оружия и защитного вооружения, ведущих свое происхождение из усадьбы Барятино.

О наличии в фондах КГОКМ этих предметов свидетельствует расписка, данная 19 сентября 1920 г. заведующим исторического музея В.И. Извековым, в которой говорится: «Приняты мною для помещения в Исторический музей переданные из подотдела искусств Калужского губнаробраза предметы, все занесенные в инвентарную книгу под №№ 638 — 808 за текущий 1920 год». Далее следует список из 196 предметов, в числе которых упоминается «26 экземпляров мечей, шпаг и кинжалов», «28 топоров, алебард, бердышей и их частей», «22 экз. копий, дротиков и их частей», «15 ружей (разной сохранности)», «10 пистолетов и револьверов», «3 самострела» (т.е. арбалета), «6 щитов», «4 шлема», «24 разные части вооружения» (записаны под 13 номерами) и «1 военный доспех из 9 частей»². На обороте титульного листа дела, в котором был подшит данный документ, рукой Извекова написано: «16. Расписка в получении Горчаковой коллекции из Губмузея»³. Учитывая то обстоятельство, что последним владельцем усадьбы Борятино был С.Д. Горчаков, можно предположить, что все полученные в музее предметы, включая 115 образцов оружия и защитного вооружения, а также относящиеся к ним 24 «части», имеют прямое отношение к рассматриваемой коллекции.

В расписке указывалось, что все поступившие из подотдела искусств предметы были записаны в инвентарную книгу. Однако данный источник ни в фондах музея, ни в фондах Госархива выявить не удалось. Отсутствие важного звена в учетной документации КГОКМ не позволяет реконструировать в полном объеме поступившую в 1920 г. коллекцию оружия. Поэтому основными источниками для выявления интересующих нас предметов выступают книги поступлений и коллекционные описи⁴.

Первая книга поступлений Исторического музея была составлена уже к концу 1922 г. Об этом свидетельствует тот факт, что по данной книге уже в декабре 1922 — январе 1923 г. проводилась инвентаризация фондов музея после его переезда из палат Коробова в усадьбу Золотарева. О результатах проверки 29 января 1923 г. Извеков сообщил в губмузей, отметив, что «все предметы, принадлежащие музею в числе 3316 номеров находятся налицо за исключением нескольких малоценных предметов небольшого размера, утерянных во время перевозки из дома Коробовых в новое помещение музея»⁵.

В данной книге поступлений предметам были присвоены номера, просуществовавшие в музее до 1945 г. При этом связь с номера-

ми инвентарной книги, упоминаемой в расписке Извекова, была практически разрушена (в книге поступлений они встречаются крайне редко). Несмотря на это, именно первая книга поступлений может считаться основным источником для выявления истории появления предметов. Анализ ее содержания, и особенно записей и сделанных рукой Извекова помет в графе об источнике поступления, позволяет констатировать, что она содержит наиболее достоверную информацию о происхождении предметов по сравнению с другой учетной документацией музея. Вместе с тем необходимо отметить, что и в этой книге во многих случаях отсутствуют сведения об источнике поступления и, кроме того, встречаются различного рода описки. Так, например, в книге указано, что часть образцов оружия поступила в музей по акту от 20 июля 1920 г., хотя в реальности речь идет о передаче в Исторический музей предметов из музея «На благое просвещение» им. А.А. Рыжичкина по акту № 1 от 20 июня 1920 г. Следовательно, содержащиеся в книге поступлений 1922 г. сведения необходимо подвергать критическому анализу, учитывая весь объем информации о движении предметов между учреждениями и музеями за разный период времени.

К сожалению, первая книга поступлений сохранилась в музее фрагментарно (с № 1 по 1997, с 2014 по 2048 и с 4561 по 5339). При этом наиболее полная информация о происхождении показана только для мушкетов, ружей, мушкетонов, карабинов, винтовок и т.п. предметов, которые открывали раздел оружия и были записаны под № 1445 — 1532. Так, путем сопоставления сведений, содержащихся в книге поступлений, с актами и другими источниками, можно установить происхождение 84 (95,5%) из 88 перечисленных образцов оружия. В свою очередь другие типы оружия не отличаются такой высокой степенью идентификации. Например, из 32 пистолетов (№ 1681 — 1712) источник поступления определяется только для 5 предметов (15,6%).

В книге поступлений на происхождение оружия из барятинской коллекции указывает запись о получении предметов из губмузея, дополненная карандашной пометкой о расписке от 19 сентября 1920 г. Кроме того, в двух случаях встретилась конкретная запись: «Из коллекции Горчакова». По этим признакам было выявлено 10 образцов огнестрельного оружия и 2 — холодного. Кроме того, к этому числу можно добавить крепостное ружье, переданное, согласно имеющейся в книге записи, из губмузея (ссылка на расписку отсутствует). Отнесение его к рассматриваемой коллекции основано на том, что данный образец не фигурирует среди аналогичных предме-

тов, поступивших в музей из других источников, так или иначе связанных с деятельностью подотдела искусств или губмузея.

Кроме книги поступлений, информация о происхождении предметов оружия содержится в коллекционной описи (книга экспонатов №4), составленной в музее в 1935 — 1936 гг. Сравнение этого документа с книгой поступлений позволяет констатировать практически полную идентичность заполнения графы об источнике поступления. Однако в описи не всегда были учтены содержащиеся в книге поступлений пометки, а в ряде случаев оказалось искажено их содержание. Так, например, из 10 образцов огнестрельного оружия, относящихся к барятинской коллекции, только 8 имели запись о поступлении из губмузея. При этом в 5 случаях не были воспроизведены данные о расписке, в одном указано, что предмет был передан в 1920 г., а в двух других — по акту от 19 сентября 1920 г. и по акту от 18 июля 1920 г. Подобные ошибки и пропуски являются характерными для рассматриваемой описи. Это обстоятельство существенно снижает достоверность приводимых сведений и значительно усложняет работу с источником. Вместе с тем, в коллекционной описи имеются дополнительные сведения о происхождении отдельных образцов оружия. Маловероятно, чтобы появление этих данных было связано с целенаправленной работой по восстановлению истории происхождения предметов. В пользу этого свидетельствует не только небрежность, с которой заполнялась опись, но и значительные пропуски в указании источников поступления. Вероятнее всего, дополнительные сведения появились в коллекционной описи на основании личных свидетельств сотрудников музея, занимавшихся в 1920-х гг. приемом предметов, и в первую очередь, со слов самого Извекова. Учитывая ограниченность источниковой базы, для выявления происхождения музейных предметов представляется возможным использование содержащейся в описи информации в том случае, если нет прямых противоречий с другими источниками, характеризующими процесс формирования музейной коллекции.

В коллекционной описи на принадлежность предметов к барятинскому собранию указывают записи о поступлении их из подотдела искусств и о происхождении оружия из коллекции Горчакова, а также упоминание о 1920 г. По этим признакам, в дополнение к уже известным 13 предметам, в описи удалось выявить 50 образцов оружия и защитного вооружения. Среди них: 5 пистолетов, 35 предметов холодного оружия (4 — клинкового, 31 — древкового), 2 арбалета, 3 щита, 3 шлема и 2 кирасы. Вместе с тем некоторые из

этих предметов не могут быть однозначно отнесены к барятинской коллекции. В первую очередь это касается капсульного пистолета с прикладом (№2445). В описи прямо указано, что он происходит из коллекции Горчакова, хотя этот пистолет был передан в Исторический музей по акту №3 от 11 июля 1920 г. из музея “На благое просвещение”⁶. Сомнительной кажется и запись в описи о поступлении из подотдела искусств двух кирас (№ 1718, 1719), так как в расписке от 19 сентября 1920 г. говорится только об одном доспехе, составленном из 9 частей.

Таким образом, данные книги поступлений и коллекционной описи позволяют с определенной долей вероятности отнести к барятинской коллекции 60 образцов оружия и защитного вооружения. Что касается выявления происхождения предметов по современным книгам поступлений, которыми была введена с 1945 г. новая система учетной нумерации, то использование их для решения поставленной задачи нецелесообразно в силу значительного числа ошибок и неточностей в записях, которые оказались сдублированы и в коллекционной описи 1960-х гг. В новой учетной документации графа об источнике поступления заполнялась на основе коллекционной описи 1935 — 1936 гг., не отличающейся точностью приводимых данных. При этом даже имеющаяся информация оказалась сдублирована не в полном объеме, а сведения о происхождении отдельных предметов были необоснованно расширены. Например, в довоенной книге поступлений и описи происхождение охотничьего ружья второй половины XIX в. (старый № 1513, новый № 1223) не было определено, а в современной документации указано, что оно поступило из музея “На благое просвещение” по акту от 11 июля 1920 г., хотя в указанном акте данный образец не значится. Подобные примеры в современных книгах поступлений и описях встречаются достаточно часто.

Выявленный комплекс предметов из барятинской усадьбы может быть дополнен путем обращения к изданному в 1929 г. В.И.Извековым и М.Е.Шереметьевой путеводителю по музею и анализа содержания фондов КГОКМ. Так, в указанной работе упоминается, что выставленные в экспозиции 5 щитов “поступили из имения кн. Горчакова — Барятину”⁷. При этом о происхождении трех из описанных в путеводителе щитов сведений в учетной документации не имелось. Следовательно, полученные данные позволяют выявить в коллекции музея все упоминаемые в расписке 1920 г. щиты.

Помимо двух выявленных арбалетов, в фондах КГОКМ имеется еще один арбалет, который можно отнести к барятинскому собранию на том основании, что поступление данного вида оружия в музей из

других источников зафиксировано не было. Кроме того, анализ содержания предметов защитного вооружения позволяет констатировать, что в музее хранится только один доспех (старый № 5495, новый № 1440 и 1570), состоявший из 9 частей (кираса из двух досок, два оплечья, две перчатки, два набедренника и ожерелье), который, по всей видимости, и был упомянут в расписке 1920 г.

Таким образом, анализ имеющихся в нашем распоряжении источников позволил отнести к барятинскому собранию 65 предметов оружия и защитного вооружения, что составляет 56,5% от 115 поступивших в музей. При этом оказались выявлены все поступившие арбалеты, щиты, доспехи и 3 из 4 шлемов. Наибольшее число предметов было идентифицировано среди огнестрельного и древкового оружия, наименьшее — среди клинкового (6 из 26 образцов).

Подавляющее большинство этих предметов можно отнести к западноевропейскому оружию XVI — XVIII вв. Восточное оружие представлено лишь четырьмя предметами (ружье, сабля, кинжал, топор). Незначительную часть барятинского собрания составляют и предметы отечественного производства, датируемые XVII — XVIII вв. Кроме того, в коллекции имелось несколько единиц охотничьего оружия, которое могло использоваться владельцами усадьбы. Следует также отметить, что ряд предметов (например, почти все щиты и отдельные образцы древкового оружия) относится к числу воспроизведений, применявшихся для создания соответствующего интерьера. Содержание коллекции показывает, что при ее составлении особое предпочтение отдавалось западноевропейскому оружию XVI — XVII вв. Значительное количество предметов и четко выраженная тематика подбора позволяют высказать предположение, что это собрание не было сформировано случайно, а явилось результатом целенаправленного комплектования. Наличие декоративных образцов указывает на то, что коллекция размещалась компактно в специально отведенном помещении и была частью интерьера усадебного дома.

Из 65 выявленных предметов три в разное время оказались списаны. Согласно записи в довоенной книге поступлений по акту инвентаризации 1928 г. был исключен “самопал деревянный” как переданный в другое музейное учреждение. Кроме того, охотничье ружье XVII в. и персидский топор были утрачены во время оккупации Калуги в период Великой Отечественной войны и списаны по акту от 10 июля 1942 г.

Таким образом, на сегодняшний день в КГОКМ сохранилось 62 предмета, ведущих свое происхождение из усадьбы Барятино. Вместе с тем работа над идентификацией барятинской коллекции оружия может быть продолжена путем привлечения новых документальных источников и всестороннего изучения хранящихся в фондах музея предметов

Выявленные образцы оружия и защитного вооружения, представляющие собой памятники материальной культуры XVI — XIX вв. западноевропейского, восточного и русского производства, позволяют представить еще одно направление коллекционирования и определить пристрастия владельцев усадьбы, а также расширяют наше представление об уникальном собрании в Барятино в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бессонов В.А. Из истории села Барятино // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: Материалы IV Голицынских чтений. Малоярославец, 1998. Ч.2. С. 92 — 103; Он же, Малашина Т.Ф. Владения князя Б.А. Голицына в Подмоскovie // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: Материалы V Голицынских чтений. Большие Вяземы, 1998. С. 69 — 77; Голутва Г.В. Генеалогия голицынских усадеб в Тарусском уезде // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: Материалы V Голицынских чтений. Большие Вяземы, 1998. С. 93 — 103; Он же. Барятино и Роща — старинные дворянские усадьбы Тарусского уезда / Таруса в исследованиях краеведов. Калуга, 2000. С. 12 — 15; Зверева М.В. Прототипа: Жизнь и смерть Анны Евграфовны Горчаковой // Калуга в шести веках: Материалы 3-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2000. С. 360 — 373; Она же. Книжное собрание князя Д.С. Горчакова в фондах Калужского областного художественного музея // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы IX конференции. Калуга, 2001. С. 80 — 87; Она же. Портреты Голицыных в собрании Калужского областного художественного музея // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: Материалы VIII Голицынских чтений. Большие Вяземы, 2002. С. 124 — 130; Пуцко В.Г. Пергаментное Евангелие из собрания кн. С.Д. Горчакова в Калуге // Обнинский краеведческий сборник. Обнинск, 1996. С. 31 — 37.

² Государственный архив Калужской области (далее: ГАКО), ф. Р-2879, оп. 1, д. 1, л. 20.

³ Упоминание губмузея в перечне содержащихся в деле документов объясняется тем, что существовавший с 1918 г. подотдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины (подотдел искусств) в апреле 1921 г. был реорганизован в Калужский губернский комитет по делам музеев и охране памятников искусства и старины, народного быта и природы (губмузей). См.: Черепанова Н.Г. Деятельность Калужского губернского комитета по делам музеев и охране памятников в 1918 — 1923 гг. // Песоченский историко-археологический сборник. Киров, 2002. Вып. 4. Ч. 1. С. 172 — 175.

⁴ О формировании учетной документации музея см.: Сафонова Г.Б. Инвентарные книги музея — источник по истории его коллекций за столетие // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Тезисы докладов VII конференции. Калуга, 1988. С. 46 — 49.

⁵ ГАКО, ф. Р-2879, оп. 1, д. 2, л. 2.

⁶ Там же. Д. 1, л. 5.

⁷ Извеков В.И., Шереметьева М.Е. Краткий путеводитель по историческому отделу Калужского государственного музея. Калуга, 1929. С. 7.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОБРАНИЯ КНЯЗЕЙ ГОРЧАКОВЫХ В УСАДЬБЕ БАРЯТИНО*

М.В. Зверева,

Калужский областной художественный музей

Среди калужских усадеб Барятино занимает особое место. К началу двадцатого столетия здесь сформировалось богатейшее художественное собрание, включавшее в свой состав коллекцию живописи, оригинальной и печатной графики отечественных и западноевропейских художников, коллекцию портретных миниатюр работы отечественных и английских художников XVIII — XIX вв.; предметы декоративно-прикладного искусства: старинное серебро, фарфор, хрусталь, бронзу; мебель работы немецких мастеров XVIII в.; художественные предметы быта. В состав библиотеки входили не только книги по искусству, истории, философии, археологии, но и многочисленные альбомы со старинными гравюрами и литографиями; олеографии, художественные фотографии, фотогравюры.

В 1907 г. факт существования барятинского художественного собрания был зафиксирован в небольшом издании, посвященном памяти основателя коллекции — князя Дмитрия Сергеевича Горчакова (1828 — 1907). Автором этой работы явился известный знаток искусства, исследователь “дворянских гнезд” граф С.Д. Шереметев, который отметил, что с появлением в усадьбе князя Горчакова Барятино «превратилось в культурный уголок»: «У князя Дмитрия Сергеевича Горчакова было много вкуса, и все, им устраиваемое, носило двойственный характер: несомненного изящества и известной домовитости. Любил он очень дарить своих близких, и всякая безделушка, им покупаемая, была оригинальна и изящна. Он был истинный художник и жил в своем особом мире, дававшем ему радости, забвение и отраду» [1]. Князь Горчаков путем длительного и планомерного поиска собирал произведения искусства, используя для этого не только обычные для того времени справочники и каталоги распродаж, но и специальную литературу: “Словарь монограмм” Франца Бруллиот [2], “Историю французских живописцев XIX в.” Леблана [3] и его же “Историю живописцев всех школ” [4], художественный журнал

* Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и администрации Калужской области (проект № 03-04-00327а/Ц).

“Сокровища России”, монографии по искусству.

Ряд предметов поступил из семьи жены кн. Горчакова, Веры Ивановны Бек, падчерицы князя Павла Петровича Вяземского [5].

Значительная часть художественных произведений была приобретена на распродажах. Об этом свидетельствуют надписи на обратной стороне холстов, владельческие пометы на графических листах, наклейки-ярлыки на альбомах и книгах.

Происхождение рисунков французского живописца и графика Теодора Жерико (1791 — 1824) представляет для исследователя особый интерес. Два из них исполнены на двух сторонах листа вержированной бумаги формата 39 x 58 см в излюбленной для Жерико технике: пером прочерчены основные контуры фигур, наложены глубокие тени, карандашом обозначены менее четкие линии, передающие световоздушную среду, детали одежды. Лист вмонтирован в старое картонное паспарту с помощью полос синей бумаги, наклеенных по периметру рисунка.

На первом рисунке представлен драматический эпизод из истории завоевания Мексики испанскими конкистадорами. Это — сцена схватки, яростной борьбы, полная экспрессии и предельного напряжения.

Вверху надпись карандашом на французском языке: *Composition d'une grisaille pour la niche de l'antichambre de l'hôtel de l'ambassade d'Espagne // par Guéricault c'est la prise de Mexico par Ferdinand Cortez* (“Композиция в технике гризайль для ниши в вестибюле резиденции посольства Испании, // исполненная Жерико. Это — завоевание Мексики Фернандо [Фердинандом] Кортесом”). Надпись повторена пером, чернилами на верхнем поле паспарту. Вверху на паспарту приклеен ярлык с номером: 485 (ил. 1).

Рис. 1. Теодор Жерико. Завоевание Мексики Фернандо Кортесом. Около 1817. Бумага, перо, тушь, карандаш, кисть коричневым и серым тоном. 58 x 39. КОХМ, инв. № Г-929

Второй рисунок, исполненный на обратной стороне того же листа, представляет собой многофигурную композицию на тему смерти Святого Людовика. Людовик IX, король Франции (1214 — 1270), прославился своими крестовыми походами в Египет и Палестину, откуда принес предполагаемые реликвии распятия Христа (терновый венец, части Креста Господня), для хранения которых была построена церковь Сент-Шапель Капеллы в Париже. Людовик IX умер в Тунисе во время второго крестового похода, канонизирован в 1297 г.

На рисунке Жерико фигуры воинов, обращенные к смертному одру короля, составляют центральную группу графического произведения. Тело Людовика, облаченное в военные доспехи, покоится на возвышении, покрытом драпировочной тканью.

Рис. 2. Теодор Жерико. Смерть Св. Людовика в Палестине. Около 1817. Бумага, перо, тушь, карандаш. 39 x 58. КОХМ, инв. № Г-929 об.

В верхней части рисунка надпись карандашом на французском языке: *1re pensèe du dessin de la mort de St Loïs en Palestine. Les guerriers de l'armèe rüunis düposent sur son corps les couronnes du martyr // par Gericault. Le trait a ütü gravü // par Tardieu.* ("1ый вариант рисунка на тему смерти Св. Людовика в Палестине. Воины возлагают терновый венец [букв. — венцы] на его тело. // Исполнен Жери-

ко. Рисунок воспроизведен в гравюре // Тардые"). Надпись повторена пером, чернилами по верхнему краю листа (над изображением). Справа внизу надпись карандашом: *Ce dessin est de Mr Gëricault et m'a ütü donnü par lui en 1817.* ("Этот рисунок, принадлежащий г-ну Жерико, подарен мне им в 1817 году"). Надпись повторена пером по нижнему краю листа, под изображением.

Помимо надписей и проставленного на полях старого инвентарного номера 527, который соответствует записи в инвентарной книге № 1 музея [6], лист несет исключительно интересные коллекционные знаки. Так, слева внизу на обоих рисунках имеется монограмма из двух букв: *D* и *C*. Второй рисунок содержит ярлык с номером 234, наклеенный сверху справа (рис. 2).

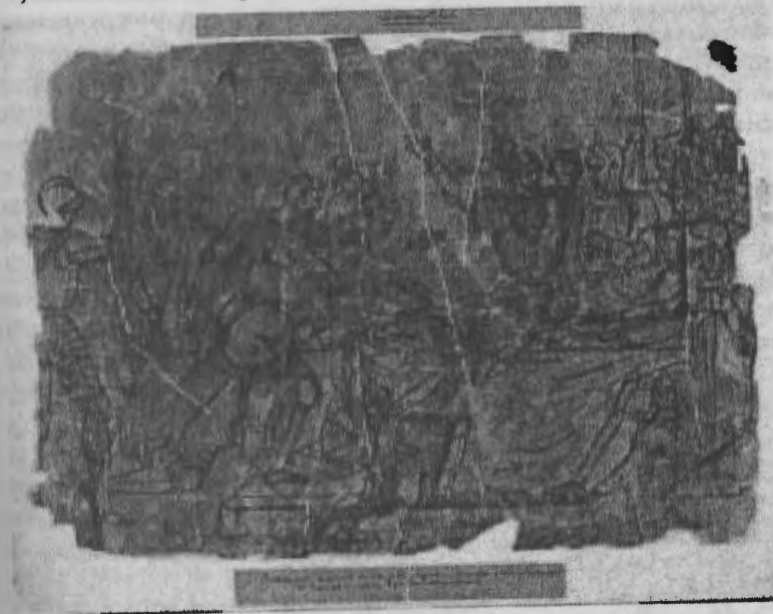

Рис. 3. Теодор Жерико. Смерть Св. Людовика. Около 1817. Промасленная бумага, перо, тушь, кисть коричневым и серым тоном. 39 x 58. КОХМ, инв. № Г-930.

Третий рисунок представляет собой слегка измененный вариант композиции на тему смерти Святого Людовика, предназначенный для воспроизведения в гравюре. Он исполнен на промасленной бумаге, которая вплоть до конца XIX в. нередко служила калькой. «Калька» наклеена на плотный лист бумаги. Над рисунком узкая полоска синей бумаги, на которой пером, чернилами написано: *La*

Mort de S' Louis («Смерть Св. Людовика»). Под рисунком имеется аналогичная полоска бумаги с надписью: *Derrière pensée de Géricault — cette précieuse composition a été reproduite au trait par Tardieu graveur. // Le Dessin vient de la Collection Denon (voir la catalogue de la Vente)* («Последний вариант рисунка [последняя мысль] Жерико — эта изысканная композиция была воспроизведена в гравюре очерком гравером Тардье. // Рисунок происходит из коллекции Денона (см. каталог выставки-продажи)»). Все надписи на данном листе выполнены другим почерком, нежели надписи на первых двух рисунках.

Справа на полях карандашом проставлен старый инвентарный номер 528 (рис. 3).

Исходя из данных биографического характера, рисунки можно датировать 1816 — 1817 гг., когда художник находился в Италии. В этот период им создано значительное количество эскизов и рисунков на военные и исторические темы [7], а среди замыслов неосуществленных картин можно отметить такие, как «Открытие дверей инквизиции в Испании» и «Сцена из войны за независимость Греции» [8]. Датировка вполне согласуется со временем дарения, зафиксированным первым владельцем рисунков (1817 г.).

Любопытно, что композиционно рисунок «Смерть Св. Людовика в Палестине» чрезвычайно близок небольшой картине Жерико «Воскрешение Лазаря» [9], находящейся в частной парижской коллекции [10]. В этой же коллекции находится рисунок на аналогичную тему [11] (рис. 4).

Р и с. 4. Теодор Жерико. Воскрешение Лазаря. Перо. 11,9 x 32,8. Частная коллекция, Франция.

По сравнению с калужскими рисунками, фигуры на произведениях из французской коллекции расположены зеркально, однако следует учесть тот факт, что рисунок на тему смерти Святого Людовика был предназначен для репродуцирования, то есть упомянутая в надписи гравюра Тардье была зеркальной по отношению к данному графическому произведению. В каталоге выставки произведений Жерико, организованной в 1924 г. в Отеле Шарпантье в Париже, имеется ссылка на рисунок «Смерть римского генерала», исполненный пером на промасленной бумаге формата 22 x 34 [12]. Вероятно, он также был предназначен для воспроизведения в гравюре или литографии. Все упомянутые произведения Жерико (кроме калужских рисунков) происходят из коллекции Пьера Дюбо [13].

Здесь мы подходим к весьма важному вопросу: кто был первым владельцем рисунков Жерико, хранящихся в калужском художественном музее? Чьи коллекционные знаки несут на себе эти произведения? Казалось бы, ответ найти нетрудно, поскольку он уже содержится в надписи на третьем рисунке: «*Rисунок происходит из коллекции Денона*». Монограмма из букв *D* и *C*, которая может быть расшифрована как *Collection Denon* (коллекция Денона), также свидетельствует о том, что листы находились в собрании знаменитого французского коллекционера, писателя и гравера, директора Императорских Музеев барона Доминика Виван-Денона (*Dominique Vivant-Denon*) (1747 — 1825). Согласуется с этим фактом и ссылка на каталог выставки-продажи, поскольку рисунки фигурируют в каталоге под номерами 225 — 987 [14], а имеющийся на листе ярлык содержит номер 485.

Однако на втором рисунке есть еще одна наклейка, которая не имеет отношения к продажам. Она имеет вид типичного владельческого ярлыка, широко применявшегося в XIX в. на книгах и графических произведениях (рисунках, гравюрах) в частных коллекциях. Обычно на такой наклейке проставляли номер владельческого каталога, фамилию владельца, иногда — сумму, уплаченную за данное произведение искусства. Упомянутый нами ярлык имеет форму прямоугольника со скошенными углами, с характерным геометрическим рисунком и номером в центре: №234. Под номером проставлены буквы *B. C.*, под ними надпись: *M: Coutan* (г-н Кутан). В начале XIX в. имя парижского художника-любителя, собирателя и торговца произведениями искусства Л.Ж.А.Кутана было хорошо известно его современникам, отмечавшим необыкновенное художественное чутье и кристальную честность этого человека. Его коллекция включала замечательные произведения живописи и графика-

ки. Известно, что Кутан был другом Жерико, Энгра, Бонингтона, Изабэ, Декана, Шарле, которые в знак признательности дарили ему свои эскизы [15]. После смерти Кутана часть его графической коллекции вошла в собрание Лувра, в том числе рисунки Жерико [16].

Очевидно, что описанные нами рисунки Жерико переходили от одного коллекционера к другому. Поскольку ссылка на собрание Денона была сделана одним из последних владельцев листов, купившим их на распродаже, можно сделать предположение, что первоначально они могли быть подарены автором именно Кутану, который собственноручно зафиксировал этот факт на первых двух рисунках и наклеил на них коллекционный ярлык с номером 234. Впоследствии Кутан мог продать листы барону Виван-Денону, бывшему страстным любителем графических произведений и собравшим обширную коллекцию рисунков, миниатюр и эстампов. В горчаковскую коллекцию рисунки Жерико поступили после распродажи собрания Виван-Денона [17]. Возможно, они были приобретены отцом Д.С.Горчакова, князем Сергеем Дмитриевичем Горчаковым (1794 — 1873), но не следует исключать вероятность того, что листы могли быть куплены князем Павлом Петровичем Вяземским, который передал их в дар своей приемной дочери — жене Д.С.Горчакова.

Прямых свидетельств того, что последний владелец имени Бяратино, сын Горчаковых, князь Сергей Дмитриевич Горчаков (1861 — 1927), занимался поиском и приобретением произведений искусства, у нас не имеется, однако известно, что он значительно пополнил библиотеку периодическими изданиями по искусству и художественной литературой. Жена С.Д.Горчакова, урожденная графиня Комаровская, коллекционировала гравюры и художественные фотографии.

После революции 1917 г., в период национализации дворянских усадеб, художественные произведения из бярятинской коллекции были рассредоточены по различным государственным и частным собраниям. К настоящему времени более всего предметов из усадьбы Бяратино хранится в музеях г.Калуги: Калужском областном художественном музее и Калужском государственном объединенном краеведческом музее. Отдельные произведения выявлены в ряде музеев Москвы и Санкт-Петербурга.

Изучение всего комплекса вопросов, относящихся к проблеме бярятинского собрания, является актуальным для определения его роли в отечественном культурном наследии, для исследования усадебной культуры России, а также для осмысления принципов и источников формирования музейных собраний.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шереметев С.Д. Князь Дмитрий Сергеевич Горчаков: Некролог. М., 1908. С. 9 — 10.
2. Brulliot F. Dictionnaire des monogrammes, marques figurées, lettres initiales, noms abrégés, etc. avec lesquels les peintres, dessinateurs, graveurs et sculpteurs ont désignés leurs noms. Munich, 1832.
3. Blanc Ch. Histoire des peintres français du XIX siècle. Paris, 1845.
4. Blanc Ch. Histoire des peintres de toutes les écoles. Paris, 1876.
5. В бярятинском собрании находились фамильные портреты, принадлежавшие княгине Горчаковой: портрет ее матери, Марии Аркадьевны Вяземской, урожденной Столыпиной, портрет бабушки, Веры Николаевны Столыпиной, урожденной Мордвиновой. См.: Архив Калужского областного художественного музея (КОХМ), оп. 1, д. 2, л. 75.
6. КОХМ, инвентарная книга № 1, 1938 г., л. 72 об.
7. Терюев Б. Теодор Жерико. 1791 — 1824. М. - Л., 1945. С. 16.
8. Прокофьев В.Н. Теодор Жерико (К вопросу о формировании современного демократического реализма в искусстве Франции конца XVIII — первой четверти XIX в.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведческих наук. М., 1955.
9. «La résurrection de Lazare, h/p/t, 32 x 40. Paris, collection particulière». Tout l'œuvre peint de Géricault. Introduction par Jacques Thuillier. Documentation par Philippe Grunhec. Flammarion, Paris, 1978. P. 139.
10. Tout l'œuvre peint de Géricault. Introduction par Jacques Thuillier. Documentation par Philippe Grunhec. Flammarion, Paris, 1978. P. 139.
11. «Il existe dans la même collection un dessin inédit (plume, 11,9 x 32,8) sur ce sujet, provenant de la collection Pierre Dubaut, qui est indubitablement de la main de Géricault». Tout l'œuvre peint de Géricault. Introduction par Jacques Thuillier. Documentation par Philippe Grunhec. Flammarion, Paris, 1978. P. 139.
12. «Mort d'un général romain. Dessin à la plume sur papier huilé. Haut. 0^m 22; larg. 0^m 34». Exposition d'œuvres de Géricault. Hôtel Jean Charpentier, 24 avril — 16 mai 1924. 61.
13. Exposition d'œuvres de Géricault. Hôtel Jean Charpentier, 24 avril — 16 mai 1924. 61.
14. «Ventes: I. 1826, 1er mai, Paris. Tableaux, dessins, miniatures. Les dessins figurent sous les numéros 225 à 987». Lugt Frits. Les marques de collection de dessins et d'estampes. San-Francisco, 1975. P. 140.
15. «Homme intigre, doué d'un flair infailible, ami obligeant de Géricault, Ingres, Bonington, Isabey, Decamps, Charlet, qui lui firent présent de leur esquisses par reconnaissance». Lugt Frits. Les marques de collection de dessins et d'estampes. San-Francisco, 1975. P. 84.
16. «Parmi les livres choisis par le Louvre il y en avait de très importantes de Prud'hon, Gros, Ingres [...], Géricault, Leprince, Bonington, Charlet, Delaroche, Decamps». Lugt Frits. Les marques de collection de dessins et d'estampes. San-Francisco, 1975. P. 84.
17. В 1826 г. состоялась продажа коллекции картин, рисунков и миниатюр из собрания барона Д.Виван-Денона, а в 1827 г. была продана его коллекция эстампов.

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ ПОЛОТНЯНЫЙ ЗАВОД

Н.В. Марченко,

Калужский государственный объединенный краеведческий музей

На фоне общей тенденции появления дворянских усадеб в России¹ происхождение усадьбы Полотняный Завод имеет уникальную особенность. Она не относилась к аристократическим усадьбам, и ее формирование не было спровоцировано Манифестом 1762 г. Своеобразие восходит к генезису усадьбы, связанному с социальными предпосылками этого явления и с возникшим ранее промышленным комплексом полотняной и бумажной фабрик.

Строительство фабрик осуществил Тимофей Карамышев на р. Суходрев в соответствии с требованиями технологического процесса. Рядом с фабриками на холме возвышалась деревянная церковь. Уничтоженная пожаром 1733 г., фабрика вновь возводится на деньги А.А.Гончарова. После раздела имущества и территории между компаньонами в 1735 г. с территории, отошедшей Гончарову, Г.Щепочкин в течение трех лет перенес на свою часть жребия, “где новопостроенные кирпичные сараи”, “с парусной фабрики десять светлиц старых против палат” и старые хозяйские хоромы². На своей земле Афанасий Абрамович активно занимался перепланировкой: в 1737 — 1738 гг. перенес на другие места амбары, хлебную избу, хоромы, переложил заборы, в 1736 — 1741 гг. перестраивал храм в камне и, наконец, заложил пруд на Спасском лугу.³ В 1739 г. бумажная фабрика Гончарова сгорела во второй раз, что принесло ее владельцу немалое разорение⁴, и вновь была восстановлена. В результате сложился промышленный комплекс, состоящий из зданий фабрик, между которыми располагался жилой дом, стоящий вдоль реки Суходрев, и церкви с воротами на противоположной стороне двора, планировка которого и послужила основанием для последующего формирования дворянской усадьбы.

Когда же эта территория была осознана ее владельцем и стала развиваться как дворянская усадьба? Для ответа на поставленный вопрос нам необходимо рассмотреть социальные предпосылки возникновения дворянской усадьбы Гончаровых в Полотняном Заводе и характер преобразований, предпринятых владельцем в ее становление.

Социальные предпосылки формирования дворянской усадьбы Гончаровых возникли в начале 1740-х гг., когда поменялся социальный статус А.А.Гончарова. В период пребывания Афанасия Абрамовича в качестве компаньона Тимофея Филатовича Карамышева он был посадским человеком, калужанином⁵. Вступив во владение

фабриками, Гончаров пишется в документах как “содержатель фабрик”⁶. 6 сентября 1742 г. указом Елизаветы Петровны ему было присвоено звание коллежского асессора в ранге майора, дававшее право на потомственное дворянство. 20 января 1744 г. Гончарову был выдан именной патент о его новом социальном статусе⁷. Этим документом императрица не только закрепила новое социальное положение, но повелевала всем подданным надлежащим образом признавать и почитать А.А.Гончарова. С этого времени в документах Афанасий Абрамович фигурирует как “фабрикант”, “коллежский асессор”, “господин”. Новая социальная роль ставила перед А.А.Гончаровым новые задачи, лежащие в области поведенческого стереотипа, соответствующего новому социальному статусу. Он начинает пользоваться правами, принадлежавшими дворянству: так, в августе 1755 г. подает прошение о приеме своих сыновей Николая, 13 лет, и Ивана, 9 лет, в учрежденный по Указу Елизаветы Петровны от 24 января 1755 г. университет для обучения дворянских детей наукам⁸, а в 1763 г. на основании именного указа Екатерины II Гончаров получил право, принадлежащее дворянству, для себя и своих детей покупать деревни⁹. Следует подчеркнуть, что дворянские усадьбы чаще всего не переходили к промышленникам и фабрикантам, оставались в собственности лиц высшего сословия. А.А.Гончаров стал исключением из этого правила. Свою принадлежность к высшему сословию он подтверждал не только чином коллежского асессора, но и обладанием деревнями с крепостными душами. И в прошении о приеме сыновей в университет он указал, что за его детьми числятся деревни с крепостными.

Осознание А.А. Гончаровым себя господином, человеком, по чину относящимся к дворянскому сословию, имело последствия и для преобразования территории с промышленным комплексом в дворянскую усадьбу. Как же развивалась дворянская усадьба А.А.Гончарова, какой характер носили преобразования в усадьбе и когда они происходили? Изменения коснулись разных сторон: и планировки усадьбы, и архитектуры построек, и внутреннего оформления, и бытовой атмосферы.

Прежде рассмотрим вопрос о планировочном решении усадьбы. Основой послужила объемно-планировочная композиция промышленного комплекса, которая сложилась к 40-м гг. XVIII в. Ее составили здания фабрики и жилые палаты, стоящие на берегу р. Суходрев, на возвышении по другую сторону двора — каменная церковь Спаса Преображения и примыкавшие к ней Спасские ворота, которые все вместе создавали замкнутое пространство. Копруса имели

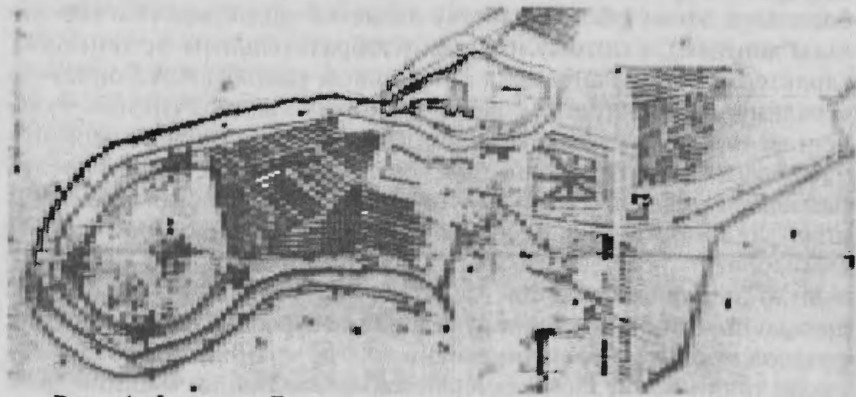
традиционную П-образную форму. Производственный процесс выстраивался поступательно, от одной операции к другой, и осуществлялся в последовательно расположенных палатах. Это были типичные замки, то есть фабрики, представлявшие собой единое сооружение. Жилые палаты, расположенные между фабриками, выполняли одновременно функцию административного центра.

В это время высшее русское общество было уже хорошо знакомо с тем, как следует устраивать загородные резиденции. “Образцовыми” проектами определялись регулярность планировки и симметричность композиции архитектурного ансамбля. Обязательными элементами его были пруд, регулярный сад с центральной аллеей и садовыми постройками, жилой дом¹⁰. В соответствии с этими канонами русская аристократия строила и перестраивала свои усадьбы. Судя по всему, А.А.Гончаров также был осведомлен в этом вопросе, поскольку основные элементы дворянской усадьбы он завел у себя на Полотняном Заводе. Но к планировке усадьбы владелец подошел весьма практично. Афанасий Абрамович не стал изменять планировку двора на симметричную композицию. Сложившаяся композиция лучше отвечала задачам отлаженного производства, позволяла хозяину держать его под контролем и обеспечивала необходимую безопасность в местности с непроходимыми лесами и в беспокойное время народного брожения, дошедшего в 1752 г. до открытого восстания. Характер местности также не позволял развернуть симметричную планировку усадьбы: фабрики были размещены на небольшом по ширине участке земли, вытянутом по оси север — юг, в излучине р.Суходрев, и спланировать парк с перспективой центральной аллеи на дом было невозможно. На юг, за глухими стенами двух замков, тянулись пашенные угодья и далее в изгиб реки — лес. Гончаров размещает сад к северу от двора, за оградой и Спасскими воротами, через которые осуществлялся въезд, справа вдоль дороги, идущей в усадьбу из Медыни с севера через с. Большое Спасское на Згомнях. К 1767 г. сложился усадебный ансамбль, который был зафиксирован на Геометрическом специальном плане Калужской губернии Медынского уезда Большой части Полотняного Завода. План был составлен в результате проведенного в 1767 г. межевания первоклассным землемером и титулярным советником Василием Горяиновым, который в период 1767 — 1768 гг. межевал владения А.А.Гончарова в Медынском и Малоярославецком уездах¹¹. В фондах КГОКМ хранится Геометрический специальный план Калужской губернии Медынского уезда Большой части Полотняного Завода 1847 г.

которым учиненная в 1767 г. Василием Горяиновым межа была утверждена исправляющим должность калужского землемера Шольцом фон Ашерелебеном¹². План 1847 г. скопирован с плана 1767 г. и благодаря этому обстоятельству является единственным (по нашим данным) и потому ценным изобразительным источником, характеризующим ансамбль дворянской усадьбы А.А.Гончарова середины XVIII в. (рис. 1). На плане хорошо видно, что многочисленные строения разной конфигурации расположены по периметру двора и на противоположном берегу р.Суходрев, одно строение находится в саду. Узнать, что это за строения, мы смогли с помощью “Ведомости об оборудовании парусной и бумажной фабрик Гончарова о числе работающих на его фабриках приписных крестьян, о производстве и сбыте бумаги” 1780 г.¹³. Вдоль реки Суходрев до полотняной фабрики указаны три строения: бумажная фабрика, самое крупное здание, корпус, где хранили и перебирали сухую тряпицу, где находились пожарные заливные машины, разные железные и медные инструменты, палаты, где “жительствовавал” А.А.Гончаров и были кладовые. Полотняная фабрика располагалась в трех корпусах: два “стоят в одну линию”, а “в завороте” еще один корпус. Позади полотняной фабрики находились летняя кухня для мастеровых и чесальня каменная¹⁴. Далее в “Ведомости” перечислены здания, расположенные вверх по р.Суходрев: палаты, где варили крахмал и располагалась уточная, “второй корпус в замке” с домовыми службами, жилыми покоями. Рядом были кузница, светлица со слесарной и столярной. При церкви палата для продажи писчей бумаги и две палаты — мужская и женская богадельни. По обе стороны от ворот две кладовые в двух апартаментах, где хранили разные инструменты. В саду — палата, где отливали медные инструменты. По другую сторону Суходрева семь строений, где находились мыларня, пильня на каменном фундаменте, толчея водяная, палаты-кладовые, гостиный двор (каменный) — для приезжих. В “Ведомости” 1780 г. перечислены расположенные вниз по р.Суходрев бумажная фабрика и при ней палата для житья рабочих, в устье реки на расстоянии от фабрики еще ряд каменных и деревянных палат производственного назначения и одна мучная деревянная мельница и каменный амбар для торговли. На плане 1767 г. эти последние строения отсутствуют, так как были построены позже, возможно в самом начале 1770-х гг., поскольку в материальных книгах этого периода содержатся записи о расходах строительных материалов на новую фабрику¹⁵.

Кроме строений производственного и жилого назначения, север-

нее бумажной фабрики на плане 1767 г. нанесен сад. Его изображение говорит о том, что центр был регулярным и от остальной части сада отделялся П-образным прудом.

Р и с. 1. Фрагмент Геометрического специального плана Большой части Полотняного Завода 1767 г.

Исследователь парков в Полотняном Заводе О.Н.Любченко считал, что Красный сад был создан при А.А. Гончарове ранее 1782 г. и имел регулярный и иррегулярный участки¹⁶.

На основании плана 1767 г. и ряда документов РГАДА и ГАКО мы можем подтвердить и уточнить предположения О.Н.Любченко. Красный сад действительно был заложен при А.А. Гончарове, и произошло это ранее 1767 г. Уже в 1742 г. у Гончарова работал садовник Андреян.¹⁷ Но, видимо, основные работы по закладке сада начались в 1746 г., в течение последующих четырех лет молодые деревья прививали и укрывали на зиму. С этого времени регулярно упоминаются поденные работы в саду.¹⁸ В 1758 г. Гончаров посылал в разные места ученика бумажного дела Ивана Федорова “для покупки садов”, о чем свидетельствует выписанный ему приказчиком Афанасием Мушниковым паспорт¹⁹. Это означает, что сад создавался со второй половины 1740-х гг. по 1750-е гг. включительно и в то время не имел еще названия “Красный”. Так он был наречен позже²⁰. В материальных книгах за 1770-е гг. встречаются названия Красный сад, Большой сад, Нижний сад²¹, на плане 1767 г. виден один сад с регулярной центральной частью и небольшим участком, расположенным слева от въездной аллеи. Мы предполагаем, что все три названные сада представляли собой единый сад с разными участками (здесь мы солидарны с О.Н.Любченко), получившими разные названия. Нет сомнения, что регулярная часть сада называлась Красным садом, на

плане 1767 г. видны четыре аллеи: одна проходила по оси север-юг, другая — запад-восток и две диагональные. Красный сад располагался в центре Большого сада и отделялся от него П-образным прудом, за которым, судя по плану, были иррегулярные участки. Участок сада, расположенный слева от въездной аллеи, вероятно, назывался Нижним садом, так как это был самый удаленный участок, находившийся в низине холма, на котором располагался господский двор с храмом. В 1770 г. сады огораживали решетчатой деревянной оградой с деревянными столбами и столбами из карнизного кирпича. Пруд также был огорожен, там устроили мостики-горбы и мостки²². В Большой и Красный сады входили через деревянные ворота²³. В Красном саду ухаживали за аллеями, были устроены скамейки, каток, цветники, рос виноград и яблони²⁴.

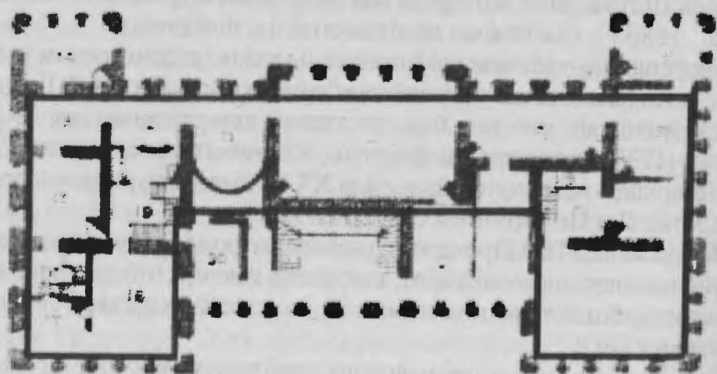
А.А. Гончаров завел у себя еще один усадебный объект, новомодную “затею” — оранжерею. Впервые она упоминается в 1747 г.²⁵ В оранжерее, в грунте и в ящиках, выращивали персики, миндаль, абрикосы, французские белые сливы, французские груши, вишни, гранаты, лимоны, апельсины, росли кофейные и лавровые деревья, множество экзотических цветов²⁶, были настелены полы, стояли скамейки, а окна закрывались ставнями²⁷. Мы предполагаем, что оранжерея находилась севернее ворот перед садом, и на плане 1767 г. это Г-образный знак желтого цвета. Этот объект на плане единственный, который мы не смогли определить по “Ведомости” 1780 г., так как он не относился к фабрикам.

Для решения поставленной проблемы важно рассмотреть и те изменения, которые коснулись палат, где “имел жительство” А.А. Гончаров. А.Средин считал, что дом был поставлен двухэтажным вновь после первого (1733 г.) пожара на фабрике, а окончательная отделка дома, сохранившаяся нетронутой до начала XX в., была приурочена к приезду Екатерины II в Полотняный Завод в 1775 г.²⁸

Искусствовед Н.В. Прохорова, изучавшая фонд Гончаровых для проведения реставрационных работ, высказала мнение, что достройка главного дома в существующих габаритах, но еще двухэтажного, была закончена в 1770 г.²⁹

Для прояснения в этом вопросе обратимся к уже приведенным в нашей статье источникам и привлечем новые. По разделу 1735 г. Г.Щепочкину достались старые хозяйские хоромы, значит, были другие — новые, доставшиеся А.Гончарову. В 1738 г. эти хоромы (вероятно, они были деревянные) перенесли на новое место. В 1767 г. жилые палаты были уже каменными и имели, согласно специальному геометрическому плану, П-образную фор-

му. Возможно, постройка палат в камне осуществлена во второй половине 1740-х гг.: в 1747 г. в светлицах из кирпича фундамент делали, в 1748 г. покупали 1400 кровельных досок, в 1749 г. 104 ящика оконного стекла.³⁰ Жилые палаты были поставлены между корпусами бумажной и полотняной фабрик, к реке обращена гладкая стена, а в сторону двора выдавались два боковых крыла. Так как на север и юг расширение здания было невозможно, нарастить объемы можно было только с восточной и западной сторон. Перестраивали дом в 1764 и 1770 гг. В 1764 г. отпускали кирпич “за палаты на стену”³¹. Это могла быть подпорная стена террасы, над которой позже будет устроен балкон, или же это стены западных ризалитов. В 1770 г. поставили стену с восточной стороны, соединившую два выступающих крыла и превратившую их в ризалиты. Внутри полученного объема была размещена деревянная лестница, а снаружи к стене примыкал балкон, который упоминается в документах 1773 г., когда на него отпускали гвозди³². Логика наших рассуждений вполне подтверждается планом дома, на котором четко видны небольшие объемы западных ризалитов, примыкающие к плоскости стены, и большой объем, где размещена лестница, с восточной стороны, полученные в результате сооружения новой стены, соединившей выступающие крылья П-образного здания³³ (рис. 2).

Р и с. 2. План дома Гончаровых в Полотняном Заводе. Черная линия обозначает П-образный контур жилых палат 1767 г.

После строительных работ отделялись внутренности дома. Сведения об этом скудны, но довольно показательны для предмета на-

шего рассмотрения. Отделка интерьеров начиналась уже в 1750 г., когда работали каменщики и был закуплен алебастр, сделаны две печи из 1500 изразцов со столбиками и десять стульев³⁴. В 1772 г. в доме работал Осип-живописец, писавший портреты, в палатах “панникадилницы хрустальные вешали”³⁵.

Постепенно стали меняться быт и образ жизни, пришла привычка приобретать “самое лучшее” и окружать себя предметами роскоши. Структура расходов А.А.Гончарова заметно меняется уже к концу 1740-х гг., когда среди его покупок появляются фарфоровые чашки и хрустальная посуда, столики, шкафчики, стулья, шелковые, хлопчатобумажные и другие ткани, предметы украшения одежды; изготавливается коляска и украшается голубым сукном, алым стаметом, черной кожей; покупаются лошади, расширяется конюшня, нанимается берейтор; к столу покупается живая рыба, свежая и каленая белужина, осетрина, икра, из Санкт-Петербурга привозят ореховое масло и т.п. А.А.Гончаров покупает и переплетает книги, нанимает учителей для своих детей, в том числе “иноземца учителя”³⁶. Вероятно, в это время начинает собираться библиотека, к 1772 г. в ней насчитывается около 200 произведений³⁷, складывается коллекция живописи: заказываются образа, портреты. Дом постепенно заполнялся предметами роскоши.

Таким образом, с возведением А.А.Гончарова в чин коллежского асессора в ранге майора сложились социальные предпосылки генезиса дворянской усадьбы Гончаровых в Полотняном Заводе. Не относясь к аристократическим русским фамилиям, но обладая капиталом и дворянскими правами, А.А.Гончаров создал в Полотняном Заводе дворянскую усадьбу и сделал это раньше, чем основная масса служилого дворянства, в период со второй половины 1740-х по 1760-е гг. Афанасий Абрамович сформировал усадьбу на территории с промышленным комплексом, разместив там ее обязательные элементы: сад, пруд, оранжерею, которые он расположил в северной части за пределами господского двора, выполнявшего одновременно и функции производственного двора. Планировка и архитектура усадебного ансамбля были заданы не только стилевыми установками середины XVIII в., но и функциональными задачами успешно работающего промышленного комплекса. Вследствие этого сложился усадебный ансамбль, в котором промышленный комплекс получил не подчиненную видовую роль, как это было в других дворянских усадьбах, а стал одним из основных ее элементов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Архитектура русской усадьбы. М., 1998; Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 4. М., 1990. С.226.

² РГАДА, ф. 1265, оп. 2, д. 44, л. 3.

³ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 25, л. 29, 62; оп. 1, д. 26, л. 54, 61; оп. 2, д. 46; церковь Спаса Преображения была освещена в 1741 году - оп. 1, д. 34, л. 1-2.

⁴ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 1739.

⁵ РГАДА, ф. 1265, оп. 2, д. 25, л. 2.

⁶ РГАДА, ф. 1265, оп. 2, д. 61, л. 2.

⁷ РГАДА, ф. 1265, оп. 4, д. 2, л. 1.

⁸ РГАДА, ф. 1265, оп. 3, д. 182.

⁹ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 66, л. 69; оп. 1, д. 65, л. 68-69.

¹⁰ Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 4. М., 1990. С.226.

¹¹ РГАДА, ф. 1265, оп. 2, д. 164.

¹² КГОКМ, КЛ 9568/11.

¹³ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 287.

¹⁴ Мы предполагаем, что на плане каменные здания выкрашены в красный цвет, а деревянные — в желтый. Здания за полотняной фабрикой желтые, следовательно, в 1767 г. чесальня была еще деревянной, а к 1780 г. была выстроена в камне.

¹⁵ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 536.

¹⁶ См. статью О.Н.Любченко "Парки в Полотняном Заводе" в научном архиве КГОКМ.

¹⁷ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 36, л. 53.

¹⁸ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 53, л. 64; оп. 1, д. 58, л. 58, 62; оп. 1, д. 61, л. 63; оп. 1, д. 66.

¹⁹ ГАКО, ф. 122, оп. 1, д. 1042, л. 4об., 5. Приведем полный текст этого документа: "Объездив сего господина коллежского асессора Афанасия Абрамовича Гончарова с полотняной парусной и бумажной его благородия фабрик, которые состоят в уезде Ярославца малого отпущен с оных фабрик бумажного дела ученик Иван Федоров в разные города и уезды для покупки садов каторого трактом на учрежденных заставах в городах на пасадах в селах и деревнях кому о пропуске ведать надлежит прошу пропустить везде без задержания с сим пачпортом явится ему обрат при помянутых фабрик в заводской конторе сего тысяча пятьдесят осьмого года в августе в последнее число. Того ради для уверения за подписанием прикащика дан ему сей пачпор. Прикащик Афанасий Мушников. Дан при фабриках 1758 года июля 28 дня".

²⁰ В 1761 г. в красном саду решетки чинили: РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 161, л. 1об.

²¹ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 186, л. 6, 7; оп. 1, д. 533.

²² РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 186, л. 7, 7 об.

²³ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 536, д. 186.

²⁴ Там же.

²⁵ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 53, л. 64.

²⁶ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 567, л. 22, 23.

²⁷ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 536, л. 11.

²⁸ Средин А. Полотняный Завод. Старые годы. VI — IX. М., 1910. С. 83, 85.

²⁹ См. научный архив КГОКМ и РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 556.

³⁰ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 53, л. 59; оп. 1, д. 58, л. 64; оп. 1, д. 60, л. 50, 51.

³¹ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 287, л. 2.

³² РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 186.

³³ РГАДА, ф. 1265, оп. 4, д. 62.

³⁴ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 65, л. 65-69.

³⁵ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 615.

³⁶ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 85, л. 1; оп. 1, д. 53, л. 64.

³⁷ РГАДА, ф. 1265, оп. 3, д. 72.

УСАДЬБА ПОЛТОРАЦКИХ В АВЧУРИНО — ЗАМЕТНОЕ ЯВЛЕНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ К 200-летию С.Д. Полторацкого

Г.М. Журова,

Калужский государственный объединенный краеведческий музей

Блестящий исследователь русской культуры Ю.М. Лотман говорил: «История проходит через Дом человека, через его частную жизнь. Не титулы, ордена или царская милость, а «самостояние человека» превращает его в историческую личность».¹

Таковыми личностями были и персонажи моего доклада Хлебниковы и Полторацкие: П.К. Хлебников, имевший уже в XVIII в. одну из лучших библиотек России; Д.М. Полторацкий, создавший в Авчурине феномен помещичьего хозяйства, и С.Д. Полторацкий, блестяще продолживший дело своего деда. Личность и дела Сергея Дмитриевича Полторацкого всегда привлекали внимание не только его современников, но и исследователей последующих поколений. Его любовь к книгам, желание сделать многое на благо просвещения являются яркой иллюстрацией жизни русского общества второй половины XIX столетия.

Интерес к деятельности С.Д. Полторацкого вновь возник в связи с углубленным изучением истории отношения Пушкина с нашими земляками и с наличием в нашей музейной библиотеке книг его деда П.К. Хлебникова. В работе использованы статьи, заметки, публикации в местной и центральной печати, а также фонды Полторацких в ГАКО. Кроме того, привлечены материалы отдела изобразительного искусства ГИМа: альбом «Виды села Авчурина 1792 — 1868 гг.», содержащий 23 акварельных рисунка хозяев усадьбы, Ш.

Ребу и авторский проект Никольской церкви архитектора В.П. Стасова, близкого друга семьи Полторацких. Интересны и другие материалы собрания нашего музея. Автор благодарит сотрудников ГАКО, помогавших в работе по данной теме.

В исторических документах Авчурино впервые встречается в XV в. как форпост береговой обороны Московского государства. В 1615 г. Авчурино становится собственностью бояр Яковлевых, затем его владельцами становятся бояре Хитрово. В 1689 г. владельцем Авчурино был Ф.А. Хитрово, однако в 1716 г. его владельцем стал генеральный прокурор, граф П.И. Ягужинский. В 30-х гг. XVIII в. в усадьбе уже новые владельцы — князя Гагарины. При них здесь была построена обсерватория (не отсюда ли фрагмент солнечных часов, который находится в собрании нашего музея?). В 1792 г. Гагарины продали Авчурино Д.М. Полторацкому, при котором усадьба стала одним из замечательных центров просвещения и культуры Подмосковья. В 1911 г. Авчурино купили Гончаровы, а после революции здесь размещался дом отдыха, работала Калужская народная обсерватория. Во время Великой Отечественной войны усадьбе был нанесен значительный урон. В настоящее время в Авчурино можно видеть руины Никольской церкви, готический дом и руины павильона-ротонды.

Усадьба Авчурино — это явление русской культуры. Село Авчурино вошло в историю с именами двух ее владельцев: Д.М. Полторацкого и его сына С.Д. Полторацкого, известного библиофила и библиографа, владельца знаменитой авчуринской библиотеки.

Однако библиотека С.Д. Полторацкого, как считает В.В. Кунин, была бы невозможна без библиотеки его деда П.К. Хлебникова.² Основными сведениями об этой библиотеке мы обязаны С.Д. Полторацкому, опубликовавшему свои материалы в журналах «Иллюстрация» и «Северная пчела» в 1846 г., а также его архиву, где собраны биографические справки обо всех Хлебниковых: экземпляр брошюры «Слово при погребении покойного генерал-аудитор-лейтенанта Петра Кирилловича Хлебникова» (в Санкт-Петербурге, 1778), к которому было приложено несколько стихотворных эпитафий, сочиненных по этому событию, а также библиографическая работа «Дедовская хлебниковская библиотека (роспись нумерам, означенным на хлебниковских переплетах)», начатая в Петербурге 13 января 1850 г. и законченная 27 августа 1857 г. в Москве, и «Опись книг Николая Петровича Хлебникова».

В собрании КГОКМ хранятся книги, на корешке которых сохранились оттиски с именем П.К. Хлебникова. Род Хлебниковых, со-

гласно Брокгаузу и Ефрону, род старинный. Кирилл Тимофеевич Хлебников был известным чиновником по управлениям русскими колониями в Америке. Он купил игольные фабрики в селах Коленцы и Столицы Пронского уезда Рязанской губернии. Его сын Петр Кириллович, «страстный библиофил», как называл деда внук С.Д. Полторацкий, относился к категории людей XVIII столетия, поражавших современников своей яркой индивидуальностью. Жажда выразить себя и проявить во всей полноте свою личность нашла в создании им книжного собрания. Хлебников собрал великолепную коллекцию старинных рукописей, книг, газет, литографий.

История собрания П.К. Хлебникова начиналась в Коломне, когда он был еще совсем молодым человеком с небольшим доходом. В библиотеке П.К. Хлебникова были собраны книги русских писателей, периодика, летучие листки с указами и постановлениями, объявления, поздравительные и похвальные речи. Библиофильское собрание Хлебникова являлось в то время единственным в России и отличалось строгой систематизацией. Свои материалы Хлебников помещал в толстые кожаные переплеты-картоны, на корешке которых стояли номера (переплетов было около 2000) и имя владельца. Оттиски были и на всех его книгах. Интересно, что по корешкам книг можно проследить послужной список Хлебникова: «коломенский купец» — «коллежский ассессор» — «генерал-аудитор-лейтенант».

Даже по незначительному количеству книг в собрании нашего музея (девять) можно говорить о широком кругозоре этого человека. Судите сами: философия (Х. Баумейстер. Метафизика. М., 1864 — КП 10698/13; Т. Гоббес. Начальные основания философические о гражданине / Перевод с латинского С. Винищева. СПб. М., 1776 — КП 10714/9; Цицероновы размышления о добре и крайнем зле / Пер. с лат. И. Постникова. СПб.; М., 1774 — КП 10714/2); История славных государей и великих генералов об их поступках и делах / Пер. с франц. Я. Козельского. СПб., 1765 — КП 10674/4; История Датская, сочиненная господином Голбергом, которую сократил и приписал к ней свои примечания артиллерии капитан Яков Козельский. Ч. 1 — 2. СПб, 1765-66, (посвященная гг. Г.Г. и Ф.Г. Орловым на листе экслибрис и автограф В.В. Шангина — КП 10679/2); Творения. Двенадцать песен «Илиады». Ч. I / Пер. с греч. П. Екимова. СПб., 1776 — 10737/23; Омир. Илиада Ч. II / Перевод с греческого П. Екимова. СПб, 1778. — КП 10737/24).

Книжное собрание Хлебникова имело огромное значение для русской культуры, что по справедливости и достоинству оценил В.В. Стасов, сын В.П. Стасова, ближайшего друга семьи Хлебниковых-

Полторацких. По мнению В.В. Стасова, хлебниковско-авчуринская библиотека стала первой публичной библиотекой в России.³ Отсюда и значение самого Хлебникова в книжном собирательстве: «Хлебников был один из редчайших и полезнейших, и доброжелательнейших людей своего времени, одна из личностей, воспитанных светлыми, народолюбивыми и сердечными началами XVIII века; они являлись и у нас отражением лучших стремлений тогдашней выроставшей Европы и сияли как благодатные звездочки среди густого мрака насилия и безотрадности деспотизма и крепостного права. Таковы были у нас писатель Новиков, купец Ларин, несколько позже граф Румянцев. Таков был также и Хлебников».⁴

Библиотека была перевезена из Коломны в Москву, потом в Петербург, где Хлебников служил в свите генерал-фельдмаршала К.Г. Разумовского, потом в Красное Село, где была бумажная фабрика его сына Н.П. Хлебникова. В декабре 1777 г. в возрасте 44 лет Петр Кириллович Хлебников ушел из жизни. Он похоронен в Александро-Невской Лавре.

Библиотеку наследовал Николай Петрович Хлебников, часть книг перешла к Анне Петровне. Н.П. Хлебников (дядя С.Д. Полторацкого) продолжал собирать книги, как и отец, собирая все русское, а также стал приобретать немецкие и французские газеты, появились и французские книги. Сын продолжил традицию отца: на корешках переплетов появился оттиск «Николай Хлебников». Умер он совсем молодым в 1806 г. К сожалению, в 1812 г. много книг пропало. Но основная часть библиотеки была все-таки перевезена А.П. Полторацкой в Авчурино, приобретенное ее мужем, как мы помним, в 1792 г. Там к началу XIX в. уже было заведено образцовое сельское хозяйство и возведены многие постройки. С тех пор хлебниковская библиотека превратилась в хлебниковско-авчуринскую, как любил называть ее С.Д. Полторацкий.

После смерти брата Анна Петровна Полторацкая ревностно занималась библиотекой. Еще в 30-е гг. XVIII в. стал складываться тип русской образованной женщины. Следует вспомнить таких удивительных женщин XVIII столетия, как Е.Р. Дашкова, Екатерина II. В 70-80-е гг. XVIII в. женщина становится читательницей. Это складывается, как пишет Лотман, под влиянием деятельности Н.И. Новикова и Н.М. Карамзина. Заметим, что многие сочинения Новикова издавались на средства Хлебникова: у последнего хранился и экземпляр первых десяти отпечатанных листов не вышедшего в свет новиковского журнала «Сокровища российских древностей». Именно под воздействием русской литературы и культуры этой

эпохи сложился тип высоко духовной русской женщины, к которому можно отнести и А.П. Хлебникову.

А.П. Хлебникова была женщиной высокого образования. Любопытная подробность: будучи в Париже, купила там комплекты французских газет для сына. Муж Анны Петровны, Дмитрий Маркович Полторацкий (1761 — 1818), получил прекрасное образование: окончил курс Штутгартского университета, путешествовал по Англии, Германии, Испании, Франции, Швейцарии. Некоторое время состоял на службе при русском посольстве в Лондоне. Но самым большим увлечением Дмитрия Марковича явилось сельское хозяйство, изучением которого он и занимался, путешествуя по Европе.

Став хозяином Авчурина, Д.М. Полторацкий начинает перестройку в усадьбе. Об этом красноречиво свидетельствуют его письма к жене, хранящиеся в отделе рукописей РГБ и документы ГАКО: договор на установление в селе Авчурино Д.М. Полторацким сломанной светлицы в Калуге в казармах и перевезенной в Авчурино⁵ и контракт, заключенный управителем Авчурина Е. Мином с крестьянами о ломе ста саженой камней⁶. Дмитрий Маркович приглашает в Авчурино-итальянского архитектора Луиджи Пелли, который руководил всеми строительными работами. Работал в усадьбе и молодой В.П. Стасов, по проекту которого была построена Никольская церковь и парковая павильон-ротонда. В фондах ГИМа есть альбом акварелей 30 — 40-х гг. XIX в. с видами усадьбы: Никольской церкви в Авчурине, павильон-ротонда, старая мельница и т.д. Представление об усадьбе Д.М. Полторацкого можно получить и из документов более позднего и более печального периода, когда ее владельцем стал его сын: дело по сообщению Калужскому губернскому правлению о продаже за долги с публичных торгов имения помещика Калужского уезда села Авчурина Полторацкого, купленного помещицей Полторацкой Марией Петровной, и о выдаче ей владенной на означенное имение: «Господских хозяйственных строений: дом двухэтажный, низ каменный, верх деревянный крыт железом. При сем доме отдельные строения, каменный двухэтажный жилой флигель, позади его двор с каменной стеной и навесом на столбах, крыт тесом»⁷.

Авчуринская усадьба славилась живописными парками: регулярным к северу от парадного курдонера и английским пейзажным на склонах холма между домом и Окой; системой прудов, лодочной пристанью, купальней, мостиками, скамейками и другими затеями», бывшими непременно особенностями поместий того време-

ни. В музее экспонируется воспроизведенная акварель Ш. Ребу, на которой изображен старый барский деревянный дом с традиционными колоннами и портиком, обращенный главным фасадом к копаному пруду.

Архитектурный ансамбль Авчурина очень своеобразен. В собрании музея хранятся работы Н.Г. Африканова, написанные в 1914 г. (холст, масло). На подрамнике сохранилась надпись, указывающая, что это копия с рисунка М.П. Полторацкой, которая в свою очередь могла скопировать его с акварели Ребу 30 — 40-х гг. XIX в. Интерес представляла, как часть усадебного ансамбля, деревянная, выстроенная на берегу реки Жаленки за дорогой, идущей на Старицу. Старые крестьянские избы были снесены, и на их месте построено 20 одноэтажных каменных под черепичными крышами домов. В каждом доме было по две комнаты с окнами на дорогу. Комнаты довольно большие, приблизительно до 30 кв. метров. В каждой комнате жило по одной семье. Дома были построены по проекту Стасова. Ныне некоторые дома сохранились, но уже перестроенные.

При Д. М. Полторацком был создан и хозяйственный комплекс усадьбы. Предметом особой гордости стал конный двор, устроенный по английскому образцу и рассчитанный на содержание 500 лошадей лучших пород. Авчуринский конный завод был известен во всей России. Известно, что в 1816 г. император Александр I, будучи гостем Авчурина, принял *«от г. Статского Советника Дмитрия Полторацкого подведенную им лошадь своего завода»*, как сообщал журнал «Северная почта» 16 сентября 1816 г. В Авчурино действовал и скотный двор, и винокурный завод, двухэтажный *«со всею посудю и аппаратами»*, водяная каменная мельница, сыроваренный завод и т.д.⁸ В Авчурино вместо трехпольной системы хозяйства сложилась четырехпольная. Для обработки почвы применялась система орудий: различные плуги, бороны, сеялки и т.д. Впервые в России стали применяться молотильные машины на конном приводе.

Урожай зерновых культур в Авчурине вдвое был выше по сравнению с другими хозяйствами. Неудивительно, что к Д.М. Полторацкому приезжали познакомиться с хозяйством многие помещики. Этот блестящий феномен в истории сельского хозяйства России просуществовал около 25 лет.

Д.М. Полторацкий оказался в центре полемики по вопросам дальнейшего развития сельского хозяйства страны. Не все понимали и одобряли прогрессивные методы ведения хозяйства в Авчурине. В печати стали появляться злые статьи пародийного характера. Вероятно, это портило жизнь Дмитрию Марковичу, но не обращало его в бег-

ство. За два года до своей смерти, в 1816 г., он стал активным участником создания «Московского общества сельского хозяйства», был избран начальником практического отделения общества и написал «Примерное положение для образцовой фермы или хозяйства». Такое начинание было совершенно невиданным. Нельзя не подивиться умению Д.М. Полторацкого смотреть вперед.

Д.М. Полторацкий был хорошо знаком со многими писателями, учеными, музыкантами, архитекторами. Среди его друзей были многие просвещенные современники, например Н.А. Львов, известный своими лирическими стихотворениями, музыкальными сочинениями, своей увлеченностью живописью и архитектурой. Но наиболее значительным среди этих имен является имя знаменитого русского историографа и писателя Н.М. Карамзина. В авчуринской библиотеке, во время своей работы над «Историей государства Российского», Карамзин нашел Киевскую и Волынскую летописи.

Но настоящую известность Авчурино приобретает при С.Д. Полторацком (1803 — 1884), известном биофиле, биографе и публицисте.

В период 20 — 40-х гг. XIX в. усадьба продолжала оставаться в хорошем состоянии. Была проведена частичная реконструкция парадного центра усадьбы. Самой значительной постройкой этого времени стал «Готический дом» — двухэтажное здание с четырехэтажной башней-донжоном и большим балконом — и окончена постройка Никольской церкви, освященной А.П. Полторацкой в 1825 г.⁹ «Готический дом» получил свое название благодаря особенностям английского стиля в убранстве фасадов и интерьеров. Этот дом был построен для Хлебниковской библиотеки, умноженной С.Д. Полторацким. О Полторацком много писали и пишут и как об одном из первых русских биофилов, и как о собирателе пушкинского наследия, и как об одном из первых пушкинистов и биографов.

Внук П.К. Хлебникова С.Д. Полторацкий получил начальное образование дома. Воспитанник Одесского Решельевского лицея, после окончания Муравьевского училища для колонновожатых и нескольких лет военной службы Полторацкий был уволен со службы и выслан в деревню под надзор полиции.

Став владельцем усадьбы, в которой он в общей сложности прожил около 40 лет, Полторацкий первое время пытался активно заниматься хозяйственными делами. По ряду причин хозяйство постепенно приходило в упадок. Любимым делом Сергея Дмитриевича стали биографические занятия и чтение. «Страсть к книгам, — говорил Полторацкий, — перескочила в меня от деда чрез женское

поколение против обыкновенных условий мужской породы и всех статей свода законов о наследстве». ¹⁰ По мнению Полторацкого, «книги существуют для того, чтобы ими пользоваться». Они должны приносить пользу и удовольствие, то есть книги должны быть доступными. Таково библиографическое кредо Полторацкого. Он стал достойным преемником книжного собрания своего деда, которое в истории книжной культуры называлось Хлебниковско-Авчуриной библиотекой, превосходившей многие книжные собрания того времени. Библиотека размещалась в 8 залах «Готического дома». В самом большом помещении находилось все, что было написано об истории, культуре, экономике России, о ее знаменитых людях. В другом — произведения классиков всех стран и времен; в третьем — сочинения по этике и гражданскому праву и т.д. Здесь были и глобальные сочинения об отечественных проблемах, и брошюры, и ежедневные газеты-листки, и большое число вырезок из различных газет, журналов. Считается, что среди русских библиофилов Полторацкому принадлежит приоритет в наличии библиотечных вырезок (сюда же следует отнести И.И. Бецкого).

Значение С.Д. Полторацкого в истории русской культуры — это прежде всего значение собирателя. Сергей Дмитриевич оставил нам собранные им материалы о хозяйстве своего отца, частично опубликовав их в 1846 г. в журналах «Северная пчела» и «Иллюстрация». Полторацкий работал над систематизацией библиотеки деда. Содержание переплетов Хлебникова не всегда соответствовало названиям, указанным на переплете. Поэтому Полторацкий перераспределяет материалы по хронологии и содержанию. После этого Хлебниковская библиотека приобретает несравненно большее значение и большую ценность. Многие годы Полторацкий работал над составлением «Словаря русских писателей», но так и не закончил его. Он начал работу над составлением каталога своей библиотеки, в которой насчитывалось уже около 20000 экземпляров, но записал всего чуть более 10 номеров. Полторацкий пишет предисловие на французском языке. Это уникальный документ библиофильской концепции. В нем Полторацкий говорит о значении чтения для общества, о потребности в книгах и о необходимости приобретения книг, о необходимости постоянного самообразования, о страсти собирателя к «умножению библиотеки и превращению ее в коллекцию библиографических сокровищ». Для Полторацкого не было вопроса — купить или не купить. Пока были средства, вопрос всегда решался положительно. А долги были большие и росли, несмотря на полученную им в 1852 г. ссуду в 200000 рублей.

С.Д. Полторацкий придавал большое значение: системе расстановки книг, при которой необходимо учитывать содержание и форматы книг; обязательному составлению систематического каталога; наличию нумерации корешков книг. Это традиции, идущие от деда. Читая, Полторацкий извлекал из всякой книги то, что было в ней полезного и любопытного, и сохранял эти сведения в «картонах» с примечательными пометами. Постепенно его картоны составили значительный запас сведений о жизни русских писателей, о редких книгах, став ценнейшим источником, к которому обращались и обращаются ученые и библиографы.

«Вездесущий Полторацкий», как называл его Е.В. Николаев, сотрудничал в ряде русских и иностранных журналов: в «Московском телеграфе», «Северной пчеле», в парижском журнале «Энциклопедическое обозрение», был тайным корреспондентом «Полярной звезды» ¹¹. «Неутомимый библиограф», по определению В.И. Безъязычного, не только ревностно следил за появлением новых книг, но и знал библиотеки многих калужан. В своей статье «С.Д. Полторацкий и его авчуриная библиотека» Безъязычный сообщает, что С.Н. Кашкин обещал С.Д. Полторацкому: «все старые книги непременно соберу и буду просить о доставлении в Авчурино». И далее он сообщает еще один весьма интересный факт, что С.С. Хлюстин передал в авчуриную библиотеку книгу М.Ф. Орлова «О государственном кредите». Эта книга в библиотеке С.Д. Полторацкого была снабжена следующим примечанием: Перепл[етена] с прокладкой белой бумаги, на которой вписаны места, не пропущенные цензором. Экз[емпляр] подарен мне Сем[еном] Сем[еновичем] Хлюстиным, кот[орый] перевел эту книгу на франц[узский] и сжег свой перевод». ¹²

Полторацкий был первым, кто познакомил европейских читателей с именем Пушкина. С середины 20-х гг. XIX в. он стал собирать рукописи поэта. На страницах «Московского телеграфа» он сообщал читателям о предстоящем издании «Цыган» и завершением работы над «Борисом Годуновым», о переводах на французский «Бахчисарайского фонтана», «Кавказского пленника», «Цыган». За заметку об оде «Вольность» и стихотворении «Деревня» в «Энциклопедическом обозрении» был сослан в деревню под надзор полиции, а в 1827 г. уволен со службы. Личное знакомство Пушкина с Полторацким состоялось после возвращения поэта из ссылки. Тесные дружеские отношения у них установились в период 1826 — 29 гг. В 1826 г. Полторацкий показывал Пушкину список оды «Вольность». 19 февраля 1827 г. Пушкин, Полторацкий, Мицкевич присутствовали на вечере у Н.А. Полевого. Поэт подарил С.Д. Полторацкому экземпляр

«Цыган» с авторской надписью. Сохранился экземпляр первого издания пушкинской «Полтавы» (СПб., 1829) с надписью на шмуц-тителе: «Полторацкому от Пушкина 2 апреля 1829 г. Москва». Впоследствии эту книгу купил И.С. Остоухов в магазине П.П. Шибанова, а в 1929 г. эта книга поступила в Третьяковскую галерею, откуда позже была передана в Литературный музей. В 1887 г. на пушкинской выставке экспонировался экземпляр «Цыган» с дарственной надписью Пушкина, но дальнейшая судьба книги неизвестна.

25 марта 1829 г. Пушкин писал Сергею Дмитриевичу: «Ты совершенно забыл меня, мой милый». ¹³ Свидетельством их более поздних встреч является сохранившийся в библиотеке Полторацкого комплект «Санкт-Петербургских ведомостей» с пометой владельца: «От А.С. Пушкина. СПб., 29 апреля 1836 г.» и комплект «Московских ведомостей». Эти комплекты были подарены Пушкину Н.И. Гончаровой.

В авчуринской библиотеке имелись практически все опубликованные произведения Пушкина и многие, не пропущенные цензурой. Полторацкий составлял библиографию произведений Пушкина, вышедших в Европе. По мнению А. Берестова, «никто в России, кроме него, не располагал такой библиографией». ¹⁴

Пушкин в своих письмах еще два раза называет имя Полторацкого. 15 июля 1827 г. в письме С.А. Соболевскому он писал: «посылаю тебе мою наличность, остальные 2500 получишь вслед. «Цыганы» мои не продаются вовсе; деньги же эти трудовые, в поте лица моего выпонтированные у нашего друга Полторацкого». ¹⁵ А в письме М.М. Погодину 31 августа 1827 г., выражая свое отрицательное отношение к альманаху «Урания», который так и не был издан, и ссылаясь на презрительное мнение П. Вяземского об альманахах издателя «Благонамеренного» (имеется в виду «Календарь Муз» А.Е. Измайлова), писал: «Публика наша глупа, но не должен ее морочить. Так точно, как журнальный сыщик Сережа глуп, но не должен его наверное обыгрывать в карты» (журнальный сыщик Сережа — С.Д. Полторацкий). ¹⁶

Имения и фабрики закладывались и перезаклаживались. В 1839 г. (еще жива была А.П. Полторацкая) казенный долг составлял более миллиона рублей. В 1852 г. была взята ссуда 200000 руб., но и это не спасло положение: в 1869 г. происходит распродажа всего имущества. А годом ранее разоренный С.Д. Полторацкий уехал из России за границу с новой семьей. Последнее время жил в Нейи под Парижем, где и умер 7 января 1884 г.

Какова судьба библиотеки Полторацкого? Перед отъездом в Париж в 1869 г. он передал свое собрание библиографических материалов в Румянцевский музей в Москве. 13 тетрадей, содержащих

1587 листов со сведениями о 400 деятелях литературы, науки, искусства хранятся в Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге. Значительную часть книг Полторацкий передал А.И. Кошелеву, большая часть была куплена А.Д. Чертковым, А.С. Уваровым, калужским библиографом Г.Г. Чистоклетовым и неким Нероновым из Стародуба. Многие книги остались у дочери Натальи в Петровском Заводе.

На протяжении всей жизни Полторацкому было свойственно право личности на собственные мысли и собственные поступки; чувство независимости и внутреннего достоинства, признание большой значимости мнения друзей. Собственные трудности, нужда не могли заставить его свернуть с избранного им пути, служить национальному книжному собирательству. Он всю жизнь был в библиографии, в библиофильском поиске. Роль С.Д. Полторацкого в культурной жизни России — это роль просветителя пушкинского времени, времени возросшего интереса к культурному собирательству, к библиофильству. Можно согласиться с В.И. Безъязычным, что Полторацкий, бывший библиофилом в самом точном и самом возвышенном значении этого слова, ни одного дня не проводил без чтения, без тех выписок, которые так тщательно распределял по картонам. Наследие Полторацкого огромно. Его многогранная деятельность таит много важного, интересного, еще не исследованного. Слова В.А. Жуковского: «Пример добрых дел есть лучшее, что мы можем даровать тем, кто живет вместе с нами, что мы можем оставить тем, кто будет жить после нас», — вполне можно отнести к С.Д. Полторацкому.

Подводя итог всему сказанному, следует заметить, что Полторацкие — одно из культурнейших семейств России, дружившее с Карамзиным, Львовым, Державиным и само оставившее светлый след в нашей истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — нач. XIX века). М., 2001. С. 4.

² Кунин В.В. Библиофилы пушкинской поры. М., 1979. С. 222.

³ Там же. С. 224.

⁴ Стасов В.В. Записи со слов отца / Кунин В.В. Библиофилы пушкинской поры. М., 1979. С. 224.

⁵ Государственный архив Калужской области (ГАКО), ф. 45, оп. 1, д. 117, л. 126.

⁶ Там же. Л. 28-28 об.

⁷ ГАКО, ф. 43, оп. 3, д. 20.

⁸ Там же.

⁹ ГАКО, ф. 33, оп. 1, д. 4580.

¹⁰ Николаев Е.В. По Калужской земле. М., 1968. С. 89.

¹¹ Эйдельман Н. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966.

¹² Безъязычный В.И. С.Д. Полторацкий и его авчуринская библиотека / Альманах «На берегах Оки». Тула, 1971. С. 250.

¹³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. X. М., 1966. С. 258.

¹⁴ Берестов А.А.С. Пушкин. Мгновенья жизни дороге. Калуга, 1999. С. 75.

¹⁵ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. X. М., 1966. С. 230.

¹⁶ Там же. С. 235.

ОБРАЗ-СИМВОЛ ДВОРЯНСКОГО ГНЕЗДА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЛИТЕРАТУРЫ

Л.А. Силина, к.ф.н.,

Елецкий государственный университет

Литературное краеведение — важный аспект изучения творчества писателя, его истоков, структуры художественной образности. Основные темы и проблемы краеведения сводятся к трем аспектам. Первый — быт, обычаи, социальное и национальное в изображении народных характеров. Повествование о крестьянском мире составило обширный аспект в творчестве писателей как дворянской, интеллигентской среды (Бунин, Лесков, Терпигорев), так и тех, кто пришел в литературу из среды разночинцев (Левитов).

Второй аспект — «дворянские гнезда». В России сложилась многовековая традиция усадебного быта. В Центральном Черноземье были владения самых именитых представителей дворянского сословия, давшего России и миру выдающихся художников и писателей, музыкантов и композиторов. Поэтому неудивительно, что все писатели жизнь и творчество которых связаны с нашим краем, неизбежно обращались в своих произведениях к историческим судьбам «дворянских гнезд».

В XIX в. «дворянские гнезда» были сосредоточием образованности и высокой культуры. Среди множества имен назовем близкого друга Грибоедова Бегичева, Тютчева, Фета, Стаховичей, создавших уникальный архитектурно-художественный усадебный ансамбль. В публикациях Стаховичей краеведы и сейчас находят ценные сведения о дворянском и крестьянском быте, истории нашего края.

Другим аспектом литературного краеведения является купеческое сословие, которое полнокровно представлено «Уездным» Замятина. Лебеядня дала писателю сюжеты, характеры, полноту быто-

вых реалий и поставила его в один ряд с известными в ту пору художниками слова.

Проследивая соотношенность краеведческого и литературно-художественного, образное наполнение местных реалий, литературное краеведение способно выявить первооснову образной структуры, глубину ассоциативно-образных связей: личностное становление, путь к себе, этапы от чувства малой родины к всеобъемлющему — Россия. Пушкины, Лермонтовы, Бунины, Бартеңевы, Терпигоревы, Калайдовичи, Голицыны, Вадковские, Кропоткины — их корни, история их родов уходят своими истоками в Липецкую землю. История дворянских родов, давших отечеству многих деятелей на поприще государственности и культуры. В разное время Липецкая область входила в состав Орловской, Тамбовской, Воронежской, Рязанской, Тульской губерний. Например, Елец входил в Орловскую губернию.

Вообще можно говорить о трех параллельно существующих типах усадебной культуры. Это были различные миры, но сосуществующие в лоне русской жизни. К первому типу можно отнести аристократические усадьбы с характерной для них роскошью и аристократизмом. Второй тип составили дворянские гнезда — патриархальные, замкнутые миры, в которых правил «батюшка барин». К третьей группе следует отнести усадьбы, которые являлись центрами культурной жизни. В таких имениях собирались дворяне, чтобы беседовать о литературных, политических событиях эпохи. Каждый тип усадьбы оставил свой след в русской культуре.

Тема дворянского гнезда является предметом изучения не только краеведов, историков, но и литературоведов. Интересным аспектом изучения данной темы является символика усадебного мира.

Описание усадьбы в литературе основано на поэтизации и реализации «дворянского гнезда». Если провести параллель между произведениями И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, И.А. Бунина, С.Н. Терпигорева, то на первый план выступает образ, присущий всем произведениям, — образ усадьбы. Мир усадьбы — мир «дворянских гнезд» — рисуется как некий замкнутый мир, отгороженный от внешнего мира своеобразной границей. Жизнь течет и развивается по своим законам, но именно здесь герои по-настоящему живут, чувствуют.

Это восприятие реализуется и конкретизируется в образах-эмблемах, воссоздающих фрагмент действительности: сад, сирень, липы, соловей, скамейка в саду, калитка сада, чаепитие. Образы-эмблемы

не только указывают на стереотип авторского и читательского восприятия данного явления, благодаря им “дворянские гнезда” становятся не только узнаваемыми. Они соотносят конкретную усадьбу как место действия в произведениях русских писателей с общекультурной традицией, соотносят настоящее и прошлое. Поэтизируя и идеализируя усадебную культуру, быт, образ жизни, писатели не только запечатлевали скорбь об уходящем веке, но и утверждали непреходящую ценность этой сферы русской жизни, полагая, что она не исчезнет бесследно.

Для них дворянская Россия — непрерывная часть национальной русской жизни. Образ дворянского гнезда — “символ национального идеала красоты”, “хранилище интеллектуальной, эстетической и духовной памяти поколений” (1).

В литературе конца XIX — начала XX в. эта тема освещалась писателями с различных эстетических и мировоззренческих позиций. В русской реалистической литературе этого периода картина упадка дворянского сословия глубоко раскрыта в произведениях А.П. Чехова, С.Н. Терпигорева, Б. Зайцева, А.К. Толстого, И.А. Бунина.

Идеализацию уходящего с исторической арены сословия находим в “Усадьбе Ланиных” Б. Зайцева. Изображая характерные черты своего времени через призму индивидуальной судьбы и внутреннего мира героев, Зайцев воссоздает не столько реальный облик своей эпохи, сколько присущую ей атмосферу кризисности. В этих произведениях ведущей становится тема любви и разлуки, разбитых надежд, утраченных иллюзий. Мир, в котором живут герои, хрупок, непрочен, подвержен резким и неожиданным изменениям. Герои Зайцева, отмеченные печатью благородства, духовного аристократизма, далекие от мира житейской суеты, сознают свое одиночество, обреченность своего существования.

Важной особенностью усадебного мира была память о прошлом; неразрывная связь традиций, поколений, о которых напоминали портреты и могилы предков, старая мебель, домашняя библиотека, парк, семейные предания. Все это являлось неотъемлемой частью жизни “дворянских гнезд”.

Являясь символами неторопливой патриархальной жизни усадеб, эти предметы прекрасно характеризовали специфические черты дворянского быта, а также отражали духовную атмосферу усадьбы. Именно предметное наполнение усадебного дома, которое собиралось несколькими поколениями, наличие в нем старых вещей, за многие годы как бы впитавших в себя память о происходивших в усадьбе событиях, бережно сохраняемых памятью обитателей усадьбы, оказали

существенными для поддержания той временной цепочки, которая связывает различные поколения между собой.

Тема дворянской усадьбы звучит в творчестве Сергея Николаевича Терпигорева, родившегося в селе Никольском Усманского уезда Тамбовской губернии (ныне Липецкая область) в семье родовитого, но обедневшего помещика, род которого восходит к концу XVII в.

Дворянский род Терпигоревых дал России целую плеяду замечательных деятелей просвещения и культуры. Семейные традиции, родственные связи были священны для писателя и неразрывно связаны с родиной. Отсюда он черпает материал для своих произведений. Все творчество С.Н. Терпигорева можно назвать своеобразным художественным эпосом, в основе которого лежит автобиографический материал. Понятие “Родина” прочно связано в представлении писателя с родным краем. Родной мир господской усадьбы с зеленым густым садом, с флигелями был воссоздан в повести “Марфенькино счастье”. Образ сада неразрывно связан с образом дома. Сад — неотъемлемая часть усадебного мира. В центре произведения традиционная жизнь поместья. Для Терпигорева среднепоместное дворянство с его многовековым укладом и традициями было средоточием всего лучшего, что накопила нация за всю историю существования. Поэтому, описывая жизнь усадьбы, писатель во многом идеализирует ее: “Мы пошли в сад, в это молочное, белое, благоухающее море цветов. Мы шли по липовой аллее, разделявшей высокой и широкой стеной на две половины сплошной, по-видимому, вишенник. Зеленые раскидистые липы распустили свои ветви над этим морем белых цветов, над краем его, и протянулись широкой и длинной тенистой аллеей, вершина которой и навес были зеленые, а бока, стороны — белые, вишневые. Чудная картина!” (2).

Детство в родных краях, ссылка в имение матери заставляют писателя возвращаться к образам, проблемам родного края и через них попытаться разобраться в событиях, происходивших в России, осмыслить собственную жизнь. Темой цикла “Оскудение” (1881) становится жизнь мелкопоместного дворянства. Терпигорев рисует широкую панораму быта и нравов разоряющихся помещичьих усадеб, показывая, что материальное оскудение есть результат духовного упадка. Историческую обреченность дворянства писатель объясняет неспособностью к хозяйственной деятельности, утратой нравственной основы, на которой раньше держалось сословие. Эту тему он продолжает разрабатывать в цикле “Пять глупых дев”. Писатель пытается объяснить, почему его так влечет к теме оскудения сословия, к которому

он сам принадлежал: “Есть очень странные чувства, и их очень трудно объяснить и назвать. Когда я, например, вижу разорение “наших” дворянских гнезд, меня всегда так и тянет смотреть эту картину. Это ужасно болезненное, томящее, ноющее чувство, но тем не менее я не в силах противиться ему и смотрю молча, весь поглощенный таким созерцанием” (3). В своих произведениях автор пытается найти причину утраты нравственных, культурных, экономических основ, которые делали дворянство ведущим классом на протяжении многих веков. Размышляя над судьбами русского дворянства, Терпигорев по-новому осмысливает их. В 1888 — 1889 гг. он создает двухтомный цикл “Потревоженные тени”, в котором возвращается к эпохе крепостного права, эпохе, предшествовавшей упадку дворянства. В отличие от других русских писателей, оплакивающих разорение “дворянских гнезд”, С.Н. Терпигорев не поэтизирует это явление и, пытаясь найти его корни, приходит к мысли о расточительности русского человека, неспособного сохранить то лучшее, что было создано нацией на протяжении столетий.

И.А. Бунин как личность и как писатель сформировался в лоне русской дворянской культуры, усадебного и деревенского уклада жизни. Темы дворянской усадьбы складывались и воплощались в его произведениях на основе личных впечатлений писателя, связанных в основном с детством и юностью в родном русском подстепье. В бунинских произведениях поэтично представлена картина родительского дома, помещичьей усадьбы, “дворянского гнезда”.

Усадьба былых времен, поры расцвета дворянской культуры были для Бунина идеалом высокой духовности и устойчивости жизненных начал. Он был воспитан на семейных преданиях об этой золотой поре в истории русского дворянства, впитал ее культуру, понимание красоты и чести. В современной ему ситуации разорения дворянских гнезд поэт отыскивает милые его сердцу черты ушедшей старины. Однако Бунин показывает ее в момент разрушения.

В первые десятилетия XX в. разорение усадьбы Бунин рисует в повести “Суходол”. Тема упадка, обреченности изображена в ряде других произведений писателя (“Золотое дно”, “Антоновские яблоки”). В годы эмиграции тема дворянских гнезд обретает ностальгическое звучание. Горечь расставания с родным домом (“Золотое дно”), воспоминание о молодости, об ушедшей любви, о родном городе, который обрел огромное значение в рассказах “Поздней ночью”, “Поздний час”, “Антоновские яблоки”. Рассказы проникнуты поэтической тональностью, лиризмом, грустью: “Я мысленно покинул Париж, и на мгновение померещилась мне вся Россия, точно с

возвышенности я взглянул на огромную низменность <...> Передо мной слегка холмистые поля, а среди них — старый помещичий дом, ветхий и кроткий при месячном свете <...> Неужели это тот же месяц, который глядел когда-то в мою детскую комнату, который видел меня потом юношей и который грустит теперь вместе со мной о моей неудавшейся молодости? Это он успокаивает меня в светлом царстве ночи” (4).

В содержании образа усадьбы у Бунина прослеживается социальный аспект. Изображено дворянство как сословие, его быт, образ жизни. Неотъемлемой частью усадьбы является дом. С ним связан широкий диапазон ценностей: связь между поколениями, внутренняя опора, ощущение надежности и защищенности от невзгод, семейные предания, любовь. Дом является одним из центральных образов в литературе. Важно отметить, что дом во всех произведениях писателя показан как разрушающийся, ветхий: “Тишина — и запустение. Не оскудение, а запустение <...>. Кажется, что еще год тому назад усадьба не была так ветха. Полы и потолки в зале еще немного покосились и потемнели, ветви запущенного палисадника лезут в окна, тесовые крыши служб серебрятся и дают кое-где трещины” (5).

Рушится не только дом, рушится весь уклад жизни, символом которого он является, патриархально-идиллическая жизнь уходит в прошлое, а вместе с ней уходит в прошлое все бывшее благополучие: “Батурино — это большая деревня, но уже известно, что такое барская деревня! — в Батурино тихо <...> с плотины дорога поднимается в гору мимо батурина сада. Сад еще до сих пор густ и живописен, и, как на идиллическом пейзаже, стоит за ним серый большой дом под бурой, ржавой крышей. Но усадьба, усадьба! Целая поэма запустения! <...> Какой вечер! Как все цветет и зеленеет, обновляясь каждую весну, как сладостно журчат в густом вишеннике, перепутанном с сиренью и шиповником, кроткие горлинки, верные друзья погибающих помещичьих гнезд!” (6). В этих произведениях проявляются мотивы тревоги, упадка дворянских гнезд.

Несмотря на разность талантов, неодинаковый запас литературного опыта, С.Н. Терпигорев и И.А. Бунин прочно вписались в контекст литературы. Оба они обращались к теме дворянских усадеб на рубеже веков. В отношении к дворянской усадьбе Бунина и Терпигорева объединяет то, что оба художника последовательно изображают картины духовного и физического оскудения дворянского сословия. В “Суходоле” Бунин подчеркивает: “Мы застали уже не быт, не жизнь, а лишь воспоминания о них, полудикую простоту существования” (7). У героев бунинской повести исчезло бывшее очарование

рование, остались лишь щемящие воспоминания о прошлом. На всех суходольцах — печать вырождения. Экономический упадок Суходола сопровождается духовным разложением его обитателей, падением нравственных устоев, могущественного в прошлом сословия. Бунин рисует обреченность дворянства на новом историческом этапе. Бунинский взгляд на действительность сочетает в себе сочувствие сословию, обреченному на вымирание, со строгой оценкой и иронией. Сочувствие и негодование пронизывает книгу Бунина об уходящем в прошлое патриархальном дворянстве с его многовековой культурой и традициями.

Писатель с уважением относится к духовным ценностям, созданным дворянством. Изображая его упадок, он выражает убеждение, что именно дворянству принадлежала исключительно большая роль в русской истории и культуре. Бунин полагал, что высокая духовность дворянской культуры, устойчивость традиций в его среде обеспечили неизбежность всего жизненного устройства этого сословия. И, напротив, распад дворянства с его вековой культурой рассматривался им как одна из причин крушения жизненных устоев. Это вызывало у писателя сожаление. Поэтому тема дворянской усадьбы проникнута у него элегическими тонами грусти об ушедшей поэзии усадебного быта. В изображении дворянской усадьбы прослеживается стремление понять быт и человеческие отношения в динамике жизни. Намного позднее И.А. Бунин уйдет от историзма в сторону философских решений общечеловеческих и исторических проблем.

Типологическое сходство и тематические параллели в творчестве данных писателей свидетельствуют об объективности и правдивости отражения российской действительности начала века.

Таким образом, нельзя забывать об огромном вкладе усадебной жизни в русскую культуру. Красота пейзажей, усадебных построек и интерьера «дворянских гнезд», коллекции картин и других предметов искусства, архивы и библиотеки, театр, поэзия патриархальных отношений — все это составляло особую духовную и культурную атмосферу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **Щукин В.Г.** Поэзия усадьбы и проза трущобы // Из истории русской культуры. Т. 5. М., 1999. С. 585, 587.
2. **Терпигорев С.Н.** Сочинения: В 6 т. Т. 2. СПб., 18899. С.48.
3. Там же. С.59.
4. **Бунин И.А.** Сочинения: В 8 т. Т. 2. М., 1994. С.187.
5. Там же. С. 265.
6. Там же. С.268 — 269.
7. **Бунин И.А.** Сочинения: В 8 т. Т.3. М., 1994. С.180.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОВЕСТИ В СТИХАХ А.Ф.ВЕЛЬТМАНА «МУРОМСКИЕ ЛЕСА»

Е.А.Балашова, к.ф.н.,

*Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского*

В фондах Калужского государственного объединенного краеведческого музея (1) хранится повесть в стихах «Муромские леса» известного в 1830 — 40-е гг. русского писателя и поэта А.Вельтмана, отпечатанная в Москве в типографии С.Селивановского в 1831 г. и посвященная Н.Трубецкой. Издание размещено на 68 страницах, не имеет примечаний, кроме одного, что цензором является Иван Снегирев; публикуется без оглавления; отмечено как принадлежащее книжному магазину М.Антипина в г. Калуге.

С 1831 г. эта повесть не переиздавалась, тем не менее есть потребность в ознакомлении с ней: произведение интересно и важно с точки зрения тех художественных начал, которые в дальнейшем станут осмысливаться как приемы литературы переходной поры 1830 — 40-х гг. В редких литературоведческих упоминаниях «Муромские леса» называются поэмой и воспринимаются на фоне известных романтических поэм Е. Баратынского («Эда»), И.Козлова («Чернец»), П.Машкова («Разбойник») и др. Эти поэмы были написаны в 1820-х гг., а книга А.Вельтмана датируется 1831 г., стало быть, по хронологии размещается между названными, чисто романтическими поэмами и теми, которые, как «Мцыри» Лермонтова, уже не могли считаться однолинейно романтическими.

Какой же тип конфликта демонстрируют «Муромские леса»? Его основу составляет то, что нет обычного для романтической поэмы центрального персонажа. Его функции выполняют сразу два героя: Лельстан и Сияна, при этом нет и намека на их «романтические» отношения. Сияна — сестра невесты Лельстана. Волею судеб, каждый по своей причине, они должны вместе бороться с атаманом разбойников Тураном. Когда-то хитростью, тайно он похитил Сияну у отца, стал ее мужем и теперь насильно удерживает в логове разбойников. При этом Туран хочет жениться и на ее сестре Мильде, невесте Лельстана, ведь она дочь известного в Муроме зажиточного Громвольда. Отец девушки, не зная, насколько преступен богатый человек, собирающийся стать его зятем, вступает в стовор с Тураном, забыв, что уже обещал дочь Лельстану. Во время церемонии Лельстан убивает жениха, за что попадает в тюрьму. Правда, очень скоро ему удастся бежать вместе с двумя разбойниками, которые приводят его в свою пещеру, где он видит Сияну. Вместе они пытаются покинуть пристанище преступников, но на пути встречают невинно-

го (!) Турана. Тогда, во время церемонии, Лельстан его только ранил, сейчас — убил. Потом он возвращается к разбойникам и обманом, пообещав уставшим от “безделья” в отсутствие атамана преступникам богатую добычу Громвольда, заманивает их в ловушку. В итоге преступники наказаны, Лельстан женится на Мильде, а Сияна возвращается в отчий дом.

Выбрав вместо одного романтического героя двух, да к тому же мужчину и женщину, А. Вельтман сосредотачивает внимание читателя на новом типе конфликта. Например, нетрадиционны те отчуждения (оно теперь не одно, как мыслилось в романтическом произведении 1820-х гг.), которые переживает Лельстан. Первый раз ему пришлось покинуть родной край после смерти матери и братьев по воле отца (“Отец мой пустился рассеять печаль; / И долго мы были с родной стороною / В разлуке, и видел я чуждую даль, / И чуждые нравы, и землю, и воды; / Питал любопытство, но все было жаль / Родной и священной для сердца природы”). Как отъезд, так и возвращение происходит по воле отца, перед Лельстаном не стоит выбора. Второе отчуждение, испытанное главным героем, тоже совершается как бы без его ведома: он насильно изолирован от общества в тюрьме (после нападения на Турана Лельстан не бежит, чтобы не подвергнуться наказанию, как, кстати, делает Леолин из вельтмановской поэмы “Беглец”, написанной в этом же году). Решение отчуждения также нетрадиционно — оно сопровождается мотивом неосознанного возвращения. Автором подчеркивается, что в тюрьме Лельстан был в горячке: “тени, в кровавых покровах, / Отец мой и Мильда, носились во тьме!” Он переживает, но не сознает события прошлой жизни. Как в тумане, видит он, как двое заключенных “рыли могилу”. По их “приглашению” желавший умереть герой последовал за ними, но оказался на свободе. Случайное возвращение не будет настоящим до тех пор, пока оно не станет сознательным выбором героя. Для Лельстана это произойдет даже не тогда, когда он решится бежать от разбойников, а тогда, когда он, муромский житель, решится вернуться в родной город с честью: спасти от смерти Громвольда и предать правосудию преступника. Здесь мы имеем дело опять-таки с непривычной для романтизма ситуацией возвращения — усиливается нравственная подоплека поступка, герой перестает думать только о себе.

Похожее происходит в повести и с Сияной. Она также не сама выбрала отчуждение себе судьбой. Отец проклял ее как преступницу, бежавшую от него. Но вот как она сама объясняет свое исчезновение из отчего дома: “Не умысл меня погубил, / Не трепет желаний, не мыслей волненье, / Не страсть и не чувства влекли в заблужденье; / Но женщина! Варвар ее подкупил. / Она моим другом была! Как не верить, / Тому, кого любишь?.. могла ль я понять / И душу рассудком младенца изме-

рить, / Которая благо решилась продать / Невинной Сияны?..” А. Вельтман на примере Сияны усиливает новый тип конфликта: отчуждение героини от привычной среды, как и в случае с Лельстаном, не ее сознательный выбор, а результат насилия. Если она и преступница, то не такая, как Лельстан (хоть и волею случая, но все-таки на нем кровь). Ее бегство от разбойников оборачивается ситуацией возвращения в родной дом, но это возвращение не похоже на то, которое демонстрировалось в романтических поэмах ранее. Здесь, на наш взгляд, угадывается тот же конфликт, что и в поэме М. Лермонтова “Мцыри”, необходимость в котором Лермонтов почувствует только восьмью годами позже А. Вельтмана! Это в очередной раз подчеркивает, что А. Вельтман предвидит, чем будет жить литература в будущем, он отыскивает и осваивает новое, что другие авторы разработают более талантливо. В повести мы имеем дело с повторением конфликта, что, на наш взгляд, в рамках одного произведения не делалось. Обычная двухгеройность поэм позволяла полемизировать сторонам конфликта, но здесь конфликту придается устойчивость. Этот ход должен был приковать внимание читателя к вариациям толкования нетрадиционного конфликта на примере женской и мужской судьбы, а тем самым уйти от романтического монологизма.

Сияна — героиня необычная. С одной стороны, она вполне укладывается в рамки романтической личности: “вид ее чуден и странен”; в прошлом есть тайна; у нее дурная слава и среди тех, с кем она когда-то жила, и среди разбойников. Последние при виде ее берут Псалтырь, не могут понять, чем она приворожила атамана: “Другую давно бы уже со двора! / А эту, как ведьмуне выжить!” Она гармонирует с характером Лельстана и по пережитому разочарованию. Однако в разработке ее образа появляется новое: во-первых, у Сияны нет стадий эволюции, типичных для романтического героя (сначала она почти ребенок, потом ее никто не видел и не мог знать, что с ней происходило), во-вторых, начало ее действий не месть, а желание защитить отца и сестру.

Портрет Лельстана повторяет набор традиционных романтических штампов: благородные черты лица, он статен, прекрасен, “мешается бледность с румянцем ланит”, взор мрачный открывает “муку, томительность дум”. Он горд в своих страданиях (“Гордости в нем не сломила судьба”), равнодушен к людям (“Есть люди, один он — ему все равно”), после совершенного убийства не считает себя преступником. Его внутренний мир противоречив: “в нем беспокойство души не молчит / И горестный мир противоречив: / То дикой улыбкой сменяется вздох, / То тревожит его хладнокровье. / То дикой улыбкой сменяется вздох, / То кажется в мыслях надежда и Бог”. Он ощущает свое избранничество (из всех братьев выжил он один) и свое превосходство по способности внутренней жизни: “Несчастье свое я готов вам поведать, / Но ваши ли

чувства разбудит оно?” Как романтический герой, он обладает особой тревожной интуицией: “Не знаю, сказал, что ждет меня дома, / Но что-то дорога мне к дому страшна!” Как видим, многое в нем повторяет типичную характеристику романтического персонажа. Однако, на наш взгляд, Лельстана нельзя назвать однолинейно романтическим героем прежде всего потому, что у него нет тайны, вся его жизнь объяснена читателю; он не живет идеей двоемирия, не пытается забыть в грезах и снах; он не одинок — рядом любящие отец и Мильда. У Лельстана нет традиционной потребности в исповеди, о себе он рассказывает разбойникам только потому, что у них так принято: “Искони введено, / Пришельца в обитель всегда исповедать!” Кстати, рассказ героя о самом себе, как и рассказ Сияны о ее прошлом, занимает очень маленький объем в повести, и это при том, что, скажем, в “Войнаровском” К.Рылеева из 1084 строк 766 — исповедь, а в “Чернец” И.Козлова — 10 строф из 14! (2). Но самое главное — и это на фоне романтических произведений в читательском сознании, где такого просто нельзя было себе представить, — в нем трансформировалось первейшее качество романтического героя — идея “одной страсти”. Лельстана нельзя назвать максималистом, подчинившим всю свою волю одной думе. Можно, конечно, предположить, что он движим одной любовью к Мильде, но рассказ о его чувстве не становится рассказом о раз и навсегда захватившей страсти, как по мановению волшебной палочки, — об этом мы знали из традиционных романтических произведений. Чувство Лельстана “тихое”, в дальних странствиях он больше грустит и вспоминает о родной природе, а о невесте ему напоминает отец. По возвращении, говорит Лельстан, “как будто с желанья и воли отцов / И Мильда и я привыкали друг к другу”. Позже он действительно искренне ее любит: “И часто в обманах мечтаний и снов / Я будущей жизни в ней видел подругу!” Получив в дар любовь, Лельстан ею испытывается. Читателю открывается, как в дальнейшем, потеряв любимую, герой отчаивается и мучается своей страстью: “В час скорби душевной, в час ночи угрюмый / И мрачны и тяжки отчаянья думы! / Что мыслит страдалец? Надеждой забыт, / Желаньем оставлен, судьбою убит, / Живет он без цели, надежд и желаний! / Дитя любопытный к рассказам преданий, / Как старец, он памяти внемлет своей, / И светлую радость умчавшихся дней / Он чувствовать может”. Однако в последующем повествовании становится ясно, что у героя возникает новый смысл жизни. Впервые в романтической литературе появляется герой, который может “отвлечься” от мыслей, сосредоточенных на нем одном. Чужое горе становится лично переживаемым: “Сияна, Сияна! Познал бы я цену / Сей жизни печальной, когда бы в замену, / В награду всех

бедствий увидел бы я, / Как светлая радость воскреснет твоя / И прежде с землей не разрозню я душу, / Покуда твою не заставлю судьбу / Тебе улыбаться!” Герой растет, изменяется на наших глазах. Он не просто может жить интересами других людей, он сосредотачивается на идее справедливости: Сияна должна быть отомщена, как и его невеста Мильда. Но Вельтман идет еще дальше: его герой думает и о справедливости по закону — вот почему он сообщает о готовящемся разбойничьем погроме. Можно с определенной долей уверенности сказать, что автор зафиксировал момент становления нового сознания героя, который заключается не только в отказе от самолюбия и эгоцентризма. Это также касается и ряда вопросов, поднимаемых в связи с введением разбойничьей темы в повесть.

Романтические произведения культивировали разбойника, его образ имел серьезную идейную подоплеку. С ним несправедливо обошлось общество, и теперь несправедлив он — но это по закону юридическому. По человеческому закону он, скорее, вызывал сочувствие. Лельстан же, вопреки поступку традиционного романтического героя, разбойников наказывает, причем предаст тех, кто спас его от тюрьмы. Автор не показывает читателю мыслей Лельстана в связи с этим, известно только, что он мучается угрызениями совести: не случайно он так много времени проводит в храме перед захватом разбойников: “Упал на колени к ступеням порога, / К иконам с молитвою очи возвел, / И ярко лучи на него отразились. / Собою прекрасный, он в цвете был дней, / Из полных раскаянья, мрачных очей, / Как искры, тяжелые слезы катились. / В мольбах он забылся” Остается неизвестным, каялся ли он только в предательстве или еще в убийстве Турана. Любопытно другое. Романтический герой всегда жил проблемами универсальными, и ему никакая конкретная цель не казалась достаточной. Поступок Лельстана конкретен, его месть сконцентрирована на одном человеке, а не выливается против всего человечества. Отомстив своему обидчику, Лельстан отмщает обидчикам Сияны, но и сейчас его поступок — это стремление решить только индивидуальные судьбы. Для финала русской романтической поэмы это не было характерно.

В заключение отметим, что вельтмановская повесть, развивавшаяся в русле романтического мироощущения, выработала каноны, отвечающие новым, реалистическим запросам. Это и описанный конфликт, и становление новой повествовательной системы (прежде всего, введение сказовой манеры). К сожалению, рамки статьи не позволяют остановиться на этом подробнее, тем не менее оговоримся, что для Вельтмана был принципиален (3) подзаголовок “Муромских лесов” — “повесть в стихах” (4). Это определение не случайно на фоне жанровых решений

литературного процесса 1830-х гг. Нам кажется, что Пушкин мог отчасти и у Вельтмана заимствовать разработку канонов стихотворной повести и стихотворного романа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Благодарим доц. КГПУ Козыро Л.А. за информацию о книге, а также администрацию КГОКМ и лично Хохлову Т.М. и Бессонову Т.Ф. за предоставленную возможность работы в фондах КГОКМ (ед. хр. КП 10736/13).

2. Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. М., 1976. С. 155.

3. Жанр вельтмановских произведений выбивался из любого канонического определения: "Путевые впечатления" — "рассказ вроде повести", "Кошей бессмертный" — "былина нового времени" и т.д.

4. Для Вельтмана это было перенесение законов прозы на поэму, а не принятое в начале XIX в. обозначение как "стихотворных повестей", "байронических поэм" или пародий на них.

КАЛУЖСКИЙ СТИХОТВОРЕЦ-ЛЮБИТЕЛЬ В. АЛФЕРОВ И ЕГО СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПРЕБЫВАНИИ В КАЛУГЕ ШАМИЛЯ

Л.А. Козыро, к.ф.н.,

*Калужский государственный педагогический университет
им. К. Э. Циолковского*

Рукописи В. Алферова, в основном черновики и переписанные набело стихотворения, были переданы его родственниками Калужскому педагогическому университету.¹

Василий Алферов занимался торговлей (в стихах и подписях к ним он называет себя «купеческим братом», в стихотворении «Признательность писателя» жалуется, что покупатели мешают ему писать, прерывая течение мыслей, достойных запечатления на бумаге).

Вероятно, в середине 50-х гг. он жил в одном из уездов, о чем свидетельствует «Приключение двух приятелей, или Письмо в стихах из уездного города», затем перебрался в Калугу. Большим увлечением Алферова на протяжении всей жизни (имеющиеся у нас стихотворения датированы 1859 — 1895 гг.) было стихотворство. Чувствуется, что он серьезно относился к своему умению рифмовать. В стихотворении «Пришла охота написать» (1885) сообщается:

Быть может, — в нынешний-то год
Еще стихов прибавлю,
И русский добрый наш народ
В стихах своих прослаблю.
Я добродетель и любовь
Глубоко почитаю!

И им-то из немногих слов

Стихи я посвящаю.

Четыре стихотворения Василия Алферова были опубликованы в Калужских губернских ведомостях в 1870 и 1895 гг.²

Среди его бумаг есть лист, на котором автор сообщает, что за свои стихотворения купеческий брат Василий Алферов удостоился «получения от двух императоров восьми Всемилостивейших Высочайших благодарностей». Далее перечислены даты получения этих благодарностей (16 февраля, 12 июня, 19 декабря 1879 г.; 14 марта 1880 г.; 30 марта и 23 декабря 1881 г.; 28 января, 17 декабря 1882 г.).

О художественной ценности стихотворений говорить не приходится, но они интересны тем, что запечатлели круг интересов, реакцию рядового жителя провинции на события политической и общественной жизни.

Художественный вымысел не является сильной стороной стихотворца. Собственно, он фиксирует и оформляет в стихотворной форме реальные жизненные ситуации и свои мысли и впечатления по их поводу. Произведения Алферова, как правило, фабульные, с подзаголовками: «Замечательный рассказ», «Рассказ в стихах» и т. п. Авторские комментарии к тексту, оформленные как подстрочные примечания, поясняют ситуацию, конкретизируют описанное.

Источники сюжетов разнообразны. Часто это реалии повседневной жизни, в которой стихотворец умеет увидеть смешные или значительные стороны. Вот как он пишет об этом в стихотворении «Что значит празднотлюбие»:

Я, что придется, замечаю;
И так живу и не скучаю.
Другой раз дома не сидится.
Пойдешь куда-нибудь пройтись,
Какой-нибудь предметец встретишь;
Да после перышком заметишь.

Так, побывав на всероссийской выставке, он поделился впечатлениями о ней в стихотворении «Шесть дней на Московской всероссийской Выставке 1882 года». Стихотворение переполняют чувства гордости и патриотизма, в начале его долго перечисляются «народы», которые должны полюбоваться изделиями русских мастеров. Далее идет зарифмованное перечисление предметов, увиденных в разных разделах выставки, оно снабжено обстоятельными примечаниями, отмечено явно выраженным практическим интересом к доходам, приносимым той или иной отраслью ее хозяевам.

Вторым источником сюжетов были для Алферова газеты, в ко-

торых его привлекали и события бытового характера, и политические новости. Так, в основу стихотворения «Буря в Саратовской губернии 5 декабря 1875 года» положено сообщение «Саратовских губернских ведомостей» о том, что, возвращаясь с бала, который давал один из провинциальных помещиков в своем имении в 14 верстах от Саратова, семнадцать человек гостей, в том числе дочь вице-губернатора, погибли, застигнутые метелью.

Политические реалии вызвали к жизни стихотворение 1878 г. «Мятежная Польша»:

И та вот мятежная Польша
Все больше да больше
Шумела, — она волновалась,
А гроза уж над ней собиралась:
И вот три великих монарха
Разумно, без всякого страха,
Взаимный союз заключили,
И Польшу они разделили.
И долго она волновалась,
Но разделенной навеки осталась.

Довольно интересна подборка стихотворений 1878 г., посвященных Благотворительному Обществу Калужского Дамского кружка. Эпиграфом избраны слова Бальзака: «Женщина имеет то общее с ангелом, что ей близки существа страдающие». В сшитую тетрадь с 8 стихотворениями вложен отдельный листок с выпиской из манифеста об объявлении войны Турции 12 апреля 1877 г.: «Сотни лет тяготеет иго турецкое над христианами — братьями нашими. Горька их неволя. Все, что дорого человеку — самая вера Христова, честное имя, потом и кровью добытое добро — все поругано, осквернено неверными; города и села выжжены; имущество разграблено, жены и дочери обесчещены; население иных мест поголовно вырезано». Подборка открывается стихотворениями, написанными под влиянием этого приказа и материалов, помещенных в газетах и журналах. Первое из них называется «Страдальцам-славянам. 16 апреля 1877 г.». Стихотворение короткое, основная его часть — слова Ангела, который ободряет страдающих славян и предсказывает им скорую свободу. Во втором стихотворении «На провожанье Пехотного Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Александровича полка и 17-ой Артиллерийской Бригады. 14 ноября 1876 г.» выражается любовь «всех калужан» к уходящим на поля сражений воинам:

Все мы молим Творца,
Чтобы вам победить мусульман;
И спасти христиан,
Наших братьев славян.
А врагов разгромить! Победить!
И потом прочный мир водворить.

Далее следует баллада «Славянки, несчастные жертвы турецкого зверства 1877 г. Погибшая дочь и несчастная мать на молитве». Фабула баллады в примечании автора поясняется таким образом: «Красавица дочь ея (славянки-матери — Л. К.) была турками обесчещена; потом убита и сожжена. Ужасный, зверский поступок. Один из тысячи подобных зверств, совершенных турками на Балканском полуострове. Заимствован из современных журналов». Первая часть баллады представляет собой молитву матери, в которой она рассказывает о судьбе красавицы-дочери, просит Бога спасти несчастных и поразить гневом злых мусульман и обращается к русскому царю и русским братьям с просьбой внять «стону несчастных страдальцев славян» и смирить «варваров страшных и лютых». Вторая часть баллады рассказывает о смерти самой матери:

Красавицы-дочери смерть и позор
Навеки закрыл ее страждущий взор,
И она на земле бездыханна лежит,
И соседка-вдова ее труп сторожит.

На основе газетных источников, художественных произведений о событиях на Кавказе и собственных впечатлений Алферов пишет своеобразную диологию: «В стихах рассказ про Шамиля и Кавказ» и «Приезд Шамиля в город Калугу в 1859 г».

Следует отметить, что в ряду свидетельств о жизни Шамиля в Калуге стихотворения Алферова относятся к самым ранним.³

Тексты представлены в двух экземплярах, в сшитых тетрадях в 0, 5 листа. Эпиграфом к первому тексту взяты заключительные строки эпилога поэмы Пушкина «Кавказский пленник»:

И смолкнул ярый крик войны:
Все русскому мечу подвластно,
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла вас наша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!

Для читателя эффект подобного эпиграфа двоякий. Очевидно, поэма Пушкина избирается как некая авторитетная содержательная

и композиционная модель: пейзажи Кавказа; характеристика горцев, их национальных свойств и занятий; батальные картины; акцентированное присутствие повествователя, беседующего с читателями.

С другой стороны, даже неискушенному читателю очевидна несопоставимость художественных достоинств этих произведений. Уже хореический, «приплясывающий» размер, избранный вместо пушкинского четырехстопного ямба, разговорная лексика настраивают читателя на обыденный характер дальнейшего рассказа:

Предлагаю здесь рассказ,
Люди добрые, для вас,
Просим милости присесть
И стишки мои прочесть.

Первая часть произведения Алферова свидетельствует о том, как представляет себе неискушенный человек природу Кавказа и происходящие там события:

Горы там Кавказ зовут,
У верху снежок лежит;
А внизу вода бежит,
То есть речки протекают
И цветочки расцветают.
Виноград там поспекает,
Значит, там тепло бывает,
И такая есть долина,
Что на ней растет малина.
Идиллия нарушается присутствием черкесов:
Смирно жить они не любят,
Все набегами воюют.

Черкесам противостоят «славные ребята», русские солдаты:

Так Ермолов-генерал
Славно горцев донимал,
Его имени боялись, —
И в леса они скрывались.
И наместник Воронцов
Колотил их, удальцов.
Муравьев их бил отлично,
Так, как русскому привычно:
Много было схваток страшных,
Много было сцен ужасных,
Много было горя, бед,
Много было там побед,
Много горцев там побили;

И давно бы их смирили,
Но там горы и утесы,
В них-то прятались черкесы,
Вот кто русским-то мешали,
А черкесов защищали.

Затем следует переход к фигуре и судьбе Шамиля и отчетливо выявляется незлобивость и широта души русского человека:

Россияне молодцы!
Наши деды и отцы
Побеждать врагов умели;
Победив, врагов жалели.
Вот Бяратинский-то князь
Покорил страну Кавказ,
И Шамиля в плен узял,
Головы с него не снял,
Ему шубу подарил
И так добро говорил:
«Тебе жизнь я оставляю
И в Россию отправляю».

Далее рассказывается о пребывании Шамиля в Харькове, Петербурге, Москве. Подчеркивается удивление горца, оказавшегося в большом городе, приобщившегося к столичной культуре (посетившего балы, театры). Автор противопоставляет Кавказ, где «разбой да беда», и Россию, где

Всякой может честно жить!
Образован наш народ;
И порядком все идет.

Первая часть «диалогии» заканчивается приездом Шамиля в Калугу («и Шамиль стал житель наш»), где ему

Дом большой в наймы отдал
И прилично так убрали.

Воображение автора явно поражено наличием у Шамиля трех жен (на самом деле у Шамиля в Калуге было две жены), но в целом он благожелателен по отношению к новому калужскому жителю:

Здесь Калуга, не Кавказ;
Жизнь спокойная у нас,
Ну, да что и говорить;
Народ добрый, можно жить.

Вторая часть сообщает подробности приезда Шамиля в Калугу. Он приехал вечером с сыном и свитой, выглядел уставшим («видно, ночи две не спал»). Дается портретная характеристика:

А в Шамяля-то обвита
Шапка белою чалмой,
В него рыжая борода,
И проворный он такой;
Молодецкая походка,
Видно, горец удалой.

Далее упоминается о белой одежде Шамяля и бритой голове.

Шамяль остановился в гостинице «Coulon'a» (владелец гостиницы - француз Кулон, Алферов называет его «Куленой»). Гостиница считалась одной из лучших в городе, была расположена в конце Никитской улицы, против Гостиного двора.⁴ Алферов подтверждает мнение о достоинствах гостиницы:

Что ж, Кулена так с искусством
Гостя славно угощал,
Что Шамяль-то даже с чувством
Свою руку к сердцу жал.

Далее сообщается, что Шамяль со своей свитой в коляске осматривал город, вызывая интерес калужан и особенно мальчишек, и побывал в доме, который для него отделявали.

Значительное место занимает рассказ о том, как Шамяль наблюдал за крестным ходом 12 октября. Комментарий, который дает Алферов в сноске, таков: «12-го октября в Калуге бывает празднование всякий год, — с крестным хождением кругом города. Этот праздник учрежден в знак великой победы над Наполеоном и его ужасными полчищами. В этот достопамятный день он был побежден в пределах калужских в 1812 г. и начал отступление (или, вернее сказать, бегство) со своими полчищами из России, и такое?! Что едва ли есть подобныя примеры в летописях».

В стихотворном рассказе автор связывает изгнание Наполеона с помощью свыше, что и стало причиной для учреждения благодарными калужанами крестного хода:

Сожжена была столица,
Враг Калугу жаждал взять.
Стали Вышнему молиться,
И врага прогнали вспять.
С той поры установили —
Чтоб молиться всякий год;
Кругом города ходили
Сан священный и народ.

Присутствие Шамяля при этом православном действе рядовым жителям Калуги представляется неуместным:

Началось песнопенье,
И иконы понесли,
Тут в Губернское правленье
И Шамяля привезли.
Это был с его приезда
Только, только третий день,
И в окне тут близ подъезда
Он стоял, как будто тень;
В шапке и в одежде белой,
Как-то странно таково?
И в руке как будто левой
Была четка у него.
Неприлично, признаюся,
Было здесь ему стоять,
И к тому же не боюся
Так по совести сказать.
Тут какой-то русский барин
Стал мне тихо говорить,
Что Шамяль-то мусульманин
В шапке странно так стоит?
Здесь и я ему с почтеньем
Кой-что тоже рассказал.
Он все слушал с удивленьем,
Даже руку мне пожал.

Тем не менее присутствие Шамяля не вызвало инцидентов, что отметил стихотворец: «Как народ наш добр и прост». Далее сообщается о переезде Шамяля на постоянную «квартиру» и воспроизводятся толки калужских обывателей об экзотическом госте и отношении к нему калужского «света»:

Его в гости приглашали
Ну уж просто нарасхват,
И кареты присылали,
Что ж, Шамяль был очень рад.
Просто счастье рекою
Тут Шамялю полилось;
В шапке с бритой головою
Принят всюду новый гость:
Кто обедать приглашает,
А кто кофей пить зовет,
И Шамяль не обижает,
В гости к русским он идет.

Тут знакомство, угощение
Чуть не всякий день пошло;
Вечера, балы! Веселье!..
Вот раздолье-то пришло.

Фиксируются и слухи о домашнем быте Шамиля, который ориентирован на сохранение традиционного образа жизни, но постепенно ассимилируется, приспосабливается к новым реалиям:

Утром встать не торопится;
А устанет — и как раз
Он начнет скорее мыться,
И в окошко выльют таз
(У него во всем отличка, —
Мусульманский обычай).
Есть и русская привычка:
Он, признаться, любит чай.
Даже кушанья готовят
Повара на русский лад;
И нажарят, и наварят,
Шамиль ест, и очень рад.

Автор подчеркивает спокойную и ничем не омраченную жизнь Шамиля в Калуге, его уверенность в собственной безопасности:

Не робеет, что нагрянут
С криком русские «ура»!

Рассказ завершается авторским осмыслением ситуации:

Лучше мирно поживать,
Да и руки притупятся
Все людей-то бить, рубить,
Целой век наскучит драться,
Право! — лучше смирно жить.
То ли дело жить спокойно,
Сладко есть и мягко спать,
Жены здесь, всего довольно,
И довольно мне писать.

Рассказ В. Алферова о пребывании Шамиля в Калуге интересно сопоставить с впечатлениями М. Н. Чичаговой, жены Михаила Никифоровича Чичагова, который в 1865 г. был назначен на вновь организованную должность воинского начальника Калужской губернии. Таким образом, М. Н. Чичагова познакомилась с Шамилем, когда тот уже «обжился» в Калуге. Знакомство это продолжалось более года, произвело самое приятное впечатление и позднее подвигло Чичагову к созданию биографического очерка «Шамиль на

Кавказе и в России». Алферов фиксировал лишь внешнюю сторону жизни Шамиля, реакцию калужан на появление его в публичных местах, слухи, расходившиеся по городу. Чичагова имела возможность, общаясь с Шамилем, посещая его дом, вникая в особенности его отношений с родными и посторонними людьми, делать выводы относительно его характера. Ее повествование психологично, но, читая его, удивляешься простодушию автора. В понимании Чичаговой «Шамиль на Кавказе и Шамиль в России, как наш военнопленный, представляют нам двух разных личностей. На Кавказе он дикий горец, фанатик и магометанин, ревностный исполнитель шариата, повелевающего вечную вражду с неверными, смертельный наш враг». Но «с первого шага в Россию Шамиль поражается ласковым приемом и милостями русского царя, которого он представлял себе грозным владыкой. Сердце его было побеждено. Беспощадный правитель Дагестана делается сразу кротким, мягким, добросердечным, то есть таким, каким был по природе и в домашней своей жизни».⁵

На фоне прославления Чичаговой кротости и добродетелей Шамиля несколько ироничное повествование Алферова представляется более объективным и по эмоциональной окрашенности ближе к осмыслению образа Шамиля и его калужской жизни в исторической миниатюре В. Пикуля.⁶

Третий источник сюжетов стихотворений В. Алферова — литературный. Это некие перепевы былин, баллад, сказок.

Стихотворение «Прохожий в лесу и хижина на долине» написано в традициях «ультраромантической» баллады. Одинокий путник застигнут бурей:

Раскаты грома раздаются,
Деревья с шумом страшно гнутся,
И гром гремит! Земля трепещет!..
И молния ужасно блещет.

Баллада «Разбойник в лесу» (из подборки стихотворений, посвященных Благотворительному обществу Калужского Дамского кружка) повествует о страданиях попавшей в руки разбойника девушки и ее чудесном спасении. Томная и бледная дева, бледная луна, которая восходит над ней в тумане, злодей разбойник с кинжалом, герой-спаситель и двое его верных друзей — вот штампы, использованные в этой балладе.

Лиризм практически отсутствует в творениях Алферова, очень немного стихотворений пейзажных, они невыразительны, шаблонны, написаны в традициях позднего сентиментализма. Наиболее яркое из пейзажных стихотворений — «Зимняя ночь при луне», пост-

роенное на повторении образов снежной дороги, луны, снега, тройки, звука ее колокольчика

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Документы хранятся в читальном зале Калужского государственного педагогического университета: г. Калуга, пер. Воскресенский, д. 4.

² Калуга 21 мая 1870 года. (Расстрига Никольский во время богослужения архиепископа Григория ударил его в висок). — Адрес калужского духовенства. — Адрес калужского общества. — Стихи В. Алферова // КГВ, 1870, №22, 30 мая.

Алферов В. Монастырь св. Лаврентия (Стихи) // КГВ, 1870, №23, 6 июня.

Алферов В. На восшествие на престол Государя Императора Николая Александровича: Стихи // КГВ, 1895, №2.

Алферов В. На день бракосочетания Государя Императора Николая Александровича с Ее Императорским высочеством великою княжною Александрой Федоровной // КГВ, 1895, №2.

³ См.: Подробности о семье Шамиля (прибывшем в Калугу 5 янв. 1860 г) // КГВ, 1860, №4, 23 янв.

Знакомство с Шамилем Руновского // Военный сборник, 1859 г. Т. 10. Дневник пристава Пржецлавского // Русская старина, октябрь, ноябрь, декабрь 1877 г.

Шамиль на Кавказе и в России: Биографический очерк / Составила М. Н. Чичагова. СПб., 1889.

⁴ Малинин Д. И. Калуга: Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1992. С. 232..

⁵ Шамиль на Кавказе и в России: Биографический очерк / Составила М. Н. Чичагова. СПб., 1889. С. 5.

⁶ Пикуль В. В гостях у имама Шамиля // Пикуль В. Кровь, слезы и лавры: Исторические миниатюры и роман. Л., 1988.

“ПОСТУПЬ ЛЮДЕЙ НА ЗЕМЛЕ ДОЛЖНА БЫТЬ ТВЕРДА”

*Философско-эстетическая концепция жизни
в ранней прозе И.Новикова*

Е.А. Черникова,

Калужский государственный педагогический университет им.

К.Э. Циолковского

Существенной особенностью русской литературы серебряного века является пристальное внимание к провинциальной жизни. При этом периферия привлекала писателей отнюдь не своей экзотикой, а стремлением выявить и художественно отобразить многообразные судьбы и характеры, воссоздать “пестроту” и разноликость не поддающейся однозначной оценке России и ее народа.

Жизненная и творческая судьба И.А. Новикова (1877 — 1959) была связана с провинцией, с теми глубинами национальной почвы, откуда он черпал вдохновение и сюжеты для своих произведений. Родился будущий писатель 1 (13) января 1877 г. в д.Ильково Мценского уезда Орловской губернии, давшей России немало классиков отечественной и мировой литературы. У родителей И.Новикова было небольшое земельное хозяйство, т.к. его отец, бывший вольноотпущенный крестьянин, приписавшийся к мещанскому сословию Мценска, приобрел в Ильково землю на условиях многолетней рассрочки платежа. С детства И.Новиков рос и воспитывался в труде на земле, в тесном общении с деревенским людом, среди неброской, но дорогой его сердцу среднерусской природы. Все это, творчески преображенное, возникнет затем на страницах его произведений.

В семье Новиковых высоко ценилась книга. В автобиографии писатель называет любимых художников слова своей юности: Пушкина, Гоголя, Чехова, Короленко, Гаршина. Большую роль в воспитании любви сына к художественной литературе сыграла мать. “Твердо знаю, — отмечал он в автобиографии, — что писательство мое идет от матери”. Была в семье и няня с ее сказками, песнями, живым народным говором, которыми будущий писатель “дышал, как дышал простором и воздухом родной орловской природы” (1).

Иван Новиков окончил сначала мценское городское училище, а затем Московскую земледельческую частную школу — весьма своеобразное учебное заведение, где кроме специальных предметов — химии, биологии, агрономии — большое внимание уделялось изучению русской литературы и истории, издавались рукописные журналы, не смолкали споры о новых книгах. Юноша неизменно оказывался в центре этих дискуссий.

После прохождения агрономической практики в Вятской губернии Новиков был принят в 1897 г. в Московский сельскохозяйственный институт (ныне Тимирязевская академия). В 1898 г. в России разразился страшный голод. Лучшая часть интеллигенции помогала голодающим крестьянам. Среди энтузиастов, которые добровольно отправились на борьбу с голодом и эпидемиями, был и студент Иван Новиков. Он участвовал в организации общественных столовых и лазаретов в Татарии, а затем — в Бессарабии. Вот тогда и пришел его писательский час. Первый рассказ И. Новикова “Сон Сергея Ивановича” был опубликован в журнале “Народное благо” в 1899 г. и сразу же нашел живой отклик в читательской среде. В нем начинающий писатель остро поднимает волновавший тогда многих передовых людей России вопрос о месте интеллиген-

ции в жизни простого народа. Герой рассказа, преуспевающий уездный служащий, после мучительных раздумий отказывается от выгодной должности в губернском городе и едет в Татарию спасать умирающих от голода людей. Не менее выразителен и образ сестры Сергея Ивановича, Наташи. Это молодая девушка не желает усыплять свою совесть рублевыми подачками голодающим и отдает всю себя делу служения попавшим в страшную беду людям.

Сходную коллизию мы видим и в рассказе “К возрождению” (1900). Герой его, бывший студент университета Николай Нестеров, отбыв двухлетнюю ссылку за революционные убеждения и полностью разочаровавшись в радикальных способах социального переустройства общества, потерял жизненную “точку опоры”. Принятое решение участвовать, по выражению автора, в работе “на голоде” помогает ему вновь обрести смысл жизни.

Эти произведения, написанные на злобу дня и продолжавшие традиции народнической литературы, не остались незамеченными и читателями, и именитыми собратьями Новикова по перу. С одобрением воспринял их В. Короленко, а Л. Толстой, к которому И. Новиков отважился прийти солнечным июльским днем 1909 г. в Ясную Поляну, после обстоятельной беседы с ним записал в дневнике: “Было 7 посетителей, юноша с сочинениями, потом совсем сочинитель, умный Новиков” (2). Эта поддержка окрылила молодого писателя, активизировав настойчивые поиски им “реалистического тона и языка”, тематики и проблематики новых произведений.

Основные темы ранних рассказов и повестей И. Новикова отражают жизнь, быт и нравы XX столетия. Их действие происходит среди “просторов вольных” средней полосы России, в дорогих сердцу писателя местах Верхнего Поочья, составляющих ныне Орловскую, Тульскую и Калужскую области (И.А. Новиков был другом Б.К. Зайцева и, судя по их переписке, не раз бывал в Калуге. По свидетельству дочери писателя М. Новиковой-Принц, облик своего друга Б. Зайцев запечатлел в образе Христофорова — главного героя повести “Голубая звезда”). Во многих из них с симпатией изображены фигуры мелкопоместных дворян, живущих скромной, но внутренне насыщенной жизнью. Писатель обстоятельно рисует их времяпрепровождение, хозяйственные заботы и интересы. Дворяне И. Новикова — это не кровопийцы и бездельники, не жестокосердные люди, не плюшкины, ноздревы, головлевы и хрущовы, многократно описанные в русской литературе. Это люди высокой культуры, сочетающие интересы интеллектуальные с делами хозяйственными, работающие, подобно барину Кириллу Матвеевичу из повести “Душка”, наравне с крестьянами и на току, и в поле.

Основное место в произведениях раннего Новикова занимают нравственно-этические проблемы. На фоне быта и жизни поместных дворян писатель крупным планом изображает волевые, цельные характеры персонажей, активных борцов против зла, нередко жертвующих для победы над ним не только личными интересами, но подчас и своей жизнью. Новиков привел в литературу начала XX в. героев, а точнее героинь, юных русских женщин, наделенных кипучим темпераментом, гордых, страстных, устремленных к свободе и правде, тонко воспринимающих красоту жизни. Такова девушка-подросток — сирота Васюта из рассказа “Жанна д’Арк” (1911), решительная и бескомпромиссная в своих поступках, за что ее не зря прозвали в усадьбе именем национальной героини Франции. Трудолюбивая, ловкая, энергичная Васюта влюблена в жизнь, в деревенскую природу, в людей. Никогда не помышлявшая о подвиге, добросовестно выполняющая скромную роль горничной в господском доме, она, когда пришла пора, не колеблясь, этот подвиг совершает: во время пожара Васюта ценою своей жизни пытается спасти маленького сына-калеку усадебной кухарки. “Старики наши умерли, мы выросли все и занялись, кто чем в этой жизни, — завершает свой рассказ об этой трагической истории автор-повествователь, — но каждую осень, когда красные и желтые листья, падая, устилают землю прощальным ковром, по вечерам в душе неизменная грусть, и неизменный встает образ русской девушки Жанны д’Арк, погибшей в огне” (III, 36). Эмотивность этого заключительного отрывка вполне оправдана и закономерна, ибо автор поет здесь гимн высокой жертвенности, хвалу человеку, без колебаний отдавшему жизнь, согласно Евангельской заповеди, “за други своя”.

Обаятельный образ девушки, жительницы небольшого приокского городка, воссоздал писатель в повести “Калина в палисаднике” (1913). Неброская внешне Настенька обладает сильной и благородной натурой. Душа ее как бы вся в цвету, как омытая росой калина. Портрет девушки, нарисованный рукой чуткого художника, передает многогранность и внутреннее богатство ее личности. В доме городского головы, с чьими детьми дружит Настенька, когда она приходит туда, как бы озаряются стены жилища, светлеют лица хозяев и гостей. Незаурядность Настеньки сразу же интуитивно почувствовал Валентин Петрович Алтухов, сорокасемилетний владелец имения, разуверившийся в порядочности женщин, после того как от него сбежала за границу со скрипачом жена. Алтухов и Настенька полюбили друг друга, но вскоре в их жизнь врывается несчастье. Жена покаянно возвращается обратно, и Настенька, ра-

зумом понимая, что Агния Львовна имеет больше прав на мужа, нежели она, с мукой в душе отказывается от своего счастья. Девушка уезжает в Москву, где судьба ее завершается печально: из газет стало известно, что ее застрелил из ревности жених-офицер. Хотя финал повести трагичен, но автор всем ее пафосом утверждает, что именно таким людям должно принадлежать будущее и хорошо, что они “встречаются на тесных путях нашей жизни” (III, 218).

В столь же глубоко поэтической, меланхолично-грустной и акварельно-нежной тональности написана и повесть “Душка” (1916), также одно из лучших произведений раннего Новикова. Как и в рассказе “Жанна д’Арк”, автор здесь делает своей героиней крестьянскую девушку, разглядев в ней такие замечательные черты и качества личности, которые позволяют читателям с полным на то основанием причислить ее к людям самой высокой нравственной пробы. Мягкая и сердечная в обхождении с окружающими Авдотья — Душка в критическую минуту, подобно Васюте, обнаруживает большую нравственную силу и стойкость. Едва выйдя замуж, она подвергается гнусным притязаниям свекра-снохача и, не стерпев насилия над собою, убивает его топором, предпочтя каторгу унижению.

Новиков ставит своих героинь в такие ситуации, в которых моральная оценка их поведения выявляется как бы исподволь, в сложном переплетении жизненных коллизий. Так же, как и Настенька, Душка отказалась от своего счастья с молодым человеком Васей Лопатиным, приехавшим погостить к родственникам в соседнее имение. Если Настенька жертвует личным счастьем ради того, чтобы восстановить семью Алтуховых, то Авдотья выходит замуж за нелюбимого, подчинясь уговорам матери. Платой за эту уступку стало для нее клеймо каторжницы. Поступок Душки оказывает благотворное влияние на окружающих. Подобно тому, как в “Калине в палисаднике” Настенька открыла Алтухову мир нравственной красоты, так и Душка своим мужественным поведением возвращает Васе Лопатину потерянную было веру в жизнь. Примечателен и в этой повести оптимистический вывод ее автора: “она (Душка. — Е.Ч.) нашла свой исход, убила неправду... в новом этом плену, с собою наедине, она оставалась свободна. Да, поступь людей на земле должна быть тверда” (III, 279).

Образы любимых героинь Новикова продолжают галерею замечательных русских женщин, созданных нашей литературой. В них воплощены лучшие черты русского национального характера, нравственная философия автора. “Поступь людей на земле должна

быть тверда”, — таково его нравственное кредо, утверждающее веру в человека.

Жизнь в произведениях Новикова исследована, понята и отражена с подлинно художественной глубиной. Обстоятельно выписывает он мельчайшие детали помещного и крестьянского быта и труда. Герои Новикова — труженики. В постоянных заботах об урожае, в дружном азарте, когда все берутся за неотложное дело и работа горит в руках, есть своя особенная красота и своя философия бытия. Без нее, убеждает писатель, не может быть полноты жизни. Для того чтобы это осознать и принять, тоже нужно призвание. Оно есть у героев Новикова. “Работа эта — полурбота, и после вчерашней как отдых, и, подгребая невейку лопатой от самого гладко убитого тока, чтобы вскинуть ее наверх, Вася чувствовал, как все смутное в нем естественно и необходимо становится на свое место. Рабочая жизнь, труд как хорошо!” (III, 239), — так воспринимает свое участие в общем труде не только дворянский сын Вася Лопатин из повести “Душка”, но и персонажи других произведений писателя. На этом веками держалась жизнь людей на земле. Труд в повестях и рассказах И. Новикова поэтизируется как величайшая нравственная ценность и смысл существования человека в этом мире.

Не может быть, убежден писатель, подлинно творческого, созидательного труда, без сокровенной, самой тесной и преданной связи с тем, что тебя окружает: с пашней, садами, рекой, с проселочными дорогами и тропинками, с зеленым покровом лугов и лесов, с щебетанием птиц Действие едва ли не всех произведений Новикова происходит на фоне природы, в описании которой он также проявил себя подлинным мастером. Пейзаж никогда не играет в его повестях и рассказах лишь декоративную роль — он важная и активная часть повествования. Душевное состояние его персонажей нерасторжимо связано с жизнью природы: “с ласковым утренним солнцем, с теплым вечером, с полуденным летним томлением”, когда “воздух, накаляясь, охваченный ленью, дрожит над желтыми полями, а листва никнет в изнемогающей сладкой истоме”, с тихими ночами, когда “лунный свет дробится в воде, как будто серебряную муку просеивала мельница, и она звенела, утопая и рассыпаясь” и т.п. Нередко именно картины природы создают в произведениях Новикова то светлое, лирическое настроение, которое наполняет их высокой поэзией. Эта поэтичность, влюбленность в жизнь во всех ее проявлениях, пластичность художественного рисунка, постановка важных нравственных проблем, тонкое изображение внутренних движений персонажей и определяет те качества произведений И. Новикова, которые делают их полезными и нужными современному читателю.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Новиков И.А. Собр. соч.: В 4-х томах. М., 1966. Т.1. С.28. Все дальнейшие цитаты из произведений И. Новикова приводятся по данному изданию. Первая цифра означает том, вторая — страницу.
2. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.57. М., 1952. С. 94.

С.П. ШЕВЫРЕВ В ЛИТЕРАТУРЕ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ ДВАДЦАТЫХ — ПЯТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ XIX в.

*А.В. Евгин,
г. Козельск*

Человек этот стоит на точке
разумения несравненно высшей,
чем все другие в Москве, и в нем
зреет много добра для России.

Н.В. Гоголь

Степан Петрович Шевырев (1806 —1864), поэт и переводчик, литературный критик и филолог, один из основоположников исторического направления в русском литературоведении, профессор Московского университета — трагическая звезда на небосклоне русской словесности.

Осмеянный и обогланный своими литературными противниками (Белинским, Добролюбовым, Герценом), он еще при жизни был прочно забыт современниками и, говоря словами одного из исследователей его творческого наследия, “на много лет пережил свою известность” (1). И это несправедливо не только потому, что Шевырев обогатил русское поэтическое слово новыми образами и приемами (“поэзия мысли”) (2), много и плодотворно занимался историей и теорией литературы, стал основоположником русской дантологии. Он, в отличие от своих яростных оппонентов, обладал безукоризненным литературным чутьем критика, и оценки его в большинстве своем выдержали проверку временем.

С.П. Шевырев счастливо входил в русскую литературу. По окончании Московского университетского благородного пансиона он в 1823 г. среди “архивных юношей”-“любомудров” (И.В. Киреевский, В.Ф. Одоевский, М.П. Погодин, Д.В. Веневитинов, А.Норов, Ф.И. Тютчев) находится на службе в Московском архиве Коллегии иностранных дел, одновременно состоя в литературном кружке С.Е. Раича “Союз друзей” (3).

В начале своего литературного пути он заставляет говорить о

себе как о талантливом и оригинальном лирике. В 1826 г. его большое стихотворение “Я есмь” сразу же обратило на себя внимание А.С. Пушкина и Е. Боратынского. Другое его стихотворение — “Мысль” удостоено было в 1828 г. высочайшей оценки А.С. Пушкина как одно “из замечательнейших стихотворений текущей эпохи” (4).

Когда “любомудры” основали журнал “Московский вестник”, Шевырев сразу же занял в нем ведущее положение, выступая как поэт, переводчик и литературный критик.

Уже в конце 20-х гг., ранее своих друзей, С.П. Шевырев разочаровывается в “любомудрии”. Характерно, что во время своей первой поездки за границу, в 1829 г., он даже не посетил в Мюнхене Шеллинга — культовой фигуры “любомудров”, за что упрекали его друзья.

Вдали от родины С.П. Шевырев особенно полюбил Россию, поновому переосмысливая ее значение и предназначение.

Лобзай и жги и жми меня к устам,
Италия! — в пылу очарованья
Не изменю, — России передам
Твоим огнем горящие лобзанья.

“Италия”, 1830 г.

“Я думаю, — рассуждал он в том же 1830 г., — что первым писателем в России был бы теперь тот, кто бы вернее показал назначение русского в ряду других народов. Только русские в состоянии объяснить Восток европейцам, да они и созданы для этого кондукторства. Они просвещение Запада приведут туда и выйдут оттуда с полным солнцем” (5).

Он без сожаления расстается с западническими увлечениями, постепенно приходя к мысли, что “только преданность православию святых отцов нашей церкви, основанном на вере с полной свободой разума”, только “любовь к народу русскому, высокое о нем мнение и убеждение в том, что изучение его истории и настоящего быта одно может вести к самобытности в мышлении и жизни” (6) — образ мыслей, который впоследствии получит определение славянофильского.

Он явился со своим патриотическим “славянофильством” в разгар всеобщего увлечения “западничеством” — и был встречен презрением и насмешками: “кликуша Шевырев; низкопоклонник, лакей” (Герцен: “ни одной оригинальной мысли, на одного самобытного мнения”) (7). Уже с середины 30-х гг. формируется у образованной части русского общества эта новая, негативная репутация С. Шевырева, которая сопровождала его до самой смерти. Ему не

простили того, что он сумел освободить свой ум от “рабства передовых идей”, по выражению Ф.М. Достоевского, “идеи” об отсталости России перед лицом Запада и необходимости перестройки всех сфер русской жизни по западному образцу.

В 40-х гг. С.П. Шевырев вместе со своим давним другом И.В. Киреевским под руководством знаменитого оптинского старца Макария (Иванова) участвует в подготовке к изданию святоотеческих рукописей, находившихся в библиотеке Оптиной пустыни (8). В 1846 г. по просьбе И.В. Киреевского С.П. Шевырев, к тому времени уже профессор Московского университета, испросил благословения митрополита Филарета Московского на печатание переводов старца Паисия (Величковского). Владыка не только дал свое благословение на это великое начинание, но и пообещал свое покровительство этому благому предприятию. В 1846 г., в сентябре, до приезда Киреевских в Москву, Шевырев сумел напечатать восемь листов жизни и писаний старца Паисия (9).

Позже, во время работы над святоотеческим наследием, он, признанный знаток церковнославянской грамоты (в 1843 г. перевел с латыни церковнославянскую грамматику Й. Добровского, а с 1832 по 1840 гг. в Риме изучал славянские рукописи), занимается корректурой.

В Оптиной пустыни С.П. Шевырев побывал по меньшей мере дважды.

Первое посещение им обители относится к 1847 г. Письмо И.В. Киреевского к о. Макарию, датированное 5 августа 1847 г., дает основание для такого утверждения.

“Много и сердечно уважаемый Батюшка!

Я давно уже не слежу за нашей литературой и потому не знаю, что делается с нашим языком и какие законы он принимает. Поэтому я в этом случае имею счастье иметь сходство с Вами, Милостивейший Батюшка, то, что так же, как и Вы, не понимаю, почему по-русски нельзя сказать: вопрос того же к тому же. Но если о. Амвросий, авва Иоанн и Лев Александрович держатся этого мнения, то, конечно, оно имеет какое-нибудь основание. Впрочем С.П. Шевырев, который был у Вас, вероятно, разрешил Ваши сомнения своим профессорским авторитетом” (10) (Выделено мною. — А.Е.).

К этому времени относится знакомство С.П. Шевырева с о. Макарием, у которого и окормился он не только в исповеди церковной, но и следовал всем его житейским советам (11).

Второе посещение Оптиной пустыни С.П. Шевыревым состоя-

лось только через пять лет, в 1852 г. Связано оно с именем Гоголя, трижды приезжавшего в знаменитый монастырь, где среди монастырской братии обретал он утраченное душевное равновесие (12).

Знакомство Н.В. Гоголя с С.П. Шевыревым состоялось в Риме в 1838 г., хотя переписка их открывается гораздо раньше, с 10 марта 1835 г. Гоголь высоко ценил Шевырева как поэта и переводчика “Это мало, что ты владеешь стихом и что стих твой силен: таким был он и прежде; но что самое главное и чего меньше было у тебя прежде, это внутренняя, глубокая, текущая из сердца поэзия: нота, взятая с верностью удивительной и таким скрипачом, у которого в скрипке сидит душа”, — пишет Н.В. Гоголь Шевыреву с восторгом из Вены 10 августа 1839 г., прося непременно выслать переводы двух песен “Божественной комедии” Данте (13).

Н.В. Гоголь всегда относился к С.П. Шевыреву как к весьма эрудированному критику, доверяя его безукоризненному вкусу и чутью. Их взаимные симпатии основывались прежде всего на общности душевных устремлений, тяготевших к славянофильству.

Но С.П. Шевырев-критик не все принимал в Гоголе безоголодно, настороженно и сдержанно относясь к его пафосу отрицания. Рецензируя “Миргород”, он акцентировал внимание читателя на комической стороне таланта Гоголя, намеренно не заметив социальной стороны. Уклонился он и от рецензирования “Арабесок” и “Ревизора”. И только в 7-м и 8-м номерах “Московитянина” за 1842 г. Шевырев выступил с развернутым анализом “Мертвых душ”. Он дал высокую оценку первому тому, впрочем возлагая особые надежды на второй.

Сложное, двойственное чувство в душе его вызвала книга Гоголя “Выбранные места из переписки с друзьями”. В письме от 30 января 1847 г. он замечает: “Судя по книге твоей, ты находишься в состоянии переходном. Разум твой убежден в истине нашей церкви и православия, но воля твоя заражена современной болезнью личности. В тебе есть самообожание. Советы твои помещику, хозяйке и проч. истекают из той же личности твоей, страдающей недугом. Прекрасны письма о русской церкви и духовенстве, о светлом празднике Воскресения, многое о наших поэтах (ты умеешь даже и известное облечь в новую форму, говоришь как творец, как художник” (14).

Такая оценка книги близка к отзыву о ней архимандрита Игнатия (Брянчанинова), с которым согласны были, видимо, и Оптинские старцы: “Она издает из себя свет и тьму. Религиозные его (Гоголя. — А.Е.) понятия неопределенны, движутся по направлению сердечного вдохновения неясного, безотчетливого, душевно-

го, а не духовного”.

Долгое время книга Гоголя с вложенным в нее отзывом архимандрита Игнатия, переписанным рукою старца Макария, находилась в библиотеке Оптиной пустыни (15).

В последние годы жизни Н.В. Гоголя С.П. Шевырев был едва ли не самым близким писателю человеком. Именно ему он читал главы из практически законченного второго тома “Мертвых душ”, специально для этого приехав к Шевыреву на дачу. “Очень рад, что две последние главы, кроме тебя, никому не известны. Ради Бога, никому”, — пишет Гоголь встревоженно 25 — 26 июля 1851 г.

По смерти Гоголя Шевырев взял на себя разбор архива писателя, а также огромный труд переделки рукописей. Среди бумаг с уцелевшими главами второго тома С.П. Шевырев обнаружил ранее неизвестное произведение — “Размышление о Божественной Литургии”.

В конце июля 1852 г., возвращаясь с родины Н.В. Гоголя, куда отправился он с целью сбора материалов для биографии писателя, С.П. Шевырев не преминул заехать в Оптину, куда всегда стремился Гоголь в непростые минуты своей жизни.

Это второе посещение благословенной обители известно нам благодаря послушнику Льву, будущему выдающемуся русскому ученому, архимандриту Леониду (Кавелину), которому было поручено летописание Скита Оптиной пустыни в этот период.

“1852, (28 июля).

На ночь прибыл в обитель ординарный профессор Московского университета по части русской словесности Степан Петрович Шевырев, проездом из Малороссии, куда ездил с целью, чтобы навестить родных покойного Н.В. Гоголя, утешить старушку-мать его и собрать материалы для биографии покойного, которую он имеет поручение написать от Академии Наук. В бумагах Гоголя нашлись 4 черновые главы 2 части “Мертвых душ” и “Объяснение на Божественную Литургию” — произведение, запечатленное цельностью духа и особенным лирическим взглядом на предмет, сам по себе вызывающий писателя на мысли высокие и чувства трогательные. Г. Шевырев поутру после обедни посетил скит и, обойдя его, зашел в келию батюшки (о. Макария — А.Е.), беседовал с нами, рабочими, долго и ласково, читал письма Н.В. Гоголя, между которыми особенно показалось нам замечательным писанное тогда, когда ему было еще 14 лет (в 1824 г.) матери, по случаю смерти отца; читал также вышеупомянутое объяснение на Б. Литургию, прося у батюшки замечаний на это посмертное произведение того, кто, проникнувшись живою верою в Искупителя и сам смиренно искал у

старца руководства на стезях к нему ведущих, и, если не успел еще принести желаемых плодов, то по крайней мере, положил доброе начало — залог чистого произволения. Из скита С.П. отправился на обед к о. игумену, куда вместе с батюшкой были приглашены о. Иоанн Половцев и аз последний, потом в сопровождении нашем осматривал монастырь и уехал того же дня в Москву. Вообще оставил по себе приятные впечатления своею образованною и вместе теплою, задушевною беседою, в которой при светлом уме видно глубокое, патриотическое и верно направленное чувство русского человека” (17).

И впоследствии, до своего отъезда за границу, С.П. Шевырев не порывал связи с Оптиной пустынью, о чем опять-таки свидетельствует Летопись Скита.

“1 ноября (1852).

Получено письмо от С.П. Шевырева при посылке двух лексиконов: греко-латинского и латино-греческого в подарок для скитской библиотеки” (18).

А в 1853 г., благодаря содействию С.П. Шевырева и Н.П. Киреевской, за Оптиной пустынью были закреплены луга (19).

В 1857 г. С.П. Шевырев на заседании совета “Московского художественного общества” дал пощечину графу Бобринскому, оскорблявшему русские порядки. За сим последовала отставка и отъезд за границу. Но и там он продолжал работать на благо России: во Флоренции прочитал на итальянском языке курс лекций о русской литературе, которые были изданы в 1864 г. и стали первой книгой, познакомившей Запад со словесным богатством России. Другой курс прочитан был им в Париже. Только на родине работы его продолжали оставаться не востребуемыми, а труды непризнанными.

Он умер во Франции. Известие о его смерти в России было воспринято равнодушно:

Бесконечность моря,
Бесконечность неба,
Две великих мысли
Божия создання
Здесь всегда присущи
Взору человека
И ведут беседу
С мыслию его. (20).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Илюшин А.А., С.П. Шевырев Русские писатели // Библиографический словарь в 2-х ч., часть вторая. М.: Просвещение, 1990. С.400.

2. Сахаров В.С. Страницы русского романтизма. М., 1988. С.48—67.
3. Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С.11—12.
4. Аронсон М.И. Пушкин и Шевырев. Временник Пушкинской комиссии. Т.2. Л., 1936.
5. Шевырев С.П. Стихотворения. Л., 1939.
6. Русские мемуары. 1826 — 1856 гг. М., 1990. С. 142—143.
7. Герцен А.И. Сочинения: В 9 т. Т.5. С.166.
8. Жизнеописание оптинского старца иеросхимонаха Макария. Свято-Введенская Оптина Пустынь. М., 1997. С.118,125.
9. Там же. С.119.
10. РО РГБ, ф.213, к.82, л.л. 13—21 (Письма И.В. Киреевского к о. Макарию).
11. Православие и русская народная культура. Выпуск 1. М., 1994. С.170.
12. Евгин А.В. К Вечному Миру. Калуга, 1991. С.144—159.
13. Переписка Н.В. Гоголя: В 2-х т. Т.2. М.: Худож. литература, 1988. С.286.
14. Там же. С.345.
15. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. М., 1990. С.16.
16. Переписка Н.В. Гоголя. С.357.
17. РО РГБ, ф.214, №361, л.39 (Летопись Скита Оптиной пустыни).
18. РО РГБ, ф.214, №361, л.42 (Летопись Скита Оптиной пустыни).
19. РО РГБ, ф.214, №361, л.54 (Летопись Скита Оптиной пустыни).
20. Шевырев С.П. Стихотворения. Л., 1939.

ЗАБЫТЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Судьба и творчество Г. И. Недетовского

А.П. Черников, д.ф.н.,

*Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского*

О. Забытый — таков был литературный псевдоним уроженца Калужского края, прозаика Г. И. Недетовского (1846-1922). Псевдоним этот, придуманный редактором журнала “Вестник Европы” М.М. Стасюлевичем, оказался для Недетовского пророческим, если не сказать — роковым.

Творчество Г. Недетовского — одна из самых малоизученных страниц в истории русской литературы XIX столетия. Абсолютное большинство произведений писателя не переиздавалось со времени их первой публикации, его имя далеко не всегда упоминается даже в солидных обобщающих литературоведческих трудах и учебных пособиях. Не нашлось для него места и в “Калужской энциклопедии”.

А между тем творчество Г. Недетовского высоко ценили И. Тургенев, М. Салтыков-Щедрин, М. Горький, А. Куприн и другие выдающиеся писатели. Во второй половине XIX в. Недетовский имел многочисленных читателей, поклонников его таланта, главным образом

разом из разночинной среды. Повести, рассказы, очерки писателя отражали важные социально-нравственные проблемы времени, лучшие его произведения находились в русле демократической прозы последней трети XIX в.

Григорий Иванович Недетовский родился 19 (31) января 1846 г. в селе Бор Тарусского уезда Калужской губернии в семье сельского дьякона (1). Отец его умер, когда мальчику не исполнилось и шести лет. Тем не менее, несмотря на материальную нужду, мать будущего писателя поставила своей целью дать сыну хорошее образование и добилась этого. Г. Недетовский окончил Калужское духовное училище (1856 — 1862), а затем — Калужскую духовную семинарию (1867), в которых учился прилежно и ответственно. Инспектор семинарии В. Холминский констатировал, что Г. Недетовский “при весьма хорошем поведении вообще и благородном характере отличается особенным усердием как к классическим занятиям и чтению полезных книг, так и в исполнении обязанностей старшего” (2). После окончания семинарии юноша поступил в Киевскую духовную академию, во время учебы в которой (1867 — 1871) обратил на себя внимание профессора академии Ф.А. Терновского, который помог своему ученику в публикации его первых литературных опытов.

Семье Недетовских были не чужды литературные интересы. В опубликованной автобиографии 1913 г. писатель вспоминал, что его мать Людмила Григорьевна “сочиняла стихи, присылала их ему в письмах, а дома всегда читала ему вновь сочиненные ею стихи” (3). Видимо, от матери передалась сыну любовь к простому, емкому, выразительному русскому слову. Прекрасное богословское образование определило мировоззрение и основной вектор его жизненных и творческих интересов. С детства будущий писатель имел широкие возможности познать мир крестьянской жизни и сельского духовенства. И то, и другое станет в дальнейшем главным объектом изображения в его произведениях.

Писать и печататься Г. Недетовский начал будучи студентом Киевской духовной академии. Здесь в 1870 г. в издаваемом академией журнале “Воскресное чтение” была опубликована статья “Дети и их питание — по русским народным пословицам”. Уже само название этой работы свидетельствует о ее педагогической направленности. И это не случайно. Наряду с тягой к художественному творчеству Недетовский рано почувствовал в себе педагогическое призвание.

После окончания Киевской духовной академии Г. Недетовский переезжает в Воронеж, где пробует себя на педагогическом поприще. В 1871 — 1879 гг. он преподает в духовной семинарии историю,

греческий и немецкий языки, а в епархиальном и реальном училищах — русский язык и отечественную словесность. Выдержав в 1879 г. при Харьковском университете экзамен на звание учителя гимназии по специальности “русский язык и изящная словесность”, Недетовский занимает должность инспектора реального училища, а с 1903 г. возглавляет 2-ю Воронежскую мужскую гимназию, успешно сочетая педагогическую деятельность с литературно-творческой.

В 1871 г. в воронежской газете “Дон” появляется его первый рассказ “Демушка”, за которым последовал ряд фельетонов и очерков, также опубликованных в местной прессе. Положительные читательские отклики вызвали и созданные в эти же годы работы Недетовского на педагогические и историко-церковные темы, особенно брошюра “О значении сердца в духовной жизни и деятельности человека” (1884).

Ободренный успехом, писатель предпринимает попытки выйти со своими произведениями на страницы солидных всероссийских периодических изданий. С 1875 г. начинается его активное сотрудничество с журналом “Вестник Европы”. Здесь в 1875 — 1876 гг. Недетовский публикует под псевдонимом О. Забытый цикл из девяти рассказов под общим названием “По селам и захолустьям”. Прочитав их в рукописи, редактор журнала М. Стасюлевич писал автору: “Это — превосходные рассказы, но неудобные для печати. Чрезвычайно талантливо, образно; читая Ваши рассказы, невольно вспоминаешь о гоголевском “смехе сквозь слезы”. Но в наше “натянутое” время в них усмотрят одну карикатуру и кощунство, талантливости не оценят!” (4). За судьбу этих произведений Стасюлевич опасался не зря. Рассказы были посвящены мало разработанной в то время в русской литературе теме — теме художественного исследования жизни и быта провинциального духовенства, той среды, которую Недетовский прекрасно знал с детских лет.

Необходимо отметить, что в середине XIX в. в русской литературе были высказаны два противоположных взгляда на священнослужителей, и завязалась острая полемика в светской и церковной печати, привлекая пристальное внимание к духовенству, его роли и месту в жизни общества. Если Н.В. Гоголь в “Выбранных местах из переписки с друзьями” (1847) создал восторженный гимн русским пастырям, то В.Г. Белинский в открытом письме к Гоголю с присущей ему категоричностью утверждал, что “гнусное русское духовенство никогда ничем не было, кроме как слугою и рабом светской власти” и что оно “находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа” (5).

Полемика по этому животрепещущему вопросу со страниц публицистики быстро переместилась на страницы художественных произведений и отнюдь не угадала к той поре, когда Недетовский начал свою творческую деятельность. Известный в свое время богослов и историк церкви, профессор Санкт-Петербургской духовной академии Н.И. Барсов констатировал в 1879 г., что со времени начала этой полемики в жизни русского общества произошли существенные изменения, однако в литературе по-прежнему сосуществуют два отношения к священнику: “Одна часть общества и наш народ относятся к духовенству с полным пониманием, не заявляет никаких претензий по отношению к нему, ничего от него не требует, как только требоисполнений и благочестивых нравоучений, другая относится к духовенству с теми же чувствами, какие изобразил Белинский” (6).

Эти два отношения к духовенству четко отразились в прозе Недетовского с первых же шагов его творческого пути. Автор цикла “По селам и захолустьям” далек от идеализации церковной среды. Жизнь и быт духовенства исследуется им многослойно и разносторонне. С одной стороны, писатель с сочувствием изображает низшие слои православного духовенства. Можно без преувеличения сказать, что Недетовский явился одним из первооткрывателей в нашей литературе одной из разновидностей “маленького человека” — “сельского церковного пролетария”. Именно так изображены священнослужители в рассказах “Широкая душа”, “Встреча”, “Чтец, певец и священносец” и других. Недетовский рассматривает деятельность деревенских священников как высоконравственное служение Богу и людям.

Именно деревенский батюшка, считает писатель, является хранителем и проповедником нравственных основ православия, активным участником крестьянской жизни, выступая как советчик, помощник, утешитель паствы в целом и каждого прихожанина в отдельности. Близость этих двух сословий — сельского духовенства и крестьянства — Недетовский объясняет тем, что многие деревенские служители церкви из-за своей материальной необеспеченности вынуждены были заниматься всеми видами крестьянских работ, да и домашний быт большинства пастырей мало чем отличается от крестьянского.

С другой стороны, писатель показывает и весьма непривлекательные, а подчас и вовсе отрицательные персонажи из числа духовенства. Образ корыстолюбивого и нерадивого служителя религиозного культа изображен им, в частности, в рассказе “Новый

праздник”, также входящем в названный цикл. Выразителен и поучителен в этом плане и образ секретаря консистории Салова из рассказа “Перемена”. Этот церковный чинуша озабочен проблемой усовершенствования взяточничества и мздоимства. Составив перечень тарифов, по которым каждый сельский священник досконально должен знать, “когда и сколько дать” вышестоящему церковному начальству, Салов благоденствует и богатеет, беззастенчиво обирая деревенских священнослужителей. В рассказе “Церковный староста” изображен ктитор сельской церкви Карп Горлов, ханжа и лицемер, прикрывающий свое безверие показным благочестием. Призывая прихожан к неукоснительному следованию и выполнению христианских заветов и обрядов, он при этом не гнушается воровством из церковной кассы.

Продолжая разработку этой темы, Недетовский создает в 1877 г. повесть “Велено приискивать”, где на широком фоне изображения деревенской жизни показан внутренний мир священника-стяжателя, бездушно выполняющего свои обязанности. Для центрального персонажа повести о. Андрея приход является исключительно источником дохода, а прихожане — “окаянным народом”, который следует “держат в ежовых рукавицах”. Еще более негативной фигурой является его сын, выпускник семинарии, которому автор дает от себя следующую оценку: “Серьезной подготовленности — ни к чему, убеждений — никаких, взгляд на жизнь — верх легкомыслия, понятие о себе — самое высокое — вот добродетели, с какими Андрей Андреич выступил из школы в жизнь” (7). Откликаясь на появление этой повести, критика отмечала несомненную заслугу ее автора в том, что он рельефно изобразил тот тип священнослужителя, “умственный и нравственный склад которого выражает нечто среднее между нигилизмом и практическим “себе на уме”. “Этот семинарист, вступающий в роль пастыря, — подчеркивается в цитируемой рецензии, — заслуживает внимания” (8).

Повесть “Велено приискивать”, за которую И.С.Тургенев назвал автора “несомненным талантом”, отразила и другие важные жизненные проблемы: бесправное положение женщины, аморальность брака, определяемого императивно-расчетливой формулой “велено приискивать”.

И в других своих произведениях Г.Недетовский выпукло воссоздает образы священнослужителей, показывая “пестроту” и неоднозначность их характеров, жизненных позиций и судеб. Читательскую публику привлек, например, в свое время рассказ “Не угодил” (1882) симпатичной фигурой сельского батюшки. Главный герой

произведения о. Петр — честный и чистый сердцем человек, классический образец “пастыря доброго”, всегда готового прийти на помощь тем, кто в ней нуждается, сам стойко перенося при этом различного рода личные невзгоды. О. Петр всей душой сочувствует “чужим скорбям” и полон желания облегчить “всякое горе”. Видя, в какой материальной нужде живут его прихожане, он хочет уменьшить плату за церковные обряды, но встречает яростное сопротивление причта. И хотя в обстановке вспыхнувшего скандала, склок и доносов о.Петр оказывается отстраненным от должности, моральная победа остается за ним.

В 1882 г. отдельной книгой была выпущена повесть Г. И. Недетовского “Миражи” — пожалуй, самое значительное по содержанию и художественной зрелости произведение писателя. В ней живо изображена драма человека, зашедшего в глубокий духовный тупик. Главный герой повести, семинарист-правдоискатель Николай Рокотов, мучительно бьется в поисках смысла жизни. Видя вокруг себя нищету, страдания, лишения малоимущих и лицемерие, ханжество, бездуховность “сильных мира сего”, молодой человек в итоге кончает жизнь самоубийством.

В повести широко представлен быт семинарии, однако Недетовский не повторяет сюжетные ситуации и мотивы “Очерков бурсы” Помяловского, а по-своему продолжает и развивает их: автор сосредоточивает внимание на образах преподавателей семинарии, показывая галерею характеров и типов, их различное, порою прямо противоположное отношение к своему делу.

Картины жизни и быта наставников духовных учебных заведений, чинопочитания и взяточничества в светских и консисторских канцеляриях, нищеты и тяжелого труда крестьян воссоздают в повести правдивую панораму жизни русской провинции 70 — 80-х годов XIX столетия.

Изображение жизни крестьянства — вторая важная тема творчества Г. Недетовского. С точки зрения трактовки народного характера примечателен рассказ “Широкая душа” (1875). В образе умного, любознательного и целеустремленного мужика Сидора Ивановича, осознающего свое человеческое достоинство, стремящегося к знаниям, отражены пробуждающиеся душевно-духовные силы народа.

Эта мысль ляжет позднее в основу обширного очерка Недетовского о А.Кольцове, написанном к 50-летию прославленного поэта. Восхищаясь автором “Косаря” и других знаменитых стихотворений, автор очерка особо подчеркивает свободолюбивый пафос произведений Кольцова, его неизбывную веру в нравственное богатство

сельского труженика. Заслугу Кольцова-поэта Недетовский видит в том, что тот своими произведениями положил начало тесному сближению книжной поэзии с народной, что и обеспечило высокое поэтическое мастерство и популярность многих его стихотворений.

Жизнь русской пореформенной деревни изображается Недетовским с нравственно-этических позиций. В его произведениях мы встретим не только положительные, но и сатирические образы деревенских жителей, одержимых жадной наживы, приспособленчества, обмана. Таковы крестьянин и его возлюбленная из рассказа "Устроились", оцененного М.Салтыковым-Щедриным на "отлично". Таковы же и персонажи рассказов "Федька", "Превратность", "Кто кого" и других. Интересна и занимательна по сюжету повесть "Плебейская матрона" (1886), в центре которой образ молодой крестьянки Соломонида, бегущей от деревенского прозябания и материальной нужды в город и связывающей свою дальнейшую жизнь с преступным миром.

Педагог по роду основной деятельности, Недетовский не прошел в своем творчестве мимо проблем народного образования. Художественно-мемуарный анализ положения дел в русской светской школе XIX в. предпринят им в очерке "Школа-самородок" (1886), в котором исследованы напряженные и самоотверженные поиски русскими провинциальными педагогами путей эффективности обучения детей. В этой же традиции написан рассказ "Ученичок" (1900), маленький герой которого на пути к знаниям стоически преодолевает острую нужду и унижения. К изображению духовных и профессиональных исканий учительства Недетовский обратился и в повести "Недоразумения" (1884). Герой его, молодой учитель Перов, напряженно бьется над проблемами цели и смысла жизни. После ряда сложных перипетий, непростого вживания в трудную, но отнюдь не безразличную для него профессию, он находит удовлетворение в благородном деле обучения и воспитания детей и в гармонии семейного быта.

Живя в Воронеже, интенсивно занимаясь педагогической и литературной деятельностью, обремененный большой семьей (в 1873 г. он женился на вдове, имевшей от первого брака пятерых детей), Г.Недетовский не забывал о своей малой родине. В 1870 — 80-е гг. он не раз приезжал в село Бор к своим родственникам. Бывал и в Калуге. В книге посетителей Калужского губернского исторического музея есть автограф Недетовского, датированный 25 июня 1899 г. Результатом этих посещений стало создание им брошюры "Народные свадебные обычаи, обряды и песни в деревнях Калужской гу-

бернии Тарусского уезда". Брошюра вышла отдельным изданием в Воронеже в 1898 г. и до сей поры не утратила своей познавательной ценности. Современный исследователь лирики и эпики Калужской свадьбы почерпнет из нее уникальные свидетельства очевидца этого обряда, очевидца, обладавшего не только зоркостью взгляда на жизненные ситуации, но и умеющего с подлинно научным профессионализмом их осмысливать, анализировать, незаурядного знатока и любителя отечественного фольклора.

Как уже было сказано, начало творчества Недетовского было связано с журналом "Вестник Европы". Наиболее же плодотворный период его писательской деятельности приходится на вторую половину 80-х гг. и во многом определяется тесным сотрудничеством с другим крупным журналом — "Отечественные записки". Недетовскому покровительствовал главный редактор журнала М.Е.Салтыков-Щедрин, который не отклонил ни одного произведения своего подопечного и неизменно положительно отзывался о его творчестве. "Я многим был ему обязан — вспоминал позднее Недетовский, — в лице Михаила Евграфовича я нашел лучшего учителя, который учил смотреть на литературное дело как на великое служение своему народу" (9).

После закрытия в 1884 г. "Отечественных записок" Г.Недетовский печатался в журналах "Русская мысль", "Дело", "Пастырский собеседник", продолжая художественное исследование жизни и быта православного духовенства.

Однако творческая активность писателя к началу XX в. заметно падает. Его произведения все реже появляются в периодической печати. Основной его жанр последних лет творчества — мемуарно-биографический очерк ("Весельчак", "В былой бурсе", "Вокзальный собеседник"). В этих произведениях писатель обращается к воспоминаниям о деятельности духовных учебных заведений России 1860-х гг.

Последние шесть лет своей жизни Г.И.Недетовский провел в Ставрополе, где подолгу болел, испытывая, особенно в годы революции, острую материальную нужду. Умер писатель 23 января 1922 г. и похоронен у придела одного из ставропольских храмов.

Далеко не все равноценно в художественном творчестве писателя. Но лучшие его произведения достойны того, чтобы их сегодня опубликовать, представить читательской аудитории, включить в широкую панораму исследования литературного процесса XIX столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.ГАКО, ф.33, оп. 12, ед. хр. 29.

2. ГАКО, ф. 65, оп. 2, ед. хр. 1106, с. 36.

3. Недетовский Г. Автобиография // РО ИРЛИ РАН, ф. 377, оп. 1.

4. Недетовский Г. Рассказы. Очерки. Отрывок из повести. Воронеж, 1982. С. 10.

5. Белинский В. Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1982. Т. 8. С. 284.

6. Барсов Н. И. Исторические, критические и полемические опыты. СПб., 1879. С. 326.

7. Забытый О. Велено приискивать // Вестник Европы. 1877. № 9. С. 63.

8. Русский вестник. 1877. Т. 132. С. 398.

9. Недетовский Г. Автобиография // РО ИРЛИ РАН, ф. 377, оп. 1.

КАЛУЖСКИЙ ПЕРИОД В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ М. М. ПРИШВИНА

*Л. П. Паутова,
г. Калуга*

Судьба ведет людей,
конечно, к себе в дом, но,
какими путями, нам не известно.

М. Пришвин. Дневники 1923—1925 гг.

Калужский период в жизни и творчестве М. М. Пришвина небольшой — с мая по сентябрь 1910 г. Осенью 1909 г. он намеревался с семьей поселиться на два месяца в Оптиной пустыни (1), но осуществил ли он это намерение — точных сведений нет. Значение этого периода очень важное, переломное. Пришвин находился в поиске своего дома, гнезда, в поиске Бога и смысла бытия, в творческом поиске.

В рассказе “Мои тетрадки” он пишет с небольшой иронией: “В 1909 г. вздумал я прочно поселиться в селе Брыни” (2), и только 12 мая 1910 г. в его письме к А. М. Ремизову появляется обратный адрес: станция Брыннь Калужской губернии (1). Почему он выбрал именно это село?

Смысл жизненного пути для Пришвина всегда был связан с идеей своего Дома, такого, где можно одновременно заниматься любимым делом и отдыхать. В своем дневнике он пишет: “Я всю жизнь ищу, где бы свить гнездо”. Ему 37 лет. Это многогранная личность: ученый и писатель, агроном и этнограф, философ и православный христианин, отец семейства. На руках его семья, двое сыновей — Лев, 1906 г. р., и родившийся в 1909 г. Петр. Семья очень нуждается в деньгах. Жить в Петербурге дорого. А. М. Ремизов помогает начинающему писателю пристроить его произведения в

наиболее высокооплачиваемые журналы (“Аполлон”, “Русская мысль” и др.) и старается, чтобы их побыстрее напечатали и расплатились с ним. Гонорары небольшие, так как М. М. Пришвин пишет в основном очерки из повседневной жизни и рассказы. В письме из Брыни от 12 мая 1910 г. он пишет: “...здесь, если не ездить, дешево”. И действительно, по материалам ГАКО, в 1910 г. цены на основные продукты были следующими: за четверть ржи — 8,5 рублей, овса — 3,5 рубля, ячменя — 5,4 руб., гречихи — 6,6 руб., гороха — 8,2 руб., семя конопли — 2 руб., льна — 1,5 руб., мера картофеля стоила 30 копеек, пуд сена — 30 копеек, пеньки — 2,9 рубля (6).

В географическо-статистическом словаре Российской империи, составленном П. Семеновым в 1863 г., написано: “Брыннь (Толстошеево тож) село (влад.) Рябиной, Калужской губернии, Жиздринского уезда... при р. Брынке. Число жителей 2319 обоюбого пола, 282 двора, винокурный завод, выстроенный в 1851 г. Сила его 15 тыс. ведер, суконная фабрика (Рябиной), на которой в 1860 г. выделано разного сукна на сумму 902,278 руб. серебром при 1300 рабочих. По Брыни в прежние времена тянулись известные дремучие Брынские леса, служившие притоном раскольничьим скитам и шайкам разбойников. Местности эти описаны Лажечниковым в романе “Брынский лес” (9).

Село Брыннь впервые упомянуто в 1228 г. (11). Здесь в 1720 — 26 гг. Акинфий Демидов построил чугунолитейный завод, который в дальнейшем становится суконным. На речке была устроена плотина и образовалось значительное озеро длиной около 7 км и шириной 2 км. В селе в 1910 г. Рябиной (3)(4) владела 2619 десятинами земли, а до нее владельцами были Демидовы и Толстошеевы. Есть каменная церковь Рождества Пресвятой Богородицы; священник Александр Иванович Смирнов — приверженец монархии (5). В селе 1000 жителей принадлежало к секте раскольников. Это пятая часть всех старообрядцев в обширном Жиздринском уезде.

Пришвин воспитывался в религиозной семье. Мать его происходила из старообрядческой семьи белевских купцов Игнатовых. В автобиографическом романе “Кашеева цепь” Пришвин пишет: “Вспомнилось, приезжал по ночам тайный староверческий поп и служил перед старинными иконами, так крепко тогда бабушка связывала астаховский дом. После смерти бабушки все молебствия прекратились, женщины стали ходить мало-помалу в православную церковь, а молодые люди смеяться над религией и попами” (12).

От Брыни 25 км до Оптиной пустыни — монастыря, известного своими духовными традициями. Старцы Оптиной пустыни духовно

окормляли таких видных представителей русской интеллигенции, как Ф.М.Достоевский, Н.В.Гоголь, братья Петр и Иван Киреевские, К.Леонтьев. В начале века Пришвин переболел юношеским нигилизмом, когда стало “не модно” верить в Бога и ходить в церковь, и даже отказался надеть крестик, принесенный бабушкой, о чем горько пожалел во время набега мамонтовцев на Елец в 1919 г. Его едва не расстреляли, приняв за еврея и требовали показать нателный крест. Благодаря знакомству с А.М.Ремизовым Пришвин становится членом религиозно-философского общества. В 1909 г. в С-Петербурге вновь после Ельца Пришвин встретился с В.Розановым, который был его учителем, но “выгнал” из гимназии. Позже он стал для него “самым близким человеком”. Влияние В.Розанова ощутимо в повышенном интересе к религии в пришвинских произведениях этого периода. Их объединяло чувство изначальной святости мира. Не случайно Пришвин поселяется ближе к Оптиной пустыни и, вероятно, в этот период общается со старцем Анатолием (Потаповым младшим), имя которого упоминает в числе известных ему людей (10). Видимо, здесь начал он всерьез поворачиваться к православию, осознавать истинность православной веры. Но это были только первые шаги на долгом пути утверждения в вере.

Брынь — крупное торговое село. Здесь трижды в год проводились ярмарки. Торговали мануфактурой, скобяными изделиями, хлебом, льняным и конопляным семенем. В случае недостатка хлеб привозили из Тульской, Орловской губерний и из Ельца — родины М.М. Пришвина (7). Из владельцев многочисленных торговых лавок четверо — Игнатовы (8). Скорее всего, кто-нибудь из них является родственником Пришвина.

С восторгом отзываясь Пришвин о природе здешних мест: в самом селе — озеро, изобилующее рыбой. За озером, как пишет Пришвин, лес — страшный, “немыслимый”(1). Это остатки засечной черты Русского государства, которые сохраняли с оборонной целью специальными царскими указами на протяжении более пяти веков. Леса не рубились, в них запрещалось делать дороги и тропинки, чтобы по ним враги-кочевники с юга не могли найти поселения. В момент опасности леса засекали, т.е. вековые деревья валили кроной в сторону врага и делали непроходимые для конницы завалы. В последний раз такие засеки устраивали во время войны России со шведами при Петре I.

Благодаря особой исторической судьбе леса эти стали своеобразным заповедником, где сохранилось изобилие дичи, грибов, ягод, и ...легенд, что особенно было привлекательно для Пришвина, охотника и этнографа.

Село стоит рядом с железнодорожной станцией Брынь Рязанско-Уральской железной дороги, на которой находится родной Елец, а до Белева — примерно 80 км. В другую сторону — дорога в Петербург. Хорошая связь — и почтовая, и транспортная — была немаловажным обстоятельством для писателя, которому сотрудничество с периодическими изданиями того времени было почти единственным источником дохода.

В этот период Пришвин знакомится с трудами Вернадского, Ухтомского, Циолковского, которые приводят его в восторг. Как ученого-философа, его привлекают идеи мирового закона, лежащего в основе вселенной, объективная истина, внутренняя гармония мира. Человек — часть великой природы, всего живого. Не в Брынских ли лесах родится у него мысль: “Нельзя истреблять заповедные уголки живой природы, потому что с ними таинственным образом связаны самые глубокие потоки человеческой мысли”, а сам он на всю жизнь станет ревностным охранником природы.

Как живет Пришвин в Брыни? Ему здесь нравится, в письмах он пишет: “Устроился до того удобно (без признаков клопов и тараканов), что просто завидую самому себе”. Он охотится, путешествует по окрестностям, общается с людьми “здорового смысла”, записывает легенды, народные слова и поверья, пишет новые рассказы. Но пишется пока “плохо, так как очень уж... близко он стоит теперь к жизни”. А.М.Ремизову он напишет: “...приезжайте в Брынь. Тут очень здорово...но страшно. Вам будет скучно: ни одного образованного человека”. Свой рассказ “У горелого пня”, который был напечатан в седьмом номере журнала “Аполлон” за 1910 г., он читает местным мужикам. Они его с удовольствием слушают, хвалят, но не понимают, как престижно для Пришвина напечататься в столичном журнале. Он пишет, что не хочет вылезать из леса и в Петербург не поедет до глубокой осени.

Из ранних рассказов М.М. Пришвина к написанным по калужским материалам можно отнести следующие: “На светлой земле”, “Тютенькин лог”, “Крутоярский зверь”, “Птичье кладбище”, а более поздний — “Мои тетрадки”.

Рассказ “На светлой земле” впервые напечатан в газете “Русские ведомости” 22 августа 1910 г., № 193. Писатель пишет: “Вот иду я возле опушки дремучего леса... повертываю к маклаковской вершине, за которой должны быть Маклаки...” Село Маклаки и поныне существует в Думиничском районе и расположено примерно в 10 километрах от Брыни. В рассказе он пишет о лесном стороже —

полесовщике Кондрашкине, о своих ночевках у лесного костра и встрече с “лихими людьми”, о конокрадах, о добре и зле. По материалам ГАКО, криминальная обстановка в это время была довольно напряженной. В отчете о деятельности полиции 2-го стана Жизинского уезда за 1910 г., к которому относилась Брынская волость, было зафиксировано 383 происшествия, составлено 85 протоколов. Произошло 6 убийств, 10 краж, 4 поджога, 9 нарушений житейского устава, конокрадство, нарушения правил торговли, бродяжничество, грабежи, разбой и прочие преступления(б). Не совсем безопасными были путешествия писателя по Брынским лесам, и это отражено в его рассказах.

Рассказ “Тютенькин лог” впервые напечатан в газете “Русские ведомости” 8 августа 1910 г. № 181. Пришвин пишет: “Село, где я устроился, сбегает вниз и рассыпается по обе стороны озера (Брынь)... Тютенькин лог — одно из любимых мной мест. Там, среди моря полей и лугов, виднеются верхушки елей, словно вырастающих из-под земли. Дикое место. В глубине провала, в лесной чаще, там много гигантских темных камней, один под другим и друг возле друга. Есть громадные чаши, молотки, скамьи, фигуры людей и животных, какие-то высокие стены — все будто окаменелый и разрушенный город. Народ так и называет развалины *Чертово городище* (курсив.-Авт.). Черти будто бы строили город, но не успели достроить: петух запел, и все рассыпалось”.

В Козельском районе и сегодня находится урочище Чертово городище, объявленное памятником природы. По описанию и легенде, приведенным М.М. Пришвиным в рассказе, это, вероятно, одно и то же место (14,15). Располагается Чертово городище в пределах однодвухдневного перехода от Брыни, что не было проблемой для Пришвина — охотника и путешественника.

Рассказ “Птичье кладбище” впервые напечатан в журнале “Русская мысль” в 1911 г., №7, рассказ “Крутоярский зверь” — в литературно-художественном альманахе “Шиповник” в 1911 г.

Интересны воспоминания М.Пришвина о работе над этими рассказами. “Вот хотя бы рассказ “Птичье кладбище”, — писал он в дневнике 13 января 1941 г., — для этого рассказа я собирал слова и поверья в районе Брыни”(12).

В своих дневниках за 1920 — 21 гг. М.М. Пришвин пишет: “Сказочные рассказы”, “Крутоярский зверь” и “Птичье кладбище”, написанные по впечатлению от летней охоты в Брыни, впустили наконец меня в область искусства”(10).

Редактор литературно-художественного отдела журнала “Русская мысль” В.Я. Брюсов в письме к П.Б. Струве от 13 марта 1911 г. из-

лагает свои соображения по поводу пришвинского рассказа: “Птичье кладбище” — “сельские очерки” М.Пришвина. Я их прочел. Это интересная и хорошо написанная полубеллетристика, полуэтнография, чуть-чуть с примесью “ремизовщины” (но вполне невинной)”(1).

“Лично я, — пишет В.Я. Брюсов М.Пришвину, — с величайшим интересом прочел Вашу рукопись (“Птичье кладбище”.-Авт.). Вы с обычным мастерством даете нам, горожанам, картины совершенно неведомой жизни”(1).

Ф.И. Шаляпин написал А.М. Горькому о рассказе “Крутоярский зверь” 30 марта 1912 г.: “А Пришвин-то? Как написано “Озеро Крутое”, а? — захлебывался я! Чудесно!”(16).

В дневнике писатель запишет: “Когда-то я принадлежал к той интеллигенции, которая летает под звездами с завязанными глазами, и я летал вместе со всеми, пользуясь чужими теориями, как крыльями. Однажды повязка спала с моих глаз, и я очутился на земле. Увидел цветы вокруг себя, пахучую землю, людей здорового смысла и, наконец, самые недоступные звезды и очень обрадовался”. Такая перемена произошла с Пришвиным в том числе и на калужской земле.

Ничего в жизни человека не происходит случайно. 23 сентября в селе Брынь произошел крупный пожар, в котором сгорел и пришвинский дом. О масштабах пожара свидетельствует донесение, составленное становым приставом: “23-го сентября в 1-й час дня в селе Брыни произошел пожар, во время которого сгорело 75 домов с надворными строениями, 20 амбаров, 8 риг, 15 погребов, 22 торговых лавки, трактирное заведение, красильно-синильное заведение и т.д. Убытку причинено на сумму 176 тыс.рублей. Причина пожара — неосторожное курение табаку крестьянским мальчиком, который за несколько минут до пожара лазал на сушило собирать куриные яйца, курил там табак и бросил в сено папиросу или спичку”(17). Пожар был так велик, что 24 сентября уездный исправник В.Д. Ильинский телеграфировал о нем калужскому губернатору князю С.Д. Горчакову (18, прил. 1).

М.М. Пришвин напишет А.М. Ремизову 28 сентября 1910 г.: “Извещаю Вас ... что село Брынь сгорело 23 сентября. Я и моя семья спаслись в чем были” (1). Из огня писатель успел только выхватить свои тетрадки — дневники и рукописи рассказов — самое ценное в его жизни. “Никакие сокровища на свете не могли бы возместить мне эту кладовую записанных слов и переживаний... Мои тетрадки есть мое оправдание, суд моей совести над делом

жизни” (2). Благодаря этому случаю он сам понял, насколько важно для него писательское творчество.

Не пришлось Пришвину обосноваться прочно в Брыни. Еще не испил он свою чашу страданий. Еще предстоит ему пережить смерть брата Александра в 1911 г., в которой он будет отчасти винить и себя. Мать его скончается в 1914 г. Перед самой революцией он снова построит себе дом в любимом родном селе Хрущеве, но его отнимут, а Пришвина “выдворят” как контрреволюционный элемент. В 1919 г. умрут от тифа двое братьев и сестра. Сам на грани голодной смерти будет он часто менять места жительства, прежде чем перед самой войной найдет свой берег. Крутой поворот сделает судьба, когда М. Пришвину исполнится 67 лет. Расставшись с прежней семьей, он снова начнет строить свое гнездо с любимой женщиной, вдохнувшей в него вторую жизнь, — Валерией Дмитриевной Лебедевой (урожд. Лиорко). Благодаря ее влиянию писатель прочно утвердился как религиозный философ.

Каково же значение калужского периода в жизни и творчестве М.М. Пришвина? Здесь он понял, насколько дорого ему его литературное творчество, здесь повязка идеализма спала с его глаз и он очутился на земле, здесь его внутренний взор обратился к христианской вере.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пришвин М.М. Письма Ремизову А.М. // Русская литература, 1995. №3.
2. Пришвин М.М. Творить будущий мир. М., 1989.
3. Калужская энциклопедия. Калуга, 2000. С.81.
4. ГАКО, ф. 648, оп. 1, ед. хр. 374, л. 14.
5. ГАКО, ф.940, оп. 1, ед. хр. 1800, л.18..
- 6.ГАКО, ф.940, оп. 1, ед. хр. 267, л.94,96,98,99.
- 7.ГАКО, ф.940, оп. 1, ед. хр. 268, л.3.
8. ГАКО, ф.648, оп. 1 ед. хр., 374.л.90—92.
9. Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т.1. СПб., 1863. С.320.
10. Пришвин М.М. Дневники 1920—1921 гг. Московский рабочий. 1995. С.158.
11. Зеленев В.С. Попробуйте силы на Брыни // Туристские тропы Калужской области. Тула, 1990. С.228.
12. Пришвин М.М. Кащеева цепь. М., 1983. С.194.
13. Пришвин М.М. Мои тетрадки // Соб. соч. М, 1957. Т.4.
14. Самойлов В.А. Лесное урочище Чертово городище. Козельск, 1991.
15. Рождественский Т. Свадебный замок дьявола // Нива, 1903.№38.
16. Некрасов И.И. Белевские корни М.М. Пришвина // Белевские чтения. Вып. 2, М. 2002. С.157.

17. ГАКО, ф. 937, оп. 1, ед. хр. 1772, л.85.

18. ГАКО, ф.32, оп. 4, ед. хр. 1443, л.342.

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПОРТРЕТА С.С. ПРОКОФЬЕВА ХУДОЖНИКОМ П.П. КОНЧАЛОВСКИМ

А.А. Кащеева,

музей истории города Обнинска

Петр Петрович Кончаловский (1876—1956 гг.) прожил долгую жизнь, насыщенную и яркую, отданную страстному служению искусству.

Живописец, видевший волнующую природу Италии, Испании, Франции, для творчества и отдыха выбрал тихий уголок русской земли — имение Бугры (ныне известное нам как Кончаловские горы, в окрестностях Обнинска Калужской области).

П.П. Кончаловский впервые посетил эти места в 1907 г., когда гостил у Обнинских, владельцев усадьбы Белкино. Художник стал бывать здесь ежегодно, вплоть до 1932 г., когда ему представился случай купить имение Бугры.

Бугры с самого своего создания обладали удивительной силой притяжения для людей искусства. Первые владельцы этого имения — Анна Петровна и Иван Иванович Трояновские — умели создать атмосферу, благоприятную для творчества. Здесь гостили и творили великие мастера живописи — В.Серов, В.Поленов, И.Грабарь, И.Левитан, композиторы Н.Кочетов, Н.Метнер, поэт, писатель В.Брюсов. Кончаловские продолжили традицию: “В Буграх часто бывали друзья Петра Петровича. Приезжали артисты Худож. театра — Москвин, Качалов, Ливанов, постоянно приезжали писатели А.Толстой, Фадеев, Вс.Иванов, режиссер Довженко, гостил скульптор Коненков, пианист Софроницкий и многие другие”¹.

Семье Кончаловских были очень дороги воспоминания о С.С.Прокофьеве, выдающемся композиторе, с которым их связывала искренняя дружба. Судьбы Прокофьева и Кончаловского на протяжении многих лет проходили словно по параллельным прямым, ни разу не пересекаясь, хотя точки пересечения могли быть. Учились в одном городе, в Петербурге: Прокофьев — в консерватории, Кончаловский — в Академии Художеств, посещали одни и те же концертные и выставочные залы. Художник-бунтарь знал о возрастающей известности молодого Прокофьева, композитор-бунтарь “слышал” в кубизме Кончаловского свои авангардные аккорды.

О кубизме, сезанизме Кончаловского много было споров и в России и за рубежом. Огромную поддержку молодому художнику, как известно, оказал В.И.Суриков, который любил повторять, что если человек талантлив, то неважно, каким методом развивается его талант. Талант Прокофьева также неоднозначно воспринимался критикой, в особенности русской критикой: в то время как в России музыку Прокофьева сравнивали с футбольным матчем, лучшие концертные залы Европы рукоплескали этой новой музыке.

Как известно, пятнадцать постреволюционных лет Прокофьев провел за границей. Концертные турне, создание опер и других музыкальных произведений прославили его как выдающегося пианиста и композитора. Но с течением времени С.С. Прокофьева все больше и больше стала тяготить удаленность от Родины. “Я должен снова вжиться в атмосферу родной земли. Я должен говорить с людьми моей плоти и крови”, — признавался композитор французскому критику.² И в 1833 г. Прокофьев возвратился на Родину. В концертных залах Москвы зазвучала авангардная музыка Прокофьева.

К такой музыке не мог остаться равнодушным и художник-авангардист Петр Петрович Кончаловский. Эта музыка поразила художника с самого первого концерта, который он услышал. “Прокофьев покорял своей необыкновенной игрой, новыми ритмами, новым звучанием. Все его творчество было настолько увлекательно, что мне захотелось узнать его самого”, — писал П.П. Кончаловский.³ И тут их судьбы пересеклись.

В 1933 г. на персональной выставке Кончаловского композитор и художник “сошлись и вкусами и воззрениями на искусство и вскоре подружились”.⁴ Сергей Сергеевич стал бывать в мастерской Кончаловского в Москве, там и возникла идея написания портрета композитора. В мае 1934 г. Прокофьев и его жена Лина Ивановна Льюбера, по приглашению Кончаловских, гостили в Буграх.

В это время Сергей Сергеевич работал над сюитой для фортепиано “Поручик Кижэ”. Музыка к кинофильму “Поручик Кижэ” явилась для Прокофьева первым советским заказом (после долгих лет пребывания композитора за границей). Фильм был снят по повести Юрия Тынянова “Поручик Кижэ” — анекдот времен Павла I, вписанный в исторический контекст, превратился в трагический памфлет “Зато что за веселая музыка!” — восклицает Прокофьев.⁵

Кроме того, в Буграх Сергей Сергеевич разработывал египетские и еврейские мелодии. Жизнь на даче была пропитана творчеством — рождались Музыка и Живопись.

Прокофьев вставал очень рано и делал большую прогулку. Петр

Петрович вспоминал: “Возвращаясь к утреннему кофе, он восторженно рассказывал о виденном: какими дорогами он проходил, какие ручьи и овраги ему пришлось переходить, как он попал на реку, видел стадо, слушал трубу пастуха, неожиданно вышел на шоссе к ж/д мосту, и тут мы весело подсчитывали километры, выходило не 3 — 4, а 5 или 6, чему он был очень доволен”.⁶

Работал Прокофьев, порой не касаясь рояля; садился в кресло под огромной сосной, которая ему очень нравилась и там писал. Так и было найдено место для портрета. Петр Петрович сделал много набросков, искал позу и композицию, но самым удачным был признан первый набросок, и художник “увидел” свою картину. Кончаловский предложил своей модели спортивный костюм, как отмечала дочь художника, он “угадал в одежде европейского модерна, в просторном и удобном, но изысканном костюме, лаконичский новаторский образ жизни Прокофьева”⁷.

Работали художник и композитор все дни без отдыха, а если в воскресенье приезжали гости, то работа приостанавливалась, и это было большой тягостью для обоих — ждали понедельника; по словам Натальи Петровны, “не знали куда себя девать, ибо каждый из мужчин был наполнен задуманным, которое требовало выхода”⁸.

✓ Нередким гостем в Буграх был, как уже отмечалось, выдающийся пианист Владимир Софроницкий. В дни его приезда в Буграх давался настоящий концерт — играли Прокофьев, Софроницкий, педа Лина Льюбера.

Все окружавшие Прокофьева в то время люди не переставали удивляться таланту, сумевшему разрабатывать одновременно русские народные мотивы, в которых слышалась “вихрем несущаяся тройка с горланьями мужиками”, и “мрачную, терпкую” музыку “Египетских ночей”.

Петр Петрович, страстно почитавший гений Пушкина, советовал композитору создать оперу “Евгений Онегин”, на что Прокофьев ответил, что после Чайковского и думать об этом нечего (однако через несколько лет музыка к “Евгению Онегину” все же была написана Прокофьевым).

Как-то зашла речь о живописи. Петр Петрович сказал, что в живописи велика роль композиции, к примеру, хорошо поставить натюрморт — это уже полдела. Тогда Сергей Сергеевич предложил самому поставить натюрморт, а Петр Петрович написал бы его.

“Я согласился, — вспоминает Кончаловский, — Сергей Сергеевич взял несколько апельсинов, пучок редиски, разложил их в беспорядке, и когда я заметил, что сочетание оранжевого и розово-

го порядком дерет глаз, он задорно рассмеялся. Чтобы организовать цветовую гамму, я предложил положить эти предметы на японскую скатерть с синими разводами, что несколько умерило какафонию. К большому удовольствию Сергея Сергеевича, я этот натюр-морт написал”⁹

После рабочего дня Сергей Сергеевич любил отдохнуть и развлечься какой-нибудь игрой. Любимой игрой его был “Морской бой”. “Надо было видеть как чистосердечно, по-детски, он отдавал-ся игре, как торжествовал, когда выигрывал!”¹⁰

Некоторое время спустя, Прокофьев писал в письме своему другу И.Асафьеву: “гостил у Кончаловского в Буграх, у него чудно, я ведь по подмосковным лесам никогда не гулял. (Петр Петрович) написал с меня отличный портрет во весь рост”.¹¹

Время, проведенное в Буграх, очень сблизило двух мастеров, и они условились вместе посетить осенью санаторий в Кисловодске.

В том же, 1934, г., у Прокофьева возникла идея создания нового балета на лирический сюжет. Выбор пал на трагедию Шекспира “Ромео и Джульетта”. Общеизвестно, что работал Прокофьев над музыкой к этому балету в Поленове летом 1935 г..

Но все же на некоторое время выезжал Сергей Сергеевич в полюбившийся ему дом в Буграх, к своим добрым друзьям Кончаловским, и работал в чудесном уголке русской природы, сидя с листками нотной бумаги под старинной сосной, уже запечатленной на известном портрете.

День посвящался творчеству, а вечером все обитатели Бугров собирались у рояля и слушали музыку Прокофьева — и ранее написанную, и только рождавшуюся.

Петр Петрович вновь и вновь просил проиграть ему одну великолепную фугу при ссоре домов Монтеки и Капулетти, сетуя автору, что чудная фуга слишком короткая, но и отдавая себе отчет в том, что этот лаконизм в характере композитора.

А в январе 1936 г. в газете “Советское искусство” писали о новом балете Сергея Сергеевича Прокофьева: “Интереснейшее произведение большого мастера, уже вписавшего яркую страницу в историю не только русской, но и мировой музыки”.¹²

Одна из последних встреч Кончаловского и Прокофьева произошла на персональной выставке художника, посвященной его 75-летию. “Сергей Сергеевич долго стоял перед своим портретом и говорил, как он его любит”, — вспоминал Петр Петрович.¹³

Уже после ухода композитора из жизни Кончаловский вспоминал: “Много мне пришлось слушать музыки Прокофьева, но я

был совершенно потрясен на концерте, устроенном в его память. Какие широкие горизонты открылись в его произведениях, какая мощь и красота явилась в них. Мне казалось, что это была сама природа — радостная и трагическая, всегда неожиданная и вечно новая”.¹⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ МИГО, КП-855/2. Кончаловская Н.П. Бугры: Воспоминания.
- ² Прокофьев. С.С. Человек. События. Время // Вст. ст. М. Нестьевой., М., 1990. С. 84.
- ³ РГАЛИ, ф. 1929, оп. 1, ед. 1000. П.П. Кончаловский. Воспоминания о С.С. Прокофьеве, л. 1.
- ⁴ РГАЛИ, ф. 1929, оп. 1, ед. 1000. П.П. Кончаловский. Воспоминания о С.С. Прокофьеве, л. 1.
- ⁵ Прокофьев. С.С. Человек. События. Время // Вст. ст. М. Нестьевой., М., 1990 г. С. 84.
- ⁶ РГАЛИ, ф. 1929, оп. 1, ед. 1000. П.П. Кончаловский. Воспоминания о С.С. Прокофьеве, л. 2.
- ⁷ Кончаловская. Н.П. Праздник в будни.
- ⁸ Н.П. Кончаловская. Праздник в будни.
- ⁹ РГАЛИ, ф. 1929, оп. 1, ед. 1000. П.П. Кончаловский. Воспоминания о С.С. Прокофьеве, л. 4.
- ¹⁰ РГАЛИ, ф. 1929, оп. 1, ед. 1000. П.П. Кончаловский. Воспоминания о С.С. Прокофьеве, л. 3.
- ¹¹ Неизвестный Кончаловский: Каталог выставки. С. 131.
- ¹² “Советское искусство”. 1936. №5.
- ¹³ РГАЛИ, ф. 1929, о. 1, ед. 1000. П.П. Кончаловский. Воспоминания о С.С. Прокофьеве, л. 6.
- ¹⁴ РГАЛИ, ф. 1929, о. 1, ед. 1000. П.П. Кончаловский. Воспоминания о С.С. Прокофьеве, л. 8.

ХРАМ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ В СЕЛЕ ТИМАШЕВЕ БОРОВСКОГО РАЙОНА

*Л.Б. Сорокина,
музей истории г. Обнинска*

Если ехать по шоссе из Боровска в Малоярославец, то возле села Тимашева нельзя не обратить внимания на старинный храм, стоящий на холме близ дороги. Основной престол храма посвящен празднику Рождества Пресвятой Богородицы. В 2003 г. исполняется 265 лет с момента его освящения. Памятников эпохи императрицы Анны Иоанновны в Подмосковье сохранилось очень мало, да они, как правило, изменили свой первоначальный облик после пере-

строек и ремонтов. Тем интереснее для истории архитектуры здание церкви в Тимашеве. В нем сочетаются черты древнерусского зодчества с привнесенными из Европы мотивами стиля барокко.

Прежде чем стать селом, Тимашево в течение нескольких столетий было деревней. Впервые оно упоминается как деревня Пыренской волости Малоярославецкого уезда в платежной книге 1621 г. Указано, что прежде вся волость была «во дворцовых селех», а затем по частям пущена в раздачу. Тимашево досталось четырём владельцам: *в поместье недорослю Нестерку Александрову сыну Слиткову, в вотчину Михаилу Федотьеву сыну Дурнову, Боланде Федорову сыну Нестерову и Афанасию Леонтьеву сыну Яцкому* (1).

К 1629 г. А. Л. Яцкий умер и был погребен в Пафнютьев-Боровском монастыре. По завещанию, принадлежавшая ему часть Тимашева была отдана в эту обитель на поминование его души, что было узаконено грамотой царя Михаила Федоровича от 1631 г. (2).

В 1646 г. Тимашевым владели Михаил Михайлов сын Дурнов (4 двора с 15 крестьянами и 2 двора с 3 бобылями) и Федор Васильев Нестеров (5 дворов, 16 крестьян) (3). Пафнютьев монастырь превратил свою долю деревни в пустошь (4). В 1678 г. 21 двор в Тимашеве принадлежал Ивану Дурнову, а 5 дворов — монастырю (5). Вскоре Тимашево оказалось в вотчине дьяка Льва Дмитриевича Ермолаева, пожалованного вотчинами за отличие в войне с турками. В 1715 г. Тимашево упоминается как сельцо Петра Львовича Ермолаева с 23 дворами (6). 20 января 1735 г. отставной капитан П. Л. Ермолаев написал в Святейший Синод прошение: *«Вотчина у меня в Ярославском уезде Малого в Пыренской волости деревне Тимашеве, а в ней двор помещиков, да крестьянских 50 дворов, в них мужеска полу 227 душ, а в приходе оная моя деревня имеется в том же ярославецком уезде к погосту церкви Рождества Богородицы, что на Пыренке, которая церковь от той моей деревни удалена... и ныне я возимел обещание в той моей деревне построить вновь каменную церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, а под тою церковь и под кладбище и будущему при той церкви попу, дьячку, просвиrne под селитьбу во все стороны уступаю из своих поместных дач 1,5 десятины, да на пропитание им пашенной земли 10 четвертей в поле, а в дву потомуж, сенных покосов 10 копен... а в оную церковь к священнослужению вино церковное, свечи, ладон и прочие к тому потребное отправляю буду со всяким удовольствием неотменно, также и вышепомянутый будущий при той церкви поп с причетником пропитание иметь будут от вышеобъявленной уступной мною пашенной земли и от подаяния от меня и от крестьян моих безскудно, и прошу о*

строении помянутой церкви дать указ».

По поручению Святейшего Синода настоятель Малоярославецкого Никольского Черноостровского монастыря игумен Вассиан «учинил следствие» и отписал церковным властям, что до погоста Пыренки жителям ходить далеко и трудно, особенно в весеннюю и осеню распутицу, а имение у П. Л. Ермолаева богатое, крестьяне живут зажиточно, так что причт будущей церкви содержанием будет весьма доволен. Да и церкви Рождества Богородицы, что на Пыренке поп Борис Михайлов с причетниками не против строительства нового храма. 13 июня 1735 г. была выдана храмозданная грамота, подписанная епископом Коломенским и Каширским Вениамином. После трёх лет строительства, 24 августа 1738, был выдан указ об освящении храма, антиминос получил архимандрит Дорофей из Пафнютьев-Боровского монастыря. Так как здание было холодным, то сразу же последовал указ о построении в трапезной придела для зимнего времени во имя св. вмч. Иоанна Воина. Для службы в новой церкви П. Л. Ермолаев пригласил священника Федора Иванова, жившего раньше в Оболенском уезде (7).

По своему типу, конструкции и организации внутреннего пространства храм в селе Тимашеве продолжает традиции XVII в. Основу композиции составляет бесстолпный двусветный четверик, перекрытый сомкнутым сводом и увенчанный небольшим световым барабаном с главкой. С восточной стороны к четверику, как обычно, примыкает алтарная абсида. Новинкой была ее граненая форма. С запада композицию храма продолжают низкая трапезная и трехъярусная колокольня. Углы всех объемов церкви в Тимашеве подчеркнуты лопатками. В верхней их части есть некая имитация капители за счет раскрепованного антаблемента. Все строение объединено общим многопрофильным карнизом, который делит фасады четверика по горизонтали на два яруса. Вход в здание в центре северного фасада ниже по сравнению с соседними окнами. Над ним помещен квадратный киот для иконы, который компенсирует пустоту фасадной плоскости над входом. Структура фасадов регулярная, но оси оконных проемов первого и второго ярусов не совпадают. Разобщенность осей в разных этажах, разделенных карнизом, унаследована от допетровской архитектуры. На восточном и западном фасадах во втором ярусе наличники наложены прямо на кирпичную кладку, то есть образуют ложные окна. Такой прием с начала XVIII в. стали применять, чтобы не нарушать единообразие декорации всех четырех фасадов. В верхних частях фасады украшены небольшими ложными окнами в виде лежащих восьмигранников. В подмосковных

храмах начиная с 1690-х гг. встречается подобный архитектурный элемент, только это были настоящие окна (Спаса в Уборах, 1694 — 1697 гг.). Венчает фасады четверика карниз из тесаных плит белого камня. Необычен фриз под ним: в кирпичную кладку через равные промежутки включены вертикально поставленные логом вперед большемерные кирпичи. Такое чередование отдаленно напоминает дорический фриз с триглифами и метопами.

Аннинское барокко сдержанное, графичное. В тимаштвском храме оно прослеживается в форме наличников окон второго света. Рамочное обрамление оконных проёмов имеет наверху в виде треугольного фронтона со спускающимися прямыми “ушами”. Нижние углы наличников утяжелены выступами. Самая выразительная черта в облике храма, свидетельствующая о стиле барокко, — криволинейный абрис кровли над сомкнутым сводом, причём в углы кровли вставлены лотки, переходящие в узкие грани скошенных углов квадратного в сечении барабана. Существующий ныне под главой храма восьмерик с равными гранями более позднего происхождения, он не совпадает с формой отверстия в сомкнутом своде и с формой кровли.

У храма села Тимашева есть несколько аналогий среди построек Москвы и Подмосковья. В столице, недалеко от Кремля, на улице Варварке, стоит похожий, но изменивший кровлю и утративший наличники храм Рождества Иоанна Предтечи, построенный в 1741 г. (8). В Домодедовском районе по сходному проекту в 1734 г. была возведена церковь Рождества Пресвятой Богородицы в с. Кузовлево, также потом сильно перестроенная (9).

Сведения, собранные о селе Тимашеве к 1782 г., нашли отражение в Описаниях и алфавитах к Калужскому атласу. Тимашево административно перешло из Малоярославецкого уезда в Боровский. Оно располагалось по обе стороны речек Городенки и Песочни и при большой Малоярославецкой дороге. Принадлежало Александру Степановичу Болтину. В селе было 66 дворов, мужского пола 263 чел., женского — 276 чел. “Церковь каменная Рождества Богородицы с приделом Иоанна Воина. Дом господский деревянный, при нем сад плодovitой” (10).

А. С. Болтин при императрице Екатерине II служил вице-губернатором в Рязани. Умер он при Павле I в чине статского советника. Село Тимашево унаследовала его вдова Екатерина Григорьевна Болтина, урожденная княжна Вяземская. Хозяйку навещали брат кн. Николай Григорьевич Вяземский (1769 — 1846), долго бывший Калужским губернским предводителем дворянства, графы Бутур-

лины из Белкина. В 1825 г. у Е. Г. Болтиной проживали две дочери адмирала Д. Н. Сенявина, владельца соседнего с. Комлева (11). После смерти владелицу Тимашева погребли в Пафнутьев-Боровском монастыре, на кладбище перед алтарем собора. На мраморном памятнике была надпись: “Здесь покоится прах коллежской советницы Екатерины Григорьевны Болтиной, покровительницы сирых и убогих, родилась 24 ноября 1759 г., преставилась октября 7 дня 1836 г.” (12). При Болтиных в церкви Рождества Богородицы был перестроен придел Иоанна Воина, расположенный с южной стороны трапезной. Нарядный декор его небольшого объема под двускатной кровлей выполнен в стиле зрелого классицизма с использованием пилястрового портика, медальонов, мотива трехчастного окна. В 1870-х гг. имение принадлежало Марии Михайловне Волковой, мать которой, Анна Николаевна Голицина, была дочерью кн. Н. Г. Вяземского (13).

В 1812 г. через Тимашево двигались от Боровска к Малоярославу войска Наполеона. Крестьяне, собрав имущество, ушли в лес, угнали скот. Французы не тронули их опустевших жилищ. Но после неудачного сражения под Малоярославцем отступавшие по той же дороге наполеоновские солдаты сожгли Тимашево. После изгнания врага село отстроилось вновь, была восстановлена церковь Рождества Пресвятой Богородицы. Согласно справке о приходе 1830 г. церковь “зданием каменная, крепка, утварью достаточна, приходских дворов 88, душ мужского пола 335”. Церковную землю сами священно- и церковнослужители не обрабатывали, пользовалась ею помещица Болтина, а причту выдавала содержание (оно называлось “руга”). Например, священник Петр Федоров в год получал 20 четвертей разного хлеба, денег 100 рублей, 5 пудов свиного мяса, 2 пуда масла коровьего и конопляного, 6 живых баранов и так далее. Дьякону и пономарю причиталось меньше: по 10 четвертей зерна, по 30 рублей денег, по 2 пуда мяса, по 1 пуду масла, по 2 барана. Сверх того на весь причт от прихода за 1829 г. было получено 150 рублей. Такое содержание причта считалось “посредственным” (14).

В Рождественской церкви был крещен родившийся в с. Тимашеве известный русский художник Илларион Михайлович Прянишников (1840 — 1894). В родном селе он прожил до 10 лет, а затем был отправлен в Москву. Одна из самых известных картин кисти Прянишникова — “В 1812 г.”, при написании которой художник, должно быть, вспоминал слышанные в детстве рассказы жителей Тимашева — очевидцев событий войны с Наполеоном.

Во второй половине XIX в. храм Рождества Богородицы в селе Тимашеве был украшен росписями на средства благочестивого москов-

ского купца, местного уроженца Афанасия Петровича Маркова (15).

При советской власти храм действовал до Великой Отечественной войны. В здании был склад, потом его забросили, что способствовало быстрому обветшанию. В 1999 г. рухнул свод в трапезной. Вблизи алтарной части храма сохранились могилы последнего священника о. Феодора и его матушки.

30 июня 2002 г. в праздник Св. Троицы открылась новая страница истории храма Рождества Пресвятой Богородицы в Тимашеве: в нем был отслужен первый водосвятный молебен.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Родная старина. Малоярославец. Вып.2. 1998. С.36 — 37.
2. Леонид (Кавелин). Историческое описание Пафнутьева монастыря. 1859. С.125 — 126.
3. Родная старина, Малоярославец. Вып. 3. 1998. С.40.
4. Леонид (Кавелин). Указ. соч. С.140.
5. РГАДА, ф.350, оп. 1, д.234, л. 360 об.
6. Там же. Л.361.
7. Калужская старина. Калуга. Т.5. 1910. С.61 — 64.
8. Святыни древней Москвы. М., 1993. С.40.
9. Памятники архитектуры Московской области. М. Вып. 1. 1999. С. 243.
10. Описания и алфавиты к Калужскому атласу. 1782. Ч.1. Боровский уезд, №53.
11. Русский архив, 1897. Кн. 1. С.421. Кн. 2. С.34 — 35.
12. Леонид (Кавелин). Указ. соч. Изд. 3-е. 1907. Прибавления. Раздел 10, № 61.
13. Русский архив, 1897. Кн. 2. С.35.
14. ГАКО, ф.33, оп. 2, д.16, л.2.
15. Калужские епархиальные ведомости (прибавления). 1891. № 12.
16. ГАКО, ф.33, оп. 2, д.16.
17. Калужские епархиальные ведомости, 1891.

ХРАМ СЕЛА ЩЕЛКАНОВО

*В.П. Есинов,
г. Калуга*

Культурный перелом рубежа XVII—XVIII вв. обусловил развитие социального архитектурного образования, появление проектных чертежей и распространение ордерской системы в русской архитектуре. Однако новые принципы и понятия осваивались русскими строителями и архитекторами посредством отбора архитектурных форм, наиболее приемлемых для условий России. Имея большую и богатую историю культурных традиций в архитектуре, русские мастера каменных дел постепенно переосмысливали традиционные приемы

и внедряли новые западноевропейские элементы.

Широкое насаждение европейской культуры в стране не повлекло за собой потери национальной специфики в русской архитектуре, и особенно в культовой. Петр I сам живо интересовался предысторией России, в т.ч. и историей архитектуры, особенно Московской, ибо надо было сохранять чисто русское начало в культурном строительстве, и в первую очередь пятикупольность в завершении соборных сооружений. Именно Петр I был инициатором постройки Никольского Морского собора в Петербурге пятикупольным, но наделенным архитектурными чертами нового времени. Таким образом, великий реформатор стал основоположником в строительстве немногочисленных пятикупольных культовых сооружений соборного типа в первой половине XVIII в.

Большинство пятиглавых храмов первой половины XVIII в. были построены в северной столице, и единицы — в провинции. Авторами проектов этих сооружений были известные петербургские архитекторы: М.Г. Земцов, П.А. Трезини, Ф.Б. Растрелли, С.И. Чевакинский, А. Ринальди, И.Ф. Мичурин, Д.А. Ухтомский. Наиболее известные постройки: Никольский Морской собор, собор Смольного монастыря, Владимирская церковь в Петербурге; Успенский собор в Смоленске; церковь Климента в Москве, Андреевский собор в Киеве, Успенский собор Свенского монастыря около г. Брянска.

В Калужской области есть единственный экземпляр пятикупольных храмов соборного типа — это церковь Рождества Христова в с. Щелканово Юхновского района.

Храм поставлен в центре села на площади на высоком месте, его архитектурные объемы видны со всех сторон на многие километры. Щелканово — древнее торговое село, стоящее на перекрестке дорог Калуга — Мосальск, Калуга — Юхнов, Щелканово — Мещовск, Мещовск — Опаков (Палатки), Москва — Верея — Кременск (Кременское) — с. Товарково — Мосальск. В Мещовском уезде существовало два стана, один из них находился в Щелканово.

Церковь относится к центрическим пятикупольным постройкам сер. XVIII в. В плановом построении за основу взята прямоугольная форма, близкая к квадрату, осложненная ризолитообразными выступами притворов и полукружием алтарной части.

В основу объемно-конструктивного построения церкви положен большой двусветный четверик. Над четвериком, в центре над главным престолом, возносится высокий восьмерик, завершенный глухим восьмигранным фонариком с колоннадой. Грани восьмерика по странам света более широкие, чем угловые. По углам четверика

поставлены объемы малых четвериков боковых глав. Основания всех пяти глав находятся на одном уровне. Восточные главы глухие. Западные служили колокольнями (существующая колокольня построена в 1906—1909 гг.). Купол восьмерика до ремонта после пожара 1912 г. имел четыре люкарны и фигурную крышу.

Основой всей несущей конструкции храма являются четыре мощных пилона, на которые опирается основной центральный объем и своды притворов. Внутреннее пространство разделяется на центральный объем главного престола, боковые притворы с тремя приделами и небольшой комнатой под юго-западной башней. Освещение главного объема осуществлялось за счет пяти больших окон восьмерика и трех люкарн на его своде.

Все перекрытия в храме сводчатые и выполнены в кирпиче. Центральная глава, алтарь, притворы перекрыты различной конфигурации лотковыми сводами, помещения приделов — сомкнутыми. Арочные проходы стянуты парами железных тяг.

Декоративная обработка фасадов характерна для середины XVIII в. Это строенные углы первого яруса церкви; пилястры как парные, так и одиночные, имеют четкую базу, постаменты с нишами и завершаются простыми, но интенсивно раскрепованными капителями, фризом и карнизом. Основание центрального и боковых объемов украшено прямоугольными нишами. Наличники основного объема четверика с апсидой имеют плоскостной характер. Окна нижнего света высокие, полукруглые в завершении; наличники, с ушками и замковым камнем, завершаются прямым сандриком. Окна второго света в три раза меньше по высоте, с сегментным завершением, наличники с ушками с замковым камнем и прямым сандриком. У окон нижнего света, в отличие от окон второго, между наличником и сандриком есть ниша. Плоскостные наличники и их отдельные детали раскрепованы на разную высоту в плоскости стены, что придает декору живость в игре светотеней. Боковые раскрепованные ризолитоподобные выступы притворов завершены треугольными фронтонами. В окнах сохранились первоначальные старинные кованые решетки. Раскрепованные углы карниза четверика выполнены в белом камне.

Церковь была четырехпрестольная. Приделы освещены во имя мученицы Софьи, Владимирской Божьей матери и чудотворца Николая. К настоящему времени декоративная отделка интерьеров не сохранилась. По словам старожилов, основной иконостас был пятиярусным, резным и покрытым позолотой. Остатки его в 1941 г. были демонтированы и вывезены в Германию.

Храм имел калориферное отопление, печи располагались в помещениях под храмом, а дымоходы проложены под полом и в теле четырех пилонов. Входы к печам находились около апсиды.

Четкое объемно-пространственное построение храма, его монументальность и разнообразие декоративной отделки фасадов говорит о незаурядности автора этой постройки и мастеров каменных дел, которые его выполнили.

Анализ сохранившихся архивных материалов по пятикупольным соборным храмам первой половины — середины XVIII в. говорит о том, что в основу сооружения щелкановского собора был положен проект Петербургского происхождения.

После Указа от 9 октября 1714 г. запрещалось каменное строительство в провинции. Крупное строительство, гражданское или культурное, могло финансироваться только правительством или богатыми, уважаемыми людьми России. Часто эти постройки возводились под влиянием и при личном участии заказчика, а авторы проектов из-за указа 1714 г. оставались безымянными.

Заказчиками проекта Щелкановского собора скорее всего выступил род Лопухиных, представители которого в этих местах были самыми крупными землевладельцами: им принадлежали многие деревни и два древних крупных села — Zubovo и Извеково, до настоящего времени сохранившие усадебные церкви первой половины XVIII в.

В Щелканово находилась усадьба генерал-аншефа В.А. Лопухина, героя семилетней войны с Пруссией, погибшего в 1757 г. при Грос-Егерсдорфе. Основным вкладчиком в строительстве церкви была Вера Борисовна Лопухина — жена В.А. Лопухина. Род Лопухиных, имевший широкие связи с Петербургом и высшей элитой императорского двора, мог себе позволить заказать проект для храма в Щелканово кому-нибудь из столичных архитекторов (в начале XVIII в. в Петербурге Лопухины уже имели каменные палаты).

Для Щелкановского собора характерны хорошо разработанный в объемах и декоре центральный объем храма, широко расставленные квадратные боковые главы, плоскостной характер декора, треугольные фронтоны, завершающие ризалиты, завершающий восьмерик и восьмигранный фонарик, разновеликие по ширине стены восьмерика и наличие люкарн. Анализ творческой деятельности столичных архитекторов первой половины XVIII в. и характер храмов в Щелканово, Zubovo и Извеково выявил много общего этих построек с проектами сооружений, принадлежащих П.А. Трезини. В облике всего собора чувствуется какая-то незаконченность объемно-пространственного построения основных объемов: это отсутствие второго яруса на

боковых главах, что также характерно для творчества П.А. Трезини. Собор Рождества Христова в с. Щелканово по объемно-пространственному построению, декору фасадов и градообразующей эффектной постановке в рельефе несомненно относится к редчайшим для провинции образцам пятикупольных культовых сооружений сер. XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барокко в России. ГИИ МК РФ М. 1994 г.: Сборник статей. М., 1994.
2. ГАКО, ф. 33, оп. 9, ед. хр. 3. С. 126.
3. Краснобаев Б.И. Очерки истории русской культуры XVIII в. М., 1987 г. С. 136 — 142.
4. Русское искусство барокко XVIII в. М., 1968. С. 139 — 156.
5. Русское искусство барокко: Сборник статей /Под ред. Т.В. Алексеевой. М., 1977. С. 70 — 87.
6. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Спб., 1894. Т. XXIV. С. 988 — 992.

МИРСКОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ СВЯТОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ И НАДПИСИ НА ОБОРОТНОЙ СТОРОНЕ ИКОНЫ*

*М.О. Огольцов,
г. Калуга*

Икона как образ святого возникла в христианском искусстве в IV — V вв. (1). Именно с этого времени всякая икона имеет право называться священным изображением только тогда, когда на иконной доске надписано именование изображенного. Даже в то время, когда еще не сложился чин освящения икон, изображение считалось пригодным для богослужения после того, как на ней было начертано имя, ведь это означало соединение словесного и зрительного откровения Божия. Каждому верующему надпись на иконе важна прежде всего в онтологическом смысле, но интерес также вызывают надписи, связанные с предназначением иконы.

Учитывая рамки данной статьи, опустим материал о надписях на лицевой стороне иконы и остановимся на надписях на оборотной ее стороне. Еле видные, затертые, иной раз под полуистлевшей парчой или даже под врезной шпонкой, надписи или являются продолжением священного изображения, или содержат в себе приземленные сведения. Действительно, с их помощью можно определить

время написания иконы, идентифицировать, какому роду она принадлежала, кто делал вклад; она часто позволяет установить предназначение данного иконного изображения (без оборотной надписи известны многочисленные *чудотворные* и *явленные* иконы). Также надпись на оборотной стороне иконы может содержать инструкцию для мастера, выполняющего заказ: на чем писать (порода дерева), какие делать шпонки (врезные, торцевые), какие использовать краски, какой оклад чеканить. С помощью оборотной надписи приблизительно с XVII в. возможно было установить изографа. В древности считали, что рукою иконописца, пишущего икону, водит сам Господь (посланный им ангел). Этот сюжет неоднократно повторялся при изображении первого иконописца — апостола Луки. До XVI в. отношение изографа к написанному им священному изображению было поистине благоговейным: никому из них не могло прийти в голову подписаться под законченной иконой, и о первых великих иконописцах мы узнаем только из летописей. Ситуация меняется к XVII в.: сначала робко, а затем все чаще и чаще автор пытается заявить о себе. Нужно сказать, что с XVII в. надписи на оборотной стороне икон становились все более подробными и пышными, практически на каждой надписи упоминается и владелец иконы, и изограф, эту икону написавший. До этого времени надпись делалась чернилами скорописью, теперь она напоминает самостоятельное произведение каллиграфии и пишется красками. Любая надпись на оборотной стороне древней иконы скрывалась парчой и не была предназначена для прочтения. С XVIII в. все чаще встречаются иконы, на которые перестали заказывать парчу, а золото заменили поталью, а далее — алюминием с желтым лаком — имитацией золота.

Со временем расширяются прикладные функции икон, и свидетельство тому — надписи на оборотной стороне. В коллекциях калужан встречаются иконы преимущественно XVIII — XIX вв., поэтому на данном материале невозможно проследить эволюцию надписи на оборотной стороне образа. Обратимся к надписям, представляющим для нас интерес в связи с вынесенной в заглавие темой и описанным в разных источниках (2), которые мы собрали вместе с целью проследить, с чего надпись начиналась, а на примере икон, писанных в Калуге и хранящихся здесь же до сегодняшнего дня, посмотрим, к чему это привело.

Моленные, или моление — так назывались иконы, которые сопровождали умерших в монастыри для отпевания и последующего моления за усопших. Они имели характерные надписи на оборотной стороне. Некоторые из них очень кратко сообщают о личности усопшего:

* Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и администрации Калужской области (проект № 03-04-00329а/Ц).

Привезен образ княгине Неониле Дрее Ростовскаго.

Эта надпись сделана полууставом вдоль правого края на обороте иконы XV в. Богоматери Одигитрии. Она означает, что икона была привезена княгиней Неонилой на гробе князя Андрея Ростовского при его погребении в Троицко-Сергиевом монастыре. Или:

Привезен на гробе жене Отяева на Еупраксее.

Эта надпись, сделанная на обороте иконы XV в. Богоматерь Владимирская, сообщает, что икона принадлежала роду Отяевых.

Привезен на княгине Ираиде иноке на князя Данилове.

Данная надпись сделана на подкладке иконы Богоматерь Петровская, что была привезена на гробе второй жены князя Даниила Борисовича Приемкова — Ростовского Параскевеи (в иночестве Ираиды).

Моленные иконы, как правило, оставались в монастырях, они составили основную часть коллекций древней иконописи. Но были иконы, написанные специально для дома. Сопутствуя православному христианину от его рождения до смерти, святая икона имела огромное влияние на дух его во всех обстоятельствах жизни. При рождении в семье младенца в меру его роста писали икону тезоименитого ему святого. Это так называемые *мерные*, или *родимые*, иконы. Вот несколько примеров надписей на обороте мерных икон:

Лета 7090 (1582) марта в 5 день поставила сей образ старица Ефросинья Жулебинна по дочери своей.

Эта надпись с иконы Тихвинской Божией Матери XVI в. Жулебины — люди боярского рода. Еще один из вариантов подобной надписи на мерной иконе. Она сделана на обороте образа Богоматери Владимирской конца XVII в.:

Сергий благословил еси сына своего Девятого образом Прычисты.

Икона, по-видимому, принадлежала клементьевскому пономарю Девятому, вклады которого в Троицкий монастырь записаны во Вкладной книге 1673 г. На обороте иконы XVI в. Богоматерь Корсунская читаем: *Моли Настасея родила сна и на Маскве благословила Пречистой образом.*

О личностях, которые были упомянуты в этих кратких надписях, искусствоведы и историки более полно узнают из уже названных вкладных книг, а также из летописей. Перед родимыми иконами могли молиться за здоровье их владельца и в монастырях, хотя, как правило, родимая икона оставалась в семье. Родители перед кончиною своей благословляют детей той же иконой, какую благословляли их предки. Преимущественно доставаясь старшему в роде, она составляла наследственную святыню. Такая заветная икона бывала посредницей в семейных спорах, обличительницей неправды, сви-

детельницей обетов и условий.

Непредвиденное спасение от угрожавшей напасти, исполнение благих желаний или неожиданное благополучие увековечивались написанием образа во имя того святого, к помощи которого прибегали в молитвах. Эти образа назывались *обетные*. Характерные надписи на оборотной стороне этих икон следующие: *Писана сия стая икона во избавление от падучей болезни.*

Эта надпись сделана на иконе Пантелеймона Целителя в XVIII в. Или:

Лета 7175го (1677) по обещанию стольнику Сергию Савичу Языкову

Лысковец иконописец Тихон Федоровъ сын Штанников.

Эту надпись имеет икона Сергия Радонежского 1677 г. (Троицкая церковь села Новая Шурма).

Начиная с XVII в. духовные власти подносили государям образа на утро царского венчания, по случаю рождения царских детей, на Светлой неделе; митрополитам подносили святые иконы настоятели монастырей, им подвластных. Поскольку *подносные* иконы заказывались только у лучших мастеров и имели небольшие размеры, их сохранилось значительное количество. Надписи на оборотной стороне этих икон обычно содержали информацию о ее владельцах и реже об иконописцах, эти иконы написавших:

7079 (1570) м. сентября 6 день писал образъ при Великом цри Иван Васильевич всея Руси и Козанскам при митрополите Антонии писал Дедъ Сирах (Богоматерь Владимирская XVI в.).

Чаще всего подносные иконы подписывались так:

Молица образу Богдан Михалков, или: Сия икона принадлежала камергеру сенатору Алексею Ивановичу Долгорукову.

Иногда икону вносили как вклад монастырю, если вкладчик принимал в этом монастыре монашество. На иконе XVI в. свт. Николая мы читаем подтверждающую это надпись: *Вклад по сусальнике Иване, в иноцех Игнатии.*

Иногда встречаются довольно оригинальные надписи. Так, на тройной иконе XVIII в. Деисус (с греч. “прошение”, “моление”) с изображением Христа и обращенных к нему Богоматери и Иоанна на оборотной стороне всех трех икон проходит сквозная надпись черной темперой: *В церковь Живоначальная Троицы в селе Останкове поставлены на украшение возмет кто да судится.*

Помимо *охранных*, встречаются надписи нравоучительные:

Всяк надеяиси на тя Христос не погибнет.

На иконе “Неупиваемая чаша” помещается библейская надпись,

призванная оградить от пьянства слабого на хмельное зелье человека: *Не возвратися ко греху своему яко пес возврати на свою блевотину.*

К концу XVIII — началу XIX вв. с появлением многочисленных иконописных артелей и в связи с конвейерным методом написания икон появляются такие “узкие” специалисты, как “личник” — пишуший только лики, “доличник” — пишуший одежды, “травник” — пишуший позем, травы и цветы, “палаточник” — пишуший архитектурные строения. Меняются и надписи на иконах. Теперь чаще всего они содержат непосредственный заказ: *Писати Николу на золоте оклад чеканный.*

Эта надпись на калужской иконе Николая Чудотворца говорит, что на икону требуется чеканный оклад, причем надпись уже не пишется, а царапается гвоздем. На оборотной стороне этой иконы указывается: “Калуга”, (город, где будет выполнен заказ). Оклад на образе серебряный, вместе с пробой на него вынесено клеймо с изображением герба Калуги.

Еще одна из надписей — на иконе “Калужская Божия Матерь” XVIII в.: *Писана икона в 1738 году в селе что на Калужке* — содержит географическую подробность: место написания иконы совпадает с местом явления чудотворной иконы Божией Матери (с. Тиньково). На иконе “Собор калужских святых” (XIX в.) начертано: *Писать Лаврентия Пафнутия Тихона оклад серебряный 10 золотников.* Говоря современным языком, оклад должен был весить приблизительно 30 гр.

В истории иконописания известно такое скорбное явление, как создание икон-“краснушек”, или “подокладок”. Своё название они получили по характерному красному фону и по написанным только рукам и лицам святых, которые видны из-под глухого оклада. На одной из таких “подокладок” Казанской Божией Матери читаем: *Казанская оклад фольга Калуга.*

Это значит, что оклад на иконе самый дешевый, изображение на нем даже не чеканилось, а продавливалось. Это объяснялось и бедностью заказчика, который обращается к ремесленнику-богомазу с просьбой написать икону, и ускоренным методом изготовления, сниженными требованиями к покупаемой иконе.

Подводя итог вышесказанному, заметим, что надписи на иконах могут сказать нам очень многое, если рассматривать их во временном ключе. К сожалению, таких исследований никем не проводилось, но, сравнивая надписи на иконах различных столетий, можно судить даже о такой категории, как духовность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Т.1. М., 1998. С.153.
2. Публикуемые здесь и далее примеры надписей на иконах по следующему изданию: Курбатова А.М. Надписи на произведениях иконописи XIV—XVII вв.: Сообщения Загорского музея. Вып.2. Загорск, 1958.; Леонид, архимандрит (Кавелин). Надписи Троицкой Сергиевой лавры. СПб, 1881; Произведения иконописцев Оружейной палаты Московского Кремля. Из собрания Останкинского дворца-музея. М., 1992.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ КАЛУГИ: ВЫСТАВКИ ТОВАРИЩЕСТВА ПЕРЕДВИЖНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВЫСТАВОК (1899 — 1905 гг.)*

С.И. Личенко,

Калужский областной художественный музей

По истории Товарищества передвижных художественных выставок создан многочисленный корпус искусствоведческих исследований. Отечественное искусствознание с 1980-х гг. достаточно последовательно перешло от акцентирования идеологической сущности и национального своеобразия данного художественного явления к рассмотрению Товарищества передвижных художественных выставок в общеевропейском культурном контексте. Последовательно в искусствоведческой науке укореняются новые методологические и идейные установки, складывается обновленный понятийный аппарат в оценке такого значимого в российском художественном процессе явления, как Товарищество передвижных художественных выставок [1]. Резюмируя комплексные исследования, посвященные передвижничеству как новому типу объединения художников и как определенному стилевому направлению в изобразительном искусстве, именуемому идейным реализмом, представляется необходимым акцентировать следующие теоретические моменты.

Товарищество передвижников как явление художественной жизни в России середины XIX в. соединило в себе, на первый взгляд, несовместимые тенденции: с одной стороны, объединения, с другой — выставочного учреждения. При этом следует иметь в виду, что оно не являло собой некое исключение, а имело аналоги в европейском художественном процессе. Поиски предшественников Товарищества в истории европейской художественной культуры

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и администрации Калужской области. Грант № 03-06-00381 а/Ц.

однозначно приводят нас к братству и салону как формам художественного объединения в XIX в. Характерными примерами являются братство св. Луки — общество назарейцев, возникшее в первое десятилетие XIX в. и имевшее религиозно-романтическую программу, и «прерафаэлиты» — другое братство, программа которого была пронизана утопическим романтизмом и тяготела к духовным проблемам. Но архаичные формы организации и ретроспективные эстетические программы братств, обращенные к идеалам старого искусства, не испорченного в их представлении новой цивилизацией, к середине XIX в. практически изжили себя. На протяжении XIX в. в европейском художественном процессе последовательно происходит разрушение того совокупного художественного явления, которое немцы называют «Gesamtkunstwerk», развивается станковая живопись, формируются совершенно новые принципы «товарного обращения» произведений искусства. Так, последовательно утверждается форма выставочного салона, которая в отличие от братства не требовала идейного единства участников и представляла художникам возможность реализовывать музейно-выставочную функцию. Соединение этих форм — братства и салона, — когда преодолевался эстетический и социальный архаизм братства и идейный индифференцизм салона, привело к появлению в середине XIX в. в европейском культурном процессе таких художественных обществ, которые отдельными чертами напоминали Товарищество. Так, в Германии в 1848 г. было создано общество «Этюдник», а в 1856 г. был организован Союз немецких художников, творчество которых последовательно приобретало обличительный характер. В 1850-е гг. в Чехии на основе главного объединяющего начала — национального интереса — было создано «Объединение художников», а в 1863 г. возникла «Художественная беседа». В Италии в 1860 г. складывается реалистическая школа «Маккьяйоли». Художники, входившие в нее (С. Лега, Д. Фаттори, Т. Синьорини и др.), были связаны с революционным движением Италии, обращались в своем творчестве к явлениям повседневной жизни. В поисках исторических аналогий передвижничеству можно вспомнить и о знаменитом «Павильоне реализма», устроенном художником Курбе на международной выставке 1855 г., он имел явно программный характер и сопровождался декларацией. А в 1861 г. (за два года до «бунта четырнадцати») парижские ученики Школы изящных искусств покидают Академию, объявляют себя учениками Курбе, выступают с призывами создать мастерскую Курбе. Таким образом, возникновение Товарищества передвижных художественных выставок в России

было отнюдь не уникальным, а, скорее, предопределенным и во многом типичным явлением в общем европейском художественном процессе.

Но на российской почве именно Товарищество соединило в себе две тенденции европейской художественной жизни XIX в. «Это была органичная форма разрешения выставочной проблемы, которая так волновала все европейские художественные школы того времени, и это было объединение с определенной программой — совершенно новое по своим установкам, соединившее просветительские задачи с задачами реалистического познания современной жизни с установкой на национальные формы творчества» [2].

Определив специфику передвижничества как общества, следует обратиться к особенностям самого искусства художников-передвижников. Среди живописи других европейских школ живопись передвижников выделяет прежде всего ее критическая направленность. Это собственно то, что сделало возможным именование русского реализма критическим. Следует помнить, что понятие «реализм» применительно к живописи художников-передвижников подразумевает как стилевое направление, так и творческий метод. О сущности реализма как художественного направления и метода, о специфике его укорененности в российском художественном процессе достаточно подробно говорит в своих исследованиях Д. Сарабьянов [3]. Согласно утверждению исследователя, «прямая зависимость этапов развития искусства от этапов социального развития, прямое соответствие социальных проблем проблемам искусства... делали русскую живопись наиболее последовательным выразителем реалистического направления... в пределах русского реализма может быть уложено три этапа развития, которые условно можно было бы назвать поэтическим, обличительным и объективным, — тогда как ни одна другая национальная школа этого не знала» [4]. И если в 1860-е гг. в творчестве художников-передвижников преобладали тенденции обличительного характера, то в следующие десятилетия последовательно шел поиск положительного героя. Эволюция критического реализма как стилевое направление в российском художественном процессе второй половины XIX в. определила новую расстановку жанров в творчестве передвижников: постепенно меняется характер трактовки бытового жанра, более того, он уступает свои позиции исторической картине, портрету, пейзажу. Все эти изменения естественным образом отразились и на характере комплектования и функционирования передвижных выставок, основной формы существования передвижничества. Деятельность То-

варищества передвижных художественных выставок строго регламентировалась уставом. В уставе, утвержденном 2 ноября 1870 г., указывалась цель общества: «устройство с надлежащего разрешения во всех городах империи передвижных художественных выставок, в видах: а) доставления жителям провинций возможности знакомиться с русским искусством и следить за его успехами; б) развития любви к искусству в обществе; и в) облегчения для художников сбыта их произведений». В 1870—1890-е гг. выставки передвижников после Петербурга и Москвы экспонировались во многих провинциальных городах, в частности в Астрахани, Варшаве, Вильне, Воронеже, Елисаветграде, Казани, Киеве, Кишиневе, Курске, Нижнем Новгороде, Новочеркасске, Одессе, Полтаве, Риге, Саратове, Тамбове, Туле, Харькове, Ярославле. Открывшаяся 12 февраля 1899 г. в Калуге в залах Дворянского собрания 26-я выставка Товарищества для калужан была первой. Это было событие, оказавшее значительное влияние на художественную жизнь нашего города, крайне бедной эстетическими удовольствиями, — пишет один из корреспондентов городской хроники в «Калужских губернских ведомостях», — сегодня здесь открывается давно ожидавшаяся художественная выставка картин Товарищества передвижников, только что прибывшая к нам из Киева» [5].

Теме «передвижники на калужской земле» посвящена лишь небольшая статья М.Днепровского, написанная в форме тезисов. Автор ограничивается простой констатацией факта присутствия выставок художников-передвижников в Калуге, перечисляет наиболее известные живописные произведения, упоминает о рецензиях на выставки в «Калужских губернских ведомостях» [6]. Данная работа является лишь частью крупного исследовательского проекта «Художественная жизнь Калуги (1900 — 1990-е гг.)», в котором явления художественной жизни на калужской земле рассматриваются как целостный процесс во взаимосвязи между собой на широком художественном и историческом материале с учетом локальных культурно-исторических традиций. Одним из таких крупных художественных явлений в Калуге и стали выставки Товарищества. Анализируя данную проблему, автор обратился к архивным источникам [7], материалам художественной критики [8], в частности к рецензиям на выставки, помещенным в Калужских губернских ведомостях... В соответствие с этим были изучены художественно-критические обзоры в «КГВ» за 1899, 1901 — 1905 гг., что позволи-

ло точно установить время пребывания выставок передвижников на калужской земле: 26-я выставка работала с 12 по 21 февраля 1899 г., 28-я — с 15 января по 4 февраля 1901 г., 29-я — с 26 января по 3 февраля 1902 г., 30-я — с 23 января по 2 февраля 1903 г., 31-я — с 23 января по 2 февраля 1904 г. и 32-я — с 29 января по 8 февраля 1905 г. Механизм организации и проведения передвижных выставок в провинции был достаточно хорошо разработан в Товариществе. Известно, что об организации выставок в провинции особенно заботился Н.А.Ярошенко. Ему принадлежала идея создания параллельных выставок, способствовавших в какой-то мере расширению зрительской аудитории. Речь идет о том, что, кроме ежегодных выставок, которые Товарищество делало из картин, написанных за последний год, решено было из непроданных картин, по мере их накопления, формировать выставки для посылки их в города, куда ежегодные выставки по недостатку времени не заглядывали. В 1909 г. провинциальные выставки прекратились. В 1903 и в 1913 — 1916 гг. наряду с очередными устраивались «выставки этюдов, рисунков и эскизов». Работа выставок сопровождалась изданием иллюстрированных каталогов. Первоначально издателем иллюстрированных каталогов передвижных выставок был Н.П. Собко, но, начиная с 25-й юбилейной выставки, такие каталоги вплоть до 1911 г. издавал К.А. Фишер. Уполномоченным по устройству выставок в провинции в Товариществе являлся Е.С. Хруслов.

Согласно архивным источникам, инициатива по организации передвижных выставок в Калуге принадлежала в 1899 г. калужскому губернатору А.А. Офросимову [9]. По сложившейся традиции все передвижные выставки Товарищества функционировали в залах Дворянского собрания, что создавало особую значимость и торжественность в их работе. Первая выставка передвижников, посетившая Калугу в 1899 г., прибыла после закрытия из Смоленска. Остальные, работавшие в Калуге с 1901 по 1905 гг., прибывали в Калугу из Киева. Экспозиции выставок разворачивались в изысканном классицистическом архитектурном контексте, и это, несомненно, оказывало особое эстетическое воздействие на посетителей. Распорядителем передвижных выставок Товарищества в Калуге являлся художник И.С.Малинин. Следует отметить также последовательно проводимую в Калужских губернских ведомостях рекламную кампанию о пребывании передвижных выставок на калужской земле. О предстоящей выставке, как правило, сообщалось за две недели до ее организации, затем последовательно шли информации, извещавшие читателей «Ведомостей» обо всех подготовительных работах по проведению выставки,

далее в следующей небольшой статье достаточно подробно описывался вернисаж, сообщались имена художников—членов Товарищества и экспонентов. После открытия выставки обыкновенно в течение месяца в нескольких номерах “Калужских губернских ведомостей” публиковалась достаточно подробная рецензия. Так, работа выставок Товарищества на калужской почве способствовала постепенному формированию местной художественной критики. Наиболее пространные, чрезвычайно подробные рецензии, посвященные 26-й, 28-й, 29-й, 30-й выставкам, были написаны Д.М.Кайсаровым и неизвестным автором, который подписывал свои художественно-критические обзоры “Дилетант”.

Авторы рецензий на выставки передвижников искали «пищу для ума и для сердца» [10], создавая свои критические обзоры. Их статьи, имеющие в наши дни значение живого наследия, написаны в форме очерка-экскурсии (импровизации на определенную тему), которую критика тех лет усиленно эксплуатировала. Но если столичные критики подражали французским эссеистам, то калужские в лучшем случае знали о существовании критического наследия В. Стасова, в частности его программной для демократической критики второй половины XIX в. статьи «Тормозы нового русского искусства» (1885). Их критические импровизации страдают элементарным незнанием терминологии или неправильным ее употреблением, например, когда смешиваются понятия «вид» и «жанр». По своей стилистике они очень напоминают поздние жанровые полотна передвижников, т.е. подробно и детально описывают сюжет, но не более того. И это в лучшем случае, поскольку когда они пытаются обратиться к выразительным средствам живописи, то становятся абсолютно беспомощными, смешивая понятия «цвет», «тон», «колорит». Критические опусы Д. Кайсарова и Дилетанта в “Калужских губернских ведомостях”, при самом доброжелательном отношении, достаточно сложно представить в контексте отечественной критики XIX в., связать с определенной художественно-критической традицией, у истоков которой находится знаменитая статья К.Н.Батюшкова «Прогулка в Академию художеств», появившаяся в 1814 г. в журнале «Сын Отечества». Статья Д.М.Кайсарова «XXYI передвижная выставка картин в Калуге» [11] по форме напоминает обзорную экскурсию по художественной экспозиции. Автор, описывая полотна, переводит читателей из одного зала в другой, подробно описывает сюжеты, пересказывает содержание, сообщает о чувствах, которые вызывает то или иное произведение, указывает в тексте статьи инвентарный номер, под которым оно воспроизводится в каталоге. «Налево от входа в зал, где развеша-

ны на подставках, задрапированных темным коленкором, картины, висит внизу № 167 «На ярмарке» художника Н. Пимоненко, изобразившего живо ярмарочную суету и пеструю малороссийскую толпу с волами, арбузами, кадками и прочими принадлежностями всякой ярмарки». Несколько неожиданными представляются ассоциации, возникшие у автора статьи по поводу отдельных картин с выставки. Так, «дорога в сосновом бору» И.Шишкина очень похожа на нашу дорогу, ведущую в Тихонову Пустынь, а «Лунная ночь» И.Левитана, будто бы рисовавшего с нашего большака, ведущего по горе за Окой по Перемышльскому шоссе». В описании сюжетов, в попытках расшифровать тему произведения автор достаточно состоятелен, его литературные ассоциации выдают человека, ориентирующегося в отечественных изданиях. Так, пытаясь анализировать картину М.Нестерова «Великий постриг», Д.М.Кайсаров в своем воображении переносится в раскольничьи скиты на Иргиз, на Волгу, вспоминает известные романы П.И. Мельникова-Печерского «В лесах», «На горах». Но любые попытки перейти к профессиональному анализу живописного произведения ограничиваются высказываниями такого характера, как “картина, изображающая чудными колоритными тонами” и т.д. Приблизительно в таком же стилистическом ключе написаны критические обзоры по XXVI, XXIX и XXX передвижным выставкам. Теме формирования художественной критики в калужском культурном контексте вполне возможно посвятить отдельное исследование. Работа XXXI и XXXII передвижных выставок в Калуге совпала с началом в 1904 г. русско-японской войны и развитием в 1905 г. революционного движения. Калужские губернские ведомости еще давали краткую информацию об открытии выставок, но подробные художественно-критические обзоры уже отсутствовали.

На калужской земле выставки передвижников пользовались успехом. Они достаточно хорошо посещались, о чем не преминули сообщить калужские корреспонденты: «выставка передвижников привлекла внимание и симпатии публики и посещается очень хорошо» [12]. Завершая обзор XXIX выставки, автор сообщает, что «интерес к художественным выставкам картин передвижников, судя по сравнению цифровых данных, у нас продолжает расти неослабленно» [13]. Как правило, выставки работали в течение десяти дней, их посещало от полутора до двух тысяч человек, главным образом это была калужская интеллигенция и учащаяся молодежь.

Значение выставок художников-передвижников для художествен-

ной жизни Калуги трудно переоценить. Провинциальные зрители познакомились с подлинными произведениями, в которых отразилось сложное многообразие реалистических тенденций в русском изобразительном искусстве 1900-х гг. и судьба отечественной живописи в целом. Уже на передвижной выставке 1899 г. калужане увидели полотна кисти И.Е. Репина, М.В. Нестерова, В.Д. Поленова, А.Е. Архипова, Н.А. Касаткина, Н.Н. Дубовского, И.И. Шишкина, Н.А. Ярошенко, И.И. Левитана и др. Экспозиции выставок были чрезвычайно разнообразны как в жанровом, так и в стилевом отношении: глубинные по своей реалистической значимости портреты кисти И.Е. Репина, его блистательные этюды к картине «Заседание Государственного совета», преисполненные яркой обличительной силой бытовые полотна А.Е. Архипова («Прачка») и Н.А. Касаткина («Жена заводского рабочего») и откровенно сентиментальные, трогательные по своим сюжетам картины кисти Э.Я. Шанкс, П.А. Нилуса, М.И. Игнатьева, восхищающие своим мастерством в передаче шелка и бархата салонные портреты Н.К. Бодаревского соединялись в экспозиционном пространстве. В столь коротком исследовании нет возможности, а впрочем и необходимости, перечислять все произведения художников, которые были представлены в Калуге. Как уже отмечалось ранее, по каждой передвижной выставке издавались иллюстрированные каталоги, которые могут предоставить нужную информацию по данному вопросу. Явление выставок передвижников на калужской земле во многом предопределило развитие культурной жизни региона и, в частности, создание в 1909 г. Калужского художественного кружка. Но это уже отдельная тема для изучения. В целом необходимо отметить, что исследование региональных художественных процессов является одним из приоритетных направлений современного искусствознания в связи с разработкой научной концепции и созданием новой истории отечественного изобразительного искусства [14].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробную библиографию о ТПХВ см.: Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820–1932). Петербург, 1992. С.298–304. Товарищество передвижных художественных выставок. 1869 — 1899: Письма, документы. М., 1987.
2. Сарабьянов Д. Русская реалистическая живопись второй половины XIX в. и ее роль в европейском искусстве // Русская живопись XIX в. среди европейских школ: Опыт сравнительного исследования. М., 1980. С.114.
3. Сарабьянов Д. Реализм в русской и западноевропейской живописи. М., 1980.
4. Сарабьянов Д. Русская реалистическая живопись второй половины

XIX в. и ее роль в европейском искусстве. М., С.118

5. ГАКО, ф.Р-521. оп. 1. ед. хр. 92. Л. 34.

6. Днепровский М.М. Калуга и передвижники // Третья (юбилейная) краеведческая конференция Калужской области. 26–28 мая 1972 г.: Тезисы докладов. Калуга-Обнинск. 1971. С.17–19.

7. ГАКО. ФР-521. оп. 1. ед. хр. 25, 33, 30, 92.

8. Кайсаров Д.М. XXУ1 передвижная выставка картин в Калуге // Калужские губернские ведомости. 1899. № 19, 20, 24; Дилетант. Обзорение XXIX передвижной художественной выставки картин // Калужские губернские ведомости, 1902. № 14, 16, 17, 19, 20; Дилетант. Обзорение XXX передвижной выставки картин // Калужские губернские ведомости, 1903. № 11, 14, 18, 20, 22, 23.

9. С — в В.И. Еще о передвижной выставке картин // Калужские губернские ведомости. 1899. № 24.

10. Батюшков К.Н. Сочинения. М., 1955. С.337.

11. Кайсаров Д.М. XXУ1 передвижная выставка картин в Калуге // Калужские губернские ведомости. 1899. № 19, 20, 24.

12. ГАКО, ф.Р-521. оп. 1. ед. хр. 92. Л.35.

13. Калужские губернские ведомости. 1902. № 24.

14. Проблемы создания новой истории изобразительного искусства активно обсуждаются ведущими искусствоведами на страницах сборников «Вопросы искусствознания» 4/94, 1–2 / 95, «Искусствознание», 1 / 02.

ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ ЗОТОВ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

По воспоминаниям современников

Т.Н. Белова,

*Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского*

Хронологически семидесятилетний период коммунистической власти, конечно, входит в историю России, но по своему содержанию он является выпадением из нее, разрывом традиций. И особенно это справедливо по отношению к культуре. Разумеется, это не было какими-то издержками революции. Большевики боролись с подлинной культурой целенаправленно, чему можно привести много примеров. Но достаточно сослаться на страшное заявление Троцкого. Он второй человек в государстве, предварил Пол-Пота, предлагая в начале 20-х гг. ни больше ни меньше как тотальную ликвидацию интеллигенции, хотя при этом и говорил о больших издержках, так как погибнут и очень нужные власти специалисты, которых придется за золото выписывать из-за гра

ницы. Известны и многочисленные аналогичные заявления относительно интеллигенции самого В.И. Ленина. Большевики действовали достаточно успешно. Ведущие ученые, философы и писатели были высланы из страны на знаменитом философском пароходе (и таких пароходов и поездов было несколько). Многие покинули Россию сами. Оставшимся был предоставлен выбор: уйти во внутреннюю эмиграцию или стать прислужниками власти. Впрочем, вскоре власть создала третью судьбу — погибнуть в концлагерях. Конечно, по своим внешним формам культура не умирала. Могло даже показаться, что она стала пышно процветать: издавались многочисленные произведения классиков (конечно, с выбором), ставились оперы и балеты и т.д. Но за этим фасадом происходило умирание самого духа культуры и перерождение ее носителей, начиная с самого высшего слоя — мыслителей и творцов — и до рядовых школьных учителей. Происходило уничтожение замечательного социально-культурного явления — русской интеллигенции.

Когда в первые перестроечные годы был поставлен вопрос, сохранились ли еще в России подлинные интеллигенты, то ответы звучали очень печально. Было названо лишь несколько имен, причем все это были жители Москвы и Петербурга. Обычно в их число включались Лихачев, Сахаров, Лотман, Аверинцев и некоторые другие. Теперь почти все они ушли из жизни. Если так обстояло дело в столице, то что приходится думать о провинции? Наверное, там уже совершенно прервалась культурная традиция? Но все же и провинция имела истинных интеллигентов, хотя и не с такими громкими именами. Когда мы ставим подобный вопрос по отношению к Калуге, то сразу же можно назвать такого человека — это Владимир Семенович Зотов. Он был главным хранителем фондов Калужского музея истории космонавтики им. К.Э. Циолковского, стоял у самых истоков его создания. Устные воспоминания современников и небольшая литература создают яркий и убедительный образ.

Начну с воспоминания В.В. Катагощина — работника калужского архива, хорошо помнящего Владимира Семеновича. Они были знакомы лично и вели между собой доверительные разговоры. Их знакомство произошло в 1966 г., то есть в годы, когда начал формироваться унылый советский застой. Катагощин только начинал работать в Калужском областном архиве, но сразу же постарался оглядеться в Калуге, найти интересных людей. И вот в комнату, где он работал, вошел человек лет шестидесяти, поразивший его своей

особостью, совершенно не вписывающейся в советскую стилистику. Его лицо было очень простым и одновременно одухотворенно-интеллигентным. Одет он был также довольно просто, но в то же время и выдержанно, а жест, которым вошедший снял свою шляпу, убедительней, чем иные слова, свидетельствовал, что он “вошел в комнату прямо из старой дооктябрьской России”. Это и был Владимир Семенович Зотов. Из других воспоминаний можно добавить, что он был почти высокого роста, стройный, сухощавый, подтянутый, с аристократическим, очень русским обликом, хотя он не был аристократом по происхождению. У него были выразительные глаза серо-стального цвета; костюм его также был серого цвета и хорошо гармонировал с галстуком, без которого никто из хорошо знавших Зотова не мог его представить. Как можно судить из различных воспоминаний, внутренний мир Владимира Семеновича вполне соответствовал его внешнему облику.

Сначала хочу дать краткую биографическую справку. Владимир Семенович родился в 1904 г., был одним из видных деятелей движения бойскаутов, к которому коммунисты относились, естественно, очень враждебно. Ведь бойскауты были политически нейтральны, а значит, коммунисты рассматривали их как врагов: по принципу “кто не с нами, тот против нас”. Ведь какие бы тактические принципы коммунисты ни провозглашали, руководствовались они всегда именно этим. Тем более что в бойскаутах культивировались энергия, мужество и честность, да и корни движения были зарубежными. Так что это, как не опасные вражеские кадры? Естественно, что уже в конце нэпа их начали жестоко преследовать, а их лидеров ссылать и сажать. Был репрессирован и молодой Владимир Семенович, который жил тогда в Москве. 1925 — 1929 гг. — Соловки, потом ссылка в Ишим до 1932 г. К счастью, это было еще до эры “большого террора”, хотя режим мест заключения и тогда был страшно, унизительно жесток, но все-таки ему было далеко до уровня второй половины 30-х гг.

После отбытия ссылки ему предложили выбрать себе город для жительства. Владимир Семенович выбрал Калугу. Почему? Во-первых, у него были здесь родственники. Вторая причина связана с его мировоззрением, о котором будет сказано далее. В Калуге в 1920-е гг. кипела теософская жизнь, издавалась соответствующая литература.

В 1958 г. он пришел работать в дом-музей Циолковского, после создания музея истории космонавтики перешел в него. Ему принадлежала главная роль в разработке тематико-экспозиционных планов

и оформлении стендов. Владимир Семенович был также и художником. Став пенсионером, Владимир Семенович не потерял интереса к музею. Он посещал музей и продолжал участвовать в его работе.

Теперь немного о том, какой образ Владимир Семенович оставил у калужан, с воспоминаниями которых мне довелось познакомиться.

Следует сказать, что мне не пришлось встретить человека, который отзывался бы о Владимире Семеновиче без симпатии. Все отмечают в нем интересные, положительно характеризующие его черты. Как работник он был исключительно аккуратен, исполнен чувства долга в отношении своих обязанностей. Он не только пунктуально посвящал все свое служебное время работе, он и дома приводил в порядок, подписывал и систематизировал документы, вел обширную переписку. В отношении своих корреспондентов он был исключительно внимателен. Он не оставлял без ответа ни одно письмо, ни одну просьбу, даже просьбы детей, просивших погасить их марки, которые приобрели ценность, когда космонавтика стала окружаться ореолом славы. Очень трогательно, что до последних дней жизни он продолжал заботиться о своих корреспондентах, передав свою переписку с ними работнице музея Л.А. Кутузовой. Хорошо знавшие Зотова отмечают его широкий кругозор и всестороннюю эрудицию. Он обладал большой, прекрасно подобранной библиотекой, главным образом из дореволюционных авторов. Он был человеком с большим чувством юмора, умеющим рассказывать остроумные анекдоты.

Теперь немного о мировоззрении Владимира Семеновича, которое можно считать достаточно оригинальным. Совсем кратко сам Владимир Семенович охарактеризовал его так: «Может быть мировоззрение материалистическое, может быть — религиозное, а может быть — мистическое, на котором я и стою». Это не нужно понимать так, что Владимир Семенович стоял вне религии. Конечно, он верил в Бога, но его религиозная установка не была ортодоксальной, почему он и выделил ее как особый тип — мистический. Как-то раз его спросили, верит ли он в существование дьявола. «Я не верю, я знаю, что он существует», — ответил Владимир Семенович тоном человека, получившего такое знание через личный опыт. Складывается впечатление, что здесь уместно говорить об очень своеобразной мистической антропософии.

Что представляла из себя его общественно-политическая позиция? Суммируя имеющиеся в нашем распоряжении сведения, можно ее охарактеризовать так: Владимир Семенович, будучи русским

интеллигентом и гуманистом, был, конечно, глубоко чужд коммунистическому режиму, к тому же он испытал и на себе все его «прелести». Вместе с тем, он воспринимал его как нечто столь прочное, что всякая внешняя борьба с ним казалась ему безнадежной и потому неоправданной. Он считал, что в этих условиях жить надо так — замаскироваться и под этой маской хранить культуру. В смысле маскировки он считал допустимым идти очень далеко. Так, он с улыбкой симпатии рассказывал об одном своем знакомом, который даже выучился говорить и писать с ошибками, чтобы походить на советского плебея и прикрыть свою интеллигентность. Зотов вполне разрешал себе и словесные выражения лояльности, поскольку она позволяла исполнять культурную миссию в советских условиях. Его любимым изречением были слова: «Сейте в любую погоду».

Но в принципиальных вопросах он считал своим долгом отступать от привычной осторожности. Это проявилось, например, в таком эпизоде. В Калужской областной библиотеке происходила встреча читателей с писателями Федоровым и Жариковым. Последний (связанный ранними годами с Калугой) в своих романах «Повесть о суровом друге» и «Судьба Илюши Барабанова» в «сверхидейном» тоне прославил, в частности, дела пионерской калужской организации. Все это была сплошная неправда. И еще один штрих к облику Жарикова. Он в это время был выдвинут на премию Ленинского комсомола и опасался отрицательных отзывов о своих произведениях, а какой-то читатель из Калуги направил такой отзыв в Москву. И вот приходит в библиотеку письмо Жарикова с просьбой выяснить, не является ли его критик сыном священника, так как фамилия его была подходящая — Воскресенский, что могло бы его критику соответствующим образом истолковать. И нельзя ли о нем выяснить, чего-либо компрометирующего. Человеческий образ писателя, который мог обратиться с подобной просьбой, думаю, ясен без дальнейших комментариев.

Владимир Семенович весь кипел от негодования, слушая рассказы Жарикова о славных деяниях калужской пионерской организации. Но самообладания не потерял и великолепно посадил Жарикова в калошу. «Вы очень интересно все рассказываете, — сказал он, подойдя к столу, где сидели писатели, — но в это время пионерской организации в Калуге вообще не существовало, и все сказанное относится не к пионерам, а к бойскаутам». О, как Жариков испугался! Ведь в такой важный, «предпремиальный» момент он

был уличен в явной лжи, и это могло, пожалуй, еще быть зафиксировано в каком-нибудь документе. Он просто залебезил перед Владимиром Семеновичем, просил его помочь и пригласил в ресторан. Но Владимир Семенович это предложение, естественно, отвел. Какое было в этом эпизоде сопоставление двух людей: известного советского писателя (премию он потом все-таки получил) и мало кому известного Зотова из Калуги.

Наверное, нельзя не коснуться и отношения Владимира Семеновича к Циолковскому, с которым он был знаком лично. Знакомство началось с того, что, прочитав “Монизм вселенной” Циолковского, Зотов, с одной стороны, почувствовав что-то себе близкое, с другой стороны, со многим не мог согласиться. Он написал автору письмо. Циолковский заинтересовался и пригласил его к себе. Этот визит был не единственным. Их сближение могло произойти только потому что Циолковский, вопреки тому, что о нем говорили в советское время, никаким материалистом, конечно, не был. Далеким от материализма рисует его и философская энциклопедия. Об этом свидетельствуют и философские брошюры Циолковского, которые он печатал и раздавал, несмотря на запрет властей, считая их своим самым ценным наследством. Разумеется, и коммунистом Циолковский также не был. Писателю и литературоведу Н.В. Богословскому он даже сказал: “Как я их ненавижу!” Кстати, стоит упомянуть, что его знаменитое, опубликованное в газетах письмо, где он выступает в качестве преданного друга коммунистической власти, по словам Зотова, возможно — фальшивка. Оно появилось, когда Циолковский был уже при смерти, а подлинник обнаружить не удалось.

В заключение приведу оценку В.С. Зотова, которую дает Симон Шноль в книге “Герои и злодеи русской науки” (М., 1997.): “Такие люди могли бы составить славу русской науки, но попали под жернова пролетарской революции”.

Россия переживает тяжелое время, но все же мы чаем ее возрождения. И связываем это с надеждой на восстановление культурной традиции дореволюционной России, которая сохранялась даже и в провинции в таких людях, как калужанин Владимир Семенович Зотов.

Источником для работы послужили устные воспоминания архивистов В.В. Катагощина, К.М. Спасской, Л.И. Сапожниковой, Л.Н. Авдеевой; сотрудников Калужского музея истории космонавтики, в первую очередь Л.А. Кутузовой, Л.Т. Энгельгард и дочери В.С. Зотова — Е.В. Зотовой.

Была просмотрена переписка В.С. Зотова с частными корреспондентами, в том числе хранящаяся в Государственном областном архиве.

О ВЕРОЯТНОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОСОБЕННОСТИ КАЛУЖСКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВЫШИВКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.*

Н.Ш. Насырова,

А.К. Станюкович, д.и.н.,

Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей

В 2001 г. у жительницы г. Калуги Елизаветы Павловны Алиевой сотрудниками Звенигородского музея была приобретена коллекция произведений текстильного искусства, выполненных ее матерью, Пелагеей Михайловной Перышкиной (1907 — 1998) из д. Машковичи Лихвинского уезда Калужской губернии (ныне — Суворовский р-н Тульской обл.). По словам владелицы, “мать эти предметы сама ткала и вышивала”. Некоторые холсты, впрочем, могли быть сотканы еще бабушкой владелицы.

Коллекция состоит из 15 предметов и включает шесть полотенец, вышитых цветными нитями, и одно полотенце, вышитое “по вырези”, четыре тканых скатерти с кружевными прошвами, два вязаных подзора и кружевную прошву. Весь комплекс может быть датирован временем от рубежа XIX — XX вв. (некоторые холсты) до 70-х гг. XX в. (полотенце, вышитое гладью).

Калужским вышитым полотенцам и их роли в крестьянской жизни ранее был посвящен цикл работ С.И. Личенко (1989, 1990, 1991, 1995, 1999). Вышивка на полотенцах, наряду с другими видами крестьянского женского рукоделия, рассмотрена также в работе А.Ш. Строк (1995). Авторы перечисленных публикаций рассматривают в первую очередь памятники XIX в. с традиционной техникой вышивки (перевить, филе) и архаичными орнаментальными композициями. В произведениях конца XIX — первой половины XX вв. применялись уже иные техники вышивки (крест, двойной “болгарский” крест и др.), пришедшие в русскую деревню под влиянием городской культуры. Орнаментальные моти

* Авторы выражают благодарность В.М. Жигулевой (Сергиев Посад), В.А. Ткаченко и Л.И. Федоровой (Калуга) за сведения о народных названиях элементов вышивок.

вы заимствовались мастерицами из приложений к журналам “Родина”, “Нива”, “Новый русский базар” (Бадяева Т.А., 1983), листов с образцами, распространяемых парфюмерными и кондитерскими фирмами, в частности Брокер и К°, Сиу и К°, а в советское время — из журналов “Крестьянка” и “Работница”. Вплоть до последнего времени подобные вышивки было принято считать проявлением деградации народной культуры под влиянием культуры “буржуазной”, и они не привлекали внимания исследователей. В частности, крупнейший советский этнограф Г.С. Маслова сетовала, что “в народную среду проникают безвкусные трафаретные узоры, служившие приложением к мылу Брокер и К°. Этими грубыми, чуждыми народному вкусу образцами торговцы и промышленники в целях наживы наполняли деревенский рынок. Однако такие антихудожественные “произведения” не получили большого распространения в народном искусстве” (Маслова Г.С., 1951. С. 111).

В последние годы стало ясно, что такие произведения вовсе не являются безвкусными, а основаны на подлинных народных мотивах, переосмысленных и формализованных лучшими городскими художниками, и в первой половине XX в., напротив, получили самое широкое распространение в русской деревне. При этом “городские” мотивы, как это было уже много раз в русском традиционном искусстве (Бусева-Давыдова И.Л., 1998), были еще раз переосмыслены народными мастерицами и составили новый специфический пласт народной культуры, впрочем отчасти снивелировавший ранее существовавшие региональные особенности (Бадяева Т.А., 1983. С. 93).

Известно, что в Калужском крае традиционные приемы вышивки по сетке начиная с 1920-х гг. стали активно вытесняться вышивкой крестом по счету нитей, затем по канве (Строк А.Ш., 1995. С. 62), а с 1930-х — 1940-х гг. — гладью. Художественную ценность произведений позднего культурного пласта первой половины В.Н.Фридрихс, собравшая представительную коллекцию полотенцев, вышитых крестом, и опубликовавшая наиболее интересные из них (Фридрихс В.Н., 1997). Наша работа как бы продолжает ее публикацию и посвящена шести полотенцам П.М.Перышкиной, на которых имеется вышивка цветными нитями:

1. Полотенце размером 218 x 39 см из домотканого небеленого полотна тонкой выработки. Полотно, возможно, соткано в конце XIX — начале XX вв. На концах полотенца гладью (нить мулине, хлопчатобумажная нить, красный, желтый, сиреневый, салатный,

светло-зеленый, изумрудный цвета) вышиты анютины глазки с листьями (рис. 1.1). По мнению В.М.Жигулевой, рисунок заимствован из журнала “Крестьянка” 1960-х — 1970-х гг. Концы украшены вязанным фестончатым кружевом-краем.

2. Полотенце размером 204 x 36,5 см из домотканого небеленого полотна. На концах в технике двойной (“болгарский”) крест вышиты геометризированные побеги виноградной лозы с гроздьями винограда, листьями и усам (рис. 1.2). Вышивка плотная, в несколько хлопчатобумажных нитей розового и черного цветов. Орнамент городской, называвшийся в крестьянской среде “винограды”. Концы украшены вязанным фестончатым кружевом-краем.

3. Полотенце размером 280 x 36 см из небеленого домотканого полотна тонкой выработки. На концах — двухъярусная композиция (рис. 1.3).

1-й ярус (сверху вниз). С небольшим смещением от центра вправо расположены два изолированных друг от друга вертикальных побега с усам и листьями по бокам и виноградными гроздьями с усам.

2-й ярус представляет собой побегок в ширину полотенца из таких же, но несколько больших размеров и расположенных горизонтально побегов с листьями, усам и гроздьями.

Техника исполнения — вышивка крестом сначала белой хлопчатобумажной нитью, а поверх — цветными хлопчатобумажными нитями (для придания объема, как в технике золотного шитья). Виноградные грозди бледно-розового, светло-бордового и ультрамаринового цветов, усы красного и бледно-бирюзового цветов, листья красные. Применены красная нить кроше (туго крученая, плотная), а также бледно-бирюзовая и ультрамариновая нить — мерсеризованное (с блеском) мулине.

Концы полотенца украшены фестончатым кружевом-краем фабричного производства.

4. Полотенце размером 280 x 38 см из небеленого домотканого полотна тонкой выработки с четырехъярусной вышивкой крестом хлопчатобумажными нитями кроше на концах (рис. 1.4).

1-й ярус (сверху вниз). На небольшом расстоянии друг от друга помещены три небольших вертикальных побега с тремя цветами и мелкими листочками. Листья и сердцевинки цветков черные, цветы — красные.

2-й ярус. Горизонтальная гирлянда в ширину полотенца из геометризированных побегов с тремя красными цветками (сердцевинки не вышиты) и маленькими черными листочками, чередующимися

с зубчатыми листьями черного цвета.

3-й ярус. На небольшом расстоянии друг от друга помещены три небольших вертикальных побега с “корнями”, боковыми листьями и бутонами и раскрывшимися цветками на вершинах. Листья и бутоны черные, цветы — красные. У верхних цветков сердцевины вышиты не полностью. Листья в форме многоугольников, середины также оставлены невышитыми.

4-й ярус. Горизонтальный растительный побегок в ширину полотенца, состоящий из повторяющихся веток с раскрывшимся большим цветком на конце, двумя листьями, крестообразной фигурой (стилизованным цветком?) и гроздью из трех ягод. Большие цветки красные, все остальные элементы — черные.

Концы полотенца украшены фабричным фестончатым кружевом-краем.

5. Полотенце размером 280 x 36 см из отбеленного домотканого полотна тонкой выработки с двухъярусной вышивкой крестом хлопчатобумажными нитями кроше на концах (рис. 1.5.).

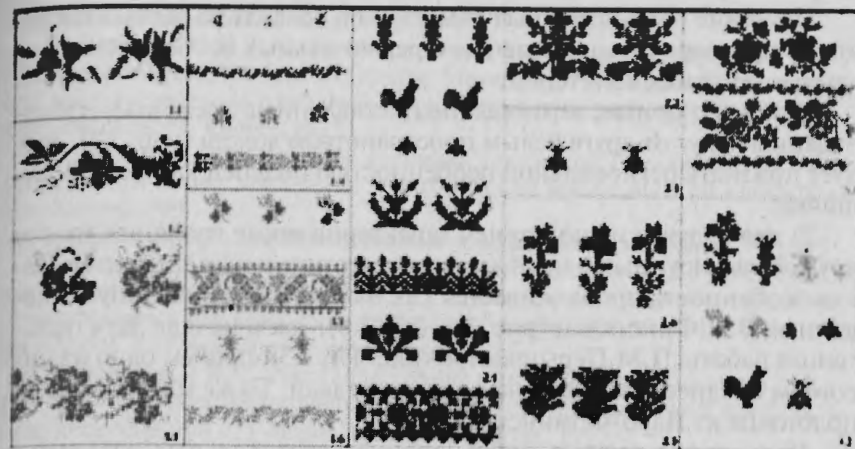
1-й ярус. На небольшом расстоянии друг от друга помещены три небольших, слегка наклоненных влево побега виноградской лозы с гроздьями ягод на вершинах и двумя листьями по бокам. Ягоды красные, листья черные с красными прожилками.

2-й ярус. Горизонтальная полоса в ширину полотенца. Сложный растительный побегок, состоящий из геометризованных крестообразных фигур, побегов виноградской лозы с гроздьями ягод (народное название “винограды”), заключен между двумя сплошными линиями, на которых расположены часто поставленные небольшие геометризованные цветки с листьями (народное название “хоровод”). На верхней линии они обращены вверх, на нижней — вниз. Гамма вышивки — красно-черная.

6. Полотенце размером 280 x 36 см из отбеленного домотканого полотна тонкой выработки. На концах двухъярусная вышивка (рис. 1.6).

1-й ярус. Инициалы А М М (на обоих концах), вышитые красными нитками кроше тамбурным швом. Между буквами расположены два вышитых сложным крестом вертикальных побега с большими геометризованными цветками на вершинах и небольшими, схематично показанными листочками (листья черные, цветок красный). Побеги напоминают вышивку 1-го яруса полотенца № 4.

2-й ярус. Горизонтальная гирлянда в ширину полотенца из геометризованных побегов с тремя красными цветками (сердцевинки не вышиты) и маленькими черными листочками, чередующимися

с зубчатыми листьями черного цвета. Композиция схожа с 2-м ярусом вышивки на полотенце № 4, но имеет несколько большие размеры и более геометризована.

Концы полотенца украшены вязаным фестончатым кружевом-краем.

При внимательном рассмотрении вышитых композиций на трех последних полотенцах (рис. 1.4–1.6) хорошо заметно, что они имеют общие элементы — миниатюрные (по сравнению с шириной полотенца) процветшие побеги, изолированные друг от друга и поставленные вертикально. При отсутствии сравнительного материала эту их особенность можно было бы считать индивидуальным почерком мастерицы, но такие же или близкие им элементы имеются и на полотенцах из Перемышльского района, опубликованных В.Н.Фридгельм. Там это или процветшие побеги небольшого размера (рис. 2.1; 2.4), или изображения петушков или жуков (рис. 2.1; 2.3), или несколько более крупные побеги, или вазоны с цветами (рис. 2.1; 2.2; 2.5), но во всех случаях они вертикальны и отделены друг от друга белым полем холста.

Просмотр имеющейся в нашем распоряжении коллекции поздних полотенцев (около 100 единиц) из других районов России позволил выявить всего одно полотенце со сходным изображением. Оно происходит из калужско-московского пограничья, из г. Наро-Фоминска (рис. 3.1), и на нем вышита четырехъярусная композиция, верхний ярус которой состоит из двух отдельных процветших побегов, между которыми помещен миниатюрный вертикальный процветший побег, почти такой же, как на калужских полотенцах.

Изучение рассмотренных памятников позволило сделать следующие предварительные выводы о региональных особенностях поздних калужских полотенец:

1) миниатюрные, вертикально поставленные элементы, изолированные друг от друга белым пространством холста (рис. 3.2), следует признать региональной особенностью поздней калужской вышивки;

2) для калужских полотенец характерна также изоляция друг от друга более крупных и не обязательно вертикальных элементов. Такая особенность прослеживается как на произведениях, опубликованных В.Н.Фридгельм (рис. 2.1; 2.2; 2.5), так и на еще двух полотенцах работы П.М.Перышкиной (рис. 1.1; 1.3), причем одно из них совсем позднее и выполнено в технике глади. То же мы видим и на полотенце из Наро-Фоминска (рис. 3.1);

3) изоляция друг от друга крупных вертикальных элементов встречается и в других среднерусских регионах, но в порядке исключения. В нашем собрании имеется полотенце из Владимирской области, на котором вышита трехчастная композиция из крупных изолированных вертикальных побегов с ягодами. Другое полотенце происходит из Костромской области. На нем вышита трехчастная композиция из крупных изолированных вертикальных процветших побегов.

Дальнейшее изучение материалов из Калуги и окрестных территорий покажет, насколько эти выводы справедливы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадяева Т.А. Тенденции развития крестьянской вышивки и особенности искусства строчевышивальных промыслов 2-й половины XIX — начала XX вв. // Русские художественные промыслы XIX — XX вв. и город. Социальные основы искусства: Сборник научных трудов НИИХП. М., 1983.
2. Бусева-Давыдова И.Л. К проблеме народности искусства Древней Руси // Русское народное искусство: Сообщения СПГИХМЗ, 1996. М., 1998.
3. Личенко С.И. Орнамент калужской народной вышивки как историко-этнографический источник // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1989.
4. Личенко С.И. Орнамент калужской народной вышивки // Пятая краеведческая конференция Калужской области: Тезисы докладов. Обнинск, 1990.
5. Личенко С.И. Происхождение, семантика и трансформация орнаментальных мотивов в народном искусстве Калужского края // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: Тезисы докладов 4-й историко-архитектурной конференции. Калуга, 1991.
6. Личенко С.И. Кружевоплетение в Калужской губернии: Сборник

Калужского художественного музея. Вып. I. Ч. 2. Калуга, 1993.

7. Личенко С.И. Орнаментированное полотенце в народном быту Калужского края // Родная старина: Материалы 1-й научно-практической конференции по проблемам сохранения и развития фольклора Калужской области. Калуга, 1995.

8. Личенко С.И. Народная вышивка калужской Гамаюнщины // Калуга в шести веках: Материалы 2-й городской краеведческой конференции. Калуга, 1999.

9. Маслова Г.С. Народный орнамент верхневолжских карел. М., 1951.

10. Строк А.Ш. Основные виды крестьянского женского рукоделия в ряде районов Калужской области // Родная старина: Материалы 1-й научно-практической конференции по проблемам сохранения и развития фольклора Калужской области. Калуга, 1995.

11. Фридгельм В.Н. Русская народная вышивка: новые находки // Калуга в шести веках: Материалы 1-й городской краеведческой конференции, посвященной 625-летию г. Калуги. Калуга, 1997.

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В КАЛУГЕ И НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ

*Н.Л.М. Акуленко, к.ф.н.,
Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского*

В последние годы в связи с резкой переменой общественно-политической обстановки произошло значительное изменение условий функционирования русского языка, в результате чего складывается новая языковая ситуация как в стране в целом, так и в Калуге, в частности. Современный период развития общества характеризуется резким падением языковой грамотности, расшатыванием нормы, значительным уменьшением объема словаря “среднего человека”, примитивизмом и приблизительностью в выражении мыслей, обеднением и обезличением речевых средств выразительности, антигуманным стилем как межличностного, так и публичного общения, частотностью неадекватного речевого поведения в той или другой ситуации. Менталитет коммуникантов характеризуется публицистичностью, что проявляется в доминировании оценочно-прагматической языковой функции и в размывании границ между официальным общением и общением непубличным, личным. Наиболее ярко это проявляется в броской оценочности и в диалогичности, которые отличают оформление многих речевых жанров.

В речи калужан активно создаются и используются дискурсы малых форм: анекдоты, народно-литературные афоризмы, остроты,

многие из которых обладают имплицативным смыслом, но особенно влияет на массовое языковое сознание реклама, которая путем многократного повторения формирует новую систему материальных ценностей и утверждает агрессивно-императивный стиль общения (см. образцы калужских рекламных текстов: “Отличное предложение от Pampers! Приобретая детские подгузники от Памперс, вы заботитесь о своем малыше”; “Вы уже слышаны о Шатурской мебели? Теперь запишите адрес”; “Соскучились по лету? Тогда вам надо к нам”; “Создай свой климат!”; “Элитные окна и двери — у нас!”; “Деньги не пропадут! С нами удобно” и т.д.).

Многие лингвисты с тревогой пишут об англоязычной языковой интервенции, которая является следствием процесса тотальной американизации не только экономики, но и культуры. Варваризация русской речи настолько очевидна, что, протестуя против засорения языка заимствованиями, его с иронией называют интеррусским языком или англо-русским сленгом (русанглом), а коммуникативно не оправданные заимствованные элементы или искусственно созданные иноязычные подобию — “холуизмами” (см. названия калужских фирм: салон связи “MDM mobile”, туристические фирмы “Натали Трэвел” и “Эксель Вояж”, торговый дом “Кимберлит”, деревообрабатывающая компания “НьюТон”, фирмы “Фико”, “Соланд”, “Лана Сервис”, магазин “Maxim”, мебельные системы “Mr. DooRS” и т.д.).

Буквально за несколько лет сформировался на базе английского языка профессиональный компьютерный жаргон, носителем которого является в первую очередь молодежь. В полном соответствии с классическим определением Й.О.Х. Есперсена, назвавшего жаргон коллективной игрой молодежи, компьютерный жаргон является неким социальным паролем и средством экспрессивного самовыражения, а основной его особенностью становятся игровые приемы формирования большинства единиц. Осуществляется процесс наложения русской и английской языковых систем, и в результате интерференции, с разной степенью интенсивности, охватывающей разные уровни языка, возникают гибридные образования, которые активно вытесняют прямые заимствования:

а) на фонетическом уровне: Basic — бейсик — Васик; game — гейм — гама; hacker — хацкер; setup — сетуп и т.д.;

б) в области словообразования: сетапить, аппликуха, компик, сканернуть, гиг и т.д.;

в) грамматическое освоение: склонение заимствованных слов (интернет, - а, - у, - ом, - е);

г) семантическое освоение: каламбурное сближение английского слова с семантически не связанным с ним русским словом (area — ария; device — девица; OS|2 — ос пополам; button — батон) или юмористическое калькирование (Windows — окошки; interface — междумордие).

Как остроумно заметила Л.Л. Федорова, в данном случае компьютерный английский подъязык попал в сети русского языка.

Не только в обиходно-бытовой речи, но и в речи официальной, в средствах массовой информации, в публицистике, в авторской речи художественных произведений значительно активизировались элементы городского просторечия, что по-разному оценивается лингвистами — это наглядно продемонстрировали бурные дискуссии, состоявшиеся на Международном конгрессе русистов-исследователей “Русский язык: исторические судьбы и современность” (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 13–16 марта 2001 г.). Одни ученые рассматривают данное явление как тотальную пауперизацию языка, как “болезнь”, с которой необходимо вести последовательную и непримиримую борьбу, так как ставится вопрос о самом существовании нации как субъекта русского литературного языка, ибо язык нации формирует её самосознание. Другие полагают, что идет позитивный процесс обогащения и развития языка, поскольку исчезла цензура, состав участников массовой коммуникации значительно расширился и общение демократизировалось, речь стала спонтанной, более раскованной, непринужденной, открытой. В любом случае, несомненно одно: современное просторечье представляет собой некую новую языковую реальность, которую требуется всесторонне проанализировать.

Очевидно, что это явление качественно иного порядка, чем традиционно понимаемое просторечье — “речь городского малообразованного населения, не владеющего нормами литературного языка” (1). Прежде всего, резко изменяются коммуникативные установки устно-разговорной речи: коммуникативно оптимальным и целесообразным становится экспрессивное, вульгарное общение и преднамеренное использование аномативных единиц, то есть публично манифестируется оппозиционное речевое поведение. Чрезмерное следование клишированным образцам (2) часто свидетельствует не о стремлении говорить ярко и выразительно, а о неспособности к речевому продуцированию, то есть является демонстрацией бедности тезауруса.

Все больший размах получает явление, которое терминологически можно обозначить как криминализацию речи, т.е. использо-

вание уголовного жаргона (“русской фени”) как в устной, так и в письменной сферах. Воровской жаргон перестает быть замкнутой социально-речевой разновидностью языка: речестилистические элементы этой разновидности языка употребляются и в газетной публицистике, и в разговорно-обиходной речи. Вследствие некой романтизации уголовной субкультуры появляется мода на воровской жаргон и, особенно в речи подростков, происходит лавинообразное распространение арготизмов, составляющих уже значительный пласт “жаргонного” просторечья (В.В. Химик): *иметь крышу, взять в долю, брать на грудь, зашибать, вырубить, получить бабки, качать права, мент, ментовка, водила, расколоть, сорвать кусок, иметь навар и т.д.*)

Практически без ограничений в речи многих социальных и почти всех возрастных групп используется конативная и обсцентная лексика (скатологизмы и матизмы), которая начинает выполнять фатическую функцию. По мнению ряда лингвистов, педагогов, психологов (Б.А. Успенский, В.В. Смолковский, А.А. Мурашов и др.), обиходно-бытовое использование обсцентизмов демонстрирует речевое саморазрушение, ведущее к деградации личности в целом, поскольку нарушаются нравственные и эстетические нормы. “Здесь включается механизм причинно-следственной взаимозаменяемости: употребляя эти слова, человек уже не чувствует, что сознание перешло на качественно иной уровень, стало соответствовать тем ценностям и ориентациям, что заложены в этом “языке”. Речь оказывается фактором культурно-психических деформаций” (3).

Таким образом, в массовом сознании социально значимым и престижным становится использование не литературного языка, а особой функциональной культурно-языковой разновидности — современного просторечья. В этих условиях представляется актуальным и полезным появление в школьных и вузовских программах новых курсов с коммуникативной направленностью, базирующихся на новейших научных достижениях лексической семантики, ортологии, прагматики, психолингвистики, социолингвистики, лингвистики текста, когнитивной лингвистики, неориторики.

В ряде калужских школ вводится преподавание риторики. По мнению Т.А. Ладыженской, риторика в школе “должна вестись так, чтобы вызвать у учеников размышления о том, что такое взаимопонимание, контакт между людьми, как важно владеть словом в современном мире” (4). Подобные размышления составляют основу для формирования у учащихся взглядов, вкусов, идей, имеющих общекультурную ценность.

Школьная риторика как самостоятельный школьный предмет уже получила достаточное методическое оснащение: разработаны программы, изданы вариативные учебники и учебные пособия для учащихся разных возрастных групп, опубликованы многочисленные хрестоматии и методические указания. Однако в системе образования возникла парадоксальная ситуация: учебно-методическая база для самостоятельного школьного курса создана, а подготовка преподавателей риторики в Калужском государственном педагогическом университете не осуществляется. Особую тревогу вызывает то, что на филологическом факультете университета объем функционально-коммуникативных курсов настолько мал, что профессиональная компетенция будущих учителей-словесников в области риторических знаний абсолютно не обеспечивается. Между тем серьезное и целенаправленное обучение речи должно являться одной из главных составляющих профессиональной подготовки любого учителя, т.к. сформированное ответственное отношение к речевой деятельности и продуктивное языковое сознание определяют профессиональный успех. Учитель чуть ли не единственный сегодня противостоит всепроникающей пошлости, арготизации и повсеместному клишированию русской речи, однако он не всегда понимает, как добиться действенности речи, т.е. как сделать её риторически грамотной.

В последние годы в общекультурном блоке учебных планов вузов появился новый курс — “Русский язык и культура речи”. Однако в разных вузах Калуги количественно и содержательно курс интерпретируется по-разному. Кафедра русского языка и культуры речи КГПУ исходит из того, что этот курс является системообразующим в педагогическом образовании, ибо, как справедливо подчеркивал В.А. Сухомлинский, “каждый учитель независимо от того, какой предмет он преподает, должен быть словесником. Слово — наш важнейший педагогический инструмент, его ничем не заменишь” (5). Воспитание становится немощным и бессильным, когда забывают об этом тонком, надежном, всесильном и остром инструменте. “В слове аккумулируются отношения между людьми, слово выражает идею, а идея — столбовой корень воспитания” (6). Эффективному решению задач педагогического общения способствуют развитые умения и навыки в области средств общения и знание законов межличностного взаимодействия, что в совокупности инкорпорируется в коммуникативную культуру личности педагога, включающую в качестве составных компонентов эмоциональную культуру, культуру мышления и культуру речи. А поскольку базо-

вым компонентом в этом ряду является последний, курс “Русский язык и культура речи” прежде всего нацелен на повышение уровня практического владения современным русским литературным языком в разных сферах его функционирования. Студенты знакомятся с формами существования языка, с системой норм и вариантов на всех уровнях современного литературного языка, с функциональными стилями, с понятиями *культура речи* и *культура общения*, с видами общения, общими принципами построения монологического и диалогического текста, со способами трансформации как словесного, так и несловесного материала и т.д. В курсе указываются основные направления совершенствования навыков грамотного говорения и письма, поэтому огромное внимание уделяется работе со словарями разных типов.

Основная задача лингвистической подготовки будущего учителя — заложить основы педагогической коммуникативной компетентности, что предполагает наличие грамотной, чистой, выразительной, богатой, уместной и точной речи, стремление использовать разнообразные языковые средства в зависимости от различных речевых условий, умение анализировать свою собственную речь и речь учащихся, а главное — формирование готовности защищать и отстаивать главный профессиональный инструмент — русский язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гойхман О.Я., Надеина Т. М. Основы речевой коммуникации. М., 1997. С. 24.
2. Акуленко Н.Л.М. Речевая субкультура калужан // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы 8-й региональной научной конференции. Калуга, 2001. С. 228 — 231.
3. Мурашов А.А. Педагогическая риторика. М., 2001. С. 156.
4. Ладыженская Т.С. О новых школьных лингвистических курсах // Актуальные проблемы речеведения в школе и вузе. М., 1999. С. 25.
5. Сухомлинский В.А. Избранные педагогические сочинения: В 3 т. Т. 2. М., 1981. С. 296.
6. Там же. Т. 3. С. 364.

РОЛЬ ЗАНЯТИЙ ПО ЭТНОГРАФИИ В РАБОТЕ ДЕТСКОГО КЛУБА “ОРЛЕНОК” В г. БРЯНСКЕ

О.Б. Малина,
г. Брянск

Детский клуб “«Орленок» работает по воспитательной программе «Возрождение», целью которой является формирование у детей люб-

ви и уважения к историческому и культурному наследию и приобщение их к возрождению, сохранению и развитию традиционной культуры России, родного края. В сфере художественной культуры возрождается традиционная музыка и хореография, устное народное творчество и народный театр, художественные промыслы и ремесла.

1. Фольклор. Здесь детский коллектив соприкасается с необыкновенно самобытным, ярким, колоритным материалом, который синтезирует музыку, песню, пляску, действие, например, знаменитая брянская “«Кострома», «Чоботуха», рождественские действа и т. д. На базе этой деятельности образовался детский фольклорный коллектив «Соловухи», выступавший уже дважды в Москве и в Петербурге, в Курске, на Украине. Коллектив стал дважды лауреатом Брянского областного фольклорного конкурса. «Соловухи» представляли традиционную русскую культуру в Германии в 1995 и 1997 гг. и Швейцарии в 1999 и 2000 гг. Знакомство с народными инструментами переросло в образование ансамбля, где дети не только обучаются игре на балалайке, домре, жалейке и свирели, но и помогают руководителям изготавливать некоторые инструменты. Теперь шумовое музыкальное сопровождение наряду с традиционной хореографией органично влилось в выступление «Соловухек».

2. Народный театр. На начальном этапе занятий изучение устного народного творчества начинается со считалок, скороговорок, старинных игр («Лен», «Мак», «Дрема») и сказок. Постигая былины и сказки, дети невольно вышли на новый пласт, корни которого находятся в глубине веков — народный театр, имеющий свои особенные традиции на Брянщине.

В 1998 г. коллектив клуба побывал в с. Новый Ропск (Климовский район Брянской области) и, познакомившись с местным вариантом народной драмы середины XVIII в. («Сказка о царе Максимилиане»), восстановил это рождественское действо, уделяя особое внимание местным мотивам (например: «...я есть лекарь — новозыбковский аптекарь»).

3. Изучение брянских говоров. Это одна из тем в курсе «Истоки». Особенно интересно изучать названия женской одежды и обрядовую лексику. Обряды сопровождали важнейшие события в жизни человека, но поскольку многие из них оказались забытыми, непонятные слова требуют разъяснения на занятиях. Так, например, слово «гулять» в отдельных районах Брянской области толкуется, как «играть в игры» («гулять в лапту»), а слово «занавеска» — это передник с грудкой и спинкой. Если дети не понимают диалектных слов, они не поймут суть исполняемых фольклорных песен.

4. Народные промыслы и ремесла. Это направление работы включает в себя не только знакомство с историей русского костюма и его символикой, но и изготовление украшений (ожерелки, гривны, чепки), русских сувениров (глиняные игрушки, в том числе свистульки), шитье традиционных кукол. Оформление клуба этими изделиями в итоге привело четыре года назад к созданию мини-музея русского быта.

5. Мини-музей русского быта «Светелка». В музее есть старинный самовар 1898 г., керосинка, утюг, старинная посуда, домашняя утварь, найденные и собранные детьми. В светелке есть «хозяйка» в брянском народном костюме, стол, украшенный кружевной скатертью, а в красном углу богато вышитый рушник. Оформление всего клуба тоже выдержано в стиле русской избы: скамьи, рушники, старинная мебель и домотканые половички, плетень и березка у порога:

Мечтали подружки о русской избушке.
По капле, по крошечке, ну по крупице
Собрали горшки, самовар, половицы,
Чтоб каждый мог просто прийти и послушать,
Как РУСЬЮ поют наши русские души.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫЕ И КЛЮЧЕВЫЕ ПРИРОДНЫЕ ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

*В.П. Новиков, к.г.-м.н.,
национальный парк «Угра»*

*А.А. Могильнер,
детский экологический клуб «Следопыт»*

Вопрос о необходимости совершенствования существующей сети особо охраняемых природных территорий (ООПТ) Калужской области и подготовки перспективной схемы организации в регионе новых ООПТ неоднократно поднимался на различных совещаниях и в научной печати (Новиков, 1996, 1997; Волошина, 1996; Пашканг, Любушкина, 1996; Рысин, 1996, и др.). При несомненной значимости учреждения ООПТ федерального статуса (национальный парк «Угра», государственный природный заповедник «Калужские засеки», памятник природы «Калужский бор») и большого числа региональных памятников природы (Новиков, 2002), на территории области отсутствуют, например, государственные заказники и природные парки — наиболее важные категории для поддержания экологического баланса и сохранения историко-культурного наследия на хозяйственно освоенных землях.

В то же время, в течение последних лет, в центре Русской равнины проводились специальные работы, направленные на создание природного (экологического) каркаса для ряда территорий, в числе которых была и Калужская область. Результатом первого проекта «Сердце России» (1996 — 97 гг., Центр охраны дикой природы; Соболев, 1996) явились предложения о создании новых охраняемых территорий в верховьях р. Шани и в пределах Калужско-Алексинского каньона долины р. Оки (Могильнер, Волошина, 1998; Волошина, Могильнер, 2001). В ходе этих работ была также спроектирована охранная зона национального парка «Орловское Полесье» в Хвастовичском районе (Волошина, Могильнер, 1998).

Второй проект, «Создание системы особо охраняемых природных территорий Центра Русской равнины» (Глобальный экологи-

ческий фонд), выполнялся в течение 2000 — 2001 гг., и в его реализации принимала участие большая группа специалистов Калужской области. В итоге, на основе имевшейся информации и дополнительных полевых исследований, составлены описания 8 перспективных особо охраняемых территорий регионального значения (природный парк, 4 комплексных и зоологический заказники, 3 памятника природы), а также более 70 ключевых природных территорий (КПТ) без определения их категории и статуса, но включающих ценные лесные (7), водные (13), болотные (37) экосистемы, а также обладающих высоким орнитологическим значением (15) (табл.1). Кроме того, проведены работы по предварительному проектированию охранной зоны национального парка “Угра” на территории Тульской и Смоленской областей (на площади 3,6 тыс. га), и в пределах последней рекомендована организация комплексного природного заказника “Верхняя Угра” общей площадью более 12 тыс. га (Новиков, Могильнер, 2001).

Перечень выявленных КПТ представляет собой определенный резерв для разных категорий новых ООПТ. В целом полученные материалы позволяют сформировать научно обоснованную схему размещения и развития ООПТ, как это предусматривает только что принятый Закон об особо охраняемых природных территориях в Калужской области.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ООПТ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Природный парк “Серена”

1. Местонахождение: Козельский и Мещовский р-ны; долина р. Серены от д. Мошонки до д. Бурнашево.

2. Площадь (га): 6000.

3. Преобладающие биотопы: луга разнотравные с участием степных растений; по склонам оврагов смешанные леса с березой, дубом, липой, кленом; в низинах — ольшаники; низинные болота.

4. Объекты охраны: типичный ландшафт ополья. Интересные геологические обнажения. Мощные родники. Редкие животные и растения. Многочисленные памятники археологии, истории и культуры.

5. Угрожающие факторы: выпас скота по берегам реки, неконтролируемое строительство, разработка песчаного карьера, вырубка леса по оврагам.

6. Исполнители (публикации): Есипов В.П. (1998), Марголин В.А., Новиков В.П., Телеганова Е.А.

Комплексный природный заказник “Окский каньон”

1. Ферзиковский р-н, долина р.Оки от устья р.Калужки до устья р.Дутны.

2. 15000.

3. Остепненные разнотравные луга; участки широколиственных, смешанных и мелколиственных лесов.

4. Живописный долинный ландшафт. Луга с элементами “окской флоры”. Редкие беспозвоночные животные. Геологические стратотипы. Археологические и исторические памятники.

5. Неконтролируемая застройка, перевыпас, разработка месторождений полезных ископаемых.

6. Волошина О.Н., Могильнер А.А. (2001).

Комплексный природный заказник “Шанский”

1. Износковский р-н; Тюрмеровское лес-во Медынского л/х, КСХП “Лысково”.

2. 8600.

3. Низинные и переходные болота; леса — перестойные осинники, ельники и смешанные; луга и пастбища.

4. Предотлетное скопление серых журавлей. Гнездование большого кроншнепа. Большая популяция любки двулистной, плауна булавовидного. Лесные культуры К.Ф.Тюрмера (нач. 20 в.).

5. Браконьерство и мелиорация.

6. Могильнер А.А., Волошина О.Н. (1998).

Комплексный природный заказник “Река Ресета”

1. Хвастовичский, Ульяновский и Думиничский р-ны; долина реки от границы с Брянской обл. до устья.

2. 7800.

3. Заболоченная пойма реки; сосняки разного возраста; заболоченные черноольшаники; участки широколиственного леса (дубравы и липняки).

4. Редкие птицы: орел-карлик, подорлик, змеяед, скопа, серый журавль; редкие растения: гладыш широколистный, турча болотная. Участки широколиственных лесов.

5. Массовое браконьерство, попытки мелиорации.

6. Могильнер А.А. (2001), Марголин В.А., Галченков Ю.Д.

Комплексный природный заказник “Чертово болото”

1. Мосальский р-н; Подсосонское лес-во Юхновского л/х.

2. 1605.

3. Обширный массив низинных болот с тростником; участками мелколиственных леса и ельники.

4. Болотный массив. Гнездование серого журавля. Большие

популяции ветреницы дубравной; купена лекарственная, плауны булавовидный и годичный.

5. Леса сильно нарушены интенсивными рубками.

6. Могильнер А.А.

Зоологический заказник "Брынский"

1. Думиничский р-н; с.Брынь.

2. 2500.

3. Искусственный водоем; заросли тростника, местами — сплавины; леса по берегам смешанные, мелколиственные.

4. Гнездование белошейной крачки, красношейной и большой поганок, других видов водоплавающих птиц. Встречи орлана-белохвоста, скопы, большого баклана. Крупная колония серых цапель.

5. Лесохозяйственная деятельность, поджоги травы по берегам.

6. Марголин В.А.

Комплексный памятник природы "Засечный лес"

1. Козельский р-н; Козельское лес-во Козельского л/х.

2. 520.

3. Старовозрастный широколиственный лес.

4. Участки широколиственного леса. Редкие растения: хохлатка Маршалла, лунник оживающий, зубянка луковичная, черемша.

5. Лесохозяйственная деятельность.

6. Новиков В.П., Паутова Л.П.

Комплексный памятник природы "Лужки"

1. Окрестности г.Обнинска.

2. 536.

3. Березово-осиновые ассоциации с разнотравным покрытием; ельник-кисличник; участки липняков и дубрав.

4. Комплекс археологических памятников. Большая популяция страусника обыкновенного. Обнажения известняков и разноцветных глин.

5. Повышенная рекреационная нагрузка и замусоренность территории.

6. Тарасов В.А. (1999), Могильнер А.А., Рассказова М.М., Рева О.В. **Ботанический памятник природы "Сосновый бор у д.Высокиничи"**

1. Жуковский район; Макаровское лес-во Барсуковского л/х.

2. 12,3.

3. Сосняк-зеленомошник с подростом ели; участками черная ольха и вяз.

4. Редкие растения: гудьера ползучая, плауны булавовидный и годичный.

5. Вырубка леса.

6. Могильнер А.А.

Ключевые природные территории Калужской области

Название	Местоположение	Площадь, га	Характеристика
<i>Лесные (В.А. Грищенко)*</i>			
Лес у Жиздры	Жиздринское лес-во Жиздринского л/х	90	Старовозрастные ельники с примесью дуба и сосны
Утешевский лес	Бабынинское лес-во Калужского л/х	11	Средневозрастный липняк с примесью березы
Дворцовский лес	Лев-Толстовское лес-во Дзержинского л/х	50	Старовозрастный сосняк-черничник с примесью дуба, липы, осины и березы
Лес у Ресеты	Троснянское лес-во Еленского л/х	100	Старовозрастный сосняк-брусничник с примесью березы, ели, дуба
Романовский лес	Воробьевское лес-во Жуковского л/х	48	Старовозрастный ельник с дубом
Лес у Протвы	Боровнинское и Макаровское лес-ва Барсуковского л/х	2900	Средневозрастные сосняки-черничники с липой и дубом
Тюрмеровский лес	Тюрмеровское лес-во Медынского л/х	228	Сложные ельники и сосняки с примесью березы, осины, ольхи. Лесные культуры начала XX в.

Продолжение таблицы 1

Водные (В.А. Семенов)			
Верховья р.Лужа	Износковский р-н	5000	Заболоченные леса с истоками р.Лужи
Верховья рек Суходрев и Суходревка	Малоярославецкий р-н	9500	Чистые реки, с участками старовозрастных лесов и редкими видами растений
Озеро Резвань	Дзержинский р-н	12	Пойменный водоем с чистой водой
Озеро Комлевское	Боровский р-н	5	Карстовый водоем с разнообразием водоплавающих птиц
Пруд у д.Дылдино	Боровский р-н	93	Чистый водоем
Пруд Кировский верхний	Кировский р-н	215	Старейшее гидротехническое сооружение
Пруд у д.Малая Желтуха	Кировский р-н	86	Место кормления околводных птиц
Пруд у д.Шершнево	Барятинский р-н	30,5	Искусственный водоем в живописном ландшафте
Пруд Кондрыкин-ский	Жиздринский р-н	70	Искусственный водоем, место кормления птиц
Группа родников «Пудов колодец»	Малоярославецкий р-н; р. Локня		7 восходящих родников в истоках реки (культурное и оздоровительное назначение)
Родник «Петровский ключ»	Жуковский р-н; р.Истья		Родник с лечебной водой (повышенное содержание железа)

Продолжение таблицы 1

Группа родников «Зык» и «Петруха»	Малоярославецкий р-н; г.Малоярославец	Массовый выход родников, образующих пруд с плотиной, построенной в XIX в.	
Родник на Протве	Боровский р-н; окрестности г. Балабаново	Большой родник с хорошей питьевой водой	
Болота (Н.В. Воронкина)			
Моховое	Медынский р-н	5,5	Верховое болото
Ново-Деревенское	- « -	4,2	- « -
Аксеньевское	- « -	5,6	- « -
Козье	Боровский р-н	6,5	- « -
Присельский мох	Юхновский р-н	18	- « -
Мох	- « -	32	- « -
Мочаловское	- « -	16	- « -
Левшинское	Дзержинский р-н	18	- « -
Лощевка	- « -	12	- « -
Горелое	- « -	4	- « -
Клюквенное	- « -	2,8	- « -
Давыдовская Амшара	- « -	5	- « -
Горелое	- « -	14	- « -
Поповская Амшара	- « -	13	- « -
Тростники	- « -	5	- « -
Ильинское	- « -	1,7	- « -
Немцовское	Малоярославецкий р-н	17	- « -
Губино	Спас-Деменский р-н	27	- « -
Цветковский мох (Обирог)	- « -	79	- « -
Цветковский мох	- « -	93	- « -
Мошок	- « -	18	- « -
Мало-Игнатовское	- « -	187	- « -
Князев Мох	- « -	82	- « -
Игнатовское	- « -	1398	- « -
Дары	Мосальский р-н	27	- « -
Два Амшара	Мещовский р-н	24	- « -
Клюквенник	Окрестности Калуги	2,2	- « -
Орловка	Куйбышевский р-н	13	- « -
Мошок	Людиновский р-н	3,6	- « -
Провал	- « -	18	- « -
Горелый мох	- « -	6,3	- « -
Плоцкое	Думиничский р-н	93	- « -
Еленское	Хвастовичский р-н	7,9	- « -
Мельница	- « -	6	- « -
Сосновое	Жиздринский р-н	15	- « -

Орнитологические (В.А. Марголин)**			
Сухиничский рыбхоз	Сухиничский р-н	250	Большое видовое разнообразие водоплавающих и околоводных птиц
Птичья магистраль	Пригород г. Калуги; Яченское водохранилище	1044	Место пролета редких видов птиц
Тишская даль	Перемышльский р-н; группа пойменных озер	26,4	Место остановки мигрирующих водоплавающих птиц
Долина р. Болвы	Людиновский р-н; пойма р. Болвы	5000	Встречи птиц, занесенных в Красную книгу России
Жиздринское ополе	Жиздринский, Людиновский р-ны; пойма р. Жиздры	10000	Встречи видов Красной книги России и редких видов луго-полевого комплекса
Журавлиный стан	Хвастовичский, Жиздринский р-ны; междуречье Жиздры и Ресеты	50000	Место гнездования серого журавля, возможно – черного аиста; встречи серого сорокопуга
Максимовский пруд	Малоярославецкий р-н; р. Выпрейка	1000	Крупная колония серой цапли, места обитания редких видов птиц
Река Потья	Жиздринский р-н	250	Колонии серой цапли и черной крачки
Лутовна	Думиничский р-н; пойма р. Жиздры	1800	Многолетнее поселение серых журавлей
Покров	Жуковский р-н	140	Многолетняя колония серой цапли
Караулово	Жуковский р-н; долина р. Протвы	1000	Возможное местообитание орлов, занесенных в Красную книгу России
Милятинский пруд	Барятинский р-н	450	Местообитание редких и малочисленных видов птиц
Рыбхоз Межура	Боровский р-н	250	Большое видовое разнообразие птиц; гнездование редких видов
Людиновские озера	Людиновский р-н	1100	Места гнездования редких для региона видов
Стайки	Думиничский р-н; пойма р. Ресеты	300	Поселение серых цапель, место гнездования большой белой цапли

* в скобках указана фамилия автора описания

** из перечня исключены КОТР международного значения (Ключевые..., 2000) и региональные, целиком вошедшие в границы уже существующих или перспективных ООПТ

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошина О.Н. Попытка анализа структуры ООПТ Калужской области // Биол. разнообразие Калуж. обл. Проблемы и перспективы развития ООПТ. Ч.2.- Калуга, 1996.

2. Волошина О.Н., Могильнер А.А. Природная ценность Калужско-Алексинского каньона реки Оки // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья (VIII). Калуга:изд-во Бочкаревой, 2001.

3. Есипов В.П. Историко-природные памятники в нижнем течении реки Серены // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья (VII). Калуга:Гриф, 1998.

4. Ключевые орнитологические территории России. Т.1. М., 2000.

5. Могильнер А.А. Проектирование охраняемой территории в долине Ресеты // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья (VIII). Калуга:изд-во Бочкаревой, 2001.

6. Могильнер А.А., Волошина О.Н. Проектирование охраняемой территории в верховьях р.Шаня // Формирование экологической сети центра Русской равнины. М.:ЦОДП, 1998.

7. Новиков В.П. Национальный парк "Угра" и система ООПТ Калужской области // Биол. разнообразие Калуж. обл. Проблемы и перспективы развития ООПТ. Ч.1. Калуга, 1996.

8. Новиков В.П. Охраняемые природные территории Калужской области // Вопросы географии и геоэкологии. Вып.1. Калуга, 1997.

9. Новиков В.П. Особо охраняемые природные территории // Физическая география и природа Калужской области. Калуга:изд-во Бочкаревой, 2002.

10. Новиков В.П., Могильнер А.А. Перспективные охраняемые и ключевые природные территории в бассейне Угры // Природа и история Поугорья. Вып.2. Калуга:Полиграф-Информ, 2001.

11. Пашканг К.В., Любушкина С.Г. Географические аспекты создания и деятельности ООПТ // Биол. разнообразие Калуж. обл. Проблемы и перспективы развития ООПТ. Ч.1. Калуга, 1996.

12. Рысин Л.П. Система лесных заповедных участков — основа сохранения биоразнообразия лесов Калужской области // Биол. разнообразие Калуж. обл. Проблемы и перспективы развития ООПТ. Ч.2. Калуга, 1996.

13. Соболев Н.А. Программа "Сердце России": поддержание биологического разнообразия как условие устойчивого развития в центре Русской равнины // Биол. разнообразие Калуж. обл. Проблемы и перспективы развития ООПТ. Ч.1. Калуга, 1996.

14. Тарасов В.А. Концепция создания историко-ландшафтного заказника на базе комплекса археологических памятников урочища Лужки // Обнинский краеведческий сборник. Обнинск, 1999.

ВОЗДЕЙСТВИЕ РЕКРЕАЦИИ НА ПРИРОДНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ГУ НП "УГРА"

*В. Ю. Глухарев,
национальный парк "Угра"*

Воздействие рекреации на природные комплексы парка тесно связано с характером распределения посетителей по территории и с самим характером отдыха. В настоящее время парк переживает нашествие автолюбителей, которых привлекает возможность краткосрочного отдыха (однодневного или на протяжении выходных дней) у водоемов. Автолюбители занимают все более или менее пригодные места для купания, проникая к рекам по лесным дорогам, несмотря на запрет проезда по ним в пожароопасный период. Воздействие на природные комплексы в этом случае сконцентрировано на узкой прибрежной полосе в пойме реки. К сожалению, даже краткосрочный отдых не представляется посетителям полным без разведения костра. Появление массы новых кострищ — характерная черта освоения автолюбителями берегов рек национального парка. Площадная рекреация в этом случае не развивается сильно, и растительный покров к следующему сезону полностью восстанавливается. Вряд ли стоит в этом случае говорить о смене растительных сообществ поймы, так как ранее эти участки использовались под пастбища, но в связи с общим сокращением поголовья скота такое воздействие в значительной мере заместило влиянием рекреации.

Развитие линейной рекреации проявляется в этом случае только в образовании дорожно-тропиночной сети вдоль реки и перпендикулярно берегу — для подхода к воде. Из-за широкой экспансии автолюбителей все чаще используются новые места с достаточно обрывистыми берегами, в связи с чем растет опасность их постепенного обрушения.

Однако вместе с краткосрочным отдыхом пользуется популярностью проведение части отпуска в организованных или стихийно возникших автокемпингах. Как правило, в этом случае посетители располагаются на некотором отдалении от реки, на границе с близлежащими лесными массивами. При этом большее развитие, чем в первом случае, получает площадная рекреация, развивается радиальная дорожно-тропиночная сеть, используются 1 — 3 кострища, причем поскольку эти места традиционны для каждой группы, используются старые кострища. Значительно меньше в этом случае и скопления мусора, так как посетители отдыхают в одном и том же месте из года в год.

Среди посетителей парка преобладают жители Москвы и Мос-

ковской области — 45%, причем по результатам анкетирования в отдельную категорию были выделены жители г. Подольска (Московская область) — 6%, калужане — 14%, жители районов, в которых проводилось анкетирование и районных центров, и в меньшей мере — посетители из сопредельных областей (Тульской и Смоленской) — 35%.

Не стоит преувеличивать роль посетителей из Москвы и Московской области при воздействии на природные комплексы. Естественно, что жителям мегаполиса хочется отдохнуть на природе, но они наименее требовательны к ненарушенности окружающей среды в местах отдыха и степени концентрации других посетителей. Для таких посетителей наиболее важны транспортная доступность и наличие удобных мест для купания. А вот жители районов и районных центров, как, впрочем, и калужане, вносят немалый вклад в освоение практически ненарушенных мест в парке, причем, хотя сами они относят себя к любителям "зеленого туризма", последствия их посещения показывают, что они мало знакомы с этим понятием. Такие посетители избегают оборудованных мест отдыха, считая их неестественными, и наиболее негативно относятся к мерам парка по регулированию неорганизованного туризма.

Менее других воздействуют на природные комплексы парка туристы-водники и любители пешего туризма. В рамках дневных переходов сложились традиционные места стоянок, количество мусора после таких посетителей минимально.

Распределение посетителей по лесничествам и, следовательно, основные типы воздействия на природные комплексы различных участков парка можно увидеть на схеме:

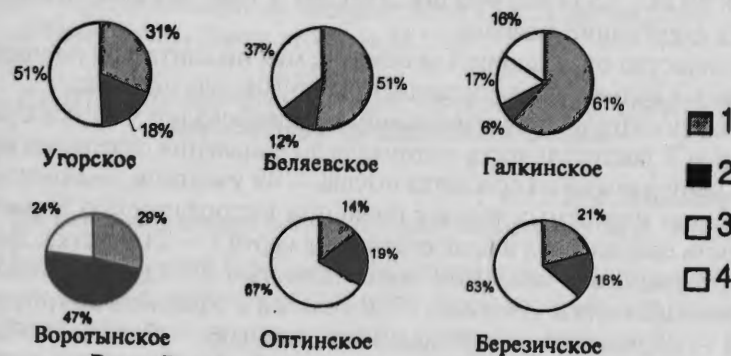

Рис. Распределение посетителей по лесничествам национального парка "Угра"

1 — г. Москва и Московская область;

- 2 — г. Калуга;
 3 — г. Подольск (Московской области);
 4 — жители районов и районных центров, где проводилось анкетирование.

В распределении рекреационной нагрузки большую роль играют следующие факторы:

наличие в непосредственной близости (в пределах двухчасовой транспортной доступности);

крупного населенного пункта с выраженной потребностью в рекреации;

наличие и распределение по территории востребованного ресурса рекреации;

наличие доступных подъездных путей к местам расположения рекреационного ресурса;

наличие или отсутствие инфраструктуры обслуживания и размещения посетителей;

информационные и психологические факторы;

Известность и популярность мест отдыха зависит от сложившихся традиций, степени чистоты и ненарушенности мест отдыха с точки зрения того или иного посетителя, а следовательно, и степень психологической комфортности.

В 2001 — 2002 гг. сотрудниками лесничеств и отделом туризма и благоустройства национального парка установлено, что количество отдыхающих ежегодно составляет 120 тыс. человек в год; и эта цифра имеет тенденцию к росту.

Обследование 103 точек размещения отдыхающих на общей площади 8,49 га с количеством посетителей в 1000 человек позволяет сделать следующие выводы:

количество отдыхающих за сезон (с мая по сентябрь) на подобных местах размещения составляет около 104 тыс. человек.

По проекционной вытоптанности преобладают участки с балльностью 3: растительность вытоптана до появления отдельных прогалин минерального горизонта почвы — 49 участков, значительно количество изучаемых точек с балльной вытоптанностью 5: растительность сохраняется в виде отдельных куртин — 24 участка. Далее следуют участки с балльной вытоптанностью 2 — растительность заметно изрежена и угнетена: 17, и участки с балльной вытоптанностью 4 — 13 участков. Преобладание по площади — 50,93% от общей обследованной площади объясняется включением в число точек площадки крупного автокемпинга у деревни Суковка, на территории которого расположены две точки, а также жарким и засушливым

летом 2002 г., предопределившим невозможность достаточного восстановления растительного покрова в течение сезона.

Воздействие на растительный покров рекреационного вытаптывания					
Балльность	1 балл	2 балла	3 балла	4 балла	5 баллов
Воздействие на растительность	Заметных изменений в растительном покрове не наблюдается	Растительность заметно изрежена и угнетена	Растительность вытоптана до появления отдельных прогалин минерального горизонта почвы	Объединение вытоптаных прогалин минерального горизонта, составляющих до 50 % площади	Растительность сохраняется в виде отдельных куртин, вытоптаные участки преобладают по площади
Количество участков	0	17	49	13	24
Процент от общей площади участков	0%	2,65	36,23	10,28	50,93

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропогенное воздействие на природные комплексы заповедников // Проблемы заповедного дела. Вып. 9. М., 1998. С. 1 — 174.
2. Временная методика определения рекреационных нагрузок на природные комплексы при организации туризма, экскурсий, массового повседневного отдыха и временные нормы этих нагрузок. М., 1987.
3. Халифман и др. Методика предельно допустимых изменений на Байкале — участке всемирного наследия ЮНЕСКО. Иркутск, 1999.
4. Чижова В. П. Школа природы. М., 1997.

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ПРИРОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ БАСЕЙНА СРЕДНЕЙ ПРОТВЫ

В.А. Низовцев, к.г.н.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Бассейн средней Протвы — типичный уголок Центральной России, отличающийся чрезвычайной живописностью природы и своеобразием ландшафтного строения. Ландшафтная структура территории представлена практически полным набором основных генетических разновидностей ландшафтных комплексов, характерных для краевой зоны московского оледенения центра Европейской

России. Эта территория располагается на стыке пяти ландшафтов, что во многом определяет необычайное разнообразие ее природных условий. Так, например, только лишь в пределах Сатинского учебно-научного полигона географического факультета МГУ, расположенного в 100 км к юго-западу от Москвы в бассейне средней Протвы, на относительно небольшой площади (около 20 кв. км) выявлено 37 видов урочищ, относящихся к 11 разновидностям физико-географических местностей [1,2]. Из них 4 местности представляют речные долины, а 7 местностей — междуречные равнины. Естественно, что при таком разнообразии ландшафтных условий на этой территории встречается целый ряд очень интересных и необычайно живописных природных и природно-антропогенных объектов, многие из которых безусловно являются редчайшими памятниками природы. В настоящее время проводится выявление, описание и картографирование подобных памятников. Ниже приводится описание некоторых наиболее значимых и интересных природных объектов бассейна Средней Протвы.

Одним из самых интересных памятников природы является Ефановский водопад. Он расположен в суженной долине Протвы в 500-м юго-восточнее сел. Ефаново. Долина реки на этом отрезке глубоко врезана (более 40 м), при этом врез Протвы вскрывает не только четвертичные, но и дочетвертичные отложения — микрослоистые тонкие слюдистые пески альютовской свиты среднего карбона. Дно долины узкое, русло спрямлено, типичны ландшафтные комплексы узких наклонных цокольных и структурных (на туфах) террас. На оплывно-оползневом склоне долины южной экспозиции разгружаются обильные водоносные горизонты в виде цепочек родников и мочажин. Геохимическую специфику ПТК склонов подчеркивают процессы интенсивного ожелезнения и туфообразования. Источником, питающим водопад, является родник, выходящий в основании склона долины. Родник дает начало ручью, который пересекает ленточную структурную террасу, и у ее бровки прозрачная родниковая вода с шумом падает по отвесной (около 4 м) стенке из плотных известняковых туфов. Туфы залегают крупными глыбами, поверхность их сероватая, замшелая, а в полосе, увлажняемой водопадом, — ярко-зеленая от водорослей, мхов и мелких гидрофильных растений. Отдельные глыбы падают к основанию уступа на бечевник. По межглыбовым трещинам видны причудливо изогнутые корни деревьев. Урочище Водопад не только экзотический объект, это — уникальное сочетание ПТК, свойственное ефановскому отрезку долины прорыва. Полые воды проходят суженные уча-

стки долин на больших скоростях. На крутых склонах долины растут сосняки, дубово-липовые и елово-мелколиственные леса с неморальными элементами на молодых дерновых почвах, а по подсклоновым шлейфам и на низких террасах — мегатрофные сероолишаники на дерновых карбонатных и дерновых оподзоленных почвах. Кое-где встречаются небольшие висячие болота. пойменная растительность из-за антропогенного влияния существенно не отличается от других участков. В почвенном покрове встречаются почвы, свойственные в районе практики только этому типу местности суженной долины: пойменные дерновые карбонатные ожелезненные, пойменные иловато-болотные карбонатные и некоторые другие. Морфологическая структура данной местности в целом сегментно-ленточного типа.

Еще один интересный выход грунтовых вод (ур. Текучий Колодец) наблюдается по правому склону долины Протвы в 200 м ниже устья речки Межиловки, в месте пересечения речной долины Межиловско-Бобровской ложбиной стока ледниковых вод. Именно это обстоятельство (падение водоносных слоев на склоне и по дну древней ложбины стока) и обусловило подток обильных вод и разгрузку их вблизи Текучего Колодца. Водообильность каптированного родника Текучий колодец определяется его обширным подземным водосбором, который охватывает подножия склонов и днище ложбины стока. Дно балки увлажняется сравнительно маловодным горизонтом из водноледниковых песков, и в засушливые годы ручей здесь исчезает, а Текучий Колодец, питающийся водами из песков и валунно-галечных отложений над днепровской мореной, не пересыхал даже в экстремально засушливые лета, как, например в 1972 г., 2002 г. и др. Гидрогеологические особенности этого района сказались и на своеобразии почвенно-растительного покрова. Вблизи Текучего колодца распространены перегнойно-глеевые и дерновые глееватые темноцветные почвы, которые не часто встречаются в данном регионе. Карбонатность родниковых вод поддерживается карбонатностью озерно-водноледниковых алевритов, карбонатными включениями в песках, прослоями известняковых галек и валунов. В лесах, которые сильно изменены, до сих пор можно встретить черную ольху, дуб, липу, вяз, сосну, ель и очень крупную лещину (8 — 10 м высоты и 10 — 12 см в диаметре), свидетельствующих о богатстве и сложности произраставших здесь в прошлом коренных лесов.

Среди широко распространенных в районе типичных форм ледникового рельефа моренных и камовых холмов, озерно-ледниковых котловин встречаются совершенно уникальные урочища, отли-

чающиеся по размерам, свойствам почвенно-растительного покрова и т.д. Вдоль водораздела рек Бобровки и Городянки довольно часто встречаются судубравно-суборевые камовые всхолмления высотой 10 — 15 м. Среди них выделяется относительно крупный кам у сел. Климовское. Он имеет высоту около 25 м, овальную форму (500x250 м) с плоской вершиной (350 — 100 м), постепенно переходящей в склоны крутизной 5 — 6° вверх и 2 — 3° вниз. Вершина кама покрыта песчаным суглинком (мощностью до 1,0 м), который сменяется песками с гравием, щебнем, отдельными валунами и линзочками песчанистого суглинка. На этих породах формируется дерново-слабоподзолистая песчанисто-легкосуглинистая почва. Лучше других возобновляются дуб, ель и липа. Сохранившийся залеженный участок представлен сложным сосновым лесом с отдельными соснами, достигающими 30 м высоты, и примесью широколиственных пород: дуба, липы и даже ясеня. Наземный покров преимущественно разнотравно-широколистно-волосоосоковый, что свидетельствует о хорошей дренированности. Из широколиственных встречаются копытень, зеленчук, ландыш, медуница и др. На вершине кама по вырубке березняка растет густой лещинник с примесью жимолости лесной, крушины ломкой, бересклета бородавчатого, рябины, можжевельника. Очевидно, что подстилание маломощных суглинков песками обеспечило благоприятный гидро-термический режим почв, и неморальные элементы фитоценоза нашли здесь оптимальные для данного ландшафта условия.

Один из крупнейших моренных холмов, расположенный у сел. Рагозино, является объектом ландшафтных наблюдений при проведении внеполигонных учебных маршрутов студентов-географов МГУ. Это очень своеобразное и физиономичное урочище района конечно-моренных образований. Большая часть междуречного пространства Протвы и Лужи между сел. Рагозино и Ивково занято всхолмлениями со средними высотами около 10 м, образованными мореной напора московского ледника. Специфической чертой этой местности является насыщенность московской морены крупными отторженцами карбонатных пород. Отторженцы, составляющие ядра всхолмлений (иногда глубоко погребенные), достигают нескольких десятков метров длины, их мощность колеблется в пределах от 3 — 4 м до 27 м (по данным бурения и карьерам). Практически на всех всхолмлениях под маломощным буроватым покровным суглинком вскрывается желтовато-белый разборно-щебнистый известняк с доломитовой мукой по трещинам. Рагозинский холм резко выделяется своими размерами. Его высота достигает 40 м, а превышение над

днищем ложбины стока с водохранилищем Межура — свыше 70 м. Холм имеет овальную (2x1 км) форму со слабовыпуклой вершиной, склоны покато-пологие (3 — 8°) залесены, а подножия распаханы. Современная растительность представлена ельниками с примесью березы и осины с папоротниково-травяно-зеленомошным наземным покровом. В древостое имеется устойчивая примесь сосны и дуба. Относительная высокая трофность субстрата поддерживает вкрапления широколиственного (ландыш, сныть, вероника дубравная, звездчатка жестколистная, копытень, медуница и др.). Еловый подрост повсеместно находится в хорошем состоянии, а старые ели нередко угнетены в верхних частях склонов, где суглинистый покров маломощен (менее 0,5 м). Корни крупных деревьев над окремнелым известняком выпирают, образуя иногда досковидные розетки. В возрасте около 100 лет такие ели гибнут от ветровала. Разную долю вкраплений и примесей (кроме упомянутых выше сосны, дуба, березы и осины) образуют рябина, ива козья, клен и очень редко ясень. Подлесок распределен неравномерно, нередко набор видов определяется антропогенным влиянием. Поэтому наряду с ивой, крушиной ломкой, калиной, бересклетом бородавчатым, можжевельником, лесной жимолостью и шиповником, здесь можно встретить иргу, барбарис и крыжовник. Травяной покров развит неравномерно (от 5 до 60% проективного покрытия, в среднем 20 — 40%). Растения часто распределены группами, особенно грушанки, папоротники, костяника и земляника. Мхи также распространены неравномерно, но в целом дают большее, чем травы, покрытие (местами 90 — 100%).

На вершине холма суглинистый чехол имеет мощность всего 0,1 — 0,3 м. В этом тонком слое под старым ельником (ели высотой до 22 м и 45 см в диаметре) сформировалась карликовая дерново-слабоподзолистая легкосуглинистая почва: A_0A_1 (0 — 2 см) + A_1A_2 (2 — 6) + A_2B (6 — 9) + B_1 (9 — 20...). Горизонт B_1 образовался в слое из щебня окремнелого известняка, содержащем не менее 10% мелкозема; коллоидные налеты на камнях и коллоидная пропитка мелкозема придают ему буровато-коричневую окраску.

Также одним из излюбленных учебных объектов служит так называемое Бутовское болото, расположенное у д. Бутовка в сквозной мезоложбине стока ледниковых вод на главном водоразделе Протвы и Лужи, на слабо дренированном участке. Такие урочища мелкокотловинных переходных болот встречаются крайне редко, главной особенностью данного болота является его “хрестоматийность” по способу образования, внешнему облику и структуре. Пи-

тающим водоносным горизонтом первоначально послужила продолжительная верховодка над мореной, лежащей на глубине менее 4 м (по скважине у сел. Бутовка). Обеспеченность влагой способствовала торфонакоплению: в первичной мелкой округлой котловине глубиной в среднем около 1 м и 300 м в диаметре. Минеральное ложе торфяной залежи выстлано пылеватым суглинком, а воды, стоявшие над ним и стекавшие сюда с окружающей суглинистой равнины, были достаточно минерализованы. В таких условиях сформировалась нижняя часть торфяника — низинный сильно- и среднеразложившийся торф темно-коричневого цвета (на глубинах 40 — 130 см) и слаборазложившийся торф из крупных болотных растений бурого цвета (10 — 40 см). По мере нарастания торфяной подушки центр болота превысил уровень грунтовых вод и оказался на питании атмосферными осадками, стал формироваться по верховому типу. Этот верхний слой торфяника на глубине 0 — 10 (15) см представляет сфагновый очесный торф желтовато-коричневого цвета, четко отделяющийся от нижележащих слоев низинного торфа. Максимальная мощность бутовского торфяника равна 130 см. Морфологическая структура болота довольно проста и состоит из закономерно сменяющих фаций, образующих в плане концентрические круги. Центральная, слабовыпуклая кочковатая часть болота занята кустарничково-пушицево-сфагновым сосновым редколесьем на торфяно-болотной переходной почве, развитой на среднемощных торфах (1,3 м). Сосна угнетена и в возрасте 65 лет имеет высоту не более 10 м, однако ее сбежистый ствол достигает диаметра 20 см. Из кустарничков наиболее распространены багульник и клюква. Известны находки и насекомоядной росянки круглолистной. Далее идет плоская поверхность срединной каймы с торфяно-болотной почвой на маломощных торфах (0,8 м), занятая березняком голубично-черничным сфагновым. В пониженной закрайке с перегнойно-иловатой болотной почвой на маломощных болотных отложениях (0,3 м) и пылеватых суглинках доминирует березово-осиновое редколесье с куртинами осок, камыша и тростника. На микроповышениях (0,3 м) в закрайке в травостое начинают господствовать злаки и влаголюбивое разнотравье.

Естественно, вышеописанными природными объектами не ограничивается их список на данной территории. Важнейшая особенность и ценность многих таких объектов заключена в том, что они являются не просто природными памятниками какого-либо одного компонента, а представляют собой целостные ландшафтные образования, при этом находящиеся в тесной и неразрывной связи с

окружающими их другими ландшафтными комплексами. К сожалению, на многих этих природных объектах ведется та или иная хозяйственная деятельность, некоторые из таких объектов испытывают непомерные рекреационные нагрузки и находятся на грани исчезновения. Следует помнить, что памятники природы — это не только уникальные, невозполнимые, ценные в экологическом, научном, культурном и эстетическом отношении ландшафтные комплексы, но и объекты, имеющие богатейшую историю взаимоотношений человека и природы. Многие из таких ландшафтных комплексов могут служить средообразующими, ресурсоохранными и эталонными участками Центральной России. Поэтому необходимы их инвентаризация, составление кадастра и выработка мероприятий, направленных на сохранение таких объектов. Оптимальным решением было бы придание им определенного природоохранного статуса с разработкой особого режима природопользования и охраны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов С.И., Несмелова Е.И., Низовцев В.А. и др. В. Сатинская станция // Учебно-научные географические станции вузов России. М.: Географический ф-т МГУ, 2001.
2. Видина А.А., Джерпетов И.В., Низовцев В.А. Факторы ландшафтной дифференциации и ландшафты Сатинского учебного полигона и смежных территорий // Комплексная географическая практика в Подмоскowie. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.

К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ РЕКРЕАЦИОННОГО ЗНАЧЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Н.В. Свикис,

Калужский государственный объединенный краеведческий музей

Взросший интерес к культурным ландшафтам в последнее время обусловлен несколькими факторами:

возрождением наследия Калужского края;

изучением культурных ландшафтов как важных природных комплексов;

ориентацией на внешний и внутренний туризм;

культурно-просветительной деятельностью в учебных заведениях.

Культурный ландшафт происходит от слова культура (cultura), что означает в переводе с латинского — возделывание, обрабатывание.

Изначально любой культурный ландшафт создается на базе природного ландшафта, затем его структура рационально изменяется и

оптимизируется на научной основе в интересах людей. Можно сказать, что культурные ландшафты приурочиваются главным образом к местам отдыха людей, к местам, где творчество человека сливается с дарами самой природы [4]. Все культурные ландшафты несли изначально и несут по сей день рекреационную нагрузку.

На территории Калужской области можно выделить:

парки и скверы в составе историко-мемориальных комплексов; садово-парковые комплексы XVIII — XIX вв.;

современные культурные ландшафты рекреационного назначения.

Мы остановимся сейчас лишь на некоторых видах культурных ландшафтов, развивавшихся с XVIII — XIX вв. до наших дней.

Обратимся к таким типам культурных ландшафтов, как парки и сады. Как объекты восприятия сады и парки никогда не отделялись от субъекта. Они создавались для того, чтобы в них отдыхать, думать, общаться, наслаждаться красотой рукотворной природы.

Исторические материалы дают нам представление о том, что термин “сад” обозначался раньше как участок культивированной земли, засаженный фруктовыми деревьями, кустарниками и цветами; зачастую сад включал в себя огород (ещё в первой половине XVIII в. Летний сад в Петербурге назывался “Летним огородом”). Термин парк имеет английское происхождение. Первые парки появились в России в XVIII в. в связи с развитием пейзажного стиля планировки. Красота и практическая польза гармонично сочетались в их инфраструктуре. Парки органично включали в себя хозяйственные постройки, оранжереи, характерные для многих усадеб XVIII — XIX вв..

В современном понимании парк — это искусственно организованная природная среда, представляющая синтез различных форм художественно-эстетической деятельности [6].

Исходя из архивных данных можно привести примеры садово-парковых комплексов XVIII — XIX вв.:

усадьба Чемесовых, вторая половина XVIII в. (с. Дошино), и усадьба Муравьёвых, 2-я треть XVIII — вторая треть XIX вв. (с. Троицкое) в Медынском районе;

усадьба Н.П. Голициных, 2-я половина — конец XVIII в. (г. Городня), усадьба Полторацких, конец XVIII — вторая половина XIX вв. (с. Авчурино), в Ферзиковском районе и так далее [1].

Парк усадьбы Чемесовых — пример садово-парковой организации среднепоместной усадьбы с регулярной планировкой. Усадьба занимает компактную территорию с прямолинейными границами за исключением речки. В центре массива — крупный пруд, по периметру массива — аллеи. К востоку от дома — два каскадных пруда. В

овраге растут липы, березы, клены, сосны и ивы (всего около 85 старых деревьев).

Усадьба Голициных является одним из интереснейших памятников садово-паркового искусства. Включает регулярный и ландшафтный (пейзажный) парки, а также несколько плодовых садов.

Парк усадьбы Полторацких также включал в себя регулярную и ландшафтную части. Регулярным парком была занята треть территории усадьбы. Ландшафтный парк раскинулся на склоне, спускающемся к Оке. Поньше сохранились фрагменты его озеленения и планировки [1].

На территории Калужской области многие культурные ландшафты входят в состав памятников природы как регионального, так и федерального значения. Например, к усадебным ландшафтам регионального значения относятся:

парк усадьбы с. Петровское (Боровский район, 22,5 га);

парк усадьбы Яновских (Калуга, 34,4 га);

Нижний парк в г. Обнинске (25 га);

парк усадьбы “Пройдево” (Мосальский район, 25 га);

парк “Остров” в с. Детчино (Малоярославецкий район, 24 га).

Памятниками федерального значения являются:

парк ансамбля Присутственных мест с Троицким собором (г. Калуга);

парк усадьбы Белкино (Боровский район);

парк Гончаровых (п. Полотняный Завод, Дзержинский р-н) и так далее [1].

Природные комплексы этих территорий имеют большое природоохранное, научное, историческое и рекреационное значение.

Систематизировать все это многообразие культурных ландшафтов можно только с помощью классификации. Ландшафтная классификация имеет большое организующее значение как основа для научного описания ландшафтов. Вопросы по классификации еще долгое время будут спорными, так как происходит пересмотр статусов объектов, их значение, и самое страшное — запустение и гибель ландшафтов [3].

Говоря о сохранившихся культурных ландшафтах, мы зачастую имеем лишь их фрагменты, сохранившиеся лишь частично. Для архитектурных построек прошлых столетий характерна большая степень сохранности, чем для старинных садов и парков. Если любой сад, брошенный на произвол судьбы, через 10 лет становится неузнаваемым, то что можно говорить о целых веках запустения. Время и стихия очень быстро стирают черты садово-парковых ансамблей.

Исходя из архивных данных по культурным усадебным ландшафтам можно выделить несколько уровней технического состояния. Большое количество культурных усадебных ландшафтов XVIII — XIX вв. находится на среднем и плохом уровне. В плохом состоянии сохранности такие усадьбы, как усадьба Чемесовых и усадьба Муравьевых (Медынский район), усадьба Лопухиных (Малоярославецкий район) и так далее.

Средний уровень сохранности характерен для усадьбы Лощагина (Малоярославецкий р-н), для усадьбы Хлоповых (Козельский р-н) и т.д. В аварийном состоянии находится усадьба Ртищевых (Козельский р-н) [1].

Выявление отдельных элементов культурных ландшафтов необходимо при работах по их восстановлению, они помогают выяснить стиль парка, возраст, замысел создания и т.д. Четкая симметрия, прямоугольные формы, уравнищенность и последовательность — черты регулярных парков, которые характерны и для Калужских усадеб XVIII — XIX вв., (например, парк усадьбы Н.Н. Демидова в Думиничском районе, парк усадьбы М.Д. Бутурлина в Тарусском районе).

Для многих регулярных садов и парков XVIII — XIX вв. было характерно то, что они являлись неким продолжением самого дворца, некоторые элементы даже получали наименования внутренних помещений, предметов художественного убранства интерьеров: замкнутые площадки внутри боскетов — “кабинеты”, вытянутые полоски газонов — зелёные “ковры”, цветники со сложным фигурным узором — “вышивки” (“бродери”). Торжественность регулярных парков усиливалась включением различных скульптурных композиций [2].

Ландшафтные парки были основаны на свободном пространстве, состоящем из следующих элементов: лужайки, пруды, куртины кустов и группы деревьев различных пород.

Каскадные и более простые пруды, каналы сохранились в усадьбе Лощагиных и Чемесовых (Медынский р-н), несколько рвов — бывших дренажных систем в усадьбе Сонявиных (Мосальский р-н), система рыборазводных прудов — в усадьбе Дольское (Малоярославецкий район). Судя по этим некоторым элементам парков и садов, можно отметить, что красота элементов никогда не отделялась от их полезных, нужных качеств.

Внутреннее разнообразие создает возможности в будущем многофункционально использовать различные территории, повышая их экологические, рекреационные качества [3].

При изучении культурных ландшафтов очень важно осознавать, что структуру ландшафтов составляют как естественные (природные), так и искусственные образования (привнесенные человеком), которые совершенно различны по своей природе [5]. Вовсе не обязательно стремиться к преобразованию всех культурных ландшафтов, необходимо проводить больше мер по их уходу. Основными направлениями по оптимизации ландшафтов являются (по Исаченко) — 1) активное воздействие с использованием различных мелиоративных приемов, 2) уход за ландшафтом (например, санитарные, противопожарные мероприятия), 3) консервация (сохранение спонтанного состояния, особенно важного для сохранения генофонда растений и животных).

Общий обзор культурных ландшафтов дает представление о цели создания ландшафта, его значении (на местном, региональном, федеральном, международном уровнях), состоянии ландшафта на сегодняшний день. Обзор является лишь первой ступенью в изучении культурных ландшафтов, их классификаций и методом дальнейшей работы. Следующие этапы, помимо изучения архивных материалов, научных источников, будут включать практическую работу, живое наблюдение, сравнение и изучение объектов. Любой сдвиг в этом направлении уже имеет положительную сторону, так как появляется новое видение проблемы, выясняются факты, ранее не открывавшиеся и не замеченные. Изучение культурных ландшафтов как зон рекреации нашего края продолжает быть актуальным и сейчас. В последнее время стало уделяться больше внимания организации досуга людей, возможности отдыхать не только за пределами своего края, но и в своих родных местах. Это характерно для многих областей центральной части России. Они обладают большим потенциалом для развития туризма, но еще слабым уровнем организации отдыха людей.

Территория Калужского края богата старинными усадьбами, монастырями, местами, связанными с важными историческими событиями. Калужская область, так же, как и другие области центральной части России, была местом постоянного и летнего проживания многих дворянских семей (Полторацких, Голицыных, Нарышкиных, Гончаровых). Люди, живущие в области и за ее пределами, совмещают развлечение с познанием родного края, интересных фактов и событий, связанных с ним.

Большее внимание в этой работе было уделено садово-парковым комплексам XVIII — XIX вв., так как число этих культурных ландшафтов превалирует над остальными в области. Дальнейшее изу-

чение требует более подробной типизации культурных ландшафтов нашего края. Это дает возможность убедиться в уникальности каждого созданного творения, разрабатывать и предлагать новые методы по восстановлению ландшафтов, создавать как можно больше условий для культурного досуга людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архивные материалы дирекции по охране памятников.
2. Вергунов А.П., Горохов В.А. Русские сады и парки. М.: Наука.
3. Исаченко А. Г. Ландшафтоведение и физико-географическое районирование. М.: Высшая школа, 1991.
4. Каждан Т.П. Художественный мир русской усадьбы. М.: Традиция, 1997.
5. Рельеф среды жизни человека (экологическая геоморфология). М.: Медиа-Пресс, 2002.
6. Эстетика // Словарь / Под общей ред. А.А. Беляева и др. М.: Политиздат, 1989. 447 с.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО СЕЛЬСКОГО ЛАНДШАФТА СРЕДНЕЙ РОССИИ В РАЙОНЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ГЖАТСКОГО ТРАКТА НА ТЕРРИТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА "УГРА"

*Е.И. Васильева,
национальный парк "Угра"*

Одной из основных целей создания НП "Угра" было сохранение ландшафтного разнообразия территории, входящей в его границы. Культурный ландшафт угорского участка национального парка специалисты Российского НИИ культурного и природного наследия относят к традиционному сельскому (1. С. 51–141). Определяющими компонентами культурного ландшафта этого участка парка (от г. Юхнова до бывшей д. Захарово, левобережье р. Угра) являются хорошо сохранившийся Гжатский тракт и поселения близ него, исчезнувшие или находящиеся на грани исчезновения.

В период начала XVIII — середины XIX вв. Гжатский тракт (Юхнов — Гжатск) был особенно значим для осуществления торгово-экономических связей южных и центральных российских губерний со столицей (2. С. 21). Этот тракт был важнейшей частью сухопутного торгового пути, по которому грузы из Калужской, Тульской, Орловской, Курской, Черниговской губерний подтягивались зимой к Гжатским пристаням. Весной барки (плоскодонные, без киля суда, длиной 36 м, шириной 8 м, с осадкой в воде до 70 см,

с грузоподъемностью до 8000 пудов) с товаром сплавляли по Волжской речной системе до С.-Петербурга (3. С.20). В период наивысшего развития судоходства по Гжати с ее пристаней отходило до 800 судов, и Гжатская пристань за короткое время превратилась в главный отпускной порт всей восточной части Смоленской, западной части Московской губернии, всей Калужской провинции и других районов страны, несмотря на то, что река Гжать была судоходна только 10 дней в году (2. С. 29). В Указе Петра I от 11 ноября 1719 г. "Об открытии Гжатской пристани и о переводе на оную Торжков из Можайского уезда" писалось: "...Также чтоб на Оке закупать или подряхать хлеб будущим летом, и водою привести за 60 верст до Гжати, дабы в 21-м году от Гжати суда сплавить; также и прочее по умножению хлебного привоза и торгова, то надобно сему месту способствовать" (4). Первый гжатский хлебный караван на 50 барках прибыл в район строительства Ладожского канала, которое началось в 1718 г. (3. С. 18).

К 50-м гг. XIX в. река Гжать обмелела, и судоходство по ней потеряло былое значение. Но по Гжатскому тракту осуществлялось гужевое снабжение Смоленской губернии недостающими товарами. Строительство в конце XIX в. сети железных дорог означало угасание транспортного движения по старому тракту.

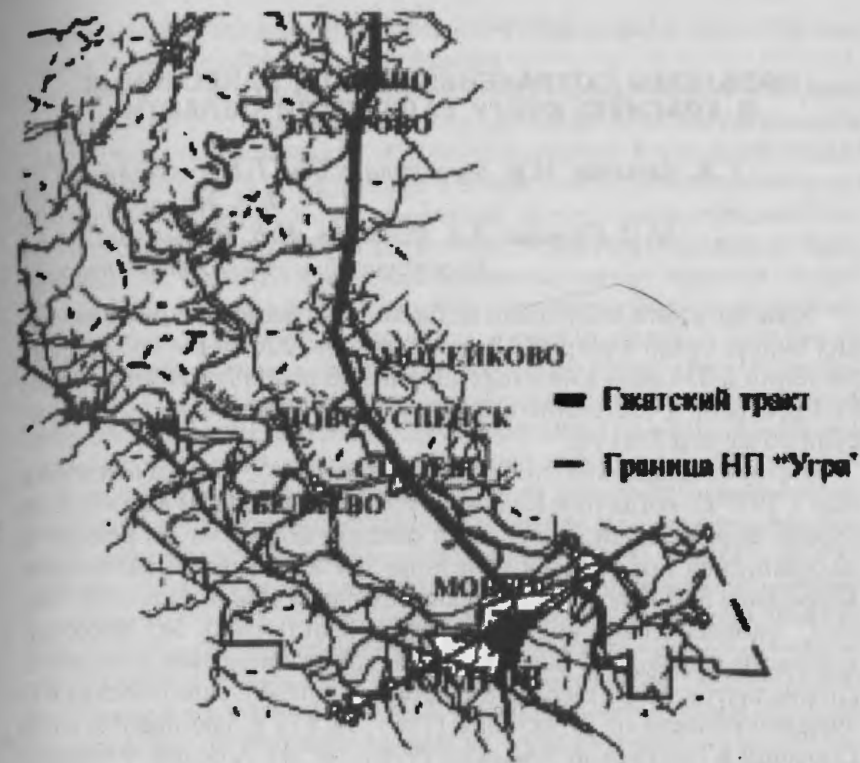
В настоящее время Гжатский тракт лучше сохранился на участке длиной около 4 км от с. Ново-Успенское по направлению к д. Захарово и представляет собой три ряда дорожного полотна, разделенных аллеями посадками и кюветами. В аллеях посадках есть старовозрастные деревья. Дорога практически не используется и зарастает. До недавнего времени двумя рядами бывшего тракта пользовались при вывозе заготовленного леса, и потому эти ряды зарастают менее интенсивно, нежели третий, по которому проложен кабель связи и движение транспорта запрещено.

По обе стороны от Гжатского тракта находилось много населенных пунктов, большая часть из которых исчезла лишь в середине XX в. Это Подмонастырная слобода, деревни Мокрое, Никитино, Строево, Карцово, Карцовские постоянные дворы, Щелаки (Щелоки), Федюково, Захарово (Крапивка), Козловка, Рубихино, Приселье, Мосейково, Столбинки, Минаки, Борисенки, Александровка (Моргаловка) и др. (5. С. 404–406). Сейчас на местах многих из них — распаханые участки, поляны с остатками фундаментов домов, старые плодовые деревья. Культура этих поселений входит составной частью в ментальную ценность традиционного сельского ландшафта этого участка парка и является объектом исследования

наравне с историей существования старинного тракта (рис. 1). Национальным парком ведется активный поиск архивных сведений (период XVIII — XIX вв.), касающихся этих объектов. Из Госархива Смоленской области, Объединенного мемориального музея Ю.А. Гагарина города Гагарина (бывш. Гжатск) получены ксерокопии различных документов конца XIX в., включая карту Гжатской пристани на период первой четверти XVIII в. Полученные материалы обрабатываются, но эта работа не закончена. На месте исчезнувших деревень находят старообрядческие кресты, в архивных документах отмечается, что в Юхновском уезде “раскольников разных сект оказалось 550 душ обоих полов” — данные за 1858 г. (6. С.138), в деревнях Приселье, Мокрое, с. Рубихино были моленные дома старообрядцев — данные за 1816 г. (7. С. 51). На месте д. Никитино найдены фрагменты малого поддужного серебряного колокола “Дар Валдая”, изготовленного не позднее 1900 г. — принадлежность исключительно почтовых троек. Снаружи одного из фрагментов — выпуклая надпись “ДАРЪ”, внутри того же фрагмента — выпуклая надпись “СЪ СЕРЕБРОМЪ”. Внутри другого фрагмента (навершие колокола) — трудно различимая надпись по кругу “МИХАИЛЬ — МАКАРЬ — ТРОШИНЪ — ВЪ С. ЦУРИХЪ”. Среди находок есть товарные пломбы, свидетельствующие о торгово-экономических связях. На большой пломбе — надпись в три строчки “ФАБРИКИ”, “А.А.”, “ОСУЖЕВА”, на другой стороне, — номер в две строчки “5836”, “195” На маленькой пломбе, которая могла быть на тканях, нитках, — надпись “ЛОДЗЬ”.

Формы сохранения ценных историко-культурных явлений могут быть различными. Архивные сведения, воспоминания старожилов станут содержательной основой тематических публикаций, экскурсионных маршрутов, вкпе с находками с мест расположения исчезнувших поселений послужат основой музейной экспозиции, планируемой в визит-центре Беляевского лесничества; на местах исчезнувших поселений будут установлены поклонные кресты. Для осуществления этих мероприятий нужны дополнительные средства.

Поскольку этот участок национального парка является ценным историко-культурным территориальным комплексом, необходимо принимать меры по сохранению не только его ментальной составляющей, но и природной. Нужно особо отслеживать возможное вовлечение этих земель в активную экономическую деятельность, своевременно согласовывать вопросы с местной администрацией и землепользователями, препятствовать заболачиванию и зарастанию собственно дороги.

Р и с. 1. Карта-схема Гжатского тракта на территории национального парка “Угра”

ЛИТЕРАТУРА

1. Чалая И.П., Иванова И.Г. Культурно-ландшафтная дифференциация территории национального природно-исторического парка “Угра” // Схема организации и развития национального парка “Угра”.
2. Пилецкий Я.А. Промыслы государственных крестьян Смоленской губернии в 1850-х годах. ГАСО. Смоленск. 1901.
3. Орлов В.С., Чернобаев В.А. Гжатск. Смоленск, 1957.
4. Указ Петра I 1719 года “Об открытии Гжатской пристани и о переводе на оную торжков из Можайского уезда” (Архив Объединенного мемориального музея Ю. А. Гагарина). Гагарин (ксерокопия).
5. Список населенных мест Смоленской губернии по сведениям 1859 г. ГАСО. СПб, 1868.
6. Цибриков М. Материалы для географии и статистики России. ГАСО. СПб, 1862.
7. Соколов Н. Раскол в Смоленской епархии. ГАСО. 1888. Смоленск.

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ВИДОВ, ЗАНЕСЕННЫХ В КРАСНУЮ КНИГУ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

*С.К. Алексеев, Н.В. Воронкина, к.б.н., Г.В. Голубева, к.б.н.,
В.А. Марголин, к.б.н.,
М.Н. Сионова, А.А. Шмытов, И.В. Шмытова, к.б.н.,
Калужское общество изучения природы*

Красная книга Калужской области насчитывает 578 биологических видов, среди которых 18 видов грибов, 226 видов сосудистых растений и 334 вида животных (Доклад об использовании природных ресурсов и состоянии окружающей природной среды Калужской области в 2001 г.).

История появления этого «краснокнижного» списка относится еще к 1997 г., когда при Калужском государственном комитете по охране окружающей среды была создана комиссия по редким и находящимся под угрозой исчезновения животным и растениям. Комиссией был подготовлен предварительный список «краснокнижных» биологических видов, который, практически без дополнительных исследований малоизученных групп и поправок со стороны специалистов, был утвержден Постановлением Правительства Калужской области от 29 октября 1998 г. № 115 и Законодательным Собранием Калужской 3 декабря 1998 г. № 542. А позже, 4 февраля 2000 г., этот же список был утвержден на заседании Правительства Калужской области (Постановлением № 13). Так появилась Красная книга Калужской области.

Пугающий своим многообразием более чем полутысячный список калужских «краснокнижных» видов далеко не предел. Например, в Московской области таких видов — 689! Тем не менее ст. 65 Закона Российской Федерации «Об охране окружающей среды» и ст. 24 Федерального закона «О животном мире» соответственно гласят: «*предприятия, учреждения, организации, иные землепользователи, на территориях которых имеются растения и животные, относящиеся к видам, занесенным в Красные книги, обязаны принимать меры по охране и воспроизводству этих видов растений и животных*» и «*юридические лица и граждане, осуществляющие хозяйственную деятельность на территориях и акваториях, где обитают животные, занесенные в Красные книги, несут ответственность за сохранение и воспроизводство этих объектов животного мира в соответ-*

ствии с законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации».

Список редких или уязвимых видов подразумевает в первую очередь работу с каждым из видов, направленную на сохранение его конкретных популяций и стадий обитания. Если иметь в виду наши природоохранные законы и целую систему государственных органов и общественных организаций (охот-, рыбинспекции, комитет по природным ресурсам, охотобщество, национальный парк, заповедник, охотничьи и лесные хозяйства, центр «Кадастр» и др.), так или иначе связанных с охраной, приумножением и исследованием живой природы, в том числе и редких видов, то, казалось бы, все необходимые условия для работы по сохранению «краснокнижных» видов есть. Но это далеко не так. Авторам ни разу не приходилось сталкиваться в Калужской области с тем, чтобы при разработке, планировании или строительстве каких-либо сооружений, создании хозяйств или проведении массовых мероприятий, связанных с эксплуатацией природы области, проводились предварительные исследования, учитывающие влияние на краснокнижные виды и места их обитания. Даже при проведении таких государственных и, по сути, природоохранных работ, как лицензирование охотничьих или фермерских хозяйств или охото- и лесоустройств, отсутствуют исследования на предмет влияния на «краснокнижные» виды и их местообитания. В результате, несмотря на внешнее благополучие по сохранению редких и краснокнижных видов нашей области (законы предусматривают, «краснокнижные», списки пишутся, ареалы уточняются, рабочие листы Красной книги создаются и т.д. и т.п.), собственно сохранением, не говоря о воспроизводстве, никто не занимается. Наверное, единственным положительным примером не разговоров, а действия может служить ежегодное зарыбление Оки, Угры и Жиздры окской стерлядью. Хотя этот пример не столь удачен, так как параллельно с зарыблением рек идет практически безнаказанная эксплуатация рыбных ресурсов со стороны браконьеров. Продолжается безнаказанная ловля таких «краснокнижных» рыб, как сом и чехонь, даже в пределах городской черты. А гибель таких видов рыб, как русская быстрянка, обыкновенный голяк, горчак или обыкновенный подкаменщик, вообще не учитываются при составлении протоколов, при загрязнении водоемов или водотоков. Даже создание ООПТ типа заповедника или национального парка не является гарантией сохранности и приумножения того или иного вида, занесенного в Красную книгу. Например, при полном заповедовании территории (ГПЗ «Калужс-

кие засеки”) происходит естественное зарастание лугов и смена вторичных лесов на широколиственные, климаксные для территории заповедника. Как результат уже сейчас в заповеднике наблюдается исчезновение или уменьшение численности ряда луговых видов, в том числе и “краснокнижных”. Единственное известное местообитание восковика-отшельника в Ульяновском районе, близ д. Мелихово, уничтожается в результате хищнических вырубок дуба, причем именно тех деревьев, на которых этот вид и был обнаружен. В районе р. Ямная (национальный парк “Угра”) в результате вырубки нарушено местообитание сразу шести калужских “краснокнижных” видов. В результате бесконтрольной организации массовых туристических палаточных лагерей, в районе пляжа близ д. Новолоки, в 2001–2002 гг. уничтожено несколько местообитаний калужских “краснокнижных” растений, животных и грибов (например, чабрецы использовались для заварки чая, а их место произрастания полностью вытоптано; дуплистые дубы, те, в которых были отмечены восковик-отшельник и гриб-печеночница обыкновенная, пошли на дрова). Подобные примеры имеются и при организованном размещении туристических групп в национальном парке “Угра”, где также не учитываются станции обитания “краснокнижных” и редких видов и рекреационное воздействие на них. Нам не известно ни одного случая в Калужской области, чтобы туристические маршруты или стоянки были перенесены в сторону от мест гнездовой редких видов птиц или поселений животных. Хотя таких примеров в других регионах (Астраханская обл., Северная Осетия-Алания, Эстония, Латвия и др.) достаточно, и это считается нормой. Совершенно не принимается во внимание возможное обитание редких видов растений или животных при строительстве дорог, газопроводов, разработке новых карьеров, планировании лесосек и т.п. Например, близ тех же Новолок, на месте начавшихся промышленных разработок известняка, были уничтожены участки степных лугов — известные места обитания ряда краснокнижных видов растений и животных. И таких примеров можно привести много.

Причин такому положению дел с “краснокнижными” видами в Калужской области несколько. Первая — отсутствие каталога уникальных, редких растительных сообществ и биотопов, где, как правило, сконцентрированы на небольших площадях многие редкие для нашей области “краснокнижные” виды. Вторая — отсутствие экологической экспертизы по “краснокнижным” видам со стороны природоохранных организаций при планировании мероприятий, строительстве, разработках и организации различных хозяйств, связан-

ных с эксплуатацией таких уникальных для области участков и территорий. Третья — это отсутствие официальной организации или комиссии, которая на профессиональном уровне могла бы заниматься экспертизой и разработкой в каждом конкретном случае рекомендаций по использованию территорий без ущерба обитающим там видам, охраняемым российским законодательством. Четвертая — это отсутствие необходимой и достаточной законодательной базы, обязывающей всех эксплуатирующих природные ресурсы проводить обязательную предварительную экспертизу по “краснокнижным” видам.

Исправлять создавшееся положение по сохранению редких видов необходимо сразу по всем вышеперечисленным направлениям и как можно скорее. Быстро изменившееся в исключительно потребительскую сторону отношение к природе новых хозяев и землепользователей или просто наших граждан требует адекватных мер по сохранению природы со стороны государственных органов, ответственных за её сохранение. Меры необходимо принимать срочные. А пока составляются списки и уточняются ареалы, ряд местообитаний “краснокнижных” видов просто уничтожается.

На наш взгляд, первой и наиболее своевременной мерой должна быть экспертиза по уже имеющемуся списку “краснокнижных” видов, всех вновь планируемых объектов, хозяйств, постоянных туристических маршрутов или массовых мероприятий (типа экологических лагерей или туристических слетов) и т.п., связанных с эксплуатацией новых участков “дикой” природы или с изменением её формы эксплуатации. При комитете природных ресурсов по Калужской области необходимо создать группу или комиссию квалифицированных специалистов, проводящих экологическую экспертизу по “краснокнижным” видам. Комиссия должна проводить на хозяйственной основе подобную экспертизу всем организациям, которые собираются получать прибыль при эксплуатации природных ресурсов. Она же на общественных началах или за счет бюджетных средств должна проводить такую экспертизу всем другим организациям или обществам, которые проводят массовые и длительные некоммерческие мероприятия в целях экопросвещения или отдыха на природе.

Параллельно с работой над областной Красной книгой необходимо создание кадастра всех наиболее ценных и редких природных территорий, ландшафтов, геологических объектов, родников, малых рек, болот, растительных сообществ Калужской области. Как правило, с наиболее редкими и уникальными для области вышеперечисленны-

ми природными объектами связано большинство редких растений и животных, только часть из которых попала в Красную книгу.

Одновременно необходимо создавать местную законодательную базу и использовать в полной мере уже имеющиеся законы для надлежащего контроля за сохранением биоразнообразия нашей области, в т.ч. и “краснокнижных” видов. Обязательно должна быть разработана система адекватных компенсаторных санкций по отношению к организациям и частным лицам, нарушающим среду обитания “краснокнижных” видов, предусматривающих не только систему штрафов, но и восстановительные мероприятия по отношению нарушенной среды обитания редких видов.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К ИНФОРМАЦИОННОМУ ФАКТОРУ СРЕДЫ КАК ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА¹

Л.А. Котуранов,

Коркозевская средняя общеобразовательная школа муниципального образования “Перемышльский район” Калужской области

Процесс взаимодействия информации и человека ранее не входил в число проблем, традиционно оказывавшихся в центре внимания учёных-экологов. Но революционные изменения в сфере информационных технологий, всё возрастающая жизненная зависимость человека от объёма и качества получаемой информации заставляют иначе взглянуть на складывающуюся ситуацию. Специалисты различных отраслей науки практически независимо друг от друга (что подтверждает объективность поднимаемой проблематики) всё настойчивее заявляют о назревшей необходимости выделения специального научного направления, определяемого как “информационная экология” [5]. Предметом изучения информационной экологии и является процесс взаимодействия человека и информационной среды. Экологический подход обеспечивает выделение широчайшего спектра прикладных аспектов данного направления.

Прежде всего необходимо определиться с используемой терминологией. Полисемичность, неоднозначность трактовки используемых понятий создаёт определённые сложности. Так, “информация” с давних времён в философии понималась как совокупность неких сведений, что совпадало и с интуитивным, обыденным её понима-

¹ Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и администрации Калужской области (проект №03-06-00383а/Ц).

нием. Но во второй половине XX в. содержание понятия “информация” значительно обогатилось и расширилось: по мнению академика Н.А. Амосова, всякое воздействие одной системы на другую связано с передачей информации, и, таким образом, информация — понимается как определённый акт взаимодействия, приобретая тем самым уже иное значение [4].

Термин “толерантность” в данном контексте также используется не в психологическом или общественно-политическом смыслах как “терпимость, снисходительность”, а именно в качестве экологического понятия как “широта пределов выносливости организма к воздействию определённого фактора”. Более того, “толерантность” в общественно-политическом смысле оказывается понятием более узким, входящим в значительно более ёмкое понятие “экологическая информационная толерантность”: проявления нетерпимости свидетельствуют о внутренней нестабильности субъекта, а широта пределов выносливости к любой информации, в том числе и к той, с которой субъект не согласен, обеспечивает терпимость как к носителям такой информации, так и к её источникам.

Следовательно, информация, поступающая из различных источников, рассматривается как фактор воздействия на человека, являющегося биопсихосоциальным существом. Причём интенсивность, характер и результаты этого воздействия следует рассматривать с позиций подчинения данных показателей экологическим закономерностям аналогично воздействию иных факторов среды. Как известно, взаимосвязь интенсивности воздействия какого-либо фактора среды и качества жизни организма определяется согласно законам Либиха и Шелфорда. Информационное воздействие также подчиняется этим законам. Так, недостаточное поступление информации в условиях “сенсорного голода” влечёт разрушительные последствия для субъекта, что доказано многочисленными психофизиологическими экспериментами [2]. То же относится и к избыточному количеству информации, для защиты от которого у человека существуют специальные психофизиологические механизмы [1].

Поскольку автору в силу его профессиональной принадлежности наиболее близки вопросы, касающиеся обучения и воспитания подрастающего поколения, будет уместно рассмотрение заявленных проблем на примере педагогики. Для педагогики оказывается крайне важным выяснение причин, определяющих индивидуальную широту границ информационной толерантности и, самое главное, наличие информационного оптимума, индивидуального для каждо-

го обучающегося. Так, нами проводились исследования взаимосвязи времени просмотра телевидения с формированием эгоцентрического мировоззрения учащихся (выборка 20 человек) и взаимосвязи просмотра боевиков с агрессивностью подростков (выборка 25 человек). При этом следует отметить, что для обеспечения объективности и предотвращения социально желательных ответов использовались шифры, позволяющие при сохранении анонимности проследить данные каждого отдельного респондента. Был отмечен следующий факт. В обоих случаях получалась прямая линейная корреляция (коэффициенты Пирсона значимы на уровне допустимой ошибки 0,01), но данные двух анкет выпадали из общего ряда взаимозависимости: при времени просмотра телевидения ниже среднего показатели эгоцентрической направленности личности были достаточно высоки; при эпизодическом просмотре боевиков показатели агрессивности, тем не менее, оказались также весьма высокими. Для выяснения причин несоответствия было проведено дополнительное тестирование с помощью опросника Эрнста Хартмана на "толщину психологических границ", которое и обнаружило повышенную восприимчивость именно у этих двух респондентов. Таким образом, узость границ пределов выносливости субъекта к информационному фактору требует тщательной селекции поступающей информации с отсечением неблагоприятной. В противном случае возможны негативные последствия как для самого субъекта, так и для объектов его социальных контактов.

Экологический подход позволяет корректировать как объёмы, так и способы подачи учебной информации. Но значительно более актуальным для сегодняшнего состояния нашего общества является вопрос уровня воспитанности его членов. В связи с этим особую важность приобретает широта границ толерантности человека не к объёму, а к качеству получаемой информации. При узости пределов выносливости происходит "токсификация сознания" информацией, не отвечающей нравственным критериям здорового общества. Перед педагогами встаёт задача реморализации субъектов воспитательного процесса с учётом того, что при интенсивности воздействия информационного фактора, близкой к границам пределов выносливости, возможна деструкция личности, приводящая к асоциальным проявлениям. В отдельных экстремальных случаях не исключена и биологическая гибель организма (внезапная смерть вследствие получения трагических известий, эпидемия самоубийств в подражание кумиру и т.п.), что может расцениваться с экологических позиций как проявление информационной причинности.

Общеизвестно, что одним из факторов, обеспечивающих стабильность существования социума, является уровень нравственности его членов. Безнравственное поведение отдельных субъектов, обеспечивая им тактический выигрыш на определённом жизненном этапе, в совокупности оказывается проигрышной стратегией на уровне социума в целом. Когда численность субъектов, не придерживающихся в своём поведении нравственных норм, достигает некоей критической величины, соблюдение данных норм становится лимитирующим фактором, так как без него социум разрушается. В итоге это приводит к фатальным последствиям для всех членов социума, так как человек априорно существо, в норме не могущее существовать вне общества. При этом следует учитывать то существенное обстоятельство, что нравственные нормы являются категорией качественной, а не количественной, то есть принципиально важен сам факт их нарушения, а не его размеры: так, любая форма присвоения любой собственности, не принадлежащей субъекту, вне зависимости от её количества и стоимости, является аморальным поступком. Из вышеизложенного следует, что этические нормы являются не неким искусственно навязываемым ритуалом неизвестного происхождения, а естественной необходимостью нормальной жизнедеятельности человека как биопсихосоциального существа. Это подтверждается также включением механизмов психологической защиты при нарушении моральных норм [5].

Соответственно, процессы возникновения, усвоения и реализации в человеческой деятельности данных норм могут быть предметом рассмотрения с позиций информационной экологии.

Становление любого признака, и прежде всего поведенческого, происходит через следующие этапы: наличие наследственной программы (гены) — чувствительный период — предопределение пути развития — формирование признака ("самообучение"). Академик В.П. Эфроимсон ввёл понятие "импрессинг" для обозначения сверххраненных впечатлений детства, которые действуют в чувствительный период и являются жизнеопределяющими [6]. Можно предположить, что и уровень толерантности к негативному воздействию безнравственной информации также закладывается в этот период.

Таким образом, подводя итоги всего вышеизложенного, следует отметить, что использование экологических подходов с позиций информационной экологии позволяет обеспечить концептуальную новизну возможных способов решения актуальных общественных проблем путём увеличения широты пределов выносливости субъекта к информационному фактору, определяемой как "информационная толерантность".

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мизинцева М.Ф., Королева Л.М., Бондарь В.В. Информационная экология. М.: Типография Россельхозакадемии, 2000.
2. Медиаобразование, интегрированное с базовым. Вып. 1. М., 1999.
3. Годфруа Ж. Что такое психология: В 2 т. Т. 1 / Пер. с франц. М.: Мир, 1992.
4. Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение / Пер. с англ. М.: Мир, 1988.
5. Грановская Р.М., Никольская И.М. Защита личности: психологические механизмы. СПб.: Знание, 1999.
6. Эфронсон В.П. Генетика этики и эстетики. СПб: Талисман, 1995.

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ КОМПАКТ-ДИСК "ПРИРОДА РОССИИ (ЦЕНТР)"

А. К. Ахлебинин, к.х.н.,

Калужский государственный педагогический университет им.

К.Э. Циолковского

Т. В. Ахлебинина, к.п.н.,

Калужский областной институт переподготовки работников
образования, А. С. Кракосевич, г. Калуга

И. В. Шмытова, к.б.н.,

Калужский государственный объединенный краеведческий музей

Выполнение задач, поставленных в Концепции модернизации Российского образования, невозможно без эффективного использования информационных и коммуникационных технологий. Информационная поддержка образовательного процесса может осуществляться только при наличии разнообразных компьютерных программ учебного назначения, электронных библиотек.

В межвузовской лаборатории интенсивных методов обучения SPLINT (КГПУ им. К. Э. Циолковского, МПГУ, МГУ им. М. В. Ломоносова) создан мультимедийный компакт-диск «Природа России (центр)», являющийся справочно-информационной системой с широкими возможностями представления аудио-визуальной и текстовой информации.

Стержневой идеей компакт-диска выступает показ биологического разнообразия центральной России и воспитание у пользователей бережного отношения к окружающей природе.

В процессе создания мультимедийного диска было подготовлено большое число оригинальных фото- и видео- материалов, которые представлены в виде трех основных функциональных модулей: фото-, видеоальбомов и виртуальных экскурсий.

Р и с. 1. Скриншот программы «Природа России (центр)»

Для выбора систематической группы живых организмов используются кнопки (обычно на них находится фотография типичного представителя данной группы с подписью). Клик левой кнопки мыши на выбранной кнопке производит вызов фотоальбома по данной тематике. Сверху расположено меню, посредством которого можно вызвать фотоальбом по всем представленным группам, а также видеоальбом и экскурсии.

В фотоальбоме содержится около 1200 фотографий с описаниями. Для каждого вида указано его систематическое положение на русском и латинском языках. Фотоальбом представлен тремя основными окнами:

оглавление, элементами которого являются названия видов грибов, лишайников, растений, животных или пейзажей, представленных на фотографиях;

фотография природного объекта;

краткое описание вида (или четверостишие о природе).

Для удобства поиска и отбора материала в программе реализована система поиска, которая позволяет выбирать необходимые описания и фотографии. Поиск проводится не только по оглавлению или ключевым словам, но и по текстам описаний.

При просмотре фотографии возможно ее увеличение на полный экран и в принципе любая детализация изображения, которая дос-

тигается с помощью заложенной в программу серии фотографий рассматриваемого объекта, выполненных в различном масштабе.

Р и с. 2. Скриншот фрагмента видеоальбома «Природа России (центр)»

Возможен непосредственный переход из фотоальбома к видеозаписи, к фрагменту экскурсии с этим видом, экскурсии по этой группе живых организмов или к соответствующему аудиофрагменту. Все это реализуется через пиктограммы в левом нижнем углу фотографии.

Видеоальбом компакт-диска «Природа России» включает свыше 100 оригинальных озвученных видеофрагментов, выполненных в формате mpeg. Видеоальбом представлен двумя основными окнами: оглавление, элементами которого являются названия видов грибов, растений или животных;

окно для демонстрации видеофрагмента с панелью управления.

В видеоальбоме реализована система поиска, которая позволяет отбирать необходимые видеофрагменты по названиям видов или любым словосочетаниям оглавления. Демонстрация видеофрагментов возможна как в окне, так и на полный экран.

Модуль «виртуальные экскурсии» содержит около 600 экскур

сионных объектов. Они могут быть представлены фотографиями, видеофрагментами, рисунками, схемами, текстами и т. д. со звуковым сопровождением. Интерфейс виртуальных экскурсий аналогичен таковому для видеоальбома. Модуль позволяет использовать не только экскурсии, заложенные в программу авторами, но и дает возможность пользователю самостоятельно создавать виртуальные экскурсии в соответствии со стоящими перед ним дидактическими или иными задачами.

Р и с. 3. Скриншот фрагмента видеоальбома «Природа России (центр)»

Из имеющихся в базах данных объектов возможно создание собственных экскурсий с последующим сохранением их на диске и дальнейшим использованием. Таким образом, три основные модуля программы взаимосвязаны логично дополняют друг друга и предоставляют широкие возможности для использования по пяти разделам: «Времена года», «Грибы», «Лишайники», «Растения», «Животные».

Хотя первоочередной целью создания компакт-диска «Природа России (центр)» являлось предоставление преподавателям, учащимся и всем интересующимся природой средств для визуализации биологических объектов, оказалось, что возможности его значительно шире. Иллюстративный материал компакт-диска можно использовать не только на уроках при изучении различных разделов биологии — от

начальной школы до элективных курсов в старших классах, но и при изучении экологии, химии, географии, литературы, ОБЖ и др.

Р и с. 4. Скриншот фрагмента экскурсии «Природа России (центр)»

Содержательная интеграция позволяет использовать программу в ходе изучения экологии в основной и старшей школе. Создается возможность для учащихся привести в систему многообразие организмов, взаимодействие их между собой и с окружающей средой. Учащиеся могут наглядно увидеть редкие и охраняемые виды растений и животных, а также приспособления организмов к средам обитания. Дидактически интегративный, гуманитарный подход к экологическому образованию формирует не только конкретные экологические знания, но мировоззренческие и нравственные основы у школьников с учетом федерального и национально-культурного компонентов.

Программу целесообразно использовать при изучении географии в основной и старшей школе, так как она непосредственно связана с Россией, ее природными богатствами и разнообразием. С опорой на собственный и приобретенный опыт ученик формирует этические и эстетические качества, изучает животный и раститель-

ный мир разных климатических зон, учится понимать не только красоту российской природы, но и мир вокруг нас. Так, кстати, назван учебный курс в начальной школе, который дает младшим школьникам возможность на пропедевтическом уровне подготовиться к естественно-научному образованию на основной ступени обучения. Предмет может называться и по-другому: «Я и мир вокруг», «Окружающий мир», хотя суть его остается единой: познакомить младшего школьника с понятиями «времена года», «животные», «растения» и т. д., все это возможно с высокой степенью наглядности осуществить с помощью данного компакт-диска.

Эти же задачи решаются и в учебном предмете «Естествознание», который учащиеся могут изучать с 1-го класса. Тексты учебников дополняются материалом вербального и зрительного характера, обеспечивая целостность образовательного процесса. Они могут сопровождаться виртуальными экскурсиями, видео- и фотоальбомом, с помощью которых можно в считанные секунды показать бабочку и редкое растение или животное, почки деревьев и водоемы, луга и заповедники, перенести нас из зимней стужи или промозглой осени в жаркий июльский полдень. Таким образом, можно показать объекты, которые недоступны для наблюдения в природе в учебный период.

По мере взросления школьников усложняются обучающие задачи и содержание изучаемого материала. В курсе химии компакт-диск тоже может найти достаточно широкое применение. Так, например, при изучении темы «Циклоалканы» целесообразно продемонстрировать общие закономерности устойчивости циклических систем. С этой целью можно показать микрофотографию водоросли «водяная сеточка», которая состоит из клеток, объединенных в 5, 6, 7-членные циклы. Каждая сторона цикла образована одной клеткой. Пример водяной сеточки убедительно доказывает, что системы, состоящие более чем из 5 членов, являются устойчивыми. В теме «Углеводы» средством наглядности служит любое зеленое растение, накапливающее крахмал. Это помогает проиллюстрировать процессы фотосинтеза. Говоря о целлюлозе, можно демонстрировать ель, сосну, кедр, одноклеточные водоросли. Целый раздел «Насекомые» является наглядным материалом, так как внешний скелет насекомых состоит из полисахарида хитина и т. д.

На уроках литературы возможно использование компакт-диска при изучении темы «Стихи русских поэтов о природе». Все наглядные материалы раздела «Времена года» снабжены лирическими четверостишиями русских поэтов разных эпох. Учащиеся могут анали-

зирать предложенные стихи, подбирать более приемлемый вариант или сочинять свои стихи.

При изучении курса “Основы безопасности жизнедеятельности” учитель может продемонстрировать ядовитые грибы и растения, переносчиков ряда инфекционных заболеваний, опасных животных, которые встречаются на территории России.

На уроках предмета “Информационные технологии” учитель может показать технические возможности программы, ее структуру, способы предъявления материала, работу поисковой системы.

Программа построена на основных общепедагогических принципах: интеграции учебных дисциплин, научности, гуманизации, систематичности. Учащиеся и преподаватели могут работать с программой как на уроках, так и во внеклассной и внешкольной деятельности. Мультимедийный компакт-диск “Природа России” дает возможность углубить мировоззренческие основы поведения личности, связанные с категориями “природа” и “культура”.

Компакт-диск прошел апробацию, которая показала, что его использование способствует возрастанию интереса учащихся к изучаемому предмету и познавательной активности школьников. Ряд пожеланий, полученных в результате апробации, будет учтен в следующих версиях компакт-диска.

Высокая степень научности заложенного в него материала дает возможность использовать компакт-диск “Природа России” в высших учебных заведениях, на биологических и биолого-химических факультетах педагогических вузов. Программа не требовательна к ресурсам компьютера и устойчиво работает на компьютерах с операционными системами Windows 98/ME/NT/2000/XP.

ЭКОЛОГО-ТУРИСТСКАЯ РАБОТА И ЗДОРОВЬЕ ШКОЛЬНИКОВ

*И.А. Самарина,
Калужский областной центр детско-юношеского
туризма и экскурсий,
эколого-туристский отряд «Муравей»*

*Л.В. Шевченко,
средняя школа № 5 г. Калуги, экологический отряд «Пингвин»*

Воспитание гармонично развитой личности — главная задача школы. В это понятие вкладывается не только умственное, психическое, но и физическое развитие школьников. Одним из условий,

определяющих возможность физического и психического развития, является **здоровье**. Что же включает в себе это понятие? Л.И. Грехова определяет человека, жизнь, здоровье как “многофакторные функции”. В связи с этим под здоровьем она понимает состояние полного благополучия: духовного, физического, социального, а также получение наслаждения от успеха (Грехова, 2002).

Удовлетворение потребностей в познании, получение наслаждения от успеха субъективно ощущаются индивидом как счастье, способствует развитию потенциальных возможностей человека.

Следовательно, в своей деятельности педагоги должны придерживаться таких технологий, которые обеспечат гармоничное развитие личности, будут направлены на “здоровье”, создание ситуации успеха.

В этом плане эколого-туристская деятельность в системе дополнительного образования как нельзя лучше соответствует задачам воспитания здоровой, гармонично развитой личности. Здесь можно выделить несколько факторов, влияющих положительно на здоровье школьников:

двигательная активность,
заинтересованность школьников в исследовательской и творческой деятельности,
здоровая окружающая среда.

Рассмотрим эти факторы подробнее.

Двигательная активность. За последние годы резко возросло количество школьников с нарушениями опорно-двигательной системы, близорукостью, аллергией, неврозами, ожирением. Прослеживается четкая динамика таких заболеваний от I до XI класса. Это связано прежде всего с гиподинамией, большой ежедневной статической и умственной нагрузкой. В обычной системе занятий дети, как правило, сидят, записывая сообщаемые учителем сведения, включаются в умственную работу, оставаясь на своих местах. Занятия на основе игровых технологий в экологическом образовании предполагают проигрывание экологических ситуаций в движении. Экспедиции, походы, экскурсии по экологической тропе — это еще и двигательная активность. “Ходьба доступна по своей физиологической нагрузке почти всем людям, за исключением тяжелоатлетов, — пишет доктор медицинских наук Б. Н. Никитин. — Если пройти ровным спокойным шагом, то улучшается кровообращение, вентилируются легкие, а кровь и ткани насыщаются кислородом. И, наконец, нервная система успокаивается, благодаря некоторой равномерности и монотонности импульсов, идущих от ног к

мозгу. Движение растормаживает клетки больших полушарий; кроме того, усиливает циркуляцию воздуха, заставляет сердце работать интенсивнее, а это ускоряет ток крови и лимфы по сосудам, что в свою очередь улучшает питание мышц, внутренних органов и головного мозга” (Никитин, 1958). Исследования Л. А. Алексеевой показали, что в процессе напряженных занятий у учащихся VII — VIII классов развивается “суммация остаточного с вновь наступившим острым утомлением и происходит его нарастание, образуется хроническое умственное утомление. Оно соответствует тому, что обычно называют переутомлением. Исследования показали, что мышечная работа, раздражая проприорецептуру мышц, связок, суставов, посылает кинестезические импульсы в полушария головного мозга, является стрессовым раздражением, повышая тонус и работоспособность клеток головного мозга, снимает умственное утомление” (Алексеева, 1972). Данные об улучшении здоровья учащихся, занимающихся туризмом, содержатся в исследованиях А. Г. Нагорного и А. М. Майорова. Если первый изучал подростков старшего возраста и юношей, то второй — детей младшего подросткового возраста. Оба автора констатировали улучшение самочувствия ребят, увеличение объема грудной клетки, уменьшение частоты дыхания и увеличение становой силы. А. М. Майоров, кроме того, преследовал цель доказать снижение при занятиях туризмом “вреда для здоровья и физического развития школьников, порождаемого учебной нагрузкой”. Его данные подтвердили положительное воздействие туризма на детей младшего школьного возраста (Остапец, 2001).

Здоровая окружающая среда. Экологическое образование и воспитание обязательно включает в себя *экспедиционную работу*. Поэтому программа содержит темы по начальному туристскому образованию, ориентированию, безопасности жизнедеятельности, походы и экспедиции.

Походы выходного дня не только разрывают напряженную учебную деятельность, снимают психическое напряжение рабочей недели, но и позволяют уйти от загазованности города или поселка, от высокого уровня шума. Кроме того, при значительном времени пребывания подростков в закрытых помещениях субботний или воскресный туристский поход является важным средством профилактики заболеваний.

Под окружающей средой следует понимать не только природные условия, но и то психологическое окружение, которое создается в группе школьников. Часто в эколого-туристском кружке занимаются “трудные” дети из-за возможности сходить в поход, проявить

себя во внешкольной обстановке. В категорию “трудных” такие дети попадают, когда сталкиваются с отрицательной оценкой класса, несогласного с результатами его учебы и поведения. Ученик старается улучшить учебные дела, активизировать общественную деятельность, занять достойное место в коллективе. Однако серьезные упущения в учебе нередко не позволяют подростку самостоятельно разрешить конфликт. Школьник пытается утвердить себя в детском коллективе деятельностью, которая дается ему легче всего, чаще неадекватным поведением, грубостью, “заигрыванием” со сверстниками или, напротив, “уходит” от коллектива, становится замкнутым и, что всего хуже, идет во двор, приучается к курению, алкоголю, наркотикам. Эколого-туристская деятельность предоставляет ребенку возможность показать себя в более легкой, чем учеба, деятельности. Через туристскую деятельность подросток может восстановить утраченные позиции в классе и школе. В совместной походной жизни меняется отношение к нему одноклассников и педагога. Трудновоспитуемый подросток возвращается к нормальной школьной жизни: прекращаются прогулы, улучшается дисциплина, активизируется общественно-полезная деятельность, восстанавливается интерес к изучению отдельных предметов, наступает улучшение отношения к учебе в целом. “Большинство участников всех экспедиций, — пишут челябинские учителя, — как правило, мальчишки. Встречаются среди них и “трудные” ребята. Однако в походе их не узнать. Повсюду они впереди, всегда там, где больше всего трудностей. Интерес к делу, любознательность, трудолюбие — таковы качества, которые неожиданно раскрылись у этих ребят. И что особенно ценно — эти качества в течение учебного года не утрачиваются” (Рославский, Гинсбург, 1973). В новой обстановке, занятые трудом, при правильном режиме жизни, в движении, в совместной коллективной деятельности со сверстниками подростки проявляют лучшие черты. Педагогически правильно построенная эколого-туристская работа увлекает детей, помогает понять, что, кроме бесцельного времяпрепровождения, ничегонеделания, в мире есть масса интересного. Так формируется познание окружающего и стремление найти свое место в жизни.

Экологические тропы. Одной из форм эколого-краеведческой работы со школьниками является создание и функционирование экологического троп и эколого-краеведческих маршрутов. Такой маршрут был разработан на Воротынском участке национального парка “Угра”.

Предлагаемый маршрут предназначен для школьников, учителей школ, воспитателей. Он предполагает ознакомление с природно-историческими объектами воротынского участка национального парка

“Угра”. Этот участок — самый маленький “островок” парка, но здесь сосредоточено достаточное количество достопримечательностей. Это и природные объекты, и историко-культурные памятники.

На маршруте возможно обучение методикам экологического мониторинга, проведение занятий по игровой экологии, организация творческих мастерских, обучение навыкам пешеходного туризма. Кроме того, экскурсанты знакомятся с многообразием растительного мира, следами жизнедеятельности бобров, учатся различать птиц по голосам.

Маршрут расположен в долине реки Высса: д. Кромено — д. Шамордино — Шамординский карьер — д. Сорокино — родник Гремячий ключ — д. Кромено.

К началу маршрута можно подъехать на автобусе по шоссе Калуга — Бабынино или по железной дороге на электричке Калуга — Сухиничи до станции Кромено (пл. 196 км). Протяженность маршрута — 10 км. Проживание в палатках в полевых условиях. Количество дней определяется программой занятий и экскурсий.

ВАРИАНТЫ ТЕМАТИЧЕСКИХ МАРШРУТОВ

“Живое прошлое и настоящее Земли”: Кромено — карьер — овраг — Кромено. Экскурсия направлена на изучение искусственной и естественной эрозии почвы. В карьере можно найти окаменелости древних растений и животных.

“Кладовая здоровья” (о лекарственных растениях и их свойствах).

“Шамординский “мрамор”.

“Вижу, слышу, чувствую” (для школьников младшего и среднего звена с применением игровой экологии).

Многодневный туристско-краеведческий палаточный лагерь.

Как правило, дети, которые ходят в экспедиции, участвуют в походах, занимаются научно-исследовательской деятельностью, лучше организуют свой труд, у них остается больше времени на дополнительные занятия, отдых, а следовательно, и на восстановление, активный отдых. Применение системы эвристического образования развивает логическое мышление, способность ставить цели, программировать свои действия, анализировать результаты своей деятельности, способствует творчеству. Если в школе существует научное общество, которое может хотя бы в масштабах школы систематизировать и тиражировать творческие работы школьников, то у ребят появляется желание не останавливаться на достигнутом. С каждой новой работой у них растет мастерство, умение изложить свои мысли. Все вышесказанное создает у школьников ситуацию успеха, ощущение благополучия.

Чистый воздух, большая двигательная активность при эколого-туристской деятельности создают условия для укрепления и сохранения здоровья школьников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л. А. Изучение умственного утомления учащихся VII — VIII классов и обоснование его устранения физическими упражнениями: Автореф. канд. дис. М., 1972.

2. Грехова Л. И. В союзе с природой. Эколого-природоведческие игры и развлечения с детьми. М.: ЦГЛ; Ставрополь: Сервисшкола, 2002.

3. Майоров А. М. Измерение некоторых показателей физического развития детей 10 — 11 лет в процессе занятий туризмом: Программа физического воспитания. Вып. 4. Челябинск, 1970.

4. Никитин Б. Н. Физическая культура и спорт — источник силы, здоровья и долголетия. М., 1958. С.8.

5. Остапец А. А. Педагогика и психология туристско-краеведческой деятельности учащихся. 2 издание, испр. и доп. М.: ЦДЮТК МО РФ, 2001. 96 с.

ШКОЛЬНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В СИСТЕМЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

И.А. Самарина,

*Калужский областной центр детско-юношеского
туризма и экскурсий,*

Если вы думаете на год вперед — сейте зерна.

Если вы думаете на 10 лет вперед — сажайте деревья.

Если вы думаете на 100 лет вперед — воспитывайте человека.

(Китайская мудрость)

От того, как мы воспитаем подрастающее поколение, будет зависеть жизнь каждого, жизнь России и в общем существование нашей планеты. Кто же он, будущий гражданин? Человек, живущий по принципу “взять у природы ее богатства — наша задача” или истинный гражданин и патриот своей родины, заботливый и внимательный хозяин, видящий неполадки в своем доме и пытающийся их устранить?

У большинства школьников сегодня преобладает потребительское отношение к природе, низок уровень экологической культуры. В школах же, в которых создана система экологического образования и воспитания, совершенно иная картина. В конкретных делах школьников проявляется любовь к природе, понимание ее роли в жизни человека, ответственность за ее состояние в настоящем и

будущем. Результат такой работы проявляется в том, что ребенок уже сам начинает думать о том, что этот мусор надо убрать, пусть даже за кем-то, а этому деревцу надо помочь, замазав ранку на стволе, а птичек в этом лесу, парке, во дворе надо обязательно покормить.

В зимнем лагере на опушке леса насыпаем снежную грядку для постройки иглу. На улице — минус 18° С. Снег сгребаем так, что показывается земля. Настя делает всем замечание: “Отсюда больше не берите — почва замерзнет, и от стволов не отгребайте — дереву холодно будет!”

Непосредственно участвуя в различных экологических мероприятиях (слеты, Марш Парков, экологические акции), проводя научные исследования, выступая с докладами на конференциях, школьники не только закрепляют знания, полученные на уроках, но и непосредственно в природной среде убеждаются во взаимосвязи природных явлений, познают законы взаимодействия природы и общества.

Что входит в понятие “система экологического образования”? Это не только включение в школьное образование предмета “Экология”, это и хорошо развитое дополнительное образование, включающее в себя работу экологического общества при школе.

Экологическое общество

руководит работой экологических кружков в начальном, среднем и старшем звеньях;

руководит работой экологического актива, в который входят представители разных возрастных групп (такая форма работы в разновозрастных группах хорошо себя зарекомендовала: старшие дети учат младших, передают им частички своего пусть небольшого опыта, а младшие школьники не только впитывают в себя определенные знания, но, главное, получают уроки воспитания);

организует проведение школьных экологических мероприятий, экскурсий, походов, лагерей;

руководит научной работой школьников, готовит их к выступлениям на научных конференциях, чтениях, олимпиадах.

Зачастую грамотный педагог работает один, и у него просто не хватает сил потянуть весь этот груз классно-урочной работы одновременно с глубоким экологическим воспитанием и образованием во всех направлениях. С таким объемом работы может справиться только коллектив из 3 — 4 преподавателей. Вопрос с руководителями решается отбором и привлечением энтузиастов, часто из разных школ. Это уже задача администрации школы — найти таких людей

и создать им хотя бы минимальные условия для занятий (помещение, материальная поддержка).

Материальное обеспечение занятий

Нельзя заниматься экологическим образованием и воспитанием, ограничиваясь стенами школы. Кроме необходимого оборудования для занятий (специальное биолого-экологическое оборудование), важно иметь:

походное (групповое и индивидуальное) снаряжение (Ривкин, 2001);

природную исследовательскую площадку (экологическая тропа, участок природного ландшафта, учебный туристский полигон); загородную стационарную базу.

Экологическая тропа как форма экологического образования и воспитания

Одной из наиболее действенных форм работы по экологическому образованию и воспитанию является участие школьников в создании и обеспечении функционирования экологических троп и природно-исторических маршрутов (Кузенкова и др., 1987).

В 1998 году в средней школе № 21 г. Калуги был создан эколого-туристский отряд “Муравей”, целью работы которого стало формирование экологической культуры при изучении природно-исторических ландшафтов.

Работа отряда была направлена на решение следующих задач: расширение кругозора учащихся по биологии, географии, экологии;

привитие любви к природе;
развитие навыков наблюдения и умения производить анализ выполненной работы; обучение основам туристской техники;
разностороннее развитие личности;
укрепление коллективизма учащихся.

План работы отряда включает различные виды работ.

Экологическое просвещение. В осенне-зимний период школьники активно осваивают экологические знания, изучают методики экологических, географических и биологических исследований. Ребятами организована экологическая почта, проводятся занятия с младшими школьниками. В течение всего года учащиеся совершают выходы в поле, на которых приобретают практические навыки работы в полевых условиях.

Участие в природоохранных мероприятиях. Ежегодно члены отряда участвуют в международной весенней акции “Марш Парков”, городских слетах экологических отрядов, в программу которых включают

ся мероприятия по очистке загрязненных территорий, акциях по сбору желудей, картированию муравейников, организации стоянок и мест отдыха на территории национального парка "Угра" и др.

Объектом исследования был выбран историко-культурный комплекс в долине реки Высса на Воротынском участке национального парка. Воротынский участок — самый маленький "островок" парка, но на нем сосредоточено большое количество достопримечательностей. Это и историко-культурные памятники, и большое разнообразие природных объектов. Полевое изучение территории началось в 1999 году группой школьников средней школы № 21 г. Калуги и студентами биолого-химического факультета им. К. Э. Циолковского под руководством Т. В. Константиновой. Ими была обоснована целесообразность организации природно-исторического маршрута на данном участке, дано физико-географическое описание этого района.

В дальнейшем членами отряда "Муравей" было дано подробное описание объектов в районе экологической тропы, уточнен маршрут и, кроме обзорной, разработан ряд тематических экскурсий ("Живое прошлое и настоящее Земли", "Кладовая здоровья", "Шамординский "мрамор", "Вижу, слышу, чувствую").

В этом районе в 2002 году был организован летний экологический лагерь. В ходе исследований школьниками был собран материал для участия в научно-практических конференциях школьников. Это: исследования по биологии чешуекрылых, в результате которых собрана коллекция насекомых из 27 видов, 3 из которых относятся к редким видам;

исследование лекарственных растений и составление полевого атласа-определителя;

проведение гидрографических исследований, биоиндикации по макрозообентосу;

разработка тематических экскурсий по экологической тропе.

Очень важно то, что дети занимаются не только научными исследованиями, воздействие на личность ребенка идет в самых различных направлениях:

Трудовое воспитание. Принести дров, приготовить еду, организовать ночлег, поучаствовать в различных трудовых десантах по организации стоянок, уборке территории.

Патриотическое воспитание. В последнее время мы все чаще замечаем, что у наших детей нет чувства Родины. Да, есть государство Россия, есть населенный пункт, в котором родился и живешь, но нет гордости за свой дом, свой класс, свою Родину. В нашей работе мы стараемся привить детям чувство сопричастности к своей

истории, культуре, природе. Идя по экологической тропе, мы не только сообщаем какие-то географические и биологические сведения, но обязательно рассказываем об истории этих мест. Хорошо, если в районе маршрута есть памятники природы, истории, культуры. На нашей тропе это Шамординский карьер, в котором добывали мраморовидный известняк, так называемый шамординский мрамор, плитки из которого покрывают стены Киевского вокзала и станции метро "Киевская" в Москве. С русскими обрядами можно познакомиться и на празднике Святой Троицы, и на день Ивана Купалы, и во время масленицы. В этом тоже частичка нашей Родины.

Эстетическое воспитание. Постоянное внимание обращается на красоту окружающего мира. Пейзаж, порхающие бабочки, пение птиц, блестящие икринки в луже у дороги, закат, снежинки, веточки, листья и многое другое. Важное значение имеет и организация творческих мастерских.

Творчество (конструирование, сочинительство, проигрывание сказок) — почва, на которой вырастает мышление человека. Чем отличается ученый, изобретатель, художник от обычного человека? Стандартным мышлением. Творческая деятельность развивает любознательность, коммуникативность.

В системе занятий просто необходимо включать творческие мастерские. К таким занятиям мы относим:

рисование красками, карандашами, природными материалами, конструирование из природных материалов (поделки, аппликации),

основы народных промыслов (вязание, вышивание, кружевоплетение, шитье), помогающие глубже проникнуться духом русского творчества,

постановки, театрализованные сценки, которые можно использовать при знакомстве, формировании отрядов в условиях лагеря, сборов, экологических игр.

При обсуждении итогов дня у нас уже стало традицией подведение итогов дня в виде телепередачи "Спокойной ночи, малыши", когда действующие лица проигрывают наиболее запомнившиеся ситуации, явления, произошедшие за день. Это своего рода рефлексия, необходимая для осознания увиденного и сделанного.

При обсуждении каких-либо природных явлений, закономерностей предлагаем ребятам придумать и разыграть сказки о том, почему звери линяют зимой и осенью, почему божья коровка красная, а кузнечик зеленый, как росли березки и елочки и др. Таких тем можно придумать много. После постановок обязательно надо

провести обсуждение и познакомить детей с уже существующими народными сказками подобной тематики (“Заяц и снег”, “Зимовье зверей” и т.д.).

Творческие мастерские развивают не только воображение, но и умение общаться, слушать друг друга, правильно выражать свои мысли. Они создают условия для определенных качеств личности, проявления активности и самостоятельности в деятельности.

Таким образом, игра обучает, развивает, воспитывает, социализирует, развлекает, является уникальным средством формирования духовных потребностей и раскрытия творческого потенциала личности ребенка, ученика.

Загородная стационарная база

Сейчас купить домик в деревне не представляет больших проблем. Если такая возможность есть, ею надо воспользоваться. В результате экологическое общество приобретает уникальную возможность организации работы круглый год, независимо от погодных условий ведения полноценных занятий на природе, организации мониторинга. Такая форма работы позволит школьникам чаще находиться в природных условиях. Нельзя постигнуть явления и законы развития, сидя за партой, получить правильное представление о взаимодействии человека с природой. Кроме того, школьники получают ни с чем не сравнимый заряд энергии, здоровья. А если такая работа имеет определенные результаты, то дети с огромным желанием будут вести работу.

Распространение научного и творческого опыта школьников

Замечательный опыт существует в ряде школ России по изданию школьных работ. Если нет финансовой возможности выпускать такие сборники, это можно делать, используя школьную печать. Выпуск малотиражных школьных газет налажен и в некоторых школах Калуги. Систематизация и тиражирование творческих работ позволит школьникам не останавливаться на достигнутом, с каждой новой работой повышать свой уровень, развивать умение правильно излагать свои мысли.

Таким образом, правильная организация работы по экологическому образованию и воспитанию позволит нам вырастить гармонически развитых людей. Дети, привлеченные к такой работе, как правило, лучше организуют свой труд, у них больше остается свободного времени на дополнительные занятия в кружках, чтения. Активный отдых и смена деятельности позволяют укрепить здоровье, лучше восстанавливают силы. У школьников развивается логическое мышление, способность мыслить нестандартно, творчески,

ставить цели, программировать свои действия, анализировать результаты своей деятельности. Каждый ребенок по-своему одарен, и правильно организованная система занятий поможет развить его способности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузенкова Л.Я., Савельева В.В., Сидельковский А.П. Учебная экологическая тропа в системе подготовки будущего учителя: Методические рекомендации. М., 1987.

2. Ривкин Е.Ю. Организация туристической работы со школьниками: Практическое пособие. М.: АРКТИ, 2001.

ИТОГИ ПРОЕКТА «УЧИМСЯ УЗНАВАТЬ, НАБЛЮДАТЬ, ОХРАНЯТЬ И ЛЮБИТЬ НЕЛЮБИМЫХ ЖИВОТНЫХ»

М.В. Пестов,

В.А. Ушаков, к.б.н.,

Лаборатория охраны биоразнообразия при экологическом центре “Дронт” (г. Н. Новгород, Россия), Нижегородский государственный университет

В 2001–2002 гг. в пяти регионах России был реализован проект, посвященный изучению, популяризации и охране земноводных и пресмыкающихся. Получены важные научные результаты, опубликованные в итоговом сборнике “Материалы к кадастру амфибий и рептилий бассейна Средней Волги”. В реализации проекта приняли участие более 2000 человек. Организаторы проекта считают его весьма успешным примером эффективной работы на стыке научных исследований, экологического образования и реальных действий по сохранению биоразнообразия.

В 2001 — 2002 гг. в 5 регионах России (Владимирская, Пензенская, Самарская, Ульяновская области и Республика Татарстан) по инициативе и при участии Нижегородского общества охраны амфибий и рептилий при экоцентре “Дронт” проходила реализация проекта “Учимся узнавать, наблюдать, охранять и любить нелюбимых животных”, который является тиражированием успешного опыта Нижегородского проекта “Царевна-лягушка” [7, 8, 9]. Его осуществление стало возможным благодаря финансовой поддержке, предоставленной на основании Соглашения о сотрудничестве между Институтом устойчивых сообществ и агентством СЧ11Л по международному развитию в рамках программы РОЛЛ, а также региональными комитетами охраны природы и управления природопользованием.

Основная цель проекта — создание условий, необходимых для сохранения наименее биоразнообразных амфибий и рептилий как типичных представителей животных, традиционно вызывающих негативные ассоциации у большинства населения, изученных и наиболее уязвимых групп позвоночных.

Основные задачи проекта:

1. Сбор кадастровой информации о земноводных и пресмыкающихся, которые до настоящего времени остаются наименее изученными группами позвоночных животных для большинства регионов России, с целью выработки рекомендаций по их охране и регулированию хозяйственной деятельности, способной негативно влиять на популяции этих животных. Особое внимание при организации кадастровых герпетологических исследований было уделено выявлению мест обитания видов, занесенных в региональные Красные книги. Сбор кадастровой информации планировалось проводить путем собственных исследований специалистов-герпетологов и привлечения добровольных помощников с достаточным уровнем квалификации путем организации конкурсов исследовательских герпетологических работ (аналогичных нижегородскому конкурсу “Царевна-лягушка”) среди преподавателей и студентов-биологов, юннатов, школьников, туристов и т. д. Наиболее интересная информация о “краснокнижных” видах должна была проверяться специалистами.

2. Постепенное изменение массового сознания в отношении земноводных и пресмыкающихся с целью формирования положительного (или хотя бы нейтрального) отношения к ним большинства населения. Эта задача весьма актуальна, “гады” (общее устаревшее название амфибий и рептилий) — это, пожалуй, единственная группа позвоночных животных, подвергающаяся систематическому уничтожению со стороны человека не ради какой бы то ни было выгоды, а по незнанию. Подобное негативное отношение связано с глубоко укоренившимся в сознании большинства людей страхом перед этими животными, многочисленными суевериями, предрассудками и совершенно неверными представлениями о “гадах”, вызванными, в свою очередь, очевидными пробелами в экологическом воспитании. Кстати, охрана видов, вызывающих негативные ассоциации у населения, является одним из приоритетов общеевропейской стратегии в области сохранения биологического разнообразия. Реализация проекта “Учимся узнавать, наблюдать, охранять и любить любимых животных” была призвана, хотя бы отчасти, восполнить эти пробелы.

В ходе реализации проекта в соответствии с поставленным

задачами были получены следующие основные результаты: собрана кадастровая герпетологическая информация из 500 точек, получены обширные данные о распространении и относительной численности 12 видов земноводных и 11 видов пресмыкающихся в пяти регионах бассейна Средней Волги (см. табл. 1).

Таблица 1

Видовой состав амфибий и рептилий семи регионов бассейна Средней Волги

Виды	Регионы*						
	1	2	3	4	5	6	7
Сибирский углозуб — <i>Salamandrella keyserlingii</i>	-	+	-	-	-	-	-
Обыкновенный тритон — <i>Triturus vulgaris</i>	+	+	+	+	+	+	+
Гребенчатый тритон — <i>Triturus cristatus</i>	?	+	+	+	+	+	+
Краснобрюхая жерлянка — <i>Bombina bombina</i>	+	+	+	+	+	+	+
Обыкновенная чесночница — <i>Pelobates fuscus</i>	+	+	+	+	+	+	+
Серая жаба — <i>Bufo bufo</i>	+	+	+	+	+	+	+
Зеленая жаба — <i>Bufo viridis</i>	+	+	+	+	+	+	+
Озерная лягушка — <i>Rana ridibunda</i>	+	+	+	+	+	+	+
Прудовая лягушка — <i>Rana lessonae</i>	+	+	+	+	+	+	+
Съедобная лягушка — <i>Rana Kl. esculenta</i>	?+	+	-	?+	?+	+	?+
Травяная лягушка — <i>Rana temporaria</i>	+	+	+	+	+	+	+
Остромордая лягушка — <i>Rana arvalis</i>	+	+	+	+	+	+	+
Болотная черепаха — <i>Emys orbicularis</i>	+?	+?	+?	+?	+?	+?	+?
Веретеница ломкая — <i>Anguis fragilis</i>	+	+	+	+	+	+	+
Разноцветная ящурка — <i>Eremias arguta</i>	-	-	-	-	-	+	-
Прыткая ящерица — <i>Lacerta agilis</i>	+	+	+	+	+	+	+
Живородящая ящерица — <i>Lacerta vivipara</i>	+	+	+	+	+	+	+
Обыкновенная медянка — <i>Coronella austriaca</i>	?	+	+	+	+	+	+
Обыкновенный уж — <i>Natrix natrix</i>	+	+	+	+	+	+	+
Водяной уж — <i>Natrix tessellata</i>	-	-	-	-	+	+	-
Узорчатый полоз — <i>Elaphe dione</i>	-	-	-	-	+	+	-
Степная гадюка — <i>Vipera ursini</i>	-	-	-	+	+	+	+
Обыкновенная гадюка — <i>Vipera berus</i>	+	+	+	+	+	+	+

*1) Владимирская обл.; 2) Нижегородская обл.; 3) Республика Мордовия; 4) Пензенская обл.; 5) Ульяновская обл.; 6) Самарская обл.; 7) Республика Татарстан.

« + » — достоверное обитание вида;

« ? » — обитание вида весьма вероятно, однако не подтверждено конкретными данными;

« ?+ » — достоверность определения вида нуждается в уточнении;

« +? » — существуют данные о находках вида, однако факт его постоянного обитания в регионе нуждается к уточнению;

« — » отсутствие данных об обитании вида.

В ходе кадастровых исследований были составлены очерки по истории изучения герпетофауны этих регионов, собраны данные об антропогенном воздействии на амфибий и рептилий, о медицинском значении обыкновенной гадюки, о герпетофауне целого ряда ООПТ, о морфометрии и полиморфизме некоторых видов и т.д. В ряде регионов удалось выработать рекомендации по охране редких видов амфибий и рептилий.

По итогам кадастровых исследований опубликован сборник «Материалы к кадастру амфибий и рептилий бассейна Средней Волги» [6].

Кроме того, в рамках проекта нами была организована и проведена летняя межрегиональная учебно-исследовательская герпетологическая экспедиция. Она проходила с 20 июля по 2 августа 2001 г. на территории государственного природного заповедника (ГПЗ) «Керженский» в Нижегородской области. В состав экспедиции вошли 25 человек из шести регионов России. Среди них были преподаватели, школьники и студенты, наиболее активно участвовавшие в реализации проекта в своих регионах. Отчет о работе экспедиции был представлен руководству ГПЗ «Керженский», а полученная герпетологическая информация войдет во второй том научных трудов и летопись природы заповедника. Аналогичные учебно-исследовательские герпетологические экспедиции с участием специалистов и школьников проходили также во Владимирской, Самарской и Ульяновской областях.

В ходе реализации проекта в пяти регионах России были проведены конкурсы исследовательских и творческих работ, посвященные изучению, популяризации и охране амфибий и рептилий. Названия этих конкурсов были различны. Во Владимирской и Ульяновской областях, так же как и в тиражируемом нижегородском проекте, они назывались «Царевна-лягушка», в Пензенской области — «Лягушка-квакушка», в Самарской — «Тортила», в Татарстане — «Зилант». Но, несмотря на различные названия, все они преследовали одну и ту же главную цель: помочь всем желающим научиться узнавать, наблюдать, охранять и любить нелюбимых «гадов».

На конкурсы, проходившие в шести номинациях, было представлено 1767 различных работ (в том числе — 66 исследовательских). Всего в них приняли участие более 2000 человек (многие работы были коллективными).

С целью оказания организационно-методической помощи авторам исследовательских работ в регионах было проведено 20 семинаров для преподавателей биологии (руководителей детских исследовательских коллективов). В них приняли участие 528 человек. На

этих семинарах их участники получили практические навыки определения амфибий и рептилий (на фиксированном материале), подробно изучили методики прижизненного изучения этих животных, учтов их численности и проведения анкетирования населения.

В каждом регионе было издано оригинальное иллюстрированное методическое пособие (4, 1, 2, 5, 3). Их общий тираж составил более 5000 экземпляров. Пособия содержат основные сведения о методиках определения и прижизненного изучения амфибий и рептилий, особенностях их биологии: рекомендации по практическим действиям по спасению животных в случае их массовой гибели: правила безопасного обращения с объектами изучения; методики проведения анкетирования населения: условия региональных конкурсов и т. д.

Все конкурсные материалы и методические пособия в достаточном количестве были переданы через региональные департаменты образования в районные отделы образования, а через них — во все средние школы. К сожалению, эта «цепочка» сработала лишь отчасти — до многих школ материалы своевременно не дошли, видимо «застряв» в районных отделах народного образования.

Весной 2001 г. региональные исполнители проекта неоднократно встречались с заинтересованными педагогами на областных олимпиадах, конференциях, курсах повышения квалификации и т. д. Летом специалисты выезжали в различные районы своих регионов для оказания консультативной помощи отдельным исследовательским коллективам на местах. Естественно, что при этом проводились и собственные кадастровые герпетологические исследования.

По итогам проведения конкурсов в регионах состоялись научно-практические конференции. На них присутствовало около 300 человек. Было заслушано около 50 докладов о результатах исследовательских работ победителей и лауреатов конкурсов.

На конкурсы было представлено лишь 5 работ в номинации «Практически реализованные проекты по охране и спасению амфибий и рептилий». Однако многие авторы исследовательских работ занимались спасением икры и личинок земноводных из пересыхающих водоемов, не оформляя это как отдельную работу. Некоторым из них удавалось также предотвратить традиционное уничтожение подростками амфибий в период размножения, действуя, когда силой убеждения, а когда и с помощью более «веских» аргументов. Таким образом, в ходе реализации проекта были спасены жизни тысяч животных.

Весьма интересными оказались и работы, оценивавшиеся по твор-

ческим номинациям конкурсов. Среди них были представлены рисунки; различные литературные и в том числе поэтические произведения; поделки из природных материалов и игрушки; фотографии; публикации в районных и региональных средствах массовой информации и методические разработки для преподавателей биологии. В наиболее талантливых произведениях победителей привлекает не только их высокий художественный уровень, но и те любовь и внимание, с которыми в них показаны столь нелюбимые большинством людей “гады”. Лучшие работы были представлены на региональных выставках, посвященных итогам проекта, и использованы при подготовке многочисленных публикаций в СМИ.

Всем победителям и лауреатам конкурсов были вручены дипломы и ценные призы, в том числе оригинальные настенные календари, значки, вымпелы, майки с символикой конкурса. Все остальные участники получили благодарственные письма и поощрительные призы — карманные календари с оригинальными фотографиями амфибий и рептилий.

В ходе реализации проекта в 4 регионах из числа организаторов и участников конкурсов были созданы общественные организации аналогичные нижегородскому обществу охраны амфибий и рептилий. Объединяющей идеей послужило желание продолжить работу по изучению, популяризации и охране полюбившихся всем “гадов” и после завершения проекта РОЛЛ. Однако некоторые из вновь созданных организаций решили не ограничивать свою деятельность только амфибиями и рептилиями и ориентированы на изучение и охрану биоразнообразия в целом.

Нам особенно приятно было узнать, что в 2002 — 2003 гг. опыт проектов “Царевна-лягушка” и “Учимся узнавать, наблюдать, охранять и любить нелюбимых животных” будет тиражироваться в Новосибирской и Томской областях в рамках очередного раунда программы РОЛЛ.

Прямое влияние нашего проекта на окружающую среду не столь велико. К нему можно отнести спасение нескольких тысяч животных, в основном личинок и икры амфибий, из пересыхающих водоемов. Гораздо более значимо, на наш взгляд, косвенное влияние проекта. Во-первых, это создание региональных кадастров амфибий и рептилий, имеющих большую научную ценность и необходимых для организации охраны и возможного рационального использования этих животных. Во-вторых, разработка рекомендаций по охране наиболее редких и уязвимых видов и биоценозов, полученных в ряде регионов. И, наконец, мы надеемся, что в ходе реализации

Проекта нам, хотя бы отчасти, удалось восполнить существующие пробелы в экологическом образовании и реально изменить в лучшую сторону отношение многих людей к “гадам”, как типичным представителям традиционно нелюбимых животных. В совокупности все это должно способствовать достижению основной цели проекта — созданию условий, необходимых для сохранения биоразнообразия амфибий и рептилий на территории бассейна Средней Волги, как типичных представителей традиционно нелюбимых человеком наименее изученных и наиболее уязвимых групп позвоночных животных.

Все этапы реализации проекта и его результаты активно освещались и в региональных и межрегиональных средствах массовой информации. Были напечатаны 34 публикации в газетах и журналах, подготовлены информационные сюжеты на многих региональных теле- и радиоканалах и обновлена страница в Internet (<http://www.dront.ru/Mark/NOOAR.html>). Кроме того, нами были опубликованы три специальных сообщения о проекте в сборниках, посвященных проблемам экологического образования. Ссылки на проект и источники его финансирования делались нами и в научных герпетологических публикациях, посвященных итогам кадастровых исследований, проведенных в рамках настоящего проекта.

Кроме того, в соответствии с планом проекта в ходе его реализации был создан 26-минутный научно-популярный видеофильм “Царевна-лягушка”, посвященный амфибиям и рептилиям бассейна Волги. Съемки фильма проводились в Нижегородской и Астраханской областях, что максимально позволило показать разнообразие этих животных в различных природных зонах — от тайги до пустыни. К моменту написания отчета этот фильм уже был показан по телевидению ряда регионов России. Мы надеемся, что широкий показ этого фильма по телевидению максимально позволит нам приблизиться к решению одной из основных задач проекта — постепенному изменению негативного отношения большинства людей к нелюбимым амфибиям и рептилиям.

Основной проблемой в ходе реализации проекта стало некоторое несоответствие финансовых средств, приходящихся на каждый из 5 регионов, объему запланированных и впоследствии реально выполненных работ. Поэтому наши региональные исполнители изначально были поставлены в достаточно сложное финансовое положение, однако все они сумели успешно преодолеть эти проблемы, изыскав дополнительные источники финансирования в регионах, максимально используя добровольный труд волонтеров, а иногда и тратя личные средства. Таким образом, успешным завершением Про-

екта мы во многом обязаны неформальному, творческому подходу к работе наших региональных партнеров. Пользуясь случаем, хотелось бы поблагодарить всех, кто принимал участие в его реализации, и особенно наших основных партнеров: Елену Николаевну Мурграф (Лаборатория "Экокультура" регионального центра культурных инициатив г. Муром Владимирской области), Олега Александровича Ермакова (Пензенский государственный педагогический университет), Диляру Нургаеновну Галееву (Городской центр юных натуралистов г. Казани), Ольгу Геннадьевну Салтыкову (Ульяновская областная станция юных натуралистов), Андрея Геннадьевича Бакиева (Институт экологии Волжского бассейна РАН г. Тольятти Самарской области).

Определенные трудности были связаны и с недостаточной эффективностью использования официальных каналов для распространения информации о конкурсах в регионах. Предполагалось, что все конкурсные материалы, переданные в областные департаменты образования и науки, в достаточном количестве будут доведены до всех школ. К сожалению, в ряде случаев эта информация была получена слишком поздно либо не получена вовсе, что отрицательно сказалось на количестве участников конкурсов.

На наш взгляд, есть все основания считать завершившийся проект "Учимся узнавать, наблюдать, охранять и любить нелюбимых животных" весьма успешным примером эффективной работы на стыке экологического образования, научных исследований и реальных действий по сохранению биоразнообразия. Несомненно, что подобный подход может быть с успехом применен не только для изучения, популяризации и охраны амфибий и рептилий, но и гораздо шире.

Мы готовы к сотрудничеству со всеми, кого заинтересует наш опыт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амфибии и рептилии Пензенской области: Методическое пособие / Под ред. М.В. Пестова. Пенза, 2001.
2. Бакиев А.Г., Файзулин А.И. Земноводные и пресмыкающиеся Самарской области: Методическое пособие. Самара, 2001.
3. Замалетдинов Р.И., Галева Д.Н., Павлов А.В. Зилант: Методическое пособие. Казань, 2001.
4. Изучение земноводных и пресмыкающихся Владимирской области: Методическое пособие / Под ред. К.Н. Мурграф. Муром; Владимир, 2001.
5. Кривошеев В.А., Пунько А.С., Салтыкова О.Г. Земноводные и пресмыкающиеся Ульяновской области: Методическое пособие / Под ред. Л.В. Салтыкова, С.П. Ерофеевой. Ульяновск, 2001.

6. Материалы к кадастру амфибий и рептилий бассейна Средней Волги / Под ред. М.В. Пестова. Н. Новгород, 2002.

7. Пестов М.В., Маннапова Г.И., Ушаков В.А. и др. Амфибии и рептилии Нижегородской области: Материалы к кадастру / Под ред. А.И. Бакка, А.А. Каюмова. Н. Новгород, 2001.

8. Пестов М.В., Маннапова Г.И. Быть лягушке царевной! // Вестник АсЭКО, 2000. № 1. С. 44-47.

9. Пестов М.В., Маннапова Г.И. "Царевна-лягушка", "Зилант"... Кто следующий? // Опыт проведения летних экологических школ и лагерей: Сб. статей. Н. Новгород, 2000. С. 45 — 48.

ОСОБЕННОСТИ ТЕПЛООВОГО РЕЖИМА АТМОСФЕРЫ НА ТЕРРИТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА "УГРА" В КОНЦЕ XX СТОЛЕТИЯ

*Т.А. Гордеева,
национальный парк "Угра"*

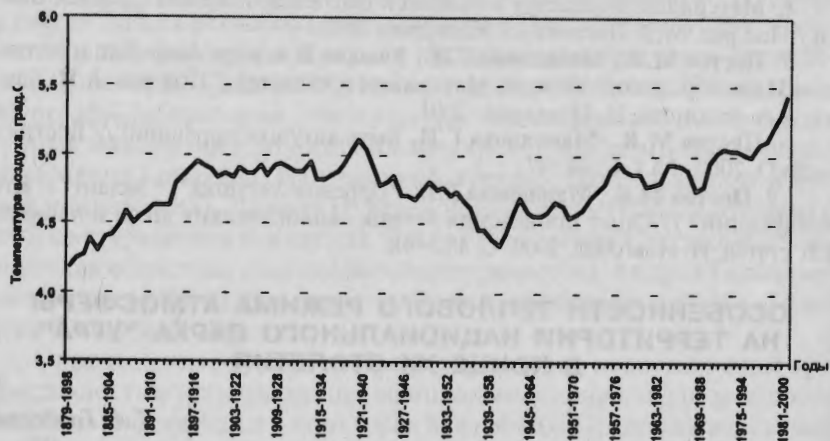
Тепловой режим атмосферы (распределение температуры воздуха в атмосфере) является важнейшей характеристикой климата и одним из основных показателей его изменений.

Географическое положение национального парка "Угра" в границах Калужской области во многом определяет разнообразие на его территории климатических условий. Парк имеет значительную протяженность и в виде узкой прерывистой полосы пересекает большую часть области. Поэтому в НП "Угра", хотя он и занимает лишь 3,3% площади области, наблюдается практически все многообразие климатических характеристик, свойственных для области в целом.

В данной работе использованы данные наблюдений 2 метеорологических станций: в Калуге и Жиздре. В этих пунктах стационарных наблюдений отмечаются соответственно самые низкие и самые высокие в области, в том числе и на территории парка, среднемесячные и среднегодовые значения температуры воздуха.

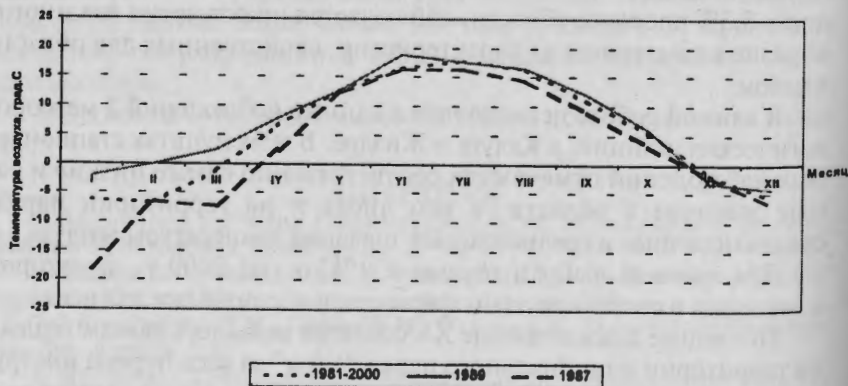
Для анализа выбран период с 1981 г. по 2000 г., в котором изменения в состоянии атмосферы стали очевидными для всех.

Последнее двадцатилетие XX столетия оказалось самым теплым на территории национального парка "Угра" за весь период инструментальных наблюдений (рис.1). Средняя температура воздуха рассматриваемого периода была на 0,6°C выше климатической нормы (средней температуры воздуха за 1881 — 1980 гг.) и изменялась по территории от +5,0 до +5,4°C.

Р и с. 1. Ход годовой температуры воздуха в Жиздре по скользящим 20-летиям

Температура воздуха от года к году в течение этого периода изменялась неравномерно. Самым холодным, со среднегодовыми температурами $+2,5+2,8^{\circ}\text{C}$, оказался 1987 г. Через год, в 1989 г., были зафиксированы самые высокие годовые температуры воздуха на территории парка: $+6,4+7,1^{\circ}\text{C}$. На рис.2 отображен годовой ход температуры воздуха в Жиздре в вышеуказанные аномальные годы относительно средних за период величин.

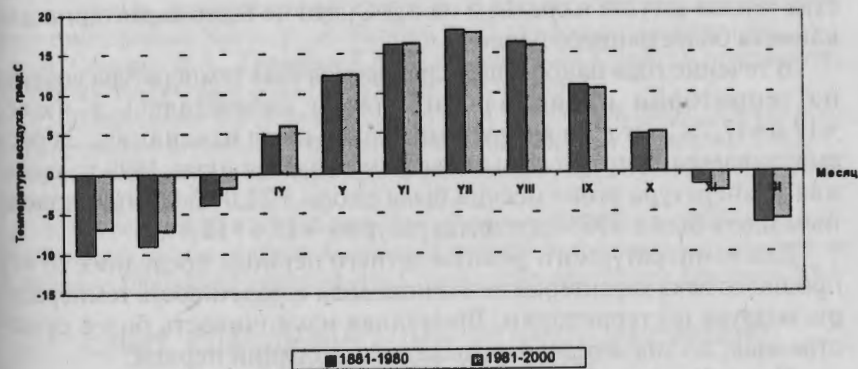
Р и с. 2. Годовой ход температуры воздуха на метеорологической станции Жиздра в различные периоды

Анализ данных по метеостанции Жиздра показал, что 1989 г. ока-

зался самым теплым за более чем 120-летний период инструментальных наблюдений; холодным, как 1987 г., с такой же среднегодовой температурой воздуха, был еще только один год — 1888.

На территории национального парка в годовом ходе температуры воздуха в конце прошлого столетия произошли существенные изменения, которые по-разному проявились в различные сезоны года.

Зима. Наблюдающееся потепление климата особенно отчетливо прослеживается в температурном режиме зимнего периода (рис. 3). В среднем нижние слои атмосферы в календарную зиму стали теплее на $1,3 - 1,8^{\circ}\text{C}$. Максимальное потепление зафиксировано в январе. Средняя температура этого месяца превысила климатическую норму на $2,6 - 3,2^{\circ}\text{C}$. Февраль стал теплее на $1,7 - 2,1^{\circ}\text{C}$ и оказался, по данным наблюдений за 1981 — 2000 гг., самым холодным месяцем года. По территории парка среднемесячная температура февраля изменялась от $-6,7$ до $7,2^{\circ}\text{C}$. Декабрьская температура воздуха также повысилась, но незначительно.

Р и с. 3. Годовой ход температуры воздуха на метеорологической станции Калуга за два периода

Для температуры воздуха зимних месяцев характерна значительная изменчивость от года к году. Так, самым холодным за весь период был январь 1987 г., температура этого месяца составила $-18,2^{\circ}\text{C}$. Самая высокая среднемесячная температура зимнего периода зафиксирована в феврале 1990 г., $-0,1+0,2^{\circ}\text{C}$. Это единственный случай, когда зимой на территории парка, в южной его части, в исследуемый период наблюдалась положительная среднемесячная температура воздуха.

Но это не единственная аномалия, зафиксированная в этом месяце. Так, 22 февраля 1990 г. в Калуге произошел переход среднесу-

точной температуры воздуха через 0°С в сторону повышения и началась метеорологическая весна. С конца XIX в. ранее этой даты весна не наступала в Калуге.

Весна. Потепление климата прослеживается и в весенние месяцы. Календарная весна стала теплее в среднем на 1,2°С. Повышение температуры воздуха в течение весны неравномерно. Наибольшее отклонение среднемесячной температуры от климатической нормы, +2,1°С, отмечено в марте. В апреле среднемесячная температура воздуха превысила норму на 1,3°С, в мае — лишь на 0,2°С.

Лето на территории национального парка в конце прошлого столетия стало холоднее на 0,1 — 0,3°С. Следует отметить, что изменения произошли в температурном режиме всех летних месяцев. Величина этих изменений незначительна, а вот знак отклонений среднемесячных температур от нормы для разных месяцев различен. Так, в июне стало теплее на 0,1 — 0,3°С, в июле — холоднее на 0,3 — 0,4°С, в августе было также холоднее в среднем на 0,5°С. При анализе температурного режима летних месяцев выявлено, что июнь стал теплее августа в среднем на 0,3°С, что не было характерно для климата более раннего периода.

В течение года наибольшая среднемесячная температура воздуха на территории национального парка наблюдалась в июле, +17,6+17,7°С. От года к году температура июля изменялась. За рассматриваемый период самым теплым оказался июль 1999 г., средняя температура этого месяца была около +21,0°С. Самым холодным июль был в 1985 г., с температурой +15,6+15,8°С.

Для температурного режима летнего периода последних 20 лет прошлого века характерна незначительная изменчивость температуры воздуха по территории. Временная изменчивость более существенная, но значительно меньше, чем в зимний период.

Осень. Характер изменений среднемесячных температур воздуха в этот сезон аналогичен изменениям, произошедшим в летние месяцы: незначительные по величине положительные и отрицательные отклонения от климатических норм. В целом, календарная осень, так же, как и лето, стала холоднее на 0,1 — 0,3°С. В сентябре температура воздуха наблюдалась ниже климатической нормы на 0,1 — 0,5°С, в октябре — выше на 0,3 — 0,4°С, в ноябре — вновь ниже на 0,7 — 0,9°С.

Подводя итоги, следует выделить основные особенности теплового режима атмосферы на территории НП "Угра":

1. Последнее 20-летие XX столетия характеризовалось повышенным температурным фоном в приземном слое атмосферы, что связано с потеплением климата.

2. В годовом ходе температуры воздуха произошли существенные изменения:

- в первой половине года, с января по июнь, отмечено повышение температуры воздуха относительно климатической нормы; наиболее заметное повышение зафиксировано в первом квартале (январь — март);

- во второй половине года (июль — декабрь) наблюдались незначительные отклонения среднемесячных температур от нормы, в большую часть периода (кроме октября и декабря) — в сторону понижения температуры.

3. Для рассматриваемого периода характерно значительное увеличение аномальных явлений погоды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеева Т.А. Климат // Физическая география и природа Калужской области. Калуга: Изд-во Н.Бочкаревой, 2003.

2. Климат Калуги / Под ред. Ц.А.Швер и А.И.Неушкина. Л.: Гидрометеоиздат, 1989.

3. Научно-прикладной справочник по климату СССР. Серия 3: Многолетние данные. Части 1 — 6. Выпуск 28. Л.: Гидрометеоиздат, 1990.

4. Семенов В.А., Гордеева Т.А., Семенова И.В. Климат и поверхностные воды Калужской области. Калуга: Адель, 1997.

5. Шерстюков Б.Г. Изменение климата Калужской области и его прогнозирование в условиях глобального потепления // Известия Калужского общества изучения природы местного края. Кн. 5. Калуга: Издательский дом "Эйдос", 2002.

6. Шерстюков Б.Г., Булыгина О.Н., Разуваев В.Н. Современное состояние климатических условий Калужской области и их возможные изменения в условиях глобального потепления: Справочная монография. Обнинск, 2001.

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Е.А. Казанников, к.б.н.,

О.А. Епищев, к.б.н.,

*Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э.Циолковского*

Калужская область расположена в центре Восточно-Европейской равнины, в бассейнах Верхней Оки и Десны. По характеру ландшафта область представляет собой холмисто-увалистую, местами плоскую равнину, густо расчлененную долинами рек, балками и лощинами. В целом область одна из немногих в европейской части страны обеспечена достаточными водными ресурсами.

Пресная вода находится на поверхности земли или под ней в виде отдельных, в той или иной степени ограниченных сушей скоплений, обозначаемых общим названием водоемов (Липин, 1950). Такое более или менее полное окружение водоемов сушей нередко называют также внутренними или материковыми водоемами.

Так как вода является одной из наиболее мощных производительных сил природы, то понятно, что внутренние водоемы имеют большое хозяйственное значение. Все важнейшие составные части водоемов — вода, многое из того, что в ней содержится (как живое, так и не живое), дно водоема — могут быть использованы в народном хозяйстве. Формы и возможности их использования в быту, промышленности и сельском хозяйстве зависят от типа, характера и размеров самих водоемов, а также от их местоположения.

Внутренние водоемы различаются между собой весьма многими признаками: характером движения воды, объемом водной массы, термическим режимом, химическими особенностями воды, количеством и качеством взвешенных частиц и донных отложений, происхождением и историей развития и связанным со всем этим бактериальным, растительным и животным населением. Отсюда вытекает необходимость широкого и глубокого исследования внутренних водоемов и проведения на этой основе их классификации.

В гидрологической и гидробиологической литературе существует достаточно много предложений по классификации водоемов или выделению их определенных типов. Этим занимались многие исследователи. Однако ни одна из существующих классификаций не является универсальной, охватывающей все их стороны. В какой-то степени они дополняют друг друга, раскрывая те или иные особенности водоемов. Приходится отметить, что вообще дать строгое и всеобъемлющее определение того или другого типа водоема чрезвычайно трудно, с одной стороны, из-за обилия признаков, входящих в его состав; с другой стороны, из-за сращенности в понятии водоема гидрологии с биологией. А эти области, как правило, изучаются специалистами разных профилей, говорящих, так сказать, на разных языках (Великанов, 1964).

Предпринятая нами попытка классификации вод Калужской области является комплексным подходом к решению этого вопроса, основана как на гидрологических, так и на биологических представлениях. В первую очередь учитывались течение воды, объем водной массы и само происхождение водоема (естественное и искусственное).

Общепринято все внутренние воды в первую очередь делить на две большие группы — текущие (реки, ручьи, источники), называ-

емые также водотоками, и стоячие (озера, пруды, лужи, болота и др.), однако не во всех так называемых стоячих водоемах всегда отсутствует течение воды, среди озер и прудов существует немало проточных с хотя слабым и медленным, но постоянным или временным током воды. Таким образом, можно различать три группы водоемов: текущие, очень медленно текущие и стоячие. Некоторые ученые предпочитают первую из этих групп называть водоемами быстрого стока, а вторую группу называть водоемами замедленного стока. В водоемах быстрого стока под течением понимают поступательное, т.е. направленное в определенную сторону движение воды, охватывающее более или менее всю водную массу (Жадин, 1950).

Признак объема водной массы в применении к намеченным группам водоемов обуславливает дальнейшее их подразделение.

Из текущих вод можно выделить реки, ручьи и источники.

Реки — водотоки значительных размеров большой водной массы, собирающие атмосферную, подземную, избыточную озерную и болотную воду, имеющие четко выраженное сформированное самим потоком русло. К рекам относят постоянные и относительно крупные водотоки с площадью бассейна не менее 50 км². Водотоки меньшего размера называют ручьями. Нижняя граница площади бассейна, отделяющая малые реки от ручьев, весьма условна (Михайлов, Добровольский, 1991).

Около 2000 рек протекает по территории Калужской области. 242 реки вытянуты более чем на 10 км. Наиболее крупные водотоки области, рр. Ока, Десна, Угра, Жиздра, Болва, Протва, — имеют протяженность более 200 км; каждая из 8 рек — Серена, Ресса, Рессета, Шаня, Вытебеть, Лужа, Нара, Воря — свыше 100 км (Доклад, 2002). Остальные реки области можно отнести к категории малых.

Ручьи представляют собой или результат соединения вод нескольких источников, или относительно маловодный сток из какого-либо стоячего водоема.

Источники — первичные текущие водоемы, приуроченные большей частью к берегам рек и оврагов.

Источниками называют естественные выходы подземных вод на дневную поверхность сравнительно небольшой мощности. До настоящего времени мы не имеем сколько-нибудь всеобъемлющей классификации источников, которая учитывала бы как генезис источников, так и своеобразие тех водоемов, которые источник образует на поверхности земли. В литературе существует целый ряд терминов для обозначения этой категории вод — источник, родник, ключ,

но все они большей частью понимаются как однозначные. Проходя через породы различного состава, подземные воды могут обогащаться различными растворенными веществами и газами и тем самым становятся минеральными водами. Таким образом, слово источник употребляется как сборное понятие.

Минеральными источниками называются подземные воды, содержащие повышенное количество растворенных газов, химических, иногда радиоактивных компонентов, обычно обладающие лечебными свойствами (Богомолов, 1955).

Калужская область входит в состав провинции сульфатных и хлоридных (натриевых) минеральных вод. На территории области разведаны Тарусское, Козельское, Каверинское, Обнинское, Воробьевское и другие их месторождения (Доклад, 2002).

По признакам морфологии места естественного выхода подземных вод на дневную поверхность источника могут быть разделены на: 1) родники (реокрены), 2) ключи (лимнокрены) и 3) топи (гелокрены).

Родники, наиболее мощные из источников, определяются бурным и сильным выходом воды с большим дебетом. Изливают свои воды на склонах оврагов и несут их с большей или меньшей скоростью, образуя русло. Родник, следовательно, с самого начала и до конца (до места впадения в водоем или водоток — ручей, реку) представляет собой текучий водоем. Иногда родники выходят на поверхность, под водой образуя песчаные фонтанчики, как, например, наблюдается это на реке Вырка.

Ключи при выходе из-под земли фонтанируют на дне естественного (или искусственного) углубления, вода из которого через край сливается в нижележащие места, образуя небольшой проточный водоем. Ключ, таким образом, совмещает в себе признаки водоема замедленного стока (ванны при выходе и небольшого водотока).

Топи характеризуются множественными маломощными выходами подземной воды на относительно ровную поверхность, в результате чего получается топкое, заболоченное место, обычно с ручейком внутри или по краю его (Жадин, 1950), иногда называемые мочажинами.

Приведенное деление источников основывается на морфологических особенностях мест выхода подземных вод на дневную поверхность, их химизме, и лишь отчасти учитывается дальнейшая судьба вод. Более того воды источников за пределами непосредственной близости от мест их выхода могут относиться к другим категориям водоемов — ручьям, болотам, лужам и т.п.

Завершая обзор текучих вод, можно подвести итог. Переводя на язык стоковой терминологии, источники представляют собой водоемы зарождающегося стока, ручьи — местного стока и реки (в большинстве) — суммарного стока с данной территории.

При делении стоячих вод на категории используются в качестве основных признаков преимущественно глубина и величина водной массы. Среди них различают: 1) озера — большие по площади, достаточно глубокие водоемы; 2) пруды — водоемы различной величины, но неглубокие; 3) лужи — мелкие скопления воды с незначительной глубиной; 4) болота — обширные по площади скопления воды с поверхностью, закрытой мхами или осоками.

Промежуточное между текучими и стоячими водоемами место занимают водоемы речных пойм, а также пруды и водохранилища на реках, которые часть года бывают типичными стоячими водоемами, а во время половодья становятся водотоками.

Что касается речных запруд и водохранилищ, то эти водоемы рассматриваются как искусственные водоемы, режим которых полностью подчинен воле человека.

Озера — большие по площади, достаточно глубокие водоемы с замедленным водообменом, образующиеся в результате заполнения котловин или впадин земной поверхности водой.

По способу происхождения ложа озера могут быть разделены на несколько типов, из которых укажем лишь главнейшие и наиболее обычные.

Ледниковые, или моренные, озера образовались в результате деятельности ледников, покрывавших когда-то огромные площади континентов. Котловины ледниковых озер обычно имеют вытянутую форму, ориентированную в направлении движения ледниковых потоков. К такому типу относится озеро Бездон и др.

Провальные, или карстовые, озера образуются в результате химической деятельности подземных вод (о. Бездонное, Ямное и др.).

Озера-старички обычно расположены в пределах пойменной террасы долины рек, имеют вытянутую или несколько искривленную форму и небольшие размеры (Желуховское, Тишь, Резванское и др.).

В гидрологическом отношении озера можно разделить на две крупные категории: **сточные** и **бессточные**.

Сточные озера характеризуются тем, что поступающие в них поверхностные и подземные воды расходуются на питание вытекающих из них рек, а также на испарение и фильтрацию категории сточных озер можно отнести озера, имеющие постоянный сток в

течение круглого года, и временно сточные озера, дающие сток лишь в период наибольшего потока воды.

В частном случае можно выделить **проточные озера**, когда одна из стекающих в озеро рек по водности того же порядка, что и река, вытекающая из него. Озеро служит естественным регулятором режима вытекающей из него воды.

Бессточные озера расходуют поступающие в него воды в основном на испарение с водной поверхности и частично на просачивание в грунт.

Можно выделить близкие к озерам по глубине, но разные по площади водоемы искусственного происхождения, так называемые **карьеры**. Образование котловин карьеров, так или иначе заполняемых водой, связано с хозяйственной деятельностью человека при добыче полезных ископаемых. Иногда эти водоемы могут достигать значительных размеров, как, например, карьерное озеро у д. Новоскаковское.

Пруды — стоячие водоемы различной величины, но неглубокие и довольно разнообразные по происхождению. По своему этимологическому значению этот термин должен обозначать такой мелкий водоем, который образуется посредством запруды, т.е. устройства преграды, задерживающий течение воды, например плотины в виде хотя бы самой простой земляной насыпи. Пруды, обязанные своим происхождением вмешательству человека, носят название искусственных. Но название пруд может быть отнесено и к водоемам, которые образовались в природе сами по себе, т.е. естественным путем, без воздействия на него человека, например, как одна из стадий угасания озера. Естественные пруды могут образоваться и вне всякой зависимости от озера — допустим, путем заполнения водой какого-нибудь небольшого углубления суши.

Общей для всех видов прудов чертой является их незначительная глубина. Это основной фактор по сравнению с озером, обуславливающий появление и развитие в прудах таких характерных для них признаков и свойств, общая совокупность которых позволяет выделить пруды в особый тип водоемов.

Особую категорию составляют искусственные пруды, одно из назначений которых — рыбоводство. Искусственный характер этих прудов целиком определяется их назначением.

Пруды не представляют собой совершенно однородной группы, а могут быть разделены по целому ряду признаков (положения, размерам, характеру водного режима и т.д.). По своему происхождению пруды делятся на четыре группы: 1) речные запруды неболь-

ших размеров, вмещающиеся в меженное русло реки; 2) плотинные пруды, сооружаемые в оврагах; 3) копанные пруды и 4) наливные пруды. Эти группы прудов имеют существенные различия между собой, заключающиеся, главным образом, в способе питания прудов водой. Пруды первой группы (речные запруды), если расположены на пересыхающих реках или ручьях, питаются водой в течение круглого года. Пруды второй группы (расположенные в оврагах) получают воду в периоды выпадения атмосферных осадков или во время таяния снега. Третья группа прудов (копанные пруды), помимо атмосферного питания, как правило, питается также и грунтовыми водами. Наконец, пруды четвертой группы наполняются водой из рек через специально сооруженные каналы.

Искусственных водоемов-прудов на территории Калужской области свыше 800 с общим зеркалом воды около 3 тыс. га. Средний размер 90 процентов прудов — около 1 га (Пашканг, 1989).

Водохранилища. Водохранилищем называется водоем, который возникает в результате сооружения плотины, накапливающей за собой воды стока. В случае, если водохранилище возникает на реке, оно совмещает в себе признаки озера и реки. С озером его сближает замедленный водообмен, а с рекой — поступательное движение значительной части водной массы. Однако водохранилище имеет заметные отличия от того и другого водоема. От озера оно отличается прежде всего асимметрией своей котловины, наибольшая глубина которой располагается всегда близ нижнего конца водохранилища, у плотины. Кроме того, водохранилище благодаря меняющемуся в течение года соотношению величины прихода и расхода воды испытывает большей частью сильные колебания уровня. От реки водохранилище отличается тем, что поступательное движение охватывает в течение большей части года не всю водную толщу, а преимущественно ее верхний горизонт (Жадин, 1950).

В связи с сочетанием в водохранилище речных и озерных черт в его гидрологическом режиме могут одновременно проявляться и речные и озерные особенности.

В Калужской области насчитывается 18 водохранилищ, самое большое из них — водохранилище Ломпадь — находится в Людиновском районе на р. Неполодь. Водохранилища используются для рыборазведения, орошения, водоснабжения и рекреации (Доклад, 2002).

К искусственным выходом подземных вод на дневную поверхность можно отнести **артезианские колодцы**, т.е. буровые скважины для забора подземных артезианских вод. На территории Калужской области разведано 56 месторождений пресных подземных вод, а эк-

сплуатируется 33 месторождения. Из общего объема водопотребления большая часть реализуется на хозяйственно-питьевые цели.

Болота — сложные компоненты ландшафта, где почва, растительность и вода представляют единый комплекс. В определении этого понятия у болотоведов, географов, гидробиологов до сих пор нет достаточной ясности и единомыслия. Приходится отметить, что вообще дать строгое и всеобъемлющее определение этого понятия чрезвычайно трудно из-за обилия признаков, входящих в его состав (Великанов, 1964). Признается главное условие для существования болота — это наличие достаточно обильной влаголюбивой растительности и избытка в почве воды. Болотный биогеоценоз рассматривается как природное единство, в котором все биотические и абиотические компоненты находятся во взаимосвязи и взаимодействии.

На территории избыточного увлажнения при застойном стоке и в условиях почв, бедных кислородом, появляется особого рода влаголюбивая растительность, корневая система которой из-за отсутствия нормального влагообмена начинает отмирать в нижней своей части, что ведет к образованию под ней торфяного слоя.

Впрочем, надо оговорить, что торфообразование не представляет собой неотъемлемое свойство болота. Могут быть в виде исключения болота без торфообразования, на что указывал основоположник гидрологии болот А.Д. Дубах в 1944 г. (Великанов, 1964). Сторонники этой точки зрения не считают обязательным признаком болота наличие в нем торфяного слоя, считая торфяники только частным, хотя и очень частым случаем болота, а некоторые даже не признают экологической специфичности болотной растительности, относя к болотам части водоемов, занятые воздушно-водной или даже погруженной растительностью, независимо от характера отложений.

Другие исследователи характерным признаком болота считают наличие специфической гидрофильной растительности и образование торфа, в противном случае мы будем иметь дело с заболоченными землями и заболоченными водами. Таким образом, болото представляет собой нечто переходное между сушей и водными объектами. Границу между болотом, заболоченными землями и заболоченными водами провести иногда нелегко, так как между болотом и озером имеются все переходные ступени. Из всех этих изменений можно отметить одно как резко заметное и потому легко обнаруживаемое. Наиболее крупной бросающейся в глаза биологической отличительной чертой между озером и прудом является, в первом случае, ограничение надводной и подводной флоры исключительно

лишь прибрежной полосой, во втором же подводная растительность может расселяться по всему водоему. Между прудом и болотом разница будет заключаться в распространении надводной растительности: в первом случае она ограничена в своем распространении литорально, во втором — расселяется по всей площади водоема (Липин, 1950).

Все же два понятия — заболоченность и торфяная залежь — настолько срослись в народнохозяйственном смысле, что трудно дать четкий ответ на вопрос: что такое болото, не упоминая о том, что болото почти всегда производит торф. Поэтому можно согласиться с определением, приведенным А.Н. Ивановым и Т.А. Неговской (1970): “Болотами называются избыточно увлажненные участки земной поверхности, занятые влаголюбивой, приспособленной к недостатку кислорода в почве растительностью. На этих участках идет процесс торфонакопления, а толщина торфа такова, что корни основной массы растений располагаются в минеральном грунте, относятся к заболоченным землям”.

Итак, характерным признаком болота является образование торфа. Где нет торфа — там нет и болота. Поэтому зарастание водоема макрофитами, т.е. водно-воздушными и погруженными в воду растениями, не всегда ведет к заболачиванию водоема. Заболачивание наступает лишь с момента появления специфической болотной растительности и отложения вместо озерных осадков (сапропелей) торфа (Киселев, 1950).

В основу существующих классификаций болот кладутся разные признаки: характер растительных сообществ, способ питания, степень увлажнения, химизм воды и др. По способу питания выделяются прежде всего две крупные качественно различные категории болот: болота грунтового питания, или низинные, и болота атмосферного питания, или верховые. Первые образуются в поймах рек, в котловинах, во влажных долинах и озерах; вторые — на плоских водоразделах и верхних частях их склонов (Великанов, 1964). Кроме указанных двух типов болотного массива, можно рассматривать еще и третий, промежуточный (или переходный) между ними. Следовательно, в зависимости от стадии развития различают три основных типа болот: низинные, переходные и верховые (Иванов, Неговская, 1970).

Низинные болота, чрезмерно увлажненные, относительно богаты минеральными веществами, что способствует развитию травяной растительности. Вода или пересыщает почву, или местами стоит на поверхности, образуя топи. Мощность торфа в таких болотах небольшая.

В переходных среднеувлажненных болотах по мере увеличения мощности торфа и уменьшения в нем минеральных веществ осоковая растительность заменяется кустарниковой и древесной. Низинные и переходные болота питаются главным образом грунтовыми водами и поверхностными водотоками в период их разлива.

В верховых болотах дальнейший процесс накопления органических веществ и уменьшения минеральных солей приводит к распространению мха сфагнома.

Заболоченность территории Калужской области невелика — 0,75%. Всего в области насчитывается около 500 торфяных болот, однако площадь большинства из них не превышает 100 га. Распространены болота крайне неравномерно: основная часть их сосредоточена на севере, северо-западе и западе области. Здесь же находятся все верховые болота и большая часть болот переходного типа. На остальной территории области, особенно на востоке, заболоченность гораздо меньше (около 0,3%), преобладают болота низинного типа (Пашканг, 1989).

Лужи представляют собой малые по площади скопления воды с незначительной глубиной. Этот тип водоема встречается на всей территории Калужской области, но отличается между собой по своему происхождению, размерам, характеру грунта, по длительности существования, населению и т.д. Можно выделить постоянные лужи, встречаемые в пойме реки или других понижениях рельефа и питаемые грунтовыми водами, и лужи временные, образованные паводковыми водами или атмосферными осадками и обычно летом полностью пересыхающие.

Предлагаемая классификация водоемов Калужской области не является полностью завершенной и не претендует на универсальность. Вопрос требует дальнейшего гидрологического и биологического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомолов Г.В. Основы гидрологии. М.: Госгеолтехиздат, 1955.
2. Великанов М.А. Гидрология суши. Л.: Гидрометеиздат, 1964.
3. Об использовании природных ресурсов и состоянии окружающей природной среды Калужской области в 2001 году. Калуга, 2002. 167 с. (Доклад).
4. Жадин В.И. Общие вопросы, основные понятия и задачи гидробиологии пресных вод // Жизнь пресных вод СССР, т. III. М.-Л.: АН СССР, 1950. С. 7—112.
5. Иванов А.Н., Неговская Т.А. Гидрология и регулирование стока. М.: Колос, 1970.
6. Киселев И.А. Жизнь в болотах и болотные отложения // Жизнь пресных вод СССР. Т. III. М.-Л.: АН СССР, 1950. С. 623 — 682.

7. Липин А.Н. Пресные воды и их жизнь. М.: Учпедгиз, 1950.

8. Михайлов В.Н., Добровольский А.Д. Общая гидрология: Учебник для геогр. спец. вузов. М.: Высшая школа, 1991.

9. Пашканг К.В. Воды // География Калужской области: Учебн. пособие. Изд. 2-е, доп. Тула: Приокское книжное изд-во, 1989. С. 26 — 36.

ЗУБЫ ДРЕВНЕГО ЛЕСНОГО СЛОНА *PALAEOLOXODON ANTIQUUS* FALCONER (1847) С ЮГА ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

*А. А. Чубур, к.и.н.,
Московский государственный социальный университет,
Брянский филиал
С.Д. Краснощекова,
Орловский государственный краеведческий музей*

При обработке коллекции зубов ископаемых хоботных из фондов Орловского областного краеведческого музея удалось выявить несколько интересных экспонатов. Происходят они с юга Орловской области. Характеристики этих зубов таковы (даны номера по книге поступлений музея):

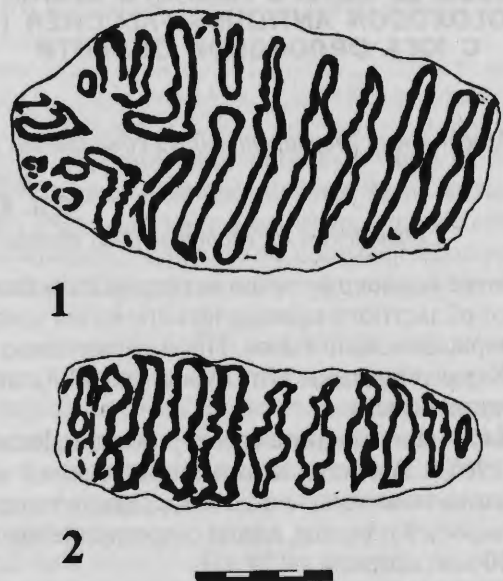
ОКМ № 16472. Происходит с берега р. Кшень Долженского района, найден в 1968 г. Предпоследний левый нижний коренной (M_2 sin). Средняя длина пластины — 13,3 мм, средняя толщина эмали — 2,4 мм. Сохранилось 9 пластин, длина сохранившейся части коронки — около 140 мм, ширина — 70 мм.

ОКМ № 5007. Найден на берегу р. Кшень близ Нового хутора Ливенского района. Правый последний верхний коренной (M^3 dex). Средняя длина пластины — 17,4 мм, средняя толщина эмали — 2 мм. Сохранилось 11 пластин, ширина коронки — 99 мм, длина сохранившейся части — 220 мм. Последние пластины зуба слегка затронуты стиранием.

ОКМ № 2727. Место находки точно не установлено, юг Орловской области. Предпоследний нижний правый коренной (M_2 dex). Средняя длина пластины — 17 мм, средняя толщина эмали — 2,37 мм. Сохранилось 12 пластин. Длина сохранившейся части коронки — 215 мм, ширина коронки — 64 мм.

Для всех трех зубов характерны наличие достаточно толстой эмали, так называемого локсодонтного синуса (расширения в средней части) в форме стирания эмалевых карманов, а также относительно узкая коронка. Такие зубы выпадают из общего массива зубов коллекции, связанного со слонами мамонтовой эволюционной линии. Веро-

ятней всего они принадлежат древнему лесному слону — *Palaeoloxodon antiquus* Falconer (1847). Многочисленные находки останков этого животного известны в Испании, Италии, Германии. Известны останки древнего лесного слона не только с территории Западной и Центральной Европы, но и с юга Украины и России (включая Сибирь).

Р и с.1. Эстампы жевательных поверхностей зубов древнего лесного слона из Орловского краеведческого музея

Для сравнения приведем данные по верхнему последнему коренному зубу (M^3) *Palaeoloxodon antiquus* из местонахождения Рудки (на Украине) (Давид, Татаринев, Свистун, 1990). Общее число пластин — более 12, средняя длина пластины — 16,6 мм, средняя толщина эмали — 3,3 мм, длина зуба — свыше 200 мм, а ширина — 90 мм. Нижний последний коренной (M_3), по данным тех же исследователей, имеет следующие параметры: общее число пластин — 15, средняя длина пластины — около 20 мм, средняя толщина эмали — 2,3 мм, длина зуба — 278 мм, а его ширина — 70 мм. Еще ближе территориально — в карьере Шкурлат (юг Воронежской обл., бассейн Дона) — также обнаружен последний верхний коренной зуб (M^3) лесного слона. Он состоял из 18 пластин, длина коронки

составляла 315 мм, ширина — 87 мм, высота — 205 мм, средняя толщина эмали — 2 мм. Средняя длина пластины составляет 17,5 мм (Шевырев, Раскатов, Алексеева, 1979). Как видно, именно параметры последнего зуба особенно близки к параметрам зубов из Орловской области. Основываясь на этом, можно предполагать, что находки из Орловской области относятся к позднему подвиду *Palaeoloxodon antiquus germanicus* (Stefanescu) и датируются рубежом среднего и верхнего плейстоцена (микулинское межледниковье).

Древний лесной слон был животным, характерным для лесных ландшафтов. Экология его была сравнима с экологией современных индийских слонов, хотя внешнее сходство (например, характерный прогиб спины) сближало лесного слона по экстерьеру с современным африканским слоном *Loxodonta africana* L. Местообитание: сырые пойменные слабоосвещенные сомкнутые леса с лианами и папоротниками, которыми, как и ветвями листопадных деревьев, питались лесные слоны. Широкие ступни позволяли передвигаться по заболоченной местности, а направленные вперед бивни — легко двигаться сквозь чашу. Древний лесной слон достаточно долго, в течение всего среднего плейстоцена, обитал на территории Европы и Сибири — начиная с лихвинского межледниковья до микулинского межледниковья (начало верхнего плейстоцена) включительно. Приведенные сведения пополняют информацию о морфологии и ареале распространения древнего лесного слона. Одновременно они позволяют предположить возможность обнаружения следов палеоантропов на территории Орловской области, датируемых ашельским временем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давид А.И., Татаринев К.А., Свистун В.И. Хищные, хоботные и копытные раннего плейстоцена юго-запада СССР. Кишнев, 1990.
2. Шевырев А.Т., Раскатов Г.И., Алексеева Л.И. Шкурлатовское местонахождение фауны млекопитающих микулинского времени (Воронежская область) // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. № 49. М., 1979, с.39-48.

БАТРАХОСПЕРМУМ В КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Н.В. Воронкина, к.б.н.,
Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского

Batrachospermum moniliforme Roth относится к отделу красных водорослей (Rhodophyta), классу флоридеевых (Florideophyceae), семей-

ству батрахоспермовые (*Batrachospermaceae*). К этому отделу относится около 4000 видов, обитающих преимущественно в морях и океанах. Из них только 50 видов обитают в пресных водах. К роду батрахоспермум относится около 100 видов (Стрельская, 1985). Считается, что представители этого рода являются типичными и широко распространенными обитателями быстро текущих рек и ручьев. Есть виды, обитающие в прудах и озерах (Курсанов, 1953). Однако в Красной книге Московской области (1998) отмечено, что последние находки батрахоспермума четковидного на территории Московской области относятся к 1920-м гг. Обследования ранее известных его местонахождений, проведенные в 1991 г., результатов не дали (Усачева, 1998).

Осенью 2000 г. батрахоспермум четковидный был обнаружен в черте города Калуги, в реке Калужке, на быстрине под мостом (в условиях полутени). Он имел вид небольших "кустиков" оливково-коричневого цвета, растущих на небольших камнях. Слоевища батрахоспермума напоминали щупальца экзотического животного. Они походили на крошечные костры в ветреную погоду и меньше всего на водоросль. Однако при рассмотрении под микроскопом этот объект определился легко и его систематическая принадлежность не вызвала никаких сомнений. Таких "кустиков" в 2000 г. было обнаружено не больше 10. Осенью 2001 г. батрахоспермум в этом месте обнаружен не был. В 2002 г. было отмечено значительно больше экземпляров, чем в 2000 г. Размеры отдельных "кустиков" колебались от 2 до 5 см, были слизистыми на ощупь и обильно разветвленными. Под микроскопом отчетливо различались главные оси и боковые веточки. На главных осях и боковых веточках расположены многочисленные обособленные и иногда смыкающиеся бочонкообразные мутовки, образованные пучками многочисленных, обильно разветвленных веточек, состоящих из клеток ассимиляторов. Батрахоспермум четковидный был собран, зафиксирован в фиксаторе FAA и хранится на кафедре ботаники и экологии КГПУ им. К.Э. Циолковского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарибова Л.В., Дундин Ю.К., Коптяева Г.Ф. и др. Водоросли, лишайники и мохообразные СССР. Москва, 1978.
2. Комарницкий Н.А., Кудряшов Л.В., Уранов А.А. Ботаника. Систематика растений. М., 1975.
3. Красная книга Московской области. 1998.
4. Курсанов Л.И. Определитель низших растений. Т.2: Водоросли. 1953.
5. Стрельская О.Я. Низшие растения: Систематика. Минск. 1985.
6. Bohuslav Fott. Algenkunde. Veb Gustav Fischer. Verlag Jena, 1971.
7. Strasburger E., Noll F. Schenk H., Schimper A.F.W. Lehrbuch der Botanik. 29 Auflage. Veb Gustav Fischer. Verlag, Jena, 1967.

ТРОФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ МАКРОМИЦЕТОВ ГОРОДА КАЛУГИ

М.Н. Сионова,

лаборатория биоиндикации Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского

Изучение макромицетов города Калуги проводилось в течение 1999 — 2002 гг. Фиксировались находки плодовых тел грибов в центральной части города (улицы Ленина, Кирова, Ст. Разина, Луначарского, Московская, Тульская, Мичурина, Никитина, Вилонова, Ф. Энгельса. Суворова, Огарева, Пролетарская, Герцена, Дзержинского; переулки Тульский, Старичков, Старообрядческий). Сбор образцов макромицетов проводился также в Центральном парке культуры и отдыха и в Парке им. К.Э. Циолковского.

Данные о видовом составе микобиоты города Калуги, с указанием мест находок для каждого вида, опубликованы в сборнике научных трудов Калужского общества изучения природы местного края (Сионова, 2002). Первый список включал 39 видов (Сионова, 2001). К настоящему времени его дополнили еще 2 вида. Всего по результатам сборов в городе Калуга за период 1999 — 2002 гг. отмечен 41 вид макромицетов, грибов, образующих крупные, хорошо различимые невооруженным глазом карпофоры.

Требования к условиям жизни специфичны у каждого отдельного вида. Для грибов отмечается строгая приуроченность к комплексу экологических условий, в том числе и к питающему субстрату. Поэтому экологические группы макромицетов обычно выделяются как равнозначные трофическим. Соотношение между ними для города Калуги выглядит следующим образом. Наибольшее число видов включает группа ксилотрофов — 20 видов (49%). Второе место по встречаемости занимает группа микоризообразователей (симбиотрофов) — 9 видов (22%). Плодовые тела этих грибов отмечены в основном в парковых насаждениях. Их видовой состав определяется присутствием микоризообразующих видов деревьев и кустарников в зеленых насаждениях города. Гумусовые сапротрофы включают 7 видов (17%), подстилочные сапротрофы — 4 вида (10%). Один вид является копрофилом. Если объединить все сапротрофные виды в одну группу, то совершенно очевидно, что они преобладают над видами-микоризообразователями.

Такое соотношение трофических групп макромицетов не характерно для естественных природных сообществ, даже подвергающихся сильной рекреационной нагрузке. Большое количество ослабленных и поврежденных деревьев в городе создает условия для развития

дереворазрушающих грибов. Многие из видов ксилотрофов являются причиной развития заболеваний зеленых насаждений (например, различных гнилей). Преобладание в микобиоте видов-ксилотрофов свидетельствует о неблагоприятном жизненном состоянии зеленых насаждений в городе Калуге. А ведь именно состояние зеленых насаждений является своеобразным индикатором качества городской среды (Мауринь и др., 1989).

ЛИТЕРАТУРА

1. Мауринь А.М., Никодемус О.Э., Раман К.К. Зеленые насаждения как индикатор качества городской среды // Проблемы качества городской среды. М., 1989. С. 102 — 108.
2. Сионова М.Н. Шляпочные грибы Калужской области по сборам 1999 — 2000 годов // Известия Калужского общества изучения природы местного края. Кн. 4. Калуга, 2001. С. 226 — 245.
3. Сионова М.Н. Макромицеты города Калуги // Известия Калужского общества изучения природы местного края. Кн. 5. Калуга, 2002. С. 211 — 216.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЛИШАЙНИКОВ КАЛУЖСКОЙ И ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

А. В. Гудовичева,

Полярно-альпийский ботанический сад-институт КНЦ РАН

Сведения о лишайниках Тульской и Калужской областей до настоящего времени остаются фрагментарными и малодоступными. Первые сведения о лишайнофлоре данной территории (Медынский, Боровской, Козельский районы Калужской области, Кимовский, Ефремовский районы Тульской области и окрестности г. Тулы), основанные на сборах А. А. Еленкина, Б. А. Федченко и А. О. Флерова, опубликованы А. А. Еленкиным (1906 — 1911). В монографии автор указывает 64 вида лишайников: 49 видов для Калужской области и 40 видов для Тульской. Позднее Н. С. Голубкова приводит сведения о 27 видах лишайников для территорий этих областей (Голубкова, 1966). В тезисах А. Н. Домбровской (1996) указано для г. Калуги 10 видов лишайников, с гербарными образцами которых желательно ознакомиться.

В настоящей работе приводится список видов лишайников, известных для Калужской и Тульской областей, составленный по литературным данным и материалам собственных исследований. Список включает 109 видов лишайников, из них 25 видов — новые для Тульской области, 13 видов приводится впервые для севера Среднерусской возвышенности. Названия видов расположены в алфавитном порядке, дана ссылка на источник литературы, опускаем

при наличии собственных данных. Условные обозначения, используемые в аннотации: КО — Калужская обл. (Б — Боровской, КЗ — Козельский, Л — Лихвинский, М — Медынский р-ны); ТО — Тульская обл. (З — Заокский, Е — Ефремовский, К — Кимовский, С — Суворовский, Щ — Щекинский); * — новый вид для Тульской обл., ** — новый вид для севера Среднерусской возвышенности.

***Amandinea punctata* (Hoffm.) Coppins & Scheideg — на коре березы, остепненный склон южной экспозиции, ТО (С).

Anaptychia ciliaris (L.) Kцгб. — ТО (К) — (Голубкова, 1966).

Anisomeridium biforme (Borrer) R. C. Harris — ТО (К) — (Голубкова, 1966).

Arthrosporum populorum A. Massal. — ТО (К) — (Еленкин, 1906 — 1911).

Bacidia arceutina (Ach.) Arnold — КО (М); ТО (К) — (Еленкин, 1906 — 1911).

Bacidia naegelii (Hepp.) Zahlbr. — На коре лиственных деревьев в лесах, ТО (С, Щ).

Bacidia polychroa (Th. Fr.) Kцгб. — ТО (К) — (Еленкин, 1906 — 1911; Голубкова, 1966).

Bacidia rubella (Hoffm.) A. Massal. — ТО (К) — (Еленкин, 1906 — 1911).

Bryoria capillaris (Ach.) Brodo & D. Hawksw. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911).

**Bryoria fuscescens* (Gyeln.) Brodo & D. Hawksw. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); на коре березы в смешанном лесу, ТО (З).

Buellia disciformis (Fr.) Mudd — ТО (К) — (Голубкова, 1966).

Caloplaca cerina (Ehrh. ex Hedw.) Th. Fr. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); ТО (Щ, Т, К).

Caloplaca holocarpa (Hoffm. ex Ach.) A. E. Wade — на коре лиственных деревьев, ТО (С, Щ).

Candelaria concolor (Dicks.) Stein — ТО (К) — (Еленкин, 1906 — 1911; Голубкова, 1966).

***Candelariella aurella* (Hoffm.) Zahlbr. — на силикатных камнях, по берегу р. Оки, ТО (С).

Candelariella vitellina (Hoffm.) Myll. Arg. — на силикатных камнях, по берегу р. Оки, ТО (С, К).

Candelariella xanthostigma (Ach.) Lettau — на коре лиственных деревьев в лесах, ТО (С, Щ).

***Cetraria islandica* (L.) Ach. — на песчаной почве в сосновых лесах, ТО (С).

Cetraria sepincola (Ehrh.) Ach. — ТО (Щ) — (Гудовичева, 2001).

Chaenotheca ferruginea (Turner & Borrer) Mig. — ТО (Щ) — (Гудовичева, 2001).

***Sraenotheca xyloxena* Nbdv. — на древесине соснового пня в сосняке пушицево-сфагновом, ТО (С).

***Chaenothecopsis pusilla* (Ach.) A. F. W. Schmidt — на древесине соснового пня в сосняке пушицево-сфагновом, ТО (С).

Cladonia acuminata (Ach.) Norrl. in Norrl. & Nyl. — КО (Б) — (Голубкова, 1966).

Cladonia amaurocraea (Flückiger) Schaer. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911; Голубкова, 1966).

Cladonia arbuscula (Wallr.) Flot. — КО (М); ТО (К) — (Еленкин, 1906 — 1911).

**Cladonia botrytes* (K. G. Hagen) Willd. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); на древесине соснового пня в сосняке беломошнике, ТО (С).

Cladonia cariosa (Ach.) Spreng. — КО (Б) — (Голубкова, 1966).

Cladonia cenotea (Ach.) Schaer. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); на коре, древесине, замшелых пнях, почве в сосновых лесах, на сфагновых болотах, ТО (З, С, Я, К).

**Cladonia cervicornis* (Ach.) Flot. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); на песчаной почве в сосновом лесу, ТО (С).

Cladonia chlorophaea (Flückiger ex Sommerf.) Spreng. — ТО (К; Щ) — (Еленкин, 1906 — 1911; Гудовичева, 2001).

Cladonia coccifera (L.) Willd. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911).

Cladonia coniocraea (Flückiger) Spreng. — ТО (Щ) — (Гудовичева, 2001).

**Cladonia cornuta* (L.) Hoffm. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); на песчаной почве, на пнях в сосновом лесу — ТО (С).

Cladonia crispata (Ach.) Flot. — ТО (Щ) — (Гудовичева, 2001).

**Cladonia digitata* (L.) Hoffm. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); на коре комля березы в смешанных лесах, ТО (З).

Cladonia fimbriata (L.) Fr. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); ТО (К; Щ) — (Гудовичева, 2001).

Cladonia furcata (Huds.) Schrad. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911).

Cladonia gracilis (L.) Willd. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); на песчаной почве в сосновом лесу, ТО (С, К).

Cladonia macilentata Hoffm. — на древесине и коре сосны, реже дуба, на почве в сосновых лесах, на сфагновых болотах, реже на опушках лиственных лесов, ТО (С, Щ).

**Cladonia phyllophora* Hoffm. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); на почве, на древесине сосны в сосновых лесах, на сфагновых болотах, ТО (С).

Cladonia pyxidata (L.) Hoffm. — КО (М), ТО (К) — (Еленкин, 1906 — 1911).

**Cladonia rangiferina* (L.) Weber ex F. H. Wigg. — КО (М, КЗ) — (Еленкин, 1906 — 1911); на песчаной почве в сосновом лесу, ТО (С).

Cladonia rangiformis Hoffm. — ТО (К) — (Еленкин, 1906 — 1911).

Cladonia rei Schaer. — ТО (Щ) — (Гудовичева, 2001).

Cladonia squamosa Hoffm. — ТО (К) — (Еленкин, 1906 — 1911).

Cladonia turgida Hoffm. — КО (М, КЗ) — (Еленкин, 1906 — 1911).

**Cladonia uncialis* (L.) Weber ex F. H. Wigg. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); на песчаной почве в сосновом лесу, ТО (С).

**Evernia mesomorpha* Nyl. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); на коре березы в смешанном лесу, ТО (З).

Evernia prunastri (L.) Ach. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); ТО (К; Щ).

Graphis scripta (L.) Ach. — ТО (Щ) — (Гудовичева, 2001).

Hyperphyscia adglutinata (Flückiger) H. Mayrhofer & Poelt — ТО (К) — (Голубкова, 1966).

Hypocenomyce scalaris (Ach.) M. Choisy — на коре, древесине сосны, березы, в основании стволов в хвойных лесах и на опушках широколиственных лесов, ТО (С, Щ).

Hypogymnia physodes (L.) Nyl. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); ТО (З, С, Щ, К).

***Hypogymnia tubulosa* (Schaer.) Nav. — на коре дуба в хвойно-широколиственном лесу, ТО (С).

Ictadophyla ericetorum (L.) Zahlbr. — КО (Б) — (Еленкин, 1906 — 1911).

Ionaspis epulotica (Ach.) Arnold — ТО (Е) — (Еленкин, 1906 — 1911).

Lecania certella (Ach.) Th. Fr. — КО (М); ТО (К) — (Еленкин, 1906 — 1911).

Lecania fuscella (Schaer.) A. Massal. — КО (М); ТО (К) — (Еленкин, 1906 — 1911).

Lecanora albella (Pers.) Ach. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911).

Lecanora allophana Nyl. — КО (М); ТО (К) — (Еленкин, 1906 — 1911).

Lecanora carpinea (L.) Vain. — КО (М); ТО (К) — (Еленкин, 1906 — 1911).

- **Lecanora chlorotera** Nyl. — на коре ивы в сухом березовом лесу с участием сосны, ТО (С).
- **Lecanora glabrata** (Ach.) Malme — на коре липы в сосняке осоково-сфагновом, ТО (С).
- Lecanora hagenii** (Ach.) Ach. — на коре лиственных деревьев в хорошо освещенных местообитаниях, ТО (С, Ш).
- **Lecanora polytropa** (Ehrh. ex Hoffm.) Rabenh. — на силикатных камнях, на правом берегу р. Оки, ТО (С).
- Lecanora populicola** (DC.) Duby — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911).
- Lecanora symmicta** (Ach.) Ach. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); на коре лиственных деревьев в лиственных и смешанных лесах, ТО (С, Ш, К).
- Lecidella elaochroma** (Ach.) M. Choisy — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911).
- Lecidella euphorea** (Flörke) Hertel — КО (М, Л); ТО (К) — (Еленкин, 1906 — 1911).
- Melanelia exasperata** (De Not.) Essl. — на коре дуба (в кроне), в окрестностях села, ТО (Ш, К).
- Melanelia exasperatula** (Nyl.) Essl. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); ТО (Ш) — (Гудовичева, 2001).
- Melanelia glabra** (Schaer.) Essl. — ТО (К) — (Еленкин, 1906 — 1911).
- Melanelia olivacea** (L.) Essl. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); ТО (К, Ш).
- Melanelia subaurifera** (Nyl.) Essl. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); на коре ивы в смешанном лесу, ТО (Ш, К).
- Micarea melaena** (Nyl.) Hedl. — КО (Б) — (Голубкова, 1966).
- Opegrapha rufescens** Pers. — КО (Б) — (Голубкова, 1966).
- Parmelia sulcata** Taylor — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); ТО (З, С, Ш, К)
- Parmelina quercina** (Willd.) Hale — ТО (К) — (Еленкин, 1906 — 1911; Голубкова, 1966).
- Parmelina tiliacea** (Hoffm.) Hale — ТО (К) — (Еленкин, 1906 — 1911).
- *Parmeliopsis ambigua** (Wulfen) Nyl. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); на древесине соснового пня в сосняке пушицево-сфагновом, ТО (С).
- Peltigera canina** (L.) Willd. — ТО (Ш) — (Гудовичева, 2001).
- Peltigera didactyla** (With.) J. R. Laundon — на почве в сосновых и смешанных лесах, на лугах, ТО (З, Ш).

- **Peltigera malacea** (Ach.) Funck. — на песчаной почве в сосновых лесах, ТО (С).
- **Peltigera rufescens** (Weiss.) Humb. — на песчаной почве в сосновых лесах, ТО (С).
- Peltigera praetextata** (Flörke ex Sommerf.) Zopf — ТО (Ш) — (Гудовичева, 2001).
- Pertusaria amara** (Ach.) Nyl. — КО (М); ТО (К) — (Еленкин, 1906 — 1911).
- Pertusaria leoplaca** DC. — КО (Б) — (Голубкова, 1966).
- Phaeophyscia nigricans** (Flörke) Moberg — на коре лиственных деревьев в лесах, ТО (С, Ш).
- Phaeophyscia orbicularis** (Neck.) Moberg — на коре лиственных пород, обработанной древесине в лесах, на открытых местообитаниях, ТО (Ш).
- Physcia adscendens** (Fr.) H. Olivier — на коре лиственных деревьев в лесах, ТО (С, Ш).
- Phaeophyscia ciliata** (Hoffm.) Moberg — ТО (Ш) — (Гудовичева, 2001).
- **Physcia tenella** (Scop.) DC. — на коре деревьев, на силикатных камнях, ТО (С).
- Physconia detersa** (Nyl.) Poelt — ТО (Ш) — (Гудовичева, 2001).
- Physconia distorta** (With.) J. R. Laundon — ТО (Ш) — (Гудовичева, 2001).
- **Placynthiella daseae** (Stirt.) Tonsberg — на коре и древесине сосны в смешанных лесах, на сфагновых болотах, ТО (С).
- Placynthium nigrum** (Huds.) Gray — ТО (Е) — (Еленкин, 1906 — 1911).
- *Platismatia glauca** (L.) W. L. Culb. & C. F. Culb. — на замшелой коре березы в смешанном лесу — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); ТО (З, С).
- Pleurosticta acetabulum** (Neck.) Elix & Lumbsch — ТО (К; Ш) — (Еленкин, 1906 — 1911; Голубкова, 1966; Гудовичева, 2001).
- Ramalina dilacerata** (Hoffm.) Hoffm. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911; Голубкова, 1966).
- Ramalina farinacea** (L.) Ach. — КО (М); ТО (К) — (Еленкин, 1906 — 1911).
- Ramalina fastigiata** (Pers.) Ach. — КО (М); ТО (К) — (Еленкин, 1906 — 1911).
- Ramalina pollinaria** (Westr.) Ach. — КО (М); ТО (К, Ш) — (Еленкин, 1906 — 1911; Гудовичева, 2001).
- Scoliosporum chlorococcum** (Graewe ex Stenh.) Vmzda — на коре

деревьев, ТО (С, Ш).

***Stereocaulon tomentosum* Fr. — на песчаной почве в сосняке-беломошнике, ТО (С).

Trapeliopsis granulosa (Flurke) Coppins & P. James — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911).

Usnea hirta (L.) Weber ex F. N. Wigg. — КО (М); ТО (К) — (Еленкин, 1906 — 1911).

Vulpicida pinastri (Scop.) J. — E. Mattson & M. J. Lai — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); на коре хвойных, реже лиственных пород в различных типах леса, ТО (С, Ш).

Xanthoria parietina (L.) Th. Fr. — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); ТО (С, Ш, К).

Xanthoria polycarpa (Hoffm.) Th. Fr. ex Rieberg — КО (М) — (Еленкин, 1906 — 1911); на коре лиственных пород, в лиственных и смешанных лесах, ТО (К, Ш).

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубкова Н.С. Определитель лишайников средней полосы европейской части СССР. М. - Л.: Наука, 1966. С. 412.

2. Гудовичева А.В. Материалы к лишайнофлоре музея-заповедника "Ясная Поляна" // Биологическое разнообразие Тульского края на рубеже веков: Сб. научных трудов. Вып. 1. Тула, 2001. С. 3 — 6.

3. Домбровская А.Н. Эпифитные лишайники как биоиндикаторы загрязнения атмосферного воздуха // Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития особо охраняемых природных территорий: Матер. Калужской науч.-практич. конфер. Часть II. Калуга, 1996. С. 125—127.

4. Еленкин А.А. Флора лишайников Средней России. Части 1 — 4. Юрьев 1906 — 1911. С. 683.

ЛИШАЙНИКИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Н.А. Фомкина

Н.В. Воронкина, к.б.н.,

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

К отделу лишайники относится 16 000 видов. Они широко распространены на территории Калужской области. Однако их исследования начаты лишь в последние десятилетия (Рогачева, 1999, Алексеева, 1996, Домбровская).

Методика и материалы исследования

Собирать материал можно в любое время года. Накипные и ли-

стоватые лишайники необходимо брать вместе с субстратом, на котором они растут. При сборе кустистых форм важно обращать внимание на наличие первичного таллома. Собранные лишайники не нужно фиксировать, так как содержащиеся в них кислоты осуществляют самофиксацию. Наличие у лишайников апотециев облегчает точность определения. При определении лишайников используют цветные реакции, получаемые при взаимодействии лишайниковых кислот и некоторых реактивов: 1) КОН-10%-й водный раствор едкого калия. При положительной реакции они могут краснеть, желтеть или буреть, при отрицательной — не изменяются. 2) J+KJ — водный раствор йода в йодистом калии. Обычно этот реактив применяется для окрашивания срезов. Он может придавать им синюю окраску, в дальнейшем переходящую в винно-красную. При определении использовались световой микроскоп БИОЛАМ и определители (Гарибова и др., 1978, Голубкова, 1966, Комарницкий, 1966).

Сбор материалов проводился на территории Бяратинского, Мосальского, Кировского, Спас-Деменского, Сухиничского, Юхновского, Ферзиковского районов, а также в Калужских лесопарковых зонах с 1999 по 2003 гг. Наиболее подробно был изучен Бяратинский район. Всего собрано более 750 образцов (—). В процессе работы были изучены следующие типы растительных сообществ: сфагновые боры (верховые болота) в Бяратинском районе, сосновый бор — брусничник с толокнянкой в Юхновском районе, ельник-зеленомошник в Мосальском районе, осинник в сырой ложине Ферзиковского района, а также мелколиственные березово-осиновые леса. Многие населенные пункты также служили местом сбора лишайников.

Результаты исследований

№	Семейство	Вид	Субстрат	Район сбора	Коллектор
1	2	3	4	5	6
1	Bacidiaceae	Bacidia melaena (Inyl.) A.Zahlbr	Гниющая древесина	Боровский	Голубкова
		B. rubella (Ehrh) Mass. Бацидия желтоватая	Осина, сосна	Ферзиковский, Калужский бор	Домбровская, Алексеева, Фомкина
2	Verrucariaceae	Verrucaria nigrescens Веррукария чернеющая	Фундам. жилого дома. Бетон	Бяратинский	Фомкина

3	Graphidaceae	<i>Graphis scripta</i> (L.) Ach. Графис письменный	На гладк. коре листвен. деревьев	Боровский, Малоюр.	Рогачева
		<i>Oregrapha diaphora</i> Ach. Опеграфа отличающаяся	Деревья листвен. пород	Боровский, Малоюр.	Рогачева
		<i>O. rufescens</i> Pers. Опеграфа рыжая	Дуб, липа, клен	Боровский	Рогачева
4	Cladoniaceae	<i>Cladonia amaurocraea</i> (Flk.) Schaer. Кладония стройная	Песчаная почва сосновых лесов	Медынский	Голубкова
		<i>C. acuminata</i> (Ach.) Кладония остроконечная	Почва	Боровский	Голубкова
		<i>C. bacillaris</i> (Ach.) Nyl. Кладония палочковая	Почва, гниющая древесина	Ферзиковский	Рогачева
		<i>C. ruxidata</i> (L.) Fr. Кладония крыночковидная	Береза	Юхновский	Фомкина, Воронкина
		<i>C. cariosa</i> (Ach.) Sprgl. Кладония трухлявая	Почва	Ферзиковский	Рогачева, Фомкина
		<i>C. cenotea</i> (Ach.) Schrgl. Кладония пустоватая	Гниющая древесина	Барятинский, Ферзиковский	Рогачева, Фомкина
		<i>C. coniocrea</i> (Flk.) Spreng. Кладония порошистая	Береза, почва	Барят., Ферз., Юх., Боров., Малоюр., Коз., Ульянов.	Рогачева, Фомкина, Воронкина
		<i>C. cornuta</i> (L.) Schaer. Кладония рогатая	Почва	Боровский, Малоюр., Славецкий, Козельский	Рогачева
		<i>C. alpestris</i> (L.) Rabn. Кладония приальпийская	Гниющая древесина	Барятинский	Фомкина
		<i>C. macroceras</i> (Flk.) Aht. Кладония крупнорогая	Почва	Юхновский	Фомкина, Воронкина
		<i>C. crispata</i> (Ach.) Flot. Кладония кудрявая	Почва	Юхновский, Козельский	Рогачева, Фомкина, Воронкина
		<i>C. deformis</i> (L.) Hoffm. Кладония бесформенная	Почва, гниющая древесина	Боров., Мед., Калужский бор	Алексеева, Рогачева
		<i>C. degenerans</i> (Flk.) Sprgl. Кладония вырождающаяся	Почва, гниющая древесина	Боровский, Медынский.	Голубкова
		<i>C. fimbriata</i> (L.) Fr. Кладония бахромчатая	Береза, почва	Барят., Спас-Дем., Ферз., Юх., Боров., Малоюр., Держ., Коз.	Рогачева, Фомкина, Воронкина

		<i>C. ochrochlora</i> Sandst. Кладония желто-зеленая	Береза, гниющая древесина	Барят., Киров., Сух., Боров., Малоюр.	Рогачева, Фомкина
		<i>C. squamosa</i> (Scop.) Hoffm. Кладония чешуйчатая	Гниющая древесина	Козельский	Рогачева
		<i>C. turgida</i> (Ehrh.) Hoffm. Кладония вздутая	Песчаная почва	Козельский	Рогачева
		<i>C. uncialis</i> (L.) Wigg. Кладония доймовая	Песчаная почва	Козельский	Рогачева
		<i>C. verticillata</i> (Hoffm.) Кладония мутовчатая	Песчаная почва	Козельский	Рогачева
		<i>C. imprexa</i> Кладония неприглаженная	Сосна. На коре	Барят., Спас-Дем., Юх., Киров., Сух.	Фомкина, Воронкина
		<i>C. mitis</i> Sandst. Кладония мягкая	Обработанная древесина	Козельский	Рогачева
		<i>C. rangiferina</i> (L.) Wed. Кладония оленья	Гниющая древесина	Боровский, Козельский, Ульяновский	Рогачева
		<i>Cladina arbuscula</i> (Wallr.) Кладина лесная	Торфянистая почва	Юх., Сух., Держ., Коз., Ульян.	Рогачева, Фомкина, Воронкина
		<i>C. stellaris</i> (Opiz) Кладина звездчатая		Козельский	Рогачева
		<i>Beomycetes roseus</i> Pers. Беомицес розовый	Торфянистая почва	Боровский	Рогачева
5	Caloplacaceae	<i>Caloplaca cerina</i> (Ehr. h.) Th. Fr	Осина	Медынский	Голубкова
		<i>C. pyracea</i> (Ach) Th. Fr		Боровский	Рогачева
		<i>C. aurantiaca</i> (Lignf) Th. Fr. Колоплака оранжевая	Бетонный столб	Барятинский	Фомкина
6	Lecideaceae	<i>Psora ostreata</i> Hoffm. Псора устричная	Сосна	Боровский, Малоюр., Славецкий	Рогачева
		<i>Lecidea glomerulosa</i> (D.C) Steud. Лецидея скученная	Осина	Боровский, Малоюр., Славецкий	Рогачева
		<i>L. olivaceae</i> (Hoffm.) Лецидея оливковая	Деревья лиственных пород	Боровский, Малоюр., Славецкий	Рогачева
		<i>Biatora symmetrica</i> (Ach) Биатора смешенная	Сосна	Барятинский	Домбровская, Фомкина
7	Lecanogaceae	<i>Lecanora allophana</i> (Ach) Леканора разнообразная	Осина	Боровский, Малоюр., Славецкий	Рогачева
		<i>L. pallida</i> (Schred.) Леканора бледная	Осина	Малоюр., Славецкий	Рогачева

		<i>L. piniperda</i> (Boist.) Леканора соснолюбивая	Сосна	Ульяновский	Рогачева
		<i>L. varia</i> (Ach.) Леканора изменчивая	Обработанная древесина	Боровский, Ульяновский	Рогачева, Фомкина
		<i>Lecania syringea</i> (Ach.) Th. Fr. Лекания сиреневая	Гладкая кора листвен. деревьев	Медынский	Голубкова
8	Parmeliaceae	<i>Hypogymnia tubulosa</i> (Schaeer.) Nav. Гипогимния трубчатая	Ель, рябина, береза, Гниющая древесина	Барят., Ферз., Сух., Калуж. бор	Алексеева, Фомкина
		<i>H. physodes</i> (L.) Nyl. Гипогимния вздутая	Ель, береза, гниющая древесина	Барят., Ферз., Мос., Сух., Боров., Держ., Малоар., Коз., Ульян., Мед., г. Калуга	Домбровская, Рогачева, Фомкина
		<i>Parmelia caerata</i> (L.) Ach. Пармелия козлиная	На коре деревьев	Козельский	Рогачева
		<i>P. sulcata</i> Tayl. Пармелия бороздчатая	На коре деревьев	Все изученные районы	Рогачева, Фомкина
		<i>P. olivacea</i> (L.) Пармелия оливковая	Береза	Барятинский	Фомкина
		<i>Candelaria concolor</i> Ach. Конделария одноцветная	Яблоня, осина, сосна	Барятинский, Ферзиковский, г. Калуга	Домбровская, Фомкина
		<i>Parmeliopsis ambigua</i> (Wulf) Nyl. Пармелиопсис сомнительный	Сосна, липа	Барятинский	Фомкина
		<i>Cetraria glauca</i> (L.) Ach. Цетрария сизая		Деревья Сивково	Рогачева
		<i>C. islandica</i> (L.) Ach. Цетрария исландская	Почва	Боровский, Козельский	Рогачева, Фомкина
		<i>C. pinastri</i> (Scop.) S Gray. Цетрария сосновая	Береза, осина	Барят., Ферз., Боров., Держ., Коз., Перемыш.	Рогачева, Фомкина
9	Peltigeraceae	<i>Peltigera cinnina</i> (L.) Willd. Пельтигера собачья	Почва	Боровский, Козельский, Ферзиковский	Рогачева, Воронкина
		<i>P. rufescens</i> (Weis) Mumb. Пельтигера рыжая	Почва	Боровский	Рогачева
10	Pertusariaceae	<i>Pertusaria leioplaca</i> (Ach.) DC. Пертузария гладкослоевидная	Черемуха, ольха	Боровский	Голубкова
11	Physciaceae	<i>Physcia alpolia</i> (Enrh) Hampe Фисция аиполия	Осина	Барятинский, Боровский	Рогачева, Фомкина

		<i>P. caesia</i> (Hoffm) Hampe. Фисция сизая	Береза, сосна	Барятинский, Спас – Деменский	Фомкина
		<i>P. ciliata</i> (Hoffm) Drietz. Фисция реснитчатая	Осина, обработ. древесина	Малоярославский район, Барятинский	Рогачева, Фомкина
		<i>P. grisea</i> (Lam) A. Zahlbr. Фисция серая	Береза, яблоня, сосна	Барятинский, Ферзиковский	Рогачева, Фомкина
		<i>P. nigricans</i> (Flk.) Фисция черноватая	Липа, осина	г. Калуга	Домбровская
		<i>P. orbicularis</i> (Neck.) Фисция округлая	Деревья лиственных пород	Боровский	Рогачева
		<i>P. pulverulenta</i> (Schre.) Фисция припудренная	Осина, дуб	Ферзиковский, Боровский	Рогачева, Фомкина
		<i>P. stellaris</i> (L.) Nyl. Фисция звездчатая	Тополь, ель, яблоня, береза	Барят., Ферз., Мос., Боров., Ульян.	Рогачева, Фомкина
		<i>P. hispida</i> (Schred.) Фисция щетинистая	Осина, липа	Барятинский, Малоярославский	Рогачева, Фомкина
		<i>Anaptychia ciliaris</i> (L.) Анаптихия реснитчатая	Деревья лиственных пород	Ферзиковский	Рогачева
		<i>A. speciosa</i> (Wulf) Mass. Анаптихия красивая	Береза	Барятинский	Фомкина
12	Teloschistaceae	<i>Xanthoria candelaria</i> (Arn.) Ксантория постенная	Деревья лиственных пород	Малоярославский	Рогачева
		<i>X. parietina</i> (L.) Ксантория постенная	Всевозможные субстраты	Все изученные районы	Рогачева, Фомкина
		<i>X. polycarpa</i> (Hoffm.) Vain. Ксантория многоплодная	Тополь	Барятинский	Фомкина
13	Usneaceae	<i>Evernia prunastri</i> (L.) Ach. Эверния сливовая	Береза	Ульяновский	Рогачева
		<i>E. furfuracea</i> (L.) Mapp. Эверния шелушащаяся	Береза	Барятинский, Юхновский	Фомкина, Воронкина
		<i>Usnea hirta</i> (L.) Wigg. Усnea жесткая	Гниющая древесина, сосна	Барятинский, Ферзиковский, Юхновский	Фомкина, Воронкина
		<i>Letharia thamnodes</i> Hue		Боровский	Рогачева
		<i>Alectoria impexa</i> (Hoffm.) Mot. Алектория припудренная		Деревья Сивково	Рогачева

В сосновых борах наиболее распространенными лишайниками являются кладонии, в ельниках — гипогимнии, в мелколиственных ле-

сах — пармелии и фисции. Кладонии в березовых лесах приурочены к основанию стволов. К ранее изученным 63 видам (Алексеева, 1996; Домбровская 1996; Рогачева, 1999) за последние годы прибавилось 12 новых. Наиболее распространенными видами являются: ксантория постенная, гипогимния вздутая и пармелия бороздчатая, отмеченные во всех изученных районах и заселяющие наибольшее количество субстратов. Самым многочисленным семейством являются кладониевые, представленные 22 видами. Большая часть лишайников относится к группе эпифитных (56 видов), растущих на стволах и ветвях деревьев и кустарников. Преобладание древесных эпифитов объясняется тем, что Калужская область расположена в лесной зоне. В основном эпифитная флора изучалась на пяти наиболее распространенных в области породах деревьев — березе, осине, сосне, ели, дубе и липе. Большое количество лишайников живет на ивах, раkitах, яблонях, ясенях, ольхах. К тому же в области распространены виды, заселяющие бетонные сооружения (веррукария чернеющая, колоплака оранжевая) и шиферные крыши (ксантория постенная).

В Красную книгу СССР и Красную книгу Московской области включены фисция черная и уснея жесткая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарибова Л.В., Дундин Ю.К., Коптяева Т.Ф. и др. Водоросли, лишайники и мохообразные СССР. М., 1978.
2. Голубкова Н.С. Определитель лишайников средней полосы европейской части СССР. М., 1966.
3. Домбровская А.Н. Эпифитные лишайники как биоиндикаторы загрязнения атмосферного воздуха // Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития особо охраняемых территорий. 1996.
4. Еленкин А.А. Мхи и лишайники. 1930.
5. Комарницкий Н.А. Лишайники, бактерии и актиномицеты. 1966.
6. Красная книга Московской области. 1998.
7. Шапиро И.А. Загадки растения-сфинкса. 1991.
8. Шкараба Е.М., Селиванов А.Е. Использование лишайников в качестве индикаторов загрязнения окружающей среды. 2001.

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О МХАХ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В.В. Заикина,

Н.В. Воронкина, к.б.н.,

Калужский государственный педагогический университет

им. К.Э. Циолковского

Мохообразные являются обычным компонентом различных растительных сообществ. Особенно большое участие они принимают в сложении болотных и лесных фитоценозов, где их покрытие может достигать 100%. Мохообразные, среди высших растений, в первую очередь испытывают стресс от антропогенных воздействий, поэтому они являются хорошими растениями индикаторами для оценки загрязнения атмосферы. Их изучение необходимо также для сохранения видового разнообразия. Однако о мхах Калужской области известно немного.

Основу настоящего исследования составили сборы июня 2001 года окрестностей экологической базы «Отрада» и урочища «Тайфун» на Жиздринском участке национального парка «Угра». Впоследствии этот материал был дополнен сборами, сделанными в окрестностях города Калуги вблизи д. Верхняя Вырка, Сивково Перемышльского района и около д. Ястребовка Ферзиковского района.

Цель данного исследования состояла в изучении видового состава мхов, растущих на указанной территории, а также в выяснении их экологической и географической приуроченности к различным местообитаниям.

В окрестностях экологической базы «Отрада» исследовались хвойные леса вблизи озера Боровое. Основные лесообразующие породы здесь — сосна обыкновенная и ель европейская. В кустарниковом ярусе встречаются бересклет бородавчатый, лещина обыкновенная, крушина ломкая. Покрытие травянистых растений незначительное, их развитие подавлено. Заметную роль играют лишь такие растения, как брусника, черника, вереск. Мохообразным принадлежит здесь господствующая роль в формировании наземного покрова.

В широколиственных лесах вблизи урочища «Тайфун» покрытие мохообразных незначительно, здесь доминируют покрытосеменные растения. Однако мхи обильно заселяют стволы и выступающие корни деревьев, а также гниющие пни и валежник.

В смешанных хвойно-мелколиственных лесах в окрестностях д.д. Верхняя Вырка, Сивково и Ястребовка распределение мхов по экотопам и их участие в формировании наземного покрова зависит от преобладающей древесной породы. В местах с преобладанием березы и осины мохообразные вытеснены травянистыми растениями из наземного покрова и заселяют валежник и стволы деревьев. В местах господства хвойных пород мхи широко заселяют различные экотопы.

Сборы в указанных пунктах проводились с июня по сентябрь 2001 года. Материал собирался в хвойных, смешанных и широколиственных лесах, на обочинах дорог, у берегов ручьев и озер и т. д. В

процессе сбора образцов учитывались все возможные экотопы каждого фитоценоза. Образцы были взяты: с почвы, с прелой листвы, со стволов и выступающих корней деревьев, с гниющих пней и валежника, с каменистых и песчаных субстратов.

Определение образцов проводилось по общепринятой методике в лабораторных условиях при помощи стереомикроскопа МБС 10, светового микроскопа БИОЛАМ, с использованием ряда определителей: Лазаренко, 1951; Гордеева, Завалишина и др., 1954; Савич-Любицкая, Смирнова 1970; Гарибова, Дундин и др., 1978.

Всего было собрано и проанализировано около 150 образцов мохообразных, в результате чего обнаружено 43 вида мхов, относящихся к двум классам: Hepaticopsida и Bryopsida и четырем подклассам: Marchantiidae, Jungermaniidae, Sphagnidae и Bryidae.

п — почвенный покров с мертвой подстилкой в лесах;

ст — стволы, выступающие корни деревьев;

вал — валежник, гниющие пни;

к — каменистые субстраты;

пч — песчаные субстраты;

в — у выходов родников, по берегам озер и ручьев на почве, камнях и корнях деревьев.

Видовой состав и распределение мхов на территории Калужской области

№	Систематический список	Места сбора материала				
		"Отрада"	"Тайфун"	д.Сивково	д. В. Вырка	д. Ястребовка
1.	Кл. Hepaticopsida П/кл Marchantiidae Сем. Marchantiaceae <i>Marchantia polymorpha</i> L.	в	пч			
2.	П/кл Jungermaniidae Сем. Plagiochilaceae <i>Plagiochila porelloides</i> Lindb.					п
3.	Сем. Ptilidiaceae <i>Ptilidium pulcherrimum</i> Hampe.					вал
4.	Кл. Bryopsida П/кл Sphagnidae Сем. Sphagnaceae <i>Sphagnum girgensohnii</i> Russ.	п				
5.	<i>Sphagnum squarrosum</i> Crome.			п		

6.	П/кл Bryidae Сем. Polytrichaceae <i>Atrichum undulatum</i> Beauv.		п	пч	п	
7.	<i>Polytrichum piliferum</i> Hedw.		пч			
8.	<i>Polytrichum juniperinum</i> Hedw.	пч		пч		
9.	<i>Polytrichum commune</i> Hedw.	п	пч	п		
10.	Сем. Dicranaceae <i>Dicranella heteromalla</i> Schimp.		пч			
11.	<i>Orthodicranum montanum</i> Loeske.		п			
12.	<i>Dicranum scoparium</i> Hedw.	п	вал	п	ст	п
13.	<i>Dicranum polisetum</i> Sw.	п	вал			
14.	Сем. Funariaceae <i>Physcomitrium pyriforme</i> Brid.		пч			
15.	Сем. Bryaceae <i>Pohlia nutans</i> Lindb.					пч
16.	<i>Bryum capillare</i> Hedw.		к			
17.	<i>Bryum argenteum</i> Hedw.	пч				
18.	<i>Rhodobryum roseum</i> Limpr.		п	п		
19.	Сем. Mniaceae <i>Mnium undulatum</i> Hedw.			вал	п	
20.	<i>Mnium rugicum</i> Laur.	ст	п	п		
21.	<i>Mnium punctatum</i> Hedw.	вал	вал	п		вал
22.	<i>Mnium cinclidioides</i> Hueb.	ст				
23.	<i>Mnium silvaticum</i> Lindb.	п	ст	ст		ст
24.	<i>Mnium affine</i> Bland.		ст			
25.	Сем. Climaciaceae <i>Climacium dendroides</i> Web. et. Mohr.	п	в	п		
26.	Сем. Neckeraceae <i>Homalia trichomanoides</i> B.S.G.		ст			
27.	Сем. Amblystegiaceae <i>Cratoneurum commutatum</i> Roth.					к
28.	<i>Leptodictyum riparium</i> Warnst.	в			ст	
29.	Сем. Plagiotegiaceae <i>Amblystegium serpens</i> B.S.G.		ст			
30.	<i>Amblystegiella subtilis</i> Loeske.		ст			
31.	<i>Drepanocladus uncinatus</i> Warnst.					ст
32.	Сем. Brachytheciaceae <i>Brachythecium rivulare</i> B.S.G.	в				
33.	<i>Cirriphyllum piliferum</i> Grout.				п	ст
34.	Сем. Entodontaceae <i>Pleurozium schreberi</i> Mitt.			ст	п	
35.	Сем. Plagiotheciaceae <i>Plagiothecium laetum</i> B.S.G.	ст			ст	
36.	Сем. Hypnaceae <i>Platigrium repens</i> B.S.G.			ст		
37.	<i>Pylaisia polyantha</i> B.S.G.			ст		ст
38.	<i>Hypnum pallescens</i> Beauv.			вал		
39.	<i>Ptilium cristata</i> — <i>castrensis</i> De Not.	п				
40.	Сем. Rhytidiaceae <i>Rhytidiadelphus triquetrus</i> Warnst.					п

	Сем. Hylocomiaceae				
41.	<i>Hylocomium splendens</i> B.S.G.	п	п		
	Сем. Leskeaceae				
42.	<i>Leskea polycarpa</i> Hedw.		ст		
43.	<i>Leskeella nervosa</i> Loeske.		ст		

Как видно из таблицы, мхи обследованной территории относятся к 19 семействам. К печеночным мхам принадлежат 3 семейства, содержащие по одному виду. Остальные 16 семейств включают 40 видов и относятся к листостебельным мхам. Наибольшим видовым разнообразием среди листостебельных мхов отличается подкласс Bryidae — 38 видов, в том числе семейства: Mniaceae — 6 видов и Amblystegiaceae — 5 видов. Семейства Polytrichaceae, Dicranaceae, Bryaceae, и Нурпасеae содержат по 4 вида. Бриевые мхи составляют 88,4% от общего числа видов. Они широко распространены и участвуют в формировании растительного покрова исследуемой территории. Сфагновых мхов на исследуемой территории обнаружено всего два вида. Это объясняется ее незначительной заболоченностью.

Анализ таблицы позволяет сделать выводы о приуроченности мохообразных к различным местообитаниям.

Для бриофлоры сосновых лесов типичными представителями являются: *Dicranum scoparium* и *Dicranum polisetum*, *Polytrichum commune* и *Polytrichum juniperinum*, *Pleurozium schreberi*, *Hylocomium splendens*. Все они являются почвенными мхами.

В широколиственных лесах на почве наиболее часто встречаются: *Atrichum undulatum* и *Rhodobryum roseum*; виды рода *Mnium* заселяют также валежник. *Amblystegium serpens*, *Platigyrum repens* и *Hypnum pallescens* обитают на валежнике и основаниях стволов деревьев.

Для хвойно-мелколиственных лесов характерны: *Atrichum undulatum* и *Rhytidiadelphus triquetrus*, обитающие на почве. *Drepanocladus uncinatus* поселяются на стволах деревьев. В тенистых

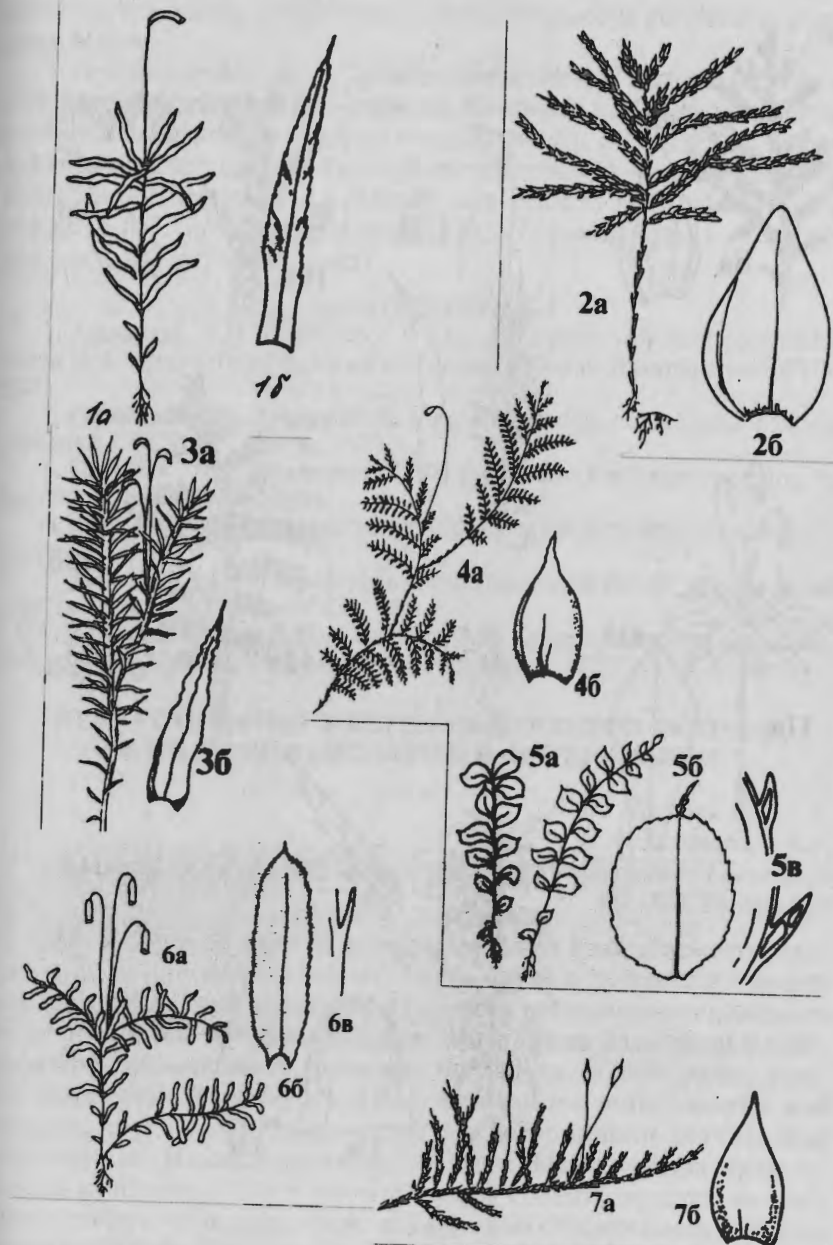

Рис. 1.

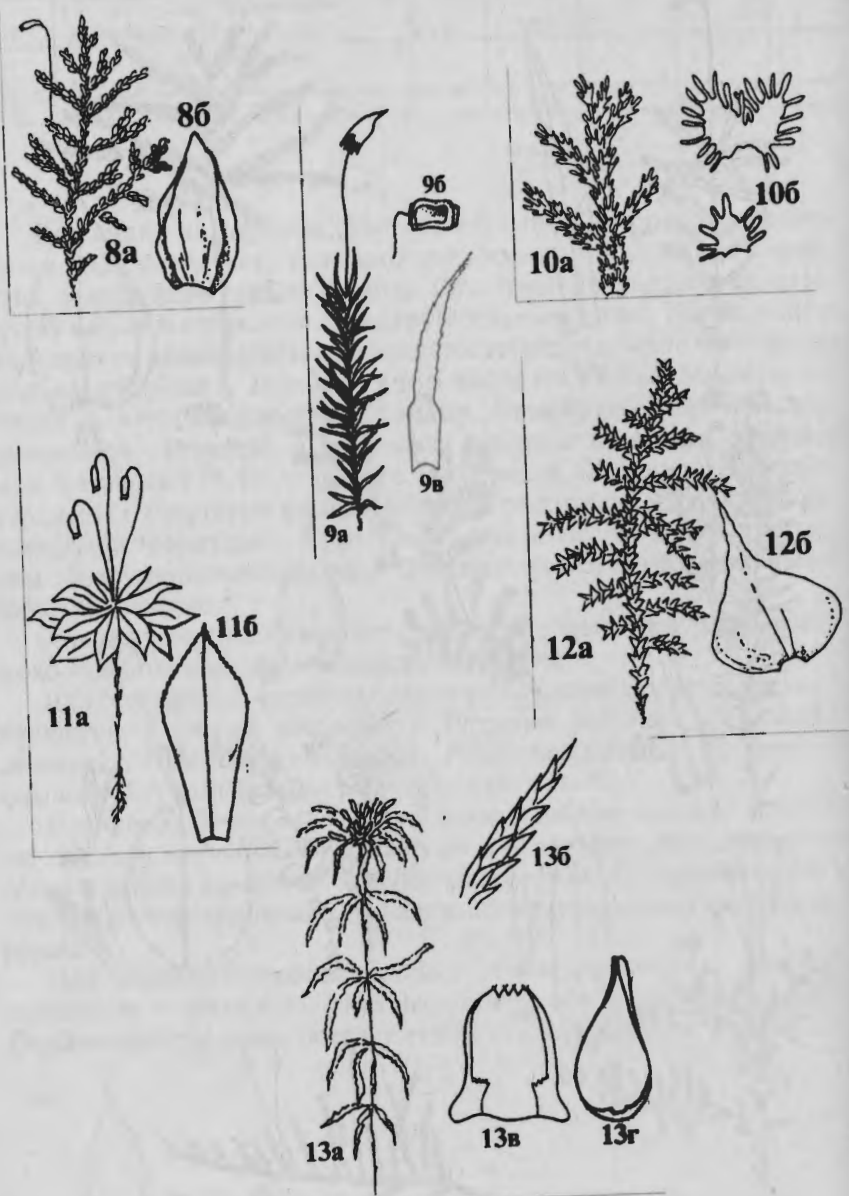

Рис. 2.

участках отмечены *Rhodobryum roseum*, *Plagiochila porelloides*, виды рода *Mnium*.

1. *Atrichum undulatum*; 2. *Climacium dendroides*; 3. *Dicranum polysetum*; 4. *Hylocomium splendens* (а — растение, б — лист); 5. *Mnium cinclidioides*; 6. *Mnium undulatum* (в — зубцы по краю листа); 7. *Platygyrium repens*; 8. *Pleurozium schreberi*; 9. *Politrichum commune* (в — коробочка); 10. *Ptilidium pulcherrimum*; 11. *Rhodobryum roseum*; 12. *Rhytidiadelphus triquetrus*; 13. *Sphagnum girgensohnii* (б — боковая ветвь, в — стеблевой лист, г — веточный лист).

ЛИТЕРАТУРА

1. Анищенко Л.Н. Бриофлора и синтаксономия моховой растительности юго-западного нечерноземья России. Брянск: Издательство БГПУ, 2001.
2. Гарибова Л.В., Дундин Ю.К. и др. Водоросли, лишайники и мохообразные СССР. М.: Мысль, 1978.
3. Гордеева Т.Н., Завалишина С.Ф. и др. Летняя полевая практика по ботанике. Л.: Учпедгиз, 1954.
4. Дьяченко А.П. Руководство по определению листостебельных мхов. Свердловск, 1987.
5. Лазаренко А.С. Определитель лиственных мхов БССР. Минск: Издательство Академии наук БССР, 1951.
6. Савич-Любицкая Л.И., Смирнова З.Н. Определитель листостебельных мхов СССР / Верхоплодные мхи. Л.: Наука, 1970.

ЛЕКАРСТВЕННЫЕ РАСТЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ВЕТЕРИНАРИИ

В.М. Шестаков, д.б.н.,

Н.А. Тихонова, к.б.н.,

Калужский филиал Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева

Самой близкой наукой к медицине была и остаётся ветеринария (или ветеринарная медицина) — наука о лечении и предупреждении болезней животных. Издавна в ветеринарии применяли те же лекарства, что и в медицине. Вначале их назначали животным при заболеваниях, похожих на недуги людей (раны, ушибы, простуда). Впоследствии, когда были изучены болезни животных, круг применения лекарств в ветеринарии значительно расширился. Некоторые лекарственные средства “подсказаны” людям животными. При наблюдении за козами, поедавшими молодые побеги чемерицы, было обнаружено слабительное действие этого растения.

Так, дикие животные порой были первыми "наставниками" людей во врачевании многих болезней. Однако и в настоящее время, несмотря на огромное количество всевозможных лекарств, наблюдение за животными, особенно на пастбищах, часто позволяет обнаружить лекарственные средства, ранее неизвестные или забытые.

Современная фармакология (наука о лекарствах и их действии на организм) наряду с изысканием новых лекарственных веществ, кропотливо изучает лечебный опыт прошлых поколений и народные лекарства.

Целью наших исследований было изучить наиболее встречающиеся лекарственные растения, типичные для флоры Верхнего Потоцья, и разработать ряд рецептов для лечения наиболее распространенных заболеваний сельскохозяйственных животных, для чего производились полевые исследования в Перемышльском, Дзержинском, Ферзиковском районах. Лекарственные растения, представленные в рецептуре для лечения животных, встречаются в больших количествах во всех названных районах и могут с успехом использоваться в лечении животных.

Нами приведены дозы лекарств для применения животным наружно и внутрь. Внутримышечно, подкожно и внутривенно лекарства могут назначать и вводить только ветеринарные специалисты. Мы привели сведения лишь о сравнительно небольшом числе лекарственных трав Калужской области, используемых в ветеринарии. Эти травы часто применяют владельцы животных и работники животноводства в хозяйствах, порой не имея четкого представления о подборе трав, их рецептуре. Что может сказываться на негативном или недостаточно эффективном воздействии на организм животного.

В исследованиях установлено широкое распространение трав, имеющих кровоостанавливающее действие: это зверобой, крапива, пастушья сумка, таволга вязолистная, тысячелистник, хвощ полевой, щавель конский. Имеющие вяжущее действие: горец змеиный, лапчатка (калган), гравилат, кровохлебка. Слабительное: льнянка обыкновенная, одуванчик, очиток едкий, пижма обыкновенная, чистотел. Антигельминтное: папоротник мужской, живокость и др.

На территории Калужской области встречается множество лекарственных растений, которые уже много лет применяются в ветеринарной практике.

Лекарственное сырье, из которого готовят лекарственные препараты, в ветеринарии занимает особое место, поскольку стоит дешевле и может с успехом конкурировать с дорогостоящими синтетическими, заменять их и тем самым способствовать снижению се-

бестоимости продукции животноводства. Поэтому изыскание новых лекарственных растений, их изучение и внедрение в ветеринарную практику имеют большое народнохозяйственное значение.

Существует несколько способов, облегчающих поиск лекарственных растений. Одним из них является изучение опыта народной медицины и ветеринарии по применению лекарственных растений для лечебных целей. В процессе длительного познания и приспособления к окружающей среде человек приобрел опыт лечения многих болезней, а затем и болезней животных.

Второй способ поисков лекарственных средств заключается в том, что среди родственных в филогенетическом отношении растений могут содержаться близкие по химическому составу вещества.

Третий способ — определение в растении действующих начал с последующим фармакологическим изучением.

Преимущество лекарственных растений перед синтетическими препаратами заключается в том, что они действуют на организм животного комплексно. Замечено, что лечебное действие растительных средств тем эффективнее, чем полнее сохранено природное сочетание действующих начал. При разрушении природного комплекса устраняется или значительно ослабляется желаемый эффект. Поэтому на практике нами применяются галеновые препараты.

Методика и результаты исследований

Опыты проводились в Калужском аграрном колледже на новорожденных телятах весом 40 — 45 кг при диспепсии. Телята были разделены на две группы, по 5 голов в каждой. К животным применяли настой зверобоя продырявленного, который был собран на берегу Оки и высушен в пучках. В траве имеются дубильные вещества, флавоноиды, салонины, смолистые вещества, витамин С, каротин, эфирное масло, производные антрацена.

Препараты зверобоя обладают вяжущим, противовоспалительным, кровоостанавливающим и противомикробным действием. В опытах на животных доказано, что настой и экстракт зверобоя малотоксичны, стимулируют сердечную деятельность, повышают артериальное давление.

При диспепсии выпаивали настой зверобоя 1:50 в количестве 25 — 50 мл на прием 4 раза в день. Для приготовления настоя 200 г сухой травы в эмалированной кастрюле заливают 10 л кипящей воды и добавляют 100 г поваренной соли. Кастрюлю плотно закрывают крышкой и ставят в теплое место на 8 — 10 ч. Затем содержимое перемешивают.

вают и процеживают через марлю. С появлением первых признаков расстройства пищеварения у телят (диспепсии) прекращают выпаживать их молозиво и дают теплый настой зверобоя.

Через несколько дней приема препарата, когда состояние телят улучшилось, настой зверобоя назначают по следующей схеме:

Войпойка Настой зверобоя (мл)	Молозиво или молоко (мл)
Первая	600 мл через 30 мин. 250 мл.
Вторая	500 500
Третья	500 700
Четвертая	500 1000

После применения препарата по данной схеме состояние телят улучшалось. Настой зверобоя не прекращают давать по 500 мл, доводя постепенно дачу молозива (молока) до полной нормы. После выздоровления настой заменяют 1% раствором поваренной соли, а в последующем — чистой водой.

Хороший эффект при лечении диспепсии новорожденных телят дало применение отвара коры ивы белой. Её заготавливают в мае — июне, когда кора хорошо отслаивается от древесины, сушат в хорошо проветриваемом помещении. Кора ивы содержит дубильные вещества, флавоны, гликозид салицин и аскорбиновую кислоту.

Препараты коры обладают вяжущим, кровоостанавливающим, противовоспалительным, жаропонижающим, желчегонным и мочегонным действием. Жаропонижающее действие связано с тем, что салицин под влиянием фермента саликазы расщепляется на глюкозу и салигенин. Последний является производным салициловой кислоты.

Кора ивы применялась новорожденным телятам как вяжущее и жаропонижающее средство при диспепсии. Отвары коры (1:20) назначались телятам внутрь в дозе 2 мл на 1 кг живой массы. Телятам выздоравливали в течение недели. Телятам применяли также крапиву двудольную в виде сухих листьев. При заготовке крапивы двудольной не следует ее смешивать с крапивой жгучей, которую также применяют на практике. Крапива жгучая отличается от двудольной однолетней жизненной формой, яйцевидно-овальными листьями наличием тычиночных и пестичных цветков в одном соцветии, большей жгучестью и меньшими размерами.

Листья крапивы содержат аскорбиновую кислоту, каротин, витамин К, дубильные, белковые вещества, сахар, крахмал, гликозид уртицин, муравьиную и пантотеновую кислоту, хлорофиллы, соли железа и др.

Крапива обладает кровоостанавливающими свойствами, усиливает

обмен веществ благодаря хлорофиллу, повышает тонус сердечно-сосудистой системы и дыхательного центра.

Листья крапивы применялись новорожденным телятам при диспепсии и лечении гиповитаминозов в форме настоя 1:30 по 1,5 стакана 4 раза в день за 30 мин. до кормления. Показатели температуры, пульса, дыхания нормализовались на 4 — 6 день, исчезали клинические признаки диспепсии, у телят улучшался аппетит.

Получен положительный результат при лечении диспепсии телят пижмой обыкновенной. Использовали сухие соцветия, в которых содержатся дубильные вещества. Растение обладает фитонцидным, противовоспалительным, антигельминтным и вяжущим действием. Телятам применялись водные настои 1:30 в дозе 10 г. Животные выздоравливали через 6 — 7 дней, у них улучшался аппетит, нормализовались температура, пульс и дыхание.

Выводы

1. Широкое применение лекарственных растений в ветеринарной практике с лечебной целью показало хорошие результаты.
2. Для лечения диспепсии у новорожденных телят рекомендуются настой зверобоя, отвар коры ивы белой, настой крапивы двудольной, настой пижмы обыкновенной с курсом лечения 10 дней согласно рекомендуемым дозам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаммерман А.Ф., Кидаева Г.П. Лекарственные растения. М., 1976. М.: Гамма С.А., 1998.
2. Комаров А.А. Домашний травник: Практический лечебник. М., 1998.
3. Липницкий С.С., А.Ф. Пилуй, Л.В. Лаппо. Зеленая аптека в ветеринарии. Минск: Ураджай, 1987.
4. Мазнев Н.А. Травник. Народные способы лечения: Справочник.
5. Петров В.В. Растительный мир нашей Родины. М.: Просвещение, 1981.
6. Петрова В.В. Мир растений. М., Наука, 1978.
7. Рубцов В.Г. Зеленая аптека. 2-е изд. Лениздат, 1984.

ХАРАКТЕРИСТИКА ВИДА И ПОПУЛЯЦИИ ПЫЛЬЦЕГОЛОВНИКА ДЛИННОЛИСТНОГО *CERHALANTHERA LONGIFOLIA* (HUDS.) FRITSCH

Н.В. Воронкина, к.б.н.,
А.В. Крылов,
Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского

На территории Калужской области известно 3 места произрастания *C. longifolia*: Ферзиковский р-н, Держинский р-н и окрестности г. Калуги (гербарий КГПУ им. К.Э. Циолковского).

Общее описание вида

C. longifolia принадлежит к семейству Orchidaceae (Орхидеи), пор. Microspermae (мелкосеменные), кл. Monocotyledones (однодольные), отд. Angiospermae (покрытосеменные).

Это многолетнее травянистое растение с горизонтальным, укороченным корневищем и шнуровидными корнями двух видов — толстыми, свободными от грибов, содержащими запасные питательные вещества, и тонкими, имеющими микоризу, служащую для всасывания питательных веществ из почвы (Вахрамеева и др., 1991). Стебель прямой или слегка извилистый, голый, олистственный 15 — 45 (до 57) см высотой. Листья в числе 6 — 9, линейно-ланцетные, средние 7 — 16 см длины, часто сложенные вдоль стебля. Соцветие прямое, 5 — 10 (17) см длины, не густое, с 3 — 10 расставленными белыми некрупными отклоненными цветами с тонким запахом. Листочки околоцветника сходны между собой, вместе с губой колокольчато сложены. Наружные — ланцетные, заостренные, с 3 — 5 жилками, 1,2 — 1,6 см длины, внутренние — обратно-яйцевидно-продолговатые, тупые, пятинервные, 1 — 1,2 см длины; губа короче наружных листочков околоцветника, в середине перехвачена узкой вырезкой, с той и другой стороны делится на две части: заднюю (гипохилий) и переднюю (эпихилий); гипохилий в расправленном виде 8 — 9 мм ширины и 3,5 — 4 мм длины, при основании вогнутый с треугольными тупыми лопастями; эпихилий почковидно-яйцевидный, тупой, сверху с 5 — 7 гребневидно выдающимися полосками, на конце золотисто-желтый и мельчайше папиллозистый, 4,5 — 5 мм длины, 7 — 8 мм ширины. Колонка прямая, 7 — 9 см длины; поллинии цилиндрические, двураздельные, без ножек. Прицветник у нижнего цветка нередко листовидный, ланцетный, длиннее цветка, верхние прицветники очень мелкие, чешуевидные, 1 — 2 мм длины. Завязь сидячая, цилиндрическая, слегка скрученная, голая, около 1 см длины. Описан из Европы. Тип в Лондоне (Невский, 1935; Губанов и др., 2002).

Размножение. Семенное и вегетативное. Цветет в мае — июне; плодоносит в июне — июле. Опыляется пчелами рода галикт (*Halictus*). Самоопыление отсутствует (Кр. кн. РСФСР, 1988).

Места обитания. Вид преимущественно горный встречается до среднегорного пояса, иногда произрастает на равнине. Отличается

более широким ареалом, чем другие виды этого рода. Растет в сухих тенистых лиственных (буковых, дубовых, ясеневых, березовых) лесах, среди кустарников и разреженной растительности, очень редко в хвойных лесах. Чаще встречается на известняковых почвах с хорошо развитым гумусовым слоем, но изредка и на заболоченных торфянистых почвах (Вахрамеева и др., 1991).

Распространение. Преимущественно европейско-древнесредиземноморский вид, представленный в России тремя отдельными фрагментами ареала: в центральных и центрально-чернозёмных районах европейской части (Смоленская, Московская, Калужская, Тульская, Брянская, Курская, Саратовская обл.), восточная граница ареала проходит в Московской и Тульской обл.; на юге Урала (окрестности Красноуфимска, близ Златоуста, между Златоустом и Уфой), где вид является плиоценовым реликтом; и на Северном Кавказе. В Средней России распространен преимущественно в нечернозёмной полосе и везде редко. Общее распространение — Скандинавия, Средняя и Атлантическая Европа (Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия), Средиземноморье (Украина, Молдавия, горы Крыма), Малая Азия, Иран, Гималаи (Кр. кн. СССР, 1978; 1984; Кр. кн. РСФСР, 1988; Губанов и др., 2002).

Статус. Сокращающийся вид со спорадическим распространением (Кр. кн. СССР, 1978); редкий вид (Кр. кн. СССР, 1984); редкий вид с дизъюнктивным ареалом (Кр. кн. РСФСР, 1988); 1 категория: вид находится под угрозой исчезновения (Кр. кн. Моск. обл., 1998).

Значение вида в сохранении генофонда. Декоративен.

Причины изменения запасов. Сбор цветов и выкопка растения как декоративного, нарушение мест обитания, перенос в индивидуальные цветники, где погибает, как правило, из-за незнания цветоводами-любителями приемов его выращивания.

Культивирование. В культуре испытан в Ленинграде, разводится в ботанических садах Ленинграда, Тарту, Кишинева, Минска (Кр. кн. СССР, 1984).

Принятие меры охраны. Внесен в Красную книгу СССР (1978, 1984), РСФСР (1988). Охраняется специальным постановлением в Литве, Белоруссии, Эстонии, Молдавии, в заповедниках Вийдумяэ и Сары-Челекском. Вид включен в Приложение II к Конвенции СИТЕС. На территории Москвы и Московской области взят под охрану решением от 19.01.1984 г. Одно местонахождение охраняется на территории заказника (Одинцовский р-н), однако произрастание в нем вида требует подтверждения (Кр. кн. Моск. обл., 1998).

Правительством Калужской области 29.10.1998 г. было принято Постановление № 115 о “Красной книге Калужской области”. 3.12.1998 г.

Законодательным Собранием Калужской области было принято Постановление № 542 о создании Красной книги и утвержден "Список редких и исчезающих видов, предложенных для внесения в Красную книгу". *C. longifolia* включен в этот список.

Необходимые меры охраны. Запретить сбор цветов и выкопку растений, организовать заказники в местах произрастания, наладить постоянный контроль за состоянием популяций на охраняемых территориях.

Результаты исследований

Геоботаническое описание растительного сообщества с *C. longifolia* проводилось в пригороде Калуги (северо-западная часть) 01.06.2002 г.; дополнительные исследования и сбор материалов были проведены 12.06.2002 г.

Травянистые растения. *C. longifolia* произрастает в березняке лещиново-травяном с примесью дуба черешчатого (*Quercus robur* L.) и осины (*Populus tremula* L.) 9Б 10с+Д. В подросте осина (*Populus tremula* L.), клен платановидный (*Acer platanoides* L.), лещина обыкновенная (*Corylus avellana* L.) (таблица 1).

Таблица 1

№ п/п	Название растения	Обилие	Жизненность	Фенофаза
1	Пыльцеголовник длиннолистный – <i>Cephalanthera longifolia</i> (Huds.) Fritsch	Изред., мест. Об ¹ -Об ³ ;	Полн.	О
2	Подлесник европейский <i>Sanicula europaea</i> L.	Об ² , местами фон	Поли.	?, ?
3	Копытень европейский <i>Asarum europaeum</i> L.	Об ² , местами фон	Полн.	+
4	Звездчатка жестколистная <i>Stellaria holostea</i> L.	Изредка, местами фон	Полн.	+
5	Зеленчук желтый <i>Galeobdolon luteum</i> Huds.	Об ²	Полн.	С
6	Манжетка обыкновенная <i>Alchemilla vulgaris</i> L.	Об ²	Полн.	О
7	Сивец луговой <i>Succisa pratensis</i> Moench	Об ²	Полн.	□
8	Осока лесная <i>Carex sylvatica</i> Huds.	Об ²	Полн.	Λ
9	Марьянник дубравный <i>Melampyrum nemorosum</i> L.	Об ¹	Поли.	?
10	Вероника дубравная <i>Veronica chamaedrys</i> L.	Об ¹	Полн.	О, +
11	Буквица лекарственная <i>Betonica officinalis</i> L.	Об ¹	Полн.	□
12	Душистый колосок обыкновенный <i>Anthoxanthum odorata</i> (L.) Beauv.	Об ¹	Полн.	О

13	Земляника лесная <i>Fragaria vesca</i> L.	Об ¹	Полн.	О, +
14	Ежа сборная <i>Dactylis glomerata</i> L.	Об ¹	Полн.	Λ
15	Медуница неясная <i>Pulmonaria obscura</i> Dum.	Об ¹	Поли.	~
16	Ожика волосистая <i>Luzula pilosa</i> (L.) Willd.	Об ¹	Полн.	~
17	Перловник поникший <i>Melica nutans</i> L.	Об ¹	Полн.	О
18	Живучка ползучая <i>Ajuga reptans</i> L.	Об ¹	Полн.	С
19	Зверобой пятнистый <i>Hypericum maculatum</i> Crantz	Изредка или Об ¹	Сред.	□
20	Люттик едкий <i>Ranunculus acris</i> L.	Изредка	Полн.	О
21	Майник двулистный <i>Maianthemum bifolium</i> (L.) F. W. Schmidt	Изредка	Полн.	О
22	Осока бледноватая <i>Carex pallescens</i> L.	Изредка	Полн.	О
23	Незабудка лесная <i>Myosotis sylvatica</i> Ehrh. Ex Hoffm.	Изредка	Полн.	О, +
24	Люттик кашубский <i>Ranunculus cassubicus</i> L.	Изредка	Поли.	~
25	Подорожник ланцетный <i>Plantago lanceolata</i> L.	Изредка	Полн.	О
26	Пальчатокоренник Фукса <i>Dactylorhiza fuchsii</i> (Druce) Soo	Изредка	Полн.	О
27	Лапчатка прямостоячая <i>Potentilla erecta</i> (L.) Rausch.	Изредка	Полн.	□
28	Люттик ползучий <i>Ranunculus repens</i> L.	Единично	Полн.	О
29	Ястребинка зонтичная <i>Hieracium umbellatum</i> L.	Единично	Полн.	Λ
30	Ландыш майский <i>Convallaria majalis</i> L.	Единично	Полн.	О, С
31	Люттик многоцветковый <i>Ranunculus polyanthemos</i> L.	Единично	Поли.	?, О
32	Любка двулистная <i>Platanthera bifolia</i> (L.) Rich.	Единично		О

Количество экземпляров *C. longifolia* на 1 м². Было заложено 42 метровки и в каждой произведен подсчет всех надземных побегов этого растения (таблица 2).

Таблица 2

Колич. раст.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	14	16	17	18	20	23	34	38	44
Колич. метр.	11	5	2	5	1	3	1	2	2	2	1	1	1	1	1	1	1	1

Метровки с числом экземпляров более 14 встречаются единично, и в них преобладают ювенильные растения.

Максимальное количество цветущих и отцветших растений на 1 м² равно 16. Общее количество экземпляров на 1 м² варьирует от 1 до 44, среднее количество — $8,31 \pm 1,6$; количество ювенильных растений на 1 м² варьирует от 0 до 29, в среднем их количество — $3,62 \pm 1,1$; цветущие растения на 1 м² в числе от 0 до 11 экземпляров, в среднем их количество $2,68 \pm 0,46$; отцветшие растения на 1 м² представлены в числе от 0 до 20, в среднем их количество $2,05 \pm 0,6$. В целом распространение вида в популяции очень неравномерно.

Высота цветущих растений. Проанализировано 51 растение, из них минимальная высота, 20 см, и максимальная, 55 см, обнаружены единично. Средняя высота растения составляет $32,71 \pm 1,4$ см.

Количество цветков и бутонов в соцветии. Проанализировано 110 растений. Минимальное количество цветков — 2 и наибольшее — 33 отмечены единично (таблица 3).

Таблица 3

Количество цветков	1-5	5-10	10-15	15-20	20-25	25-30	30-35
Количество растений	23	51	23	9	2	0	2

Большинство растений имеет количество цветков в интервале 5 — 10. В среднем количество цветков $9,36 \pm 0,53$.

Количество цветков со сформированной завязью. Проанализировано 15 соцветий разных растений (таблица 4).

Таблица 4

Всего цветков в соцветии	6	7	18	11	10	13	25	4	15	10	6	5	19	8	17
Цветы со сформир. завязью	6	4	2	4	10	8	2	2	11	3	2	0	3	4	3

Таким образом, в результате исследования установлено, что 37% завязей готовы к образованию семян, остальные семян не завязывают и опадают.

Длина листовой пластинки. Измерена длина 4-й от соцветия листовой пластинки у 53 растений. Минимальная длина, 9 см, и максимальная, 19 см, обнаружены единично; наибольшее количество растений имеет длину листовой пластинки в интервале 10 — 15 см; в среднем длина составляет $12,84 \pm 0,42$ см (таблица 5).

Таблица 5

Длина листа	9-10	10-11	11-12	12-13	13-14	14-15	15-16	16-17	17-18	18-19
Колич. раст.	3	12	12	6	5	10	2	2	0	1

Количество листьев. Проанализировано 53 растения: из них наименьшее число, 6 листьев, обнаружено у 5 экземпляров, а наибольшее, 12, у одного; в среднем количество листьев составляет $8,08 \pm 0,17$ (таблица 6).

Таблица 6

Количество листьев	6	7	8	9	10	11	12
Количество растений	5	10	23	8	6	0	1

У основания стебля также имеются чешуевидные листья, часть которых скрыта под землей; среднее количество чешуевидных листьев, заметных без раскапывания побега, $2,04 \pm 0,10$.

Условные обозначения

Обилие растений	Жизненность растений	Фенофаза
фон - сплошные заросли	пониженная - растение не цветет	□ - вегетация до цветения
Об ³ - очень много	средняя - растение цветет, но не плодоносит	Λ - бутонизация
Об ² - довольно много	полная - растение цветет и плодоносит	? - зацветание
Об ¹ - много		О - цветение
изредка - несколько экземпляров		С - оцветание
единично - один экземпляр		+ - образование семян
		# - высывание семян
		~ - вегетация после плодоношения

Заключение. Проведенные исследования показывают, что в окрестностях Калуги существует устойчивая популяция пыльцеголовника длиннолистного. Распределение растения по данной территории очень неравномерно, есть участки с довольно большой концентрацией наземных побегов, но они немногочисленны. Растения в популяции находятся в хорошем состоянии, размножаются семенами и вегетативно, о чем говорит обилие ювенильных форм. Большой процент составляют крупные наземные побеги с большим числом цветков, листьев и сформированными завязями.

Не менее важно отметить, что почвы на исследуемой территории известняковые, а пыльцеголовник длиннолистный — кальцифильное растение. Данная местность испытывает мощные антропогенные нагрузки, так как находится в черте города, что затрудняет охрану вида и несет серьезную угрозу существованию популяции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губанов И.А., Киселева К.В., Новиков В.С. и др. Иллюстрированный определитель растений Средней России. Т. 1. М.: Т-во науч. изд. КМК, ин-т тех. исслед., 2002.
2. Вахрамеева М.Г., Денисова Л.В. и др. Орхидеи нашей страны. М.: Наука, 1991.
3. Красная книга СССР. Книга редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений / Главная ред. коллегия: А.М. Бородин и др. М.: Лесная пром-сть, 1978.
4. Красная книга СССР. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных и растений. Т. 2 / Гл. ред. коллегия: А.М. Бородин, А.Г. Банников, В.Е. Соколов и др. М.: Лес. пром., 1984.
5. Красная книга Московской области / Госкомитет по охране окружающей среды Московской обл.; Комиссия по редким и находящимся под угрозой исчезновения животных, растений, грибов и лишайников Московской области / Отв. ред. В.А. Зубакин, В.Н. Тихомиров. М.: Аргус: Рус. ун-т, 1998. 560 с.
6. Флора СССР Т. IV, порядок Microspermae. С.А. Невский, 1935.

АНАЛИЗ АДВЕНТИВНОЙ ФЛОРЫ ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ

Н.А. Трemasова,

*Ярославский государственный историко-архитектурный и
художественный музей-заповедник*

В последние десятилетия во флористических исследованиях выделились и окрепли две тенденции: усиленное внимание к адвентивному компоненту флоры и “увлечение” городской флорой. В силу большой нарушенности или почти полного уничтожения растительного покрова городских территорий и постоянного заноса появляются центры скопления, очаги натурализации, а нередко и целые сообщества, включающие в свой состав адвентивные виды.

Именно через города некоторые заносные виды начинают свое дальнейшее распространение в глубь региона. Все это делает проблему изучения закономерностей антропогенной трансформации флоры в крупных городах одной из актуальнейших проблем современной ботаники.

Ярославль относится к числу наиболее древних городов России. Он был основан в начале XI в. на месте древнего угрофинского поселения, при слиянии рек Волги и ее правого притока Которосли. Ярославль выполнял функции сторожевой крепости, защищавшей путь к Ростову, столице удельного княжества Киевской Руси.

Во многовековой истории развития города можно выделить четыре основных этапа, различающихся характером взаимодействия городской территории с окружающей средой:

1. С момента основания города в 1010 г. до XIII в.; характеризуется преимущественно сельскохозяйственным использованием весьма небольшой территории, городские нагрузки на окружающую среду были относительно невелики и проявлялись локально (сведение лесов при помощи огня, распашка, выпас и охота в прилегающих к городу землях).

2. С кон. XIII в. до нач. XIX в.; характеризуется проявлением уже “типично городского” воздействия на ландшафт, связанного с возникновением ремесел, а впоследствии и крупных производств (текстильного, купоросного, сурикового, оловянного, металлообработки и др.). Это было началом качественно новой эпохи освоения территории, результатом которой стало поступление в окружающую среду разнообразных техногенных отходов. Однако следует учитывать, что в те далекие времена горожане весьма активно занимались сельским хозяйством, поэтому город был окружен полями, огородами и выгонными землями, на которых пасли скот.

3. С сер. XIX до нач. XX вв.; происходит бурный рост промышленности (в городе насчитывалось не менее 50 крупных предприятий, в том числе медные, свинцово-белильные, купоросные и кожевенные заводы). По своему индустриальному потенциалу Ярославль занял одно из первых мест в Средней России.

Надо отметить, что если ранее город использовал исключительно возобновляемую часть ресурсов (древесину, сельскохозяйственное сырье, торф, гидроресурсы и лишь в небольшой части металлосодержащие руды), то, начиная с конца XIX в., в хозяйственную деятельность вовлекаются огромные массы ископаемых сырьевых ресурсов. Город становится мощным источником загрязнения окружающей среды, особенно природных систем.

4. Заключительный этап “экологической истории” города (совпал с урбанизацией, начавшейся в 1930 г. и продолжающейся до настоящего времени); характеризуется резким увеличением численности населения, неконтролируемым “расползанием” городских земель, постепенно поглотившим 52 исторических поселения.

В эту эпоху Ярославль становится мощным индустриальным центром с развитыми химической, нефтеперерабатывающей, лакокрасочной, машиностроительной, легкой промышленностью, всеми видами современного транспорта.

Формирование города происходило на берегах рек Волги, Которосли, и этим Ярославль не отличался от многих других русских городов.

Длительное время город застраивался стихийно. И только с XVII в. началось планомерное формирование городской территории, дополненное регулярной застройкой по плану 1778 г. Согласно этому генплану городская черта Ярославля проходила по городскому валу; упорядочивалась начавшая складываться ранее радиально-кольцевая сетка улиц.

Дальнейший значительный рост территории города, развитие и преобразование его планировочной структуры во второй половине XIX в. связаны со строительством железной дороги Москва — Ярославль и превращением Ярославля в крупный транспортный узел и торгово-промышленный центр Поволжья. Городская застройка вышла за пределы исторического центра и земляного города.

В довоенные годы застройка велась в основном на территории пригорода, преимущественно в виде рабочих поселков. В соответствии с генпланом города 30 — 50-х гг. начал осваиваться новый жилой массив вдоль Московского шоссе и в южном направлении.

Начало крупномасштабного жилищно-гражданского строительства советского периода развития Ярославля относится к концу 50 — 60-х гг.; именно тогда происходило формирование северной и южной промышленных зон; северного правобережного и левобережного селитебных районов, жилого массива за Тверицами.

Современный Ярославль с населением более 600 тыс. человек занимает территорию около 15499 га. Вдоль берегов Волги город протянулся примерно на 30 км в направлении с северо-запада на юго-восток. Для него характерно чередование промышленных, жилых районов и зеленых насаждений. В связи с ростом промышленного потенциала города и его населения все большее значение для сохранения благоприятных микроклиматических условий в городе приобретают зеленые насаждения. В настоящее время они составляют около 366 га или 2,4% от общей площади города (для сравнения промышленная зона города — 34,6%).

Рельеф города, в основном ровный, рассечен долинами рек и оврагами, местами встречаются заболоченные участки. Кроме того, наблюдается размыв береговых склонов Волги и Которосли.

В результате наших исследований, проводимых в период 1998 — 2003 гг., просмотра гербарного материала и литературных источников на территории города Ярославля отмечено 414 адвентивных видов, относящихся к 52 семействам и 241 роду. По числу видов первые 10 мест занимают следующие семейства: *Asteraceae* — 52 вида, *Brassicaceae* — 46, *Poaceae* — 44, *Chenopodiaceae* — 28, *Fabaceae* — 26, *Rosaceae* — 24, *Lamiaceae* — 23, *Caryophyllaceae* — 15, *Solanaceae* — 11, *Apiaceae* — 10. Вместе они составляют 285 видов, что соответствует 68,8% от их общего

числа. Наиболее крупными родами адвентивного компонента являются: *Artemisia* (10 видов), *Chenopodium* (9 видов), *Atriplex* (8 видов), *Bromus*, *Lepidium* (по 6 видов), *Amaranthus*, *Setaria*, *Populus*, *Brassica* (по 5 видов). В целом для флоры Ярославля, как и большинства адвентивных флор различных городов и регионов, характерна низкая видовая насыщенность семейств (14 семейств содержат по 1 виду, 8 семейств — по 2) и родов (155 родов включают по 1 виду; 42 — по 2).

Существует несколько классификаций адвентивного элемента флоры. При анализе адвентивной флоры Ярославля за основу была принята система Ф.-Г. Шредера (Schroeder, 1969) с уточнениями Н.А. Вьюковой (1985), Н.С. Камышева (1959) и Чичева (1985). По времени эмиграции мы считаем целесообразным остановиться на выделении 2 групп — археофитов и ксенофитов. По способу заноса различаются ксенофиты, эргазиофиты и ксеноэргазиофиты. По степени натурализации — эфемерофиты, колонофиты, эпикофиты и агрофиты. Распределение адвентивных растений по выделенным группам показано в табл. 1.

Таблица 1

Классификация адвентивных растений
Наибольшее число адвентивных растений (57,2% — 237 видов)

		Эфемерофит	Колонофит	Эпикофит	Агрофит	Всего
Ксенофит	Археофит	13	6	47	10	76
	Кенофит	64	29	64	4	161
	Всего	77	35	111	14	237
Ксено-эргазиофит	Археофит	2	1	-	2	5
	Кенофит	8	5	5	9	27
	Всего	10	6	5	11	32
Эргазиофит	Археофит	11	-	-	1	12
	Кенофит	61	44	20	8	134
	Всего	72	44	20	9	145
Всего		159	85	136	34	414

принадлежит к группе ксенофитов, пути проникновения которых на исследуемую территорию чрезвычайно разнообразны. Больше всего видов заносится различными транспортными средствами. Например, с материалами для строительства железных дорог, разнообразными грузами распространяются диаспоры *Elymus trachyphyllus*, *E. sibiricus*, *Leymus racemosus*, *Salsola collina*, *S. tragus*, *Amaranthus albus* и др., о чем свидетельствует их произрастание на насыпях железных дорог и прилегающих территориях, близ мест разгрузки. Автомобильным (на-

пример, *Puccinellia distans*) и особенно водным (*Artemisia abrotanum*) видами транспорта заносится гораздо меньшее число адвентивных видов.

Появление ряда ксенофитов в городе связано с заносом их диаспор с семенным материалом: *Galinsoga parviflora*, *G. ciliata*, *Amaranthus retroflexus*, *Portulaca oleracea* и др. Об этом также свидетельствуют места их произрастания (газоны, клумбы, цветники).

Большинство эргазиофитов (71 вид или 49,0% от всех эргазиофитов) — декоративные растения, как правило, широко используемые для зеленого строительства, создания уличных насаждений, цветочно-декоративного оформления города. Среди них деревья (*Ulmus pumila*, представители рода *Populus*), кустарники (*Syringa vulgaris*, *Caragana arborescens*, *Physocarpus opulifolia*, *Sorbaria sorbifolia*), травянистые растения различных групп (почвопокровные, газонные, бордюрные, красивоцветущие, декоративно-лиственные). Эти растения внедряются как в естественные ценозы (*Acer negundo*, *Amelanchier spicata*, *A. canadensis*, *Impatiens parviflora*), так и в растительные группировки свалок, пустырей, обочины дорог, железнодорожных откосов.

74 вида (51,0% от всех эргазиофитов) представляют собой ускользающие из культуры интродуценты, выращиваемые как плодово-ягодные (*Malus domestica*, *Grossularia reclinata*, *Ribes rubrum*), пряные (*Coriandrum sativum*, *Petroselinum crispum*, *A Armoracia rustica*, *Artemisia dracuncululus*), овощные (*Raphanus sativus*, *Lycopersicon esculentum*), зерновые и бобовые (*Pisum sativum*, *Faba bona*, *Secale cereale*, *Triticum aestivum*, *Hordeum vulgare*, *Avena sativa*), технические (*Linum usitatissimum*) и другие растения. Как правило, они поселяются в непосредственной близости от мест их разведения, появляясь на различных рудеральных местообитаниях. К ним же следует отнести *Solidago canadensis*, *S. serotina*, *Aster salignus*, *Saponaria officinalis*, как наиболее часто отмечаемые на обочинах дорог, вдоль железнодорожного полотна, а также мусорках и свалках близ жилья.

К группе ксено-эргазиофитов (22 вида или 5,3% от всех адвентивных растений) отнесены: *Cannabis sativa*, *Cornus alba*, *Sambucus racemosa* и др. Диаспоры этих растений попадают на территорию города двумя путями: заносятся в виде диаспор, например, с железнодорожными грузами, и дичают из культуры.

Эфемерофиты обычно встречаются единичными особями и не дают самосева. Среди них есть много культурных и сорных растений (*Hordeum jubatum*, *Avena fatua*, *Fagopyrum tataricum*, *Secale cereale* и др.). Доля эфемерофитов среди ксенофитов (32,5%) сопоставима с таковой среди эргазиофитов (49,6%). Они приурочены главным обра-

зом к рудеральным местообитаниям (полотну железных дорог, обочинам автомобильных дорог, полям, свалкам).

Общее число эпекофитов — 136 видов (32,8%). Доля эпекофитов среди ксенофитов — 46,8%, среди эргазиофитов — 13,8%. Их типичные местообитания — железные дороги, пустыри, свалки.

Агриофитов насчитывается 34 вида (8,2%). Подобные виды успешно натурализуются и распространяются по вторичным местообитаниям, претендуя на право расти вместе с аборигенными видами (*Polygonum aviculare*, *Heracleum sosnowskyi*, *Erigeron canadensis* и др.). Некоторые интродуценты вполне “освоились” и распространились по опушкам, берегам рек, песчаным карьерам и т.д., обнаруживая склонность к внедрению в растительные группировки нарушенных местообитаний (*Lupinus polyphyllus*, *Impatiens glandulifera*, *Echinocystis lobata* и др.). И лишь немногие виды осваивают естественные местообитания (различные водоемы, аллювиальные наносы, опушки и поляны), энергично расселяясь и даже конкурируя с видами местной флоры (*Eloдея canadensis*, *Impatiens parviflora*, *Epilobium adenocaulon* и некоторые др.).

Археофиты (всего 93 вида) составляют среди ксенофитов 32,1%, ксеноэргазиофитов — 15,6%, эргазиофитов — 8,3%. Ксенофитов среди адвентивных растений абсолютное большинство (77,5% от общего числа адвентивной флоры), что объясняется все большей синантропизацией городских территорий и более пристальным изучением заносных растений.

В биоморфологическом отношении адвентивная флора Ярославля характеризуется резким преобладанием малолетних травянистых видов, составляющих 60,4% от общего их числа (однолетники — 50,7%; двулетники — 7,5%; одно-двулетники — 2,2%) над многолетними травянистыми (114; 27,5%). Участие древесных растений (деревья — 5,3%; кустарники — 5,8%; лианы — 1,0%) незначительно, вместе они составляют 12,1% (50 видов) и представлены преимущественно интродуцированными ненатурализирующимися видами (*Robinia pseudoacacia*, *Hippophae rhamnoides*, *Elaeagnus angustifolia*, *Acer campestre*).

Виды адвентивной флоры города имеют исходные ареалы в первую очередь в областях Средиземноморья — 90 видов (21,7%); Америке — 71 вид (17,1%), причем преимущественно в Северной — 54 вида (13,0%); Азии — 67 видов (16,2%); Европе и Ирано-Туранской области — по 52 вида (соответственно по 12,6%). Намного менее значителен процент видов культурного происхождения — 9 (2,2%), сибирских — 12 (3,0%), кавказских — 5 (1,2%), и, наконец, африканских — 2 (0,4%). Хотя отдельные представители, например, Южной и Северной Америки (*Ambrosia artemisiifolia*, *Galinsoga parviflora*, *Xanthium albinum*),

Японии (*Reynoutria japonica*), Сибири (*Artemisia umbrosa*), Кавказа (*Heracleum sosnowskyi*, *Symphytum asperum*) весьма агрессивны и занимают стойкие позиции в растительном покрове. Особенно важно отмечать появление в городе таких опасных карантинных видов, как *Ambrosia artemisiifolia*, *A. trifida*, *Cyclachaena xanthiifolia*, способных вызывать аллергические заболевания (поллинозы); *Xanthium albinum* — злостного сорняка и типичного обитателя городских свалок, мусорные ямы; *Heracleum sosnowskyi*, вызывающего ожоги в солнечную погоду и др.

В ходе исследований, проведенных в 2003 г. на территории города Ярославля, удалось выявить ряд новых для флоры области видов: *Ambrosia trifida*, *Glycyrrhiza glabra*, *Adonis aestivalis*, *Nepeta pannonica*, отмеченные на железнодорожном полотне, *Phalacrologium septentrionale* на газоне в исторической части города.

Представленный в работе материал является промежуточным результатом изучения адвентивного элемента флоры 13 городов Ярославской области, в том числе и Ярославля. Но уже сейчас очевидно, что адвентивный компонент весьма динамичен при постоянно изменяющемся характере урбанофлор, в которой непрерывно идут антропогенно интродуцированные процессы флорогенеза, и требует постоянных мониторинговых работ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вьюкова Н.А. Адвентивная флора Липецкой и сопредельных областей: Автореф. дис канд. биол. наук. М., 1985.
2. Камышев Н.С. Определитель сорных растений Центрально-Черноземных областей: Учеб. пособие для определения сорняков в вегетативном состоянии. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1959.
3. Чичев А.В. Адвентивная флора железных дорог Московской области: Автореф. дис канд. биол. наук. М., 1985.
4. Schroeder F.-G. Zur Klassifizierung der Anthropochoren // Vegetatio. 1969. Bd. 16, №5/6. S. 225 — 238.

ДЕНДРОФЛОРА г. КАЛУГИ

Р.А. Романова, к.б.н.,

Ж.В. Алешина,

Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского

Калуга — это один из самых древних, красивых городов Европейской части Российской Федерации. Город невозможно представить без зеленых насаждений, без его скверов и парков, улиц, старых уютных дворов.

В последние десятилетия флора городов становится объектом изучения: сбора, составления списков, предметом глубокого научного анализа.

Большую часть фитобиомассы растений в городе естественно составляют деревья и кустарники, видовой состав которых в Калуге мало изучен.

Чаще всего на улицах городов высаживаются виды деревьев и кустарников, нехарактерные для естественной флоры данного региона. Эти виды привлекают человека декоративностью, скоростью роста, устойчивостью к условиям городской среды обитания, и Калуга в этом плане не исключение.

Предварительный анализ древесно-кустарниковой флоры показал, что на улицах города произрастает 113 видов, которые относятся к 28 семействам.

Сем. Pinaceae — сосновые

1. *Abies sibirica* Ledeb. — пихта сибирская.
2. *Picea abies* (L.) Karst. — ель европейская.
3. *Picea pungens* Engelm. — ель колючая.
4. *Larix sibirica* Ledeb. — лиственница сибирская.
5. *Pinus sylvestris* L. — сосна обыкновенная.
6. *Pinus strobus* L. — сосна веймутова.
7. *Pinus Du Tour* — сосна кедровая сибирская.

Сем. Cupressaceae — кипарисовые.

8. *Thuja occidentalis* L. — туя западная.
9. *Juniperus communis* L. — можжевельник обыкновенный.

Сем. Salicaceae — ивовые.

10. *Salix alba* L. — ива белая, или ветла.
11. *Salix fragilis* L. — ива ломкая, или ракита.
12. *Salix caprea* L. — ива козья или Бредина.
13. *Salix babylonica* L. — вавилонская ива.
14. *Populus tremula* L. — тополь дрожащий, или Осина.
15. *Populus balsamifera* L. — тополь бальзамический.
16. *Populus alba* L. — тополь белый, или серебристый.
17. *Populus x sowietica pyramidalis* Jabl. — тополь советский пирамидальный.

18. *Populus italica* (Du Roi) Moench — тополь итальянский, или пирамидальный.

Сем. Betulaceae — березовые.

19. *Betula pendula* Roth (*B. verrucosa* Ehrh.) — береза повислая, или бородавчатая.
20. *Betula pubescens* Ehrh. — береза пушистая.
21. *Alnus glutinosa* (L.) Gaertn. — ольха черная, или клейкая.

22. *Alnus incana* (L.) Moench — ольха серая.
Сем. *Corylaceae* — лещиновые.
23. *Corylus avellana* L. — лещина обыкновенная, или орешник.
Сем. *Fagaceae* — буковые.
24. *Quercus robur* L. — дуб черешчатый, или летний.
25. *Quercus rubra* L. — дуб красный.
Сем. *Ulmaceae* — ильмовые.
26. *Ulmus laevis* Pall. — вяз гладкий, или обыкновенный.
27. *Ulmus pumila* L. — вяз низкий, или приземистый.
28. *Ulmus glabra* Huds. — вяз шершавый, ильм.
Сем. *Moraceae* — тутовые.
29. *Morus nigra* L. — шелковица черная.
Сем. *Schisandraceae* — лимонниковые.
30. *Schisandra chinensis* (Turcz.) Baill. — лимонник китайский.
Сем. *Berberidaceae* — барбарисовые.
31. *Berberis vulgaris* L. — барбарис обыкновенный.
32. *Berberis amurensis* Maxim. — барбарис амурский.
33. *Berberis thunbergii* DC. — барбарис Тунберга.
Сем. *Hydrangeaceae* — гортензиевые.
34. *Philadelphus coronarius* L. — чубушник обыкновенный.
35. *Philadelphus caucasicus* Koehne — чубушник кавказский.
36. *Philadelphus latifolius* Schrad. ex DC. — чубушник широколистный.
Сем. *Grossulariaceae* — крыжовниковые.
37. *Crossularia reclinata* (L.) Mill. — крыжовник отклоненный, или европейский.
38. *Ribes nigrum* L. — смородина черная.
39. *Ribes aureum* Pursh — смородина золотая.
40. *Ribes rubrum* L. — смородина обыкновенная, или садовая.
Сем. *Rosaceae* — розоцветные.
41. *Physocarpus opulifolius* (L.) Maxim — пузыреплодник калинолистный.
42. *Spiraea salicifolia* L. — спирея иволистная.
43. *Spiraea japonica* L. fil. — спирея японская.
44. *Spiraea hypericifolia* L. — спирея зверобоелистная.
45. *Spiraea chamaedrifolia* L. — спирея дубровколистная.
46. *Spiraea crenata* L. — спирея городчатая.
47. *Spiraea media* Franz Schmidt — спирея средняя.
48. *Sorbaria sorbifolia* (L.) A.Br. — рябинник рябинолистный.
49. *Malus baccata* (L.) Borkh. — яблоня ягодная, или сибирская.
50. *Malus domestica* Borkh. — яблоня домашняя.
51. *Pyrus communis* L. — груша обыкновенная.

52. *Sorbus aucuparia* L. — рябина обыкновенная.
53. *Sorbus aria* (L.) Crantz — рябина круглолистная, или мучнистая.
54. *Sorbus intermedia* (Ehrh.) Pers. — рябина промежуточная, или скандинавская.
55. *Aronia melanocarpa* (Michx.) Elliott — арония черноплодная, или рябина черноплодная.
56. *Chaenomeles japonica* (Thunb.) Lindl. — хеномелес японский, или айва японская.
57. *Cotoneaster melanocarpus* Fisch. ex Blytt — кизильник черноплодный.
58. *Cotoneaster lucidus* Schlecht. — кизильник блестящий.
59. *Amelanchier ovalis* Medik. — ирга круглолистная, или коринка.
60. *Amelanchier spicata* (Lam.) C.Koch — ирга колосистая.
61. *Crataegus oxyacantha* L. — боярышник колючий.
62. *Crataegus sanguinea* Pall. — боярышник кроваво-красный, или сибирский.
63. *Crataegus monogyna* Jacq. — боярышник однопестичный.
64. *Crataegus curvisepala* Lindm. — боярышник отогнуточашелистиковый.
65. *Rubus idaeus* L. — малина обыкновенная.
66. *Rubus nessensis* W. Hall — куманика, или ежевика неская.
67. *Rubus caesius* L. — ежевика сизая, или обыкновенная.
68. *Rosa spinosissima* L. — роза колючая.
69. *Rosa canina* L. — роза собачья.
70. *Rosa rugosa* Thunb. — роза морщинистая.
71. *Rosa majalis* Herzm. — роза майская, или коричная.
72. *Padus avium* Mill. — черемуха обыкновенная.
73. *Padus virginiana* (L.) Mill. — черемуха виргинская.
74. *Armeniaca vulgaris* Lam. — абрикос обыкновенный, или урюк.
75. *Cerasus vulgaris* Mill. — вишня обыкновенная, или садовая.
76. *Cerasus tomentosa* (Thunb.) Wall. — вишня войлочная.
77. *Prunus domestica* L. — слива домашняя.
Сем. *Fabaceae* (*Leguminosae*) — бобовые.
78. *Robinia pseudoacacia* L. — робиния обыкновенная, или белая акация.
79. *Caragana arborescens* Lam. — карагана древовидная, или желтая акация.
80. *Caragana frutex* (L.) C.Koch — карагана кустарниковая, или дреза.
- Сем. *Anacardiaceae* — сумаховые.
81. *Cotinus coggygria* Scop. — скумпия, или желтинник.

- Сем. Celastraceae — бересклетовые.
 82. *Euonymus verrucosa* Scop. — бересклет бородавчатый.
 83. *Euonymus europaea* L. — бересклет европейский.
 Сем. Aceraceae — кленовые.
 84. *Acer platanoides* L. — клен остролистный, или платановидный.
 85. *Acer campestre* L. — клен полевой, или паклен.
 86. *Acer tataricum* L. — клен татарский, или черноклен.
 87. *Acer negundo* L. — клен ясенелистный.
 Сем. Hippocastanaceae — конскокаштановые.
 88. *Aesculus hippocastanum* L. — конский каштан обыкновенный.
 Сем. Rhamnaceae — жёстеровые.
 89. *Rhamnus cathartica* L. — жёстер слабительный.
 Сем. Vitaceae — виноградные.
 90. *Parthenocissus quinquefolia* (L.) Planch. — девичий виноград пятилисточковый.
 Сем. Tiliaceae — липовые.
 91. *Tilia cordata* Mill. — липа мелколистная, или сердцевидная.
 92. *Tilia platyphyllos* Scop. — липа крупнолистная, или плосколистная.
 Сем. Juglandaceae — ореховые.
 93. *Juglans regia* L. — орех грецкий.
 Сем. Thymelaeaceae — волчегодниковые.
 94. *Daphne mezereum* L. — волчегодник обыкновенный, или волчье лыко.
 Сем. Elaeagnaceae — лоховые.
 95. *Hippophae rhamnoides* — облепиха жестеровидная, или крушиновая.
 96. *Elaeagnus argentea* Pursh — лох серебристый.
 Сем. Cornaceae — кизилевые.
 97. *Swida stolonifera* (Michx.) Rydb. — свидина отпрысковая.
 98. *Swida sanguinea* (L.) Opiz — свидина кроваво-красная, или сибирская.
 Сем. Oleaceae — маслинные.
 99. *Fraxinus excelsior* L. — ясень обыкновенный.
 100. *Fraxinus pennsylvanica* March. — ясень пенсильванский, или пушистый.
 101. *Fraxinus americana* L. — ясень американский.
 102. *Syringa josikaea* Jacq. fil. — сирень венгерская.
 103. *Syringa vulgaris* L. — сирень обыкновенная.
 104. *Ligustrum vulgare* L. — бирючина обыкновенная.
 Сем. Caprifoliaceae — жимолостные.
 105. *Symphoricarpos albus* (L.) Blake — снежнаягодник белый.

106. *Lonicera tatarica* L. — жимолость татарская.
 107. *Lonicera pallasii* Ledeb. — жимолость Палласа.
 108. *Lonicera xylostemum* L. — жимолость обыкновенная, или лесная.
 109. *Lonicera caprifolium* L. — жимолость каприфоль.
 110. *Weigela praecox* (Lemoine) Bailey — вейгела ранняя.
 Сем. Sambucaceae — бузиновые.
 111. *Sambucus racemosa* L. — бузина обыкновенная, или красная.
 Сем. Viburnaceae — калиновые.
 112. *Viburnum opulus* L. — калина обыкновенная, или красная.
 113. *Viburnum lantana* L. — гордовина обыкновенная.
 Все виды подтверждены гербарием, хранящимся на кафедре ботаники и экологии КГПУ им. К. Э. Циолковского.

Наиболее широко распространенными видами являются рябина обыкновенная, сирень обыкновенная, липа сердцевидная, тополь бальзамический, клен ясенелистный, клен остролистный, береза бородавчатая, ясень обыкновенный.

Особое внимание следует обратить на видовое разнообразие рода тополь, в состав которого входят наиболее широко распространенные виды городских насаждений. Род тополь включает следующие виды, встречающиеся на улицах нашего города: тополь дрожащий, или осина, тополь белый, или серебристый, тополь советский, или пирамидальный, тополь итальянский, или пирамидальный, тополь бальзамический.

Есть в городе деревья и кустарники, которые встречаются в единичных экземплярах. К таким видам относятся: шелковица черная, чубушник кавказский, скумпия, или желтинник, абрикос обыкновенный, орех грецкий, лох серебристый, ива вавилонская, сосна веймутова и другие.

Представленный список может увеличиться за счет более тщательного анализа древесно-кустарниковой флоры города.

Изучать флору городов достаточно сложно. Это и большая территория, и трудности в определении видов, особенно проростков. Но делать такую работу крайне необходимо, не только с целью инвентаризации, но и для глубокого научного анализа. Флора города непостоянна и динамична, поэтому работа должна проходить постоянно и непрерывно. Такая работа проводится на кафедре ботаники и экологии КГПУ им. К. Э. Циолковского силами преподавателей и студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валягина-Малютина Е. Т. Деревья и кустарники Средней полосы Европейской части России: Определитель. СПб: Специальная литература, 1998.
2. Валягина-Малютина Е. Т. Деревья и кустарники зимой: Определитель древесных и кустарниковых пород по побегам и почкам в безли-

ном состоянии. М.: Изд-во КМК, 2001,

3. Водолаская Н.Н., Губанов И.А., Киселева К.В. и др. Конспект флоры Рязанской Мещеры. М.: Лесная пром-ть, 1975.

4. Вольф Э.Л. Деревья и кустарники в зимнем состоянии. Вып. 3. СПб, 1892.

5. Вольф Э.Л. Определитель по почкам листовых пород с опадающей листвой. СПб, 1908.

6. Ворошилов В.Н., Скворцов А.К., Тихомиров В.Н. Определитель растений Московской области. М.: Наука, 1966.

7. Горышина Т.К. Растение в городе. Л.: ЛГУ, 1991.

ОЦЕНКА СТАБИЛЬНОСТИ РАЗВИТИЯ БЕРЕЗЫ ПОВИСЛОЙ (*BETULA PENDULA* ROTH.) НА ТЕРРИТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА "УГРА"

А.В. Рогуленко,
национальный парк "Угра"

Л.А. Естафьева,

муниципальное образовательное учреждение "Средняя школа № 3"

Оценка степени антропогенной нагрузки на экосистемы национального парка — одна из актуальных задач, позволяющая принимать адекватные управленческие решения для соблюдения баланса между емкостью среды и воздействием, оказываемым на нее. На начальных этапах формирования системы оценки рекреационной нагрузки традиционно используемые методы оценки антропогенного воздействия не позволяют установить, как оно сказывается на живых организмах, составляющих экосистему в параметрах, имеющих биологический смысл.

Для изучения состояния экосистем на территории национального парка использовалась методика оценки "здоровья среды", предложенная международным фондом "Биотест" и Центром экологической политики России (Захаров и др. 2000). Под "здоровьем среды" (Захаров, Кырсанов, 1996), в самом общем смысле, понимается ее состояние (качество), необходимое для обеспечения здоровья всех видов живых существ. В основе данной методики лежит анализ изменения показателя стабильности развития. Этот показатель выражается в степени асимметрии билатеральных морфологических структур живых организмов, как растительных так и животных. В качестве вида биоиндикатора была выбрана береза повислая (*Betula pendula* Roth.). Данный вид хорошо отработан и предложен в качестве модельного фондом "Биотест" для оценки стабильности экосистемы. В ряде научных исследований установлена взаимосвязь между возрастом воздействия раз-

личных факторов (химических, физических, биологических и т.д.) и степенью асимметричности морфологических признаков листовой пластинки березы (Захаров, Кырсанов, 1996; Чистякова, 1997; Константинов, 2001).

На территории национального парка "Угра" была выбрана 21 точка с целью равномерного охвата всех березняков парка и с учетом их транспортной доступности.

На территории Угорского участка:

1. Юхновский район. В 750 м от села Александровка вверх по течению реки Воря в 500 м от реки.

2. Юхновский район. Вдоль лесной дороги у села Тарасовка в 500 м на запад.

3. Юхновский район. По дороге между селами Беляево и Александровка в 5 км от Беляево.

4. Износковский район. В 650 м от села Морозово на границе с полем, сейчас заросшим молодым березняком со стороны Морозовского болота.

5. Юхновский район. На северной окраине села Беляево в 150 м по направлению на северо-восток.

6. Юхновский район. В 900 м от села Марьино на окраине обрабатываемого поля.

7. Юхновский район. Вдоль трассы Москва — Рославль в 350 м от Колыхмановского моста по направлению к Москве.

8. Юхновский район. Между селами Коптево и Велино в 1 км от села Коптево на краю сенокосного луга.

9. Дзержинский район. Между селами Люблинка и Болобново на краю луга, от села Люблинка на расстоянии 400 м и от села Болобново соответственно 700 м.

10. Дзержинский район. На расстоянии 1300 м от санатория Павлицев бор на опушке березняка, к северу от санатория.

11. Дзержинский район. В 400 м от села Галкино, на краю обрабатываемого поля со стороны галкинского болота.

12. Дзержинский район. Вдоль дороги от села Сабельниково на село Рудня напротив Товарково, в 1 км по дороге от села Сабельниково.

13. Дзержинский район. Вдоль дороги на Якшуново, не доезжая 600 м до поворота на Тучнево, в 2,3 км от трассы на Юхнов. Воротынский участок.

14. Перемышльский район. По окраине заброшенного поля у села Шамордино в 500 м на восток.

15. Перемышльский район. В 300 м от моста через реку Кванка,

возле поворота на село Заборовка по окраине леса.

Жиздринский участок.

16. *Перемышльский район*. Вдоль леса по дороге на село Букреево, в 1,5 км от села Гордиково.

17. *Перемышльский район*. На опушке леса в 800 м от села Ильинское, по дороге на село Добринка.

18. *Козельский район*. На опушке леса в 2,5 км от села Гранный Холм на северо-запад.

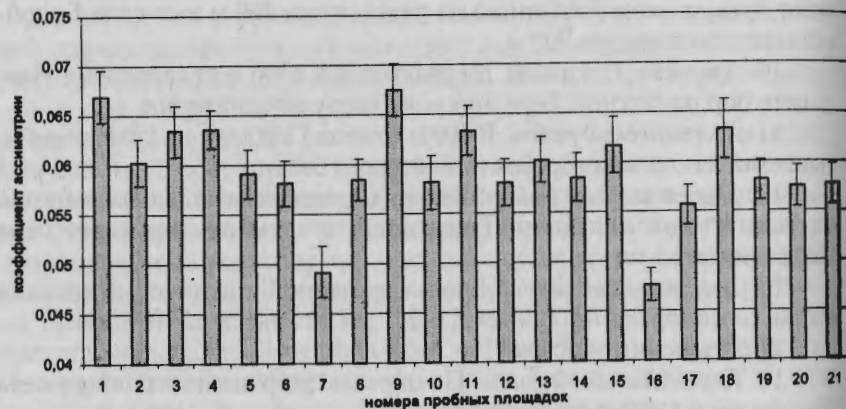
19. *Козельский район*. Вдоль дороги Козельск-Сосенский в 3,6 км от города Козельска.

20. *Козельский район*. Вдоль дороги на Волосово-Звягино в 49 квартале Березичского лесничества.

21. *Козельский район*. На старой делянке в 121 квартале Березичского лесничества, по старой бетонной дороге на Ульянов.

Полученные значения коэффициента флуктуирующей асимметрии расположились в диапазоне от $0,049 \pm 0,002$ до $0,067 \pm 0,002$ (рис. 1). Из 21 исследованной точки в двух точках (№ 1 и 9) значения коэффициента относятся к 4 баллу по 5-балльной шкале (Чистякова, 1996), что свидетельствует о нарушении стабильности развития данного вида. В двух точках (№ 7 и 16) значения коэффициента не превышают 1 балла. Значения в остальных 17 точках расположены в пределах 2 и 3 балла. Данная картина согласуется с ежегодной оценкой стабильности развития березы повислой на территории Калужской области, проводимой лабораторией биоиндикации КГПУ им. К.Э. Циолковского.

Большое количество информации, получаемой в результате исследова-

Р и с. 1. Уровень асимметричности морфологических признаков листовой пластинки березы повислой (*Betula pendula* Roth.)

ований, затрудняет возможность дать ей комплексную оценку, интегрировать полученные данные в единую логическую систему, распределить различные объекты, явления в пространстве, проследить их изменения во времени. Наилучшую визуализацию электронных баз данных в настоящее время позволяет получить использование геоинформационных систем (ГИС). Следующим этапом данной работы планируется провести создание тематического слоя полученных данных в электронной карте территории НП "Угра", после чего станет возможно сопоставление этого слоя с нанесенными слоями растительности, типов ландшафта, населенными пунктами, дорогами, реками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захаров В.М., Крысанов Е.Ю. Оценка здоровья экосистем // Последствия Чернобыльской катастрофы: Здоровье среды. М., 1996. С. 104 — 105.
2. Константинов Е.Л. Особенности флуктуирующей асимметрии листовой пластинки березы повислой (*Betula pendula* Roth.) как вида биоиндикатора: Автореферат. дис... к-та биол. наук: 03.00.16 / Калужск. гос. пед. ин-т. Калуга, 2001.
3. Константинов Е.Л., Стрельцов А.Б. Биомониторинг — новый метод оценки здоровья среды для целей управления // Инновационное развитие: достижения ученых Калужской области для народного хозяйства: Тез. докл. Обнинск, 1999. С. 203 — 205.
4. Стрельцов А.Б., Шестакова Г.А., Логинов А.А. и др. Оценка здоровья окружающей природной среды Калужской области и разработка модели подсистемы оценки водных объектов / Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского. Калуга, 2000. Деп. в ВНИИЦ. № 02.2001 104479.
5. Чистякова Е.К. Анализ стабильности развития в природных популяциях растений на примере березы повислой (*Betula pendula* Roth.): Автореферат. дис к-та биол. наук: 03.00.15 / Ин-т биол. развит. М., 1997.
6. Шестакова Г.А., Стрельцов А.Б., Константинов Е.Л. Методика сбора и обработки материала для оценки качества среды (по березе повислой) // Очерк экологии города Калуги. Калуга, 2000. С. 378 — 385.

ДИНАМИКА РАСТИТЕЛЬНОСТИ ЗАЛИДОВСКИХ ЛУГОВ РЕКИ УГРЫ¹

И.М. Ермакова, к.б.н.,

Н.С. Сугоркина, к.б.н.,

Московский педагогический государственный университет

Исследования проводятся на Залидовских лугах Дворцовского

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и администрации Калужской области, проект № 01 — 04 — 96006/н и ФЦП "Интеграция", проект 5,1 — 439.

расширения поймы реки Угры, притока реки Оки, в Дзержинском районе Калужской области (географические координаты — 54,60° с. ш., 36 0° з. долг.). Это один из немногих сохранившихся крупных массивов естественных пойменных лугов средней полосы Европейской части России. В 1997 г. луга вошли в состав национального парка «Угра». В 1965–1966 гг. проведены геоботанические описания и картирование лугов Дворцовского пойменного расширения. С этого момента и до настоящего времени на Залидовских лугах, расположенных на правом берегу реки Угры, проводится мониторинг состояния модельных участков традиционными методами геоботанического описания растительности (Ермакова, Сугоркина, 2000, 2002, Воронкина и др., 2002).

Целью проведения мониторинга является оценка состояния растительности Залидовских лугов, их флуктуационной и сукцессионной динамики в зависимости от особенностей хозяйственной деятельности и погодных условий.

За первые 30 лет наблюдений река разливалась: в 1966, 1967, 1970, 1979, 1980, 1986, 1988, 1990 и 1994 гг., из них четыре раза слабо. После 4 лет перерыва разлив был в 1998 г. с 9-го по 26-е апреля. В конце марта 1999 г. была залита вся пойма, высота подъема воды составила 6 м. В 2000 г. также была залита вся пойма, подъем воды был до 5 м. В 2001 г. были залиты пониженные места и часть лугов у озера Долгое. В 2002 г. разлива не было.

Анализ динамики растительности проведем на примере двух модельных участков, расположенных в прирусловой пойме реки на вершинах грив. В момент проведения геоботанического картирования лугов Дворцовского пойменного расширения (1965–1966 гг.) они принадлежали к одному типу слабо остепненных полидоминантных лугов (класс или группа ассоциаций) мятливой формации. Один из них (участок № 4), расположенный на землях СПК Редькино (бывший совхоз «Путь к коммунизму»), все годы мониторинга использовался как сенокосное угодье; другой (участок № 3) принадлежит СПК «Правда» и все годы наблюдения использовался как сенокосно-пастбищное угодье. Таким образом, проводимый анализ данных многолетнего мониторинга позволит оценить влияние хозяйственного использования на растительность участков сходной экологии, так как они расположены в одной части поймы.

Наблюдения на участке № 4 были начаты в 1969 г. Почвы этого участка — луговые, дерновые, слабослоистые, легкосуглинистые. Участок все годы использовали как сенокосное угодье; косили, как правило, один раз за сезон; однако в 1981 и 1986 гг.

было взято два укоса; в 1997 и 2000 гг. покоса не было. Наиболее часто покосы проводили с конца июня по вторую половину июля.

Участок № 3 расположен дальше от уреза реки, чем участок № 4. Наблюдения за растительностью этого участка проводятся с 1965 г. Почвы участка дерновые, слабослоистые, легкосуглинистые на гумифицированном, аллювиальном наносе. Почти все годы мониторинга участок подвергался смешанному использованию: одноразовый покос и выпас, в основном молодняка, весной до 20 мая — 1 июня и после покоса. В 2002 г. скот не пасли. Покосы до 1994 г. и в 1999 г. проводили во второй половине июня — июле; поздние покосы были в 1995, 1996, 1997, 1998, 2000, 2001, 2002 гг.

За годы многолетнего мониторинга на сенокосном участке № 4 мы наблюдали полидоминантные луга, чаще относившиеся к злаково-разнотравным и редко к разнотравно-злаковым или бобово-разнотравно-злаковым ассоциациям. Чаще других видов в состав доминантов входили костер безостый — *Bromopsis inermis* (Leyss.) Holub, овсяница луговая — *Festuca pratensis* Huds., мятлик узколистный — *Poa angustifolia* L. Постоянными в течение всех лет были 9 видов. Аспекты на этом участке самые пестрые из-за обилия яркого разнотравья. Здесь встречаются виды, характерные для остепненных участков лугов.

Видовая насыщенность колебалась от 29 до 48, в среднем было 41,4 вида на 100 м². Уменьшение числа видов наблюдалось в 1990 — 1993 гг., минимум был отмечен в 1991, 1992 гг. после позднего покоса 1990 г. Однако после поздних покосов 1993 — 1996, 1998 гг. наоборот наблюдался подъем биоразнообразия, что кажется естественным, так как возможность пополнить банк семян появилась у большего числа видов. Так что нельзя однозначно сделать выводы о влиянии сроков покоса на видовое разнообразие. В 2002 г. видовая насыщенность была максимальной и равной числу видов, отмеченному в начале наблюдений.

Максимальная высота генеративных частей травостоя колебалась по годам наблюдений от 90 до 150 см, в среднем высота генеративных частей составила 117,5 см. Наиболее высокими были травы в 1991 и 1994 гг., самыми низкими в 1969 и 1988 гг. Высота основной массы травостоя колебалась от 30 до 100 см, средняя высота основной массы травостоя за годы наблюдений составила 49,0 см; наибольшей высотой основная масса травостоя была в 1991 г., наименьшей — в 1998 г.

Общее проективное покрытие травостоя изменялось от 60% до 80%, что составило в среднем 76,3%. Наибольшим общее проек-

тивное покрытие травостоя было в 1986, 1987, 1989 и 1990 гг., наименьшим — в 1998 г. Оказалось, что наименьшие показатели биоразнообразия и числа видов разнотравья отмечены при максимальной высоте травостоя в 1991 г. и резком снижении высоты травостоя в следующем 1992 г., высоком общем проективном покрытии в 1991 г. и низком покрытии травостоя в 1992 г. Самое низкое проективное покрытие травостоя в 1998 г. наблюдалось при низкой высоте основной массы травостоя, средней высоте генеративных частей растений и высокой видовой насыщенности. По наблюдениям на этом участке не удалось выявить коррелятивных связей между показателями структуры травостоя.

Экологические характеристики данного местообитания, полученные по растительности с использованием экологических шкал Л. Г. Раменского (1956), показали, что 1991 и 1992 гг. были средними по условиям увлажнения (У), а по богатству почвы (БЗ) — контрастными: в 1991 г. богатство почвы гораздо выше, чем в 1992 г.; в 1998 г. показатели увлажнения и богатства почвы были средними. Объяснить наблюдаемые изменения состава и структуры травостоя участка № 4 изменениями экологических условий, определенных по экологическим шкалам, и наличием или отсутствием паводков не удалось.

На сенокосно-пастбищном участке № 3 в годы мониторинга мы наблюдали полидоминантный луг, в основном представленный злаково-разнотравными ассоциациями. Чаше других видов в состав доминантов входили овсяница луговая — *Festuca pratensis*, одуванчик лекарственный — *Taraxacum officinale* Wigg., мятлик узколистный — *Poa angustifolia*, овсяница красная — *Festuca rubra* L. Постоянными в течение всех лет наблюдения были 8 видов. Видовая насыщенность колебалась от 30 до 52, в среднем за годы наблюдения на 100 м² было 40,3 вида. Уменьшение числа видов наблюдалось в 1972, 1991, 1992 гг. В 2002 г. видовая насыщенность была выше средней — 44 вида.

Максимальная высота генеративных частей травостоя колебалась по годам наблюдений от 60 до 150 см, в среднем высота генеративных частей составила 106,8 см. Наиболее высоким травостой был в 1981 г., немного ниже в 1982, 1990, 1994 гг., самым низким травостой был в 1978 г. Высота основной массы травостоя колебалась от 20 до 80 см, средняя величина составила 45,7 см. Наибольшая высота основной массы травостоя отмечена в 1980, 1982 гг., наименьшая наблюдалась в 1984 и 2000 гг. Проективное покрытие травостоя на участке № 3 изменялось от 58 % до 90 %, что состави-

ло в среднем 77,4 %. Наибольшее проективное покрытие травостоя было в 1980, 1990, 1991 гг., наименьшее — в 1998 г.

В 1991 и 1992 гг. наблюдалась наименьшая видовая насыщенность и наименьшее число видов разнотравья, а показатели структуры травостоя в эти годы изменялись по-разному. Высота травостоя, как и величина проективного покрытия, были большими в 1991 г., а в 1992 г. наблюдалось снижение высоты травостоя и величины проективного покрытия. Эти закономерности были выявлены и на сенокосном участке № 4. Самое низкое проективное покрытие травостоя в 1998 г. было отмечено при средней высоте основной массы травостоя и высокой видовой насыщенности.

Низкая видовая насыщенность в засушливом 1972 г. была отмечена при низком богатстве почвы и средних условиях увлажнения; в 1991 г. — при средних показателях богатства почвы и увлажнения; в 1992 г. — при высоком увлажнении и среднем богатстве почвы. Таким образом, и на участке № 3 объяснить изменения состава и структуры травостоя изменением экологических условий не удается.

Проведенный анализ динамики растительности модельных участков показал, что изменение числа видов на 100 м² связано с особенностями хозяйственного использования участков и носит флюктуационный характер. Как правило, наибольшее число видов было на сенокосе (участок № 4). Однако на сенокосно-пастбищном угодье (участок № 3) в некоторые годы (1984 — 1986, 1988, 1990, 2001) видовое разнообразие было максимальным. Абсолютный максимум видовой насыщенности отмечен на участке № 3 в 1984 г. — 52 вида.

Таким образом, на сенокосе в среднем наблюдалось большее видовое разнообразие. Направленность изменений на разных участках в один год наблюдения часто не совпадала: на одном участке отмечался подъем видового разнообразия, в то время как на другом участке имел место спад.

Наибольшая высота травостоя, создаваемая наиболее высокими генеративными побегами, наблюдалась на сенокосном участке, но в 1998 г. максимальной высоты в 150 см достиг травостой и на сенокосно-пастбищном участке. Высота основной массы травостоя была максимальной также на сенокосном участке. Высоты сильно изменялись по годам, эти изменения имеют флюктуационный характер. Падение видового разнообразия на всех участках в 1992 г. сопровождалось резким уменьшением максимальной высоты генеративных частей травостоя и незначительным снижением высоты основной части травостоя.

Наибольшее проективное покрытие травостоя отмечалось, в ос-

новном, на сенокосно-пастбищном участке в 1982 — 1984 гг., а начиная с 1996 г. — на сенокосном участке. Среднее многолетнее значение общего проективного покрытия травостоя было на участках № 4 и 3: 76,4 % и 77,4 %, соответственно. В 1992 г. проективное покрытие на сенокосном и сенокосно-пастбищном участках снизилось. Наибольшим общее проективное покрытие было на участках в 1998 г. Аномальный, засушливый 2002 год не привел пока к снижению обсуждаемых показателей, максимальная высота травостоя даже возросла на всех участках, число видов выросло на участках № 4.

Экологические условия участков в ходе мониторинга изменялись, в основном, по-разному. Последний (2002) год наблюдений по погодным условиям оказался сходным с 1992 г., была очень сухая весна, и к середине июля травостой начал выгорать. В 1992 г. в начале лета по всей площади лугов, где расположены участки, был невысокий, но густой, злаковый травостой, в основном образованный генеративными побегами овсяницы луговой, которые стояли стеной. Такую же картину мы наблюдали в 2002 г. Схожесть заключается и в том, что в эти годы луга удобряли, а в 1992 г. и прорыхлили, местами сильно нарушив травяной покров, по-видимому, эти причины и привели к резкому снижению биоразнообразия.

Таким образом, анализ динамики растительности модельных участков Залидовских лугов, близких по экологическим условиям, показал, что наибольшее среднее видовое разнообразие отмечено на сенокосном участке. Динамика видовой насыщенности имеет характер флуктуаций, направления изменения этого параметра на разных участках в один год наблюдения обычно не совпадают. Параметры структуры травостоя (высота генеративных частей, проективное покрытие и др.) могут изменяться разнонаправленно. Изменения состава и структуры травостоя лугов в ходе многолетнего мониторинга не всегда удается объяснить изменением экологических условий, в том числе наличием или отсутствием паводков.

Применение для анализа состояния данного лугового массива общепринятых геоботанических методов показало, что наиболее благоприятным для сохранения видовой насыщенности является сенокосное использование. Залидовские пойменные луга реки Угры являются устойчивыми сообществами, которые при разных типах использования, при разных погодных условиях сохраняют свое видовое разнообразие и структуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермакова И.М., Сугоркина Н.С. Мониторинг луговой растительности в пойме реки Угры // Ботанический журнал. 2000. Т. 85. Вып. № 12. С. 50 — 59.
2. Ермакова И.М., Сугоркина Н.С. Зависимость состава, структуры и продуктивности пойменного луга от экологических и антропогенных факторов // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. М., 2002. С. 250 — 263.
3. Воронкина Н.В., Романова Р.А., Ермакова И.М. и др. Оценка динамики биоразнообразия пойменных лугов реки Угры в Калужской области с применением информационной технологии // Труды регионального конкурса научных проектов в области естественных наук. Вып. 3. Калуга: Издательский дом "Эйдос", 2002. С. 312 — 317.
4. Раменский Л.Г., Чижигов О.Н., Цаценкин И.А. и др. Экологическая оценка кормовых угодий по растительному покрову. М.: Сельхозгиз, 1956. 472 с.

ФАУНА ДОЖДЕВЫХ ЧЕРВЕЙ ЗАПОВЕДНИКА "КАЛУЖСКИЕ ЗАСЕКИ"

М.П. Шашков,

Пушчинский государственный университет

Дождевые черви — важный компонент лесных экосистем. В смешанных и лиственных лесах по биомассе они преобладают над всеми остальными животными организмами. Если еще учесть их почвообразовательную активность, то их можно отнести к ключевым видам лесных экосистем.

Несмотря на известное биоценологическое значение дождевых червей, степень их изученности на территории Калужской области недостаточна. Известна только одна работа, в которую включены материалы по дождевым червям, собранным в двух точках в широколиственных лесах юго-востока Калужской области (Пенев и др., 1994). В данной работе для Калужской области указано 7 видов.

Материал собран на территории северного и южного участков заповедника в 1997, 1998 и 2001 гг. Определение проверено Т.С. Всеволодовой-Перель, за что автор выражает благодарность.

Сбор материала проводился в разных биотопах и в разные сезоны, вместе с тем небольшой объем обработанного материала и сильное различие в обилии дождевых червей на разных пробных площадях дают возможность делать выводы только о фауне, но не о животном населении. Обилие дождевых червей выражено в единицах относительной плотности — количестве эк-

Таблица 1

Точки сбора дождевых червей на территории заповедника

№1 площадки	Дата сбора	Биотоп	Лесничество	Квартал
1	27.09.01	Широколиственный лес	Ульяновское	43
2	13.06.98	Широколиственный лес	Ульяновское	33
3	14.06.98	Березняк	Ульяновское	32
4	12.06.97	Широколиственный лес	Ульяновское	46
5	25.07.97	Широколиственный лес	Ягоденское	8

Всего учтено 754 экземпляра дождевых червей, принадлежащих к 9 видам: *Dendrodrilus rubidus*, *Octolasion lacteum*, *Aporectoidea rosea*, *A. caliginosa*, *Lumbricus terrestris*, *L. rubellus*, *L. castaneus*, *Eisenia nordenskioldi*, *Dendrobaena octaedra*, кроме того значительную часть сборов составили неполовозрелые особи, большинство из них определить не удалось. Обилие учтенных видов приведено в таблице 2.

Наибольшая плотность отмечена в 8 кв. Ягоденского лесничества — 302 экз./м², наименьшая в березняке — 0,6 экз./м². На остальных трех площадках составляло 80 — 165,2 экз./м².

Таблица 2

Плотность дождевых червей на обследованных площадках (в экземплярах на 1 м²)

	1	2	3	4	5
<i>Dendrodrilus rubidus</i>	0,6		3,2	4	16
<i>Octolasion lacteum</i>	3,2		1,6	3	
<i>Aporectoidea rosea</i>	122,3			5	
<i>A. caliginosa</i>		50,9		129	
<i>Lumbricus terrestris</i>		2,9	1,6		
<i>L. rubellus</i>		4,4	4,8	17	15
<i>L. castaneus</i>		1,5			
<i>Lumbricus sp.</i>	2,6	2,9	8	45	25
<i>Eisenia nordenskioldi</i>	1,9				
<i>Dendrobaena octaedra</i>	19,2	7,3	16	10	12
Неопределенные	15,4	34,9	32	89	12
суммарная плотность	165,2	104,8	67,2	302	80

1. *Dendrodrilus rubidus*. Широко распространенный космополитический вид, встречающийся в Европейской части России вплоть до Кольского п-ва. Мелкий дождевой червь, обитающий в разлагающейся древесине и лесной подстилке. Отмечен на 4-х площадках с плотностью 0,6 — 16 экз./м².

2. *Octolasion lacteum*. Космополит. В Европейской части России распространен почти повсеместно. В заповеднике немногочислен, отмечен на трех площадках с плотностью 1,6 — 3,2 экз./м².

3. *Aporectoidea rosea*. Космополит. В заповеднике отмечен на двух площадках, на одной — доминант (120 экз./м²).

4. *A. caliginosa*. Широко распространенный космополитический вид. Непигментированный, обитающий в толще почвы червь. Отмечен на площадках 2 и 5 с плотностью 50,9 и 129 экз./м².

5. *Lumbricus terrestris*. Самый крупный представитель фауны дождевых червей. На двух площадках найдено три экземпляра. Но скорее всего указанная численность занижена из-за способности представителей этого вида быстро уходить на достаточно большую глубину.

6. *Lumbricus rubellus*. Ярко окрашенный, средних размеров червь, обитающий в верхнем, богатом гумусом слое почвы. Отмечен на четырех площадках (кроме первой), при плотности — 4,4... 17 экз./м².

7. *Lumbricus castaneus*. Мелкий подстилочный червь. 1 экз. отмечен в широколиственном лесу (33 кв. Ульяновского лесничества) — площадка 2.

8. *Eisenia nordenskioldi*. Космополит. Но вместе с тем на территории лесной зоны Европейской части России встречается sporadически. Впервые найден на территории заповедника в сборах в сентябре 2001 г. (43 кв. Ульяновского лесничества) — 3 экземпляра.

9. *Dendrobaena octaedra*. Космополит. Широко распространен в Европейской части России. Подстилочный дождевой червь. Представлен на всех обследованных площадках с плотностью 7,3 — 19,2 экз./м².

Таким образом, в фауне дождевых червей заповедника представлены почти все виды, характерные для природных биотопов центральных районов Европейской части России, кроме одного амфибиотического вида, обитающего в поймах, видов-интродуцентов и видов, тяготеющих к антропогенно трансформированным ценозам. (Матвеева, Перель, 1982).

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеволодова-Перель Т.С. Дождевые черви фауны России: Кадастр и определитель. М.: Наука, 1997.
2. Матвеева В.Г., Перель Т.С. Дождевые черви семейства Lumbricidae Московской области // Почвенные беспозвоночные Московской области. М.: Наука, 1982.
3. Пенев Л.Д., Василев А.И., Головач С.И. Видовой состав и классификация группировок дождевых червей (*Oligochata*, *Lumbricidae*) дубрав Русской равнины // Зоол. журнал. Т. 73. Вып. 2. 1994. С.23 — 36.

**О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗМЕНЕНИЙ
В РАЗДЕЛЕ «БЕСПОЗВОНОЧНЫЕ»
КРАСНОЙ КНИГИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ**

С. К. Алексеев,

Калужское общество изучения природы, клуб «STENUS»

Из 334 видов животных, занесенных в Красную книгу Калужской области, 208 видов составляют беспозвоночные, среди них: ракообразные — 2 вида; паукообразные — 4; крылатые насекомые — 202 вида (клопы — 1; прямокрылые — 4; жесткокрылые — 47; чешуекрылые — 121 и перепончатокрылые — 29)

На основании исследований, проведенных в последние годы, по ряду редких видов беспозвоночных, ранее рекомендованных в Красную книгу Калужской области, получены данные, позволяющие изменить их статус. Некоторые виды необходимо исключить или наоборот внести в Красную книгу области.

***Allohonga singoriensis* — тарантул южнорусский. 3 категория.** Исследования территории места находки вида показали полное изменение стадии обитания за прошедшее с 1972 года время (заросло сосняком), что говорит о невозможности существования его в данной точке. В других подходящих для обитания тарантула местах: ни в районе места его находки, ни по области тарантул не обнаружен. Видимо, следует считать этот вид исчезнувшим на территории области. Рекомендуется его перевести в категорию 0 или вовсе исключить из списка.

***Arctosa cinerea* — тарантул береговой. 4 категория.** Исследования показали, что данный вид, хотя и не часто, встречается, но не реже других немногочисленных видов. Несмотря на сильный рекреационный прессинг на берега рек, этот вид все ещё не находится на том уровне численности, чтобы считать его «краснокнижным» видом. Из списка следует исключить.

***Honga radiata* — тарантул лучистый. 4 категория.** Сведения о нахождении данного вида на территории Калужской области не подтвердились. Скорее всего, были ошибочны. Из списка следует исключить.

***Ranatra linearis* — ранатра налочковидная. 4 категория.** Занесен так же в Красную книгу Московской области как редкий вид (3-я категория). Исследования автора по пойменным озерам и затонам рек Рессета, Вытебеть, Жиздра, Воря, Угра, Ока показали, что данный вид, хотя и не часто встречается, но есть практически во всех более-менее подходящих для его обитания стациях. Редкость

его в энтомологических сборах по водоемам связана с его малоподвижностью, естественной малочисленностью и обитанием в сильно заросших водорослями водных стациях. Из списка калужских «краснокнижных» видов следует исключить.

***Conocephalus discolor* — мечник обыкновенный. 4 категория.** Исследования показали, что данный вид, хотя и не часто, встречается, но не реже других немногочисленных видов прямокрылых Калужской области. Поэтому этот вид следует исключить, так как реальных антропогенных факторов воздействия ведущих к снижению его численности нами не выявлено. Кроме того, наибольшую опасность для этого и ряда других луговых видов прямокрылых представляет снижение сельскохозяйственного прессинга на луговые станции его обитания, приводящие к зарастанию лугов. В настоящий момент рассматривать этот вид как «краснокнижный» нецелесообразно.

***Platycleis grisea* — сскачок серый. 4 категория.** Сведения о нахождении данного вида на территории Калужской области не подтвердились. Из списка следует исключить.

***Calliptamus italicus* — прус итальянский.** Вид, являющийся на юге опасным вредителем сельского хозяйства, в первую очередь для технических культур. Опасности как вредитель сельского хозяйства в нашей области не представляет ввиду своей крайне низкой численности. В местах находок в Калужской области единичен, стадной формы не образует. Эти изолированные калужские популяции, существующие далеко за пределом основного ареала, определенную имеют научную и прикладную ценность. Вид необходимо внести в Красную книгу Калужской области как редкий вид (категория 3).

***Oedipoda coerulescens* — кобылка голубокрылая.** Вид занесен в Красную книгу Московской области. Распространен в степной и лесостепной зонах. В Калужской области достоверно известно лишь пять точек обитания на юге и юго-востоке области. Вид сухих и остепненных лугов с разреженной растительностью. В местах находок малочисленный, редкий вид. Необходимо включить в Красную книгу области как редкий вид 3 категории. Вид является индикатором редких в области растительных ассоциаций.

***Cicadetta montana* — цикада горная.** Вид занесен в Красную книгу Московской области, как сокращающийся в численности вид (2 категория). Единственный представитель певчих цикад на юге лесной зоны. Вид широколиственных лесов лесостепи; изолированные местообитания на юге лесной зоны являются реликтовыми. В

Калужской области тяготеет к хорошо прогреваемым участкам склонов южной экспозиции Калужско-Алексенского каньона, по опушкам разреженных склоновых широколиственных лесов. Взрослые цикады заселяют кроны дубов и лип, реже — кустарники подлеска. Питаются соком деревьев и кустарников. Личинки развиваются 4—6 лет в почве на глубине 10—40 см, питаются соком корней. Массовый вылет происходит не ежегодно. Необходимо включить в Красную книгу области как редкий вид 3 категории.

***Carabus arvensis* — жужелица арвензис. 4 категория.** Исследования показали, что данный вид, хотя и исчез во многих местах вокруг Калуги, но в северных и северо-западных частях области он обычен, а местами даже многочисленный. Из краснокнижного списка следует исключить, поскольку реальной угрозы исчезновения его с территории области нет.

***Carabus coriaceus* — жужелица шагренева. 3 категория.** Современные исследования показали, что данный вид хотя и не часто встречается, но не реже других немногочисленных видов. Рекреация на него воздействует в малых дозах скорее положительно, чем отрицательно. Лишь значительная рекреационная нагрузка на леса приводит к исчезновению данного вида, как, впрочем, и большинства других представителей лесных видов *Carabus*. Поскольку реальной угрозы исчезновения этого вида с территории области пока нет, из Красной книги области его можно исключить.

Среди других видов жужелиц, занесенных в Красную книгу Калужской области, видимо, следует исключить такие степные, южные виды, как *Olisthopus rotundatus*, *Masoreus wetterhali* и *Cymindis angularis*, численность которых зависит от состояния калужских ксерофитных лугов, которые повсеместно зарастают в результате прекращения выпаса и сенокосения, т.е. эти виды в местах известных находок должны исчезнуть в результате естественных причин (зарастание ксерофитных лугов сосняками). В более южных областях этим видам, видимо, ничего не угрожает, во всяком случае, не больше, чем другим, совместно с ними обитающим. Охрана местообитаний этих видов в Калужской области и мероприятия по их сохранению могут выразиться только в рекомендациях по эксплуатации лугов под пастбища и сенокосы, предотвращающие их зарастание. Видимо, эти виды целесообразно выделять как “краснокнижные”.

***Hydrous atterimus* — водолюб большой. 4 категория.** Изучение пойменных озер и рек Рессета, Вытебеть, Жиздра, Воря, Угра, Ока показали, что данный вид, хотя и не часто встречается, но есть практически во всех более-менее подходящих для его обитания ста-

циях. Реальной угрозы его исчезновения в ближайшем обозримом будущем видимо нет. Из списка калужских “краснокнижных” видов следует исключить.

***Sphaeritis glabratus* — таежник голый. 4 категория.** Исследования последних лет показали, что данный вид не редок в Калужской области. Его биология тесно связана с березовыми лесами, которым в нашей области в ближайшем будущем ничего не грозит, следовательно, и среда обитания для данного вида остается пока стабильной. Из Красной книги области его можно исключить.

***Copris lunaris* — копр лунный. 4 категория.** Изучение копрофагов Калужской области в последние годы позволило понять причину повсеместного сокращения численности данного вида, которое напрямую оказалось, связано с уменьшением поголовья крупного рогатого скота в области. В местах интенсивного разведения КРС данный вид обычен. Поэтому нахождение лунного копра в списках “краснокнижных” видов области видимо нецелесообразно.

***Sinodendron cylindricum* — носорог малый. 4 категория.** Последние исследования ксилобионтов калужских лесов показали, что данный вид обычен и нет видимых причин сохранять его в списках калужских “краснокнижных” видов.

***Oryctes nasicornis* — жук носорог. 4 категория.** Сборы последних лет подтвердили редкость находок данного вида в древесине старых деревьев (1 находка). В кучах старого навоза или опилок отмечается довольно часто. Нередко летит на свет. В “дикий” природе отмечается очень редко. Наибольшее число находок связано с населенными пунктами и лесопилками, что говорит о синантропизации данного вида. На основании этого его следует исключить из калужской Красной книги.

***Borus schneideri* — борус Шнейдера. 4 категория.** Исследования ксилобионтов калужских лесов показали довольно высокую встречаемость данного вида под гнилой корой большинства хвойных и лиственных деревьев. Из Красной книги области этот вид нужно исключить.

Изучение разрушителей древесины калужских лесов, проводимые клубом *Stenus* в последние пять лет, показало что виды: ***Chalcophora mariana*** (большая сосновая златка, 4 категория); ***Scintillatrix rutilans*** (златка рутиланс, 4 категория); ***Prionus coriarius*** (усач кожевник, 4 категория) и ***Lamia textor*** (ивовый корневой усач, 4 категория) — в настоящее время имеют достаточно высокую частоту встречаемости. Наличие мертвых и ослабленных деревьев в изобилии встречающихся при подобном ведении лесного хозяйства в Калужской области создают благоприятные условия для их обитания в

ближайшем обозримом будущем. Сохранение этих видов в Красной книге Калужской области в настоящий момент нецелесообразно.

В заключение хочется выразить свое мнение о том, что в региональных Красных книгах списки видов, имеющих достаточно высокий потенциал размножения, расселения и широкие ареалы, должны постоянно пересматриваться. Эти списки не должны являться догмой на многие годы. Быстро изменяющаяся в ту или иную сторону среда их обитания, может превратить редкий вид в массовый в течение нескольких лет, и наоборот. Гораздо важнее создание региональных, так называемых “Зеленых книг”, где учитывается наличие и уязвимость редких, уникальных для регионов биотопов, ландшафтов и растительности. Именно эти, обычно небольшие и уникальные для областей природные комплексы, как правило, внешне определяемые по растительности и почвам, являются своеобразными рефугиумами для редких мелких животных, в том числе и “краснокнижных” беспозвоночных. Имея список таких уникальных для региона природных участков, будет проще и эффективней составить план действий и законодательную базу по сохранению биоразнообразия региона.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФАУНЫ ВОДНЫХ БЕСПОЗВОНОЧНЫХ ПОЙМЕННЫХ ОЗЕР РЕКИ ЖИЗДРЫ В 2002 ГОДУ¹

Е.А. Телеганова,

*Калужский государственный объединенный краеведческий музей
А.А. Телеганов,*

*Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского*

Пойменные озера Жиздры — один из интереснейших и ценных природных комплексов нашей области. По богатству и своеобразию биоценозов экосистемы озер по праву можно считать уникальными. Весьма специфичны особенности гидрологического режима, гидрохимии и геофизических характеристик водоемов.

В то же время степень изученности этих объектов до последнего времени оставалась крайне низкой. В 1999 г. впервые целенаправленно были исследованы несколько пойменных озер (Казанников, Де-

¹ Исследования проведены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и администрации Калужской области (проект № 02-04-96016).

мин, Наумкин, Казанникова, 2001). Дальнейшее исследование проводилось нами с 2001 г.

Озера- старицы Жиздры располагаются в пределах пойменной террасы долины, чаще на правом берегу реки. Расстояние между рекой и этими водоемами, как правило, составляет несколько сот метров. Правобережные озера часто граничат с лесом. Озера, находящиеся в открытой пойме среди заливных лугов, нередко окружены кустарником и отдельными деревьями.

В ходе исследования фауны беспозвоночных пойменных озер реки Жиздры в 2002 г. было обследовано 10 озер- стариц, в которых встречено множество видов гидробионтов, относящихся к самым разным таксономическим группам. Это губки, ресничные черви, пиявки, моллюски, ракообразные паукообразные, личинки поденок, стрекоз, ручейников, двукрылых, бабочек, клопы и жуки.

Кроме фаунистических исследований, проводился примерный учет численности беспозвоночных в биоценозах водоемов. По этим показателям все виды были разбиты на 5 групп:

1. Доминантные — обладающие наибольшей численностью.
2. Субдоминантные — обычные, играющие меньшую роль.
- 3, 4. Второстепенные — более или менее малочисленные.
5. Случайные — редкие (Константинов, 1986).

В таблице приводится список видов беспозвоночных, обнаруженных в обследованных водоемах и степень их встречаемости.

Таблица

№ п/п	Название вида	М. Муцкое	Ужольное	Б. Муцкое	Ст. речка I	Оршица	Подкова I	Карасинское	Боровое	Боровское	Трошенка-2
Тип Spongia											
1.	<i>Ephydatia sp.</i>									4	4
2.	<i>Spongilla sp.</i>		4			4		4	4	4	
Тип Plathelminthes											
Класс Turbellaria											
3.	<i>Planaria lugubris</i>								5		
4.	<i>P. torva</i>	5									
5.	<i>Dendrocoelum lacteum</i>					5					
Тип Annelides											
Кл. Hirudinea											
Семейство Glossiphoniidae											
6.	<i>Glossiphonia concolor</i> (Apathy)								5		
7.	<i>G. complanata</i> (L.)					5					

Продолжение таблицы

8.	<i>G. heteroclita</i> (L.)				4				
9.	<i>Haementeria costata</i> (Fr. Müll.)				5			5	
10.	<i>Helobdella stagnalis</i> (L.)					4			
11.	<i>Hemiclepsis marginata</i> (O.F. Müll.)				5				
Семейство Ergobdellida									
12.	<i>Ergobdella octoculata</i> (L.)	2			1	3		4	3
13.	<i>E. testacea</i>				3				
Семейство Hirudinidae									
14.	<i>Haemopis sanguisuga</i> (L.)							4	5
Тип Mollusca									
Кл. Bivalvia									
Семейство Unionidae									
15.	<i>Pseudanadonta arcatina</i> (L.)					1			
Семейство Pisiidae									
16.	<i>Sphaerium nitidum</i> (Cl. in Wes.)				3				4
Кл. Gastropoda									
Семейство Valvatidae									
17.	<i>Valvata cristata</i> O.F. Müll.							5	
18.	<i>V. depressa</i> C. Pfeiffer								4
19.	<i>V. pulhella</i> Studer				5				
Семейство Viviparidae									
20.	<i>Viviparus contectus</i> (Millet)	1	4		1	4	2	2	4
Семейство Bithyniidae									
21.	<i>Bithynia tentaculata</i> L.	4			1	3		3	1
22.	<i>B. inflata</i> Hansen		5		5	4		5	3
23.	<i>B. troscheli</i> Paasch				4				
Семейство Lymnaeidae									
24.	<i>Lymnaea stagnalis</i> (L.)	2		2	1	1		3	2
25.	<i>L. lagotis</i> (Schranck)				4			4	3
26.	<i>L. ovata</i> (Drap.)				1	1		4	4
27.	<i>L. patula</i> (Da Costa)								3
28.	<i>L. monardi</i> (Hartmann)	4							5
29.	<i>L. auricularia</i> (L.)	5						5	5
30.	<i>L. tumida</i>	5							
Семейство Acroloxidae									
31.	<i>Acroloxus lacustris</i> L.				2	4		4	4
Семейство Physidae									
32.	<i>Physa fontinalis</i> (L.)	4			3	5			
Семейство Bulinidae									
33.	<i>Planorbarius corneus</i> L.	3			4	5		3	3
34.	<i>Pl. grandis</i> (Dunker)	4						5	
Семейство Planorbidae									
35.	<i>Planorbis planorbis</i> L.		3	5	2			5	

Продолжение таблицы

36.	<i>P. carinatus</i> (O.F. Müll.)							5	
37.	<i>Anisus vortex</i> L.					1	5	2	3
38.	<i>A. contortus</i> (L.)					5			
39.	<i>A. vorticulus</i> (Troschel)	5							5
40.	<i>A. albus</i> (O.F. Müll.)			4		2	3		4
Тип Bryozoa									
41.	<i>Plumatella fungosa</i>					3	4		
Тип Arthropoda									
Кл. Crustacea									
42.	<i>Asellus aquaticus</i> L.							4	
43.	<i>Gammarus</i> sp.							4	2
44.	<i>Argulus foliaceus</i> L.	5							
Кл. Arachnida									
45.	<i>Argyroneta aquatica</i>			4		4		3	3
46.	<i>Dolomedes</i> sp.					4			4
Кл. Insecta									
Отр. Ephemeroptera									
Семейство Caenidae									
47.	<i>Caenis robusta</i> Eaton							4	4
48.	<i>C. undosa</i> Tiensuu	5							
49.	<i>C. horaria</i> (L.)						5		
Отр. Megaloptera									
Семейство Sialidae									
50.	<i>Sialis linaria</i> L.								5
Отр. Odonata									
Семейство Platycnemididae									
51.	<i>Platycnemis pennipes</i> (Pallas)								5
Семейство Agrionidae									
52.	<i>Agrion splendens</i> (Harris)								5
53.	<i>A. virgo</i> (L.)								5
Семейство Lestidae									
54.	<i>Lestes sponsa</i> (Hansemann)	5							4
Семейство Coenagrionidae									
55.	<i>Erytroma najas</i> (Hansemann)	5				1	2		
56.	<i>Ischnura elegans</i> (van der Linden)	5							
57.	<i>Coenagrion puella</i> (L.)								5
58.	<i>Pyrrhosoma nymphula</i> (Salzer)	5							
Семейство Aeschnidae									
59.	<i>Aeschna juncea</i> L.	1				2		2	1
60.	<i>Ae. viridis</i> Eversman	4							3

Семейство Corduliidae										
61.	<i>Somatochlora metallica</i> Linden					5		5	5	
62.	<i>Cordulia aeneatufosa</i> Forster					5				
63.	<i>Epiheca bimaculata</i> (Charpentier)		5							
Семейство Libellulidae										
64.	<i>Simpetrum flaveolum</i> (L.)		5							
65.	<i>Leucorrhinia albifrons</i> (Bunneister)								5	
66.	<i>L. pectoralis</i> (Charpentier)								3	
Отр. Heteroptera										
Семейство Nepidae										
67.	<i>Nepa cinerea</i> L.	4								5
Семейство Corixidae										
68.	<i>Sigara falleni</i> (Fieber)				5					4
69.	<i>S. semistriata</i> (Fieber)									5
70.	<i>Cymatia coleoprata</i> (Fabricius)		4					4		
Семейство Notonectidae										
71.	<i>Notonecta reuteri</i> Hunderford								5	
Семейство Naucoridae										
72.	<i>Ilicoris cimicoides</i> L.	3		4	3	4				4
Семейство Pleidae										
73.	<i>Plea minutissima</i> Leach			5		4				
Отр. Trioptera										
Семейство Polycentropodidae										
74.	<i>Cyrnus flavidus</i> McLachlan								5	
Семейство Limnephilidae										
75.	<i>Limnephilus politus</i> McLachlan							1	1	3
76.	<i>L. rombicus</i> (L.)									4
77.	<i>Limnephilus sp.</i> (куколки)	4		4		4				
78.	<i>Anabolia soror</i> McLachlan									3
79.	<i>Nemotaulus punctatolineatus</i> (Retzius)							3	3	
Семейство Leptoceridae										
80.	<i>Triaenodes bicolor</i> (Curtis)				3					
Отр. Coleoptera										
Семейство Gyridae										
81.	<i>Gyrinus marinus</i> (Gyll)		5		1					

Семейство Haliplidae										
82.	<i>Haliphus fluviatilis</i> Aube		3	5						
Семейство Dytiscidae										
83.	<i>Dytiscus sp.</i> (молодые личинки)								5	
84.	<i>D. marginalis</i> L.		2		2					
85.	<i>Hydaticus transuersalis</i> Pöntoppidan								4	4
86.	<i>Acilius sp.</i> (молодые личинки)								5	
Семейство Hydrophilidae										
87.	<i>Enochrus sp.</i> (молодые личинки)								3	
Семейство Helmidae										
88.	<i>Latebnis volkmari</i> Panz					4				
Отр. Diptera										
Семейство Stratiomidae										
89.	<i>Stratiomys chamaeleon</i>	5		4	5	5	5			
90.	<i>Odontomya sp.</i>									5
91.	Chironomidae	3				3	3	3	3	3
Отр. Lepidoptera										
Семейство Pyraustidae										
92.	<i>Paraponyx stratiotata</i> L.	5			4					
93.	<i>Cataclysta linneata</i> L.					5				

Из 10 обследованных озер наибольшее количество видов было замечено в Боровском — 36 и Орешне — 34, несколько меньшее число их обнаружено в Трошенке-2 — 28, Боровом — 27, Малом Муцком (Волконская Заводь) — 25 и Подкове — 20. Остальные озера являются заморными, и количество видов в них невелико: Старая Речка I — 12, Большое Муцкое — 9, Ужольное — 6, Карасинское — 5. В связи с этим можно сделать вывод о том, что заморность влияет не только на численность рыб, но и на видовой состав беспозвоночных. В большинстве заморных озер отмечена высокая численность ротана — очень прожорливой плотоядной рыбы, легко переносящей заморы, что, очевидно, тоже влияет на численность беспозвоночных. Однако в таких озерах, как Ужольное и Старая Речка I, наблюдалось множество *Dytiscus marginalis*, который попался даже в рыболовные сети.

Анализируя результаты количественного учета гидробионтов, можно сделать вывод, что такие виды, как *Erpobdella octoculata*, *Viviparus contectus*, *Lymnaea stagnalis*, *Lymnaea ovata*, *Anisus vortex*, *Pseudanadonta anatina*, *Erytroma najas*, *Aeschna juncea*, *Limnephilus politus*, *Gyrinus*

marinus, в некоторых озерах достигли очень большой численности и являлись доминирующими в гидроценозе. Поскольку существенная часть этих видов распространена в большинстве водоемов, их можно считать фоновыми. К этой же категории можно отнести и виды, численность которых невелика, но распространены они также широко: *Spongilla sp.*, *Bithynia tentaculata*, *B. inflata*, *Acroloxus lacustris*, *Planorbarius corneus*, *Planorbis planorbis*, *Argyroneta aquatica*, *Iliocoris cimicoides*, *Stratiomys chamaeleon*, *Chironomidae*. Фоновыми видами являются и *Paraponyx stratiotata* и *Catachysta limneata* (Шмыгова, 2001), личинки которых были встречены в водоемах одиночно, но при последующих исследованиях, без сомнения, они будут обнаружены в других озерах. Однако, некоторые виды гидробионтов были замечены в малом количестве водоемов и имеют небольшую численность. Это *Hemiclepsis marginata*, *Valvata pulhella*, *Lymnaea tumida*, *Argulus foliaceus* и др. Последний вид является паразитом рыб, характерным для рыбоводческих хозяйств, и в свободном виде встречается редко (отмечаются только в годы с очень высокой летней температурой). Клоп *Notontcta reuteri* обнаружен на территории Калужской области только второй раз. Впервые он был обнаружен в бассейне реки Серены — притока Жиздры (Телеганов, 2001). Этот вид отмечен как редкий и в определителе. Кроме пойменных озер Жиздры, еще одно местонахождение имеет и *Valvata pulhella* — Яченское водохранилище (Телеганов, 2002). Личинки стрекозы *Platycnemis pennipes* были обнаружены только в Трошенке-2. Это озеро имеет довольно высокую проточность, а данный вид стрекоз можно скорее отнести к реофилам, чем к лимнофилам. Не имеет большого распространения в озерах и такой крупный двустворчатый моллюск, как *Pseudanadonta anatina*, который в озере Подкова I достигает высокой численности, что, очевидно, является следствием близкого расположения озера к реке и постоянной связи с ней во время паводков.

Кроме перечисленных выше видов, на озерах Большое Муцкое, Ужольное, Старая речка I во множестве встречались *Galerucella pumphaeae*, а на Орешне — *Donacia versicolorea*, являющиеся представителями жуков-листоедов (Chrysomelidae, Donaciinae). Несмотря на то что личинки этих жуков развиваются в воде, в общий список гидробионтов данные виды нами не занесены, так как в период исследований были обнаружены только имаго.

Сравнивая результаты данных исследований с результатами исследований 1999 г. (Казанников, Демин, Наумкин, Казанникова, 2001; Пойменные озера Жиздры, 2002), мы выяснили, что список беспозвоночных обитателей жиздринских озер пополнился пятьюдесятью видами.

Несмотря на большое количество выявленных гидробионтов, работу нельзя считать законченной. Необходимы дальнейшие исследования по водным беспозвоночным озер поймы р. Жиздры для составления наиболее полных фаунистических списков и изучения кормовой базы рыб.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казанников Е.А., Демин С.В., Наумкин Е.А. и др. Беспозвоночные животные стариц реки Жиздры в пределах национального парка «Угра» // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы IX конференции Калуга: Полиграф-Информ, 2001. С. 243 — 248.
2. Константинов А.С. Общая гидробиология. М.: Высшая школа, 1986.
3. Пойменные озера Жиздры / Под ред. В.П. Новикова. Калуга: Издательство Бочкаревой, 2002.
4. Телеганов А.А. К фауне пресноводных беспозвоночных бассейна реки Серены // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы IX конференции. Калуга: Полиграф-Информ, 2001. С. 253 — 258.
5. Телеганов А.А. К фауне водных беспозвоночных Яченского водохранилища: Курсовая работа / КГПУ им. К.Э. Циолковского. Калуга, 2002. (рукопись).

К ФАУНЕ ВОДНЫХ БЕСПОЗВОНОЧНЫХ ЯЧЕНСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

А.А. Телеганов,
Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского

Исследование Яченского водохранилища проводилось нами в период с 2001 по 2002 гг.

Эта работа является продолжением исследований, проведенных в 1979 г. Е.А. Телегановой, в ходе которых была изучена фауна реки Яченки (в районе затопления) и водоемов ее поймы. Уже сейчас можно сделать некоторые выводы об изменении фауны водных беспозвоночных в связи с изменением типа водоема.

Яченское водохранилище — искусственно созданный человеком водоем. Расположено оно на западной окраине г. Калуги и входит в черту города. Водоохранилище является водоемом окского бассейна и питается водами впадающей в него реки Яченки.

Яченское водохранилище создано в 1980 г. для пополнения водных запасов города Калуги. Была затоплена низина, где протекала река Яченка, в пойме которой располагалось большое количество

мелких водоемов, образовавшихся в результате выемки грунта, произволившейся с 1958 г.

В данный момент Яченское водохранилище является одним из самых крупных искусственных водоемов области. Площадь водохранилища в межень составляет 230 га. Наибольшая длина — 2900 м, ширина — 1200 м. Наибольшая глубина — 12 м, а преобладающая — 3,2 м.

Яченское водохранилище, проточное по руслу Яченки. Повышение уровня воды в паводок до 0,8 м.

Берега отлогие, песчаные. По левому берегу идет набережная. Дно песчаное, илистое (до 10 см). Поверхность дна в основном чистая, но имеются также пни и остатки кустарника в русловом участке.

По правому берегу в 800 м. от устья реки имеется затон, отгороженный небольшой земляной дамбой и сообщаемый с водохранилищем.

Берега водохранилища по характеру растительности очень разнообразны. Левый берег — набережная. Из растительности здесь только водорослевые обрастания камней. Такой же характер растительности по берегу дамбы и у сброса. Правый берег характеризуется довольно частыми зарослями ивняка — *Salix sp.*

Из околоводной растительности в массе произрастает рогоз — *Typha latifolia*, встречались сусак зонтичный — *Butomus umbellatus*, стрелолист — *Sagittaria sagittifolia*, камыш лесной и озерный — *Scirpus sylvaticus*, *S. lacustris*, частуха подорожниковая — *Alisma plantago-aquatica*, ситник *Juncus sp.*, ирис айровидный — *Iris pseudocorus* и другие.

Из водной растительности здесь встречается роголистник — *Ceratophyllum sp.*

В затоне в массе произрастают лютик жестколистный — *Ranunculus circinatus*, рдест блестящий — *Spirodela polirrizza*, элодея канадская — *Elodea canadensis* и некоторые другие виды.

Место впадения реки Яченки на берегу сильно заросло ивняком и рогозом.

Сборы производились в семи станциях с различными условиями обитания (см. карту):

Стация №1 — небольшой затон, отгороженный земляной дамбой. Берег заросший, довольно крутой. В воде большое количество растительности. Дно заиленное.

Стация №2 — устье реки Яченки. Дно сильно заиленное, с характерным запахом сероводорода. Берега сильно заросшие рогозом и тростником.

Стация №3 — отмель у гравийно-песчаной насыпи, отделяющей устье реки от основной части водохранилища. Берег, заросший ивняком. Дно песчаное со слабым заилением, в некоторых участках каменистое.

Стация №4 — отмель у пляжа недалеко от лодочной станции. Берег, слабо заросший, песчаный. Дно песчаное.

Стация №5 — участок водохранилища у железобетонной набережной. Камни в водорослевых обрастаниях с небольшим количеством осоки. Прибрежный участок дна бетонный, покрытый небольшим слоем песка.

Стация №6 — участок водохранилища на краю бора. Дно песчаное, с небольшим количеством растительных остатков. Берег, мало заросший, в основном произрастают рогоз, осока и небольшие кусты ивняка.

Стация №7 — небольшой затон. Берег заросший, по краям образуются небольшие сплавинки. Дно заиленное, с большим количеством растительных остатков.

Систематический обзор видов Яченского водохранилища

Тип Spongia — губки

1. *Ephydatia sp.* (1).

Тип Tentaculata — щупальцевые

2. *P. fungosa* (Pall.) (1, 3).

3. *P. Repens* (1).

Тип Plathelminthes — плоские черви

4. *Polycelis nigra* (1, 7).

Обитает в стоячих и слаботекущих водоемах.

Распространение: центральная и западная части Европейской России.

5. *Planaria torva* (7).

Часто встречается в стоячих и медленно текущих водоемах на листьях водных растений, на подводных предметах и среди детрита на дне водоема.

Распространение: северо-западные районы России.

Тип Annelides — кольчатые черви

6. *Hemiclepsis marginata* (O.F.M., 1774) (6).

Распространение: Евразия, но на северо-востоке Европейской части СССР встречается очень редко.

7. *Helobdella stagnalis* (Linnr, 1758) (1, 2, 3, 4, 7).

Встречается в Оке и пойменных водоемах (Щеголев, 1922; Лукин, 1964).

Распространение: Евразия. Одна из самых распространенных пиявок в водоемах нашей страны.

8. *Glossiphonia complanata* (Linne, 1758) (6, 7).

Распространение: Евразия. Одна из самых распространенных пиявок в водоемах нашей страны.

9. *G. concolor* (Apathy, 1888) (1, 7).

Вид найден в пределах СССР только в районе Вольского бассейна и в реке Донце, но, по-видимому, имеет более широкое распространение (Щеголев, 1949).

10. *G. heteroclita* (Linne, 1761) (3, 7).

Распространение: Евразия, на северо-востоке Европейской части России очень редки.

11. *Erpobdella octoculata* (Linne, 1758) (1, 4, 6, 7).

Распространение: Евразия. Самая распространенная и многочисленная пиявка в водоемах нашей страны.

Тип Mollusca — моллюски

Класс Bivalvia — двустворчатые

12. *U. ovalis* (Montagu, 1803) (4)

Обитает в озерах, затоках рек и в реках с медленным течением на илисто-песчаном грунте.

Распространение: Европа, кроме крайнего северо-востока.

13. *U. tumidus* Philipsson, 1788 (4).

Обитает в реках на медленном течении на песчаных и заиленных грунтах.

Распространение: Европа, кроме севера и северо-востока.

14. *U. longirostris* Rossmassler, 1836 (4).

Обитает в озерах, речных затоках и в реках с медленным течением на илисто-песчаном грунте.

Распространение: Европа, кроме крайнего северо-востока.

15. *U. pictorum* (Linne, 1758) (4).

Обитает в озерах и реках на медленном течении на песчаном или заиленном грунте.

Распространение: Европа, кроме крайнего северо-востока.

16. *P. anatina* (Linne, 1758) (2).

Обитает в реках на медленном течении и в озерах.

Распространение: Северная половина Западной Европы.

17. *Sphaerium nucleus* (Studer, 1820) (1, 6).

Обитает в прудах, заводях рек или в прибрежных зарослях на грунте крупных рек.

Распространение: Европа, Западная Сибирь.

18. *S. nitidum* (Clessin in Westerlund, 1876) (1, 2, 6, 7).

Обитает в прудах, зарослях рек, в прибрежных зарослях на грунте крупных рек.

Распространение: Европа и западная половина Азии по бассейн Енисея включительно.

19. *scaldiana* (Normand, 1844) (6).

Обитает в реках со сравнительно слабым течением, в прибрежных участках озер и проточных прудах на грунте среди растительности.

Распространение: Европа, Западная Сибирь.

Класс Gastropoda — брюхоногие

20. *V. klinensis* Milachevitch, 1881 (4).

Обитает в озерах, прудах, реже реках на грунте.

Распространение: Европа, юг Западной Сибири.

21. *V. pulchella* Studer, 1820 (3).

Обитает во временных водоемах, иногда в озерах и прудах.

Распространение: Европа, Западная Сибирь.

22. *V. ambigua* Westerlund, 1873 (3).

Обитает в реках, реже в пойменных водоемах на грунте, обычно вместе с *V. piscinalis*.

Распространение: Европа, юг Западной Сибири.

23. *V. contectus* (Millet, 1813) (5, 6, 7).

Обитает в стоячих водах: озерах с мягкой водой, прудах, болотах, лужах.

Распространение: Европа, Западная Сибирь.

24. *B. tentaculata* (Linne, 1758) (1, 2, 3, 4, 6).

Распространение: Европа, Западная Сибирь.

25. *B. inflata* Hansen, 1845 (1, 3, 6, 7).

Обитает во временных водоемах.

Распространение: Европа, (кроме севера и северо-востока), Казахстан.

26. *Bithynia troscheli* Paasch, 1842 (1, 3, 6, 7).

Обитает во временных водоемах и в самых прибрежных частях больших водоемов.

Распространение: Европа, кроме севера, Западная Сибирь, Казахстан.

27. *L. patula* (Da Costa, 1778) (1, 2, 5).

Обитает в постоянных водоемах на растительности. Распространение: Европа, Западная Сибирь.

28. *L. ampulacia* (1).

Обитает в стоячих и медленно текущих водоемах на растительности.

Распространение в России не известно.

29. *L. inflata* Kob., 1870 (5).

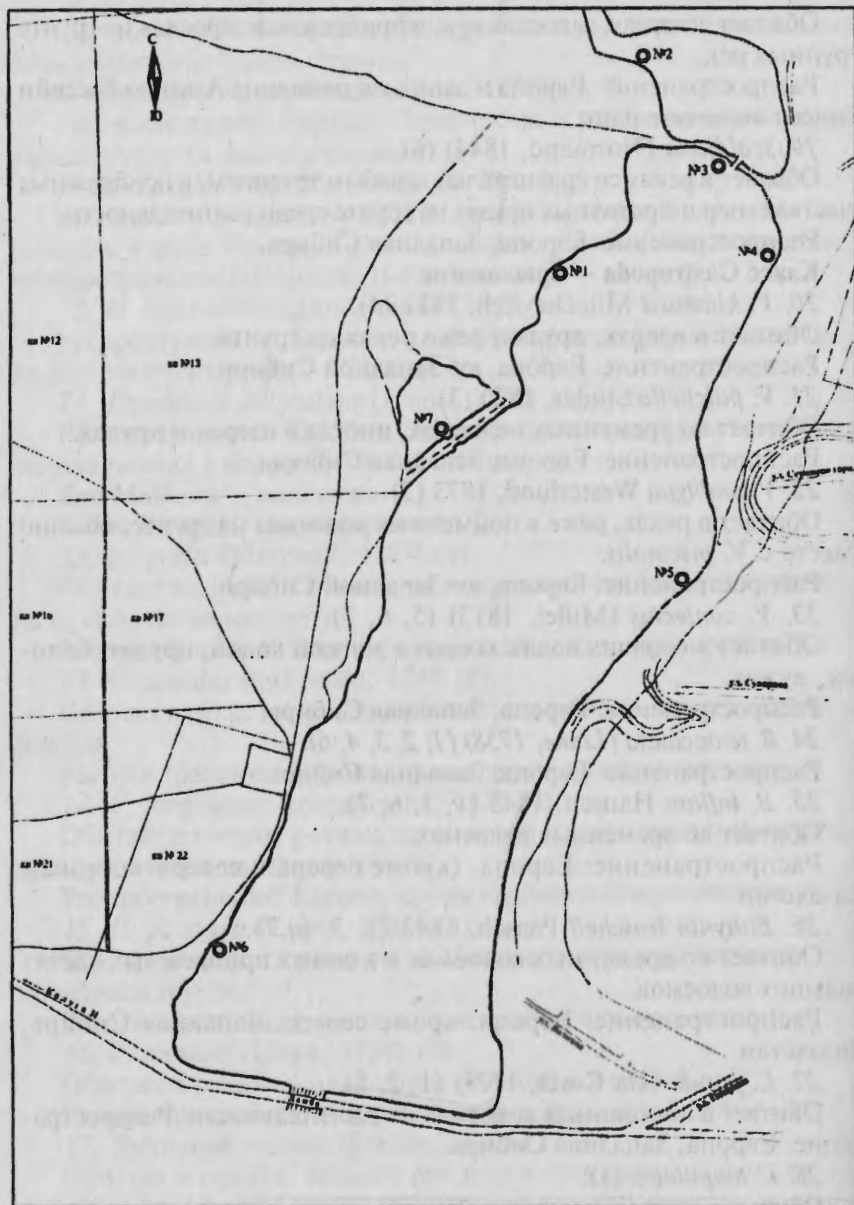

Схема мест сбора беспозвоночных на Яченском водохранилище

Обитает в тех же водоемах, что и предыдущие виды.

Распространение в России не известно.

30. *L. auricularia* (Linne, 1758) (1, 2, 5, 7).

Обитает в постоянных водоемах на растительности.

Распространение: Европа и большая часть Азии, кроме восточной части.

31. *L. lagotis* (Schranck, 1803) (1, 5).

Обитает в постоянных водоемах, преимущественно мелких.

Распространение: Европа.

32. *L. stagnalis* (Linne, 1758) (1, 2, 7).

Обитает в постоянных водоемах на растительности.

Распространение: Европа, Северная Азия.

33. *Ph. fontinalis* (Linne, 1758) (2, 7).

Обитает на растительности в разнообразных постоянных водоемах.

Распространение: Европа, Северная Азия.

34. *P. corneus* (Linne, 1758) (5, 6, 7).

Обитает в реках, озерах и крупных прудах на растительности.

Распространение: Европа, Западная Сибирь, на восток до Оби.

Встречается часто.

35. *lacustris* (Linne, 1758) (3).

Обитает в реках, озерах и прудах на стеблях и листьях растений.

Распространение: Европа и Западная Сибирь.

36. *P. planorbis* (Linne, 1758) (2, 3, 5, 6).

Обитает в различных водоемах.

Распространение: Европа и Сибирь до бассейна Енисея включительно.

37. *A. vortex* Linne, 1758 (6, 2, 1).

Обитает в прибрежных зарослях постоянных водоемов.

Распространение: Европа, Западная Сибирь, юг Красноярского края.

38. *A. contortus* (Linne, 1758) (3, 6).

Обитает в постоянных водоемах разного типа в зоне зарослей.

Распространение: Европа, Западная и Восточная Сибирь.

39. *A. albus* (O.F. Myller, 1774) (3, 6).

Обитает в крупных прудах, озерах и реках на растительности.

Распространение: Европа.

Тип Arthropoda — членистоногие

Класс Crustacea — ракообразные

40. *Asellus aquaticus* Linne, 1758 (1, 2, 3, 6, 7).

Класс Arachnida

41. *Hydrachna* sp. (1, 7).

Часто встречаются в водоемах бассейна Оки.

Класс Insecta — насекомые

Отряд Odonata — стрекозы

42. *E. najas* (Hansemann, 1823) (7).

Обитает в стоячих и слабопроточных водоемах на растительности.

Распространение: Европа, Сибирь, Казахстан.

43. *I. pumilio* (Charpentier, 1828) (3, 7).

Обитает как в стоячих, так и в проточных водоемах, по преимуществу в некрупных, на растительности.

Распространение: Южная половина Европы, юг Сибири, Средняя Азия.

44. *P. pennipes* (Pallas, 1771) (3, 7).

Обитает в реках как с медленным течением, так и с быстрым течением, на илистом или глинистом грунте, часто среди растительности.

Распространение: Европа (кроме юга и крайнего запада), Передняя и Средняя Азия, Западная Сибирь.

45. *A. grandis* (Linne, 1758) (3).

Обитает в стоячих и слабопроточных водоемах среди растительности и растительных остатков.

Распространение: Европа (кроме юга), Западная Сибирь.

Отряд Ephemeroptera — поденки

46. *Cloeon dipterum* (Linne, 1758) (2).

Обитает в стоячих и медленнотекущих водоемах на илистом грунте и растительности. Олиго- и мезосапроб.

Распространение: Европа, Северная Азия, Северная Америка. Обычен.

47. *C. macrura* (Stephens, 1833) (7).

Отряд Heteroptera — клопы

48. *N. cineria* (Linne, 1758) (7)

Обитает в стоячих водоемах и водоемах с медленным течением, преимущественно в зарослях водных растений на мелководье.

Распространение: почти вся палеоарктика; в России везде, кроме крайнего севера.

49. *R. linearis* (Linne, 1758) (7).

50. *I. cimicoides* (Linne, 1758) (7).

Обитает в стоячих водоемах с медленным течением.

Распространение: в СНГ везде, кроме Крайнего Севера и Восточной Сибири,

51. *G. argentatus* (Schummel, 1832) (2).

Распространение: почти вся Европа, Средиземноморье, Средняя Азия, Сибирь.

Отряд Coleoptera — жесткокрылые

52. *N. crassicornis* Mull. (7).

53. *H. ruficollis* (De Geer) (7).

Обитает в стоячих водоемах среди растительности.

Отряд Trichoptera — ручейники

54. *L. rombicus* (Linne, 1758) (2, 7).

Встречаются в медленнотекущих реках, старицах и озерах среди зарослей.

Распространение: Европа, Средняя Азия, Сибирь, Северная Америка.

55. *A. soror* (McLachlan, 1875) (7).

Обитает как в речках и ручьях, так и в озерах. Встречается в чистых, а также в загрязненных участках.

Распространение: Европа (северо-западная половина).

В результате проведенного нами исследования было собрано 368 экземпляров беспозвоночных животных, относящихся к 6 типам, 9 классам, 18 отрядам, 29 семействам, 37 родам и 55 видам.

Некоторые виды являются показателями чистоты по шкале сапробности. Исходя из вышеуказанного списка Яченское водохранилище можно отнести к мезосапробному водоему (с переходом от к).

Сравнивая список видов, приведенный в дипломной работе Е.А. Телегановой, с результатами наших исследований, установили следующее:

1. 28 видов гидробионтов присутствуют в обоих списках, что, очевидно, свидетельствует о приспособленности этих видов к различным условиям обитания. Они являются типичными лимнофилами и могут встречаться как в мелких, так и в крупных водоемах с большой площадью водного зеркала.

2. В дипломной работе (1980 г.) 27 видов не отмечены автором, так как большая часть этих видов появилась в связи с изменением типа водоема.

3. Нами не отмечается 31-й вид, из списка Е.А. Телегановой. Часть из этих видов является реофилами (напр. *Viviparus viviparus*, *Ancilus fluviatilis*). Другая, большая часть — типичные фитофилы, и в Яченском водохранилище, где степень зарастания водной растительностью очень мала, не встречаются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загрязнение и самоочищение реки Оки // Тр. Зоолог. ин-та АН СССР. Т. XXXII. М. - Л.: Наука, 1964.

2. Казанников Е.А. Пресноводные моллюски северных склонов Кавказа

и Центрального Предкавказья // Моллюски: Вопросы теоретической и прикладной малакологии. М. - Л.: Изд. АН СССР, 1965.

3. Константинов А.С. Общая гидробиология. М.: Высшая школа, 1986.

5. Мамаев Б.М. Определитель насекомых по личинкам. М.: Просвещение, 1972.

6. Мамаев Б.М., Медведев Л.Н., Правдин Ф.Н. Определитель насекомых Европейской части СССР. 1976.

7. Определитель пресноводных беспозвоночных Европейской части СССР / Под ред. Л.А. Куликовой, Я.И. Старобогатова. Л.: Гидрометеиздат, 1977.

8. Тарбинский С.П., Плавильщиков Н.Н. Определитель насекомых Европейской части СССР. М., 1948.

9. Телеганова Е.А. Материалы к фауне беспозвоночных животных реки Яченки и водоемов в ее пойме. 1980 (Дипломная работа).

10. Хейсин Е.М. Определитель пресноводной фауны. М.: Учпедгиз, 1962.

11. Цветкова Е.А., Цветков Б.М. Материалы к познанию малакофауны моллюсков бывшей Калужской губернии // Тр. Зоолог. ин-та АН СССР. Т.3. 1936.

ФАУНА КСИЛОФИЛЬНЫХ ЖЕСТКОКРЫЛЫХ КРУПНОГО ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОГО ГОРОДА НА ПРИМЕРЕ ЯРОСЛАВЛЯ

Д.В. Власов,

*Ярославский государственный историко-архитектурный и
художественный музей-заповедник*

Крупный город в историческом плане представляет собой неустойчивую конечную стадию развития населенного пункта. В то же время это сравнительно новая среда обитания животных, весьма специфическая по своим параметрам. В результате деятельности человека на территории поселения уничтожаются природные биоценозы и создаются новые со свободными экологическими нишами. Многие виды животных являются потенциально пригодными для заселения городов, но большинство обитавших ранее исчезают.

Традиционно считается, что из городов вытесняются ксилофильные насекомые, связанные в своем развитии с древесиной на различных стадиях ее разрушения [1,2]. Это объясняется в первую очередь практически полным отсутствием крупных сухостойных деревьев и, следовательно, запасом разлагающейся древесины. В то же время в парках, скверах и садах населенных пунктов произрастает множество видов как местных, так и интродуцированных деревьев и кустарников. У многих деревьев имеются разнообразные повреж-

дения: сухобочины, морозобойные трещины, дупла, обломанные и погибшие ветви. В населенных пунктах существуют скопления выдержанной сухой древесины в виде построек различного назначения, конструктивных элементов зданий, а также мебели. Поэтому многие ксилобионты находят здесь субстрат для своего развития и создают устойчивые популяции. Однако сведения об этой группе жесткокрылых, обитающих в крупных городах России, в литературе крайне незначительны [3].

Нами изучались ксилофильные жесткокрылые города Ярославля, как часть исследования этой экологической группы на территории Ярославской области. Материал собирался в 1988 — 2002 гг. в административных границах города, существовавших на начало XX в. Его площадь тогда составляла 1620 десятин (17, 6 км²) [4]. Естественные лесные массивы в историческом центре отсутствуют на протяжении последних столетий [5] в отличие от районов, застраивавшихся в 30 — 80-е гг. XX в. Сейчас в городскую территорию оказались включенными участки лесов (Тверицкий и Воздвиженский боры, дубрава на Верхнем острове) со всеми присущими им ксилобионтами.

В результате исследований в центральной части города Ярославля было обнаружено 160 видов ксилофильных жесткокрылых из 38 семейств (исключая сем. Staphylinidae). Из них 97 видов (из 26 семейств) — это ксилобионты, обитание которых в городских условиях доказано или весьма вероятно. Наиболее разнообразны представители следующих семейств: Scolytidae (16 видов), Cerambycidae (11 видов), Anobiidae (9 видов), Tenebrionidae (с подсем. Alleculinae) (6 видов), Curculionidae (6 видов).

Помимо обычных ксилобионтов, широко распространенных в Ярославской области, в г. Ярославле отмечены виды, отсутствующие в естественных лесах региона: Anobium punctatum Deg. (Anobiidae) — технический вредитель, не выносящий отрицательных температур; Aulonium trisulcum Geoffr. (Colydiidae) — хищник, охотящийся на вязовых заболонников; Rhyncolus culinaris Germ. (Curculionidae) — технический вредитель, развивающийся в условиях избыточного увлажнения; Rh. turbatus Boh. (Curculionidae) — обитатель плотной древесины стенок дупел различных лиственных деревьев; Scolytus mali Bechst. (Scolytidae) — развивающийся на плодовых и S. rugmaeus F. (Scolytidae) — на ильмовых. Наличие в городе множества дуплистых широколиственных деревьев позволяет существовать популяциям редких на территории области жуков — Ampedus nigroflavus Goeze (Elateridae) и Prionychus ater F. (Tenebrionidae). Последний вид отмечен во всех старых липах и кленах, исследованных в центральной

части города. Использование в озеленении различных видов и форм тополей привело к появлению в г. Ярославле таких редких видов, как: *Hololepta plana* Sulzer (Histeridae), *Eucnemis sarcusina* Ahrens (Eucnemidae) и *Agrilus ater* L. (Buprestidae). На интродуцированной ели колючей в массе размножился короед *Pityophthorus mogosovi* Spess., также редко отмечаемый в естественных лесах.

Обустройство в конце 50-х гг. XX в. зеленой зоны в пойме р. Которосль и посадка крупного (в масштабах города) массива сосны обыкновенной привели к появлению в фауне Ярославля целой группы ксилобионтов, связанных с этой древесной породой, таких как *Phaenops cyanea* F. (Buprestidae); *Rhagium inquisitor* L., *Asemum striatum* L., *Monochamus galloprovincialis* Ol. (Cerambycidae); *Pissodes pini philus* Hbst (Curculionidae); *Hylastes brunneus* Er., *H. opacus* Er., *Tomicus pini perda* L., *T. minor* Hart., *Orthotomicus suturalis* Gyll., *O. laricis* F., *Trypodendron lineatum* Ol. (Scolytidae).

Еще 22 вида ксилофильных жесткокрылых (жуки), обнаруженных в центральной части г. Ярославля, образуют при наличии субстрата псевдопопуляции, например: *Ips typographus* L. и *Pityogenes chalcographus* L. (Scolytidae). Заселение и полные циклы развития их отмечены на неокоренных лесоматериалах. Кроме того, есть виды, обитание которых на территории города возможно, но сведений, позволяющих это доказать, пока недостаточно. Среди них наиболее интересны хищные жуки, развивающиеся за счет преимагинальных стадий других ксилобионтов. Это прежде всего *Dromius quadraticollis* A. Мор. (Carabidae); *Cylister angustatus* Hoffm., *Platysoma deplanatum* Gyll. (Histeridae); *Thanasimus formicarius* L., *Korynetes caeruleus* Deg. (Cleridae). Последний вид для Ярославской области указывается впервые.

Остальные виды ксилобионтов (41 вид), несомненно, являются завезенными в город с необработанной древесиной, поступившей по транспортным путям. Натурализоваться на территории Ярославля они не могут, т.к. здесь отсутствуют условия, необходимые для их развития, например: *Ernobius explanatus* Mnnh. (Anobiidae); *Chrysobothris chryso stigma* L. (Buprestidae); *Upis ceramoides* L., *Uloma rufa* Pill. (Tenebrionidae); *Tetropium castaneum* L., *Monochamus urussovi* Fisch., *M. sutor* L. (Cerambycidae). В эту группу входят и "экзотические" ксилобионты, отсутствующие на территории региона, но единично обнаруженные в городе: *Episernus angulicollis* Thoms (Anobiidae) и *Tenebroides mauritanicus* L. (Trogossitidae).

Для ксилобионтов, живущих в центральной части г. Ярославля характерны некоторые биологические особенности, позволяющие им обитать в городской среде. Жуки, заселяющие живые деревья

не приводят к быстрой гибели дерева и могут существовать на нем в течение длительного времени, обеспечивая развитие многих поколений. Большинство ксилобионтов города имеет мелкие размеры и однолетнюю генерацию, что позволяет им развиваться в небольшом количестве субстрата. Более крупные и имеющие многолетний цикл развития жуки-шелкуны, пыльцеды - чернотелки обитают в дуплах деревьев. Здесь они освоили как узкие, вертикальные полости, забитые буровой мукой, так и толщу дупляного субстрата. Представители семейства Anobiidae заселяют деревянные здания, мебель и предметы искусства, так как для них характерно развитие в древесине с пониженной влажностью.

Историю формирования фауны ксилофильных жесткокрылых г. Ярославля достоверно воссоздать практически невозможно. Однако некоторые ее моменты неразрывно связаны с определенными историческими событиями, имеющими точную датировку. Поэтому можно утверждать следующее:

1. Процесс формирования фауны ксилобионтов начался практически сразу после основания Ярославля как оплота княжеской власти (начало XI века).

2. Подавляющее большинство жуков из этой группы являются завезенными в город и натурализовавшимися здесь. Это связано с уничтожением исконных лесов не только на территории поселения, но и на достаточно большой площади вокруг него.

3. Первыми ксилобионтами — обитателями Ярославля (по времени вселения) являются разрушители древесины построек (точильщики и некоторые другие жуки). Однако в результате регулярных пожаров, уничтожавших практически весь город (1221; 1501; 1658 гг.), их популяции скорее всего погибали, и заселение города происходило вновь.

4. Освоение городской среды ксилобионтами — обитателями живых деревьев — началось не ранее начала XIX века. В это время, согласно регулярному плану от 1778 г., был изменен облик центральной части Ярославля, и на освободившихся территориях были разбиты первые парки и бульвары.

5. Следующая волна вселенцев связана с обустройством поймы р. Которосль и созданием здесь зеленой зоны. В настоящее время из-за неизвестных причин на этой территории идет интенсивное ослабление деревьев различных пород и происходит как резкое увеличение численности ксилобионтов, ранее известных для города, так и массовое появление новых, легко натурализуемых видов жуков.

Процесс формирования фауны ксилофильных жесткокрылых

г. Ярославля далеко не закончен. В настоящее время он идет в двух направлениях. Первое — появление новых видов ксилобионтов, способных закрепиться в городе (как местных, так и “экзотических”, завезенных из отдаленных регионов). Второе — освоение жуками, уже обитающими в Ярославле, новых кормовых пород деревьев. Это относится в первую очередь к экзотическим интродуцированным древесным растениям.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Клауснитцер Б. Экология городской фауны. М.: Мир, 1990.
2. Mader H.-J. Der Verinselung der Landschaft aus tierökologischer Sicht. Natur und Landschaft 1980. V. 55 P. 91 — 96.
3. Шарапа Т.В. Стволовые насекомые городских насаждений Москвы // XII съезд Русского энтомологического общества: Тезисы докладов. СПб 2002. С. 337 — 338.
4. План города Ярославля с нумерацией домов. М.: Издание А. Я. Разроднова., 1911.
5. Шаброва О.Г., Шабасова О.И. Ярославль в XVII веке. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та. 1999.

ВОЗДЕЙСТВИЕ РЕКРЕАЦИИ НА УЛОВИСТОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СУПЕРТРИБЫ *CARABITAE* (*COLEOPTERA: CARABIDAE*) В УСЛОВИЯХ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

М.Н. Сионова,
Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского,
клуб «STENUS»
С.К. Алексеев,
Калужское общество изучения природы, клуб «STENUS»

Деятельность человека оказывает достаточно сильное влияние на природные сообщества в целом и на отдельные их составляющие. Биологические виды и их комплексы по-разному относятся к усилению рекреационной нагрузки на биотопы. Антропогенное изменение экологической обстановки приводит к изменению видового состава, численности и распределения жужелиц — одного из обязательных компонентов практически любого наземного природного сообщества. В данной работе мы рассматриваем изменение уловистости жужелиц супертрибы *Carabitae* в зависимости от интенсивности рекреационной нагрузки на лесные биотопы.

В течение 1994 — 2001 гг. были обследованы широколиственные

и сосновые леса Калужской области, пригородов и собственно города Калуги. В зависимости от уровня рекреационной нагрузки все исследуемые леса нами разделены на три категории: не подверженные рекреации (заповедные), с умеренной или средней степенью рекреации (пригородные) и с критической рекреационной нагрузкой (городские). Заповедные леса находились на территории заповедника “Калужские засеки” и жиздринского участка национального парка “Угра”. Это сообщества с неизменной структурой и не подверженные замусориванию.

Пригородные сосняки и широколиственные леса — это рекреационные территории вокруг города Калуги, т. е. расположенные в пригородной зоне. Для них характерны относительно небольшая тропинчатая сеть, несильное захламливание мусором, незначительное число рудефитов, сохранение характерной структуры данного типа леса.

Городские леса включали покрытые древесной растительностью территории внутри “старой” Калуги. Они до сих пор, несмотря на огромную антропогенную нагрузку, имеют в своем составе большинство древесных, кустарниковых и травянистых растений, характерных для произраставших на их месте коренных лесов, но структура, характерная для ненарушенных лесов, явно изменена. Облесенные склоны оврагов Калуги и спуск от Центрального парка культуры и отдыха к реке Оке рассматривались как сильно измененные в результате длительной рекреации широколиственные леса. Одним из показателей их сильной деградации является присутствие в древостое клена ясенелистного, на некоторых участках полностью заменившего местные широколиственные виды деревьев. Второй особенностью этих городских широколиственных участков является слабовыраженная измельченная подстилка, значительное иссушение и уплотнение верхних слоев почвы, доминирование в травянистом ярусе рудефитов. Наиболее измененным в результате рекреации городским сосняком является Комсомольская роша площадью около 36 га, существующая в городе с незапамятных времен и сохранившаяся благодаря существовавшему здесь ранее Лаврентьевскому монастырю. Здесь также наблюдаются все проявления рекреационной депрессии.

Сбор материала проводился с помощью модифицированных почвенных ловушек Барбера. Всего было отловлено более 11 тыс. экземпляров жужелиц супертрибы *Carabitae*, относящихся в 10 видам и трем родам. Численно наличие каждого вида в исследуемом биотопе определялось его уловистостью (количество экземпляров на 100 ловушко-суток). Видовое богатство биотопа определялось числом

видов *Carabidae*, учтенным в данном биотопе за сезон.

Для удобства характеристики изменения уловистости видов в зависимости от уровня рекреационной нагрузки на биотоп нами была рассчитана *степень рекреационной устойчивости вида*:

$$S_r = \frac{2a + b - 2c}{a + b + c},$$

где *a* — уловистость вида в биоценозе при максимальной рекреационной нагрузке; *b* — уловистость вида в биоценозе со средней рекреационной нагрузкой; *c* — уловистость вида в биоценозе с минимальной рекреационной нагрузкой. Значение этого индекса может колебаться от -2 до $+2$. Чем больше значение индекса, тем более устойчив к рекреации вид. Значения индекса от -2 до -1 , говорит о резком снижении уловистости, вплоть до полного исчезновения вида с увеличением рекреации. Значение от -1 до $+1$ говорит о невыраженном изменении уловистости в ту или иную сторону при средней степени рекреационной нагрузки, зачастую более связанной с погодными условиями года исследования. Значение от $+1$ до $+2$ говорит об увеличении уловистости вида при максимальной рекреации, приводящей к депрессии данного растительного сообщества. Естественно, все эти границы значений индекса для видов довольно условны и колеблются в зависимости не только от рекреации, но и от других параметров, связанных с антропогенной нагрузкой на биоценозу, а также зависят от параметров среды самого биоценоза и погодноклиматических условий периода исследований. Рекреация в данном случае является ведущим фактором.

В широколиственных лесах видовое богатство *Carabidae* и уловистость сокращается с усилением рекреации. Наибольшее число видов отмечено в “заповедных” лесах (9 видов). Уловистость здесь составляет 17,07 экз./л.-сут. В пригородных широколиственных лесах поймано всего 7 видов *Carabidae*, уловистость — 5,62 экз./л.-сут. Наименьшее число видов отмечено в овражно-парковых городских лесах Калуги (5 видов), уловистость — 5,58 экз./л.-сут.

Несколько иная картина наблюдается в сосновых лесах. Видовое богатство одинаково в заповедных и пригородных сосняках — 8 видов. Снижается оно в городском сосновом массиве — Комсомольской роще — до 5 видов. Самая высокая уловистость характерна для пригородных рекреационных сосняков (13,7 экз./л.-сут.). Самая низкая — в городском сосняке (6,5 экз./л.-сут.). В заповедных сосняках уловистость составила 9,1 экз./л.-сут.

Отношение к рекреации для отдельных видов супертрибы *Carabidae* выглядит следующим образом.

Calosoma inquisitor — неморальный вид, обычный в “заповедных” широколиственных лесах, не отмечен ни в рекреационных ши-

роколиственных лесах, ни в городских биотопах. В сосняках не обитает. Степень его рекреационной устойчивости минимальна ($S_r = -2$).

Carabus arvensis — вид, характерный для хвойных лесов, особенно для сосняков на песчаных почвах. Поэтому его уловистость в сосняках заповедника резко превышает уловистость в широколиственных лесах (1,87 и 0,01 экз./л.-сут. соответственно). Данный вид в настоящее время не отмечен ни в пригородных, ни городских рекреационных широколиственных лесах и сосняках. Хотя в 70-х годах прошлого века одним из авторов неоднократно отлавливался ловушками в Калужском городском бору и пригородных широколиственных лесах (по липнякам). Степень его рекреационной резистентности по соснякам и широколиственным лесам $S_r = -2$. Этот и предыдущий виды среди изучаемой группы оказались самыми неустойчивыми к рекреации в условиях Калужской области.

Carabus cancellatus — это лугово-полевой вид, обычный, но немногочисленный в светлых лесах, отмечен во всех обследованных биотопах. Для него характерно повышение уловистости на рекреационных участках. Наиболее высокая уловистость отмечена в городских сосняках и широколиственных лесах (соответственно, уловистость 0,57 и 0,12 экз./л.-сут.). Степень его рекреационной резистентности (S_r) по соснякам $+1,8$; по широколиственным лесам $+0,6$. Это один из наиболее устойчивых к рекреации видов супертрибы.

Carabus granulatus. Для этого вида наблюдается закономерное снижение уловистости в широколиственных лесах с возрастанием степени рекреации. Для сосняков изменение уловистости незначительно. В широколиственных лесах $S_r = -0,9$; в сосняках $S_r = -0,1$.

Carabus nemoralis. Уловистость этого вида закономерно возрастает по мере усиления степени рекреации. Наиболее высокая она непосредственно в городе. Полученные результаты являются подтверждением данных других авторов (Душенков, 1983) о том, что данный вид служит хорошим индикатором сильно нарушенных лесов, где всегда достигает высокой численности. В городских лесах этот вид по уловистости доминирует над всеми остальными представителями супертрибы. В городских сосняках его уловистость составила 3,33 экз. на 100 л.-сут., в широколиственных “городских лесах” — 3,74 экз. на 100 л.-сут. Степень его рекреационной устойчивости (S_r) для данных типов леса была соответственно $+1,9$ и $+2,0$. Это максимально приспособленный к рекреации вид данной группы жужелиц.

Carabus glabratus. Данные сборов по широколиственным лесам

подтверждают мнение других авторов (Федоренко, 1988) о том, что численность вида в рекреационных лесах резко сокращается вплоть до полного исчезновения. Однако показатель уловистости в пригородных рекреационных сосновых лесах значительно превышает уловистость для заповедных участков (7,11 экз./л.-сут. и 1,568 экз./л.-сут. соответственно). Но уже в Комсомольской роше (городской сосняк с максимальной рекреационной нагрузкой) его уловистость резко снижается до 1,23 экз./л.-сут. Степень его рекреационной резистентности для сосняков +0,6, а для широколиственных лесов — 2,0.

Для вида *Carabus hortensis* в широколиственных лесах отмечено понижение уловистости по мере усиления рекреационной нагрузки. Но в сосновых рекреационных лесах уловистость этого вида приближается к показателю, характерному для широколиственных лесов заповедника. Степень рекреационной устойчивости этого вида в данных лесах была +0,4 (в сосняках) и —1,4 (в широколиственных лесах).

Carabus convexus, согласно данным другим авторов (Орлов, 1983; Федоренко, 1988), распространен преимущественно в антропоценозах: садах, городских скверах, парках, большей частью избегает коренных типов леса. Изредка отмечается и в ненарушенных лесах, из которых предпочитает в основном широколиственные. По нашим данным, уловистость этого вида в заповедных широколиственных лесах достигает 0,21 экз./л.-сут., а в рекреационных широколиственных лесах, в парках и оврагах снижается (0,02 и 0,0125 экз./л.-сут. соответственно). Во многих городских биотопах вид не отмечен совсем. Для сосновых лесов уловистость этого вида оказалась выше, чем в остальных биотопах. При этом в рекреационных сосняках она самая большая — 1,087 экз./л.-сут., а в Комсомольской роше данный вид не отмечен совсем. Тем не менее степень его рекреационной резистентности была близка по показателям к предыдущему виду (соответственно +0,2 и —1,5), что в целом говорит о том, что эти виды довольно успешно выдерживают среднюю рекреационную нагрузку, не приводящую к сильным изменениям структуры леса. Но при значительном усилении нагрузки, при депрессии растительного сообщества численность этих видов резко снижается.

Carabus coriaceus избегает лишь сильно измененных человеком биотопов. Самая высокая уловистость данного вида характерна для заповедных биотопов. Снижается этот показатель в рекреационных лесах пригорода. В городских лесах Калуги данный вид не отмечен.

Хотя нами он был отловлен на одном из дачных участков в р-не Малинников, с сильной степенью запустения и покрытый большей частью высокой рудеральной и сеgetальной растительностью. Его S_r для исследуемых сосняков —1,7, для широколиственных лесов — 0,1, что подтверждает отрицательную реакцию данного вида на увеличение рекреационной нагрузки.

Cychrus caraboides — лесной вид, не обнаружен в сборах из городского сосняка. Самая высокая уловистость в заповедных широколиственных лесах (1,68 экз./л.-сут.). В пригородных рекреационных широколиственных лесах снижается до 0,03 экз./л.-сут., самая низкая — в парках и оврагах (0,01 экз./л.-сут.). Этот вид, очевидно, избегает рекреационных лесов. Его S_r = — 0,6 в сосняках и — 1,9 в широколиственных лесах.

Итак, нами выяснено, что один и тот же вид жуелиц в различных биотопах по-разному реагирует на рекреационную нагрузку. Наиболее устойчивыми к рекреации в калужских лесах оказались *Carabus cancellatus* и *C. nemoralis*, оба могут служить хорошими “положительными индикаторами” усиления рекреационной нагрузки в светлохвойных и широколиственных лесах. Наименее устойчивыми к рекреации оказались *Calosoma inquisitor*, *Carabus arvensis*, *C. glabratus*, *C. coriaceus* и *Cychrus caraboides* — “отрицательные индикаторы” рекреационной нагрузки. Стабильное отсутствие последних перечисленных видов в рекреационных лесах говорит о значительной депрессии этих сообществ. Присутствие данных видов в природных сообществах является показателем ненарушенности их структуры, а также показателем незначительной степени рекреационной нагрузки. Во всех случаях максимальной рекреационной нагрузки на леса, приводящей к изменению их структуры, происходит закономерное снижение видовой обилия и уловистости подавляющего большинства представителей супертрибы *Carabitaе*.

В целом уловистость и видовой состав жуелиц данной систематической группы оказались удобной и достаточно достоверной методикой индикации различных степеней рекреационной нагрузки на леса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлов В.А. Жуелицы рода *Carabus* L. В Московской области // Фауна и экология почвенных беспозвоночных Московской области. М.: Наука, 1983. С. 113-120.
2. Федоренко Д.Н. Фауна жуелиц (*Coleoptera*, *Carabidae*) Московской области // Насекомые Московской области. М.: Наука, 1988. С. 20 — 46.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОРФОЛОГИИ МИН МОЛЕЙ-МАЛЮТОК (LEPIDOPTERA, NEPTICULIDAE) КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ¹

И.В. Шмытова, к. б. н.,

Калужский государственный объединенный краеведческий музей

Специальное изучение состава и биологии семейства *Nepticulidae* в Калужской области проводится нами с 2001 г. До этого времени находки молей-малюток в области носили случайный характер: во время многолетних общих сборов нами были выявлены всего 2 вида (Шмытова, 2001).

С началом планомерного изучения состава семейства методы сбора расширились (применяется отлов на свет ртутных ламп ДРЛ-250 и 400, воспитание гусениц, сбор и гербаризация мин). В результате в настоящее время в составе семейства насчитывается 24 вида, из них 18 указаны впервые для центра России (Шмытова, 2002 а, б; Шмытова, Клепиков, 2002; Шмытова, 2003).

В ходе исследований и анализа данных литературы (Герасимов, 1952; Puplesis, 1994) нами было показано (Шмытова, 2003), что среди молей-малюток изучаемого региона отсутствуют полифаги; олигофаги в целом преобладают над монофагами, количество которых значительно, и внутри группы олигофагов узкие олигофаги преобладают над широкими.

Было подсчитано, что подавляющее большинство видов (около 90%) развивается на древесно-кустарниковых растениях, причем наиболее предпочитаемым семейством оказались розоцветные (с ними связано 37,5% видов). Более 80% видов связаны в фазе гусеницы только с листовыми пластинками растений, минируя их облигатно.

Трудности отлова имаго и выведения имаго из гусениц, обусловленные рядом объективных факторов, позволили выдвинуть предположение о возможности изучения состава фауны молей-малюток по повреждениям и послужили предпосылкой исследования морфологических особенностей мин нептикулид.

Во время полевого сезона 2002 г. нами был начат сбор и гербаризация "пустых" (уже покинутых гусеницами для последующего окукливания) мин нептикулид. Определение было проведено по известным источникам (Герасимов, 1952; Hering, 1957; Johansson, Nielsen, Nieuwerkerken, Gustafsson, 1990).

¹Исследования проведены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и администрации Калужской области (проект № 03-04-96286).

В связи с тем, что только 1 вид (*Etainia sericopeza* Zell.) развивается внутри генеративных органов — плодов и почек *Acer platanoides*, мы рассмотрим некоторые особенности минирования молями-малютками вегетативных органов — листовых пластинок.

Необходимо подчеркнуть, что материал, полученный нами, далеко не полон, и выводы носят предварительный характер.

Форма мин

В ходе работ мы наблюдали 2 группы мин гусениц *Nepticulidae*: змеевидные и змеепятновидные.

Змеевидные мины создают *Stigmella aceris* Fr. (рис. 1), *S. aeneofasciella* H.-S. (рис. 2), *S. atricapitella* Hw. (рис. 3), *S. crataegella Klimesch*, *S. desperatella* Fr. (рис. 4), *S. lapponica* Wck., *S. malella* Stt., *S. perpygmaella* Dbld. (рис. 5), *S. ruficapitella* Hw., *S. splendidissimella* H.-S., *S. ulmivora* Fologne.

Змеепятновидные мины характерны для *Stigmella malella* Stt., *S. minusculella* H.-S., (рис. 6). *S. sorbi* Stt., *Ectoedemia atricollis* Stt., *Fomoria septembrella* Stt.

Старые мины *S. aeneofasciella* H.-S. и *S. desperatella* Fr. по виду пятновидные, но линии экскрементов внутри «пятна» змеевидные, так что форма мины в этом случае змеевидная, с тесно прилегающими друг к другу извилами, образующими «пятно»; старая мина *S. aeneofasciella* H.-S. имеет «угловатые» очертания.

Старые мины *Ectoedemia atricollis* Stt. имеют черную пятновидную часть.

Мины *S. atricapitella* Hw. очень яркие, хорошо заметны на листьях.

У *S. crataegella Klimesch* и *S. perpygmaella Dbld.* ход змеевидный, но у первого вида более прямой, без больших спиральных извилов. Отличительные особенности ходов этих видов прослеживаются не столь явно, возможно, из-за небольшого пока объема собранного материала.

Молодые мины *S. sorbi* Stt. плохо заметны на листьях; начинаются они змеевидно; к середине июня трудно обнаружить молодые мины — в основном они становятся коричневыми, пятновидными, занимают большую часть простых листочков рябины.

В литературе (Герасимов, 1952) отмечается, что после очередной линьки гусеницы форма мины может меняться (например, из змеевидной стать змеепятновидной), ход может делать резкий поворот, может изменяться положение линии экскрементов. Подобные изменения в строении мин наблюдаются и нами, но пока, в связи с недостаточным объемом собранного материала, рано делать заключения о зависимости линек и строения мин.

Топография мин

Обнаруженные нами мины верхнесторонние располагаются в пазухе листа.

Мины на розоцветных: гусеницы только двух видов нептикулид — *Stigmella crataegella* Klimesch и *S. perpygmaella* Dbld. — начинают минирование в черешках листьев;

S. aeneofasciella H.-S. — минирование начинается рядом с главной жилкой листа, гусеницы выедают все пространство между жилками, не трогая самих жилок;

S. desperatella Fr. — мины начинаются рядом с главной жилкой листа, не пересекают её; гусеницы выедают практически половину листовой пластинки;

S. malella Stt. — мины находятся у края листа, начинаются тонким ходом, заполненным на 2/3 экскрементами, далее ходы сильно расширяются, и ширина свободных от экскрементов участков не менее, чем в 3 раза шире линии экскрементов;

S. splendidissimella H.-S. — ход может начинаться как у главной жилки, так и у бокового края листа; на двух образцах более новый участок хода пересекает старый участок; в основном ход имеет мало изгибов, идет вдоль жилок;

Ectoedemia atricollis Stt. — расположение мин довольно разнообразно: или на верхушке листа, или на боковой его части, причем начинаться мина может как у главной, так и у боковых жилок.

Мины на дубовых: *S. atricapitella* Hw. — мина извилистая, расположена между главной жилкой и боковым краем листа; ход может пересекать или не пересекать боковые жилки; начало хода тонкое, достаточно длинное; далее ход расширяется и ширина свободных от экскрементов участков не менее, чем в 3 раза шире линии экскрементов;

Мины на березовых: *S. lapponica* Wck. — минирование начинается рядом с главной жилкой листа.

Мины на вязовых: *S. ulmivora* Fologne — минирование начинается или рядом с главной жилкой, или на краю листа; ход частично идет по краю листа, повторяя всю его «зубчатость»; имеет мало поворотов.

Мины на зверобойных: ход у *Fomoria septembrella* Stt. начинается узкой змеевидной частью, переходящей в округлое пятно, которое занимает большую часть листовой пластинки.

Положение и характер линии экскрементов

Линия экскрементов может располагаться узкой линией в сред-

ней части хода, заполнять ход целиком или образовывать промежуточный между этими двумя вариантами; конечный участок хода всегда свободен от экскрементов.

У *Stigmella aceris* Frey. — экскременты зеленого цвета, заполняя ход целиком, располагаются в нем тесными дугами; переходят в черную срединную линию только на последнем повороте мины. Длина свободного от экскрементов концевого участка хода примерно в 1,5 раза длиннее своей ширины.

У *S. atricapitella* Hw. — в узком начальном ходе — срединное положение черной линии экскрементов, которое сохраняется и в дальнейшем, когда ход расширяется.

У *S. desperatella* Fr. — линия экскрементов тонкая, черная, в «пятне» ясно видны змеевидные изгибы мины.

У *S. lapponica* Wck. — экскременты черного цвета, сначала заполняют ход целиком, потом располагаются в середине хода. Длина свободного от экскрементов концевого участка хода примерно в 2 раза длиннее своей ширины.

У *S. malella* Stt. — в начальной части мины экскременты занимают почти весь ход; далее они располагаются тонкой (по сравнению с размерами хода) угловатой линией.

У *S. ruficapitella* Hw. — экскременты занимают почти всю ширину хода; расположены поперечными дугами.

У *S. sorbi* Stt. — только в молодых минах можно наблюдать линию экскрементов, старые мины «поглощают» змеевидную часть, экскременты там разбросаны внутри всего пятна.

У *S. ulmivora* Fologne — экскременты расположены в виде черных поперечных дуг и заполняют почти весь ход.

У *Ectoedemia atricollis* Stt. — экскременты коричневые, разрозненные на отдельные кусочки.

Р и с. 1. Мина *Stigmella aceris* Fr. на *Acer platanoides*

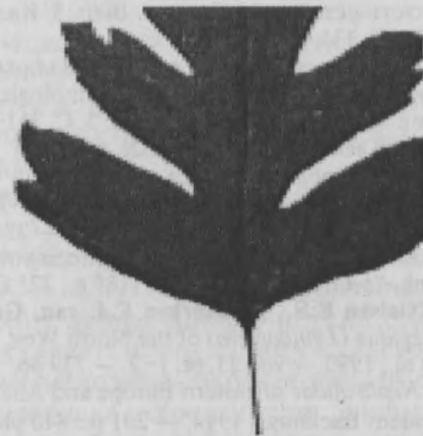
Р и с. 2. Мина *S. aeneofasciella* H.-S. на *Fragaria vesca*.

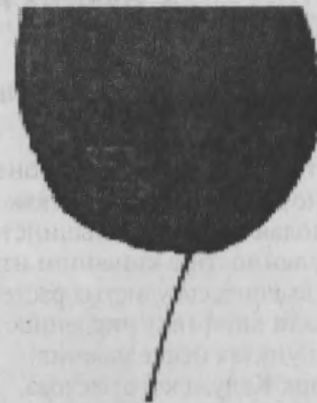
Р и с. 3. Мина *S. atricapitella* Hw. на *Quercus robur*

Р и с. 4. Мины *S. desperatella* Fr. на *Malus sylvestris*

Р и с. 5. Мина *S. perpygmaella* Dbld. на *Crataegus sp.*

Р и с. 6. Мина *S. minusculella* H.-S. на *Pyrus communis*

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасимов А. М. Гусеницы. Насекомые чешуекрылые. Фауна СССР. Т. 1. 1952.
2. Шмытова И.В. Аннотированный список чешуекрылых (*Insecta, Lepidoptera*) Калужской области // Известия Калужского общества изучения природы местного края. Книга четвертая. Калуга: Изд-во КГПУ им. К.Э.Циолковского, 2001. С. 60–172.
3. Шмытова И.В. Фауна и биология молей-малюток (*Lepidoptera, Nepticulidae*) в Калужской области // Труды регионального конкурса на-

учных проектов в области естественных наук. Вып. 3. Калуга: Издательский дом «Эйдос», 2002а. С. 334–338.

4. Шмыгова И.В. Первое сообщение о молях-малютках (*Lepidoptera*, *Nepticulidae*) Калужской области // Russian entomological journal (Русский энтомологический журнал) 2002б. Т. 11 Вып. 3. С. 311–312.

5. Шмыгова И.В., Клепиков М.А. Новые находки молей-малюток (*Lepidoptera*, *Nepticulidae*) в средней полосе европейской части России // XII съезд Русского энтомологического общества. Санкт-Петербург (19–24 августа 2002 г.): Тезисы докладов. СПб, 2002. С. 383–384.

6. Hering E.M. Bestimmungstabellen der Blattminen von Europa. Band I – III. – Berlin: W.Junk, “s-Gravenhage, 1957. 1185 s., 725 f.

7. Johansson R., Nielsen E.S., Nieukerken E.J. van, Gustafsson B. The *Nepticulidae* and *Opostegidae* (*Lepidoptera*) of the North West Europe // Fauna ent. Scand. – Leiden et al., 1990. – vol. 23, pt. 1–2. – 739 pp.

8. Puplesis R. The *Nepticulidae* of eastern Europe and Asia: western, central and eastern part. – Leiden: Backhuys, 1994. – 291 p.: 840 plates.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ШМЕЛЕЙ (РОД *BOMBUS*, *APIDAE*) В 2000–02 гг.

Г.В. Голубева, к.б.н.,

Калужский филиал Московской сельскохозяйственной академии
им. К.А. Тимирязева

Шмели составляют важный компонент естественных и искусственных биоценозов и выполняют, как правило, основную работу по опылению подавляющего большинства цветковых растений. Поэтому от их численности в конечном итоге зависит успешность семяобразования высших сосудистых растений. В настоящей работе мы проанализировали динамику численности шмелей за последние три года в четырех пунктах исследования:

1. Дендропарк Калужского лесхоза.
2. Учебно-опытная база КФ МСХА.
3. Пойма реки Оки в окрестностях м/р Аненки.
4. Искусственный ценоз с цветочным конвейером у здания МНТК.

Численность шмелей на цветущих растениях изучалась методом учетных площадок размером 50 x 50 кв.см в течение 15 минут в четырехкратной повторности в июне, июле, августе.

Дендропарк Калужского лесхоза находится на территории 61 квартала городского лесничества и имеет богатую по разнообразию видов флору травянистых цветковых растений, среди которых отмечены такие медоносы, как горец змеиный, несколько видов кле-

веров, зверобой продырявленный, валериана высокая, кровохлебка лекарственная, марьянник и многие другие.

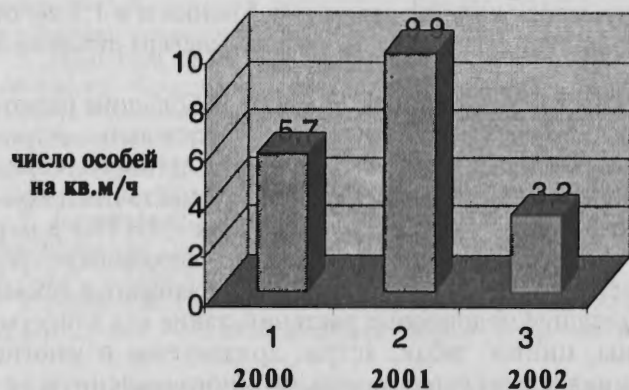
Учебно-опытная база КФ МСХА расположена в северо-западной части г.Калуги в трех километрах от м/р Аненки и в 1,5 км от дер. Белой. Наблюдения проводились на посевах клевера лугового и клевера ползучего.

Пойменный участок реки Оки не отличается большим разнообразием цветущей растительности. Здесь имеются отдельные островки клевера лугового, донника белого, василька лугового, горца змеиноного, зверобоя, лопуха и т.д. Искусственный цветочный конвейер, созданный у здания Микрохирургии глаза (МНТК) в м/р Аненки является удивительным примером садово-паркового искусства. С ранней весны до поздней осени здесь высаживаются самые разнообразные цветущие медоносные растения, такие как алиссум, петунии, бархатцы, цинии, табак, астры, хризантемы и многие другие, которые привлекают своим ароматом многочисленную армию опылителей, в том числе и шмелей. Соседство Калужского бора, на окраине которого расположено здание МНТК, протекающий вблизи ручей, заросли кустарника необычайно благоприятны для гнездования шмелей.

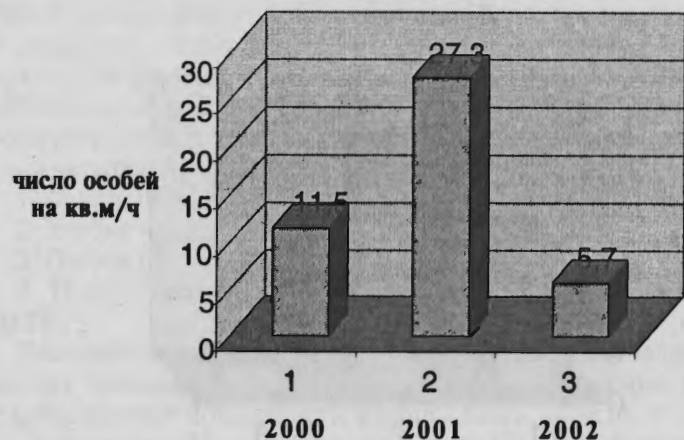
Средняя численность шмелей в различных пунктах исследования по годам представлена на следующих рисунках:

Учебно - опытная база

Искусственный ценоз

Таким образом, численность шмелей по годам варьирует весьма в широких пределах. Наиболее благоприятным для развития шмелиных семей был 2001 г. с многоснежной зимой, теплыми летом и осенью. Этот год характеризовался умеренным увлажнением: осадков на территории области выпало немногим более нормы, и наибольшая их часть приходилась на теплый период. Это благоприятствовало усиленному росту, развитию и цветению нектароносных цветковых растений, на которых выкармливаются самки и рабочие особи шмелей.

2002 г. по метеорологическим показателям был аномальным. Резкое потепление в конце января месяца привело к быстрому таянию снега, и полное освобождение почвы от снегового покрова произошло уже в феврале. Тем не менее, наблюдались сильные заморозки уже в отсутствие снегового покрова, что было крайне неблагоприятно для зимовавших самок шмелей. Год был необыкновенно засушливым, осадков выпало за весенние и летние месяцы гораздо меньше нормы, что в совокупности с повышенными среднесуточными температурными показателями неблагоприятно отразилось на росте, развитии и цветении нектароносов, а последнее в свою очередь повлияло на численность опылителей. В засушливый весенний период этого года наблюдались многочисленные поджоги сухой растительности, при этом гибли также и зимующие в почве и на ее поверхности под сухой ветошью шмелиные самки.

Весной 2002 г. произошло повсеместное сжигание растительности и на территории дендропарка, что в несколько раз сократило численность перезимовавших самок шмелей, а также был нарушен процесс вегетации растений, что усугубилось отсутствием летних осадков.

Таким образом, численность шмелей в 2001 г. составила по пунктам исследования соответственно к численности 2000 г.: 158,1%; 173,7%; 165,9%; 237,4%. В следующем году численность шмелей катастрофически снизилась и составила соответственно по пунктам исследования к 2000 г.: 16,4%; 47,7%; 17,3%; 49,6%. Причем в естественных биоценозах сокращение численности шмелей в 2002 г. произошло более чем в 5 раз по сравнению с 2000 г., а в искусственных ценозах — более чем в 2 раза.

ОСОБЕННОСТИ ОСВОЕНИЯ ГОЛОВЕШКОЙ-РОТАНОМ ПОЙМЕННЫХ ОЗЕР ОКИ И ЖИЗДРЫ

*Н.И. Дудковский,
В.А. Марголин, к.б.н.,
лаборатория зоологического мониторинга Калужского
государственного педагогического университета
им. К.Э. Циолковского*

Ротан (*Percottus glenii Dybowski, 1877*) — представитель отряда окунеобразных (*Perciformes*), подотряда бычковидных (*Gobioidei*), семейства головешковых (*Eleotrididae*) — населяет пресные воды на северо-востоке полуострова Корея, Китая, Приморья, обычен в нижнем и среднем течении Амура, оз. Ханка. Предпочитает стоячие воды и болота. Он завезен в Среднюю Азию и в Европейскую часть России, где в настоящее время активно идет расселение по мелким водоемам, что приводит к истреблению аборигенных видов рыб (Решетников, 1998). По данным М.А. Черникова, этот вид зарегистрирован на территории Калужской области, по крайней мере, с середины 60-х гг. прошедшего столетия в ряде стоячих водоемов — прудов.

Материалом настоящего сообщения послужили данные, собранные в 1998 — 2002 гг. в 28 пойменных озерах- старицах рек Оки и Жиздры, часть которых обследована неоднократно. Они различны по размерам, глубинам, гидрохимическим и экологическим особенностям. Изучение ихтиофауны проводили посредством визуальных наблюдений, отлова ставными сетями, мелкочаеистыми орудиями: сачком, подъемником, в меньшей мере поплавочными снастями. Отсутствие мелкочаеистых сетей в начальный период работ позволяло выявлять при помощи прочих способов наличие в водоемах в основном небольших особей, которых отмечали по мелководным участкам, заросшим растительностью. Более крупные экземпляры иногда добывали сетями, удочками и обнаруживали в желудках хищных рыб. Применение мелкочаеистых ставных сетей, начиная с 2001 г., позволило резко увеличить отлов старших возрастных групп. Например, в сети с ячейей 20 мм попадали экземпляры длиной от 11 до 23 см, в 14 мм дель — 8,5-16 см. В результате ротан был обнаружен почти в половине исследованных пойменных озер (табл.), однако возможно его присутствие и в некоторых других водоемах, что требует дальнейшего уточнения.

Головешка продолжает завоевывать новые акватории в том числе, очевидно, расселяясь вверх по течению рек после высоких весенних

паводков. В частности, он зарегистрирован в нижней части р. Яченка, а с мая 1999 г. его регулярно отмечали в прибрежной зоне р. Оки у г. Калуги, в том числе в устье сильно загрязненной р. Киевки (Дудковский, 2000). Четыре особи средних размеров отловлены в августе 2001 г. еще выше по ее течению у с. Столпово Перемышльского района. В последние годы происходит проникновение ротана по р. Жиздре. В нижней части ее поймы летом 1999 г. он уже обитал, видимо, в качестве единственного представителя ихтиофауны в оз. Горка, в котором были зарегистрированы особи 5 — 6 года жизни и много мальков, но несколько выше его численность была ниже. Единичные экземпляры такого же возраста были обнаружены в оз. Подборковское-2 и Старая Речка-3, мальки — в оз. Большое Камышинское, далее мелочь — в оз. Ленивое и ее единичные экземпляры в оз. Старая Речка-2 (Дудковский, 2001 б; Марголин, Дудковский, 2001 а, б; Марголин и др., 2001). Еще в 1998 г. их отмечали в притоке среднего течения Жиздры — р. Ямная (Дудковский, 2001 а). В 2001 г. впервые за время исследований обнаружена особь четвертого года жизни в желудке щуки, пойманной в оз. Желтое.

В большей степени «ротанизации» подвержены непроточные, мелководные, заморные старицы, в которых головешка может достигать значительной численности, в частности, в среднем течении р. Жиздры. Так, в озерах Ужольное, Боровское-3 его группировки с большой долей вероятности существует пять и более лет, составляя 43—48% от общего количества пойманных рыб. Но и здесь ситуации разные. Например, оз. Боровское теперь разделено на три участка, но весной все они соединены между собой. Однако в его верховьях (Боровское-1) ротан в 2001 г. не обнаружен, тогда как в оз. Боровское-3 осенью этого года наблюдали большое количество его мелочи, а в конце апреля 2002 г. было выловлено разночаеистыми сетями 36 особей четырех-пяти лет, среди которых 69,4% представляли самки. Такое их соотношение к самцам дополнительно указывает на биологическое процветание вида (Правдин, 1966; Никольский, 1974), хотя средняя их навеска была минимальна (таблица). Между тем в обмелевшем эвтрофном оз. Ужольное в июле 2002 г. из пойманных здесь 127 экземпляров лишь 39,7 % были самки, что свидетельствует о неблагоприятных условиях, тогда как среди 86 золотых карасей их доля была значительно выше и достигала 61,6 %. Тем не менее, средняя масса тела выловленных ротанов, несмотря на присутствие особей четвертого года жизни, была несколько выше, чем в предыдущем водоеме. Среди них преобладали особи, вероятно, пятого года жизни, доля которых достигала в улове около 60% (рис.).

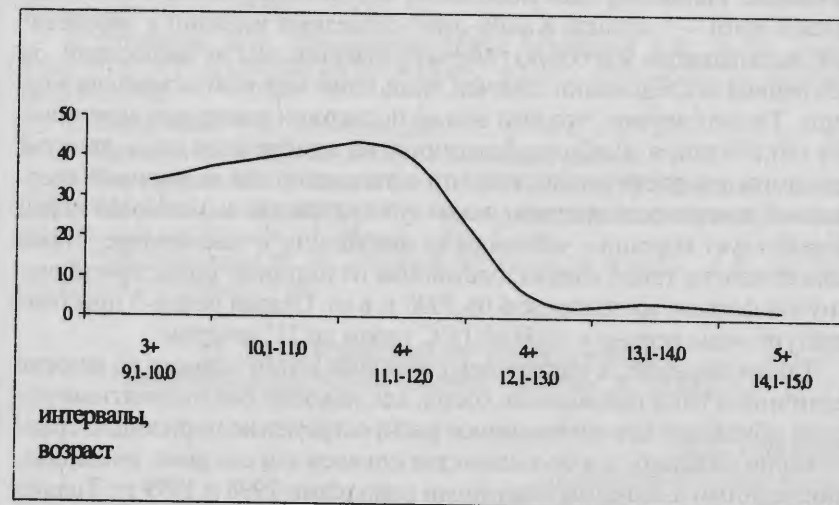
Таблица

Результаты обследования на заселенность ротаном пойменных озер

Озеро	Дата	Количество экз.	Пол	Общая длина, см	Масса тела, г	Возраст, лет	Примечание
пойма р.Жиздры							
Боровское-3	25.04.02	37	25 ??: 11 ??	8.5-10.5	средняя 12.5	4-5	сети
		в т.ч.	?	8.5	-	4	
			?	10.5	-	5	
Желтое	1999-2000	-	-	-	-	-	не отмечен
	17.10.01	1	-	-	40	4+	у щуки
Ужольное	11.07.02	127	50 ??: 76 ??	9-15	средняя 19.4	3+-5+	сети
		в т.ч.	?	9	-	3+	
			3 ??	11-12.5	-	4+	
			?	15	-	5+	
Муцкое	31.07.01	3	?	11.0	25	взрослая	сети
			?	16.0	70	взрослая	
			?	18.0	80	взрослая	
		много	-	-	-	мальки	сачок
Старая Речка-2	7.07.99	1	-	-	-	малек	сачок
Ленивое	11.08.98	2	-	1.2	0.3	малек	сачок
		1	-	8.2	7	взрослый	
	9.07.99	5	-	1.5-2.6	-	малек	
Подборки-2	11.08.99	1	-	-	-	4+	у щуки
Старая Речка-3	23.06.00	4	?	-	110	взрослая	сети
			?	-	150	взрослая	
			?	18.0	150	6+	
			?	19.0	180	6+	
Б. Камышинское	28.07.99	1	-	2.5	-	малек	сачок
Горка	29.08.99	много	-	мелкис	-	мальки	сачок
		1	-	10.5	-	4+	удочка
		1	-	14.5	-	5+	
пойма р.Оки							
В. Гремячевское	14.05.02	1	-	-	-	малек	сачок
Тишь	4.06.98	-	-	-	-	-	не отмечен
	26.06.01	1	-	-	-	взрослый	мертвый
		1	?	-	150	взрослый	у судака
	24.10.02	27	14 ??: 10 ??	-	средняя 130	4+-5+	сети
		в т.ч.3	-	-	1 00	4+	
			3 ??	23.0	175-200	5+	
Резвань-2	4.11.98	много	-	мелкис	-	-	подъемник
	5.11.99	много	-	мелкис	-	-	
	10.04.01	-	-	-	-	-	не отмечен

Самое крупное в нашей области пойменное оз. Тишь этот вид заселил, очевидно, как и в предыдущих случаях относительно недавно. В 1998 г. ротан в этой старице нами не был обнаружен и проник сюда, очевидно, во время высокого весеннего паводка этого года. Осенью

2002 г. было отловлено 27 относительно крупных особей такого же возраста, которые составили 47% общего количества рыб, несмотря на наиболее богатый их видовой состав. Доля самок достигала 58.3%, что указывает на благоприятные условия обитания этой группировки.

Р и с. Соотношение размерных группировок ротана в оз. Ужольное

В зависимости от обстоятельств темпы роста в некоторых старичках также неодинаковы (таблица). Если в озерах Старая речка-3, Боровское-3, Ужольное и Горка они приблизительно одного уровня, то в оз. Тишь — значительно выше, что, очевидно, обусловлено различиями кормовой базы. В последнем водоеме он начал активно хищничать — в желудках обнаружены мальки окуня, плотвы и крупные (около 2 см в диаметре) ушковы прудовики.

В литературе распространено мнение, что если ротан попадает в пруды, то через 3 — 4 года обитающие здесь золотые и серебряные караси исчезают, поскольку он уничтожает их икру и молодь (Шатуновский и др., 1988). Видимо, это далеко не всегда так. В пойменных озерах ситуация гораздо более сложная и может зависеть от ряда специфических факторов, в частности, вселения различных рыб во время весенних разливов, наличия хищников и других. При длительном отсутствии высоких паводков численность этого вида, как было показано выше, возрастает, но изменения аборигенной ихтиофауны происходят по-разному. Например, в оз. Боровское-3 караси составляли 6% от общего количества выловленной рыбы, в оз. Ужольное при неблагоприятных усло-

виях обитания они достигали 33% (остальное проходило на вьюнов), но в оз. Горка были зарегистрированы только головешки.

Естественными врагами ротана в озерах являются хищники, присутствие которых, вероятно, оказывает сдерживающее влияние на его поголовье. Например, две небольшие особи обнаружены в желудках щуки и один — у судака. Каких-либо серьезных инвазий и заболеваний, вызывающих массовую гибель головешки, мы не наблюдали. За весь период исследований отмечен лишь один мертвый экземпляр в оз. Тишь. Также считают, что этот вид не подвержен заморным явлениям. Для его обитания наиболее благоприятна прибрежная зона, занятая всевозможной растительностью, что естественно для пойменных озер. Нижняя поверхность листьев служит субстратом для выметанной икры, способствует хорошим условиям ее инкубации и маскировке. Нами была отмечена такая кладка, состоящая из икринок характерной вытянутой формы, на телорезе 6.06.2000 г. в оз. Старая речка-3 при температуре воды верхнего слоя от 18°C утром до 21° вечером.

Таким образом, к настоящему времени ротан проник во многие различного типа пойменные озера, где находит благоприятные условия обитания. Его интенсивное распространение произошло сравнительно недавно, и в большинстве случаев это связано, очевидно, с последними высокими весенними паводками 1998 и 1999 гг. Только дальнейшие мониторинговые исследования ихтиофауны стариц, многие из которых расположены на территории национального парка «Угра», позволят более досконально проследить процессы внедрения этого вида, прогнозировать складывающуюся ихтиологическую и экологическую ситуации, регулировать численность рыбных запасов и их использование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дудковский Н.И. Ихтиофауна водоемов Калуги // Калуга в шести веках: Материалы третьей городской краеведческой конференции. Калуга: Полиграф-Информ, 2000. С.279–282.
2. Дудковский Н.И. Состав ихтиофауны и гидробиологическая оценка некоторых пойменных озер среднего течения р. Жиздра национального парка «Угра» // Проблемы археологии, истории, культуры и природы Козельского края: Козельские краеведческие чтения. Вып. 3–4. Калуга: Полиграф-Информ, 2001. С.208–209.
3. Дудковский Н.И. Состав ихтиофауны пойменных озер реки Жиздры // Проблемы археологии, истории, культуры и природы Козельского края. Козельские краеведческие чтения. Вып. 3–4. Калуга: Полиграф-Информ, 2001 б. С.187–190.
4. Марголин В.А., Дудковский Н.И. К классификации пойменных озер р. Жиздры по результатам мониторинга ихтиофауны // Изучение приро-

ды бассейна реки Оки: Тезисы докладов научно-практической конференции «Река Ока — третье тысячелетие». Калуга: КГПУ, 2001. С.26–29.

5. Марголин В.А., Дудковский Н.И. Характеристика ихтиофауны пойменных озер р. Жиздры // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы IX конференции. Ч. II. Калуга: Полиграф-Информ, 2001. С.299–306.

6. Марголин В.А., Дудковский Н.И., Марголин А.В. Позвоночные животные // Пойменные озера Жиздры. Калуга: Изд.-во Н. Бочкаревой, 2002. С.30–41.

7. Никольский Г.В. Экология рыб. М., 1974. С.150–298.

8. Правдин И.Ф. Руководство по изучению рыб. М., 1966.

9. Решетников Ю.С. Семейство ELEOTRIDIDAE REGAN, 1911 — ГОЛОВЕШКОВЫЕ // Аннотированный каталог круглоротых и рыб континентальных вод России. М.: Наука, 1998. С.124.

10. Шатуновский М. И., Огнев Е. Н. Соколов Л. И. и др. Рыбы Подмосковья. М.: Наука, 1988.

О ЗЕМНОВОДНЫХ БЕРЕЗНЯКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА «УГРА» В 2002 г.

*А.В. Рогуленко,
национальный парк «Угра»*

Первые сведения о видовом составе амфибий и рептилий Калужской области приведены в работе В.А. Николаева «Краткие очерки животного мира Калужской губернии» (1925). В этот список входило 9 видов амфибий и 6 видов рептилий. Данный список не содержит сведений по обитанию видов на территориях, в настоящее время отведенных под национальный парк «Угра». Наиболее полный список, в котором отмечаются 11 видов амфибий и 6 видов рептилий, дает С.С. Писаренко (1990), но его список, к сожалению, не аннотирован. Более поздние работы по фауне земноводных принадлежат А.С. Завгороднему (1996, 1998 а, б), часть сведений которых приводится для территории жиздринского участка национального парка. Тем не менее, и эти работы не затронули изучение видового состава некоторых биоценозов, таких как березняки, являющиеся одним из самых распространенных типов лесов нашей области.

В 2002 г. было проведено комплексное исследование напочвенной микрофауны членистоногих и мелких позвоночных березняков при помощи ловушек Барбера и маршрутных учетов. Исследования проводились на всей территории национального парка «Угра». С целью равномерного охвата исследованиями всех березняков парка и с учетом транспортной доступности была выб-

рана 21 постоянная учетная площадка. Эти площадки находятся примерно на равном расстоянии друг от друга (Рогуленко А. В., Естафьева Л. Оценка стабильности развития березы повислой).

Следует отметить, что летний период 2002 г. отличался редкой для Средней полосы Европейской России засушливостью. Большинство мелких водоемов с грунтовым питанием пересохло или сильно обмелело. Сильная засуха уничтожила многие мелкие нерестовые водоемы и личинок амфибий, начавших в них развиваться. Кроме того, модель этого года из-за сухости окружающих биотопов далеко от мест выплода не мигрировала. По нашим маршрутным наблюдениям, даже взрослые особи сконцентрировались в более влажных биотопах. Часть травяных лягушек сконцентрировалась по обеим берегам рек и озер, частично заняв территории и станции, более характерные для зеленых лягушек. На этом неблагоприятном для земноводных фоне проводились исследования.

Всего было установлено 227 ловушек Барбера, которые работали в период с 19.05. 02 по 24.11. 02. За этот период было отловлено немногим более 0,5 тыс. экземпляров амфибий, относящихся к четырем видам: тритон обыкновенный (*Triturus vulgaris*), серая жаба (*Bufo bufo*), лягушка травяная (*Rana temporaria*) и остромордая (*R. arvalis*). Все эти виды являются характерными обитателями лесных биоценозов (Сосновский, 1983).

Средняя суммарная уловистость земноводных в учетах 2002 г. по березнякам национального парка "Угра" составила 1,24 экземпляра на 100 ловушек-суток. Это очень низкая уловистость для лиственных лесов. Ее показатели ниже в 8–11 раз по сравнению с показателями учетов ловушками Барбера А.С. Завгороднего (1996, 1998 б), проведенными в лесах юго-востока Калужской области. Это связано с небывалой для Калужской области сухостью лета 2002 г.

Второй особенностью населения амфибий березняков в 2002 г. был удивительно низкий процент собранных за теплый сезон сеголеток, около 13–17 % всех бесхвостых амфибий. По данным А.С. Завгороднего (1998 а), сеголетки в лесных биоценозах обычно составляют от 63 до 93 % всех собранных за теплый сезон земноводных.

В то же время, несмотря на засуху, процентное соотношение уловистости лесных видов, осталось примерно таким же, какое отмечено для лесов Калужской области (Алексеев, Сионова, 2002). Это говорит о равнозначно неблагоприятном воздействии засухи на популяции лесных амфибий. В целом среди амфибий березняков национального парка *R. temporaria* имела наибольшую уловистость, которая составила 71,3 %. Уловистость *R. arvalis* составила 18,2 %, *B. bufo* 10,2 % и *T. vulgaris* — 1,3 %.

Постоянство встречаемости по исследуемым березнякам в 2002 г. было наивысшим у травяной лягушки (86 %). Для остромордой лягушки оно составило 67%, для серой жабы — 76 %, для обыкновенного тритона — 24 %. Столь низкое постоянство встречаемости этих типичных лесных видов также вполне закономерно объясняется засухой 2002 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.К., Сионова М.Н. Отношения земноводных (*Amphibia*) Калужской области к урбанизации территорий // Известия Калужского общества изучения природы местного края. Книга пятая. Калуга, 2002. С. 155–168.

2. Завгородний А.С. Фауна *Amphibia* и *Reptilia* жиздринского участка национального парка «Угра» // Биологическое разнообразие Калужской области... Проблемы и перспективы развития особо охраняемых природных территорий: Материалы Калужской научно-практической конференции. Ч. 1. Калуга, 1996. С. 129 — 132.

3. Завгородний А.С. Возрастная структура популяций земноводных (*Amphibia*) юго-востока Калужской области // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Тезисы докладов VII конференции. Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 1998. С. 189–190.

4. Завгородний А.С. Земноводные (*Amphibia*) широколиственных лесов юго-востока Калужской области // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Тезисы докладов VII конференции. Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 1998. С. 188–189.

5. Николаев В.А. Животный мир Калужской губернии // Очерки Калужской губернии. Раздел 2. Калуга: Издательство Калужского губернского общества краеведения. 1925. № 1. Писаренко С.С. Новое в систематике земноводных и пресмыкающихся Калужской области // Пятая краеведческая конференция Калужской области: Тезисы докладов. Обнинск, 1990. С. 287–290.

6. Сосновский И.П. Амфибии и рептилии леса. М., 1983.

ОСОБЕННОСТИ НАЧАЛА ВЕСЕННИХ МИГРАЦИЙ ПТИЦ В БАССЕЙНАХ ВЕРХОВИЙ ОКИ И ДОНА

*В.А. Марголин, к.б.н.,
Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского
С.М. Климов,
Липецкий государственный педагогический университет*

За прошедшее столетие в связи с глобальным потеплением климата и влиянием антропогенных факторов отмечены изменения степени миграционной активности птиц. В частности, установлено сме-

щение на более ранние сроки начала весеннего пролета врановых и на поздние — завершение осеннего, сокращение протяженности их миграционных путей, увеличение степени оседлости, масштабы которых зависят также от географических условий и степени освоенности человеком ландшафтов (Марголин, 1984, 1985, 1989, 1990; Константинов, Марголин, Баранов, 1986; Марголин, Константинов, 1993). В настоящее время показано, что весенние регистрации передовых особей ряда других видов имеют также отрицательные значения и феноаномалии выражены у их большинства в разной степени экспрессивно (Нагмата, 1980; Марголин, 2000; Галченков и др., 2001; Гилязов, 2001; Кучин, 2001; Марголин и др., 2001; Марголин, Баранов, 2002). При этом наиболее интенсивно этот процесс протекает в последние десятилетия (Марголин, 2001), хотя его тренды в большинстве случаев, за исключением поздно прилетающих птиц, стабильны (Венгеро, 2001).

Настоящее сообщение основано на сравнении материалов за первую треть и конец прошедшего столетия, собранных рядом исследователей в Калужской области (Марголин, 2000; Марголин, Баранов, 2002) с дополнениями (Галченков, 2002), а также на территории Липецкой (Семенов-Тянь-Шанский, 1970; Климов и др., 2000) и неопубликованных собственных наблюдений. В результате для 30 видов стало возможным провести сравнение изменений последовательности сроков наступления феноявлений в этих регионах (табл. 1). Второй расположен от первого на расстоянии около 300 км юго-восточнее, с разницей координат примерно в 2° широты и 4° долготы. Это может соответствовать в начале весны разнице средних фенодат в долготном направлении до полутора суток, в меридиональном ее сокращении к маю от 6 до 4 дней. При этом в первый период ход весенних процессов устремлен к востоку, а ближе к лету — на север (Шульц, 1981). В нашем случае генеральный курс миграций с европейских, ближневосточных и африканских областей зимовок большинства видов обращен на восток, северо-восток или север и только для чечевицы, зимующей в Азии, может соответствовать различию географических положений пунктов наблюдений. Для выяснения величин фенологических градиентов между этими территориями по полученным данным рассчитаны разницы средних и их нормированное отклонение (табл. 2).

Материалы за первую треть прошедшего столетия в своем большинстве ограничены. Тем не менее, сравнение средних дат появления птиц в Калужской и Липецкой областях показало, что у большинства видов разница имела положительное значение и составляла для видов, прилетавших в марте, 5 — 6 суток, а в течение

апреля — середины мая была несколько меньше — обычно 3 — 4, реже 2 дня (табл. 2). Однако судить о статистической достоверности материалов из-за отсутствия рядов эмпирических данных по Верховьям Дона не представляется возможным. Аналогичная тенденция снижения фенологического градиента выявлена Г. А. Ремизовым в Белоруссии для развития лесной растительности, но при разнице в 1° с. ш. (Шульц, 1981). Напротив, начало миграции грачей зарегистрировано в сходные сроки, а кукушки — на две недели позже у г. Липецка, чем в окрестностях г. Калуги. Если по первому виду материалы совпадают с данными по его поступательному пролету по территории Европейской России (Кайгородов, 1911), то наблюдения за передвижением кукушки им сильно не соответствуют и должны быть сопоставимы, по крайней мере, с первыми числами мая. Некоторые отличия для этих видов между рассчитанными Д. Н. Кайгородовым сроками начала весенних миграций и приводимыми нами, вероятно, обусловлены тем, что он вычислял средние даты по квадратам, занимающим 5° долготы и 2,5° широты. Это может соответствовать разнице между ними, согласно биоклиматическому закону Хопкинса (Hopkins, 1938), около недели, что мы и получили в итоге, но при отсутствии широтной зависимости. Кроме того, приводимые нами более ранние средние сроки регистрации этих видов для начала прошедшего столетия по сравнению с данными за конец XIX в., обусловлены экспрессивностью явлений, как было нами показано для грача, хотя различия статистически не достоверны (Марголин, 2001). Аналогичные изменения отмечены у кукушки. Так, начало ее кукования на территории Калужской области сначала регистрировали 2 мая \pm 1,1 суток, а затем — 26 апреля \pm 1,3 дней и нормированное отклонение соответствовало доверительной вероятности, превышающей 99,9%.

В течение столетия у большинства видов в исследованных регионах произошло смещение начала миграций на ранние сроки, как по крайним датам, так и средним (табл. 1), но в Липецкой области разница последних, как правило, несколько выше. Существенные отличия между ними (в пределах двух недель) отмечены у скворца, трясогузки, озерной чайки и гусей. Быстротечные процессы, опережающие прежние показатели на одну-полторы недели, зарегистрированы у грача, полевого жаворонка, чибиса, деревенской ласточки, соловья, серой цапли, городской ласточки, черного стрижа, вальдшнепа, на меньший промежуток времени — у кукушки, но для Липецкой

Таблица 1

Результаты наблюдений за началом весенних миграций птиц в течение XX в. на территориях Калужской и Липецкой областей

Виды	Количество лет и местонаблюдений	Даты встреч передовых особей		Амплитуда в днях	Разница крайних сроков	Средние даты	Разница средних в днях
		ранние	поздние				
1	2	3	4	5	6	7	8
Грач	34К	26.02.1920, 1925	27.03.1917	30	+3,-7	12.03±1.2	-4
	19К	1.03.1966, 1978	20.03.1964	20		8.03±1.3	t=2.28
	12Л*	4.03	25.03	22	-2,+4	12.03	0
	13Л	2.03.1966	29.03.1979	28		12.03±3.0	
Обыкновенный скворец	29К	5.03.1936	13.04.1908	40	-8,-14	27.03±1.8	-15
	37К	25.02.1995	30.03.1996	34		12.03±1.3	t=6.48
	10Л*	26.03	14.04	20	-26,-5	1.04	-13
36Л	28.02.1989	9.04.1963	41	20.03±1.6			
Полевой жаворонок	34К	6.03.1925,1936	17.04.1931	43	-10,-13	23.03±1.8	-6
	32К	24.02.1990,1995	4.04.1996	40		17.03±1.8	t=2.37
	10Л*	3.03	8.04	37	+1,-6	28.03	-9
	29Л	4.03.1974,1995	2.04.1996	30		19.03±1.6	
Кряква	8К	22.03.1910	17.04.1908	27	-25,-10	3.04±3.3	-13
	32К	25.02.1997	7.04.1980	42		21.03±1.7	t=3.58
	11Л*	31.03	25.04	26	-24,-11	9.04	-15
	24Л	7.03.1981	14.04.1988,1994	39		25.03±2.3	
Чибис	13К	23.03.1912	13.04.1908	22	-18,-6	1.04±2.0	-10
	33К	5.03.1995	7.04.1980	34		22.03±1.5	t=4.07
	11Л*	22.03	14.04	24	-12,-7	6.04	-10
	25Л	10.03.1990	7.04.1973	29		27.03±1.2	
Белая трясогузка	16К	24.03.1939	24.04.1929	32	-7,-20	6.04±2.3	-10
	30К	17.03.1975,1989	4.04.1973	19		27.03±1.0	t=3.91
	8Л*	30.03	20.04	22	-17,-15	10.04	-15
	25Л	13.03.1997	5.04.1980	24		26.03±1.1	
Камышовая овсянка	24К	5.03.1995	8.04.1983	35	-	27.03±1.6	-
	24Л	8.03.1995	7.04.1974	31		27.03±1.6	
Озерная чайка	9К	30.03.1902,1914	18.04.1908,1909	20	-23,-11	7.04±2.6	-11
	28К	7.03.1995	7.04.1987	32		27.03±1.3	t=3.93
	12Л*	2.04	21.04	20	-26,-14	10.04	-14
	24Л	7.03.1989	7.04.1974	32		27.03±1.4	
Зяблнк	21К	21.03.1913,1930	14.04.1907	25	-16,-7	30.03±1.5	-2
	32К	5.03.1995	7.04.1980,1982	34		28.03±1.4	t=0.83
	10Л*	11.03	16.04	37	-8,-6	4.04	-8
	29Л	3.03.1989	10.04.1988	39		27.03±1.7	

Продолжение таблицы 1

Серая цапля	10К	25.03.1909	22.04.1913	29	-7,-14	7.04±3.4	-9
	27К	18.03.1998	8.04.1970	22		29.03±1.0	t=2.47
	19Л	13.03.1998	4.04.1980	23		24.03±1.3	-
Гуси	7К	22.03.1912	25.04.1908	35	-12,-13	11.04±5.5	-14
	32К	10.03.1994	12.04.1979	34		28.03±1.3	t=2.41
	12Л*	10.03	13.04	35	-4,+1	31.03?	0
	21Л	6.03.1998	14.04.1979, 1980	40		31.03±2.2	
Певчий дрозд	24К	23.03.1974	15.04.1984	24	-	4.04±1.2	-
	18Л	15.03.1997	13.04.1980	30		4.04±1.9	
Зарянка	8К	23.03.1901	22.04.1908	31	-3,-4	8.04±3.8	-3
	29К	20.03.2001	18.04.1993	30		5.04±1.3	t=0.76
	21Л	18.03.1881	20.04.1980	34	-	6.04±1.7	-
Вальдшнеп	15К	2.04.1902,1920, 1921	30.04.1904	29	-10,-10	13.04±2.5	-6
	36К	23.03.1983	20.04.1962	29		7.04±1.0	t=3.02
	7Л*	13.04	22.04	10	-	16.04	-
Бекас	27К	2.04.1978,1981	29.04.1989	28	-	13.04±1.6	-
	14Л	3.04.1993	20.04.1980	18		11.04±1.7	
Обыкновенная каменка	20К	4.04.1977,1993	21.04.1989, 1992	18	-	13.04±1.3	-
	18Л	1.04.1983	25.04.1980	25		13.04±1.3	
Пеночка-теньковка	30К	1.04.1986	26.04.1981	26	-	14.04±1.2	-
	24Л	27.03.1983	23.04.1978	28		11.04±1.2	
Варакушка	17К	10.04.2001	1.05.1994	22	-	20.04±1.7	-
	21Л	5.04.1978,1983	27.04.1973	23		14.04±1.2	
Погоньш	15К	10.04.1977, 1993	4.05.1988	25	-	21.04±2.1	-
	18Л	10.04.1992	28.04.1985	19		20.04±1.3	
Деревенская ласточка	27К	16.04.1936	8.05.1917	23	-5,-8	28.04±1.2	-6
	37К	11.04.1975, 1999	30.04.1987, 2002	20		22.04±0.8	t=4.39
	12Л*	18.04	16.05	29		30.04	-9
	26Л	4.04.1995	8.05.1968	35		21.04±1.5	
Обыкновенная кукушка	15К	16.04.1917	5.05.1902	20	-1,-4	26.04±1.3	-4
	37К	15.04.1983,1999	1.05.1991	17		22.04±0.6	t=2.84
	12Л*	3.05	18.05	16		10.05?	-13
Пеночка-весничка	28Л	15.04.1973	9.05.1977	25	-18,-9	27.04±1.0	-
	26К	12.04.1983,2001	6.05.1973,1975	25		24.04±1.5	-
Славка-завирушка	19Л	10.04.1983	1.05.1993	22	-	22.04±1.3	-
	15К	25.04.1867	12.05.1905	18		30.04	
Пеночка-трещотка	15Л	16.04.1983	5.05.1997	20	-9,-7	27.04±1.3	-
	17К	13.04.2001	6.05.1975,1985	24		29.04±1.6	-
Обыкновенный соловей	17Л	17.04.1983	6.05.1991	20	-1,-5	30.04±1.1	-
	26К	18.04.1906	14.05.1938	27		4.05±1.2	-5
	32К	17.04.1988,2000	9.05.1980,1982	23		29.04±1.1	t=2.41
	12Л*	30.04	18.05	19		7.05	-7
21Л	25.04.1995,1998	11.05.1973	17	-5,-7	30.04±0.8		

Окончание таблицы 1

Городская ласточка	10К	28.04.1920	25.05.1904	28	-4,-11	12.05±2.6	-8
	28К	24.04.1975	14.05.1986	21		4.05±0.9	t=2.74
	17Л	16.04.1972, 1973	10.05.1986	25		29.04±1.6	-
Черноголовая славка	21К	13.04.1975	20.05.1972, 1991	38	-	6.05±2.3	-
	19Л	29.04.1990	17.05.1973	19		6.05±1.1	-
Черный стриж	27К	4.05.1927	30.05.1917	27	-5,-13	15.05±1.2	-8
	32К	29.04.1996, 1997	17.05.1971	19		7.05±0.8	t=5.99
	22Л	4.05.1996	17.05.1976	14		10.05±0.7	-
Обыкновенная иволга	11К	10.05.1904	22.05.1905.1910	13	-10,+6	16.05±1.2	-4
	30К	20.04.1984	28.05.1987	39		12.05±1.8	t=1.69
	9Л*	5.05	15.05	11	-5,0	11.05	-2
	21Л	30.04.1982	15.05.1979	16		9.05±0.7	-
Обыкновенная чечевичка	22К	28.04.1998	26.05.1985	29	-	15.05±1.4	-
	19Л	1.05.1992	19.05.1999	19		12.05±0.9	-

Примечания: К — сводные сведения по Калужской области, Л* — данные из Липецкой области по О.И.Семенову-Тянь-Шанскому (1970), Л — современные; жирным шрифтом выделены материалы за последние десятилетия.

области он, в силу вышеизложенных причин явно не соразмерен. Почти для всех упомянутых птиц разница средних статистически достоверна при доверительной вероятности, превышающей 95%. Однако не выявлены различия в сроках начала пролета грача и гусей в окрестностях г.Липецка. Несмотря на отрицательные значения, материалы по зяблику, зарянке и иволге на территории Калужской области не достоверны. Это может зависеть от регулярности наблюдений, недостатка сведений, на что указывают отличия между крайними сроками регистраций и некоторых других видов, а также сокращения протяженности миграционных путей и изменений границ областей зимовок.

Разницы между средними датами регистрации большинства видов в обоих регионах за последние десятилетия несколько отличны от таковых начала прошедшего столетия (табл. 2). Так, их увеличение произошло у мигрирующих первыми грача и скворца. Примерно на тот же интервал времени продолжали позже прилетать в Липецкую область только кряква, чибис и, возможно, черный стриж. Выравнивание до положительных (“нормальных”) значений отмечено у кукушек и гусей. Сокращение разницы до сходных величин выявлено для большинства других птиц — полевого жаворонка, белой трясогузки, озерной чайки, зяблика, деревенской ласточки,

соловья, иволги, чечевицы, появляющихся в основном с конца марта по середину мая. Причем у них в отличие от большинства предыдущих различия между средними показателями статистически не достоверны. Кроме того, аналогичные величины отмечены для камышовой овсянки, певчего дрозда, зарянки, бекаса, каменки, погоныша, всех пеночек, черноголовой славки, а серая цапля, варакушка и городская ласточка прибывали в верховья Дона на 5 — 6 дней раньше, чем в Верхнее Поочье. При этом у последних доверительная вероятность нормированных отклонений превышала 95%.

Таблица 2

Изменения фенологических градиентов начала весенних миграций птиц в Калужской и Липецкой областях на протяжении XX века

Тридцатилетия	Первое	Последнее	
		разница	нормированное отклонение (t)
Вид	разница	разница	нормированное отклонение (t)
Грач	0	+4	-1,22
Обыкновенный скворец	+5	+8	-3,73
Полевой жаворонок	+5	+2	-1,04
Кряква	+6	+4	-1,24
Чибис	+5	+5	-2,66
Белая трясогузка	+4	-1	0,76
Камышовая овсянка	-	0	0,04
Озерная чайка	+3	0	0,18
Зяблик	+4	-1	0,58
Серая цапля	-	-5	2,97
Гуси	-11 ?	+3	-1,09
Певчий дрозд	-	0	0,15
Зарянка	-	+1	-0,68
Вальдшнеп	+3	-	-
Бекас	-	-2	1,04
Обыкновенная каменка	-	0	0,43
Пеночка-теньковка	-	-3	1,67
Варакушка	-	-6	3,33
Погоныш	-	-1	0,47
Деревенская ласточка	+2	-1	0,26
Обыкновенная кукушка	+14 ?	+5	-4,09
Пеночка-весничка	-	-2	1,01
Пеночка-трещотка	-	+1	-0,30
Обыкновенный соловей	+3	+1	-0,46
Городская ласточка	-	-5	3,11
Черноголовая славка	-	0	0,06
Черный стриж	-	+3	-3,45
Обыкновенная иволга	-5	-3	1,64
Обыкновенная чечевица	-	-3	1,75

Таким образом, в течение столетия у многих видов произошло смещение начала весенних миграций на более ранние сроки, что интенсивнее протекает в Липецкой области. Если в первой трети XX века передовые особи большинства из них прилетали в юго-восточный район центра Европейской России позже, чем в западный, то в его конце это характерно лишь для видов, прибывающих в первых волнах пролета. Последующие стали мигрировать через исследуемые регионы практически одновременно, а в некоторых случаях достоверно опережают птиц, пролетающих через Калужскую область. Это свидетельствует о замедленном их продвижении в начале сезона, а затем нарастании скорости миграций. Ее увеличение в последние десятилетия обусловлено, очевидно, повышенными темпами хода весенних процессов по обширным территориям за счет изменений в преобладании перемещений определенных воздушных масс. Это может происходить при западно-восточном и меридиональном типах атмосферной циркуляции (Динесман, 1954).

Однако, вероятно, есть и другие причины, в частности, приближение границ областей зимовок некоторых видов к районам гнездования, зависящее от глобального потепления климата и антропогенного преобразования ландшафтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венгеров П.Д. Многолетние изменения сроков весеннего прилета птиц в Воронежском заповеднике // Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии: Материалы Международной конференции (XI Орнитологическая конференция). Казань: Матбугат йорты, 2001. С. 136–138.
2. Галченков Ю.Д., Середенко В.М., Баранов Л.С., и др. К фенологии прилета некоторых птиц в Калужскую область в конце XX века // Материалы VIII региональной научной конференции “Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья”. Калуга: Изд.-во Н. Бочкаревой, 2001. С. 338–343.
3. Галченков Ю.Д. Орнитологический календарь весны 2001 года // Калужский орнитологический вестник. Вып. 3. Ч. 1. Калуга: Центр “Кадастр”. 2002. С. 22–26.
4. Гилязов А.С. Изменение сроков прилета и отлета массовых видов птиц Лапландского заповедника (Кольский полуостров, Россия) за 1931–1999 годы // Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии: Материалы Международной конференции (XI Орнитологическая конференция). Казань: Матбугат йорты, 2001. С. 173–174.
5. Динесман Л.Г. Причины годовых колебаний сроков прилета птиц в европейскую часть СССР // Зоологический журнал, 1954. Т. XXXIII. Вып. 3. С. 669–676.
6. Кайгородов Д. Изохроны хода весеннего поступательного движения

кукушки, грача и белого аиста на территории европейской России // Орнитологический вестник. 1911. № 1. С. 38–40.

7. Календари природы центральных областей Европейской части РСФСР (Оперативно-информационный материал). М.: МФГО, 1982.

8. Климов С.М., Землянухин А.И., Ситников В.В. О сроках прилета массовых видов птиц бассейна Верхнего Дона // Природа Верхнего Дона. Вып. 2: Сборник научных трудов. Липецк: ЛГПУ, 2000. С. 28–31.

9. Константинов В.М., Марголин В.А., Баранов Л.С. Влияние антропогенных факторов на увеличение оседлости синантропных популяций врановых птиц // Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование: Тезисы докладов I-го съезда Всесоюзного орнитологического общества и IX Всесоюзной орнитологической конференции. Ч. 1. Л., 1986. С.312–313.

10. Кучин А.П. Вековая сезонная динамика климата Алтая и ее влияние на миграции и зимовки птиц // Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии: Материалы Международной конференции (XI Орнитологическая конференция). Казань: Матбугат йорты, 2001. С. 351–352.

11. Марголин В.А. Трофические связи врановых как причины их синантропности и оседлости в Центральном районе европейской части СССР // Экология, биоценологическое и хозяйственное значение врановых птиц: Материалы I совещания. М.: Наука, 1984. С.136–140.

12. Марголин В.А. Сезонные перемещения и зимовки врановых в Центральном районе европейской части СССР: Автореферат диссертации канд. биологических наук: 03.00.08. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1985.

13. Марголин В.А. Изменения миграционной активности синантропных врановых // Врановые птицы в естественных и антропогенных ландшафтах: Материалы II Всесоюзного совещания. Ч. 1. Липецк, 1989. С.21–23.

14. Марголин В.А. О территориальной принадлежности галок, зимующих в Подмоскovie // Пятая краеведческая конференция Калужской области: Тезисы докладов. Обнинск, 1990. С.283–285.

15. Марголин В.А. Птицы Калужской области. Ч. 1. Неворобьиные. Калуга: Изд.-во Н. Бочкаревой, 2000.

16. Марголин В.А. Об изменениях миграционной активности птиц // Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии: Материалы Международной конференции (XI Орнитологическая конференция). Казань: Матбугат йорты, 2001. С. 398–399.

17. Марголин В.А., Баранов Л.С. Птицы Калужской области. Воробьинообразные. Калуга: Издательство Н. Бочкаревой, 2002.

18. Марголин В.А., Константинов В.М. Сезонные перемещения серых ворон на территории бывшего Союза // Врановые птицы в антропогенном ландшафте. Вып. 1: Межвузовский сборник научных трудов. Липецк, 1993. С.45–64.

19. Марголин В.А., Овсянников Г.М., Галченков Ю.Д. Об изменениях сроков весенних миграций птиц // Материалы VIII региональной научной конференции “Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья”. Калуга: Изд.-во Н. Бочкаревой, 2001. С.334–338.

20. Семенов-Тянь-Шанский О.И. Календарь природы Грязинского района / Природа Липецкой области и ее охрана. Вып. 1. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1970. С.161–166.

21. Шульц Г.Э. Общая фенология. Л.: Наука, 1981.

22. Harmata W. Phenological dynamics of arrivals and departures on migratory birds in Cracov, Poland, and the environments in the 19th and 20th century // Intern. J. Biometeorology., 1980, Vol. 24, N 2. P. 137–140.

23. Hopkins A.D. Bioclimatics. — U. S. Dep. Agr., 1938. N 280.

К ОРНИТОФАУНЕ БАССЕЙНА СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ ДЕМИНЫ

Ю.Д. Галчёнков,

центр “Кадастр” (г. Калуга),

Государственный природный заповедник “Калужские засеки”

Река Демина — одна из малых рек Калужской области, протекает по территории Спас-Деменского района Калужской области и Ельнинского района Смоленской области. В первой половине 1990-х годов от охотников дважды поступала информация об орнитологической ценности этой территории. Кроме того, к настоящему времени западная часть Калужской области остаётся одной из самых неизученных в Калужской области. Эти обстоятельства определили наш интерес к долине р. Демины и некоторых её притоков.

Материал для настоящего сообщения собран в ходе двух экспедиций. Первая была проведена в конце мая 1992 г. Лагерь располагался на левом берегу р. Демины в 2 км. С д. Горки Павлиновской сельской администрации, напротив ур. Гранкино, 23 мая произведён рекогносцировочный осмотр окрестностей д. Горки и р. Демины на двухкилометровом участке до границы со Смоленской областью; 24 мая пройден этот же отрезок р. Демины и проведена экскурсия по маршруту: лагерь — д. Жданово — д. Харламово — д. Гнездилово — “Гнездиловская высота” и обратно через д. Горки до лагеря; 25 мая посещено ур. Гранкино на правом берегу р. Демины. Вторая экспедиция проходила в период с 30 апреля по 6 мая 2002 г. Лагерь был устроен в смешанном лесу на левом берегу р. Даренки у Ю З* окраины д. Дуброво. Маршруты орнитологических экскурсий распределились следующим образом: 1 мая обследована пойма р. Даренки от д. Дуброво до д. Липовость; 2 мая осмотрена мелиоративная система в приустьевой части р. Могиленец, левобережная пойма р. Демины у дл. Прилуки и Пашки, мелиоративная система окрестностей бывшей д. Екатериновки; 4 мая посещены луга и поля З д. Мышково до рек Демины и Служнянки, в т.ч. урочища Вороны и Юдино. 5 мая совершён выезд на ст. Павлиново,

откуда был проложен маршрут по правобережной пойме р. Грохот от д. Берёзово и ур. Оселя до СЗ окрестностей д. Горы; пройдена также заболоченная низина к СЗ от д. Потапово. В экспедиции 1992 г. приняли участие члены дружины охраны природы КГПИ им. К.Э. Циолковского, во второй — обнинский кружок “Следопыт” (руководитель А.А. Могильнер); некоторые сведения получены от жителя д. Липовость, охотника с многолетним стажем П.С. Никитина.

В ходе исследований основное внимание было уделено открытым пространствам, поэтому в настоящей сводке практически не рассматриваются лесные виды, а также некоторые обычные виды луго-полевого комплекса. Приведена информация о статусе, размещении, численности, фенологии ряда видов, представляющих наибольший интерес. *Направления по сторонам горизонта для краткости приведены по первым заглавным буквам (С, З, Ю, В — основные и через дефис — промежуточные).

Серая цапля — *Ardea cinerea*.

Предположительно гнездятся одиночные пары. 1 — 2 птицы регулярно отмечались в 1992 г. на р. Демине в районе ур. Гранкино.

Белый аист — *Ciconia ciconia*.

Обычный гнездящийся вид. В 1992 г. обитаемые гнёзда были отмечены в с. Павлиново на церкви и водонапорной башне и в д. Горки — на водонапорной башне. Во всех гнёздах сидели (очевидно, на кладке) одиночные птицы. По опросам местных жителей, гнездо на церкви существует около 20 лет, т.е. с самого начала 1970-х гг. Однако по анкетным данным, полученным в ходе областного учёта аистов в 1990 г., это гнездо основано приблизительно в 1960 г. Так или иначе, оно является одним из самых старых в Калужской области (Галчёнков, 2000). Второе павлиновское гнездо было заложено скорее всего в 1989 году; оно находилось примерно в 900 м от первого. Гнездо в д. Горки основано, вероятно, в середине — конце 1980-х годов. В населённых пунктах Жданово (2 одноимённых поселения), Харламово, Максимова, Гнездилово гнёзд не было выявлено. В 2002 г. в с. Павлиново сохранилось только гнездо на церкви, 5 мая птица насиживала кладку; водонапорная башня, на которой помещалось второе гнездо, отсутствовала. В этот же день нежилые гнёзда аистов отмечены на бетонном столбе ЛЭП на С окраине д. Лога и на водонапорной башне в д. Нестеры. Судя по размерам построек, все они появились сравнительно недавно. Кроме того, осмотрено многолетнее гнездо на смоленской стороне р. Грохот — в д. Лядцо. Получена

информация о гнездовании птиц в д. Жданово, начиная по крайней мере с 1996 г. Два последних гнезда размещены на водонапорных башнях. Ещё одно полуразрушенное гнездо найдено нами в пойме Демины, СВ д. Холмовая, оно находилось на столбе недавно ликвидированной ЛЭП.

Кряква — *Anas platyrhynchos*.

Достаточно обычный гнездящийся вид. Одиночные пары и группы самцов до 4 особей регистрировали на р. Демине С и ЮВ д. Горки, впадающих в неё речках и ручьях (Даренке, Могиленце), и екатериновской мелиоративной системе. 25.05.1992 г. на пойменном лугу в ур. Гранкино под навесом наклонившейся куртины прошлогодней травы найдено гнездо с 10 яйцами; наседка покинула кладку незадолго до осмотра.

Чирок-трескунок — *Anas querquedula*.

Одну и две пары птиц, а также одиночных самца и самку отметили на р. Демине в ур. Гранкино и в мелиоративных канавах у д. Пашки и д. Мышково.

Болотный лунь — *Circus aeruginosus*.

На заболоченных местах и граничащих с ними лугах и полях отмечен практически повсеместно: между дд. Гнездилово и Харламово, СВ д. Холмовая, у 3 окраины д. Прилуки, ЮВ д. Пашки, СЗ д. Мышково, между д. Берёзово и ур. Оселья.

Полевой лунь — *Circus cyaneus*.

Малочислен. 1 — 2 пары предположительно гнездились у д. Прилуки в ур. Вороны и 1 пара — СЗ д. Горы.

Луговой лунь — *Circus pygargus*.

Обычен. Встречи самцов и пар зарегистрированы на пойменных, чаще закустаренных лугах в ур. Гранкино и в 1,5 км к СВ от него, между дд. Дуброво и Липовость, к В от бывшей д. Екатериновка, в ур. Вороны. Одновременно двух самцов наблюдали на смежных участках между д. Берёзово и ур. Оселья.

Сарыч — *Buteo buteo*.

Одиночки и реже пары встречали С д. Горки, между дд. Прилуки и Екатериновка, ЮВ д. Пашки, в урочищах Юдино и Вороны.

Зимняк — *Buteo lagopus*.

Задержавшуюся пролётную птицу отметили 5 мая над д. Потапово, летела в СВ-В направлении.

Чеглок — *Falco subbuteo*.

Одиночка замечена 24.05.1992 г. над поймой р. Демины у д. Жданово.

Пустельга — *Falco tinnunculus*.

Предположительно гнездятся 2 — 3 пары. Особи наблюдались в пойме р. Демины у д. Жданово, ЮВ д. Горки и 3 д. Мышково.

Тетерев — *Tetrao tetrix*.

Обычен. Одиночные самцы встречены на пойменных лугах р. Демины у д. Пашки и р. Грохот СЗ д. Берёзово. Тока из 2 — 3 птиц учтены в пойме р. Грохот 3 д. Берёзово и у д. Лога, в СЗ окрестностях д. Горы, в ур. Гранкино, В и ЮЗ него, близ пл. Гривка. Токовище из 6 самцов отмечено С д. Липовость (по словам П.С. Никитина, в предыдущие годы здесь собиралось 2-3 петуха), из 8 — в центре треугольника д. Холмовая — д. Прилуки — р. Демина. На лугу 3 д. Мышково наблюдали 9 самцов.

Коростель — *Crex crex*.

С одной точки в лагере первой экспедиции одновременно слышали крики 2 коростелей. В 2002 г. первый крик отмечен 4 мая сразу в 3 разных местах. На следующий день до даренского лагеря доносились крики уже 2 самцов.

Погоныш — *Porzana porzana*.

Предположительно гнездится. В сумерках 30 апреля 2002 г. со стоянки в пойме р. Даренки выше д. Дуброво слышали свист 5 птиц. Другую свистящую птицу отметили днём 1 мая поблизости в основании огромной бобровой хатки, стоящей среди воды.

Серый журавль — *Grus grus*.

На исследуемой территории, вероятно, обитает 2 — 3 пары. 2.05.2002 г. крики 1-2 птиц слышали в окрестностях д. Радки. В этот же день 2 птиц отметили на правобережном пойменном лугу 3 ур. Юдино, крики ещё 1-2 птиц слышали в 3 окрестностях д. Мышково. Скорее всего этих же птиц (4 ос.) наблюдали 4 мая на поле 3 д. Мышково. 5 мая голоса предположительно 2 журавлей зафиксировали в заболоченной низине СЗ д. Потапово.

Малый зуёк — *Charadrius dubius*.

Предположительно гнездится СВ д. Холмовая на полях и кромках мелиоративных канав, отдавая предпочтение песчаным участкам. 2.05.2002 г. здесь отмечено 3 — 5 пар.

Золотистая ржанка — *Pluvialis apricaria*.

Пролётный вид. Группа из 75 птиц в ярком пере замечена 3.05.2002 г. на полях СВ д. Холмовая.

Чибис — *Vanellus vanellus*.

На полях и лугах долины р. Демины и притоков от ручья Могиленец до устья р. Служнянки предположительно гнездится 47 пар. Из них в левобережной части около 20 пар размножились между д. Холмовая и руч. Могиленец, приблизительно 7 пар — на маршруте дд. Холмовая — Прилуки — Екатериновка — Пашки; в правобережье отмечено около 20 территориальных пар,

здесь же встречена группа из 24 птиц. В пойме р. Грохот отмечено 3 птицы и 1 ос. наблюдали на выгоревшем лугу, 1 пару заметили на озимых.

Турухтан — *Philomachus pugnax*.

Статус неясен, скорее всего турухтан здесь — пролётный вид. До 10 птиц наблюдали 2 мая на полях СВ д. Холмовая.

Бекас — *Gallinago gallinago*.

Обычен. В окрестностях лагеря первой экспедиции в разных точках токовали 3 кулика. Во второе посещение одиночные тока отмечены у мелиоративной канавы левобережной приустьевой части руч. Могиленец, на лугу 3 д. Мышково, на заболоченном лугу СЗ д. Берёзово. Двух одновременно токующих бекасов видели в пойме р. Даренки в ур. Семишено.

Дупель — *Gallinago media*.

Гнездование вероятно. 2.05.2002 г. одиночная птица поднята на поле у СВ окраины д. Холмовая, 4-го числа здесь же А.А. Могильнер видела 2 птиц.

Вальдшнеп — *Scolopax rusticolla*.

Вблизи гранкинского лагеря в разных местах токовали две птицы. По наблюдениям П.С. Никитина, в 2002 г. начало “тяги” пришлось на открытие охоты 29 марта. В сумерках 1 мая над ольшаником вдоль р. Даренки южнее д. Дуброво одновременно “тянули” до трех птиц.

Большой веретенник — *Limosa limosa*.

В пойме р. Демины располагается крупнейшая известная нам гнездовая группировка этого вида в Калужской области. Осмотры полей, покрытых сетью мелиоративных канав, 2 и 4 мая 2002 г. выявили от 9 до 13 пар. Ядро группировки (4 — 7 пар) находится СВ д. Холмовая; 3 — 4 пары учтены по периферии лесной колки около ур. Вороны, ещё 2 пары отмечены у ЮВ окраины заброшенной д. Екатериновки. 5 мая одну беспокоящуюся птицу видела у С окраины д. Нестеры А.А. Могильнер.

Большой кроншнеп — *Numenius arquata*.

Крупнейшая в Калужской области группировка занимает пойменные угодья на участке р. Демины от д. Холмовая до д. Пашки, достигающая максимальной плотности на правом берегу в районе урочищ Вороны и Юдино. По данным картирования, проведённого 2 и 4 мая 2002 г., гнездовая численность большого кроншнепа оценена в 13 — 15 пар, что соответствует критериям выделения ключевой орнитологической территории России (КОТР) федерального ранга (Карточка, 2002). П.С. Никитин свидетельствует, что этот

кулик стал встречаться здесь чаще. Ещё одна токующая пара отмечена 5 мая в пойме р. Грохот у 3 окраины д. Лога.

Травник — *Tringa totanus*.

Вероятно, гнездится. Двух птиц заметили 2 мая 2002 г. на полях СВ д. Холмовая.

Черныш — *Tringa ochropus*.

Токующих птиц отметили над дубровским лагерем (одну ос.), над р. Даренка между дд. Дуброво и Липовость (2 — 3 птицы). 2 птиц встретили на поле СВ д. Холмовая.

Озёрная чайка — *Larus ridibundus*.

Одиночная бродячая особь 24 мая 1992 г. пролетела над лагерем вверх по р. Демине.

Сизая чайка — *Larus canus*.

Летует. Гнездование вероятно в годы с достаточной обводнёностью в весенний период. 4 взрослых птицы заметили на краю торфяных выработок с небольшими водными блюдцами между дд. Прилуки и Екатериновка. В окрестностях д. Холмовая 2 чайки проявляли элементы брачного поведения, сидя на неиспользуемом гнезде аистов на опоре ЛЭП, стоящей в поле, ещё 1 особь держалась поблизости. 20 птиц кормились поблизости — на лугу и пашне у С и В окраин д. Прилуки, одиночная чайка отмечена над рекой у д. Пашки. 24.05.1992 г. 2 ос. пролетели вниз по Демине над гранкинским лагерем.

Чёрная крачка — *Chlidonias niger*.

Встречена на пролёте. 5 мая над ж.д. ст. Павлиново в ЮВ направлении пролетели около 10 болотных крачек, среди которых точно были чёрные крачки.

Болотная сова — *Asio flammeus*.

Этот в настоящее время редкий в Калужской области вид отмечен 2.05.2002 г. на бровке поля у мелиоративной канавы СВ д. Холмовая.

Козодой — *Caprimulgus europaeus*.

Первое пение в 2002 г. услышали в густых сумерках 2 мая на опушке леса в трехстах метрах ЮВ д. Дуброво. На следующий день “урчание” одиночной птицы зафиксировали на сухом склоне с редкими сосенками на Ю окраине этой деревни.

Береговушка — *Riparia riparia*.

24.05.1992 г. кормящаяся над р. Демина стайка замечена в ур. Гранкино; в этот же день небольшая колония найдена в карьере вблизи устья р. Грохот.

Полевой жаворонок — *Alauda arvensis*.

В первой пятидневке мая 2002 г. был обычен на лугах 3 д. Мышково и на калужской стороне р. Грохот.

Луговой конёк — *Anthus pratensis*.

Был достаточно обычен на полях между д. Холмовая и руч. Могиленец. Токование 1 птицы установлено в пойме р. Демины в 1 км СЗ д. Горки; по 2 ос. пели у д. Пашки и 3 д. Мышково, а также в пойме р. Грохот, 3 д. Берёзово.

Белая трясогузка — *Motacilla alba*.

Любопытное место предполагаемого гнездования обнаружили 1 мая 2002 г. на речке Даренке выше д. Дуброво: птица сначала беспокоилась, а затем спустилась в глубь веток верхней части огромной (диаметр в основании около 7 м, высота приблизительно 2,5 м) жилой бобровой хатки, островком стоящей среди подтопленной плотиной этого зверя поймы.

Желтоголовая трясогузка — *Motacilla citreola*.

Территориальные самцы отмечены на сырых участках мелиоративной системы ЮВ и В бывшей д. Екатериновка, а также на заболоченном участке поймы р. Грохот С д. Лога.

Жёлтая трясогузка — *Motacilla flava*.

Достаточно обычна на полях СВ д. Холмовая; ещё 2 самца замечены на лугах В бывшей д. Екатериновка. В секторе между дорогами д. Мышково — д. Прилуки, д. Мышково — ур. Служнянка и р. Демина отмечено 5 пар. На практически полностью выгоревшем в результате весеннего пала лугу поймы р. Грохот встречено только 1 самец.

Восточный соловей — *Luscinia luscinia*.

Впервые в 2002 г. пение 2 — 3 птиц услышали 1 мая в 3 ч. ночи в пойме р. Даренки.

Варакушка — *Luscinia svecica*.

Предположительно, гнездится. Два поющих самца зарегистрированы на торфяных выработках на опушке леса между дд. Прилуки и Екатериновка.

Луговой чекан — *Saxicola rubetra*.

Вид был очень обычен на лугу 3 д. Мышково и на правом берегу р. Грохот.

Рябинник — *Turdus pilaris*.

Единственная колония этих птиц обнаружена в д. Холмовая.

Деряба — *Turdus viscivorus*.

Отмечен вблизи опушки леса у руч. Могиленец.

Камышовка - барсучок — *Acrocephalus schoenobaenus*.

Первая регистрация в 2002 г. поющих птиц произошла 1 мая на заболоченном участке поймы р. Даренки.

Обыкновенный сверчок — *Locustella naevia*.

Три поющих самца отмечены на сыром зарастающем лугу между д. Берёзово и ур. Оселья.

Желтоголовый королёк — *Regulus regulus*.

1 мая на лесной дороге в 2,5 км от лагеря до руч. Могиленец учли 5 поющих самцов.

Мухоловка-белошейка — *Ficedula albicollis*.

В последние годы этот вид явно расселяется. Утром 6 мая поющий самец дважды отмечен в районе лагеря: за это время птица переместилась метров на 200 вдоль опушки леса вверх по течению р. Даренки.

Грач — *Corvus frugilegus*.

Колония, насчитывающая до 50 гнёзд, найдена на окраине полузаброшенной д. Горки.

Серая ворона — *Corvus cornix*.

Нехарактерное для полузаброшенных деревьев скопление до 10 птиц отмечено у д. Прилуки. Ворон, очевидно, привлекла доступность корма на выгоревшем лугу. В берёзовой рощице ЮВ д. Пашки найдено гнездо с насиживающей кладку птицей; на лугу поблизости держались ещё 3 особи. 5 мая гнездо с 2 яйцами и обогревающей их птицей обнаружено на одиночной ольхе в пойме р. Грохот.

Галка — *Corvus monedula*.

До 20 птиц кормились вместе с воронами на выгоревшем лугу и пашне у д. Прилуки.

Скворец — *Sturnus vulgaris*.

В полузаброшенных деревьях в условиях дефицита скворечников иногда селится в постройках. В д. Гнездилово гнездо с птенцами обнаружено в отверстии кирпичной кладки стены нежилого дома. В малом количестве размножается в дуплах древесных насаждений вне населённых пунктов: 1 — 2 пары отмечены в берёзовой рощице ЮВ д. Пашки, пара — на опушке в ур. Юдино. 5 мая 3 жилых дупла найдены в одном невысоком берёзовом пне на краю лесополосы у пл. Гривка, ещё 1 обитаемое дупло находилось в таком же пне рядом.

Снегирь — *Pyrrhula pyrrhula*.

Гнездование предполагается. Голоса птиц слышали в смешанных лесах 2 и 3 мая 2002 г. в лагере и 4 мая между дд. Кудрино и Дуброво.

В фауне долины бассейна среднего течения р. Демины представлены и другие, не отмеченные нами из-за непродолжительности пребывания, редкие и интересные виды, о которых с нами поделился информацией П.С. Никитин.

По его сведениям, чёрный аист встречался на рассматриваемой территории давно, с первой половины 1980-х гг. он стал попадаться чаще — сначала по 1 — 2 птицы, а затем (с конца 1980-х гг.) по паре

и даже по 3 (в августе) экз. Так, в августе 1994 г. 1 особь отмечена на мелиоративной канаве у д. Пашки. В нескольких сотнях метров от мест регистраций, в лесах, поздней осенью были найдены крупные гнёзда, которые могли принадлежать чёрным аистам. Во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг. этот вид стал встречаться гораздо реже. Практически ежегодно отмечаются **большая выпь**, **беркут**, **орлан-белохвост**. **Белая куропатка**, исчезнувшая из Калужской области, вероятно, в 1970-х гг., в окрестностях пл. Гривка последний раз была отмечена приблизительно в самом начале 1950-х гг. Перестал встречаться **сапсан**, хотя около 50 лет назад этот сокол постоянно гнезвился здесь; очень редкой стала **сизоворонка**. **Белая сова** последний раз отмечена на лугу у д. Прилуки в середине 1980-х гг.

Наши исследования подтвердили орнитологическую ценность данной территории: ей присвоен статус ключевой орнитологической территории России (КОТР) федерального ранга (Карточка, 2002). На наш взгляд, никаких специальных консервационных мер не требуется, так как сложившийся в настоящее время режим пользования обеспечивает наличие требуемого для обитания редких видов набора условий и благополучное существование самих птиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галчёнков Ю.Д. История формирования населения белого аиста на территории Калужской области // Белый аист в России: дальше на восток. Калуга: "Центр-Кадастр", 2000. С.117–131.
2. Карточка учёта КОТР "Демина" (КЖ-038) // Союз охраны птиц России: Ключевые орнитологические территории России / Составитель Ю.Д. Галчёнков. Калуга: Союз охраны птиц России, 2002.

НЕКОТОРЫЕ ЦЕННЫЕ ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА ЧЕРЕПЕТСКОМ ВОДОХРАНИЛИЩЕ

О.В. Швец, к. б. н.,

Тульский государственный педагогический университет

им. Л.Н. Толстого;

О. В. Бригадирова,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;

Э. М. Дорофеев,

Областная санитарно-эпидемиологическая станция г. Тулы;

А. В. Склеймина,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Черепетское водохранилище расположено в западной части Тульской области (Суворовский район) и используется в качестве охладителя местной теплоэлектростанции.

Нами проводились исследования авифауны Черепетского водохранилища в период с конца июня по июль 2002 г. во время полевой практики со студентами Тульского государственного педагогического университета. Проведённые наблюдения позволили нам выявить ряд редких для орнитофауны Тульской области видов.

Малая выпь, или волчок — Ixobrychus minutus.

Нами наблюдались три гнездящиеся пары данного вида. Выводки были обнаружены на заросших тростником островках. Число птенцов в выводке было различным и составляло соответственно 5, 3 и 2 птенца.

Пастушок — Rallus aquaticus.

Крики пастушка нами регистрировались в сумерках в районе водохранилища (1 особь) и реки Черепеть (не менее 3 особей).

Погоныш — Porzana porzana.

Был обнаружен в районе водохранилища по характерной вокализации, приходящейся преимущественно на ночное и сумеречное время.

Малая крачка — Sterna albifrons.

Место встречи — зольники, расположенные недалеко от Черепетского водохранилища. 1 птица была зарегистрирована нами в колонии с речными крачками и многочисленными куликами.

Зелёный дятел — Picus viridis.

Были найдены 2 гнездящиеся пары на расстоянии 4 — 5 километров друг от друга.

Дроздовидная камышовка — Acrocephalus arundinaceus.

Дроздовидные камышовки были отмечены в высоких густых тростниковых зарослях по береговой линии Черепетского водохранилища и реки Черепеть. По результатам регистрации голосовой активности можно утверждать, что этот вид многочислен на данной территории.

РЕДКИЕ ПТИЦЫ МЕЩОВСКОГО ОПОЛЬЯ

В.М. Котюков,

Управление по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных Калужской области

Фауна птиц нашего края довольно хорошо изучена (Марголин, 2000; Марголин, Баранов, 2002). В частности, в конце XX столетия были опубликованы сведения о редких и малочисленных видах

Мещовского ополья, где приведены и наблюдения автора настоящего сообщения (Котюков, 1975; Воронин и др., 1990; Константинов и др., 1990; Марголин и др., 1990; 1998; Галченков и др., 1998). Однако за последние годы зарегистрированы встречи некоторых редких птиц, в том числе новых, не только для Мещовского района, но и Калужской области. Характер их пребывания цитирован по приведенной выше монографии.

Чернозобая гагара *Gavia arctica* L. Редка на пролете. Прежде этот вид наблюдался во время осенних миграций. Восемь взрослых особей держались в тот же период с 7 по 14.10.2002 г. на пруду у д.Дорохово.

Серощекая поганка *Podiceps griseigena* Bodd. Отмечена вторая достоверная встреча на территории области, но не осенью, а в летнее время. Одиночная птица плавала 21.07.2000 г. на Алешинском пруду.

Малая белая цапля *Egretta garzetta* L.. Зарегистрирован третий случай залета, но впервые в исследуемом районе. В конце сентября 1999 г. на берегу Дороховского пруда обнаружены останки очень редкой морфы с черным цветом оперения.

Морянка *Clangula hyemalis* L. Редкий пролетный вид. Очередной раз, 14.10.2002 г., наблюдал 7 экземпляров в зимнем наряде на пруду у д.Дорохово.

Синьга *Melanitta nigra* L. Очень редкая залетная птица. Впервые почти за 30-летний период зарегистрирована одиночка 7.11.1996 г. на Бобровицком пруду, где и была добыта 17 ноября. Длина крыла составила 21 см, масса тела — 600 г, ноги имели черноватую окраску и серые перепонки.

Обыкновенный турпан *Melanitta fusca* L. Редкий пролетный вид. Первый раз наблюдал самку 6.11.2001 г. на Дороховском пруду. Вторая была добыта 14.10.2002 г. из двух присутствующих здесь особей.

Скопа *Pandion haliaetus* L. Изредка отмечена во время миграций на крупных реках и водохранилищах области, у которых, возможно, гнездится. Птицу, тащившую рыбу в когтях, впервые встретил 22.09.2002 г. у Бобровицкого пруда.

Кобчик *Falco vespertinus* L. Редок на весеннем пролете. Одиночного самца впервые отметил 26.04.2001 г. в окрестностях д.Петрушино. Он интенсивно охотился на майских хрущей. Перед тем как съесть добычу, каждому пойманному жуку отрывал голову, надкрылья и ноги в течение 30 секунд.

Средний кроншнеп *Numenius phaeopus* L. Очень редкий пролетный вид, который зарегистрирован второй раз на территории нашего

района. В сентябре 1999 г. ястреб-тетеревятник успешно атаковал пару кроншнепов и сел с добычей на берег пруда у д.Дорохово. После выстрела из ружья он оставил умерщвленную птицу и улетел.

Короткохвостый поморник *Stercorarius parasiticus* L. В последние десятилетия во время осенних перемещений были отмечены одиночные особи, не определенные до вида, на р.Оке в пригороде Калуги. Мы наблюдали 5 особей темной морфы, пролетавших 15.06.2000 г. на высоте около 50 м над Бобровицким прудом. В бинокль хорошо рассмотрели по два несколько выступающих средних рулевых пера.

Горихвостка-чернушка *Phoenicurus ochruros* S.G.Gm. Редкая гнездящаяся птица антропогенных ландшафтов. Дважды 16 и 19.06.2000 г. одиночную птицу видели в одном из частных садов г. Мещовска.

Дубровник *Emberiza aureola* Pall. Изредка гнездится по поймам крупных рек. Впервые самца зарегистрировал 17.05.1998 г. на берегу пруда у д.Бобровицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин А.А., Марголин В.А., Баранов Л.С. Редкие гнездящиеся птицы Калужской области // Редкие виды птиц Центра Нечерноземья: Материалы совещания «Современное состояние популяций редких гнездящихся птиц Нечерноземного центра СССР». М., 1990. С.39–42.
2. Галченков Ю.Д., Марголин В.А., Васильев А.Л. О залетах некоторых видов птиц в Калужскую область // Редкие виды птиц Нечерноземного центра России: Материалы совещания. М.:МПГУ, 1998. С.65.
3. Константинов В.М., Котюков В.М., Кутьин С.Д. Редкие виды птиц некоторых районов Нечерноземного центра СССР // Редкие виды птиц Центра Нечерноземья: Материалы совещания «Современное состояние популяций редких гнездящихся птиц Нечерноземного центра СССР». М., 1990. С.67–72.
4. Котюков В. Охота и охотничье хозяйство. 1975. № 4. С.25. (В рубрике «Ученые отвечают»).
5. Марголин В.А. Птицы Калужской области. Ч.1 Неворобьиные. Калуга: Изд.-во Н. Бочкаревой, 2000.
6. Марголин В.А., Баранов Л.С. Птицы Калужской области. Воробьинообразные. Калуга: Изд.-во Н. Бочкаревой, 2002.
7. Марголин В.А., Баранов Л.С., Котюков В.М. Заметки об орнитофауне Калужской области // Пятая краеведческая конференция Калужской области: Тезисы докладов. Обнинск, 1990. С.267–271.
8. Марголин В.А., Галченков Ю.Д., Воронин А.А., и др. Некоторые изменения в фауне и населений редких видов птиц Калужской области // Редкие виды птиц Нечерноземного центра России: Материалы совещания. М.: МПГУ, 1998. С.97–100.

ОСОБЕННОСТИ ГНЕЗДОВАНИЯ СИЗОГО ГОЛУБЯ (*COLUMBA LIVIA*) НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА КАЛУГИ

*В.В. Хохлов,
Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского*

В последние годы сизый голубь в г. Калуге зарегистрирован как многочисленный осёдлый вид. По данным наших маршрутных учётов, наибольшее количество птиц отмечали в зоне высотной застройки 5 — 9 этажными зданиями, ниже — в районах смешанной (1 — 9 этажей), наименьшее — в одноэтажных кварталах и зелёных зонах. Несмотря на массовость этого вида, до настоящего времени не выявлены особенности его размножения в условиях нашего города, за исключением общих сведений (Марголин, 2000). Перед нами стояла задача по выявлению количества репродуктивных циклов у отдельных пар за сезон размножения и факторов, его обуславливающих.

Настоящее сообщение основано на визуальных наблюдениях, собранных в 90-е годы, а также исследованиях гнездования, проведённых в весенний период 2001 г., зимний, весенний и летний сезоны 2002 г., и наблюдений.

В качестве основного места исследования был избран панельный пятиэтажный дом в центральном квартале города.

Чердачное помещение отвечало необходимым условиям: было просторное, достаточно тёплое, местами сильно захламлённое. Помещение в большинстве случаев осматривали два раза в месяц. Всего осмотрены 53 гнездовые постройки, которые картировали, присваивая каждой из них индивидуальный номер.

Для индивидуального распознавания проводили отлов взрослых птиц на гнездах с помощью автоматического лучка и метили раствором бриллиантового зелёного (за неимением специальных средств). Краситель наносили при помощи ватного тампона в виде круга на оперение шеи голубя. Здесь он подвергается наименьшему истиранию при насиживании кладки, полёте и чистке оперения. Краска была хорошо видна в свете фонаря, когда птица сидела на гнезде. Из-за ее нестойкости некоторых птиц в течение периода размножения приходилось метить до трёх раз. Кроме того, проводили определение строительного материала гнезд, степень удалённости их друг от друга. Измерение длины и диаметра яиц проводили штангенциркулем по общепринятой методике с точностью до 0,1 мм.

Первое весеннее токование у сизых голубей начинается очень

рано — с середины января, в зависимости от состояния погоды. По данным М.В. Ворониной, самцы приступали к воркованию с 12.02.1960 г. или, в мягкие зимы, с середины января, как это отмечено Ю.Д. Галчёнковым 17.01.1991 г. (Марголин, 2000). Самца, энергично ухаживающего за самкой, отметили 11.01.1994 г. в районе автовокзала. Брачное поведение других особей наблюдали 20.02.1996, 9.03.1997, 8.02.1999 гг. в разных районах города. Токовые полёты самцов фиксировали 14.02.1999 г. на территории железнодорожной станции Калуга-1 и 2.02.2001 г. в окрестностях Калужского областного эколого-биологического центра учащихся.

Период размножения продолжителен (с февраля по сентябрь). К гнездованию сизые голуби приступали довольно рано. Две гнездовые постройки с полными кладками найдены 3.02.2002 г. (табл. 1).

Таблица 1

Фенология гнездования сизого голубя

Месяц	Декада	Количество гнёзд с начавшимися:					
		кладкой		вылуплением		вылетом	
		п	%%	п	%%	п	%%
Февраль	1	(2)*	3,8	-	-	-	-
	2	2	3,8	2	4,1	-	-
	3	5	9,4	-	-	-	-
Март	1	6	11,3	2	4,1	-	-
	2	3	5,7	4	8,3	2	5,0
	3	9 (2)**	17,0	5	10,4	-	-
Апрель	1	4 (1)+	7,5	1	2,1	1	2,5
	2	4	7,5	10	20,8	4	10,0
	3	4 (2)***	7,5	4	8,3	5	12,5
Май	1	5	9,4	3	6,2	-	-
	2	2 (1)++	3,8	4	8,3	7	17,5
	3	-	-	6	12,5	4	10,0
Июнь	1	-	-	1	2,1	2	5,0
	2	2	3,8	-	-	3	7,5
	3	1	1,9	2	4,1	6	15,0
Июль	1	3	5,7	1	2,1	1	2,5
	2	1	1,9	3	-	-	-
	3	-	-	-	6,2	2	5,0
Август	1					1	2,5
	2					-	-
	3					2	5,0
Всего		53	100	48	100	40	100

Примечания:

+ — порядок достоверно зарегистрированных репродуктивных циклов в 2001 г., * — 2002 г.;

(2) — количество помеченных пар.

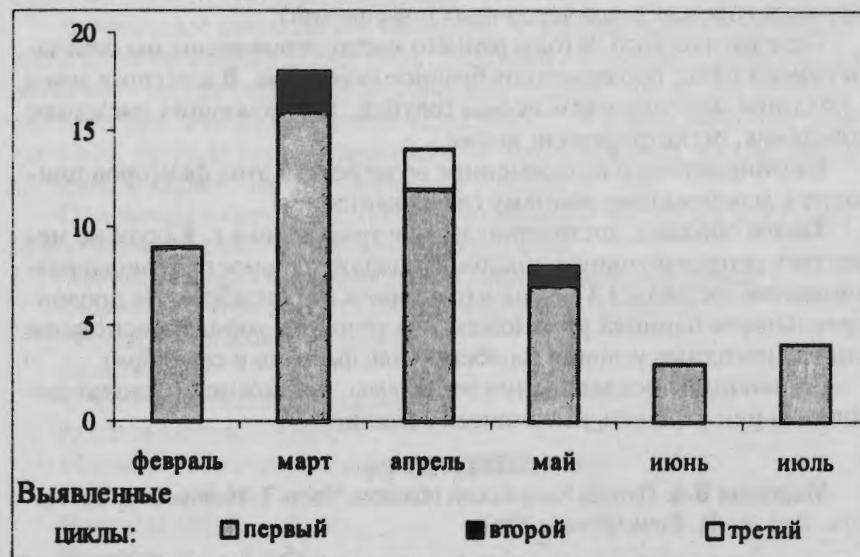
При их повторном осмотре 28.02.2002 г. обнаружили по два примерно 10-суточных птенца. Судя по другим литературным данным, в наиболее ранних гнёздах птенцы начинали выводиться 3 и 9.03.1973 г. (Марголин, 2000). Эти же меченые пары приступили ко второму гнездованию 23.03.2002 г. (птицы насиживали кладки). С последней пятидневки апреля 2002 г. регистрировали голубей, приступивших к третьему циклу размножения, но провести дальнейшие наблюдения не представилось возможным. Напротив, в более холодный предшествующий сезон первые гнёзда, содержащие кладки, были обнаружены позже — в 20-х числах марта. Пару сизых голубей, насиживающих яйца, отметили 3.04.2001 г. Примерно недельных птенцов видели 24.04.2001 г. К последующему откладыванию яиц птицы приступили со второй декады мая, причём уже оперившиеся молодые птицы ещё находились у гнезда, что указывает на уплотнение сроков гнездования.

Основная масса птиц приступала к гнездованию в марте — апреле (рис. 1). В последующие месяцы зарегистрировано стабильное уменьшение количества гнездящихся особей и только в июле происходит их некоторое увеличение. Вероятно, это вызвано повторным размножением после гибели содержимого первых гнезд или после некоторого временного перерыва к последующим репродуктивным циклам приступали ранее размножавшиеся особи.

Участки чердака, имеющие наибольшую гнездовую привлекательность, заселяются голубями в первую очередь. В таких зонах, по нашим данным, плотность гнёзд была максимальной, а расстояние между постройками наименьшим. Удалённость соседних сооружений достигала в среднем 1,5 м. Максимальное расстояние в пяти случаях превысило 9 м, минимальное (в трёх случаях) составило 0,58; 0,52 и 0,37 м.

Продолжительность сооружения нового гнезда в одном случае составила 4 дня. Строительным материалом служили отмершие стебли травянистых растений, преимущественно злаков, и тонкие побеги древесной растительности, причём доминировали последние. Среди них преобладали веточки ивы и берёзы, реже тополя, рябины, сирени. В единичных случаях — крылатки клёна, серёжки ивы, произрастающих по-соседству, а также толстые нитки, кусочки изоляци-

онной ленты. По крайней мере, помеченные голуби на протяжении всего периода размножения занимали старые постройки после их подновления. Однако одна из пар после двух успешных репродуктивных циклов заняла сопредельную территорию.

Р и с. Соотношение по месяцам количества гнезд с кладками

Величина 53 завершённых кладок была постоянна и состояла из двух яиц. Размеры 106 яиц из 53 кладок варьировались в пределах 35,1 — 44,2 x 26,0 — 30,6 мм. Варианты с крайними значениями составили 35,1 x 29,0 мм; 44,2 x 28,0 мм; 38,5 x 26,0 мм; 39,8 x 30,6 мм; в среднем, 38,91±0,18; 28,12±0,11.

На каждую из 53 размножавшихся пар приходилось в среднем по 1,81±0,08 пуховичков. Гибель яиц зарегистрирована в 9% случаев. В трёх кладках яйца были неоплодотворёнными или с погибшими зародышами на ранней стадии развития, в пяти случаях они были брошены родителями, и одна была съедена, вероятно, каким-то грызуном. Кроме того, отмечена гибель самки на гнезде.

Молодёжь начинала покидать первые гнезда с середины марта. Наиболее их ранний вылет зарегистрировали 2.04.2001, 17 и 24.03.2002 гг. Массовый вылет молодых голубей приходился на апрель, май, июнь, поздние — обычно в августе, в частности, 23.08.2002 г. Слётка, выпрашивающего у родителей корм, наблюдали 18.09.2000 г. на Московской площади.

Раннее размножение голубей на территории города, на наш взгляд, обусловлено влиянием двух основных факторов:

- антропогенного. Сюда можно включить в первую очередь наличие легко доступных кормов (свалки, мусорные контейнеры, подкормки со стороны людей и др.) и наличие удобных для гнездования мест (прежде всего чердачных помещений);

- климатического. В годы раннего наступления весны мы отмечали первых птиц, проявляющих брачное поведение. В холодные зимы с поздним наступлением весны голубей, проявляющих гнездовое поведение, регистрировали позже.

Благоприятное одновременное воздействие этих факторов приводит к максимально раннему гнездованию.

Таким образом, достоверно зарегистрировано в г. Калуге не менее трёх репродуктивных циклов. Продолжительность периода размножения составляет 8 месяцев (с февраля по сентябрь). На продолжительность периода размножения в условиях города в основном влияют погодные условия (особенно для февраля и сентября).

Дальнейшие исследования этой темы, возможно, позволят дополнить или уточнить имеющиеся сведения.

ЛИТЕРАТУРА

Марголин В.А. Птицы Калужской области. Часть 1. Неворобьиные. Калуга: Изд.-во Н. Бочкарёвой, 2000.

МАТЕРИАЛЫ ПО ПИТАНИЮ ЗОЛОТИСТОЙ ЩУРКИ (*MEGOPS ARIASTER L.*) В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ КОЗЕЛЬСКОГО РАЙОНА

В. В. Хохлов,

Калужский государственный педагогический университет

им. К.Э. Циолковского

С. М. Хохлова,

средняя школа №12 г. Калуги

Этих редких птиц из отряда ракшеобразных ежегодно на протяжении последних шести лет отмечали в окрестностях деревень Киреевское и Пальна.

Определение погадок (непереваренных частей насекомых) шурок представляет большой интерес для выяснения особенностей их рациона. Их разбор даёт возможность не только составить картину питания, но и представляет интерес с общей фаунистической точки зрения. В ряде случаев он позволяет уточнить наличие, распрост-

ранение, численность многих насекомых.

Статья является результатом исследования особенностей питания золотистой шурки. При сборе материала авторы проводили точечные вскрытия гнездовых камер после оставления их молодыми особями с последующим ремонтом.

Визуальные наблюдения показали, что взрослые птицы приносили корм примерно 21 раз в час, а охотились преимущественно на летающих насекомых. Иногда молодёжь выкармливали три половозрелые особи, как это отмечено 17.03.1999 г. (Хохлов, 2000). По мере того как птенцы растут, родители не продвигаются до гнездовой камеры, а кормят их в туннеле или у входа в нору.

Основным объектом питания, по данным вскрытия двух гнездовых камер, являются перепончатокрылые.

Фаунистический состав остатков пищи золотистой шурки

Отряд стрекозы или ложносетчатокрылые (*Odonata*)

1. Сем. Agrionidae — стрелки

Agrion spp. — 11 экз.

2. Сем. Aeschnidae — коромысла

Aeschna juncea — 2 экз.

Отряд жесткокрылые или жуки (*Coleoptera*)

1. Сем. Carabidae — жужелицы

Harpalus affinis — 1 экз.

Harpalus sp. — 5 экз.

2. Сем. Staphylinidae — хищники

Staphylinus sp. — 12 экз.

3. Сем. Cantharididae — мягкотелки

Cantharis sp. — 2 экз.

4. Сем. Coccinellidae — божьи коровки

(Coccinella septempunctata) — 1 экз.

5. Сем. Scarabaeidae — хрущи и навозники

Aphodius sp. — 14 экз.

Geotrupes stercorosus — 1 экз.

Geotrupes sp. — 1 экз.

Amphimillon solstitialis — 1 экз.

Cetonia aurata — 1 экз.

Отряд двукрылые (*Diptera*)

1. Сем. Tipulidae — долгоножки

Tipulasp. — 2 экз.

2. Сем. Tabanidae — слепни

Tabanus sp. — 12 экз.

3. Сем. журчалки Syrphidae — до 10 экз.

Отряд перепончатокрылые (*Himenoptera*)

1. Сем. Ichneumonidae — наездники — до 15 экз.
2. Сем. Apidae — пчелиные или пчёлы
Apis mellifera — до 3000 экз.
Bombus spp. — до 230 экз.
3. Сем. Vespidae — складчатокрылые осы
Vespa crabro — до 75 экз.
Vespa spp. — до 240 экз.
4. Сем. Sphecidae — роющие осы — 2 экз.
5. Сем. Formicidae — муравьиные.
Camponotus herculeanus — + 1 экз.

Из них явно доминируют медоносные пчёлы, шмели и осы, причём из последних добычей птиц часто оказываются шершни. Вторыми по значимости стоят жёсткокрылые. Из этого отряда выявлено пять семейств. Представители отряда двукрылых по частоте встречаемости в погядках шурок несколько уступали жукам, но превосходили по этому показателю стрекоз.

Значительное преобладание в рационе медоносных пчёл объясняется высокой насыщенностью территории псеками. Так, в период с 3 по 10.06.1996 г. семь птиц ежедневно наблюдали над пчельниками, при подлётах на близкое расстояние отчётливо слышался шелчок, который шурки издавали клювами в момент поимки пчелы.

Авторы благодарят С.К. Алексеева за помощь в определении видов насекомых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хохлов В.В. Изучение золотистой шурки (*Merops apiaster*) в юго-восточной части Козельского района // Калужский вестник природы. Вып.1 (орнитологический). Калуга: Кадастр, 2000. С. 27–28.

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДАХ В УПРАВЛЕНИИ ПОПУЛЯЦИЯМИ КРУПНЫХ КОПЫТНЫХ ЖИВОТНЫХ И ПЛАНИРОВАНИИ РЕАКЛИМАТИЗАЦИОННЫХ РАБОТ В КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

И.А. Мизин,
национальный парк "Угра"

Охрана и рациональное использование биологического разнообразия являются важными частями природоохранной политики в любом регионе России. В условиях густозаселенной и технически

преобразованной центральной части страны эта проблема стоит особенно остро. Современные условия требуют и применения современных методов оценки состояния, и прогноза изменений биоразнообразия, а также возможных конфликтов между дикой природой и экономическим развитием региона.

На границе Калужской и Орловской областей с 1996 г. на территории национального парка "Орловское полесье" создается популяция европейского зубра (1), достигшая к сегодняшнему дню 70 особей. В силу территориальной специфики и природных условий в летний период значительная часть животных находится на территории Калужской области (2), а в последние два года группа до 10 зубров остается и на зимовку в районе южного участка заповедника "Калужские засеки". Рассматривается вопрос о целенаправленном включении области в "Программу сохранения и восстановления зубра в России". Однако выбор мест выпуска и, самое главное, определение миграционных путей животных должны быть оценены еще до непосредственных работ по вселению зубров для избежания неразрешимых конфликтов с местным населением и хозяйствующими субъектами. Предлагается использовать методы ландшафтного планирования на основе ГИС для создания модели оптимальной реаклиматизации зубра на юге Калужской области.

Принцип ландшафтного планирования состоит в пространственном анализе проблемы с помощью тематических карт (3). К сожалению, ГИС в России практически только стали применяться в работах по изучению и сохранению биоразнообразия. В качестве примера, который необходимо использовать для анализа ситуации в Калужской области, можно рассмотреть полевые наблюдения автора за передвижениями группы зубров в 1997 — 1998 гг. и сравнение с ландшафтной структурой заповедника "Брянский лес" (4).

Из приведенной схемы видны направления движения группы зубров в течение всего времени наблюдений. Анализ ландшафтных предпочтений зубров согласно карте по месяцам 1997 — 98 гг. представлен в таблице 1.

Таким образом, наибольшее количество времени зубры проводят в террасном типе ландшафта в смешанных хвойно-широколиственных лесах второй и третьей террас. Летом и ранней осенью зубры предпочитают хвойно-широколиственные леса с наличием мелких ручейков или слабой заболоченностью, которые характеризуются достаточной степенью мозаичности угодий по древесно-кустарниковой и травянистой растительности и наличием открытых пространств (полян, старых вырубков). Весна, как переходный сезон года, заставляет

их придерживаться тех местообитаний, где раньше появляется молодая растительность, т.е. пойменных широколиственных лесов и сопредельных участков. Зимняя стация располагается в широколиственных лесах с наличием полян и обилием подроста дуба и осины.

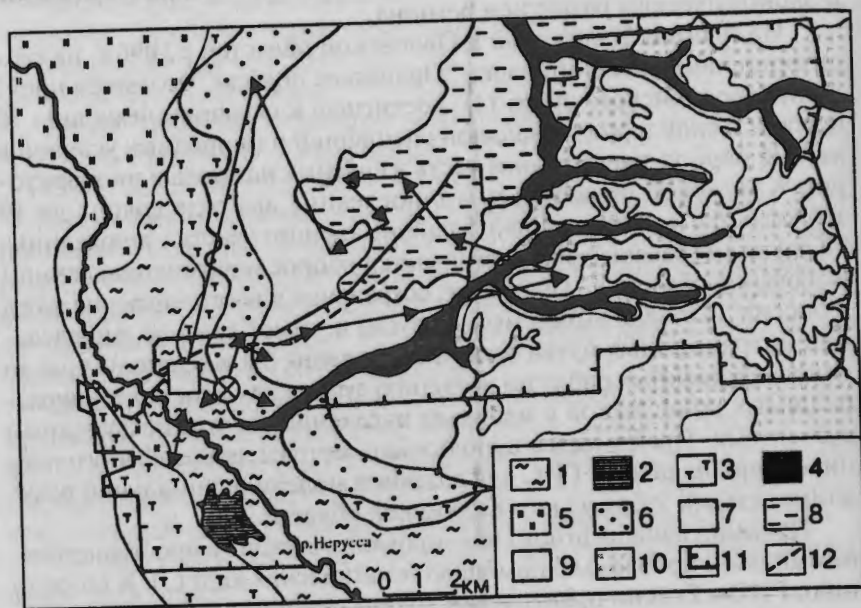

Рис. 1. Схема перемещений зубров на общей ландшафтной схеме района заповедника и прилегающих территорий

Пойменный ландшафт: 1 — прирусловые валы и центрально-пойменные местности с широколиственными лесами; 2 — гривистые местности с хвойно-широколиственными лесами; 3 — торфяные пойменно-притеррасные местности с черноольховыми лесами; 4 — поймы малых рек с черноольховыми лесами; 5 — иловатая низкая пойма с лугами и высоко-травными болотами. Террасный ландшафт: 6 — местности первой террасы с сосновыми лесами; 7 — местности второй террасы с сосновыми лесами; 8 — местности третьей террасы с дубово-сосновыми и широколиственными лесами. Зандровый ландшафт: 9 — зандровые местности с сосновыми лесами. Моренно-зандровый ландшафт: 10 — моренно-зандровые местности с хвойно-широколиственными лесами. 11 — границы заповедника. 12 — геоботанический профиль.

Перемещения зубров ;
 зимний переход через р. Нерусса ;
 место выпуска ;
 зимнее местообитание .

Таблица 1

Ландшафтная характеристика местности	Время пребывания зубров в данном типе ландшафта в зависимости от времени года			
	весна	лето	осень	зима
Центрально-пойменные с широколиственными лесами	апрель			Январь, февраль, март
Песчаные первой террасы с хвойными лесами	апрель, май	июнь		декабрь
Песчаные второй террасы с хвойными лесами	май	июнь, июль		
Супесчаные третьей террасы с дубово-сосновыми и широколиственными лесами		Июнь, июль	август, сентябрь, октябрь, ноябрь	
зандровые с сосновыми лесами			август	
Моренно-зандровые с хвойно-широколиственными лесами			август	

Известно, что европейский зубр способен использовать большое количество разнообразной растительности в качестве объектов питания (5).

Ниже в таблице 2 приводятся данные по общему количеству видов сосудистых растений, из которых и формируется кормовая база зубров в заповеднике в разных ландшафтных подразделениях.

Таблица 2

Номера ландшафтных подразделений	Эколого-ценотическая группа					
	Водно-болотная	Лугово-опушечная	Черноольховая	Неморальная	Бореальная	Всего видов
1	2	16	21	42	19	120
6	2	36	13	24	25	121
7	7	38	8	17	30	115
8	3	46	9	25	17	223
9	8	30	7	19	36	106
10	1	21	15	42	21	160

Анализ таблицы подтверждает закономерность выбора зубрами указанных типов ландшафтов, связанную с общими запасами кормов и его выбором, в т.ч. и по сезонам.

Как видим, даже такой простой анализ с точки зрения количества картографической информации дает возможность сделать прогноз кормовых миграций зубров. Это актуально при планировании работ на новых территориях. Однако более важно применить ГИС во всем ее многообразии возможностей анализа территории. Известно, что для выбора мест реакклиматизации зубров главную роль играет оценка кормовых запасов. При этом, однако, совершенно упускают из вида возможные конфликтные ситуации, возникающие между местными жителями, традиционным природопользованием, в т.ч. и государственным, и новым субъектом отношений — популяцией крупных млекопитающих, в данном случае зубра.

Объективным отражением пространственных процессов и явлений должна быть только карта. Нам необходима целая серия карт региона, позволяющих выявить различные причинно-следственные связи и смоделировать реакклиматизацию зубра, оценить ее успешность или неуспешность и, в конечном итоге, дать заключение о целесообразности этих работ.

Базируясь на принципах ландшафтного планирования и опыте коллег из орловского природоохранного движения "Центр-Ковыль" (6), мы предлагаем создать следующие тематические карты для создания модели реакклиматизации европейского зубра в Калужской области:

1. Топографическая основа.
2. Населенные пункты, гидросеть, дорожная система.
3. Карта лесов.
4. Ландшафтная карта.
5. Геоботаническая карта.
6. Современное землепользование.
7. Демографическая ситуация.

На основе этих карт с соответствующими базами данных можно будет выделить участки, являющиеся сельскохозяйственными объектами, с повышенной опасностью, места потенциальных конфликтов с местным населением, миграционные пути животных и схему биотехнических мероприятий, а также принять соответствующие обоснованные решения местными администрациями. Только при наличии такой модели можно вести конкретные работы по реакклиматизации зубров.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Перерва В.И., Киселева Е.Г., Сипко Т.П. Отчет о выборе мест для создания вольных популяций зубра в России (проект WWF-RU 0033.01). М., 1996.
2. Мизин И.А. Некоторые итоги реакклиматизации европейского зубра в национальном парке "Орловское полесье" // Сохранение экосистем и организация мониторинга особо охраняемых территорий. Зеленогорск, 1997. С. 24–26.
3. Принципы ландшафтного планирования: принципы, методы. Европейский и российский опыт / Под ред. А. Антипова и А. Дроздова. Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2002.
4. Федотов Ю.П., Евстигнеев О.И. Ландшафтная структура и растительность Неруссо-Деснянского физико-географического района // Редкие и уязвимые виды растений и животных Неруссо-Деснянского физико-географического района. Брянск: Грани, 1997. С. 5–37.
5. Корочкина Л.Н. Древесная растительность в питании зубров Беловежской пуши // Беловежская пуша. Вып. 3. Минск: Урожай. 1969. С. 120–131.
6. Киселева Л.Л., Пригоряну О.М. Памятники природы Орловской области как ядра планируемой экологической сети // Труды международной конференции по фитоценологии и систематике высших растений, посвященной 100-летию со дня рождения А.А. Уранова. М., 2001. С. 84–85.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
АРХЕОЛОГИЯ	
<i>Станюкович А.К., Сулержицкий Л.Д.</i> К проблеме абсолютной хронологии раннесредневековых памятников Верхнего Москворечья.....	6
<i>Гараничев В.В.</i> О возможностях использования старинных схем, планов и карт XVI — XVII вв. в историко-археологической экспозиции краеведческого музея	11
<i>Болдин И.В.</i> Жилые постройки летописного Любутска	16
<i>Жидков М.П., Лихачева Э.А., Евина А.И., Горещкий К.В.</i> Геоморфологические и тектонические условия расположения древнерусских городищ на территории Калужской области	20
<i>Екимов Ю.Г., Зацаринный С.В.</i> Этапы заселения и хронология средневекового Сорокина городища	24
<i>Челяпов В.П., Иванов Д.А.</i> Комплекс материалов древнерусского времени с поселения Городок 1 на р. Ранова	29
<i>Ёлкина И.И.</i> Текстиль из древнерусских погребальных памятников округа Звенигорода	34
<i>Прошкин О.Л.</i> Этапы освоения территории Верхнего Поочья в IX — XIII вв.	42
<i>Григорьев А.В.</i> Структура начального заселения славянами бассейна р. Упы	48
<i>Шмидт Е.А.</i> О заселении славянами Верхнего Поднепровья и смежных территорий Подвинья и Поочья	53
<i>Гусаков М.Г.</i> К вопросу хронологии лесной полосы Восточной Европы в железном веке	59
<i>Массалитина Г.А.</i> Браслеты Мощинского клада	64
<i>Гурьянов В.Н.</i> Лепная керамика селища Хизовка-3	68
<i>Чубур А.А.</i> Фигурные кремни из Верхнего Подесенья	74
<i>Мазуркевич А.Н., Долуханов П.М., Гроненбори Д.</i> и др. Восточно-европейской неолит в европейском контексте	77
<i>Кравцов А. Е.</i> Новые исследования памятников палеолита и мезолита на Верхней Оке.....	81

<i>Грудинкин Б.В.</i> Памятники верхнего палеолита в бассейне Верхней Оки	89
<i>Барбашов Е.Р.</i> Культурные камни Белёвского района	102
<i>Ефимов А.Е.</i> Преподавание археологии в КГПУ им. К.Э. Циолковского ...	109

ИСТОРИЯ

<i>Петрова О.М.</i> Обзор личного фонда архитектора М.В. Фехнер, хранящегося в Государственном архиве Калужской области	115
<i>Гребенкин А.Р.</i> Личный фонд М.В. Фехнер в собрании Калужского государственного объединенного краеведческого музея	126
<i>Днепровский А.С.</i> 225 лет первому генеральному плану города Калуги и певец калужской архитектуры М. В. Фехнер	128
<i>Евина А.И., Жидков М.П., Лихачева Э.А.</i> Некоторые географические аспекты засечных черт Московского государства в бассейне р. Оки ...	130
<i>Митрошенкова Л.В.</i> Малоярославецкий уезд во второй половине XVI — начале XVII вв.	136
<i>Ларина Т.М.</i> Опыт реконструкции ранней истории селений, находившихся на месте г. Обнинска	148
<i>Королев Г.И.</i> Кременск в последней четверти XV — первой четверти XVII вв.	153
<i>Бессонова Т.Ф., Гребенкин А.Р.</i> Княжеский список Шемячиной в синодике Пафнутьево-Боровского монастыря	156
<i>Савосичев А.Ю.</i> Светские вассалы рязанского архиепископа в конце XVI в.	163
<i>Булгаков М.Б.</i> Злоупотребления калужского воеводы Ивана Золотарева	167
<i>Петерс Д.И.</i> Архивные документы о пожаловании жителей Калуги наградными медалями Российской империи в первой четверти XIX в. ...	170
<i>Добычина М.А., Насонова Е.В., Филимонов В.Я.</i> Калужская мужская Николаевская гимназия 1804 — 1917 гг.	175
<i>Бессонов В.А., Добычина М.А., Иванов В.А.</i> Формулярный (послужной) список как биографический источник для составления справочника “Калужане — участники Отечественной войны 1812 г.” ...	180
<i>Вершинин А.А.</i> Генералы Отечественной войны 1812 г. — жители Калужской губернии	187
<i>Козловский И.В.</i> Действия гвардейского экипажа на Калужской земле в Отечественной войне 1812 г.	199
<i>Третьякова Т.А.</i> Калужане-отходники в Ярославской губернии	204
<i>Некрасов И.И.</i> Белёв — крупный торговый центр бассейна Верхней Оки первой половины XIX в.	208
<i>Лошкарёва Н.П.</i> Прошлое с. Красное Боровского уезда	213

<i>Абакулов В.И.</i> К истории сельца Щепихина Перемышльского уезда и его владельцев Ревякиных	222
<i>Агальцова Н.Д.</i> Село, каких в отчизне много... ..	237
<i>Агальцова Н.Д.</i> История зарождения библиотечного дела в с. Дегчино	243
<i>Назарян Е.А.</i> Организация почтовой службы в Малоярославце	248
<i>Бубликов В.В.</i> Александр Степанович Толмачев — штатный смотритель Боровского уездного училища	257
<i>Горлов В.П.</i> Великий математик П.Л. Чебышев — елецкий помещик ...	264
<i>Васильева З.В.</i> Н.А. Обнинский, начальник 73-й дружины калужского ополчения	270
<i>Соснер И.Ю.</i> “Гордись великая Россия!”	279
<i>Лебедев А.Г.</i> Роль благотворительной помощи в развитии системы обучения в пенитенциарных заведениях Калужской губернии во второй половине XIX — начале XX вв.	285
<i>Бауэр А.А.</i> Русские промышленники XIX в. С.И. Мальцов и М.С. Кузнецов: борьба за рынки сбыта	288
<i>Демченко В.В.</i> Кредитные отношения в условиях Калужского губернского рынка в 1862 — 1917 гг.	294
<i>Кожевникова Н.И.</i> Калужские рогожники	298
<i>Лион А.В., Фетисова Ю.Н.</i> Д.И. Калинин в Юрьевском университете ...	303
<i>Калашникова Л.В.</i> Г.Г. Чистоклетов — калужский краевед, библиофил, нумизмат	311
<i>Майорова Л.П., Тимошенкова Е.А.</i> Семья Земблиновых и Калуга ...	315
<i>Белова И.Б.</i> Федор Карлович Амбюль	325
<i>Филимонов В.Я.</i> Петр Янович Витолин — лидер калужских большевиков	330
<i>Борисов И.В.</i> Издательская деятельность Калужского общества изучения природы и местного края	335
<i>Добычина М.А.</i> Публикаторская работа калужского архива в 1919 — 1940 гг.	342
<i>Ефимова И.Л.</i> История сел и деревень в окрестностях г. Обнинска в 1920 — 1930-е гг.	348
<i>Никитина Н.Н.</i> Бывшие калужские помещики на страницах центральных печатных изданий	356
<i>Прохорова Л.С.</i> Письма и воспоминания воинов 17-й Бобруйской краснознаменной стрелковой дивизии как свидетельство патриотизма и отражение внутреннего мира бойцов	362
<i>Писаренко И.С.</i> Сражения армий Западного и Брянского фронтов за окончательное освобождение Калужского края от немецко-фашистских оккупантов в 1943 г.	368

<i>Писаренко И.С.</i> Антифашистское подполье в оккупированной Калуге	380
<i>Молодова И.Ю.</i> Массовый угон гражданского населения Калужской области в Германию во время Великой Отечественной войны ...	385
<i>Кузнецов Н.Г.</i> Демографическое развитие Калужской области в послевоенный период	392

КУЛЬТУРА

<i>Роянова Г.И.</i> Калужский краеведческий музей в годы Великой Отечественной войны	399
<i>Бессонова Т.Ф., Зверева М.В.</i> Книжные памятники калужской земли: кириллические рукописные и печатные книги в музеях Калуги ...	410
<i>Сафонова Г.Б.</i> Четыре офорта из гравюрного наследия петровской эпохи	420
<i>Хохлова Т.М.</i> Коллекция колокольчиков из фондов Калужского государственного объединенного краеведческого музея	428
<i>Гужова И.В.</i> Атрибуции произведений живописи и графики из собрания калужского коллекционера Н.И. Васильева	435
<i>Черезова Л.Г.</i> Сокровища тульских усадеб в собрании Тульского музея изобразительных искусств	442
<i>Бессонов В.А.</i> Выявление предметов оружия из собрания усадьбы Барятино в фондах Калужского государственного объединенного краеведческого музея	447
<i>Зверева М.В.</i> К вопросу об особенностях формирования художественного собрания князей Горчаковых в усадьбе Барятино	454
<i>Марченко Н.В.</i> К вопросу о генезисе дворянской усадьбы Полотняный Завод	462
<i>Журова Г.М.</i> Усадьба Полторацких в Авчурино — заметное явление русской культуры	471
<i>Силина Л.А.</i> Образ-символ дворянского гнезда в контексте русской культуры и литературы	482
<i>Балашова Е.А.</i> Художественное своеобразие повести в стихах А.Ф. Вельтмана “Муромские леса”	489
<i>Козыро Л.А.</i> Калужский стихотворец-любитель В. Алферов и его свидетельство о пребывании в Калуге Шамиля	494
<i>Черникова Е.А.</i> “Поступь людей на земле должна быть тверда”	504
<i>Евгин А.В.</i> С.П. Шевырев в литературе и духовной жизни России двадцатых — пятидесятых годов XIX в.	510
<i>Черников А.П.</i> Забытый писатель	516
<i>Паутова Л.П.</i> Калужский период в жизни и творчестве М.М. Пришвина	524

Кащеева А.А. К истории создания портрета С.С. Прокофьева художником П.П. Кончаловским	531
Сорокина Л.Б. Храм Рождества Богородицы в селе Тимашеве Боровского района	535
Есинов В.П. Храм села Щелканово	540
Огольцов М.О. Мирское предназначение святого изображения и надписи на оборотной стороне иконы	544
Личенко С.И. Художественная жизнь Калуги: выставки товарищества передвижных художественных выставок (1899 — 1905 гг.)	549
Белова Т.Н. Владимир Семенович Зотов как представитель до-революционной русской интеллигенции в советское время	557
Насырова Н.Ш., Станюкович А.К. О вероятной региональной особенности калужской крестьянской вышивки первой половины XX в. ...	563
Акуленко Н.Л.М. Современная языковая ситуация в Калуге и новые образовательные задачи	569
Малина О.Б. Роль занятий по этнографии в работе детского клуба “Орленок” в г. Брянске	574

ПРИРОДА

Новиков В.П., Мозильнер А.А. Перспективные особо охраняемые и ключевые природные территории Калужской области	577
Глухарев В. Ю. Воздействие рекреации на природные комплексы ГУ НП “Угра”	586
Низовцев В.А. Достопримечательные природные объекты бассейна Средней Протвы	589
Свищис Н.В. К изучению культурных ландшафтов рекреационного значения на территории Калужской области	595
Васильева Е.И. Некоторые проблемы сохранения традиционного сельского ландшафта средней России в районе исторического Гжатского тракта на территории национального парка “Угра”	600
Алексеев С.К., Воронкина Н.В., Голубева Г.В. и др. Проблемы сохранения видов, занесенных в Красную книгу Калужской области	604
Котуранов Л.А. Толерантность к информационному фактору среды как экологическая проблема	608
Ахлебинин А.К., Ахлебинина Т.В., Кракосевич А.С., Шмытова И.В. Мультимедийный компакт-диск “Природа России (центр)”	612
Самарина И.А., Шевченко Л.В. Эколого-туристская работа и здоровье школьников	618
Самарина И.А. Школьное экологическое общество в системе экологического образования и воспитания	623
Пестов М.В., Ушаков В.А. Итоги проекта “Учимся узнавать, наблюдать, охранять и любить нелюбимых животных”	629

Гордеева Т.А. Особенности теплового режима атмосферы на территории национального парка “Угра” в конце XX столетия	637
Казанников Е.А., Епищев О.А. Опыт классификации водных ресурсов Калужской области	641
Чубур А.А., Краснощечкова С.Д. Зубы древнего лесного слона <i>Palaeoloxodon antiquus falconer</i> (1847) с юга Орловской области	651
Воронкина Н.В. Батрахоспермум в Калужской области	653
Сионова М.Н. Трофические группы макромицетов города Калуги	655
Гудовичева А.В. К вопросу об изучении лишайников Калужской и Тульской областей	656
Фомкина Н.А., Воронкина Н.В. Лишайники Калужской области ...	662
Заикина В.В., Воронкина Н.В. Некоторые сведения о мхах Калужской области	668
Шестаков В.М., Тихонова Н.А. Лекарственные растения Верхнего Поочья и их использование в ветеринарии	675
Воронкина Н.В., Крылов А.В. Характеристика вида и популяции пыльцеголовника длиннолистного <i>Cephalanthera longifolia (huds.) fritsch</i>	679
Тремасова Н.А. Анализ адвентивной флоры города Ярославля	686
Романова Р.А., Алешина Ж.В. Дендрофлора г. Калуги	692
Розуленко А.В., Естафьева Л.А. Оценка стабильности развития березы повислой (<i>Betula pendula roth.</i>) на территории национального парка “Угра”	698
Ермакова И.М., Сугоркина Н.С. Динамика растительности Залидовских лугов реки Угры	701
Шашков М.П. Фауна дождевых червей заповедника “Калужские засеки”	707
Алексеев С.К. О необходимости изменений в разделе “Беспозвоночные” Красной книги Калужской области	710
Телеганова Е.А., Телеганов А.А. Результаты исследования фауны водных беспозвоночных пойменных озер реки Жиздры в 2002 году	714
Телеганов А.А. К фауне водных беспозвоночных Яченского водохранилища	721
Власов Д.В. Фауна ксилофильных жесткокрылых крупного восточно-европейского города на примере Ярославля	730
Сионова М.Н., Алексеев С.К. Воздействие рекреации на уловистость представителей супертрибы <i>Carabitae (Coleoptera: Carabidae)</i> в условиях Калужской области	734
Шмытова И.В. Некоторые особенности морфологии мин молей-малюток (<i>Lepidoptera, Nepticulidae</i>) Калужской области	740
Голубева Г.В. Динамика численности шмелей (род <i>Bombus, Apidae</i>) в 2000 — 02 гг.	746

<i>Дудковский Н.И., Марголин В.А.</i> Особенности освоения головешкой-ротаном пойменных озер Оки и Жиздры	750
<i>Розуленко А.В.</i> О земноводных беззаянках национального парка "Угра" в 2002 г.	755
<i>Марголин В.А., Климов С.М.</i> , Особенности начала весенних миграций птиц в бассейнах верховой Оки и Дона	757
<i>Галчѐнков Ю.Д.</i> К орнитофауне бассейна среднего течения реки Демины	766
<i>Швец О.В., Бригадирова О.В., Дорофеев Э.М., Склеймина А.В.</i> Некоторые ценные орнитологические находки на Черепетском водохранилище	774
<i>Котюков В.М.</i> Редкие птицы Мещовского ополья	775
<i>Хохлов В.В.</i> Особенности гнездования сизого голубя (<i>Columba livia</i>) на территории города Калуги	778
<i>Хохлов В.В., Хохлова С.М.</i> Материалы по питанию золотистой щурки (<i>Merops apiaster L.</i>) в юго-восточной части Козельского района	782
<i>Мизин И.А.</i> К вопросу о современных подходах в управлении популяциями крупных копытных животных и планировании реаклиматизационных работ в Калужской области	784

**ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ПРИРОДЫ
ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ**

Материалы X Региональной научной конференции

Зав. редакцией **Н.И. Лаврентьева**
 Редакторы **А.В. Смирнова, Е.Н. Безуглая**
 Художник **А.Е. Гусляков**
 Компьютерная верстка **Е.В. Тихонова**
 ЛР 040836

Подписано в печать 4.11.03. Формат 60x84/16
 Гарнитура «Таймс». Бумага газетная. Печать офсетная.
 Объем 49,75 п.л. Тираж 300 экз. Заказ № 278 С-20

Издательство «Гриф»
 248650, Калуга, ул. Кирова, 20

Отпечатано с готового оригинал-макета
 в типографии ГП «Облиздат»,
 248640, г. Калуга, пл. Старый Торж, 5

